

Цикл "Песня ветра"

Song
of
the
wind

За Семью Преградами, где спит древняя сила; на краю мира, где травянистое море колышется под ветром, а заснеженные вершины гор пронзают облака, спрятана Тайна, забытая сказка, слышанная тысячи раз и всегда новая. Путь Рады и Лиары лежит туда, куда не ступала нога человека, и еще дальше, к Данарским горам, где живут затерянные в солнце крылатые женщины. В край, где чудо уже найдено и ждет своего часа, чтобы родиться.

===== Глава 1. Зимний приют =====

Раз, два, три, четыре, пять

Вместе будем мы считать.

Кто пойдет за Семь Преград:

Скоморох или пират?

Раз — лишился глаз.

Два — прочь голова.

Три — слезу утри.

Кто пойдет за Семь Преград?

Убийца, шут и конокрад?

Дурак, певец, сестра и брат?

Кладоискатель или клад?

Четыре — прочь от мира,

Пять — бегом бежать,

Шесть — дорога есть,

Но семь — могила всем.

Кто пойдет за Семь Преград?

Верный слову или гад?

Серый волк, орел, медведь?

Кто-то должен помереть.

Кто их будет хоронить?

Ты ответь — тебе водить.

Детская считалочка.

Мелония, 1629 год Четвертой Эпохи Этлана Срединного

Между остриев горных пиков, похожих издали на кривые обломанные зубы и покрытых толстыми ледяными шапками, в бурлящем котле из низких облаков, что вечно кипели над горами, просыпаясь то снежной порошей, то ледяными дождями, родился ветер. Ему привольно было носиться здесь: в вечном холоде никогда не прекращающейся зимы, дергая туда-сюда недовольно ворчащие бока туч, сметая длинные белые шали со склонов и растягивая их между гор в низком зеленоватом небе середины зимы. Он рычал и бился в узких ущельях, где никогда не ступала нога человека, завывал и кричал на разные голоса в гулких перевалах и трещинах горной породы. Казалось, его голос столь громок, а руки сильны, что ему ничего не стоит поколебать вековечное спокойствие льдов, сорвать лавину и потащить ее вниз в реве недовольной земли и каменных глыб, наталкивающих друг на друга и стены каньонов, давящих все под собой, все нарастая и нарастая.

В неистовом веселье ветер с рычанием несся вниз, к подножию гор, поросших темным хвойным лесом. Колючие ёлки раскачивались под его прикосновениями, мотая мохнатыми

головами и сбрасывая на землю толстые снежные шапки, что намело за последние дни. Ветер несся меж их смолистых стволов, срывая крохотные чешуйки коры и сшибая шишки, ломая сухие ветви, клоня к земле молодые кроны. Словно гигантской щеткой поднял он с ледяного наста пригоршни колючих снежинок, взметая их вверх, к солнцу, раскидывая алмазным крошевом в прозрачно-зеленом морозном дыхании зимы. А потом со всей силой швырнул прямо в лицо Раде, отчего она поморщилась и негромко заворчала под нос ругательства. И без того холод стоял такой, что зубы во рту ныли, а еще и сугроб за шиворотом прибавился, и теперь впору было выть.

Впрочем, она уже почти что закончила сбор сухого валежника для отопления помещения, а потому и торчать на этом ветродуе долго ей было без надобности. Торопливо навалив на руки еще несколько толстых сухих сучьев, она вприпрыжку поковыляла по сугробам к открытому люку в земле, не глядя, свалила всю кучу вниз, в черный зев открывшейся землянки, спустилась следом и плотно закрыла за собой люк.

Здесь было теплее, чем наверху, но не настолько, чтобы зубы прекратили стучать, словно голодные дятлы в сушняке. Чтобы не свернуть себе шею в темноте, перед выходом наверх Рада повесила в помещении масляный фонарь, и теперь он вырывал у теней небольшой круг желтого света. Видно было хлам возле стен: потрескавшиеся коробки, клетки, какие-то гнилые доски, веревки и мешки с непонятным содержимым. В дальнем конце помещения возле лаза в другую комнату была навалена громадная куча сена, почти что стог, прелого и примятого. Запах здесь стоял и вовсе странный: сладко-острый, с примесью опасности логова хищника, стряпни, что готовила Улыбашка, пыли и плесени, которыми поросли стены, полы и весь этот хлам на полу. Поморщившись, Рада кое-как подобрала толстые сучья, подцепила одним пальцем фонарь и, нагнувшись в три погибели, полезла в узкий лаз, что вел в следующее помещение.

Одним богам было известно, зачем Редлог, мародер и контрабандист, которого они наконец-то нашли, устроил себе убежище в этой глуши. Как непонятно было и то, с какой стати он нагреб сюда всю эту рухлядь. Рада только удивленно брови вскидывала, видя торчащие из «мешков с добром», как он называл свои богатства, старые прохудившиеся сапоги, проржавевшую сбрую, потрескавшиеся вожжи, которые, судя по их виду, кто-то грыз, куски трухлявой ткани, разваливающейся на нитки прямо в руках, и даже речной песок, которого было аж три мешка. «Добро» Редлога занимало все свободные помещения, а здесь их было очень много — коридоры, словно кротовьи норы, тянулись во все стороны под зимним лесом. У стен высились пирамиды из фарфоровых горшков и ваз, стояли стопками серебряные и медные тарелки, валялись скатки канатов, мешки с шерстью и пряжей, мешки с одеждой и специями, мешки с давно протухшей мукой, кишевшие жучками. Были здесь золотые карнизы, скрученные в скатки шелковые ковры и тканые гобелены, стояла обитая кожей и замшей мебель, причем между креслами, которым самое место было в королевском дворце, виднелись и гнилые табуретки на частично выпадающих ножках, которые даже бедняк постеснялся бы втащить на кухню. В одном углу Рада обнаружила отодранный целиком от стены вместе с крепежной смесью кусок фарфоровой плитки с изображением толстой русалки, расчесывающей свои волосы. А Улыбашка клялась и божилась, что в одном из дальних помещений в старом мешке, набитом сухарями, которые обычно брали с собой вместо пайка солдаты, уходя в длительные походы, свил себе гнездо енот. Енота Рада не видела, но ей было достаточно и того, что она наблюдала вокруг себя. Кажется, можно было несколько лет обходить эти комнаты и разглядывать, без конца рассматривать то барахло,

что стащил сюда со всего мира Редлог.

Были и поистине ценные вещи. Ящики с золотом — монетами, слитками, перстнями и прочими украшениями, — стояли вперемешку с золочеными подносами, отодранной от стен позолоченной лепниной. Коллекции редких драгоценных камней соседствовали с личными перстнями-печатками, вырезанными из камня, каждый из которых стоил целое состояние и принадлежал, скорее всего, дворянам. Правда, ни одну из эмблем Рада так и не узнала. Усыпанное изумрудами, рубинами и алмазами оружие со всех концов света небрежно было свалено в кучи у стен среди какого-то изношенного тряпья, а в одной из комнат стояла статуя, целиком вырезанная из нефрита, — обнаженная девушка в человеческий рост с птичьими крыльями за спиной, поддерживающая волосы, чтобы те не падали ей на плечи. Рада долго пристально рассматривала эту статую, гадая, не может ли эта девушка быть частью какой-то скульптурной группы: на боку у нее четко просматривался ровный спил, словно ее отделили от основной части монумента и унесли.

Шагу нельзя было ступить в этом странном логове, чтобы не наткнуться на что-нибудь, не опрокинуть какой-нибудь очередной медный горшок с птичьими костями, или не поскользнуться на шелковых отрезках, небрежно разбросанных по полам. Она и ее спутники передвигались в облачке грохота, ойканья, тихой ругани, а следом за ними метался Редлог, заламывая руки и кляня их на всевозможные лады, причитая, что они портят ему интерьер и перемешивают его четко расставленную коллекцию. Рада подозревала, что он даже и помнить не помнил о том, что у него здесь сложено, и что это далеко не единственный схрон, в котором странный мародер прятал свое добро, но вслух этого не говорила, чтобы не злить хозяина.

Редлог был со странностями, и это было еще мягко сказано. Рада привыкла к тому, что у каждого из ее спутников за душой скрывалось множество тайн, которые те не торопились вытаскивать на свет. Эльф Алеор, как выяснилось недавно, родной брат Рады, носил в себе проклятую кровь великого короля древности Ирантира, которая периодически вылезала на свет кровожадным монстром, и остановить ее им стоило огромных трудов. Лицо гномихи Улыбашки было обезображено громадным шрамом, а характер у нее был что еж: сверху острые иглы, снизу мягкое пузико и довольное топотание. Каменорукий ильтонец Кай был революционером, Черным Жрецом, пошедшим против Церкви Молодых Богов и организовавшим несколько школ для обучения людей общению с Тенями, за что обычно Церковь жестоко карала даже по одному только подозрению в подобной деятельности. А Лиара... Ее искорка совершила невозможное, дотянувшись до силы, которая вращала миры, и впустив ее в собственное сердце. Но на фоне даже таких людей Редлог все равно выделялся, словно баклан среди воробьев.

Едва не свалив стоящую прямо поперек прохода пирамиду керамических горшков, Рада протиснулась внутрь второго помещения, ярко освещенного и хорошо натопленного, и со вздохом опустила на пол сухие дрова. Эта комната оказалась больше предыдущей и не настолько захламлена, но и тут было на что посмотреть. Судя по всему, ее Редлог выбрал под место своего постоянного обитания, а потому некоторым образом украсил, придав ей более обжитой вид. Под потолком висело два гамака, один поменьше, другой побольше, к стенам, прибитые гвоздями прямо сквозь раму, были прикреплены пейзажи, изображающие извержения вулканов и только их. Над одной из картин горделиво торчал прибитый к какому-то корню гвоздем сапог с отошедшей подошвой, выглядящий так, словно скалился на Раду. С другой стороны комнаты со стен свисали рыболовецкие сети, от которых сильно

несло тиной и чем-то гнилым. В центре комнаты был устроен большой очаг, дрова для которого она и принесла. Возле него стояло высокое кресло с оббитой потершейся тканью спинкой, в котором обычно предпочитал сидеть хозяин всего этого добра, протянув длинные ноги к пламени. В углу помещения высилась громадная куча сена, на которой спал его приятель — бурый медведь, к присутствию которого здесь Рада все никак не могла привыкнуть.

Ее спутники разместились у очага на толстом ковре, который ворча и морщась, все-таки выделил им Редлог. Возле пламени, облокотившись о спинку кресла, в которое хозяин строго-настрого запретил кому-либо садиться, устроился Алеор. Его гладкие черные волосы спадали на плечи, в тонких пальцах была зажата трубка, над которой вился, танцуя и закручиваясь, серый дымок, а в голубых глазах застыла искорка смеха. В последние дни он только и делал, что улыбался, будто все происходящее его смешило. Раде же от этого всего выть хотелось. Одет Алеор был во все черное, и на фоне его сумрачной фигуры ярко выделялась вырезанная из кости доска для игры в старинную эльфийскую игру литцу, стоящая на ковре недалеко от него. Фигурки на ней уже начали свое движение, часть из них успела покинуть поле и теперь горбилась среди густого ворса ковра. А напротив эльфа, на другой стороне доски, разместился Первый Жрец Черной Руки Каярди, или просто Кай, как звали его друзья.

Кай был высок, гораздо выше Алеора, и когда он стоял в полный рост, голова его касалась потолков помещения. Черты его лица чем-то напоминали эльфийские, во всяком случае, в них присутствовала мягкая мужественная красота, уверенная и надежная, под стать его характеру. Волнистые каштановые волосы Кая сейчас были собраны в хвост на затылке, открывая взору сильную челюсть и девственно чистую кожу, которой никогда не касалась бритва. На вошедшую Раду поднялись два прозрачно-зеленых глаза, цвета пронизанной солнцем толщи воды в лесном заросшем озере. Точно такого же цвета были и руки Кая — самое странное, что Раде приходилось видеть в жизни. Ильтонцев недаром называли каменоруками: нефритовые плечи в два раза шире человеческих поблескивали в приглушенном свете ламп, руки состояли из четырех стыковавшихся друг с другом каменных глыб, которые вращались вокруг своей оси в любую сторону. Пятой глыбой была кисть с грубо вырезанными пальцами-башенками, каждый сустав которых тоже вращался. Ильтонцев вырезали из камня во время Первой Войны, создали из неподатливой породы, чтобы те вели битву плечом к плечу с обескровленными людскими войсками, но доделать не успели. Прошло семь тысяч лет, и народ этот давно уже считался самым мирным во всем Этлане Срединном, чему Кай был замечательным примером.

Рада в который раз уже подивилась на эти руки. Сейчас Кай снял свою толстую телогрейку, и тело его закрывала рубаха без рукавов, из-под края которой виднелось сочленение кожи и нефрита его плеч. Выглядит, будто карнавальный костюм, подумалось Раде. И правда, Кай словно натянул на свои руки другие, вырезанные из толстой бумаги и раскрашенные, только так лишь казалось со стороны. Он аккуратно поднял руку, бесшумно двигающуюся, и отблески огня подсветили нефрит, загадочно мерцавший изнутри. Толстые неповоротливые на вид пальцы бережно обхватили крохотную фигурку на игровой доске — клешня краба, что пытается взять травинку, — а потом аккуратно переставили ее на несколько клеток вперед. Сидящий напротив Кая Алеор нахмурился и запыхтел трубкой. Насколько Рада успела понять, игроком ильтонец был отличным.

— Что-то ты мало принесла, — заворчала Улыбашка, разглядывая сваленные перед ней

на пол дрова. — Мы это спалим в два счета, и потом снова идти.

— Вот и иди, — отозвалась Рада, стряхивая с плеч наметенный на дубленку снег. — А я больше туда ни ногой.

Улыбашка бросила на нее угрожающий взгляд, который незнакомого человека запросто заставил бы отступить или даже выхватить оружие, но ничего не сказала. Лицо маленькой коренастой гномихи пополам себя шире с темными волосами и недобрый взглядом черных, как у ворона глаз, пересекал громадный шрам, оттягивая левый угол рта вверх в вечном оскале, в то время, как вторая половина лица сохраняла полную подвижность. Оттого вид у Улыбашки всегда был грознее некуда, и при взгляде на нее даже бывалые охотники за головами хмурились и напрягались, в любой миг готовые отразить удар. И при этом характер у гномихи был теплее некуда, не считая ее вечного ворчания, ругани и жалоб. Она обожала стряпать и кормить всех своей стряпней, причем отменной, хорошо шила, была хозяйственной, запасливой и аккуратной. К Раде с Лиарой она относилась почти что с материнской нежностью, хоть самой Раде доставалось от нее гораздо больше, чем искорке, но за дело, как та вынуждена была признать.

— Холодно, Рада? — вскинула глаза сидевшая недалеко от гномихи искорка. Взгляд у нее был встревоженный, пальцы на тонких золотых струнах арфы замерли. — Замерзла? У нас есть горячий чай, я сейчас налью тебе.

В который раз уже, глядя в эти серые глаза, Рада задохнулась от нежности, понимая, что ничего не может выговорить, и лишь кивнула ей, неловко принимаясь расстегивать пуговицы дубленки на груди. Даже сейчас, по прошествии долгих месяцев с того момента, как они познакомились, Рада все никак не могла понять, как же это получилось. Какие боги привели Лиару ей навстречу? За что ей была послана эта Милость?

Глаза ее искорки были серыми, как штормовое море, в котором утонули, посыпавшись с неба после грозы, серебристые звезды. Она была маленькой, на голову ниже Рады, гораздо меньше ее, она была хрупкой и изящной, словно маленькая птичка, примостившаяся в ковше больших загрубевших от рукояти меча ладоней Рады. Ее жесткие кудряшки, целая копна, столь густая, что в ней запросто можно было потерять собственную руку, были каштановыми, спускались до самых плеч, и каждый раз Рада мучительно хотела запустить в них пальцы, целовать каждый завиток, прижимая эту маленькую девочку к себе, пряча ее в кольцо своих рук, чтобы никогда никакая беда не коснулась ее.

А еще она до сих пор не понимала, почему Лиара выбрала именно ее. Не Алеора наследника Лесного Дома эльфов, легендарного мрачноватого наемника, о подвигах которого было сложено столько песен. Не Кая, мягкого, но при этом надежного, как стена, доброго и тихого, как раннее утро. Или не еще кого-нибудь из тех, кого они уже успели встретить во время своего долгого путешествия из далекой Мелонии сюда, к краю известного мира, за которым лежали Семь Преград — цель их похода. Нет, эта волшебная девочка с глазами-море, этот маленький нежный огонек дрожал и танцевал прямо в ладонях Рады и только для нее, и от этого в сердце что-то болезненно сжималось, и бесконечная золотая мягкость растекалась по каждой клеточке тела.

Лиара засуетилась возле очага, где на полу у самого края пламени стоял закопченный котелок и несколько жестяных походных кружек. Плавным жестом она заправила кудрявую прядку волос за ухо, нагибаясь над чайником и принимаясь заваривать чай. Рада затаила дыхание, когда на фоне языков огня медленно мазнули ее густые, закрученные ресницы, такие длинные, что на них повеситься можно было, такие мягкие, что их хотелось целовать

бесконечно. Отблеск огня отразился в темных зрачках Лиары, и Рада с трудом заставила себя отвернуться от нее. Она была слишком хороша в каждом своем движении, в каждом жесте. Она была такой желанной, что от этого нестерпимого чувства ноги подкашивались. Давай, возьми себя в руки. Тебе нужна светлая голова, для всего остального еще не время.

С трудом отвернувшись от Лиары, Рада расстегнула до конца пуговицы дубленки и скинула ее с плеч, небрежно накинув на грудь мешков, высящихся в углу. В помещении было достаточно тепло, чтобы она не замерзла в толстом шерстяном свитере, который связала ей Улыбашка за прошедшие дни. Правда вот, гномиха и слушать ничего не захотела, когда Рада заикнулась о том, что любит черный цвет, заявив, что к ее пшенично-золотистым волосам и синим глазам гораздо лучше подойдет голубой. И теперь на плечах Рады был небесно-голубой свитер крупной вязки с вышитыми на груди желтыми птенчиками, — предмет бесконечных шуток и зубоскальства Алеора и таких же бесконечных стонов Редлога, чьей пряжей для его изготовления Улыбашка и воспользовалась.

Сейчас в ее руках тоже негромко щелкали спицы: гномиха быстро вязала второй свитер, темно-зеленый с серебром для Лиары. Рада не стала спрашивать, почему она сама у Улыбашки ассоциировалась с птенчиками; частично потому, что ей было все равно, частично потому, что боялась услышать ответ.

Они жили в этой подземной пещере уже неделю, с тех самых пор, как ввалились сюда, знатно перепугав медведя Редлога, а следом за ним и самого хозяина. Первые три дня у Алеора ушло на то, чтобы уговорить Редлога отправиться вместе с ними за Семь Преград и провести их подземным ходом, минуя первые пять преград: именно так Алеору удалось спастись в прошлый раз, когда семь сотен лет назад он вместе с командой храбрецов отправился туда стяжать славу. Правда, все храбрецы нашли за преградами лишь смерть, а сам Алеор спасся чудом только потому, что где-то между Серой Гнилью и Летающими Островами на поверхность земли выходил один из тоннелей, прорытых Редлогом для хранения добра. И когда Алеор уже почти что умирал, отравленный ядовитыми испарениями, в одиночку пытаясь хотя бы доползти до шестой преграды, в земле перед ним и открылась искусно замаскированная дверь, а оттуда прямо на эльфа выглянул Редлог. Так они и познакомились много лет назад. Впрочем, сам Редлог предпочитал не обсуждать эту тему и обходить ее стороной, его она почему-то нервировала.

В конце концов, Алеор сумел уговорить странноватого мародера отвести их за Семь Преград по тому самому тоннелю, с помощью которого Редлог вынес его обратно давным-давно. На важность их миссии — необходимость нейтрализации выхода на поверхность Черного Источника, расположенного за Семью Преградами, пока никто не наложил на него руки, — Редлогу было глубоко наплевать. Казалось, гораздо больше его волновал тот факт, что Алеор привел с собой много народу в его тайное логово, что эти непрошенные гости слонялись по коридорам и то и дело натыкались на его сокровища, что кто-нибудь из них мог позариться на с таким трудом собранное барахло. Только когда Алеор клятвенно пообещал, что они не возьмут ни одной крохотной монетки или черепка, а все остальные поклялись, что никому никогда не расскажут об этом месте, Редлог согласился провести их по тоннелю, а сам отправился на разведку, наказав своему медведю следить за тем, чтобы никто из них не нарушил свое слово.

Порой Раде казалось, что она сходит с ума, и все, что сейчас ее окружало, — плод ее болезненного воображения. Жилище посреди огромного девственного леса в заброшенных землях, где никто никогда не селился. Прорытые под землей тоннели, разветвленная сеть

которых расходилась на тысячи километров, как подозревал Алеор. Героический поход за Семь Преград к самому страшному злу Этлана — Неназываемому, которого на самом деле и не было вовсе, причем ни Неназываемого, — выдумки ведьм с Северного Материка, чтобы никто не приближался к Черному Источнику, ни похода — потому что пройдут они по тоннелю под горами вместо того, чтобы грудью штурмовать все преграды. И в дополнение ко всему — медведь, который следил за тем, чтобы они чего-нибудь не украли, трусливо прячась за стеной и подслушивая, что они делают. Великая Мать, нет предела твоему чувству юмора. И оно мне очень нравится.

— Твой чай, Рада, — прозвучал рядом любимый мелодичный голос, и она обернулась, вырываясь из своих мыслей.

Двумя руками Лиара протягивала ей чашку, над которой поднимался парок, и улыбалась той самой, особенной улыбкой, предназначавшейся только Раде. На дне ее штормовых глаз горел золотой огонек нежности, легкий румянец тронул мягкие щеки. Рада выпрямилась, глядя на нее сверху вниз, аккуратно накрыла ее руки своими, забирая чай. Пальцы у искорки были тонкими, длинными, такими красивыми. Они умели перебирать струны арфы, извлекая из нее божественную золотую песнь, от которой сжималось сердце, и слезы на глаза наворачивались. Они умели обнимать так сильно, что хотелось петь, и касаться так нежно, что тряслись руки. Рада в очередной раз с трудом удержалась оттого, чтобы поднести эти пальчики к губам и покрыть их невесомыми поцелуями.

— Спасибо, искорка, — тихо сказала она, и голос ее был хриплым от умопомрачительного желанья, которое вызывала в ней маленькая эльфийка с глазами-море.

Та в ответ взглянула пронзительно и быстро, почти что на самое дно души Рады, и отошла, задержав еще на миг свою руку в ее руке. Только после этого Рада заметила, как неприятно прогрелась от кипятка чашка, и перехватила ее за ручку, чтобы не обжечься.

Подогнув под себя ноги, она уселась на пол и оглядела друзей. Мирно цокали спицы в толстых пальцах Улыбашки, вился дымок над трубкой Алеора, Кай задумчиво поглаживал грубыми каменными пальцами подбородок, внимательно разглядывая игральную доску. Лиара уселась на ковер рядом с ней, еще раз улыбнувшись Раде и подняв свою арфу, на которой наигрывала в тот момент, когда она пришла. Все это выглядело идиллией, если бы не один маленький факт, о котором они все старались не говорить.

— А где медведь? — поинтересовалась Рада, отхлебывая раскаленного чая. Жестяная кружка прогрелась так, что губам было больно, но с мороза очень хотелось попить горячего.

— В который раз уже, Радужка, лучше будет, если ты будешь называть его по имени, — Алеор поднял на нее свои синие глаза. Взгляд у него, как всегда, был иронично-угрожающим, полнящимся смехом. — Редлог крайне нервно относится к своему компаньону, и лучше нам его не раздражать.

— Редлога здесь нет, — напомнила Рада.

— Но здесь его компаньон, — со всем терпением мира в голосе отозвался эльф. — И, честно говоря, я не знаю, на что он способен. Он слишком умен для обычного зверя, хоть и труслив, и при мне ни единого раза не выговорил ни одного слова. Однако, они с ним совершенно точно как-то общаются, и ему хватит мозгов на то, чтобы наябедничать Редлогу на нас, а тому — дури, чтобы отказаться вести нас дальше. А ты ведь знаешь, насколько важен наш поход, так что будь добра. — Алеор вопросительно вздернул бровь.

В который раз уже Рада подумала о том, что не знает, чего ей больше хочется: убить этого проклятого эльфа или путешествовать с ним всегда, уж больно странные люди его

окружали и еще более странные события с ним случались. Глубоко вздохнув и давя в себе ярость, она очень тихо проговорила:

— Хорошо. Где Жужа?

В этот момент рядом раздалось громкое сдавленное рычание-хрюканье, от которого Рада едва не вздрогнула, бросив дикий взгляд на Улыбашку. К ее смеху так до сих пор еще никто не успел привыкнуть, и спутники то и дело подпрыгивали на месте, когда ее что-то смешило. Плечи Улыбашки тряслись, она с силой зажмурилась, чтобы не расхохотаться во весь голос, и приглушенно хрюкала. С ее изуродованным вечным оскалом лицом выглядело это вдвойне страшно.

— Улыбашка, — мягко обратился к ней Алеор, отчего Кай рядом тоже начал подозрительно мелко вздрагивать. — К тебе это тоже относится. Я уже много раз говорил тебе не ржать над его именем. Это может быть чревато для нас всех теми же последствиями, что и неуместные термины Рады.

Кай всхлипнул, отворачиваясь к огню и пряча лицо, Улыбашка молча согнулась пополам, продолжая трястись всем телом. Рада смотрела на Лиару, которая закрыла глаза и сидела с прямой спиной, изо всех сил удерживая лицо каменным. Но уголки ее губ подрагивали.

— Наш друг Жужа, — нараспев произнес Алеор, и Рада тоже ощутила, как грудь начинает распирать смех, — изволит почивать в соседней комнате. Он неплохо поел, выпил за здоровье богов и теперь отдыхает.

Комнату наполнило приглушенное хмыканье, хрюканье и фырканье, да и сам Алеор едва удерживал лицо серьезным. Рада видела, как подрагивают его губы, и все ждала, когда же эльф наконец-то расхохочется во всю глотку.

Медведя по имени Жужа Редлог называл своим компаньоном и приятелем, и тот был таким же странным, как и сам хозяин логова. Чересчур умные для зверя глаза со страхом наблюдали за нарушителями их с Редлогом спокойствия, и Рада не раз и не два чувствовала их взгляд спиной. Жужа прятался за углом соседнего тоннеля, подслушивая, о чем они говорят, он бесшумно крался следом за теми из путников, кто бродил по тоннелям, внимательно следя за тем, что они делают. Но каждый раз когда кто-то пытался окликнуть его или заговорить с ним, медведь, пронзительно визжа, бросался прочь. Удивительно, но ходил он только на двух задних лапах, словно человек, переваливаясь сбоку набок как заправский моряк. Ел и пил он тоже вовсе не как животное, держа еду в лапах и то и дело прикладываясь к громадной бутылки с мутной жидкостью, которую прятал в стог сена, считая, видимо, что этого никто не замечает. Алеор помянул, что видел Жужу и семь сотен лет назад, когда они с Редлогом только познакомились, и в те времена тот вел себя точно также.

Раде оставалось только головой качать. С грехом пополам она еще могла поверить в бессмертие и вечную юность Редлога, — мало ли какие древние расы оставили след в его крови, мало ли, от кого он вел свой род, но медведь, живущий больше семи сотен лет, никак не укладывался в голове и все тут.

Посмеиваясь, Рада обернулась через плечо. Обычно там, в тених у коридора в следующее помещение, светились два маленьких глаза, наблюдая за каждым их жестом. Сейчас медведя не было, но это не означало ничего. Порой он спал, зарывшись в стог с сеном в этой или в другой комнате, порой бродил по коридорам в темноте, то и дело прикладываясь к своей бутылки. Рада даже как-то раз видела, как, наклонившись, медведь

аккуратно поправлял пирамиду из керамических горшков, выравнивая ее, чтобы она не упала. Впрочем, заметив следящую за ним Раду, он сразу же дал деру, рассыпав те самые горшки и перебив половину.

— Скорей бы вернулся Редлог, — вполголоса заметила Рада, допивая свой чай. С нее странностей здешнего места уже с головой хватило, и Раде не терпелось отправиться наконец в путь. Друзья, посмеиваясь, закивали.

Не так манили Раду легендарные Семь Преград, за которые не прошел еще ни один смельчак, не так звала слава, что впишет ее в историю Этлана как ту, что наконец-то достигла бездны мхира, первая ступив туда, куда не ступала еще нога человека. Это, строго говоря, тоже было не совсем верно: кто-то там уже побывал до них, именно поэтому Алеор и затеял всю эту поездку на запад — чтобы запечатать Черный Источник. Но и это Раду тоже не слишком-то тревожило. Дальше за Семью Преградами лежали Данарские горы, про которые она слышала в последнее время чересчур часто. В этих горах жили крылатые женщины, всего несколько лет назад одержавшие великую победу над войсками Сети'Агона, те самые женщины, что должны были ответить Раде на вопрос, кто такая Великая Мать. Что должны были объяснить ей, почему в груди ее так пело, золотно и нежно, почему под ребрами горели скрученные в тугую спираль вселенные, почему Марны выбрали ее и Лиару, выбрали из миллионов живых существ, населяющих Этлан, чтобы нести их волю. Никто по эту сторону гор на эти вопросы ей ответить не мог, но все указывало на то, что на западе это все-таки случится.

Рада уже измучилась, гадая, что за судьба ждет их с искоркой, и ответ был так близко к ней, но все время происходило что-то, что оттягивало ее поездку на запад. Сначала вернувшийся брат, что захватил ее в плен и едва не увез в Темную Страну, при попытке отбить ее из лап которого друзья чуть не отдали свои жизни. Потом проклятые Первопришедшие эльфы в Рамаэле, которые пленили ее искорку и не желали отпускать ее до тех пор, пока Алеору не пришлось спровоцировать едва ли не начало войны, чтобы отвлечь их внимание и вывезти оттуда Лиару. И вот теперь Редлог, который тянул время, сгинув где-то в тоннелях и оставив Жужу присматривать за ними, Редлог, что должен был отвести их за Семь Преград.

— Рада, — тихонько позвала ее Лиара, и та вздрогнула, вырываясь из своих мыслей.

— А?

— Я видела в соседней комнате одну очень занятную книжку, а там Жужа, и мне страшно одной идти. Ты меня не проводишь? — по темным глазам Лиары ничего нельзя было прочитать, но Рада ощутила, что она не договаривает. Впрочем, она и так знала, куда звала ее искорка.

— Пойдем, конечно, — кивнула она, поднимаясь на ноги.

— Не простудитесь, — напутствовал Алеор, даже не поднимая глаз от игровой доски.

Рада вздрогнула, подавив в себе желание разъяренно накинуться на него. Если она сейчас начнет скалить зубы или рычать, он совершенно точно все поймет. Что поймет? То, что он и так давным-давно знает, а ты все пытаешься скрыть? Взгляд Улыбашки тоже был непроницаемым, когда они с Лиарой вместе вышли из комнаты.

Они знали все, и от этого было так не по себе, что Рада буквально места себе не находила. В этих проклятых норах была всего лишь одна отапливаемая комната — та самая, где все они и сидели. Но не могла же Рада обнимать и целовать искорку при всех них, а этого хотелось так, что голова кружилась и ноги подгибались. Они слишком мало времени

проводили вдвоем, наедине, когда можно было поговорить, послушать друг друга, когда можно было смотреть друг другу в глаза и целовать друг друга, растворяясь в этой невероятной нежности, в этом тягучем пламени, слившем воедино их сердца. Поэтому теперь, застряв в Редлоговой берлоге, изыскивали любой повод и любую минутку, чтобы побыть вдвоем. Друзья старались не заострять на этом внимание и не замечать этого, хотя порой Алеор делал какой-нибудь ничего не значащий комментарий вроде того, что только что прозвучал, и уши Рады после него горели еще несколько часов подряд.

Ты ведешь себя, как влюбленная тринадцатилетняя дура! Прячешься ото всех по углам, целуешься с красными щеками, изо всех сил делаешь вид, что никто этого не замечает! Боги, у тебя двое детей, Рада! Тебе уже минуло три десятка лет!..

— Иди сюда, — ладошка Лиары в полутьме коридора отыскала ее руку, и все мысли Рады моментально вылетели у нее из головы.

Эльфийским глазам темнота помехой не была. Хоть Рада и не умела выворачивать глаза и видеть мир в спектре энергетических волн, как могли делать Лиара с Алеором, но зрение было острее, чем у смертных, так что даже приглушенного освещения из соседней комнаты ей вполне хватало, чтобы видеть, куда она идет.

Помещение, куда ее привела Лиара, было небольшим, но странно уютным. Здесь тоже высилась груда сена, впрочем, Жужи на ней сейчас не было. А все остальное пространство было уставлено ворованными где попало креслами и стульями, часть из которых была завалена сверху хламом, какими-то тряпками, книгами и прочей рухлядью. Из дальних помещений нор сюда тянуло холодом, но теплого воздуха от очага в соседней комнате хватало, чтобы не стучать зубами. Сюда-то они и приходили каждый день — целоваться, пока друзья делали вид, что не замечают этого.

Рада каждый раз чувствовала себя полной дурой, понимая, что прячется и скрывается от друзей, чтобы побыть со своей девушкой. И одновременно с этим была так счастлива, что танцевать на месте хотелось и вопить во всю глотку. Никогда она и не думала, что бывает на свете такое счастье, такая искренняя, полная радость, почти детская, захлеб, всем сердцем. И словно бы все равно все эти годы чувствовала: это будет, случится с ней однажды, когда она никак не будет этого ожидать, найдет ее там, где решит судьба. И теперь, когда эта судьба нашла ее, когда эти бездонные глаза-море втянули всю ее душу без остатка, прошлое казалось Раде чем-то размытым, несуществующим, чем-то, где совсем не было ее самой. Разве что по своим детям она тосковала, и сердце тянуло и тянуло, моля о возможности увидеть их. Но все остальное стерлось, как разводы тумана под торжествующими лучами утреннего солнца.

Остановившись посреди комнаты, Лиара повернулась к ней, глядя снизу вверх, смущенно и так зовуще одновременно. Это было наслаждением — сделать шаг навстречу к ней и запустить пальцы в ее мягкие кудри. Искорка безмолвно прижалась щекой к ее ладоням, ее ладошки легли Раде на предплечья, и Рада тихонько уткнулась своим лбом в ее, закрывая глаза. От нее пахло домом, впервые в жизни Рада чувствовала этот запах: запах родного дома, где было надежно, где всегда ждали, где любили по-настоящему и всей душой. Она и не заметила, как прижала искорку к себе и зарылась лицом в ее густые кудряшки, вдыхая их запах и пытаясь наполнить себя им целиком.

— Почему-то сейчас я вспоминаю, как мы с тобой познакомились, — прошептала она, покрывая невесомыми поцелуями пружинистые локоны и чувствуя ее теплые плечи под своими ладонями. — Я тогда подумала, что никогда не встречала никого более красивого,

более светлого, более нежного, чем ты.

Картина так явственно встала перед глазами: переполненная народом таверна, пьяные выкрики, запах дыма, перекишшего вина, людской усталости. И маленькая фигурка на помосте в дальнем конце зала, с которого выступали музыканты, такая хрупкая и такая тонкая на фоне толпы. И когда ее пальцы взяли первый такт на арфе, вся толпа замерла, словно громом пораженная, поворачиваясь к ней.

Потом, естественно, была драка, в которой Раду хорошенько помяли, и Лиара, вытащившая ее на улицу и спасающая ей жизнь. Странная случайность, волшебное стечение обстоятельств или же воля кого-то, кто так мягко и понимающе улыбался им двоим из далекой белой шири? Сирота, выросшая в приюте и покинувшая его, чтобы найти свою мать, и жена Лорда Страны, сбежавшая из дома, чтобы не видеть опостылевших ей лиц, встретившие друг друга в пропахшей кислой вонью таверне, набитой попрошайками, ворами, бандюками и наемники со всего Латра. Случайность ли?..

— Почему ты тогда позвала меня в свой дом, Рада? — тихо спросила искорка. В ее голосе Раде слышалась улыбка, ее руки, легонько прикасаясь, перебирали короткие прядки золотых волос на затылке Рады.

— Потому что ты была эльфийкой, наверное, — улыбнулась Рада в ответ. Она усмехнулась и отстранилась, беря лицо искорки в ладони и глядя в ее серые глаза. — Или потому, что чувствовала: ты — моя судьба, и иначе и быть не может. Я до сих пор не могу объяснить, почему меня к тебе так тянуло, но вот мы здесь, мы вместе, и нет ничего более верного и правильного, чем это.

— Ничего, — прошептала искорка, покрывая невесомыми поцелуями ладонь Рады, и подняла на нее бездонные глаза, полные невероятной нежности и безграничного доверия, глаза, что светились гораздо ярче всех звезд на небе, собранных в одну точку. — Я люблю тебя, Рада, всем сердцем люблю!

— И я тебя, моя самая яркая искорка на всем белом свете, мой путеводный огонек.

Губы ее были мягкими и теплыми, и Рада буквально таяла от ощущения ее тонкого тела в своих руках, от той горячности и искренности, с какой Лиара целовала ее в ответ, от опьяняющей нежности, обнимающей их обеих с ног до головы, сливающих их в одно существо. Исчезло все вокруг них, ничего не осталось, лишь они двое целовали друг друга на самом краю вселенной, и звезды хороводом закручивались вокруг них, и солнечные ветры взметали их волосы, рвали их одежду, сплетали их в одно целое.

Золото в груди разливалось волной, пульсировало от каждого прикосновения, каждого поцелуя. Что-то оно означало, это золото, ставшее теперь частью Рады, а ведь раньше его у нее не было. Теперь же она все время чувствовала искорку, чувствовала так, словно та текла по ее венам, билась в ее груди. Рада могла сказать, не болит ли у нее чего, в каком она настроении, спит она или бодрствует. Она могла с закрытыми глазами указать направление, в котором стояла Лиара, она почти могла слышать ее тихий голос внутри самой себя. И каждый раз, когда они целовались, Рада чувствовала все, что чувствует ее девочка, будто сливались даже их физические ощущения, дробясь и повторяясь бесконечно.

Это было неопишимо хорошо, так горячо, так нужно. Она и сама не заметила, как опустилась на стул, а Лиара села на нее верхом, жарко и жадно целуя все ее лицо, запустив пальцы в ее волосы и сжимая ее виски так, словно кто-то хотел отнять у нее Раду. Она была гибкой, такой горячей, такой желанной. Пальцы скользили по изгибам ее тела, и Рада плавилась, будто масло на раскаленной сковороде, не думая, лишь чувствуя, как вяло плывут

мысли, разрываясь и растворяясь в этом всепожирающем пламени. Они никогда еще не заходили дальше этих поцелуев и объятий, потому что в соседней комнате всегда были друзья, да и где-то по коридорам ошивался странноватый медведь, то и дело подглядывая из-за угла за всеми. Но каждый раз целуя искорку, Рада понимала, что ей этого недостаточно. Это было то же самое, что пить морскую воду во время дикой жажды, пить и все никак не иметь возможности напиться, лишь жажда становилась все сильнее и сильнее. И сейчас...

— Доброго вечера, дамы! — прозвучал рядом торопливый голос, и Рада вздрогнула всем телом от неожиданности, а Лиара едва не пискнула, одеревенев в ее руках.

Рада взглянула поверх ее плеча и успела заметить, как в коридоре по направлению к соседнему натопленному помещению исчезает спина Редлога. У противоположного конца коридора застыло во тьме большое черное пятно, из которого на Раду с Лиарой смотрели два перепуганных зелено-желтых, светящихся в темноте глаза.

— Редлог вернулся, — нехотя проворчала Рада, разжимая объятия, и Лиара торопливо слезла с ее колен на пол, оправляя одежду. На щеках ее расцвел красным маком румянец. — Проклятье! Ну да ладно, пойдем, послушаем, что он расскажет.

На дрожащих ногах она с трудом поднялась с кресла, надеясь, что Лиара не заметит, как ее шатает от наполнившего все тело жара, и следом за ней поковыляла туда, где Редлог уже громко заговорил с Алеором и компанией.

===== Глава 2. Забытая правда =====

— Ничего не выйдет! — громко заявил Редлог прямо с порога комнаты, и в голосе его звучало облегчение. — Тоннель обвалился, и с другой стороны его подтопили грунтовые воды, поднявшиеся из-за дождей. Так что вам совсем необязательно больше прозябать в этих темных тоннелях в то время, как наверху так светло и солнечно. Я бы очень был рад вам помочь и поучаствовать в вашем героическом походе, но вынужден откланяться и так далее.

На тепло натопленное помещение пала тишина. Улыбашка отложила свое вязание и непроницаемым взглядом смотрела на Редлога. Кай сначала бросил короткий взгляд на Алеора и лишь потом обернулся к мародеру. А сам Алеор и бровью не повел, разглядывая Редлога с самым что ни на есть терпеливым видом.

Рада аккуратно обошла вставшего в дверях мародера, и Лиара юркнула за ней, вжав голову в плечи и пряча алое от смущения лицо. Редлог появился слишком неожиданно, именно тогда, когда совсем не следовало этого делать, и так бесшумно, что они обе явно этого не ожидали. Да разве ты бы услышала, даже если бы он в барабаны колотил и трубил в трубы? Боги, себе хоть не ври! Рада надеялась, что лицо у нее не настолько красное, как у Лиары, и постаралась напустить на себя серьезный вид, будто бы невзначай приваливаясь спиной к стене недалеко от очага. Ноги дрожали так, что она в любой момент боялась споткнуться и свалиться на пол, но знать об этом никому не нужно было.

Редлог стоял перед ними, слегка щурясь от яркого света пляшущих в очаге языков огня и трех масляных ламп, расставленных по углам комнаты. Он был не высок, не слишком плечист, да и черты лица у него были самые что ни на есть обыкновенные: на такого и два раза не взглянешь в толпе. На нем были простые коричневые штаны из толстой шерсти, заправленные в старые потертые сапоги до колена, и кожаная коричневая куртка, небрежно распахнутая на груди. Из-под нее виднелась замызганная, когда-то белая рубашка с вышивкой золотой нитью и буфами, кое-как торчащими из узких рукавов. Щеки Редлога покрывала колючая недельная щетина, подбородок украшала длинная бородка клинышком, которую он то и дело разглаживал и почесывал, иногда что-то тихонько бормоча себе под

нос, будто она была живой. Его темные волосы были собраны в тугий хвост на затылке, а карие глаза смотрели на окружающих с боязливой неуверенностью, той же самой, что постоянно была написана на морде его медведя. В который уже раз Рада подумала о том, кто же он? Раз растительность покрывала его щеки, значит, эльфом он быть не мог, как и полукровкой, но при этом Алеор познакомился с ним семь сотен лет назад — срок неподъемный для представителя любой Старой Расы кроме эльфов. Тогда кто же?..

— Давай не будем так горячиться, мой дорогой друг, — негромко проговорил Алеор, пересаживаясь поудобнее и вытягивая откуда-то из-за пазухи флягу с ромом.

Вид у него был спокойнее некуда. Именно с таким видом три дня подряд, почти что и глаз не смыкая, он уговаривал Редлога провести их за преграды, и в итоге добился своего. Рада прекрасно знала Алеора: если этот эльф что себе в голову вбил, то его уже ничто не остановит. Станным образом получалось, что если люди не хотели по собственной воле выполнять его просьбы, сами обстоятельства складывались таким образом, что эльф в итоге получал желаемое, и Рада была тому самым что ни на есть явным примером. Она тоже не собиралась сбегать из Мелонии, бросая семью, за Семь Преград, а в итоге Марны так сплели ее нить, что она вынуждена была это сделать, и Алеор стал ее единственной возможностью избежать казни. Может, Марна Дева и к нему питает нежные чувства, как и к моему сыну? Может, он тоже ее любимец? Учитывая, сколько событий и приключений перепало на долю Алеора, из скольких передрыг он выходил живым, отделяясь лишь синяками да ссадинами, так оно, судя по всему, и было на самом деле.

— Да я и не горячусь, Алеор, — Редлог неловко пожал плечами, глаза его забегали по помещению, глядя на все, кроме эльфа. Он всегда так вел себя с Алеором: то боялся его, мялся, выворачивался и неуверенно блеял, о том, что не может выполнить ни одной просьбы, то вдруг выпячивал грудь и принимался петушиться, размахивая руками и во всю глотку вопя, что его попирают, унижают и ни во что не ставят. Но ни разу еще ни одной просьбы эльфа прямо он не отклонил, и Рада все гадала, почему же он так делает. Вот и сейчас Редлог поскреб в затылке, развел руками и добавил: — Я просто говорю тебе, что дороги за пятую преграду нет больше, ее затопило, и пройти мы там не сможем.

— Но, Редлог, это ведь не единственная дорога на запад отсюда, не так ли? — глаза Алеора сейчас походили на два граненных сапфира, острых настолько, что от одного взгляда в них порезаться было можно. Он открутил пробку своей фляги и сделал глоток, потом протянул флягу Редлогу. — Это ведь не единственный тоннель?

Редлог с опасением взглянул на флягу, облизнул губы, дернулся вперед, остановился. Словно его тащили на поводке, он очень неохотно забрал флягу из рук Алеора и сделал глоток. Рада уже успела отметить, что к выпивке странноватый мародер был крайне равнодушен, причем гораздо больше к чужой, чем к своей собственной. Но вел он себя все равно как полуприрученное нервное животное, что больше всего на свете мечтало сбежать как можно дальше отсюда, но все-таки оставалось: то ли из любопытства, то ли из опасения, что незваные гости никуда не уйдут из его норы.

— Нет, не единственный, — вынужден он был признать с неохотой, отдавая флягу назад.

— Ну вот видишь? — улыбнулся ему Алеор. — Нам не обязательно выходить прямо за пятой преградой, мы можем выбраться на поверхность земли и пораньше. Что скажешь? Есть у тебя более короткие тоннели?

— Может и есть, — Редлог отвел глаза, вид у него был не слишком радостный. — Но

они тоже могут быть затоплены...

— Насколько далеко они ведут, Редлог? — допытывался Алеор.

— Может, далеко, а может, и не очень, — завилчал мародер. — Знаешь ли, никогда не знаешь, где выйдешь, куда дойдешь. Да и много их слишком, я уж и не упомяну все.

— После четвертой преграды есть выход? — зазвенел голос эльфа требовательно и настойчиво.

— Нету, — с облегчением покачал головой мародер.

— После третьей? — продолжил допрос Алеор.

— Нет! — на лице Редлога мелькнула широкая улыбка, и он расслабленно взглянул на эльфа. — Вот видишь! Нечего вам пользоваться моими тоннелями, все равно никуда они вас...

— После второй? — с нажимом проговорил Алеор.

Редлог замолчал, замялся, поморщился. Рада с интересом наблюдала за ним. словно плохо воспитанный кот он сейчас топтался перед выговаривающим ему эльфом, чесал свою бороду и прятал глаза. Лицо его было удивительно живым: оно не оставалось постоянным ни на секунду, то и дело меняясь. Такими же живыми были руки Кая: когда он что-нибудь рассказывал или говорил, руки его словно сами по себе двигались, перетекали в воздухе, добавляя к словам замысловатую пляску движений, чарующую и гипнотизирующую.

А еще Рада вдруг заметила про себя, что Редлог не мог врать. Если ему задавали вопросы напрямую, он до последнего изворачивался и мел хвостом, но, в конце концов, отвечал только правду. Хотя и мог бы соврать уже тысячу раз, ан нет, почему-то даже когда его припирали к стенке, странный мародер все равно говорил правду, даже себе во вред. И Алеор совершенно безнаказанно пользовался этим, выуживая из него то, что ему было нужно.

— После второй преграды есть выход на поверхность, Редлог? — повторил Алеор. Мародер поморщился и все-таки кивнул:

— Есть.

— Ну, вот видишь? — Алеор широко улыбнулся ему, вновь отхлебывая из фляги и протягивая ее Редлогу — После второй — это просто прекрасно. Нам не придется лезть через горы и топтать под градом острых листьев Железного Леса. Мы просто пройдем по тоннелю на ту сторону, выйдем на поверхность, а дальше уж как-нибудь разберемся.

— Огненная Земля, Алеор, это не шутки, — покачал головой Редлог, неохотно принимая из его рук флягу. Но на этот раз все-таки быстрее, чем в прошлый, отметила про себя Рада. — Гейзеры эти премерзкие, плюются во все стороны кипятком, а потом и Черви в Пустых Холмах, жуть просто!

— Не то слово, — охотно закивал Алеор, не сводя с него глаз. — Ты даже не представляешь, насколько омерзительна Серая Гниль!

— Да, да, ты совершенно прав! — закивал Редлог, еще раз прикладываясь к фляге. — Ужасное место! От него просто мороз по коже!

— Именно поэтому ты должен сопровождать нас туда, Редлог, — вкрадчиво продолжил Алеор. — Кому, как не тебе известны тропы, на которых никто из нас не погибнет? Кто, как не ты, может спасти наши жалкие жизни? Мы целиком и полностью зависим от тебя, друг мой, и только ты можешь помочь нам.

— Твои сладкие речи, Алеор, очень мне по душе, — милостиво сообщил Редлог, со значением кивая Алеору. — Но гораздо умнее на вашем месте будет вообще не ходить туда.

— Но ты же знаешь, друг мой, мы должны, — Алеор говорил мягко, будто с ребенком, не отрываясь, глядя в лицо Редлога. Взгляд его ледяных глаз до костей пробирал, и Рада поежилась. Быть на месте мародера ей сейчас вовсе не хотелось. — Ты же слышал о том, что случилось за Семью Преградами восемь лет назад.

— Может быть, — уклончиво отозвался Редлог.

— О том, что нет никакого Неназываемого, а бездна мхира — просто выход Черного Источника энергии на поверхность земли, и Семь Преград возвели для того, чтобы никто не мог добраться до него. О том, что Сети'Агон пытался захватить контроль над Черным Источником, и несколько смельчаков ценой своих жизней помешали ему это сделать. Но он все равно освободил Эвилид, своих бывших помощников, заточенных там, в бездне мхира, семь тысяч лет назад, и теперь ничто не мешает им вновь напустить свои полчища на Этлан Срединный и сжечь его дотла.

— Да, что-то припоминаю, — нервно кивнул Редлог.

— В таком случае, ты понимаешь, что нам нужно нейтрализовать угрозу Черного Источника, не так ли? — Алеор буравил его взглядом, и мародер затоптался на месте, перекатывая между ладонями флягу. — Ты же понимаешь это, Редлог?

— Понимаю, Алеор, чего уж тут непонятного-то?

— Значит, ты должен нам помочь и отвести нас туда, — в голосе Алеора вновь зазвучал нажим. — Чем быстрее мы окажемся у Черного Источника, тем быстрее ты сможешь вернуться к своим важным делам, тем быстрее мы покинем пределы твоего жилища. Это в твоих интересах, мой друг, — проводить нас за Семь Преград.

— Может быть, так, а может, и нет, кто же скажет это наверняка, Алеор? — вновь замялся мародер, обводя глазами помещение и изо всех сил стараясь не смотреть на эльфа. — Может, вы и сами без меня прекрасно дойдете. Зачем я вообще вам там сдался? Это место гиблое, и раз возвели там эти преграды, то и ходить туда не надо. Я, конечно, не могу запретить тебе идти туда, ведь ты — человек со свободной волей и можешь делать все, что тебе вздумается. Но ведь мне самому не обязательно вести вас. Я же, к твоему сведению, никогда не вмешивался в политику, никогда никому не вредил...

— Вынужден напомнить тебе про инцидент с казной Бреготта, мой друг, — мягко проговорил Алеор, затягиваясь трубочкой. — Она ведь каким-то образом оказалась у тебя, хоть ты и не вмешиваешься ни во что.

— Ну да, но там просто размыло один из моих тоннелей, и казна в него и провалилась, — сделал огромные глаза Редлог. — Я ведь и сам не знал, что это такое. Оно бы там и годами валялось, никто бы не позарился, так что я решил: коль хозяев нет, то и какая разница? Чего добру пропадать?

— Помнится, по твоим следам армия Бреготта шла еще месяц после кражи, а потом король приказал засыпать все твои тоннели на территории государства, — вновь добавил Алеор.

— Ну, может и так оно все было, кто ж теперь скажет-то? — развел руками Редлог. — Это ж сколько лет-то прошло, Алеор! Разве я все упомяну?

— А что же с женой короля Агара Тан'Валора, мой дорогой? Она тоже провалилась в твои тоннели?

— Не совсем, — протянул Редлог, скромно потупив ресницы. — Скорее, это я... в общем, неважно, это тоже было очень давно.

— Согласен, — покивал эльф. — Вот только приказ о твоём физическом уничтожении

до сих пор в силе во всех государствах, Редлог. Мне очень, очень жаль говорить тебе это, но это так. Ты должен быть очень осторожен.

— Я осторожен, Алеор, клянусь тебе, — мародер приложил руки к груди, тепло улыбаясь эльфу. Но глаза его бегали. — Осторожнее меня разве что гномья хозяйка, бреющая свою бороду.

— Вот это ты зря, — заворочалась на ковре Улыбашка, недобро сжимая спицы, и Алеор бросил на нее быстрый предостерегающий взгляд.

— Я не хотел обидеть вас, сударыня, — Редлог картинно поклонился, взмахнув краем своей задрипанной кожаной куртки. — При всем моем уважении к вам.

— Ты немного недооцениваешь опасность, мой дорогой друг, — вновь заговорил Алеор, ловя Редлога в капкан своих льдистых глаз. — Даже несмотря на сеть твоих тоннелей, даже несмотря на все твои схроны и схованки, ведь однажды кто-то может тебя и отыскать? Вот как мы, например. Брести себе по лесу, брести, да и свалиться в твою яму. И что тогда?

— Тогда будет очень неприятно, — нахмурился Редлог, качая головой.

— Еще бы, — покивал Алеор. — А коли это будут, например, эльфы? Вот представь себе: целая сотня эльфийских воинов в доспехах врывается в твои тоннели? Куда ты побежишь, куда спрячешься? Кто защитит тебя? — В голосе Алеора послышалась настоящая боль. — Что будет с Жужей? Что они с ним сделают?

— Не говори так, Алеор! — взмолился Редлог, заламывая руки. — Все, что угодно, но Жужа должен жить! Должен! — голос его надломился.

— Я тоже так думаю! — горячо вскинул ладони эльф. — И поэтому я сделаю все, чтобы эти сто эльфов не нашли всех твоих схронов на территории Лесного Дома.

Несколько секунд Редлог смотрел на него, и на лице его менялись тысячи эмоций. Раде показалось на миг, что это не одно человеческое лицо, а тысяча. Что под кожей Редлога перетекали и играли тысячи голосов, личностей, интонаций, каждая из которых тянула в свою сторону. Он совершенно сумасшедший! — подумала она, глядя на мародера. Взгляд Лиары, обращенный к Редлогу, тоже был полон какого-то суеверного страха.

Наконец, мародер, видимо, принял какое-то решение и страдальчески взглянул на эльфа.

— Зачем же ты так, Алеор? Зачем же ты угрожаешь мне? Мы ведь друзья!

— Мы друзья, Редлог, и никто никогда не скажет иного! — горячо кивнул Алеор. — Я не раз преломлял хлеб с тобой, делил с тобой питье, ты спас мне жизнь, а потом едва не отнял ее. Мы связаны с тобой крепче крепкого, и с Жужей также, и я никогда не предаю никого из вас! Я хочу лишь защитить вас! Ты же знаешь, я могу это сделать, ведь я наследник Лесного Дома. Если когда-нибудь кто-нибудь из них попытается причинить вам вред, я остановлю их, пусть даже и ценой своей жизни.

— О, Алеор! — Редлог прижал руки к груди, и глаза его наполнились слезами.

— Да, мой друг, — мягко и уверенно кивнул ему эльф. — Так и будет. И неужели же, ты откажешь мне сейчас, когда я прошу тебя о такой сущей мелочи? Неужели же ты откажешь своему названному брату и оставишь его в одиночестве лицом к лицу с его черной судьбой? В тот самый миг, когда только ты можешь помочь ему?

— Не оставлю! — горячо и пылко воскликнул Редлог. — Ни я, ни Жужа, никогда тебя не бросим!

— Я знал! — в тон ему заорал Алеор, вскакивая на ноги. — Я всегда это знал!

Они бросились друг другу навстречу и заключили друг друга в крепкие объятия. Кай

закрыв лицо рукой, плечи его содрогались от беззвучного смеха. Улыбашка закатила глаза и отбросила вязание, поднимаясь на свои короткие ноги.

— Боги, как же я устала от этого балагана! — проворчала она, направляясь к выходу. — Пойду, подышу свежим воздухом. Заодно дров принесу.

— Значит, мы с тобой братья, Редлог? — почти что вопил Алеор.

— Братья, конечно братья! — в ответ ему орал Редлог, сжимая его плечи.

— И ты не откажешь своему брату и отведешь его за Семь Преград? — надрывался эльф.

— Ну зачем же сразу за Семь Преград? — Редлог разомкнул руки и отступил от эльфа, поправляя свою куртку. — Лучше мы с тобой тут посидим, поговорим о том, о сем. Расскажешь мне про Лесной Дом.

На лицо Алеора было страшно смотреть, и Рада поспешно проговорила:

— Улыбашка, я, пожалуй, составлю тебе компанию. А то здесь как-то душновато.

— И я, — пискнула Лиара, почти что пробкой вылетая из комнаты.

— И я тоже разомну кости, — проговорил Кай, поднимаясь с места и аккуратно обходя застывших посреди помещения эльфа и мародера.

Рада накинула на плечи брошенную дубленку и, не оборачиваясь, вышла из помещения. Атмосфера за спиной была такой накаленной, словно еще чуть-чуть, и во все стороны брызнут капли расплавленного металла из глаз эльфа.

Улыбашка уже вскарабкалась наверх по кривоватой лестнице землянки, следом за ней поднималась Лиара, на ходу застегивая пуговицы дубленки. Кай пропустил Раду вперед, он все еще посмеивался и качал головой над тем, что происходило за их спинами.

Наверху ярко сверкало на снегу зимнее солнце. Свет был таким ослепительным, что Рада зажмурилась, прикрывая лицо рукой. Стоял уже послеобеденный час, солнце низко висело над горизонтом, и по лесу протянулись длинные синие тени от деревьев. Ветер только еще больше окреп, взметая порошу и расшвыривая ее повсюду. От его прикосновений обнаженную кожу кололи тысячи мелких иголок.

Улыбашка согнулась пополам, уперевшись руками в колени, словно пробежала несколько миль, не останавливаясь. Лицо у нее было перекошено от ярости, отчего шрам еще больше натянулся.

— Этот подсолнечник совершенно сумасшедший! — заворчала она, недобро глядя в сторону открытого люка в землянку. — Я на своем веку много тронутых повидала, но чтобы такого!.. Да даже зайцы по весне и то вменяемее его!

— А мне вот почему-то кажется, что он просто притворяется, — негромко подала голос Лиара. Рада краем глаза наблюдала за тем, как она тряхнула головой, отбрасывая назад искрящиеся золотом на свету кудряшки, как нахлобучила на голову меховую шапку, отчего стала еще более хорошенькой, хотя куда уж, казалось бы?

— Если он притворяется, — грозно начала Улыбашка, — я его собственными руками скручу в бараний рог! Будет такой же маленький и квадратный, как я! А раз любит норы рыть, то мы его в Рудном Стяге с радостью примем за своего! Будет новые дороги прокладывать. Через гранит, — глаза ее нехорошо сощурились. — Зубами.

— Кто-нибудь вообще знает, кто он такой? Или что такое? — Рада оглядела лица друзей. — Да, ведет он себя крайне странно, но я заметила, что он никогда не врет. А еще Алеор его все время поит из своих рук, постоянно, как будто это что-то значит, и Редлог не отказывается от питья!

— Естественно, пьянь подзаборная! — прорычала гномиха. — Лишь бы налакаться где-

нибудь!

Но внимание Рады привлек Кай. Сейчас ильтонец стоял в полный рост, и Рада, хоть и была высокой даже по эльфийским меркам, доставала ему макушкой лишь до середины груди. Солнце дробилось на мощных рельефных нефритовых плечах Кая, и сочленения каменных глыб его рук странно изгибались, гораздо более подвижно, чем людские локти, когда ильтонец с задумчивым видом принялся застегивать на груди короткую меховую телогрейку. Он часто моргал, глядя перед собой, как делал всегда, когда размышлял о чем-то, а еще трехступенчатые камешки его мизинцев странно подрагивали, что тоже обычно говорило о глубокой задумчивости. Решив, что хуже все равно не будет, Рада окликнула его:

— А ты что думаешь, Кай? Ты же Жрец, знаешь побольше нашего. Что за человек Редлог?

— Вряд ли он человек, — покачал головой ильтонец, хмуря мохнатые брови. — Есть у меня одна мысль, но она слишком безумна, чтобы вы в нее поверили.

— Вряд ли безумнее Редлога, — гномиха хмуро сплюнула в снег и воззрилась на Кая. — Рассказывай, давай! Пока я не попыталась проломить ему череп и этим нарваться на очень большие неприятности.

— О, неприятности в этом случае были бы очень большими, Улыбашка! — усмехнулся Кай, глядя на нее. — В том случае, если я все-таки прав. Рада правильно подметила: он никогда не врет, если припереть его к стенке. Алеор постоянно делит с ним еду и питье, все время, особенно, когда они спорят. Я слышал, что такой обычай есть у диких племен севера, которые считают, что если два человека едят и пьют одно и то же, то они вроде бы как побратались. Во всяком случае, внутри них одна и та же субстанция. И если один из них попробует убить другого, то через эту субстанцию установится связь, в результате которой он умрет сам.

— Бред какой-то! — фыркнула гномиха. — Да и не похож он на северянина!

— Не похож, — согласился Кай. Руки его плавно двинулись вверх, ладони раскрылись, словно он что-то преподносил гномихе. Рада с интересом разглядывала его руки. Иногда ей казалось, что ильтонец вообще не контролирует их движение, что руки живут сами по себе и обладают собственным разумом, двигаясь так, как им вздумается, дополняя его речь своим собственным языком жестов. — Однако он чтит этот обычай. И он никогда не врет. Среди всех известных рас Этлана нет ни одной, на которую был бы наложен запрет лгать. Как и нет способа заставить человека не лгать, а Редлог слишком изворотлив по натуре, чтобы быть честным. Да и медведь этот, который чересчур похож на человека, и живет с ним семь сотен лет...

— Если это не разные медведи, — проворчала Улыбашка, раздраженно пожимая плечами. — Один сдох, нашел второго и так по кругу.

— Помолчи, Улыбашка, — поморщилась Рада, оборачиваясь к Каю. — Все никак не пойму, к чему ты ведешь.

— Единственные, кроме живых рас Этлана, кто может жить вечно, это Молодые Боги, — просто сказал Кай, и Рада ощутила, как у нее отваливается челюсть. — Да и я читал где-то, что они никогда не лгут, просто не могут, потому что у них иная природа, чем у людей. Им просто не нужно лгать. — Ильтонец сложил руки на груди, и запястья у него завращались сами по себе. — Тогда понятно и постоянное стремление Алеора преломлять с Редлогом хлеб. Получается, что раз тот вкушает вместе с ним одну пищу, то принимает ее как подношение, а Алеора — как равного себе.

— Но этого же просто не может быть, Кай! — захлопала глазами Улыбашка, очумело глядя на ильтонца. — Не может этот полудурок в голову раненый быть одним из Молодых Богов!

— Да уж, как-то не верится! — неуверенно хмыкнула Рада, присоединяясь к гномихе. А вот Лиара молча смотрела на Кая, и взгляд у нее был очень задумчивым.

— Почему же? — развел руками Кай. На лице его играла странная полуулыбка. — Мы же имеем дело с Алеором Реноном Тваугебиром, который сам по себе легенда. И коли ему по плечу в одиночку разрушить до основания даже Гортенберг, который так и не смогла взять ни одна армия мира, то почему бы ему не дружить с Молодым Богом?

Рада недоверчиво смотрела на ильтонца. Его слова просто не укладывались в голове, и поверить в них было невозможно. К тому же, она уже давно замечала странную нежность и мягкость в отношении Кая к Алеору. Эта мягкость никогда не была навязчивой, ни единым словом или жестом Кай не демонстрировал ее и ничего не требовал взамен. Возможно, Алеор и замечал ее, но неизменно относился к ильтонцу с дружеским теплом и никак иначе. А тот любовался каждым жестом князя Тваугебира, любовался издали, словно произведением искусства или диковинным цветком, выросшим посреди неподатливого камня. Порой он смотрел как ученый, что трудится над головоломкой, порой как мать, радующаяся первым самостоятельным шагам своего сына. Но всегда с мягкой теплотой, принимая каждый жест и каждое слово эльфа, изучая его, любясь, но не пытаясь изменить в нем ничего, будто боясь касанием разрушить эту красоту, созданную не им самим. Кай любил эльфа, теперь Рада понимала это. И где-то в глубине души она восхищалась тем, как он его любил. Потому что в этой любви было лишь желание дарить и никакого стремления получить что-то для себя.

Могла ли эта любовь ильтонца настолько затмить ему глаза, чтобы Алеор в них выглядел даже равным богам? По себе Рада знала, что могла; для нее самой искорка и Великая Мать, дающая им свое золотое дыхание, были чем-то очень близким, одной без другой быть просто не могло, они были неразделимы для Рады. Но Кай все же выглядел гораздо более разумным, вдумчивым и мудрым существом, чем то, которым считала себя Рада. Неужели же он позволил бы иллюзиям затмить свой трезвый взгляд?

Судя по всему, Улыбашка подумала примерно о том же, потому что скептически оглядела ильтонца и проговорила:

— Послушай, Кай, бесспорно, Алеор — почти что чудо природы, ходячее и с омерзительным нравом, но даже он не настолько велик, чтобы дружить с Молодыми Богами.

— Но ведь Рада с Лиарой даже сквозь свое тело пропускали энергию, что выше Молодых Богов, — улыбнулся Кай, ладони его сложились ковшом, в этом жесте была открытость и простота. — А наемник Гардан, которого мы встретили в море, мог слышать волю Марны. Да и сын Рады стал Провидцем, подчиненным воле Марны Девы. Так почему же тогда, если они все могут контактировать с иными сущностями, не может этого Алеор?

— Кай, это разные вещи, — покачала головой Улыбашка, упрямо стоя на своем. — Они же с Марной ром не пили! И не переругивались лицом к лицу, не обнимались и не устраивали весь этот балаган!

— Да, но ты тоже не ровняй такую силу, как Марны или Великая Мать, с Молодыми Богами. Безусловно, они сильны, они обладают великой властью, но они не слишком-то отличаются от людей. К тому же, мир за Гранью заселен множеством существ иного порядка, не такими сильными, как Молодые Боги, и достаточно близкими по своей сути

этому миру, чтобы принять материальный облик. Так что Редлог вполне может быть кем-то из них.

— Это не укладывается в моей голове! — маленькие глаза Улыбашки округлились, едва не вылезая из орбит. — И даже если это кто-то из Молодых Богов, то кто тогда? Мы же их всех наперечет знаем!

— Не всех, — мягко улыбнулся ей Кай. — Лишь тех, которые позволили себя узнать. Подумай сама. Он живет вечно с этим его дурацким медведем, какой-то невероятной силой он прорыл ходы под землей всего Этлана. Он неуловим, никто вот уже долгие сотни лет не может остановить его. И он никуда не тратит свое богатство, лишь собирает его. Мало ли какие у Богов причуды? Мало ли зачем ему все это барахло?

— Мне кажется, что у него не одно лицо, а тысячи, — вдруг подала голос Лиара, и Рада удивленно воззрилась на нее: искорка повторяла ее мысли вслух. — Когда он говорит, его лицо все время меняется, и там столько эмоций, столько других ликов, будто проглядывающих сквозь него.

— Да, — согласился Кай. — Пока я наблюдал за ним, мне и пришла в голову мысль, что он может быть физическим воплощением одного из Молодых Богов.

— Но это невозможно! — замотала головой Улыбашка, отказываясь верить. — Кто из живущих может преломить хлеб с Молодым Богом? Это невозможно!

— Все кажется невозможным, пока однажды не приходит человек, который делает это, — задумчиво проговорил Кай. — И тогда даже самые дерзкие мечты становятся реальностью. Надо лишь один раз решиться на это, и дело уже сделано.

Слова Кая казались совершенно безумными, но что-то в груди Рады говорило ей, что он прав. Это маленькое золотое биение между ее ребер, легкое, будто перышко, трепетное, словно крохотный птенчик. Это было что-то иное, что-то новое, чему она не знала ни названия, ни причины. Оно появилось в ее груди после того, как Великая Мать пустила свою силу сквозь ее тело. Воспоминание об этом было смутным, расплывчатым, оно будто уплывало прочь, когда Рада старалась восстановить детали. Но она помнила рождающиеся звезды под кожей, вселенные, что застывали в одной капле столь стремительно несущегося времени, что оно казалось густой смолой. Если уж такая сила пришла к ней, к обычной эльфийке, ничем не выделяющейся среди других, даже меньше эльфийке, чем все остальные, то что уж говорить было о легендарном Тваугебире? Ему-то достанет наглости пить с Богом. Уж точно достанет.

— Не такими я представляла себе Молодых Богов. — Рада хмыкнула, поняв, что произнесла это вслух.

— А какими, Рада? — улыбнулся ей Кай. — Окруженными лучами света? Прекрасными и всесильными? Да, это тоже есть, и именно так видят их люди. Вот только люди не знают, что эти Боги очень редко интересуются тем, что происходит в мире. Они любят подношения, любят поклонение. Они исполняют молитвы тех, кто взывает к ним, или не исполняют. Все зависит от того, кто зовет и как зовет. Но их мир тих, светел, в нем царит вечная юность, чистота и красота. И мало кто из них любопытен настолько, чтобы смотреть вниз, на не заслуживающих внимания людей. Или чтобы взвалить на плечи ярмо этого мира, этой смерти, этой боли, этой вечной несправедливости, царящей вокруг.

— Тогда зачем же они создавали этот мир, если все это в нем есть, а в их мире этого нет? — голос Улыбашки был полон горечи. — Что за радость мучить других, пока живешь там, в светлых чертогах счастья?

— Мучить ли, Улыбашка? И они ли создавали этот мир? — руки Кая плели замысловатый узор, в котором Раде почудились, почему-то, ветки плюща. Его взгляд скользнул по ней и Лиаре, и Рада вздрогнула. Ильтонец будто бы знал что-то такое, им неведомое. Но почему тогда не сказал? У Лиары тоже был крайне задумчивый вид, и она не сводила глаз с Кая. Он обратил на это внимание и улыбнулся, отвечая на невысказанный вопрос: — О нет, Светозарная, Черный Ветер, я не утаил от вас ничего, я рассказал вам все что знаю. Но я много думал над тем, что рассказали мне вы. И сдается мне, что смысл всего того, что происходит с нами, так прост, что и ребенок бы расхохотался, услышав его. — Он на миг замолчал, собираясь с мыслями, но рассеянная улыбка, словно солнечный свет сквозь густые тучи, так и не покинула его лица. — Чтобы вырасти из земли к солнцу, семени нужно столько сил и столько испытаний! Оно должно прорвать свою собственную неподатливую оболочку, оно должно выпустить корешок, который будет тянуть из земли воду и питательные соки, напрягаясь изо всех сил, потому что только так семя может выжить. Оно будет тянуться вверх, пробиваясь головой сквозь толстые тяжелые слои почвы и грязи до тех пор, пока такой долгожданный солнечный свет не брызнет на его листья, не согреет и не обнимет его. Корни всех, кто населяет Этлан, в земле, но голова их стремится к солнцу. Вот только таким ли долгожданным будет солнце, если им не придется с таким трудом продираться сквозь грязь?

В его словах было что-то очень сильное, очень правильное, что-то, что звучало в рефрен вместе с мыслями и чувствами самой Рады, только вот у нее никогда не получалось говорить так красиво и так хорошо формулировать свои мысли. Но ведь и ты тоже думала о том же! О том, что не смогла бы понять и принять Великую Мать всем сердцем, если бы Сагаир тогда не держал тебя в затхлом трюме корабля, избивая и унижая, грозя вечностью мук. Ведь тебе тоже пришлось пройти через все это, и только после этого Великая Мать пришла к тебе во всем сиянии своей силы. Рада вскинула глаза на Лиару, которая улыбалась, тихо и светло, с нежной мягкостью глядя на Кая. Судя по всему, она тоже думала как раз об этом, и это согрело Раду.

— Ладно, чего лясы точить попусту? По большому счету мне и дела нет, кто там и что насоздавал, — проворчала Улыбашка, хмуро глядя на Кая. — Ты мне лучше скажи, как нам вести себя с этим божком, чтобы ненароком не прогневать его? А то еще кинет молнию в глаз, мало не покажется. Я и так чересчур красива, чтобы делать меня еще более привлекательной.

— Думаю, ничего такого ты можешь не бояться, Улыбашка, — мягко проговорил Кай. — Раз он здесь в физическом теле, то имеет и некоторые ограничения по сравнению с миром за Гранью. Не думаю, что у него есть какие-то особые способности, а если и есть, то вряд ли он будет их демонстрировать. Редлог делает все, чтобы не попадаться на глаза людям, чтобы остаться инкогнито. Возможно, он и сам не осознает, кто он. Такое часто случается, когда душа намерена вселиться в тело, душа, не связанная с кругом вечных перерождений.

— Кай, а как с этим всем связаны Аватары? — теперь спрашивать об этом было легко. Наверное, потому, что Рада знала наверняка: она-то точно не Аватара. Это подтвердил и сам Кай, и в Речном Доме Лиаре сказали то же самое, и все они наперебой твердили, что сила Великой Матери к Аватарам ничего общего не имеет. Поэтому наконец-то Рада могла от души любопытствовать, не терзаясь при этом сумрачными мыслями о том, что это все может быть про нее. — Ведь, если я правильно понимаю, Аватары — это тоже души,

которые возрождаются без конца в мире для того, чтобы начать Танец Хаоса и защитить мир от Аватара Хаоса. Они тоже не помнят, кто они?

— Это очень интересный вопрос, Рада, — отозвался Кай, лицо его стало задумчивым. Руки сложились в замок, затем пальцы разделились и начали постукивать друг о друга. — Вообще, Аватары — это не две души, это одна душа, разорванная на две половины и помещенная в два тела. Но они — прямое истечение силы Создателя, а не души, что вечно связаны с этим миром. Хотя, кто знает, как оно на самом деле? Принято считать, что это одно и то же истечение, которое возрождается раз за разом, чтобы исполнить долг, для которого было создано. Но так ли это? Может быть, это всегда разные капли одной силы, или разные души, избранные силой для этой судьбы? И коли они рождаются в этом мире и уже погружены в него, то как они могут быть не связаны с миром? — он задумчиво покачал головой, голос его стал глухим. — Последний Танец был две с половиной тысячи лет назад, задолго до моего рождения, и вся информация о нем носит характер крайне разрозненный, противоречивый и фрагментарный. И уж тем более никто, кроме самих Аватар, не может сказать, помнят ли они свои прошлые воплощения. Впрочем, если верить пророчеству Провидца, скоро у всех у нас будет шанс узнать это на собственной шкуре, и даже, возможно, лично у них самих.

— Боги, с каждой минутой это звучит все более уныло. Кажется, скоро меня просто завалит вашей мрачностью, — вид у Улыбашки был каким-то неуверенным. Она поежилась, будто испытывала страх. Махнув рукой на ильтонца, гномиха развернулась и зашагала прочь, бросив через плечо: — И вообще, коли будем здесь трепаться, скоро задубеем как сосульки. Давайте-ка соберем дров и пойдем обратно в тепло. Надеюсь, за это время Алеор успеет договориться с Редлогом.

В чем-то гномиха была права: пальцы ног Рады даже в толстых меховых сапогах уже успели занеметь от холода. Она несколько раз поджала их, разгоняя кровь, и вместе с искоркой направилась к окружающим деревьям. Недалеко от лагеря, насколько она помнила по своей прошлой вылазке, в снегу валялась поваленная сосна. Кай за их спинами подошел к сухой торчащей из земли елочке, взялся за нее своей каменной клешней и с легкостью вырвал из земли. Рада только головой покачала: елочка была почти что на ладонь выше ее самой.

— Рада, а что ты будешь делать, когда начнется Танец Хаоса? — негромко спросила ее идущая рядом искорка.

Вопрос был неожиданным, и Рада удивленно вскинула брови, не совсем зная, что ответить.

— Честно говоря, я даже и не думала об этом, — призналась она, почесав в затылке. — Знаешь, столько было беготни, столько всего с нами происходило, что даже как-то и не приходили такие мысли. Но вообще... Не знаю, искорка, выхода-то у нас нет, — она невесело усмехнулась, глядя на Лиару. — Это случится, случится совсем скоро, и весь мир будет втянут в это, так что и мы тоже не сможем спрятаться, не так ли? Думаю, самым умным из всего, что я могла бы сделать, было бы поддержать Аватар и постараться помочь им по мере своих сил, чтобы этот кошмар поскорее кончился. Это как с больным зубом: коли уж начал ныть, то надо драть его поскорее, пока все не загнило.

— Я знала, что ты так ответишь, — улыбнулась Лиара, и от нежности в ее глазах Раду бросило в жар.

— А ты? — Рада скосила на нее взгляд. Искорка рядом с ней казалась совсем маленькой

и хрупкой: на целую голову ниже ее, уже в плечах, миниатюрнее. Только сейчас что-то такое сильное было в ее лице, что Рада совсем-совсем за нее не боялась. Маленькое гибкое деревце, которое обязательно выдержит шторм и устоит, пусть даже его будет клонить к самой земле и рвать с корнем ураганным ветром. Деревце, слишком цепляющееся за жизнь, чтобы позволить сломать себя.

— Мы не можем стоять в стороне, и я пойду туда же, куда и ты, — твердо кивнула искорка, взглянув на нее из-под своей меховой шапки. Вид у нее был очень серьезным. — Просто я рада, что пойдем мы в одну сторону.

Рада не удержалась, привлекла ее к себе, обняв за плечи, и чмокнула в холодную, тронутую румянцем мороза щеку.

Когда они нагребли достаточное количество валежника и намерзлись так, что было уже невозможно, друзья потянулись обратно, в тепло землянки. Больше всех дров натащил Кай: он вытащил с корнем несколько сухих елочек и принес здоровенную охапку толстых сучьев. Улыбашка приволокла громадный пень, который Рада с Лиарой и вдвоем-то вряд ли подняли, и все это они просто свалили вниз прямо сквозь откинутый люк в земле.

В натопленной комнате у очага, в котором догорали последние остатки принесенных Радой дров, сидели Алеор с Редлогом. Мародер молчал, глядя в пламя и хмурия брови, Алеор с невозмутимым видом почитывал книжку, разлегшись возле очага и вытянувшись во весь рост. Рада не удержалась от долгого взгляда на Редлога. Ничто в нем не изменилось, но осознавать, что рядом с тобой одно из существ мира за Гранью, пусть и не помнящее о том, кто оно... Это было странно.

Когда все они свалили дрова в кучу возле стены, а Жужа с тихим скулежом скрылся во тьме остальных переходов, Алеор опустил книжку и обвел их всех взглядом.

— Отдыхайте, друзья мои, набирайтесь сил. Завтра нас ждет дальняя дорога.

— Надеюсь, не по сугробам? — ворчливо поинтересовалась Улыбашка, отряхивая от снега и налипших чешуек коры свои квадратные ладони с толстыми короткими пальцами. — Мне уже опостылело играть в зайчика.

— Не по сугробам, моя дорогая, — очаровательно улыбнулся ей эльф. — Наш радушный хозяин любезно согласился проводить нас тоннелями на другую сторону второй преграды. Так что мы сможем путешествовать с комфортом и в тепле.

— Замечательно! — выдохнула Улыбашка, а Алеор добавил, глядя на нее:

— Хотя мне будет грустно оттого, что я больше не смогу лицезреть тебя в качестве маленького серого русака. Это зрелище — одно из грандиознейших, что я видел в жизни.

— Пошел ты, древолюб! — беззлобно отозвалась гномиха.

===== Глава 3. Начало пути =====

Разбудили Раду тихие прикосновения искорки. Как и всегда, вчера вечером Рада уснула рядом с ней, обняв ее со спины и уткнувшись лицом в ее густые кудряшки. Искорке спать было не нужно, она прекрасно обходилась грезами, в которые умели вступать все эльфы, заменяя ими сон. Рада же никогда и ни в чем не стремилась походить на свой народ, да и воспитывали ее люди, а потому и грезить она не умела. Так что ей сон требовался, и Рада умиротворенно сопела до самого утра, обнимая Лиару, которая лежала рядом с открытыми глазами, большую часть ночи просто отдыхая и сберегая ее сон.

Нежные прикосновения теплых губ искорки, невесомыми поцелуями покрывающих ее брови и глаза, разбудили Раду, и она потянулась, чувствуя всепоглощающее тихое счастье.

— Вставай, моя радость, — прошептала ей Лиара, обнимая ее и все так же продолжая

целовать все ее лицо, едва касаясь губами. — Просыпайся. Совсем скоро рассвет, и Алеор будет будить всех.

Рада прекрасно знала манеру эльфа будить своих спутников. Обычно он просто громко орал «Подъем!», и все окружающие вздрагивали и рывком просыпались, потом долго еще не приходя в себя из-за столь резкого пробуждения. Так что искорка взяла за правило будить ее чуть раньше, буквально за несколько минут до того, как начинал голосить Ренон, и в этом Рада тоже видела невероятную заботу и нежность, которой к ней никто и никогда не проявлял.

— Доброе утро, искорка, — сонно пробормотала Рада, перекаtywаясь поудобнее и обнимая ее. Было так сладко и тепло просыпаться в ее руках. Рада никогда не думала о том, насколько это хорошо. Может, просто потому, что мне ни с кем, кроме нее, и не хотелось просыпаться? Великая Мать, благословляю тебя за то, что привела ее ко мне!

— Ты хорошо спала? — Лиара говорила совсем тихо, и голос у нее был низкий и бархатистый. От его ноток внутри у Рады разлилась дрожащая золотая истома, и она, не удержавшись, тихонько поцеловала девушку за ушком.

— Хорошо, моя радость, а ты?

Ответить Лиара не успела, потому что откуда-то слева Алеор громогласно заорал:

— Подъем!!

Даже будучи готовой к этому, Рада все равно вздрогнула всем телом и в сердцах проворчала:

— Когда-нибудь я точно убью его!

— Древолуб ты проклятуций! — вторила ей с другой стороны заспанным голосом Улыбашка, зашевелившись под своими одеялами. — Чтоб тебе пещерные гавюрки все пятки пообгрызали!

Что это за «гавюрки», Рада и знать не знала, наверное, живность, что водилась во тьме переходов под Рудным Стягом, но сама фраза заставила ее хмыкнуть. Каждое утро Улыбашка выдумывала какое-нибудь новое проклятье, и за все это долгое время оно ни разу не повторилось.

— Я сделаю чай, — негромко сообщила искорка, выпуталась из рук Рады и направилась к поостывшему за ночь очагу.

Редлога в помещении не было; вместо него на куче прелого сена у прохода в коридоры дремал, свернувшись клубком и зарывшись в сено, Жужа. От резкого голоса эльфа он тоже подорвался со своей лежанки, дикими глазами осматриваясь вокруг. Помигав немного на людей, медведь сполз с сена и попятился во тьму коридора, не смея даже отвернуться от зашевелившихся на своих одеялах путников. Сел Кай, потирая каменными пальцами глаза. Когда он так делал, Рада боялась, что он их случайно выдавит, больно уж мощными выглядели его руки. Но ильтонец всегда двигался мягко и аккуратно, тщательно выверяя каждый свой жест так, чтобы не причинить вреда ни себе, ни другим.

Очаг тлел россыпями малиновых углей, но темно в помещении не было от трех горящих масляных ламп. Лиара направилась к огню, чтобы подбросить сучьев и вскипятить чай. Алеор невозмутимо сидел на полу, аккуратно вытаскивая из ножен свои клинки, проверяя их остроту и убирая обратно. Иронично взглянув на Улыбашку, эльф проговорил:

— Ох, Улыбашка, Улыбашка! Я столько для тебя делаю, а от тебя в ответ одни только проклятия и ругань. Так ты никогда не сможешь наладить контакт с окружающим миром.

— Я сейчас с твоей наглой рожей контакт налажу, — пообещала гномиха, выпутываясь

из одеял. Вид у нее был помятый и невыспавшийся. — Вернее, это мой ботинок сделает. Он, знаешь ли, уже очень давно к тебе равнодушен.

— Это у вас у гномов традиция такая? — глаза Алеора смеялись. — Ну, если так, то можешь ему позволить выразить почтение. Но я бы не советовал, потому что гораздо больше тебя интересуют топоры, которые с моей легкой руки согласился предоставить тебе Редлог. Так что будь добра, приструни свои ботинки и сходи в соседнюю комнату, выбери оружие, что тебе подойдет. — Он скромно опустил глаза, возвращаясь к своим кинжалам, и добавил: — Поблагодаришь потом.

Гномиха бросила на Алеора тяжелый взгляд, но ничего не сказала, складывая свое одеяло. Довольно проворно, даже не став умываться с утра, она направилась в соседнее помещение, и Рада поняла, что и на этот раз Алеор победил. Впрочем, она с трудом могла представить себе ситуацию, в которой он бы мог проиграть в словесной перепалке. Язык у этого эльфа болтался на каких-то буквально волшебных шарнирах, а яда было достаточно, чтобы ободрать до костей любого, кто посмел бы с ним тягаться.

Редлог появился уже после того, как они закончили свой завтрак, утреннее умывание и сборы. Куртка сидела на нем как-то неровно и была мятой, словно он спал в ней. Мародер то и дело чесал свою бороду, что навело Раду на мысли о паразитах, подхваченных у медведя. И это бог? Она с сомнением оглядела Редлога еще раз. Никак он не ассоциировался у нее с существом, пришедшим с той стороны Грани и обладающим достаточным могуществом, чтобы вселиться в тело и жить вечно. Впрочем, Каю, уж наверное, было лучше знать, чем ей.

— Готовы? — Редлог не слишком довольнo оглядел их и поморщился. Глаза у него, как и всегда, бегали, взгляд метался по сторонам, словно он не в состоянии был подолгу смотреть в одну точку. Нервно почесавшись, мародер кивнул головой. — Думаю, чем быстрее мы отправимся, тем будет лучше. Припасы возьмем чуть дальше, у меня тут недалеко кладовая.

— Благодарю тебя, Редлог, — отозвался Алеор.

— Да чего уж там, — поджал губы тот и первым нырнул в темноту тоннеля.

Так и началось их путешествие. Даже для эльфийских глаз в крошечной темноте тоннелей, куда не попадало ни единого солнечного луча, было все-таки неудобно, а потому Алеор прихватил с собой парочку ламп и большую бутылку с маслом для них. Путешественники растянулись цепью. Первым шагал Редлог, которому свет, кажется, и не нужен был. Сразу за его спиной Алеор нес первую масляную лампу. За ним двигался Кай, ссутулившись, чтобы не скрести головой о потолок тоннеля, на его плечах была нагружена большая часть поклажи. Следом переваливалась сбоку на бок Улыбашка, любовно поглаживая новенькие отличные топоры, висящие у нее на поясе. А замыкали шествие Лиара с Радой, несущей второй фонарь.

Коридоры были не слишком широкими: одному человеку вполне вольготно, а вот бок о бок идти уже сложновато, но они с Лиарой все равно шли рядом, порой соприкасаясь плечами. Маленькая ладошка искорки покоилась в ее руке, и от этого на душе было тепло. Рада то и дело приподнимала фонарь, высвечивая стены тоннеля и оглядывая их, и странные мысли лезли ей в голову.

Конечно, за столько лет, сколько существовали эти тоннели, следы вырубавшего их инструмента могли уже исчезнуть, особенно учитывая высокую влажность, но у нее все равно было стойкое ощущение, что копал этот тоннель Редлог явно не лопатой и даже не киркой. Земляные стены выглядели гладкими, будто их срезала гигантская закругленная

бритва, потолок не поддерживало ничего, но при этом земля почти что не осыпалась вниз. Кое-где, конечно, грунтовые воды подмыли стены, и по плотно утрамбованному земляному полу под ногами катались мелкие, выскочившие из стен камушки и комки сухой глины. Только вот если семь сотен лет назад Алеор проходил здесь, и в то время эти тоннели уже существовали, то масштаб разрушений за столь долгий срок был просто ничтожным. К тому же, нигде не было заметно следов починки или укрепления стен: ни решеток, которыми сдерживали оползень, ни деревянных свай, поддерживающих проседающий потолок. Даже земля под ногами была ровной, будто каменная мостовая, и ни один ручеек не пересекал ее и не портил. Рада поймала себя на том, что смотрит под ноги, пытаясь найти выбоину. Если бы удалось отыскать ее, это место перестало бы так нервировать и превратилось бы в более-менее обычную дорогу из тех, по которым ходят люди. Но выбоин не было, пол оставался ровным, как гладко уложенный паркет, и непрощенные мысли о том, что Редлог вполне мог быть богом, снова полезли Раде в голову.

От основного коридора, который время от времени плавно изгибался, обходя лишь одному ему известные препятствия, расходились в стороны ответвления. Часть из них занимали точно такие же схроны, как тот, в котором они жили первые дни, и когда путники проходили мимо, свет масляных ламп тускло отражался на поверхности золотых кувшинов, сверкал в гранях драгоценных камней, путался в густом слое пыли, которым была покрыта старая рухлядь. Другая часть ответвлений темнела черными зевами тоннелей, ведущих неведомо куда, и оттуда тянуло сыростью и холодом. Поначалу Рада еще пыталась считать, сколько таких поворотов они уже миновали, но скоро забросила это занятие. Совершенно ясно ей было лишь одно: без Редлога они бы заблудились здесь через четверть часа и могли проплутать до конца своей жизни, так и не найдя выхода на поверхность. Теперь становилось понятно, почему Алеор так настаивал, чтобы тот согласился их сопровождать.

Редлог показал им небольшую кладовую с припасами. В полу обнаружился деревянный люк, ведущий в ледник, где хранилось мясо и что-то еще, завернутое в тряпицы. Остальные продукты стояли в ящиках вдоль стен, покоились в уложенных рядами мешках или свисали с потолка, увязанные в тугие узлы. Редлог неохотно признался, что дальше будут еще кладовые, а потому тащить с собой сейчас много не имеет смысла. Так что они взяли продуктов примерно на три дня, отчего сумки значительно отяжелели, и вновь зашагали дальше. С удивлением Рада отметила, что для себя Редлог ничего не прихватил. Он шел с пустыми руками, даже без оружия, по крайней мере, того, что бросалось бы в глаза, и его мятая кожаная куртка была расстегнута при том, что сама Рада поплотнее закуталась в свой полушубок. Наверху стояла зима, там трещали лютые морозы, и здесь, внизу, было не намного лучше. Только вот Редлога это нисколько не волновало, и Рада продолжала коситься на него, раздумывая и задаваясь все новыми и новыми вопросами.

Изредка они останавливались у развилок, и Редлог некоторое время размышлял, куда им дальше идти. В такие моменты, когда эхо шагов замирало в темноте тоннелей, Раде слышалось позади них какое-то царпанье, которое тоже со временем затихало. Однажды, обернувшись, она успела увидеть два зеленых глаза, следующие за ними в темноте, но эти глаза моментально метнулись в сторону и погасли, и Рада не была уверена в том, что ей это не показалось. Еще через какое-то время все повторилось, и она не выдержала:

— Медведь с нами, что ли, идет? — громко спросила Рада.

— Медведь? Какой медведь? — Редлог в полном недоумении обернулся к ней, прекратив изучать коридор впереди. Вид у него был настолько искренним, что Рада

пожалела, что спросила. Не говоря уже о том, что к нему добавлялся очень нехороший взгляд Алеора, такой тяжелый, что дышать стало трудно. Она вымученно пожала плечами и проямлила:

— Наверное, мне показалось, и это просто Жужа.

— А, тогда ясно, — покивал успокоенный мародер, отворачиваясь к развилке. — Конечно, это Жужа, кому еще тут быть? А медведей здесь нет, странная высокая женщина. Какой медведь полезет в эти норы? Он же не крот! — Редлог хихикнул.

Улыбашка обернулась к Раде и безмолвно покрутила пальцем у виска, выразительно округлив глаза и изображая безумие. Искорка рядом с ней тихонько фыркнула, сдерживая смех, а Рада только в затылке поскребла. Редлог не мог врать, но при этом действительно очень походил на сумасшедшего. С другой стороны, что за медведь, который живет больше семи сотен лет? Да еще и в норах под землей и в компании с этим небритым существом? Может, Жужа и на самом деле медведем не был?

— Ну что, Светозарная, уже готова сложить об этом нашем приключении песню? — приглушенно поинтересовалась гномиха, ухмыляясь и глядя снизу вверх на Лиару. — Прошлая была: «О Пяти героях и Семи Преградах». Что ты сложишь теперь? «О шести (половиной героях) или «О шести героях и одном не-медведе?»

Искорка в ответ вновь захихикала, а Рада хмуро добавила:

— Вряд ли здесь вообще уместно слово «герои». На героя тут похож разве что Кай, а остальные так, прибились просто.

— Мы же не можем назвать песню «Об одном герое, пяти случайных прохожих и одном не-медведе за Семью Преградами!» — в притворной грусти развела руками Улыбашка. — Так что вам придется придумать что-то более интересное.

Они и дальше шли, негромко переговариваясь и посмеиваясь, и Рада поняла, что напряжение потихоньку отпускает ее. Она уже почти перестала чувствовать спиной взгляд маленьких медвежьих глазок-бусинок из тьмы: раз уж Жужа раньше ни на кого не напал, то и сейчас вряд ли тронет. Да и тоннели больше не казались ей настолько уж странными. Самое главное, что потолки не обрушивались им на головы, все остальное можно было и стерпеть. И теплая ладошка Лиары в руке успокаивала, гоня прочь недобрые мысли, так что вскоре она поняла, что с энтузиазмом шагает, уже не переживая ни о чем.

Алеор и Редлог, шедшие впереди отряда, то и дело склоняли друг к другу головы и о чем-то негромко шептались. В начале каждой такой беседы Редлог начинал топтаться на месте, ломаться, морщиться и мотать головой, но эльф с нажимом объяснял ему что-то, и тот, в конце концов, соглашался. Несколько раз они останавливались возле очередных схронов и долго копались в кучах хлама, выживая из них то, что им было нужно. Рада заметила веревки и заостренные металлические колья, которые иногда использовали старатели, чтобы лазать по обледеневшим склонам, отыскивая руду в зимний период или непогоду. Взял Алеор и какую-то прочную на вид холстину, несколько продолговатых свертков, немного метательных ножей. Вскоре Раде уже надоело высматривать, что он там запасает, а на вопросы эльфа отвечать отказался, так что когда они останавливались возле очередного схрона, Рада просто скидывала с плеч сумки и садилась на корточки у стены, давая ногам возможность отдохнуть. К вечеру Алеор и Кай были уже так нагружены поклажей, что походили на двух вьючных мулов, едва тащивших все это барахло.

На ночь они остановились в просторной пещерке с очагом, в которую привел их Редлог. Естественно, что лучи солнца не проникали во тьму тоннелей, и о том, сколько времени,

Рада могла судить лишь по собственным гудящим от напряжения ногам. Вздохнув от облегчения, когда Алеор объявил привал, Рада сбросила на пол сумки, уселась сама и только потом обвела взглядом помещение, в котором они оказались.

Комната была довольно просторной, в ее конце виднелся маленький очаг с давно истлевшей золой. Возле него стояла узкая койка с толстым матрасом поверх нее и двумя шерстяными одеялами, аккуратно сложенными в ногах. Рада вылупила глаза на койку. Выполнена та была из красного дерева, изукрашена резьбой и позолотой, а ножки представляли собой искусно вырезанные львиные лапы с рубинами вместо когтей. Напрашивался вопрос: как он умудрился затащить эту кровать сюда и где стащил ее? Выглядела она так, что запросто могла бы стоять в королевском дворце. Напротив койки у стены обнаружилась все та же куча сена, а справа от очага было узкое отверстие прохода в соседнее помещение, и оттуда ощутимо тянуло холодком. Наверное, там еще один выход на поверхность, подумалось Раде.

— Мы отлично погуляли, и теперь пришло время поработать, — бодро сообщил Алеор. — Давайте-ка натащим дров, а Улыбашка пока начнет собирать нам обед.

От его вечной энергичности Раду тошнило, да и ноги под ней гудели так, что впору было выть. Но с тяжелым вздохом она все-таки подобралась с пола и поковыляла следом за эльфом в соседнюю комнатку, где обнаружилась полуобвалившаяся лестница наверх. Алеору пришлось хорошенько поднатужиться, чтобы откинуть люк, на который намело целые сугробы снега.

На мир давным-давно уже опустилась ночь. В прозрачном воздухе, почти что дрожащем от мороза, разливалась темнота, горели звезды, казавшиеся такими далекими сейчас и вымерзшими, как кристаллики льда. Вокруг расстилалась серебристая нетронутая поверхность снега, из которой поднимались вверх усыпанные снежными шапками ели. Рада поискала глазами горы, но в такой темноте видно ничего не было. Стараясь двигаться как можно быстрее, она проворно заковыляла по сугробам прочь от люка в земле. Холод буквально стискивал обручами все тело, и чем быстрее она сможет найти дрова, тем быстрее вернется вниз, тем быстрее согреется у очага с горячей стряпней Улыбашки в животе.

Засыпала она, вновь прижав к себе искорку и пряча лицо в ее кудряшках, и даже на холодном полу лежать рядом с ней было так хорошо. Перед тем, как окончательно смежить веки в глубоком сне, она успела заметить Жужу, который, воровато оглядываясь, крался к стогу сена и бесшумно шарил в нем в поисках своей бутылки. Кажется, он пьет еще больше, чем Редлог, вяло подумала Рада, и сон окончательно сковал ее.

Ей приснился странный сон, один единственный яркий среди всех обрывков, что проплывали мимо, не затрагивая ее памяти, не оставив ни следа. С высоты птичьего полета Рада видела озеро. Оно лежало в большой чаше горной долины, вытянутое, узкое, словно глаз, с темной водой, поросшее вдоль берега зелеными камышами и цветущими кувшинками. Ни единая рябь не тревожила поверхности этого озера, но кто-то смотрел с его дна на Раду. Чьи-то серо-голубые, странно знакомые, родные глаза заглядывали ей в душу из глубины, и от их взгляда в груди родилось странное чувство. Обреченность, горечь неминуемой утраты, и при этом сила, крушащая горы, свергающая империи, сворачивающая Жернова Времени сила в победоносной песне рассвета и боевых рогов. Сон был таким ярким и таким сильным, что Рада даже проснулась посреди ночи, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце.

В пещере было темно, лишь неяркий свет потрескивающих поленьев в очаге бросал танцующие тени на стены. Алеор сидел с прямой спиной, скрестив под собой ноги и

полуприкрыв глаза. В его взгляде была пустота, он был глубоко погружен в грезы. Душераздирающий храп от объемного, почти круглого холмика рядом принадлежал Улыбашке. Кай лежал, отвернувшись ото всех спиной, и блики огня танцевали на его нефритовых плечах, таких непропорционально больших, что его фигура казалась скособоченной. А у огня сидел Редлог, глядя в пламя, тихонько что-то шепча под нос и перебирая пальцами длинные костяные четки.

Он почувствовал взгляд Рады и обернулся. То ли со сна ей так показалось, то ли тени неверно играли в комнате, только по лицу его под кожей прокатывались световые волны, и казалось, что в каждый следующий миг это лицо — иное, не женское, не мужское и не детское, но иное. Несколько мгновений он смотрел на Раду, затем вновь отвернулся к очагу, и она тоже улеглась обратно, стараясь не побеспокоить искорку, чьи глаза были полуприкрыты, а дыхание — ровным.

Что-то было в том сне, что пришел ей, что-то очень важное, но Рада никак не могла взять в толк, что именно. Глаза, глядящие на нее из темного озера, не походили ни на одни, что она видела в жизни, и все равно у Рады было такое ощущение, что они ей знакомы. Было в них что-то очень родное, что-то такое близкое ей самой, но при этом иное. Гадая, что бы это могло быть, Рада уснула.

Второй день был точно таким же, как и первый. Да и третий тоже. Вокруг ничего не менялось, лишь коридоры тянулись и тянулись во все стороны, и Рада окончательно потеряла направление, в котором они двигались. Ночевали они обычно в небольших комнатах, где имелись очаги и в соседнем помещении виднелся выход на поверхность. Все эти комнаты походили одна на другую с небольшой разницей: где-то стены были украшены всевозможным барахлом, где-то нет, где-то были кровати, где-то покачивались подвешенные к потолку гамаки. Вот и все.

Порой они забредали в кладовые, где у Редлога была спрятана еда, и Раде оставалось только дивиться на то, сколько всего он перетащил вниз под землю, где он все это взял, и почему оно не портилось. В ящиках стояли свежие овощи, изредка попадались даже фрукты. Мясо, хоть и мороженное, на вкус было таким, будто его только вчера освеживали. Крупа тоже отличалась мягким вкусом и аппетитным запахом, что сбивало с толку. Рада заметила, что если мешки с крупой лежали в кладовых, отведенных под еду, то крупа была хороша. Если же они валялись на полу вместе с другой рухлядью, которую Редлог стащил сюда, то мешки буквально кишели жучками. Как-то раз во время привала она спросила об этом Редлога, но тот в ответ промямлил что-то невнятное и скрылся в тоннелях по своим делам.

— Мне кажется, это не просто кладовые, — негромко заметил Кай с вечным огоньком лукавого любопытства на дне нефритовых глаз. — Вокруг них очень странный энергетический фон, который я не могу прочитать.

— Я тоже заметила, — кивнула Лиара, сосредоточенно жуя похлебку, которую ей в миску щедро плеснула Улыбашка.

— И что это значит? — заморгала на них обоих Рада.

— Это значит, что Редлог каким-то образом заставляет продукты не портиться в этих кладовых, — отозвался Кай. — Что-то он делает, чтобы они сохраняли свои вкусовые качества, но что именно — я сказать не могу. Во всяком случае, энергии Источников я не вижу, а это значит, что он использует какой-то другой способ.

— Да, — кивнул головой сидящий рядом Алеор. Все это время он с интересом прислушивался к беседе спутников, но сохранял молчание. — Забавно, но Редлог использует

метод, к которому прибегают в Лесном Доме, чтобы сохранять зерно. Это что-то вроде крохотной Мембраны, растянутой над одним конкретным местом, пленки, под которой время течет гораздо медленнее. Или, может быть, это некая дыра во времени, пустое пространство, где вообще нет никакого движения, оттого там ничего и не меняется. — Алеор усмехнулся и покачал головой. — Только вот я не чувствую в этих местах никакого движения энергий вообще. Эльфы-то хотя бы пользуются силой своей крови и меняют время по своему желанию, сплетая пространство таким образом, чтобы оно приобретало нужные им свойства. Здесь же нет ничего, просто дыра.

— Проклятье! Не нравятся мне такие штуки! — поежилась Улыбашка, помешивая в варящемся на огне котелке.

— Но благодаря им мы сейчас едим свежее, — заметил эльф. — Хотелось бы мне однажды разгадать, как он это делает! Такое умение может пригодиться.

В этом Рада была с ним совершенно согласна.

Коридоры тянулись и тянулись бесконечно. Иногда их перегораживали сваленные горами награбленные сокровища мародера, и такие места начали встречаться все чаще. Рада с удивлением поглядывала на прислоненные к стенам знамена незнакомой расцветки на длинных древках и доспехи, каких она никогда не видела. Были здесь и разошедшие тележные колеса, и разломанная мебель, и прочий хлам, но оружие и доспехи преобладали, и ей подумалось, что, наверное, когда-то в этих местах произошла битва, после которой Редлог успел хорошенько пожить.

Форма доспехов и их внешний вид тоже не были ей знакомы, однако несколько экземпляров привлекли внимание. У стены, аккуратно расправленная, лежала прямо на полу черная кольчуга из столь мелких колец, что она больше походила на свитер. У нее были длинные полы, почти что до колена, длинные рукава и широкое, расшитое червлёным серебром горло. Но самым странным был символ на груди: треугольник с глядящим оттуда глазом. Судя по всему, кольчуга привлекла не только ее внимание, потому что заглядевшаяся Рада услышала за плечом негромкий голос Лиары.

— Чей это символ? Такой странный...

— Это символ Анкана, Детей Ночи, — на ходу отозвался Кай, бросив лишь один короткий взгляд на кольчугу. — Также, он обозначает и Создателя, во всяком случае, так они утверждали. Потому и носили его на груди.

Рада с любопытством и некоторой боязнью вновь взглянула на символ. Множество толков ходило о Детях Ночи, давным-давно исчезнувшем ордена ведунов с Северного Материка. Говорили, что когда-то они правили всем миром, даже эльфами, и что все они были на стороне Крона. Якобы именно потому, что являлся одним из них, он и сумел обрести великое могущество и развязать Первую Войну, которая сотрясала весь известный мир долгие годы. И лишь Ирантиру Стальву, Королю Солнце, удалось остановить его полчища и уничтожить его самого. Ныне Анкана презирали и боялись, хоть и ходили слухи, что никуда они вовсе не исчезли и до сих пор продолжают вредить миру, как бы ни пытались их сдерживать Церковь. Несмотря на всю свою нелюбовь к Жрецам, в это Рада почти верила, уж больно зловещей была история Анкана.

— Проклятые пауки! — сплюнула на пол Улыбашка. — Весь мир оплели своими сетями! Как хорошо, что в Срединный Этлан они не суются!

— Я бы не был так уверен в этом, Улыбашка, — проговорил шедший впереди всех Алеор, и в голосе его послышалось самодовольство. — А коли не веришь мне, то можешь

спросить у Фрицца Гранитного Кулака, как вернешься домой. Думаю, он много чего интересного может тебе порассказать об этом.

— Ты к чему это ведешь, древолюб? — набычилась гномиха, сверля его спину тяжелым взглядом. — С чего это Фриццу якшаться с этими ведьмами? Уж скорее бы твоему дядьке Илиону это делать, а не ему!

— Ты просто спроси, — сдерживая смех, отозвался эльф. — Может, он тебе и расскажет. А может, и башку снесет за такие разговоры.

— Лучше просто ответь мне сейчас, Алеор! — угрожающе заворчала Улыбашка. — Загриен свидетель, для всех так лучше будет!

— У Фрицца Гранитного Кулака есть советники Анкана, — вместо Алеора проговорил Кай, оборачиваясь и глядя на гномиху. Для этого ему приходилось выворачивать голову. — Как и у некоторых других правителей Этлана Срединного. Просто они предпочитают не слишком распространяться об этом.

— Да твою ж бхару! — выдохнула гномиха, но продолжить не смогла. Она потрясенно смотрела на Кая, двигая челюстью, словно разучилась говорить.

— Зачем вообще кому-то нужны советники Анкана? — вместо нее подала голос Рада. — Кто захочет даже разговаривать с теми, кто заварил кашу Первой Войны?

— Самое забавное состоит в том, что Крону удалось не только наплодить монстров, разбить армии людей, раскидать по миру эльфов, хоть в итоге он и был повержен. Ему удалось нечто гораздо более важное: дискредитировать Анкана. До Первой Войны они действительно правили миром, они возглавляли Совет Мудрых, объединяющий представителей всех рас и существующий для совместного принятия решений. И все у них складывалось вполне гладко до того момента, как появился Крон. На самом деле он не был Сыном Ночи, но слухи об этом были слишком настойчивыми, чтобы их игнорировать. То ли его сподвижники распустили эти слухи, то ли в возросшей враждебности после окончания войны и нового витка политической нестабильности империи Короля Солнце вечный людской страх и ненависть к тем, кто отличается от них, сыграли свою роль. Однако было решено, что именно из-за Анкана началась Первая Война, и Орден был лишен власти и предан забвению.

— А как же то, что говорят про их силу? — Улыбашка недоверчиво смотрела в спину Кая. — Что они могут использовать энергию обоих Источников, и что это очень опасно? Это тоже неправда?

— Как сказать, — задумчиво отозвался Кай. — С одной стороны гораздо большему риску подвергается ведун, соединяющийся только с одним Источником — соблазн поддаться искушению и захотеть власти кроется в самом могуществе, даруемом этой силой. А вот одновременный контроль над двумя Источниками — вещь очень сложная, добиться его трудно, так что на честолюбивые мечты времени почти что и не остается. С другой стороны, в этом и проблема: чрезвычайная сложность совмещения Белых и Черных потоков, уравнивание их, полный контроль над ними при том, что их сила кардинально противоположна по своей сути. Так что я не могу сказать тебе, кто более опасен для мира: Истинные Жрецы Черной и Белой Рук или Анкана. — Немного помолчав, Кай добавил. — И тому же, Аватары Создателя рождаются с возможностью использовать оба Источника одновременно. Вряд ли Создатель вселил бы часть своей души во что-то, что действительно было бы опасным для всего мира.

— В таком случае, Анкана должны бы поддерживать Аватар, только я о таком никогда

не слышала, — задумчиво проговорила Лиара.

— Дети Ночи не могут напрямую вмешиваться в дела мира, — ответил ей Кай. — Это запрещено им со времен Первой Войны и империи Короля Солнца, и я боюсь, что если они все же ослушаются этого приказа, может начаться война между Тронем Ночей и Церковью. Я читал несколько старых рукописей, где упоминалось, что Анкана предпринимали попытки заставить Аватар отправиться для обучения в Лес Ночей, и что эти попытки провалились, после чего Анкана отказались сотрудничать с Аватарами и оставили их одних наедине с их войной. Впрочем, прошло слишком много времени с тех пор. Никто не может знать наверняка, что там было, кроме самих Аватар, если они все-таки сохранили память. Их собственноручных записей о Танце Хаоса, к сожалению, не сохранилось.

— Ты интересовался этим вопросом, Кай? — когда ильтонец кивнул, Раде стало еще более любопытно. — Может, тогда ты расскажешь нам об Аватарах? Кто они?

— Вряд ли я знаю намного больше, чем ты, Черный Ветер, — отозвался ильтонец, но все-таки заговорил. — Каждые полторы — две с половиной тысячи лет они возрождаются, чтобы начать Танец Хаоса с Аватаром Хаоса, вечную войну, что длится с самого начала мира. Их всегда двое, это всегда женщины, рожденные в один день и час. Все наперебой утверждают, что они — одна душа, разорванная на два тела, но я не представляю, как такое может быть.

— Об этом мы слышали, — кивнула Лиара. Она тоже выглядела очень заинтересованной.

— Добавить к этому я могу не так уж и много, — пожал плечами ильтонец. — Прошлый Танец, которым завершилась Вторая Эпоха, длился около полутора десятка лет, и был таким разрушительным, что оправиться от него полностью смогли лишь века через три-четыре. В прошлый раз одна из Аватар, Энерион, была рождена в семье наследника государства Руон, того, что теперь называется Андозабаром. Вторая Аватара — Элонор — официально считается последней нимфой Этлана Срединного, на которой существование этого народа пресеклось. Известно, что они передали Руон в полное управление Церкви, предпочтя помощь Черных и Белых Жрецов помощи Анкана. Известно, что они разорили государство Мелонъяр Тонал, а вместе с ним к крушению пришли и народы, населяющие южную часть Мелонских гор: гномы и подгорные эльфы. Погибли они, как и водится, в финальной битве с Аватаром Хаоса, остановив его полчища и его самого. Вот и все, что я могу добавить.

— А Аватар Хаоса? — спросила Рада. — Что он такое? Он тоже возрождается?

— Не совсем, — покачал головой Кай. — Говорят, что он всегда один, человек, предавший свою душу Владыке Хаоса, антиподу Создателя, еще на заре мира. Говорят, что он никогда не умирает, даже если его тело разорвано на куски, если сожжено в пепел, и что Танцы Хаоса разделяет такой большой промежуток времени именно потому, что за это время Аватар Хаоса воссоздает свое тело и возвращает силу. И когда он уже почти готов нанести удар, в мире рождаются Аватары, призванные для того, чтобы остановить его.

— Какая угрюмая судьба, — передернула плечами Улыбашка, словно по коже ее пробежал мороз.

— Меня всегда интересовал факт, — задумчиво продолжал Кай. — Почему Танец обязательно должен закончиться смертью всех трех Аватар? Почему кто-то один из них не может выжить? Понятно, что если у Аватар Создателя одна душа на двоих, то они могут или вместе выжить или вместе умереть, но это не отменяет вопроса, почему они не могут пережить Аватара Хаоса? Или на то воля самого Создателя? Оружие, использованное е

битве, после окончания войны ему уже без надобности?

— А ты представь, что будет, если Аватары выживут, — криво усмехнулся шедший впереди Алеор, оборачиваясь к Каю. До этого он слушал, но сейчас тоже решил заговорить. — С их невероятной силой, которая во много раз превышает силу даже самых могущественных Анкана. Представь, что будет, если они захотят захватить весь мир и создать свою империю? В прошлый раз народ пошел за ними только потому, что Энерион отказалась от трона, таким образом, четко показав, что власть ее не интересует. И что же случится, коли все-таки эта власть станет ей интересной, когда Аватар Хаоса будет повержен, а за спиной ее будет стоять натренированная в боях армия Спутников? Тогда Аватары победоносным маршем пройдут через весь мир и создадут империю, равной которой не было.

— Ты говоришь так, как будто только об этом и мечтаешь, — ворчливо заметила Рада. В голосе эльфа звучало искреннее восхищение.

— Да, — просто отозвался он. — И когда они вернутся, я сделаю все для того, чтобы так и произошло.

— Зачем? — удивленно выдохнула искорка, хлопая ресницами и глядя огромными глазами в его спину. — Зачем развязывать войну сразу же после окончания первой? Зачем эти напрасные людские жертвы?

— Ирантир смог победить Крона, только объединив все расы Этлана. Чтобы победить ученика Крона, Этлан вновь должен стать единым. Все просто, Светозарная, — пожал плечами тот. — Я хочу сровнять Остол Горгот с землей, выжечь дотла всю Темную Страну и засыпать почву солью, чтобы там никогда не выросло больше ничего живого. И когда начнется Танец Хаоса, Аватары мне в этом помогут.

— Но, Алеор, не кажется ли тебе, что у них и своих дел будет по горло? — с сомнением обратилась к нему Улыбашка.

— Да, но им нужна будет армия. Чтобы заручиться поддержкой всего Лесного Дома, думаю, они согласятся на удар по Остол Горготу. Это было бы самым разумным, что можно было бы сделать. К тому же, мы же не просто так идем за Семь Преград. Сети'Агон уже освободил своих Эвилид, лучших своих помощников, и он явно готовится нанести удар. Та битва в Роуре восемь лет назад была лишь первым звоночком, пробой сил. Там у него не получилось, но части своих целей он достиг, и Эвилид теперь с ним. Думаешь, он не воспользуется шансом ударить в тыл Аватарам, пока те будут громить армии Аватара Хаоса?

— Кстати, об этих армиях, — встрепенулась Рада. — А это правда, что он поднимает трупов, чтобы те сражались за него?

— Правда, — оскал Алеора стал еще более хищным. — А теперь подумай, Радушка, как можно убить то, что уже мертво? И зачем Аватарам армия Спутников? Если Сети'Агон ударит им в тыл, учитывая, какой тяжелый бой их и так ждет, то вряд ли они сумеют развернуться и достойно ответить ему. Пока мир будет дрожать под ударами Танца Хаоса, Сети'Агон может устроить такую бойню, что после нее Этлана существовать уже не будет.

— Я не понимаю, почему ты так радостно обо всем этом рассказываешь, — недовольно взглянула на него гномиха. — Можно подумать, что ты только и мечтаешь о том, чтобы это поскорее случилось.

— Я был рожден для того, чтобы принять в этом участие, Улыбашка, — спокойно отозвался Алеор. — Вечная жизнь чересчур скучна, чтобы тратить ее на размышления и грезы. Не говоря уже о том, что когда враг уверен, что победил, он становится беспечным.

Когда Сети'Агон обрушится всей своей мощью на Аватар, считая, что он уже почти что выиграл эту битву, я ударю в его самое больное место и рано или поздно уничтожу его.

Что-то в голосе эльфа заставило Раду поверить, что ему действительно под силу в одиночку уничтожить Сети'Агона и всю его империю. Хотя она и помнила его сражение с Сагаиром, в котором Алеор явно уступал по силам, а упрямства и глупости в нем было вполне достаточно, чтобы попробовать и рано или поздно одержать верх.

Тяжелые думы заняли ее, и невеселые мысли крутились в голове. Все эти размышления о Танце Хаоса теперь были гораздо более актуальными, чем раньше, ведь Марны уже предсказали его скорое начало. Ей вновь вспомнился вопрос искорки: «Что ты будешь делать, когда начнется Танец Хаоса?». Рада невесело усмехнулась. Наверное, среди Спутников найдется место и для меня. По крайней мере, с какой стороны держать меч, я знаю, только вот какой от этого толк, если против меня и так будет стоять то, что мертво?

Они шли по коридорам вперед, и эхо их шагов отдавалось мерной дробью под сводчатыми потолками.

===== Глава 4. Изнанка мира =====

На четвертый день пути дорога переменилась. Свет масляного фонаря выхватывал из темноты стены, и они уже не были однородной толщей земли, в которой то и дело встречались камешки, корни деревьев, прочий сор. Сначала появился щебень, одним только чудом удерживающийся на месте, потом проступила каменная порода, а лаз стал уже, и идти рядом с Лиарой они уже не могли. Стены тоннеля больше не были ровными, а потолок снизился, давя на головы путников. Каю пришлось согнуться почти что пополам и идти боком с его широченными плечами, и из-за этого продвижение отряда заметно замедлилось.

Рада оглядывалась вокруг, поднимая фонарь повыше, чтобы было лучше видно. Камень дышал ледяным холодом, и то и дело по нему стекали маленькие струйки воды. Кое-где он порос лишайниками и мхами, абсолютно белыми в этой крошечной тьме, и Раде они казались похожими на болячки или старые шрамы. В воздухе сильно пахло камнем, стужей и сыростью, от которой она то и дело ежилась, даже несмотря на теплый мех своей дубленки. Наверное, мы уже под Эрванским кряжем, подумалось ей.

Теперь уже тоннель вовсе не походил на то, что было вырублено руками человека. Исчезли все до единого ответвления и схроны. Стены лишь немного подправили, расширив так, чтобы можно было пройти, но Рада предполагала, что сама трещина в земле образовалась естественным образом, и Редлог лишь использовал то, что уже создала природа, чтобы проложить дорогу. Пол под ногами был неровным, сам тоннель петлял и вел все время вниз с небольшим уклоном. Иногда стены сужались так близко, что и ей самой приходилось идти боком, чтобы протиснуться между ними.

Редлог то и дело принимался скулить, что это была не слишком хорошая идея, что ему вообще не следовало связываться с Алеором, что за преградами опасно, и ходить туда не следует, но никто к его словам не прислушивался. Сам Алеор хмуро шел за ним следом, подталкивая мародера в спину, если тот останавливался и принимался жаловаться. Лиаре тоже, судя по всему, было не очень комфортно. Лицо у нее слегка побледнело, губы напряженно сжались, она то и дело бросала взгляды на потолок над собой и конвульсивно сглатывала.

— Что с тобой, искорка? Тебе плохо? — Рада понизила голос, с тревогой глядя на нее.

— Камень давит, — односложно отозвалась та, сразу же вновь замолчав, словно говорить ей было трудно.

— Потерпи, Светозарная, — прогудел Кай, боком продвигаясь по узкому тоннелю. Несмотря на обстановку, в голосе его звучало почти что удовольствие. — Я чую впереди большие пустоты. Скоро мы выйдем в пещеры, и будет легче.

Судя по всему, только Каю с Улыбашкой сейчас хорошо и было. Ильтонец улыбался, и пальцы его то и дело слегка прикасались к камню стен, то здесь, то там, тихо постукивая. Его глаза подернулись туманной дымкой, и он что-то тихонько шептал себе под нос, рассматривая выходы породы и качая головой. Даже то, что ему приходилось сгибаться в три погибели при его-то росте, казалось, нисколько не смущало Кая.

Улыбашка тоже казалась довольной. Она ковыляла быстро и легко, вразвалочку, то и дело похлопывая ладошкой по каменным выступам, так, словно одобряла проделанную природой работу. Глаза ее в темноте приглушенно фосфоризировали, как у хищника, чего Рада раньше не замечала. Даже шаг у нее стал увереннее, чем наверху, будто громада гор, нависшая над ними, для нее не создавала ровным счетом никакой проблемы.

— Хорошо здесь! — гномиха втянула носом сырой стылый воздух тоннелей и довольно крикнула. — Что надо горы. И порода хорошая. И почему только гномы не заселили Кряж?

— Потому что порой здесь бывают очень опасные миражи, — неожиданно отозвался идущий во главе отряда Редлог. Все эти дни он отмалчивался, с опаской поглядывая на путников и отсаживаясь от них во время привала как можно дальше. Но вроде бы он начал несколько привыкать к их присутствию, и каждый вечер расстояние между ним и компанией уменьшалось. Не быстро, примерно на ладонь, но садился он все ближе и ближе. А теперь вот еще и в разговор вступил. Рада гадала, что же будет дальше? Может, он разрешит им погладить Жужу? Сейчас мародер говорил через плечо, не оборачиваясь, лишь краем глаза кося на Улыбашку, как косятся осторожные животные. Но это уже было большим достижением. — Кому захочется жить в таком месте?

— Миражи? — удивленно переспросил Кай.

— Да, — подтвердил тот, бросив быстрый взгляд на ильтона и сразу же отвернувшись. — Просто кусок пещеры исчезает, а вместо него... В общем, вы сами все увидите.

— А что ты имел в виду, говоря об опасности? — решила уточнить Рада.

— Говорят, что если попадешь в этот мираж, обратно не вернешься. Так и останешься болтаться где-то между двумя мирами, — преспокойно принялся объяснять Редлог, и Рада ощутила пробежавший по спине озноб. — Иногда даже сами пещеры меняются местами, перепутываются. Там, где был сплошной камень, вдруг оказывается подземное озеро или еще что, и наоборот. Но эта тропа безопасна, я много раз ходил ею, и ни разу она не изменила своего вида.

— Эти горы живые, — негромко проговорил Кай. Глаза его смотрели сквозь толщу породы и, казалось, видели что-то, невидимое остальным. — Они двигаются, они дышат, они меняются. Они не похожи ни на что, что мне доводилось видеть.

— Вот-вот, — покивал Редлог. — Потому коротконогие Дети Камня и не пришли сюда. Здесь им не по себе.

— Сам ты коротконогий, — услышала Рада приглушенный шепот Улыбашки, но особенной обиды в нем не было.

Как-то раз, обернувшись, она увидела за спиной Жужу. Тот тоже шел по тоннелю боком, протискиваясь между камней, и когда Рада обернулась к нему, застыл. Глазки его расширились в темноте, он задергался, пытаясь удрать, но камни держали крепко, и медведь

просто обвис, покорившись их воле. Рада только головой покачала, отворачиваясь.

Ильтонец оказался прав, и очень скоро узкий тоннель кончился. С трудом протиснувшись сквозь неровные скальные выступы, Рада вдруг оказалась в огромном помещении, и чувство давящего на голову камня слегка отступило. Теперь лучи света от ее фонаря не выхватывали из темноты стены. Она подняла светоч повыше, в попытке разглядеть потолок, но и его не увидела.

Друзья выходили из тоннеля и замирали на краю пещеры, привыкая к ее размерам. Улыбашка глубоко восхищенно вздохнула, глядя куда-то в темноту. Рада бросила на нее внимательный взгляд, потом тоже посмотрела, но ее глаза не видели ничего. Рядом точно так же, как и гномиха, вздохнула Лиара, прибавив:

— Какая красота!

— О чем вы говорите? — с досадой спросила Черный Ветер, крутясь на месте и пытаясь высветить хоть что-то своим фонарем. — Что вы там такое увидели?

— Фонарь погаси и поймешь, — с ухмылкой посоветовал ей Алеор. Он как раз отодвигал заслонку своего фонаря, чтобы задуть фитиль.

Рада поспешила проделать так, как он сказал, и на миг ослепла. Темнота казалась густой, как вакса, она заморгала, не понимая, как вообще можно здесь что-то разглядеть. Вскоре глаза начали привыкать, и тьма отступила. На миг Рада забыла о том, где и зачем находится. От разворачивающегося перед глазами зрелища захватывало дух.

Стены разбегались во все стороны, расходились, потолок резко ушел вперед, и сейчас они стояли в огромной пещере. Ее своды покрывали громадные соляные наросты, точно такие же поднимались с пола им навстречу, бледно поблескивая в темноте. От них в воздухе разливалось странное зеленоватое свечение, не отбрасывающее тени, но видимое лишь в темноте. Больше всего это походило на звездный свет, а соляные наросты — на громадные сосульки, в которых он отражался и преломлялся.

— Проклятье, ты уверен, что эти миражи настолько опасны? — Улыбашка не отрывала взгляда от пещеры, но обращалась к Редлогу. — Здесь даже освещение есть, пусть и слабое, его лишь нужно немного усилить и все. Эти пещеры словно для нас и созданы!

— Ну, коли хочется тебе зависнуть одной ногой в нашем мире, а другой — на его вывернутой стороне, то можешь попробовать здесь пожить, — нервно хихикнул Редлог. Он потер руки, внимательно осматривая пещеру, словно ждал подвоха. — А мне вот такой судьбы совсем не хотелось бы. Или тут, или там, но никак не посередине, это точно.

— На вывернутой стороне? — прищурилась Лиара, с интересом глядя на него. — Что ты имеешь в виду?

— Пойдемте-пойдемте, — заторопил их мародер, первым устремляясь вперед по тропе. — Дорога еще дальняя, до источника воды далеко. Так что нам надо бы поспешить.

Рада зашагала вперед, неся в руке лампу, пристроившись за плечом Лиары. Дорога вилась мимо торчащих из пола соляных наростов, многие из которых доходили по высоте Каю до макушки. Их поверхность слабо посверкивала в темноте, переливалась цветом, будто внутри сидели тысячи тысяч крохотных светлячков. Рада склонила голову набок, приглядываясь к этим наростам. Форма у них была вытянутой, а под ладонью чувствовалась шершавая влажная поверхность. Сколько же времени потребовалось, чтобы все они сформировались здесь? Вскинув голову вверх, она смотрела на точно такие же наросты на потолке, мерцающие и странные. Порой с них срывались капли воды, падая вниз, прямо на поднимающиеся с пола. Это что, получается, сама вода окаменела, превратившись в эту

красоту? Но как?

В воздухе стоял странный холодный запах соли, от которого чесалось в носу. Здесь было очень холодно, и Рада поежилась под дубленкой. Хорошо еще, ветра не было, но она бы все же предпочла выйти куда-нибудь, где теплее. В конце концов, сегодня им придется ночевать на полу, если дальше схронов Редлога не будет, а попробуй усни на ледяном камне.

Длиной пещера была, по меньшей мере, в несколько сотен метров, раскидываясь над головой диковинным вышитым звездами шатром, и по прикидкам Рады здесь вполне бы уместилась маленькая деревня. Улыбашка, шагавшая впереди, была, судя по всему, точно такого же мнения, потому что то и дело вздыхала и качала головой, рассматривая и ощупывая соляные наросты на полу.

— Думаю, убрать их не так сложно. К тому же, соль пригодилась бы городу, да и торговать ей можно. Можно сделать и так, чтобы сверху не капало, чтобы новые не росли, — негромко бормотала она себе под нос, полностью потеряв интерес к спутникам.

— Я бы хотела когда-нибудь увидеть город гномов, — тихонько проговорила искорка, обращаясь к Раде. — Говорят, что их пещеры огромны, настолько велики, что и противоположный край едва видно. А под сводом висят разноцветные кристаллы, освещая все днем и ночью, мерцающая в темноте. И это очень красиво.

— Может, когда-нибудь и посмотрим, — улыбнулась ей Рада и окликнула гномиху. — Улыбашка, а пригласишь нас когда-нибудь посмотреть Утворн? Искорке интересно, да и я не прочь взглянуть.

— А? Что? — Улыбашка повернулась к ним с рассеянным видом и нетерпеливо закивала, вновь возвращаясь к изучению кристаллов. — Да-да, отведу. Вам-то можно, наверное, будет. А то у нас эльфов не очень-то любят, но раз уж ты, Рада, сестра Алеора...

Она замолчала, не договорив и вновь принявшись тихонько бормотать под нос.

Вскоре они миновали огромную пещеру и вошли в коридор в ее противоположном конце, еще одну трещину в скальной породе. На этот раз скат повел их вверх, и он уже совсем не носил никаких следов обработки. Рада видела рисунок спрессовавшегося под невероятным давлением горы камня, разноцветные прожилки самоцветов, мерцающих в свете фонарей, которые они вновь зажгли. Под ногами шуршало мелкое каменное крошево, и эхо гуляло по тоннелям во все стороны, отскакивая от стен. Один раз она нагнулась, заметив, что в шлаке у стены что-то мерцает, и выудила оттуда прозрачный самоцвет, голубой, словно кусочек неба.

— Сапфир, — словно невзначай обронил Кай, и Рада едва рот не открыла от удивления, глядя на камешек на своей ладони. Ильтонец обвел глазами своды тоннеля и улыбнулся. — Эти горы очень богаты, столь щедры! Может, оттого, что никто, кроме нескольких человек, никогда не ходил здесь, может, оттого, что здесь место силы. В любом случае, постарайтесь запомнить это место навсегда. Таких гор вы не увидите больше нигде.

— Место силы? — переспросила его Лиара. — Что ты имеешь в виду?

— Я чувствую... — Кай замолчал, подбирая слова. — Я чувствую здесь что-то иное. В самой структуре камня, в материи, из которой спрессованы эти горы. Загляни поглубже, и ты тоже ощутишь это.

— Я не могу, — в голосе искорки чувствовалось напряжение, и Рада взглянула на нее. Девушка все равно хмурилась и плотно сжимала челюсти, словно ее подташнивало. — Камень — нечто совершенно чужое для меня, Кай, чужое и холодное. Он давит мне на голову, и я чувствую себя очень плохо.

— Естественно, — отозвался спереди несущий фонарь Алеор. — Его спина выглядела так невозмутимо, словно он прогуливался по полянке под звездным светом, но что-то все же проскользнуло в голосе. — Мне тоже здесь неуютно. Эльфы рождены для звездного света и неба, в каменных тоннелях в нас просыпается что-то от Тоски.

— Ты прав, Алеор, — кивнул Кай. Сейчас он шел прямо, — высоты тоннеля и его ширины вполне хватало для ильтонца, — и на целую голову возвышался над Алеором. — Эльфы не могут жить в горах, это место не подходит им так, как гномам или нам. Правда, мы предпочитаем склоны, ущелья, пещеры ближе к поверхности, а гномы закапываются к самым корням гор.

— Так что же здесь странного, Кай? — подала голос Рада, с любопытством глядя в его спину. — Что в этих горах не так?

— Эти горы — живые, — громадная ладонь ильтонца легла на стену тоннеля, а сам он остановился. Рада поняла, что не верит собственным глазам: на несколько мгновений рука ильтонца практически слилась с породой стены. Теперь он выглядел так, словно вырастал из этой горы, или она росла из него. Даже несмотря на то, что порода стен была темной и твердой, а руки Кая из светлого нефрита, он все равно сейчас был частью горы. При этом глаза ильтонца смотрели куда-то внутрь себя. — Я чувствую здесь нечто иное, энергию, которая мне не знакома. Что-то очень древнее, темное. — Он сощурился, зрачки его бегали, словно он пытался разглядеть что это. — Там внутри течет энергия чернее самой ночи, которой я раньше никогда не ощущал. И она... движется. У нее есть разум. Сейчас...

Внезапно глаза ильтонца расширились, он охнул, дернулся назад, пытаясь вырвать руку, но та будто намертво примерзла к камню. Теперь Рада видела, что его запястье полностью растворилось в стене, будто Кай влип в мед или патоку, только вот это был холодный и твердый камень. Ильтонец захрипел, изо всех сил отдергиваясь, но ничего не происходило.

— Я помогу, Кай! — Алеор дернулся к нему, схватился за его руку, втянутую в стену, и тоже принялся тянуть. — Держись!

— Проклятье, что происходит? — вскричала Улыбашка, снизу вверх глядя на ильтонца.

— Не получается! — прорычал Кай, изо всех сил дергаясь на месте. Лицо его исказилось от напряжения.

— Я же говорил про миражи! Я говорил! — всплеснул руками Редлог.

Рада и сама не поняла, как навалилась на Кая с другой стороны, тоже ухватываясь за его мощное плечо и пытаясь вытянуть его руку обратно. Ощущение было странным: совершенно точно камень, но теплый, а еще она чувствовала внутри него напряжение, будто там под этой твердой породой каменных рук были мышцы, но такого совершенно точно не могло быть.

— Тяни! — рявкнул Алеор.

Кай почти что закричал от натуги, изо всех сил подаваясь назад. Алеор и Рада тоже всем телом повисли на его руке. Через миг она пробкой вылетела из стены, и все трое, не удержавшись, повалились на пол.

Рада больно ударилась голенью об пол и охнула. Рядом сквозь стиснутые зубы дышал Кай, прижимая к груди каменную кисть.

— Ты в порядке? — искорка уже была здесь, поддерживая ильтонца под плечи. Голос ее звучал испуганно. — Что произошло, Кай? С тобой все хорошо?

— Да, — с трудом отозвался ильтонец, неловко поднимаясь на ноги. Вслед за ним выпрямились Рада с Алеором. На стену Кай смотрел со смесью ужаса и непонимания.

— Что произошло, бхара? Какого рожна ты туда полез? — заворчала Улыбашка, задирая

голову, чтобы видеть его лицо. Каю она была буквально по бедро.

— Мы так делаем, когда читаем камень, — отрывисто заговорил Кай. Он поворачивал глыбами, из которых состояла его каменная рука, проверяя, все ли в порядке. Выглядело это для глаз Рады крайне странно. — Нам достаточно коснуться скалы, чтобы рука стала ее частью, и мы могли искать породы, читать рисунок отложений или что-нибудь мастерить. Вот только сейчас меня будто что-то схватило. — Он напряженно взглянул на стену. — Там что-то есть, черное, извивающееся, как угри. И оно очень голодно.

— Это имеет отношение к Сету? — напрягся рядом Алеор. Рука его легла на рукоять меча.

— Нет, — уверенно покачал головой Кай. Он выглядел удивленным и испуганным одновременно. — Это... Это словно память этих гор, их кровь, которая ушла к самым корням. Она живая, она движется, мы ей не нравимся. — Он помотал головой, словно был окончательно сбит с толку. — Это энергия, которой я не знаю, Алеор, что-то настолько древнее, с чем я не знаком. И, думаю, совершенно не хочу знакомиться.

— Энергия, которой ты не знаешь? — вздернул брови эльф. — Но как такое может быть? Ты же Жрец, ты чуешь Источник, ты знаешь, что представляет из себя энергия, с помощью которой создавали этот мир.

— Да, и при все этом я не знаю, что за энергия только что не пускала мою руку! — почти что вскричал ильтонец. — Это невысказано!

— Может... — Лиара неуверенно взглянула на него. — Может, это как-то связано с Великой Матерью?

— Никак, — покачал головой он. — Я помню, что делала ты на корабле Равенны, я помню, как это чувствовалось, и это совершенно разные вещи. — Он опустил раненую руку и проговорил. — Лучше бы нам не вступать в контакт с этими силами. Я не знаю, на что они способны, но мы-то точно для них не более, чем корм.

— Редлог, — Рада обернулась к мародеру, топтавшемуся в стороне со страдальческим видом. — Что ты там говорил про миражи? Это они?

— Может быть, — отвел глаза в сторону тот. — Я не уверен...

— Редлог, это очень важно! — настойчиво взглянул на него Алеор. — Будь добр, расскажи все, что ты знаешь об этом.

— Я не так уж и много знаю, — с тяжелым вздохом отозвался мародер, глядя в пол и потирая руку. Вид у него был очень неуверенным. — В этих горах ткань реальности более... густая и при этом очень гибкая. Она здесь как бумага, сложенная гармошкой в несколько слоев. Иногда она растягивается, и тогда все идет, как обычно. Иногда она сжимается, и сквозь это место проступает какое-то другое. — Лицо у него помрачнело. — Я видел всего несколько раз. Это большие пещеры, наполненные громадными кристаллами, резными кристаллами, испещренными вязью и надписями. В этих пещерах — города, там живут создания с пепельными волосами и золотыми глазами, прямо в этих кристаллах. Но если ты видишь такой мираж, нужно как можно скорее бежать от него. Потому что если ты попадешь в него, а гармошка расправится, то ты так и останешься там, а не здесь. Это все, что я знаю. — Редлог бросил на Алеора быстрый взгляд. — А теперь пойдете уже дальше. Если это началось здесь и сейчас, мы рискуем не выйти из этого. Надо нам оказаться как можно дальше отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Рада и половины не поняла из того, что он сказал, но звучало это достаточно зловеще, чтобы два раза упрашивать ее не пришлось. Путники прибавили шагу, стараясь как можно

быстрее покинуть странный коридор, и все то и дело косились на стены, сбившись к центру тоннеля, чтобы быть как можно дальше от них. Фраза Кая о том, что с другой стороны кто-то наблюдает, кто-то голодный, да еще и разумный, не слишком-то понравилась Раде. А что будет, когда мы уснем? — подумалось ей. Не спать-то мы не можем, во всяком случае, половина из нас. Пол-то тоже из камня. Взгляд сам собой скользнул под ноги, и Рада сглотнула. От одной мысли, что она шагает по чему-то живому и явно недружелюбному, ее прошиб холодный пот.

Почти сразу же горячая ладошка искорки нашла ее руку. Рада взглянула на нее, пытаясь сделать лицо как можно более расслабленным и уверенным, но ничего-то у нее не получилось.

— Не бойся, — ладошка искорки слегка сжала ее пальцы, а в серых штормовых глазах уверенности было гораздо больше, чем у Рады. — Великая Мать защитит нас. Я сегодня не буду грезить и постараюсь сделать все, чтобы оградить нас от возможной беды.

— А ты сумеешь? — Рада недоверчиво взглянула на нее. — Кай говорит, что не знает этой энергии, что она совсем чужая.

— Помнишь, о чем мы говорили до этого? — вдруг как-то даже немного задорно улыбнулась Лиара. — О том, что сила Великой Матери исходит оттуда, где еще даже не существует Источников. А коли так, то она сумеет защитить нас, и с ней мы в безопасности. Просто доверься мне и ей, Рада, и все будет хорошо.

— А на гномиху у этой Вашей Великой Матери будет немного силы? — с надеждой в голосе буркнула шагающая впереди них Улыбашка. — Я маленькая, мне много не надо. Лишь бы никто души не стал ночью, этого вполне хватит.

— Конечно, будет, Улыбашка, — тихонько рассмеялась в ответ Лиара. — Я укрою всех нас, не беспокойся. Никто не пострадает.

— Ну раз ты так говоришь, Светозарная, — проворчала гномиха, но уверенности в ее голосе не слышалось.

Они шагали все дальше и дальше сквозь сумрачные расщелины под громадой Эрванской кряжа. Тоннель петлял, уходя то вверх, то вниз, порой раздваиваясь или расстраиваясь, но Редлог вел их вперед уверенно, выбирая дорогу так, будто не раз ходил по ней. Правда, сам он при этом то и дело вздрагивал, вжимал голову в плечи, что-то тихонько бормотал себе под нос и порой хихикал, оглядываясь на идущих за ним спутников, но к этому Рада уже успела попривыкнуть. Сумасшедший или нет, бог или нет, но он знал дорогу, и он был из плоти и крови, его можно было потрогать и даже дать ему затрещину, если уж очень сильно захочется. А что-то, что медленно растекалось по камню гор, то, о чем говорил Кай, потрогать было нельзя, и от этого зловещие мурашки бегали у нее по спине.

Порой коридор выводил в большие пещеры, и здесь дышалось немного свободнее. В некоторых из них с потолка свисали все те же кристаллы, в некоторых было так темно, что Рада лишь по отсутствию эха от собственных шагов могла судить об их размерах, но больше пока ничего неожиданного или странного путникам не встречалось.

Несколько раз дно тоннеля у них под ногами пересекали тонкие ручейки. В некоторых местах вода сочилась из стен, промыв себе путь вниз, во тьму гор сквозь едва заметные трещины в камне. Редлог сказал, что эту воду пить можно, и Рада попробовала, гадая, какой же она будет на вкус. Впрочем, вода оказалась самой обыкновенной, ничем не отличаясь от воды какого-нибудь лесного ключа, такая же ледяная и чуть сладковатая. То, что здесь есть эта жуть в стенах, еще не значит, что она отравит текущую сквозь нее воду. Не додумывай

всякого лишнего, и без того неуютно!

Несколько раз путники ненадолго останавливались, чтобы перекусить солониной, сыром и сухими лепешками, запивая все это ключевой водой. Впрочем, никому не хотелось слишком долго задерживаться на одном месте, потому такие привалы длились не больше пары минут, а потом они вновь двигались дальше. Тишина тоннелей давила на голову. Рада настороженно оглядывалась по сторонам, подсвечивая своим фонарем, и порой ей казалось, что самым краем глаза она видит какие-то тени, разбегающиеся в стороны при их появлении. Впрочем, это мог быть и обман зрения из-за пляски отсветов фонаря на выходах породы, и ее собственный страх, рисующий беду там, где ее не было. В конце концов, Рада запретила себе разглядывать тоннели и накликивать беду на свою голову и уперлась взглядом в затылок идущей впереди Улыбашки. Теперь гномиха больше не бормотала о том, что следовало бы заселить эти горы, ее перепуганный взгляд шарил по стенам, а брови тревожно хмурились.

Когда ноги превратились в одну огромную натертую мозоль, и каждый шаг начал причинять боль, они остановились на ночлег. Для этого Редлог выбрал маленькую пещерку в конце тоннеля, разлом, в котором едва хватило места для всех них. Ее противоположная сторона заканчивалась кривоватой аркой, из пола под которой выросли те самые соляные наросты. Рада осторожно задула свой фонарь и поморгала, привыкая к темноте, а затем молча взглянула вперед.

По сути, то место, где они остановились, и пещеркой-то назвать было сложно. Просто здесь тоннель раздавался в стороны, а буквально через несколько шагов обрывался в громадную пещеру. Оттуда веяло холодом и запахом соли, под потолком ее гуляло неумолчное эхо капли: вода срывалась с громадных наростов на потолке и падала вниз, на наросты на полу. Они были так велики, эти наросты. Рада безмолвно покачала головой, разглядывая тот, что был ближе всего к ним. В нем запросто поместился бы фермерский дом. Пространство между кристаллами заполняло мягкое зеленоватое свечение, они посверкивали миллионами крохотных светлячков, и это было бы очень красиво, если бы до смерти не пугало Раду.

Она попыталась разглядеть противоположную сторону пещеры и не смогла: толстенные наросты на потолке заслоняли ее. Просто, насколько хватало глаз, повсюду виднелись эти здоровенные соляные сосульки и ничего больше. Подойдя к самому краю арки, Рада аккуратно заглянула за него. Неровные каменные выступы чередовались, уводя глубоко вниз, метров на тридцать как минимум, и никакого подобия дороги здесь не было. Но наверное, все-таки можно спуститься, подумала она, прикидывая расположение выступов. Редлог ведь знает дорогу, он здесь проходил, значит, и мы пройдем.

Поглядывая на пещеру внизу, друзья складывали на пол свои тюки, расстилали одеяла. Вид у всех был не слишком-то уверенный, один Алеор не обращал ни на кого внимания и методично готовил себе место для отдыха. Искорка отошла к самой дальней от пещеры стене и уселась там, не сводя взгляда со светящихся наростов, Кай с Улыбашкой старались не смотреть туда, но Рада видела, как они косятся. Редлог плюхнулся на пол, подогнув под себя ноги, решительно повернувшись спиной к пещере.

— Послушай, Редлог... — проговорила Улыбашка. — А ты точно уверен, что нам тут безопасно будет спать? Нас не засосет в эту... гармошку, о которой ты говорил?

— В прошлый раз, когда я ходил здесь, дорога была безопасна, — вид у Редлога был насупленным, он ежом глянул на ильтонца. — Но я не совал руки в стены и вообще старался

ничего не трогать. Так что ничего не могу тебе сказать.

Улыбашка только покачала головой, разворачивая свое одеяло и продолжая хмуриться.

Рада покатила в пальцах кусочек сапфира, который нашла по дороге сюда. Самородок был крупным, размером с ноготь на ее большом пальце. Может, и стоило его выбросить, ведь все здесь было пропитано этой странной силой, о которой говорил Кай. С другой стороны, камушек был красивый, да и Лиаре он приглянулся. Оставлю, в конце концов, решила она. Может, когда-нибудь подвернется возможность отнести его ювелиру, чтобы тот сделал оправу для него. И тогда Рада сможет подарить его искорке.

За ужином никто не разговаривал, все молча жевали свои лепешки с сыром, стараясь не смотреть на соляную пещеру. В бледном зеленом отсвете кристаллов лица друзей выглядели какими-то болезненными, и Раде было не по себе. Когда ужин был закончен, а остатки провизии аккуратно уложены обратно в тюки, Лиара отряхнула руки и поднялась со своего одеяла.

— Мне нужно немного тишины, чтобы призвать силу Великой Матери, если вы позволите, — неловко проговорила она. — Для этого нужно сосредоточиться, так что...

— Да тут никто и не собирался диспуты устраивать, — проворчала гномиха. — У меня от этого места мороз по коже.

— Дать тебе одеялко? — осклабился Алеор, поглядывая на гномиху. — Я знаю, гномам-то в пещерах всегда неудобно. Так что я готов поухаживать за тобой, чтобы было комфортнее.

— Отвали, древолюб, и без тебя тошно, — поморщилась та в ответ.

Лиара отошла прочь от них и уселась в сторонке, почти у самого края пещеры, хоть по скованности ее движений было видно, что ей туда вовсе не хочется. В зеленоватых отблесках наростов тело ее странновато отсвечивало чем-то мертвенным и холодным. Рада вновь поежилась, поплотнее заворачиваясь в плащ и непроизвольно обводя взглядом низкие потолки тоннелей. Здесь ей было очень неудобно, каменная громада начала давить на голову, воздух казался затхлым, пыльным, оседал неприятным горьковатым привкусом соли на языке. Ладно, скоро мы выберемся отсюда. Думай о том, что скоро ты пройдешь все это и окажешься в Данарских горах. Надеюсь, там солнечно.

Что-то неуловимо изменилось в воздухе. Она встрепенулась, чувствуя мимолетное касание чего-то очень легкого, свежего, чистого. Огонек в груди мягко полыхнул, запульсировал сильнее. Рада перевела взгляд на Лиару. Та не шевелилась, все так же сидя спиной к ним на своем одеяле, но только теперь она выглядела как будто расслабленнее, мягче. Может, если я позову вместе с ней, будет немного легче?

Рада сосредоточилась и закрыла глаза. Она совершенно не знала, как и что делать, но золотое биение под ребрами само направляло ее действия. Всей собой она потянулась к этому пламени, отпихивая прочь свои мысли, свои тревоги, гнетущую атмосферу. Сейчас это было трудно, труднее, чем тогда, на корабле Сагаира. Мысли лезли со всех сторон, будто взбеленились, и чем сильнее она пихала их прочь, тем назойливее они пробирались в голову. Оказалось, что держать свою голову пустой в тишине гораздо сложнее, чем она раньше думала, но Рада упорно стиснула зубы и стремилась изо всех сил.

Золотая пульсация стала сильнее, и вместе с ней мало-помалу пришла нежность. Эта нежность укрыла ее плечи теплым пледом, прозрачными каплями она протекла сквозь поры тела прямо внутрь, в грудь, и дышать стало легче. Рада выдохнула, чувствуя, как спадает с плеч тяжесть горного свода, как отпускают тревоги. Чьи-то золотые руки лежали на плечах, храня ее от беды.

— Что это? — вдруг послышался рядом хриплый голос Улыбашки.

Слабое удивление проскользнуло по самой границе сознания Рады, и она открыла глаза. Перед ними была вовсе не та соляная пещера, в которую они вошли всего час тому назад. Теперь это было нечто другое.

Рада по-прежнему видела маленькую фигурку Лиары на самом краю пропасти, но все, что было дальше, переменилось. Все так же висели громадные наросты, но теперь они выглядели иначе. Снизу доверху их увивали узоры, диковинные разводы, слабо мерцающие в темноте, странные буквы, что были ей неведомы. Рада присмотрелась, щуря глаза: некоторые из надписей казались почти знакомыми, словно тот шрифт, к которому она привыкла, но немного измененный. А еще внутри наростов виднелись арки окон, за которыми сновали какие-то фигуры.

Во рту пересохло, и Рада задрожала. Почему-то говорить она не могла. Плотная как патока тишина опустилась на все вокруг, будто весь звук кто-то гигантской рукой забрал из мира, и в полной тишине разливалась вечность. Медленно, как в полусне, Рада поднялась. Это было сложно, руки и ноги казались ватными, но она поковыляла к искорке, напряженно вглядываясь в то, что разворачивалось перед ее глазами.

Как бывает в жару над раскаленной землей, пространство шло волнами, дрожало, рябило перед ними. Постепенно зеленоватое свечение становилось все сильнее, выцветая, превращаясь в тускло-белое, молочно-белое. Рябили соляные наросты, меняя очертания и размер. Теперь они стали как-то больше, отстояли друг от друга дальше. Не веря своим глазам, Рада видела подвесные мосты, которые соединяли часть из них, террасы, надстроенные тут и там. Она видела внизу, далеко внизу под наростами, громадный город, разбитый на улицы-лучи, что напоминали огромное горящее колесо. Город мерцал тысячью огней, город жил, и с такой высоты было видно, как крохотные фигурки людей пересекают улицы, торопясь по своим делам.

Рада открыла рот, чтобы что-то сказать, но оттуда не донеслось ни звука. С каждой секундой пространство вокруг них густело, наливалось жизнью, цветом, силой. Рябь становилась все быстрее и мельче, теперь глаз с трудом улавливал ее; движение пространства было таким быстрым, что казалось статичным. Густая атмосфера вдруг интенсивно ударила по всему существу Рады. Она поняла, что видит какие-то тени, пропитывающие город насквозь. Это было похоже на распухшие почерневшие вены рук, пульсирующие двигающейся по ним черной кровью, это было похоже на огромное сердце, что медленно билось в пустоте, гоня и гоня жизнь по гигантскому телу города. И все вокруг было пропитано этой кровью, которая несла с собой странную, неведомую жизнь.

Она поняла, что не боится. Страх не было, лишь бесконечное удивление. Токи силы пронизывали все вокруг, но обтекали ее стороной, не касаясь, разворачиваясь перед ее глазами. Какая-то фигура показалась на ближайшем к ним подвесном мосту. Рада видела женщину, высокую, крепко сбитую, шагающую твердой походкой знающего себе цену и уверенного в себе человека. На ней была странная форма серого цвета, но самым странным было ее лицо. Что-то в нем говорило Раде, что перед ней эльфийка, вот только волосы ее, коротко стриженные, были пепельно-серыми, а глаза — золотыми, будто старые кувшины, поблескивающие в отсветах пламени в схронах Редлога. А еще в ней была сила, уверенная, спокойная сила, непоколебимая, будто горы. Еще миг Рада смотрела на то, как она пересекает мост между двумя изрезанными узорами соляными кристаллами, а потом пространство пошло волнами, все сильнее и сильнее. Буквально через несколько мгновений

видение потускнело, растаяло, будто туман. Остался лишь приглушенный свет зеленоватых соляных кристаллов и гулкое эхо падающих с потолка капель.

Рада пошатнулась, хватаясь за голову, когда вернулись привычные звуки, ощущение мира, его цвет и вкус. Все свалили на нее, будто ушат с водой, и в первый момент настроиться было тяжело. Золотая нежность в груди превратилось в ровную пульсацию, не тревожимую ничем. Рада не боялась, не тревожилась, нет. Но она была удивлена до самой глубины своей души.

— Что это было? — послышался из-за спины дрожащий голос Улыбашки.

Рада обернулась. Друзья сидели на полу с вытянувшимися лицами, даже у Алеора был потрясенный вид. Один только Редлог бросил хмурый взгляд через плечо и пожал плечами:

— Мираж, о котором я говорил. Не надо нам было соваться в эти горы.

— Мы принесли с собой жизнь, — медленно проговорил Кай, пристально рассматривая стены пещеры. — Горы чувствуют эту жизнь и тревожатся.

— Бхара! — проворчала Улыбашка. — Никогда не думала, что скажу это, но я буду очень рада обратиться отсюда как можно быстрее и снова увидеть солнечный свет.

Рада отвернулась от них и взглянула на искорку. Вид у той был потрясенным, глаза широко открылись, а губы двигались, словно она беззвучно шептала что-то. Подогнув ноги, Рада уселась рядом с ней и взглянула на нее:

— Что ты чувствуешь, искорка?

— Не знаю, — покачала головой та. — Это настолько не похоже на все, что мне приходилось испытывать.

— Но этот город, что мы видели, он существует? — Рада чувствовала, что ответ на этот вопрос почему-то важен, но не знала, почему.

— Существует, — кивнула та. — Совершенно точно он где-то есть, это не чья-то выдумка, это реальность. И еще. — Она помолчала, подбирая слова. — Энергии, что питают этот город, совершенно такие же, как и те, что питают эти горы. Совершенно одинаковые, будто сила одна и та же.

— И что это значит? — нахмурилась Рада, силясь понять.

— Не знаю, — Лиара вновь покачала головой, шумно выдыхая. — Не знаю, Рада, я не могу понять. Я не чувствовала таких энергий нигде, но я-то ладно. Кай с Улыбашкой — обитатели гор, и они тоже никогда такого не ощущали. Значит, это что-то, свойственное лишь Эрванскому кряжу. И раз здесь и в том городе, что мы только что видели, энергии одинаковы, то мне кажется, что может существовать... проход на ту сторону. — Она с волнением вскинула глаза на Радку. — Я не знаю, как правильно все это объяснить, не знаю, что это за город. Редлог помянул изнанку мира, вывернутый мир, и у меня чувство, что он совершенно прав. Это не похоже на Грань, которая ощущается частью этого мира, только более тонкой, это похоже на обратную сторону одной и той же ткани. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Нет, — честно мотнула головой Рада. — Но коли этот мир так же реален, как и наш, то туда можно пройти?

— Думаю, да, — кивнула искорка. — Наверное, для этого нужно использовать энергии, что пропитывают виденный нами город, раз они те же, что и здесь. Только вот они настолько чужды нам, что я не рискнула бы вступать в них во плоти. Это может быть очень опасно, чересчур опасно, чтобы даже попытаться.

— Как скажешь, искорка, — пожала плечами Рада. — Да и в любом случае, что нам там

делать? Наш путь лежит совершенно в другую сторону.

— Ты права, — голос Лиары стал более уверенным. — Нам там делать нечего.

Рада обняла ее за плечи, привлекая к себе, и искорка слегка расслабилась, уютно устраиваясь у нее под боком. Только в груди самой Рады поселилось странное желание: еще хотя бы раз одним глазком посмотреть на тот странный пещерный город. Вот уж это было, и правда, чудом из чудес, которое все никак не укладывалось в ее голове. Какие они, эти странные люди с изнанки мира? Как они живут? Я совершенно точно уверена, что это была эльфийка!

— Светозарная, — приглушенно позвала с другой стороны пещеры Улыбашка. В голосе ее звучал страх. — Ты уже договорилась с Великой Матерью по поводу нас? Спать-то нам можно? Мы не проснемся где-нибудь, незнамо где?

— Все в порядке, Улыбашка, — отозвалась Лиара из-за Радиного плеча. — Мы в безопасности, с нами ничего не случится.

— Ну ладно тогда, — неуверенно пробормотала гномиха.

Сама Рада чувствовала себя слишком удивленной, чтобы лечь спать прямо сейчас, да и под боком у искорки было хорошо. В голову со всех сторон лезли тонны мыслей, бессвязных, не получающих ответа, наперебой удивленных. Она прекрасно знала, что думать об этом никакого толку нет: все равно ничего-то она не узнает и не поймет, но мысли при этом не замолкали.

— А еще знаешь что, Рада, — совсем тихо добавила Лиара, поднимая на нее свои штормовые глаза. В них тоже царила глубокая задумчивость. — Эта женщина, которую мы видели на мосту. Почему-то мне кажется, что мы еще увидим ее однажды.

— Каким образом? — вскинула брови Рада. — Если она на другой стороне мира, как мы сможем увидеть ее? Мы что, однажды отправимся туда?

— Я не знаю, — тихо помотала головой искорка.

— Это что-то вроде предсказания? — на всякий случай спросила Рада, поглядывая на нее. У ее сына тоже совершенно неожиданно открылся дар слышать волю Марны Девы, так что Рада была готова ко всему. Ну, или почти ко всему.

— Нет, — ответила Лиара. Потом брови ее нахмурились. — Я не знаю, почему мне так кажется. Но так есть.

Что ж, Великая Мать, коль угодно тебе проявлять себя именно таким образом, порождая у нас тысячи вопросов и не давая ни одного ответа, то на то твоя воля. Однажды, наверное, мы все поймем. Раде не нравилось не понимать, но золото пульсировало в груди, необъяснимое и красноречивое, будто сжатое в точку солнце. И если уж Великой Матери зачем-то понадобилось будить в ней это солнце, то она совершенно точно знала, что и как будет дальше. Оставалось лишь довериться ей и ничего не бояться. Это всегда было самым сложным для Рады, но она училась, упорно училась этому у искорки, а коли так, то и дело с концом.

Прикрыв глаза и запретив себе думать, она прижалась щекой к мягким кудряшкам искорки.

===== Глава 5. Нить памяти =====

Золото в груди пульсировало день и ночь, несмотря на тяжесть горного свода, давящего на голову, несмотря на холод, сдавливающие узкие стены тоннеля, страх спутников, висящий в воздухе и покалывающий кончики ее пальцев. Порой Лиара думала, что если бы этого золота не было с ней, она бы просто не выдержала и сломалась под невероятным

давлением, словно сухой пруттик. Она и чувствовала себя сухой и ломкой: кожа зудела, став чересчур чувствительной, горячей, будто ее бросили в заросли крапивы нагишом, а потом выставили на солнце, ныли кости, неимоверно болела голова. Но все это было словно не с ней, все это было где-то далеко, отделенное от нее непроницаемым, непробиваемым золотым барьером. И каждую клетку ее тела наполняло требовательное непобедимое солнце, пролившееся прямо из середины груди.

Ни единой мысли не тревожило ее голову, пустую, будто те пещеры, по которым они проходили. Порой Лиаре казалось, что она чувствует, как мысли ее спутников прокатываются сквозь нее прибором: лишь рябь наверху воды, а внизу недвижимая тишь, полная молчаливой силы. То же было и с их эмоциями; они атаковали Лиару, волна за волной — страх, тревога, неуверенность, настороженность. Странно, но она чуяла, как что-то в ее теле изо всех сил пытается отозваться на эти эмоции. Что-то в ее теле так стремилось им ответить, так хотело почувствовать то же самое, как бы абсурдно это ни было, ведь кто по собственной воле захочет чувствовать страх, когда его нет?

Лиара с удивлением прислушивалась к самой себе, слушала долго, до тех пор, пока не нашла. Что-то в самом низу живота, прямо за пупком, сгусток такой же странно плотный, как и сила Великой Матери в груди, только вовсе не золотой. Этот сгусток буквально от счастья прыгал, когда рядом кто-нибудь чего-нибудь боялся, сразу же бросался навстречу, начиная согласно пульсировать в унисон. От него вверх поднималась горячая тяжелая волна, захлестывающая золотой клубочек в груди, как мутный грязный прибор захлестывает драгоценную жемчужину, и Лиаре приходилось по-настоящему бороться, оставаясь в полной тишине, чтобы золото из груди никуда не выходило. Нет уж! Великая Мать, я не позволю ничему отнять тебя у меня, я не позволю затмить это золото ничему, пусть даже и самой себе.

Борясь со странными волнами ответа в ее теле, ответа на все дурное, страшное и мерзкое, Лиара все гадала: почему же так происходит? Почему этот страх передается ей, и тело готово его встретить? Неужели только для того, чтобы в очередной раз ощутить себя живым? Неужели же эти новые ощущения и это золото в груди были настолько чужды и непривычны ему, что оно любым способом пыталось ухватиться за старый привычный мир тусклых красок, низменных чувств и тревог? И чем глубже Лиара уходила в себя, чем внимательнее она слушала, тем ярче понимала: так и есть. Несмотря на то, что сила Великой Матери прочно обосновалась в груди, текла по венам, пропитывала ее золотой мощью, от которой хотелось раскидывать руки и плясать босяком под ветром, что-то внутри самой Лиары слишком боялось нового, пусть даже это новое и было самым сказочным в мире, боялось поверить, что так бывает. И каждую секунду его приходилось приучивать к тому, что теперь все так.

И это действительно было так: Великая Мать больше не исчезала. Лиара лишь удивленно прислушивалась к себе каждый новый миг, боясь услышать, что это золото куда-то ушло, но оно было там, теперь оно всегда было там для нее. Если раньше в груди разгоралось только тогда, когда она молилась и просила, то теперь, после ее возвращения из Рамаэля, все изменилось. В груди распустился диковинный цветок с напитанными росой лепестками, пахнущий так сладко, теплый, будто солнце. Иногда ей казалось, что невидимые потоки ветра раскачивают и топорщат его лепестки, иногда она почти чувствовала, как с каждым днем он становится больше и больше, как напитывается солнечной силой и растет. Казалось, что сок его теперь бежит по венам, а корни медленно расползаются по ее телу.

Вот уже и не только прямо за клеткой ребер чувствовала она этот цветок, теперь он начал лозами карабкаться к ее горлу, прорастать, выпускать новые побеги и цветы, выбрасывать пахучие тугие бутоны. И это было так красиво, так невыносимо дорого, так долгожданно, что на глаза наворачивались слезы. И как я жила без этого? — думала Лиара, то и дело касаясь ладонью груди, словно могла через кости и плоть ощутить золотое биение крохотного солнца. Как я дышала, как смотрела, как слушала без этого золота? Ведь я не видела, не слышала и не знала вообще ничего.

А сила текла, сила струилась нежными потоками, тише крылышка бабочки, нежнее перышка птенца. Сладкая, будто первый весенний дождь, свежая, как раннее утро, теплая, как летний вечер, она перетекала внутри Лиары, и та отчаянно стремилась стать как можно пористее, как можно прозрачнее, чтобы впитать ее всю, до самой последней капли, чтобы слиться с ней без остатка, чтобы отдать ей всю себя. Я в твоих руках, Великая Мать, я твоя, веди меня. Пусть будет только твоя воля, пусть будет только твоя сила, пусть будешь только ты.

Ноги шагали по твердым каменным полам, столь холодным, будто все зимы мира свернулись рычащими горными котами в этих залах, стремясь достать путников своими острыми когтями. Лиара чувствовала, как что-то крадется в неверных тенях от масляных ламп, что несли с собой спутники; как что-то наблюдает за ними из монолитной толщи камня; как что-то скользит по их следам, жадно слизывая самые крохотные частички тепла, терзаемое голодом, которому никогда не будет утоления, голодом еще более огромным и зияющим, чем все эти пещеры, переходы и ледяные ночи. Это что-то тарасило на нее из тьмы свои слепые глаза без проблеска мысли, оно злилось, Лиара чуяла это. Слишком много света и тепла принесла она с собой в светоче из своих ребер, слишком много жизни пришло в край, который жизни никогда не знал, и его ярости не было предела.

Пока еще эти черные Тени боялись их трогать, но Лиара чувствовала, как с каждым днем они становятся все злее, все нетерпимее. Замечали это и путники. Стихли разговоры, сумрачных взглядов стало больше, все сбились в кучку посреди тоннеля, стараясь не касаться стен и не подходить близко к черным расщелинам и провалам, что иногда встречались им на пути. В соляных пещерах, наполненных зеленоватым сиянием кристаллов, Тени становились как будто злее. Они текли каплями влаги с потолка, срывались и падали вниз, они нарастали с пола ответными глыбами, они пропитывали каждый крохотный соляной кристаллик. Лиара разглядывала их загадочный блеск и думала о том, что вот это и есть страх: крохотные грани острого льда, о которые можно порезаться, совершенные в правильности своей формы, навсегда замершие в темноте и холоде этой ночи. Вечность, запертая в структуру кристалла, и ничего не сделаешь с ней, никак не освободишь, потому что жизни в ней нет. Это место кажется мне похожим на Иллидар.

Однако сила Великой Матери не желала уходить и не собиралась оставлять их наедине со странными перворожденными обитателями нор, никогда не видевшими солнца. Она отгоняла прочь тишину и темноту, что пыталась сдвинуть круги света от их масляных ламп, она хранила их сон на холодных полах пещер, она не подпускала близко жадные рты Теней. И Лиара лишь молилась и просила, целыми днями бессловесно обращаясь к тому сиянию в собственной груди, просила Великую Мать забрать ее себе без остатка, чтобы ничего и не осталось в ней, кроме этого света. И это было так хорошо.

А еще внутри росло и новое чувство. Что-то дрожало, что-то колебалось, словно гигантский крючок подцепил Лиару, и чья-то рука вот-вот начнет наматывать леску и

тащить ее вперед сквозь сопротивляющиеся волны. Порой она посматривала себе под ноги, пытаясь убедиться, не чудится ли ей: ощущение было таким, словно дорога под ногами выпрямлялась, становилась тверже, яснее, и при этом — легче. Словно каждый шаг, что делала нога, был быстрее и правильнее предыдущего, словно весь мир обнимал ее за плечи и смеялся от счастья, что она наконец-то шагает на запад, туда, куда они так давно задумали прийти. Скажи, Великая Мать, это оттого, что я иду в Данарские горы? К тебе навстречу? Отчего мне кажется, что ты несешь меня на своих крыльях?

Изменились и грезы. Теперь она больше не видела тихой бесконечной темноты, в которой с неба падали золотые снежинки или угольки, как казалось ей раньше. Теперь стоило ей закрыть глаза, как весь мир заливало сияние, теплое и такое нежное, что сердце рвалось из груди, и в этом золотом сиянии кто-то смотрел на нее, пристально, с невыразимой любовью, с вечным ожиданием. Каждый раз Лиара хотела позвать его, но не могла: грезы, все же, оставались грезами, и в них она не могла сделать ничего. Единственное, что было ей по силам: смотреть в ответ через бескрайнюю толщу времени и пространства, сжатых до тоненькой пленки, что отделяла ее от этого кого-то.

Иногда приходили и другие. В сверкающих сполохах серебра она видела женщину с волосами, словно зрелая рожь, с глазами, как звезды, с двумя белоснежными крыльями за спиной. Она танцевала, эта женщина, смеялась и пела где-то высоко в белых пушистых облаках, и в голосе ее звенели ветра. Видела она и женщину с волосами струящимися с плеч, словно вода, и глазами холодными, как самое дно горного озера. Она сидела на самом берегу горного потока и перебирала нить, что плелась из водорослей и трав, из вечности и ее сказок, из жизней тысяч тысяч людей, что поднимали к ней свои глаза. И пальцы ее были нежными, словно бархат. Приходила и еще одна, с глазами зелеными, будто мох в самом сердце заросшей трясины на черной воде, с волосами мягкими, как свежевскопанная весенняя земля. Она шла по лесным полянам босиком, и травы прорастали там, где касались земли ее стопы, а деревья и кусты тянули к ней свои ветви, будто вымаливая ласки. В ее глазах была тихая мудрость первого проклюнувшегося семени. И была еще одна, с лицом, так похожим на лицо Рады, Огненная, объятая пламенем и молниями, яростная и сильная, жестокая и прекрасная, разрушающая до основания и дарующая освобождение. И в глазах ее ревели неистовые топки кузнечных горнов, в которых когда-то выковывали солнце.

Лиара смутно узнавала этих четырех, откуда-то она знала, что их будет именно четыре, что они будут именно такими. Она знала, что никем иным они просто не могли быть, и что когда-то давно, когда-то очень давно... Что? Дальше не было слов, не было образов, не было понимания. Лишь где-то в глубине звенела нота, звонкая, будто вся музыка мира, собранная в одну точку, нежная, как розовые лучи закатного солнца на мягких барашках морских волн. И почему-то этого было достаточно для того, чтобы больше не желать ничего спрашивать.

Но пусть эти Четыре и приходили проведать ее, глядя на нее издалека своими странными, полными мира глазами, был и еще кто-то. Он не был таким могучим, таким сильным и прекрасным, он не был рожден небесами и горными высями, но и не вызревал долго и тяжело в мокрой неподатливой грязи. Этот кто-то смотрел на нее, и в глазах его была печаль тысячелетий, поступь предреченного рока, боевая песня рогов, ослепительная радость победы. И еще в нем была Любовь, такая простая, как открытые протянутые вперед ладони, как светящиеся от счастья глаза пса, подставляющего пузо для ласки, как смех первого человеческого ребенка на первом песчаном пляже этого мира где-то на самом его краю, где лишь чайки поют морю свои песни, и волны пушисто набегают на песок, одаривая

берег пригоршнями раковин и перламутровых жемчужин. Кто ты? — голосом своей души шептала Лиара этому кому-то, чувствуя его таким родным, таким близким. Кто ты и почему ты смотришь на меня? Но ответом ей была лишь тишина и улыбка самой нежности.

Великая Мать переполняла ее своим светом, и Лиара всеми силами пыталась передать хотя бы его часть своим спутникам, чтобы и те умылись этой первой росой утра первого дня, чтобы и с их плеч ушла прочь вся усталость, печаль и боль. Каждый вечер она садилась возле них всех, подолгу глядела каждому в глаза. Поначалу они стеснялись, отводили взор, спрашивали ее, почему она так смотрит, но она ничего не отвечала, лишь улыбалась. Свет переполнял ее душу, он хлестал из нее ревущим водопадом в горах, и Лиара не могла оставить его лишь самой себе, пусть никто из друзей и не просил ее о том, чтобы она и им дала хотя бы капельку. И с каждым днем она видела все больше изменений, словно эта тишина сдирала с их лиц закоснелую корку, отвердевшую и жесткую, как старая дерюга.

Они перестали спрашивать ее и отворачиваться и теперь сами искали ее взгляда, сами ловили ее глаза, пусть даже и не понимали, почему. Рада глядела в ответ долго, пристально, спокойно. Она тоже чувствовала это, в ней тоже текла эта сила, и когда их глаза встречались, золото разливалось волной выше гор, затапливающей весь мир. Ей ничего не нужно было объяснять: она знала, знала точно так же, как и Лиара, без слов, только своей душой, пульсирующей в ответ, словно мерцающие из глубины ночного неба звезды.

Обезображенное лицо Улыбашки сглаживалось, теряло свою резкость, на губах ее появлялась настоящая улыбка, тихая, нежная, теплая. С такой же она смотрела на портрет своего мужа и детей, который порой вытаскивала из-за пазухи. Кай глядел прямо внутрь Лиары, задумчивый и спокойный, и что-то от узнавания было в этом взгляде. Редлог же совсем перестал ее бояться, и теперь доверчиво подсаживался к ней, словно слишком часто битое животное, которому недоставало ласки. А еще он тоже начал звать ее «Дочерью Звезд», как впервые назвала ведьма Заина, казалось, целую вечность назад посреди Серых Топей и на другом краешке мира.

Единственным, кто отказывался встречать ее взгляд, был Алеор. Он не пытался спрятать лицо, не скрывался от нее, его совершенно не беспокоило то, что она на него смотрит. Он просто не смотрел в ответ, и от этого ей было почему-то горько. Но она принимала его выбор. Слишком много дорог исходил Алеор за всю свою жизнь, слишком большой груз лежал на его плечах, слишком путанной и сложной была его судьба. Но он сам выбрал ее, он сам шел по ней, и ему доставало сил не сдаваться и не опускать рук, а горящий в его груди огонь силы, которой чужды были цвета, различия или понятия, не нуждался в нежности Великой Матери. Он и был этой нежностью, только и иной. Он был тем, чем Алеор хотел его видеть, не позволяя ни помочь себе, ни поддержать, ни оградить от беды. Ведь человек всегда сам определяет то, как сплетается вокруг него мир. Последний сын старого мира. Теперь Лиара про себя звала его так, потому что это была правда. Все менялось вокруг, все неуловимо становилось иным, но Алеор не хотел этого. Он жил там и так, как сам выбрал, и Лиара сомневалась, что когда-нибудь он примет другое решение.

Дни и ночи во тьме. Тени, что следили за каждым их движением, чье присутствие густело вокруг них, становясь все более настырным, все более неприятным. Пустые тоннели переходов и соляные пещеры, в которых замерзла холодная вечность. Лиара потеряла счет времени, плавая крохотной букашкой в капле напитанной солнцем смолы, и в общем-то ей было все равно, как и куда они идут. Самое главное, что она шагала навстречу Великой Матери, остальное теперь не имело значения.

Что-то вокруг них неуловимо переменялось. Сначала она и не поняла, что это: казалось, сама тьма отодвинулась назад, отшагнула, недовольно и зло, а потом ринулась прочь прогнанным окриком злобным псом.

— Мы прошли первую преграду, — прошептала Лиара, чувствуя правильность этой мысли.

Спутники слышали ее, хоть она и говорила тихо, хоть ничего вокруг не изменилось. Тоннель все так же извивался между выростами скальной породы, воздух был ледяным и затхлым, а над головой посверкивали в отблесках пламени от ламп россыпи самоцветов. Но Лиара точно знала, что они прошли горы, и еще через несколько часов ее догадка подтвердилась. Исчез каменный монолит, а с ним и чувство давления на голову, пошел щебень, глина, мелкие камни, стены слегка расступились в стороны, превращаясь в тот самый ровный и четкий тоннель, по которому они и начали свое путешествие.

— Все! — довольно выдохнул Редлог. В голосе его звучал энтузиазм. — Нам осталось пройти совсем немного, и будет хорошая набитая кладовая. Я уже истосковался по горячему мясу, а ваши проклятые лепешки в глотку больше не лезут.

— У тебя и здесь есть схрон? — недоверчиво взглянула на него Улыбашка. — Здесь-то зачем, если ты так долго убеждал нас, что идти за Семь Преград не следует?

— Все бывает в этой жизни, коротконогая Дочь Камня, — уклончиво отозвался наемник. — Знаешь, как дороги путаются и сплетаются? Сначала идешь в одну сторону, а потом — вдруг, и вышел совсем в другом месте...

Улыбашка в ответ только закатила глаза.

В очередной раз поразившись тому, что золото никуда не исчезает, все так же продолжая плавить ее, будто свечу, Лиара аккуратно погрузилась сознанием в камень. Так умели делать все Первопришедшие эльфы, стоило лишь настроиться, расслабиться, прогнать мысли, прильнуть к земле, стать ее частью, впитаться в нее, как впитывается дождевая вода. Сейчас это было легче легкого: в ней самой осталось так мало от нее прежней, что и нужды прилагать усилия не было.

Слившись с землей, она сама стала ей, всеми россыпями камней, всеми журчащими подземными потоками, всеми спящими до весны корнями растений. И ее тело, продолжающее шагать по тоннелю под землей, охнуло от удивления, а глаза его широко распахнулись.

— Что такое, искорка? — сразу же послышался голос Рады.

— Это похоже на зубную боль, — рассеяно пробормотало ее тело, вслушиваясь в землю. Ощущения были очень странными, ничего подобного Лиаре никогда еще не приходилось испытывать. — Земля... дрожит, ноет, дребезжит. Я не понимаю, что это такое.

— Железный Лес, — отозвался идущий впереди нее Алеор, не поворачивая головы. — Сейчас еще слишком далеко, но вскоре вы все это услышите.

Лиара вновь прильнула к земле, вслушиваясь в ее песню. Тонкое-тонкое дрожание, назойливый звук, забивший уши, словно жужжание тысяч ос, только в сотни раз выше по тональности. Казалось, что впереди без конца дребезжит железо.

— Алеор, а что представляет собой Железный Лес? — подала голос Рада. — Это правда, что там сами деревья из железа? Или брешут?

— Из железа, — согласно кивнул эльф. — Но они при этом живые. И листья у них тонкие и острые, как бритва. Мне всегда было интересно, можно ли сделать из этого дерева оружие? Или оно непригодно дляковки?

— Кажется, мой собрат, что сопровождал тебя в прошлый раз за Семь Преград, уже пытался это проверить, — пробурчала Улыбашка. — Надеюсь, ты не собираешься повторить его героическую смерть?

— Нет, я найду кого-нибудь, кто сделает это за меня, — Алеор с усмешкой взглянул на нее. — Кого-нибудь маленького, чересчур разговорчивого, с дурным нравом.

— Размечтался, древолюб, — проворчала в ответ Улыбашка, но напряжение в ее голосе уже не было. Всех их покинула тревога, как только путники прошли первую преграду, и полные Теней червоточины скал остались позади.

Как и сказал Редлог, примерно через час ровный как стрела коридор привел их к первому небольшому ответвлению. Редлог почти что с воем бросился внутрь, и выбежал, обеими руками прижимая к груди толстые круги копченых колбас.

— Вы как хотите, а я собираюсь покормить Жужу! Так что жду вас в гостиной, — с этими словами он развернулся и энергично зашагал вперед по коридору прямо в темноту, а следом за ним, обходя путников по большой дуге, прижимаясь к самой стене и глядя на них мерцающими глазами, прокрался медведь.

— В гостиной? — вздернула бровь Улыбашка, провожая их обоих скептическим взглядом. — Этот барак он зовет гостиной?

— Давай-ка прекращай болтать и помоги нам, — позвал ее Алеор.

Еще через час они уже сидели в небольшом помещении, где на полу, как и всегда, высилась груда сена, к потолку был подвешен гамак, а через узкий проход в дальней стене тянуло холодом от выхода из схрона. В очаге потрескивали дрова. Только вот на этот раз это были не ветви деревьев, наломанные путниками наверху, а загодя запасенная Редлогом сухая древесина, несколько штабельков которой и лежало в соседнем помещении. Лиара только гадала, как же он смог протащить все это так далеко по тоннелям? Если наверху раскинулся лишь Железный Лес, то там уж точно жечь было совсем нечего.

Подниматься наверх Алеор никому не разрешил, да и охоты особой не было. Лиара чувствовала сознанием, что там и нет ничего, кроме бескрайних снегов и ветра, да обломанных черных зубцов гор за их спиной, закрывающих землю своей могучей тенью. Так что все они сгрудились возле такого долгожданного тепла, растирая замерзшие руки, ожидая, когда же согреется на огне котелок с водой, чтобы попить горячего чая. Запах жарящейся над огнем свинины наполнял маленькую комнату, и у Лиары от него слюнки потекли. Сбоку от них сидел на сене медведь, в одной лапе держа круг колбасы и поминутно откусывая от него здоровенные ломти, в другой лапе — бутылку с чем-то мутным, из которой он эти ломти запивал. Под горами Жужа почти ничего не ел, беспокойно прячась в темноте и не желая общения с людьми, и теперь жадно поглощал угощение, громко чавкая и облизывая морду длинным языком.

— Слушай, Редлог, а что Жужа пьет? — не удержалась-таки Рада, пристально разглядывая медведя. Тот замер с недожеванным куском колбасы в пасти и очень медленно поднял на нее полные опасения глаза. Рада вскинула ладони: — Да не собираюсь я отбирать, не бойся! Просто любопытно.

— Ох, не помню, как называется эта штука, — поскреб в затылке Редлог, бросив взгляд на своего медведя. — Ашвар... ашвин... как-то так. Вот, вспомнил! Ашвил! Эту штуку гонят крылатые бабы с Данарских гор, получается у них просто превосходно.

— Ты бывал в Данарских горах? — Лиара с интересом взглянула на него, и мародер слегка склонил голову, когда отвечал:

— Да, Дочь Звезд, приходилось. Но лично я там никого не знаю, да и удрать оттуда постарался как можно быстрее, пока они меня не заметили.

— А у тебя есть еще этот ашвил? — подалась вперед Рада. — Может, где-то в запасе немного осталось?

— Может и есть, — Редлог бросил на нее острый взгляд. — Но он для моего Жужи. А вы все равно туда идете, так что там и попробуйте.

— Ну и ладно, — дернула плечом в ответ Рада.

Алеор только ухмылялся, помешивая в котелке длинной ложкой. Он как раз закинул туда ароматные травы.

— Что-то Жужа твой больно толстый, — проговорила Улыбашка, тоже глядящая на медведя. Тот в ответ бросал на нее неуверенные взгляды, но громко чавкать, жадно хватая пастью колбасу, не переставал. — Я понимаю, ты о нем заботишься и все такое, но брюхо у него больно круглое.

Лиара отстраненно осознала, что гномиха была абсолютно права. Сейчас, когда после нескольких дней голода во время путешествия через вторую преграду, медведь весь как-то осунулся, похудел, и его жесткая шкура перекатывалась прямо по выпирающим костям, Лиаре было хорошо видно, что брюхо у Жужи было чересчур округлым и каким-то тяжелым, словно доверху набитым едой.

— Ты на себя посмотри, Дочь Камня! — огрызнулся Редлог, нахмутив брови. — Сама вон поперек себя шире, разницы нет, на двух ногах ходишь или просто по полу катишься через голову. — Улыбашка аж задохнулась от негодования, но продолжить он ей не дал. — И вообще хватит уже обсуждать Жужу при нем же самом! Хотите у него что-то узнать, его же и спрашивайте!

— Так он же ме... — начала Рада, но Алеор в этот момент будто невзначай пнул ее по сапогу, и та громко охнула, метнув на него полной ярости взгляд.

— Что? — повернулся к ней Редлог.

— Ничего, — буркнула та, потирая отбитую ногу.

От горячего питья и вкусной еды по телу растеклась приятная истома. Даже Лиара ощутила, что ее неумолимо клонит лечь и закрыть глаза, а остальные путники и так носами клевали. Первой улеглась Улыбашка, проворчав, что сегодня и шагу дальше не сделает. Следом за ней начали ложиться и остальные спутники, да и Алеор привалился спиной к стене и прикрыл глаза, погружаясь в грезы. Лишь Редлог остался сидеть у камина, глядя в пламя. Странное дело, даже при том, что Лиара уходила в грезы на совсем короткий промежуток времени, она никогда не видела, чтобы мародер спал, не чувствовала, как он уходил или возвращался в пещеру. Просто иногда он был тут, а иногда нет.

Дождавшись, пока Рада рядом с ней спокойно засопит, Лиара тихонько выпуталась из-под ее тяжелой руки. Делала она это без особого желания, но любопытство победило. Теперь Редлог больше не боялся ее, никуда от нее не убежал, и у нее появился шанс поговорить с ним, чтобы никто не помешал им.

Она бесшумно встала и подошла к очагу, возле которого в кресле сидел мародер, перебирая в пальцах длинные костяные четки. Он будто почувствовал ее приближение, хоть Лиара была уверена, что двигалась беззвучно, и обернулся. В отсветах пламени лицо его было совсем уж странным. По нему скользили мерцающие и играющие в догонялки тени, глаза то и дело меняли свое выражение, и что-то, очень похожее на световые волны, расцветило его лицо чересполосицей. Лиаре вдруг пришло в голову взглянуть на него в

энергетическом спектре, и она вывернула глаза, используя силу своей крови. Как она и думала, вместо лица у сидящего перед ней светящегося голубым сиянием существа был калейдоскоп ликов, каждый из которых сменял предыдущий так быстро, что уследить за ними было просто невозможно.

Вернув себе обычное зрение, Лиара негромко спросила:

— Я могу присесть здесь?

— Конечно, Дочь Звезд, — Редлог слегка склонил голову перед ней. Теперь она уже была совершенно уверена в промелькнувшей ранее догадке: это был поклон, а вовсе не кивок, с которым он мог бы обратиться к кому-нибудь из остальных спутников.

Усевшись на пол и скрестив под собой ноги, Лиара снизу вверх взглянула на Редлога. Тот не смотрел на нее, отвернувшись к пламени, и пальцы его без конца перебирали и перебирали длинную нитку костяных четок. Приглядевшись, Лиара заметила, что каждая бусинка представляет собой миниатюрное изображение свернувшегося в клубок дракона с одним открытым глазом.

— Что это? — негромко спросила она, кивком головы указывая на четки в руках Редлога.

— Это просто память, — неловко пожал плечами тот.

— Память?

— Воспоминание о том, что было со мной когда-то, — уклончиво ответил тот. Пальцы его двигались будто сами по себе, механически передвигая и передвигая бусины, не замирая ни на миг. — Единственный подарок, который я когда-либо получал.

— Это очень красивая вещь, — Лиара чувствовала покой, заполняющий ее с головы до ног, будто резервуар, до самого края залитый силой. Сейчас Редлог совершенно не боялся ее. Он неуловимо преобразился, и лицо его было отрешенным и нечеловеческим, постоянно меняющимся в неверных отблесках огня. Ей не хотелось подгонять его: если захочется, сам все расскажет.

— Красивая, — подтвердил мародер. Несколько мгновений он молчал, потом вновь заговорил, будто и не для Лиары вовсе. — За холодным лесом, укрытым шубой снега, под горами, чьи пики проткнули небо, на глубине столь темной, что не помнит о солнце, спит Время, укутавшись в панцирь из стали.

Лиара не сразу поняла, что это первая строчка из «Песни о Талуге», Драконе Времени, который, по легендам, укрылся где-то на Северном Материке и спал, держа в когтях Цепь Эпох. Говорили, что как только последнее звено выскользнет из его лап, и глаза Дракона Времени откроются, миру придет Конец. Лиара никогда не понимала, что это значит, но сейчас в груди родилось странное чувство тянущего ожидания, смешанное с тоскливой песней морозных стуж.

— Ты видел Талугу? — сорвался с губ вопрос. Редлог медленно кивнул, лицо его не выражало ничего.

— Я видел Талугу, — подтвердил он.

— Какой он? — Лиара смотрела на него, пытаясь почувствовать его, а не слышать, почувствовать всем своим существом. Ей казалось, что так общаться с ним гораздо правильнее. По крайней мере, когда по ночам он становился почти самим собой с лицом вечно меняющимся и глазами старее времени.

— Он всегда разный, — заговорил Редлог, и Лиара прикрыла глаза, вслушиваясь в его речь своим сердцем. — Золото растекается по его панцирю, бурлит под его кожей, золото

струится из его открытого глаза. Он огромен, будто весь мир, и порой кажется, что он обхватывает его кольцом, сжав зубами кончик собственного конца, а иногда — что это не он, а Золотая Цепь в его лапах держит на себе мироздание. Он дышит, и от его дыхания рождаются ветра, несутся над миром к самому солнцу, и еще выше, дальше. И где-то там, у самых Солнечных Врат, он же ждет тебя с глазами из золота и ликом змеи, с кожей серой, будто пергамент, в комнате с семью окнами возле эфирного зеркала миров.

— Он же? — тихо переспросила Лиара, которую заполняли образы, наслаиваясь друг на друга, меняясь, сливаясь. — Как он может быть сразу же в двух местах?

— А как ты можешь быть сразу же в двух местах, Дочь Звезд? Как могу быть я? — до нее донесся тихий теплый смех Редлога. — У всех у нас тысячи тел и только одна память, что связывает их золотой нитью насквозь в одно. Разница лишь в том, помнишь ли ты или нет.

Лиара не понимала, о чем он говорит, в ее голове не было ни единой мысли, которая бы откликнулась на слова Редлога. Но своим сердцем она чувствовала что-то за его словами, что-то очень важное с тысячью смыслов и тысячью ответов, которые в итоге, стремительно возносясь вверх сквозь все слои мироздания, сливались в один единственный смысл и единственный ответ.

— Ты забыл, кто ты? — спросила она его.

— Я не помню всего, кем я был, — в тон ей отозвался Редлог. — Я помню лишь обрывки, рисунки, фрагменты... — Голос его стал еще глуше, он почти что вибрировал в черепе Лиары, пронзая ее насквозь странной интенсивной силой. — Я помню сады под небом, кроме которого ничего и нет. Цветущие вишни наполняют воздух благоуханием, усыпают землю водопадом из розовых лепестков. Я помню крохотные пруды с темной стоячей водой, на дне которых тонут звезды, а на поверхности цветут белые лотосы, раскидывая лепестки во все стороны. Я помню, как поют соловьи. И еще кто-то был, кто-то очень важный... — голос его надтреснуто сломался.

Лиара открыла глаза и взглянула на Редлога. Лицо его смялось болью, он тер пальцами лоб, словно мучительно пытался вспомнить и никак не мог. Наконец он печально усмехнулся и взглянул на нее своими темными глазами, в которых танцевали языки огня.

— Видишь, Дочь Звезд? Моя память, что дырявый мешок, и мое прошлое сокрыто от меня за завесой, сквозь которую я все никак не могу пройти. У меня нет ничего, даже крохотной ниточки, по которой я смог бы вернуться в ту память и понять.

— Но ты хотя бы помнишь, зачем ты пришел сюда? — спросила его Лиара, всей собой ощущая скорбь Редлога. Что-то звенело сейчас в нем, плакало осенним дождем по окнам, стонало надломанным деревом под ураганным ветром.

— Даже вечность может когда-то надоесть, — вдруг усмехнулся он. — Что проку в свете, коли он всегда в твоей груди, коли он твоя прерогатива и награда? Что проку в нем, если ты бесконечно купаешься в его лучах и не знаешь ничего иного? Мне стало... любопытно. — Он помолчал, чему-то рассеяно улыбаясь и глядя в пламя, и твердо добавил: — И я не пожалел.

— Ты хотел бы вернуться обратно?

— Возможно, — он склонил голову на бок, рассматривая огонь. — Но, знаешь, Дочь Звезд, здесь гораздо... полнее. Там я был лишь сгущенной каплей света, здесь я — задыхающаяся, страдающая, черствая скорлупа, разбитая вдребезги и полная невыносимой тоски по свету. И когда его капли проливаются на меня, я ощущаю блаженство куда более

сильное, чем когда я был им самим. Наверное, за этим и были рождены в мире Старые и Молодые расы — чтобы подставить ладони и насладиться этим дождем. Но ты знаешь это и не хуже меня.

— Да, — кивнула Лиара, глядя в пляшущие на смолистых сучьях языки огня. В их танце было столько завораживающей силы, столько красоты, столько мощи. Ей казалось сейчас, что пламя в ее груди было точно таким же, как и этот огонь, только во сто крат сильнее.

— Ну а ты, Дочь Звезд? — Редлог взглянул на нее, и лицо его вдруг стало по-детски открытым и любопытным. — Ты помнишь хоть что-нибудь?

— Ничего, — покачала головой Лиара. Она не знала, о чем конкретно он спрашивает, но от его вопроса ей было тепло. — Помню лишь свое детство и то, что было после него.

— Вот как, — протянул мародер, отворачиваясь. — Странно. Мне казалось, что вы с высокой женщиной начали вспоминать.

Некоторое время она молчала, гадая, что же Редлог имел в виду, а затем тихо спросила его:

— Кто такая Великая Мать?

— О! Мне казалось, ты должна помнить это гораздо лучше меня! — он рассмеялся. Нежность светилась в его лице. — Великая Мать — та, что дала нам жизнь, та, что наделила нас обликом, а вас — плотью, та, что пронизывает весь мир насквозь и хранит его в своих ладонях, та, по чьей воле вращаются звезды, рождаются и гаснут солнца, дуют ветра и дышит море. Великая Мать — капля вечности в каждом из нас. И только те, кто был рожден в мире, могут ощутить ее в своей плоти, для бестелесных же — она лишь Мать и вечный Закон. В этом и есть великая сила и мощь тех, кто слеплен из этого, — Редлог ущипнул свою руку. — Вы можете не только дышать ею, вы можете раскрыть ее в себе и выпустить ее на волю из плена, в который она швырнула себя саму. Наверное, для этого я и пришел сюда: чтобы всем собой ощутить это.

— Как освободить ее, Редлог? — Лиара почувствовала, что в горле пересохло. — Как выпустить ее? Что нужно сделать?

— Если бы я знал, Дочь Звезд, мне не понадобилось бы это, — грустно улыбнулся он, приподнимая четки. — Ищи. Ты найдешь ответ на этот вопрос, найду его и я. Грядет иное время. — Взгляд его затуманился, и по темным зрачкам поплыли золотые валы, словно перекаты облаков под светом солнца. — Марны уже передали волю, Нить уже сплетена. Тысячи Нитей сплетаются все туже и туже, тысячи дорог сходятся, подготавливая все для первого крика. Когда этот крик прозвучит, мир содрогнется. Потому что он принесет отчаяние, надежду и веру, потому что он разрушит все и создаст нечто новое, то, чего еще никогда не было. Я уже слышу, как тревожно склоняют гривастые головы кометы, как перешептываются звезды, как волнуется ветер, несущий в себе тысячи тысяч частичек солнца. Всё ждет и все ждут, Дочь Звезд. А значит, скоро все случится.

— Танец Хаоса, — проговорила она и только потом поняла, что это и был ответ.

— Танец Хаоса, — согласился Редлог. — И нечто большее.

Больше они не сказали друг другу ничего, но Лиаре почему-то казалось, что она получила все ответы, которые так давно искала. Что-то внутри нее поняло гораздо больше, чем выговорил Редлог, ощутило его слова, пропустило через себя и вросло в них, как вырастает семя в почву. Теперь она почти что знала, что должна сделать, но это «почти» прозрачной вуалью скрывало от нее такую долгожданную истину.

В конце концов, Лиара легонько коснулась пальцами руки Редлога, и тот глубоко

склонил перед ней голову. Вернувшись на свое одеяло, она уютно укрыла себя тяжелой и сильной рукой Рады. Та зашевелилась во сне, что-то тихонько бормоча под нос и хмуря брови, но почти сразу же успокоилась. Лиара долго всматривалась в ее лицо, любуясь каждой его линией, каждой черточкой, кончиками пальцев отводила волосы с ее лба. Золотистые пушистые пряди, совсем как у той среброкрылой, что с хохотом кружилась где-то под самыми небесами, распугивая звезды и расшвыривая облака. В тебе есть что-то от каждой из них, по маленькой золотой крупинке, по частичке, собранное в твоей груди. Но больше всего в тебе — Силы, которой я не перестаю учиться у тебя. Тебе достанет храбрости идти до самого конца, а значит, достанет ее и мне.

Прикрыв глаза, она свернулась под боком у Рады, вдыхая ее запах, наполняя им всю себя, и золото окутало их обеих, укрыв до утра. А когда к Лиаре пришли грезы, полные золотого света и тишины, в них снова был тот взгляд, родной, любящий и странно знакомый, взгляд сквозь толщу тысячелетий, ждущий чего-то. Но чего?

===== Глава 6. Марево =====

С каждым днем пути дребезжание становилось все громче, тупое, ноющее, словно зубная боль. Избавиться от него было невозможно: хоть уши затыкай, хоть шапку натягивай почти что на нос, а толку никакого. Казалось, вибрировала сама земля вокруг путников, каждый крохотный комочек глины дрожал и крошился от этого звука, способного до пылинки расшатать и развеять окружающее. Но при этом каким-то странным образом этого не происходило. Стены тоннеля держались в целости, он был все таким же ровным и прямым, как и раньше, и ноги путников ступали по гладким, едва не зеркальным полам.

Только присутствие внутри Великой Матери не давало черепу Лиары взорваться на мелкие кусочки. Она ощущала мощнейшие вибрации, словно каждый миг сквозь ее тело прокатывались и прокатывались десятки тысяч волн, сводя с ума, выматывая, высасывая все силы. Изо всех сил она концентрировалась на горячей точке в груди, погружалась в нее целиком, тонула в ней, чтобы закрыться от навязчивого звука.

Остальные путники чувствовали себя не лучше. Впереди шагал нахмуренный Редлог, то и дело мотая головой и бормоча что-то сквозь зубы. Лицо Алеора побелело, а губы были плотно сжаты. Кай то и дело морщился и потирал виски, Улыбашка с мрачным видом отдирала от изнанки своей дубленки мелкие кусочки ткани и запихивала их в уши, только это ей несколько не помогало. Рада опустила голову, глядя только в пол под своими ногами и стискивая зубы, шагала она так тяжело, словно в следующий миг могла упасть.

Звук наполнял эхом гулкий коридор, что шумел, будто гигантское развороченное гнездо. Невозможно было есть, невозможно было спать, невозможно было даже просто присесть и отдохнуть. Чудовищное давление звука сводило с ума, и Лиара только и делала, что считала дни. Редлог сказал, что они пройдут проклятое место за неделю, и путники спешили, двигаясь со всей возможной скоростью, на которую вообще были способны их отбитые за долгую дорогу ноги. Никто не жаловался, никто не требовал отдыха или остановки пораньше. Даже по вечерам, когда сил на то, чтобы двигаться вперед уже не было, путники все равно упрямо шли до тех пор, пока не валились на землю от изнеможения.

Теперь Лиара понимала, почему смельчаков, попытавшихся проникнуть за Семь Преград, в истории Этлана было так мало. Эрванский кряж с его жуткими миражами они может, еще и прошли бы, но в постоянном грохоте Железного леса находиться было просто невозможно. И ведь это еще Редлог вел их не через сам лес, а под ним, где звук все-таки хоть немного глушился толщей земли. Каково было наверху, Лиара даже знать не хотела.

Общались они только жестами, да и то в тех редких случаях, когда это было по-настоящему необходимо. Все остальное время они шагали и шагали вперед, пока Лиаре не начало казаться, что в мире вообще не осталось ничего, кроме давящего звука и темноты тоннелей, кроме спин друзей и надежной мозолистой ладони Рады, за которую она цеплялась, будто за свою последнюю надежду. Она уже даже грезить не могла, потому что звук преследовал ее даже там, и хоть уставала гораздо медленнее смертных, но все равно чувствовала себя так, будто они не неделю идут под Железным Лесом, а целые месяцы, если не годы.

Постепенно, очень медленно, звук начал отступать. Сначала Лиара даже не заметила этого, безразлично моргая ничего не видящими глазами и чувствуя, как барабанные перепонки тупо пульсируют болью. Позже это стало очевиднее, и она вскинула голову, внимательно прислушиваясь и боясь поверить своим ощущениям. Еще через несколько часов она уже была уверена: они прошли лес, он оставался позади них и затихал, хоть и крайне медленно и неохотно.

Правда, чтобы окончательно уйти с территорий, на которых мучительный звук продолжал преследовать их, им понадобилось еще несколько дней, но это было уже не так важно. Теперь хотя бы можно было спокойно дышать и даже отдыхать: череп больше не раскалывался на куски от невыносимой боли. Все приободрились, вскинули головы, начали временами переговариваться и даже шутить.

Вот только Лиара все равно чувствовала что-то не то. Какое-то напряженное ожидание повисло в воздухе между ними всеми, странное, давящее чувство. То ли каждый из них начал, наконец, понимать, на что именно он согласился, то ли атмосфера Семи Преград действовала таким образом, Лиара не знала. Но только веселость длилась недолго, сменившись настороженными взглядами и тревожно нахмуренными бровями.

— Алеор, а ты уверен, что никакого Неназываемого за Преградами нет? — уточнила как-то раз Улыбашка, потирая свой широкий нос толстым пальцем и с подозрением поглядывая по сторонам. — Вот точно уверен? Не хотелось бы, чтобы мы туда пришли, а там нас с радостной улыбочкой встретили бесы мхира.

— Никого там нет, Улыбашка, — отозвался шагающий впереди эльф через плечо. — Мне это подтвердил Владыка Илион, и если уж его слова недостаточно, то я вообще не знаю, что нужно.

— А что там вообще случилось-то? — голос у гномихи был все еще неуверенным. — Ты в двух словах-то пояснил, но хотелось бы более развернуто.

— В Роуре, к югу отсюда, живет народ, зовущийся вельдами. Это бескрылые потомки Орлов-гринальд, тех самых, которые сейчас поселились где-то на севере Латайи. Восемь лет тому назад Сет овладел разумом одного из Черных Жрецов вельдов и заставил его пойти за Семь Преград, чтобы освободить спящих в Черном Источнике Эвилид. Видимо, не только это было его целью. Илион полагает, что Сет надеялся целиком завладеть телом Черного Жреца и облечься наконец-то плотью, которую он потерял сразу же после поражения Крона в Первой Войне. Но его планам не суждено было сбыться, во всяком случае, полностью. Двое других Жрецов вельдов успели остановить того, которого контролировал Сет, и он смог всего лишь выпустить Эвилид и спящих там Гротан Кравор, а потом сгинул из-за выброса силы из Источника, который сам же и спровоцировал. Так что наша задача — заткнуть проклятую дыру в земле навсегда, чтобы никакому умельцу больше не пришло в голову пытаться перехватить контроль над Черным Источником.

— «Всего лишь выпустить Эвилид и Гротан Кравор», — повторила Рада, качая головой. Вид у нее был насупленный. — Всего лишь! Да от этого у нас впереди столько проблем будет, что мало не покажется!

Самые страшные сказки рассказывали о тринадцати сильнейших помощниках и учениках Крона, самым могущественным среди которых был Сети'Агон. После гибели Крона, Сет взял на себя всю власть, а двенадцать остальных учеников исчезли из мира. Считалось, что они исчезли совсем. Как и Гротан Кравор, Ходячие Грехи. Лиара не слишком хорошо себе представляла, что они такое, но от одного названия по спине мурашки бежали. И если теперь все они, наконец, свободны...

— Скажи спасибо, что вельды не дали Сету облечься плотью, — отозвался Алеор. — Если бы это случилось, сейчас никакого Этлана уже не было бы.

— Выходит, Эвилид и Гротан Кравор и были бесами бездны мхира, которыми меня так пугала в детстве матушка? — проворчала Улыбашка, задумчиво поскребывая в затылке. — Не зря пугала, значит, — добавила она, — и кажется, не слишком активно. Можно было пугать и посильнее.

— Ничего, Улыбашка, не жалею о таких мелочах, — с дружеским участием улыбнулся ей Алеор. — Скоро они сами придут к тебе в дом, и ты с лихвой компенсируешь упущенное в детстве.

— Боги, да гореть тебе в геене огненной до конца мира, подсолнечник проклятый! — в сердцах напустилась на него Улыбашка. — И без тебя страх берет, а ты еще своим вечным карканьем такую тоску производишь, что впору удавиться!

— Я просто пытаюсь научить тебя не принимать проблемы слишком близко к сердцу и относиться к ним философски, — пожал плечами Алеор с ухмылкой на дне льдисто-синих глаз. — Всегда есть что-то, гораздо худшее, чем то, что с тобой уже случилось. Надо радоваться тому, что сейчас все не так уж и плохо!

— Вот и радуйся, — проворчала гномиха, бросая в его спину яростные взгляды. — Хоть подскакивай на месте от счастья и в ладоши хлопай. А меня — уволь. Я с собственной головой дружу, мне такого счастья не надо.

— Кай, а ты уверен, что справишься? — подала голос Рада, прерывая перепалку эльфа и гномихи. — Если тех Черных Жрецов спалило при выбросе силы из Черного Источника тебе-то хватит сил, чтобы с ним работать? Ты не думай, я не сомневаюсь в тебе и твоих возможностях, просто беспокоюсь за тебя.

— Благодарю тебя, Черный Ветер, — мягко улыбнулся ей ильтонец. — Думаю, со мной все будет хорошо. К тому же, мне нужно запечатать этот Источник, а не пользоваться им. Это должно быть не так уж и сложно.

— Кай — один из сильнейших Черных Жрецов Этлана, — с глубоко запрятанной гордостью в голосе проговорил Алеор. — Если бы Великий Жрец Васхия не был таким идиотом и увидел бы это, у Церкви сейчас было бы гораздо меньше проблем. Или, наоборот, больше, — хмыкнул он.

— Люди не любят признавать тех, кто отличается от них, Алеор, — заметил Кай. — Но это не означает, что мы не должны сотрудничать с ними или дистанцироваться от них. Рано или поздно они поймут.

— О, дааа! — с мстительным ожиданием в голосе поддержал эльф. — Когда их поганые сараи, которые они называют домами, начинают тлеть, вот тогда они и понимают! Не раньше! Благо, это время уже очень скоро придет!

Лиара взглянула на эльфа, ощущая щемящую тоску и несогласие, свернувшееся в комок в груди. Иногда Алеор говорил ужасные вещи, ее просто поражало, когда он радовался чужим бедам.

— Это будет ужасно, — тихо проговорила Лиара, не в силах сдержать себя. — Война отвратительна. Ее ничто не оправдывает.

— А что оправдывает попустительство? — эльф обернулся к ней, взгляд у него был жестким. — Что оправдывает молчание и невмешательство, а, Светозарная? Когда бичуют невинных, когда умирает кто-то чужой, они опускают глазки в пол и шепчут, что это не их дело, потому что это их не касается! Это ли добро? Это не отвратительно тебе?

От каждого его слова Лиара вздрагивала, все больше опуская глаза в пол. Ладонь Рады тихонько сжалась, пожимая ее руку.

— К сожалению, он прав, искорка, — негромко произнесла Рада. — Ты можешь понять только после того, как потерял все. Должно произойти что-то поистине ужасное, чтобы поднять всех этих чванливых идиотов на борьбу, что-то, что затронет непосредственно их. Ты же была в Мелонии, ты же видела, какие люди. Да и в других городах они тоже ничем не лучше. А если все мы, если каждый из нас не поднимется против Сета, если большая часть откажется сражаться, потому что им и так неплохо, потому что есть другие, кто поляжет за них, — тогда, что будет? Тогда мы просто проиграем.

— Смотри-ка, Радужка, ты стремительно умнеешь! — в голосе Алеора под звонкостью тона прорезались удивление и радость. — Видимо, это из-за долгого пребывания в моем обществе! Надо будет почаще тебя с собой брать.

— Не обольщайся, не из-за этого, — раздраженно огрызнулась в ответ Рада. — Просто я посидела на корабле у Сагаира и многое поняла.

— Значит, и ты тоже можешь сказать ему большое спасибо за то, что он сделал с тобой, — с жесткой иронией проговорил Алеор, отворачиваясь. — Кажется, мы все можем его поблагодарить за то, что стали теми, кто мы есть.

Очень неохотно, с огромным трудом, но Лиара вынуждена была признать правоту Рады. Как бы ни обливалось кровью ее сердце при мысли о грядущей войне, как бы ни рыдала ее душа о неминуемых жертвах и невыносимом людском горе, да только Алеор с Радой были правы. Наступало опасное время, в мир вырвались Эвилид и Гротан Кравор, вот-вот должны были родиться Аватары Создателя. Наступало переломное время, в которое никто уже не мог стоять в стороне, нигде уже не было спокойного уголка, чтобы переждать бурю. И Лиара понимала, что те, кто откажется сражаться и бороться в эти смутные времена, будут просто-напросто уничтожены, раздавлены грозной поступью перемен, растерты в пыль и забыты навечно в грохоте и шуме Танца Хаоса.

Она подняла глаза на Раду, которая смотрела на нее и улыбалась ей теплой, но такой грустной улыбкой, пожимая ее пальцы, на надежную и родную Раду, рядом с которой было не страшно. Лиара через силу улыбнулась ей в ответ. Она ничего не боится, видишь? Она пойдет вперед, несмотря ни на что, и если ты хочешь быть с ней рядом, то и тебе тоже надо идти вперед. И учиться, учиться у нее этой силе.

Чем дальше они уходили от Железного Леса, тем слабее становился его шум. Но Лиара замечала и другие изменения. Постепенно в подземном тоннеле становилось теплее. Сначала исчез стылый мороз, так вьющийся в плоть и кости за последнее время, что Лиара уже даже забыла о том, каково это — когда не холодно. Ледяные мурашки прекратили бегать по плечам и промораживать позвоночник, потом стало тепло, и даже жарко, и ей пришлось

растянуть дубленку, чтобы не начать задыхаться под толстым слоем меха. В воздухе появился странный неприятный запах, от которого слегка першило в горле.

— Сера, — проговорил Алеор, приняв себя. В голосе его звучало удовлетворение. — Хорошо. Мы подходим к третьей преграде.

В конце концов, в тоннеле стало настолько жарко, что все они скинули с себя дубленки и теперь несли их в руках. Воздух стал влажным, душным, стены тоннеля потемнели, и Лиара то и дело слышала отдаленное шипение и недовольный рокот. Слившись с землей, она ощутила и другое: рябь. Подрагивающая, беспрестанная рябь бежала и бежала по земле; она походила на дождь на поверхности воды. Множество крохотных капелек били в эту поверхность, и повсюду расходились круги. Так было и здесь, и Лиара гнала от себя ощущение тревоги и страха, словно в броню закутываясь в золотую нежность Великой Матери в своей груди.

А потом тоннель кончился, упершись в комнату, где располагалась лежанка и куча с сеном. Только очага здесь не было, да он и не нужен был в такой-то духоте. Возле комнаты отыскалось ответвление с крохотной кладовой, в которой хранились лишь крупы, сухари да сушеные фрукты. Видимо, даже сил Редлога не хватило на то, чтобы создать здесь схрон, который уберет бы продукты свежими надолго.

— Все, — недовольно буркнул Редлог, остановившись посреди комнаты и хмуро поглядывая на путников. — Пришли. Предлагаю отдохнуть здесь, а завтра уже двинуться дальше.

Лиара чувствовала себя очень усталой, но даже несмотря на это, находиться в этом последнем схроне было тяжело. Теперь уже полы неперестанно подрагивали под ногами у всех путников, а не только одна она ощущала подземные толчки. С потолка то и дело осыпались крохотные струйки земли, и на полу под подошвами сапог поскрипывала пыль. Отовсюду доносился ровный гул, словно глубоко под землей располагался громадный пчелиный улей, недовольно ворчащий из-за вторжения чужаков. А в самом помещении стояла душная влажная жара, от которой кожа моментально становилась липкой, а дышалось тяжело.

Не разговаривая, путники сгрузили на пол свои пожитки, расстелили на полу одеяла, даже не став укрываться на ночь. Жужа тряпкой вполз на кучу сена и растянулся во всю свою длину, вывалив из пасти розовый язык и тяжело дыша. Ему в его толстой шкуре здесь должно было быть хуже всех, да так оно и было, судя по всему, раз уж он сам выполз к людям, не пытаясь спрятаться от них, как обычно.

Лиара улеглась на одеяло рядом с Радой, чувствуя себя более уверенно в ее объятиях, хоть на такой жаре это становилось и тяжеловато. Отросшие пряди пшенично-золотых волос Рады повлажнели, потемнели, прилипли к ее коже, а веки у нее налились тяжестью. И все равно она крепко обнимала Лиару, притягивая ее к себе как можно ближе, чтобы той не было страшно.

— Ну вот и все, искорка, завтра уже на солнышко выйдем, — проговорила она преувеличенно бодрым тоном и коснулась губами виска Лиары. — Не страшно тебе, маленькая?

— Нет, — соврала Лиара, сворачиваясь у нее в руках комочком и стараясь всей спиной вжаться в нее. Пол под ними беспрестанно дрожал, сотрясался в бесконечной агонии, и чувствовать надежное тепло Рады Лиаре было физически необходимо.

— Вот и молодец, искорка, — прошептала Рада, хоть Лиара и знала, что она не

поверила ни единому ее слову. Золото, что дрожало в ее груди, позволяло Раде чувствовать все, что в ней творится, а потому и скрывать что-либо было бессмысленно. Тяжелая рука Рады на ее боку не дрожала. — Тогда отдыхай, родная. Все у нас будет хорошо, все мы сможем и преодолеем. Осталось только немного потерпеть.

Сердцем Лиара чувствовала истину этих слов, равно как и золотую пульсацию Великой Матери прямо за ребрами, но голова верить в них отказывалась и без конца шептала ей обо всех опасностях, что поджидали впереди. Только вот Лиара совершенно точно была уверена в том, что слушать этот шепот не нужно было. Рада уснула почти сразу, но сама она еще долго таращила глаза в дрожащую влажную полутьму, которую лишь едва-едва разгонял свет от двух масляных фонарей, и лишь через пару часов к ней пришла золотая тишь грез, успокоившая и давшая сил для долгого пути дальше.

Следующим утром (хотя какое утро может быть в вечной темноте тоннелей?) они поспешно собрались в дорогу, наскоро позавтракав, и Редлог первым поднялся по крутым, слегка обвалившимся ступеням земляной лестницы, откинув крышку люка на солнечный свет. Оттуда сразу же ударило сияние раннего утра, и Лиара зажмурилась. После долгих недель во тьме солнечные лучи нестерпимо обожгли радужку.

Морщась и ворча под нос, все они выбрались по ступеням наверх. Лиара остановилась, лишь на пару шагов отойдя в сторону от схрона и слепо моргая на яркий свет. Глаза нестерпимо резало, они наполнились слезами, и только через несколько минут она смогла проморгаться и оглядеться по сторонам.

Небо затягивал толстый слой серого пепла и дыма, поднимающегося от развороченной земли. Снега здесь не было, а в воздухе стояла душная влажная жара с запахом серы, от которой першило в горле и сложно было дышать. Земля под ногами была растрескавшейся и сухой, словно перегоревшая на солнце старая кожа, никогда не видевшая влаги. Трещины бежали во все стороны, одни поменьше, всего в ладонь шириной, другие крупнее. Лиара прищурилась, глядя вперед, туда, где по всем законам должен был располагаться запад. В отдалении она видела еще больше трещин в земле и какие-то странных выростов, похожих на гнойники, из которых поминутно вырывались столбы раскаленного пара, с шипением выплескиваясь вверх кипятком, летели мелкие камушки, шлак и грязь. Впрочем, далеко она в этом мареве не видела, горизонт скрадывал толстый слой пара.

Лиара вскинула голову, пытаясь отыскать глазами солнце. Отсюда оно выглядело поистине страшно: раскаленный красный шар, по-зимнему низко висящий над горизонтом, дрожащий сквозь марево гари, алый как кровь. Он напоминал чей-то налитый ненавистью и злобой глаз, неотрывно следящий за Лиарой, и она содрогнулась, всей собой зовя Великую Мать, прося ее о помощи. А потом подошла к Раде и нащупала ее ладонь. Черный Ветер, чьи брови хмурились, а пристальный взгляд скользил по серым валам марева, привлекла ее к себе и обняла, и от этого стало чуть-чуть спокойнее.

Сразу же, как только зрение вернулось, Алеор энергично скинул с плеча свои узлы, растер руки и нагнулся, чтобы развязать стягивающую их бечеву.

— Значит так, — заговорил эльф, принявшись извлекать из увесистого узла куски брезента и какие-то свертки. — В этот раз драконьей чешуи у нас нет, а значит, сапоги придется обматывать парусиной и кусками обычной кольчуги. Вот бечева, — он извлек из кармана моток и небрежно кинул его в руки Улыбашки, которая поймала бечеву и удивленно воззрилась на нее. — Да, ты совершенно права, она сплетена из железных нитей, иначе может просто сгореть, — не оборачиваясь, добавил эльф. Он вытащил из узла еще какой-то

мешочек и скинул в сторону. Тот был небольшим, но глухо звякнул, упав на землю. — Здесь — куски кольчуги. Приматывайте к подошвам сапог, а поверху все обвязывайте парусиной.

— А парусина не загорится? — неуверенно спросила гномиха, с опаской поглядывая на раздающего указания эльфа.

— Загорелась бы, если бы и это я не предусмотрел. — Он кивнул Каю, и тот тоже снял с плеч мешки с поклажей. — Там, в мешках, есть бутылка с жидкостью. Пропитайте ей тряпки. На какое-то время ее хватит.

— Что за жидкость? — спросила Рада, нагибаясь над указанным узлом и принимаясь шарить в нем. Ответил ей Кай.

— Сок Железного Дерева.

— Чего? — глаза Рады округлились, когда она повернулась к ильтонцу.

— В наших горах оно тоже есть, хоть и не в таком количестве, как здесь. И мы немного умеем с ним работать, — сообщил ильтонец, пожав плечами, будто это было самым естественным и самым собой разумеющимся на свете.

— Но как?! — Улыбашка хлопала глазами, глядя на Кая так, словно видела его впервые. — Как вы это делаете? Почему вы никому не сказали, что у вас есть Железное Дерево?

— Потому что оно считается священным у нашего народа, и рощи тщательно охраняют, чтобы их не потревожили чужаки, — мягко ответил ей Кай. — Думаю, что и у гномов под горами есть множество тайн, которыми они не хотели бы делиться с окружающими.

Некоторое время Улыбашка молчала, о чем-то размышляя, потом неохотно кивнула, бросив на ильтонца тяжелый взгляд.

— Твоя правда. Хотя бы расскажи, как вы умудрились сок-то из него выжать? — в ответ ильтонец лишь улыбнулся, и тогда она махнула рукой. — Да и бхара с ним. Главное, чтобы у нас сейчас ботинки не сгорели, все остальное решаемо.

— И на какое время хватит этого сока, Алеор? — Тем временем Рада вытащила из мешка увесистую, перетянутую плетеной сетью бутылку и теперь с сомнением разглядывала ее. — Сколько мы будем идти через Землю Огня?

— Если повезет, два дня, — не поворачиваясь к ней, отозвался эльф.

— А спать где? — вылупила на него глаза Улыбашка. — Если там даже ходить надо в железе, то как мы спать-то будем?

— Я не говорил тебе, что приглашаю тебя на прогулку за цветами, моя дорогая. Я сказал тебе, что мы пойдем за Семь Преград, и ты согласилась, — отрезал Алеор, выжививая последний пухлый тюк и отбрасывая прочь ненужный пустой мешок. Он повернулся к друзьям, и взгляд у него был жестким. — Поспим на той стороне. Во всяком случае, там будет узкая полоса земли, до которой Черви еще не доползают, но и гейзеров там нет.

— Проклятье! — заворчала Улыбашка, нагибаясь и принимаясь копаться в мешке с кольчужными обрезками. — И понес же меня бес вместе с погаными подсолнечниками Богону прямо в задницу! Сидела бы дома, нянчила бы детей, может, уже и четвертого успела бы родить! Ан нет, куда там? Приключений захотелось!

— Хорош брюзжать, — беззлобно посоветовал ей эльф. — Мы все отлично поспали и поели, и я надеюсь, что этого задора вам хватит хоть на какое-то время. А там посмотрим. Во всяком случае, Улыбашка, ты можешь быть горда собой. В прошлый раз твой сородич сгинул еще на второй преграде, а ты вон, молодец какая, уже до третьей дотопала! Можешь считать это достижением всего твоего народа!

На этот раз гномиха даже ничего ему не ответила, но ее мрачный взгляд вкупе с навечно искривившим лицо оскалом был таким красноречивым, что Алеор все-таки удосужился стереть улыбку с лица и заняться собственной обувью.

Глядя на кипящую долину гари и серы впереди, Лиара вдруг всем своим телом поняла, на что именно она согласилась, когда решила отправиться вместе с Алеором и Радой в дорогу. Она и знать не знала, что все сложится именно так, а ведь это всего лишь третья преграда. Но отступать-то тебе некуда, правда? Теперь-то дороги назад нет. Тебя ждут в Данарских горах.

— Искорка! — голос Рады заставил ее вздрогнуть и отвернуться от дымящихся гейзеров впереди. Та стояла рядом, тревожно глядя на нее и держа в руках кольчужные обрезки и кусок бечевы. — Ты чего там выглядываешь, родная?

— Так, ничего, — отрывисто отозвалась Лиара, опуская глаза. Признаваться в собственном страхе было невыносимо.

— Ничего не бойся, слышишь? — Рада подошла на шаг ближе и внимательно заглянула ей в глаза. — Все будет хорошо, мы пройдем все до самого конца. Мы уже с тобой через такое прошли, что другим и не снилось. И коль это все миновало, неужели же ты думаешь, что Великая Мать привела нас сюда только затем, чтобы убить?

— Нет, Рада, — уже тверже покачала головой Лиара. — Я так вовсе не думаю.

— Ну вот и славно, — Рада наклонилась и легонько поцеловала ее в кончик носа, вдруг опустилась перед ней на колени с задорной улыбкой в синих, будто небо, глазах. — А теперь, моя госпожа, не позволите ли вашу ножку? Я сочту за честь одеть на нее этот прекрасный башмачок.

— Ты не обижайся, белобрысая, но ухажер из тебя еще более хреновый, чем эльфийка, — проскрипела рядом гномиха, и в ответ на ее слова Алеор громко загоготал.

— Это от зависти, Улыбашка, — с нежной улыбкой сообщила ей Рада. — А все только потому, что ухаживаю я не за тобой.

— Упаси меня боги от такого счастья, — гномиха в притворном ужасе прижала ладони к груди. — Особенно после всего того, что тебе нарасказывали те шлюхи.

Алеор захохотал еще громче, а вот с лица Рады улыбку словно рукой стерли. Лиара недоуменно взглянула на нее, пытаясь понять, о чем они говорят. Черный Ветер глянула на нее из-под насупленных бровей и поморщилась, но ничего не сказала.

Укрепить на подошвах сапог куски кольчуги металлическими шнурами оказалось не самым простым делом, да и ходить на них было неудобно и непривычно. Поверх них путники до колена обмотали ноги парусиной, насквозь пропитанной соком Железного Дерева. На вид, сок этот напоминал обычную воду, разве что был чуть более густым и сильно пах ржавыми гвоздями. Лиара с сомнением подумала о том, как долго продержится сок на ткани. Если им идти два дня, то взятой с собой Алеором фляги не хватит. Они и так уже ее располовинили, и теперь жидкости в ней осталось на один раз. Не говоря уже о том, что их ждал и обратный путь. Насколько она знала, шесть преград кольцом охватывали бездну мхира со всех сторон, а Эрванский кряж отделял ее от Этлана Срединного с востока. Так что на обратном пути им все равно придется проходить, по крайней мере, шесть преград, а это означало, что вторая половина бутылки предназначалась для этого. Если Алеор не запас еще одного козыря в рукаве. Этот эльф не переставал поражать Лиару холодным расчетом и полной продуманностью своих действий, какими бы безумными они ни казались на первый взгляд.

Теперь путники больше всего походили на лазарет, в котором собрали обмороженных: с намотанными на ногах толстыми слоями бурого мокрого тряпья. Презабавнее остальных выглядел, разве что, Жужа. Редлог потратил почти что час, чтобы уговорами и увещаниями, всеми правдами и неправдами заставить его стоять ровно и позволить обмотать лапы тряпьем. Лиаре подумалось, что хорошо еще, что медведь ходил только на задних лапах, и на передние лишней сок тратить не пришлось. Сейчас Жужа сиротливо топтался в стороне, поглядывая на путников своими крохотными глазами, неуверенно потирая одну лапу другой, как делал Редлог, когда находился в глубокой задумчивости. Лиаре вдруг стало жалко этого медведя. Людям-то тащиться через Огненную Землю было тяжело, а уж ему-то и подавно. Но Редлог категорически отказался оставлять Жужу в тоннеле за их спинами.

— Он пойдет со мной, — твердо заявил мародер. — Я его одного здесь не оставлю.

Переубедить его не было никакой возможности, да и Алеор не слишком-то настаивал. Больше всех, как это ни странно, тревожилась Улыбашка, даже наорав на Редлога, что тот абсолютно бессердечен и жесток, отчего мародер втянул голову в плечи и спрятался от нее за спиной Алеора. Тем не менее, решения своего он не изменил. И почему-то Лиаре казалось, что даже если бы он попытался оставить Жужу в тоннеле, они все равно увидели бы его через какое-то время крадущимся по их следу. Так что проще было сразу же взять его с собой и сделать так, чтобы он не поранился. Лиара была больше чем уверена, что если с медведем что-нибудь случится, Редлог наплюет на все свои обещания и оставит их одних, а его помощь еще могла пригодиться там, куда они шли.

Вслед за своеобразной обувкой Алеор раздал смоченные обычной водой куски ткани, которыми они перевязали лица, оставив открытыми одни лишь глаза. Еще в запасе у него нашлись плащи из прочной непромокаемой парусины, и несмотря на жару, Лиара заставила себя закутаться в плащ поверх тюков с вещами, тщательно затянуть завязки и надвинуть на голову капюшон. Даже с такого расстояния она видела фонтаны кипятка, вырывающиеся из-под земли, и представляла, что с ней будет, если хотя бы несколько брызг попадет на кожу.

Чтобы надеть плащ, Алеору пришлось перевесить меч из-за спины на пояс, а трезубец нести в руке, опираясь на него, как на своеобразный посох. Нашелся плащ и для Жужи, и это слегка разрядило напряженную атмосферу в отряде. Все они давились смехом и прикусывали губы, пока Жужа перепугано ревел и отмахивался лапами от Редлога, уговаривающего его стоять смирно и надеть плащ, а когда этот плащ все-таки был надет, и из-под капюшона высунулся мокрый черный нос, нюхающий воздух, веселья еще прибавилось.

— Хвала богам, что мы здесь никого не встретим! — давясь хохотом, приглушенно вещала им Улыбашка. — Вы представьте себе, если бы кто-нибудь увидел это со стороны!

— Да тут все красавцы! — в тон ей хмыкнул Алеор. — Особенно вы с Каем, когда стоите рядом.

Тут он тоже был прав. В одинаковых плащах и примерно одинаковой ширины в плечах Улыбашка и Кай различались только ростом: гномиха была ровно в два раза меньше ильтона. Плащ ей оказался длинноват, отчего она, ворча и ругаясь, вынуждена была заправить его полы под ремень на поясе, и теперь смотрелась еще безумнее. Низко надвинутые капюшоны скрывали лица, и Лиаре подумалось, что со стороны они должны походить на сборище каких-нибудь странствующих монахов или Жрецов, цепью бредущих вперед. Впечатление лишь усиливалось благодаря абсолютно ровной местности. Вокруг не

было ничего, земля казалась прямой, будто доска, и ни одного деревца, ни единого куста не прерывало однообразный пейзаж. Лишь впереди бурлили гейзеры, выбрасывая в затянутое дымом небо струи кипятка.

— Все готовы? — голос Алеора звучал приглушенно из-под закрывающей его лицо повязки, но глаза были острыми, как ножи. — Не отставать, идти цепью, достаточно близко, чтобы подхватить соседа, если он вдруг начнет падать. Улыбашка, твой выход.

— И без тебя знаю, — неохотно буркнула гномиха, повернулась к остальным путникам и сообщила. — Я умею читать камень и проведу вас мимо гейзеров.

— Хорошо, — кивнул Алеор. — Кай замыкает шествие, следит за тем, чтобы последних кипятком не обварило. Пойдем не слишком быстро, чтобы сохранить силы, но и не медленно. Помните о том, что шагать нам два дня к ряду. Вряд ли где-нибудь между гейзерами найдется подходящая полянка для пикника.

Лиара нащупала ладонь Рады и сжала ее, пристроившись рядом с ней. Так было надежнее, не так страшно. Хоть Алеор и сказал им построиться цепью, но на этот ее жест он никакого комментария не сделал.

Самой первой, поудобнее пристроив на плечах свой узел и проверив топоры на поясе, хоть в этом и не было никакой необходимости, зашагала Улыбашка. Следом за ней двинулся Алеор, дальше Рада с Лиарой, а замыкали шествие Редлог с Жужей и Кай.

Ковылять в тяжелых, обмотанных кольчужной сеткой и парусиной сапогах было неудобно и сложно. Лиара все никак не могла приспособиться к шагам: обмотки мотались на сапогах, то и дело норовили соскочить, цеплялись за все, и она поминутно спотыкалась. Лишь рука Рады несколько раз удерживала ее от падений на землю, и Лиара держалась за нее так крепко, как только могла. Впрочем, спотыкались все они, ворча, проклиная преграды и обмотки, то и дело хватая друг друга за шиворот, чтобы сберечь от падения на землю.

Под толстым парусиновым плащом было жарко и душно. Дубленку она сняла, свернув в узел и привесив за плечи, и теперь все ее вещи вместе взятые, включая часть ее пайка на долгий путь до последней преграды, весили столько, что очень скоро спина начала тупо ныть. Лямки сумок резали плечи, болела поясница, глаза щипало от наползающей серной хмари, а от жара по лбу, спине и груди побежали капельки пота.

Глубоко вздохнув и приказав себе успокоиться, Лиара также медленно выдохнула и слилась с окружающим пространством. Здесь это делать было так же неприятно, как совать чистые руки в грязный, жирный от копоти давным-давно немывтый котел, но идти так, как они шли сейчас, было просто невыносимо. На то, чтобы собрать из воздуха все самые холодные токи, у нее ушло несколько минут, но, в конце концов, Лиара справилась и окружила путников толстой воздушной прослойкой из ледяного дыхания зимы, царившей где-то за границами этого пекла.

Дышать сразу же стало легче, температура воздуха понизилась до вполне комфортной. Алеор обернулся и глухо буркнул ей, кивнув головой:

— Спасибо, Светозарная! Вот это было как раз кстати.

Внутри разлилось тепло, и Лиара невольно улыбнулась ему в ответ, хоть он и не мог видеть ее улыбки под перемотанным лицом. У нее получилось хоть немного помочь, хоть чуть-чуть облегчить этот путь. Она не была для них всех всего лишь бесполезным балластом, который приходилось тащить за собой, она тоже помогала.

Очень скоро Лиара поняла, что даже если бы они и поспешили, попытавшись сократить время перехода через Землю Огня, это все равно не удалось бы. Тяжеленные сапоги

оттягивали ноги, и переставлять их стоило больших усилий. Но без этих сапог они вообще никуда бы не ушли. Даже сквозь пропитанную железным соком ткань, толстую подошву сапога и шерстяные носки, которые связала ей Улыбашка, Лиара чувствовала неприятный жар, идущий от земли. Вся ее поверхность потрескалась, словно змеиная шкура, словно безжизненная пустыня, никогда не видевшая воды. Многие трещины поглубже, те, что были уже шириной в шаг, курились раскаленным паром, и когда друзья проходили мимо них, ей приходилось концентрировать все свои силы, чтобы не давать пару прогреть воздушную подушку, которой она окружила маленький отряд. Земля шипением отвечала на каждый шаг: раскаленная поверхность набрасывалась на влажную ткань обмоток, не в силах пока еще ни поджечь ее, ни даже просушить, но изо всех сил стремясь это сделать.

Шаг за шагом, час за часом ползли они вперед по пересеченной трещинами и гейзерами равнине. Уже очень скоро Лиара все равно взмокла, на этот раз от тяжести и сложности перехода, и теперь тяжело дышала через закрывающую лицо ткань, которая не слишком-то помогала. Во рту все равно стоял отвратительный запах и привкус серы, в горле першило. Все путники поминутно кашляли, понижая надвигая свои капюшоны, но от вони это не спасало.

Улыбашка выбирала дорогу по одним ей известным меткам. Для Лиары путь выглядел совершенно однообразным: потрескавшаяся земля, повсюду гейзеры, из каждого из которых то и дело взлетали струи воды и пара. Она попыталась слиться с землей и прочесть, откуда в следующий раз ударит кипяток, но для нее это оказалось непосильной задачей. Лиара привыкла читать волны, читать душу земли и вибрации, которые та посылала по своему однородному телу. Здесь же вибрационные волны исходили, казалось, отовсюду сразу, наталкивались друг на друга, смешивались, разбегались, и предсказать что-то для нее было просто невозможно. А гномиха знай себе шагала и шагала вперед, будто по ровному, и там, где лежал ее путь, ни пара, ни кипяток не было.

Иногда они проходили прямо вплотную к гейзерам, иногда далеко от них, по большой дуге обходя жерла и трещины. Иногда пар столбом вырывался из земли прямо за их спинами, а порой они пережидали возле бьющей в небо струи кипятка, пока та не опадала, и можно было беспрепятственно пройти. Горячие брызги барабанили по толстой парусине на плечах Лиары, неприятно прогревая ее, но не обжигая кожу. Иногда вместе с кипятком из земли вырывались мелкие камешки, вырывались с такой силой, что если попадали в тело, оставляли на коже красные отметины и даже ссадины, но пока еще никто серьезно не пострадал.

Лиара цеплялась за руку Рады, концентрируясь лишь на том, чтобы не споткнуться на каждом следующем шагу и удержать вокруг них прохладную воздушную подушку. Она отсекала от себя все лишнее: бормотание спутников и их тихие оханья, если они все-таки спотыкались, перепуганный скулеж Жужи, которого беспрестанно успокаивал Редлог, почти что замолкая, брызги кипятка, льющегося на голову. Великая Мать, да если нам тащиться по этому пеклу еще два дня без отдыха, я боюсь, что даже моей выносливости Первопришедшей не хватит! К тому же, она боялась за Раду. Пока еще та шагала рядом уверенно и спокойно, то и дело подбадривая и поддерживая Лиару, когда у той заплетались ноги, но ей-то, в отличие от Алеора, сон требовался, как и Каю с Улыбашкой. Хватит ли им сил доползти до другого края Огненной Земли? А что им остается делать? — горько отвечал на это внутренний голос, и Лиара шагала дальше, гоня прочь сомнения и размышления. Толку-то от них никакого не было, один вред.

Она смотрела только себе под ноги, чтобы не спотыкаться и не нагружать Раду лишней работой, чтобы сберечь ей хоть какие-то силы, а потому и не заметила, как Улыбашка впереди остановилась. Только ткнувшись в спину Алеору, Лиара ойкнула и вскинула глаза. Они стояли перед проломом шириной в два шага, преграждающим им дорогу, концы которого разбегались в обе стороны, теряясь в серном мареве над землей. И над черной пропастью курился дурно пахнущий пар, сквозь который было видно лишь, как дрожит воздух на другой его стороне. Дороги дальше не было.

===== Глава 7. Мост =====

— Пришли, — мрачно буркнула Улыбашка из-под закрывающей лицо повязки, глядя на пролом в земле. — Я не белка, так далеко не сигану. Так что если у тебя есть еще идеи, Алеор, то лучше бы ты их озвучил.

— Некоторые есть, — отозвался эльф, оборачиваясь к Каю. — Ты сможешь что-нибудь сделать?

— Смогу, — кивнул тот. — Но я бы предпочел не слишком расплывать свои силы перед остальными преградами. Неизвестно еще, что нас будет ждать дальше.

— Если мы сейчас начнем обходить этот пролом, то потеряем лишние силы и время, — покачал головой Алеор. — Проблемы будем решать по мере поступления, так что сейчас твой выход.

Кай кивнул, и Лиара увидела, как глаза его вспыхивают черным. Это было странно: белок полностью зарастал чернильно-черной мглой, и лишь нефритовый кружочек радужки теперь виднелся в провалах глазниц ильтона. Он вскинул руку, и она ощутила, как дрожит пространство вокруг его каменных пальцев. Почти машинально Лиара вывернула глаза, и теперь ильтонец для нее выглядел совсем иначе. Все его тело было объято танцующими черными языками энергий, они обвивались вокруг руки и устремлялись вперед, прямо в провал. На ее глазах поперек провала образовался широкий мост из сгущенного воздуха, висящий над бездной. Лиара моргнула, возвращая себе обычное зрение. Теперь она не видела ровным счетом ничего, лишь пар в одном месте над провалом огибал невидимую преграду и сочился с двух сторон.

— Проходите там, где нет пара, — проговорил ильтонец. Глаза его, виднеющиеся из-под закрывающей лицо повязки, были спокойны, голос тоже не дрожал. Лиара уже успела в прошлом убедиться в том, насколько велики были его способности.

— Ты уверен, что это безопасно? — Улыбашка с сомнением заглянула за край пропасти. — По мне, так ничего ровным счетом не изменилось.

— Безопаснее некуда, — подтвердил Кай. — Идите.

Алеор первым, словно бы подавая пример остальным спутникам, пересек невидимый мост. Странно было видеть, как он шагает по пустоте над бездной, но Лиара уже успела привыкнуть ко многим странностям, с которыми за это время ей пришлось столкнуться. Следом за эльфом, с опаской поглядывая под ноги, направилась Рада.

Когда Лиара шагнула на невидимый мост, всего на один миг паника взметнулась в груди, но так же быстро она и погасила ее. Она ведь собственными глазами видела и сам мост, и то, как по нему перешли другие, чего же тогда бояться? И все-таки без энергетического зрения это было страшно. Лиара взглянула себе под ноги: они шагали по твердому и гладкому невидимому ничто, а прямо под ней черным дымом курилась бездна, столь глубокая, что дно ее терялось во тьме.

— Загриен Каменоступый, защити свою непутевую дочь! — болезненно забормотала

гномиха, бочком, почти что по шажку, выбираясь на мост. Видимая из-под повязки часть лица гномихи стала мертвенно-бледной, а маленькие черные глаза в страхе шарили вокруг. — И чего меня только понесло-то в это жуткое место? Чтобы еще раз!..

— Под ноги не смотри, — посоветовала ей Рада, а Лиара аккуратно подошла к самому краю моста и протянула ей руку:

— Держись, Улыбашка! Ты уже почти прошла!

— Чтоб вам всем проваливаться в яму с драконьими блохами! — фальцетом пищала гномиха, едва-едва передвигая ступни и глядя только себе под ноги. — Чтоб вам всем!..

В конце концов, она ухватилась за руку Лиары, повиснув на ней всем весом, и та с трудом вытащила гномиху на другую сторону расщелины. Содрогнувшись всем телом, Улыбашка яростно набросилась на Алеора:

— Это и был твой план? Твой блестящий продуманный план?!

— А что тебе не нравится? — развел руками эльф, глядя на нее. — Мы же перешли в итоге!

— Но ты же сам ровным счетом ничего не сделал! — рычала та. — Ты сам вообще не смог бы ничего сделать, если бы с нами не было Кая!

— Ну да, — Алеор взглянул на нее, как на безумную. — Именно поэтому я и взял с собой ведуна. В чем проблема-то? Потом, у меня с этой расщелиной никаких проблем бы не возникло, я в состоянии ее перепрыгнуть. А мосты все эти строятся только для таких коротконогих, как ты, и вместо того, чтобы поблагодарить меня, ты еще и зубы скалишь!

— Однажды я убью тебя, древолюб, — с тяжелым вздохом проговорила Улыбашка. — Придет этот славный день, поверь мне!

— Можешь уже сейчас занимать очередь из тех, кто хочет это сделать, — посоветовал ей эльф. — Сразу тебя предупреждаю, очередь эта ооооочень длинная, но у тебя есть шанс пережить пару десятков желающих просто потому, что гномы живут дольше людей.

Улыбашка ничего не ответила ему, согнувшись и оперевшись руками в колени. Вид у нее был болезненным.

С медведем тоже вышла заминка: он пронзительно ревел и отказывался лезть на мост. В конце концов, Редлогу пришлось закрыть ему глаза ладонями и, пиная в толстый мохнатый зад, заставить перейти на другую сторону расщелины. Последним переправился Кай, и глаза его потухли, вернув себе прежний цвет.

— Ну вот и славно, — Алеор энергично потер руки. — А теперь вперед. Кажется, Черви нас уже заждались! А я не настолько жесток, чтобы мучить их лишний час.

Ответом ему был горестный стон Улыбашки.

Постепенно местность вокруг становилась все неприютнее. Поначалу мелкие разломы теперь превратились в гигантские раны-червоточины с обвалившимися краями. Земля была изрезана ими на неровные лоскуты, и путникам приходилось постоянно петлять, чтобы найти дорогу между проломами.

Нарывы гейзеров теперь встречались чаще, примерно через каждые двадцать-тридцать метров. Некоторые из них окружали причудливых форм горы из застывшей грязи и глины, странные наросты, сформированные самой природой. Цвет у них тоже сильно разнился в зависимости от породы, через которую поднималась вода из земных недр в своем стремлении вверх. Чересполосица цветов — от густо зеленого, почти черного, до ярко-рыжего, — превращала их в диковинные произведения искусства, скульптуры, изваянные водой и ветром. Порой издали они походили на разноцветные детские леденцы, что

продавались на ярмарках, порой — на странные яркие игрушки. Одни были вытянутыми вверх статуями, другие растекались, образуя что-то вроде чаш фонтанов, в которых кипела и булькала серная вода. Иногда в толще грязи и глины наростов посверкивали самоцветы, словно неизвестный скульптор не удовлетворился игрой цвета и формы, решив добавить им еще и сияния.

С каждым пройденным метром видимость снижалась из-за плотных облаков серы и водяной мороси, стоящей в воздухе. Теперь Лиаре казалось, что она буквально вдыхает кипящую серу из гейзеров, и никакая повязка на лице не спасала ее от этого. Вдали из марева выплывали странные силуэты глиняных наростов, некоторые из которых были велики, словно холмы, а другие доставали по высоте ей едва ли до пояса. Часть из гейзеров выглядела будто искривленные человеческие фигуры, и Лиаре начало казаться, что они наблюдают за ней, тянут к ней свои руки. Впрочем, она отдавала себе отчет, что все это было не более, чем домыслами ее разыгравшегося воображения, а потому сосредотачивалась на силе Великой Матери в груди и старалась не давать волю мыслям.

Если раньше из проломов в земле бил лишь пар, да кипятки, то теперь многие из них расширились до небольших луж, в которых громко булькала, лопааясь большими пузырями, тягучая серная жидкость. Лиара содрогнулась, представив, что будет с кем-то из них, если он оступится и упадет туда. А оступиться было очень легко: проклятые обмотки на ногах мешались, идти было тяжело, все они переваливались с боку на бок, словно какие-то неуклюжие водоплавающие птицы, выбравшиеся на берег и вынужденные брести по песку. Сама она рассчитывала каждый свой шаг, тщательно следила за тем, чтобы ставить ноги ровно, и при этом все равно то и дело спотыкалась, взмахивая руками и кое-как удерживая равновесие.

Хуже всех приходилось медведю. Он, судя по всему, совершенно не понимал, куда и зачем они идут, а потому беспрестанно ревел дурным голосом, пытаясь содрать с себя плащ. Редлог целиком и полностью ушел в заботу о нем, увещевая его, успокаивая, натягивая на него капюшон и уводя его подальше от серных язв в земле. Жужа испуганно жался к нему, цеплялся за него своими громадными лапами, как ребенок. Что же это все-таки за существо? — подумала Лиара, но нога тут же поехала вбок, и она выругала себя, приказав себе сосредоточиться на дороге, а все прочее выбросить из головы.

Раскаленная земля все сильнее и сильнее прогревала подошвы через ткань и железо. Лиара то и дело поглядывала на свои обмотки, которые уже начали потихоньку просыхать. Вот только теперь идти стало как-то легче. Присмотревшись к сапогам, Лиара поняла, что пропитавший их сок начал затвердевать, будто клей, принимая форму сапога и намертво облепляя его тканью. Больше того, обмотки теперь ощущались твердыми, как старая дерюга, и с каждым шагом становились все тверже. Еще через час они отяжелели настолько, что у Лиары было ощущение, будто на каждой ноге она тянет по неподъемной гире. Сапоги путников теперь глухо стучали по земле, словно обувь по-настоящему стала железной. Зато и ноги пекло не так сильно, как раньше, хоть у Лиары и все равно было ощущение, что в сапогах они сварились, как в кастрюле с кипятком.

Вдруг Рада пошатнулась, оступилась и почти упала, вовремя подставив руку, чтобы не растянуться плашмя. Лиара даже не успела ничего сделать, чтобы подхватить ее. С громким криком та сразу же подскочила обратно на ноги, отдергиваясь и тряся ладонью: на коже виднелся красный отпечаток ожога.

— Осторожнее! — глухо приказал через маску Алеор, обернувшись к ней. —

Внимательно смотрите под ноги! Здесь можно так обжечься, что вас уже ничто не спасет.

Не обращая на него внимания, Рада шипела и трясла ладонью. Лиара подступила к ней, протягивая руки:

— Больно? Сильно ты обожглась?

— Не сладко, — проворчала Рада, показывая ладонь. Кожа моментально покраснела, пошла волдырями.

— Разрешите тебе помочь, — возвышающийся над ней на полкорпуса Кай бережно обхватил ее ладонь своей огромной каменной рукой. Глаза его на миг полыхнули черным, Рада зашипела, а потом с удивлением взглянула на свою кожу: никаких следов ожога на ней больше не было. Ладонь выглядела абсолютно здоровой.

— Спасибо, Кай! — вскинула она глаза на ильтонца, и тот улыбнулся в ответ.

— Будь осторожнее, Черный Ветер! Здесь опасно.

— Да уж это я и сама вижу, — кивнула та.

Чем дальше они продвигались, тем хуже становилось вокруг. Теперь уже Лиара ощущала под сапогами мелкую дрожь, разбегающуюся кругами во все стороны. Гейзеры вокруг превратились в громадные глыбы, из которых на десятки метров вверх взлетали струи раскаленного кипятка. В грохоте и шуме пара было почти что ничего не слышно, а дождь кипящих капель стучал и стучал по ее плащу, и даже толстенная холстина нагрелась и постепенно начала промокать. Пот градом катился по лицу и телу, щипал глаза, а рот пересох, став горячим и обожженным. Она чувствовала, что даже под повязкой губы потрескались, и сколько бы ни облизывала их кончиком языка, толку от этого не было.

Воды у них с собой было достаточно, — по дороге к последнему схрону Редлога они прошли маленький родничок и доверху наполнили бурдюки, — но теперь Лиаре казалось, что на всю дорогу этого явно не хватит. Друзья то и дело прикладывались к флягам, чтобы хоть как-то увлажнить глотки, хоть вода и была неприятно теплой и имела все тот же омерзительный серный запах, пропитавший все здесь насквозь. Сама она приказала себе экономить воду и пить как можно меньше: только когда уже совсем невмоготу, но мысли ее то и дело сползали к маленькой походной фляжке, прикрепленной к поясу. Воды в ней осталось меньше половины, а пить хотелось так, что она запросто бы и целое ведро воды выхлебала за раз.

Поверхность земли под ногами теперь стала волнистой. Это уже было хорошо: проломов в земле, через которые было бы сложно перебраться, им больше не встречалось. Но волны эти тоже возникли не просто так. Грязевые гейзеры выросли, словно горы нависая над путниками, их основания перекрывали друг друга, оставляя узкие расщелины со смазанными краями, скользкие и неудобные, перебираться по которым было очень тяжело. Некоторые расщелины полностью заливала сернистая грязь, другие были сухими, в том случае, если жерла гейзеров были скособочены в сторону, и через них-то и проходили путники. Они ковыляли цепочкой, кое-как удерживая равновесие и страхуя идущего впереди от падения. То и дело кто-то оскальзывался и падал, с шипением отдергивая руку от раскаленной грязи. В конце концов, Алеор разрешил остановиться и вытащил еще кусок холстины из своего мешка. Они разрезали ткань и обмотали руки, сделав что-то похожее на рукавицы, чтобы при падении не получать ожогов. Кай не мог исцелять каждые несколько минут, хоть силы у него было и много, но еще неизвестно, что ждало их впереди.

Низины между гейзерами заполняли уже целые озера кипящей серы. Над ними стелилось плотное облако пара, и видимость сократилась буквально до пары десятков

метров, за которыми все терялось в серых валах марева. Улыбашка каким-то чудом умудрялась буквально унюхать для них безопасную дорогу, но слишком много времени уходило на то, чтобы обойти серные озера, не попасть под извергающиеся с неба тонны кипятка. Порой они утыкались в тупик, и им приходилось возвращаться назад, чтобы отыскать безопасный путь. Лиара с огромным трудом держала в уме направление, в котором им нужно было двигаться, чтобы не сбиться с пути. По солнцу сейчас ориентироваться было почти невозможно: бока гейзеров слишком часто скрывали его от глаз, а свет его сквозь плотный слой гари был чересчур слабым, чтобы угадать направление.

Лиара упрямо держала и держала над ними подушку из прохладного воздуха, хоть даже и под ней дышать было тяжело. Если бы этой подушки не было, они все уже изжарились бы, словно мясо на шпаяках над раскаленными углями. Несмотря на необходимость выверять каждый шаг, она умудрилась погрузиться в воздух достаточно глубоко, чтобы уплотнить его структуру, и над головами путников образовался непроницаемый твердый щит. Из гейзеров вылетало все больше камней и обломков, они усыпали землю под сапогами толстым слоем шлака, на котором разъезжались ноги. И если бы не щит Лиары, вся это грязь молотила бы их по спине и плечам. Камешки были не настолько велики, чтобы причинить сильный вред, но учитывая их количество, запросто могли доставить неприятности.

Световой день быстро заканчивался. Низкое красное солнце, которое теперь то и дело пряталось среди нагромождений гейзеров, ухнуло куда-то в непроницаемую мглу серного марева, начало стремительно темнеть. От одной мысли, что дальше им придется идти в темноте, Лиару пробрала дрожь, но и стоять на месте было смертельно опасно. Какую бы хорошую защиту ни давал сок железного дерева, а даже и ей на такой жаре рано или поздно придет конец.

— Надо остановиться! — глухо крикнул Алеор, перекрывая рев и шипение гейзеров. — Стойте!

Лиара взмахнула руками, хватаясь за Раду, чтобы не упасть. Та поддержала ее и обняла крепче, хоть это и было сейчас не самой надежной поддержкой. Земля под их ногами мелко дрожала, с гейзеров ссыпались камни и шлак, толстый слой его под ногами тоже то и дело смещался и менял местоположение. На миг Лиаре подумалось, что сама земля пытается швырнуть их в кипящие недра серных проломов. Этот край был дик и яростен, он не привык к живым и не желал их присутствия здесь.

— Мы свяжемся веревкой! — громко прокричал Алеор, шатаясь из-за подземных толчков и неловко ковыряясь обмотанными парусиной ладонями в своем вещевом мешке. — Скоро стемнеет. Нужно, чтобы никто не потерялся.

Заминка, пока они разрезали длинный моток веревки на куски, пока обвязывали свои тела непослушными, обмотанными тряпьем руками, вышла долгой. Но за это время Лиара и успела хоть немного отдохнуть. До безумия хотелось просто присесть на землю и немного посидеть, всего пару минут, чтобы перестали так гудеть тяжеленные ноги, но земля была столь раскаленной, что она и тронуть ее кончиком пальца не могла.

Великая Мать, помоги нам! Никаких сил смертных не хватит, чтобы доковылять до другой стороны этого пекла! Прошу тебя, дай нам сил дойти, убереги всех! Убереги каждого из нас!

В темноте это место стало еще более жутким, чем раньше. С приходом ночи жара ничуть не спала, и никакой ветер не был в состоянии пробиться сквозь удушающие тиски раскаленного пара. Только теперь вокруг не было видно ни зги, и Лиаре пришлось вывернуть

глаза, чтобы хоть как-то ориентироваться в пространстве.

Теперь она видела в энергетическом спектре, и представшая перед глазами картина по-настоящему испугала ее. От дрожащей, идущей рябью земли, исходило алое излучение жара. Всполохами оно вырывалось из топок гейзеров вместе с кипятком, и алые капли падали вниз, на землю. Казалось, словно они бредут в самом центре громадной печи или раскаленного кузнечного горна, и Лиаре оставалось лишь изо всех сил удерживать воздушную стену вокруг них, чтобы не расплавиться, как какая-нибудь заготовка, которую кузнец бросил греть в угли.

Силуэты спутников теперь выглядели иначе. У каждого из них была своя собственная аура, свой собственный свет их природной силы, их расового обличья. Улыбашка отливала малиново-красным, почти сливаясь с раскаленной породой у них под ногами, будто еще один уголь в том же самом жерле. Алеор светился тускло, но ровно, как старое червленое серебро. У Рады это свечение было еще слабее, будто от эльфийской крови в ней осталось совсем чуть-чуть. Кай сиял малахитовой зеленью, мягкой, как первая трава. Удивительно, но у Жужи и Редлога свечение было одинаково голубым, и Лиара в очередной раз уже уверилась в мысли, что медведь пришел следом за своим хозяином из миров более тонких, чем тот, в котором обитали они сами.

Рада ковыляла тяжелее всех, то и дело оступаясь, слепо поднимая руки и шаря ими в воздухе перед собой. Несмотря на то, что ноги едва ступали, Лиара догнала ее и заставила себя идти рядом, поддерживая ее под локоть.

— Ты хоть что-нибудь видишь в этой темнотище? — прокричала ей Рада, перекрывая рев гейзеров. — Потому что я — ничего!

— Я поведу тебя! — отозвалась Лиара. Голос с трудом проталкивался сквозь сухую, обожженную глотку. — Держись за меня!

Так они и брели час за часом сквозь тьму, полную рева и огня. Лиара моргала, глядя на мир вывернутыми глазами и все пытаясь понять, какая же сила смогла разбудить ярость и буйство природы, не успокаивающейся ни на миг? Ведь эти преграды были созданы, чтобы никто не прошел к Черному Источнику, чтобы никто не нашел его. А следом за этой пришли и другие мысли, мысли о той невероятной мощи, что спала в глубине земли, мощи, способной учинить такое. Ведь сила создателей преград лишь использовала то, что было у самой земли, выведя его на поверхность. И если там, под невероятной толщей, в самой глубине под их ногами, бушевало такое... Эта мощь вполне способна соперничать с небесами в их неукротимой ярости штормов, бурь и молний. Может быть, она даже и превышает силу небес. Лиара вдруг ощутила себя очень странно, будто ухватила самый краешек загадки, самый хвостик ответа, вот только на какой вопрос был дан этот ответ? Она нахмурилась, пытаясь понять, какую именно струну это затронуло в ее памяти, но тут они внезапно остановились.

— А вот теперь все! — хрипло крикнула Улыбашка. — Дальше точно дороги нет. Ни в одну сторону.

Лиара вскинула голову, вырываясь из своих мыслей и глядя вперед. Там, насколько хватало глаз, расстилалось колышущееся озеро жара: только жар и ничего больше. Серный разлив был велик, словно море, и из него островами вздымались пики гейзеров. Улыбашка была абсолютно права: дороги больше не было.

— Что там? — заволновалась рядом Рада, пристально всматриваясь во тьму перед собой, будто могла что-то видеть. — Что случилось?

— Дорога должна быть, Улыбашка! — Алеор навис над гномихой, перекрикивая рев гейзеров. — В прошлый раз я прошел здесь, и ничего подобного не было.

— Ты мог идти южнее или севернее! — она замахала руками, указывая в разные стороны. — Я не знаю, насколько далеко тянется это озеро, может, и на несколько десятков километров! Если мы начнем обходить его, мы вообще можем не выйти отсюда! Не говоря уже о том, что это было семьсот лет назад, Алеор! За это время тут что угодно могло измениться!

— Проклятье! — в сердцах зарычал эльф. — Мы не можем блуждать здесь в поисках дороги!

— Надо вернуться! — хрипло крикнул сзади цепи Редлог. — У нас еще есть шанс вернуться назад!

— Мы не можем вернуться! — рявкнул на него эльф. — Каверну надо запечатать!

— Но и вперед мы не пройдем, Алеор! — Улыбашка вновь указала на серное озеро перед ними. — Если ты не научился плавать сквозь кипяток или ходить по нему голыми ногами! А ты вряд ли это можешь!

— Кай! — Алеор развернулся к ильтонцу. — Ты можешь что-нибудь сделать? Что-нибудь, чтобы мы прошли, вроде того моста?

— Даже если я его и сделаю, Алеор, вряд ли мы пройдем на ту сторону живыми, — с сомнением покачал головой Кай. — Жар слишком сильный! Если я попытаюсь укрыть всех нас щитом, на это уйдут все мои силы, или их большая часть, и потом я буду просто бесполезен!

— Нам нужно пройти! — напряженно вскричала Рада. — Нам нужно на ту сторону! Мы просто не можем вернуться!

Эльф глянул на нее и принялся тереть повязку, закрывающую его лицо. Впервые Лиара видела его растерянным, не знающим, что делать дальше. Это настолько не вязалось с его обликом, что она ощутила тонкие ниточки страха, начавшие медленно оплетать и затягивать в тугую сеть ее сердце. Алеор всегда знал, что делать дальше, у него всегда был план. А теперь не было.

— Проклятье! Не надо нам было соваться сюда! — заворчала Улыбашка, качая головой и разглядывая бушующее перед ней серное море.

Расталкивая остальных спутников, вперед вырвался Редлог. Он почти налетел на Алеора и принялся что-то объяснять ему, размахивая руками, настаивая, убеждая. Позади них отчаянно ревел в страхе Жужа, которого оставили одного в темноте. Тревожно оглядывался Кай, Улыбашка согнулась пополам и что-то бормотала себе под нос. А Лиара смотрела на Раду, настолько уставая, что была просто не способна ни думать, ни волноваться, ни переживать из-за чего-либо.

Из-под закрывающей лицо Рады повязки виднелись лишь глаза и хмуро насупленные брови. Она смотрела прямо перед собой, слепо моргая во тьму, и вид у нее был такой, будто она на что-то решалась. В груди у Лиары золотом расплылась решимость, твердая, словно толстая золотая монета, и она даже не сразу поняла, что решимость эта принадлежала Раде.

— Пожалуй, я попробую кое-что сделать, — брови Рады насупились еще сильнее, а пальцы сжали руку Лиары.

— Что? — непонимающе уставилась на нее Лиара. Самой ей в голову не приходило ровным счетом ничего. Казалось, теперь выхода у них точно не было.

— Просто поверни меня лицом в ту сторону, через которую нам нужен мост, —

попросила та, и в голосе ее звучала решимость. — Тут темно, как в енотьейноре, не видно не зги.

— Хорошо.

Равнодушная ко всему и какая-то чересчур тихая, Лиара аккуратно развернула Раду лицом к серному морю, поддерживая, чтобы та не упала. Под ногами были все те же горы шлака, и от каждого движения камешки меняли свое положение, да и земля тряслась, грозя в любой миг сбить их с ног. От немилосердного жара и усталости думать Лиара уже просто не могла, прекратив гадать и задавать вопросы. Верь ей. Она — единственное истинное, во что вообще нужно верить.

Несколько мгновений ничего не происходило: Алеор с Редлогом все также переругивались, только теперь к обсуждению подключился еще и Кай, ревел в стороне Жужа, ругалась Улыбашка, а Рада стояла и пристально смотрела перед собой во тьму. А потом что-то вдруг изменилось, и Лиара поняла, что задыхается, начав ощущать, как...

Это было самым странным, что она чувствовала в жизни. То золото, что постоянно присутствовало нежным биением в их груди, то золото, что постоянно согревало их обеих, теперь изменилось. Оно уплотнилось, оно начало сжиматься в раскаленную точку, тяжелую концентрированную массу, от которой грудь Лиары словно насквозь пронзили раскаленным прутком. Она поняла, что не в состоянии стоять прямо от этой боли, она согнулась пополам, прижимая руки к груди и моля, чтобы это закончилось. Все ушло, все пропало, больше не было для нее ничего и ничто не имело значения. Осталась лишь интенсивность оголенных нервов, будто все ее тело вывернули наизнанку и подставили под раскаленное обжигающее сияние полуденного солнца, и теперь она жарилась, корчилась на этом огне. В глазах помутилось, Лиара пошатнулась, инстинктивно хватаясь за стоящую рядом Раду, хоть перед глазами все поплыло так, что она больше не способна была даже разглядеть ее.

Сжавшаяся в маковую росинку точка в груди, казавшаяся тяжелее и массивнее всего Эрванского кряжа, вдруг взорвалась, и Лиара целиком вошла во что-то иное. Она охнула, всей грудью хватая воздух, задыхаясь, дыша и дыша и снова, и при этом воздуха все равно не хватало, словно она больше не умела дышать. Перед глазами полыхнул ослепительный свет, такой яркий и заливающий все, какого просто не могло быть в мире. Он был золотым, он был ярче солнца, ярче тысяч, миллионов солнц, собранных в одну точку, и он был везде, рассеянный пудрой золотых пылинок повсюду вокруг них. И каждая пылинка сияла, освещая саму себя и все вокруг.

Ничего не понимая, своими распахнутыми глазами Лиара видела теперь все, как на ладони. Громадное серное море и гейзеры, что поднимались из него, друзей, застывших в немом оцепенении и замолчавших на полуслове, небо, укрытое толстым слоем марева испарений, и Раду. Она стояла рядом, расслабленная, такая легкая, будто находилась не здесь, а где-то далеко-далеко, на залитых солнечными лучами зеленых лугах, где только ветер бродит, мурлыкая под нос песни и выплетая венки из дремотных, напоенных летом трав. И солнечными копьями сквозь ее грудь прорывалось сияние, заливая все, заливая их всех, освещая все вокруг.

— Что ты делаешь? — хриплый голос Алеора утонул в тишине, ставшей вечностью.

Безмолвие опустилось на них, тихое и спокойное, улеглось, словно пушистый белый снег. Безмолвие наполнило все, затопило весь мир до самого доньшка и еще глубже, и воздух в нем наполнился светом и тишиной. Лиара подняла руку, пустая, словно кувшин, из которого вылились все молоко до капли, наполненная, как река, что шумливо перепрыгивает

пороги и плюется серебристыми сполохами брызг. Она поднесла руку к глазам, безмолвно глядя на свою кожу, залитую этим сиянием, она больше не помнила, как думать, она больше не знала, каково это. Она лишь видела свою руку, свою собственную ладонь, и больше не было разницы между этой ладонью и воздухом, что ее окружал, между ней и серой над источниками, и землей, и небом, и Улыбашкой, и Радой. Все было единым. Было Одно.

Никогда еще! — прошелестел внутри странно чужой голос разума, который она привыкла ассоциировать с самой собой. Никогда я не чувствовала ничего подобного! Прямо здесь, во плоти! Прямо здесь!.. А сила лилась и лилась, золото сияло ярче тысячи солнц, и не было никакой разницы между одной точкой и другой, одним существом и другим, между серным гейзером и крохотной частичкой ладони Лиары.

— Пойдем! — просто сказала Рада.

Мучительная сила была в этом коротком слове, призыв властный, которому невозможно было сопротивляться. Лиара взглянула на серую кипящую поверхность воды. Что-то в ней совершенно точно знало, что стоит им лишь коснуться самого ее края, и они мертвы. Но это что-то было сухой скорлупой, шершавой сброшенной змеиной шкурой, это что-то было плоским и мертвым с самого начала, и оно не имело больше никакой власти над ней.

Сделать шаг было трудно, потому что не было больше того, кто делал этот шаг. Лиара смотрела огромными глазами на то, как то, что было ею, поднимало ногу и двигалось вперед. Она чувствовала, как она же сама упруго пружинит под ее же собственной ногой, встречая тяжесть ее тела, она чувствовала, как она же кипит где-то совсем рядом, выбрасывая вверх раскаленные капли ее же самой, которые выпаривались и становились моросью, которой тоже была она, в воздухе, что был ею. Она смотрела на то, как Рада делает шаг вперед, она чувствовала себя ей, в ней, под ней, везде, и при этом ощущала что-то, что было Радой. Оно было и Лиарой, но и Радой оно тоже было, нечто иное, дрожащее, такое знакомое, такое близкое, но иное. Нечто, как забытая радость, как давным-давно узнанная загадка, как вновь рожденное семя. Подобие.

Рада шагнула вперед, и ее ноги коснулись кипящей поверхности серного моря. Лиара заморгала, пытаясь понять, что она видит своими собственными глазами, но то, что должно было в ней понимать, больше уже не существовало. Сгущенная золотая пудра, которой было все, которая пронизывала все, эта пудра пошла рябью, заволновалась, а потом уплотнилась. И ноги Рады пошли по воде.

Все теперь было иным, все было новым. Не было больше ничего, что Лиара бы знала, что она узнавала бы, потому что не осталось никого, кто мог бы не знать, потому что все было правильно. Улыбнувшись и чувствуя невыносимое счастье быть частью всего этого, невыносимую полноту бытия в каждом вздохе, в каждом миге, в каждом самом крохотном движении своего существа, Лиара шагнула следом за Радой и пошла по серной поверхности озера. Ноги ее больше не заплетались, и обмотки совсем не мешали им ступать. Усталости в ней больше не было, а дышала она... Лиара даже не могла бы сказать, как именно она дышала. Казалось, что дышит каждая ее клетка, что тело пористо и прозрачно, и золотой ветер, несущий солнечную пыль, наполняет и раздувает ее легкие, которыми она теперь и была вся целиком.

Ее ладонь встретила ладонь Рады, как себя саму. Лиара улыбнулась ей, глядя в ее глаза и видя в ней теперь что-то иное, что-то, чего она раньше никогда не чувствовала. Разноцветной гирляндой немислимой красоты, нитью с насаженными на нее самоцветами, горело что-то изнутри тела Рады, пронизывая своим светом всю ее. Семь точек от основания

позвоночника до расстояния на две ладони выше макушки головы, и ярче всего горела та, что на самом верху. Она светилась, будто солнце, она сияла так, что больно было смотреть, и при этом смотреть хотелось. Этот свет был как родниковая вода, как сладость раннего утра, как изморось на тонкой веточке клена. Этот свет утолял жажду и дарил прохладу, он был спокойным и мудрым, он был везде и всюду, и к нему хотелось прикинуться всем телом, чтобы полностью раствориться в нем.

Они двигались вперед прямо по поверхности серого моря, и ноги ступали по чему-то мягкому, как болотный мох. Лиара чувствовала, как следуют за ними с Радой все их спутники, даже Редлог с Жужей. У каждого из них было свое собственное, присущее лишь ему ощущение, в каждом было что-то особое, как один мазок краски, никогда не повторяющийся на монументальном полотне из миллиардов цветов. И в каждом из них было что-то единое, такое же, как и во всех, что-то ослепительно сияющее над головой, как у Рады, и это тоже Лиара ощущала как саму себя. Одно единое тело из тысяч тел, одна единая душа из тысяч душ, каждая из которых была уникальна и неповторима. Это было невысказано, потому что мыслить больше было нечем.

Единственное, что было здесь странным, это лицо Редлога. Оно наконец-то перестало без конца менять свое выражение и предстало ей бледно-голубым, чистым, словно небо в ясный летний полдень, радостным и бестрепетным, хранящим мудрость, равной которой не было на земле. Да и медведь его теперь выглядел иначе. Сквозь него проступали черты животного, которому Лиара не знала названия. У него были сильные лапы с длинными когтями, поджарое тело, излучающее приятный, переливающийся всеми цветами радуги цвет. И шагал он теперь совсем иначе, ровно и спокойно, выверяя каждый свой шаг, ни на шаг не отходя от своего хозяина. Какое-то смутное воспоминание тронуло то, что было Лиарой. Редлог вел Жужу так, словно тот был его конем, его спутником и вечным помощником. И сила растекалась вокруг них, бурля в воздухе и заставляя его рябить.

Но все это было неважным, все это не имело значения. Лиара отвернулась, наполненная светом и силой, не глядя больше на своих друзей, которыми она теперь тоже немного была, ощущая в руке ладонь Рады, которая была ею. Она отпустила все свое удивление, позволив ему исчезнуть, растаять, словно дымка. Не было больше удивления, потому что было лишь вечное узнавание, не было больше необходимости тянуться, чтобы забрать, потому что все было ею и принадлежало ей.

Полнящийся золотом мир переливался вокруг них, пока они шагали все вперед и вперед сквозь золотую пудру, которой была пропитана каждая крохотная частичка пространства, которая и была и пространством, и временем, слитыми воедино. Ничего теперь не существовало: ни мгновения, ни часа, ни шага, ни тысяч километров. Все было рядом, только протяни ладонь, да хватай колючие звезды, перебрасывай из руки в руку, плети из них венки. Все было здесь, развернутое в тысячах тысяч миров, вновь сливающихся в один лишь затем, чтобы бесконечно наслаждаться пульсацией становления. Все было здесь, в улыбке Рады, в сиянии света над ее головой, в их ногах, что ступали сквозь вечность, в их друзьях, что молча шагали следом. Все это умещалось в одной крохотной точке в груди Лиары, и она смеялась от счастья, чувствуя, как пульсирует под кожей неизмеримое полотно мира.

А потом все переменилось. Ощущения начали тускнеть, становясь все слабее, отступая, отпуская, вытекая из нее, как вода просачивается сквозь песок. Она не хотела отпускать это, она не хотела больше жить так, как раньше, в грубом мире вечного одиночества, законченных форм, вещей, которые были такими плоскими, безжизненными и твердыми, на

которые она наталкивалась, будто на стены. Но сила неумолимо уходила, и мерк свет следом за ней, становясь все более тусклым.

Лиара заморгала, внезапно осознав, что низкое красное солнце висит где-то над горизонтом, и оно уже не подернуто маревом стелящегося над землей пара из гейзеров. Было все еще жарко, и земля под ногами, под ее собственными ногами в неудобных обмотках, казалась такой твердой, что это вызывало тоску. По груди и лбу катился пот, он щипал глаза, а во рту было сухо, как в пустыне. Прикосновение холодного ветра, долетающего откуда-то с северо-востока, слегка остудило этот жар, и Лиара смогла глотнуть воздуха, сразу же закашлявшись. Она как будто и не помнила, как дышать. После того, как она дышала всем своим телом, вдыхать воздух через горло казалось так удушливо, так недостаточно.

Ноги подогнулись, и она тяжело осела на землю, мучимая острым ощущением потери, отрезанности, отъединения. Ее руки в громоздких варежках из холстины, безнадежно шарили и шарили по теплой твердой земле, и не находили больше ничего. Не было золотых пылинок, не было жизни, так допьяна напояющей каждую клетку тела, не было больше одного в тысячах красок, цветов и звуков. Была лишь она, выброшенная на берег, словно рыба требуха, лишенная золотого моря, пульсирующего внутри.

На глаза навернулись слезы глубокой грусти. Лиара отчаянно впиалась в горящую золотую точку в середине своей груди, ту самую, с которой все и началось. Она погружалась туда все сильнее и сильнее, она изо всех сил пыталась слиться с ней, но только ничего не выходило. С той же пользой она могла бы с разбегу биться головой о каменную стену. Ничего, лишь золотая пульсация, от которой она была отрезана острой бритвой невидимой преграды.

Всхлипнув, Лиара продолжила бороться. Оставив в покое золото Великой Матери, она ринулась в пространство, так, как умела делать благодаря своей эльфийской крови. Все было там: и ветер, потоки которого она могла менять, и земля, что дрожала под ней, и небо, которому не было конца. Но все было не то. Лиара бросилась глубже, еще глубже. Ей хотелось кричать от тоски. Где та радость, наполнявшая ее без остатка? Где то лучистое счастье и полное, гармоничное, бездонное ощущение простора, в котором все было одним? Она головой вперед ухнула в небо, растворяясь в нем, но все было тщетно. Как бы ни возносилась она с ветрами к самым облакам, как бы ни растворялась она в потоках рассеянного солнечного света, а все равно она не чувствовала той полноты и радости, и лишь где-то на земле лежало ее тело, сгорбившись и тихонько хныча от невозможности еще раз пережить весь мир в одной пылинке.

Она, кажется, вновь научилась думать, и от сухой назойливости мыслей в голове ей стало еще больнее. Что это было, Великая Мать? Как мне еще раз попасть туда? Как мне вновь пережить это? Все эти вопросы казались тусклыми и лишенными силы, как выцветшее зеркало. Лиара смутно помнила, как проживала каждую мысль, словно великую волну цвета и силы, как каждое ее стремление становилось мощью и текло, растворяясь вокруг. Теперь лишь надоедливый занудный шепот звучал в голове, гулкой, как пустой таз, пересыпался песком в пыльном сосуде. Лиара с трудом выдохнула, ощущая себя маленькой, усталой, разбитой, никому не нужной, и подняла голову.

Только теперь до нее начало доходить, где они. Равнина гейзеров осталась за спиной, а впереди была холмистая местность до самого горизонта, где ничего не росло. Кое-где в низинах сиротливо белел снег, да и ветер вновь становился холодным здесь, где уже не висело толстой подушкой раскаленное дыхание земных глубин. Мы прошли Землю Огня? Но

как?

Непослушными руками она сорвала с лица закрывающую ее повязку, откинула с головы капюшон, подставляя разгоряченную кожу ветру, обернулась и нашла глазами друзей. Все они ничком лежали на земле, растянувшись во весь рост, до сих пор связанные кусками веревки, даже медведь; они спали, и их спины тихонько вздымались во сне, а краешки плащей перебирал ветер. Ближе всех к Лиаре лежала Рада, и лицо ее было тихим, словно летний полдень. На нем отпечаталось странное выражение такой глубокой умиротворенной силы, что Лиара застыла на несколько мгновений, не в силах отвести от нее глаз.

— Светозарная... — Лиара обернулась на голос Кая. Ильтонец тяжело пошевелился на земле, приподнял голову. Глаза его сами собой закрывались, словно невероятная усталость тянула веки вниз пудовой тяжестью. Голос его звучал глухо, но в нем звенело усилие. — Кто из вас двоих... сотворил это?

— Рада, — едва слышно проговорила Лиара. Она помнила, как все это началось, но теперь уже не так ярко, как всего несколько мгновений назад. Воспоминания тускнели, оставляя за собой лишь мучительную жажду вновь ощутить то... что? Но она совершенно точно была уверена в том, что все это началось, благодаря Раде. Что она сотворила это чудо. Обернувшись к Каю, Лиара спросила: — Ты знаешь, что это было, Кай? Потому что я просто не понимаю. — И это было правдой, хоть в груди и пульсировала чья-то нежная улыбка, хранящая от беды. На глаза вновь навернулись слезы, когда Лиара поняла, что больше не помнит, что у нее отняли. Но это что-то было единственным, ради чего вообще стоило жить. — Не понимаю, — едва слышно повторила она.

— Это был мост, Светозарная, — Кай прилагал усилия, чтобы говорить. Слова звучали невнятно, он словно силой проталкивал их сквозь стиснутые губы. — Вы построили мост.

— Какой мост? — Лиара была уверена, что он имеет в виду вовсе не обычный мост через серное море, по которому они перешли. Перешли? С каждым мгновением воспоминания выцветали, тускнели, а свет сознания все больше мерк. Лиара отчаянно вцепилась в эти воспоминания, не желая их отпускать. Она знала, что они — очень важны.

— Мост между сознанием и телом, — Кай вдруг лающе рассмеялся, хрипло и с натугой. — Я всегда думал, что должно быть что-то подобное. Ведь не просто же так мы Соединяемся с Источниками. И не просто так называем это Соединением. Я всегда знал...

Голос его становился все тише и тише, он тяжело уронил голову на землю, и плечи его расслабились. Кай глубоко спал.

В отчаянии Лиара осталась наедине со стремительно тускнеющей памятью на самой границе между Огненной Землей и ледяными Пустыми Холмами. Нити прошлого растекались, расплзались прямо под ее пальцами, и она все никак не могла восстановить, что же с ними случилось? Она помнила, как дорога оборвалась у серного разлива, а дальше Рада просила ее развернуть ее лицом к берегу, но зачем?

Силы вытекли из Лиары совсем, и она плашмя упала на теплую, пропахшую серой землю. Глаза закрылись, и сознание оставило ее.

===== Глава 8. Пустые Холмы =====

Рада открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Земля под щекой чувствовалась теплой, но затылок холодил ветер, и спина неприятно замерзла. Во всем теле был какой-то странный звон, отзвук, словно она сама была колоколом, по которому кто-то отчаянно бил здоровенной колотушкой, и теперь звук медленно-медленно отступал прочь, не желая покидать ее основы.

Она поморгала, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. Ощущение было странным: пустота разливалась в черепной коробке, и там, за ней, было что-то смутное, что казалось очень важным. Рада сосредоточилась, пытаясь вытянуть это из своей памяти, и связь моментально разорвалась, лопнув, будто туго натянутая нитка. Теперь непреодолимый барьер ограждал ее от того важного, что случилось, и от этого было неуютно.

Расслабившись, Рада прогнала все мысли и прикрыла глаза, чтобы ничто не мешало ей. То важное не желало вновь возвращаться в голову, но зато вернулось другое. Долгая дорога через кипящее пекло гейзеров, ночная тьма, обрушившаяся на них, препятствие, которого она не видела, но которое нужно было пересечь, отчаяние друзей. С этого момента и начиналось что-то важное. Рада вновь попыталась вспомнить, но никак не могла. Воспоминания ускользали, словно она пыталась ловить руками дым. Она помнила лишь свет, ослепительный свет и ничего больше.

Вздыхнув, она открыла глаза и огляделась. Да, все верно, она лежала на пересохшей растрескавшейся земле, и за ее спиной разгорались первые слабые лучи встающего из-за горизонта солнца. Тело чувствовалось отдохнувшим и полным сил, и Рада легко оттолкнулась от земли, села, потирая слегка ноющую голову. Ощущение было странным: словно кто-то долго бил ее по виску тупым предметом.

Впереди возвышались неуютно-стылые холмы, в низинах между которыми кое-где лежал снег. Рада нахмурилась, оборачиваясь. Земля Огня осталась за ее спиной, и сквозь марево над ней проглядывал красный зрачок солнца. Выходит, мы прошли третью преграду? Но как? Этого она вспомнить не могла.

Рядом послышался какой-то звук, и Рада обернулась. Зашевелилась Лиара, лежащая совсем рядом с ней на земле. Сейчас искорка показалась ей такой маленькой под этим громадным плащом, который выдал ей Алеор, а на память пришло то, с каким трудом она ковыляла вчера по камням через долину гейзеров, как цеплялась за Раду, едва не падая от усталости. Сердце сжалось от боли и тревоги за нее, и Рада осторожно тронула ее за плечо.

Верхняя часть лица Лиары была закопченной и темной, а нижняя, там, где рот и нос закрывала повязка, чище и светлее. Рада предполагала, что и сама она выглядит не лучше, если не сказать большего. Глаза Лиары открылись, и на Раду из них взглянуло волнующееся штормовое море, полное брызг, на дне которого тонули серебристые звезды.

— Вот и ты, искорка! — Рада ощутила, как сердце наполняется нежностью. — Как ты себя чувствуешь? С тобой все хорошо?

— Да? — как-то полувопросительно пробормотала Лиара, глядя сквозь нее в пространство и хмуря брови. Потом увереннее добавила: — Да. А ты? Как ты?

— Вроде цела, — пожала плечами Рада, — только не помню ровным счетом ничего.

— И я не помню, — Лиара еще больше нахмурилась, потирая лоб. — Но было же что-то. Вчера что-то случилось...

— Я помню только, как мы уперлись в непроходимую преграду, но было так темно, что я даже не поняла, что это, — Рада поскребла в затылке и обернулась. Неподалеку от них распластались на земле друзья. Бечева, которой они связались вчера, чтобы не потеряться в темноте, до сих пор соединяла их. Кое-кто из спутников начал шевелиться и бормотать, приходя в себя. Кай первым приподнялся на своих каменных руках над землей и теперь мотал головой, словно оглушенный. — Может, кто из них чего помнит?

— Нет, — в голосе Лиары было примерно поровну уверенности и удивления, она вскинула глаза и пронзительно взглянула на Раду. — Вспомнить должны мы с тобой.

Кажется, это сделала ты.

— Что сделала? — заморгала Рада, глядя на нее. Внутри нее что-то легонько зазвенело колокольчиками на ветру, но она никак не могла ухватить ответ.

— Перенесла нас сюда, — все так же медленно проговорила Лиара. — Сделала так, что мы пересекли то сернистое озеро. Только я не помню почти ничего. Лишь свет.

— Тогда откуда ты знаешь, что это сделала я? — вздернула бровь Рада, недоуменно разглядывая ее.

— Знаю, — твердо кивнула искорка. — А раз так, то ты должна вспомнить, что ты сделала. Именно ты должна вспомнить, и никто другой.

— Но как мне это сделать? — развела руками Рада. Она в толк не могла взять, каким образом извлечь из памяти то, что просто ушло отсюда. — Я же не могу взять свою голову и вытрясти это отсюда, как из ведра?

— Нет, — согласилась Лиара. — Но ты можешь нащупать внутри себя это воспоминание. Я так вспоминала свое прошлое, когда попала в Иллидар. Затихни, прекрати думать, прогони все, стань своей памятью, и она вернется.

Несколько секунд Рада смотрела на нее, не совсем понимая, шутит она или нет, и со вздохом покачала головой.

— Искорка, я все никак в толк не возьму, о чем ты говоришь. Но я обещаю тебе, что попробую это сделать. — Взгляд ее сам скользнул вперед, на лысые вершины холмов, над которыми носился ветер. — Во всяком случае, как только мы окажемся в безопасности, — добавила она.

Искорка приняла решительный вид, словно еще что-то хотела ей сказать, но тут из-за их спин раздался хриплый голос Улыбашки.

— Бхару твою за ногу! Как мы здесь оказались?

Рада обернулась на звук. Гномиха уже сидела, дикими глазами озираясь по сторонам. Рядом с ней стоял на коленях Кай, упираясь руками в землю, и глядя перед собой. Вид у него был болезненным. В стороне сидел Алеор, держась рукой за голову и щурясь на один глаз, словно его мучила мигрень. Редлог уже причитал над ревушим Жужей, который принялся кататься по земле и сдирать с себя холщевый плащ, рыча и разрывая его острыми когтями. Рада моргнула, разглядывая друзей. Вновь что-то поднялось из памяти и опало так же быстро, как отступает волна прибоя. Что-то было, связанное с ними со всеми, что-то важное. Наверное, искорка все же права, и мне надо очень постараться и вспомнить. Вот только пока что она могла лишь моргать, ощущая странный отзвук внутри своего тела.

— Кажется, мы на другой стороны третьей преграды, — Алеор с трудом встал, перерезал веревку на поясе ножом, и огляделся, все также держась за голову. Его сильно мотало из стороны в сторону. — Это выглядит очень похожим на Пустые Холмы.

— Но как мы попали сюда? — вновь повторила вопрос Улыбашка, глядя на него. — Последнее, что я помню — дороги нет, мы уперлись в разлив серы. Потом опять были какие-то поганые ведьминские штуки, что ли? Вы бы хоть предупреждали, когда делаете это все, чтобы людей не пугать! Так ведь и с ума сойти можно!

— Я помню свет, — глухо проговорил Кай, не поднимая головы. — Очень много света, он заливал все. Больше ничего не осталось.

— И что это значит? — Улыбашка в раздражении воззрилась на его спину. — С нами случилось что-то такое непонятное, и никто из вас, бхар, не может мне сказать, что это было? Мне это не слишком-то нравится, даже если мы и выбрались из той бани.

— Это Рада, — уверенно проговорила искорка. — Я совершенно точно уверена, что это сделала Рада. Но ни я, ни она ничего не помним.

— Ты? — брови гномихи удивленно взлетели. — Ты же ничего не можешь!

— Я удивлена не меньше твоего, — развела руками Рада. — Но, по-моему, искорка права.

Все воззрились на нее, даже Редлог перестал кудахтать над своим медведем. Лиара обвела глазами лица друзей. Кай смотрел напряженно, часто моргая, будто что-то пытался вспомнить, Улыбашка набычилась, в глазах мародера перетекало привычное безумие, и что у него на уме, не решился бы сказать никто. Один Алеор только разглядывал ее резко и как-то очень пристально, словно взвешивал или измерял, пытаясь понять, что она такое. Под его взглядом ей стало неуютно, и Рада передернула плечами, опуская глаза.

— Я постараюсь вспомнить, что там случилось. Но сейчас пока не могу.

— Ладно, с этим можно разобраться и по дороге, — проворчал эльф, перестав, наконец, тереть свою голову. Он энергично отвернулся от нее и взглянул на растянувшиеся цепью вдоль горизонта холмы. — Главной цели мы достигли: мы на этой стороне, куда нам и надо было. А уж как мы прошли — дело десятое.

— А как мы возвращаться-то будем, ты уже придумал? — недовольно воззрилась на него Улыбашка. — Мне как-то не слишком хочется лезть туда еще раз.

— Сначала надо дойти до Источника, — отрезал Алеор. — Как только мы закончим то, ради чего сюда пришли, можно будет думать об обратном пути. По одной цели за раз, Улыбашка.

— Проклятые подсолнечники! — заворчала под нос гномиха, принявшись с остервенением сдирать с себя плащ. — Никто из вас ничего не планирует наперед! Никто не подготавливает тылы! Я вообще удивляюсь, как вы хоть одну войну-то выиграли!

— А я вообще не помню, чтобы гномы что-то выигрывали! — огрызнулся в ответ Алеор. — Или чтобы хоть в чем-то участвовали! Кажется, тылы — это все, что вас волнует, свои ли, чужие ли — неважно! А теперь хорош уже ворчать. Сейчас перекусим, переоденемся и продолжим путь. Время не ждет.

Улыбашка охнула в крайнем возмущении, надула щеки и зафырчала, словно чайник на огне. Только вот и у нее, похоже, не было никаких сил, чтобы продолжать спор. Гнетущая атмосфера всего произошедшего давила на спутников каменной плитой.

Завтракали они наскоро и без вкуса; никакого голода Рада не чувствовала, но Алеор намекнул, что дальше у них такой возможности просто не будет из-за Червей. Все примолкли, стараясь не отрывать глаз от своей порции и обдумывая все, что произошло вчера, пытаясь вспомнить хоть что-то.

Сама Рада только и делала, что упиралась в стену, казавшуюся каменной. За ней пульсировало и билось живое воспоминание, Рада чувствовала, как оно танцует там, будто бабочки, которых закружил ветер, но вытащить его наружу, в свое обычное сознание, никак не могла. В голову лезли какие угодно мысли кроме тех, что были нужны. Это что же, выходит, я могу делать что-то такое, о чем даже потом вспомнить не могу? То есть часть моего сознания постоянно находится в другом месте, что-то там вытворяет, а что — мне никак не узнать? Внутри зашевелился непрощенный гнев. Рада терпеть не могла не знать, во всяком случае, те вещи, которые касались исключительно ее. Обычно, если она не вдавалась в подробности всего этого, все заканчивалось какими-нибудь подставами, вроде той, из-за которой ей пришлось покинуть Мелонию, или Сагаиром, который украл ее и едва не вывез в

Темную Страну. Конечно же, вряд ли ее собственная голова могла учинить с ней что-то подобное, что-то плохое, но это еще не означало, что у нее вообще было право что-то делать без ведома Рады.

Кажется, люди — как лук. Рада остервенело жевала безвкусный кусок солонины, глядя прямо перед собой и нахмутив брови. Куча слоев, каждый из которых только горше предыдущего. И лук посчастливее, чем они. Он хотя бы не переживает, что состоит из множества слоев, и знает их все. А как мне узнать их все? Как мне вспомнить то, что вспомнить невозможно? Наверное, есть какой-то способ построить мост. Это слово вдруг что-то задело в памяти, и Рада вздрогнула всем телом, когда бабочки на той стороне невидимого барьера, начали остервенело бить крыльями, пытаясь проникнуть ей в голову. Что такое там было с мостом? Что-то ведь было, очень важное. Что-то...

— Итак, — бросил Алеор, отряхивая руки от последних крошек хлеба, и Рада вздрогнула, упустив нить воспоминаний. Недовольно она воззрилась на эльфа, в очередной раз прервавшего ее в важный момент. Впрочем, теперь она хотя бы знала, от чего отталкиваться, чтобы вспомнить, и это уже было хорошо. Эльф выпрямился, оглядывая друзей, полный своего обычного энтузиазма и бодрости. — Сейчас мы с вами войдем в Пустые Холмы. Как вы все знаете из героических песен, посвященных моему прошлому походу сюда, Холмы населяют Черви.

— Что они такое, Алеор? — Кай склонил голову набок, разглядывая эльфа. — Как с ними бороться?

— Это длинные гигантские мерзкие Черви с полной пастью зубов, — спокойно ответил Алеор, словно все это было само собой разумеющимся. Улыбашку передернуло. — У самого края Холмов живет мелочь, длиной около десяти метров, личинки, которые прячутся тут от своих крупных собратьев. Но в глубине Холмов можно встретить бестий и в полсотни метров длиной.

— Просто великолепно! — всплеснула руками Улыбашка. Эльф не обратил на нее никакого внимания.

— Охотятся они по звуку. Они совершенно тупые и слепые из-за того, что ползают под землей, но очень голодные. Поэтому они развили острый слух, который позволяет им чувствовать вибрацию даже от самых тихих и легких шагов. Как только они слышат добычу, они поднимаются наверх, на поверхность, выпрыгивают прямо у нее из-под ног и рвут на части. — Алеор легко пожал плечами.

— И как ты планируешь пересечь Пустые Холмы? — взглянула на Алеора Рада.

— Не вижу смысла придумывать колесо во второй раз, — бодро ответил Алеор и положил руку на лежащий возле него трезубец. — Дамиан хоть и был полным идиотом, однако его способ нам вполне подойдет. Надо просто воткнуть эту штуку Червью в основание позвоночника, и можно садиться на него и ехать до тех пор, пока он не сдохнет от потери крови.

— А когда он сдохнет? — лицо Улыбашки с каждой секундой становилось белее и белее.

— Пересядем на другого, — пожал плечами Алеор. — После того, как им пробрили нервные окончания, живут они еще около часа, так что какое-то время у нас есть.

— То есть ты предлагаешь каждый раз спешиваться и снова подвергать себя опасности быть сожранным другим Червем? — слабым голосом уточнила Улыбашка. — Или что, прыгать и махать руками, привлекая их внимание, чтобы они подвезли тебя дальше?

— Уверяю тебя, нам даже не понадобится прыгать, — очаровательно улыбнулся ей эльф. — Черви с большой охотой жрут друг друга, так что как только мы оседлаем нашего будущего скакуна, за нами сразу же увяжется десяток других, которые обеспечат нам необходимые пересадки. Это как с заставами у гонцов, только вместо лошади будет громадный склизкий Червь. Вот и все.

— Загриен Каменоступый! — Улыбашка обхватила голову руками, глядя перед собой широко распахнутыми глазами. В них неверие мешалось с ужасом.

— Это безумие, — негромко заметил Кай, глядя на Алеора. Кажется, даже его непоколебимая вера в эльфа зашаталась. — Черви же могут атаковать нас, пока мы будем на спине того, первого. Да и как ты вообще собираешься заарканить его? Он же прямо из под ног выпрыгивает.

— Просто предоставь это мне, мой друг, — улыбнулся ему эльф. — Я уже ездил на этих тварях один раз и могу вам сказать, что это даже приятно. Гораздо быстрее, чем на лошади, ветер в лицо, ощущение свободы, — он мечтательно вздохнул, картинно прикрыв глаза и поморщился. — Разве что вонь несколько отвлекает.

— Вонь? — приподнял бровь Кай.

— Зловоние, исходящее от шкуры Червей, — уточнил Алеор. — Довольно мерзкий запах, так что повязки на лица нам еще понадобятся. Ну и еще к нему добавится целый букет ароматов, когда все вы увидите Червя. Первая встреча с ним — всегда самая запоминающаяся.

Как и всегда, Рада не была до конца уверена, шутит Алеор или нет. Вид у него был хитрый, искры смеха плескались разноцветными рыбками на дне льдистых глаз, но его чаще всего забавили именно те вещи, которые всех остальных приводили в абсолютный ужас, потому ориентироваться на это не стоило.

Впрочем, какая разница? Они ведь уже здесь, и обратной дороги нет. И ты должна узнать ответы на свои вопросы и вспомнить все. И каверну Черного Источника надо закрыть навсегда, если это поможет как-то остановить Сети' Агона. Должен же хоть кто-нибудь что-нибудь делать! Так что просто прекрати думать о плохом и постарайся получить удовольствие от поездки с ветерком.

— Светозарная, клянусь, если ты не напишешь об этом песню, я просто убью тебя! — тяжело проговорила Улыбашка, отняв руки от лица и выразительно глядя на Лиару. — Коли этот проклятый Червь все-таки сожрет меня, мне хотя бы утешение будет, что все это станет известно людям.

— А что ты будешь делать, если первым делом сожрут Светозарную? — Алеор с интересом взглянул на гномиху, а Рада охнула от неожиданности. — Кто тогда будет писать о тебе песни?

— Ну уж точно не ты, — одарила его тяжелым взглядом гномиха. — Я представляю, что ты там можешь насочинять.

— Да нет, Улыбашка, я не сказочник, я просто опишу все именно так, как и было на самом деле, — осклабился в ответ Алеор. — И вы не захотите, чтобы это стало известным хоть одной живой душе. Так что давайте все вместе на время забудем про героические песни и прочую ерунду и сосредоточимся на поездке. Четвертая преграда — самая легкая. В конце концов, это же всего лишь Черви.

— Пятидесяти метров длиной, — покивала Улыбашка, пожимая плечами. — Действительно, что тут страшного?

— Ну знаешь ли, Улыбашка, что выросло — то выросло, — развел руками Алеор. — Тоже самое можно сказать и про тебя.

Рассказ Алеора о Червях несколько обеспокоил Раду, и сердце сжалось. Она взглянула на искорку, но та сидела, глубоко погруженная в себя, раздумывая о чем-то, и казалась совсем далекой и отстраненной. Нагнувшись к ней, Рада легонько тронула ее за руку и спросила:

— О чем ты думаешь?

— Пытаюсь вспомнить, — упорство прозвучало в ее голосе. — То, что случилось, очень важно. Гораздо важнее всего, что было с нами.

— Ты не боишься этих Червей? — Рада кивнула головой вперед, туда, где под холодным зимним небом темнели Холмы. — Все в порядке, искорка?

— Это все не имеет значения, — покачала головой Лиара, продолжая хмуриться и глядеть прямо перед собой. — Червей я совсем не боюсь. Но узнать, что с нами случилось вчера — очень важно.

— Я постараюсь вспомнить, — вновь пообещала ей Рада, и Лиара в ответ рассеяно кивнула.

Путники быстро сняли с себя успевшие порядком надоесть плащи из холстины, которые Алеор аккуратно свернул и вновь навьючил себе за спину. Обмотки с ног, пропитанные высохшим и затвердевшим, будто смесь для крепления кирпичей, соком Железного Дерева сорвать оказалось гораздо сложнее. С трудом развязав туго затянутую стальную бечеву, Рада спрятала ее в карман, а вот для того, чтобы снять обмотки, их пришлось буквально разрезать кончиком меча. Причем провозились они с этим добрых полчаса: образовавшаяся твердая субстанция крошилась, неподатливо ломалась, и остро отточенная сталь разрежала ее с трудом. То, что в итоге осталось, как только Рада отбросила прочь от себя последние остатки обмоток, пригодиться не могло уже никому. Вряд ли они смогли бы хоть как-то скрепить эти куски обратно, чтобы те защитили ноги на обратном пути. Хмуро оглядев все это, Алеор поморщился и приказал:

— Соберите хотя бы кольчужные фрагменты. Потому что у меня остались только эти.

Проклиная на чем свет стоит и эльфа, и его жадность, Рада с трудом отковыряла кольчужные подошвы сначала со своих изодранных обмоток, а затем и с Лиариных. Эльф собрал фрагменты и упрятал в мешочек.

С северо-востока долетали ледяные порывы ветра, и Рада поспешила поскорее облачиться обратно в свою дубленку. Землю Огня они прошли, а значит, зима вновь вступала в свои права. Подпоясавшись мечом, она с наслаждением вздохнула, когда теплый мех принялся прогревать уже успевшее продрогнуть тело. И несмотря на слова Алеора, не стала вновь повязывать на лицо закрывающий его платок. Как бы ни воняли Черви, а серная вонь буквально въелась в ткань за то время, как они проходили гейзеры, и Раде до смерти хотелось избавиться уже от этого запаха. По ее наблюдению никто из друзей также не рискнул оставить на лице повязку.

Поправив сумки за плечами и поудобнее перехватив длинный черный трезубец, Алеор махнул им рукой и первым зашагал на запад, прямо к холмам в отдалении. Рада на всякий случай проверила, насколько хорошо выходит из ножен меч, и пристроилась у Лиары за плечом, чтобы в любой миг иметь возможность закрыть ее собой, если эти Черви попробуют напасть незаметно. Это все равно было глупо; чтобы защитить Лиару ей нужно было на плечах ее нести, коль уж Черви двигались под землей и выскакивали оттуда, стремясь

схватить путников, но так Раде было спокойнее за искорку.

Теперь уже можно было идти спокойно. Не нужно было растягиваться цепью или внимательно следить за тем, куда ставишь ногу. Место во главе отряда занял Алеор, внимательно прислушивающийся и приглядывающийся к окружающему, следом за ним шел Кай и Рада с Лиарой, а в конце семенили Улыбашка и Редлог с Жужей. Медведь все время скулил, нюхая воздух и не переставая тихонько свистеть фальцетом, словно Черви уже кусали его за ноги.

— Редлог, а ты не можешь попросить Жужу замолчать? — Улыбашка хмуро обернулась к мародеру. — Он своим скулежом сейчас стонит сюда всех тварей, что только есть в Пустых Холмах. А нам нужен всего-то один маленький и безобидный Червячок.

— Жуже страшно, коротконогая Дочь Камня, — с обидой в голосе отозвался Редлог. — К тому же, топаешь ты гораздо громче, чем он скулит. Так что даже если он замолчит, никакого толку не будет.

— Напоминаю, дамы и господа! — торжественно проорал из головы колонны Алеор. — Что, какие бы звуки вы ни издавали, они все равно услышат нас. И чем раньше это случится, тем лучше. Так что громко открыли рты и принялись орать все вместе.

— И не подумаю! — фыркнула Улыбашка. — Это твой план, вот ты и ори!

— С превеликим удовольствием, — улыбнулся ей через плечо Алеор, отвернулся и заорал во всю глотку.

Рада положила правую руку на рукоять меча, левую оставив свободной, чтобы в любой миг успеть подхватить или оттолкнуть Лиару, если какая-то тварь решит вылезти прямо у них из-под ног. Рев Алеора унесся куда-то вдаль над неудобными серыми холмами, ветра подхватили его и рассеяли без следа. Несколько мгновений все путники внимательно прислушивались, ожидая хоть какой-то реакции. Улыбашка не выдержала первой:

— Ну и где они, Алеор? — она наполовину вытянула топоры из ременных петель на поясе, оглядываясь по сторонам. — Ты же сказал, что они охотятся по звуку.

— Да, Улыбашка, но мы до них еще не дошли, — спокойно ответил эльф. — Нам еще часа три-четыре шагать до того места, когда станет опасно.

— Так чего же ты орал тогда, древолюб проклятый? — заворчала гномиха, прищурившись и разглядывая его широкую спину так, будто собиралась метнуть свой топор в него.

— Одно удовольствие разглядывать ваши вытянувшиеся от страха лица, — сладко вздохнул Алеор. — Я не мог отказать себе в том, чтобы полюбоваться ими еще раз.

Лиара тихонько хихикнула рядом с Радой, слушая, как ворчит проклятия под нос разозленная гномиха. Алеор оставался Алеором всегда, казалось, он вообще ничего не воспринимал всерьез. И постоянно только и ждал того момента, когда его спутники вновь начнут напрягаться, бояться или оглядываться по сторонам, — чтобы как следует поскалозубить над ними. Рада вдруг поняла, что испытывает искреннее восхищение. В какой-то мере эти пререкания делали свое дело, и Алеор постоянно разряжал обстановку в отряде, не позволяя им впасть в уныние, излишнюю настороженность или страх. Рада была уверена, что если бы не его вечные подначивания, они бы уже давно или переругались друг с другом напрочь, или повернули назад. Слишком уж диковинными и страшными были преграды, слишком тяжело было их проходить, даже не столько физически, сколько морально. И уверенность, ироничная язвительность и острый язык Алеора были единственным, что отвлекало их всех от мрачных мыслей о собственном будущем.

Он ведь превосходный лидер. Рада задумчиво взглянула в широкую спину шагающего впереди эльфа. Отвратительный с той точки зрения, что всегда сам по себе, будто кот; превосходный, потому что прекрасно знает, как держать своих людей в необходимом для продолжения борьбы настроении. Лесной Дом достигнет невероятных высот, когда он возьмет бразды правления в свои руки. Или сгинет в одночасье, не оставив и следа в людской памяти. Что бы ты выбрал, Алеор? Вечность славы или героическую смерть? Или и то, и другое?

Впрочем, Рада знала, что если она спросит его об этом в лицо, эльф только рассмеется и жестко посоветует ей разобраться для начала со своей собственной жизнью и своими планами, а потом уже лезть к нему в душу. И в этом тоже было что-то очень правильное.

Чем дальше они шли, тем холоднее становилось. Земля Огня осталась далеко за их спинами, и теперь холодный ветер больше ничто не сдерживало. Поначалу лысые холмы, покрытые жесткой сухой прошлогодней травой, теперь оделись снегом, слой которого становился все гуще и гуще. В низинах снега было еще больше. Теперь Каю вновь пришлось протаптывать дорогу для Улыбашки, Рады и Редлога с медведем. Алеор и Лиара скользили прямо по поверхности снега, почти не оставляя за собой следов, легкие, будто ветер. Раде подумалось, что коли они вдвоем отправились бы сквозь Пустые Холмы, то запросто прошли бы их, не встретив ни единого Червя, ведь поступь их была легче перышка, и вряд ли твари глубоко под землей могли слышать ее, особенно сквозь толстую подушку снега.

Сама Рада карабкалась по снежной каше, что оставалась после торившего ее ильтона, и завалы доходили ей почти до середины бедра. Когда они взбирались на холм, было немного легче: с вершины ветер сдувал часть пороши, но и тут были свои опасности. Ветра выгладили вершины холмов до толстой ледяной корки, и ноги на ней разъезжались так, что пару раз Рада едва не падала. Одно было хорошо: они избавились от проклятых обмоток на ногах и душащих плащей. Да и падать можно было спокойно, не рискуя обжечь все тело о раскаленную землю или ухнуть в кипящий гейзер.

Холмы были невысокими, сглаженными, больше похожими на гигантские волны, застывшие на поверхности беспокойной земли. Когда путники влезали на гребень, их глазам открывался однообразно унылый вид: припорошенные снегом горбы, расходящиеся во все стороны, и ничего больше. Солнце медленно ползло по небу, холодное и не греющее, его косые лучи то и дело перекрывали вытянувшиеся вдоль горизонта тучи. Даже когда снег искрился в солнечном свете, выглядело это место до того уныло, что удавиться хотелось. Недаром же его называли Пустыми Холмами. Не только же потому, что здесь ничего не растет.

Через пару часов местность вокруг начала медленно меняться. Теперь уже холмы были неровными, изрезанными, изломанными. Рада видела повсюду вывороченные траншеи снега. Такие оставляли летом кроты, выкапывающие свои норы чересчур близко к поверхности. Только вот эти были гораздо больше. По ширине они достигали двух-трех метров, и от этого ей стало еще более неудобно. Судя по всему, твари, что прорыли их, были уже близко, а это означало, что совсем скоро отряд встретится с ними.

Снег неровно укрывал изрытую, перекопанную, изломанную землю. Кое-где его совсем не было, и на поверхности виднелись глубокие воронки в диаметре по нескольку метров, края которых усыпала земля, глина, а порой заливало что-то темное, омерзительно пахнущее. Путники стали все чаще спотыкаться и падать в снег, когда невидимые под толстой подушкой камни и борозды попадались под ноги.

К тому моменту, как Алеор остановился на гребне очередного холма и поднял руку, приказывая друзьям последовать его примеру, Рада успела извалиться в снегу с ног до головы.

— Пришли наконец-то! — с трудом выдохнула Улыбашка. Лицо у нее было красным, от дыхания валил пар, шапку она стянула и теперь несла в руке. Сразу же усевшись на землю, гномиха принялась отдуваться и обмахиваться, чтобы хоть как-то прийти в себя. — Я уже, кажется, хочу, чтобы ты поскорее заарканил Червя! Для моих коротких ног здесь слишком глубокие сугробы!

— Вот, Дочь Камня, — сразу же повернулся к ней Редлог. — А когда я тебя зову коротконогой, ты сразу же злишься на меня! Не дело это!

— Мало ли, что я говорю? — огрызнулась гномиха. — Выслушивать оскорбления от кого-то вроде тебя, кем бы ты там ни был, я не собираюсь!

— Алеор, ты видишь здесь что-нибудь? — Кай встал рядом с эльфом, осматривая с гребня холма изрытую снежными траншеями долину. — Их приближение вообще можно почувствовать?

— Можно, — кивнул эльф с каким-то странным огоньком ожидания в глазах. — Поверь мне, друг, ты его сразу же почувствуешь! Они недалеко, но пока еще, нас не учуяли. А это значит, что нужно просто немного подождать.

— И что нам делать? — Рада сбросила с плеч в снег уже успевший изрядно натереть спину вещмешок. — Просто стоять тут и ждать, когда они появятся?

— Я уже говорил тебе, Радушка, что гораздо проще будет, если ты заорешь, — усмехнулся эльф. — В конце концов, должны же мы привлечь к себе их внимание! — Он засунул в рот два пальца и громко свистнул, так оглушительно, что Рада поморщилась. Звук эхом раскатился над холмами, пока еще не получив ответа, и Рада тревожно переступила в снегу, решив все-таки надеть обратно на спину свою поклажу. — Обычно они охотятся по одному. Каждый Червь стережет территорию в несколько квадратных километров, — принялся объяснять Алеор, внимательно всматриваясь в горизонт. — Так что отловить одного будет не так уж и сложно. Труднее будет, когда я заставлю его двигаться вперед, прямо через чужую территорию, и все остальные почуют свежее мясо и начнут преследовать нас.

Рада вновь ощутила беспокойство и положила руку на рукоять меча. Станным образом в груди при этом царило безбрежное море покоя, зыбью на поверхности которого двигалась тревога. Теперь так было всегда, Рада с трудом могла представить себе, что именно нужно было, чтобы по-настоящему испугать ее. Ты даешь мне защиту, Великая Мать, самую надежную защиту из всех, даже ничего не делая при этом. Это настоящий дар, благодарю тебя за него.

— Подождите здесь, — приказал Алеор, вытаскивая из снега свой трезубец и вприпрыжку направляясь вниз с холма. — Что-то наш приятель не спешит нас встречать. Пойду-ка, позову его погромче.

— Главное, чтобы приятель не прятался прямо под нами, — проворчала Улыбашка, глядя из сугроба, как уходит эльф. — А то сидит сейчас под землей какая-нибудь бестия и только и ждет возможности выпрыгнуть, да пожрать всех.

— И откуда в тебе столько негатива, женщина? — в сердцах обернулся к ней Редлог. — Только и ворчишь все время о плохом! Ты пугаешь Жужу! Посмотри, до чего ты его довела!

Рада с любопытством обернулась. Медведь стоял в сторонке, прижимая лапы к груди и

нюхая снег. Его шкура нервно подрагивала, а маленькие глазки на ярком свету слепо моргали. А еще Рада заметила, что брюхо у него стало еще больше, раздувшись уже как шар. Глисты у него, что ли? — подумалось ей.

— Выглядит он вполне цветуще, — отозвалась из снега гномиха. — Отожрался, отогрелся в долине гейзеров. Все с ним хорошо. Вон смотри, брюхо какое!

— Он боится! — настойчиво повторил Редлог, но тут громкий крик с другой стороны, заставил Раду обернуться туда.

У подножия холма в снегу прыгал Алеор, горланя во всю глотку, свистя в два пальца и создавая как можно больше шума, чтобы привлечь внимание Червя. Лиара засмеялась, уцепившись за Радин рукав и ткнувшись лицом ей в плечо, усмехнулся Кай, да и сама Рада не сдержала улыбки. Крохотная фигурка в чернильно-черном плаще блохой скакала посреди белого снега, размахивая руками и вопя.

— Иногда мне кажется, что все это мне снится, — мрачно заявила Улыбашка, разглядывая вопящего эльфа. — Или что я сошла с ума. Потому что ни один нормальный гном не будет делать того, что сейчас делаем мы.

— Да уж, — кивнула Рада.

Алеор подпрыгнул еще раз, оглушительно завопив. В ответ ему безо всякого предупреждения вдруг раздался громкий высокий звук, почти плач, и в следующий миг из-под снега в нескольких метрах перед ним выпрыгнуло громадное тело.

Лиара взвизгнула от неожиданности, Рада инстинктивно рванулась вперед, закрывая ее собой и вытаскивая меч из ножен. В ворохе снежных комьев, грязи и камней в воздух взвилось огромное тело. Оно было молочно-белым, покрытым редкой жесткой щетиной и перетяжками, как самый настоящий червь, только около двенадцати метров длиной и двух с половиной метров в обхвате. С протяжным высоким писком, больше похожим на свист, тварь бросилась на Алеора, изменив направление движения так стремительно и быстро, что глаз Рады едва успел уловить рывок. Распахнулась гигантская пасть, круглая, истыканная длинными кривыми клыками в несколько рядов, и у Рады от отвращения моментально скрутило желудок. Эта тварь чем-то походила на встреченного ей в Серых Топях Стража, но была еще мерзее.

Алеор ловко подпрыгнул, оттолкнувшись ногами и перекувыркнувшись в воздухе. Одно мгновение казалось, что он летит прямо в круглую черную пасть, что открывалась все шире, шире. Потом эльф оттолкнулся от длинных клыков носками сапог, прыгнул еще выше, воздев над головой обеими руками трезубец, и с силой обрушился вниз, вбивая черные лезвия прямо в тело твари, в метре от зубастой пасти.

Раздался еще более тонкий и омерзительный визг, от которого голова Рады едва не взорвалась. Она попыталась заткнуть уши, чтобы не слышать его, а из глаз буквально искры посыпались. Визг все нарастал и нарастал, заполнив собой все, и вдруг так же резко оборвался, как и не было, и Рада вскрикнула, когда спавшее давление чуть не разорвало барабанные перепонки. Рядом застонала Лиара, потирая уши, а Улыбашку громко вырвало в снег.

— Это... впечатляюще, — с трудом проговорил Кай, отнимая руки от головы. Лицо у него было бледным.

Рада слышала его не слишком внятно: в ушах резало ножами, словно и правда кожа лопнула и разошлась. Аккуратно потрогав пальцами внутреннюю сторону ушной раковины и убедившись, что крови нет, Рада обернулась в ту сторону, откуда пришел звук. Алеор стоял

прямо на спине громадной скользкой твари, держась обеими руками за торчащий из ее спины трезубец. Червь нервно дрожал всем телом, открывал и закрывал истыканную зубами пасть. Больше у него и не было ничего, кроме этой пасти: только зубы, да два тонких длинных отверстия чуть выше рта, там, где у другого существа могли бы быть глаза. Этим-то он, наверное, и слышит, подумалось Раде.

— Загриен... — Улыбашка оборвалась на полуслове, утирая рукой рот и огромными глазами глядя на оседлавшего Червя эльфа.

— Идите сюда! — громко крикнул Алеор, махнув им рукой. — Залезайте! У нас не слишком много времени! Он запросто может скоро сдохнуть!

— Грозар Пресветлый, защити нас! — забормотала Улыбашка, с трудом поднимаясь на ноги. Вид у нее был болезненным. — Нам надо влезть на это?!

— Судя по всему, да, — нахмурился Кай. Перебросив сумки на плече, он первым зашагал вниз с холма. — Чем скорее мы там окажемся, тем лучше.

— Какая омерзительная тварь! — скривился Редлог. — Надо будет вымыть Жужу после того, как он поедет верхом на этой штуке!

— Медведь верхом на гигантском Червяке, — пробормотала себе под нос Рада. У нее вырвался нервный смешок. — Даа, о таком уж точно в песнях не поют.

— Медведь? Какой медведь? — удивленно вскинул брови Редлог.

— Пойдем уже, — устало вздохнула Улыбашка, потянув его за собой за рукав. — Чем скорее все это безумие закончится, тем лучше.

Рада аккуратно обняла Лиару за плечи, так и не убрав меч в ножны. Может, Алеор и утверждал, что эти твари живут поодиночке, но встретить тут вторую такую безоружной ей вовсе не хотелось. Пасть этой дряни была такой огромной, что они с Лиарой поместились бы там целиком.

— Этот Червь чем-то похож на Стража Топей, — тихо проговорила Лиара, прижимаясь к ней. Вид у нее был неуверенным, и смотрела она на тварь с опаской. — Только он — живое существо, он не испорченный прикосновением Сети' Агона, просто омерзительный.

— Знаешь, искорка, кажется, портить тут уже просто некуда, — поморщилась Рада, начав даже с расстояния в полсотни шагов ощущать мерзостный тухлый запах, исходящий от шкуры твари. — Ну да ладно. Если эта дрянь перевезет нас на другую сторону Пустых Холмов, то я влезу ей на спину. Только когда ты будешь писать свою песню, не упоминай там об этом, ладно?

— Посмотрим, Рада, — вдруг совсем озорно улыбнулась ей Лиара. — Может, я просто не буду говорить про зловоние. Но согласись, что-то же в этом есть: заарканить огромного Червя.

— Кажется, ты слишком много времени проводишь с Алеором, и это сказывается уже и на тебе, — проворчала Рада, но все-таки не смогла сдержаться и поцеловала мягкие кудряшки своей искорки, притянув ее голову к себе.

В какую еще бездну затащит нас этот бесноватый эльф? Великая Мать, сделай так, чтобы это поскорее закончилось!

===== Глава 9. Теряя опору =====

Вблизи Червь оказался еще омерзительнее, чем издали. Кривясь от отвращения, Рада подошла к нему почти вплотную, разглядывая тварь. Тело Червя было белесо-бежевым, покрытым толстой шкурой, из которой местами клочковато торчала черная шерсть. На его брюхе виднелось некое подобие лап или, скорее, присосок: два ряда бугорков, на которые

Червь опирался, когда двигался. Пока рот у твари был закрыт, практически невозможно было определить, где у него голова, а где хвост: тело равномерно сужалось с обоих концов без какого-либо видимого перехода. Только потом с одной стороны открывалась омерзительно круглая пасть, утыканная острыми клыками в три ряда, а над ней виднелись два длинных клиновидных слуховых отверстия.

В диаметре Червь был около двух метров, и стоящий на его спине Алеор возвышался над Радой так, что пришлось запрокидывать голову. Он почти по самую рукоять вбил свой трезубец в тело твари и крепко держал его, не выпуская из рук и утвердившись на спине Червя, широко расставив ноги. Сам Червь замер на месте, мелко дрожа всем телом, открывая и закрывая круглую дыру рта. Рада сморщила нос, чувствуя удушливое зловоние, исходящее от его шкуры. По бокам от того места, куда был воткнут трезубец, стекала бледная жидкость, пахнувшая еще отвратительнее.

— Карета подана, дамы! Прошу присаживаться! — Алеор картинно раскланялся, не выпуская при этом рукояти трезубца.

— Грозар, до чего же мерзотная тварюга! — Улыбашку передернуло от отвращения. — И пахнет хуже, чем в гномьей казарме.

— Ничего, моя дорогая, — осклабился эльф, глядя на нее. — Когда мы с вами-таки доберемся до какого-нибудь подобия горячей ванны, от нашего запаха даже Черви будут носы воротить. Потому не стесняйтесь и лезьте вверх, здесь все свои. А Червь как-нибудь потерпит в этот раз.

— И как я влезу? — Улыбашка развела руками, разглядывая стеноподобную тушу перед собой.

— Я помогу, — кивнул Кай из-за ее плеча, и глаза его вспыхнули черным.

Рада ощутила что-то странное в воздухе, будто мимолетное изменение ветра, прикосновение невидимых нитей к лицу. Наверное, ильтонец что-то сделал, потому что глаза его с единственным светлым пятном радужки в середине остекленели, а голос звучал напряженно:

— Готово. Можете подниматься.

— И как же? — еще больше нахмурилась гномиха, сверля его взглядом. — Я ничего не вижу!

— Сюда, — искорка потянула Раду за руку и первой ступила прямо на воздух.

Рада поймала себя на том, что, наверное, никогда не сможет привыкнуть к тому, что могли сделать ведуны. Искорка-то хотя бы видела энергетические потоки, которые выплетал Кай, для Рады же здесь не было ровным счетом ничего. Однако нога Лиары явно оперлась на что-то невидимое и прочное в воздухе, и она принялась подниматься, словно по ступеням, увлекая следом за собой Раду.

Это что-то затронуло в памяти Рады, что-то очень важное, что-то, что скрывалось от нее за толстой пеленой, не пускающей к воспоминаниям о вчерашних событиях. Но и сейчас она не могла ухватить ответа, только бесцельно билась об эту невидимую стену. Точно также и ноги ее ступили на что-то невидимое и твердое, как металл. Рада взглянула себе под ноги, хмуря брови и качая головой. Для ее глаз все выглядело так, будто под ней ровным счетом ничего нет, и она висит в воздухе, но подошвы твердо ощущали ступеньку. Лиара легонько потянула ее за руку, и Рада сделала следующий шаг, вслепую отыскивая сапогом следующую ступень. Это оказалось не так сложно, как она думала, нужно было только не смотреть под ноги, которые ступали буквально по воздуху. Еще несколько ступеней, и она ощутила под

подошвой твердую, колеблющуюся, скользкую шкуру Червя. Ноги сразу же поехали, Рада взмахнула руками, удерживая равновесие.

— Кажется, это даже сложнее, чем когда мы перебирались через Огненную Землю, — проворчала она под нос, кое-как выпрямляясь и страхуя себя вытянутыми в сторону руками. Рядом точно также балансировала Лиара, покачиваясь на месте. — Я даже просто стоять-то на нем не могу, и как же мы поедem?

— У него шкура толщиной с твое туловище, — отозвался Алеор через плечо. — Вбей в нее меч и держись за него. Остальные смогут уцепиться за тебя.

— А если я слишком глубоко прорежу, и эта тварь умрет? — Рада с сомнением взялась за рукоять меча. Она помнила, с какой легкостью гномий клинок рубил даже самые твердые предметы.

Алеор впереди сокрушенно вздохнул, покачал головой и со всем терпением мира в голосе проговорил:

— Радушка, а ты перед тем, как ударить, подумай, чтобы рассчитать силу. Это не так сложно, хоть на первый взгляд и кажется для тебя практически невозможным. Однако в последнее время ты демонстрируешь некоторую смекалку, которой от тебя никто не ждал, так что все может получиться. В жизни всегда есть место чуду, не так ли? — Рада раздраженно покосилась на него, чувствуя желание вонзить меч ему в спину, а не в Червя, а Алеор добавил уже более спокойным тоном. — А даже если эта тварь и сдохнет, пересядем на другую. Невелика потеря, хоть и будет мне не хватать этого славного парня.

Пока Улыбашка с криком и руганью влезала на Червя по невидимой преграде, а Кай поддерживал ее, чтобы она не упала, Рада перехватила меч обратным хватом, подняла высоко над головой и вонзила в шкуру твари. Клинок пошел туго, словно она камень пыталась рубить, но вошел примерно на две ладони. Червь содрогнулся всем телом еще раз, мелко задрожал шкурой, отчего Рада зашаталась, едва не падая.

— Искорка, иди-ка сюда, — позвала она. — Держись за меня.

Лиара поднырнула ей под руку и устроилась прямо перед Радой в кольце ее рук, сжимающих меч. Смущенно улыбнувшись, она чмокнула Раду в подбородок.

— Мне тут будет лучше. Можно?

— Конечно, можно, — прошептала в ответ Рада, чувствуя, как сердце в груди тает от нежности. И плевать, пусть они даже стояли в облаке зловония верхом на Черве, который вот-вот должен был понести их в четвертую преграду, а все равно этой нежности не было предела, и сдержать ее Рада просто не могла.

Гномиха кое-как взобралась на спину Червя позади Рады, тоже вбив в его шкуру свои топоры и взявшись за них, будто за поручни. Визжа, будто его резали, упираясь всеми лапами в землю и сдавая назад, Жужа отказывался лезть по невидимой лестнице, а Редлог уперся ему в спину, всеми силами запикивая медведя на нее. Остальные друзья принялись подбадривать эту парочку, давать советы, как втащить медведя вверх, костерить его всеми известными словами. Потом в игру вступил Кай, лишь слегка обернувшись к медведю, и невидимые потоки обхватили Жужу со всех сторон, подняли в воздух. Тот заорал во всю глотку, брыкаясь и размахивая в воздухе лапами, будто мог как-то избавиться от чужой хватки. Кай плавно перенес его на хвост Червя, отпустил, и медведь всеми четырьмя лапами вцепился в шкуру твари, держась за нее так крепко, будто кот, которого пытались скинуть с верхушки дерева.

— С ним будут проблемы, — нахмурился Алеор, разглядывая Жужу. — Кай, может

быть, ты что-нибудь сделаешь? Нам нужно будет очень быстро пересаживаться с одного Червя на другого, он не должен затормозить нас.

— Я прослежу, Алеор, — кивнул ильтонец, легко взбегая по невидимой лестнице следом за карабкающимся к Жуже Редлогом.

Рада задумчиво оглядела спину Алеора. Она до сих пор не могла понять, зачем Алеору понадобилось тащить Редлога с собой после второй преграды. Свою основную задачу он уже выполнил, благодаря ему, путники миновали первые две преграды с легкостью, о которой Рада и мечтать не могла. Но теперь-то от него никакого проку не было. Силой, что помогла бы им преодолеть преграды, Редлог не обладал или, по крайней мере, не демонстрировал ее. Никаких особенных навыков, которые могли бы им пригодиться в пути, у него тоже не было. По большому счету, сейчас он только усложнял передвижение, волоча за собой медведя, которого постоянно приходилось уговаривать, упрашивать, успокаивать. Тогда зачем же он нужен был Алеору? Почему Алеор настаивал, чтобы Редлог прошел с ними весь путь до самой бездны мхира? Эльф никогда не делал ничего просто так, у него всегда был план, он всегда продумывал на десять шагов вперед. А это означало, что Редлог еще не до конца сыграл свою роль во всем этом действе, но какой эта роль была? Оставалось лишь гадать.

А еще Рада ощутила, как внутри нее ноет, несмотря на золото Великой Матери в груди, что своей спокойной пульсацией согревало всю ее, как две теплые надежные ладони, в которых она свернулась, будто птенчик. Это что-то ныло и ныло, болезненно и тревожно, и поначалу она все никак не могла понять, что это. А потом тихий шепоток пробился-таки через плотные барьеры сознания.

Они все могут делать то, чего не можешь ты. Они видят энергетические потоки, они умеют управлять силами, что дала им их кровь. А ты что? Что можешь ты? Вместо того, чтобы использовать каждое свое, даже самое крохотное преимущество, ты не делаешь ровным счетом ничего, даже не пытаешься учиться этим управлять. Искорка считает, что вчера что-то произошло, и виной тому ты. И при этом ты даже вспомнить, что там было, неспособна! Какой прок тебе вообще от этой силы, если ты настолько бестолкова, что не в состоянии даже запомнить, как ты ее использовала?

Все эти слова были абсолютной правдой, и Рада чувствовала, как они уже очень давно подтачивают ее изнутри. Возможно, это началось еще в Рамаэле, в те дни, когда она бесцельно болталась по пристани, не зная, куда себя деть, в ожидании искорки. Битва на море с Сагаиром оставила слишком много вопросов, ответы на которые Рада искать поленилась. Тогда ей казалось, что она все поймет со временем, да и теплые руки искорки, ее объятия, ее глаза затмили ей весь мир, и она и думать забыла обо всем пережитом. Потом ее занимала тоска по искорке, и целый месяц она только и делала, что страдала на набережной Рамаэля, рассматривая невидимую преграду, отделяющую ее от самой любимой девочки в мире, преграду, что могла разделить их навсегда, если бы все пошло чуть-чуть иначе. И ведь тебе даже в голову не пришло тогда попытаться сделать хоть что-то, чтобы увидеть ее! Хоть что-то! Ты все время купаешься в золоте силы, что тебе дается, будто это привилегия, будто так и должно быть, что тебе ее дали, и этого достаточно! Тебе все время показывают, что невозможное — возможно, что все границы и пределы — только в твоей голове, а ты продолжаешь упрямо твердить как дятел одно и то же: я не могу, я не понимаю, я не умею. И ты даже не попробовала хоть что-то сделать! Рада вдруг остолбенела, глядя прямо перед собой и моргая. Ну и свинья же ты, Черный Ветер! Ленивая и бестолковая, как и Алеор и говорит! И толку от тебя в этом отряде нет никакого!

Это было потрясение. Как будто с глаз сорвали все иллюзии, все плотные занавеси, которые отделяли ее от мира и мешали смотреть. И началось все так странно просто: всего лишь с желания вспомнить то, что она забыла, с невозможности сделать это. Мир замолчал, став совершенно пустым, сжавшись в огромную сосущую пустоту в середине груди, и Рада моргала, глядя прямо в эту бездонную черную дыру. Я хочу научиться! Я хочу уметь! По-настоящему уметь, а не так, когда на меня находит! Руки даже задрожали от этого странного ощущения, от этого порыва, этого стремления в груди. Так просто было жить, когда золото постоянно мерцало прямо меж ребер, так просто было забыть о том, что так было не всегда, так просто было привыкнуть к этому бесконечному счастью и разлениться, что Рада даже и не заметила, как сделала это. Мне ведь так хотелось учиться, мне так хотелось стать этим целиком и полностью, а я вместо этого просто пользовалась тем, что мне подарили! Я просто забыла о том, чего мне стоило этой силы добиться!

Друзья вокруг устраивались поустойчивее на спине Червя, тот содрогался под их ногами с каждой секундой все сильнее, будто собирался вырваться. Искорка прильнула к Раде, держась за нее цепко, будто котенок за мамку, и выглядела она настороженной и готовой ко всему. А Рада стояла, широко раскрыв глаза и моргая, и осознание обрушивалось на нее ледяным душем.

Тебе же и дела никакого не было ни до Данарских гор, ни до этой силы, ни до Великой Матери! Тебе хотелось только одного — Лиару, и чтобы было весело и здорово всем вместе. Тебя нисколько не волновал Сети'Агон, пока он не пришел в твой дом и не разрушил его, тебе вообще ни до чего не было дела, кроме выпивки, драк и собственных развлечений! Так чем же ты отличаешься от всех тех людей, которых ты так презираешь? От всех тех, кто по твоему мнению, бессмысленно коптит небо по всему миру?!

— Все готовы? — Алеор обернулся через плечо, оглядывая их. — Все крепко держатся?

— Нормально! — хрипло прокричала в ответ Улыбашка. — Давай уже, погоняй! Поскорее бы убраться отсюда!

Рада вдруг поняла, что ей совершенно нет дела сейчас ни до чего: ни до Червя, ни до преграды, ни до грядущих опасностей. Глубокое раскаяние, огромное, будто эта бездонная дыра в груди, накрыло ее, обхватило со всех сторон и сжало так, что едва душу не выдавило. Она прекрасно знала, что сейчас не время для этих мыслей, для этих сожалений, что все это совершенно не к месту сейчас, но иначе просто не могла.

Великая Мать, какой же я была самовлюбленной душой! И как только ты вообще пришла к такой, как я? Ведь все, ровным счетом все, что я делала всю свою жизнь, я делала только ради самой себя! Даже Лиара, даже моя маленькая искорка, мое самое дорогое сокровище, даже она — только для того, чтобы мне самой было хорошо!

Руки, что обнимали Лиару, сейчас мелко задрожали, и Рада поняла, что ее бьет озноб. Это было даже не раскаяние, не стыд, не страх. Это было что-то такое огромное, зловещее, такое страшное, что смотрело на нее откуда-то из глубины ее же самой. Она сама, заглядывающая в собственные глаза и наконец-то увидевшая себя со стороны. Все свое поведение, все свои ошибки, всю свою глупость. Сына и дочь, которые остались одни в Мелонии, которых она бросила, убежав на поиски приключений. Гардана, которого она оставила разгребать ее собственные проблемы. Лиару, такую искреннюю, такую светлую, такую доверчивую девочку, что поднесла ей свою душу на вытянутых руках, которая дарила ей самые сокровенные свои тайны, которая открыла ей свою веру — самое интимное и личное, что вообще может быть у человека. И что Рада дала ей в ответ? Что она ей поднесла?

Ее тряхнуло еще сильнее, и Лиара резко обернулась, с тревогой глядя ей в лицо:

— Что с тобой, радость моя? — ее глаза сейчас заглянули в самую душу Рады, и та содрогнулась всем телом, чувствуя, как разваливается, разламывается на куски, словно ветхий деревянный дом, целиком объятый пожаром, с просевшей кровлей. — О чем ты думаешь?

— Я... — голос не слушался, и изо рта вырвался только какой-то хрип.

А в следующий миг Алеор громко гикнул и рванул трезубец в руках, и Червь ринулся с места, издав пронзительный свист, от которого у Рады вновь заложило уши.

Ее здорово тряхнуло, отбросив назад, потом вперед, начало швырять из стороны в сторону, и она изо всех сил вцепилась в рукоять собственного меча, торчащего из спины Червя. Тварь перекатывалась по земле, словно какое-то насекомое, шкура под ногами Рады шла волнами, она подошвами сапог чувствовала стальные мышцы там, под толстым слоем кожи и жира.

Вскрикнула Лиара, когда ноги под ней подломились, и она всем телом повисла на Раде. С двойной тяжестью Раду еще сильнее согнуло вперед, и она сама едва не потеряла равновесие, но какой-то силой удержалась на спине твари. Позади нее во весь голос орала проклятия Улыбашка, ревел Жужа, кричал что-то Редлог, но это все не имело значения. Впереди на трезубец навалился Алеор, изо всех сил удерживая Червя и направляя в нужную им сторону.

Рада захлопала глазами, совершенно ничего не соображая и не понимая, что ей делать теперь. И это относилось вовсе не к бешеной скачке, не к тому, как несся вперед Червь, гораздо быстрее самой расторопной лошади, и ветер с силой бился в лицо Рады, раскидывая ее волосы, едва не сбивая ее с ног. Она болталась на проклятом мече, едва держась за него, на ней висела Лиара, поскуливая и прижимаясь всем телом, чтобы не свалиться, и это все равно не имело ровным счетом никакого значения. Внутри разливалось самое странное чувство из всех, что она когда-либо испытывала: сосущая пустота, бездна, над которой она висела на какой-то крохотной ниточке, готовая ухнуть туда, на самое дно, целиком и без остатка.

Что мне делать, Великая Мать?! Как мне научиться? Как?

Все спало прочь, словно истлевшая одежда. Вся Рада, какой она к самой себе привыкла, какой, как ей казалось, она себя знала. Ничего больше не было. Осталось только что-то совершенно иное, что-то странно знакомое ей, что-то, чего она никогда не знала. Она сама.

— Держитесь! — вскрикнул Алеор, и вопль его потерялся в пронзительном свисте Червя.

Тварь резко взлетела на холм впереди, ринулась вниз. На один удар сердца все они вместе с Червем зависли в воздухе, потеряв опору, подвешенные на невидимых нитях прямо между небом и землей, и Рада поняла, что сейчас просто разорвется, лопнет, как проклятый мыльный пузырь, слишком сильно швыряемый ветром. Червь с громким писком упал на брюхо, и Раду все-таки сшибло ударом на колени.

Искорка с криком соскочила со спины Червя, повиснув буквально на одной руке. На миг Рада застыла, глядя в ее расширившиеся от страха серые глаза. Сейчас она висела на правом плече Рады, медленно сползая с ее руки, а под ее ногами проносилась развороченная, усыпанная снежными бороздами и щебнем земля. Еще секунду она держалась, и...

Рада успела. Немыслимым усилием она вывернула плечо, отклонилась влево всем корпусом, каким-то чудом при этом умудряясь удерживать меч, и втянула Лиару на спину

Червя. Искорка лихорадочно вцепилась в нее еще крепче, сжавшись в клубок и усаживаясь верхом на спине Червя лицом к Раде. Ее всю лихорадило и трясло в ознобе, кудряшки наполовину заслонили Раде обзор, а руки Лиары стиснули Раду так крепко, что на миг дыхание перехватило. Но это не имело значения.

— Держись! — проговорила Рада, тоже усаживаясь на Червя верхом, как на лошадь.

Отстраненно она ощутила, как зловонная кровь твари из пробитой ее мечом раны, пропитывает штаны, как скользит прямо под ней шкура, но сейчас было не до того. Держась обеими руками за клинок, Рада согнула ноги в коленях, упираясь каблуками в бока Червя и стискивая его так крепко, как только могла. Суставы бедер моментально взвыли от боли: Червь был в диаметре около двух метров, и Раде пришлось сесть почти что на шпагат, но другого выхода не было. Ее немилосердно швыряло вверх вниз, так, что позвоночник взорвался острой болью, а сухожилия в ногах почти что рвались, туго натянутые до предела.

Великая Мать! Я буду учиться! Несмотря ни на что! Я буду учиться, чтобы иметь возможность уберечь ее! Я буду учиться ради себя, ради тебя! Чтобы не жить так, в пустоте, в незнании, в вечном сне, барахтаясь у самой поверхности и не понимая, что со мной происходит, словно тонущий котенок.

Лиара вскрикнула, когда Червь вновь взлетел на холм, но на этот раз она цепко держалась за Раду, и упасть ей уже не грозило. Ее кудряшки лезли в глаза и рот, и Раде было неудобно, тяжело. В панике искорка почти как кот едва на голову ей не вскарабкалась, пытаясь оказаться как можно дальше от земли и от падения вниз, и естественно, что сидела она вовсе не так удобно, чтобы Рада могла держать их обеих. Каждая мышца тела Рады сейчас звенела, как туго натянутая тетива, и от боли разрывались абсолютно все сухожилия, каким-то чудом еще продолжая удерживать ее тело вместе, в целости.

Я не хочу больше так: брести в темноте, натываясь на все, вслепую шаря руками, хватая первое попавшееся в надежде, что это именно то, что я так долго искала. Я не хочу больше сидеть в этом золотом счастье, укутавшись в него, словно в плед, накрыв себя им и отказываясь высовывать нос наружу. Разве за этим люди рождаются? Чтобы довольствоваться мимолетным счастьем, короткими, крохотными мгновениями его, что столь редки? Разве целая жизнь, вечность, что дана мне, разве она лишь для того, чтобы успеть собрать эти крупички, которых не хватит и на час, спрятать их за пазуху и трястись над ними, живя лишь воспоминаниями об этом счастье?

Червь начал взбираться на очередной холм. Рада видела впереди себя Алеора. Он тоже уже упал на одно колено, всей силой налегая на торчащий из спины твари трезубец, но пока еще держался.

Я хочу, чтобы было не так! Чтобы было счастье, счастье для всех! Не та лживая пародия, которую я находила на дне бутылки, в драке или в свежем ветре, не те крохи, что с таким трудом я собирала в своем сердце из улыбок искорки и ее нежности, и даже не то золото, что мерцает где-то на самом дне моего существа, словно ключевая вода, которой никогда не достать умирающему в пустыне! Я не хочу, чтобы больше так было! Я хочу, чтобы это было здесь, прямо сейчас, внутри, снаружи, во всем и для всех! Неужели же это невозможно?! Ведь тебе покорно все, потому что ты и есть все!

Червь взлетел на холм, и они вновь зависли в воздухе, но на этот раз этот миг стал вечностью. Сквозь стывшее зимнее небо, лишённое цвета и запаха, вдруг прорезалось что-то. Громадная золотая ладонь, а может, улыбка ребенка, а может, чей-то добрый взгляд, а может, водопад из золотых капель вечности. Рада не знала, что это, но оно пришло. Пришло

тогда, когда его никто не ждал. В самый разгар этой безумной поездки, в самое неудобное время для того, чтобы встречать это, в самое странное время, чтобы об этом просить. Оно пришло в тишине, без фанфар, без фейерверков, без небесных хороводов и хоров, без рева труб и танца золотых знамен, пронизанных солнцем. Оно пришло тихо и просто, как разгорается в глазах любовь, как распахиваются объятия, как льется в сердце песня, льется и льется без конца и предела, не встречая ни сопротивления, ни отказа, ломая все преграды, срывая все маски, обнажая то, что лежит под поверхностью, то единственное истинное, что и есть жизнь.

Рада дрогнула в этой тишине, на один короткий миг, на одно биение сердца, заглянув внутрь этой золотой вечности. Червь с визгом упал на брюхо и понесся дальше, расшвыривая вокруг хлопья снега, комья грязи, щебень и камни. Только теперь все было уже иначе для Рады. Невидимая преграда треснула, как стекло, в центр которого кто-то метко бросил камень, рассыпалась прахом серебристых искр. Рада вспомнила, что она сделала, вспомнила, как.

Это было иначе. Это был самый чистый, самый сильный порыв. Как и сейчас: распахни душу, на один миг поверь и откройся, и оно хлынет водопадом слаще небесного меда, силой мощнее грозových перекаатов. Так было и тогда. Она так боялась за искорку, она так переживала, так молилась, так просила за нее. Чтобы та справилась, чтобы ей хватило сил пройти, чтобы ничто, никакое зло и боль не коснулись ее. И оно само получилось. Властный поток подхватил Раду, золото в груди лопнуло и начало подниматься вверх, все быстрее и быстрее, как гейзер в глубинах земли. Раскаленным потоком плавленной магмы оно вышибло невидимую преграду в макушке ее головы, и мир вывернулся наизнанку, или Рада вывернулась в нем, вместив весь его в свою грудь? Это было неважно.

Она задыхалась, широко открытыми глазами глядя вникуда, когда воспоминания обрушились на нее водопадом. Она помнила это невероятное чувство, когда весь мир стал единым, когда не было больше разницы ни в чем, и все слилось в одно полотно, тугое, переплетенное, однородное. Одна протяженная без конца и края субстанция, в которой все законы были иными, все они поменялись. Бессмертие и холодный разум неба, пронзающая мысль из его бескрайней белой шири, ослепительным потоком хлещущая вниз. Смерть и тупое равнодушие земли, ее лютая, неистовая, страшная сила, что в последнем надрывном крике устремилась к небу. Где-то в середине они столкнулись, соединились и стали чем-то третьим. На один короткий миг вечности Сознание и Сила слились.

И после этого не осталось уже ни расстояний, ни пределов, ни законов. Всей своей плотью, всем своим сердцем Рада вспомнила это ощущение: невероятное, неопишное, полное, будто океан, чувство гармонии, чувство всепроникновения и единства. Когда границ нет, потому что тело одно, когда нет пределов, потому что одно сознание. Когда весь мир — это тысячи красок одного единого полотна, когда это полотно составлено из тысяч голосов, поющих ему о красоте, воспевающих единство. И ничего кроме, ничего иного, ничего отделенного, потому что отделения просто больше нет.

— Я помню!.. — глаза Рады буквально вылезали из орбит. Ей казалось, что глазные яблоки сейчас лопнут, но это удивление было таким нужным, таким дорогим. Она ощутила, как по щекам вдруг начинают течь горячие слезы. Помнить было ужасно.

Единое, в котором не было ничего лишнего, потому что было все, оно распалось вновь, оно вновь обросло рамками, плотью, границами. Не было больше этого единого тела с миллиардами стучащих сердец и волей, что выплетала Песнь Мира, Великий Ритм. Был

лишь Рада, одна-одинешенька, оторванная от всего, отсоединенная от всего, отрезанная неумолимой жестокой рукой. Как будто в первый миг рождения, когда теплая безопасность материнской утробы внезапно взрывается сверкающим шумом чужого мира, и страх заставляет кричать, кричать, надрывая глотку, пусть даже уши еще не могут слышать этот крик, а глотка не знает, как издавать его. И нет больше никого, ничего, ты один в этом огромном мире, ободранный, лишенный плоти и шкуры, что защищала тебя, один единственный наедине с враждебным миром чужих форм, каждая из которых — неизвестна.

Это отсоединение было именно таким, и Рада внезапно ощутила такое глубокое, такое полное одиночество в каждой частичке своего существа, такую невыразимую ограниченность собственного тела после золота, что обнимало все, что хотелось выть. Быть всем и стать ничем. Быть целой, полной, наполненной и стать лишь жалким обрезком, отшвырнутым прочь.

— Я не хочу так! — почти что вскричала она, чувствуя, как слезы рвут грудь пополам, а вместе с ней рвутся на клочки последние остатки того, чем она была когда-то. — Не хочу так! Пожалуйста!..

Умирала Рада Тан'Элиан, одетая в черный бархат, расшитый золотыми конями ее дома, гордая и смелая, бросающая вызов всему и насмехающаяся над всем. Умирала Рада Киер, эльфийка, выросшая одна среди людей, что изо всех сил стремилась к ним, шла к ним навстречу, моля их принять ее такой, какой она была, горько рыдая оттого, что люди отворачивались и отталкивали ее прочь. Умирала Рада Ренон, объятая золотыми лучами силы, шагающая в блеске славы и мощи и давящая этой силой крохотную скрюченную черную фигуру Сагаира, пауком вжавшуюся в палубу. Умирала Рада Черный Ветер, та самая, что так ждала свою искорку на причале, почти готовая по-собачьи выть от тоски, не спуская глаз с горизонта, где за невидимой преградой от нее прятали ее девочку.

— Я не хочу так! — Рада поняла, что кричит во весь голос, и вместе с ее криком содрогалось в конвульсиях все тело. Это было страшно, так страшно, что впору упасть на землю и биться, истекая пеной и потеряв все остатки разума, последние крупички, что еще делали ее живым существом. — Прошу! Пожалуйста!..

Искорка услышала ее крик и отдернулась от Рады, с тревогой глядя в ее лицо, позабыв даже про собственный страх. Рада оглохла, не слыша ни единого звука. Она видела лишь, как двигаются губы искорки, как хмурятся брови, как в глазах разливается страх за нее, но Рада не могла ничего сказать.

Как могло существовать это разделение? Как мир мог быть таким, каким она пережила его вчера: цельным, единым, полным невероятной силы, мощи, жизни? И при этом как он мог все еще оставаться этой ограниченной, серой, иссушенной юдолью боли, в которой тысячи существ рыдали, страдали, несли бремя, спотыкаясь и падая, ползли к собственной могиле и просили, просили, даже сами не зная о чем? Как эти два мира могли существовать одновременно?!

СМОТРИ.

Это был не голос. Это было что-то, что сотрясло Раду до самого основания, не оставив ни единого камушка от того, что еще несколько минут назад она целиком и полностью считала собой.

Теперь она видела. Небесная ширь, полная света, тихая и бескрайняя. Густая темная масса земли внизу, недвижимая и тяжелая. Громадное кровавое колесо между ними, что вращалось по воле солнечных ветров, колесо огня и смерти, к которому неразрушимыми

цепями было приковано все живое. Вдруг что-то случилось, что-то странное, что-то необъяснимое. Крик разрезал воздух, вопль с самого дна исстрадавшегося сердца, изодранной в клочья души, вечно томящейся в неволе. Запертое в темнице ночи солнце. Душа человеческая в теле, бессмертная душа в умирающем теле. Она кричала, кричала так неистово, она молила и звала так громко, так сильно, что мир дрогнул. И колесо, окровавленное колесо страдания лопнуло, рассыпалось вдребезги, и ничто больше не мешало, ничто не останавливало. Небо рухнуло вниз, всей своей бескрайней ослепительной ширью, на такую жаждущую, такую просящую землю. Небо рухнуло и слилось с ней, став целым, тем неразделимым, текущим, единым. Тем самым, что вчера пережила Рада.

— Боже мой!.. — прошептала она, не в силах больше дышать, говорить, не в силах думать. Глаза ее ничего не видели, лишь ослепительный свет, лишь то, что должно было случиться. То, что уже началось, по крупинке, по крохотной капельке, но началось.

Четыре фигуры горели во всем этом сиянии. Женские фигуры, Рада знала точно. Одна из них была ей так знакома, так до боли знакома, что хотелось кричать. Она смотрела на нее глазами из сна, глазами из озера с темной водой, так похожего на глаз. Три других фигуры Рада не знала, но во всех них было что-то иное. Словно их создавали из другой материи, из той солнечной бесконечной шири, частью которой она была вчера, когда шагала сквозь пространство, пересекая Огненную Землю прямо над серным морем, выплеснувшись из гейзеров. Или они сами стали этой ширью? Или они сами были этим криком, что дал начало этой шире?

— Боже!.. — Рада задохнулась вновь, но на этот раз она услышала собственный голос. И лицо Лиары перед глазами стало четче, теперь она видела его. Видение не ушло целиком, но померкло, отступило, обещая прийти вновь по первому ее зову, став ее памятью, больше не отделенное ничем. — Великая Мать!.. — прошептала Рада вновь, чувствуя, что целиком возвращается в себя.

— Что с тобой? Что с тобой, Рада? — Лиара настойчиво заглядывала ей в глаза, пытаясь понять, что происходит. Вид у нее был перепуганный.

Рада хватанула воздуха всем ртом и закашлялась, ощутив на языке зловоние Червя. В следующий миг вернулась боль в до предела вывернутых суставах, растянутых сухожилиях, отбитых мышцах. Вернулось напряжение в руках, которые стискивали воткнутую в спину Червя рукоять меча, ощущение намертво вцепившейся в нее Лиары. Она поняла, что снова здесь, снова в своем собственном теле, а вовсе не там, куда только что увели ее то ли грезы, то ли сами боги.

Она знала, что выглядит сейчас совершенно безумной, но ей было плевать на это. Как и на Червя, и на скачку, и на все остальное. Жадно уставившись прямо в глаза Лиары, Рада выпалила, перекрикивая бьющий ей в лицо ветер:

— Я знаю, что мы должны сделать! Я знаю, зачем все это пришло к нам! Я ни бхары не поняла из того, что увидела, но я знаю!

— Что? Что ты увидела? — глаза Лиары почти прожигали дыры в ее голове.

— Я видела... — Рада замялась, она не знала, как объяснить. Все эти образы, что мешались в ее голове. Им должно было быть значение. Ей пришлось сделать над собой усилие, и вдруг вторая вспышка озарила ее, на этот раз уже не ее сознание, но ее мозг. Словно что-то громадное вливалось в голову, мощно и ровно, и в ней разворачивалось, расправлялись складки, распрямлялись сгибы. Рот открылся сам, и Рада поняла, что говорит, слыша, как звоном в ушах отдаются ее собственные слова. — Великая Мать — это материя,

это то, из чего мы сделаны, это то, что есть тело и весь мир. А Создатель — это дух, наша душа, наше естество, которое и наделяет эту материю жизнью. Но они разделены, они не одно целое, и поэтому мы умираем. Понимаешь?

— Да, — резко кивнула Лиара. Кажется, она даже не моргала, широко открытыми глазами глядя на Раду. Сейчас им обоим не было никакого дела до того, где они находились, что с ними происходило, что творилось вокруг.

— Эльфы не умирают сами, в силу болезни, в силу старости, это все не касается их. Потому, наверное, что их уровень сознания выше, чем у людей, все, как ты и говорила, моя родная, тогда, давным-давно, в лесу под Латром! Но эльфы все равно не бессмертны, их бессмертие — это ложь, хитрая полуправда, спрятанная в саму себя. Они могут Затосковать и умереть, они могут быть ранены в бою и умереть. Их тела почти ничем не отличаются от тел людей, они слеплены из той же самой материи, и они тоже смертны.

— Да, я уже думала об этом! — закивала Лиара, и лицо ее озарилось вспышкой невероятного счастья. Сейчас она была такой красивой, что Рада поняла, что глаз от нее оторвать не может.

— Но это — ложь, Лиара! Все это — ложь, весь этот мир — одна сплошная ложь! Потому что в нашей груди, прямо в нашем сердце уже бьется наше бессмертие! Только это идиотское тело отказывается в него верить, понимаешь? Мы умираем потому, что мы не знаем, как не умирать!

Рада выпалила это так, словно слова буквально вырвались из нее пламенем. Это невозможно было удержать внутри. Это было так просто, так сказочно просто, и поэтому — сложнее всего. Потому что сложнее всего верить в самое простое.

Глаза искорки все расширялись, расширялись, и Рада почти видела, как что-то разворачивается за ними точно так же, как разворачивалась истина в ней самой прямо в эту секунду. Это было похоже на немыслимо красивый бутон цветка, что напился медвяной росы небес и в ответ им раскрывает свои лепестки, обнимает этими лепестками сам свет, становится светом.

— Мы разделены, Лиара! — продолжала Рада, чувствуя, как толчками вырывается из груди знание. — Мы — две половинки, материя и дух, не слитые воедино. Только потому, что мы не слиты воедино, мы умираем! Чтобы этот мир изменился, чтобы он стал другим, — таким, каким я видела его вчера, таким, когда мы во плоти стали самыми настоящими, едиными и цельными, пока переходили то проклятое озеро, — нам нужно просто слить вместе дух и материю, сделать их едиными, понимаешь? Они уже едины, Лиара! Вчера мы были там, вчера мы прошли сквозь это единое пространство, мы были его частью, мы были им! Но потом мы вышли оттуда и вновь стали отдельными существами. Вчера — мы были поистине бессмертны! — Рада вдруг ощутила такую легкость, словно могла прямо сейчас взлететь. — Раз оно достижимо, значит, оно уже существует. Но оно не раскрыто полностью. Мы должны сделать что-то, окончательно связать дух и тело, понимаешь? Мы должны выстроить мост! Может быть, сами стать этим мостом! И тогда со всем будет покончено: и со смертью, и с болью, и с Сети' Агоном, вообще со всем! Останется лишь новый мир, такой, какой он есть, настоящий, понимаешь?

— Мост, — одними губами повторила Лиара. Глаза ее сверкали, будто две только что рожденные звезды, а губы дрожали от волнения. — Я помню, Рада, я помню! Теперь я помню!

Легкость пропитала все тело, будто Рада сама целиком стала белым пуховым

перышком, невесомо парящим на потоках воздуха. Она смотрела в глаза Лиары и теряла себя там, она находила там себя вновь и вновь в тысячах рождающихся вселенных, в тысячах вспышек света, в том, чистом, настоящем и живом, что было истинным чудом, а не тем, что за него выдавали все фокусники и шарлатаны этого мира, будь они одеты в рясы, короны или оборванную рухлядь.

— Слить дух и тело, соединить Создателя и Великую Мать. Открыть новый мир.

Рада шептала одними губами, но ей казалось, что гром этих слов раскалывает небеса пополам или, наоборот, вновь делает их цельными.

— Как мы это сделаем? — глаза Лиары настойчиво смотрели на нее.

— Нам нужно к анай, в Данарские горы, — твердо повторила Рада, чувствуя, как ее переполняет настойчивое ощущение стремления. Слово кто-то толкал ее в спину, вынуждая идти в эти проклятые горы, вынуждая понять, что там случилось. — Мы будем учиться у них. Они должны объяснить нам, что делать. Ведь они уже сделали это восемь лет назад, теперь я уверена.

Лиара твердо кивнула, и в ее глазах вспыхнула такая любовь и гордость, что Рада вновь ощутила, как к горлу подкатывает комок слез. Кажется, теперь-то наконец дорога перед ней прояснилась. Ей нужно было всего лишь соединить в собственном теле две его части, которые никогда и ни в ком не были едины, сделать то, чего еще никто и никогда не делал. Мы уже говорили с тобой о том, что невозможно, Великая Мать. Я слишком много раз за всю свою жизнь повторяла это слово. Хватит с меня его. Пусть я и не знаю, как это сделать, но я сделаю это, сделаю. Просто потому, что это стоит того, чтобы бороться.

А потом два громких высоких свиста, разрывающих уши и заставляющих вибрировать череп, донеслись откуда-то со стороны. Рада резко развернулась, глядя на то, как белоснежная поверхность снега буквально на глазах вздыбливается вверх, словно что-то гигантское ползло под землей и выталкивало ее наружу.

— Черви услышали нас! — громко закричал Алеор, и в голосе его звучала яростная радость. — Вовремя! Скоро нам нужно будет пересаживаться на нового скакуна! Приготовьтесь прыгать!

===== Глава 10. Верхом на Черве =====

Переживание отступало медленно, оставив после себя странное послезвучие, никак не желающее отпускать Раду. Да она и не стремилась прогнать его прочь. Сейчас ее переполнял покой, такой глубокий, такой надежный, словно океан, чьи волны медленно и лениво, без конца накатывали на берег в одном им известном ритме. И отчего-то она знала: пока этот покой с ней, ничего дурного не произойдет, даже если десяток Червей набросятся на них одновременно со всех сторон.

Судя по выражению глаз Лиары, она сейчас тоже была абсолютно спокойна. На какой-то миг все это показалось Раде донельзя странным: как можно вот так, ни о чем не думать, не волноваться, когда она в центре четвертой преграды, в Пустых Холмах, о которых рассказывали такие страшные сказки, на спине Червя, который в бешенстве от боли и страха несется вперед, не разбирая дороги? Но они все равно были спокойны, а это означало: они в безопасности.

Правда, не все спутники реагировали также. Теперь, когда отступило сильнейшее осознание того, что ей нужно было сделать, Рада наконец начала реагировать на окружающий мир. Вывернув голову, она бросила взгляд через плечо. Там на своих топорах болталась Улыбашка, почти что на пузе растянувшись на спине Червя и вопя от ужаса. За ее

спиной, каким-то чудом удерживая равновесие, сидел Редлог, держащийся лишь за торчащую из спины Червя шерсть. В самом хвосте твари виднелись Жужа, разинувший пасть и вопящий во всю глотку, и Кай, глаза которого были черными, будто ночь. Видимо, ильтонец сейчас что-то делал, то ли чтобы удержаться самому, то ли чтобы помочь Алеору.

Пронзительный свист разрезал воздух выпущенной из тугого лука стрелой. Рада сморщилась и обернулась на звук. Метрах в ста от них снег стремительно вздыбливался, что-то громадное несло под землей в их сторону, по большой дуге начиная сближение с ними. Даже на таком расстоянии Рада видела, что тварь гораздо крупнее того Червя, который сейчас вез их, раза в полтора-то точно.

Приглушенный взвизг раздался с другой стороны, и голова Рады моментально повернулась туда. Второй Червь был чуть дальше предыдущего, но тоже шел к ним по кривой дуге, только начав спуск с дальнего холма.

— Алеор! — крикнула Рада, пытаясь перекричать бьющий в лицо ветер. — Как мы будем перепрыгивать?

— Ногами! — в ответ прорычал эльф, наваливаясь на торчащий из спины твари трезубец. Голос его был напряженным.

— Это я понимаю! — в раздражении отозвалась Рада. Ее слова заглушил новый свист, от которого барабанные перепонки едва не лопнули, и Рада поморщилась. Как только слух вернулся к ней, она вновь крикнула: — Мы будем останавливаться? Или на полном ходу?

— Сейчас посмотрим! — рывкнул Алеор. — Я скажу! Будьте готовы!

— Готовы?! — в отчаянии заорала Улыбашка, которую болтало и подбрасывало на спине Червя, будто на взбесившемся быке. — Готовы, твою бхару?! Я говорила тебе, я не могу пры...

В этот момент Червь взлетел на холм, и они вновь зависли в воздухе, когда тварь оторвалась от земли. Рада ощутила, как клацнули во рту зубы, когда Червь грохнулся в снег на пузо и понесся дальше.

— Бхара! — зарычала Улыбашка, и поток непрерывной брани полился с ее уст.

Позади загрохотало, и еще один свист разорвал воздух.

— Рада! — вскрикнула Лиара, и та вывернула голову, глядя через плечо.

Гребня холма, который они только что проскочили, больше не было. Вместо него зияла громадная воронка в земле, и снег вокруг был покрыт толстым слоем глины и камней. А из дыры выбиралась туша, вытягивая себя вверх резкими рывками, содрогаясь всем телом и подталкивая кольцо за кольцом. Рот у нее был в диаметре почти таким же, как и весь Червь, на котором они сейчас сидели, нитки слюны тянулись между острыми зубами. Рада сглотнула, чувствуя омерзение, а сквозь пустоту когтем царапнул сердце страх.

Прямо на ее глазах второй Червь, который раньше шел наперерез им, резко свернул в сторону и направился к тому, что вылезал из-под земли. Еще несколько мгновений по земле бежала дорожка, а затем снег взорвался, будто под ним заложили подожженные бочки с маслом, и гигантская пасть выскочила на поверхность, вонзившись в почти целиком выбравшегося на поверхность Червя. Две твари сцепились, сплелись в болезненный узел, словно змеи, во все стороны брызнула белесая жидкость, что была у них вместо крови, уши разорвал визг.

Рада ощутила, как комок подкатил к горлу, и поспешно отвернулась. Зрелище было слишком омерзительным, но спасала тишина, плещущаяся в груди. Если бы не эта тишина, ее, наверное, уже давным-давно вывернуло бы наизнанку.

— Алеор! Они сцепились друг с другом! — крикнула Рада эльфу.

На миг тот обернулся, но сразу же вновь налег на трезубец. Судя по всему, это отнимало у эльфа все силы, что только были, и он не мог позволить себе ни секунды отвлекаться.

— Хорошо! — крикнул Алеор, и в голосе его звучала залихвацкая удаль. — Пусть рвут друг друга! Я на это и надеялся! Может, проскочим!

— Нам долго вообще ехать? — подала голос Лиара. Она все еще сидела, всем телом прижавшись к Раде, лицом к хвосту Червя. Это было даже приятно, даже очень приятно — чувствовать ее так близко, в своих руках, но Рада отпихнула прочь все эти мысли. Вот для них — уж точно совсем не то время.

— С такой скоростью — до темноты! — откликнулся эльф. — Но все будет зависеть от Червей!

Рада вскинула голову, прикидывая, где солнце. Красный кружок низко висел над землей, бросая косые лучи на снег. Если они действительно успеют до заката, то впереди еще как минимум четыре часа пути, а может, и больше. А тело ее уже разламывалось от боли, да и руки едва держали рукоять. Рада прикусила губу, восстанавливая внутреннюю тишину. Только с этой силой, только с помощью Великой Матери она сможет справиться с этим. Ты так голосила, что хочешь учиться, вот и учись! Чем тебе сейчас не то самое время?

Червь несся вперед, как угорелый, стремительно взбираясь на холмы, на всей скорости спрыгивая за их гребни, отчего каждый раз друзей швыряло, словно мешки с хламом внутри бешено катящейся с холма пустой повозки. На то, чтобы оглядеться, времени почти что и не было. Теперь холмы сгрудились так тесно, что соприкасались подошвами, и буквально каждую минуту Червь менял направление движения. То он стремительно взбирался вверх, конвульсивно дергаясь всем телом, то резко падал вниз, едва не теряя равновесие и не катясь шаром под холм.

Рада гнала от себя прочь такие мысли, но они все равно упрямо лезли в голову. А что будет, если у Червя закончатся силы прямо на гребне холма? Что будет, если он споткнется (или какой там термин лучше подойдет с его-то присосками вместо ног?) и покатится по склону вниз, давя путников, сидящих на его спине? Успеют они спрыгнуть на землю? Успеют ли они...

Вдруг без всякого видимого предупреждения склон холма, на который сейчас взбирался их Червь, взорвался в облаке снега и грязи. Рада закричала от неожиданности, когда комки снега, земли, камней градом посыпались прямо ей в лицо. В следующий миг Червь вильнул в сторону так резко, что ее швырнуло вбок. Взвизгнула Лиара, теряя равновесие и вновь съезжая набок, почти падая, закричали спутники. Руки заскользили на рукояти меча, и Рада поняла, что и сама падает. Мышцы едва не лопнули от натуги, когда она изо всех сил налегла на меч, балансируя на какой-то острой грани и чувствуя, как искорка все сильнее и сильнее тянет ее в сторону, вбок.

Что-то массивное ударило в землю слева от них. Боковым зрением Рада успела заметить громадное тело Червя, выпрыгнувшего из земли и обрушившегося в снег в том месте, где еще секунду назад был Червь, на котором они ехали. Каким образом Алеор успел вывернуть проклятый трезубец и увести тварь в сторону, она и знать не знала, но только они по большой дуге обошли атакующего с гребня холма и теперь мчались вперед, сильно забрав вправо.

Их Червь выправился, Раду швырнуло вправо, и Лиара с визгом вернулась в первоначальное положение. Только вздохнуть она не успела, потому что Червь сиганул с

гребня вниз. Несколько мгновений свободного падения, земля и снег, что с головокружительной скоростью неслись в лицо поверх плеча Алеора, удар. Рада не сдержала вскрика от боли в растянутых до предела мышцах ног, в который раз уже ударившись о шкуру Червя. Меч ткнулся рукоятью в спину Лиары, выбив дыхание, и та приглушенно вскрикнула. От боли во всем теле Рада и сама лишилась дыхания, и была даже не в состоянии прошептать извинения. Только держаться за меч, держать Лиару и не падать на землю.

— Все живы? — рявкнул через плечо Алеор. — Здесь был обрыв!

— Мы поняли! — отозвалась дрожащим голосом Рада, едва в состоянии шевелить языком.

— Бхара! — раздался из-за спины голос Улыбашки. Кажется, больше никакого слова она произнести просто не могла.

— Где тот Червь? — напряженно бросил Алеор через плечо. — Я не могу обернуться!

Рада вывернула голову, чувствуя, как выступивший от напряжения на лбу пот заливает и щиплет глаза. Гребень холма за их спинами стремительно удалялся, резко уходя вверх, потому что Червь, на котором они ехали, несся к его подошве. Глазам Рады открылся огромный провал, яма шириной метров в семь прямо под самым гребнем, именно в эту яму и провалился их Червь несколько мгновений назад, едва не сошвырнув их всех со своей спины. Она открыла было рот, чтобы сказать Алеору, что ничего не видит, но тут над гребнем появилось громадное тело и рот, который вполне способен был заглотить их Червя вместе с ними целиком. Рот этот распахнулся, и полная острых зубов бездна глотки издала оглушительный рев. Червь подобрался и ринулся за ними следом со скоростью гораздо большей, чем Рада ожидала бы от столь массивного и неповоротливого тела.

— Прямо за нами! — взвизгнула ей в ухо Лиара, вновь оглушив и без того почти что лопающиеся барабанные перепонки Рады. — Алеор! Он прямо за нами! Он догоняет! Уходи!

— Бхара! Держитесь! — крикнул эльф.

Рада резко развернулась вперед, успев вовремя вцепиться в меч. В следующий миг их маленький Червь вновь вильнул, на этот раз, взяв влево. Прямо за спиной Рады послышался грохот и рев, но она не смела обернуться. Все ее силы сейчас уходили на то, чтобы сжимать каблуками сапог бока Червя и держаться, держаться во что бы то ни стало, чтобы не съехать с его шкуры и не оказаться раздавленной той громадной тварью, что теперь преследовала их.

А тварь явно вознамерилась сожрать легкую добычу. Алеор мотался из стороны в сторону, налегая на рукоять трезубца и резко разворачивая их Червя, который пошел рваными зигзагами, меняя траекторию движения буквально каждые несколько секунд. Рада ощутила, как огнем горят руки, которыми она сжимала меч, как буквально кипяток течет по ее мышцам, не давая им разжаться на скользкой рукояти. Лиара кричала от ужаса, вцепившись в нее всем телом. Ей-то, пожалуй, было похуже, потому что она ехала спиной вперед и теперь прекрасно видела преследующего их Червя. Правда, и до Рады поминутно долетал грохот, рев, шум дыхания огромного тела, стремительно сокращающего разделяющее их расстояние.

— Готовьтесь! — отчаянно крикнул Алеор. — На счет «три» — прыгайте вправо!

— Вправо! — повторила Рада, до хрипоты напрягая связки, на тот случай, если за ревом настигающего их Червя кто-то из друзей не услышал приказа эльфа. — На счет «три» прыгаем!

— Раз! — заорал эльф во всю глотку.

За спиной Рада услышала лихорадочную ругань Улыбашки. Хватка Лиары на ее плечах разжалась, но она была так близко, что Рада могла ощущать, как искорка вся подбирается для броска. Рада и сама с криком боли напрягла разрывающиеся на части мышцы и каким-то чудом умудрилась подняться на колени.

— Два! — крикнул Алеор.

Рада видела его перед собой. Преодолевая бешеную скорость, усталость, дикую тряску Червя, на котором они ехали, Алеор поднимался на ноги, крепко держась за рукоять трезубца и продолжая всем своим весом давить на него. Рада видела, как навстречу им летит гребень холма. Их маленький Червь вновь начал взбираться вверх по склону.

— Три! — гаркнул эльф, резко выдергивая из спины твари трезубец, и Рада, стиснув Лиару в объятиях, рванулась вправо.

Мгновение они летели в ледяном воздухе, прозрачном и невесомым, потеряв опору и зависнув между спиной Червя и снегом. Рада постаралась вывернуться так, чтобы не подмять под себя Лиару, когда они упадут в снег, и...

Удар был силен, да еще и на такой скорости. Снег бросился в лицо, от резкой боли руки разжались, и она покатилась по сугробам кубарем в сторону, сразу же глотнув полный рот снега. Ледяное прикосновение обожгло зубы, глотку, все лицо и руки, шапка слетела и потерялась где-то, а Раду все тащило и тащило в сторону. Прошло еще несколько невыносимо долгих мгновений, когда ее тело швыряло, словно булыжник, свергающийся вместе с лавиной с горы, а потом она тяжело рухнула лицом в сугроб, задохнувшись и едва не потеряв сознание.

Это было, наверное, сложнее всего, что она только делала в жизни — не отключиться и не задохнуться в снегу. Каким-то невероятным усилием Рада заставила себя вернуться в сознание, забарахталась в сугробе, выбираясь из глубокого снега. Земля под ней мелко содрогалась, шла рябью и волнами, как будто они вновь вернулись в край гейзеров.

Яркое солнце ударило по глазам, она выплюнула снег и судорожно вздохнула, рывком возвращаясь в себя. Глазам открылась жуткая картина. Их крохотный Червь визжал, надрывно и высоко, извиваясь всем телом, а к нему, выгнувшись, словно пиявка, присосался тот второй, громадный Червь, что преследовал их. Его тело конвульсивно содрогалось, когда он пережевывал свою добычу и медленно заглатывал ее. Этот новый Червь был длиной больше тридцати метров, а в диаметре его тело достигало едва ли не пяти-шести.

Рада лихорадочно огляделась. Она упала в стороне от Червя, метрах в десяти от того места, где он кинулся на тварь, что везла их на спине. Неподалеку из сугроба выбиралась Лиара, шапка слетела с ее головы, она была полностью облеплена снегом, но жива. Еще в нескольких метрах сзади со стоном вынырнула из снега Улыбашка. Кай почти не пострадал, уже стоя на ногах и вытянув перед собой руку; в метре от него в воздухе болтался подвешенный на невидимых потоках энергии Жужа, отчаянно брыкаясь и визжа. Редлог с криком выпутался из снега в нескольких метрах от них, лицо его было искажено страхом.

Меч! Рада мысленно возблагодарила гномов, что заморозили его для Тайгрена, и громко крикнула, вытягивая руку:

— Эктол!

В тот же миг ладонь оттянула тяжесть, когда в ней возникла рукоять. Станным образом, на ней не было ни следа от крови Червя, меч выглядел абсолютно чистым и сухим. Благословляю тебя, Великая Мать, за все те совпадения, благодаря которым я все еще жива! Без меча мы бы пропали!

— Лиара! — подобралась со снега, спотыкаясь на подламывающихся от боли ног, Рада бросилась к искорке, которая, отплеываясь и кашляя от попавшего в горло снега, выбиралась из сугроба. На первый взгляд, с ней все было хорошо: стоять она могла, да и никаких повреждений Рада у нее не заметила.

Искорка судорожно схватила ее за руку, как только Рада приблизилась, так, будто от этого зависела ее жизнь. Даже сейчас Рада ощутила, как нежность мягко обнимает сердце. Покой внутри нее переплавился во всем этом безумии в твердокаменную сосредоточенность. Сейчас ей казалось, что она каждой клеткой тела ощущает все, что происходит вокруг.

— Где Алеор? — рывкнула за ее спиной Улыбашка, выбравшись-таки, из сугроба. — Где он?! Я убью его!

— Смотрите! — Редлог подпрыгнул в снегу, как кузнечик, указывая рукой вперед.

Рада вскинула голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как на спине гигантского Червя, почти уже заглотившего маленького, возник Алеор. Он ловко запрыгнул на хвост и теперь карабкался вперед, используя содрогающиеся кольца мышц Червя в качестве опоры. В какие-то считанные мгновения он преодолел расстояние до головы твари, высоко воздел над головой черный трезубец и с силой вонзил его в плоть Червя.

Тварь моментально выпустила добычу, извиваясь и вопя. Тридцатиметровое тело пошло волнами, кольцами, как у атакующей змеи. Рада резко отскочила, заслоня собой Лиару и отталкивая ее прочь, когда громадная туша мазнула по снегу всего в нескольких метрах от них. Алеор балансировал на этой голове, как тряпка, болтаясь на трезубце еще несколько мгновений. Потом Червь в последний раз брыкнулся и улегся ровно.

— Скорее! — надтреснутым голосом выкрикнул эльф. — У нас гости!

Через миг высокий свист разрезал воздух, за ним еще и еще. Раде даже оборачиваться не нужно было, чтобы знать, что к ним движутся Черви: земля под ногами с каждой секундой содрогалась все сильнее.

— Сюда! — махнул рукой Кай.

Лиара бежала впереди нее, потому Рада даже не задумалась о том, куда ставить ногу, буквально запрыгнув на невидимую лестницу. Следом за ней карабкалась, шумно пыхтя, Улыбашка, в спину ее толкал Редлог. Над головами друзей проплыл отчаянно визжащий медведь, которого Кай погрузил, будто мешок, прямо на широкую спину Червя.

Здесь было как-то легче. Этот Червь был крупнее и толще предыдущего, и Рада чувствовала себя на его спине гораздо устойчивее. Теперь уже оседлать Червя у нее не получилось бы ни при каких условиях: диаметр твари был слишком велик, чтобы ее и без того вывернутые суставы выдержали такое. Не теряя ни мгновения, она пробежала по жесткой, содрогающейся под ногами спине прямо к Алеору, и глубоко вбила свой меч в шкуру твари за его спиной.

Удивительно, но клинок вошел с тем же сопротивлением, как и в прошлый раз, может, даже слегка мягче. То ли у мелких Червей шкура была прочнее, чем у крупных, то ли от страха у Рады сил прибавилось, но сейчас это было неважно. Утвердившись на ногах, она оперлась на клинок и ощутила руки Лиары, обхватившей ее за талию сзади.

— Так тебе будет легче! — прозвучал за спиной приглушенный голос искорки, и Рада не стала спорить. Способ, которым они удерживались на спине маленького Червя, здесь совершенно точно уже не подходил.

— Мои топоры остались в той туше! — прокаркала, задыхаясь от спешки, гномиха. — Я буду держаться за тебя, Свето...

— Поехали! — прорычал Алеор.

Издав резкий вскрик, Червь сорвался с места.

Теперь было легче, гораздо легче, чем раньше, и Рада мысленно возблагодарила Великую Мать. Червь под ними был крупнее того первого, тяжелее, массивнее, но и передвигался быстрее и ловчее. Его шкура все так же шла волнами под ногами Рады, но теперь уже не настолько интенсивными и мелкими, как раньше, и балансировать на них оказалось проще. Во всяком случае, пока Червь двигался прямо вперед и не прыгал с обрывов, она была в состоянии стоять на нем ровно.

Алеор тоже стоял, сжав трезубец, словно рулевое весло. Плащ, который раньше был скреплен у него в районе талии, чтобы не болтаться под ветром, от удара о снег вырвался и теперь хлопал за его плечами, словно бешеные черные крылья, которые вот-вот должны были оторвать эльфа от спины Червя. Он правил вперед, прямо на холм перед ними, и Рада едва не задохнулась от облегчения, когда громадная туша пошла вверх плавно и без рывков. Им даже повезло, что они пересели на большого Червя: держаться на нем было гораздо проще.

Теперь с высоты, когда ее уже не швыряло из стороны в сторону, Рада могла оглядеться. Червь мчался вверх по склону и совсем скоро вполз на его гребень, переломившись пополам и сразу же ринувшись вниз. Ее несильно подбросило вверх, не так жутко, как когда маленький Червь почти что летел с обрыва, но шкура под ногами все равно знатно подпрыгнула, и Раде потребовалось до предела напрячь мышцы, чтобы удержаться на ногах. Сзади пискнула Лиара, охнула Улыбашка, что-то прокричал Редлог, да и Жужа ревел, словно заведенный, уже почти сорвав глотку до хрипоты. Зато все они были целы, все они пережили падение с двухметровой высоты в снег, и это уже не могло не радовать.

Цепляясь за дрожащую под пальцами рукоять меча, Рада бросила взгляд по сторонам. Наперерез им с двух сторон шло сразу пять Червей: снег вздыбливался бороздами разной величины, но пока что ни одна из них не была настолько же большой, как тот Червь, на котором они ехали. Да и мчался он гораздо быстрее, чем догоняли преследователи.

— Надеюсь, этот выдержит дольше! — прокричал Алеор сквозь рев ветра в лицо, грохот движущейся по снегу и шумно дышащей твари. — Здоровенного заарканили! Еще некоторое время у него не будет конкурентов!

На первый взгляд, Алеор был прав, и это слегка обнадеживало Раду. Их Червь шустро рвался вперед, преодолевая один холм за другим. Улучив возможность, Рада обернулась. Три из пяти дорожек преследователей сошлись вместе, и теперь в снегу кипела битва из громадных, пронзительно вопящих тел, набрасывающихся друг на друга. Еще две дорожки все-таки бросились преследовать большого Червя, но он явно опережал их по скорости, так что удара с тыла можно было не опасаться.

Рада отвернулась, пошире расставляя ноги и прочнее устраиваясь на спине твари. Их могли и не преследовать, но она прекрасно помнила, что вот этот самый Червь, который вез их вперед, вовсе не преследовал того маленького, а подстерегал его, засев под холмом. Холмы тянулись впереди так далеко, насколько глаз хватало, а это означало, что под любым из них может быть засада. А коли так, то их положение не слишком-то изменилось по сравнению с тем, что было раньше.

— Алеор! Надо петлять! — крикнула из-за ее спины Лиара, словно услышав ее мысли. — Они могут просчитать нашу траекторию и подстеречь нас!

— Понял! — напряженно крикнул эльф. — Тогда держитесь!

Он навалился на трезубец, и Червь, издав пронзительный вопль, вильнул влево. Он был неповоротливее того первого малыша, двигался медленнее, более плавно, но Рада все равно ощутила, как поехали ноги, когда Червь свернул. Она изо всех сил отклонилась в противоположную сторону. Сзади послышалось судорожное дыхание Лиары, хриплый вскрик Улыбашки. Выправившись, Червь вскарабкался на холм, потом вильнул в другую сторону.

Тяжело дыша, Рада держалась за липкую от ее собственного пота рукоять меча. Пока все было хорошо, хоть Червь и сворачивал из стороны в сторону, как извивающаяся по земле змея. Двое преследователей через какое-то время отстали, видимо, сообразив, что им просто не угнаться за путниками, на горизонте тоже пока было относительно тихо. Впрочем, Рада прекрасно помнила, чем кончилось их последнее затишье. Тварью, которая выпрыгнула из засады прямо на них, и только мгновенная реакция Алеора спасла их от смерти. Это означало, что сейчас нужно было быть готовыми ко всему, прыгать в любой момент, по первому же слову эльфа.

Помогала сила, что кипела в груди. Рада чувствовала себя буквально наэлектризованной: вся полнота и сила переживания, позволившего ей осознать произошедшее с ними в Земле Огня, теперь перешла в концентрацию. Все ее тело превратилось в одну единственную напряженную стрелу, готовую сорваться с места по первому же зову эльфа, решимость выкристаллизовалась в груди в одно острие, направленное вперед. Несмотря на бешеную тряску, скорость и боль, Рада отстраненно удивилась этому.

Я и знать не знала, что могу использовать это не только как моральную поддержку, но и вот так, сделать тело восприимчивым!

Естественно, что ты этого не знала! — едко фыркнул внутренний голос. Ты же даже не удосужилась понять хоть что-либо или чему-то научиться!

Впрочем, корить себя за прошлые ошибки никакого смысла не было. Теперь Рада была твердо уверена в том, что больше никогда не даст себе даже на минуту забыть о том, что она должна делать. Во всяком случае, она очень верила в это, всей собой верила. Я больше не буду лениться, Великая Мать! Никогда!

— Прямо по курсу! — напряженным голосом предупредил Алеор, и Рада вскинула голову, глядя туда.

Они были на гребне холма, и когда Червь начал плавно и быстро спускаться с него, Рада разглядела то, что показывал эльф. Навстречу им, быстро приближаясь, под землей неслись два Червя, причем каждый из них был крупнее, чем тот, на котором они ехали. Почувствовав собратев, тварь под ними издала тревожный крик.

— Что ты будешь делать? — крикнула Рада Алеору.

Эльф не ответил. Сейчас он вел Червя вперед, уже не петляя из стороны в сторону, да это и не имело смысла. Те две твари впереди шли прямо на них, да еще и с такой скоростью, что расстояние между ними таяло с каждой секундой.

— Что нам делать, Алеор? — напряженно крикнула Рада во второй раз, пытаясь просчитать, сколько еще секунд осталось до столкновения.

Две траншеи шли почти параллельно, летели на них. Между ними оставался крохотный промежуток, не больше двадцати метров шириной. Можно было, конечно, попытаться прорваться, но...

— Алеор! — вскричала Рада, чувствуя, как страх сжимает сердце, на этот раз чуть

сильнее, чем раньше, и пустота колеблется точно так же, как дрожащая шкура под ее сапогами. Червь издал еще один вопль, в котором явственно прозвучал страх.

— Держитесь! — приказал эльф и вдруг дернул свой трезубец так резко вперед, что Червь под ними дрогнул всей шкурой, издал оглушительный рев и понесся еще быстрее.

Встречным ветром Раду отбросило назад, но она изо всех сил держалась за меч. Сзади что-то кричали спутники, но она не могла разобрать ни слова. Рада попыталась крикнуть что-то Алеору сама, остановить его хоть как-то, но было уже поздно. Две борозды поравнялись с ними, взяв их в тиски и прижавшись почти вплотную, и взорвались комьями снега, земли, грязи, камня. В этом грохоте почти потонул отчаянный крик эльфа:

— Пригнитесь!

Скорее инстинктивно, чем потому что скомандовал Алеор, Рада нырнула вниз, втягивая голову в плечи и ссутуливаясь ровно настолько, насколько ей позволял меч. Время застыло медленно тянущейся смолой, и она ощутила, как внутри все стискивается в тугой комок, глядя, как две громадные белесые пасти вырываются из земли с двух сторон от них. Эти пасти медленно-медленно летели вверх, начав выгибаться в сторону и сходиться, чтобы обрушиться на их Червя. Атаковать они решили почти одновременно, находясь в одной точке траектории, только двигались при этом и навстречу друг другу, и глаза Рады полезли из орбит, когда две огромных головы врезались и сцепились клыкастыми пастьями прямо над проносящимся под ними Червем с путниками, образовав гигантские ворота.

Сердце в груди ёкнуло от радости и неистовой надежды, что они успеют прорваться. Алеор впереди грудью лежал на трезубце, гоня Червя со всей силой, на которую тот был способен, а удар и схватка двух здоровенных тварей над их головами должны были хоть немного задержать их и дать им те самые нужные мгновения. Но удар был слишком силен, чересчур неожиданный для обоих атаковавших Червей, и они, стукнувшись друг о друга, начали падать вниз.

Время замерло, и в его почти остановившемся течении Рада поняла, что они не успеют проскочить. Ей даже не нужно было поворачивать головы и просчитывать траекторию, она и без того знала, что два столкнувшихся Червя рухнут вниз, прямо на самый кончик хвоста того на котором они сами ехали. И единственное, что она могла сделать сейчас, это быть готовой.

Рада выдохнула и сконцентрировалась, сжав меч так крепко, как только могла. В следующий миг время стало таким же, как и раньше. Два Червя рухнули вниз, и сильнейший толчок бросил Раду грудью вперед прямо на рукоять торчащего перед ней меча.

Перед глазами потемнело, боль пронзила мир тысячами невыносимо острых игл. Она попыталась вдохнуть и поняла, что больше не может. Рада ничего не видела, ничего не слышала, она не могла дышать, когда твердая рукоять вошла прямо в солнечное сплетение. Лишь едва-едва смягчили удар ее собственные ладони. Ноги моментально ослабели, ослабели и руки, а Рада боролась, сражалась изо всех сил, отдирая от себя щупальца черного осьминога, взорвавшегося в середине груди и молниеносно впившегося во все ее жизненные точки. Она прекрасно знала, что удар в солнечное сплетение может быть смертелен, если приложить необходимую силу. И сейчас ее от смерти отделял только тоненький волосок, которого и не хватило этому удару, чтобы убить ее сразу же.

Продраться через густые мучительные заросли боли было так тяжело, так трудно, но Рада упорно карабкалась. Перед глазами посветлело, и Рада услышала собственный хрип, ощутила свое тело, свои обессиленные мышцы, которые уже начали разжимать хватку на

рукояти клинка. Она не знала, откуда взялись силы, она не представляла, что в этом полумертвом теле с отбитыми нервами еще что-то осталось, но она смогла втянуть ртом воздух и сомкнуть пальцы на рукояти.

Мигом позже Лиара резко дернула ее назад, когда отдача от рухнувших вниз Червей дошла до путников. Рада даже вскрикнуть не смогла, откидываясь, но все еще держась. Рот ее был широко открыт, и им она судорожно плотала воздух, пытаясь вспомнить, каково это, пытаясь заставить тело вновь работать, вновь жить, вновь чувствовать.

Позади творилось какое-то безумие, обрывки которого с трудом долетали до ее затуманенного разума. Свист, оглушительный рев, грохот, визг Жужи, какие-то вспышки, которые она ловила краем глаза. Руки Лиары тянули и тянули ее назад, и Рада вдруг ощутила себя веревкой, которой связали двух застоявшихся лошадей, да и направили их в разные стороны. Через несколько мгновений хватка ослабла, Рада вновь резко дернулась вперед, едва не ударившись грудью о рукоять меча во второй раз.

Червь медленно начал движение вперед, заскользив по снегу сначала рвано и дергано, потом ровнее, быстрее. Сквозь красные круги в глазах Рада видела впереди Алеора, который навалился на трезубец и еще и ногами пинал рукоять, вынуждая тварь содрогаться от боли и двигаться, двигаться вперед. Рада отчаянно пыталась продышаться, и с каждым вздохом это становилось все легче, хоть боль и не желала никуда уходить, продолжая терзать все ее тело. От солнечного сплетения волны слабости и нестерпимой рези вспышками молний били по всем ее конечностям, заставляя руки и ноги содрогаться в конвульсиях.

— Держись! — отчаянно кричала за ее спиной Лиара. Ее руки переместились, и Рада крякнула, когда искорка вцепилась ей в ногу над краем сапога, почти повисла на ней всем весом, едва не сдергивая Раду со спины Червя. — Держись, Улыбашка!

С трудом Рада заставила себя вывернуть голову и оглянуться через плечо.

Два гигантских Червя дрались посреди изрытого и перекопанного, усыпанного вывернутой землей снега за их спинами. На самом хвосте Червя, верхом на котором они ехали, виднелась глубокая рана от зубов одной из тварей, и из нее сочилась бледная, дурно пахнущая кровь. Чуть выше раны распластались на спине Червя Редлог с Каем, с трудом удерживаясь, чтобы не съехать вниз со скользких, покрытых кровью и слюной других Червей боков твари. Жужа, кажется, был единственным, кто умудрился удержаться за Червя, впившись в него всеми четырьмя лапами с длинными когтями. А вот Улыбашка от удара потеряла равновесие и сейчас висела над неистово проносящейся под ними землей, одной рукой держась за вытянутую руку Лиары, а второй отчаянно пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь. Ее ноги без успеха скребли и скребли по жесткой шкуре Червя, не находя опоры.

Несмотря на боль и нехватку кислорода, Рада ощутила, как сердце стискивает страх. Гномиха была очень тяжела, и Лиара могла не только не удержать ее, но и сама соскользнуть следом за Улыбашкой в снег. И если их не раздавит гигантский Червь, то запросто догонят те твари, что сейчас остались за спиной. Или найдут еще какие-нибудь Черви, или...

— Держись! — рывкнул Кай, и вдруг Улыбашка с громким взвизгом взлетела на спину Червя, будто кто-то поддал ей увесистого пинка.

Тяжело ударившись грудью о спину Червя, гномиха охнула, когда весь воздух выбило из легких. Лиара тоже тяжело вздохнула, расслабляясь и переставая так сильно сжимать ногу Рады. От сердца отлегло, словно чья-то жесткая рука разжала свою хватку, и Рада смогла впервые за долгое время нормально вздохнуть. Впрочем, и боль в солнечном сплетении тоже

понемногу унималась, оставляя ее в покое.

— Все целы? — напряженно спросил Алеор, не оборачиваясь.

— Все! — фальцетом пискнула Улыбашка, судорожно цепляясь за черную щетину Червя.

Рада с трудом, морщась, оторвала руку от рукояти меча, переместив всю нагрузку на левую руку, и помогла дрожащей Лиаре подняться на ноги. Ее руки судорожно сжали Раду, давя на отбитую грудь, и она охнула, но тут уж ничего поделывать было просто нельзя. Самое главное, что искорка жива, что она рядом, в безопасности. В безопасности? Ну, во всяком случае, здесь безопаснее, чем на земле.

Червь все набирал и набирал скорость, ревя от боли в израненном теле, но Алеор нещадно гнал его вперед. Рада бросила взгляд на солнце: до заката оставалось еще несколько часов, совершенно точно, что такое количество времени этот Червь вряд ли протянет. Он бы выдержал, если бы не рана, но теперь за тварью оставался мокрый глубокий след: от напряжения во всем теле кровь хлестала из него, словно из крана в пивной бочке.

— Нам надо пересесть, Алеор! — напряженно крикнула Рада. Дышать по-прежнему было больно, но сейчас об этом думать было нельзя. Самое главное, что искорка осталась жива, что с ней все в порядке.

— Да знаю я! — прорычал в ответ эльф. Голос его тоже срывался: видимо, и ему хорошо досталось во время того рывка. — Надеюсь, кто-нибудь из них набросится на нас до того, как мы достигнем Гнезда!

— Гнезда? — тревожно переспросила Рада. Ей почему-то очень не понравилось то, каким именно тоном произнес это словно Алеор.

— Да! — отрывисто бросил эльф. — Держитесь!

===== Глава 11. Расщепленное сознание =====

Лиара вцепилась в Раду изо всех сил, напрягая каждую свою мышцу до предела, чтобы не упасть. Шкура Червя под ее ногами содрогалась, шла волнами, и ее швыряло вверх-вниз, словно сухой листок в осеннем половодье. Единственным прочным, единственным надежным в мире осталась только Рада, и Лиара изо всех сил пыталась прикинуться к ней как можно ближе, буквально прирасти всем телом.

Нестерпимая вонь крови Червей наполняла воздух. Ледяной ветер рвал и трепал края Алеорова плаща, и он то и дело возникал на краю зрения Лиары, словно бешеные вороны, бьющие крыльями ей в лицо. Сама она вжалась в Раду, не обращая внимания на вещмешки за ее плечами, которые мешали хорошенько обхватить ее и надежно держаться, на Улыбашку, которая отчаянно скулила, сжимая своими твердыми лапищами талию Лиары так, словно готова была в любой миг переломать ее пополам. И только и молилась об одном: чтобы это закончилось, как можно скорее закончилось, чтобы они уже прошли эту преграду и остались живы.

Погребальным звоном раздробился над Пустыми Холмами свист Червей. В первый миг Лиара зажмурилась в какой-то детской надежде, что если она не увидит стремящихся им наперерез тварей, то они просто исчезнут, испарятся, как прокравшийся среди ночи в детскую спальню кошмар под первыми лучами солнца. Но неведомая сила буквально впиалась в ее веки, отдергивая их вверх. Дрожа, Лиара поняла, что не смотреть гораздо страшнее, чем смотреть, и лихорадочно нашла глазами преследователей.

Теперь их обходили с трех сторон. Одна тварь мчалась прямо за хвостом их быстро слабеющего Червя, еще две подходили с боков. Кажется, Алеор тоже заметил новых

преследователей, потому что громко выругался и налег на трезубец. Шкура под ногами поехала, Лиара взвизгнула, хватаясь за Раду, когда Червь развернулся на ходу, бросаясь в просвет между двумя приближающимися тварями.

Все это было безумием, самым настоящим безумием. Сердце в груди колотилось как бешеное, так и грозя выпрыгнуть из ее глотки и броситься наутек. Широко открытыми глазами Лиара смотрела, с какой невероятной скоростью приближается к ним снежная борозда в снегу. И там, под этим снегом, было что-то по-настоящему огромное, такое здоровенное, что...

В следующий миг произошло сразу очень много всего. В оглушительном грохоте впереди потонул крик Алеора, Лиару швырнуло назад, прямо на Улыбашку. Руки, что удерживали Раду, от резкого рывка разжались, и она покатила кубарем, сбив гномиху, врезаясь во все и ударяясь обо что-то твердое, и каждый удар выбивал из ее легких воздух, а из глаз — искры боли.

Она пыталась зацепиться, она шарилась руками, чтобы ухватиться хоть за что-то, а ее же собственные узлы больно били ее по спине, бокам. Шкура Червя под ней вздыбилась, и Лиару высоко подбросило вверх. На несколько секунд она буквально зависла в воздухе, ослепнув от косых лучей солнца, брызнувших в глаза, и жестко упала в снег.

Боль ослепила, сдавила обручем грудь, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. Застонав, Лиара завозилась, забарахталась в сугробе, отпихивая прочь обжигающее прикосновение снега. Земля под ней ходила ходуном едва ли не так же, как шкура Червя под ногами, когда всего несколько мгновений назад они стояли на нем верхом.

Чья-то рука с силой выдернула ее из снега, ухватив прямо за узлы, и Лиара вновь охнула, когда лямки врезались глубоко в плечи.

— Вставай! — прохрипел голос Рады. — Скорее! В сторону!

Ничего не соображая, Лиара ринулась следом за ней. Перед глазами металась лишь ее изрядно заляпанная снегом и кровью Червей дубленка на белом фоне изрытого тварями снега. Лиара спотыкалась, взмахивая руками, чтобы не растянуться на снегу, оскальзывалась, но бежала следом, совершенно не понимая, что происходит.

Рада притормозила, оборачиваясь, и Лиара врезалась в нее, от неожиданности не удержавшись на ногах. Подхватив ее, Рада пристально взглянула ей в глаза:

— Цела? Все в порядке?

— Да! — закивала Лиара, чувствуя во рту привкус собственной крови, а в каждой клеточке тела — резкую боль. С другой стороны, стоять-то она могла, значит, кости сломаны не были. — Что случилось?

— Смотри! — руки Рады развернули ее лицом назад.

Три громадных Червя набросились на распластавшегося на земле четвертого и рвали его на куски, извиваясь и копошась над ним, а тот пытался вырваться, но участь его была уже предрешена. Весь снег вокруг был изрыт и вывернут, покрыт комьями земли, грязью, кровью Червей. Лиара моргнула, пытаясь понять, что же в этом во всем испугало ее больше всего, и осознание буквально перетрясло все тело молниеносной вспышкой.

— Где все? — вскрикнула она, чувствуя, как болезненно сжимается в груди сердце. — Куда они делись?

— Прямо на нас из-под гребня холма вылетел Червь. Алеор толкнул меня прочь, а сам прыгнул вперед, — Рада говорила быстро, чеканя слова и постоянно оборачиваясь, обводя взглядом холмы вокруг. Они стояли в низине, и обзор загораживали громоздящиеся вокруг

гребни холмов. Земля под их ногами продолжала мелко трястись, словно вот-вот оттуда должны были вырваться десятки Червей. — Я не уверена, но, кажется, они пересели на другого Червя. Во всяком случае, Алеор и Кай. Но я ни в чем не уверена! У меня не было возможности оглядеться, пока мы с тобой убегали. — В ее голосе слышалось напряжение и плохо сдерживаемый страх.

— Три Червя гнались за нами, один выпрыгнул из-под земли! — Лиара лихорадочно цеплялась за мысли, заставляя себя сосредоточиться, какой угодно ценой, чтобы не подпускать близко панику. — Итого: пять Червей, а здесь только четыре!

— Надеюсь, Алеор смог удержаться на пятом, — Рада тревожно вглядывался в гребни холмов, положив ладонь на рукоять меча. — Я видела только, как от удара переломился его трезубец.

— Великая Мать, убереги остальных! — зубы во рту выстукивали дробь, и слова срывались с губ с трудом, но Лиара всю свою веру, всю надежду вложила в эту мольбу. — Может, они спрыгнули с другой стороны?

— Может, — без какой-либо уверенности в голосе бросила Рада.

— Что нам делать? — Лиара уставилась на нее. У нее самой не было ни единой мысли.

— Надо лезть на Червя, — проворчала Рада. — Это единственный шанс. Иначе мы отсюда не выберемся.

Вдруг прямо за ее плечом из-за гребня ближайшего холма показалось громадное тело Червя. Он свистнул и ринулся вниз, двигаясь быстрее катящейся с горы лавины. Лиара закричала во всю глотку, бросаясь в сторону и утягивая за собой Раду. Только что-то привлекло ее внимание, и поначалу, из-за бешено колотящегося сердца и пропитавшего ее насквозь липкого страха, она даже не поняла, что. А потом закричала еще раз, уже от радости. На спине Червя на коленях сидел Алеор, держась обеими руками за вбитый в его тушу почти что по рукоять меч. Поперек спины Червя растянулся на животе Кай, протягивая к ним свою каменную руку.

Следом был рывок, и Лиара буквально зависла в воздухе. Никогда она еще не ощущала ничего подобного. Все тело обвили шнуры покалывающей кожу энергии, ноги оторвались от земли. Она не могла двинуться, не могла пошевелиться, и могучая сила подняла ее вверх, в воздух, перенесла прямо на спину бешено несущегося вперед Червя. И отпустила.

Лиара охнула, ударившись грудью о жесткую шкуру, судорожно вцепилась пальцами в ее складки, чтобы удержаться на месте. Рядом послышалось тяжелое дыхание Рады; она точно также растянулась на Черве буквально в метре от Лиары.

— Сейчас заберем остальных и уходим отсюда! — прокричал Кай. Глаза его полыхали чернильной тьмой, и Лиара чувствовала энергетические потоки, оплетающие все его тело. — Держитесь крепче!

Упрашивать два раза ее явно не стоило. Напрягая последние силы, Лиара держалась за Червя, поминутно врезаясь грудью в его твердую шкуру. Этот Червь был еще крупнее предыдущего, но ее все равно немилосердно подбрасывало, скорее всего, из-за скорости, на которой Алеор гнал тварь.

Червь пошел по дуге, обходя рвущих тело погибшего собратьев. С восьмиметровой высоты его спины Лиара видела три крохотные фигурки, которые удирают прочь по снегу от схватки. Впереди как угорелый несся медведь, за ним спешил Редлог, последней, поскальзываясь и падая в сугробы, ковыляла Улыбашка.

Кай крикнул, и Лиара ощутила, как пространство идет волнами от энергетических

потоков. Все трое хоть и были далеко, взлетели в воздух, а Червь, которым правил Алеор, понесся прямо к ним. Еще несколько секунд спутники барахтались подвешенными между небом и землей, а затем с тяжелыми вскриками попадали на широкую спину твари позади Рады с Лиарой.

Лиара зажмурилась, чувствуя, как сотрясает все тело дрожь. Это было слишком для нее, все происходило слишком стремительно, чересчур быстро. Хвала Великой Матери, пока что все они были живы и невредимы, но они еще и не выбрались из проклятых Пустых Холмов.

Я должна сделать хоть что-нибудь! Ведь я же могу! Я должна помочь! Невероятным усилием воли Лиара заставила себя закрыть глаза и не смотреть на рычащих и беснующихся над поверженной тушей Червей за их спинами, не слышать громкого свиста новых приближающихся тварей, оттолкнуть от себя прочь тревоги, страхи и все, что не давало ей вздохнуть, сжимая кольцами грудь. Это было сложно, очень сложно, особенно здесь. Рядом орала Улыбашка, рычал Жужа, в истерике что-то выкрикивал Редлог. Ее немилосердно подбрасывало на спине Червя, колотило об его жесткие складки, и большая часть сил уходила только на то, чтобы удерживаться на нем верхом и не сползть в сторону. Но она должна была хоть что-то сделать. Невыносимо было не иметь возможности ничем помочь друзьям.

Постепенно тишина пришла, очень медленно, неохотно, но Лиара смогла подцепить ее самыми кончиками пальцев. Ринувшись в нее с головой, Лиара растворилась сознанием в пространстве, используя свои эльфийские силы.

В первый миг это было настолько страшно, что она отшатнулась прочь и едва не потеряла контакт. Ослепленный болью и яростью Червь несся вперед, а прямо под ним, под не слишком уж и толстым слоем снега и земли, кишело целое море других тварей. Лиара заставила себя ощутить все это, стать этим. Тысячи тысяч коридоров, пустот, тоннелей, по которым двигались, проталкивая себя вперед, мясистые белесые тела.словно кишащий червями труп, земля была изрыта, перекопана на многие сотни метров вниз, она шевелилась под ними, как живая. Лиара видела, как Черви набрасываются друг на друга в слепой ярости, как они стремятся вверх, ощущая дрожь земли от движения собратьев, и двигало ими лишь одно — голод, тупой голод, который, казалось, не могло утолить ничто.

А еще ниже под червоточинами бесконечных тоннелей было то, что Алеор, скорее всего, и называл Гнездом. Громадная яма, в которой содрогалась масса жирных личинок, омерзительное зловоние, от которого Лиару передернуло, и слабость растеклась по всему телу, отчего держаться на шкуре твари стало еще сложнее.

На несколько мгновений она вернулась обратно в тело: чтобы подышать и немного прийти в себя. Сейчас контакт с сознанием земли был не только физически трудно осуществимым, от него ее еще и воротило, как ни от чего и никогда в жизни. Но нужно было что-то делать, нужно было как-то помочь Алеору. Лиара чувствовала, насколько он изможден. Эльф все силы свои отдал, заставляя Червей повиноваться воткнутому в их тело оружию, с помощью которого он ими и управлял. И сейчас Алеор налегал на рукоять меча из последних сил, едва не падая без сознания навзничь.

Ты должна сделать это. Как бы омерзительно это ни было.

Глубоко вздохнув, Лиара вновь закрыла глаза и слилась с сознанием Червя, на котором они сейчас ехали.

Тварь была тупой, голодной, пустой, словно старый пыльный чулан. В ней не было ни проблеска мысли, ни искры стремления, ничего, только глодающий ее изнутри голод. Лиару

едва не затопило серой волной равнодушия, пустоты и беспросветности, но она цепко удержалась за золотой комочек в собственной груди, точно так же, как некоторое время назад держалась за Раду.

Превозмогая отвращение, она заставила себя слиться с Червем сильнее. Где-то там под толстой шкурой и непробиваемым слоем жира оплетали все его тело нервные окончания. Мозга у твари не было, казалось, что она вообще состоит только из одного лишь голодного рта, но у нее было некое подобие позвоночника, позволяющего Червю гнуться в разные стороны, делая его очень быстрым и стремительным. Глубоко вздохнув, Лиара слилась с этим позвоночником, погружая сознание в нервные окончания.

Червь содрогнулся всем телом, и в ответ пришел толчок, бывший его попыткой освободиться от ее влияния, но такой слабый и равнодушный, что Лиара с легкостью погасила его. Нашарив необходимые сети нервов, отвечающие за движение, Лиара глубоко вошла в них и взяла на себя управление телом твари.

Это было трудно, по-настоящему сложно. Даже у такого примитивного создания отвечающие за процессы движения нервные окончания представляли собой разветвленную, сложную сеть, прикрепленную к мышцам и присоскам под брюхом, контролирующую сгибы всей туши, которые позволяли ей двигаться плавно. В первый момент Лиара совершенно растерялась, и Червь с пронзительным визгом зашатался, а друзей на его спине начало швырять из стороны в сторону. Лиара ощутила резкий укол боли в том месте, где позвоночник Червя переходил в пасть — это Алеор пытался что-то сделать, вращая лезвием меча в его туше.

— Вынь меч! — с трудом крикнула Лиара, колеблясь между своим собственным телом и телом Червя. Это было сложнее, чем балансировать, стоя обеими ногами в седлах двух скачущих галопом лошадей. — Вынь меч, Алеор! Я поведу Червя!

— Что?! — прорычал не услышавший ее эльф.

— Она говорит, чтобы ты вытащил меч! — громче крикнула Рада, помогая ей. Внятно говорить Лиара сейчас не могла. — Говорит, она сама поведет Червя!

— Как? — рявкнул Алеор.

— А я почему знаю? Просто вытащи проклятый меч!

Несколько секунд Алеор еще колебался, а затем колючая игла в спине Червя исчезла, и Лиара моментально сжала его нервные узлы в железных тисках.

Сосредоточившись и абстрагировавшись вообще от всего, она принялась разбираться с тем, как именно у твари функционируют нервные окончания. Спутанные, как клубок пряжи, в которой поработал котенок, нервы представляли собой пульсирующие молниями узлы, и Лиара лихорадочно искала, искала среди них нужные. Отстраненно она заметила, что Червь начал замедляться, почти останавливаться, но сейчас это не имело значения. Если ей все удастся, если она справится, то ничто уже не будет им угрожать.

Наконец ухватив необходимые цепочки нервов, Лиара сжала их и погнала тварь вперед. Червь резко рванул с места, так быстро, как только мог. Лиара быстро изучила все его тело: никаких повреждений, кроме доставляющей неудобства раны в середине спины, у него не было. Подумав, она отключила рецепторы, отвечающие за боль в спине Червя, и тварь сразу же расслабилась, перестав ощущать дискомфорт.

— Что она делает? — звучал за ее спиной голос Улыбашки. — Рада, что происходит?

— Я не знаю, — сосредоточенно отозвалась Рада, но в голосе ее звучала уверенность. — Кажется, она управляет Червем. И она справится.

Лиара мысленно улыбнулась, ощутив вспышку нежности в середине груди. Рада верила в нее, несмотря ни на что, даже когда она сама уже в себя не верила. И это значило очень много, гораздо больше, чем она могла представить себе всего-то год назад.

Оттолкнув прочь все, что сейчас могло отвлечь ее от движения Червя, Лиара полностью погрузилась в него. Она не намеревалась больше оказаться на земле, рискуя своей шеей, тем более тем способом, которым они это уже дважды проделали. Смутно она ощущала ноющую боль буквально во всем теле, чувствовала все свои синяки и ссадины и не была уверена в том, что следующее падение вообще переживет. Потому этого Червя следовало сохранить до самого конца Пустых Холмов, не дать ему подохнуть по дороге и увести прочь от возможных засад других тварей.

Я справлюсь. Я смогу.

Теперь внутри было ледяное спокойствие. Лиара больше не тревожилась ни о чем, смутно ощутив руки Рады, которые бережно удерживают ее на спине Червя. Погрузившись в пространство, она принялась отыскивать им безопасный путь вперед.

Это было очень странно, так Лиара еще никогда не делала. Раньше она могла лишь погрузить свое собственное сознание в пространство вокруг себя, ощущая одновременно и пространство, и собственное тело. Теперь ей пришлось расщепить сознание на три рукава. Один управлял Червем, стимулируя все нервные процессы, благодаря которым тот двигался вперед. Второй не позволял погибнуть ее собственному телу, сохраняя дыхание, сердцебиение, кровообращение и даже некое подобие сознания. Во всяком случае, Лиара чувствовала руки Рады, которые поддерживают ее, жесткую шкуру Червя под собой и даже слышала обрывки фраз друзей. Третий щуп сознания слился с земной твердью в поисках безопасного пути, обшаривая землю вокруг них и позволяя еще заранее ощутить приближающихся преследователей.

Это было так же сложно, как жонглировать двумя кольцами разноцветных шаров, стоя на одной ноге. Лиара отстраненно чувствовала, как остывает ее тело в руках Рады, становясь все холоднее и холоднее по мере того, как сознание внутри Червя и земли крепло. Фактически, она сейчас видела весь мир с трех разных ракурсов: своего тела, тела Червя, тела земли. Мелькнула шальная мысль, относящаяся к воспоминанию о переходе через Землю Огня: Если бы у меня сейчас было ТО чувство мира, если бы все было едино мне было бы гораздо легче. Но Лиара не знала, как вернуть то состояние, как заставить тело физически слиться со всеми остальными телами, а потому пока приходилось довольствоваться тем, что она имела сейчас.

Странность заключалась во взгляде сразу же с трех точек. Лиара видела землю насквозь и при этом изнутри, она чувствовала тысячи Червей, которые скользили по тоннелям под ее поверхностью в поисках еды. Те, что были выше других, чуяли приближение их Червя и бросались наперерез. Тогда она заставляла его резко свернуть в сторону, описать дугу, ускориться, чтобы проскочить опасную зону.

Впрочем, все имело свои пределы, в том числе и Червь. Тварь, на спине которой они сейчас сидели, была одной из самых крупных, что водились здесь: длиной около пятидесяти метров, в диаметре чуть больше восьми метров. В обычных обстоятельствах мало кто из собратьев решил бы бросить ему вызов, слишком уж велика была тварь. Но сегодня произошло уже чересчур много вещей, растормошивших и разбудивших слепых обитателей тоннелей. Обычно Черви не пытались покинуть свою собственную охотничью территорию, предпочитая отсиживаться в норах и поджидать нерадивых мелких сородичей, слишком

глупых или медлительных, которым не повезло оказаться поблизости от их логова. Вот только за это утро уже около десятка Червей выбрались на поверхность, покинув свои охотничьи угодья, ведомые голодом и яростью, и за их счет многие более хитрые собратья успели поживиться.

Оттого в глубине земли царило настоящее оживление. С каждой минутой все больше и больше Червей начинало пробиваться к поверхности, чувствуя присутствие добычи. Многие из них сцеплялись друг с другом, другие затаивались, поджидая сородичей и атакуя в неожиданный момент. Часть тварей все-таки добиралась до поверхности и пускалась в погоню за путниками, но пока еще догнать их не удалось ни одному, а ловушек и засад под холмами Лиаре удавалось избегать за счет погруженного в тварь сознания.

С другой стороны, и Червь, на котором они ехали, каким бы сильным и крупным ни был, но все-таки был живым существом. Он был голоден, а это означало, что запас сил его ограничивался той энергией, что уже успела скопиться в толстом слое жира под шкурой. Сердце Червя, огромное и круглое, едва ли не с Лиару целиком, гоняло и гоняло по пронизывающим его тело сосудам кровь, но колотилось оно уже на самом пределе возможностей. Лиара специально несколько раз проверила, равномерно увеличивая скорость движения Червя и снижая ее. У этой скорости был предел, после которого неминуемо должен был произойти разрыв внутренних органов, и Лиара предпочла несколько замедлить Червя, чтобы сберечь хотя бы часть его сил в случае необходимости в резком рывке.

К тому же, рана, нанесенная Червью черным клинком Алеора, беспокоила его, даже не смотря на то, что чувствительность в тканях Лиара полностью сняла. Червь не ощущал боли или дискомфорта, но кровь продолжала вытекать из раны при его движении вперед, а вместе с ней он терял и силы. Клинок эльфа пробил толстый слой жира и лишь самым кончиком царапнул по позвонкам, но и этого оказалось достаточно. Некоторые нервные окончания на спине твари оказались полностью повреждены, чем сильнее Лиара заставляла его рваться вперед, тем больше разрасталась рана, а сеть импульсов-вспышек, бегущих по его телу, мерцала все слабее и неувереннее.

В конце концов, ей пришлось позволить Червью двигаться медленнее. Вариантов-то у них не было. Или останавливаться и на свой страх и риск пережить и пересаживаться на другого Червя, или постараться сохранить этого живым как можно дольше. Поколебавшись, Лиара выбрала второй вариант, и теперь сосредоточилась на том, чтобы максимально быстро и безопасно провести его через Пустые Холмы.

Холм за холмом Червь преодолевал с завидной прытью, а погруженное в пространство сознание позволяло Лиаре избегать ловушек. Некоторые Черви пытались подстроиться под его скорость движения и начинали двигаться по тоннелям под землей, стремясь догнать его и поднырнуть под брюхо. Только через породу они двигались все-таки медленнее, чем ползущий по поверхности снега Червь, а потому Лиаре удавалось обходить их, обгонять, понукая Червя и заставляя того двигаться быстрее, и вновь притормаживать его движение.

Отстраненно она ощущала свое тело. Сейчас оно лежало в ладонях Рады, откинувшись назад и невидящими глазами глядя в небо. Лиара чувствовала свои холодные руки и ноги, из которых медленно отливала кровь, и они все больше немели, становясь ватными и непослушными. Тело с каждой минутой ощущалось все более чужим: словно какая-то тряпичная кукла, которая Лиаре вовсе и не принадлежала.

Беспокойство укололо в груди. Что будет, если она слишком долго пробудет сознанием

внутри Червя? Может ли этот период времени быть чересчур длительным, чтобы она не смогла вернуться обратно в тело? А даже если она и сможет вернуться, что будет с ногами? Что если чувствительность в отмороженных конечностях уже не вернется к ней?

Не отвлекайся. Как только вы окажетесь в безопасности, будешь об этом волноваться. Но пока еще рано.

Вот только тело продолжало слабеть, и слабело все быстрее, а внутри Лиары заскреблась уже настоящая тревога. Дыхание начало сбиваться, становясь все тише и тише. Лиара попыталась вернуть его, усилив свое присутствие в теле, но тогда уже Червь содрогнулся и заревел, ощутив, как спадает ее власть над ним. Да и дорога, ощущение пространства, через которое они двигались, как-то потускнело, размылось.

Нет, так не получится. Нужно что-то еще. От одного придется избавиться.

Поколебавшись, Лиара прервала контакт с пространством, оставшись лишь в Черве и в собственном теле. Стало немного легче, ее собственное дыхание выровнялось, хоть и не вернулось до конца. Тело чуть-чуть потеплело, она ощутила, как кровь вновь устремляется в задубевшие конечности. Это ненадолго. Мне все равно придется вернуться, так или иначе. Два тела я держать не смогу.

Сосредоточившись на своих собственных губах, Лиара попыталась заставить их заговорить. Только вот поначалу ничего не получилось, и они лишь едва-едва зашевелились, не издав ни звука. Как будто со стороны она видела тревожное лицо Рады, склоняющееся над ней. Продираясь сквозь толстый слой ваты, который теперь вырос между ней и ее собственным телом, Лиара заставила себя говорить. Чувство походило на то, будто она надувает кузнечные мехи-легкие, выпуская из них воздух. Нужно было следить и за тем, чтобы голосовые связки в горле напрягались, позволяя выдоху превратиться в слова. Я никогда даже не представляла того, как это сложно!

— Рада... — ее голос был едва слышным, но на этот раз Рада его услышала.

— Что? — она моментально склонила ухо к самым губам Лиары, вслушиваясь в ее шепот. — Что ты говоришь, искорка?

— Возьми... на себя... управление Червем, — Лиара выбивалась из сил, удерживая Червя от того, чтобы двинуться куда ему вздумается, и направляя его напрямик на запад. — Я... не могу... больше...

— Сейчас! — резко кивнула Рада. — Держись!

Лиара ощутила, как Рада бережно передала ее тело в руки Улыбашки. Шершавые ладони гномихи с материнской нежностью обняли ее, и Лиара почувствовала легкий укол грусти, что больше не чувствует прикосновений Рады. Сама Черный Ветер, покачиваясь, встала, обошла растянувшегося плашмя на Черве Алеора, который прикрыл глаза и судорожно дышал, восстанавливая силы, вытащила меч из ножен и с силой вбила его в то же место, где у Червя уже была рана.

Молниеносная вспышка боли вышвырнула Лиару из тела Червя. Она вышла слишком быстро, рывком, и сразу же закричала сама, когда сознание ухнуло в тело, словно кирпичей прямо в грудь навалили. Следом за этим пришла судорога, сжавшая онемевшие руки и ноги, и Лиара застонала, выгнулась в руках гномихи, когда боль, словно от ожога, выкрутила все ее мышцы.

— Что с тобой, Светозарная? — с тревогой вскрикнула Улыбашка, оглядывая ее. — Чем мне помочь? Скажи!

Только Лиара даже ответить не могла, сотрясаясь и сотрясаясь от боли, немилосердно

терзающей каждый кусочек ее тела. Агония длилась, казалось, бесконечно, и прошли тысячелетия до тех пор, пока боль начала отступать. Сердце в груди колотилось с такой силой, словно готово было лопнуть прямо сейчас, дыхание сбилось, голова пошла кругом.

— Искорка! — донес до нее ветер голос Рады. — Что с тобой? Что происходит?

Соберись!

Судорожно вздохнув, Лиара сфокусировала взгляд на затененном тревогой лице гномихи:

— Помоги мне встать! Мне нужно к Раде!

Язык во рту едва шевелился, комкая слова, и Лиаре приходилось напрягать все силы, чтобы проталкивать их через стучащие друг о друга зубы. Впрочем, боль все быстрее тускнела, отступая прочь и оставляя после себя тупое ноющее ощущение. К нему прибавились синяки и ушибы, полученные ей, когда она в прошлый раз свалилась с Червя, но это было гораздо лучше, чем чувствовать, как собственное сердце едва не лопається от натуги.

— Сейчас! Я помогу! — выдохнула Улыбашка.

Лиара ощутила, как ее тянут вверх под руки, и с трудом встала на подкашивающихся ногах. В голове шумело, перед глазами то и дело все темнело, и ей приходилось часто моргать, чтобы видеть хоть что-нибудь. Солнце впереди них почти что закатилось за горизонт, вися самым краешком над грядой холмов. Мы почти выбрались! Алеор сказал: до темноты. Еще немного!

Опираясь на гномиху, Лиара несмело прошагала вперед по дрожащей под ногами шкуре Червя и почти упала на стоящую на коленях Раду, обнимая ее и наваливаясь ей на спину всем своим весом. Сквозь вонь белесой крови и бьющий в лицо ледяной ветер пробился ее запах, мягкий, терпкий, родной. Лиара закрыла глаза, вбирая его в себя и находя в этом силу. Рядом с ней было легче, гораздо легче.

— Искорка? Что с тобой? — тревожно бросила Рада через плечо, не отпуская рукоять меча.

— Я поведу тебя, — тихо проговорила Лиара, укладывая голову ей на плечо и закрывая глаза. Сил у нее почти не осталось. — Я буду говорить, куда сворачивать.

— Хорошо! — отрывисто бросила та. — Держись! Немного осталось.

Лиара была настолько обессилена, что почти что сползала по спине Рады, и поддерживающие ее под спину руки гномихи пришлось как нельзя кстати. Стоять я бы точно не смогла, мелькнула в голове лишняя мысль, и Лиара устало отогнала ее прочь. Навалившись на спину Рады, она прикрыла глаза, сливаясь с пространством.

Сейчас было не так сложно: ей не нужно было управлять Червем, поддерживать свое тело. Воздействовать на живую материю оказалось гораздо сложнее, чем на неживую, Лиара даже не думала, что это отнимет у нее столько сил. Теперь нужно было просто погрузиться в землю и вести их так, чтобы не попасть в засаду. Выдохнув, Лиара растворилась в пространстве, отслеживая их путь.

И сделала она это очень вовремя: прямо за следующим холмом подстерегал Червь.

— Вправо! — приказала она, заставляя свое тело говорить громко и внятно, и ощутила щекой, как напрягается Рада, наваливаясь на клинок.

Червь летел вперед, преодолевая холм за холмом. Еще некоторое время им приходилось постоянно вилять из стороны в сторону, чтобы не наскочить на притаившихся в логовах нападающих. Лиара целиком и полностью ушла сознанием в землю, чтобы успеть вовремя

предупредить Раду о смене направления, потому и не сразу заметила, что местность несколько изменилась.

Теперь все Черви, что подстерегали их, были гораздо меньше по размеру, и многие из них даже не рисковали выбираться из земли, чтобы атаковать крупного соплеменника. Да и логова встречались все реже и реже, отстоя друг от друга на большие расстояния. Лиара заставила себя чуть-чуть поднапрячься и войти глубже в землю, чтобы убедиться в правильности своих ощущений. Гнездо осталось далеко позади, червоточин в земле теперь было меньше, да и по размеру они были не глубокими и короткими, все почти что у самой поверхности.

Силы оставляли ее все быстрее, и в конце концов Лиара вынуждена была прервать контакт с пространством, оставшись лишь в своем собственном теле. Руки и ноги почти полностью потеряли чувствительность, она тряпкой повисла на спине Рады, не способная даже держаться за нее. Только руки страхующей ее Улыбашки не позволяли Лиаре сползти на шкуру Червя, а может, и с него на землю.

— Как ты? — напряженно спросила Рада. Голос ее дрожал от усилия. — Что с тобой, искорка?

— Сил... нет... — почти что выдохнула она, все-таки сползая с ее спины совсем и растягиваясь поперек шкуры Червя на животе.

Теперь под щекой была его жесткая как дерюга, вонючая шкура, но Лиаре уже было все равно. Невидящими глазами она наблюдала за тем, как проносится снег в стороне от них и под ними, как летят мимо гребни холмов, как медленно остывает перед ночью зимнее небо. Ладони Улыбашки переместились ей на спину, одна из них просунулась под лямки узлов на спине и крепко сжала их.

— Я держу ее, Рада! Похоже, у нее совсем сил нет! — прокричала Улыбашка над ее головой.

— Она в сознании?

— Да! Во всяком случае, глаза открыты!

Внутри поднялось желание что-нибудь ответить ей, подбодрить Раду, сказать, что все в порядке, но Лиара поняла, что сделать она это не сможет. Отупевшая и пустая, высосанная до самого доньшка, она лежала и только смотрела, смотрела в холодное зимнее небо. По краю оно все еще отливало морозной зеленью, но глубина начинала наливаться цветом. Зимнее небо всегда чернее летнего, и звезды в нем холодные-холодные, словно лед. Кажется, что оно твердое, если попытаешься коснуться его рукой. Лиара медленно моргала, чувствуя, как наливаются свинцовой тяжестью веки. Вот бы хоть раз подняться туда! Интересно, можно ли долететь до самых звезд и порезаться об их колючие края?

— Кажется, Червь сейчас подойдет! — долетел до нее напряженный голос Рады, выдергивая из грез обратно в изможденное тело. — Не знаю, сколько еще он продержится!

— Будем прыгать? — хрипло крикнул в ответ Алеор. Голос его звучал хоть немного, но тверже. Видимо, часть своих сил эльф восстановить смог.

— Я попробую остановить его, чтобы мы смогли спуститься! Кай! — Рада рявкнула еще громче, до хрипоты напрягая связки. — Спусти Лиару на землю с помощью своих сил! Сама она не сможет, а я сейчас просто не подниму ее!

Ветер донес слабый утвердительный ответ ильтона. Смутно, сквозь начавшую обнимать ее теплую пелену, Лиара ощутила, как начал притормаживать Червь. Движения его становились все более конвульсивными, все более рваными. То он рвался вперед,

напрягая все мышцы, то вдруг на миг почти что замирал, и путников сильно швыряло на его спине в обе стороны.

Жесткая шкура под щекой неприятно колола кожу лица, но у Лиары не было сил даже на то, чтобы поднять голову и попытаться устроиться поудобнее.

— Надо прыгать, Рада! — вновь крикнул Алеор. — Иначе он может нас всех раздавить под собой!

— Хорошо! — отозвалась та.

Лиара вдруг ощутила энергетические потоки, которые властно, но очень бережно, обхватили ее со всех сторон и подняли в воздух. Движение сразу же прекратилось, и она зависла в пространстве в той же позе, что лежала на спине Червя, балансируя ни на чем. Это было даже странно, настолько странно, что немного привело ее в себя, и она смогла разглядеть, что происходит вокруг.

Червь, на котором они ехали, в облаке снега и грязи унесся вперед, испустив там громкий протяжный свист. На мир уже легли сумерки, видно было не слишком хорошо, но Лиара все-таки разглядела, как содрогается его тело, как он вдруг сворачивается в жесткий клубок и кубарем катится вперед, преодолевая инерцию движения. Рухнув в снег плашмя, тварь еще несколько раз громко взвизгнула и безвольно вытянулась в снегу.

На мир пала тишина, такая странная, такая непривычная. Легкие порывы ледяного ветра тормозили волосы Лиары, никак не пуская ее в грезы. Тело надежно покоилось в невесомой колыбели из энергетических жгутов, и она расслабилась, позволяя себе больше ни о чем не тревожиться. Потом ее очень медленно, очень осторожно спустили вниз, прямо на снег.

Со вздохом Лиара вытянулась в сугробе, уже не в силах реагировать ни на что. Отстраненно она ощущала, как жжет кожу раскаленное прикосновение снега, как он просыпается за шиворот и за рукава, быстро тает, ледяными струйками затекая под одежду. Все это было каким-то очень далеким, происходило будто бы и не с ней.

Потом были руки Рады, руки, которые она узнала бы всегда и везде. И ее голос, хрипловатый, полный усталости и такой невыразимой нежности:

— Все, маленькая моя, выбрались! Выбрались, мое счастье!

Лиара мягко улыбнулась ей, чувствуя, что больше она не способна сделать ничего. А потом золотой свет затянул ее, мягко обнял со всех сторон и пропитал насквозь, уводя в далекие грезы, полные покоя и тишины.

===== Глава 12. Щит от кошмаров =====

В доме из снега, точно таком же, как мастерил Кай, когда они только искали логово Редлога на другой стороне Эрванского кряжа, было тепло и уютно. Ветра не могли пробиться сквозь его толстые стены, да и холод тоже отступил прочь, отогнанный жарким энергетическим пламенем, которое разжег в центре помещения ильтовец. Дров здесь никаких не было, жечь они ничего не могли, потому Каю пришлось поддерживать пламя при помощи Черного Источника. С одной стороны, это было плохо: он не отдыхал, постоянно пропуская через себя и контролируя мощь, вращающую миры. С другой стороны, если бы этого пламени не было, они все замерзли бы насмерть посреди ледяной пустыни.

Рада клевала носом, сидя возле самого костра на расстеленном под ней одеяле. Кай протопил и землю, прогрел ее, выгнал из нее лютую стужу, и теперь прямо под ладонью Рады торчала бурая, ссохшаяся за зиму трава, совсем коротенькая. Вряд ли здесь могло прорасти что-то более серьезное: снующие под землей Черви только и делали, что без конца перекапывали и перекапывали грунт, и травы не могли запустить свои корни достаточно

глубоко в землю и уж тем более не успевали набраться сил и вытянуться к небу. Но все равно видеть траву было странно, ведь еще буквально какой-то час назад вокруг был только снег глубиной едва не по пояс Раде. Да и стены созданного Каем дома тоже были ледяными. От тепла внутри помещения они слегка подтаяли, и теперь по ним сбегали мокрые дорожки слез.

Впрочем, все это уже несколько не волновало Раду. Единственное, чего ей сейчас хотелось, это упасть лицом на землю и уснуть, и чтобы следующие несколько дней ее не трогала ни одна живая душа. Даже голод в почти что прилипшем к спине животе ощущался чужим. Она все силы отдала, все, до самой последней капельки, болтаясь как мешок с сеном на спине Червя и пытаясь заставить его двигаться в нужном ей направлении. И теперь ее интересовал только сон, но перед этим все равно нужно было поесть. Рада знала, что если свалится спать сейчас, пробуждение будет не из приятных. Пустое брюхо начнет глотать само себя, и она рискует заработать себе проблемы со здоровьем, которые ей сейчас были совершенно некстати.

На ее коленях, свернувшись в клубочек, лежала Лиара. Глаза ее были полуоткрыты, зрачок остановился, не двигаясь и не реагируя на свет. Она медленно дышала, и Рада чувствовала, как приподнимаются плечи под ее ладонью, оберегающей сон искорки. Грезы, поправила она себя, не сон. Имело ли это большое значение? Ее девочка намучилась, едва ли не больше, чем все они вместе взятые, вложив в эту поездку всю себя, и теперь буквально отключилась, перестав реагировать на что-либо.

Она казалась Раде сейчас особенно хрупкой и беззащитной. Все ее лицо было в саже, так и не сошедшей после Земли Огня. На щеках виднелись царапины, синяк расползлся на скуле от неудачного падения со спины Червя на землю. Ее рот был приоткрыт, и Рада видела чересчур розовые десны: видимо, от удара искорка разбила внутреннюю сторону губ, и кровь окрасила рот.

Такая маленькая. Собственная широкая, разбитая долгими годами работы с оружием ладонь казалась Раде огромной на этом аккуратном плечике, худом и каком-то слишком острым. Ладонь сама двинулась вдоль ее шеи, побеспокоив спутанные кольца запыленных кудряшек, пальцы принялись перебирать их кончики, пружинящие назад. Рада рассеяно улыбнулась. Волосы искорки были темными, но эти самые кончики завитушек отливали рыжиной и на солнце всегда казались золотыми. Пропитанная светом, солнечная моя девочка. Лучик, отколовшийся от неба и бродящий по земле. Всю жизнь мою ты осветила ярче тысячи звезд, все мое сердце в твоих маленьких ладошках.

Она прикрыла глаза, тихонько поглаживая волосы искорки и сберегая ее сон. Так хотелось уже покоя и тишины. Так хотелось выйти из этого жестокого края, оставить далеко позади преграды, испытания, боль. Хотелось искорку, танцующую и смеющуюся, раскидывающую руки в небо где-нибудь на зеленых лугах. Хотелось ее, бродящую босяком по росе, собирающую полевые травы и вплетающую их в свои волосы. Хотелось ее, окутанную загадочным туманом летней ночи, с глазами-озерами глубже полночи, поющую прозрачным речным ручьем песни, от которых сердце Рады всегда сжималось в одну болезненную, саднящую точку, а по венам тек золотой мед нежности и какой-то немислимой, солнечной красоты.

— И что у нас по программе дальше, Алеор? — хриплый голос Улыбашки заставил Раду вздрогнуть, и она поняла, что придремала, низко наклонившись над искоркой и клюя носом. — Куда ты нас потащишь завтра?

Рада вскинула голову и заморгала, вновь привыкая к яркому свету. В глаза будто песка набили, они слезились, сфокусировать зрение было тяжело. Да и голова кружилась, тянула вниз, каменная и тяжелая. Как же я хочу спать!..

У огня сейчас сидели Кай, Алеор и гномиха, причем последняя то и дело помешивала длинной ложкой в котелке, который висел прямо в воздухе над пламенем. Вид у всех троих был сумрачный и вымотанный до предела. Лицо Алеора посерело, скулы заострились, а подбородок в играющих тенях от костра выглядел еще более длинным, чем обычно. Улыбашка возле него слишком часто моргала, словно только это и не давало ей упасть лицом вперед и уснуть. Над правым глазом у нее была длинная окровавленная ссадина, набухающая в фиолетовый синяк. С другой стороны от нее сидел Кай с изможденным лицом и черными глазами. Все это время он поддерживал пламя, обогревал помещение, следил за тем, чтобы воздух выходил из него наружу, чтобы они не задохнулись... Одним словом, он совершенно точно не отдыхал и работал ровно столько же, сколько и они.

Редлог с медведем уже спали, привалившись друг к другу у дальней стены помещения. Мародер наотрез отказался от еды, заявив, что успеет набить желудок утром, а сейчас им с Жужей нужен сон. Учитывая, что за целый день пути верхом на Червях они все успели уже вдоволь послушаться и его причитаний, и рева медведя, спорить с ним никто не стал. Раде вдруг пришло в голову, что если бы Жужа попробовал сейчас издать еще хотя бы звук, она бы голыми руками его придушила.

На вопрос Улыбашки эльф отреагировал не сразу. Он словно впал в оцепенение от усталости, тупо глядя в пламя, и только когда она окликнула его во второй раз, рассеяно взглянул на нее в ответ:

— Дальше Серая Гниль, Улыбашка, — с трудом разжав губы, отозвался он. — Но об этом мы поговорим завтра утром. Сейчас я просто не в состоянии.

Гномиха в ответ только слабо кивнула и замолчала. Ей и самой, похоже, не слишком-то хотелось общаться.

Казалось, прошла целая вечность до тех пор, пока приготовился их ужин. Алеор настоял, чтобы они поели горячего: крепкой каши с нарубленной туда солониной и сушеными овощами. Рада, в общем-то, против не была, особенно, когда живот отяжелел, перестав урчать, и приятное тепло отогрело все тело. Теперь уже сон набрасывался на нее с таким остервенением, что сил сопротивляться не было. Аккуратно переложив искорку со своих колен на одеяло, Рада улеглась рядом с ней. Лиара даже не проснулась, пока ее передвигали.

Общую залу гостиницы наполнял полумрак. Рада не могла понять, почему так темно, ведь на столах стояли разожженные свечи, да и масляные лампы висели под потолком, и их было достаточно, чтобы осветить все помещение. Однако свет был каким-то размытым, серым, тусклым, будто всю силу выжали из него. Будто он просачивался через грязное слюдяное стекло, покрытое разводами и пузырьками воздуха. Рада бросила взгляд на окно: там было хмурое темное небо, небо без солнца.

Она сидела за столиком одна, и перед ней была тарелка с какой-то снедью, кружка с какой-то жидкостью. И то и другое на вкус отдавало золой, скрипело на зубах, словно пересыпанное песком. Соображать было сложно, очень сложно, но она отложила вилку прочь, решив не притрагиваться к еде.

Где я? Смутное чувство опасности окружало ее, плотное и тяжелое. Оно давило на грудь, на голову, и резкий запах, холодный, как острие клинка, неприятный, как в логове

хищника, наполнял ее ноздри, заставляя нервничать. Рада знала, что ей нужно уйти отсюда, она знала, что нужно бежать.

Она встала на ноги, и в тот же миг возле стола возникла женщина. Рада моргнула, сквозь забившую сознание пелену узнавая Лиару. Это ведь Лиара, да? Она? Ее образ постоянно расплывался перед глазами, его было так сложно уловить. Невысокая, кудрявая, хрупкая, одетая в какое-то странно-блеклое серое платье. Рада с трудом потерла лоб, не понимая, что же идет не так. Что-то не то было с лицом у Лиары. Ее глаза. Холодные, злые, острые глаза со взглядом таким пронзительным, что когда он падал на Раду, ее перетряхивало всем телом.

Я должна уйти отсюда. Я должна уйти. Здесь опасно.

Рада попятилась прочь от стола. Двигаться тоже было сложно. Сумрачный свет в комнате стал еще более темным, и она вдруг осознала, что они с Лиарой уже не в общей зале. Это была маленькая комнатка под крышей гостиницы, пыльная, будто чулан. Вокруг громоздились какие-то коробки, ящики, Рада все никак не могла рассмотреть получше. Пространство вокруг расплывалось, меняло очертания. Ощущение неправильности стало сильнее.

— Что же ты все бегаешь от меня, Рада? — женщина с ледяными глазами, женщина с лицом и телом Лиары двинулась к ней навстречу, протягивая руки. Все вокруг было расплывчатым, все, кроме ее глаз. Чернильно-черные радужки в ослепительно белом белке. Их взгляд пронзил Раду насквозь, пригвоздил к стене, как бабочку прикалывает к листу пергамента тонкая булавка. — Я так хочу тебя, Рада! Я так давно жду тебя! Иди же ко мне!

Рада поняла, что не может пошевелиться, не может вздохнуть, не может даже крикнуть. Тяжелые горячие тиски обхватили все ее тело, и ледяные глаза женщины извечным голодом заглянули ей в душу. Этот голод был страшным, распахнутым, словно зев Червя, черным и пустым, как могила. Ее руки вцепились в бедра Рады, прикосновение обожгло, лишая силы к сопротивлению, не давая пошевелиться.

Невероятный прилив страха сотряс все существо Рады. Она судорожно дернулась прочь от этого создания, она попыталась вырваться, но не могла. Раскаленные пальцы срывали с нее одежду, они держали так цепко, будто когти на концах тонких лапок паука. Рада кричала, дергаясь в этой хватке, кричала что было силы, потому что знала: как только пальцы коснутся ее тела, она пропала, раз и навсегда.

— Ну что же ты так кричишь, сладкая? — губы существа, которое совершенно точно не было Лиарой, растянулись в плотоядном оскале. — Я просто поласкаю тебя, я не сделаю ничего плохого.

Воля существа обрушилась на Раду, давя ее, сминая, заставляя ее тело отвечать, хотеть, чтобы до нее дотронулись. Рада взвизгнула, чувствуя, что она не может вырваться, что она почти попала, и еще совсем чуть-чуть, еще несколько мгновений, и паук вонзит в нее свои острые когти, чтобы впрыснуть яд, от которого она распухнет, словно пойманная в силки муха, и перевариться заживо. Никогда еще она не чувствовала себя такой беззащитной, никогда еще она не была в такой опасности.

— Я теперь всегда буду с тобой, сладкая! — пообещали мокрые, кроваво-красные губы, и существо склонилось к ее бедрам, цепко удерживая ее в руках.

Рада с криком проснулась, резко сев на шерстяном плаще. В первый миг она даже не поняла, где находится, и приглушенно вскрикнула снова, решив, что это еще один кошмар. Свет был слабым и расплывчатым, как и в той жуткой общей зале гостиницы, но он был

гораздо более осязаемым, осязаемым. Маленький пучок бледного света висел под самым потолком их снежного дома, а под ним дремал Кай, завернувшись в дубленку и спрятав нос в ее высокий теплый ворот.

Рада выдохнула, чувствуя, как холодные капли пота стекают по щекам, медленно капают с подбородка. Сердце в груди колотилось как бешеное и чувствовалось горячим-горячим, как после долгого бега. Ее всю трясло.

Что это было? Рада не знала ответа на этот вопрос. Никогда еще у нее не было таких кошмаров, никогда еще она не ощущала ничего подобного. Казалось, что кто-то поймал в тиски ее душу, вывернул ее наизнанку и ковырялся в ней грязными руками, щипая, омерзительно царапая изнутри, причиняя боль и наслаждаясь этим. И это был не просто плохой сон, это совершенно точно было нападение, как атака, пришедшая извне. Что за существо напало на меня? Как оно проникло в мои сны?

А самое противное было в том, что жар в теле никуда не делся. Рада с ужасом поняла, что воля существа продолжает действовать и здесь. Внизу живота болело, неправильно, ноюще, страшно. Совсем не так, как когда ей хотелось Лиару. Плечи передернуло от страха, и Рада, проклиная на чем свет стоит и себя, и это напавшее на нее существо, выбралась из-под одеял и встала.

Больше всего хотелось на воздух, наружу из душного снежного дома, чтобы холодный ветер остудил ее и смел прочь все то страшное, что только что с ней случилось. Но Кай уже плотно утрамбовал на ночь дверной проем, а проламываться сквозь стену Рада не хотела. Не дай боги, разбудит кого-нибудь, придется объяснять, а ей сейчас не хотелось видеть никого.

Рада доковыляла до того места, где вчера был костерок, и уселась на пол, скрестив под собой ноги. На полу стоял котелок с остатками чая. Трясущимися руками, не обращая внимания на сажу, которой он оброс, Рада подняла его и жадно принялась пить, проливая часть на себя. Сердце в груди так и колотилось, вызывая тошноту, но тиски кошмара начали спадать. Осталось только омерзительно горячее желание, одновременно болезненное и приятное, и это как раз было страшнее всего. Рада отняла котелок от губ и поставила на пол, чувствуя, как выстукивают во рту дробь зубы. Великая Мать, что же мне делать? Что мне делать, если мое тело отказывается мне повиноваться?! Как мне вообще с этим справиться?

Пальцы дрожали, когда она полезла за пазуху в поисках трубки. И Рада едва на месте не подскочила, когда руки Лиары легли на плечи. Дернувшись всем телом, она тихо охнула и оглянулась через плечо. Глаза искорки рядом были теплыми и тревожными, но совсем настоящими.

— Что такое, родная? — мягкий голос, который в любое другое время утешил бы и прогнал прочь все страхи, сейчас заставил все нутро Рады сжаться от боли. Ей было стыдно, так стыдно, а за что — она даже понять не могла. Она не хотела того, что случилось, но эта тварь как-то сумела воздействовать на ее тело. И что бы было, если бы я не вырвалась из ее хватки? Рада вновь содрогнулась, и брови Лиары встревожено нахмурились. — Ты вся дрожишь. Что случилось?

— Плохой сон, — Рада отвела глаза, кое-как выживая из-за пазухи трубку и кисет.

— Расскажи мне, — Лиара мягко опустилась рядом, обнимая ее за плечи. В ее голосе было столько нежности, столько заботы, что Раду вновь передернуло.

— Не стоит, — мотнула она головой, чувствуя сейчас себя донельзя грязной, запачканной буквально изнутри. И совершенно беззащитной.

— Это всего лишь сон, моя родная, — тихо прошептала Лиара, голос ее звучал

успокаивающе. Ее пальцы двинулись было к лицу Рады, но та отстранилась, помотав головой, и неловко пробурчала:

— Искорка, я грязная как вол. В кровище этих проклятых Червей, в земле. Не трогала бы ты меня.

— Не говори глупостей, — отрезала Лиара, и ее пальцы принялись мягко разминать загривок Рады. Она подвинулась еще ближе, прижавшись к Раде боком. От этого стало чуточку легче. — Я точно в том же состоянии, что и ты. Кажется, в бане нам придется провести как минимум несколько дней, чтобы все это с себя соскрести.

В голосе ее звучало наигранное веселье, но Раде все равно было легче от одних только его ноток. Она кивнула, чувствуя, как под теплыми прикосновениями Лиары понемногу расслабляются сведенные судорогой плечи. Только вот горячая пульсация внизу живота так никуда и не делась, и от этого было очень не по себе. Великая Мать, помоги мне, молю тебя! Ты же знаешь, я не хотела этого! Я не хочу никого и ничего, кроме Лиары. Я просто не понимаю, как так вышло!

— Все хорошо, радость моя, — тихо шептала Лиара, и ее ладонь гладила Раду по голове. — Все хорошо. Ты здесь, со мной, в тишине. Совсем скоро уже мы пройдем преграды и уйдем отсюда в Данарские горы. Там уже не будет всего этого страха, не будет этой бешеной погони. Там мы сможем просто быть вместе, и никто больше нас не побеспокоит.

Рада только кивала в ответ на ее слова, сначала механически, потому уже по-настоящему, искренне. Каким-то чудом она все-таки умудрилась разжечь трубку, и горький дым отогнал прочь последние остатки кошмара, а под мягкими прикосновениями искорки растаяло и болезненное желание. Через четверть часа она уже смогла спокойно дышать, чувствуя невыносимое облегчение от того, что кошмар отступил прочь. И все-таки каждый раз сердце в груди болезненно сжималось, когда Рада вспоминала эти жуткие холодные глаза и голодный мокрый рот. Что мне делать, когда мое тело мне не повинуется? Как мне защищать себя? Только и на это ответов у нее не было.

Искорка клевала носом, да и сама Рада, как только кошмар растаял в памяти, ощутила давящую сонливость. Вдвоем они вернулись на свое одеяло, и Рада улеглась, обняв Лиару и прижимая ее к себе. Так было легче, так было надежнее, чище. По правде, это было самое честное, что она делала в своей жизни, и Рада вцепилась в это изо всех сил, держась за нее, как за свою последнюю надежду. Пока она рядом, пока ее любовь хранит меня, все будет хорошо. И ничто не тронет нас. Только закрывать глаза и засыпать было очень страшно, и Рада до последнего старалась держать в голове образ искорки и Великой Матери, пока темные оковы сна окончательно не смежили ее веки.

Спала она без сновидений и проснулась свежей и бодрой, когда Алеор выкрикнул свое обычное: «Подъем!». Ночной кошмар отступил, побледнел за толстой стеной последующего отдыха, и Рада лишь зябко передернула плечами, вспоминая случившееся. Вопросов оно оставило очень много, гораздо больше, чем ей бы хотелось. Оставалось надеяться только, что это больше не повторится, а если и повторится, что ей хватит сил противостоять этому. Как противостоять? Что ты сделаешь, если это существо снова в тебя вцепится? Сумеешь ли ты сбежать во второй раз?

Из мрачных размышлений ее вывел бодрый голос Алеора.

— Итак, друзья мои! — эльф оглядел всех, собравшихся у костра. Даже Редлог сейчас проснулся и сидел среди них, подогнув под себя ноги и хмуро жуя выданную ему лепешку. За его спиной в углу тарашил на всех маленькие перепуганные глазки медведь. Раде

подумалось, что после всего произошедшего в Пустых Холмах, он, должно быть, больше ни к одному человеку и за версту не подойдет. Алеор принял торжественный вид и проговорил: — Каким-то совершенно чудесным образом вы все выжили в поездке на Черве по Пустым Холмам, с чем я вас от всей души поздравляю!

— Спасибо, — мрачно взглянула на него Улыбашка. Вид у нее был такой, словно она собиралась пробить ему голову камнем.

— Признаться, я очень рад, что вижу всех вас здесь, хотя, в общем-то, и не должен бы. — Алеор тягостно вздохнул. — Было бы гораздо проще, если бы кто-нибудь из вас не справился с дорогой, потому что теперь нам придется идти через Серую Гниль, а Жужи на всех не хватит. Но, видимо, за это время я успел привязаться ко всем вам. А еще говорят, что я бесчувственный деспот! — он фыркнул и закатил глаза.

Редлог замер с не донесенной до рта лепешкой, его взгляд остановился на Алеоре. Все остальные тоже уставились на эльфа, пытаясь осознать, что он только что сказал.

— В каком смысле: «Жужи на всех не хватит»? — наконец уточнил Кай. Лицо его вытянулось от удивления.

— В самом, что ни на есть, прямом, — энергично кивнул головой Алеор. — Он — единственный, кто может нам помочь преодолеть пятую преграду. Мы, конечно, можем попытаться обойтись и без его помощи, но я боюсь, в таком случае, действительно не все смогут добраться до Летающих Островов.

— Ты... ты-т-ты что имеешь в виду, Алеор? — Редлог вдруг начал заикаться, а глаза его все расширялись и расширялись от страха. — Т-ты н-на что намекаешь?

— О, не бойся, мой дорогой друг, — очаровательно улыбнулся ему эльф. — Мы ничего страшного не сделаем твоему соратнику и товарищу. Мы просто крепко-крепко обнимем его. Ведь это так хорошо — обнимать людей. Не правда ли?

Несколько секунд в помещении стояла полная тишина, потом Улыбашка приглушенным шепотом обратилась к Каю:

— А Жрецы могут определить душевные заболевания? Он вчера несколько раз бился головой об землю, может быть, ты подлечишь его?..

— Дорогая моя Улыбашка, твои грязные намеки шокируют меня и ранят мою нежную душу, — Алеор состроил самую милую из всех своих улыбок. Потом лицо его посерьезнело. — Впрочем, мне уже надоело с вами без конца сюсюкаться. Тем более, что ни у кого из вас нет достаточно хорошего чувства юмора, чтобы с вами было интересно. А просто так гнобить людей, особенно, когда они даже не в состоянии огрызнуться в ответ, все равно, что пинать ребенка. Приятно, конечно, но не настолько, чтобы я долго этим занимался. — Алеор пожал плечами, и Рада поняла, что вообще забыла, о чем только что думала, не сводя с него глаз. Со всем терпением, которое только можно было наскрести в этом мире, Алеор еще раз оглядел их всех. — Редлог не просто так называет Жужу своим партнером, вовсе не потому, что он сумасшедший. Этот зверь — не обычное животное, энергетика у него почти что, как у сальвагов. Слыхали о таких?

— Сальваги — полулюди-полуволки, кажется, — нахмурилась Рада.

— Точно, — кивнул эльф. — Они могут перекидываться из одного облика в другой, но не это сейчас важно. Важно то, что их энергетическая сила настолько велика, что они способны пройти сквозь Серую Гниль, не отравившись ее воздухом, в то время, как любой другой упадет замертво.

— Но в прошлый раз с вами же не было Жужи, — нахмурилась Улыбашка. — Когда вы с

Дамианом шли через Серую Гниль...

— ...мы использовали свою эльфийскую силу, — договорил за нее Алеор. — И итогом была смерть Дамиана, да и я чуть не умер в последующие четыре месяца, потому что отравка не желала выходить из меня. Есть только один способ пройти на ту сторону, и этот способ сидит здесь.

— И что ты собираешься делать с ним, Алеор? — Редлог с опаской смотрел на эльфа. — Предупреждаю: я не позволю ни одному волоску упасть с его шкуры! Только попробуй причинить ему вред, и всей нашей дружбе конец!

— Я не собираюсь делать ему ничего плохого, Редлог, — тяжело вздохнул Алеор. — Я обещаю тебе, что твой партнер не пострадает. Нам всего-то и нужно, что покрепче обнять его, встать к нему как можно ближе. Тогда энергетическая защита вокруг него позволит нам всем пройти сквозь Гниль.

Несколько секунд все молчали. Наконец Улыбашка громко фыркнула:

— Ты серьезно? Обнять медведя? Мы, все шестеро, должны обнять одного паршивого медведя и идти, вися на нем, через болото? Как ты себе это представляешь?

— При чем здесь медведь? — в недоумении нахмурил брови Редлог.

— Нет, Улыбашка, — Алеор выразительно посмотрел на нее. — Мы все вместе обнимем Жужу и пойдем через болото, вися на нем. И если ты вообще хочешь пережить этот поход, то тебе придется это сделать.

— Как мы это сделаем, Алеор? Как? — Улыбашка смотрела на эльфа и моргала, словно никак не могла в толк взять, шутит он или нет. Впрочем, Рада и себя поймала на мысли о том, что это — самая безумная из всех Алеоровых идей. Во всяком случае, теперь стало понятно, зачем он взял с собой Жужу, зачем с таким остервенением тащил его через Землю Огня и Пустые Холмы. Но вот насколько вообще реально было осуществить его затею, Рада даже не представляла. — Там хоть дорога есть? Идти по ней долго? Не говоря уже о том, что Жужа недостаточно велик, чтобы мы все могли обступить его со всех сторон!

— Значит, придется постараться, Улыбашка! — остро взглянул на нее эльф. — Втянешь живот, встанешь боком. Авось, хватит места кому-нибудь еще. Или можешь придумать свой способ, как пройти сквозь Серую Гниль. Или можешь вернуться назад, напрямик через Пустые Холмы, если не хочешь идти дальше с нами. Опыт с Червями у тебя уже есть, осталось только найти свои топоры, чтобы зарканить какого-нибудь самого жирного, и вперед! Я тебе даже помашу вслед!

— Грязные пятки Каменоступого! — всплеснула руками гномиха. — Да с тобой же просто невозможно хоть что-либо серьезно обсуждать!

— Алеор, а с чего ты вообще взял, что его аура защитит нас? — негромко спросила Рада, разглядывая эльфа. — Как она может подействовать на кого-то, кроме него?

— Все зависит от эмоционального состояния, — коротко бросил Алеор, взглянув на нее. — Если он будет напуган или, наоборот, обрадован, то его аура расширится. Я не буду вдаваться в подробности. — Глаза его быстро метнулись к Редлогу и обратно к Раде, и она поняла, что Алеор не хочет рассказывать при мародере. — Возможно, кто-нибудь еще сможет объяснить тебе, как это работает. Спросишь в Данарских горах, например, когда вы туда дойдете.

— Не проще ли будет Каю попробовать что-нибудь сделать? — с сомнением в голосе проговорила Лиара. — Или мне?

— Кай — крайний вариант в том случае, если не получится с Жужей, — покачал

головой Алеор. — Я даже не знаю, что находится за Летающими Островами, так что его помощь там может быть нужнее, чем в Серой Гнили. А ты, Светозарная, вчера и так едва не отправилась в Светлые Чертоги, отдав все силы на управление Червем. Да и вряд ли ты умеешь что-то такое, чего не умел Дамиан, а его способности в Серой Гнили не подействовали. Так что пока у нас один вариант, и я намерен его использовать.

— Я до сих пор не понимаю, как все это будет происходить, — покачал головой Редлог, продолжая с опаской коситься на эльфа. — Ты не мог бы мне объяснить поподробнее? Что именно ты собираешься делать с моим другом?

— Я собираюсь хорошенько пощекотать его, чтобы он донельзя развеселился. А потом мы все возьмемся за его шерсть и толпой пойдем через болота, — каменным голосом отозвался Алеор, глядя ему в глаза.

— Пощекотать? — уточнил Редлог.

— Да.

— Не колющими предметами, не чем-то болезненным. Просто пощекотать? Руками?

— Да.

— Ладно, — со вздохом отозвался мародер. — Может быть, ему это даже и понравится.

— Пресветлые боги, за что мне это? — страдальчески возвала к небесам Улыбашка.

Когда они покинули снежный дом и зашагали через глубокие сугробы на запад, Рада все продолжала коситься на эльфа, пытаясь понять, серьезно он говорил или нет. Затем ее взгляд обращался к Жуже, который, вывалив язык на бок, переваливался через снег, замыкая шествие. Медведь был не слишком крупным, вполне обычным, и Рада никак не могла себе представить, каким образом им удастся всем вместе держаться за него. Шесть взрослых людей обступят одного медведя и пойдут через болота. Там же трясина, там кочки, там ничего не видно, и в любой миг нога может подвернуться! Как мы сможем пройти Серую Гниль, держась за медведя?!

Судя по всему, не одна она раздумывала о том же самом. Взгляд Улыбашки, что сверлил спину Алеора, был крайне недовольным. Она то и дело хмурила брови и что-то бормотала себе под нос. Даже Кай сейчас выглядел глубоко погруженным в себя и насупленным, а ведь он обычно буквально любовался каждым жестом эльфа. Редлог то и дело поглаживал Жужу по передней лапе и что-то успокаивающе говорил ему, и он тоже смотрел в спину Алеора недобро.

— Ты думаешь, у нас получится? — наконец не выдержала Рада, поворачиваясь к шагающей рядом с ней Лиаре. Говорила она как можно тише, чтобы друзья не услышали. Достаточно было и этой повисшей между ними напряженности, нервировать кого-то еще больше ей не хотелось.

— Пройти сквозь Серую Гниль? Конечно, получится, — Лиара ответила, не задумываясь, и вид у нее при этом был расслабленным.

— Ты так уверена, — недоверчиво вскинула брови Рада. — Даже несмотря на все безумие плана Алеора?

— Рада, мы вчера весь день ехали по Пустым Холмам верхом на гигантских Червях, — Лиара взглянула на нее из-под пушистых ресниц, и в ее темных зрачках серебристыми рыбками плескался смех.

— Ты права, — неожиданно для самой себя хмыкнула в ответ Рада. По сравнению с этой поездкой все остальное казалось детскими играми.

Сугробы вокруг были такими глубокими, что ей буквально грудью приходилось

пробивать себе дорогу. Кай впереди хоть и топтал просторную траншею для них, а только после него под ногами все равно оставалось столько глубокой снежной каши, что Рада буквально тонула в ней. Про Улыбашку и говорить было нечего, она даже ворчать перестала, и до слуха Рады доносилось только ее трудное, сбивающееся дыхание. Да, в героические песни это не войдет, пронеслась в голове мысль, и Рада невесело хмыкнула под нос.

Продвижение отряда замедлилось еще сильнее, когда к полудню все небо затянули облака, и на головы путникам повалило мелкое снежное крошево. Ледяная крупа была какой-то неприятно липкой: приставала к одежде и рукам, ссыпалась за шиворот. Встречный ветер бил в лицо, заставляя щуриться и втягивать голову в плечи. Рада пожалела о потерянной в Пустых Холмах шапке. Порывы ветра запускали свои ледяные пальцы в ее волосы, кусали уши и щеки. Потом стало чуть-чуть легче: это Лиара помогла, отводя от них прочь ледяные потоки, и Рада смогла вздохнуть спокойнее.

Только метель разыгралась не на шутку. Пустые Холмы остались позади, и до горизонта тянулось ровное, как полотно, пространство, укрытое девственно чистым снегом. Здесь не ступала нога ни человека, ни зверя, ничто не тревожило эту бескрайнюю белую простыню, и ветер был здесь полноправным хозяином. Нагнав тяжелых снеговых туч с северо-востока, он принялся носиться над равниной, взметая снежную порошу, закручивая метель, разъяренно свистя и воя на разные голоса. Белые простыни снега протянулись от земли до горизонта, смешав их в одно, соединив в неистовой ярости бури. Теперь уже Рада не видела ничего дальше собственного носа: только миллионы кружащихся вокруг снежинок, которые рвал на клочки беснующийся ураган.

— Алеор, надо остановиться! — перекрывая рев бури, крикнул Кай. — Нужно переждать буран!

— Чем быстрее мы попадем в Серую Гниль, тем быстрее это кончится! — голос эльфа в ответ прозвучал неестественно глухо; пригоршни снега вырывали слова из его рта и сносили прочь.

— Очень тяжело идти! — настаивал Кай. — Не будет ничего хорошего в том, чтобы отдать последние силы здесь, а потом рухнуть от измождения на самом краю болота!

Некоторое время Алеор еще колебался, остановившись посреди бури и разглядывая горизонт. Выглядел он сейчас особенно странно для глаз Рады: высокая худая фигура, облаченная в черное, стоящая на поверхности сугробов. Ветер рвал его плащ, отбрасывал назад его волосы, снег закручивался вокруг него в водовороты. Казалось, что буря изо всех сил стремилась остановить его.

В конце концов, эльф все-таки сдался и с недовольством в голосе прокричал:

— Ладно! Наметай укрытие! Может, еще день отдыха не повредит.

Рада вздохнула от облегчения, слыша, как за ее спиной бурчит благодарственные молитвы Улыбашка. После тяжелейшей поездки через Пустые Холмы сил у нее осталось не так уж и много, явно меньше, чем нужно было, чтобы пройти следующую преграду. Да, Кай подлечил их синяки и ссадины, но его исцеление тоже добавило свою долю усталости. И теперь, после нескольких часов упорного продвижения сквозь сугробы, Рада чувствовала себя окончательно изможденной.

Почти сразу же после слов Алеора глаза Кая вспыхнули черным. Это было завораживающе красиво: смотреть, как он жонглирует невидимыми для Радиных глаз потоками энергий, создавая из ничего снежную крепость. Отдельные потоки бушующего вокруг них бурана уплотнились по воле Черного Жреца, набираясь силы, обретая

собственную волю. Теперь они дули в нужном ему направлении, наматывая и наматывая слой за слоем толстого снежного монолита, который образовал сначала квадрат стен, потом полукруглую крышу с небольшим отверстием для свежего воздуха в центре. Рада подтолкнула Улыбашку к оставшейся открытой арке прохода, и гномиха, охая, засеменила вперед по сугробам.

Уже через какие-то полчаса вход в снежный дом был запечатан, а друзья сидели на сухой теплой земле вокруг пламени, стянув с себя влажную после снегопада верхнюю одежду и облепленные снегом сапоги. За стенами маленького укрытия бесновалась и завывала вьюга, и сквозь окошко в потолке просачивалось так мало света, что Каю пришлось зажечь с помощью энергии Источника маленький бледноватый светоч. Ильтонец подвесил его под потолком, чтобы тот никому не мешал, и Рада старалась не смотреть на него. Слишком уж сильно он напоминал прошлую ночь и кошмар, что пришел к ней.

Долго засиживаться они не стали. Улыбашка почти сразу же завернулась в свое одеяло и отвернулась от друзей, проворчав, что с пользой проведет оставшееся у них в запасе время. Редлог отсел в сторону и принялся проверять когти Жужи. Медведь жалобно поскуливал и совсем как человек подставлял ему свои лапы с крупными мягкими подушечками. От тряски на Черве и нескольких падений на землю он потерял три когтя на передних лапах, и теперь мародер бережно смазывал подушечки его пальцев мазью, извлеченной откуда-то из-за пазухи. Кай исцелить Жужу не смог, как ни пытался: энергия Источников просто не действовала на него по какой-то причине. Рада в который раз уже засомневалась, была ли практическая польза от того, что они тащили с собой этого медведя? Действительно ли он мог помочь пройти сквозь Серую Гниль? И даже если и мог, не проще было бы проделать это без него, положившись на способности Кая?

Вскоре и Алеор с Лиарой тоже отсели в сторону, погружаясь в грезы. В конце концов, они с Каем остались у костра вдвоем. От одной мысли, что она тоже может лечь и уснуть, Раду передернуло. Может, ничего плохо и не будет, ведь после того, как она снова уснула под утро, кошмар не вернулся. А может, он придет к ней и еще раз. Но ты же не можешь совсем не спать.

Хмурясь, Рада бросила взгляд на ильтонца. Он был Черным Жрецом и знал очень много об энергии, сущностях, мирах за Гранью. Поколебавшись, она все-таки негромко окликнула его:

— Кай!

Ильтонец моргнул и поднял сонные глаза от пламени. Вид у него был усталым, однако он сфокусировал взгляд на Раде.

— Да, Черный Ветер? — в его тоне прозвучал вопрос.

— Послушай... — она замаялась, не зная, как продолжить. Рассказывать о своем кошмаре совсем не хотелось, но она должна была узнать. Если не о том, как защищаться, то хотя бы о том, что это было, что набросилось на нее. Прекрати уже трястись и просто спроси! — Я хотела узнать у тебя кое-что, — промямлила она, чувствуя себя донельзя неуверенно.

— Спрашивай, — спокойно кивнул ильтонец.

— А что такое кошмарные сны, Кай? Откуда они берутся?

— Все зависит от самого сна, — ильтонец пожал плечами, бросив на нее задумчивый взгляд. — Если это обычные кошмары, то, скорее всего, они являются отражением собственных страхов человека, возможно, повторением событий, которые он сам не может

пережить, навязчивых мыслей, от которых он не может избавиться. Бывают и более сильные кошмары, когда человек случайно касается во сне недружественных существ, которые населяют тонкие миры. Ведь, в конце концов, сон — это то время, когда наше сознание отделяется от тела и выходит за Грань. А там множество существ, ждущих этого, чтобы атаковать.

— Вот как, — Рада поскребла в затылке, хмурясь в пламя. Примерно об этом она и сама думала, только все-таки надеялась, что ошибается. Слова ильтона лишь подтвердили самые худшие из ее предположений. Кай ни о чем не спрашивал и просто ждал, глядя на нее. Помявшись, она вновь спросила: — А как определить, когда это простой кошмар, а когда — атака?

Кай слегка прищурился, разглядывая ее.

— Обычные кошмары давящие, беспокоящие, темные. Но так или иначе они не оставляют глубокого эмоционального отпечатка. После пробуждения человек может ощущать подавленность или головную боль, но она вскоре проходит, а сон забывается. Атака гораздо серьезнее и тяжелее. Ее ощущает все существо спящего, она выглядит реальнее, страшнее, и она гораздо опаснее обычного кошмара. Хорошо, если спящий успевает проснуться до того, как удар достигнет цели. Еще лучше, если он сможет противостоять атаке.

— А как ей противостоять, Кай? — встрепелась Рада. Значит, был способ! А коли так, то ей нужно было просто научиться ему и все. Как бы тяжело это ни было. Рада должна была признаться себе, что то существо во сне напугало ее изрядно, гораздо сильнее, чем она думала в начале. До сих пор от одной мысли о новой встрече с ним по спине бежали неприятные мурашки холода.

— Противостоять атакам сложно, Рада, — руки ильтона двинулись, пальцы медленно сжались и разжались, добавляя странный язык жестов к тому, о чем он рассказывал. Теперь ильтонец смотрел на нее пристально и очень серьезно. — Человек — легкая добыча для паразитов за Гранью, потому что увереннее всего он чувствует себя только в своем физическом теле. По своей наивности он считает, что это единственное его тело, и что никаких миров, кроме этого, больше не существует, ведь он их не видит. Естественно, что он не утруждает себя изучением своих же собственных тонких тел, считая все это детскими выдумками, потому и находится в огромной опасности, как только попадает за Грань. Для того, чтобы научиться отбивать атаки, нужно изучить свои тонкие тела, установить между ними связь, консолидировать все свое существо вокруг единого центра, как разбитое зеркало по маленьким кусочкам. Как только человек добивается полного единения, как только сознание не покидает его даже во сне, куда бы он ни попал, и что бы он ни встретил, ему не будет никакого вреда.

— Ага, — буркнула Рада, раздумывая над его словами. Звучало все очень слаженно и просто, во всяком случае, для нее. — Тогда расскажи, как нужно объединить свое существо? Что для этого нужно сделать?

— Рада, это не та вещь, которой я могу научить тебя за пару минут или даже пару месяцев, — покачал головой ильтонец, глядя на нее. — Этому вообще обучить практически невозможно. Даже ты сама не знаешь, из каких частей состоит твое существо, другие — и подавно. Как же тогда я смогу сказать тебе, что и как ставить на место? Разобраться в этом можешь только ты сама. — Она нахмурилась, и глаза Кая чуть-чуть потеплели. — У тебя были кошмары?

— Да, — коротко кивнула она, не став вдаваться в подробности. Почему-то казалось, что если она озвучит все, что с ней произошло, это все станет гораздо более реальным. Достаточно того, что я и так помню это и думаю об этом. Нечего помогать ему обретать еще большую силу.

— Это может быть следствием всех тех вещей, которые сейчас происходят с тобой и Светозарной, — негромко проговорил ильтонец. — Вы, в общем-то, и занимаетесь объединением всего своего существа вокруг сердечного центра, когда соприкасается с силой Великой Матери, когда пропускаете ее через себя. Естественно, это вызывает противодействие.

— Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, — честно призналась Рада.

— Два мира, реальный и тонкий, существуют параллельно друг другу, соприкасаясь лишь по линии Грани, — ладони ильтонца застыли в воздухе перед ним, образовав две горизонтальные линии, разделенные пространством. — Существа мира реального сильнее здесь, потому что они знают его законы, сущности тонкого мира по этой же причине сильнее за Гранью. Два мира периодически пересекаются, когда кто-то из их обитателей по случайности или намеренно идет на контакт, но в целом они существуют относительно параллельно. Грубо говоря, из ста людей лишь один способен от рождения говорить с Тенями, еще с десятков могут научиться, а все остальные просто не знают о такой возможности или не верят в нее, потому она для них недоступна. Я понятно объясняю? — Рада кивнула, внимательно слушая ильтонца. Его ладони слились, плотно прилегая друг к другу. — Иногда происходит так, что существа мира реального осознанно идут на контакт с тонкими мирами. Это характерно для ведунов, для эльфов, для всех Старых рас, чье сознание более гибкое, чем у людей. Тогда они постоянно находятся в контакте с миром за Гранью, и таким образом вынуждены учиться жить и работать в нем, знать его законы и так далее. Для Старых рас контакт с миром за Гранью проще, и сущности постоянно присматриваются к ним, присутствуют рядом. Раз контакт проще, значит, есть, через что этот контакт осуществляется, — то есть связь с тонкими телами. У Старых рас она сильнее, их внутреннее существо более объединено вокруг центра, у них есть сознание, которое позволяет им осуществлять контакт и при этом быть защищенными от ряда атак просто потому, что нет бреши в их броне, нет лазеек в их сознании, через которые могут пролезть паразиты. И эти паразиты, зная, что не могут их атаковать, принимают правила игры и не тревожат их. Таким образом, равновесие все еще сохраняется. Пока ясно? — Рада вновь кивнула. Теперь ладони ильтонца слегка разошлись, и он переплел пальцы вместе, образовав замок. — Однако это равновесие может быть нарушено. Когда люди, от рождения не умеющие говорить с Тенями, но стремящиеся этому научиться, ведуны и ведьмы, которые учатся работать с Источниками, эльфы, которые развивают свои врожденные способности в гораздо больших масштабах, чем у своих соплеменников, одним словом — новаторы; так вот когда эти новаторы по собственной воле вторгаются в мир тонких энергий, они моментально привлекают к себе внимание, потому что они нарушают равновесие. И естественно, что по законам взаимосвязи всего этого мира, любое действие сразу же рождает противодействие.

— То есть ты хочешь сказать, что эти атаки приходят из-за того, что мы тянем в себя силу Великой Матери? — Рада нахмурилась, разглядывая Кая, и он утвердительно кивнул, опуская руки.

— Вот именно. Вы вторглись в мир, в котором раньше не имели никакой власти, которого не касались. Вы пытаетесь чему-то научиться и что-то сделать и своими

попытками привлекли к себе внимание обитателей этого мира. Однако в этом есть и хорошая сторона. Ведь, прежде всего, вы учитесь и тянете на себя эту силу. Да, чем больше ее к вам идет, тем сильнее и злее будут попытки сущностей тонких миров остановить вас, но и умение ваше при этом будет расти. Пойми, Рада, нам никогда не посылают больше того, что мы можем выдержать, и любая сила, которую мы находим, автоматически несет в себе защиту от противодействия.

— И что это значит? — заморгала сбитая с толку Рада. — Если я уже защищена, то почему тогда ко мне пришел этот кошмар? Если эта защита уже во мне, то почему тогда на меня напали?

— Защита в тебе в тот момент, когда ты позволяешь себя защищать, — улыбнулся Кай, и когда она вопросительно взглянула на него, пояснил: — В тот момент, когда ты окружена силой, ты абсолютно защищена, и тебе ничто не грозит. Но ты ведь пока не можешь постоянно окружать себя этим барьером, не так ли? Он приходит лишь иногда по твоей просьбе, по Милости самой Великой Матери, но постоянно этого барьера нет. Задача в том, чтобы он стоял всегда, понимаешь? Когда ты бодрствуешь, когда спишь, постоянно.

— И как мне это сделать? — сорвалось с языка, и Рада поняла, что ровным счетом не представляет, что для этого нужно. Ильтонец говорил все очень понятно и правильно, но вот только это были лишь слова, обычные общие фразы. — Что мне нужно для этого? — постаралась она уточнить вопрос. — Определенным образом сосредотачиваться? Спать в какой-нибудь четкой позе? Может, съесть какой-нибудь волшебный гриб?

Кай хмыкнул в ответ на вымученную шутку и покачал головой:

— Нет, ничего тебе не нужно есть, и тем более не нужно принимать определенные позы. В конце концов, ты же хочешь, чтобы сила была с тобой всегда, а если так, то причем здесь волшебные грибы или, тем более, позы? Тогда твое сознание привыкнет, что все работает только в момент принятия внутрь этого самого гриба или сна в необходимой позе, и без этого никакой защиты ты уже просто не сможешь добиться. Нет, тебе нужно в каждый момент времени, в каждый миг жизни быть сосредоточенной и четко ощущать присутствие силы, которая идет через тебя. Этому сложно научиться, об этом даже помнить трудно, но если ты хочешь это сделать, то ты это сделаешь.

— Каждый миг? — Рада вдруг подумала, что это просто непосильная задача. Звать к себе Великую Мать, когда она ест, например? Когда моется? Когда мечтает о Лиаре? На щеках выступил румянец. Разве присутствие Великой Матери во время ее мечтаний об искорке подобало чистоте и величю божества? Эти вещи как-то не слишком хорошо уживались вместе. Не говоря уже о том, что во сне — она спала, и просто не представляла, как при этом можно помнить о Великой Матери. Она о своем прошлом-то ровно ничего не помнила часто или даже не понимала, где находится. Так как же ей сохранить это сознание?

Словно ощутив ее сомнение, Кай усмехнулся.

— Великая Мать с тобой и так каждый миг, Рада. Она и есть ты, она в тебе. Разница только в том, можешь ли ты ее почувствовать физически или не можешь. Если ты хочешь быть под ее защитой, то тебе придется этому учиться.

Рада не была уверена, что поняла все, что он сказал. Кажется, теперь вопросов у нее было еще больше, чем раньше. Да и задача, стоящая перед ней, казалась непосильной. Каждый миг помнить о том, ради чего она живет, не позволять спадать концентрации, не позволять думать о чем-то другом... Да я же просто взорвусь! Впрочем, она сразу же выругала себя. Ты помнишь, что должна сделать? Ты ведь поняла, что от тебя хочет Великая

Мать, тебе это показали. Соединить сознание и материю, слить дух и тело. То, что говорит Кай, очень близко к этому. Во всяком случае, иного способа ты просто не знаешь. И мало ли, как это трудно? Просто молчи и делай!

— Спасибо тебе, Кай, — с искренней благодарностью Рада взглянула на ильтонца. — Кажется, ты дал мне неоценимый совет, хоть я пока еще и не до конца понимаю, что мне со всем этим делать.

— Не за что, Черный Ветер, — мягко улыбнулся ей Кай. — Возможно, придет день, когда мы все будем обязаны вам со Светозарной. По крайней мере, я чувствую, что Великая Мать отметила вас, выбрала вас, а коли так, то мы должны помочь вам на вашем долгом пути к ней. И если тебе захочется узнать что-то еще, я всегда буду готов ответить на твои вопросы по мере своих возможностей.

— Я бы еще знала, что именно я хочу узнать! — горько усмехнулась она.

— Все придет к тебе, Рада. Как только твое существо начнет объединяться в одно целое, все придет, — успокаивающе прикрыл глаза Кай.

Он вроде бы и не сказал ей ничего толком, а при этом сказал так много. А еще Рада ощутила, что ей стало гораздо спокойнее. Ушел назойливый страх возвращения кошмара, и ее потянуло в сон. Я и так знала, что единственная моя защита — это ты, Великая Мать. Ничего нового, ничего сложного.

Последовав примеру Улыбашки, Рада растянулась на полу возле сидящей, поджав под себя ноги, искорки и завернулась в теплое одеяло. Завтра их ожидал долгий и тяжелый переход через Серую Гниль, и еще неизвестно было, что им для этого потребуется. Так что сейчас она собиралась хорошенько отдохнуть. Глаза сами собой закрылись, и она провалилась в долгий сон без сновидений.

===== Глава 13. На пороге =====

Вьюга слегка поумерила свой пыл за прошедшую ночь, но не желала уходить до конца. Ветер набрасывался на невидимый барьер вокруг семерых путников с особым остервенением, в ярости от того, что не мог добраться до них и швырнуть в лицо колкую горсть снежных льдинок. Видимость прояснилась на несколько сот метров вперед, дальше все тонуло в снежном вихре, скрывшем небо с землей, смешавшем их в одно целое.

Лиара наконец-то чувствовала себя отдохнувшей и свежей, а потому держать барьер из плотного слоя спокойного воздуха вокруг себя и друзей ей было совсем не сложно. Свежая сила перекачивалась в груди золотыми волнами, так похожими то ли на волнение, то ли на нежданную радость, то ли на предвкушение чего-то очень светлого, очень хорошего. Порой эти перекаты становились такими сильными, что она чувствовала, что задыхается, и вынуждена была набирать полные легкие воздуха, хотя это нисколько не меняло ситуации. После третьего такого вздоха чуткая Рада, идущая рядом, внимательно поглядела на нее и спросила, все ли в порядке. Лиара в ответ только улыбнулась ей, кивнув. Все было хорошо, так прекрасно, как только могло быть. Даже несмотря на то, где они находились, и что собирались сделать в ближайшие несколько часов.

После долгого отдыха под защитой снежного дома все путники приободрились. К лицу Кая вернулся обычный цвет, а глубокие тени вокруг глаз стали как-то бледнее. Лиара знала, насколько мучителен для ведунов постоянный контакт с Источником. Энергия, что вращала миры, была вовсе не похожа на налитое в кувшин молоко, скорее, на штормовое море, которое пытались удержать внутри хрупкого стеклянного бокала. На то, чтобы даже просто сохранять Соединение, у ведуна уходила изрядная доля сил, а Кай еще и постоянно

вынужден был управлять потоками, создавая для друзей укрытия от снега, исцеляя, помогая не свернуть себе шею... Если бы Алеор не взял его с собой, мы все давным-давно уже были бы мертвы. Впрочем, это следовало бы сказать о каждом из отряда. Лиара поймала себя на том, что смотрит в спину эльфа с искренним уважением. Какими бы безумными не выглядели со стороны его идеи, но планировать он умел. И пока, во всяком случае, все происходящее с ними в эти планы укладывалось.

Через некоторое время в воздухе появился странный запах. Лиара чувствовала его буквально самым краешком сознания, как что-то тревожащее ее, беспокоящее. Она даже не сразу поняла, что это именно запах, скорее, ощущение было такое, будто где-то рядом бродит Свора. Некоторое время она внимательно прислушивалась к себе, но золото Великой Матери в груди никак не ответило на это ощущение, значит, никакой опасности не было, и запах имел иную природу. Через несколько минут ее наблюдения подтвердил Алеор.

— Мы подходим к Серой Гнили, — громко объявил он, через плечо обернувшись к своим спутникам. — Скоро концентрация отравы в воздухе станет достаточно высокой, чтобы причинить вред. Я обязательно предупрежу вас, когда это произойдет. Пока же закройте лица чем-нибудь. Лиара! — она вскинула глаза на эльфа. — Ты сможешь какое-то время сдерживать Гниль?

— Я постараюсь, Алеор, — кивнула она.

— Отлично! — его голос был собранным и сухим. — В таком случае, держи барьер так долго, как только сможешь, и предупреди меня, когда это станет для тебя трудно.

За долгие месяцы совместного пути Лиара уже успела научиться целиком и полностью доверять словам Алеора и его решениям, но сейчас сомнение сорняком проросло через эту веру, какой бы сильной она ни была. Лиара все в толк не могла взять, почему она не сможет удерживать ограждающий от заразы барьер и там, в Серой Гнили? Чем таким принципиальным эта отравка отличалась, например, от метели, которую ей с легкостью удавалось держать в стороне от них? Это же всего лишь воздух, а коли так, то ей не составит никакого труда заблокировать его отравляющее действие на путников. Тем не менее, спорить с Алеором она просто не стала, вместо этого расслабившись и взявшись за работу. Пока еще он ни разу не сказал им неправды и не дал дурного совета.

Погрузившись сознанием в воздух вокруг них, Лиара уплотнила барьер, что окружал путников, сделав его почти осязаемым на ощупь. Сейчас у нее был повод гордиться собой: проделать такую штуку мог далеко не каждый Первопришедший, но у нее выдалось множество возможностей для практики в последние месяцы. Вся трудность состояла в том, чтобы уплотнить наружный слой воздуха, сделав его прочной стеной против ударов ветра и горстей снега, но оставить внутренний слой сферы достаточно текучим и прозрачным, чтобы находящиеся внутри не задохнулись. Ко всему прочему необходимо было поддерживать и циркуляцию потоков внутри заблокированного пространства, чтобы снизить концентрацию уже грязного воздуха, выдыхаемого друзьями. Обычно Лиара создавала что-то вроде подушки, наружный слой которой представлял собой непробиваемую корку, а дальше все больше и больше разжижался, позволяя потокам проходить и обогащать пространство свежим воздухом. Но поддерживать такую непробиваемую корку было очень сложно, особенно на сильном ветру, так что в последнее время Лиара научилась частично пропускать воздушные потоки снаружи в сферу, лишая их мощи и отфильтровывая снег как сквозь сито, чтобы он не бил в лица путников.

Как и всегда, такой трюк прекрасно работал с ветром, снегом и всем остальным, вот

только Лиара вдруг поняла, что с тревожащим запахом со стороны болот барьер ей справиться не помогает. Насколько бы толстой ни была подушка на поверхности, как бы хорошо ни фильтровался снег, а противный запах присутствовал здесь в той же самой концентрации, как и раньше, словно и не было всех ее заградительных барьеров и средств защиты.

Лиара сморгнула и нахмурилась, не понимая, как такое может быть. В конце концов, зловоние было растворено в воздухе, а коли так, то и отвести его прочь можно было только с помощью воздуха. Закрепив в сознании безопасную сферу и убедившись, что ее ничто не может нарушить, Лиара поискала вокруг себя потоки зловония, чтобы попытаться изучить их. И вновь вскинула брови в немом изумлении, когда ничего не нашла.

Но как такое может быть? Это же просто запах! Нахмурившись, она с новой силой принялась отыскивать в воздухе зловоние, которое доносил с болот ветер. Оно распространялось как-то странно. Лиара усилила контакт с воздухом, уходя так глубоко, как только могла, при том, чтобы иметь возможность продолжать идти и не спотыкаться на ровном месте. Глаза ее уже почти что ничего не видели, тело лишь отстраненно воспринимало собственные движения, как будто она двигалась в полусне. Полностью Лиара сосредоточилась снаружи своего тела, в окружающем пространстве, вычлняя из беснующихся потоков ветра отравленные миазмы Гнили.

Они были здесь: неуловимые, едва ощутимые токи, совсем не похожие на то, как обычно распространялись запахи. Лиара привыкла к тому, что воздушный поток подхватывает частички, излучающие запах, и несет его в определенном направлении, рассеивая по дороге. То есть в случае необходимости можно было просто обрубить этот поток, отвернуть его в сторону или даже уничтожить совсем, усилив концентрацию свежего воздуха настолько, чтобы зловоние в нем больше не ощущалось. Только вот отравы Гнили распространялась вовсе не так.

Перед внутренним взором Лиары это выглядело крохотными серыми точками, совсем мелкими крапинками, как болезнь на когда-то зеленых листьях растения, как мельчайшая пыль, которую несет ветер. И эти серые точки не были сгруппированы в поток, не имели какого-то направления. Казалось, они вообще не были частью ветров, частью того, что составляло воздух. Лиара еще внимательнее присмотрелась к ним, пытаясь понять, что же ей кажется таким странным, и едва не охнула от удивления.

Все эти крохотные серые крапинки двигались по собственной воле, будто у них был разум. Больше того, они распространялись, не разносимые ветром, не влекомые его порывами, а двигающиеся по собственной воле. Внутренним зрением Лиара наблюдала, как крохотные серые споры подлетают к частичкам воздуха, сливаются с ними, заражая их той же самой серостью. И проходит всего несколько секунд до того момента, как прозрачная частичка полностью сереет, становясь еще одной спорой Гнили.

— Это не зловоние! Не обычные болотные испарения! — проговорила она, уменьшая свой контакт с окружающим и частично возвращаясь в тело. — Это... похоже на болезнь!

— Так и есть, — мрачно кивнул шагающий впереди Алеор. — Именно поэтому нам и нужен Жужа.

— Чего-то я тут не понимаю, — заворчала недовольная Улыбашка, отдуваясь и карабкаясь через сугробы за спиной Лиары. — Причем здесь Жужа? И что еще за болезнь?

— Серая Гниль заражает воздух, она распространяется, поглощая воздух, а не смешиваясь с ним, не разносясь им над землей, — ответила Лиара, а Алеор добавил:

— Именно! А у Жужи прекрасный иммунитет ко всем болезням. Полагаю, даже не только к болезням. И его аура может помочь нам пройти Гниль. Она просто отгонит прочь заразу.

— Что-то я сомневаюсь, — пробормотала гномиха, но Алеор то ли не услышал ее, то ли просто проигнорировал ее слова.

Лиара же вновь погрузилась в себя. Если эта отравка не была частью ветра, но распространялась внутри потоков, то никакая воздушная корка вокруг них просто не работала. Нужно было что-то другое, что-то, что позволит держать эту заразу в стороне и не даст ей отравить воздух, которым дышат путники. Но что?

Отдаленная смутная мысль с трудом сформировалась на грани той снежной пустоты, в которой сейчас растворялась Лиара. Огонь. Да, это могло сработать. Она не раз и не два слышала о чудодейственных свойствах огня. Во время эпидемий, довольно частых в глубинке Мелонии, все дома людей окуривались дымом, Жрецы жгли на площадях большие костры, заставляя местных жителей подолгу стоять в непосредственной близости от пламени. В огне сжигали и тела уже зараженных всевозможными инфекционными заболеваниями, и их одежду, иногда, даже дома. Огонь был в состоянии уничтожить Серую Гниль, но где здесь ей его взять?

Обрывки энергий, крохотные отголоски, мельчайшая пыльца излучения Источников всегда пронизывала мир, в конце концов, мир и состоял из этой энергии, из нее он был слеплен. Сосредоточившись до предела, Лиара слилась с мельчайшей воздушной пылью, отыскивая обрывки отпечатков огня. И часть ее рассмеялась, будто ребенок, когда Лиара поняла, что именно она отыскала.

Солнечный свет состоял из крохотных частичек Огня, как стихии Источников. Он распространялся столь мелкими дозами и так быстро, что сложнее всего было поймать его, попытаться заключить в клетку из сознания. Для того, чтобы просто ощутить его движение, Лиаре пришлось рассыпаться буквально до атомов, и она все никак не могла ухватить его, движущегося так быстро, что со стороны он казался статичным. После нескольких попыток, походивших на то, будто она пытается ловить мальков сетью, предназначенной на щуку, Лиара отступила прочь, возвращаясь обратно в тело.

Она была совершенно уверена, что есть какой-то способ поймать этот свет. В конце концов, все вокруг было пронизано им, пусть даже небо и укрывала толстая пелена туч. ТУЧИ! Конечно же! Это было так просто, что она едва не засмеялась в голос, вместо этого крепко взявшись за руку Рады.

— Поддержи меня, пожалуйста, — негромко попросила она, с нежностью взглянув на Раду. — Я могу уйти очень глубоко и начать спотыкаться.

— Не бойся, искорка, я удержу тебя, — кивнула та, и в надежном пожатии ее ладони было столько покоя, что захотелось свернуться в ней в клубочек и заурчать, будто кот. — Только будь осторожнее, ладно? Не подвергай себя опасности, — добавила Рада.

— Хорошо, мое сердце.

Лиара вновь сосредоточилась на окружающем ее мире, пытаясь стать как можно мельче, как можно разреженнее. Все правильно: тучи, укрывающие сейчас небо, заставляли свет преломляться, меняли его интенсивность. Таким образом, для того, чтобы увеличить поток света, нужно было просто разогнать их.

Тучи были влажными, громадными, такими... сгущенными. Лиара почти заблудилась в мириадах капелек воды, так отчаянно сбивающихся в одну стайку под ледяными пальцами

ветра, вбирающих в себя холод и кристаллизующихся, чтобы потом просыпаться снегом вниз, на белоснежную равнину под ними. Разогнать их в одном месте было трудно, особенно учитывая то, что внизу она поддерживала вокруг спутников ограждающую от ветра сферу, но Лиара справилась. Уж точно это было легче, чем управлять одновременно собственным телом и Червем, ведь стихии не обладали таким высоким уровнем сознания, чтобы двигаться по своей воле. Они лишь подчинялись воле того, кто посмел их оседлать и направлять.

Ее физическим глазам стало светло, и Лиара ощутила, как тучи над путниками расходятся, и те удивленно переговариваются, поглядывая на нее. Но Лиара сейчас была слишком глубоко, чтобы отвлекаться. Как только столб плотного солнечного света ударил вниз, Лиара вновь рассыпалась в атомную пыль, стремясь стать крохотными частичками света.

Это было самым странным из всего, что она когда-либо делала. Движение, стремительное, непоколебимое, сильное, движение столь быстрое, что замерло в статике. Она попыталась усилить его — и не смогла, она попыталась выбрать из солнечных лучей крохотные частички солнца — но они не двигались, оставаясь такими же непоколебимыми как раньше. И при этом стремительно неслись вперед, быстрее, чем могла бы двигаться даже мысль.

Лиара вновь была вынуждена отступить, отодвинуться назад, сохраняя контакт с тучами над головой, сферой плотного воздуха вокруг, собственным телом. Нужно было найти способ, она уверена была, что способ использовать солнечную энергию есть. Думай! Должен быть способ!

Нахмурившись, Лиара прокручивала и прокручивала в голове все, что могло усилить солнечный свет. Взгляд ее сам собой упал под ноги, где искрился снег, болезненно покалывая глаза, и она улыбнулась. Правильно! Вода или кристаллики льда хорошо отражали свет, а это означало, что ему можно придать направление.

Энергично встряхнувшись, Лиара вновь растворилась в пространстве и слегка, совсем чуточку, изменила потоки налетающего на ограждающую их сферу ветра. Теперь не весь снег, что летел на них, фильтровался сквозь прочный барьер. Самую мельчайшую снежную пыль, не толще волоска, Лиара сгруппировала по внешней стороне барьера вокруг них. Солнечные лучи моментально выпарили эту пыль, и барьер исчез, как и не было.

Несколько секунд она не совсем понимала, что делать теперь. Получалось, что одна защита уничтожала другую, и совместить их действие у нее просто не было возможности. Это как решать головоломки. Мне нужно просто хорошо подумать. Решение пришло само собой: мельчайшие частички воды тоже отражали свет, не так хорошо, как снег, но достаточно. Поколебавшись, Лиара вытянула из воздуха всю возможную влагу и сосредоточила ее на внешней поверхности щита и удовлетворенно улыбнулась. Миазмы Гнили, подлетавшие к их сфере, сгорали, будто сухая трава, щит держался и надежно охранял путников от спор болезни.

— Все, Алеор! — негромко проговорила она, едва сдерживая радость в голосе. — Я сделала так, что отравы не коснется нас. Во всяком случае, какое-то время.

— Отлично! Молодец, Светозарная! — удовлетворенно кивнул эльф.

— Вот только вряд ли я смогу продержаться этот щит, пока мы будем идти по болоту, — она нахмурилась, размышляя. — Сейчас я могу подновлять запас воздуха внутри охранной сферы, потому что вокруг его много. Но, боюсь, когда мы войдем на болота, у меня не будет такой возможности. Я полагаю, что там просто нет воздуха, одна зараза, пожирающая саму

себя.

— Так и есть, — отозвался Алеор. — В прошлый раз Дамиан окружил нас воздушной подушкой, создав запас на то время, пока мы не пройдем болото. Но из-за отсутствия нормального барьера этот запас моментально истощился, и нам пришлось дышать Гнильюю.

— Достаточно и того, что я дышу вашей вонью после стольких дней дороги и встречи с Червями, — проворчала Улыбашка, сплевывая в снег.

— Улыбашка, не преуменьшай свои заслуги в том прекрасном букете, который сейчас окружает всех нас! — хмыкнул Алеор. — Поверь, тебе в нем принадлежит немалая доля. Так часто бывает в жизни: самое маленькое обладает самой большой силой. Вспомни тех же клопов, например.

— Иногда мне очень хочется проломить тебе череп, — вздохнула гномиха с такой искренней тоской, что Лиара тихонько хихикнула.

— Ты не поверишь, моя дорогая, чего порой хочется мне, — в тон ей отозвался эльф. — Никогда не думал о том, что буду мечтать вымыть маленькую кривоногую гномью женщину собственными руками, лишь бы избавиться от ее непередаваемого аромата.

— Можешь попробовать, — угрожающе отозвалась гномиха. — Только предупреждаю: никакое бессмертие и эльфийский иммунитет к болезням не убережет тебя от долгой и мучительной кончины. — Вновь сплюнув под ноги, она сощурилась и взглянула на Лиару: — Возвращаясь к действительно важному. Может, есть какой-то способ взять с собой свежий воздух? Я знаю, что это звучит безумно, но все же.

— Я попробую, Улыбашка, — кивнула Лиара. — Я очень постараюсь.

— Это что, получается, вам не нужно будет мучить Жужу? — встрепенулся за их спинами Редлог.

— На твоём месте я бы не слишком на это рассчитывала, — сказала Рада, бросая веселые взгляды в спину эльфа. — Сдается мне, Алеор не упустит возможности пощекотать Жужу. С кем ещё он сможет такое повернуть? Вряд ли многие в этом мире будут спокойно стоять и ждать, когда же наконец их пощекочет Тваугебир?

— О да, Радушка, очень и очень немногие! — расхохотался Алеор. — И большая часть из этих смельчаков явно не выживет.

— Проклятье, и зачем я вообще пошел с вами? — вновь забормотал Редлог, горестно заламывая руки. Лиара отстраненно отметила про себя, что первый раз за несколько прошедших дней она слышит его бормотание и жалобы. После того, как они вошли в Землю Огня, Редлог целиком и полностью был занят своим медведем и почти никакого внимания не обращал на спутников. Единственное, что его беспокоило, это безопасность его «товарища». — Я же знал, что не нужно соваться за Семь Преград! Коли это место давным-давно оградили от остального мира, то и нечего туда ходить!

Он причитал и дальше, не переставая корить себя за решение идти с ними, но друзья перестали слушать все это. Все уже давным-давно привыкли к тому, что мародер постоянно жалуется на горькую судьбу, особенно в те моменты, когда никакой непосредственной опасности для него не существовало. Когда действительно начиналось что-то поистине тревожащее, Редлог замолкал и целиком и полностью посвящал себя заботе о медведе. Может ли это значить, что Серую Гниль мы пройдем легче, чем весь остальной путь? — подумалось Лиаре. Не просто же так он запричитал! Что-то раньше его преграды так сильно не беспокоили.

Впрочем, сейчас ей было до этого не слишком много дела. Следующей задачей стал

запас воздуха для путников, достаточный, чтобы они смогли пройти Серую Гниль и не задохнуться. Но как можно пронести с собой воздух? Ведь он же не вода...

Что-то зашевелилось внутри, какая-то мысль, и Лиара прищурилась, пытаясь понять, до чего же она додумалась. Все вроде бы было и здесь, совсем рядом, только ухвати, но ей понадобилось несколько минут для того, чтобы в голове прояснилось.

Она же делала плотный барьер из воздуха, который не пропускал внутрь сферы заразу и ветер. Этот барьер был гораздо более сгущенным, чем все остальное пространство, его почти что руками трогать можно было. Это означало, что если у нее каким-то образом получится сгустить еще воздуха и пронести его с собой в таком состоянии, то его хватит для дыхания всех друзей на более долгое время. Его можно будет распылить внутри сферы, когда чистый воздух закончится.

Встряхнувшись и приказав себе не расслабляться, Лиара принялась пытаться уплотнить воздух настолько, чтобы придать ему четкую структуру, которую можно будет переносить с собой. Поначалу такая мысль казалась ей шокирующе-абсурдной, но она быстро справилась с первым удивлением. В конце концов, вода ведь с легкостью превращалась в воздух при нагревании, становясь паром и рассеиваясь. Значит, при охлаждении и воздух мог стать чем-то более твердым.

Только вот одного охлаждения явно было недостаточно. Лиара билась и билась над тем, чтобы собрать самые ледяные потоки ветра вокруг них и попытаться при их помощи охладить хотя бы кубический метр воздуха, да только он просто становился холоднее и все. К тому моменту, как она додумалась добавить туда еще и давление, чтобы придать необходимые свойства, по ее лицу уже катились струйки пота. Да, сейчас она не управляла Червем, не контролировала сразу же несколько физических тел, но и без того обращаться со столькими вещами сразу было тяжело.

Когда в воздухе перед ней возникло странное колеблющееся нечто, Лиара наконец-то смогла спокойно вздохнуть. Сгущенный воздух больше всего походил на шар ртути размером с ее голову. Он медленно плыл на воздушных потоках перед ней, дрожа по поверхности, меняя очертания, не такой прозрачный, как весь остальной воздух вокруг них, но слегка мутный и переливающийся. На то, чтобы поддерживать его в одном состоянии и не давать рассасываться, смешиваясь с воздухом внутри сферы, у Лиары уходило много сил, но это уже было всяко лучше, чем раньше, когда у них просто не было никакого шанса пройти Серую Гниль, не заразившись отравой.

— Все!.. — удовлетворенно выдохнула она, возвращая сознание в тело. Теперь осталось поддерживать барьер вокруг них, круг чистого неба над головой, сжиженный воздух... Я справлюсь. Я не на спине бешено мчащегося через Холмы Червя. Я смогу справиться со всем. — Нам будет, чем дышать в Серой Гнили. Главное теперь, чтобы Жужа обеспечил защиту.

— Это что? — с опаской спросила Рада, разглядывая возникший в воздухе перед Лиарой колеблющийся полупрозрачный шар.

— Это — воздух, которым мы будем дышать на болотах, — устало отозвалась она.

— А его хватит? — в голосе Улыбашки звучала неуверенность. — Шарик-то маленький.

— Он уменьшен в объеме в несколько тысяч раз, — ответила Лиара, слыша удивленный вздох гномихи. — Этим воздухом можно было бы заполнить громадный тронный зал дворца. Его вполне хватит на долгое время.

— Отлично! — энергично кивнул Алеор. — Нам повезло, что ты с нами, Светозарная.

— Это правда, — нежно улыбнулась Рада, глядя на нее с такой любовью, что ей можно было растопить весь снег, что сейчас окружал их.

— Как ты добилась такого странного эффекта? — голос Кая был заинтересованным и задумчивым. — Мне кажется, эту субстанцию даже потрогать можно.

— Холод и давление, — спокойно ответила Лиара. — Потрогать можно, но не советую. Боюсь, что моментально отморозится конечность, и вряд ли мы уже сможем вернуть ей чувствительность.

Улыбашка что-то тихо пробормотала себе под нос и вытерла руки о свою дубленку, убирая их подальше от зависшей в воздухе сферы.

— Это значит, что Жужа вам больше не нужен, да? — встрепенулся Редлог с такой надеждой в голосе, что Лиаре даже стало жаль его. В конце концов, он только хотел сберечь своего медведя от бед. Тот и так пережил за последнее время слишком много, одна поездка на Червях чего стоила. Даже если он и был чем-то полубожественным, вряд ли на небесах так развлекались.

— Боюсь, что нужен, — покачала головой она, и улыбка погасла на лице мародера. — Я могу поддерживать барьер непроходимым для Серой Гнили только до тех пор, пока светит солнце. Как только оно зайдет за горизонт, боюсь, что ничего поделывать уже не смогу. И тогда придет очередь Жужи.

— Как именно ты планируешь это осуществить, Алеор? — негромко спросил Кай. — Насколько я знаю, аура окружает каждое живое существо, но она очень плотно прилегает к телу. Вряд ли этот тонкий слой сможет защитить нас всех.

— Я хочу усилить его ауру, — сосредоточенно отозвался эльф. — В экстремальных ситуациях тело излучает гораздо больше энергии, чем в обычном состоянии. Например, когда вы боитесь, вы способны сделать что-то, о чем раньше никогда не подозревали: бежать быстрее, прыгать выше, чувствовать реальность вокруг вас острее.

— Боитесь? — вскинул голову Редлог. — Ты же сказал, что не сделаешь ему ничего плохого? Ты обещал!

— Я обещал и сдержу свое слово, — серьезно ответил Алеор. — Я лишь привел пример Редлог. Усиления энергетического фона можно добиться в любой ситуации, которая выходит за рамки обычного поведения существа. Это может быть, в том числе, и радость. Я ценю знакомство с тобой и те отношения, что у нас установились за эти годы, и я не нарушу наших договоренностей, что бы ни произошло.

— Ладно, тогда, — натянуто отозвался Редлог. — Но ты мне обещал.

— Я знаю, — проворчал Алеор. Плечи его казались каменными сейчас, будто кто-то взвалил на них невыносимый груз. Он тихо-тихо пробормотал себе под нос, так, что, должно быть, расслышала его лишь Лиара. — Я знаю, что меня ждет, если я нарушу это слово.

— И все-таки, Алеор, — продолжил Кай, когда мародер в ответ только неуверенно пожал плечами. — Я понимаю, что ты хочешь сделать. Но как ты это собрался делать? Неужели ты думаешь, что у Жужи настолько объемная аура, чтобы она могла укрыть нас всех? Я, конечно, понимаю, что у существ высших миров возможности шире, чем у нас, но он здесь находится в физическом теле и подчиняется тем законам, которые установлены для физической реальности. Даже он не сможет их нарушить.

— В этом нам поможет Улыбашка, — отрывисто бросил Алеор, не оборачиваясь. Спутники с любопытством посмотрели на гномиху, а она захлопала глазами, совершенно сбита с толку.

— Я? — уточнила гномиха так, будто ослышалась.

— Ты, — подтвердил эльф.

— И каким образом, можно узнать? — гномиха смотрела на него в крайней степени удивления.

— Ты знаешь Песню Камня. Вы, гномы, таите в себе великую силу, древнюю, чуждую обитателям солнечного мира. Вы можете петь земле, скалам, горам. А что они такое, в конце-то концов? Не более, чем материя, имеющая разные свойства. Которые вы из нее получаете путем собственной песни. Песня Камня вызывает к сознанию, погруженному в эту материю, и благодаря его простоте и спокойствию, вы можете им управлять. Это сродни тому, что делают эльфы, только те работают с сознанием стихий, а вы — с сознанием материи. Я все правильно говорю?

Лиара с изумлением воззрилась на эльфа. Она никогда не думала об этом, о даре гномов, в таком ключе. Однако теперь столь многое вставало на свои места, столь многое становилось ей понятно. И Алеор был совершенно прав во всех выводах, которые только что перечислил.

— Эээ... — протянула Улыбашка, вид у которой был крайне сбитым с толку. Она поскребла в затылке, круглыми глазами разглядывая всех остальных спутников, и пожалла мощными плечами. — Я никогда не задумывалась об этом так, Алеор. Мы просто знаем Песню Камня, мы поем ее скалам, и они нам отвечают. Вот и все. Но, наверное, доля истины в том, что ты говоришь, и есть. Только я совершенно не понимаю, каким образом это все поможет нам.

— Очень просто, Улыбашка, — Алеор обернулся через плечо и задорно улыбнулся ей. — Жужа — это то же сознание, завернутое в плотную материю. Причем сознание довольно простое. Сложнее, конечно, чем у камня, но, по сути, не сильно отличающееся от него. И когда ты начнешь Петь ему, он должен отреагировать, излучение его тела увеличится, заполнит барьер, выставленный Лиарой, и мы сможем пройти.

— То есть, не нужно будет никого обнимать? — Рада недоверчиво взглянула на Алеора. — И щекотать тоже?

Он картинно закатил глаза.

— Порой с вами со всеми просто невозможно иметь дело. Вы напрочь лишены даже подобия чувства юмора. И я испытываю настоящие мучения, когда мне приходится что-то вам объяснять. — Эльф повернулся к Раде и посмотрел на нее с превеликим терпением на лице. — Нет, Рада, нам не надо будет обнимать Жужу. Мне казалось, вы поняли это еще вчера. Как, бхару вашу за ногу, шесть человек могут обнять одного проклятого медведя? Это физически невозможно!

— Мне кажется, у вас у всех какие-то больные фантазии насчет медведей, — сощурился Редлог, рассматривая их с плохо скрываемым опасением на дне темных глаз. — Я не первый раз уже слышу, как вы их поминаете. Может быть, это один из странных обычаев людей, о которых я не слишком-то много знаю? Если да, я бы очень хотел узнать его суть.

Лиара бросила на него короткий взгляд. Сейчас мародер вовсе не выглядел безумным. Подозрительным — да, ожидающим подвоха — да, готовым к нападению, но вовсе не безумным. Интересно, каким видит Жужу Редлог? Наверное, для его глаз он не похож на медведя, только мы видим его таким.

Лиару вдруг даже проморозило от этой мысли, и рот сам собой открылся. Получалось, что в зависимости от сознания того или иного существа, одна и та же материя могла

приобретать иную форму?! Это вывод был парадоксальным, он не укладывался в голове Лиары, однако, судя по всему, прямо на ее глазах он получал свое подтверждение. Если все они шестеро видели Жужу медведем, а Редлог, чье сознание было кардинально отлично от их, — чем-то совершенном иным, то получалось, что физическая форма вещей зависит только от глаз, которые на нее смотрят. Что-то зашевелилось внутри Лиары, какое-то очень странное осознание. Получалось, что именно смотрящий своими собственными глазами придавал объекту форму, разве нет? И если так, то каким образом на самом деле выглядели привычные объекты мира? Как они выглядели сами по себе, без взгляда мыслящего существа, направленного на них?

Непроизвольно ее взгляд сам потянулся к Раде, с нее перетек и на остальных спутников, потом и на снежинки и бескрайнюю равнину, по которой они шли. Могли ли все эти объекты быть чем-либо иным, чем то, что она сейчас видела? И если да, то чем? Возможно, все это как-то связано с тем, что мы испытали всего несколько дней назад, когда Рада перевела нас через Огненную Землю. Единое, одно протяженное единое, раздробленное на кусочки. Так что же тогда мешает нам видеть это единое? Что управляет нашим зрением?

На этот вопрос был только один ответ, и Лиара вновь заморгала, будто наткнувшись на каменную стену. Всем этим управлял мозг. Получается, сам мозг блокировал им чистое видение мира? Сам мозг мешал им увидеть то, какими вещи являются на самом деле? Что же тогда делать? Как уничтожить мозг и при этом продолжить жить? Ведь от него зависят все нервные процессы, я сама это чувствовала в теле Червя.

От него ли? — насмешливо шепнул внутренний голос. Кажется, Червем ты управляла при помощи его сознания, и мозг здесь был совершенно ни при чем.

Лиара содрогнулась всем телом, ощущая, как почва буквально уходит у нее из-под ног. Ощущение было таким, будто вслепую она нащупала ключ, и теперь оставалось только повернуть его в замочной скважине. Вот только за этой дверью было столько всего, ощущение чего-то громадного, мощного, такого объемного, что могло поглотить ее с головой, не оставив ни следа. И она отступила, дрожа то ли от испуга, то ли от ощущения звенящего в воздухе предчувствия. Сказка разворачивалась за этой дверью, золотая сказка мира, самая красивая его песня. Но сейчас еще было не время для нее.

Усилим воли, она заставила себя вернуться обратно из собственных мыслей. Но ощущение этой могучей силы, дремлющей в ожидании ее, было таким требовательным, что у Лиары от него волоски на макушке шевелились. Я обязательно разгадаю эту загадку. Но не сейчас. Сейчас у меня другая задача.

— Алеор, — Улыбашка со всем возможным терпением смотрела на эльфа. Лиара моргнула, приходя в себя и вновь начиная осознавать смысл произносимых друзьями слов. Рада вопросительно взглянула на нее, и в ответ Лиара только покачала головой. Она уже решила, что все это может подождать, по крайней мере, пока они не пройдут преграды. Гномиха тем временем глубоко вздохнула и, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, продолжила: — Ты хочешь, чтобы я спела Песню Камня не камню? И как, скажи на милость, это вообще возможно?

— Ртом, — спокойно ответил эльф.

Рада захихикала, вздрагивая всем телом, даже Кай прыснул в кулак. Улыбашка оглядела их с немой угрозой и вновь обернулась к Алеору:

— Я понимаю, что ртом, мой дорогой, а не тем самым дорогим местом, которое у тебя вместо мозгов, — Алеор картинно вскинул брови, а Рада затряслась в беззвучном смехе еще

сильнее. Даже Лиара, в каком бы состоянии глубокого сосредоточения она ни была, не смогла сдерживать улыбки. — Но ты не мог бы мне детально пояснить, каким образом я должна петь живому существу Песню Камня? Он не камень, Алеор! Он из плоти и крови, он орет, чешется и гадит! Камни так не делают!

Рада согнулась пополам, пряча лицо в ладонях, Кай отвернулся, изо всех сил кусая губы. Лиара ощутила, как смех золотыми лучиками подкатывает к горлу, мешая сосредоточению, и отпихнула его прочь. Ей сейчас и без того было сложно держать одновременно защитный барьер, солнечный свет и сферу сжиженного воздуха. К тому же, она не знала, что будет, если она потеряет контроль над сферой, и удерживаемый под давлением воздух начнет стремительно расширяться. Почему-то она была уверена, что ничего хорошего из этого точно не выйдет.

Алеор взглянул на Улыбашку и развел руками:

— Улыбашка, я уже все тебе объяснил про материю и сознание в максимально доступной форме. Еще более простым способом я это объяснить не смогу, иначе мне пришлось бы опуститься до уровня трехлетнего ребенка. Что касается того, как тебе это сделать: так ты просто посмотри на него, открой рот и начни петь. А мы глянем, что будет дальше.

— Алеор, бхару твою за ногу, да послушай же ты меня! — взревела гномиха, и глаза ее полыхнули настоящей яростью. Смех Рады сразу же прервался, да и лицо Алеора вытянулось, растеряв всю свою заносчивость. — Когда я пою Камню, я обращаюсь к его структурам, к его внутренней энергии, к самому Камню! Я, мать твою, не могу петь то же самое медведю!

— Тогда придумай другую песню! — лицо Алеора стало жестким, в голосе послышалась нотка горечи. — Иначе мы все передохнем, как мухи, как только сядет солнце, и петь ты уже больше никому не будешь.

Улыбашка в ответ только открывала и закрывала рот с таким беспомощным видом, что Лиаре стало ее искренне жаль. Впрочем, каждый из них вынужден был учиться, совершенствовать свои способности, развивать то, что уже было заложено в них их природой. И Улыбашка по сути ничем не отличалась ото всех остальных.

Вот только все равно эльф гаркнул на нее чересчур зло. Они вечно препирались друг с другом, кажется, больше всех остальных, только и делая, что соревнуясь в остроте языка, но вот так рявкнул он на нее впервые. Мы все устали, со вздохом подумала Лиара. Преграды оказались гораздо более тяжелым испытанием, и не только в смысле нагрузки на организм.

В конце концов, как-то разом скисшая Улыбашка только неловко пожала плечами и шмыгнула большим, не раз переломанным носом.

— Ладно, я попробую сделать так, как ты говоришь. И я приложу все свои силы, чтобы у меня получилось.

— Меньшего я от тебя и не ждал, — Алеор прямо взглянул на нее, и что-то вроде извинения промелькнуло в его взгляде. Гномиха вновь кивнула, молча принимая это. Потом эльф отвернулся и возвысил голос. — Что ж, друзья мои. Четыре преграды мы с вами уже миновали, причем без потерь и в добром здравии. Осталось не так уж и много. Еще три, и мы достигнем цели нашего путешествия, и все будет кончено.

Почему-то от этих слов Алеора Лиара поежилась. Казалось, эльф говорил вовсе не о том, о чем думала она сама. И это что-то не слишком нравилось ей.

===== Глава 14. Серая Гниль =====

С каждой пройденной сотней метров содержание отравы в воздухе только увеличивалось. Для внутреннего зрения Лиары, растворенной сознанием во всем окружающем, она виделась серой мутью, маревом, концентрация которого все росла. Эти серые споры, казалось, поглощали воздух, они распространялись с невероятной скоростью, словно чумное поветрие. И правда ведь, гниль. Серая Гниль. Губы Лиары кривились от омерзения, хоть физически она и не прикасалась к спорам отравы. Однако ощущение было таким, будто всю ее кожу измарали чем-то отвратительно липким, дурно пахнущим и не смывающимся. И даже больше того, это пробиралось ей под кожу, стремясь пропитать все тело насквозь.

Щит держался, крепкий, золотой, напитанный солнцем, оставляя всю эту муть за своими границами. Пока еще концентрация отравы в воздухе позволяла проветривать пространство внутри ограждающего барьера, и использовать сжиженный воздух необходимости не было. Но при тех темпах, с которыми распространялась гниль, совсем скоро уже поток свежего воздуха должен был прерваться. Впрочем, Лиара не беспокоилась. Если Улыбашка справится с Песней Камня, они смогут спокойно пройти Серую Гниль. Если же нет, то им в любом случае нужно будет идти вперед, и она придумает что-нибудь, чтобы защитить друзей. Обязательно придумает.

Разрыв в тучах, за которым висело низкое красное солнце, следовал по равнине вместе с путниками. Пока еще солнце висело справа от них, но оно медленно ползло к горизонту, а это означало, что закат не за горами. Несколько ухудшилась видимость. Сначала это было заметно только Лиаре, потом и остальные друзья тоже принялись щуриться и хмуриться, глядя вдаль. Снежная пурга продолжала мести, но к ней добавилась теперь еще и Серая Гниль, затянувшая небо толстым маревом, чем-то похожим на стелющийся над землей дым.

— Мы подходим, — сообщил Алеор, продолжающий все так же шагать в голове колонны. — Думаю, через полчаса уже войдем в пятую преграду.

— Нам надо еще что-нибудь знать о ней, Алеор, кроме того, что там нечем дышать? — поинтересовалась Рада. Она пробиралась сквозь сугробы рядом с Лиарой, поддерживая ее и помогая идти, и ее надежная теплая ладонь вселяла уверенность. — Может, какие-нибудь твари населяют Серую Гниль? Змеи, например?

— Конечно, Рада, там тебя ждут снежные змеи, — Алеор обернулся через плечо, ухмыляясь под нос. — Это такие особые змеи, которые просто обожают морозы и люютую стужу.

— Я серьезно, Алеор! — набычилась Рада. — Не хотелось бы еще каких-то непредвиденных сюрпризов, кроме воздуха, которым нельзя дышать.

— Нет там ничего, — отозвался эльф. — Именно потому, что воздух отравлен. Ничто в нем не выживает. Только трясина и вонь. — Помолчав, он добавил: — Я специально подгадал так, чтобы в Серую Гниль мы вошли в середине зимы, когда все накроет снег. Хотя бы трясина замерзнет. Но все равно двигайтесь осторожно. Там множество бочагов, в которые вы можете провалиться, и я не знаю, как отравка действует при прямом попадании на кожу.

Лиара оценивающе взглянула на эльфа. Да, Серую Гниль проходить зимой было легче, но вот Эрванский кряж в это время года становился вообще непроходимым. Значит, эльф поставил все на то, что Редлог проведет их подземными тоннелями. А если бы Редлога там не оказалось, что бы тогда они делали? Или если бы он не согласился им помочь? Сосредоточься! Вы уже за четвертой преградой. Алеору везет достаточно, чтобы все, что он

запланировал, складывалось. Значит, и до Черного Источника он тоже вас всех доведет.

Мелькнула мысль и о том, что создатели преград великолепно все продумали. Какой бы сезон ни выбрали желающие нарушить покой бездны мхира, их в любом случае ждали неприятности.

— Если зимой здесь такая вонь, то я даже не хочу представлять, каково здесь летом, — Улыбашка хмуρο огляделась по сторонам.

— Достаточно плохо, чтобы держаться от этого места как можно дальше, — ответил Алеор. — Впрочем, от сезона это не зависит.

Еще через час серое марево заволокло все. Теперь путники сбились плотной группой, держась как можно ближе к центру ограждающей сферы. Воздух вокруг них был чистым, но за пределами сферы клубился серый туман, накатывающий густыми валами прямо из-под ног и медленно поднимающийся вверх. Сквозь него проглядывал алый кружок солнца, света которого едва хватало для того, чтобы поддерживать щит в целости.

Сугробы под ногами стали ниже, более рыхлыми. Сапоги месили мокрый снег, выворачивая липкую грязь наружу, и Лиара поспешно укрыла спутников щитом и снизу, чтобы испарения земли не поднимались вверх в безопасную сферу. Теперь невидимый щит проходил в районе колен путников, и сапоги тонули в серой подушке испарений. Так как ничего не было видно вокруг, кроме красного солнца, Лиаре на миг подумалось, что они летят по дождевым облакам, а не идут по земле. Во всяком случае, выглядело это именно так.

Чем дальше они шли, тем мокрее становилось под ногами. Никаких растений здесь не было, ни единой травинки, ни одного камыша, так привычных глазу на болоте. Лиара поймала себя на том, что была бы просто счастлива увидеть хотя бы крохотное растение, но под ногами была лишь бугристая липкая грязь, кое-как укрытая снегом. Впрочем, лютый холод никуда не делся, теплее от того, что они шли по болоту, не становилось.

В серых валах отравы впереди не было видно ровным счетом ничего. Алеор шел первым, аккуратно ставя ноги и прощупывая почву, чтобы она могла выдержать его вес. По его напряженной спине и сведенным судорогой плечам Лиара поняла, что вовсе не этого ожидал эльф. Видимо, он надеялся, что зимой трясину укроет лед, сейчас же под ногами была все та же размокшая грязь, разве что присыпанная снегом.

Что касается самой Лиары, то она начала уставать. Поддерживать контакт и с облаками, и с защитным барьером, и с сжиженным воздухом, при этом оставаясь в собственном теле и продолжая шагать вперед, было гораздо сложнее, чем она думала. Теперь уже скользить по поверхности снега, едва оставляя за собой тонкую цепочку следов, у нее возможности не было. Как и все, она тяжело ковыляла сквозь сугробы, опираясь на руку Рады, почти повиснув на ней, и глядя только себе под ноги, чтобы не оступиться и не упасть. Предупреждение Алеора звонкой тетивой висело в воздухе, да ей и не нужно было этого предупреждения, чтобы опасаться грязи под ногами. Она чувствовала, насколько все вокруг пронизано отравой, и меньше всего на свете хотела, чтобы эта липкая грязь касалась ее кожи.

Вскоре внутри барьера начало не хватать воздуха. Передвижение по болоту отнимало много сил, друзья дышали рвано и часто, а потому и концентрация пригодного для дыхания воздуха стремительно сокращалась. Сжав зубы, Лиара погрузилась сознанием в удерживаемую ей под давлением сферу и отделила от нее одну крохотную каплю. Эта самая капля зависла в пространстве перед ней, тяжелая, будто свинцовый шар, и,

сосредоточившись, Лиара принялась очень медленно уменьшать давление на нее, благодаря которому капля оставалась густой.

Это оказалось очень сложно. Лиара снимала давление буквально по волоску, а шарик, будто живой, стремился вырваться из ее хватки, отчаянно сопротивлялся, как туго сжатая пружина, стремясь распрямиться в один миг. К тому моменту, как шарик полностью растворился внутри сферы, обогатив ее свежим воздухом, Лиара дрожала всем телом, а по ее лбу катились капли пота.

Рада тревожно оглядела ее и обернулась к друзьям.

— Если вы собираетесь использовать силы Жужи, то сейчас самое время. — Ее ладонь осторожно обняла Лиару за плечи, и та с благодарностью оперлась на нее. — Кажется, силы у искорки на исходе.

— Солнечный свет плохо проходит через это марево, — глухо пробормотала Лиара, чувствуя, как медленно и неохотно проворачивается язык во рту. Горло было совсем сухим, будто степь в летний зной. — Скоро я не смогу удерживать щит.

— Твой выход, Улыбашка, — бросил через плечо Алеор. — Иначе нам всем придется поиграть со смертью в кости. Людей среди нас, конечно, нет, вот только это все равно не убережет нас. Из двоих эльфов, надышавшихся этой гадостью, выжил только один. Так что я не знаю, как она подействует на представителей других рас.

— Вот как, — гномиха раздула щеки и громко выдохнула. — Так. Ладно.

— Это ведь не опасно? — боязливо взглянул на нее Редлог.

— А я почему знаю? — огрызнулась она в ответ. — Камню не опасно. Потому что Камню я петь умею.

— В любом случае, выбора у нас нет, — жестко напомнил Алеор.

Гномиха бросила на него насупленный взгляд, глубоко вздохнула, часто моргая, а потом слегка поотстала, чтобы идти рядом с Жужей. Тот сейчас плелся в самом конце, поскуливая и перепугано оглядываясь по сторонам. Лапы его были прижаты к груди, здоровенное брюхо выпирало уже так, что медведь тяжело переваливался из стороны в сторону, едва переставляя лапы. Взглянув на Улыбашку, он заскулил еще громче и попытался отодвинуться от нее как можно дальше, но Редлог удержал его на месте, взяв за переднюю лапу.

— Не бойся, друг, эта маленькая кривоногая женщина не сделает тебе ничего дурного. Не бойся, — успокаивающе заговорил он, и Жужа в отчаянии взглянул на него своими черными глазками, продолжая скулить.

— Каменоступый, выручай, — пробормотала Улыбашка, без всякой уверенности глядя на Жужу. — Я понимаю, это самая странная просьба из всех, с которыми я когда-либо обращалась к тебе, но все же.

Еще раз глубоко вздохнув, она негромко запела.

Только раз в жизни Лиара слышала Песнь Камня, несколько месяцев назад, в Мелонии, когда Алеор пел земле, чтобы увести их следы в сторону и обмануть Свору. Казалось, это было целую жизнь назад, и вообще это была не Лиара, а какой-то крохотный, забитый, перепуганный ребенок, которого ей было искренне жаль. Но сейчас на память пришло то, как это делал эльф: вязкая, тягучая, странно похожая на жужжание шмеля в жестяной банке песня на незнакомом языке.

То, что делала Улыбашка, было тем же, но иным. Голос эльфа, чистый и высокий по сравнению с хриловатым баском гномихи, тогда с трудом подстраивался под трудные нижние ноты, дрожал из-за чересчур большого напряжения голосовых связок, с трудом

пропевал вязкие слова, состоящие большей частью из согласных, на чужом языке. Улыбашке же этот язык был родным, да и песня — самой знакомой из всех возможных.

Странные волны порождал этот голос. Будто круги на застывшей глади илистого пруда, будто медленно текущая смола, чья капля так долго-долго набирается, чтобы сорваться вниз. Густой бас гномихи был объемным, живым, полным красок. Поначалу она пела без слов, выводя мелодию, что становилась все более громкой, более насыщенной. Так поднимается над горами ветер, сначала совсем слабый, едва колышущий листья. Но с каждой минутой порывы его все крепнут, воля становится все сильнее, нрав злее. Так рос и рос звук, рождающийся в горле маленькой гномихи, набирающийся силы и мощи.

Лиара поняла, что забыла обо всем на свете и, закрыв глаза, погружается в вибрирующую мощь Песни Камня. Она зашумела горным потоком, разлилась широкими водами великой реки. Эта мощь была молчаливыми горами, что безмолвно смотрели в огромное небо, собирая вокруг своих вершин бешено кружащиеся облака. Она была обвалами, что срывались с горных круч, в ярости низвергаясь вниз и волоча за собой переломанные деревья, громадные каменные глыбы, разрушая все и создавая новые ущелья, новые русла для горных рек, новые плато для редких обитателей круч — владык небес орлов и сумеречных котов. Эта мощь была зимней вьюгой на перевалах, которую ничто не могло остановить, порывами ветра, что рвали и рвали, обгладывали до костей ледяные бока гор. Она была тишиной глубоких червоточин у самых корней гор, где властвует вечная ночь и тишина, где эхо падающей воды гуляет по коридорам, и в подгорных озерах, чью гладь не колеблет ни одна волна, спят большие лишенные цвета слепые рыбы, что никогда не видели солнца.

Тугие волны звука проходили сквозь Лиару, сотрясая все ее тело. Словно больше она не была мешком из мяса и костей, обмотанным в сохраняющие тепло тряпки. Теперь ее тело казалось пористым, как песчаник, и песня гномихи властно вторгалась в эти крохотные ячейки ее плоти, заполняя ее, заставляя вибрировать в унисон.

Все замолчали, пораженные тем, что происходило сейчас. И тогда Улыбашка начала пропевать слова. В первый миг Лиаре показалось, что это не слова вовсе, что это — звуки, с которыми сходят лавины или скрипит под ногами белесый щебень на разливах горных рек. Потом слова прорезались более очевидно, словно неведомая вязь старых, потемневших от времени письмен на тусклом лезвии клинка. Ворчащие, тяжелые, с трудом перекатывающиеся во рту звуки; так мало гласных, так много странных, непривычных для слуха твердых звуков, напоминающих по своему звучанию то ли эхо крика хищной птицы, раздробившееся между скал, то ли густой рев высокогорного оленя осенью, когда туманы укрывают ущелья, когда задумчиво засыпает густой лес, когда приходит время шуршащих листьев и ветров зимы.

Что-то даже внутри самой Лиары отвечало на этот зов, поднимаясь из самых глубин ее существа, открывая слепые глаза и в первый миг узнавания глядя в ответ. Что-то такое мощное шевелилось в ней, содрогаясь от первого нервного напряжения, первого импульса, что был еще до мысли. Так рождающееся на свет живое существо, еще слепое и испуганное, слабое и непонимающее, где оно находится, в первый раз ощущает свои конечности, не подчиняющиеся его воле, делает первую попытку пошевелиться, которой сопротивляется девственно-чистая материя, еще ни разу не пробовавшая двинуться.

Все путники замерли, вслушиваясь в этот звук, напиваясь им, растворяясь в нем. На лицах их теперь не было никакого выражения, только глаза пытливо смотрели, смотрели в

никуда, отыскивая что-то невидимое им самим, но вполне осязаемое.

Но самым странным во всем этом была реакция Жужи. Он замер, глядя на Улыбашку огромными глазами, круглыми, словно две плоскости. Он больше не трясся, не боялся, не скулил, он смотрел на нее, не отводя взгляда, и что-то начало меняться.

Сначала Лиара ощутила это. Прилив свежести. Как будто первый утренний ветерок пробежался по сонным листьям, обещая зарю и рождение нового дня. Как будто прохладная роса рассыпалась бусинками по розовым мягким соцветиям клевера, и толстые шмели завозились в ней, неловко перебирая длинными лапками и недовольно жужжа. Она с наслаждением глотнула эту свежесть всей собой, приникла к ней, чувствуя, как растворяется усталость, уходит прочь тревога, боль, слабость. Глаза сами собой вывернулись, переходя на внутреннее зрение, и Лиара обернулась.

То, что она видела, было Чудом. Не было больше никакого медведя. Вместо него между Редлогом и Улыбашкой в снегу стояло что-то иное. Оно было высоким, с широкой грудью и мощными ногами, чем-то напоминающими львиные лапы. Его голова теперь возвышалась над землей на добрых два метра, и посреди широкой морды, какая не могла бы принадлежать ни единому живому существу, горели два глаза: глубокие, мудрые, спокойные, будто горное озеро. За спиной существа виднелись два крыла, дрожащих по краю и голубых, как и все его тело. И от него исходило переливающееся всеми цветами радуги мягкое сияние, заполнившее охранный барьер целиком, с легкостью пронзающее его стенки и расходящееся в разные стороны на несколько метров.

— Грозар Пресветлый! — едва слышно прошептала рядом Рада, сглатывая комок в горле.

Рассеянная мысль самым краем мазнула по сознанию Лиары: она что, тоже видит его истинный облик? Вот только думать сейчас Лиара была неспособна. Чужая сила, перемешенная с густыми волнами Песни Камня, полностью захватила ее, смыв все лишнее. Это совсем не походило на то, как приходила Великая Мать, и все же что-то было в этом, что-то очень знакомое и близкое Лиаре.

— Сработало! — голос Алеора звучал глухо, на него тоже, видимо, подействовала песня. Удовлетворенно кивнув, эльф приказал: — Пойдемте! Не знаю, сколько у нас времени, но тратить его впустую нельзя.

Слова Алеора доходили до Лиары откуда-то очень издалека и казались странно инородными в этом сплетении звука и света. Песня Камня заполняла собой ее всю, до самого основания, и человеческий голос на фоне этих гармоничных, плотных звуков казался лишенным силы, каким-то скомканным, сухим и жестким. Он был лишним здесь, где говорить не хотелось.

Рада взглянула на Лиару, и в глазах ее отражалось радужное пламя, что исходило сейчас от того, кто раньше был всего лишь странным, вечно перепуганным медведем. Естественно, что Редлог удивлялся, почему мы считаем его медведем. Это существо... ему даже нет названия.

Держась как можно ближе к Раде, Лиара зашагала вперед. Теперь уже не было нужды в солнечном щите: то, что делало это странное существо, полностью защищало их от отравы. Лиара видела, как Серая Гниль отступает, как она буквально выдавливается прочь мягким светом ауры зверя. Теперь вокруг них освободилось пространство в десяток метров в поперечнике, в которое ни единой крупинки гнили проникнуть не могло.

С наслаждением Лиара отпустила контакт с тучами над головой, медленно расплела

ограждающий их барьер. Теперь ей оставалось лишь поддерживать сферу со сжиженным воздухом, не давая той взорваться. Да, аура спутника Редлога защитила их от отравы, но чистого воздуха она прибавить не могла: ему просто негде было взяться в этом краю скверны, а потому его запас еще мог пригодиться.

Время теперь текло иначе. Лиара чувствовала себя маленьким семечком в бережных теплых руках, распутившейся почкой, плывущей по течению великой реки. Ее ноги все так же месили снег и грязь, она все так же опиралась на Радугу, шагая вперед, но теперь все было иным. Мягкий свет струился отовсюду, буквально заполнял пространство вокруг них и ее саму, и за ее спиной шагало вперед божественное существо с глазами-озерами и переливающимися крыльями.

Порой кто-нибудь из спутников оборачивался, снова и снова в неверии разглядывая истинный облик Жужу. На всех лицах, даже высеченном из твердых граней и углов лице Алеора, сейчас было одно — глубокое удивление. Это невозможно было понять умом, это просто можно было чувствовать всем своим существом, и Лиара отдалась этому ощущению всей собой.

Вот видишь, для того, чтобы жить и действовать, тебе совсем не нужен ум. Это была не мысль, но поток мыслеобразов, осознание, мягкое и текучее, как вода. Ровно так же, как не нужно ничего и этому существу, чтобы иметь два облика, завернутые один в другой, словно лепестки бутона.

Она даже не пыталась понять, чем был Жужа. Редлог, что шел сейчас рядом с ним, рассеяно чему-то улыбался, и глаза его тоже мерцали радужным цветом, как и у всех остальных спутников. Шаг его стал тверже, морщины на лице разгладились. Иногда он что-то тихонько шептал себе под нос, Лиара видела только, как его губы шевелятся, но не могла расслышать ни слова. То и дело ладонь мародера дотрагивалась до сияющей сущности, что двигалась рядом с ним по снегу, оставляя за собой глубокий прерывистый след. Наверное, для него вообще ничего не изменилось. Или изменилось все.

Постепенно Лиара поняла, что вокруг стемнело. Осознать это было сложно: мягкое сияние ауры охраняющего их существа заполняло все, и на его фоне свет солнца казался слишком бледным, слишком выстиранным. Однако вокруг них все как-то помрачнело, затуманилось сильнее. Теперь уже кружащаяся за пределами охранной сферы Серая Гниль казалась черной, плотной и почти живой. Но свет отгонял ее с такой легкостью, с такой тихой улыбкой, что Лиара совсем не боялась больше.

Единственное, о чем ей осталось беспокоиться, это о запасе свежего воздуха для друзей. Посчитать время, хотя бы отследить, как оно течет сейчас, она была просто не в состоянии. Казалось, вблизи этого существа времени просто не было. Оно пульсировало, оно жило, оно менялось буквально каждый миг, оставаясь тем же самым. словно солнечный свет, который движется так быстро, что кажется статичным.

Она только ощущала, что временами становилось сложнее дышать. Как будто воздух вокруг них уплотнялся, превращался во что-то горячее и чересчур густое. Тогда Лиара отделяла от сжиженной сферы перед собой одну маленькую каплю и с превеликой осторожностью позволяла ей расширяться, заполнить все. А потом вновь погружалась в мягкие переливы чужой силы, несущей и несущей ее вперед.

Пение Улыбашки теперь было вновь бессловесным. Она лишь выводила мелодию, один густой звук, временами меняющий тональность. Гномиха не прерывалась ни на миг, она без конца пела, и это походило на танцующие языки огня, поддерживающие тепло. В их танце

сияла аура спутника Редлога, пульсировала в такт, светом отвечала на перекааты звука. И это было завораживающе красиво.

Спустя вечность это начало медленно отступать прочь. Лиара даже не сразу уловила изменения, обратила на них внимание лишь тогда, когда свет радужной ауры вокруг них начал медленно тускнеть. На смену ему пришел какой-то иной свет, казавшийся таким выстиранным, таким холодным. Лиара сощурилась, заморгала, возвращаясь в себя, начиная вновь осознавать весь окружающий мир.

Серой Гнили больше не было в воздухе, лишь слабое дуновение неприятной отравы доносил ветер откуда-то со спины. Метель успокоилась, но небо все еще было затянуто плотным полотном туч, и сквозь него лился тусклый разреженный свет зимнего солнца. Под ее ногами был толстый слой снега, и Лиара заморгала, чувствуя ледяные прикосновения мороза. Все ее сапоги и штаны почти до середины бедра обледенели, покрывшись застывшей коркой снега и грязи, они были жесткими и кололи кожу ног, по которой то и дело пробегали крапивные укусы боли.

Лиара остановилась, моргая, словно только что очнулась ото сна. Она чувствовала себя донельзя усталой и истощенной, как пересушенное на солнце белье. Сфера сжиженного воздуха над ее ладонью опасно мерцала, готовая взорваться в любой миг. Поспешно Лиара усилила свое присутствие в пространстве, давя на нее со всех сторон. Это слегка стабилизировало структуру, но ощущение было очень неприятным. От усталости ее покачивало, и вместе с ней колебалась и сфера. Лиара чувствовала, что еще немного, и она сама утратит контроль над собственным телом, и тогда произойдет взрыв. Песнь Камня и сила ауры божественного существа помогали и поддерживали ее, но теперь их больше не было.

— Где мы? — хрипло пробормотала Рада, заозиравшись по сторонам. Вид у нее был такой, будто ее только что резко разбудили после долгого глубокого сна. — Уже рассвело?

— Да, — сдавленно бросил Алеор. Он уселся прямо в сугроб впереди них и теперь растирал полными пригоршнями снега лицо, чтобы прийти в себя.

Лиара обернулась назад. Кай тяжело сложился пополам, упираясь каменными ладонями в колени, Улыбашка и вовсе растянулась во весь рост в сугробе, закрыв глаза и тяжело дыша. Только Редлог с Жужей выглядели бодрыми и полными сил, будто для них этот долгий путь не составил никакой трудности.

— Я чувствую себя... отлично! — мародер довольно потянулся всем телом и энергично хлопнул медведя по косматому плечу. — А ты, мой друг?

В ответ Жужа издал какой-то странный скулеж и принялся вылизывать переднюю лапу. Ничего в нем больше не напоминало то сотканное из света существо, что еще какие-то несколько мгновений назад защищало их от отравленного зловония болот.

— Маленькая женщина, ты нам очень помогла! — мародер картинно раскланялся перед Улыбашкой, взмахнув замызганной полкой своей кожаной куртки. Как он только не мерз в этом, Лиара просто не могла понять. — Если бы ты сразу сказала, что твое волшебное пение придаст нам столько сил, я бы попросил тебя начать его еще раньше!

— Отвали, постылый! — с трудом простонала гномиха. Голос ее был таким сиплым, что Лиара почти не узнала его. Кажется, Улыбашка окончательно сорвала голосовые связки. — Чтоб еще раз я согласилась на что-то подобное... — Гномиха закашлялась и едва слышно застонала. Звук был похож на скрип заржавевших дверных петель.

— Как прикажешь, моя маленькая госпожа! — Редлог вновь поклонился и повернулся к

Алеору. — Друг мой, я должен поблагодарить тебя за этот чудесный дар! Я принимаю твое подношение. Так хорошо я не чувствовал себя уже давно.

— Я очень рад этому, — проворчал эльф безо всякого энтузиазма в голосе.

— Так что же мы тогда стоим, друзья мои? — Редлог выпрямился и широко улыбнулся. Вид у него был таким, словно он готов был попрыгивать на месте. — Скорее вперед! Осталось всего-то две преграды, и я уверен, что мы с легкостью преодолеем их!

— Погоди, дай хоть дух перевести, — проворчала Рада, морщась и глядя на мародера.

Лиара позволила себе несколько раз вдохнуть и выдохнуть, а затем очень аккуратно принялась уменьшать давление на поверхность воздушной сферы. И сразу же ощутила такой мощный толчок, что прервала все свои действия.

Подобный молнии разряд страха пронзил спину насквозь, и липкий холодный пот выступил на лбу. Она лихорадочно воззрилась на сферу, понимая, что сейчас не может сделать с ней ровным счетом ничего. Одной попытки было вполне достаточно, чтобы понять: как только давление на сферу снизится хотя бы на волосок, произойдет резкое расширение и взрыв, которым их всех, скорее всего, разорвет на мелкие кусочки.

— У нас проблема, — Лиара облизнула пересохшие губы. После того, как она один раз попробовала ослабить сферу, сдерживать ее теперь было в десятки раз сложнее. На это уходила буквально вся ее концентрация, вся, до последней капли.

— Что еще? — простонала Улыбашка из сугроба, а Рада сразу же тревожно нахмурилась:

— Что такое, искорка? Что случилось?

— Я не могу уничтожить эту сферу, — Лиара чувствовала капли пота, которые стекали по лицу, срываясь с кончика носа и подбородка. Сфера сжатого воздуха под пальцами буквально тряслась, готовая в любой миг лопнуть. — И я едва могу удержать ее. В любой момент она может взорваться.

— Взорваться? — вскинул голову Кай. Взгляд его был пронзительным.

— Ну твою же бхару! — выругалась Улыбашка.

— И что нам делать? — резко спросил Алеор.

Лиара и сама лихорадочно пыталась придумать выход из ситуации. Единственное, что приходило на ум — бежать, никакого другого варианта она не видела.

— Я постараюсь зафиксировать ее на месте, — она кивнула самой себе, понимая, что это единственный выход. Сил на то, чтобы перенести ее в другое место, у нее уже не было. — А потом мы как можно быстрее покинем это место. Как можно быстрее.

— Держи ее столько, сколько сможешь, — приказал Алеор, поднимаясь из снега. — Кай, бери Улыбашку, понесешь ее, вряд ли она сама сможет идти. А мы с Радой поможем Светозарной.

— Я не мешок с сеном! — заворчала гномиха, барахтаясь в снегу, но очень вяло. — Я могу идти сама!

— Ты едва ползешь по сугробам, и когда сил у тебя много, — отрезал Алеор. — Просто молчи и получай удовольствие. Когда еще такую тушу кто-нибудь будет носить на руках?

Улыбашка начала возмущаться в ответ, но Лиара уже не слушала. Она очень аккуратно опустила сферу, подвесив ее прямо над самым снегом. Чтобы удерживать ее на месте, ей приходилось буквально выжимать из себя самые последние капли сил, но пока что сфера оставалась стабильной. Она болезненно мерцала, пульсировала по краям, грозя в любой момент выйти из-под контроля, но пока еще Лиара держала ее железной рукой.

— Я ее понесу. — Она даже и пикнуть не успела, когда Алеор с легкостью, будто пушинку, подхватил ее на руки. — Я смогу бежать по снегу, Рада! Не спорь! Так будет быстрее!

— Проклятье, Алеор, дай ее мне! — прорычала Рада, и в голосе ее прорезался гнев.

— Ты, как и Улыбашка, тонешь в сугробах. Лучше сама беги. Мы не можем терять ни минуты. Ничего с твоей искоркой не случится. — Алеор взглянул на Лиару и хмыкнул. — Ну что, Светозарная, держись!

Не дожидаясь больше ничего разрешения, Алеор легко вспрыгнул на поверхность снега, прижал ее к себе и побежал.

Странность всего происходящего пробилась даже сквозь ее концентрацию. Лиара успела привыкнуть к рукам и теплу Рады, и ей доверяла целиком и полностью. Алеор же был хоть и не совсем чужим, но не настолько родным ей, чтобы на его руках ей было уютно. Лиара чувствовала телом его сухие жесткие мышцы, до нее доходил терпкий запах кожи эльфа, совсем не похожий на теплый запах Рады, всегда напоминающей о доме. Да и сжимал ее он сильнее, чем она к тому привыкла, но сейчас у них действительно не было выбора, как и сил спорить у Лиары не осталось совсем.

Обхватив Алеора за шею, она обернулась через его плечо. Друзья бежали цепочкой: первый Алеор с ней на руках, за ним Рада, следом Кай с гномихой, и последними догоняли Редлог с Жужей, причем оба двигались с такой легкостью, словно предыдущие несколько месяцев непрерывно отсыпались. Глаза ее метнулись за спины друзей: там над снегом пульсировала в воздухе сфера. Лиара знала: стоит ей хоть на миг потерять концентрацию, как произойдет неминуемый взрыв.

Сердце колотилось уже в глотке, пот выступил и под одеждой, обхватив все ее тело ледяными скобами. Лиара задыхалась, чувствуя, как сфера изо всех сил стремится расшириться, как туго сдавленный воздух бьется и бьется в стенки, будто живой. Нервными окончаниями, стальными нитями собственного сознания она оплела ее со всех сторон, намертво сковала, вкладывая в это всю себя. И все равно этого было недостаточно, слишком мало.

Длинные ноги Алеора отмеряли метр за метром, за его спиной пыхла Рада, продираясь через сугробы, но не сбавляя темпа. Тяжело дышал Кай, волоча на руках неподъемную гномиху. Редлог бежал так, будто кто-то поджег ему пятки, а Жужа наконец-то опустился на четыре лапы и буквально стелился над снегом, причем его круглое брюхо сейчас совсем не мешало ему.

В тишине замерзшей зимы между двумя непроходимыми доселе преградами они бежали на запад, оставляя за собой опасно мерцающую сферу. Все смешалось перед глазами Лиары: небо, снег, черные волосы Алеора, которые трепал ветер. Она изо всех сил концентрировалась на том, чтобы давить на неподатливые края сферы, ходящие ходуном, словно море в непогоду. Великая Мать, помоги, помоги мне!

— Не могу!.. — с трудом выдохнула Лиара, чувствуя, как кружатся перед глазами красные мухи. — Не могу!..

— Держись, девочка! — прорычал Алеор. — Мы здесь как на ладони! Даже холма нет, чтобы смягчить удар! Держись!

Лиара из последних сил заставила себя собраться. Поверх плеча Алеора краем глаза она видела бегущую Раду: глаза той не отрывались от Лиары, лицо было искажено тревогой и страхом. И боялась она вовсе не взрыва, боялась она за свою искорку.

Ради нее, ради того, чтобы она жила! Пожалуйста, Великая Мать, еще немного!

Секунды превратились в раскаленные донельзя угли, которыми Лиару засыпали со всех сторон, и она кричала, обжигаясь и пытаясь вырваться из этой муки, но конца ей не было. Сознание дрожало туго натянутой тетивой, будто с другой стороны тысячи волов тянули ее на пределе своих сил, стремясь вырвать из Лиары ее собственную душу. Никогда еще она не чувствовала такого напряжения, никогда.

Если сейчас эта струна лопнет, я умру. С ужасом, замершая внутри безвременья, она наблюдала за тем, как по волоску начинают разрушаться структуры. Структуры того, чем она была.

— Все!.. — выдохнула Лиара.

— Держись! — рявкнул эльф. — Еще немно...

За миг до того, как лопнула связь между ней и окружающим, Лиара отпустила ее сама, а в следующий миг разразился взрыв.

Пространство будто втянулось внутрь, отчего Алеора сильно накренило назад, и Лиара ощутила, как он теряет опору на снегу. Потом в беззвучной тишине сгущенная в точку сфера сжатого воздуха взорвалась с силой тысячи сваленных в одну кучу бочек с маслом.

Лиара успела зажмуриться и укрыться за плечом эльфа. Сильнейший удар швырнул Алеора вперед, и его руки разжались. Они оба покатались по снегу кубарем, врезаясь во все, получая тычки и удары от собственной поклажи, которая все еще каким-то чудом осталась в вещмешках на их спинах.

Глотая ртом снег, вслепую шаря вокруг руками, Лиара на миг ощутила невыразимый ужас от того, что связь с сознанием могла прерваться. Впрочем, она сразу же укорила себя: раз она еще что-то чувствовала, значит, осталась цела. Судорожно вздохнув, она выбралась из сугроба и вскинула голову, оглядываясь по сторонам.

Рядом в снегу распластался Алеор, рвано дышащий, а значит, живой. Еще чуть дальше навзничь лежала Рада. Страх вновь затопил все существо Лиары, и она дернулась к Раде, боясь не найти ничего. Впрочем, почти сразу же она лихорадочно всхлипнула, отдергиваясь. Рада была жива, только потеряла сознание от удара чудовищной мощи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Взгляд ее заскользил дальше, туда, где в сугробе возились ильтонец и сыплющая проклятиями гномиха. Чуть в стороне, тяжело дыша, выбирался из снега Редлог, а рядом громко и болезненно ревел Жужа, и его голос был самым громким звуком в окружающей их зимней тишине. И все равно он доходил до Лиары как будто со стороны, через плотный слой ваты, забившей уши.

Убедившись, что все друзья живы, она взглянула туда, где всего несколько мгновений назад еще болезненно мерцала в воздухе сжатая сфера. Теперь на месте равнины темнела громадная черная воронка метров в пятьдесят в поперечнике с вывернутыми краями, комья земли, глины и камней усыпали весь снег вокруг ровным слоем. Лиара сглотнула. Друзья успели отбежать от того места не более, чем на километр, и даже при этом удар был настолько сильным, что едва не убил их всех. Что же было бы, если...

— Забавную штуку ты проделала, Светозарная, — криво усмехнулся усевшийся в снегу Алеор, стирая кровь с разбитых губ и глядя в ту же сторону, что и она. Он держал спину неестественно прямо, словно вместо хребта у него сейчас был воткнут железный штырь. — Забавную и очень полезную. Запомни, как ты это сделала. Когда начнется Танец Хаоса, она может нам всем очень пригодиться.

Лиара содрогнулась от его предположения. Одна мысль о том, чтобы использовать такую разрушительную мощь в войне, привела ее в ужас. Сколько людей разорвет на клочки, стоит только кому-нибудь создать шарик, что только что был у нее в руках, совсем небольшой шарик, величиной с человеческую голову. Если только еще кто-нибудь узнает о том, как создать такую сферу, мир обречен.

Сейчас она вдруг ощутила себя совсем маленькой, донельзя перепуганной и очень уязвимой. То ли от усталости от всего этого, то ли от шока, то ли от боли в отбитом теле, только все внутри Лиары сжалось в саднящий узел, и она поняла, что еще чуть-чуть, и сорвется. А слова эльфа кольнули в самое нежное и так глубоко, что страх вцепился в нее еще сильнее своими стальными когтями.

— Алеор! — забыв обо всем, она обернулась к эльфу. — Молю тебя! Никому не говори о том, как я это сделала!

— Ты с ума сошла, Светозарная? — недоверчиво хмыкнул тот. — Это же оружие! И какое оружие!

— Алеор, я прошу тебя, я тебя умоляю ради всего святого, что есть в этом мире, ради Рады, ради самого тебя! Именем моей матери я молю тебя, никогда никому не рассказывай об этом, слышишь?!

Лиара поняла, что кричит, надрывая горло, частично оттого, что до сих пор плохо слышала, частично оттого, что сердце в груди разрывалось почти что пополам. Наверное, истерика, отстраненно шепнул внутренний голос, но остановиться Лиара уже не могла. Горячие слезы обожгли глотку, живот скрутил холодный липкий спрут ужаса от того, что она только что сотворила собственными руками. От того, что она выпустила в мир. По лицу Алеора промелькнуло что-то, напоминающее тревогу и страх, и брови его нахмурились.

— Нам нужно будет бороться с живыми трупами, Лиара. Нам нужно будет средство, чтобы остановить их. Ты понимаешь это?

— Я понимаю это, Алеор! — почти прокричала она. — Но оружие, что однажды создано, пусть даже для защиты, рано или поздно будет направлено против того, кто его создал! Сколько людей погибнет из-за этого? Скольких я уже убила прямо сейчас, поняв, как это сделать? — Лиара содрогнулась всем телом. — Сила, что дается нам, эта сила никогда не должна быть использована во вред живым существам! Никогда! Иначе мы обречены, Алеор!

Несколько секунд он смотрел ей в глаза молча, пристально и тяжело, отыскивая что-то в ее душе. Лиара не способна была ничего сейчас ни сказать, ни сделать, ни о чем думать. Она вся целиком превратилась в единую мольбу, единую просьбу, направленную к ногам этого эльфа. Она готова была на коленях перед ним по земле ползать, лишь бы он поклялся ей.

Перед внутренним взором Лиары проносились картины. Города, разрушаемые взрывом, вопящие люди, которых разрывает на куски, вывороченная земля и камни там, где раньше была зеленая трава. Великая Мать, я не этого хотела! Я не этого добивалась! Молю тебя, убереги!..

Через минуту, показавшуюся вечностью, эльф очень медленно кивнул, не сводя с нее глаз.

— Коли это так важно для тебя, Светозарная, я забуду о том, что видел здесь. — Лиара всем телом выдохнула, подаваясь вперед, чтобы обнять его, но жесткая ладонь эльфа, поднятая перед ней, остановила ее, а об его взгляд можно было распороть руки. — Только

помни одну вещь. Попустительство и несопротивление, непричинение вреда и вечная милость на лице — зло гораздо большее, чем убийство и насилие. Оно создает дисбаланс, оно перевешивает весы мира в одну сторону, и рано или поздно, когда оно исчезает с чаши весов, происходит взрыв, точно такой же, какой мы сейчас видели. И насилие берет свое, берет с лихвой и в десятки раз хуже. Кровь фонтаном прольется там, где раньше текла по капле. — Лиара ощутила озноб. Алеор смотрел на нее так тяжело, что выдерживать его взгляд было невыносимо, но и отвести глаза она тоже не смела. — Ты никогда не сможешь обмануть кровавых жадных богов, упивающихся смертью, Лиара, никто не сможет. И ты потерпишь поражение, раздавленная их поступью вместе со всей своей милостью и невмешательством.

Слова эти звучали словно пророчество, сковав ее на миг могильным холодом. Лиара тяжело сглотнула застрявший в горле комок. Эльф говорил сейчас так, будто знал что-то, что-то неведомое ей, и хоть она и не разделяла его точку зрения, но чувствовала в его тоне могучую силу, неумолимую, как вина.

Лиара открыла было рот, чтобы ответить ему, но тут громкий болезненный рев медведя пронзил снежную равнину, а следом за ним прозвучал отчаянный крик Редлога.

===== Глава 15. Рождение чуда =====

С трудом продравшись сквозь липкую муть, доставшуюся ей от удара об землю, Рада пришла в себя. И сразу же застонала, ощутив, что болит у нее сейчас абсолютно все. Казалось, что по ее спине прогнали табун лошадей, которые своими проклятыми копытами измяли и переломали все ее кости. На память пришел бешеный бег по снегу, бесшумный взрыв и мощный удар в спину. Дышать до сих пор было тяжело, грудь сдавило, и Рада внимательно прислушалась к себе, не сломаны ребра? Но и на этот раз боги защитили ее: в груди болело сильно, но не настолько, чтобы это был перелом.

Лицом она лежала в сугробе, и, не осознавая, что делает, Рада набрала полный рот снега. Он моментально обжег горло, болью сковал зубы, но это было так хорошо, когда талая ледяная вода полилась в пересушенную обожженную бегом плотку. К тому же, холод моментально отрезвил ее и привел в себя.

Искорка! — промелькнуло в мозгу, и Рада, преодолевая боль, заставила себя выбраться из сугроба и оглядеться.

Она была совсем рядом, буквально в двух шагах, целая и невредимая. Только вот лицо ее сейчас почему-то исказило страдание, и по щекам, размывая пыль и грязь, бежали две светлые дорожки слез. Напротив нее сидел Алеор, тяжело глядя на нее и что-то тихо говоря, а Лиара только качала головой в ответ на его слова, словно не хотела слышать или понимать их смысла. Рада нахмурилась, чувствуя, как внутри поднимается тревога. Что еще там эльф вещал искорке? Если он обидел ее...

Она вздрогнула всем телом и резко обернулась, когда над холодной степью разнесся отчаянный вопль Редлога, перемешавшийся с полным боли ревом медведя. Мародер буквально подорвался с места и бросился к Жуже, растянувшись сейчас на снегу и так надрывно, так отчаянно кричащему, что сердце Рады сжалось. Упав на колени возле медведя, Редлог потянул к нему дрожащие руки.

— Жужа! Друг! Что с тобой?! Ты расшибся? Ты ударился? Ты что-то сломал?!

Медведь в ответ продолжал лишь надрывно скулить. Насколько Раде было видно, никаких внешних повреждений у него не было, но при этом громадная покрытая мехом туша припала к земле, распахнув красную пасть и отчаянно вопя, так, словно его ножом резали по

живому. Раде внезапно подумалось, что все, что с ними случилось буквально несколько минут назад, в Серой Гнили, — всего лишь ее сон и выдумка. Скулящий мохнатый медведь, весь вывалившийся в снег, что сейчас был перед ее глазами, совершенно не походил на то прозрачное крылатое существо, что защитило их при переходе через болото.

— Что там на этот раз? — хмуро буркнула Улыбашка, отряхиваясь от снега. Дубленка у нее от падения криво сбилась, и гномихе пришлось перетягивать ее ровнее. — Что еще могло случиться?

— Жужа! Друг! Поговори со мной! — заламывая руки, драл глотку Редлог, и от его воплей, перепутанных с ревом медведя, в ушах у Рады громко звенело.

— Дай, я посмотрю, — Кай тяжело выкарабкался из сугроба и направился к ним. — Может, он повредил что-нибудь во время падения.

— Но ты же не можешь его исцелить! — запричитал Редлог. — Мы же пробовали, и твоя сила на него не действует! Что же мне делать тогда, что делать?! О, Жужа!

Раде было искренне жаль медведя, особенно, если он действительно получил серьезные повреждения при падении. Но сейчас ее гораздо больше интересовало то, почему Лиара была в таком состоянии и плакала навзрыд, дрожа, будто осиновый листок на ветру. Лицо Алеора, отвернувшегося от нее, было жестким. Кулаки Рады сами собой сжались. Что такого он сказал ей, что довел ее до такого состояния? Клянусь, он ответит за каждое слово, которое ее ранило! Кем бы он ни был!

— Что там, Кай? — Алеор уже не смотрел на Лиару, взгляд его был сосредоточенным и собранным. — Он сможет продолжить путь?

— Ты... — Редлог открыл рот, только шумно дыша и глядя на Алеора широко распахнутыми глазами. На лице его неверие мешалось с ужасом. — Ты... Как ты можешь такое говорить?! Неужели же ты собираешься бросить его здесь одного?! После всего, что он сделал для нас?!

— Нет, Редлог, мы никого не бросим, — устало покачал головой Алеор. — Просто нужно решить, как нам нести его дальше, если сам он идти не сможет.

Мародер в ответ засопел носом, выражая свое негодование. Громко ревел медведь, над которым сейчас склонился Кай, осматривая его. В стороне стояла Улыбашка, поглядывая на всю компанию с недовольным видом. Губы ее тихонько шевелились, словно она бормотала под нос проклятия. Но Раде было не до того. С трудом поднявшись на ноги и морщась от каждого шага, она поковыляла к содрогающейся от рыданий искорке.

Та закрыла лицо руками и дрожала, такая маленькая, такая перепуганная, вся покрытая снегом. Сердце Рады сжалось: смотреть, как она плачет, было просто невыносимо. Почти что упав возле нее в снег, Рада положила руки ей на плечи, пытаясь заглянуть в лицо:

— Милая моя, зоренька моя светлая, что случилось? Тебе больно? Ты расшиблась?

Лиара в ответ отрицательно замотала головой, но перестать плакать просто не могла.

— Все с ней в порядке, — бросил поднявшийся и отряхивающий штаны Алеор, поджав губы. Вид у него был недовольным. — Оклемается сейчас.

Ярость взметнулась в Раде с такой силой, что буквально подбросила ее на ноги и швырнула к эльфу.

— Что ты сказал ей? — прорычала она, чувствуя, как разбухают жилы на шее, а кулаки наливаются свинцом. — Это ты ее до такого состояния довел?!

— Не ори, — скорчился эльф, мазнув по ней хмурым взглядом. — Ничего я ей не делал.

— Тогда почему она плачет?!

— Алеор, — негромко позвал Кай, склонившийся над Жужей. В голосе его прозвучали странные нотки.

Эльф обернулся к нему, и Рада буквально полыхнула, будто внутри взорвалось пламя, точно такое же, как несколько секунд назад на равнине за ними. Грубо рванув Алеора за плечо, она развернула его к себе.

— Я с тобой разговариваю, Алеор! Будь добр ответить мне!

— Ты забываешься, — в ледяных глазах эльфа заворочалась плохо сдерживаемая угроза. — Не истери, будто девка дворовая. Все с твоей искоркой нормально. Сейчас проревеется и успокоится.

— Алеор! — уже настойчивее позвал его Кай.

Больше всего Раде сейчас хотелось ударить эльфа прямо в его недовольное вытянутое лицо. Он никогда не знал этих чувств, он никогда не любил никого, кроме самого себя. Он жил лишь для смерти и собственной славы, он насмеялся над чужим горем ровно так же, как и над чужим счастьем, считая, что имеет право судить.

Что-то глубоко внутри Рады шептало ей, что она сейчас очень жестоко ошибается, что она должна немедленно остановиться, но так долго сдерживаемая усталость, давление этого проклятого похода, неизвестность, боль и ярость смешались в такой тугий раскаленный узел, что сейчас она просто не в состоянии была контролировать себя.

— Что ты сделал с ней? — голос дрожал, горло то и дело перехватывала раскаленная добела рука гнева. — Я доверила ее тебе буквально на несколько минут, и что в итоге? Что ты наговорил ей, что она даже успокоиться не может?

— То, на что тебе никогда не хватило бы смелости, — очень тихо произнес Алеор, глядя прямо ей в глаза. — То, что она должна была услышать хотя бы раз в жизни. — Рада заскрежетала зубами, но выговорить ни слова он ей не дал. Сейчас голос Алеора больше всего походил на леденящее душу шипение гадюки. — Вы здесь все так носитесь со своей добротой, со своим милосердием, со своей Великой Матерью, которая вас так защищает! Вы думаете, что буквально состоите из света и радости, и что весь мир такой же, но это не так! Любой вокруг вас за приличную сумму денег ткнет вас ножом в бок, а если и нет, то будет хлопать в ладоши и с замиранием сердца смотреть, как вам рубят голову на площади! Ему не нужно будет никакого повода для этого и никакого достойного объяснения. Он не будет вдумываться, правы вы или виноваты, ведь в этот момент он чувствует свою власть над вами, он наслаждается зрелищем вашего страдания из безопасности своей мнимой невинности! — Голос Алеора становился все громче, и слова падали на Радку, будто тяжелые камни. Она внезапно ощутила неуверенность: ее гнев, каким бы праведным он ни был, сейчас делал ее уязвимой, а эльфа — правым во всем. — Любой обворует вас и обманет, коли у него будет возможность. Не потому, что испытывает что-то плохое лично против вас, но потому что считает себя недооцененным и свои интересы ставит превыше всего остального в мире! А когда начнется война, этот самый любой с огромной радостью будет провожать вас на нее, лить горькие слезы из-за вашего ухода, махать вам вслед платочком и усыпать вашу дорогу цветами. А в душе только и думать о том, что не ему там умирать, а вам, и за это спасибо милостивым богам. И этих людей вы со Светозарной хотите спасти? Их вы хотите защитить? — Глаза Алеора сверкнули лютой яростью. — Мне уже поперек глотки стоят все ваши вечные блявня про доброту, любовь и взаимопомощь! Про то, что кого-то надо защищать и спасать, про то, что оружие, которое действительно могло кого-то защитить, не должно быть использовано в бою! Меня тошнит от вашего

самолюбования, ведь вы ничем не отличаетесь от всех остальных! Вы почему-то решили, что имеете право судить о том, что верно и хорошо для других людей, что только ваши слова несут истину и защиту, что только ваша правда убережет мир! Но это не так, Рада! Пока вы будете молиться и поднимать очи небу, пока будете петь свои вечные песенки про Великую Мать и купаться в радости, кто-то должен будет в крови и дерьме по уши делать за вас всю грязную работу, чтобы ничто не отвлекало вас от вашего возвышенного пения! И меня воротит от таких, как вы! — Алеор сплюнул на землю, и Рада ощутила, как немеет все внутри нее, все быстрее и быстрее превращаясь в вымерзший кусок льда. — Каждый раз, когда очередной благостный придурок, выбирает несражение и несопротивление вместо того, чтобы встать и честно принять бой, кто-то другой подышает за него. Каждый раз, когда кто-то говорит о справедливости и добре, где-то в другом месте этого мира десяток людей лишаются жизни из-за несправедливости и зла. И ты не можешь это изменить, потому что таков мир, а все твои иллюзии на этот счет — это вранье, ложь и слабость, это лень и желание сберечь собственную шкуру. — Он замолчал на несколько мгновений, глядя своими жестокими глазами ей в глаза. А потом тяжело закончил: — Вот это я и сказал твоей искорке, Рада. И я не вижу в этом ничего такого, из-за чего можно было бы так убиваться.

Словно оглушенная, Рада стояла и смотрела на него, и смысл слов эльфа очень медленно достигал ее сознания. Его гнев в разы превышал ее собственный, его слова ранили так больно, так глубоко, что вся ярость моментально слетела с Рады прочь, будто смытая ледяным душем. И как бы ни шатался сейчас мир под ее ногами, как бы ни стремилась Рада хотя бы кончиками пальцев ухватиться хоть за что-нибудь привычное, а только сейчас она чувствовала, что Алеор прав. Не во всем, далеко не во всем, но прав. Она и сама думала что-то подобное, просто не так жестко, как он. Не так прямо, как он. Хоть с самой собой-то будет искренней. Не так прямо и не так честно, как он.

А еще более горячей волной ее накрыл стыд, такой сильный, что Рада не в состоянии была больше смотреть в лицо Алеора и опустила глаза. Он сказал, что презирает таких, как она. Ее брат, ее самый близкий и единственный друг. Рада понимала, что это могло быть сказано в запале, сгоряча. Она только сейчас осознала, насколько сильно устал сам Алеор, таща их вперед все это время, подбадривая их, следя за тем, чтобы они не унывали, чтобы у них всегда была мотивация двигаться дальше, переводя на себя все их возможные скандалы и склоки. В конце концов, все они были совершенно разными людьми с разными характерами и жизнями и последние недели вынуждены были постоянно находиться в обществе друг друга, делить тяжелый путь на всех, приспособливаться. И Алеор только и делал, что брал на себя всю их усталость и раздражение, раз за разом заставлял их срываться на нем самом, чтобы они могли спустить лишний пар и продолжать путь. А вместо того, чтобы понять это, оценить и помочь ему, Рада только и делала, что ровно как и все остальные срывалась и сливала на него всю свою усталость. Крохотный муравей точит корни даже самого большого дерева. Старая мелонская поговорка как всегда пришлась кстати.

Пусть и брошенные в сердцах, слова Алеора ударили глубоко, так глубоко, как она и сама даже не ожидала. И вместо гнева вызвали глубокое раскаяние и стыд.

— Прости меня, брат, — хрипло проговорила она, с трудом проталкивая слова через пережатое горло. — Мне не следовало... — дальше Рада говорить уже не могла, да и не знала, что сказать.

— Ничего, — бросил эльф, разворачиваясь и отходя прочь, и Рада вновь содрогнулась. Будто последний камушек, самый болезненный, на груди того битого кирпича, что

сейчас прижимал ее к земле и был ее собственной гордостью, с такой легкостью разбитой на куски эльфом.

Подотри сопли. Вряд ли сейчас ее внутренний голос был мягче голоса Алеора. Ты чувствовала, что не стоит выходить из себя, ты прекрасно это знала, но ты не послушалась. Ты хотела что-то доказать и получила ровно столько, сколько заработала. И если ты хочешь хоть чего-то добиться, то возьми себя в руки и сделай из этого вывод. В следующий раз не будешь драть глотку попусту.

Рада не в силах была сейчас поднять глаза от снега под своими сапогами, но краем зрения уловила поднимающуюся на ноги искорку. Лицо той было встревоженным, ладошкой она растерла по щекам последние следы слез и неуверенно протянула руку, дотронувшись до предплечья Рады. Ее тревожный взгляд жег так же больно, как и жесткие слова эльфа, и Рада не в силах была смотреть на нее.

— Я сама виновата, — хрипло бросила она, надеясь, что этого будет достаточно, и Лиара не станет увеличивать ее позор еще больше, начав ее утешать. — Получила по морде за дело. Все честно. В следующий раз буду умнее.

Шмыгнув носом, она потерла его кончик кулаком и через силу улыбнулась Лиаре, пряча поглубже свою боль. В глазах искорки была тревога, но она только кивнула, точно так же неуверенно улыбнувшись ей в ответ. Она никогда не станет позорить меня. Что бы ни произошло.

Тем временем Алеор встряхнулся, словно кот, сбрасывая с плеч раздражение и усталость, и вновь стал тем самым Алеором, которого они все привыкли видеть: энергичным, собранным и сосредоточенным на своей задаче. Разве что Раде чувствовалось что-то неуловимое в развороте его плеч, что говорило о том, насколько глубоко уязвлен сам эльф. Она вновь шмыгнула носом, чувствуя себя полной дурой. Раз уж решила собраться и соответствовать требованиям, то и не нужно было дальше топтаться, как нашкодивший щенок.

Улыбашка окинула ее осторожным взглядом и почти сразу же отвернулась, кашлянув в кулак. Похоже, она оказалась единственной свидетельницей их ссоры; Кай с Редлогом были настолько увлечены состоянием медведя, что до окружающего мира им и дела не было.

Алеор подошел к скулящему в снегу Жуже, который сейчас немного попритих, и повернулся к Каю:

— Ну что там? Ты меня звал.

— Ситуация несколько... неожиданная, — ильтонец явно пытался подобрать слова, но вид у него был совершенно сконфуженный, а пушистые брови взлетели высоко вверх.

— Неожиданная? — нахмурился Алеор. — Что ты имеешь в виду? Что с ним?

— Кажется, он рожает, — проговорил Кай так, будто и сам не верил в собственные слова.

На несколько мгновений все сковала немая тишина. Друзья одновременно воззрились сначала на Кая, потом на лежащего в снегу медведя, который поскуливал и скреб передними лапами сугроб.

Первым из ступора вышел Алеор. Мотнув головой, словно пытался прийти в себя, он вопросительно взглянул на ильтонца:

— Прости, что?

— Рожает, — повторил Кай. Вид у него был еще более сконфуженным. — Это самка. И она пытается произвести на свет двух малышей.

— Самка?! — почти взвизгнул эльф.

Рада вдруг поняла, что в голове у нее нет ни одной мысли. Все они вылетели из нее, будто их ветром сдуло, не оставив после себя ни следа. Она только и могла, что во все глаза таращиться на Жужу.

— Да, — кивнул Кай, глядя на Алеора таким взглядом, будто и сам был глубоко поражен.

— Как самка? — заморгал Редлог. — Какая самка? Мой Жужа? Мой верный друг?

— Теперь, видимо, придется употреблять термин «подруга», — медленно проговорил Алеор, упирая руки в бока. Лицо его вытянулось.

— Но как? Когда ты успел? — Редлог со всей тоской мира на лице повернулся к медведю. — И почему ты не познакомил меня со своим избранником? Жужа... ты женщина?! — с надрывом вскричал он.

Хриплое бульканье справа от Рады совершенно точно было смехом Улыбашки. Остальные друзья только смотрели на медведя, который тяжело дышал, вывалив из пасти алый язык. Жалобными глазами он смотрел на Редлога и то и дело поскуливал, облизывая черный мокрый нос.

— И что нам делать теперь? — не обращая ни к кому конкретно, спросил Алеор.

— У тебя будут дети, Жужа! — лепетал Редлог, потянувшись к морде медведя и пытаясь обнять его. — У нас с тобой будут малыши!

— Не его ли это дети? — тихо прошептала Улыбашка, продолжая хихикать себе под нос.

— Наверное, все-таки не его, раз он не знал, какого пола его друг, — также тихо ответила Рада.

Постепенно до нее начала доходить вся комичность сложившейся ситуации, и смех принялся прорастать сквозь стыд, как по весне пробиваются сквозь прошлогодний иссохший ковер первые зеленые ростки.

— Ну не скажи, — поцокала языком Улыбашка. — Страсть, знаешь ли, дело такое! В такой ситуации много чего можно не заметить!

Они вдвоем тихо захихикали.

— Ты же в прошлый раз осматривал его, Кай, — Алеор вновь взглянул на ильтонца. — Неужели ты не заметил ничего... странного?

— Я уже говорил тебе, Алеор, энергетический жгут оттолкнула его аура, я даже не смог считать его состояние, — в голосе Кая прозвучала нотка обиды. Это был первый раз, когда эльф усомнился в его слове или его способностях.

— Целых двое малышей! Целых двое, Жужа! — голос Редлога становился все громче, добавляясь к тяжелому сопению и скулежу медведя, и в нем звучало неприкрытое ликование. — Маленькие теплые лапки будут топотать по нашему дому! Маленькие носы будут вынюхивать еду!

— А что уж будут делать маленькие мохнатые зады, и подумать-то страшно, — вновь приглушенно прокомментировала Улыбашка, изобразив на лице глубокое удивление, и Рада услышала, как рядом негромко засмеялась Лиара.

Теперь смотреть на искорку было немного легче. Смех словно сломал тяжелый жесткий барьер, застывший между ними после разговора с эльфом. Глаза Лиары уже совсем высохли, и лишь длинные кудрявые реснички все еще были слипшимися по краям от слез. Рада улыбнулась ей, положив ладонь ей на плечо и привлекая к себе. Казалось, в мире

становилось чуточку светлее, когда Лиара улыбалась.

— Я не сомневаюсь в твоих способностях, Кай, — Алеор примиряющее кивнул ильтону и вновь нахмурился, разглядывая медведя. — Но мы должны понять, что нам делать дальше. Вряд ли мы сможем пройти через Летящие Острова с двумя новорожденными детенышами в руках.

— Ты совсем с ума сошел, Алеор? — круглыми глазами воззрился на него Редлог. — Не может быть никакой речи о том, чтобы мы следовали за вами и дальше. Теперь у Жужи есть дети, я стал дядей и собираюсь всего себя посвятить им. Я просто не могу безответственно болтаться по свету, подвергая опасности и себя, и его... то есть ее, — поправился он. — Теперь у меня есть долг и предназначение! — глаза его сияли.

— Это все, конечно, отлично, — вновь покивал эльф. — Но кто-нибудь здесь когда-нибудь принимал роды?

Несколько секунд все они сконфуженно молчали. Единственное, что Рада помнила о своих собственных родах, это сонные травы, которыми ее поили Жрецы Церкви Молодых Богов, и после этого она засыпала как убитая. Потом уже, после пробуждения, была и боль во всем теле, и такое состояние, будто кто-то бил ее по спине бревном, и полное истощение, и еще множество других не менее «приятных» моментов. Но сам чудесный миг появления новой жизни она оба раза пропустила по милости мужа, который больше всего на свете боялся, что ребенок может погибнуть, а потому подстраховался при помощи Жрецов. Мать из меня вышла отвратительная, вновь подумала Рада, почувствовав укол тоски.

— Я как-то принимала роды у кошки... — совсем тихо пискнула Лиара из-за ее плеча. Алеор перевел на нее насмешливый взгляд, но ильтонец не дал ему ничего сказать:

— Думаю, это не совсем подойдет нам, Светозарная.

— Ай, подсолнечники проклятые, толку от вас чуть! — проворчала Улыбашка, расталкивая Раду с Лиарой на пути к Жуже и закатывая рукава. — Давайте, я подсоблю! И вообще, мужикам тут не место. Как самое интересное начинается, вы обычно такой вой закатываете, на который и десять баб не способны. Так что идите-ка вы отсюда, отдохните с дороги, а я помогу Жуже.

— Если я что-то могу сделать, маленькая женщина?.. — Редлог с надеждой взглянул на нее. — Хоть что-то!..

— Думаю, ты тут уже наделал всего, что только мог, — буркнула она в ответ, бросив на него косой взгляд. — Так что иди-ка с миром отсюда. Я позову вас позже. Кай, намети здесь снежный дом, хорошенько прогрей его изнутри и оставь нас с Жужей внутри. Я была бы очень благодарна, если бы все вы не болтались у меня под ногами.

Уже через четверть часа Рада с блаженством растянулась на своем одеяле возле жарко горящего костра. Ильтонец обошел их всех, возложив руки на каждого, и теперь у нее больше ничего не болело. Только усталость накатывала свинцовыми волнами, которые тянули веки вниз и до хруста раздирали зевотой челюсть. И живот ревел почти так же громко, как Жужа в соседнем снежном укрытии, немедленно требуя еды, и как можно больше.

Лиара сидела рядом с ней, поджав под себя ноги. Она уже успела умыться водой, подогретой Каем, и теперь аккуратно шпопала большую прореху на боку своей дубленки, образовавшуюся во время неудачного падения после взрыва воздушной сферы. На другой стороне костра устроился глядящий в пламя Алеор. Он почти не смотрел по сторонам, изредка бросая короткие взгляды лишь на Редлога, грызущего ногти от волнения и раскачивающегося взад-вперед на своем месте. На Раду Алеор не смотрел, и получалось у

него это как-то очень естественно. Не то, чтобы он избегал зрительного контакта, просто как-то ни разу не поднял на нее глаз и все. Донельзя сконфуженный Кай поддерживал пламя, на котором в котелке подогревался талый снег. Он, в свою очередь, старался не смотреть на Редлога. То ли потому, что не смог никаким образом помочь Жуже, то ли потому, что просто не знал, что сказать в такой ситуации.

Одним словом, друзья молчали, и никто из них не отваживался прервать эту тишину и начать какую-либо беседу.

Внутри у Рады было пусто, пыльно и сухо, как в старом чулане. Последние ее силы ушли на ссору с Алеором, и теперь не осталось ничего, буквально ничего. Странное безразличие к этому мешалось со слабым удивлением, и она все пыталась отыскать в груди хоть какой-то обрывок эмоции, хоть что-то, что напоминало бы силу или желание сделать что-нибудь. Но там была только пыльная пустыня, где суховея закручивал водовороты из тлена ее надежд и желаний, ее стремлений, страхов, тревог. А еще там было сжавшееся в точку багровое солнце тяжелее свинца, которое давило так сильно, словно могло насквозь проломить ее кости, прорвать мясо и выпасть на землю.

Мы все очень устали. Наш путь так тяжел, и мы все на пределе. Не удивительно, что нет сил. Только вот осознание этого тоже ровным счетом ничего не меняло. Тяжесть давила ее к земле, лишала последней возможности двигаться, словно кто-то громадный поставил свою каменную пяту прямо ей на грудь и пытался раздавить ее. И Рада совершенно не знала, что с этим сделать и как справиться. Великая Мать, все в твоей воле. Я просто больше не могу.

На смену всему этому пришло блаженное забытие, в котором Рада плавала, будто в пузырьке воздуха на громадной глубине, которой уже не достигают лучи солнца. Это был и не сон, и не явь, но какое-то странное оцепенение, в котором не было ни одной мысли, но самым краешком своего существа она еще осознавала, что происходит вокруг. Из этого оцепенения ее вырвал далекий голос Улыбашки, и Рада с трудом продралась обратно, возвращаясь в сознание.

— Кай! — толстые снежные стены приглушали зов гномихи, но Рада слышала, что голос ее спокоен. — Идите сюда! Все закончилось!

Рада открыла глаза и заморгала, привыкая к неяркому свету бледной сферы энергии, подвешенной под потолком. Рядом зашевелились друзья, тоже придремавшие у пламени во время ожидания. Разве что Редлог почти сразу же вскочил на ноги, как подброшенный гигантской невидимой рукой. Ему уж точно все это время покоя не было.

В воздухе чувствовался запах еды, и глаза Рады сами нашли котелок, примостившийся возле костра, чтобы не остывать. Видимо, Лиара решила не будить ее, когда ужин был готов, чтобы дать возможность еще немного отдохнуть. Сама искорка сидела рядом в оцепенении грез, но тоже начала медленно возвращаться в себя от зова Улыбашки.

— Кай! Вставай! — заломил руки Редлог, перетаптываясь на месте от нетерпения. — Мне нужно знать, что с моим Жужей, что с ребятишками!

— Сейчас, — голос ильтона был совсем хриплым от усталости.

Он с трудом вскинул голову, которую до этого уронил на сложенные на коленях руки. Глаза его продолжали оставаться черными, как ночь, и Рада в очередной раз уже подумала о том, сколько сил ильтонец тратил для того, чтобы все они постоянно были в тепле и уюте и ни в чем не нуждались.

Встряхнувшись, Кай перевел свой взор на стену снежного дома, и часть его немедленно выпала наружу, образовав ровную арку прохода высотой в человеческий рост. За этой аркой

было темно, как в почерневшем от копоти зеве печи, и только редкие белые снежинки кружились в воздухе. Холодный ветер моментально просунул свои длинные руки в тепло домика из снега, и Рада содрогнулась от его прикосновений.

Выпущенной из лука стрелой Редлог вылетел во мрак, что-то причитая и размахивая руками. Ночь поглотила его, но издали долетали обрывки его то ли слов, то ли отдельных выкриков.

— Надеюсь, теперь это безумие закончится, — тяжело пробормотал Алеор, вставая с пола снежного дома.

— Думаешь, Редлог покинет нас здесь? — устало спросил его Кай, поднимая на него измученные глаза.

— Полагаю, что да, — кивнул эльф. — Во всяком случае, вряд ли мы сможем протащить через оставшиеся преграды медведицу сразу после родов и двух медвежат. Да и дело свое они оба уже сделали, так что Редлог нам больше не нужен.

На Раду Алеор все также не смотрел. Прошагав через снежный дом, он пригнулся, чтобы не задеть макушкой арку прохода, и растворился в ночи.

— Пойдем, искорка, — тихонько позвала Рада очнувшуюся от грез Лиару. — Посмотрим, что там появилось на свет у нашего мохнатого друга.

— А я-то все думал, что же у него брюхо такое здоровое, — со вздохом покачал головой Кай, пропуская их вперед к выходу. — Теперь понятно.

Ночь была холодной и темной. Кусачий ветер долетал с северо-востока, гоня поземку по глади сугробов. Небо плотно укрыл толстый слой облаков, скрывший звезды, лишивший мир света. В первый момент Рада слепо заморгала, глядя в темноту и не понимая, куда им идти, но под ногами вырисовывалась четкая цепочка следов Редлога, и она зашагала, увязая выше колена, туда, куда ушел мародер.

В нескольких десятках метров от них расположился второй снежный дом. Стенки его приглушенно светились оранжевым, словно это было и не укрытие вовсе, а какой-то чудной, волшебный фонарик, затерявшийся среди угольно черной ночи. Возле него подпрыгивал в снегу Редлог, словно нетерпеливая блоха, стоял Алеор, тихо что-то говоря ему. Вряд ли мародер слышал его сейчас, все его внимание было отдано снежному дому.

За спиной Рады шумно втянул носом воздух Кай, часть снежной стены выпала наружу, и квадрат мягкого бледного света упал на снег перед путниками. Редлог сразу же нырнул внутрь, за ним следом вошел Алеор, и изнутри дома послышались тихие голоса. Рада ускорила шаг, ощущая любопытство оттого, что сейчас увидит там. И отстраненно поняла, что это ее первое чувство с тех самых пор, как усталость навалилась на нее каменной горой, а сердце сжалось в раскаленную до бела давящую градину.

Проковыляв по сугробам к снежному дому, она пригнулась и вошла внутрь, отступив в сторону от входа, чтобы искорке было удобно пройти. И замерла, широко раскрытыми глазами глядя вперед.

На полу на расстеленном одеяле Редлога растянулась медведица. Глаза ее были полузакрыты, она тяжело дышала, то и дело облизывая красным языком мокрый нос. Возле нее сидела усталая Улыбашка, растирая снегом руки с закатанными до локтя рукавами. А перед ними на коленях стоял Редлог, держа на руках два крохотных комочка.

Они были совсем маленькие, круглые, ярко-голубые, и мягкое свечение их кожи расходилось вокруг, дополняя свет сферы под потолком. Рада заморгала, не понимая, что она видит перед собой, потому что детеныши вовсе не походили на медведей. У них не было

еще шерсти, только тонкая светящаяся синим цветом кожаца. Их маленькие мордочки напоминали собачьи, крохотные круглые ушки то и дело поворачивались из стороны в сторону. А вот глаза у них уже открылись, круглые, ярко-синие, бездонные и чересчур крупные для таких маленьких мордочек, точно такие же, как у того существа, что несколько часов назад провело их через болота. В руках Редлога они смешно копошились, неловко размахивая лапами в воздухе. Раде виднелись их толстые животы, совсем как у упитанных щенков, и маленькие хвостики, похожие на тонкие палочки.

— Что... это? — в голосе Алеора звучало настоящее потрясение.

— Ей богу, не знаю, — устало покачала головой Улыбашка, утирая руки чистым куском полотна. — Но оно живое и очень активное.

— Это — детки Жужи! — Редлог поднял к ним светящееся лицо, и на нем сияла такая гордость, что Рада подивилась, как от ее жара еще весь дом не расплавился. — Его маленькие сыновья!

— Ты уверен, что это сыновья? — вскинул бровь Алеор. — Кажется, пару часов назад и Жужа был тебе братом, а теперь оказался сестрой.

— Это не имеет ровным счетом никакого значения, — счастливо выдохнул Редлог. — Я все равно буду любить их всем собой, заботиться о них, растить их! Когда-нибудь из них вырастут сильные и славные воины, и мы с Жужей будем гордиться ими!

— Ну что ж, тогда прими наши поздравления! — кивнул Алеор, пряча улыбку в уголках глаз. — И пусть ваши... дети будут счастливы, живут долго и только радуют вас обоих!

— Спасибо, Алеор! И всем вам спасибо! — Редлог поочередно оглядел их всех. Глаза у него были огромными и влажными от слез. Потом он повернулся к Улыбашке и неловко склонился перед ней в глубоком поклоне, придерживая два голубых светящихся комочка. — Но тебе, маленькая женщина, я обязан до скончания времен! Я даю тебе свое слово, что, что бы с тобой ни случилось, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь. Если когда-нибудь тебе или твоей семье понадобится помощь, я приду по первому же зову. Только спой земле о том, как Небесный Змей вез на своих крыльях нас сквозь время и пространство, и я сразу же приду к тебе, где бы я ни был!

Улыбашка выглядела сконфуженной и польщенной одновременно. Потерев кулаком свой широкий нос, она неловко пожала плечами и взглянула на Редлога:

— Да я ничего и не сделала, только роды приняла. Тут бы любой справился.

— Благодаря тебе в мир вышли две маленькие души, и пришли они не просто так. Наступит время, когда люди по всему миру будут благословлять их рождение и имя той, что помогла им появиться на свет. — Почему-то сейчас Редлог совершенно не звучал безумными, наоборот, что-то было в его словах, что заставило Раду прислушиваться к ним. Редлог смотрел на гномиху полными преданности глазами. — Я никогда не забуду, маленькая женщина. Сколько бы времени ни прошло, как бы ни изменился этот мир, как бы ни истерлась память народов, его населяющих. Я не забуду никогда.

Видимо, на этот раз пробило даже Улыбашку. Она смотрела на Редлога, не отрываясь, и вид у нее был совершенно неуверенным. Поколебавшись, она глубоко поклонилась ему в ответ, и мародер тоже вновь согнулся пополам перед ней и повернулся к Алеору.

— Путешествие с тобой оказалось благословением для меня, мой дорогой друг, и я сожалею, что тебе пришлось так долго уговаривать меня идти вместе. Прости меня за мою глупость и лень, — он и перед эльфом склонил голову, и тот ответил таким же кивком. — Но теперь я больше не могу сопровождать вас, даже несмотря на то, что мне этого, судя по

всему, хочется. Я останусь здесь вместе с Жужей до тех пор, пока она не окрепнет, а потом мы вернемся домой все вместе. — Он бережно прижал к груди два маленьких синих комочка.

— Ты уверен, что ты осилишь обратный путь, Редлог? — спросил Алеор. Рада бросила на него косой взгляд, в голосе эльфа читалась обеспокоенность. Ты считаешь его сухим и черствым, но это ведь не так. Это совсем не так, и у него тоже есть сердце. Просто он никогда не демонстрирует своих чувств. — Жужа вряд ли сможет сейчас переправиться через Пустые Холмы, да и детенышам нужен покой.

— Я справлюсь, Алеор, не беспокойся. — Улыбка Редлога была тихой и светлой. — С нами все будет хорошо. А теперь я хотел бы побыть с Жужей и ребятишками.

— Конечно, — кивнул эльф, засобиравшись к выходу. — Отдыхайте!

— Счастливого пути вам! — Редлог окинул их всех теплым взглядом. — Вы все совершенно безумны, что согласились на это, но вы делаете что-то очень важное, что-то очень нужное и правильное! И я желаю вам дойти до конца и осуществить то, что вы задумали! Пусть все силы этого мира хранят вас от беды.

— Благодарю тебя, Редлог, — Алеор вновь склонил перед ним голову, теперь это уже совершенно точно был не просто кивок. — Удачи и вам на вашем пути. Надеюсь, наши дороги однажды снова пересекутся.

— Я уверен в этом, мой друг.

Попрощавшись с Редлогом, друзья покинули его снежный дом, и Кай аккуратно поставил извлеченный до этого фрагмент стены на место, чтобы сохранить тепло внутри. В молчании они двинулись к своему собственному укрытию. Темнота стояла такая, что ориентироваться можно было только по оставленной ими же самими дорожке следов в снегу, потому что световую сферу Кай перед уходом погасил.

Рада тяжело шагала через сугробы, ведя Лиару за руку и не слишком много внимания обращая на бьющий в лицо ветер со снегом. В эти последние минуты прощания Редлог выглядел вовсе не так, как обычно. Что-то иное было в нем сейчас. Оно всегда в нем было, словно свет, струящийся сквозь толстые стены снежного дома, но сейчас оно стало как-то ярче, сильнее, мощнее. И на безумца он теперь вовсе не был похож, а ощущение его слов оставило глубокий отпечаток внутри сердца Рады. Что за роль отведена этим странным созданиям? Какая у них судьба? На память вновь пришли два маленьких светящихся синих комочка, и Рада только помотала в темноте головой, чувствуя глубокое удивление. Что-то странное произошло в эту ночь за Семью Преградами, и это казалось ей очень красивым. И очень важным.

Когда они наконец вновь оказались под защитой толстых снежных стен своего укрытия, и Кай закрыл за ними вход, зажег свет и обогревающее их пламя, Улыбашка буквально рухнула на пол и, глубоко втянув носом воздух, взглянула на Алеора.

— Кажется, вот сейчас ты просто обязан рассказать нам, что он такое? Кто он? — в голосе ее звучало глубокое потрясение. — Я ровным счетом ничего не понимаю, Алеор, но мне кажется, пришло время, чтобы ты ответил уже на наши вопросы.

— А разве ты так и не поняла, Улыбашка? — глаза эльфа смеялись, когда он усаживался напротив нее у костра.

— Кай сказал, что он может быть кем-то из высших миров, принявшим тело, — гномиха неуверенно взглянула на ильтонца и со вздохом взлохматила свои волосы. — Раньше это предположение казалось мне слегка безумным, но теперь я склонна поверить этому.

— И правильно сделаешь, — кивнул Алеор. Прищурившись, он взглянул в пламя. — Я долго думал, кто же он, присматривался, пытался понять. Тоннели, по которым он передвигается, прорыты везде под землей, и одному человеку, пусть даже самому искусному ведуну, всего времени мира не хватило бы на то, чтобы их создать. Повсюду еда, которая не портится, и, кажется, я знаю, что это такое. — Он тихо рассмеялся, покачал головой и оглядел друзей. — Это — подношения из храмов. Люди приносят дань богам, и она попадает прямым путем к Редлогу.

На несколько секунд в снежном укрытии повисла тишина, в которой Лиара неуверенно спросила:

— Попадает? То есть, он ворует из храмов?

— Нет, — покачал головой Алеор. — Ты видела в коридорах мешки с испортившимся зерном, кишасим жучками. Вот их Редлог где-то стащил. Но еда из его кладовых совсем иного рода, она не портится, она неплоха на вкус. Я полагаю, что эта пища — некая проекция тех жертвоприношений, которые делают паломники в храмах. Как только она появляется на алтарях, она сразу же возникает и в кладовках Редлога.

— Но как? — задыхнулась Рада, широко открытыми глазами глядя на эльфа и позабыв обо всем на свете. — Мы же тоже ели эту еду! И на вкус она совершенно такая же, как и обычная пища! В ней нет ничего особенного!

— В тебе тоже нет ничего особенного, Рада, во всяком случае, на первый взгляд, — Алеор смотрел на нее, впервые прямо, и глаза его были теплыми сейчас. — Ровно как и в Редлоге и его медведе. Они оба приняли телесный облик, они оба родились здесь на этой земле для какой-то цели. Но от этого они не перестали быть богами. Я так думаю, по крайней мере. Что скажешь, Кай? Я прав? — Алеор с улыбкой взглянул на ильтонца.

— Думаю, да, Алеор, — мягко ответил тот. Его нефритовые глаза поблескивали в свете языков пламени. — Я даже думаю, что знаю, кто он.

— Кто? — выдохнула Улыбашка, подавшись вперед и глядя на него расширившимися от удивления глазами.

— Есть только один единственный бог, которому служит ездовое животное, непохожее на лошадь. Везде его называют по-разному, но мы знаем его под именем Ирантир, Покровитель Всего Живого, брат Грозара. Говорят, что он летает по небу на змее с глазами-колодцами и огненными крыльями. — Он покачал головой, вздохнул и вдруг усмехнулся, как-то весело и легко. — Ну, на змея то существо, что вело нас через болота, не слишком похоже, но для его описания я вообще не знаю подходящих слов. Так что пусть будет Небесный Змей, как и сказал Редлог.

— Свалявшаяся борода Каменоступого! — хрипло выдохнула Улыбашка.

Раде тоже не верилось, хоть в словах друзей и был смысл, хоть она верила слову Кая, хоть видела собственными глазами этих маленьких голубых детенышей, да и истинный облик спутника Редлога тоже. Но она не раз и не два приносила жертвы в храмах Ирантира, прося у него за своих детей, и его изображение, — прекрасного юноши в легких одеждах и с венком на волосах, — совсем не вязалось с пропахшим дымом нечесаным бородатым мародером, что вечно пил, прятался по углам, воровал разбитые табуретки и шараялся от людей. Наверное, мы все так выглядим для обитателей тех высших миров, где царит свет. Наверное, им донельзя смешны все наши ужимки, все наши старания, корчи и потуги, наверное, они не понимают ровным счетом ничего из того, что происходит у нас здесь, в этой грязи. Только вот почему-то они тоже приходят в этот мир, чтобы облечься плотью и

прожить эту жуткую жизнь в грязи и страдании. Зачем-то они это делают.

Эти мысли казались Раде очень важными, очень правильными, и что-то смутно проступало за гранью ее понимания, какой-то ответ на те вопросы, что она даже не смогла до конца сформулировать.

Поужинав, друзья собрались спать. На всех произвело очень глубокое впечатление то, что произошло всего пару часов назад, потому они и не разговаривали. Но Рада чувствовала себя хоть немного обнадеженной: Алеор, кажется, больше не злился на нее, и глаза его при этом были теплыми.

Когда они улеглись вместе с Лиарой на одеяле в уголке снежного дома, и Рада покрепче обняла свою искорку, прижимая к себе, та тихо-тихо, едва слышно позвала ее по имени.

— Рада?

— Да, маленькая, — также тихо ответила она.

— Скажи, пожалуйста... — искорка замялась на несколько мгновений, но потом все-таки договорилась. — А ты думаешь так же, как Алеор? Я имею в виду тот разговор, что был сразу после взрыва. Ты думаешь, что люди не достойны того, чтобы защищать их?

Внутри вновь все тяжело сжалось, и горячий укол стыда царапнул раскаленным когтем сердце. Но все это было позади, и она уже справилась с собственной виной, она уже пережила все, что сделала неправильно. И почему-то в следующий миг вспомнились два толстых синих комочка в руках Редлога, тарасивших на все вокруг круглые любопытные глаза.

— И да, и нет, моя девочка, — ответила ей Рада, прижимая к себе искорку, как можно крепче. — Алеор прав в том, что люди — ленивые, трусливые и жестокие, и что они никогда не думают о других, когда совершают свои поступки. Но это ни в коем случае не означает, что они навсегда остаются такими, понимаешь? — Рада нахмурилась в темноте, пытаясь как можно четче передать свои слова. — Когда-то я тоже была глупой и равнодушной, а потом все изменилось. В моей жизни появилась ты, беда прошла сквозь мой дом, уничтожив мою семью, потом было изгнание, Сагаир, Рамаэль... Я прошла через все это, так или иначе, и прошла потому, что верила, что смогу. Верила в себя, в тебя, в Великую Мать. Раз я смогла измениться и понять что-то при том, насколько бестолковой я всегда была, то и другие смогут. Мы сами хозяева собственных судеб, искорка, мы сами делаем свой выбор, сами шагаем по своей дороге. Нельзя лишать людей права идти по ней. Как бы глупы, как бы ленивы, как бы жестоки они ни были, но имеют право на шанс, они имеют право на то, чтобы понять. И если они не поймут, то плакать о них так же не имеет смысла, потому что это их горе, а не наше, их радость, а не наша, их жизнь и их судьба. — Рада помолчала и закончила: — Это я все к чему? К тому что, я все равно буду бороться против Сета, Аватара Хаоса, да кого угодно, кто попытается причинить вред этому миру или уничтожить его. Бороться всеми доступными мне средствами, всеми методами, которые я найду. Потому что этот мир подарил мне тебя и эту дорогу, хотя бы ради этого стоит его сохранить.

Несколько секунд искорка молчала, а затем Рада ощутила, как она прижала к губам руку, которой Рада обнимала ее.

— Я очень надеялась, что ты так скажешь, — тихо прошептала Лиара. — А теперь отдыхай, радость моя. Завтра нас ждет тяжелый путь.

Закрыв глаза, Рада уткнулась носом в ее кудряшки. Осталось всего две преграды, и они наконец-то достигнут своей цели.

===== Глава 16. Прыжок в пропасть =====

В течение всего следующего утра Раду не покидало странное ощущение потери. Все вроде бы было и так же: они умывались подогретой Каем водой, завтракали, собирались в дорогу. Но при этом все было уже не так.

Особенно это ощущение усилилось, когда проход в стене снежного дома был открыт, и Рада вышла наружу. Серое небо над головой было низким и сумрачным, вокруг насколько хватало глаз белели снега, а в стороне сиротливо стоял второй снежный дом. Он опустел, и ветер задувал внутрь поземку, заметал прогретый Каем пол. Ни следа не осталось от Редлога и Жужи, они ушли еще до пробуждения друзей.

От этого внутри стало как-то сиротливо и холодно. Рада потеряла нос, удивляясь сама себе. Неужели же мне будет не хватать Редлога? Того самого Редлога, что так бесил меня своими истериками, воплями и странностями всю дорогу? И медведя, что выл и не давал уснуть? Это было одновременно грустно и забавно, и Рада улыбнулась сама себе, поудобнее устраивая заплечные вьюки. Что ж, доброго пути тебе, светлый Ирантир, Владыка Всег Живого, забывший свою суть и рожденный на земле. Может быть, однажды дороги вновь сведут нас, и ты вновь удивишь меня какой-нибудь очередной выходкой.

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь еще раз его увидим? — вторя ее мыслям, спросила подошедшая к Раде искорка. Она тоже смотрела в сторону покинутого снежного дома.

— Не знаю, — пожалала плечами Рада и тихонько рассмеялась. — Но мне, как бы это ни было удивительно, хотелось бы этого.

— Мне тоже, — кивнула Лиара, поднимая на Раду свои теплые серые глаза. Ее маленькая ладошка нашла ладонь Рады и улеглась в ней, словно свернувшаяся в комочек птичка.

— Пора в путь! — бодро объявил Алеор, оглядываясь по сторонам и поправляя ремень, который оттягивали ножны меча и двух коротких клинков. — Через пару часов мы доберемся до Летающих Островов. И будем первыми, кто ступит на них. — Он оглядел друзей и широко усмехнулся. — Никто еще не заходил так далеко, в прошлый раз мы остановились здесь, прямо перед шестой преградой. Полагаю, этот поход действительно станет легендой, и нам не помешала бы хорошая песня об этом, не так ли, Светозарная?

— Я уже работаю над этим, Алеор, — Лиара смущенно улыбнулась, опуская взгляд. — Думаю, закончить я ее смогу только тогда, когда мы достигнем Источника.

— Вот тогда и споешь ее нам, — удовлетворенно кивнул эльф. — Признаться, я несколько соскучился по твоим песням. Они неплохо разбавляли наше совместное времяпрепровождение и вселяли в меня хоть немного сил, чтобы терпеть ваши вечно вытянувшиеся, унылые рожи. Так что постарайся, Светозарная! И ничего не упусти!

Лиара улыбнулась ему в ответ и кивнула. Рада внимательно оглядела их обоих. Кажется, они помирились, общались легко, Алеор даже был чуточку теплее, чем обычно. Может, они и не ругались? А ты как всегда просто раздула из ничего проблему и принялась скандалить из-за нее? Пора заканчивать уже с этим, Рада.

Сегодня утром ей было легче, чем вчера, совершенно точно. Та тяжесть в груди стала как-то меньше, да и в голове прояснилось. Ушли прочь тревоги, грызущее чувство вины, немного отступила накопившаяся за долгие недели пути усталость. Большую роль в этом сыграло и то чудо, что вчера произошло. Рада вновь оглянулась на оставшиеся далеко позади за их спинами снежные дома, очертания которых уже расплывались на фоне белоснежного горизонта. Возможно, вчера ты подарил миру что-то большее, чем сам думал, Владыка Всего Живого. Во всяком случае, мне — так точно.

Маленький отряд, продвижение которого больше не задерживал увязающий в сугробах перепуганный медведь, быстро двигался на запад по нетронутому одеялу белого снега. Подморозило, и поверхность сугробов стянула тонкая корочка льда, по которой ветер, играя, гонял поземку. Сапоги с хрустом проламывали ее, острые края наста кололи ноги, но Рада не обращала на это внимания. Алеор был совершенно прав, большую часть дороги они уже прошли. Впереди оставалось всего две преграды, а за ними лежал Черный Источник.

Совсем скоро уже они закончат все свои дела, сделают все, ради чего пришли сюда, и разойдутся в разные стороны. Вряд ли Алеор и компания захотят сопровождать их с Лиарой в Данарские горы. Улыбашку ждала семья, Кая — дела Церкви, которые он оставил на время этого похода, а Алеора... Его постоянно носило по миру, и его услуги в качестве величайшего наемника Этлана постоянно были востребованы. Это означало, что он тоже не останется с ними, да и что ему было делать в Данарских горах? Вчера он ясно дал понять, что не интересуется ни Великой Матерью, ни той силой, которая так щедро лилась в Раду и Лиару. А раз так, то зачем ему идти к анай?

Вот так и получилось, что стоило Редлогу со своим медведем покинуть их, как Раду накрыло острое ощущение потери. Отряд вот-вот должен был распаться, и все они разойдутся в разные стороны, будто и не было этих долгих месяцев, проведенных вместе, этой тяжелой дороги, которую они делили поровну, этих испытаний, которые они преодолели плечом к плечу. Я буду скучать, вдруг подумала Рада, понимая, что это правда. И широкоплечий спокойный ильтонец с такими мягкими и надежными глазами, и маленькая вечно недовольная, но при этом добрая и искренняя до глубины души гномиха стали по-настоящему родными ей. Не говоря уже про Алеора, чья широкая спина вечно маячила где-то впереди, обещая то, чего никто никогда не делал раньше, дороги, по которым никто никогда не ходил, приключения, о которых будут слагать легенды и сказки. Всего полгода назад ты и мечтать не могла о том, чтобы отправиться вместе с ним в путь. И теперь этот путь заканчивается. Новый укол грусти заставил сердце сжаться.

— Что с тобой, радость моя? — Лиара тревожно заглянула в ее лицо. Сейчас она шагала по поверхности ледяного наста и была выше Рады почти на полголовы. Смотреть на нее снизу вверх было как-то странно и непривычно.

— Ничего, — пожалала плечами Рада, улыбаясь ей в ответ. — На самом деле ничего, — повторила она под испытующим взглядом искорки. — Просто думаю о том, что скоро наше путешествие закончится.

— Ну а чего тут грустить, Радушка? — бодро поинтересовался идущий впереди Алеор. — Я вот, например, жду не дождусь возможности распрощаться с вами как можно скорее. Думаю, мне полгода нужно будет сидеть где-нибудь в тишине, чтобы хоть чуть-чуть оклематься после вашего общества.

— Да ладно брехать-то, древолюб! — расплылась в широкой усмешке ковыляющая следом за Радой гномиха. — Я уже вижу, как ты забился в какой-нибудь угол, трясешься там и ноешь от одиночества. И серые осенние дожди стучат по твоему стеклу, и нет рядом никого, кто бы принес тебе чашечку горячего чая.

— Как-то это совсем жестоко, Улыбашка, — Рада даже обернулась через плечо, поглядев на гномиху. Та только хитро подмигнула ей.

— Спешу напомнить тебе, моя дорогая, что к моменту нашего возвращения уже наступит весна, — отозвался, не оборачиваясь, эльф. — Будут петь птички, стрекотать кузнечики, цвести цветы. И я растянусь где-нибудь на теплом солнышке, буду потягивать

красное ильтонское, курить табак стоимостью во все твое подгорное царство за щепоть и размышлять о всех тех тысячелетиях, которые мне предстоит наслаждаться восхищением всего окружающего меня быдла от моей доблести за Семью Преградами. А ты в это время будешь намывать полы на своей кухне вонючей тряпкой, раздавить шлепки своим спиногрызам, носящимся кубарем по дому, стряпать мужу и проклинать тот день, когда решила вернуться в Утворн. А также вспоминать незабываемые ощущения, прохладный бриз и открывающиеся со спины Червя виды Пустых Холмов. И очень скучать по всему этому.

— Ты еще безумнее Редлога, — мрачно отозвалась гномиха. — Первым делом я пойду в храм и разожгу огонь Каменоступому за то, что он наконец-то увел меня от тебя.

— Все мы не совершенны, — философски пожал плечами Алеор. — Я не имею права судить тебя за твою черную неблагодарность. Кто еще показал бы тебе этот чудесный, дивный мир, Улыбашка? Эти красоты взрывающихся серой гейзеров, стильные подземелья, где на любом камне можно отморозить самое дорогое, или незабываемую, искреннюю и чистую улыбку Червя, что радуется встрече с тобой больше всего на свете, потому что увидел наконец-то свежее мясо посреди лютой зимы? — Он сокрушенно покачал головой. — Однажды ты поймешь, чего лишилась, но будет уже поздно.

— Как-нибудь переживу, — отозвалась гномиха, но в голосе ее слышался смех.

Алеор с Улыбашкой продолжили перебрехиваться, и Рада ощутила, как последние остатки ее грусти уносит холодный ветер. Толку было размышлять о том, что случится после того, как они достигнут Черного Источника? В конце концов, до этого еще было много времени, тяжелый путь ждал их впереди. Да и сама она всего лишь позавчера обещала самой себе, что не будет больше думать, что будет учиться не реагировать ни на что и проводить в жизнь волю Великой Матери. Праздные мысли и горестные раздумья о том, чего еще даже не случилось, были даже еще большей глупостью, чем сожаление об уже допущенных ошибках. Так что она крепче перехватила ладошку искорки и приказала себе сосредоточиться на грядущем пути. Впереди лежали Летающие Острова, а за ними что-то, чего никто из них даже не предполагал. Легенды намекали на то, как выглядит шестая преграда, но Рада дословно их не помнила, да и сомневалась, что по расплывчатому описанию в песнях сможет понять, что их ждет.

Только после полудня, когда друзья уже прилично запыхались и подустали, открывающийся их глазам вид несколько преобразился. Теперь на западе виднелись застывшие в воздухе над снежной поверхностью маленькие точки, которые медленно скользили вверх-вниз, подчиняясь своему собственному, непонятному Раде ритму.

— Это и есть твои Летающие Острова? — негромко спросила она идущего впереди эльфа, и тот кивнул головой.

— Совершенно точно, Радушка. И совсем скоро мы до них дойдем.

— Что это такое? — Кай сощурился, прикладывая ладонь к глазам, чтобы видеть дальше. Вид у него был задумчивым. — Как они там держатся?

— Скоро ты все увидишь, мой друг, и сможешь в полной мере насладиться зрелищем, — пообещал Алеор с нетерпением в голосе.

Эльф даже ускорил шаг. Раде вдруг подумалось, что, наверное, для него теперь начиналось самая интересная часть их путешествия, ведь в прошлый раз он не смог пройти дальше. Вот ведь как от нетерпения подбрасывает! Дай ему волю, побежал бы! В общем-то, это было и неудивительно, учитывая, что прошло семьсот лет с тех пор, как Алеор пытался преодолеть Семь Преград. Зная то, насколько он ненавидел останавливаться на полпути или

оставлять незаконченными свои дела, Рада прекрасно понимала, почему сейчас эльф был переполнен энтузиазмом.

Вскоре они достигли шестой преграды. Однообразная покрытая толстым слоем наста степь резко обрывалась громадной пропастью, конца и края которой видно не было. Лишь очень далеко впереди Раде мерещилась какая-то тонкая темная полоска по самой линии горизонта, но сейчас вовсе не это привлекло ее взгляд.

В воздухе над бездной медленно двигались, подчиняясь странному неуловимому ритму, каменные глыбы. Часть из них покрывал снег, на других присутствовали лишь его фрагменты, при движении осыпавшиеся вниз. Все глыбы были достаточно крупными, чтобы на них смог вскарабкаться человек, некоторые — столь огромными, словно сброшенные с круч землетрясением обломки скал. Они кружились в странном танце чаинок на дне чашки, порой сталкиваясь друг с другом, отчего то и дело морозный воздух разрывал на части глухой стук. Тогда снег осыпался с их поверхности, и глыбы меняли направление движения, расходясь в разные стороны.

Обломки побольше поросли высохшей сейчас растительностью, торчащей из-под снега. Кое-где виднелись длинные сухие лианы, частично оторванные, частично еще держащиеся. Жесткие пучки прошлогодней травы торчали сквозь не слишком толстую снежную подушку.

— Таааак, — протянула Улыбашка, невесело разглядывая кружащиеся в воздухе глыбы. — И какой у нас план?

— План предельно прост, — Алеор сбросил с плеча один из тюков и принялся копать в нем. Там что-то негромко позвякивало. — Камушки летают, поэтому при определенной степени везения, перепрыгивая с одного на другой, рано или поздно мы доберемся до противоположного берега.

— Спешу напомнить тебе то, что я повторяю изо дня в день все это время, — Улыбашка выразительно посмотрела на него. — Я не белка, Алеор! В прыганье я не слишком хороша.

— Значит, ты можешь падать, сваливаться или переползать с одной глыбы на другую, — пожал плечами эльф, как ни в чем не бывало. — Делай так, как тебе удобно, Улыбашка!

Гномиха недовольно засопела в ответ.

— А ты уверен, что они выдержат наш вес? — Рада с сомнением поглядела на небольшой камень, как раз пролетающий мимо. Станным образом камни сталкивались друг с другом, но ни один из обломков не вылетал за границу пропасти, словно невидимая стена ограждала ее от всего остального мира.

— Понятия не имею, — спокойно отозвался эльф. — Я дошел только досюда и где-то здесь встретил Редлога. На сами острова лезть у меня сил не было.

— Думаю, стоит проверить, не обвалятся ли они под нашим весом до того, как мы ступим на них, — негромко проговорил Кай, и его глаза полыхнули черным. Несколько секунд ровным счетом ничего не происходило. Брови ильтонца удивленно поползли вверх. — Я не могу воздействовать на них, Алеор! Вообще не могу!

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился эльф, вскидывая голову от своего мешка.

— Я хотел надавить на один из этих обломков, чтобы посмотреть, как это повлияет на его курс, — проговорил Кай, разводя руками. — Но энергетические потоки просто тают, буквально распускаются на нити и опадают, стоит им только пересечь границу пропасти.

— Ну что ж, значит, нам придется проверять все самим, — спокойно проговорил Алеор, извлекая из сумки связку металлических колышков, которыми запасся в тоннелях Редлога, и несколько небольших мотков бечевы.

— То есть, мы полезем туда, не зная, обвалятся ли эти глыбы под нашими ногами или нет? — воззрилась на него Улыбашка.

— Вы полезли со мной за Семь Преград, вообще ничего не зная о том, что они из себя представляют, — резонно заметил Алеор. — Так что никакой особой разницы я здесь не вижу.

— Ох, Каменоступый, твоя пропащая дочь опять нуждается в твоей помощи! — гномиха уперла руки в бока и надула щеки, громко выдыхая.

Алеор тем временем небрежно отбросил прочь пустой мешок и поднялся на ноги, протягивая на вытянутых руках заостренные колышки и бечеву.

— Разбирайте. Веревкой обвяжемся на тот случай, если кто-нибудь упадет. Колышки всегда можно вбить в камень, чтобы удержаться на нем.

— А веревка-то выдержит? — Рада с сомнением оглядела доставшийся ей тугой клубок. Веревка была не толще ее указательного пальца и на вид казалась совсем хлипкой. — Что-то больно она тонкая.

— Это эльфийская веревка, Радужка, — сообщил эльф. — Она выдержит коня. Так что даже ты с твоим брюшком вполне сможешь управиться.

— Брюшком? — она угрожающе вскинула бровь.

— Ну, или как ты это называешь? — Алеор отмахнулся. — Одним словом, все не так уж и сложно. Просто надо внимательно просчитывать траекторию и прыгать в подходящий момент. И следить за тем, чтобы сверху какая-нибудь глыба не упала вам на голову и не расплющила вас. С такой задачей даже медведь бы справился, так что не жалуйтесь и обвязывайтесь уже.

— Что-то я очень в этом сомневаюсь, — проворчала Улыбашка, бросая косые взгляды на летающие над пропастью обломки скал. Но при этом свой моток бечевы она обвязала вокруг пояса без каких-либо протестов.

Вскоре все было готово. Они распихали по карманам заостренные железные кольца, связались веревкой в цепь так, чтобы между ними оставался кусок длиной как минимум в десять метров. Первым встал Алеор, за ним Рада с Лиарой, а замыкали шествие Улыбашка и Кай. Ильтонец положил свою тяжелую ладонь на плечо гномихе и успокаивающе проговорил:

— Я тебя подстрахую, Улыбашка, и если что, помогу перепрыгнуть на другой камень.

— Спасибо, Кай, — с неподдельной благодарностью кивнула та.

— Все готовы? — Алеор оглядел их и удовлетворенно повернулся лицом к пропасти. — Коли так, то пошли. Выбираем самые крупные скалы, которые движутся на запад.

Рада с сомнением глядела на беспрестанную пляску камней впереди. Отследить их траекторию, хоть как-то просчитать движение или ритмы было просто невозможно, на ее взгляд. Они могли с тем же успехом до самого Конца Мира скакать по этим скалам и так и не достигнуть противоположного берега пропасти. Не говоря уже о том, что веревка, которая должна была удерживать их от падения точно также и мешала им: если прыгал один, у всех остальных в запасе было только десять метров этой самой веревки, чтобы прыгнуть следом за ним на ту же скалу. Иначе или этот самый первый срывался в пропасть, когда веревка потянет его назад, или все остальные падали со скалы, когда он потащит их вперед.

А ну-ка заткнись! Ты совершенно мне не помогаешь! Рада глубоко вздохнула, прогоняя тревогу, непрошенные мысли, черные шепотки, что забили уши и сулили ей верную смерть на дне пропасти. Ты орала, что будешь учиться. Учись! Она изо всех сил постаралась

сосредоточиться только на золотой пульсации в центре груди, и комочек силы сразу же ответил ей, запульсировав быстрее. А вместе с этим пришло и спокойствие. Алеор прекрасно знает, что делает. Он справится и вытащит их всех из любой беды.

Сам эльф сейчас сжался в тугую пружину, будто кот, на самом краю пропасти. Глаза его неотрывно следили за танцующими вокруг камнями. Пока все обломки были чересчур мелкими, чтобы можно было вскарабкаться на них даже вдвоем. Но в их сторону медленно откуда-то снизу выползала громадная каменная глыба около десяти метров в поперечнике, с которой свисали длинные пучки лиан, а из под снега торчали одинокие желтые былки трав.

— Здесь должно быть очень красиво летом, когда все цветет, — негромко пробормотала Лиара, оглядывая приближающуюся глыбу.

— Можешь как-нибудь повторить наше путешествие и заглянуть сюда в это время года, полюбоваться красотами, — рассеяно отозвался Алеор, но лицо у него было сосредоточенным и напряженным, а взгляд не отрывался от глыбы. — Встаньте все к краю пропасти. На счет «три» прыгаем.

— А если она обвалится, не выдержав нашего веса? — пискнула Улыбашка.

— Тогда мы умрем все вместе и всю вечность проведем в обществе друг друга, — отозвался Алеор. — Готовьтесь! Раз!.. Два!.. Три!

Глыба была не слишком далеко от них, всего-то какой-то метр пространства, но сердце у Рады замерло, когда она перемахнула через бездну. Потом ноги ударились в камень, и глыба под ней слегка дрогнула, отчего все тело проморозил ледяной приступ паники. Ноги моментально ослабли, и Рада рухнула вперед, больно ударившись коленями. Следом за этим последовал болезненный рывок за пояс, который слегка дернул ее в сторону, и резкий вскрик Улыбашки.

Рада обернулась: Кай стоял на самом краю, удерживая гномиху за шиворот и втаскивая ее своей каменной ручищей на скалу. Лицо Улыбашки было белым, как простыня, а глаза вылезали из орбит. Несколько раз она судорожно взмахнула руками и намертво вцепилась в ногу ильтонца, словно кот, которого стряхивали с ветки дерева на большой высоте.

— Не рухнуло! — констатировал довольным голосом Алеор, отряхивая от снега колени. — Отлично!

Рада сглотнула ком в горле и взглянула на замершую справа от нее Лиару. Искорка тоже выглядела перепуганной до предела, но нашла в себе силы кивнуть в ответ Раде и успокаивающе тронуть ее за плечо. Мы ненормальные! Алеор говорит: прыгайте в пропасть, и мы прыгаем! Проклятье! Проклятый эльф!

— Так, — Алеор сделал несколько шагов вперед и деловито огляделся. — Начало положено. Теперь нам нужно просто соблюдать осторожность и потихоньку двигаться вперед.

Рада вновь сглотнула, чувствуя себя так, словно верхний слой кожи содрали с нее целиком, оставив только оголенные нервы. От бывшего спокойствия не осталось ни следа, сердце в груди колотилось как бешеное. Глыба, на которой они сейчас находились, медленно поднималась вертикально вверх, и теперь край пропасти остался внизу, с каждой секундой удаляясь от них. В воздухе вокруг проплывали другие каменные глыбы, некоторые из них направлялись в сторону путников, причем буквально со всех сторон. Они сталкивались друг с другом в воздухе, постоянно меняли траекторию, и чтобы понять, какая из них может угрожать им, нужно было смотреть сразу же во все стороны.

Спокойно! Это не так сложно. Мы справимся. Они хотя бы не пытаются нас сожрать,

как Черви. И это не кипяток, хлещущий на голову. Если что — Кай просто отобьет глыбу, или мы спрыгнем, или... Холод вновь пронзил все тело, и Рада с проклятиями отогнала прочь мысли.

Скала, на которой они находились, была плоской, будто блин. С тихим шуршанием от движения путников снег ссыпался с нее за край, куда Раде даже смотреть не хотелось. Земля теперь была еще дальше от них, скала равномерно ползла вверх. Умом Рада понимала, что если она сорвется отсюда вниз, то по большому счету будет уже все равно, с какой высоты падать, ей и так не жить. Однако почему-то плавный подъем глыбы вверх все равно нервировал.

— Проклятье! — фальцетом причитала Улыбашка, не отпуская ногу Кая и зажмурив глаза. — Проклятье! Проклятье!

— Кай, ты можешь здесь использовать Источник? — спросил Алеор. Он стоял в центре глыбы, крутя головой и выискивая для них возможность перепрыгнуть на другой камень.

— Могу, Алеор, но энергетические потоки очень нестабильны, — ильтонец нахмурился, глаза его остекленели, взгляд был направлен в никуда. — Какие-то нити подчиняются мне, какие-то движутся по собственной воле. Боюсь, что от меня толку будет меньше, чем обычно.

— Лиара? — голос эльфа был требовательным. — Ты можешь что-нибудь сделать? Что это за место?

— Сейчас, — искорка выпрямилась и выставила перед собой ладонь, ощупывая воздух так, будто тот был чем-то плотным. Брови ее задумчиво сошлись к переносице. — Я чувствую... какие-то странные, неуловимые движения в воздухе. Нужно еще немного времени.

Рада вдруг поняла, что так и сидит на карачках ладонями в глубоком снегу. Так было легче, камень казался надежным и прочным, и оторвать от него руки было почти невозможно для нее. Голоса спутников доносились до ее слуха откуда-то издали, словно через вату, в ушах шумело. Кажется, у меня шок. Похоже, я боюсь высоты. Если бы она могла сейчас издать хотя бы звук, наверное, она бы громко смеялась.

Лиара вновь заговорила, и Рада поняла, что от звука ее голоса становилось легче. Во всяком случае, он хотя бы отвлекал ее от головокружительной бездны внизу.

— Алеор, это магнитные поля! — удивленно выдохнула искорка. — Они накладываются друг на друга, вибрируют, сталкиваются. Поэтому камни и движутся так странно, поэтому они летят вверх.

— Мы можем контролировать их движение? — ни нотки неуверенности не проскользнуло в голосе эльфа. Рада сглотнула, находя в этом силу. Алеор был уверен, что они справятся, и он еще ни разу их не подводил.

— Это очень сложно, — покачала головой Лиара, продолжая щупать пальцами невидимые энергии. — Все эти скалы состоят из железных руд, каждая из которых тянет в свою сторону, подчиняется собственным законам. Вряд ли можно просчитать траекторию. Единственное, что я пока могу ощутить, что большие скалы движутся только вверх-вниз, а более мелкие летают уже свободно во всех направлениях.

— Проклятье! — вновь пискнула Улыбашка. — Мы здесь точно откинемся! Совершенно точно!

— Думайте! — приказал Алеор. — Должен быть способ попасть на другую сторону! И мы его найдем!

Рада все продолжала стоять в снегу на коленях, дыша тяжело и рвано. Оказывается, она боялась высоты, хоть раньше никогда ничего подобного за собой и не замечала. Раньше ты не карабкалась по летающим в воздухе скалам, которые двигаются во всех направлениях. Под нами же пустота, Грозар! Защити, Громовержец, помоги!

Руки и ноги дрожали, будто кисель, и ледяные приступы паники сотрясали позвоночник. Это было такое странное, такое неожиданное для нее чувство. Ничего подобного она в жизни еще не испытывала. Конечно, Раде уже приходилось пугаться и пугаться сильно, например, в трюме корабля Сагаира, или совсем недавно, пока они ехали на проклятом Черве через Пустые Холмы. Но никогда еще приступ паники не был настолько сильным, никогда еще ее не парализовывал страх, не давая ей возможности руки поднять.

Бхара! Да неужели же я так и буду сидеть тут, словно какая-то жаба, растянувшись на этом камне и трясясь от ужаса? Какой тогда от меня прок во всем этом путешествии? С трудом сглотнув поступивший к горлу ком, Рада приказала себе дышать ровно и сосредоточилась на Великой Матери в собственной груди. Стало теплее, золото отогрело сведенные судорогой руки и ноги. Через несколько мгновений Рада ощутила, как отступает слабость. От одной мысли, что под ней ровным счетом ничего нет до самого дна пропасти, усыпанного острыми клыками скал, Раду трясло всем телом, но она упорно гнала прочь свой страх. Они справятся, Великая Мать не оставит их. Они слишком далеко ушли, они столько всего уже преодолели, и остальное тоже пройдут.

Тебе страшно только потому, что Алеор раньше здесь не проходил. Все остальные преграды он уже видел, он уже был готов для переправы через них, а вот об этом он ничего не знает, ровно так же, как и ты. Это не означает, что надо стучать зубами и трястись. Тебя взяли в этот поход для того, чтобы и ты могла помочь и внести свой вклад в общее дело. Так что вставай и соберись! Это всего лишь шестая преграда. Пять вы уже прошли, осталось всего две. Вставай!

Превозмогая себя, она с трудом оторвала руки от каменной скалы, разогнулась, чувствуя головокружение и сильную тошноту. Но руки уже не так дрожали, как в самом начале, и это уже было хорошо. От долгого пребывания в снегу ладони покраснели, пальцы замерзли и одеревенели. Рада стыдливо отерла их друг о друга; хоть друзья со стороны не видели, насколько ей страшно. Молясь всем сердцем и сосредотачиваясь на точке в груди, она очень медленно приказала себе встать. Поначалу она думала, что у нее ничего не выйдет, что растекшиеся в кисель ноги не позволят стоять прямо, что ходящая ходуном голова скинет ее сразу же за край пропасти, но каким-то чудом этого всего не случилось. Через несколько мгновений Рада поняла, что стоит, широко расставив ноги в снегу и до боли в костяшках сжимая холодную твердую рукоять меча на поясе. Отлично, встать я смогла. Теперь надо всего лишь заставить себя перепрыгивать с одной скалы на другую. И все. Прыгать над бездной. Заткнись!

— Возможно, я смогу что-то сделать, — прозвучал за ее спиной голос Кая, и Рада обернулась, заставляя себя отвлекаться на что угодно, только не думать о бесконечной бездне прямо под ними. Ильтонец с трудом отшагнул ближе к центру глыбы, но Улыбашка продолжала держаться за его ногу и тихо-тихо скулить, зажмурившись и бормоча под нос молитвы. Как ни странно, чернота пропала из глаз Кая, теперь они мягко светились зеленью, словно два изумруда, сквозь которые преломлялись солнечные лучи. — Мы тоже знаем Песнь Камня. Для нас она иная, не такая, как у гномов, и возможности наши несколько в ином.

— В чем конкретно? — резко бросил Алеор. Он ни на миг не переставал следить за небом над их головами, внимательно разглядывая кружащиеся вокруг обломки.

— Я попробую заставить эту глыбу двигаться в нужном нам направлении, — проговорил Кай. — Не знаю, получится у меня или нет, но попробовать стоит. Если все дело в магнитных потоках, как говорит Светозарная, то попытаться стоит.

— Делай! — кивнул Алеор. — Это было бы лучшим вариантом. Вряд ли сейчас Улыбашка или Рада смогут прыгать. Так что на тебя вся надежда.

Рада ощутила горячий ожог стыда, бросив быстрый взгляд на эльфа. Видимо, он заметил приступ ее слабости, как бы она ни пыталась его скрыть. Легким утешением было то, что Улыбашка устроила концерт гораздо более яркий, чем Рада, но все равно почему-то сейчас чувство внутри было таким, словно она подвела своих друзей. Вот видишь! От твоего нытья нет ровно никакого толка, а искорке и остальным нужна твоя помощь. Ты должна быть сильной! Должна!

— Я в порядке, Алеор, — голос звучал совсем незнакомо и хрипло от страха. Рада железной рукой сжала этот страх, изо всех сил давя его в кулаке, будто кусачее насекомое. Вот только он извивался внутри скользким ужом, все пытаюсь вырваться наружу. Тряхнув головой, она выдохнула и вновь заговорила: — Я держусь, и я в порядке.

— Хорошо, — кивнул эльф. — Теперь дело за Каем.

— Сейчас.

Нужно было отвлечься, сосредоточиться на чем угодно, и Рада заставила себя смотреть на то, что делает Кай. С трудом, почти силой оторвав от своей ноги Улыбашку, которая сразу же упала и распласталась на скале, зажмурившись и бормоча молитвы, ильтонец присел на корточки и глубоко погрузил свою каменную руку в снег. В следующий миг скала под их ногами дрогнула, один раз, другой, замедляя свое движение.

Рада пошатнулась на месте, и первым порывом было упасть на колени и, точно так же, как и гномиха, всеми четырьмя конечностями вцепиться в скалу. Через несколько мгновений она ощутила, что пальцы Лиары до боли впились в ее плечо. Лицо искорки было бледным, глаза огромными. Я должна держаться ради нее! Ей тоже страшно! Кто-то должен помочь ей, защитить ее!

— Все в порядке, Кай? — напряженно крикнул шатающийся Алеор. — Все хорошо?

— Сейчас, — сдавленно отозвался Кай. — Я почти...

В следующий миг безо всякого предупреждения каменная глыба под их ногами рухнула вниз. Рада забыла, как дышать, чувствуя, как на несколько мгновений ее ноги отрываются от земли, а пальцы Лиары почти что ломают ей кости плеча. Потом также резко глыба остановилась.

Ноги врезались в скалу, и от удара Рада не удержалась и все-таки упала вперед. Рядом с приглушенным вскриком рухнула Лиара, охнул Алеор. Улыбашка взвизгнула таким резким фальцетом, что у Рады барабанные перепонки в ушах едва не разорвались на куски. Сердце, казалось, собиралось прямо сейчас же вывалиться из ее горла и отправиться в странствие в неизведанные края. Чтобы хоть как-то прийти в себя, Рада ткнулась лицом в обжигающе холодный снег, набрала его полный рот и проглотила. Глотку сразу же свело от холода, в зубах полыхнула боль, но это отрезвило ее.

— Все! — с трудом выговорил Кай. — Я контролирую этот обломок. Мы можем двигаться на нем вперед. Простите, что так получилось. Я не сразу понял, как управлять.

— Чтобы еще раз, бхара!.. — пищала Улыбашка, сжавшись в комок возле него и

обхватив себя руками. — Чтобы еще раз!..

— Прости, Улыбашка, — виновато взглянул на нее Кай. — Я, правда, не хотел вас напугать.

— Главное, что сейчас ты контролируешь эту глыбу, — голос Алеора звучал приглушенно. Рада взглянула на то, как он поднимается, морщась и потирая грудь. Видимо, при падении напоролся на рукоять меча. — Все в порядке, ты отлично справился.

— Сейчас немного качнет, — предупредил ильтонец, и Рада сжалась, приготовившись к рывку, но его не последовало.

Глыба очень медленно и плавно сдвинулась с места. Видимо, Кай действительно понял, как подчинить ее себе. Рада сглотнула, оборачиваясь. Теперь они были на уровне земли, ровно там же, где и вскарабкались на этот скальный обломок, а это значит, что в свободном падении она пролетела как минимум метров десять-пятнадцать. Не думай об этом. Кай справится. Мы все сможем это сделать.

Аккуратно и неторопливо скальный обломок начал свое движение на запад, и противоположный берег пропасти теперь неспешно удалялся от них. Рада глядела на этот край земли, с которого то и дело ссыпался вниз снег, думая о том, что сейчас согласна была бы обменять свое бессмертие на то, чтобы стоять там, а не болтаться в воздухе на этой здоровенной глыбе.

Рядом судорожно дышала Лиара, все также сжимая ее плечо. Рада выругала себя последними словами и аккуратно тронула ее щеку свободной рукой, уже не заботясь о том, что пальцы ее мокрые и холодные от талого снега.

— Искорка! — тихонько позвала она, и Лиара вскинула на нее громадные глаза, зрачок в которых сжался в маковую росинку. — Все хорошо, искорка! Все в порядке! У нас все получится, слышишь? Теперь все получится.

Лиара конвульсивно закивала в ответ, но по ее виду не было заметно, чтобы она верила словам Рады. Впрочем, сейчас все они в прямом смысле болтались над пропастью, и ожидать другого состояния от спутников было просто глупо. Ты должна быть сильной! Ты нужна ей сейчас. Ты должна показать ей, что все в порядке.

До хруста сжав челюсти, Рада поднялась с земли и заставила себя неторопливо отряхнуться. То же самое делал и Алеор, продолжая краем глаза следить за кружащимися вокруг обломкам. Каменная глыба двигалась не слишком быстро, но легкий встречный ветерок все равно принялся кусать их щеки и взлохмачивать волосы.

Судя по всему, ее усилия не прошли даром. Лиара тоже поднялась на ноги, все еще напряженно осматриваясь по сторонам, но уже не цепляясь намертво за Раду. Лишь Улыбашка так и продолжала приглушенно молиться, зажмурив глаза и прижавшись к спине Кая, так, словно он мог защитить ее.

— Правь четко на запад, Кай, и старайся обходить слишком большие камни, в которые мы можем врезаться. — К Алеору вновь вернулась его извечная сосредоточенность и собранность. Сейчас он стоял в самом центре каменной глыбы, вытащив из ножен клинок с дымящимся чернотой лезвием. Глаза эльфа цепко перебегали с одного камня на другой, следя за тем, чтобы спутникам ничего не угрожало. — Рада! Будешь вместе со мной отбивать мелкие обломки, чтобы они не могли помешать нашему движению.

— Алеор, боюсь, будут и не только мелкие! — голос Кая звучал глухо, глаза его пылали зеленью. — Я могу контролировать камень, только если коснусь его. Поэтому тут я вам не помощник.

— Ничего страшного, мы что-нибудь придумаем, — отозвался эльф.

— И еще, — Кай тревожно смотрел ему в спину. — Из-за движения нашей глыбы, из-за ее размеров, магнитные поля будут смещаться. Боюсь, это может вызывать самые неожиданные последствия. Возможно, мелкие камни начнут менять свою траекторию, а мы превратимся в гигантский магнит, который будет их притягивать.

— Мы справимся! — твердо проговорил эльф. — Должны справиться! Твое дело — довести нас до западного берега любой ценой. Все остальное мы сделаем сами.

— Как скажешь, Алеор, — кивнул ильтонец.

— Лиара! Твоя помощь тоже может понадобиться! Следи за тем, чтобы крупные камни не попадались нам на пути, пытайся отодвинуть их прочь, если можешь.

— Я постараюсь, Алеор, — хрипло отозвалась искорка.

Рада бросила на нее взгляд. Лиара тоже собралась, встав поустойчивее и оглядываясь по сторонам. Только пальцы ее намертво застыли, вцепившись в самый край дубленки и побелев. Смотри, она держится, не боится, она тоже будет сражаться. Мы все отдаем ровно столько, сколько у нас есть. Рада глубоко вздохнула и приготовилась принять удар.

— Отлично! — бросил Алеор, в голосе его звучало какое-то отчаянное ликование. — Запомните! Этот поход войдет в легенды, и ваши имена станут повторять все люди мира, захлебываясь от восхищения и мечтая о том, чтобы хоть на миг разделить вашу славу. Вот только никто и никогда не сможет повторить то, что мы сейчас сделаем!

И он был прав. Сквозь страх, дискомфорт, боль в отбитых костях и неистовое желание оказаться как можно дальше отсюда, внезапно пробилась какая-то отчаянная, пронзительно поющая струна. Рада взглянула на широко развернутые плечи эльфа, на его вскинутую голову и меч в руках. Этот безумец вел их навстречу верной смерти и раз за разом вытаскивал прямо из ее острых голодных зубов. Внутри зазвенело еще сильнее, так отчаянно, так сильно, что Рада едва не захлебнулась этим чувством. Проклятье, но ведь есть в этом что-то! Пусть это страшно и больно, пусть я никогда не соглашусь повторить это еще раз, но в этом что-то есть, что-то невероятно настоящее и честное! Гораздо честнее всего, что было со мной в прошлом!

Губы сами собой раздвинулись, обнажив стучащие от страха зубы. И Рада не была уверена в том, что сейчас на ее лице: улыбка или оскал.

===== Глава 17. Под градом камней =====

Каменная глыба медленно двигалась вперед, иногда смещаясь вниз, в сторону или вверх. Рада вся превратилась в одну туго натянутую струну, внимательно следя за окружающим. Страх так и остался, засев глубоко внутри противным когтистым зверем и царапая, царапая ее побольнее, но сейчас она справилась и контролировала его. У нее не было права на ошибку, на невнимательность или слабость. Любая из глыб, что сейчас кружились в воздухе вокруг них, могла рухнуть прямо им на головы в любой момент и просто расплющить под своим весом. Не говоря уже о том, что и платформу, на которой они стояли, эти глыбы могли расколоть, если двигались с достаточной скоростью.

— Встаньте кругом! — приказал Алеор им с Лиарой. — У нас должен быть полный обзор!

Он был прав, как и всегда. Проглотив собственное нежелание двигаться на покачивающейся в воздухе платформе, Рада осторожно прошагала мимо Кая, встав у него за спиной лицом к удаляющемуся от них берегу пропасти. Встречный ветер неприятно подталкивал ее в спину, не так, чтобы это могло угрожать ей свалиться с платформы, но

достаточно, чтобы нервировать.

Ильтонец рядом не шелохнулся, погрузив руку в камень под ними и управляя его движением. Рядом с ним тихо постанывала Улыбашка, у которой сил справиться со страхом пока еще не было. Ну да ничего, сейчас от нее все равно было не так уж и много толка с ее-то ростом.

Помогай, Великая Мать! Без тебя я просто не управлюсь!

Пошире расставив ноги, чтобы устойчивее держаться на платформе, Рада принялась оглядываться. Камни вокруг постоянно перемещались, будто невидимая рука играла ими, то и дело толкая их из стороны в сторону. Порой вдали проплывали вверх или плавно опускались вниз глыбы того же размера, как та, на которой сейчас стояли путники, порой Рада видела и более крупные обломки, каждый из которых при столкновении с их платформой запросто мог раздробить ее в мелкое крошево. Но все они были пока еще достаточно далеко, чтобы не стать проблемой.

Два камня справа и сверху от нее оба размером с Улыбашку с грохотом столкнулись, и один из них плавно полетел в их сторону. Двигался он медленно, вращаясь в воздухе, словно плыл сквозь вязкий густой кисель. Рада выставила руки, готовясь к удару. Скорость камня была не настолько большой, чтобы причинить реальный вред, но, учитывая его размеры, кто-то из друзей мог пострадать.

Она покрепче уперлась пятками в скалу и приняла удар на ладони, стараясь удержать камень. Толчок был не слишком мощным, но ее все равно здорово качнуло назад, когда камень врезался в руки. Поднатужившись, Рада навалилась на него всем своим весом и отпихнула прочь. Глыба медленно поплыла в обратном направлении, но следом за ней, причем гораздо быстрее, к ней устремился обломок величиной с человеческую голову. Он летел уже достаточно быстро, чтобы причинить сильный вред, и Рада вознесла хвалу богам за то, что он был не слишком крупным при этом. И все равно кости ответили тупой болью, когда она обеими руками отпихивала прочь камень, да и кожа на ладонях засадила, покраснев и сморщившись.

Из-за спины послышался скрежет и глухой выдох Алеора. Рада бросила взгляд через плечо как раз в тот момент, чтобы увидеть, как черный меч с трудом разрубает крупный камень пополам, и его осколки падают на платформу справа и слева от Алеора. Эльф выпрямился, вновь поднимая перед собой меч, а Раде припомнилось, сколько он заплатил за этот клинок. Видимо, цена в половину своего сердца была не такой уж и высокой, раз дымящееся черными языками пламени лезвие могло рубить даже скалу.

— Я попробую сделать вокруг нас щит! — голос Лиары звучал твердо, хоть и не слишком громко. — Мелкие глыбы он сможет удержать в стороне от нас, а крупные хотя бы замедлит.

— Давай, Светозарная. Это было бы очень кстати! — согласился эльф.

Рада ощутила какое-то неуловимое изменение в воздухе и только через несколько мгновений поняла, что пропали порывы встречного ветра от движения их платформы. Теперь ничто больше не подталкивало ее в спину, и страх чуть-чуть отступил, отпуская ее. Облизнув пересохшие губы, она вновь подняла глаза к небу, полному кружащихся каменных глыб. Вот так, спокойно и уверенно. У нас все получится.

Словно в ответ на ее мысли две громадных глыбы над ее головой с грохотом столкнулись, вниз хлынул дождь из мелких обломков, и Рада инстинктивно прикрыла голову руками, вжимая ее в плечи. Только буквально в паре метров над ее головой все эти камешки

отскочили от невидимого барьера и скатились по его стенкам в стороны с тихим шуршанием.

Грохот с другой стороны заставил ее обернуться туда. Обломок размером с кочан капусты, словно выпущенный из гигантской пращи, под углом снизу вверх несся прямо к ним. Рада сгруппировалась, запретив себе даже думать о боли, и выпрыгнула вверх, вскидывая ногу. Она постаралась ударить стопой по касательной, чтобы не повредить кости, да и защитный барьер снизил скорость, а сам камень, отскочив от ее ноги, действительно сменил траекторию. Но из глаз от боли едва искры не посыпались, и она не сдержала стона.

— Что такое, Рада? — послышался из-за спины полный тревоги голос искорки.

— Ничего, — сквозь зубы проворчала она, морщась и выпрямляясь. — Если сможешь, уплотни щит сильнее. Настолько, насколько вообще возможно.

— Я пытаюсь! — приглушенно ответила искорка. — Но эти магнитные поля очень мешают! Здесь сложно...

— Осторожно! — крикнул Алеор.

В следующий миг послышался громкий скрежет, и мимо Рады по скале прокатилось несколько здоровенных камней, каждый едва не крупнее ее головы. Она резко обернулась через плечо, ища глазами Лиару. Искорка сжалась в комок, укрывая голову, недалеко от эльфа.

— Все живы? — напряженно спросил он, держа меч двумя руками. — Кай! У тебя все хорошо?

— Да, — с трудом отозвался ильтонец. — Почти не зацепило.

Рада взглянула на него. Свободной рукой ильтонец утирал лицо, возле него в снегу виднелись ямки от еще нескольких осколков поменьше. Когда каменорукий отнял от лица ладонь, на крупных грубых пальцах виднелись пятна крови.

Не зевай! Рада скорее почувствовала, чем увидела, еще одну глыбу, падающую на них сверху. Щит слегка затормозил ее, Рада успела отскочить в сторону и со всей силы ударить ступней, вышхнув камень прочь от платформы. Он зацепил ее на самом краю, сорвав несколько пучков сухой травы вместе со снегом.

Нога немилосердно ныла. Еще пара таких пинков, и я точно сломаю ее.

— Алеор! Брось мне остатки кольчуги, которыми мы оборачивали сапоги! — крикнула она через плечо, не сводя глаз с кружащихся камней вокруг.

— Как, бхара тебя раздери?! Я немного занят сейчас! — прорычал в ответ он.

— Я принесу! — вызвалась Лиара. Буквально через минуту она возникла возле Рады, протягивая ей мешочек. — Вот, держи!

— Спасибо, — бросила та. — Обвяжи их мне вокруг ладоней. Только быстро!

— Хорошо! — Лиара принялась лихорадочно развязывать мешочек, а Рада чувствовала, как капают прямо ей на темечко раскаленные секунды, одна за другой.

Еще одна глыба, оттолкнувшись с громким стуком от какого-то пролетевшего мимо обломка, по касательной пошла на них, и Рада выступила вперед, закрывая собой Лиару. Глыба двигалась не слишком быстро, да и барьер держался, потому вновь ей удалось ладонями оттолкнуть ее прочь. Но на этот раз на них появились кровавые ссадины.

— Твои руки, Рада!.. — вскрикнула Лиара, но та лишь отмахнулась.

— Быстрее! — она вытащила из-за пояса железные штыри, что выдал им Алеор, и зажала их в кулаках. — А теперь обвяжи мне руки кольчугой! Покрепче вяжи! И быстрее, у нас мало времени!

На этот раз спорить Лиара не стала. Пальцы у нее дрожали, бечева в них ходила ходуном, но, в конце концов, она управилась и смогла укрепить кольчужное полотно на ладонях Рады так, чтобы оно не скользило и удерживало штыри. Теперь на ее руках образовалось что-то вроде тренировочных рукавиц, твердых снаружи, из тех, что они использовали в Военной Академии во время тренировок рукопашного боя. Костей это, конечно, сбересть ей не могло, но, во всяком случае, она хотя бы кожу на ладонях сохранит в целости.

Рада встряхнула руками, проверяя, надежно ли все держится. Штыри перекатывались под кольчужной сеткой, но наружу пока не вываливались.

— Я укреплю барьер настолько, насколько смогу! — пообещала Лиара, тревожно глядя ей в глаза. — Молю тебя, осторожнее!

Ответить Рада не успела. Откуда-то сбоку вылетел со скоростью пущенной стрелы небольшой обломок скалы, и она едва успела подставить ладони, отбивая его прочь. Раздался громкий скрежет, но импровизированные рукавицы выдержали удар, и на этот раз ладоням уже не было так больно.

— И ты осторожнее, искорка! — выдохнула Рада, лихорадочно оглядываясь по сторонам и следя за каменными глыбами.

Лиара исчезла из ее поля зрения, и Рада приказала себе не бояться за нее. Сейчас ей была нужна вся ее сосредоточенность до самой последней крупинки, только так она сможет помочь своим друзьям уцелеть. Только вот внутри все равно скреблось. От одной мысли о том, что с Лиарой может что-то случиться, лютый страх пережимал все ее существо.

Еще один камень вылетел откуда-то сбоку, и Рада вновь отбила его ладонями, успев в последний момент. Руки тупо ныли, как и правая нога. Даже если я что-то сломаю, Кай потом все поправит. Он же ведун, в конце концов. Нам надо просто как можно скорее выбраться отсюда, и все.

Улучив момент, она бросила взгляд через плечо. На самом краю зрения сквозь постоянно мельтешащие, словно чайки в стакане чая, каменные глыбы виднелась тонкая полоска противоположного края пропасти. Кажется, она стала чуть ближе, во всяком случае, сейчас уже Рада могла различить ее. Значит, надо дотерпеть еще немного, еще пару часов, и они выберутся.

— Держитесь! — вдруг рявкнул Кай, и платформа резко ушла вверх.

От неожиданности Рада почти что упала на колени, но удержалась и сразу вскинула голову, оглядываясь в поисках камней, которые могли бы им угрожать. Платформа под ногами выровнялась, плавно ушла вправо, и краем глаза Рада заметила, как снизу, слева от них, поднимается и поднимается громадная глыба гораздо крупнее той, на которой сейчас находились они сами.

— Бхара, я с вами! — раздался из-за спины надтреснутый голос гномихи. — Это, бахру твою за ногу, совершенно не место для гномихи, но я не собираюсь больше скулить и прятаться! Я дочь гор, а не какой-то перепуганный хорек! И никакие бхарины скалы меня не напугают!

— Так держать, Улыбашка, молодцом! Я и не сомневался в тебе! — ответил ей Алеор, и в голосе его звучало удовлетворение. — Следи за небом!

— Но я все равно убью тебя за все это, древолюб проклятый! — пообещала гномиха, и Рада поняла, что невольно улыбается. — Клянусь, собственными руками однажды сверну твою проклятую шею!

С каждой минутой удары летающих вокруг скал становились все чаще. Если поначалу Рада старалась отбивать все камни, что летели в их сторону, то теперь блокировала лишь самые крупные и опасные или те, которые двигались достаточно быстро, чтобы повредить платформу, на которой они находились. Все остальные камни она просто пропускала прочь, и порой они с глухим звуком падали на платформу, бились в ее края или катились по снегу мимо Рады, прокладывая глубокие траншеи.

Поминутно из-за спины доносился громкий скрежет и натужное дыхание Алеора. Иногда докатывались и обломки скал, которые он рубил на лету, не давая им навредить спутникам. От невидимого барьера вокруг них отскакивали мелкие камешки, ссыпаясь прочь по его округлым стенкам. Иногда они пролетали через этот барьер несколько метров, стремительно теряя в скорости, и просто безвредно падали вниз, в пропасть. Слышала Рада и пыхтение Улыбашки где-то справа и сзади от нее, поминутно перемежающееся руганью. Чем именно гномиха отбивала скалы, как она вообще умудрялась это делать при ее-то росте, Рада знать не знала, но Улыбашка снова была с ними, она снова сражалась, и от этого на душе становилось легче. Даже она смогла справиться со своим страхом, хоть это совершенно точно не место для гномихи. А раз она справилась, значит, и все мы сможем.

— Кай! — громкий голос Алеора звенел от напряжения. — Кажется, их становится все больше! Боюсь, мы не пройдем!

Рада позволила себе обернуться не более, чем на доли секунды, и окинуть взглядом горизонт. Эльф был совершенно прав: впереди камни метались, как заведенные, закручиваясь едва ли не в воронки, и оттуда доносился неумолчный грохот, будто грозовая туча спустилась с небес и настойчиво ревела, поджидая путников. Даже если бы с ними сейчас было десять ведунов, что встали бы плечом к плечу, окружив платформу по периметру, вряд ли они смогли бы сдержать этот каменный ураган.

Она обернулась как раз вовремя, когда каменная глыба метнулась почти что ей в грудь. Рада успела подставить ладони и отпихнуть ее прочь, вот только удар был так силен, и она уже блокировала за это время столько камней, что от боли в руках перед глазами потемнело. Вряд ли я продержусь еще долго. Парочка таких камней, и вместо костей у меня останется каша.

— Я знаю! — прорычал Кай в ответ Алеору, задыхаясь от натуги.

— И что нам делать? — тревожно спросила Улыбашка.

— Вверх! — рявкнул эльф. — Они же не могут до самого неба взлетать. Где-то там этому должен быть конец. Лиара, посмотри!

Сразу два камня вылетели из-за края платформы. Тот, что покрупнее, Рада отбить успела, а мелкий с глухим стуком врезался в снег прямо под ее ногами. Повезло! Будь они побольше...

— Метров двести, а дальше чисто! — крикнула искорка. — Надо протянуть только двести метров!

— Ты выдюжишь, Кай? — бросил Алеор.

— А у меня есть выбор? — хрипло усмехнулся в ответ ильтонец. — Держитесь! Подниматься будем быстро!

Рада на всякий случай попятилась от края платформы, чтобы не упасть вперед при резкой смене курса. В следующий миг каменная глыба дрогнула и плавно пошла вверх. Угол подъема становился все круче, движение ускорилось. Рада пошатнулась, взмахнув руками и пытаясь удержаться на ногах. Мимо со свистом пролетали скалы, камни, обломки. Часть из

них бесшумно пружинила от невидимого барьера над их головами, другая со стуком падала на платформу.

— Улыбашка! Прикрой Кая! — рявкнул Алеор.

Рада не могла оторвать взгляда от полного кружащихся камней неба, но краем глаза видела, как гномиха скинула с плеч свой вещевой мешок и теперь держала его над головой и плечами ильтона, чтобы на него не летели обломки. Во что бы то ни стало Кай сейчас должен был уцелеть и остаться в сознании; если вдруг какой-нибудь обломок тюкнет его по голове, и ильтонец отключится, им всем несдобровать.

Платформа стремительно поднималась, и Раду прижало к земле от скорости, словно теперь ее тело весило больше своего обычного веса. Она запрокинула голову, пытаясь смотреть сразу же во все стороны. Небо над головой напоминало начинающийся снегопад, только вместо снежинок были здоровенные глыбы, каждая из которых могла раздробить кости в труху. Некоторые из глыб перемещались по касательной, скользя туда-сюда, словно падающие звезды. Другие просто вяло проплывали мимо, и на лету Рада отталкивала их прочь своими рукавицами.

Только гораздо больше каменных глыб теперь падало на их платформу, или это сама платформа подбирала их, двигаясь вверх против обычной траектории? Порода под ногами то и дело вздрагивала, когда глыбы с глухим звуком падали в снег между путников. Теперь уже отбивать те, что летели по касательной с разных сторон, было невозможно, и Рада полностью посвятила себя тому, чтобы не схлопотать камнем по макушке.

— Лиара! — крикнул эльф. — Переведи весь щит вверх! Растяни его над нами!

— Сейчас!

Прямо на глазах Рады воздух над ними пошел волнами, становясь как-то гуще, менее прозрачным. Камни теперь пружинисто отскакивали от него, даже крупные, которые раньше лишь уменьшали скорость движения при прохождении через барьер.

— Магнитные поля слабеют! Мне легче держать щит! — голос Лиары был тверже, чем раньше, и звучал увереннее.

— Но если они слабеют, — нахмурилась Рада, — значит, и нашей платформой становится сложнее управлять.

Словно в ответ на ее слова, глыбу, на которой они стояли, сильно трянуло, накренило вбок. С громким криком Улыбашка покатила по снегу, врезаясь в камни, Раду сбilo на колени, и она лихорадочно зашарила руками по снегу, пытаясь найти что-нибудь, за что можно было бы уцепиться. Потом платформа резко накренилась в другую сторону, Раду швырнуло туда же, мимо нее с грохотом поехали упавшие на них сверху каменные обломки.

— Кай! — кричал эльф. — Что происходит?!

— Потоки... гуляют... — ильтонец хрипел от натуги, с трудом выдавливая из себя слова. — Все... тяжелее... держать...

— Кай! — позвал эльф, но в этот момент платформа вновь накренилась, и его крик потонул в грохоте падающих камней.

Рада покатила кубарем по снегу, лихорадочно пытаясь уцепиться хоть за что-то. Веревка, которая она была связана со спутниками, запуталась вокруг рук, обмотала ее тело потуже кожаных ремней. Рада вскрикнула, больно врезавшись боком в скальный обломок, который тоже медленно съезжал перед ней к краю платформы, а потом прямо перед ее глазами открылась бездна, полная летающих, снующих туда-сюда камней.

Мгновение Рада широко открытыми глазами смотрела в эту бездну, связанная по рукам

и ногам веревкой, что должна была защитить ее от падения, а сейчас только мешала. Потом платформа выровнялась, вернувшись в горизонтальное положение, и ее отшвырнуло обратно, протащив еще несколько метров по снегу и камням.

— Искорка! — хрипло крикнула Рада, выплюнув пригоршню снега вместе с кровью из разбитых губ. — Ты жива, искорка?!

— Да! — донесся приглушенный голос Лиары откуда-то со стороны.

— Все целы? — Сапоги Алеора взбили снег недалеко от Рады, и она ощутила, как его руки дергают путы, помогая ей выпутаться из перетянувших тело веревок. — Кай! Что происходит?

— Я стараюсь, Алеор! — натужно отозвался ильтонец. — Я стараюсь вести ее на запад, но здесь слабее магнитные потоки! — Платформу вновь тряхнуло. Раду подбросило над землей, и она тяжело упала обратно, едва не отхватив себе зубами кончик языка. — Держитесь крепче!

— Тогда проводи ее быстрее, слышишь? — твердо приказал эльф. Рада выпуталась наконец из веревок, и он поддержал ее под руку помогая встать. Лицо Алеора было жестким, глаза горели ледяной решимостью. — Гони на полной скорости на запад, попробуем проскочить преграду.

— Но там же целый вихрь из скал! — крикнула Улыбашка, на четвереньках замершая возле Кая. Ее вещмешка нигде не было видно. — Мы не сможем!..

— Придется! — отрезал эльф. — Лиара! Щит на передний край платформы! Будем таранить!

— Кану Защитница, не оставь нас! — выдохнула гномиха, кое-как поднимаясь на ноги.

— Как скажешь, Алеор, — устало согласился ильтонец. Теперь уже обе его каменные руки были погружены почти по самое плечо в платформу, и он тяжело наваливался вперед, едва не клюя носом сугробы. — Я продержусь столько, сколько нужно.

— Вперед, Кай!

Алеор побежал вперед, к западному краю платформы, прямо навстречу урагану из кружащихся в неистовом танце камней. Рада ощутила, как моментально пересыхает во рту: камни впереди метались так, что за их движением уследить было практически невозможно. Глаз просто не успевал отслеживать траекторию, они сновали, словно растревоженные палкой осиный рой. И где-то впереди, за ним, просверкивал противоположный край пропасти

— Алеор! Нас раздавит! — искорка поднималась на ноги, шатаясь. Вся ее дубленка была в снегу, на виске застыла кровавая ссадина. — Я не удержу эти камни! Это просто невозможно!

— Предложения? — не оборачиваясь, бросил эльф.

— Встанем вокруг Кая, как можно ближе. Тогда я смогу сделать щит крепче! Возможно, мы и прорвемся в таком случае!

— Возможно?! — пискнула Улыбашка.

Рада увернулась от свистнувшего мимо головы бульжника. Сердце в груди колотилось как бешеное. Они стремительно неслись на кипящую воронку камня впереди, и до нее оставалось все меньше и меньше. Еще пара сотен метров и все.

— Хорошо! Все назад! — рывкнул эльф.

Рада в три прыжка оказалась возле Лиары, оттаскивая ее ближе к ильтонцу. Гномиха на четвереньках с удивительной прытью перебралась туда же. Лиара вскинула руки, поднимая

щит, а Рада обняла ее за плечи, прижимая к себе, чтобы ни один камень не задел ее.

Алеор последним развернулся, убирая меч в ножны, и направился к ним. И вдруг вылетевший буквально из ниоткуда камень арбалетным болтом ударил его в колено.

Все случилось так резко, что Рада едва успела моргнуть. Еще миг назад эльф бежал им навстречу, а в следующий миг он покатился по снегу, крича от боли в раздробленной кости. Прямо на ее глазах эльф докатился до самого края платформы и ухнул вниз, в бездну.

Взгляд Рады упал на веревку, которой он был привязан к Лиаре. Ее кольца извивающейся гадюкой стремительно разматывались, пока Алеор летел вниз. Как Рада успела, она не знала, только она упала на живот и ухватила веревку ровно в тот миг, как та окончательно закончилась, спружинив у Рады в руках.

Рывок был таким сильным, что ее потащило вперед. Рада вскрикнула, чувствуя, как животом и грудью ее протаскивает по каменным обломкам, твердой поверхности платформы. Она попыталась вывернуться, чтобы хотя бы пятками замедлить падение, но это было просто невозможно в ее положении. Потом был еще рывок, и чьи-то руки крепко схватили ее за голени.

— Я держу! — прохрипела сзади Улыбашка. — Тяни его!

Лихорадочно втянув носом воздух, Рада неловко держала веревку. Руки у нее были перемотаны кольчужной сеткой, под которой болтались железные штыри. С одной стороны это частично помогало: кожу на запястьях окончательно не сорвало, да и трение веревки о поверхность кольчуги было больше. С другой стороны, руки потеряли цепкость и чувствительность, и ей приходилось изо всех сил напрягать мышцы, чтобы удерживать пружинящую веревку.

— Не могу, Улыбашка! — хрипло вскрикнула Рада, надеясь, что гномиха слышит ее. Вокруг начали падать камни, с глухим треском врежаясь в платформу возле нее. Рада старалась не думать, что будет, если один из них сейчас приложит ее по позвоночнику. — Тяни меня ты!

— Проклятые древолюбы! — зарычала в сердцах гномиха, и Рада ощутила рывок.

Очень медленно, буквально по сантиметру, Улыбашка начала оттаскивать ее назад. Рада и сама поднапряглась хорошенько и со стоном вытянула веревку на ладонь к себе. Руки дрожали, мышцы горели огнем, веревку мотало из стороны в сторону. Алеор был тяжелым, как лось, несмотря на все свое изящество. Только бы этот придурок не потерял сознание от рывка там внизу! Только бы он тоже сейчас лез вверх! По натяжению веревки в руках Рада не могла понять, что там происходит. Или эльфа уже раздробило камнями и болтало из стороны в сторону под брюхом их платформы, или он действительно лез вверх из последних сил.

— Кай! Останови платформу! — кричала искорка, срывая горло. — Останови ее!

— Не могу! — донесся до Рады надтреснутый голос ильтона. — Держитесь!

Грохот впереди нарастал, словно они влетали прямо в кипящую молниями грозовую тучу. Камнепад сверху усилился, несколько жестких ударов в спину уже выбили из нее весь дух, да и вокруг камни сыпались, будто град. Великая Мать, молю тебя! — взвыло что-то внутри Рады. Это что-то было люто испугано, словно зверь, попавший в капкан и отчаянно пытавшийся выбраться.

Над краем платформы показалась широкая окровавленная ладонь, и Рада застонала от облегчения. Следом за первой, вторая ладонь зашарила по снегу, ища хоть какую-то опору, эльф подтянулся на руках, шипя от боли. Лицо его было разбито, вниз по измазанной грязию

коже сбежали красные градины из глубокой раны над левой бровью.

Бросив веревку, Рада на брюхе поползла вперед, с трудом ухватила его за руку и подалась назад. Эльф хрипло вскрикнул от боли, но перекатился-таки через край платформы, и, переваливаясь, со всей возможной скоростью, они поползли за спину Кая. Ильтонца они достигли в тот самый миг, когда грохот сшибающихся камней стал оглушительным.

Тяжело дыша, Рада смотрела вокруг, пытаясь осознать, что сейчас происходило. Черная туча из камней буквально заволокла все небо, и вокруг стало темно, как в вечерних сумерках. За грохотом сталкивающихся обломков скал не было слышно ни единого другого звука, он полностью забил уши, лишив ее слуха. Над ними висела прозрачная круглая сфера, по поверхности которой неистово молотили камни. Этой сферы едва хватало для сгрудившихся вокруг Кая друзей.

Ильтонец тяжело навалился вперед, согнувшись пополам. Его могучие плечи опали, словно он держал на них невыносимый груз. Рядом застыла Лиара, подняв перед собой ладони, с окаменевшим, белым как полотно лицом и накрепко сомкнутыми губами. Возле нее кривилась Улыбашка, ощерив зубы и оглядываясь вокруг побелевшими от страха глазами. А около Рады кое-как примостился Алеор, правая нога которого была вывернута под неестественным углом, а штанина полностью потемнела от крови.

На несколько секунд темнота вокруг них сгустилась так, словно в мире вообще не осталось никакого света. Сквозь неистово лупящие в щит обломки скал то и дело просверкивало вспышками зимнее небо, и на миг Раде показалось, будто в них без перерыва лупят молнии, одна за другой. Платформа под ними дрожала так, словно в любой момент могла развалиться. Ее края за границей сферы щита исчезли под сплошным градом камней.

Наконец поток лупящих по щиту камней начал уменьшаться. В мире посветлело, грохот отступил прочь. Еще несколько мгновений, и они буквально вырвались, насквозь пролетев ураган из обломков.

Тяжело дыша, Рада огромными глазами смотрела на то, как удаляется за их спинами вихрь. Стена выглядела такой плотной, что через нее просто ничего не было видно. Как будто мир пополам рубило громадной каменной преградой.

— Кану Защитница! — тяжело прохрипела рядом Улыбашка, утирая рукой выступившую на лице испарину.

— Прошли! — с трудом выдохнула Лиара, закрывая глаза. Рада поспешно вскочила, поддерживая ее за плечи, когда искорка пошатнулась.

— Еще нет, — угрюмо буркнул Алеор. — Смотрите вперед!

Рада обернулась. Платформа, что раньше была диаметром около десяти метров, теперь сократилась до трех. Ровно такой ширины была охранный сфера искорки, что провела их через каменный ураган. Град из глыб отбил все края, не защищенные щитом, и теперь от бездны сгрудившихся в центре друзей отделяло расстояние длиной не больше руки. А впереди за медленно кружащимися скалами виднелся противоположный край пропасти, но до него еще нужно было дотянуть. На глаз Рада прикинула расстояние: около полукилометра. Ее взгляд метнулся к тяжело навалившемуся вперед ильтонцу. Выдержит ли он эти полкилометра? Или они все-таки разобьются о скальное дно?

— Кай! — крикнул Алеор. Голос его дрожал, эльф корчился, кусая губы. Взгляд Рады вновь упал на его искореженную ногу. Сквозь разрывы в ткани штанов торчал окровавленный расщеп кости, вышедшей наружу. Но эльф держался из последних сил и

сохранял сознание. — Кай ты слышишь меня?

В ответ каменорукий только тихо застонал сквозь стиснутые зубы.

— Кай, держись! — перекрикивая грохот камней, продолжал кричать Алеор. — Нам осталось совсем чуть-чуть! Еще каких-то проклятых пятьсот метров, и мы пройдем эту преграду! Только держись, Кай!

— Не... могу... — хрипел в ответ ильтонец.

— Улыбашка! — искаженное болью и отчаянием лицо Алеора повернулось к гномихе. Глаза его горели. — Пой свою проклятую Песнь Камня! Пой ему! Он должен оставаться в сознании, иначе мы все погибнем к бхаре собачьей!

— Да раздери тебя на куски Богон, подсолнечник хренов! — взвизгнула Улыбашка, но все-таки развернулась к Каю, выдохнула несколько раз, сосредотачиваясь, и принялась тихо-тихо напевать.

Только вот это произвело совершенно обратный эффект. Ильтонец хрипло вскрикнул, платформа под ними дрогнула, просев в воздухе на несколько метров. От неудачного удара о камень, Алеор тоже заорал, хватаясь за поврежденную ногу.

— Проклятье! Стало только хуже! — в отчаянье Улыбашка смотрела на тяжело дышащего ильтонца.

— Я... пытаюсь... — едва слышно прошептал Кай.

Рада вдруг заметила, что они начинают терять высоту. Преграду из каменного урагана они проходили довольно высоко, Кай успел вывести их почти что под самые тучи, а вот теперь платформа медленно и неуклонно пошла вниз, едва ли не так же быстро, как и вперед.

— Мы падаем! — не своим голосом взвыла Улыбашка.

— Лиара! — зарычал эльф. — Уплотни воздух под нами! Уплотни его! Мы должны дотянуть!

Искорка со стоном осела в руках Рады, но продолжала упрямо держаться. Скорость падения слегка снизилось, совсем немного, буквально чуть-чуть.

— Вот так! — подбодрил ее Алеор. — Держите оба! Нам надо дотянуть еще немного!

Сердце в груди почти что перестало биться. Затаив дыхание, Рада смотрела на то, как скользит по воздуху каменная платформа. Теперь уже не было никакой возможности отбивать камни или защищать их головы, Кай не мог больше петлять, обходя большие обломки. Оставалось только молиться, молиться и просить, чтобы впереди не попало больше никакой крупной скалы, в которую они могли бы врезаться.

Великая Мать! Еще чуть-чуть! Мы уже почти выбрались!

Три сотни метров оставалось до края пропасти, две с половиной, две. Рада до крови закусил губу, забыв, как моргать, и только считая, считая расстояние. Они шли под углом, все время теряя в высоте, но должны были дотянуть до самого края, даже при самом плохом раскладе.

А потом впереди возникла громадная скала, которая медленно поднималась им навстречу, перекрывая траекторию движения. Рада поняла, что забыла как дышать.

— Кай! — отчаянно взвыл Алеор не своим голосом. — Быстрее, Кай! Быстрее! Иначе мы разобьемся!

Ильтонец ничего не ответил, почти плашмя падая на скалу. Теперь уже из камня торчали только его плечи, он почти что прирос к этому обломку целиком, став его частью.

— Гони, Кай! Все силы, что есть, все, что сможешь, выжми! Еще немного! — орал

Алеор.

— Боже милостивый!.. — прошептала Улыбашка.

Рада видела скалу прямо по курсу, и обойти ее у них никакой возможности не было. Как и разрубить ее, как и оттолкнуть. Оставался один единственный, самый крошечный шанс, тоньше волоска. Рада изо всех сил прижала к себе искорку, разворачивая ее лицом назад и закрывая своими плечами. Если они упадут, от этого не будет никакого толку, но...

— Кай!!! — во всю глотку завопил Алеор.

Резкий удар прямо под ногами Рады бросил ее вперед вместе с искоркой в руках, заставив пошатнуться и едва не вывалиться с платформы. В скрежете, с которым их платформа проезжала по самой верхушке всплывающей снизу каменной глыбы, утонул хриплый вопль Улыбашки и стон Алеора. Платформа на миг почти остановилась, зависнув на самой вершине глыбы, и стремительно сорвалась с нее вниз.

Рада сгруппировалась, готовясь к удару. Искорка в ее руках вцепилась в нее изо всех сил. Платформа с грохотом рухнула на самый край бездны, опасно раскачиваясь на нем, кренясь вниз, а Раду с Лиарой швырнуло вперед, и они покатались по снегу кубарем, больно врезаясь во все. Только вот веревка, которой они были связаны со всеми остальными, моментально спружинила, и движение рывком остановилось, вырвав из груди Рады стон боли.

Кое-как встряхнув головой, она обернулась, глядя на то, как сползает с раскачивающейся над бездной платформы Алеор, как спрыгивает в снег Улыбашка. Кай со стоном вырывал из камня свои нефритовые руки. Он был бледен как смерть, и лицо искажало страдание. Он едва успел вытащить вторую ладонь, и скала все-таки рухнула вниз, утаскивая за собой ильтонца.

Следом за этим был новый рывок веревки. Вскрикнула Улыбашка, падая на зад и изо всех сил тормозя пятками по снегу, когда ее поволокло к бездне. Следом за ней дернуло и Раду, и она тоже изо всех сил напряглась, удерживая веревку. Так они и замерли на самом краю бездны, поддерживая друг друга: Улыбашка чуть впереди, Рада в десяти метрах за ее спиной, держа ее и не давая упасть.

— Проклятье! — рычала гномиха. — Какой же ты здоровый!

Рада уже не слышала, ответил ей Кай или нет. Она изо всех сил держала отрезок веревки, соединяющий ее с Улыбашкой, чтобы не дать гномихе сползти вниз. Руки практически разрывались от усталости, внутри мышц вскипела кислота, Рада уже не помнила, когда в последний раз она наполняла легкие воздухом. Гномиха была тяжела как грех, или как все скалы мира, вместе взятые.

Сколько все это длилось, она не знала, только через целую вечность над краем бездны показались две каменные ладони, и Улыбашка помогла ильтонцу взобраться на снег. Он со стоном перекатился подальше от пропасти и растянулся во весь рост, больше не шевелясь. Рядом точно так же упала гномиха, дыша тяжело и шумно и ругаясь через каждые полсекунды.

Отдаленный грохот внизу подсказал, что их платформа, вернее то, что от нее осталось, все-таки долетела до дна бездны. Рада отогнала непрошенную мысль, что столько же по времени сейчас могли лететь они сами. Рядом с ней в сугробе судорожно дышала Лиара, то и дело утирая ладонями мокрое от пота лицо.

— Ну что ж, дамы и господа! — с трудом прокаркал через боль валявшийся в стороне от них эльф. — Я поздравляю вас! Шестую преграду мы прошли. И мы первые, кто когда-либо

делал это, первые в истории всего мира.

— Твою же бхару!.. — прокряхтела ему в ответ гномиха.

===== Глава 18. Вопросы веры =====

На то, чтобы прийти в себя после переправы через шестую преграду, друзьям понадобилось три дня, и на этот раз Алеор не настаивал на том, чтобы они двигались вперед как можно быстрее. Из всех пятерых путь могли продолжать разве что Рада с Улыбашкой, но они совершенно не рвались навстречу приключениям. Обоих с ног до головы покрывали синяки и ссадины, у Рады, к тому же, сильно болели отбитые кости в руках, которые Кай пока еще излечить был не в состоянии. Потому они отдыхали, если это слово в данной ситуации вообще было применимо.

В первые часы после того, как им удалось преодолеть Летающие Острова, Кай лежал без сознания, и они-то и были, наверное, самыми сложными за все долгие недели путешествия. У друзей не было дров, чтобы разжечь костер и приготовить горячую пищу, не было воды, чтобы промыть и перевязать рану Алеора. Булыжник раздробил ему коленную чашку и выломал кость, которая теперь торчала из раны наружу. В пылу сражения с самой смертью он еще как-то держался в сознании, преодолевая боль, но как только преграда была пройдена, упал бездыханным рядом с Каем. И вся забота о них обоих легла на плечи женщин.

Лиара, хоть и сама едва держалась на ногах, заставила себя выбрать из воздуха самые теплые потоки и окружить ими друзей, не пропуская к ним ни холодный ветер, ни мороз. После нескольких неудачных попыток у нее даже получилось наметать с помощью потоков точно такое же снежное укрытие, как делал Кай, и создать в нем более-менее приемлемую температуру воздуха. Во всяком случае, замерзнуть во сне им теперь не грозило, но Рада с Улыбашкой все равно в унисон стучали зубами, кутаясь в одеяла.

Ногу Алеора трогать Лиара не решилась. Перелом был слишком тяжелым и страшным, чтобы она смогла вправить его. Посоветовавшись, они перетянули его бедро тугим жгутом из эльфийской веревки, чтобы Алеор не умер от потери крови, и решили дожидаться Кая. На морозе такие фокусы становились вдвойне опасны: конечность могла окончательно отмерзнуть, особенно при сложном открытом переломе. Но никакого другого выхода у них не было, оставалось лишь надеяться, что Алеор выдюжит до того момента, как очнется Кай.

Ильтонец открыл глаза часа через полтора после крушения их платформы у края пропасти. Взгляд у него был абсолютно мутным, и он не слишком хорошо понимал, где вообще находится, до тех пор, пока Рада не показала ему ногу Алеора. После этого Кай немного пришел в себя, собрал последние свои силы и вправил с помощью Черного Источника кости эльфа на место, зарастив сквозную рану в ноге. После этого оба они навзничь растянулись на полу снежного дома и долгие часы никак не реагировали на своих спутников. Да оно и немудрено: при такой-то ране. Исцеление отнимало поровну сил и у целителя, и у исцеляемого.

Лиара и сама чувствовала себя иссушенной до предела. Долгие недели они уже двигались через преграды на запад, и все эти недели она почти постоянно применяла свои способности, помогая спутникам преодолевать тяжелые препятствия. Нагрузка была постоянной, каждый раз Лиара чувствовала себя лимоном, который обхватила чья-то сильная ладонь и выдавливала из него сок до тех пор, пока не оставалась лишь измочаленная кожура. Потом ей давали передышку в пару часов и вновь давили, выцеживая из нее еще столько же. А еще позже, когда, казалось бы, уже не оставалось совсем ничего, давили вновь,

и вновь она наскребала ничтожные остатки сил, чтобы держаться.

И теперь эти силы ушли все, словно вода в песок. Ее хватило лишь на снежный дом и первую помощь Алеору. После этого Лиара уселась на свое одеяло в уголке, куда не задували ледяные порывы ветра, и совершенно пустым взглядом уставилась перед собой.

Никогда она не думала, что однажды ей будет так тяжело. Детство в приюте, какой бы полуголодной и трудной там ни была жизнь, совершенно не подготовило ее к такому. Даже весь предыдущий путь, который они прошли от Латра до Алькаранка и дальше, до Рамаэля, даже он теперь казался ей легкой прогулкой в компании друзей. Конечно, нападение Своры, Топи, бешеная скачка в попытке уйти от погони и сражение с Сагаиром на штормовых волнах Северного Моря не были мелочью, от которой легко можно отмахнуться. Лиара помнила и то, насколько сильно она уставала, как волновалась, как грыз ее страх, не давая вздохнуть, но после того, как они преодолели горы, все это отошло на второй план. Эрванский кряж просто перечеркнул всю ее прошлую жизнь, могучей преградой встав между Лиарой прошлой и Лиарой будущей, а сама она все брела по дороге между этими двумя точками, измученная, изнуренная, совершенно безразличная ко всему.

Это было очень странное ощущение — ощущение пути. Словно она зависла в воздухе в огромном нигде, ничего больше из себя не представляющая, лишенная всего, оупело тихая. В горниле из постоянных нагрузок, усталости и риска собственной жизнью стгорело ее желание попасть в Данарские горы, ее вечная неуверенность в собственных силах, мысли о том, что она только обуза, мысли о том, что она оставила за своей спиной. Ни прошлого, ни будущего теперь не было у Лиары. Только дорога, каждый шаг по которой был смертельно опасен. Словно каждая оставшаяся за спиной преграда сдирала с нее еще один слой иллюзий, глупости, фальши. Не за тем ли ты позволила создать их, Великая Мать? Ведь ничто в мире не происходит против твоей воли, потому что ты и есть мир. Не за тем ли нужны эти преграды, чтобы однажды быть преодоленными? И сколько преград стоит внутри нас самих, преград на пути к нам самим, чистым и настоящим?

Рядом, устало понуриив головы, дремали, завернувшись в одеяла, Улыбашка с Радой. Гномиха тихонько посапывала; она устала настолько, что на этот раз даже душераздирающий храп не сотрясал стены маленького снежного укрытия. Рада клевала носом, то совсем отключаясь, то рассеяно вскидывая голову и оглядываясь по сторонам. Ее бок касался бока Лиары, и от этого было тепло, так тепло, что можно было забыть про зимнюю стужу за стенами, небо, что постоянно просыпалось снегом, ветра, такие жестокие и злые в эту пору.

Эту дорогу они делили поровну, просто и прямо. Вместе они шагали прочь от своего прошлого, оставив позади столько всего, что раньше казалось важным, нужным, дорогим. И тяжесть пути срывала с них обеих одну маску за другой, обнажая истинное, по-настоящему ценное. Руку, что поймает, когда ты падаешь, плечо, на которое можно опереться, тепло, когда кажется, что в мире не осталось больше ни частички солнца. И свет, таинственный, неопиcуемый, невероятный свет, торжествующе и смеясь, вторгающийся в самую черную тьму, разгоняющий ее прочь с игривой легкостью. Солнце, что обе они несли в груди, одно единое солнце на двоих.

Рада тихонько всхрапнула, вновь уронив голову на руки, и спутанные светлые пряди, отросшие за недели пути, рассыпались по ее рукам. Перехватывающая дыхание нежность мощной волной поднялась в Лиаре, и она, замерев и позабыв, как дышать, смотрела и смотрела на свою суженную, видя ее, как будто в первый раз. С ней не было

недоговоренностей, страха и неуверенности, не было сомнений. Никогда Лиара не чувствовала себя настолько защищенной. Даже посреди взрывающейся тоннами кипятка земли, даже на спине голодного Червя, несущегося через заснеженные холмы, даже на обломке скалы, летящем над бездонной пропастью. Как бы страшно ни было снаружи, как бы ни паниковало ее тело, истерически боясь за собственную жизнь, внутри нее всегда был непоколебимый покой, мощный, будто древние горы, которому нипочем были грозы и бури, кипящие снаружи. А в самом сердце этого покоя улыбались полные звонких лучей солнечного света глаза Рады.

Великая Мать, ты всегда даешь нам ровно столько, сколько мы можем перенести. Ты всегда даешь нам защиту, самую мощную защиту, которая только может быть. Ты всегда даришь нам так щедро, так полно, и лишь в нашей воле принять твой дар или отвергнуть его. Я не знаю слов, чтобы отблагодарить тебя за нее, кажется, в этом мире просто нет таких слов. Но я склоняюсь к твоим ногам и благодарю. И неважно, сколько еще испытаний и бед ждет нас впереди. Она идет рядом со мной, а это значит, что я в полной безопасности.

Тихонько выдохнув, Лиара закрыла глаза, погружаясь в грезы, и золотые переливы космических приборьев медленно плескались вокруг нее, серебристой рыбкой поднимая ее к никем не хоженным тропам на высотах, что видели лишь первые ветра.

Время странно замерло вокруг их маленького снежного дома. В отдалении погромыхивали, сталкиваясь, летающие над бездной скалы, серые облака ползли по небу, спрятав солнце в толстые рукава зимней шубы. Серый свет дня сменяла черная вакса ночи, и ей на смену вновь приходил такой же серый рассвет. Слегка потеплело, и теперь поверхность сугробов стала липкой и влажной, а снег отяжелел, налипая на сапоги и штаны. Больше ничто не менялось, и Лиаре казалось, что они одни одинешеньки на всем белом свете.

Когда она выходила из снежного дома и оглядывалась вокруг, пейзаж всегда был одинаковым. Бесконечное полотно снега на юге, западе и севере, точно такая же бесконечная стена кружащегося в небе камня на востоке. Серые тучи, что, казалось, застыли на одном месте, тяжелые, полные снега, усталые. Ни единого следа какого-нибудь живого существа, ни единой птицы в небе. Преграды весь мир оставили где-то позади, не пуская его сюда, и здесь не было жизни, лишь вечная пустота. Та же самая пустота, которая заставляла Лиару смотреть и смотреть вперед, моргая и пытаясь отыскать в себе хоть что-то живое. Но там не было ничего. Не потому, что она тосковала, не потому, что она боялась, и уж точно не потому, что она хотела оказаться сейчас где-нибудь в другом месте. Просто какой-то внутренний предел был достигнут, и на этом самом ледяном заснеженном пике была лишь пустота неба, ветра и ничего кроме.

Ее настроение разделяли и друзья. Рада была странно молчалива, точно так же порой пристально разглядывая горизонт, будто глаза ее смотрели, смотрели и ничего не могли увидеть, будто смотрела она на самом деле внутрь самой себя. Улыбашка прекратила ругаться и ворчать и тоже большую часть времени просто тихонько сидела, укутавшись в одеяло и уставившись перед собой. Они все смертельно устали, и теперь им не хотелось ничего, только молчать.

Алеор с Каем очнулись от забытья только в конце второго дня пребывания в снежном доме. Ильтонец открыл глаза первым, он выглядел осунувшимся, но отдохнувшим. Его пробуждение несколько оживило атмосферу среди спутников и прежде всего потому, что первым делом Кай прогрел помещение и накипятил им горячего чаю. На разведенном им

пламени, что плясало над землей, не касаясь ее, Лиара с Улыбашкой быстро сварили нехитрую мясную кашу, и путники впервые за несколько дней вдоволь наелись горячего, набив животы. А к вечеру, когда уже совсем стемнело, и черная как смоль ночь укрыла бескрайнюю заснеженную равнину, очнулся и Алеор.

Правда, эльф был слаб, будто новорожденный котенок. Он даже не смог самостоятельно сесть, потому Кай осторожно поддерживал его под спину, пока Алеор, наотрез отказавшись от того, чтобы ему помогли поесть, дрожащей рукой подносил ко рту ложку с горячей кашей. Лицо его было блее обычного, и черные волосы резко контрастировали с кожей, сделав его похожим на смерть. Но при этом в глазах эльфа горел и горел неукротимый огонек, и он то и дело неосознанно поглядывал на запад, словно его так и подмывало вскочить и бежать туда, сломя голову.

— Мы почти дошли! — голос Алеора был слабым, но дрожал от плохо сдерживаемого напряжения. — Нам осталось совсем чуть-чуть! Всего одна преграда, и дело будет сделано.

— Сначала мы отдохнем, — спокойно проговорил Кай, тепло поглядывая на эльфа. — В таком состоянии не имеет смысла лезть в седьмую преграду, особенно учитывая тот факт, что мы вообще не представляем, что это такое.

— Да знаю я, — поморщился Алеор, словно совершенно не это он хотел услышать. — Но мы уже почти дошли. Мы так близко, как только можно быть к Черному Источнику. Неужели же вам не хочется поскорее взглянуть на то, что он из себя представляет?

— Честно говоря, я вовсе не хочу смотреть на него, — буркнула Улыбашка, отирая ладони о куртку и хмуря брови. — Чем дальше держишься от всей этой ведовской мути, тем целее будешь.

— Что-то ты так не говорила, когда Кай вытягивал тебя практически из пасти Червя при помощи энергий, — оскалился эльф, глядя на нее.

— Проклятье, Алеор, я не полная идиотка! — зыркнула на него гномиха. — Я прекрасно понимаю всю пользу Черного и Белого Источников, я нисколько не отрицаю их значимость и то, что из них сотворен весь мир. Но мне все равно неудобно рядом с такой мощью. И, кажется, это совершенно нормальная реакция для любого здравомыслящего существа. — Она бросила на ильтонца извиняющийся взгляд и проворчала: — Извини, Кай, я вовсе не хотела тебя задеть.

— Ты и не задела, Улыбашка, — пожал плечами ильтонец. — Мне и самому порой бывает очень не по себе от той силы, которая идет сквозь мое тело. И это единственно верная реакция. Как только ведун соблазняется потоком этой мощи, она полностью подчиняет его себе, и после этого он так же опасен для окружающего мира, как пособники Сети'Агона. Сила слишком легко дает власть, а власть развращает почти всех, делая их своими орудиями. Лишь тот, кто не хочет власти, по-настоящему достоин того, чтобы ей обладать, как говаривал мой наставник.

— И кто же отдаст такому человеку эту власть? — усмехнулся Алеор, оборачиваясь к ильтонцу. — Отличная позиция, чтобы ничего не делать. Дескать, я, конечно, лучше всех подхожу, чтобы делать дело, но не буду его делать просто потому, что не хочу. И не попытка ли это просто избавиться от ответственности, а, Кай?

— Возможно, Алеор, — мягко улыбнулся ему ильтонец. — На это можно посмотреть и так.

— Я просто не вижу способа смотреть на это иначе, — фыркнул эльф. — Я считаю, что каждый, кто считает себя достаточно сильным и достойным, должен пробовать, добиваться,

сражаться. Какой смысл в том, чтобы сидеть и философствовать о том, насколько честна и бескорыстна может быть власть? Когда голодают твои люди, когда в государстве развал, когда начинается война, и какой-нибудь один идиот, держащий рулевое весло, ведет весь корабль на мель, провозглашая, что уж он-то точно сможет справиться со всеми трудностями? Может ли, как ты говоришь, сильный человек при этом отмахнуться, сказав, что ему власть не нужна даже на то, чтобы спасти свой народ? Это ли не способ избавиться от ответственности?

— Кажется, здесь никто кроме тебя не может знать этого лучше, Алеор, — хмыкнула Рада, стуча ложкой о дно своей тарелки.

Эльф насмешливо вздернул бровь, глядя на нее.

— Я так полагаю, тебе есть, что сказать, моя дорогая? Давай, не ходи вокруг да около, удиви меня.

— А чего тут удивлять? — пожала плечами та, улыбаясь Алеору. — Ты сам наследник Лесного Дома, ты ненавидишь все, что делает с твоей страной Илион, но вместо того, чтобы сесть на трон, мотаешься по миру от скуки и штурмуешь непреодолимые препятствия. Вот и скажи мне, не повод ли это избавиться от ответственности?

— Ох, как она тебя, а? — громко хохотнула Улыбашка, когда лицо Алеора едва заметно дернулось после слов Рады. — Кажется, хоть раз кто-то тебе рот заткнет, древолюб.

— Вряд ли, Улыбашка. Для того, чтобы заткнуть мне рот, у вас всех силенок маловато, да и боитесь вы меня чересчур сильно, — снисходительно взглянул на нее эльф. — А что касается твоего вопроса, Радужка, то и ты не слишком-то от меня отличаешься. Бросила свою страну на грани гражданской войны, причем каша в ней заварилась именно по твоей вине, да и сбежала вместе со мной на поиски приключений. Так что мы не так уж и разнимся в выборе целей, моя дорогая. Разве что я делаю это по просьбе Илиона и для того, чтобы избавить мир от возможной провокации Сети'Агона. Возможно, я и не помогаю своей собственной стране в данный момент, заняв ее трон, но при этом я помогаю всему остальному миру, останавливая Сети'Агона.

— Да ладно! — фыркнула Рада, закатывая глаза и отставляя прочь миску. — Тебе просто нравится это! Тебе до безумия скучно сидеть в четырех стенах и ровным счетом ничего не делать! А с Сети'Агоном у тебя личные счеты, которые ты все никак не можешь свести и ищешь любой способ, чтобы это сделать. И спасение мира занимает едва ли не десятую строчку в списке твоих приоритетов.

— Однако оно там есть, — взгляд эльфа стал острым, а улыбка жестокой. — А что в твоём списке, Рада? Песенки богам? Псалмы этой вашей Великой Матери? Какую это может принести пользу миру?

В помещении повисла тяжелая тишина. Алеор с Радой сидели друг напротив друга, разделенные пламенем, и не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. Лиара поежилась, чувствуя ледяной холод, моментально выстудивший воздух. В последнее время эти двое не ладили, то и дело сцепляясь из-за ничтожных поводов, и Лиара все никак не могла понять, что же между ними происходит. Раньше ведь Рада во всем слушалась эльфа, смотрела на него едва ли не с восхищением и очень гордилась тем, что он называл ее сестрой. Теперь же взгляды, что она на него бросала, постоянно были колкими, полными какого-то затаенного желания перечить. На память пришла их последняя ссора, когда они едва не подрались, только-только преодолев Серую Гниль. Тогда именно поведение Лиары стало причиной для скандала, и Алеор вышел из себя после того, как Рада попыталась защитить свою искорку.

Великая Мать, молю тебя, пусть это только будет не из-за меня. Меньше всего мне бы хотелось вставать между ними и мешать им обоим.

А еще внутри кольнуло оттого, что эльф совсем не верил в то, что они с Радой делали. В общем-то, Лиара и не ждала, что он поверит: в этом мире Алеор полагался только на собственную силу, он был из тех людей, что привыкли справляться со своими проблемами самостоятельно, не прибегая к чьей-либо помощи. Но он всегда казался ей человеком более глубоким, человеком, который все еще во что-то верил, который шел за своей мечтой, преодолевая все преграды на своем пути. Вот только, как и во всем остальном, лишь его собственная мечта существовала для него во всем этом мире, а все остальные он презирал и отвергал, как недостойные внимания.

Как, должно быть, сложно сейчас Раде. Лиара взглянула на нее, буравящую Алеора хмурым взглядом. Она нашла наконец-то собственный путь, и этот путь ведет в противоположную от Алеора сторону. Едва-едва она успела по-настоящему обрести его как друга и брата, и теперь он, насмехаясь над самым истинным и важным для нее, уходит прочь, вновь оставляя ее в одиночестве. Взгляд Лиары пополз дальше. На Улыбашку, что хмурилась и терла кончик носа, опустив глаза в пол. На Кая, который сконфуженно молчал, аккуратно поглядывая на Алеора. Скольких мы еще потеряем на этом пути, Великая Мать? И сколько последуют за нами?

Рада так ничего и не сказала. Подвигав челюстью, она с видимым трудом сдержала готовые сорваться с губ слова и отвела глаза. Алеор еще несколько секунд смотрел на нее в упор, словно искал что-то в ее лице, и потом тоже отвернулся. Лиаре показалось, что он выглядел разочарованным. Почему? Потому что они почти поссорились? И если да, то чего бы ему больше хотелось: разругаться окончательно или найти компромисс? На этот вопрос у нее тоже не было ответа.

— Что ж, нам всем неплохо бы отдохнуть перед долгой дорогой, ведь еще неизвестно, что нас ждет впереди, — проговорил он, откладывая миску. — Я слышал одну древнюю песню о Семи Преградах, в которой упоминались некие «дороги эха». Полагаю, что это и есть наше последнее испытание, но знать не знаю, что оно из себя представляет. Так что давайте-ка хорошенько поспим, чтобы завтра с утра свежими отправиться в путь.

Больше разговоров в тот вечер не было. Они быстро доели остатки ужина, помыли посуду и завернулись в свои одеяла вокруг согревающего помещеннe пламени. Лиара чувствовала внутри засеvшую острым шипом боль и знала, что это — не ее. Связь, что установилась между ними с Радой, с каждым днем становилась все крепче, и Лиара благословляла ее за возможность чувствовать все, что происходило с Черным Ветром.

Вот и сейчас Рада лежала рядом, обняв ее и прижав к себе, как обычно, но внутри нее ныла маленькая ссадина, полученная от эльфа. Лиара чувствовала, что она не спит, да и сама все никак не могла уйти в грезы, пока Рада не затихла рядом.

Все остальные спутники уже спали, шорох дыхания Алеора с Каем прерывал громоподобный храп Улыбашки. А Лиара ощущала, как напряжена рука Рады, обнимающая ее как обычно по вечерам.

— Рада? — тихонько позвала она, поворачивая голову. — Что с тобой?

— Ничего, маленькая, — успокаивающе проговорила та. — Просто не спится.

— Это из-за Алеора?

Несколько секунд она молчала, потом тяжело вздохнула.

— Он не верит нам, искорка. Даже после Сагаира, после Огненной Земли, которую мы

прошли, после всего. Не верит ни единому слову и смеется.

— Но ты ведь прекрасно знаешь его, — Лиара накрыла ее ладонь своей и принялась мягко гладить ее кончиками пальцев. — Он всегда был такой и никогда не изменится.

— Знаю, — вновь вздохнула Рада.

— Да и я сама не поверила бы во все это, если бы не испытала все это на своей шкуре, — добавила Лиара, стараясь найти слова, которые хоть чуть-чуть утешили бы ее и умили боль. — Это не те вещи, в которые люди верят сразу же. Ты же знаешь, как тяжело хотя бы на миг признать, что чудеса существуют. Все боятся, думая, что их вновь обманут, что их мечты вновь растопчут и развеют в прах, что вместо нового чуда их ждет только горечь. Поэтому проще отталкивать это от себя и говорить, что этого нет.

— И это я тоже знаю, искорка, и понимаю это, — прошептала Рада.

Она замолчала, не добавив больше ничего, и Лиара грустно прижалась к ней спиной, думая, что еще сказать такого, чтобы поддержать ее, как найти правильные слова, которые прогонят прочь грусть.

— Нам просто нужно в эти проклятые горы, — горько прошептала Рада через несколько секунд. — Нам нужно как можно скорее попасть туда. Мне плевать, кто и что об этом думает, но я хочу учиться, я хочу узнать, зачем все это. И они должны объяснить мне. Невозможно жить вот так, в неведении, словно с завязанными глазами.

— Это правда, — вздохнула Лиара, чувствуя, как становится чуточку легче. Хорошо было знать, что кто-то еще думает точно так же, как она, особенно, если этим кем-то была ее Рада.

— А даже если и там мне не расскажут, что делать дальше, ну что ж... Значит, будем учиться сами. Все можно сделать, если захотеть. И мне все равно, кто по этому поводу что думает. — Она прервалась и вновь тяжело вздохнула. — Просто если бы он поверил мне, было бы легче. Он всегда был для меня особенным. Другом. Братом. И он никогда не боялся ничего, не считал ничто невозможным. С его поддержкой мне было бы немного легче.

— Я понимаю, — кивнула Лиара, переплетая ее пальцы со своими.

— А с другой стороны, я ведь всю жизнь была одна, — тихо продолжила Рада. — В детстве, в молодости, даже в браке. И как-то ведь я справлялась без чужой поддержки, шагала вперед, училась всему сама. Наверное, просто теперь у меня есть ты, и я чувствую, как это важно — когда близкие поддерживают тебя, какую великую силу и помощь это дает.

— Ничего, Рада, у нас все получится, — прошептала в ответ ей Лиара. — Я ведь тоже всегда была одна, совсем одна. А потом ты появилась в моей жизни, и все переменялось, я сама изменилась. Может быть, однажды, он тоже поймет.

— Может быть, — задумчиво отозвалась Рада, но уверенности в ее голосе не слышалось. Она поерзала, крепче прижимая к себе Лиару, и добавила: — А теперь-ка давай отдыхать, моя искорка. Завтра долгий и трудный день.

В ее руках было уютно и тепло, да и острый шип внутри стал чуть менее болезненным, все еще продолжая саднить, но уже не так пронзительно, как раньше. Через четверть часа дыхание Рады выровнялось, и рука ее на боку Лиары отяжелела. Поблагодарив Великую Мать за это, Лиара закрыла глаза и ушла в грезы.

Вот только и на третий день выступить навстречу последней, седьмой преграде они так и не смогли. Проснувшись, Алеор вовсю уверял, что сил у него достаточно, и он готов почти что бежать вперед, но все видели, что при ходьбе его слегка покачивает, да и цвет лица так и не вернулся к нему. Внимательно осмотрев его при помощи энергии Источников, Кай мягко,

но уверенно покачал головой и заявил, что они никуда не двинутся до тех пор, пока Алеор не вернет себе хотя бы часть сил. Тот попытался спорить, но Кай прервал его:

— Ты ведешь нас вперед, мы выступили в этот поход следом за тобой. И если ты не сможешь и дальше возглавлять отряд, то ничего-то у нас и не выйдет. Так что спи и ешь сегодня вдоволь, а завтра с утра мы посмотрим на твое состояние.

Алеор фыркал, закатывал глаза, настаивал, но Кай просто ничего не стал слушать, и на этот раз остальные спутники были на его стороне. Попротестовав еще некоторое время и поупражнявшись в изысканных оскорблениях их лени и глупости, Алеор наконец сдался и впал в угрюмое молчание. Это тоже длилось недолго. После завтрака веки его налились тяжестью, Алеор завернулся в свое одеяло и отвернулся ото всех, уходя в грезы.

День тянулся невыносимо медленно. В снежном доме делать им было совершенно нечего, а за месяцы совместного путешествия все успели уже достаточно устать друг от друга, чтобы не иметь никакого желания общаться. В итоге путники разбрелись в разные стороны, коротая время за нехитрыми делами. Улыбашка уселась на пол острить оставшиеся у нее в арсенале кинжалы и штопать изодранную в пути дубленку. Кай дремал, смежив глаза и урывая свободные минуты, чтобы восстановить силы. А Рада с Лиарой пошли пройтись вдоль преграды из вращающихся в воздухе камней за их спинами.

Шагать по сугробам было тяжело: снег подмок из-за оттепели, прилипал к ногам, тянул назад. Даже Лиара, шедшая по самой кромке сугробов, то и дело вынуждена была останавливаться и отряхивать сапоги, чтобы счистить лишний снег, а уж Рада вязла буквально по колено. Но за долгое время это был первый день, когда они могли побыть вдвоем без вечного присутствия рядом остальных спутников, и Лиара наслаждалась каждым мгновением, проведенным рядом с Радой.

Ее ладошка свернулась внутри большой теплой ладони Рады, и это было донельзя уютно. Серое небо над их головами тяжело давило на затылок, и ветер рвал волосы, бросая их в лицо, но сейчас все это было не так уж и важно. Лиара краешком глаза наблюдала за Радой, глаза которой что-то выискивали вдаль, на самом горизонте, что-то видимое только ей.

— Я все думаю, как мы обратно-то подойдем? — первой нарушила тишину Черный Ветер, ковыляя через глубокий снег. — Туда-то ладно, я так полагаю, что уже через пару дней мы будем у Черного Источника, но обратно как? Редлога с нами нет, значит, придется штурмовать Железный Лес и Эрванский кряж самим. Но до них еще дойти надо. К тому же боюсь, нам вообще придется идти с тобой вдвоем: ребятам-то в Данарские горы не нужно, им проще вернуться на восток той же дорогой, что они и шли. А мы направимся на юг.

— Я тоже думала об этом, Рада, — кивнула Лиара, чувствуя легкую нотку удовольствия оттого, что хоть чем-то могла немного поддержать ее и развеять ее опасения. — Мне кажется, я знаю, как нам пройти дальше так, чтобы не пришлось переправляться через все преграды в обратном порядке.

— Правда? Как? — удивленно вскинула брови Рада, глядя на нее.

— Первопришедшие могут ходить сквозь пространство, Рада, и я тоже могу, — Лиара надеялась, что в голосе не прозвучало излишней гордости. Меньше всего ей хотелось в очередной раз подчеркивать, что у нее есть какие-то эльфийские возможности, которых у самой Рады не было. — Когда-то мои родители именно таким способом вынесли меня из Иллидара, чтобы спрятать в Мелонии. Значит, сквозь пространство с собой можно кого-то провести. Я не знаю, как это сделать, не знаю, нужна ли для этого кровь Первопришедшей в

жилах, но мы можем попробовать. Тогда я доставлю нас с тобой напрямик в Данарские горы сразу после того, как мы закончим нашу миссию у Черного Источника.

— А ребята? — нахмурилась Рада. — Их ты сможешь с собой взять? Я знаю, что они не собираются к анай, но тогда им не придется снова рисковать жизнью и перебираться обратно сквозь Семь Преград. Есть же, скорее всего, путь к южному побережью, где можно сесть на корабль, который привезет их домой. Пусть это будет дольше, но это безопаснее поездки на Черве или скачкам с одной летающей скалы на другую.

— Я не знаю, Рада, — честно покачала головой Лиара, глядя на нее. Внутри кольнул стыд. Она как-то даже и не подумала о том, как будут выбираться из-за преград остальные спутники. Это казалось таким очевидным: с ними Алеор, значит, они совершенно точно в безопасности, да и идти им в другую сторону. А все потому, что думаешь ты только о самой себе, Светозарная. Не слишком-то многое и изменилось после того, как ты покинула Мелонию, не так ли? Опустив глаза, она забормотала то ли для того, чтобы оправдаться перед Радой, то ли, чтобы убедить саму себя. — Я никогда не делала ничего подобного. К тому же, нас очень много. Отец пронес меня одну, и я была еще совсем маленькой, ребенком. А сейчас нас здесь пять человек, и все — представители разных рас. Я просто не знаю, получится у меня или нет.

— Ну что ж, значит, мы попробуем! — Рада взглянула на нее, мягко пожав ее ладошку. — А коли не получится, значит, им придется возвращаться самим. В общем-то, втроем пройти преграды будет, наверное, проще, чем всемером. И Каю легче: не нужно столько сил тратить на исцеление и защиту, и двигаться можно быстрее. — Она вдруг громко хмыкнула и с улыбкой взглянула на Лиару. — Слушай, искорка, а коли ты знала о таком варианте, что ж сразу-то его не предложила Алеору? Может, нам и не пришлось бы лезть через все эти препятствия, сразу бы и оказались у Черного Источника.

— Да я и не знала, — неловко пожала плечами Лиара, чувствуя, как щеки разгораются румянцем. Стыд стал еще глубже, обжигая изнутри не хуже кипятка в гейзерах. — Мне это пришло в голову только сегодня утром, когда я очнулась от грез. Я бы обязательно сказала сразу же, если бы додумалась до этого с самого начала.

— Знаешь, что самое забавное? — Рада улыбалась, качая головой. — Я думаю, Алеор отказался бы, предложи ты ему это еще до Эрванского кряжа. Из принципа бы отказался.

— Почему? — удивленно взглянула на нее Лиара. Внутри самым позорным образом взметнулась надежда, и она отругала себя. То, что твоей помощью отказались бы воспользоваться еще не повод эту помощь не предлагать, глупая ты, самовлюбленная девчонка!

— Он семьсот лет назад пытался пройти здесь и не смог, остановившись буквально в двух шагах. Да к тому же, тогда это была экспедиция Дамиана, куда его особенно-то и не звали. Естественно, что ему, должно быть, как поперек горла сидело то, что он не достиг Черного Источника. Наверное, именно поэтому, хитрая лиса, и скрывал все время, что принимал участие в том походе, никому не хотел говорить о своем промахе. — Рада только головой качала, посмеиваясь. — Вряд ли он бы поступился своим упрямством и гордостью и согласился бы в один миг оказаться у Черного Источника. Как проклятый баран из принципа бы пешком попер, чтобы доказать всему миру, что он может.

— Думаешь? — Лиара, конечно, успела за это время немного узнать Алеора, но такое поведение казалось ей верхом легкомыслия и глупости. Эльф не производил впечатления человека глупого и непродуманного, даже на самую безвыходную ситуацию у него всегда

был заготовлен план действий. Мог ли он в таком случае действительно отказаться от возможности миновать столько опасностей просто ради них самих?

— Уверена, — кивнула Рада, и в глазах ее горел огонек восхищения. Никуда-то он и не делся, даже несмотря на их недавние разногласия. — Этот никогда не уgomонится. Да еще и с собой потащит кучу народа, чтобы они потом не забыли пересказать истории о его подвигах.

— Ты уже не злишься на него? — осторожно спросила ее Лиара, и от сердца отлегло, когда та отрицательно покачала головой.

— Да я и не на него злюсь, искорка, я на себя злюсь. Он достаточно сумасшедший для того, чтобы поверить в возможность и существование самых безумных вещей, которые только можно представить. Видимо, это у меня просто не хватает мозгов на то, чтобы убедить его, чтобы правильно донести до него то, что я чувствую. Это мне надо учиться, а не ему, он уже и так знает о себе ровно столько, сколько вообще можно знать. А я вот пока только знакомлюсь с тем существом, которое долгие годы считала самой собой.

— У нас все получится, Рада, — вновь твердо повторила Лиара, надеясь, что ее это хоть немного подбодрит. А заодно — подбодрит и ее саму. Стыд все еще кусался где-то на краешке ее существа горячими клыками. — Мы все с тобой сможем, мы справимся. Осталось совсем немного, еще одна преграда, а потом будут ответы на наши вопросы.

— Я знаю, маленькая моя, — кивнула ей Рада, и глаза ее потептели. — Но мне очень дорого, что ты стараешься меня поддержать.

Ее взгляд был теплым, будто первые весенние лучи, отогревающие землю, и Лиара улыбнулась в ответ. Иногда ей хотелось набрать лучики солнца из ее глаз в полные горсти, уложить себе в грудь и беречь там, как самое дорогое сокровище. Иногда она чувствовала, что именно это она и делает с каждым своим новым вздохом.

— А еще мне очень интересно, какие они, эти анай? — Рада прищурилась, глядя вдаль, и Лиара тоже взглянула туда, на юго-запад. Именно там, если верить старой карте Алеора, которую он по вечерам иногда разглядывал возле костра, располагались Данарские горы. В голосе Рады звучала задумчивость. — Они сумели отразить атаку Сети'Агона, объединившись со своими заклятыми врагами и эльфами, которые удалились от мира и его дел так давно, что все уже и вовсе позабыли об их существовании. Мелония уже больше века не может объединиться даже с соседним Лонтроном, с которым у нее и торговые договора, и совместные внешнеполитические интересы, а последняя война между этими двумя государствами была так давно, что никто уже и не помнит о ней. Насколько же сильно должны эти анай отличаться от нас, что им хватило силы перешагнуть через море пролитой крови и заключить союз с теми, кого они так долго безжалостно уничтожали?

— Может быть, все дело в угрозе Сети'Агона, — предположила Лиара, хоть сердце внутри и подсказывало ей, что все далеко не так просто. — Этлан Срединный очень давно не видел угрозы, которая могла бы сплотить все народы в одно целое, заставив их позабыть о собственных интересах. Последней такой войной был Танец Хаоса две с половиной тысячи лет назад, и с тех пор ничего подобного не случалось.

— Но даже тогда далеко не все встали на сторону Аватар, — покачала головой Рада. — Некоторые государства были уничтожены, тот же Мелоньяр Тонал, чего далеко ходить? А эти, хоть между ними и не было ровным счетом никаких общих пересечений, встали плечом к плечу и выдержали удар. Кто же они такие? — Глаза ее сощурились еще больше, вглядываясь в горизонт. — Все время думаю об этом. Алеор сказал, что они — осколки расы

гринальд, две части одного народа, упорно ненавидящие друг друга на протяжении двух тысяч лет. Нет ничего страшнее братской ненависти, и она никогда не может быть превзойдена до конца, она просто не может стать любовью. Тогда как же?.. — она не договорила, только покачав головой.

— Ты ведь знаешь ответ, Рада, — Лиаре вдруг стало так тепло, так легко на сердце, и она совсем искренне улыбнулась ей. — Знаешь ведь. Зачем мы идем туда? Все песни об одном, Рада, все о том же. Они совершили чудо, которого доселе не знал мир, и есть только одна сила, которая могла помочь им в этом.

Несколько секунд Рада смотрела на нее во все глаза, и что-то такое было сейчас на их дне, что Лиаре захотелось упасть перед ней на колени и целовать ее ладони. Потом Рада подступила чуть ближе и осторожно обняла ее за талию, глядя снизу вверх. Руки Лиары лежали на ее плечах, и это было странно. Она привыкла, что Рада выше нее на целую голову, привыкла постоянно смотреть на нее, запрокинув голову, вставать на мысочки, чтобы поцеловать ее.

— Ты — мое самое дорогое чудо, которое когда-либо знал мир. И нет ничего дороже этого, моя девочка, — звуки ее голоса таким мягким теплом перекачивались внутри Лиары, что хотелось свернуться в клубочек и мурчать, подставляя спину под ее ладони. — Я люблю тебя всем своим сердцем и ни с кем, никогда не хотела бы разделить этот путь.

— Как и я, мое сердце, как и я! — Лиара склонилась вниз и поцеловала ее, и это было так странно — стоять выше нее, и так хорошо. И ветер сплетал их волосы вместе, путал их и играл ими, как ему хотелось, а облака над их головами уже не казались Лиаре такими серыми, как всего несколько минут назад.

===== Глава 19. Песнь Матери =====

На следующее утро, когда Лиара сообщила проснувшемуся Алеору о возможности перемещения сквозь пространство вместо того, чтобы штурмовать преграду, он только рассмеялся.

— Светозарная, мы все здесь, конечно, очень красивые, просто глаз не отвести, но мы не Первопришедшие. Только они могут ходить сквозь пространство. Так что ничего-то у тебя не выйдет. — Криво ухмыльнувшись и бросив короткий взгляд на Раду, он добавил: — Но коли тебе хочется, можешь помолиться. Может быть, случится чудо, и все мы сразу же окажемся у Черного Источника, кто знает?

Лиара не ожидала, что так случится, но слова эльфа задели ее. Она по-настоящему удивилась собственной реакции: Алеор был Алеором, и ничего иного от него ожидать не приходилось. Но сейчас в его тоне прозвучала какая-то затаенная злость и злорадство, и от этого стало больно. Лиара привыкла к его едкости, но по отношению к ней эльф обычно вел себя достаточно сдержанно: то ли щадил ее, то ли считал недостойным соперником. Она даже не знала, что было обиднее. И неприятное чувство внутри все-таки засело крохотной занозой, постоянно напоминающей о себе.

Сам Алеор уже полностью оправился, выглядел свежим и собранным, как всегда. Он позволил Каю осмотреть его, и хоть ильтонец и начал бубнить про необходимость еще одного дня отдыха, на корню отмел все его возражения.

— Я уже, честно говоря, окончательно озверел от нашей поездки и очень хочу поскорее закончить ее. Так что давайте не будем попусту рассиживаться тут. Последняя преграда, и мы свободны.

— А назад как? — мрачно взглянула на него гномиха из-под густых бровей. — Ты уже

придумал что-нибудь оригинальное?

— По одному шагу за раз, Улыбашка, мы же уже обсуждали это, — широко улыбнулся ей Алеор.

К утру вновь подморозило, поднялся ветер. Его ледяные порывы частично разогнали облака, сначала порвав их на мелкие кусочки, а потом и вовсе разметав прочь с неба, как рачительная хозяйка выметает мусор со своей кухни. Лишь на западе облака повисли над самым краешком земли толстым серым одеялом, и Лиара, прищурившись, все смотрела и смотрела туда. Какой будет последняя преграда? Что их ждет впереди?

Вчерашние мокрые сугробы за ночь обросли толстой коркой льда. Теперь уже даже Рада могла шагать по их поверхности, поминутно проваливаясь по колено, но большую часть времени двигаясь по твердому насту. Только Кай с Улыбашкой продолжали бороздить сугробы; оба они были слишком тяжелы, чтобы даже такой наст выдержал их.

После полудня стало понятно, что сегодня до седьмой преграды они не доберутся. Алеор горячился, подгонял их, то и дело принимался разглагольствовать о том, что чем скорее они придут к Черному Источнику, тем скорее вернутся домой, что в их интересах двигаться быстрее, что все это путешествие уже просто невыносимо и должно поскорее закончиться. Спутники слушали его вполуха, и с некоторыми его заявлениями Лиара готова была согласиться, но быстрее от этого идти по сугробам друзья не могли.

Ослепительно яркое солнце било прямо в рассыпанные повсюду алмазы снега. Наст лег плавными волнами, словно поверхность озера, которое беспокоили ветра, вмиг промерзла до самого дна. Солнце висело низко, его лучи насквозь пронзали морозный воздух, такие яркие, такие острые, как бывает только в лютые морозы в середине зимы. Лиара уже достаточно оправилась для того, чтобы окружить путников теплыми потоками воздуха, защитить их от ветра, не дать морозным когтям пережать им легкие, выдавливая прочь воздух. И все равно с их губ срывался густой пар дыхания, а щеки покраснели, будто кто-то долго тер их шерстяными варежками.

На обед они остановились позже обычного, в спешке перекусив солониной и хлебнув горячего чая. Алеор не мог усидеть на месте, постоянно поторапливая их и буквально волоком таща за собой на запад. Они продолжали путь и тогда, когда низкое солнце закатилось за горизонт, напоследок залив кровавыми лучами бесконечную белую ширь. Воздух остыл еще сильнее, и на небе высыпали целые пригоршни колючих льдистых звезд, такие яркие сейчас, в самой середине зимы.

Устало бредя вперед по сугробам, Лиара смотрела вверх, на звезды. Здесь они казались другими, какими-то чересчур близкими, крупными, незнакомыми ей. Выходил на небо Небесный Охотник со своим тугим луком, сверкающим поясом и двумя псами. С другой стороны поднимался Пахарь с Плугом, а за ним — Змей, Лебеди и стайка Небесных Нимф. И вроде бы все было ровно так же, как и в Мелонии, за многие сотни километров отсюда, и все — по-другому.

Как далеко ты увела нас от того места, которое все мы когда-то звали домом, Великая Мать. Как далеко тянутся дороги, что ты плетешь. Лиара выдыхала белый парок, который медленно таял в воздухе на фоне звезд. Это было так красиво, так давно она не видела их! Небо все время скрывали густые облака, и только сейчас наконец-то серебристый свет, что тек и в ее собственных жилах, лился с неба мягко и нежно прямо на ее усталые плечи. Он скатывался каплями по черным как вороново крыло волосам Алеора, он путался в густом хвосте на затылке Улыбашки, матово поблескивал на каменных плечах Кая. А в глаза Рады

он ложился россыпями дивных самоцветов, и Лиара любовалась ей, боясь даже вздохнуть и разрушить этим красоту тишины.

Далеко за полночь, когда ноги уже буквально подламывались под путниками, Алеор наконец-то разрешил привал. Ужин они готовили второпях, не став особо мудрствовать и просто прогрев оставшиеся запасы солонины над разведенным ильтонцем пламенем. Лиара рассеяно подумала о том, что еды с каждым днем оставалось все меньше и меньше. Учитывая то, что Редлога с Жужей с ними больше не было, запасов все равно вряд ли хватит на обратный путь, даже если они будут уменьшать порцию и растягивать пищу. Это значит, что последние дни друзья пойдут голодными.

У них с Радой тоже осталось не так уж и много. Полмешочка крупы, несколько ломтей солонины, пригоршня чайных листьев. И сколько им вдвоем идти до Данарских гор, знают одни только боги. Ведь сначала придется преодолеть в обратном порядке все Семь Преград, а потом пересечь бесконечный Роур, ровную, будто стол, степь, на которой в такое время года пищу, скорее всего, найти будет невозможно. Внутри заскреблись тревожные коготки, и Лиара сразу же отмела прочь все мысли. Алеор совершенно прав. Сначала Черный Источник, потом все остальное. Ты не можешь волноваться сразу обо всем.

Завернувшись в одеяла, уставшие друзья улеглись спать. Лиара тоже смежила веки, но перед тем, как уйти в грезы, расслабилась и слилась с пространством. Вокруг их маленького снежного укрытия на несколько километров не было ровным счетом ничего. Постаравшись дотянуться так далеко, как только могла, Лиара нашла лишь на самом краю доступной для ее исследования области, какие-то каменные глыбы. Они лежали в десятке километров впереди, но ее сил не хватало для того, чтобы со всех сторон рассмотреть эти скалы. Ну, это хотя бы что-то. Значит, мы скоро достигнем седьмой преграды. С этой мыслью она вернулась в собственное тело и погрузилась в грезы.

Следующее утро было даже холоднее всего предыдущего дня. Трескучий мороз заставил мир замереть в ледяном безмолвии. Улеглись ветра, прозрачное небо можно было черпать полными горстями и лить себе на голову. Теперь уже Лиара с трудом смогла выловить из окружающего воздуха теплые потоки, чтобы друзья не мерзли, да и то теплыми их можно было назвать только по сравнению с лютым морозом вокруг.

На горизонте на западе виднелись горные пики. Ночью было слишком темно, чтобы друзья могли различить хоть что-то, но теперь в свете ослепительно яркого утра Лиара видела колючую черную гряду, протянувшуюся с севера на юг впереди путников. Большую часть гряды скрывал толстый слой снеговых туч, и все равно скалы выглядели какими-то чересчур стылými и неприветливыми, словно все краски мира кто-то выжал из них, не оставив и следа.

— Это последняя преграда? — Улыбашка, прищурившись и приставив ладонь к глазам от солнца, смотрела вперед. — Снова горы?

— Я чувствую очень большую концентрацию энергии впереди, — отозвался Кай, тоже глядя на запад. — Она бурлит, будто море в шторм.

— И что это значит? — покосилась на него Рада.

— Это значит, что там впереди Черный Источник, — уверенно проговорил ильтонец. — Но я не могу сказать, за горами он или ближе.

— Чем быстрее мы туда дойдем, тем быстрее все узнаем, — энергично заявил Алеор и первым зашагал по сугробам на запад. — Пошли. Мы почти у цели.

Его настроение передалось и остальным спутникам. Лиара чувствовала внутри себя

какое-то странное дрожащее волнение, которое все никак не хотело униматься, вибрируя в такт с пульсацией силы Великой Матери в груди. Каким будет Черный Источник? Что он из себя представляет? Точка концентрации энергии, вращающей миры. Купель.

В голову полезли все те сказки и легенды, которые могли хотя бы приблизительно описать его. До этого момента думать об Источнике времени у нее просто не было: они штурмовали преграды, а после этого валялись без сил, пытаясь хоть как-то прийти в себя. Но вот теперь за спиной остались шесть тяжелейших рубежей, пройденных ими за последний месяц, а впереди лежала цель их путешествия, и ноги под Лиарой так и норовили сорваться в бег.

Легенды и сказки называли множество странных мест в мире, мест силы, в которых законы бытия нарушались, так или иначе. Лиара слышала песни, что привозили с собой мореплаватели, о Призрачном Море где-то далеко-далеко отсюда, кажется, на севере, где стоял вечный туман от самого сотворения мира, по которому можно было идти, словно по тверди, и люди оттуда никогда не возвращались. Она слышала о таинственных летающих водопадах в горах Латайи, когда потоки странной воды срывались с круч, где отродясь не было никаких рек, и люди, что пили эту воду, выздоравливали от самых страшных недугов. Были и разломы в земле на севере Тарна, над которыми постоянно дрожало разноцветное сияние, а подойти к ним ближе, чем на сто метров, не удавалось ни одному живому существу. Были еще тысячи тысяч сказок и историй о странных местах и волшебных источниках, но из них из всех лишь одна, самая любимая, почему-то сейчас назойливо приходила ей на ум.

Красивая старая эльфийская песня о том, как небесные кони бродили по звездным полям, и в гривах их играл солнечный ветер. О том, как их копыта выбивали из небесной тверди искры, и эти искры падали на землю в реве огня и пламени. И как эти кони пили из Звездной Купели Божье Млеко, а потом мчались и мчались без конца к неизведанным мирам, везя на своих спинах Молодых Богов. И как Молодой Бог Грозар на своем шестиногом коне Киридане, держа в руке грозовое копьё, бросил вызов собственному отцу, проглотившему его, пронзил его тело изнутри и создал из него весь мир.

Могла ли эта Звездная Купель быть Источником? Много лет Лиара гадала об этом долгими зимними вечерами, вглядываясь сквозь разрисованное морозными узорами окошко приюта в бесконечную черную ширь, усыпанную звездами. И что это было за Божье Млеко, что вскармливало самых сильных скакунов, не знавших слабости, старости, смерти?

Глаза всех путников сейчас смотрели на запад, и все они молчали, в ожидании вглядываясь в черные зубы скал, протыкающие серые тучи. Кажется, Лиара наконец-то поняла, что сейчас происходит с ними. Сам воздух вокруг них дрожал от напряжения, вибрировал в абсолютной тишине, густо оплетая путников ледяными потоками. Они шли туда, где никто никогда не был, они делали то, на что не отваживались даже самые храбрые воины древних дней. Алеор привел нас в Легенду и сделал ее частью.

С невольным благоговением Лиара взглянула на его широкую спину впереди. Эльф почти бежал вприпрыжку навстречу седьмой преграде, высокий, широкоплечий, черноволосый, будто смерть. Как она когда-то боялась одного упоминания его имени — Тваугебир, какой ужас он наводил на нее в первые дни их знакомства. И совершенно иными глазами смотрела она на него теперь, спустя почти полгода совместных странствий. Что-то было в нем такое, что ставило его за грань добра и зла, что-то невероятно сильное, дикое и свободное, словно первые ветра, которыми он правил, как своим небесным конем. Тебе под

силу совершить невозможное, и каждый раз ты делаешь это, с легкостью разбивая на осколки все людские «нет». Ты сам мог бы быть молодым богом, если бы захотел этого. Почему же тогда ты не хочешь идти с нами? Почему не хочешь сделать самое безумное, самое безнадежное, самое невозможное из всего, что только видел мир? Но Лиара прекрасно знала, что в ответ на эти ее мысли Алеор только презрительно рассмеялся бы.

К полудню горы выросли впереди, закрыв полнеба перед путниками. Они не были настолько же высоки, как Эрванский кряж с его заоблачными пиками, но выглядели не менее страшными и непроходимыми. словно острые черные зубы торчали из земли в небо скалы, настолько крутые, что снег почти что не укрывал их отвесные грани. Они и на горы-то не походили, скорее — на острия пик, которые вбила в землю чья-то рука. И стояли сплошным частоколом, между которым не виднелось ни тропы, ни перевала.

Перед горным массивом, преграждая дорогу к нему, поднималась стена. Лиара долго разглядывала ее, пытаясь понять, рукотворная она или все-таки нет, но так и не смогла с уверенностью ответить на этот вопрос. Стена была едва ли не в сотню метров высотой, ровная, без единой трещинки или камня, за который можно было уцепиться, отвесная и гладкая. Если бы еще чуть-чуть отполировать ее, стена сверкала бы на солнце, будто вырезанная из гранита колонна. Глаза Лиары шарили по ней, пытаясь найти хоть какой-нибудь изъян, что позволил бы путникам пройти, но его здесь не было. Сплошной камень неизвестно какой толщины, непроходимый забор, отделяющий путников, рискнувших добраться так далеко, от острых горных пиков.

Они остановились перед стеной, не доходя до нее и десяти шагов. Лицо Алеора было мрачным, брови сошлись к переносице. Он сбросил с плеча тюки с вещами и прошагал вперед. Эльф положил ладони на поверхность стены и принялся ощупывать ее, словно пытался отыскать в ней невидимую никому дверь.

— Это седьмая преграда? — Рада задрала голову вверх, следя взглядом до самого края стены. — Вот это уж точно всем преградам преграда. Не представляю, как мы переберемся.

— Кай, ты можешь сделать проход в ней? — не оборачиваясь, спросил Алеор. В голосе его звучало напряжение.

Ильтонец тоже скинул тюки в снег, прошагал к стене и положил на нее свои каменные руки. Несколько секунд ровным счетом ничего не происходило, потом ильтонец со вздохом отнял ладони.

— Алеор, я даже не могу прочитать ее, не могу погрузить в нее руки. Боюсь, здесь я тебе не помощник.

— Улыбашка? — Алеор отступил на несколько шагов от стены, глядя вверх. — Ты можешь что-нибудь сделать?

— Вряд ли, Алеор, — с сомнением покачала головой она. — Раз уж Кай не смог, то и от меня проку не будет. Гномы работают с камнем вовсе не так, как ильтонцы.

— Ладно, — недовольно протянул эльф. — А ты, светозарная? Что ты скажешь об этой стене?

Лиара выдохнула и погрузилась сознанием в пространство, сливаясь с ним, становясь частью воздуха, земли, снега, становясь этой стеной. Огромная и цельная, тянулась она на многие километры в обе стороны, постепенно закругляясь в гигантское кольцо. Лиара чувствовала, как своими корнями она уходит под землю на ту же глубину, что и поднимается вверх. Под нее даже подкопаться было невозможно, если бы кто-то решился на такой поступок.

Но Лиара не отчаивалась и тщательно искала, ощупывая каждый метр пространства, и через некоторое время нашла. Недалеко от них, не более, чем в километре к северу, в стене был пролом, а за ним — длинный извилистый проход. Что-то не так было в том месте. Лиара прищурилась, пытаясь понять, что же ей не нравится. Стена была толщиной в ту же сотню метров, что и в высоту, и узкий проход, сотворенное неведомой силой ущелье, прорезал ее насквозь. В нем как-то странно гудел воздух, он был там густым, почти осязаемо плотным, и это почему-то заставило Лиару нахмуриться. Впрочем, сколько бы она ни искала других слабых мест в каменном монолите, а их здесь не было, потому Лиара осторожно втянула сознание в тело и открыла глаза.

— Я нашла ущелье в километре к северу отсюда. По нему можно пройти стену насквозь, — сообщила она, потирая ладони. Кожа на них почему-то повлажнела.

— Ущелье? — недоверчиво вздернул бровь Кай.

— Да не может быть, чтобы все было так просто, — нахохлилась, будто воробей под дождем, Улыбашка. — Зачем делать такую громадную стену, которую невозможно пересечь, а потом делать в ней тоннель?

— Это верно, — кивнул Алеор. Глаза его пристально изучали Лиару. — Анкана, что возводили эти преграды, дураками далеко не были. Зачем они создали возможность перебраться на противоположную сторону, если изначально все делалось для того, чтобы никто и никогда туда не пробрался?

— С этим ущельем что-то странное, — Лиара постаралась как можно точнее описать, что она почувствовала. — Там воздух... густой. И звук очень странно гуляет.

— Мне кажется, это ловушка, — уверенно заявила Рада. — Что это специально сделано для того, чтобы любой, кто рискнет полезть за преграды, уж наверняка погиб, не добравшись до Источника.

— Но это наш шанс, — заметил Алеор, задумчиво поглаживая подбородок.

— Все это выглядит чересчур нелогично, чтобы быть шансом, Алеор, — Рада настойчиво взглянула на него. — Нас как будто заманивают туда. Смотрите: дорогу преграждает стена, а вот тут хороший проход. Я не верю в такие вещи.

— И что ты предлагаешь? — раздраженно спросил эльф. — Перелететь через эту стену? Крыльев-то у тебя нет, Радушка, я бы заметил, если бы были.

— Можно как-то попробовать перелезть, — с сомнением проговорила она, задирая голову и глядя вверх, на край стены, что виднелся высоко-высоко над их головами.

Не говоря ни слова, Улыбашка вытащила из-за пояса железный колышек из тех, что раздал им Алеор перед Летающими Островами. С кряхтением покопавшись за пазухой, она выудила откуда-то из недр своей дубленки небольшой увесистый молоток.

— А это ты зачем с собой носишь? — округлила глаза Рада, глядя на гномиху.

— Чтобы ты спросила, — огрызнулась та, а потом заковыляла по снегу к стене.

Несколько секунд гномиха разглядывала абсолютно ровную поверхность, пытаясь отыскать хотя бы крохотную трещинку, чтобы вбить туда клин, а потом все-таки приставила острие штыря к камню перед собой и хорошенько ударила по нему молотком. Раздался приглушенный металлический звон, острие колышка чиркнуло по стене, выбив град искр. Вновь приставив его к камню, Улыбашка попыталась во второй раз, но эффект был точно таким же.

— Вряд ли мы сможем вскарабкаться по ней, — проговорила гномиха. Она положила свою маленькую квадратную ладошку с короткими пальцами на гладкую поверхность стены,

провела по ней в сторону. Вид у Улыбашки был сконфуженным. — Даже царапины не осталось. Я не знаю, что это за камень, никогда ничего подобного не видела, а уж в камнях-то я разбираюсь. — Со вздохом опустив руки, Улыбашка повернулась к друзьям. — Полагаю, что выбора-то у нас и нет. Придется идти через то ущелье, хоть мне тоже кажется, что это ловушка.

— Бросьте! — махнул рукой Алеор, скривив губы. — Мы уже с вами пролезли через такие дебри и миновали столько непроходимых преград, что бояться ловушек просто глупо. Мы все равно пройдем, так или иначе. Назад дороги нет. Так что пошли, посмотрим, что там за ущелье.

Первым подхватив свои вещи, Алеор зашагал вдоль стены на север. Рада хмуро взглянула ему в след, бросила еще один взгляд на стену, но тоже направилась в ту же сторону, а за ней потянулись и остальные путники. В любом случае, выбора у них действительно не было, в этом эльф был прав. Пищи почти не осталось, как и сил, да и Алеор пока что-то темнил насчет их возвращения. Решив не забивать себе голову бесполезными тревогами, Лиара пристроилась рядом с широко шагающей по насту Радой.

Ущелье действительно оказалось недалеко от них, и Лиара услышала его задолго до того, как они дошли до входа в узкий лаз. Пространство вокруг наполнил какой-то странный звук: равномерное гудение, иногда сменявшееся стуком, постоянно дробящимся и повторяющимся то громче, то тише.

— Дороги эха, — тихонько прошептала она пришедшее на память название, и Рада бросила на нее изучающий взгляд.

Перед входом в ущелье все они остановились, разглядывая странный лаз. Выглядел он так, будто гигантское лезвие топора пыталось рубить неподатливую стену, и ему удалось наметить лаз кривыми засечками, кое-где расколовшими скалу. Проход был совсем узким, не больше двух метров шириной, и каменные отвесные стены обступали его со всех сторон. Ущелье делало поворот уже метров через десять от своего начала, и за углом ничего не было видно.

Лиара насторожилась, прислушиваясь всем телом. Вот, что особенно сильно напрягло ее еще тогда, когда она только прощупывала стену на предмет уязвимых мест. Звук дробился внутри тоннеля, отскакивал от стен, создавая перекрывающие друг друга волны, которые тоже дробились и отскакивали в стороны. Малейший шорох осыпавшегося снега превращался в рев, который то нарастал, то вновь стихал. Из ущелья доносились странные звуки, будто где-то там, за поворотом, путников поджидал огромный, угрожающе ворчащий зверь.

Несколько секунд они все стояли перед входом в ущелье, разглядывая его в молчании. Потом Алеор, не оборачиваясь, спросил:

— Светозарная, что там, впереди?

— Сейчас, — она вновь погрузилась сознанием в камень. Пролом в стене петлял из стороны в сторону, разделялся на отдельные проходы, часть из которых заканчивалась тупиками, другая выводила вперед, значительно попетляв по стене. Лиара чувствовала точку выхода на другой стороне, она была, и проход выглядел совершенно нормальным, но эти густые волны звука продолжали нервировать ее. Вернувшись в тело, она доложила: — Там лабиринт, Алеор. Множество разных проходов. Но выход из него есть, выход на другую сторону стены. Вот только звук там гуляет очень странно, и мне почему-то туда совсем не хочется.

— Это всего лишь звук, светозарная, тебе ли бояться его? — усмехнулся Алеор, бросив на нее взгляд, а потом шагнул вперед. — Пошли!

Ветер подхватил его голос и швырнул в ущелье, и в один миг весь мир наполнился громом.

— ПОШЛИ! — взвыл тоннель на тысячи голосов. Одни из них были громкими, другие — тихими. Часть визгливо хохотала, другая ревела таким глухим басом, что слово едва возможно было различить. — ПОШЛИ! ПОШЛИ!

Алеор попятился прочь от ущелья, остальные друзья затыкали уши ладонями, пытаясь хоть как-то сохранить барабанные перепонки. Повторенное десятки, сотни, тысячи раз слово «Пошли!» гремело между узких стен, и в какой-то момент Лиаре показалось, что еще чуть-чуть, и ее барабанные перепонки лопнут, а следом за ними на мелкие осколки разлетится череп. От давления на голову она почти что ослепла, лихорадочно пытаясь заткнуть собственные уши пальцами и понимая, что это совершенно не помогает. Звук накатывал волнами, сотрясая все ее тело, проходя насквозь мясо и кости, заставляя их дребезжать и вибрировать в ответ.

Через целую вечность ревущее слово «Пошли!» наконец-то начало стихать. Оно уходило прочь так медленно и неохотно, словно его кто-то выталкивал, вытеснял прочь. И все-таки так до конца оно и не исчезло, продолжая отдаваться где-то вдали недовольным, угрожающим шепотом.

Только тогда Лиара поняла, что давно уже сжалась в комочек в снегу, пытаясь спрятать голову в сугроб и понимая, что ей это никак не поможет. Рядом скорчились друзья, огромными глазами глядя в ущелье. Лица у них были едва ли не белее снега.

Алеор аккуратно отступил прочь от трещины в скалах, жестами показав друзьям следовать за ним. Только когда их от ущелья отделяло около полусотни метров, и звук уже не мог попасть внутрь узкого коридора, эльф потрясенно мотнул головой и проговорил:

— Что ж, наша задача усложняется. У кого-нибудь есть идеи, как нам пройти через это?

— Можем обмотать сапоги мешковиной, чтобы они не грохотали по камню, — неуверенно предложила Рада.

— Ага! И головы тоже! — буркнула Улыбашка, потирая виски. — И не дышать все то время, пока мы пойдем на ту сторону.

— Теперь мне кажется, что проще вскарабкаться по гладкой отвесной стене наверх, а потом спуститься на той стороне, чем лезть в это ущелье, — устало проговорил Кай, глядя на стену.

Лиара тоже подняла глаза вверх. Край стены был так высоко, что, казалось, само небо лежит на нем. И камень тускло поблескивал, как потемневшее от времени медное зеркало.

— Мы не влезем, — покачал головой Алеор. — Придется в ущелье. Думайте! Должен быть способ, чтобы мы смогли перебраться!

— Кай? — Рада повернулась к ильтонцу, и все остальные тоже взглянули на него. Тот только бессильно развел руками.

— Я могу сотворить молнию, щит, призвать ветра или увести их. Но здесь звук, он распространяется волнами. Я даже не представляю, как можно его блокировать.

— Проклятье! — Алеор в сердцах повернулся к стене, глядя на нее снизу вверх. — Мы ведь почти дошли!

— Нужно просто хорошенько поразмыслить над этим, и мы найдем выход, — постаралась успокоить его Улыбашка.

Эльф не отреагировал на ее слова, все также хмуро разглядывая стену.

Звук. Лиара глубоко вдохнула и выдохнула, успокаиваясь и прогоняя последнюю боль в едва не лопнувших барабанных перепонках. Она всегда умела обращаться со звуком, она всегда любила звук. Эти странные колеблющиеся движения пространства несли в себе красоту, такую неопишемую, такую полную, такую прозрачную. Звук был у всего: у птиц и ветра, у земли и звезд, у людей и камня. Иногда ей даже казалось, что звук был всем, и что все на самом деле состояло только из звука, сгущенного и сосредоточенного в одной точке. И ведь она умела обращаться с этим звуком, она знала, как сделать так, чтобы извлечь из непослушных неподатливых струн, из сонма таких непохожих, таких разных нот мелодию, от которой замирало сердце, от которой хотелось петь и плакать.

Неужели же нельзя сделать так, чтобы успокоить это эхо? Чтобы мы смогли пройти сквозь ущелье на противоположную сторону? Это должно быть не так уж и сложно, это же всего лишь звук. Лиара задумалась, рассеяно теребя пальцами ремень сумки, переброшенной через плечо. Там до сих пор лежала в крепком кожаном футляре ее маленькая арфа, та самая, которую ей достала Рада. Каким-то чудесным образом ей удалось пережить все падения с Червей, удары камней и встряски, которые преследовали друзей последние дни. Звук распространяется волнами. А что если направить все эти волны в одном направлении, в одну сторону?

Сейчас все было как-то по-особенному, не так, как во все прошлые дни. Мир будто замер в ожидании, наблюдая огромными глазами чудо. Никто еще не заходил так далеко, в этот край, что был запрещен для всего живого. Никто еще никогда не бросал вызов этим неприступным пикам, этой громадной стене, охраняющей древнюю мощь самого мирового истока. Само пространство сгустилось вокруг путников, решивших штурмовать эти непроходимые преграды, наэлектризованное напряжением, ожидающее.

Великая Мать, помоги мне сейчас. Будь со мной до конца. Лиара сняла с плеча свою сумку и развязала стягивающие ее горло тесемки. Остался последний шаг.

— Я поведу вас, — негромко проговорила она, вытягивая из сумки арфу в кожаном чехле. Ей стало как-то неловко оттого, что сейчас она берет на себя обязанности Алеора, но никто другой не мог бы почувствовать ожидающие ее впереди тупики. — Я буду петь этим горам и глушить эхо, а вы идите за мной следом. И старайтесь далеко не отходить.

— То есть ты собираешься добавить еще грохоту в ущелье, в котором и без того невозможно находиться, чтобы не лопнули уши? — скептически покосился на нее Алеор. — Признаться, когда я только брал тебя с собой, я действительно надеялся, что твои рулады утихомят Червей, и они все, благостно улыбаясь, выстроятся в ряд и повезут нас на другую сторону Пустых Холмов. Но сейчас другое дело.

— Я справлюсь, — она подняла на него взгляд и сразу же отпустила. Алеор не верил, это сквозило в каждое его черточке, и это его открытое отрицание всего того, что она могла бы сделать, подтачивало ее решимость, словно жук-древоточец — разохнувшая ножку стула. — Просто идите за мной.

— Лиара, ты уже очень нам помогла, пока мы шли сюда, — в голосе Алеора звучала настойчивость. Лиара не поднимала на него глаз, открывая чехол и вытаскивая арфу. Алеор называл ее по имени лишь тогда, когда злился на нее или считал ситуацию чересчур серьезной. — Ты много чего сделала, и мы не дошли бы так далеко без твоей помощи, но сейчас...

— Алеор, просто доверься ей, — Рада прямо взглянула на него. — Она справится.

Тепло разлилось внутри мягкими волнами, и Лиара благодарно взглянула на свою суженную. Что бы ни происходило, Рада всегда верила в нее, и это давало больше сил, чем все отдыхи, грезы и сны этого мира.

В ответ на слова Рады, эльф только пренебрежительно фыркнул.

— Думаю, стоит попробовать, — поддержала Раду Улыбашка, закладывая большие пальцы за толстый ремень и выпрямляясь. — Ты сам говорил, что в ее песнях заложена огромная сила. Может быть, эта сила сейчас спасет нас всех.

— Поддерживаю, — кивнул Кай, мягко улыбнувшись Лиаре. — Светозарная сможет. Да и другого плана у нас просто нет.

Несколько секунд Алеор испытующе разглядывал их всех, потом с деланным безразличием пожал плечами.

— Как знаете.

Больше он не сказал ничего, но во всей его фигуре сквозило нежелание.

Впрочем, Лиара просто оттолкнула от себя это недоверие эльфа. Для нее он тоже стал другом, и она приучила себя доверять его мнению и решением. И да, Лиара вынуждена была признать, что его недоверие задевало ее. Но уже не потому, что Алеор мог считать ее слабой, ничтожной, ни на что не годной. Ей было обидно за Раду. За то, что та изо всех сил тянулась к Алеору, к своему брату, восхищалась им, училась у него, и вместо того, чтобы поддержать ее в самом дорогом, самом сокровенном и безумном, что она собиралась сделать — в дороге навстречу Великой Матери, — он лишь высмеивал ее, используя любой повод, чтобы ткнуть побольнее. Это было нехорошо, это казалось неправильным, и Лиара видела, что Раду это задевает, а потому и сама хмурилась на эльфа, и теперь любое его проявление недоверия воспринимала слишком близко к сердцу.

Он такой, какой он есть. Никто никогда не изменит его. Просто прими это и постарайся любить его таким, пусть даже он и делает больно Раде. Он имеет право на то, чтобы думать не так, как ты, даже если ты и считаешь, что он не прав.

Внутри немного отлегло, и она сосредоточилась на арфе в собственных руках. Чехол уже отправился обратно в сумку, которая висела за спиной, друзья в молчаливом ожидании смотрели на нее. Прошло полгода, и как все изменилось. Теперь ты ведешь их вперед, потому что эту преграду без тебя они пройти не смогут. И где же та испуганная девчонка, шарахающаяся от собственной тени? Кажется, она осталась где-то посередине между Алькаранком и Иллидаром.

Пальцы легли на струны, и Лиара закрыла глаза. Ей нужна была сейчас не просто музыка, которая могла растопить сердце, сковать горло судорогой, заставить слезы литься из глаз. Ей нужна была не просто песня, от которой хотелось пускаться в пляс, и ноги сами не могли удержаться на месте. Ей нужна была даже не выплетающая мелодия, лишаящая мыслей и выворачивающая наизнанку все нутро, заставляя его прислушиваться к малейшим переливам струн. Ей нужно было что-то большее.

Великая Мать, спой мне колыбельную.

Лиара потянулась к грезам, но так, чтобы не уйти в них. Впервые она делала это — тянулась выше собственной головы, к той золотой силе, что теперь неясно чувствовалась где-то над ней, постоянно присутствуя в груди пульсацией сгущенного солнца, тянулась с открытыми глазами, стремясь одновременно быть и здесь, и там. И у нее получилось.

Тишина опустилась на мир пуховым одеялом из тончайшей белизны. Все звуки ушли из мира, будто их и не было, или будто бы все повернулось навстречу Лиаре, в немой тишине

встречая ее, блудную дочь, наконец-то вернувшуюся домой. Лежали скованные ледяным дыханием зимы сугробы, и сквозь крохотные кристаллики льда миллиарды солнечных глаз смотрели на Лиару любопытно и весело. Молчало холодное небо, превратившееся в один единственный сапфир с острыми гранями, столь прозрачный, что сквозь него можно было увидеть, как далеко-далеко в небесной тишине кружатся вокруг солнца золотые пылинки. Замолчали горы перед ними и странная стена из невиданного камня, оборачиваясь к Лиаре и ожидая, глядя на нее своими древними безмолвными глазами. Весь мир улегся вокруг, перестав двигаться, замерев и приготовившись слушать.

Золото нисходило вниз в ледяной тишине, наполняя ее светом. Это было почти так же, как и в грезах, только теперь Лиара видела это наяву. Золотые переливы небывалой мощи, громадные волны, каждая из которых могла бы смести этот крохотный мир, что казался ей таким огромным, словно единственную песчинку, попавшую в поток. Мягкая нежность перекаатов, таких теплых, таких бережных. Лиара прильнула к ним, сжавшись в маленький комочек и закрыв глаза, доверяя себя этой Нежности, этой Силе. В ней никогда не было ничего искаженного и испорченного, в ней никогда не было прикосновения чего-то страшного, вредного. Она способна была жонглировать мирами, и она обнимала при этом так нежно, баюкала так бережно, что хотелось то ли плакать, то ли смеяться от счастья.

Великая Мать, я в твоих руках. Веди меня.

Лиара отдалась этой силе, открылась ей. Так распускается навстречу солнечному свету тугой покрытый росой бутон ранним утром, так горному потоку, набирающемуся мощи по весне, раскрывает объятия русло реки. Так птицы, распахнув крылья, отдают себя в мощные руки ветров, и те несут, несут их над миром в их извечном пути из одного неба в другое.

И сила наполнила ее, сила стала ей. Это не было чьей-то рукой, что, вцепившись в ее нервные окончания, управляла ей, как когда-то сама Лиара управляла Червем. Это не было вожжами в ее собственных руках, которыми она правила чем-то иным, с помощью которых она навязывала свою волю кому-то. Это было единство, неразделенное, странное, неопишное единство, в котором тот, кто делает, становился тем, что делается.

Руки сами собой легли на струны арфы, а грудь втянула воздуха, наполняя легкие, как море, откатываясь назад, наполняет волну, чтобы вновь швырнуть ее на берег. Лиара не думала, не размышляла, она была, была каждой своей клеточкой, каждой частичкой, она была во всем.

Пальцы побежали по струнам, и горло напряглось, пропуская вверх волну воздуха. Словно издали пришел ее собственный голос, выводящий мелодию без слов, странную песню, в которой не было ничего из того, что она знала. Ни привычных нот, ни привычных конструкций, ни структуры, ни ритма. Но что-то большее.

Она шагнула вперед, прямо к узким стенам ущелья, и звук влетел в них, наполнил их, как наполняет воздух кузнечные мехи. И на этот раз никакого эха не было. Густой воздух вобрал в себя звук, заполняя им каждую точку пространства, и все стало одним, протяженным, целым. Лиара двинулась вперед, так остро ощущая каждое свое движение, снег под ногами, прикосновение мороза к коже, слабое тепло зимнего солнца на самых кончиках своих кудрей. Пальцы бежали по струнам, повторяя Великий Ритм, что звучал сейчас в ней и через нее.

Он был далеко, и он был так красив. Какой-то крохотной частью своего существа Лиара понимала, что всю свою жизнь она мечтала услышать хотя бы крохотный отголосок, хотя бы одну ноту этого ритма. Что ночи напролет она проводила, стараясь повторить его, стараясь

прийти к нему, даже не зная того, что ей было нужно. Но только не человек писал музыку, это музыка писала человека, это музыка шагала ему навстречу из бесконечных далей, это она щедрыми потоками лилась с неба, пропитывая его насквозь. А человек в силу своей вечной глупости, своего самолюбования, своего хвастовства вылавливал из этих бесконечных потоков лишь крохотные обрывки, разглядывал их на своих ладонях и раздувался от гордости, считая, что он их «сочинил».

Это было так смешно сейчас, что Лиара смеялась, и ее смех вплетался в текущую через горло и пальцы песню. Все это было смешно. Весь этот мир был таким смешным, таким глупым, таким плоским. Крохотные мечты крохотных букашек, что сновали из стороны в сторону по своим делам, слепые и глухие к величественной музыке вселенных, которая пела им и для них от самого основания мира, которая звала и звала их, щедро протягивая им полные пригоршни красоты, а они были настолько увлечены своими повседневными заботами, что воротили носы прочь от нее, предпочитая копаться в своей грязи. Но этой музыке не было дела до их равнодушия, потому что она знала — придет ее час, и не было никого и ничего на свете более терпеливого и более милосердного, чем она.

С самого первого вздоха этого мира музыка трудилась для того, чтобы однажды крохотная букашка вдруг замерла на месте и подняла глаза к небу, потому что услышала. Тысячи лет эта музыка создавала и создавала, лепила, отбрасывала прочь, вновь лепила мир. По маленькому штришку, по крохотному камушку. Воздух, огонь, твердь и воду, и живой дух, который вдохнул Отец, чтобы наполнить их. Как долго хранила она в ладонях первую пылинку, как долго согревала она ее дыханием Отца, чтобы в этой пылинке вспыхнул крохотный огонек жизни. Как терпеливо оберегала она эту пылинку, помогала ей, охраняла, и пылинка начала расти.

Сначала так, вслепую, без проблеска сознания, без тени мысли, конвульсивное дрожание жизни в пустоте. Потом выше, сильнее, пустив корни в глубокие пески на дне океана, вытягивая зеленые руки-листья к небу и солнцу, что греет сквозь голубую толщу воды. А музыка набирала силы, музыка гремела все громче и громче, и ветра поднимались над краем мира, чтобы нести ее победную песню.

Потом еще сильнее, еще мощнее. Дергаясь, дрожа, сражаясь за каждое следующее движение, страдая и претерпевая ВЕЛИКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ, у этой первой пылинки открылись глаза. И она смотрела на мир, она могла видеть его, она могла чувствовать его. Она уже не была пылинкой, но чем-то большим, чем-то, чему требовались сначала плавники, потом ласты, потом лапы. Это большее все усложнялось, оно росло, оно начало понимать, что вода — мокрая, а небо — синее, что травы можно есть, а других таких же, с глазами, в которых еще не было света разума, нужно бояться. Но оно не хотело бояться, оно хотело жить, жить, дышать, бежать вперед по чьей-то воле, но чьей? Кто вдохнул в него этот первый вздох, кто заставил его вырастить себе глаза и жабры, и ласты, и лапы, и легкие? Оно помнило чьи-то ладони и первый вздох, от которого разгорелась первая искра.

А потом оно встало на ноги, распрямилось, и мир вокруг него взорвался звуком, и вдруг замолчал. И в этой тишине впервые раздался голос: кто я? Все забылось, ушли прочь ладони и дыхание, ушла прочь борьба, стремление, невыносимая жажда жить. Оно стояло на двух ногах под первыми звездами, оно смотрело вверх, смотрело и смотрело. Оно не помнило ни кто оно, ни что оно, ни откуда. И ему было холодно, а жажда становилась все сильнее.

Это больше была не жажда двигаться, жить, меняться, не слепое движение вперед по воле того, кто вдохнул жизнь, и той, кто берегла ее. Это было что-то гораздо более

глубокое, что-то такое же бездонное, как глаза голодных детей, что-то такое же болезненное, как страдания войны. Оно стояло на двух ногах, оно смотрело то на звезды над головой, то на свои ладони, исчерченные странными полосами дорог, что ему предстояло пройти. И лишь один вопрос внутри него горел так сильно, так мощно, так больно: кто я? КТО Я?!

Торжествуя взревели трубы, вся вселенная купалась в невероятном гимне радости, и та, что породила этот звук, улыбалась своему первому рожденному ребенку. Этот ребенок смотрел на нее огромными глазами, не понимая, ни кто он сам, ни кто она такая, но так сильно стремясь понять. И все вокруг трепетало, все грохотало от такого немыслимого восторга, от невероятной радости становления, развертывания, исполнения трудов.

Вот только этот первый ребенок не стал искать ответа на свой вопрос у своей матери, и он не слышал музыки, ослепительного сияния звука, которым заливала его счастливая мать, так долго трудившаяся, чтобы он появился на свет. Он обратил свой взор к своим игрушкам, как делают все дети, когда они еще только растут. Он начал играть в государства и города, в стены и дома, в приспособления, рычаги и машины. Он начал становиться все более заносчивым, все более горделивым. Он вскидывал голову и кричал в небеса, что он изобрел колесо и лук, что он построил повозку и принес с небес огонь, что он услышал Песню и сочинил ее сам, и что дети, которых он породил, были его детьми.

А Мать смотрела на него сверху, на своего маленького ребенка, который перепутал все по своей глупости, и как все матери, страдала за него и вместе с ним. Она держала его в своих золотых ладонях, стремясь уберечь от беды, а он хорохорился и вырывался из пальцев, не принимая ее помощи и набивая себе синяки и шишки. И Мать трудилась, вновь и вновь трудилась ради него, чтобы пришел день, когда ее первенец перестанет быть маленьким жестоким ребенком, мучающим лягушек или сжигающим города. Когда придет день его триумфа, и глаза его откроются, а сердце его наконец-то услышит ее песню. И они вновь станут одним целым, каким были с самого начала времен.

Лиара шагала вперед по каменным стенам ущелья, и ей казалось, что каждый ее шаг ведет ее сквозь время. Музыка звучала внутри нее, срывалась с ее губ, со струн ее арфы, и в этой музыке была Великая Мать. Она сама была ею, все было ею, и ее Возлюбленным, который вдыхал в нее жизнь. Где-то высоко-высоко, были они одним целым, лежащим в самом начале, а потом распадались на две половины, чтобы создать все то, что видели глаза Лиары. И вновь соединялись в единое целое в каждом живом существе. Потому что единственное, что лежит в самом начале и самом центре всех вещей, — это мечта быть целым, мечта быть вновь чистым и полным, а не разбитым на две половины. И единственный способ ощутить эту радость, радость единения, радость бытия одним из двух частей, слитым в одно, — это разбиться на эти две части.

Ты поешь мне сказку о том, каков мир, Великая Мать? Ты даешь мне ответ на вопрос?

Лиара не видела, куда она шла. Ее ноги сами ступали вперед, потому что знали, куда ей нужно. Потому что сейчас она не сидела в своей комнате, мучаясь и придумывая то, что уже существовало, то, что ей даже не приходило в голову однажды попытаться услышать, а не придумывать. Сейчас она слышала, она была, она жила. И все вокруг улыбалось ей, и все вокруг обнимало ее, и Великая Мать распахивали свои объятия ей навстречу, потому что свершилось то, ради чего она так долго трудилась, ради чего она столько страдала. Маленький ребенок, рожденный ею, наконец-то услышал ее Песню.

Это продолжалось и продолжалось так бесконечно долго, это летело так стремительно

быстро, что казалось, будто оно не двигается. Лиара шла, и музыка лилась сквозь нее потоком, пусть даже ее собственное горло и тонкие струны старенькой арфы не были в состоянии передать всю полноту, всю красоту этой музыки. Но эхо, что раньше набрасывалось на путников, пытаясь разорвать их на клочки, теперь это эхо пело ей все ту же Песню, пело от счастья, потому что именно ее оно и мечтало услышать все эти долгие тысячелетия, именно для нее оно и жило.

Так оно и есть, Великая Мать. Все сопротивляется до тех пор, пока мы сопротивляемся. И все течет, будто золотая река, неся нас на своих волнах, как только мы позволяем нас нести.

А потом Песня начала понемногу смолкать. Торжество никуда не делось, от него звенел весь мир, напитанный им, будто прозрачный от сока персик солнечным светом. Но музыка отступала, оставляя Лиару и давая ей возможность отдохнуть. Потому что только сейчас она заметила, что устала.

Это было слишком полно, слишком хорошо, слишком сильно. Но ровно столько, сколько она могла выдержать, и ни секундой дольше. Ты бережешь нас в своих ладонях, Великая Мать, и согласна ждать ради нас столько, сколько нам самим понадобится, чтобы преодолеть этот путь. Твоя Милость бесконечна.

Потом звук совсем растаял, и Лиара устало выдохнула, впервые оглядываясь по сторонам. Впереди лежали черные острые пики гор, нагроможденные так близко друг к другу, что по их крутым склонам, казалось, и вовсе невозможно было взобраться. Только прямо из-под ее ног начиналась узкая мощеная дорожка. Круглые камни мощения казались такими древними, что готовы были рассыпаться в пыль от прикосновения ее ступней. И снега на них почему-то не было.

Лиара обернулась. Стена, что раньше преграждала им путь, теперь была за ее спиной. Узкое ущелье осталось позади. Рассеяно заморгав, она припомнила, как шла по нему, как выбирала по наитию самый короткий путь на противоположную сторону, даже не задумываясь и всегда сворачивая туда, куда нужно было идти. Не это ли твое Чудо? Такое простое. И такое красивое.

А на земле у выхода из ущелья сгрудились ее друзья. Алеор привалился спиной к каменной стене, прикрыв глаза и тяжело дыша. Кай потрясенно смотрел перед собой широко открытыми глазами. Улыбашка, сидя прямо на земле, неверяще мотала головой, ее губы что-то шептали, по искаженному странной смесью страдания и счастья лицу текли из глаз слезы. А рядом с Лиарой стояла Рада и смотрела на нее глазами ярче тысяч солнц, и нежность в них была почти такой же сильной, как нежность Великой Матери, что только что окутывала ее.

Лиара опустила арфу и улыбнулась ей в ответ, чувствуя тихое золотое счастье. Они прошли Семь Преград.

===== Глава 20. На пределе =====

Сердце готово было пробить грудную клетку и вырваться наружу, бухая так тяжело и неровно, что Рада даже прижала кулак к груди, хоть и знала, что это нисколько не умерит его бешеного стука. То, что только что сделала эта маленькая девочка, то, что только что с ними со всеми свершилось, было неопишимо, невозможно, не представимо. И хоть музыка закончилась, отзвенела и тихо улеглась на горы мягким закатным светом, пропитав их вершины рыжиной и золотом, а все равно Рада никак не могла отдышаться и успокоить буквально взбесившееся сердце.

Золото из центра груди душило ее, поднималось вверх, заполняя спину и легкие, еще выше в горло и в глаза. Раде казалось, что она сейчас задохнется совсем, она смутно чувствовала, что ее груди нужен какой-то другой воздух, не такой холодный, острый, скудный и плоский как тот, что сейчас проходил сквозь ее горло и раздувал легкие. Этот воздух должен был быть нежнее и слаще, он должен был на вкус напоминать закаты над заросшими сосновым лесом горами с терпким запахом мхов и лета. И Рада задышалась, все стремясь схватить его, дышать им, хоть его и не существовало вовсе.

Мир постепенно успокаивался, вновь засыпая. Еще несколько секунд назад он был абсолютно живым, звенящим, радостным, каждой своей клеткой подпевая той великой песне, что без слов лилась с золотых струн в руках Лиары. Всего какие-то мгновения минули с тех пор, как Раду, горы, камень под ногами, все, что ее окружало, наполнял Гимн радости и красоты, музыка небесных струн и солнечных ветров, переливами силы вливающаяся в каждую пору ее тела и души. И она чувствовала, что весь мир в эти мгновения был настоящим, распустившимся, подобно бутону, что хранит в ковше лепестков благоухание и красоту, створкам раковины, в сжатом плену которых покоится маленькая жемчужина. И теперь все вновь будто свернулось внутрь самого себя, явив ее глазам все тот же мир привычных твердых форм, холодного ветра и камня, казавшихся теперь такими безжизненными.

Рядом натужно всхлипывала Улыбашка, утирая лицо толстенной ладонью, тяжело дышал Кай. Алеор привалился к стене за их спинами, прикрыв глаза и ни на кого не глядя. Но Рада видела, что пробило даже его. Лицо его выглядело бледным, губы были упрямо сжаты. Она взглянула на свою искорку, на благословленную всеми богами девочку, чьи золотые руки несли свет ярче тысячи солнц. В глазах той догорала заря мира, а ее улыбка была нежной и тихой, как медленно наступающий вечер.

Рада открыла рот, подвигала губами, пытаясь сказать хоть что-то, но слов не было, им просто неоткуда было взяться. После такой песни все слова были лишь пылью на ветру, ненужным скрипом и скрежетом, на который могло разродиться горло живого существа. Великая Мать, никогда не покидай ее, всегда будь с ней, молю тебя. Она — самая необыкновенная, самая чистая из всех твоих детей. Пусть же эта чистота только растет, пусть она наконец раскроется во всей своей красе, по твоей воле.

— Что ж, — хрипло проговорил, почти прокаркал Алеор, и этот непривычный звук разбил остатки золотой песни на мелкие осколки, заставив Раду вздрогнуть. — Мы прошли Семь Преград. Впереди Источник.

— Проклятье, да какая разница? — всхлинула гномиха, качая головой и глядя перед собой на что-то видимое, лишь ей. — Разве мы не нашли уже то, что искали?

Рада обернулась, чтобы взглянуть в лицо Алеора. Эльф смотрел на гномиху, часто моргая и двигая челюстью, но не произнося ни звука. В лице его смешался гнев и еще какое-то чувство, которое Рада распознала не сразу. Горечь. В груди Рады зашевелилась боль. Это все, что Алеор смог вынести из того, что только что произошло?

— Я отправлялся сюда за тем, чтобы запечатать Источник, — жестко проговорил он, отталкиваясь от каменной скалы и упрямо вскидывая голову. — И я намерен довести это дело до конца. Коли тебе больше по нраву слушать музыку, пусть и полную неба и звезд, можешь оставаться здесь и попросить светозарную исполнить для тебя еще что-нибудь. Только вряд ли она сможет повторить то, что мы только что услышали, не так ли? — он насмешливо взглянул на Лиару, но та лишь отрешенно кивнула в ответ.

— Этого я точно не смогу повторить.

— Вот видишь? — эльф покосился на гномиху. — Ну да ничего. Когда-нибудь она еще разок попросит своих богов и споет для тебя. А пока мы должны завершить наше задание.

И он первым двинулся по узкой мощеной дорожке, что начиналась у них под ногами, вперед.

Глухое эхо шагов Алеора окончательно уничтожило всю ту нежность и красоту, что еще дрожала вокруг, как капельки росы на самом кончике листа. Рада заморгала, наконец-то сумев по-настоящему разглядеть, где они оказались. Со всех сторон возвышались острые черные пики, дышащие ледяным холодом зимы. Они вздымались к самому небу, такие крутые, что лишь кое-где метели удалось наклепать на их бока тонкие полосы снега. Оскаленные черные зубцы окрасил оранжевыми мазками закат, немного сгладив их остроту, и Рада потеряла лоб, пытаясь вспомнить, каким небо было до того, как они вошли в Лабиринты Эха. Вот только голова после всего пережитого казалась такой легкой и при этом пустой, что ничего на ум не приходило.

Сейчас небо было чисто-бирюзовым, зимним, но отчего-то таким же тихим, как и все вокруг. Ветер улегся, перестав завывать среди обломанных вершин, но здесь, внизу, куда не доставали даже такие холодные лучи зимнего солнца, уже началась ночь. Мгла напоззала, казалось, из ущелий между горных пиков, разломов земной коры, клубилась у подножий гор. Рада едва могла разглядеть узкую дорожку у них под ногами, стиснутую двумя отвесными скалами. Странное дело, но дорожка была мощеной большими круглыми валунами, обросшими пожелтевшим мхом и глубоко ушедшими в землю. Снег почему-то не укрывал ее.

— Хоть пару минут бы дал отдышаться, — негромко проворчала гномиха, с трудом поднимаясь с колен. Вид у нее все еще был потрясенным, а слезы на щеках не успели просохнуть.

Рада подошла к Лиаре, несмело перевешивая на своем плече вещмешок. Наверное, ей нужно было хоть что-то сказать, но слов все не было, лишь только сердце медленно успокаивалось, перестав колотиться так быстро и мучительно сильно, как раньше. Лиара улыбнулась ей и потянулась к ее ладони. Арфу она уже убрала в чехол и увязала в свою походную сумку. Ее теплая ладошка легла в руку Рады, а сама Лиара тихонько привалилась к ее плечу, улыбаясь чему-то своему, рассеяно и тепло. Так они и зашагали бок о бок следом за Алеором. Его черный плащ впереди казался еще одной тенью среди теней, и лишь эльфийское зрение, да приглушенное эхо его шагов позволяли Раде определить, что эльф все еще недалеко от них.

Идти по круглышам камней, выпирающих из земли, было не слишком удобно, но лучше уж так, чем лезть через сугробы. Хотя бы ноги не ныли от нагрузки. Рада то и дело поглядывала наверх, туда, где медленно затухало небо, сжатое черными вершинами гор. Еще через несколько минут Кай зажег маленькую сферу бледного света и пустил ее лететь по воздуху впереди отряда. Зимняя ночь падала быстро и была черна, как деготь, а здесь, куда лучи солнца и днем-то с трудом пробирались, и подавно можно было запросто свернуть себе шею, в темноте не заметив выбоину в дороге или так и норвящийся подвернуться под ногу обломок скалы.

Алеор все так же держался впереди отряда, и, судя по его решительной походке, он собирался сегодня же добраться до Источника. Рада с сомнением поглядывала на его широкую спину, укрытую черным плащом. Хоть преграду они и миновали, но этот самый Черный Источник мог лежать в самом сердце горного массива, и им вполне может не

хватить времени добраться до него до тех пор, пока их не оставят силы. Но это эльфа явно не волновало.

Высоко в черноте над головой высыпали серебристые россыпи звезд. От дыхания поднимался пар: к ночи подморозило, и Рада то и дело зябко поводила плечами. Заметив это, Лиара что-то сделала, и воздух вокруг них уплотнился, став теплее, но не намного. Лишь гулкое эхо их собственных шагов сопровождало их на петляющей между скал дороге, в горах стояла абсолютная тишина, словно кроме них здесь не было ничего живого. Да, наверное, так оно и есть. В такой-то близости от выбросов Источника. Все равно Рада оглядывалась по сторонам, ожидая нападения, хоть никакой тревоги и не чувствовала. Все предыдущие преграды дались им чересчур тяжело, чтобы так просто прекратить соблюдать осторожность.

— Кай! — Алеор окликнул ильтонца негромко, но эхо прогремело почти что горным обвалом по узким стенам ущелья, и Рада невольно вновь обежала взглядом виднеющиеся на фоне более светлого неба отвесные склоны. — Где Источник? Ты чувствуешь его?

— Мы уже близко, — приглушенно ответил идущий следом за Радой ильтонец. — Уже совсем близко.

— Насколько близко? — заворчала Улыбашка, замыкающая шествие. — Так, чтобы добраться до него за пару часов? Или за пару дней?

— Концентрация энергии так велика, что это все, что я могу сказать, — отозвался ильтонец. Голос его звучал напряженно, словно ему даже говорить было тяжело.

— Ну ладно, но хоть дорога-то, по которой мы идем, правильная? — уточнила Улыбашка. — Или нам надо сворачивать с нее и вновь карабкаться на какие-нибудь склоны?

— Правильная, — кивнул Кай. — Она приведет нас к Источнику.

— Тогда я вообще не понимаю ничего, — забурчала себе под нос гномиха. — Какого рожна нужно было Анкана строить такую огромную стену, через которую нельзя пройти, а потом сразу же после нее прокладывать прямую дорожку к Источнику? Если уж они хотели кого-то задержать, чтобы не совался сюда, что ж им тогда путь-то мостить собственными руками? Не вяжется это все.

— Воспринимай это как приятный подарок за все те тяготы, что мы претерпели, Улыбашка, — ответил ей Алеор. В его голосе звучала, как и всегда, легкая насмешка. — Наслаждайся.

— Может быть, такая тропинка должна была только еще больше напугать тех, кто решился бы сюда прийти? — задумчиво проговорила Рада. — Ведь считается, что здесь спит Неназываемый. И если есть прямой путь к его тюрьме, значит, этот путь может быть ловушкой.

— То есть ты на полном серьезе считаешь, что кто-то бы повернул обратно после всех пройденных преград, лишь увидев эту дорожку и посчитав ее опасной? — спросил Алеор. Рада ощутила заворочавшееся в груди раздражение.

— У тебя есть другой вариант? — огрызнулась она. — Ничего, кроме глупости, я пока что не слышала!

— Как и я, — отозвался эльф. — Потому, коли ничего дельного вы все сказать не можете, давайте мирно помолчим и насладимся прогулкой.

Раздражение сжало все ее нутро, и Рада тяжело выдохнула сквозь стиснутые зубы. Они все устали, слишком устали за этот долгий путь, но те золотые мгновения, что подарила им искорка всего пару часов назад, были благом, хотя бы немного разрядившим общее

напряжение. Вот только Алеор сейчас вел себя так, будто опять нагнетал его нарочно.

Дорога змеилась между скал вперед, иногда взбираясь на их склоны, иногда пересекая ущелья и неширокие плато. Кто и зачем проложил ее здесь, Раде было уже не интересно. Усталость давала о себе знать, да и желудок начал недовольно ворчать, требуя еды. И пусть этой едой, как и во все последние дни, будет безвкусное жесткое мясо и кое-как разваренная крупа, но поесть все-таки нужно было. В конце концов, даже Алеор понял это, и они все-таки остановились на ночлег в том месте, где мощеная дорога пересекала не слишком широкое каменное плато.

Снега, чтобы сделать из него укрытие, здесь не было, а потому Каю пришлось долго прогревать ледяной камень под их ногами, чтобы улегшиеся на него спутники не отморозили себе нутро. Рада еще долго не могла уснуть, крепко обняв Лиару, чтобы той было теплее, и глядя в глубокое ночное небо. Несмотря на то, что камень под ней был чуть теплый, ледяное дыхание гор все равно выстуживало до костей, и даже под несколькими одеялами, плотно прижавшись друг к другу, все равно было холодно и зябко. Лиара тихонько дышала куда-то ей в грудь, обнимая ее, теплая и такая родная. А Рада все перебирала самые кончики ее кудряшек и думала о том чуде, что произошло с ними днем. До сих пор еще она так и не смогла подобрать слова, чтобы что-то сказать об этом искорке, да, наверное, и не нужно было.

Задолго до первого света Алеор разбудил их всех, и уже через три четверти часа друзья вновь зашагали по мощеной камнем дороге. Зимнее небо еще долго темнело над их головами, задумчиво мерцая серебристыми вспышками звезд. Черные громады гор на его фоне казались зловещими.

Потом дорога забрала немного вверх. Сначала Рада ожидала, что тропа вскоре вновь нырнет вниз, в одно из ущелий, но на этот раз она неуклонно вела вверх и вверх, плавно изгибаясь вокруг отвесного склона горы. Теперь уже под ногами были грубо вырубленные в породе ступени, а сама дорога нырнула в нишу, точно так же вырезанную в скале. Она была совсем неширокой, не больше полутора метров, и слева от Рады темнел пролом в никуда. Все путники старались держаться от него как можно дальше, прижимаясь к надежному боку скалы, а дорогу им освещал шарик бледного света, летящий по воздуху рядом с ними.

— Он уже совсем рядом, — с плохо сдерживаемым нетерпением в голосе то и дело повторял Кай. Теперь он шел первым, рассеяно касаясь нефритовой ладонью бока скалы, словно она могла дать ему защиту или быстрее перенести его наверх. — Я чувствую, что он рядом. Еще пара часов, и мы дойдем.

Наличие бездны слева от них, к тому же, бездны, невидимой в такой темноте, слегка нервировало Раду, и она то и дело поглядывала туда, а потом на искорку, поднимающуюся следом за ней. Лиара тоже держалась как можно ближе к скале, да еще и рукой придерживалась за камень, но Раду все равно не оставляла тревога, что она может сорваться. Широкие ступени под ногами были не крутыми, но от времени и ветров края их истерлись, сгладились, да и чем выше они поднимались, тем чаще под ногами встречался тонкий слой скользкого льда, покрывающий лестницу. А потом появился и ветер.

Подниматься было тяжело, даже несмотря на плавность лестницы. Ноги налились тяжестью, и Рада понурила голову, стараясь сохранить дыхание и утихомирить бешено колотящееся в груди сердце. С каждой минутой ветер разгуливался все сильнее и сильнее, завывая меж скал свою странную песню, дергая ее за волосы, подталкивая в бок. Он был не настолько сильным, чтобы стащить ее за край бездны, но достаточным, чтобы нервировать.

Медленно светало. Рада смотрела только себе под ноги, чтобы, не дай боги, не поскользнуться и не скатиться вниз по ступеням или не выпасть за край, и видела лишь собственные сапоги в свете бледного света маленького светоча, зажженного ильтонцем. Только потом к этому бледному свету добавилось и еще какое-то освещение, четче высветившее детали. Рада не сразу поняла, что это заря, и только когда ильтонец загасил свой светоч, подняла голову, чтобы оглядеться.

Они забрались уже очень высоко. Прямо под ногами начиналась бездна, в которой дышал на приволье ветер. Вокруг вздымались горные пики, кое-где неровно исполосованные снегом. Друзья находились как раз на восточном склоне горы, и первые лучи яркого солнца, пробившись сквозь частокол вершин, брызнули Раде в глаза, заставив ее сощуриться.

— Сколько еще это будет продолжаться? — простионала Улыбашка, останавливаясь и сгибаясь пополам в попытке отдышаться. — Сколько еще нам карабкаться вверх?

— Уже скоро, — вновь повторил Кай. Он не останавливался ни на миг, хоть и сам ковылял по каменной лестнице тяжело, едва не падая от усталости. — Он очень близко.

— Быстрее бы уже, — вздохнула гномиха.

Рада обернулась через плечо. Щеки шедшей прямо за ней Лиары покраснелись, лоб повлажнел от пота. Она только кивнула в ответ, сберегая дыхание. Над ее плечом выростала макушка Алеора, глаза эльфа нестерпимо горели, словно два осколка льда, губы были упрямо сжаты. Кажется, он даже не запыхался. Глазами он показал Раде вперед, приказывая ей двигаться дальше. Вздохнув, она заставила себя продолжить подъем, хоть в ногах, кажется, осталась только кислота и никакой крови.

Потом в воздухе запахло дымом. Этот запах был настолько неожиданным, что Рада встрепенулась, вырвавшись из разрывающей легкие и мышцы боли от долгого подъема. Она нахмурилась, вскинув голову и пригнувшись. Пахло жарящимся мясом, но этого ведь не могло быть, правда?

— Дым! — почти сразу же следом за ее мыслями выдохнула Улыбашка. Больше она не сказала ничего. Гномиха пыхтела, будто выкипающая на большом огне кастрюля с супом, вряд ли она смогла бы найти в себе силы произнести какую-либо длинную тираду.

— Дым, — согласился Алеор. Теперь уже даже он дышал тяжело и отрывисто. — Кто-то жарит мясо.

Ну, хоть я с ума не схожу, устало подумала Рада, продолжая карабкаться вверх. Правда вот, она совершенно не могла представить себе, кто мог вскарабкаться на такую высоту и устроить здесь себе мясной завтрак? Да и как? Это же Семь Преград!

— А что, если... Илион ошибся? — тяжело дыша, спросила Лиара. — Что если... там и правда Неназываемый?

— И прямо сейчас он готовит жаркое из другого желающего его повидать, — огрызнулся эльф. — Брось, светозарная, ты же не такая идиотка, как все остальные!

— Тогда... что... это? — с трудом прохрипела Улыбашка.

Алеор понюхал воздух и с видом знатока заключил:

— Кажется, баранина. Но за точность я бы не поручился.

Рада обернулась к нему. Вид у эльфа был ни капельки ни удивленным, даже не встревоженным. Казалось, все происходящее было само собой разумеющимся. Но, проклятье, откуда здесь жареная баранина?! Если мы первые и единственные, кто когда-либо сюда совался?

Спина ильтонца, обогнавшего их уже на несколько десятков шагов, исчезла за скальным

выступом поворота. Рада взмолилась всем богам, чтобы проклятая дорога уже наконец-то кончилась. Казалось, ее ноги от самых стоп и до бедер превратились в одну сплошную горящую огнем мозоль, а дышать она и вовсе почти что разучилась. Теперь это походило на втягивание в себя раскаленной лавы или глотание ножей.

Она с трудом доползла до скрывшего ильтонца уступа, завернула за него, и едва не застонала от облегчения. Лестница кончилась, впереди открылось ровное каменное плато, шириной метров в десять, не больше. Кай, согнувшись пополам, стоял всего в двух шагах впереди, а еще дальше на каменном плато плясали языки ведьминского пламени, над которыми зависли в воздухе несколько толстых ломтей мяса. По обе стороны от костра сидели двое мужчин, один был одет в черный балахон, другой — в белый.

Рада отступила на несколько шагов в сторону от лестницы, давая друзьям возможность выбраться на плато, и, никого больше не стесняясь, согнулась пополам, тяжело дыша. Впрочем, почти сразу же, она вскинула голову, наблюдая за мужчинами у костра. У нее не было ровным счетом ни одного предположения о том, кто это мог быть. И тем более — что они здесь делают. Но Кай не швырял в них молнии и огненные шары, как и они в него, что означало, что они, возможно, и не враги пятерым путникам.

Теперь, когда она остановилась, пот словно из ведра хлынул по лицу, заливая глаза. Глотку драло от жажды, голова немилосердно кружилась, но Рада заставила себя сфокусироваться на двух незнакомцах и почти пинками принялась разгонять мозг, чтобы тот вновь научился соображать.

Двое мужчин. Перед ними костер, горящий без дров, в воздухе болтается мясо, значит — ведуны. Один в белом, другой в черном, — может, Жрецы Белого и Черного Источников? На этом ее размышления и закончились за неимением версий. Внешность обоих мужчин была ей совершенно незнакома, определить, к какой расе они относились, было невозможно. Вроде бы, не эльфы, вон, у одного даже на подбородке что-то похожее на щетину пробивается. При этом у обоих были черные, как вороново крыло, волосы и синие глаза, самую капельку раскосые, да скулы остро выпирали под обветренной кожей. Чем-то они смахивали на северян, но оба были слишком высоки для них, примерно одного роста с Радой. Тогда кто же?..

Мужчины рассматривали прибывших путников без особого удивления. Впрочем, на их лицах не было вообще заметно каких-либо эмоций, словно оба камня проглотили. Они и не двинулись с места, продолжая все так же прожаривать над огнем мясо, даже не шевельнулись, только ветер слегка трепал кончики их длинных, до плеч, волос.

Искорка охнула, вскарабкавшись на плато и увидев незнакомцев, но сил ей хватило лишь на этот возглас. Привалившись к каменной скале, она закрыла глаза, тяжело дыша. Алеор только вопросительно вздернул брови, оглядев незнакомцев, и тоже остановился отдышаться в стороне. Последней на плато почти что вползла Улыбашка, кряхтя и держась за ступени руками.

— Бхара!.. — только и выдохнула она, глядя на двух ведунов у костра.

Несколько секунд ничего не происходило: путники пытались отдышаться, ведуны не мешали им, продолжая готовить обед. Раде вдруг стало до коллик смешно от всего этого, и она издала какой-то странный полустон — на большее сейчас ее глотка просто не была способна.

Потом Алеор распрямился, и двое ведунов, переглянувшись, поднялись ему навстречу. Рада заметила, что они с трудом могли оторвать взгляд от каменных рук ильтонца. Вряд ли

они хотя бы раз видели что-то подобное. Однако, на лицах их при этом не отражалось никаких чувств.

— Я — Алеор Ренон Тваугебир, — представился эльф. Говорил он все еще тяжело после долгого подъема. — Меня послал Владыка Лесного Дома Илион, чтобы запечатать Черный Источник.

— Мы давно ждали вас, — кивнул мужчина в белом балахоне и первым протянул Алеору руку. Выговор у него был каким-то странным: невнятным и вязким, будто болотная трясина. — Я Белоглазый Игрид, а это — Черноглазый Ольд. Мы представляем Царя Неб Тьярда, повелителя вельдов и кортов.

Рада все еще не могла произнести ни звука, так рвало от боли легкие и глотку, но теперь больше всего на свете ей хотелось задать Алеору по первое число. Почему он не сказал, что их здесь будут ждать? И больше того: как эти двое ведунов пробрались на эту проклятую вершину?! И если они пробрались, то какой бхары они сами не запечатали Источник?!

Видимо, эти же вопросы крутились в голове и всех остальных путников, потому что Улыбашка надтреснутым голосом простонала:

— Твою... ж... бхару! — в голосе ее слышалось отчаяние.

Ведуны с интересом посмотрели на нее, потом вновь повернулись к Алеору.

— Мы ждали вас еще осенью, князь Алеор Ренон, — проговорил Черноглазый Ольд. У него были темные, сошедшиеся к переносице брови и такой вид, словно он вообще никогда не улыбался. На его фоне Белоглазый Игрид с каменным лицом выглядел почти что легкомысленным пареньком, гоняющим набитый бобами бычий пузырь по пыльной улице. — Что задержало вас в пути?

— Некоторые непредвиденные обстоятельства, — улыбнулся краешком губ эльф. — Семейные дела, скажем так.

— Я могу предложить вашим спутникам исцеление? — взгляд Игрида пробежался по задыхающейся компании.

— Попробуйте, — равнодушно пожал плечами Алеор. — Только исцелять нам особенно нечего. Разве что от усталости.

Кай уже разогнулся. Его плечи продолжали ходить ходуном, но взгляд теперь не отрывался от обоих ведунов и Алеора, и взгляд этот был тяжелым. Лиара тоже с трудом, но отлепилась от скалы, и поковыляла к Раде, чтобы помочь ей встать. А Рада все никак не могла понять, что здесь происходит. Это не укладывалось в ее голове. Не укладывалось и все.

Ее взгляд пробежал по пустому скальному выступу, зацепился за темную арку в стороне, возле которой на земле лежало два небольших холщевых мешка, явно с вещами этих двух ведунов. Но в таких мешках можно было унести еду, самое большее, на неделю, а они говорили, что ждут с осени. Тогда где же палатка? Где одеяла, где теплые вещи, где запасы? Все выглядело так, будто люди пришли сюда не больше четверти часа назад.

Рада нутром чуяла, что здесь что-то не так. Что-то не складывалось, не получалось, никак не желало сходиться. Они должны были быть первыми, кто добрался до Черного Источника. Как здесь оказались эти ведуны? Руки Лиары легли ей на плечи, искорка слегка потянула Раду вверх, пытаясь помочь подняться, но та не двигалась, отчаянно пытаясь понять, что здесь происходит.

Видимо, делала это не одна она, потому что из-за спины раздался хрип Улыбашки.

— Бхара!.. Откуда... вы здесь... взялись?.. Мы же... первые... кто прошел... через... преграды!..

— Это верно... — Игрид замялся, не зная, как обратиться к гномихе, но потом просто продолжил. — Мы воспользовались рисунком перехода, чтобы попасть сюда. Вы — действительно единственные, кто когда-либо преодолевал Семь Рубежей, и это подвиг, подобный основанию Эрналда. — Он взглянул на Алеора, и в глазах его впервые за все это время мелькнуло что-то, похожее на чувство. Почтение. — Этот подвиг будут воспевать в веках.

— Будут, — кивнул Алеор. В голосе его послышалось удовлетворение.

— Рисунок перехода? — очень медленно повторил Кай, будто пробуя это слово на вкус. — Что это?

— Анкана показали его Черноглазому Дитру, да укроет его Небесный Змей своими огненными крылами, — Ольд сумрачно взглянул на ильтонца, потом почему-то опустил голову и коснулся костяшками пальцев лба, будто кланялся. Однако, его взгляд все равно то и дело сползал на нефритовые плечи, торчащие из-под меховой безрукавки. — А тот передал нам. Если Черноглазый брат желает, я могу открыть ему рисунок перехода.

— Мы успеем заняться этим и на обратном пути, — резко проговорил Алеор, бросив быстрый взгляд на ошеломленного Кая. — Сейчас мы должны поскорее завершить то, ради чего мы пришли.

— Конечно, князь Алеор Ренон, — кивнул Игрид, отступая в сторону и указывая рукой на темную арку прохода в стене. — Чем скорее Черный Источник будет запечатан, тем лучше. Мы и так уже ждали слишком долго.

Руки Лиары вновь потянули Раду вверх, искорка что-то тихо проговорила, но Рада даже не расслышала, что это было. Она сейчас просто физически не могла оторвать глаз от спины эльфа, чувствуя себя так, будто кто-то ударил ее обухом по голове. Сюда можно было пройти с помощью энергии Источников, как прошли эти двое ведунов. Сюда можно было пройти совсем быстро, минуя все Преграды. Просто взять и прямо из Латра перенестись сюда. А вместо этого они тащились через все эти Преграды, рискуя своей шеей, ценой невероятных усилий преодолевая все это. Выходит, вся эта боль, эта усталость, этот страх, эти опасности, эти невыносимые трудности, все это — было зря?!

— Бхара! — сорвалось с ее губ ругательство, и Рада ощутила, как затряслись плечи от ярости и душащего ее при этом смеха. Причем она даже не знала, чего там больше: веселья или желания убивать. — Бхара!

Улыбашка просто не могла ничего выговорить, сидя с потерянным видом на самой верхней ступеньке лестницы и хлопая глазами. Она переводила взгляд с Алеора на ведунов и обратно, открывая и закрывая рот, из которого доносились только какие-то нечленораздельные хрипы.

— Пойдемте! — Алеор встряхнулся и первым шагнул в черную арку прохода, которая поглотила его, будто его тут и не было. Два ведуна, помедлив и кивнув остальным, вошли следом за ним.

Рада все-таки позволила Лиаре поднять себя на ноги, хоть до сих пор и не была в состоянии произнести хоть слово. Ярость все-таки взяла верх над смехом. Теперь ей было вовсе не смешно, совсем не смешно. Лиара могла погибнуть, ее жизнь висела на волоске и не один раз за все это время. Да и Рада сама раз десять едва жизни не лишилась, как и остальные спутники. И все потому, что Алеор решил попасть в легенду? От ярости перед глазами все поплыло. Я так и думала! Я ведь знала это с самого начала, едва он только заикнулся об этих преградах! Ему просто покоя не давало, что в прошлый раз он не смог их

пройти! И только поэтому, только из-за своего идиотского упрямства, только из-за того, что у него что-то там не получилось, он потащил нас через эту бездну мхира?! Она рассеяно услышала, как захрустели ее собственные кулаки.

— Рада? — искорка неуверенно потянула ее за рукав. В голосе ее звучала тревога. — Рада, что с тобой?

— Проклятье! — надтреснуто каркнула Улыбашка из-за ее спины. — Вы поняли, что здесь вообще только что произошло?

— Кажется, я понял, — очень тихо произнес Кай. На этот раз никакого тепла или усмешки в его голосе не было, только плохо сдерживаемая ярость. — У этих ведунов был рисунок перехода, которым можно было воспользоваться, чтобы миновать все эти преграды, но Алеор даже не удосужился сообщить нам об этом.

— Рада? — вновь позвала ее искорка.

От ярости Раде свело шею, и она ощутила, как ноги сами двинулись по направлению к арке прохода.

— Эй, белобрысая! — позвала вдруг тревожно Улыбашка. — Ты чего там задумала? Это не лучшее место и не лучшее время. Я бы тоже его на куски разорвала, но уж точно не возле Черного Источника. Погоди, когда выйдет, и тогда...

Вот только она уже ничего не слышала. Мелькнуло мимо изумленное лицо Кая, ильтонец еще попытался вскинуть руки, чтобы задержать ее, но ноги уже пронесли Раду мимо него. Еще миг перед глазами была черная арка, в которой будто бы улеглась сгущенная, словно патока, ночь, а потом Рада буквально влетела в нее, чувствуя, как грудь распирает от ярости.

Ощущение было странным, будто на миг она провалилась в какой-то громадный ледяной пузырь без воздуха, или он сам провалился в нее. То ли вечность, то ли один удар сердца Рада бултыхалась в этом пузыре, наполнившем каждую частичку ее тела, пропитавшим всю ее до основания, а потом вывалилась с другой его стороны.

Шок от странного перехода лишь чуть-чуть притупил ее гнев. Он моментально вернулся, как только она услышала отзвуки мужских голосов где-то впереди. Здесь было темно, словно стояла ночь, неясный свет откуда-то издалека указывал ей путь. Поморгав, Рада ухватилась рукой за стену тоннеля, чуть выше человеческого роста, грубо вырубленного в скале, а потом пошла вперед.

Впрочем, первое впечатление было обманчивым. Стены тоннеля были слишком грубыми и шероховатыми, чтобы их когда-нибудь касалось рубило или долото. Это был всего лишь разлом в стене, трещина в монолите скалы, а не что-то сотворенное руками человека. С потолка свисали черные выступы породы, едва видневшиеся на фоне света впереди, и Рада вынуждена была пригибать голову, чтобы не врезаться в самые длинные из них лбом. За ее спиной вновь послышался голос Лиары, зовущей ее по имени, но Рада, пошатываясь, уже вышла из тоннеля наружу.

Ее глазам открылась большая пещера, на стенах которой плясали странные отсветы. Будто внизу, глубоко под ними, кто-то запер огненную птицу в железной клетки, и та стремилась выбраться, высоко вверх выбрасывая свои длинные крылья-зарницы. Свет дрожал на стенах, как бывает, когда подземный источник освещают со стороны, и волны перекатываются по темной породе, пятная ее причудливым узором. Раде чувствовалась какая-то мощная сила, от которой дрожал и потрескивал сам воздух, а волосы на ее загривке поднялись дымом. Прямо от ее ног вниз начинался спиралевидный пандус, лепившийся к

боку скалы, и по нему, в полсотне метров впереди, шел эльф, а за его спиной вышагивали двое ведунов.

От одного только взгляда на его костлявую спину ярость вновь ударила в голову, и Рада, издав горловой рык, бросилась вперед. Он обманул их, он подверг их ненужной опасности из-за своих глупых амбиций! Из-за своего непомерного эгоизма и самолюбования он заставил их вытерпеть столько страха и мучений! Перед внутренним взором всплыли глаза искорки, наполненные слезами боли и отчаяния, ее дрожащие от страха губы. Сколько всего он заставил ее пережить только из-за своего бесконечного эгоизма!

Да за одну ее слезинку я его голыми руками забью!

Ноги припустили еще быстрее. В лицо скачками неслись спины ведунов. Пандус был достаточно широким, чтобы они шли рядом и все еще оставались далеко от края бездны. Но они не интересовали Раду. Ее интересовал только Алеор.

Она с рычанием толкнула их в сторону, и оба ведуна удивленно вскрикнули. Алеор уже начал поворачиваться на звук, и в следующий миг Рада головой вперед врезалась ему в спину.

Они оба покатались по пандусу вниз. Рада вскрикивала, когда ее же узлы врезались ей в спину, когда она билась плечами, коленями, локтями и головой о камень или об Алеора. Но ярость клокотала так, что она не могла остановиться, она не могла даже ни о чем подумать, ни мгновения. Как только беспорядочное падение завершилось, Рада сразу же вскочила на ноги, не обращая внимания на содранные колени и ладони.

Алеор поднимался на ноги в метре впереди нее. Его синие глаза метали молнии.

— Ты с ума сошла? — рявкнул Алеор, поворачиваясь к ней. — Что на тебя...

Его возглас прервал жесткий быстрый удар Рады. Голова Алеора откинулась в сторону, он пошатнулся. Рада не медлила. Следующий удар был в грудь, и эльф приглушенно охнул, подаваясь назад. Третьим ударом она надеялась согнуть его пополам, да только Ренон уже взял себя в руки и молниеносно поставил руку, защищая живот. Кулак встретил лишь твердую, как сталь ладонь.

Голубые глаза сверкнули яростью ей в лицо.

— Ты что делаешь?!

— Лжец! — прорычала Рада, нанося удар ему в лицо, эльф принял его на руку. — Ты ничего не сказал нам! Ты обманул нас!

— Я не обманывал вас! — рыкнул эльф. — Это ты, дура, у меня ничего не спросила!

Боль вгрызлась еще глубже, сжигая нутро ослепительным inferно пламени.

С бессловесным рыком Рада ударила его головой в лицо. Эльф откинулся с глухим вскриком, пошатнулся, и она надавила корпусом. Алеор упал на камни, охнув, когда заплечные узлы и лезвие меча врезались ему в лопатки. Рада навалилась сверху, молниеносно оседлав его, ухватив рукой за воротник, а потом принялась бить.

Первый удар обрушился прямо в незащищенный нос, и громкий хруст, а следом и крик эльфа, заставили что-то внутри нее мстительно вспыхнуть. Второй удар достал челюсть эльфа, его голова мотнулась в сторону, из разбитого рта хлынула кровь.

Потом он извернулся и ткнул Раду жестким кулаком в печень. Она охнула от резкой боли, подаваясь вбок, и эльф ударил вновь, на этот раз ладонью, наотмашь в солнечное сплетение. Чувство было таким, словно она разучилась дышать, и Рада только бессмысленно раскрыла рот, пытаясь глотнуть воздуха.

— Идиотка! — прорычал эльф. — Ты еще глупее, чем я думал!

Ярость вновь придала сил, и Рада брыкнулась, задев его ногой по голени. Эльф издал глухой звук, потом дернулся под ней, пытаясь отшвырнуть ее прочь. Рада все еще не могла дышать, потому просто рухнула на него всем весом, прижимая его к полу и не давая двигаться.

Это уже совершенно не походило на бой. Они вдвоем копошились на полу, вцепившись друг в друга мертвой хваткой и пытаясь нанести как можно больше повреждений. Только от этого не было никакого толку.

Что сделал эльф, Рада не знала, но дышать она все еще не могла. Рот хватал совсем немного кислорода, едва-едва, чтобы не умереть. Перед глазами плавали красные круги, руки совсем ослабли. Алеор брыкался и рычал, пытаясь отшвырнуть ее от себя. Сама она поняла, что изо всех сил давит ему на горло локтем, отжимая его голову назад, только сил-то у нее для этого было явно маловато.

Остановись! Вы сейчас убьете друг друга!

Что-то вскричало в ней так болезненно горько, что на миг Рада замешкалась. Алеор воспользовался этим, резко вывернувшись из-под нее и ткнув обеими ногами ей в живот. Раду отшвырнуло прочь, дальше, чем она рассчитывала. Только вместо того, чтобы упасть на камень, ноги ее ухнули в пустоту. Рада конвульсивно попыталась ухватиться за что-нибудь, удержаться, но камень исчез у нее из-под ладоней, и она рухнула вниз, прочь с пандуса, в раскрытые объятия бездны мхира.

На миг Раде показалось, что она падает в звездное небо, а потом свет затопил все.

===== Глава 21. Черный Источник =====

Рада падала, падала прямо сквозь... вечность. Ее глаза открывались все шире, хоть теперь у нее было такое ощущение, что у нее вовсе нет глаз. Или что все ее тело — глаза, потому что видела и чувствовала она теперь буквально каждой частичкой своего существа.

Цветовые волны немыслимой красоты медленно закручивались под ней спиралями, размывались, танцевали, перетекали одна в другую. Галактики плыли в бескрайнем просторе вечно длящегося времени и на глазах Рады рождались, сияли, стгорали и рождались вновь. Хвостатые кометы чертили карту небесных дорог, волоча за собой длинные потоки льда и пламени, газовые хвосты, в которых стгорала звездная пыль. Лучи тысяч и тысяч солнц пронзали вечную темноту, мчались сквозь пространство в никуда по одному им известному пути, мчались столь быстро, что казались статичными, прорезали вечную ночь ослепительными копьями света.

Рада больше не была собой, но при этом так остро, так сильно ощущала все вокруг нее. Ритм Вселенной, пульсацию миров. Оглушительно ревели сжатые в маковую росинку белые карлики, стремясь взорваться в любой миг, и их шум в этой вечной тишине был режущим уши. Тихо шептали почти потухшие звезды, в чьих сердцах уже успел отгореть весь первобытный жар и пыл, и теперь они лишь в последний раз едва слышно допедали последние сказки окружающим их стылым планетам, иссушенным и измученным, готовым уснуть. Звонко и радостно возносили гимн вечности пылающие сердца тех звезд, которым предстояло еще гореть и гореть, под чьими лучами грелись иные миры с иными небесами и иным воздухом. Пели планеты, нежностью своих голосов напоминая тихую летнюю ночь, трели соловья, легкий шелест воды и треск цикад. Шумели, будто сосновый лес под ветром, солнечные ветра, привольно носясь на бескрайних просторах. И все это сливалось в одну единую песню, от которой все тело Рады звенело, пульсировало, вибрировало в такт, словно и она была лишь крохотными золотыми пылинками, которые несет по своей могучей реке

бесконечное Время.

Звонкими копытами отбивали серебристые звезды Небесные Кони. Где-то дремал громадный змей, обхвативший весь мир, сжимая в своих когтях золотую Цепь Эпох, и оба его глаза загадочно мерцали из-под полуопущенных век, один — белым, другой — черным. Где-то слышалась песня и шепот, мелодия лунных флейт, вплетенная в волосы первой, что заговорила с ветром. Летел на могучих огненных крыльях громадный то ли змей, то ли сокол, волоча под длинными фиолетовыми перьями песни первых людей.

Раде казалось, что она спит, что она живее, чем когда-либо была, что она не более, чем мешок с костями и при этом — мягкая глина, всегда новая, всегда живая. Ее глаза открывались все шире и шире, ее душа распахивалась навстречу, выворачиваясь наружу и отдавая себя до самой последней черточки.

По садам, не знающим печали и горести, бродили золотые существа с громадными глазами, чьей судьбой была вечная радость. Они пели и танцевали, кружась в ворохах розовых лепестков на мягкой траве, которую гребнем чесали Ветры Времени. Глубоко во тьме самых темных нор ждали твари с глазами чернее отчаяния, с холодным разумом и извечным голодом, ждали своего часа, чтобы безжалостно ужалить, раздробить, разломать в прах. Кто-то огромный и безымянный танцевал в золотом свете, разбросав вокруг себя то ли крылья, то ли руки, и золото лилось из его безмятежных глаз, а каждый удар могучей стопы разрушал в пыль миры.

Рада не понимала, что происходит с ней, кто она такая, почему и зачем она здесь. Медленно падая сквозь водовороты из галактик, хороводы звезды, огненные потоки метеоритных дождей, она все глубже и глубже уходила во что-то бездонное, что-то, чему не было имени, и оно смотрело на нее в ответ своими огромными глазами, ее же собственными глазами изнутри наружу и снаружи внутрь.

А потом был рывок, и галактики отступили прочь, отдалились от нее, вытекли каплями ртути из ее тела, чтобы остаться там, где им и было место. А Рада вдруг ощутила невыносимое жжение в легких, головокружение, тошноту. Рот сам раскрылся, горло дернулось, стремясь наполнить легкие, и она сделала первый вздох. Потом второй, потом третий.

Чувства возвращались странно медленно и неохотно. Рада поняла, что лежит на холодном камне, на боку, и ее узлы больно врезаются промеж лопаток. Потом из кружения звезд выплыли очертания большой пещеры, освещенной сполохами света откуда-то снизу. Впереди был обрыв, самый конец пандуса, по которому они шли, сообразила Рада. А позади нее — надежный каменный выступ скалы.

Напротив нее лежала Лиара, широко открытыми глазами глядя на нее и тяжело дыша. Рада попробовала заговорить, но здесь, в такой близости от источника, не было звука. Волны мощи снизу равномерно взбалтывали пространство, словно терпеливая хозяйка, взбивающая масло, и пространство становилось густым, как патока. Здесь звук не мог нарушить вековую тишину.

Глаза Лиары были странно светящимися сейчас, будто внутри них горели те самые сияющие пульсары, чью странную песню она слышала всего несколько мгновений или целую вечность назад. Рада судорожно дышала, не слыша даже привычного шелеста воздуха, проходящего через стиснутое горло, не слыша даже собственного стука сердца. Дышала и смотрела в глаза искорки, которые были совсем близко.

На память смутно пришло все произошедшее. Глупая драка с Алеором, падение вниз, в

Источник. Так значит, я была внутри Черного Источника?! И Лиара выгнала меня оттуда! Это казалось невозможным, но иного объяснения не было. Рада лишь моргала, а внутри разливалось вязкое, золотое, пропитывающее все ее тело марево из вибрирующей силы. Казалось, тело настолько наполнено ей, что вот-вот лопнет. И при этом Рада чувствовала, что может пить эту силу бесконечно, огромными горстями, впитывая и впитывая без предела.

Потом Лиара жестом показала ей, что нужно вставать и идти. Морщась, Рада поднялась на ноги. Удары Алеора все еще напоминали о себе, особенно тот, что пришлось в солнечное сплетение. Под ребрами ныло, и Рада потеряла это место ладонью, хоть и знала, что от этого боль меньше не станет.

Переглянувшись, они бок о бок начали подниматься вверх по спиралевидному пандусу. Сама каверна была диаметром не больше, чем в полсотни метров, и пандус изгибался очень плавно, подъем был легким, но ноги все равно заныли, ведь все это утро Рада провела, карабкаясь вверх по каменной лестнице на склоне горы.

Саднящие ноги навели ее на мысли об Алеоре. Им бы вообще не пришлось карабкаться на такую высоту, если бы не он, как и не пришлось бы проходить через все преграды. Однако, теперь уже это не вызывало в ней гнева. Прислушавшись к себе, Рада поняла, что вообще не ощущает никаких эмоций, лишь густую пульсацию силы прямо посреди груди и еще над головой, отчего темечку было щекотно, словно невидимая рука перебирала ее волосы. После того, что только что случилось, я готова поверить во что угодно. На то была твоя воля, Великая Мать, чтобы мы прошли эти преграды. Ведь ты есть все. А это значит, что так должно было быть, и он лишь исполнял то, что было угодно тебе. Сейчас эта мысль казалась ей очень простой. Станным образом тот факт, что Алеор действовал исключительно в угоду собственному эгоизму, но при этом выполнял непосредственную волю Великой Матери, больше не вызывал у Рады удивления. Это было естественным, в этом не было противоречия. Все было одним, не было ничего, что не было бы всем. Различался лишь ее собственный взгляд на это.

Получается, мне достаточно лишь немного изменить угол зрения, и тогда реальность предстанет в совершенно ином свете? Получается, что достаточно лишь чуть-чуть сместить невидимую грань восприятия, и все законы мира изменятся? Это было одновременно удивительно и совершенно естественно для нее, и Рада улыбнулась, поднося к глазам собственную ладонь. Кожа на ней была содрана и кровоточила, но на ладони четко виднелись линии, крохотные сгибы и впадины. Не раз она видела, как всевозможные попрошайки и бездомные актеры читали какому-нибудь простаку его судьбу по этому замысловатому узору, а тот, раскрыв рот и развесив уши, верил каждому их слову, что однажды он станет богат, известен, удачлив. Рада всегда смеялась над этим, считая таких простаков болванами. А ведь все на самом деле так и есть, и никакие линии тут ни при чем. Все зависит от моего собственного взгляда. Если я посмотрю с одной стороны — то это лишь изодранная в кровь саднящая ладонь. Если же я взгляну иначе...

Что-то очень важное внутри, бессловесное, но такое сильное, заволновалось, заворочалось. Предчувствие. Рада не знала, что будет, если она взглянет иначе. Что она увидит там? Она все внимательнее глядела на узор из тонких линий, на мельчайшую сеть, которую создавали эти линии на ее ладони, на то, как капельки крови набухают на поврежденных тканях, стремясь скорее восстановить утраченную часть кожи. Что я увижу там? Кроме этих крохотных частичек меня самой? Внутри задрожало сильнее, она

нахмурилась, как будто что-то понимая, как будто почти-почти ухватывая суть. Кроме крохотных частичек материи, живой материи, которая стремится восстановить саму себя. Которая сама знает, как ей заращивать раны и ушибы, которая прекрасно разбирается и без моего указания в том, как правильно создать кожу, ткань, мясо... Рада задрожала всем телом. Чувство было всеобъемлющим, почти невыносимым. В которой течет та же самая энергия, что и в Источниках, способная творить миры и создавать жизнь. Так почему же тогда мои глаза видят лишь такую форму моего тела? И почему эта форма именно такова? Разве она не может быть другой?

В этот момент какой-то непрошенный осколок скалы попал ей под ногу, Рада взмахнула руками, накренилась, едва не падая, и Лиара сразу же обняла ее за талию, помогая не упасть. Звука все еще не было, и Рада благодарно улыбнулась ей в ответ. Но к сожалению, странное чувство в глубине уже ушло, затихая вдали. Вновь глянув на свою ладонь, Рада не увидела больше ничего. Но что-то было. И однажды я пойму, что это значило.

Глаз уловил движение, и Рада подняла голову, глядя вперед. Там, на противоположной стороне каверны, по пандусу вниз широкими шагами бежал Алеор. Лицо его казалось таким встревоженным, буквально разломанным пополам страхом, что Рада удивленно заморгала. Неужели эльф так испугался за нее? Разве мог этот холодный и расчетливый бессмертный испытывать такие чувства?

А еще мелькнула странная мысль: сколько же прошло времени с того момента, как она сорвалась с обрыва? Раде почему-то казалось, что часы. Но когда она промерила взглядом расстояние до самого верха каверны, где они и сцепились с Алеором, то оказалось, что пробежать это расстояние он смог бы не больше, чем за минуту. Так сколько же тогда она пробыла в Черном Источнике? И как Лиаре удалось вытащить ее оттуда?

Впрочем, сейчас задать все эти вопросы не было никакой возможности. Рада оперлась на Лиару, чувствуя, как недовольно скрежещет все ее отбитое тело, и наблюдая за приближением Алеора. Лицо его заливала кровь, свернутый набок нос опух, оба глаза уже начали заплывать, но эльфа все это, казалось, нисколько не беспокоило. Добежав почти что до них, он притормозил, потом неуверенно сделал шаг вперед и положил руку на предплечье Рады. В глазах его светилась такая странная, непривычная и неподходящая для этого каменного лица забота, что Рада только улыбнулась и накрыла его ладонь своей. Кажется, они с Алеором помирились. Во всяком случае, внутри нее уже не было ни капли прежней ярости, с которой она набросилась на него какие-то минуты назад.

Втроем друзья начали медленно подниматься вверх по пандусу, навстречу спешащим следом за Алеором ведунам, Каю и Улыбашке. Алеор так и не снял ладони с ее плеча, Лиара обнимала за талию, поддерживая, а Рада тихонько улыбалась себе под нос. Все-то ты знаешь, Великая Мать. Все твои дороги плетутся с целью. Кажется, сейчас тоже случилось что-то по-настоящему волшебное.

На середине пандуса они встретились с остальными спутниками, но звука все еще не было, и лишь их вытянувшиеся, встревоженные лица говорили об их состоянии. Рада жестом показала, что с ней все хорошо, и все вместе они направились наверх, к выходу из каверны. Звук постепенно возвращался по мере их продвижения, словно приближаясь откуда-то очень-очень издалека. Шорох шагов, сначала едва различимый, потом все громче, поскрипывание перевязей с оружием, потом и шелест дыхания. Рада даже подивилась, услышав, как она дышит, а потом еще больше — своему удивлению.

Когда, наконец, они поднялись на самый верх, Лиара помогла ей сесть на камень, а

остальные друзья столпились вокруг.

— Что вообще произошло? — голос Улыбашки дрожал от напряжения. — Что вы там двое устроили?

— Да ничего, — пожал плечом Алеор, вытирая текущую из разбитого носа кровь. Глаза его смеялись. — Когда-то это должно было случиться. А то больно много благостности в последнее время было в нашей Радушке. Раздулась, как мыльный пузырь, от этого света, аж противно было. А сейчас вот, пожалуйста, наконец-то все вернулось на свои места.

На этот раз язвительное замечание эльфа не вызвало гнева. То ли он окончательно выгорел, пока они дрались, то ли после падения в Источник что-то изменилось в ней самой, только гнева внутри не было совсем, лишь смех. Хмыкнув, она подмигнула эльфу:

— Наверное, ты прав, мой друг. Нам обоим это было нужно. Ты ведь и сам дозрел за этот месяц от нашего общества.

— Зато мы доказали вещь, которую я всегда подозревал, — эльф наставительно приподнял палец. — Я не в состоянии общаться с одними и теми же людьми в течение долгого времени. Максимум, три дня, потом мне хочется убивать. А если общение затягивается, то вот, к чему это приводит. На будущее нам урок, никаких больше совместных поездок.

— Никаких! — рассмеялась Рада, покачивая головой и морщась от боли в отбитом солнечном сплетении.

Улыбашка скептически оглядела их обоих, потом тяжело вздохнула и уперла руки в бока:

— Я вообще-то не об этом спрашивала. А о том, что вы с Лиарой упали в Источник.

Рада взглянула на искорку, та в ответ только мягко улыбнулась.

— Я никогда не предполагал, что после этого можно выжить, — задумчиво проговорил Кай. Брови его сошлись к переносице. — Все, что я когда-либо слышал об Источниках, это то, что они представляют собой сгущенную энергию творения, и концентрация ее настолько велика, что ничто не может не рассыпаться в пыль, попав в них.

— Это не совсем так, Черноглазый, — проговорил Белоглазый Игрид, бросив на ильтона короткий взгляд. — Анай из Данарских гор всегда проходят обряд у Белого Источника и получают возможность рожать дочерей. — При этих словах лицо его совсем окаменело, лишившись какого-либо выражения. — Мы не слишком много еще пока знаем об этом, но я предполагаю, что они входят в него целиком и остаются живы.

— То есть любой может нырнуть туда и выбраться на поверхность? — скептически вздернула бровь Улыбашка. — И что это дает?

— Никаких видимых изменений, за исключением возможности рожать дочерей без участия мужчины, — пожал плечами Ольд. Вид у него был недовольным. — Возможно, есть и что-то еще, но анай не подпускают никого к Источнику. Даже эльфам разрешено бывать там раз в три года и задерживаться не более, чем на сутки.

Кай обернулся через плечо на каверну. Лицо его было задумчивым.

— Я бы многое отдал за то, чтобы изучить, как устроен Источник, — проговорил он.

— Мы пытались, Черноглазый, — нехотя признался Игрид. — Все восемь лет, что минули со времен Великой Войны. Но мы не узнали ни на пядь больше, чем нам было известно, когда мы впервые увидели его.

— Хочешь нырнуть, каменорукий? — Улыбашка покосилась на край каверны, потом отступила от него на маленький шаг. — Может, Лиара опять тебя вытащит. Правда, ты

потяжелее Рады будешь, так что вряд ли.

— Как ты это сделала? — Алеор взглянул на светозарную, прищурившись. — Ты была у входа в пещеру, а в следующий миг вы уже оказались в самом низу.

Все обернулись к искорке, и она неловко поежилась, потирая левую руку. Она всегда смущалась, когда на нее глазело сразу много людей.

— Я просто провалилась сквозь камень, используя эльфийские силы. А потом подхватила Раду и выбралась наверх.

— Как? — прищурился Алеор.

— Не знаю, — пожалала она плечами.

— Это значит, что вы теперь тоже можете что-то вроде того, что делают анай? — подозрительно оглядела обеих Улыбашка.

Рада внезапно ощутила, как разгораются щеки. Хорошо, что здесь было темно, и приглушенные отсветы Источника не позволяли друзьям рассмотреть ее лицо. Весь последний месяц они только и делали, что пытались выжить и не пострадать, и бесконечное желание, возникающее, когда Лиара была рядом, немного отступило под давлением страха и усталости. Но теперь, после слов Улыбашки, оно вновь вернулось, а к нему добавились и новые мысли. Получается, теперь она может забеременеть, если мы... если... Или я могу. Но как это происходит? Рада внезапно ощутила укол тревоги. Не то, чтобы она не хотела детей от искорки, она и не думала раньше о такой возможности вообще, но теперь стоило задуматься. Что если она сделает что-то не так, когда они будут вместе, и искорка все-таки забеременеет? Или для этого нужны какие-то определенные условия? И если забеременеет, то захочет ли она этого? Хочет ли этого сама Рада? Боги, я своим-то двум детям была отвратительной матерью, неужели же у меня получится быть матерью ее детям? Нашим детям... Дальше уже мысли заметались совсем безумно, наталкиваясь друг на друга, путаясь. А уши Рады горели все сильнее, сильнее, словно два светоча, какие зажигал под вечер ильтонец, только не белые, а алые. И на искорку или друзей поднять глаза она была просто не в состоянии.

Пауза затягивалась, друзья молча разглядывали их с искоркой, и Раде буквально захотелось сквозь землю провалиться, но выручил ее, как ни странно, Алеор.

— Думаю, это не имеет для нас равным счетом никакого значения, — безразлично пожал он плечами. — К тому же, мы все равно не узнаем этого. Я намерен распрощаться с вами со всеми как можно скорее, при первой же возможности, иначе у меня опять возникнет спонтанное желание удавить кого-нибудь из вас, и тогда уже это сделаю не я, а Тваугебир. В последнее время он снова начал напоминать о себе, так что чем скорее мы расстанемся, тем лучше. — Встряхнувшись, он взглянул на Кая. — Что ж, друг мой. Что тебе нужно, чтобы завершить то дело, ради которого все мы сюда пришли? Можем ли мы чем-то тебе помочь?

Незаметно выдохнув, Рада осторожно подняла взгляд на друзей. Кай сейчас был единственным, кто не смотрел в их с искоркой сторону. Он стоял, полуобернувшись к Источнику, и задумчиво вглядываясь во что-то, видимое лишь ему. И молчал так долго, что Алеор уже открыл было рот, чтобы повторить вопрос, но тут ильтонец все же ответил:

— Не скажу, что мне понравится то, что я сделаю. Черный Источник очень опасен, если им завладеет кто-то, кто решит использовать его во вред окружающим. Да и вообще для любого ведуна, недостаточно обученного или с чересчур низким потенциалом. Я-то едва в состоянии находиться здесь: чувство такое, будто в любой миг я могу лопнуть от напора энергии, как мыльный пузырь. — Черноглазый Ольд бросил на Кая короткий взгляд и сразу

же отвел глаза. Раде показалось, что что-то промелькнуло в этом взгляде. То ли почтение, то ли зависть, а может, и то и другое вместе. Оба ведуна держались рядом с Каем так, будто он был гораздо могущественнее их, возможно, так оно и было на самом деле. Ильтонец, не замечая этого, покачал головой, все так же разглядывая Источник. — Однако, просто уничтожить такую мощь, изолировать ее от мира — это кощунство. Такая сила, великая сила. С ее помощью можно воплотить даже самые дерзкие мечты, сделать невозможное возможным.

— Кай, ты прекрасно понимаешь, что это может сделать и Сети'Агон, — напомнил Алеор, испытующе глядя на него.

— Понимаю, Алеор, — тяжело кивнул ильтонец. Потом он весь как-то подобрался, широченная спина отвердела, словно Кай не желал делать того, что собирался сейчас делать, что бы это ни было. — Вы ничем не сможете мне помочь, друзья. Думаю, будет лучше, если вы выйдете наружу. Концентрация энергии здесь настолько велика, что вы можете пострадать даже от самого невинного моего действия. Мне бы этого не хотелось.

— Как скажешь, Кай. — Алеор положил руку тому на каменное предплечье. — Мы будем ждать тебя снаружи. Я верю, что у тебя все получится.

— Благодарю, Алеор, — ильтонец мягко улыбнулся ему, а потом повернулся лицом к каверне и медленно зашагал вниз. Рада проводила его взглядом: по тяжелой походке ильтонца было непонятно, то ли он заставлял себя идти туда, то ли, наоборот, едва удерживался от того, чтобы не ринуться вниз со всех ног.

Оба чужеземных ведуна проводили его ничего не выражающими взглядами, причем Ольд вновь коснулся костяшками пальцев лба и слегка склонился, хоть Кай уже и не мог этого видеть. Потом они первыми направились к выходу из пещеры. Опершись на руку Лиары, Рада поднялась и поковыляла за ними.

Ледяной воздух гор обжег лицо, но зато она смогла глубоко и спокойно вздохнуть. Присутствие густой, словно патока, энергии здесь было менее ощутимо, и Раде стало спокойнее. Она не боялась ни Черного Источника, ни того, что сейчас с ним будет делать Кай, но эта атмосфера была для нее слишком чужой и интенсивной, чтобы провести в ней хотя бы один лишний миг. Ты что, забыла, как только что в сам Источник головой вперед ухнула?

Эта мысль напомнила о том, о чем думать Рада была пока просто физически не в состоянии. Уши вновь полыхнули двумя кострами, и она вновь порадовалась, что находится на ледяном ветру. Ее румянец спишет на мороз, да и уши остынут быстрее.

Рада позволила себе один короткий взгляд на Лиару. Искорка не поднимала глаз, поддерживая ее за талию и помогая идти, но глядя только себе под ноги. Лицо у нее было бледным, но Рада чувствовала ее затвердевшую напряженную руку даже сквозь толстую дубленку. Видимо, ей тоже было очень неловко. Но, проклятье, как мне узнать-то, действительно ли теперь все так, как говорит Улыбашка? И как спросить у Лиары, хочет ли она детей? Разве можно такие вещи спрашивать? А если не спрошу и случайно сделаю, что тогда? Ее вновь затрясло, и Рада последними словами выругала себя. Ведь только успокоилась, и вновь туда же! Придешь в Данарские горы — спросишь там. Может, хоть они смогут сказать больше, чем эти бестолковые мужики.

Перед уходом к Источнику ведуны загасили пламя, но куски баранины так и продолжали болтаться в воздухе, не поддерживаемые ничем. Теперь один из них, Игрид, вновь глянул наголый камень плато под ногами, и на нем заплясал ведьминский огонь, а

баранина подлетела ближе к пламени, сразу же запахнув.

Алеор шмыгнул разбитым носом, утирая кровь.

— Могу ли я помочь вам, князь Алеор Ренон? — осторожно спросил его Игрид. — На таком морозе лучше не оставлять рану открытой.

— Пожалуй, — кивнул эльф и тут же поморщился от боли. — Благодарю.

Он опустил голову, и Белоглазый ведун сжал ее в ладонях. Рада заметила, что эльф будто одеревенел в то время, как его нос начал принимать первоначальное положение. Выглядело это не слишком-то приятно, потому она аккуратно выпуталась из рук искорки, смущенно чмокнув ее в кучерявую макушку, а потом шагнула вперед, протягивая руку Черноглазому Ольду.

— Меня зовут Рада Черный Ветер, — проговорила она, невольно ухмыльнувшись под нос. У меня столько имен! Какое же из них настоящее? Не проще ли зваться тем именем, которое мне дали люди? Уж оно-то, наверное, ближе всего к правде, хоть изначально и было всего лишь обидным прозвищем. Пожав крепкую ладонь Ольда и взглянув в его холодные глаза, на дне которых с трудом читалось тщательно скрытое любопытство, Рада добавила: — Прошу прощения за мою выходку там, у Источника. И за то, что толкнула вас и вашего друга. Мы очень давно в пути, он был сложным и не слишком приятным. У всех нервы на пределе.

— Я все понимаю, Черный Ветер, — кивнул Ольд, и ей показалось, что самые краешки его губ дрогнули в улыбке. — Вам не за что извиняться. Говорят, нрав женщин более... вспыльчивый, чем у мужчин. Во всяком случае, анай демонстрируют нам это уже целых две тысячи лет.

Рада поначалу нахмурилась, пытаясь понять, о чем он, а потом вспомнила слова Алеора. Вроде бы как эти вельды воевали с анай все это время и объединиться с ними смогли только в момент наступления Сети'Агона. Но при этом Ольд держал себя так, словно женщин видел едва ли не впервые и считал чем-то чужим и непонятным для себя. Он, монах что ли? Рада нахмурилась, соображая. В Срединном Этлане Жрецам дозволено было жениться и заводить семьи, если они того желали, но здесь, за Эрванским кряжем, все могло обстоять совершенно иначе.

Вслед за Радой представилась Лиара, потом к Ольду подошла, протягивая руку. Улыбашка. На нее ведун смотрел примерно с тем же выражением лица, что и на каменные руки Кая.

— Прошу прощения, Вирра, Дочь Камня, — он слегка склонил голову набок, в голосе звучала неуверенность. — Вы — гном? В старых книгах я встречал упоминания об этой расе.

— И скорее всего, там была одна лишь оскорбительная брехня из того разряда, что подсолнечники вечно шепчут у нас за спиной, считая, что мы этого не услышим, — закатила глаза Улыбашка, складывая на груди мощные короткие руки. Брови ее нахмурились, и из-за шрама теперь вид у нее стал грозным. — Да, я гномиха, и горжусь этим, между прочим.

— Я ни в коем случае не хотел оскорбить вас, Дочь Камня, — вновь повторил Ольд. Взгляд его метнулся на черную арку прохода, потом неуверенно обежал Раду и Лиару. — А кто тот могущественный Черноглазый, что в одиночку отправился запечатывать Источник? Я никогда не видел таких рук, как у него.

— Черный Жрец Каярди Вард, ильтонец, — отозвался Алеор, и Рада обернулась. Нос эльфа вновь принял первоначальное положение на лице, и сейчас тот стирал кровь с подбородка и щек. Игрид отступил от него, без выражения разглядывая Алеора. — Это раса каменоруких, вырубленных из камня для Первой Войны с Кроном. Вам что-нибудь известно

об этом событии?

— Немного, — сдержанно ответил Ольд. — Я встречал слово «ильтонец» в старых рукописях, но никогда не мог понять его значения. Что же касается Первой Войны, то узнали мы о ней совсем недавно, после того, как столкнулись с войсками Брахтага.

— Кого? — не понял Алеор.

— Так дермаки называли Сети'Агона, — ответил ему Игрид. Взгляд его был задумчивым. — Хранитель Памяти Верго нашел старую рукопись, в которой говорилось о Первой Войне и Короле Солнце Ирантире. Черноглазые и Белоглазые сейчас изучают ее. Возможно, вы сможете помочь нам с пониманием некоторых моментов, которые до этого времени оставались неясны для нас.

Он взглянул на Ольда, и на несколько секунд они оба замерли. Раде подумалось, уж не умеют ли они общаться без слов. Эти странные ведуны настолько сильно отличались от всех виденных ей ранее народов. Что-то было такое в их лицах, что отличало их от жителей Срединного Этлана, и дело было вовсе не во внешности. Они и смотрели глубже, и казались сдержаннее сами по себе, но и какое-то иное ощущение окружало их, едва уловимое, но при этом ясно различимое. В первый момент Раде показалось, что это дикость, но позже пришло и другое слово. Свобода. Эти люди выглядели как полуприрученные волки. Казалось, что на них ни в коей мере не давило ничего из того, что без конца преследовало жителей городов и сел, что гасило огонь в их глазах, сгибало их плечи к земле, опускало взгляды.

Рада задумалась. Такое странное ощущение у нее было, когда она смотрела на Равенну или тех пиратов, что плавали под ее командой. Не всех, конечно, но самых безрассудных и отчаянных. Отсутствие страха, отсутствие усталости, вечная молодость, любопытство, толкающее их все дальше и дальше, зов моря, что не позволял им оставаться на берегу и обрастать вещами, детьми и жиром. Вот и эти двое вельдов были такими же. Вроде бы и холодно-спокойными, почти по-эльфийски, но при этом все же вольными, как ветра над степью.

Всего несколько мгновений минуло, и Ольд твердо кивнул, а потом повернулся к Алеору.

— Князь Алеор Ренон, мы будем просить вас после того, как завершим начатое, отправиться с нами к Царю Небо Тьярду. Он желал бы, коли вы того изволите, видеть вас в Эрнальде и побеседовать с вами.

— Нам также ведомо, что в землях, которые вы называете Этланом Срединным, — Игрид слегка запнулся на незнакомом слове, — предвидят скорое начало Танца Хаоса и Конец Мира. Царь Небо Тьярд дал клятву Царице Каэрос Лэйк и представителям Детей Ночи Анкана, что народы вельдов и кортов выступят в поддержку Аватар Создателя и примут участие в Танце Хаоса. Потому он желал вашего присутствия в Эрнальде, чтобы обсудить возможность установления прямого контакта с Лесным Домом, чтобы следить за приходом Аватар и прислать войска на помощь.

Глаза Алеора вспыхнули живейшим интересом, а у Рады появился еще один повод, чтобы задуматься и отвлечься от мыслей о последствиях купания в Черном Источнике. Если этот самый Царь Небо договорится с Лесным Домом о подмоге в Танце Хаоса, то сделает он это через Алеора, а коли так, то тот получит в свое распоряжение армию вельдов и кортов и сможет так или иначе контролировать ее. Контакт будет установлен именно через Алеора, и вряд ли он позволит Аватарам Создателя забыть об этом факте. А коли так, то у них, судя по всему, прямо сейчас прибавилось еще больше проблем, чем было раньше. Великая Мать, и

почему вы с Создателем так на них ополчились? Почему свалили на их плечи такую непосильную ношу и продолжаете подбрасывать еще кирпичей потяжелее, хотя они даже еще не явили себя? Какую цель вы преследуете в этом, чего добиваетесь?

— Я принимаю предложение Царя Небо Тьярда, — после небольшой паузы кивнул Алеор. — И буду рад побывать в городе Эрнальде. Правда, вот, к сожалению, задержаться надолго не смогу. Я и так слишком давно уже оставил Лесной Дом, и дела требуют моего присутствия там.

Ага, как же! — подумалось Раде. Ты оттуда любыми методами пытаешься удрать, стоит только Илиону на секунду отвернуться, а теперь вдруг засобирался домой? Цену набиваешь, лисья морда?

Оба вельда в ответ склонили головы, коснувшись костяшками пальцев лба.

— Мы доставим вас в Лесной Дом с помощью рисунка перехода, князь Алеор Ренон, — заверил Игрид. — Путь займет меньше суток. — Он оглядел всех присутствующих. — Царь Небо Тьярд приглашает к себе всех героев, дерзнувших покорить Семь Рубежей. Вас также проводят в любую точку мира, которую вы назовете нашим ведунам.

— Какая удобная штука, этот ваш рисунок перехода, — пробормотала Улыбашка, с интересом разглядывая обоих вельдов. Бросив короткий взгляд на Алеора, она едко заметила: — И главное: безопасная, быстрая такая. И почему только ей все не пользуются?

— Анкана открыли рисунок перехода моему народу и народу анай без всякой охоты, — спокойно ответил ей Игрид. — К тому же, путь через Грань могут преодолеть только самые сильные ведуны, и он опасен для обычных людей. Но вы — необычны уже хотя бы потому, что сумели пройти там, куда не осмеливался ступить никто. Потому не думаю, что вы откажетесь пройти с нами и за Грань.

— За Грань? — Улыбашка растеряла большую часть своего дурного настроения. Теперь вид у нее был крайне неуверенный. — Вы имеете в виду ту самую Грань? За которой живут тонкие сущности? Мир Богов?

— Да, — кивнул Ольд, и гномиха тяжело вздохнула. — Но не беспокойтесь. Наши ведуны изучают Грань последние восемь лет, ищут пути безопасного пересечения этих миров, возможности защиты от враждебных сущностей. Чтобы не пострадать от них, вам нужно будет всего лишь сохранять спокойствие, тогда путь отсюда до Эрнальда займет у нас не больше пары часов.

— Сохранять спокойствие, когда на тебя пялятся какая-нибудь голодная хреновина с зубами длиной с меня ростом? — Улыбашка поежилась. — Конечно! Это же не сложнее, чем мчаться на спине Червя, правда ведь, Алеорушка?

— Правда, радость моя, — почти с нежностью улыбнулся ей эльф. — Истинная правда.

— Штопаннные штаны каменоступого, — тяжело выдохнула гномиха, понуро опуская голову. — Кажется, я бы все-таки выбрала путь назад через Преграды.

Ведуны непонимающе переглянулись друг с другом, потом вновь принялись изучать разношерстную компанию, свалившуюся им как снег на голову. Друзья точно так же изучали их в ответ. Раде вдруг подумалось, как много они не знают об окружающем мире. Этлан Срединный и Западный разделял всего лишь один единственный горный массив, Эрванский кряж, пусть и очень опасный, но все же проходимый, как выяснилось. К тому же, Семь Преград растянулись лишь вдоль его северной части, за южной частью начинались бескрайние равнины Роура, но даже при этом никто никогда не рисковал пересекать эту горную цепь. А потому и об обитателях степей, располагавшихся буквально у них под боком,

в Этлане знали даже меньше, чем о жителях того же Северного Материка, который отделяло от Срединного грозное и богатое на шторма, ураганы и пиратов море. Кажется, мы вообще первые, кто когда-либо приходил к ним из внешнего мира, по крайней мере, после окончания Танца Хаоса. От этой мысли Раду почему-то продрал странный озноб. Великая Мать, кажется, и в этом тоже я вижу твою волю. Тебе зачем-то понадобилось, чтобы два мира соединились в один?

— Присаживайтесь к нашему огню, — пригласил Ольд, плавно отступая в сторону и указывая на поджаривающееся мясо. — Разделите с нами трапезу. Это не роскошный пир, но пища теплая и сытная, а вы устали и продрогли после долгого пути.

— Не откажусь, — кивнул Алеор, первым присаживаясь у ярко горящего костра. Сейчас он выглядел совершенно здоровым, лишь пятна крови на воротнике напоминали о драке.

Раду передернуло от той беспечности, с которой эльф повернулся спиной к обрыву в бездну за краем каменного плато и с удобством расположился возле огня. Сама она смотреть туда не могла. Острые вершины гор, пусть и освещенные лучами зимнего солнца, казались ей зубами, что так и норовили разорвать их на части.

Ведуны уселись по обеим сторонам от Алеора, следом за ними, кряхтя, примостилась Улыбашка, так далеко от края пропасти, как только было возможно. Лиара по-прежнему не поднимала глаз на Раду, и та тихонько положила руку ей на спину.

— Ну что, искорка? Любишь баранину?

— Люблю, — тихо пробормотала она, а потом вдруг резко вскинула глаза на Раду, и та опешила от неожиданности. То, что она поначалу приняла за смущение, было гневом. Лицо искорки побледнело, губы были плотно сжаты, в глазах горели все те же два пульсара света. — Но гораздо больше я люблю тебя, Рада, — проговорила она тихо, но твердо, глядя прямо Раде в глаза, и от этого та вновь почувствовала себя так, словно ее по лицу хлестнули. — И если ты еще раз попробуешь устроить что-нибудь подобное, спрыгнуть со скалы, свернуть себе шею, убиться каким-нибудь другим способом, то просто знай: я не проживу ни секундой дольше тебя. Ты понимаешь меня?

За всеми этими событиями и разговорами Рада совсем забыла про комочек ощущений у себя между ребер, который был Лиарой. И сейчас этот комочек напоминал разгневанного ежа, свернувшегося в острый комок иголок. То, что она раньше приняла за смущение или неловкость, на поверку оказалось гневом. Рада еще никогда не видела, чтобы Лиара гневалась, и от этого сейчас стало совсем уж неуютно. И стыдно. Как дура бросилась следом за Алеором, устроила драку на пандусе, будто дитя малое. Но если бы этого не было, ты не свалилась бы в Источник, вкрадчиво шепнул внутренний голос. Щеки вновь вспыхнули, и Рада потупилась, ругая себя за все сразу.

— Прости, маленькая, — неловко пробормотала она, надеясь, что никто из друзей не смотрел в их сторону и не слышал их разговора. Сама она старалась говорить как можно тише. — Я не хотела делать тебе больно. Я буду осторожнее и внимательнее, обещаю тебе.

Лиара медленно выдохнула воздух, заставляя себя успокоиться, а потом проговорила уже мягче, осторожно пропустив свои пальцы сквозь пальцы Рады:

— Просто будь осторожнее.

— Хорошо, — кивнула та, все еще сгорая со стыда. Краем глаза она взглянула искорке в лицо. Глаза ее немного потеплели, сделавшись уже не такими колючими, как раньше.

— А теперь пойдём к огню. Я продрогла, да и эти ведуны могут что-то рассказать нам про анай.

Рада кивнула, позволив искорке увлечь ее костру, а в голове все ехидно надрывался внутренний голос. Она беспокоилась о тебе, она очень испугалась за тебя, а все, о чем могла думать ты, — это возможность сделать ей детей. Животное ты бестолковое, Черный Ветер! И никакой Черный Источник этого не изменит!

===== Глава 22. За гранью привычного =====

Ждать возвращения Кая пришлось долго, но Раду это не слишком-то смущало. Она вполне уютно устроилась у костра, сжевав выделенный ей кусок баранины, который оказался недурственным, приправленным травами и незнакомыми ей пряными специями. Единственное, что несколько омрачало ее настроение, — обида Лиары. Гнев в штормовых глазах искорки погас, но она все еще была сдержана и несколько отстраненна, а в груди у Рады застыл тяжелый ледяной комочек, все никак не желающий рассасываться. Из-за этого Рада чувствовала себя неудобно, то и дело потирая грудь кулаком и поглядывая на Лиару.

Что делать в такой ситуации, она и знать не знала. Всего один раз за все время их общения искорка была в таком состоянии: когда на болотах случилась та не слишком-то приятная встреча с ведьмой. На утро, когда Рада проснулась, не в силах вспомнить ничего из произошедшего, глаза Лиары были точно так же холодны, как сейчас, разговаривала она сдержано и почти не улыбалась. Как и тогда, что с этим делать, Рада знать не знала. Да и не могла же она в самом деле начать попытаться как-то разговорить или растормошить искорку на глазах друзей. Алеор не упустит шанса узнать, что же у них случилось, а стоит ему только услышать, что Рада расстроила искорку, будет шпынять ее этим, пожалуй, до самого их расставания. И не потому, что ему жалко Лиару, а просто чтобы позлить Раду.

Друзья устало сгрудились вокруг пламени, но разговор не клеился. После долгих недель, проведенных в обществе друг друга, бок о бок с чужими людьми было непривычно и даже тяжеловато. Рада вдруг очень остро осознала, насколько уютно ей было в компании гномихи, ильгонца и эльфа. Пусть она и устала от них за это время, пусть и казалось, что глаза ее б их не видели, однако присутствие чужих так резко разрушило ту атмосферу почти бессловесного понимания и уюта, что окружала их так долго, атмосферу совместного движения к цели и взаимовыручки. К тому же, и сама цель сейчас лежала прямо за их спинами, и вот-вот Кай должен был завершить то, ради чего они все сюда пришли. И тогда останется лишь один последний визит в Эрнальд к этому Царю Небо, а потом их дороги разойдутся в разные стороны. Легкая грусть заставила Раду потянуться за пазуху за трубкой. В последние дни они так носились по ледяной степи, что и покурить даже времени не было. В молчании к ней присоединились и Алеор с Улыбашкой, тоже принявшись раскуривать оставшиеся у них запасы табачка.

Вельды, поначалу поглядывающие на странную компанию и сразу же отводящие глаза, будто им было запрещено разговаривать с незнакомцами о чем-либо, кроме дела, за которым те явились, молчали. Лица их окаменели еще больше, остекленевшие взгляды обратились в пространство за спинами путников, туда, где располагался Черный Источник. Иногда кто-нибудь из них едва заметно качал головой, а зрачки его слегка расширились, выдавая тщательно сдерживаемое удивление, но ни один не произносил ни звука. Возможно, они чувствовали то, что сейчас делал за каменной стеной Кай, а может, просто корчили рожи, чтобы не разговаривать с путниками, Рада не знала.

Густая атмосфера силы из-за спины стала еще плотнее, порой посылая по телу Рады волны, заставляющие ее вздрагивать. Несколько раз она оборачивалась через плечо на черный вход в пещеру с каверной, будто бы могла что-то разглядеть. Также вели себя и

Алеор с искоркой, то и дело рассеяно поглядывая в ту сторону. Алеор еще и хмурил свои черные брови, взгляд у него был тревожным. Наверное, работа с энергиями в такой близости от Черного Источника была делом сложным и опасным, но Кай ведь уже однажды говорил им, что справится. Рада верила слову надежного, как скала, ильтона. Коли тот сказал, что так будет, значит, так и будет. И нечего себе нервы трепать попусту.

В окружающей их местности не было ровным счетом ничего примечательного. Низкое солнце, наколотое на колючки гор, медленно ползло по ним, будто по терновому плетню, с трудом отдирая свои слабые лучи от черных скальных шипов. В седловинах между пиками протянулись темно-синие тени, еще более густые, почти ночные сумерки лежали в узких ущельях в самом низу. Рада поглядела туда, думая о пути, которым им каким-то странным образом удалось пройти. Семь Преград миновали путники на пути сюда, и теперь они отделяли Раду от того мира, что остался лежать в сонной дремоте, политических склоках и бесконечной лени где-то там, на востоке, за Эрванским кряжем. А ее саму ждала бескрайняя травяная скатерть Роура, которую будто корабли переплывали караваны кочевников, гонящих перед собой стада следом за солнцем, таинственные города вельдов, по слухам, сумевших оседлать самих драконов-от-Тьмы, Заповедный Лес, где скрывались последние остатки одного из древнейших родов эльфов, тех самых, что видели самую прекрасную Владычицу Алларизель и ее звездоглазого супруга Налеана. А дальше Данарские горы. Рада поймала себя на том, что, прищурившись, смотрит на юго-запад. Горизонт скрывали колючие пики, но где-то там лежали совсем другие горы, те, что дали рождение странному, гордому, необыкновенному народу. Народу, что совершил невозможное, сотворившему чудо, впервые призвавшему из бесконечной толщи тысячелетий Великую Мать.

Что я найду там? Что меня там ждет? Подумать только, как плелась извилистая и каменистая дорога ее жизни. От золота дворцов высшей знати Мелонии к этим дырявым сапогам и грязной дубленке где-то на самом краю мира, где лишь ледяные ветра целовали небо, да вековечные горы хранили великую тайну. Такая сложная, петляющая, змеистая дорога с ухабами и глубокими пропастями. И при этом — ровная, будто огненная стрела, посланная через все небо из гигантского лука. Кажется, я даже чувствую твою руку у себя на загривке, Великая Мать. Всю мою жизнь ты вела меня самым коротким путем сюда, волокла за шиворот, как бы я ни упиралась, ни орала, ни пыталась противиться. И спасибо тебе за это бесконечное терпение.

Докурив трубочку, Рада еще разок оглядела своих спутников. Ведуны сидели, застыв каменными изваяниями. Алеор развернулся спиной к путникам, спустил ноги прямо в пропасть, сев на самый край плато, и всю пыхтел трубкой, запрокинув голову и морщась, будто кот. Улыбашка тоже попыхивала трубочкой, изо всех сил стараясь не смотреть в сторону эльфа и отсев от него как можно дальше. Рада и сама почувствовала, что смотреть на него почти физически невозможно. От падения вниз проклятого Тваугебира отделяло одно неверное движение, но ему до этого, похоже, не было ровным счетом никакого дела.

Взгляд искорки тоже остекленел, направленный прямо перед собой, радужки слегка светились серебром, и его отблески танцевали под тенью длинных ресниц на полуприкрытых веках. Обычно искорка так выглядела, когда уходила в грезы или смотрела сквозь пространство, отыскивая там для себя что-то, лишь одной ей известное. Рада решила, что лучше не тревожить ее. Может, побудет в грезах, немного успокоится, перестанет злиться, и они все-таки смогут поговорить.

Тихонько привстав, она отошла от костра, выбила последние угольки из широкой

чашечки своей трубки и спрятала ту за пазуху. А потом раскатала свое походное одеяло и завернулась в него потуже, привалившись спиной к скальному выступу сбоку от арки прохода к каверне. Время тянулось медленно, Кай мог появиться в любую минуту, а мог — через пару часов. Не имело никакого смысла сидеть и разглядывать застывшие маски на лицах ведунов или недовольную рожу Алеора. Смежив веки, она освободила свой разум от мыслей и постаралась максимально расслабиться, чтобы уснуть. Сон пришел не сразу, но вскоре он сморил Раду, даже не смотря на стылый камень под спиной и холодный ветер, что ерошил ее волосы.

Разбудили ее голоса. Рада вскинула голову, вырываясь из мутной тяжелой дремы, в которой все тело задубело от холода, и сонно огляделась.

На горы уже успели упасть сумерки, закат отгорал на краешке неба алой полосой, на небе зажглись первые серебристые глазки звезд. На краю плато горело все то же яркое ведьминское пламя, сейчас позабытое и никому не нужное. Все были на ногах, обступив Кая. Ильтонец едва держался прямо, шатаясь так, будто в любой момент мог упасть без сил. Алеор сразу же подставил ему плечо, на которое тот с благодарным вздохом оперся мощной каменной рукой. Казалось, он сейчас своим весом буквально раздавит изящного и тонкого эльфа, но Алеор без видимых усилий поддерживал его, помогая стоять прямо.

— Я никогда не видел ничего подобного, Черноглазый Каярди, — Ольд смотрел на каменорукого глазами, в которых отражалось почти что благоговение. — Я не думал, что такое возможно. Если все ведуны Срединного Этлана настолько сильны, то, возможно, Царю Небо стоит задуматься о том, чтобы обучать часть наших молодых там.

— О нет, Черноглазый, ты ошибаешься! — рассмеялся Алеор, в голосе которого прозвучала теплая гордость. — Кай — особенный, таких, как он, совсем мало.

— Это не совсем так, Алеор, — с трудом проговорил ильтонец, бросив на него короткий взгляд, но Рада видела, что ему было приятно.

— Вы сделали невозможное, Черноглазый Каярди, — поддержал Ольда Игрид. Он едва не подпрыгивал на месте от волнения.

Раде подумалось, что Игрид, возможно, гораздо моложе сумрачного и сдержанного Ольда, но определить возраст этих двух ведунов все равно затруднялась. Выглядели они оба лет на тридцать-сорок, но слишком уж вдумчивыми были их взгляды. В обоих них чувствовалась и особая уверенность, и сдержанное достоинство, которое приобреталось только по прошествии долгих лет жизни. Да и вечные каменные лица, которых не касались эмоции, лишь сейчас окрасившиеся в цвета глубочайшего удивления и благоговения, тоже говорили о многом. Возможно, вельды жили дольше обычных людей. Алеор ведь говорил, что они — прямые потомки гринальд, а гринальд относились к бессмертным расам. Правда вот, эта легкая щетина на подбородке Игрида, едва заметная, словно у только-только начавшего бриться юнца, говорила и о примеси в жилах вельдов обычной человеческой крови, ведь тела старших рас были лишены растительности.

О какой ерунде я думаю! Рада вдруг поняла, что больше не чувствует глубоких пульсирующих волн, что раньше накатывали со стороны темной арки прохода к Источнику. Теперь здесь, на этом каменном плато высоко в горах, был лишь холодный ветер, что шептался с зубастыми вершинами и гонял стародавнюю пыль по пустым ущельям. И отчего-то внутри сразу же стало так пусто, так холодно.

— Источника больше нет, — с тихой грустью в голосе проговорила искорка, глядя снизу вверх в лицо Кая. — Ты действительно сделал это. Но как?

— Я позволил ему вытечь, — ильтонец вновь покачнулся, покрепче вцепившись в плечо Алеора. Голос его звучал глухо. — Уйти туда, откуда он пришел в этот мир, запечатав отверстие, сквозь которое он просочился. Теперь здесь больше нет жилы.

— А он не может сорвать эту твою заплатку? — недоверчиво взглянула на ильтонца Улыбашка. — Может, у него какие циклы есть? По весне или по осени разливы там какие-нибудь, или что вообще происходит в этих кавернах с энергиями?

— Об этом я не могу сказать ничего, — покачал головой Кай с тяжелым вздохом. — Это было очень непросто, но я смог залатать прореху в ткани реальности, чтобы в этом месте выхода на поверхность больше не было. Только вот вряд ли он исчез совсем. Вполне возможно, что Источник пробьет себе дорогу в другом месте, ведь это, в конце концов, динамическая энергия творения. Ее не так-то легко контролировать.

— В любом случае, это уже не наши проблемы! — энергично проговорил Алеор. — Мы закончили то, ради чего пришли сюда. И я поздравляю вас всех с этим! — Глаза эльфа горели триумфом, когда он оглядел всех четверых друзей. Потом взгляд его остановился на Лиаре. — Осталось невыполненным лишь одно обещание, светозарная, твое обещание. Я жду песню, такую, чтобы все эти проклятые ничтожества кровью рыдали, грудь себе рвали когтями и выли от восторга, мечтая хотя бы о тысячной доле нашей славы. И я знаю, что только ты сможешь написать такую песню, не так ли?

— Я постараюсь, Алеор, — смущенно улыбнулась та, опуская взгляд.

— Сделай это! — кивнул эльф. — И попроси свою Великую Мать подсобить тебе, что ли. Это стоит того.

— Попрошу, — вновь кивнула искорка.

Ее взгляд переместился на Раду, и на дне ее серых морских глаз вновь была нежность, то мягкое тепло, та бескрайняя любовь, в которой хотелось греться, словно в напитанных солнцем пушисто шелестящих волнах. Рада улыбнулась в ответ, чувствуя, как заныли плечи. Как хотелось прямо сейчас схватить ее на руки и закружить под этими звездами, подбрасывая в самое небо, туда, откуда пришел неземной свет ее глаз! Они прошли Семь Преград и запечатали Черный Источник, они совершили невозможное вместе, и пьянящая, звонкая радость начала разгораться в груди, поднимаясь и поднимаясь, словно бивший из-под земли гейзер. Словно Черный Источник, что сейчас где-то пробивает себе новую дорогу на поверхность. Рада улыбнулась и подошла к искорке, чувствуя, что просто не в силах сейчас не обнять ее и не прижать к себе.

— Поистине, все вы совершили невозможное! — Игрид вдруг глубоко поклонился Алеору и его спутникам, но глаза его не отрывались от Кая. — Могу ли я просить вас, Черноглазый Каярди, посетить Черный и Белый Дома и рассказать всем ведунам Эрнальда, как вы запечатали Источник? Возможно, вы даже сможете передать нам часть рисунка, который использовали. Это был бы неоценимый дар для всего народа вельдов и кортов!

— Только отдохну немного, — слабо улыбнулся Кай. Он вновь оступился, и Алеор покрепче перехватил его удивительно изящную для столь массивной фигуры талию.

— В Эрнальде у тебя будет такая возможность, мой друг! — энергично кивнул Алеор. — И я предлагаю не тратить время попусту и как можно скорее ею воспользоваться. Да и помыться было бы очень неплохо, хотя, кажется, обоняние у меня за все это время в вашей компании окончательно атрофировалось.

— Не ври, древолюб! — оскалилась во все зубы Улыбашка. — Баранину-то ты почуял, пока мы по лестнице поднимались, так что не надо этих вот твоих вечных баек.

— Князь Алеор Ренон, вы желаете отправиться в Эрнальд прямо сейчас? — Быстрый взгляд Ольда дернулся к Каю и обратно. — Боюсь, Черноглазый Каярди сейчас слишком изможден, чтобы повторить рисунок перехода. Но мы с братом Игридом готовы перевести вас.

— Чем скорее, тем лучше, — кивнул эльф. Взглянув на тяжело прикрывшего глаза ильтона, он поспешно добавил: — Если, конечно, Кай осилит такой переход, и это не будет угрожать его здоровью.

— Не будет, — покачал головой Ольд. — Переход отнимает силы лишь у того, кто создает его и держит тоннель за Гранью. Мы несколько изменили тот способ, которым передвигаются Дети Ночи, приспособив его для ведунов, не способных касаться обоих Источников одновременно. Теперь для тех, кого ведет за собой ведун, путь абсолютно безопасен.

— В таком случае, просто скажите, что нам делать, — сказал Алеор.

Улыбашка скривилась, что-то тихо забормотала себе под нос, но Рада не расслышала, что именно. Судя по ее виду, идти за Грань гномихе хотелось меньше всего.

— Просто держитесь за руки и ни в коем случае не отпускайте друг друга, — Игрид оглядел всех собравшихся, особенно долгим взглядом одарив Улыбашку. — Мы пойдем по безопасному туннелю за Гранью, их называют Путиами. Пути блокируют большую часть ваших эмоций, поэтому сущности за Гранью не чувствуют проходящих ведунов, однако, я все равно вынужден просить вас сохранять спокойствие. Чересчур сильные вибрации они все-таки способны уловить.

— И что будет? — с опаской спросила гномиха.

— Сущности за Гранью питаются эмоциональным фоном и силами существ, населяющих мир твердых форм. Сильные вибрации эмоций могут привлечь их внимание, и тогда мы рискуем оказаться для них простой добычей, — без выражения ответил Игрид.

Улыбашка побледнела как полотно.

— Мы постараемся вообще ничему не удивляться, — поторопил ведунов Алеор, отвечая за всех. — Мы готовы, знающие. Видите нас.

Рада поежилась, не понимая, что испытывает она сама. Ей не слишком-то хотелось соваться в мир, где обитали тонкие сущности, тем более те, которые могли попытаться атаковать ее. На память сразу же пришел Жужа и то странное светящееся создание, в которое он превратился в своей истинной форме. Она. Она-то опасной для них не была. А если вдруг с нами все-таки случится что-нибудь плохое, и я позову ее на помощь, она услышит или нет? Почему-то Раде казалось, что вряд ли. Скорее всего, они с Редлогом сейчас целиком и полностью заняты теми двумя комками, что родились в самый последний день их совместного путешествия после Песни Камня Улыбашки.

Ладонь искорки мягко тронула ладонь Рады, переплетая пальцы.

— Не беспокойся, — негромко проговорила она, глядя на Раду и нежно улыбаясь ей. — С нами ничего дурного не случится. Я всегда рядом и смогу защитить тебя от Теней.

— Спасибо, искорка, — неуклюже отозвалась Рада. Даже несмотря на то, что та была ниже и гораздо меньше ее самой, внутри разлилось надежное ощущение покоя. Лиара действительно прекрасно владела энергиями, и уж кому, как не ей, были подвластны все эти странные сущности с той стороны. Расплывшись в улыбке, Рада добавила: — С тобой я в полной безопасности.

Лиара зарделась, застенчиво прижавшись к ней.

— Тогда я с вами! — громко сообщила Улыбашка, почти что прижимаясь к ноге Рады и хватаясь за ее свободную руку своими толстыми короткими пальцами. Ладони у нее были влажными от страха. — Коли уж светозарная взялась нас всех защищать, то я хочу быть поближе к ней.

— Все будет хорошо, Улыбашка, вот увидишь, — подбодрила ее искорка. По виду гномихи нельзя было сказать, что это ее слишком успокоило, но она ничего больше не сказала, плотно сжав губы.

Рада наблюдала за тем, как два ведуна отошли в сторону, а потом уставились прямо перед собой. Буквально через мгновение перед ними в воздухе появились два прямоугольника прохода выше человеческого роста: один белый, словно снег, второй черный, как ночь. По краям их шло прерывистое сияние, будто волны силы перетекали, оттого очертания проходов казались какими-то смазанными.

— Я поведу вас, князь Алеор Ренон, Черноглазый Каярди, — Игрид развернулся к друзьям. Белки его глаз сияли такой белизной, что плавающая в них радужка со зрачком казались чересчур темными, почти что незрячими. Алеор взял его за руку, и Игрид первым шагнул в переход.

В этот момент Лиара двинулась вперед, ко второму проходу из черного свечения, протягивая руку Ольду.

— Постарайтесь сохранять спокойствие, — негромко повторил тот, беря ее за руку. — И ни о чем не беспокойтесь. Совсем скоро уже мы будем в Эрнальде.

Улыбашка позади Рады издала горлом какой-то высокий звук, почти что писк, когда Ольд первым шагнул в проход, и черное марево поглотило его. Еще мгновение его рука тянулась до дымчатой поверхности прямоугольника, потом в нее провалилось и запястье Лиары. Искорка еще обернулась к Раде, чтобы ободряюще кивнуть ей, а потом вошла следом за Черноглазым в проход. Рада шумно сглотнула комок в горле, мгновенно оробев, но заставила себя идти следом. Ей казалось, будто она проваливается в заполненное до отказа густым черным дымом помещение.

Ощущение прохода было похоже на то, что она испытала в каверне с Источником. Ледяная свежесть сковала все тело, буквально пролилась сквозь нее, пропитав каждую клетку, каждый волосок тела. Рада замерла на миг в огромном пузыре холода, а потом ноги двинулись вперед, и она вступила за Грань следом за искоркой.

Глаза Рады расширились от удивления, хоть на память и пришло наставление Ольда не испытывать эмоций. Мир вокруг предстал ее глазам, будто сквозь закопченное стекло. Здесь не было солнца, лишь расплывчатая тень. Едва виднелись медленно растекающиеся, плывущие силуэты гор, точно таким же было и небо, вот только цвет у него здесь был слегка светлее, чем там, снаружи, в реальном мире. Рада и самой себе казалась какой-то мягкой, расплывчатой и текучей, как и все остальное. И при этом чувствовала себя вполне обычно.

Ладони искорки и Улыбашки в ее руках чувствовались как всегда твердыми и вещественными, только сами они выглядели иначе. Искорка превратилось в серебристое пятно, излучающее мягкий приятный свет. Рада видела очертания ее тела, привычные, и при этом словно чуть-чуть иные. Здесь она была выше своего обычного роста, ее волосы спадали на плечи мягкими волнами текучего серебра, а глаза были такими огромными, словно две луны. Все остальные детали терялись в мягком серебристом свечении, исходящем откуда-то прямо из центра ее груди. И еще от нее шло ощущение спокойной силы, уверенности, тишины. Рада моргнула, оборачиваясь назад. За ее спиной была Улыбашка, очертания тела

которой тоже были расплывчатыми. Только гномиха выглядела темным пятном с колеблющимися краями, тенью среди теней, и различить черты ее лица Рада не могла.

Потом искорка слегка потянула ее за руку за собой, и Рада сделала шаг вперед. В голове сразу же водопадом завертелись вопросы, мысли, тревоги. Они же стояли на каменном плато на огромной высоте! Получается, прямо сейчас она шагнула в бездну, или как? Но, наверное, ведуны ведь знают, что делать, и не поведут их на верную смерть. Рада открыла рот, чтобы что-то сказать, но здесь не было звука. Как не было, в сущности, у нее и рта, которым она могла бы говорить, хоть она и чувствовала себя все такой же вещественной, как и снаружи.

Рада делала шаг за шагом, осматриваясь по сторонам. То, что она поначалу приняла за грязное стекло, оказалось истинной формой этого мира. И вовсе не грязной, просто свет здесь был иным. Он шел сразу же отовсюду и ниоткуда в частности, не отбрасывая теней, но сглаживая очертания предметов. Горы скользили вокруг них, двигаясь плавно и мягко мимо, но после нескольких шагов, Рада моргнула, и горы исчезли, как и не было. Теперь вокруг расстилалась укрытая снегом степь, по краю горизонта сливаясь с небом, будто перетекая друг в друга.

Интересно, а здесь, за Гранью, есть преграды? Рада сомневалась, что да. Если бы они были, как бы ведуны вельдов смогли пробраться прямо к Черному Источнику, не пострадав, или провести через них кого-то другого? Впрочем, она сразу же одернула себя. Ольд просил их постараться не испытывать никаких эмоций, а Радины размышления тревожили ее, и это явно было лишним. Коли здесь она не могла говорить, то вряд ли смогла бы и сражаться, если на них кто нападет. К тому же, Ольд приказал им держаться за руки и ни в коем случае не разжимать хватки. Остаться одной за Гранью Раде хотелось меньше всего на свете, потому она прогнала прочь мысли и приказала себе молча шагать следом за искоркой.

Вокруг них ничего не менялось. Приглядевшись, Рада поняла, что движутся они по чему-то, странно напоминавшему тоннель с арочным потолком, если бы стекло можно было бы так плавно согнуть. Никаких стенок она, естественно, не видела, но в нескольких метрах справа и слева от нее размытость и мягкость окружающего пространства становились как будто сильнее, все почти плыло, будто глина под ладонями гончара. А то, что было ближе к ней, например, земля под ее ногами, хоть на ощупь она и не казалась похожей ни на землю, ни на снег, а на какую-то перьевую подушку, все-таки выглядело более реально и четко.

А еще теперь Рада видела какие-то странные тени, что сновали вокруг. Разноцветные стустки золотого и черного цветов, медленно плывущие в пространстве в одном им ведомом танце и ритме. Одни напоминали крохотные дамские пуховки, которыми модницы наносили себе на щеки толстые слои штукатурки, считая, что это привлечет к ним интерес противоположного пола. Другие были покрупнее, уже размером с комнатных собачонок, что так часто противно таякали из полумрака карет, едва не захлебываясь в бархате и кружевах мягких подушечек, на которых их перевозили с собой дворяне. Какая-то громадная тень, напоминающая то ли гигантскую птицу, то ли дракона, скользнула по небу над головами путников. Рада пыталась рассмотреть ее, но зрение здесь тоже было иным. Взгляд не мог сфокусироваться на этих плавающих формах, все время сползал в сторону, как когда пытаешься разглядеть прилипшую к собственной радужке пылинку. Четко она могла видеть объекты лишь краем глаза, почти что боковым зрением, но как только поворачивалась, они ускользали от нее.

От такой неустойчивости голова кружилась, и Рада опустила взгляд вниз, сосредоточившись на носках собственных сапог. В конце концов, ее не слишком-то

интересовало, что за сущности обитали здесь, тем более, что некоторые из них были опасны. Пусть с этим разбираются ведуны или те, кому это интересно. Ей хотелось только одного: поскорее выйти в привычный твердый мир, ощутить прикосновения холодного ветра к коже, твердый камень под ногами или пусть даже резкое покалывание секущей кожу метели. Что-то привычное, не пугающее, давно известное, что-то, с чем она могла справиться или ужиться. А не эту текущую дрянь.

Сколько они так шагали, Рада сказать бы не могла. Ничего вокруг не менялось, и лишь только теплая ладонь искорки в одной руке, да влажная, слегка подрагивающая ладонь Улыбашки в другой давали Раде ощущение движения. Изредка она позволяла себе краем глаза оглянуться по сторонам, но ничего не видела. Станным образом Алеора с Каем тоже нигде не было, хотя Рада собственными глазами видела, что два прохода, открытые ведунами, разделяло не больше метра пространства. И по всей логике Алеор должен был бы сейчас шагать от нее на расстоянии вытянутой руки. Только его здесь не было. То ли привычные законы ее мира ничего не означали за Гранью, то ли Игрид сделал путников невидимыми для чужих глаз, и в этом-то и заключалась вся его защита и безопасность, но Рада твердо верила в одно: совсем скоро они выйдут наружу. И этот не слишком-то приятный способ передвижения останется лишь воспоминанием, о котором можно травить байки у горящего камина с кружечкой ледяного темного пива в руках. И не более того.

А потом, будто в ответ на ее слова, прямо перед ними возник второй прямоугольник черноты, как тот, через который они заходили в это проклятое место. Сияющая звездным светом искорка потянула Раду следом за собой, и на миг ту вновь сжал в тисках всепроникающий холод. Потом ее ноги резко выступили из прохода, и она споткнулась, едва не выпустив ладонь Улыбашки, но все-таки спохватившись в последний момент.

— Дранные штаны Богона! — почти что проревела за ее спиной гномиха, выпадая из перехода лбом вперед и врезаясь Раде прямо в поясицу. — Проклятье! Чтоб еще раз!..

— Грозар! — выдохнула и сама Рада, чувствуя ни с чем не сравнимое облегчение, когда ледяной ветер впился в кожу лица, а спина взорвалась болью из-за твердого удара гномихи. Да и под ногами был самый что ни на есть настоящий камень, твердый и надежный, такой, к которому она привыкла.

— Добро пожаловать в Эрнальд, город Небесных Людей, — проговорил Ольд, оборачиваясь к ним и отпуская руку искорки.

Рада заморгала, оглядываясь по сторонам и не сразу понимая, что она видит перед собой. Они стояли на широкой каменной площадке, освещенной рядами масляных фонарей на шестах, расставленных по ее периметру. Небо над головой усыпали звезды, и на его фоне ей виднелись две громадные скалы, между которыми кто-то рассыпал полные пригоршни углей. Только через несколько секунд Рада поняла, что это огромный каньон, стены которого были изрезаны галереями и ходами, в которых светились приглушенным светом окошки жилищ.

Медленно Рада обернулась вокруг себя, обозревая невиданное зрелище. Эрнальд не походил ни на один из городов, где ей доводилось бывать в жизни. Стены каньона связывали друг с другом широкие подвесные мосты, ярко освещенные все теми же масляными фонарями. Далеко внизу слабо поблескивал снег, и она сощурилась, пытаясь понять, что там: замерзшая река или просто дно каньона, но так и не поняла. За ее спиной взлетала в небо тонкая башня, единственное строение, казавшееся привычным в этом месте. Ее остроконечная вершина поднималась выше краев каньона, и оттуда сверху лился через

окошки мягкий приглушенный свет, как и из спирали узких окон, прорезанных в ее толще.

— Вот это да! — выдохнула рядом Улыбашка, вовсю крутя головой по сторонам.

— Какая красота! — тихо проговорила Лиара.

Казалось, Ольда их слова обрадовали. Во всяком случае, он выпрямился, сложив руки в широкие рукава своего черного балахона, и кивнул путникам.

Потом в темноте блеснуло белое марево, и за спиной Рады из второго перехода выступил Игринд, ведя следом за собой Алеора с Каем. На миг эльф и ильтонец тоже замерли, рассматривая странный город, расположившийся в глубоком каньоне. Рада пожалела о том, что сейчас ночь. Несмотря на фонари, зимний сумрак все равно скрывал от ее глаз большую часть города. Она могла разглядеть лишь подсвеченные участки улиц и переходов, вырезанных в скале, ровные ряды прямых арок и резных ограждений над краем пропасти, изломанные пролеты лестниц, соединяющих между собой уровни города, выгибы мостов, зависших над пропастью без каких-либо опор и чудом не падающие под своим весом.

— Добро пожаловать в Эрналд, город Небесных Людей! — проговорил Игринд, и белый прямоугольник перехода за его спиной тоже исчез, будто и не было.

— Мы добрались сюда так быстро! — глухо заметил эльф, поворачиваясь к ведунам, но глаза его продолжали оглядывать город.

— Быстро, — кивнул Игринд. — Дорога заняла около двух часов. Но, полагаю, вы захотите перед встречей с Царем Небо освежиться и отдохнуть. Позвольте проводить вас в гостевые комнаты.

— Ванна, — блаженно протянула Улыбашка, сладко вздыхая. — Больше мне сейчас ничего не нужно, только ванна.

Рада и сама чувствовала себя так, будто вместо кожи на ней толстая корка грязи и застарелого пота. Естественно, что во время перехода через Семь Преград возможности помыться у них не было, да и путники уже достаточно привыкли друг к другу, чтобы не обращать внимания на некоторые неудобства, о которых Алеор постоянно напоминал им в язвительном тоне, но сейчас она вдруг всем собой ощутила, насколько грязна. В горячую воду хотелось нестерпимо, и Рада украдкой почесалась, пока никто на нее не смотрел.

Откуда-то из темноты выступили двое мужчин с длинными копьями в руках. Одеты они были в кожаные, наглухо застегнутые под горло куртки и такие же штаны, черные волосы до плеч полоскал ветер. На боках у обоих висели в изогнутых ножнах чуть расширяющиеся к концу ятаганы, двигались вельды со спокойной уверенностью привыкших к оружию людей.

— Добро пожаловать, Черноглазый Ольд, Белоглазый Игринд, добро пожаловать, чужеземцы! — проговорил один из них еще более вязко и невнятно, чем общались с путниками оба ведуна. Обернувшись к Ольду, он слегка склонил голову, ожидая приказаний.

— Доложи Царю Небо, что прибыл князь Алеор Ренон Тваугебир и ведуны из Этланг Срединного, которых он давно ждал, — приказал Ольд. Стражник низко склонил голову, а потом развернулся и исчез в темноте. Ольд повернулся ко второму стражнику. — Прикажи подготовить гостевые комнаты послов на второй галерее. — Вторым мужчиной исчез вслед за первым, и Ольд повернулся к путникам. — Прошу вас следовать за мной.

Рада нащарила ладонь Лиары и сжала ее, взглянув на искорку. Та любопытно крутила носом по сторонам, словно хотела увидеть сразу все, глаза у нее горели. Внутри разлилась нежность. Кажется, Рада так до сих пор и не поняла, что они справились, сделали то, ради чего столько всего прошли и перетерпели. Слишком уж быстро все происходило, слишком неожиданно было появление вельдов, не говоря уже о путешествии в Эрналд. Ничего, вот

сдерешь с себя всю грязь, наешься до отвала, выплывешь в нормальной кровати и поверишь. А внутри уже разливалась какая-то странная золотая пульсация, от которой дышалось легко и свободно. Больше не нужно было никуда бежать, сломя голову, больше не нужно было бояться за жизнь искорки и свою собственную. От одного этого впору было петь.

Двое ведунов повели их по плавному изгибу моста на противоположную сторону каньона, и Рада невольно задрала голову, разглядывая странный город вблизи. Тысячи окошек ровными рядами мигали из темной громады каньона, расчерченные прямыми линиями. Прищурившись, она поняла, что в стенах вырезаны широкие улицы, поддерживаемые изящными каменными арками, огражденные кружевными балюстрадами. В самой толще скалы скрывались внутренние жилые помещения, и не только они. Часть окошек была темной, но, приблизившись, Рада увидела над ними надписи с названиями. Ими оказались лавки торговцев, ремесленные мастерские, даже склады с теми или иными припасами.

Ольд подвел их к широкой лестнице, ведущей от моста вверх, зигзагом изгибаясь по отвесному склону каньона. Рада видела, что пролеты лестницы уходят далеко вниз, на нижние уровни города, но ведуны направились вверх по ступеням. Видимо, у меня сегодня день лестниц. Впрочем, сейчас ей было слишком любопытно, чтобы обращать внимания на саднящие ноги.

По лестнице вверх и вниз спешили обитатели города, они же разгуливали и по приглушенно освещенным улицам вдоль стен каньона. Рада с интересом рассматривала их, точно так же те глядели в ответ на нее, останавливаясь на месте от удивления и принимаясь перешептываться друг с другом. Почему-то все они были мужчинами, высокие, черноволосые, одетые в подогнанные по фигуре камзолы и свободные штаны, перевязанные широкими кушаками. Кое-кто был в свободных халатах из плотной шерсти, перетянутых на поясе все теми же кушаками. Халаты эти чем-то напомнили Раде одежды эльфов. У многих за кушаки были заткнуты искривленные кинжалы, но больше никакого оружия она не заметила. Разве что у стражников, которые все, как на подбор, носили кожаные глухие куртки и штаны.

— А где драконы? — сорвалось у нее с языка прежде, чем она успела подумать. — Алеор говорил, что вы приручили драконов-от-Тьмы.

Эльф ожег ее предостерегающим взглядом, но лицо ответившего Раде Игрида ровным счетом ничего не выражало.

— Если вы имеете в виду макто, то в зимнее время они уползают в Гнездовье и впадают в спячку. — Помолчав, он добавил: — Гнездовье расположено дальше на восток, выше по течению Хлая.

Ага, значит внизу все-таки река! Рада любопытно глянула в темную пропасть за край балюстрады. Жалко, конечно, что драконов они не увидят, но хотя бы часть рассказней проклятого Тваугебира оказалась правдой. Ее позабавило и то, что в Этлане рассказы о прирученных драконах считались байками. Если однажды попаду сюда в теплое время года, попрошу покататься, — решила она. Может, на обратном пути от Данарских гор заедем сюда с искоркой, вряд ли она будет против.

Горожане провожали немытую процессию любопытными взглядами, многие из них кланялись ведунам во главе отряда, и те отвечали короткими кивками. Друзья миновали уже три яруса города, а Рада так и не встретила еще ни одной женщины. Как, впрочем, и детей. Возможно все дело было в том, что на улице стоял лютый холод. Снега здесь не было, плиты

светлого песчаника под ногами были чисто выметены, но холод все равно кусался, острыми клыками вонзаясь в щеки. Решив больше не задавать провожатым никаких вопросов, Рада сосредоточилась на мыслях о горячей ванне. На самом деле это волновало ее гораздо больше, чем отсутствие женщин на улицах.

Ветер доносил откуда-то звуки музыки, смех, человеческие голоса. Должно быть, здесь были и развлекательные заведения, как в любом привычном ей городе. Странно было слышать здесь что-то такое обыденное, словно в Эрнальде даже простые таверны должны были бы быть какими-то особенными.

Додумать свою мысль Рада не успела. Ведуны поднялись на очередной уровень, уже на самом верху каньона, прошли немного вперед по широкой, ярко освещенной галерее и остановились возле простой двери из темного дерева. Здесь уже поджидал давешний стражник, переминаясь с ноги на ногу от холода, из его рта вырывались клубы пара. Завидев ведунов и гостей, он вновь поклонился и отступил в сторону, раскрывая перед ними дверь.

— Все готово, как вы и приказывали, Черноглазый.

— Благодарю. Возвращайся на пост, — отозвался тот, и стражник, бросив еще один любопытный взгляд на путников, быстро зашагал прочь к лестницам.

Игрид коснулся лба костяшками пальцев:

— Располагайтесь и отдыхайте. Никто не потревожит вашего покоя. Через несколько минут вам принесут горячую еду и напитки.

— Благодарю вас, — кивнул Алеор.

— Думаю, вечером Царь Небо захочет принять вас у себя. Я доложу ему о вашем приезде и принесу ответ от него, как только он прикажет, — добавил Ольд.

Алеор что-то ответил ему, но Рада уже не слушала. Слишком уж она продрогла, чтобы продолжать раскланиваться, когда в это время можно было уже греться в тепле. Потянув за собой Лиару, Рада первой ступила во внутреннее помещение и с удивлением огляделась.

Полы под ногами устилали мягкие ковры, наваленные в несколько слоев, расписанные всевозможными узорами, орнаментами, изображениями птиц и животных. По периметру большого вырубленного в скале помещения стояли шелковые ширмы светлых тонов, расписанные тонкими узорами с горными пейзажами. Большой очаг пылал жаром на другой стороне комнаты, и Раде стало интересно, куда же выходит дым, если прямо за дальней стеной начиналась сплошная порода. В восточном углу комнаты курились ароматные палочки на алтаре с изображениями незнакомого ей краснокожего бога со множеством рук, в которых были зажаты различные виды оружия, их терпкий запах наполнял помещение. Потолок был выбелен, и в его центре на цепях висела приплюснутая как блин масляная лампа, давая достаточно света. Еще несколько масляных ламп и серебряных подсвечников со свечами были расставлены на низких лакированных черных столиках по углам помещения. Напротив очага высилась гора мягких подушек, стоял приземистый стол с чайным набором в его центре. В общем комната выглядела очень уютной, хоть и совершенно не в таком ключе, к какому привыкла Рада. И здесь было тепло, гораздо теплее, чем она ожидала бы от помещения, которое начали готовить для путников какие-то четверть часа назад. Вряд ли первый посланный Ольдом стражник обогнал их на большее время.

Рада обвела глазами помещение, чувствуя себя еще более сбитой с толку, чем когда она только вышла из перехода и впервые взглянула на город Эрнальд. Ничего подобного этому она не ожидала здесь увидеть.

— Ну что ж, друзья мои, — довольно проговорил Алеор, заходя в комнату следом за

Каем и Улыбашкой и громко захлопывая за собой дверь. — Пришло время пожинать плоды нашего с вами нелегкого пути. Наслаждайтесь теми плюсами, которые дает свершение невозможного.

На этот раз Рада согласно кивнула. Все-таки было что-то хорошее в том, чтобы вызывать людское восхищение преодолением непреодолимых препятствий. Оставалось надеяться, что кормят они здесь с таким же размахом, как и устраивают ночевать.

===== Глава 23. Странности =====

По обеим сторонам комнаты с очагом обнаружили две двери, ведущие во внутренние покои. Рада с интересом обследовала новые помещения. Ими оказались две большие спальни с приземистыми кроватями, устеленными мягкими шкурами каких-то пятнистых животных. Она даже понюхала одну из шкур, пытаясь понять, что это может быть за создание, но густой мягкий мех пах благовониями от курящихся в лампадах, расставленных в стенных нишах, ароматных палочек. Из этой комнаты еще дальше вела небольшая деревянная дверь. За ней обнаружилось уютное помещение купальни с разожженным очагом и двумя большими медными ваннами. Стены помещения покрывала роспись в виде высоких болотных трав и длинноногих птиц, пробирающихся в зарослях. Пол имел небольшой крен к центру комнаты, где виднелось отверстие для слива воды. В стене за раздвижными панелями из незнакомого светлого дерева обнаружился шкаф, где на полках аккуратно лежали мягкие полотенца, куски ароматного мыла, стояли целые ряды странных флакончиков разной формы и цвета. Рада раскупорила один и понюхала, внутри оказалось ароматическое масло для кожи или волос. Здесь же висели на деревянных вешалках странные длинные халаты с перекинутыми через плечо концами широких кушаков. Ну, хотя бы переодеться во что будет, удовлетворенно подумала она. Собственная сменная одежда Рады, завернутая во вьюки, была настолько грязна, что ее даже вытаскивать оттуда не хотелось, а то, что было на ней, скоро должно было просто окончательно истлеть и сыпаться с нее вместе с грязью.

— А где вода? — Улыбашка сунула нос в обе медные лохани и нахмурила свои пушистые брови. — Проклятье! Подушек столько, что ими можно было бы Огнезадому всю пасть набить, и ни одной бхарской капельки воды!

— Думаю, сейчас нам все принесут, — отозвалась Рада, закрывая шкаф. — Ольд ведь сказал, что скоро придут слуги.

— Мало ли чего сказал этот Черноглазый, — проворчала Улыбашка, носком сапога потыкав в бок пустой ванны. Раздался глухой звук.

— Какое странное место, — проговорила искорка из соседней комнаты. Голос ее звучал приглушенно из-за толстых стен. — Что-то в нем есть смутно знакомое.

— Странное — да, — кивнула Рада, выхода из купальни к ней, в налитый запах благовоний полумрак спальни. Ее сапоги приминали мягкие ковры, и Рада, поморщившись, присела, чтобы развязать шнуровку и снять их. Жалко было этой грязищей пачкать ковры. — Но вот ничего знакомого я тут не вижу, искорка. Все настолько другое по сравнению с Латром, что я как будто в другой мир попала. — Она хмыкнула и покачала головой, раздирая слипшиеся в один комок сухой грязи шнурки. — Впрочем, так ведь оно и есть, верно?

— И да, и нет, — покачала головой искорка. Она задумчиво изучала роспись на тонкой, почти прозрачной белой бумаге, что закрывала стены спальни. На одной из картин были изображены осенние горы с клубящимся в лесистых низинах туманом. На другой — бескрайняя степь и качающиеся на ветру былки растений. Краску наносили мягкими мазками, едва указывая очертания и цвета предметов, картины состояли из какой-то пары

десятков штрихов. Рада вновь покачала головой. По сравнению с красочными объемными полотнами во дворце Мелонии, эти выглядели очень непривычно. — Посмотри, — искорка указала ей на картину с горами. — Это совершенно точно эльфийская бумага, да и живопись в их стиле. Как и эти встроенные шкафы, — она развернулась к изящно вмонтированным в стену раздвижным панелям. — Но ковры, благовония, пестрота красок, эти странные божки... — Искорка покачала головой, круглыми глазами оглядываясь по сторонам. — Вельды очень многое взяли у эльфов, а сверху прибавили еще какой-то культуры, которой я и не узнаю вовсе.

— Ну, искорка, по мне, так тут все незнакомое, — пожала плечами Рада, стаскивая сапоги.

В одном из них зияла прореха, в которую в последние дни подглядывал ее большой палец, и не видно его было только из-за толстого слоя грязи, наросшего на обуви. Рада постаралась отодвинуть сапоги подальше к стене, так, чтобы они не бросались в глаза. Может, гостеприимство местного Царя пойдет и дальше кормежки да кроватей? Мне бы не помешали новые сапоги. Словно в ответ на ее мысли в кармане уныло брякнуло. Там завалилось всего несколько золотых монет, и Рада не знала, в ходу ли здесь деньги иных государств и каковы цены зимой, когда все, обычно, стоило дороже. Может, и хватит справить какие-нибудь плохонькие сапожки, а может, и нет. Судя по всему, денежные запасы Алеора тоже постепенно иссякали, а Рада и так подумывала о том, чтобы попросить у него займы небольшую сумму на путешествие в Данарские горы. Еще неизвестно, как их примут у анай, и будет ли у них возможность там жить за счет принимающей стороны.

— Зато кровати низкие, — довольно прогудела гномиха за спиной Рады. Нагнувшись, она щупала матрас, нажимая на него обеими ладонями, и, судя по негромкому хмыканью, осталась довольна осмотром. — На такую и залезать удобно, не то, что на эти ваши постаменты, которые мне до сих пор попадались. Надеюсь, под моим весом она не проломится.

В соседней комнате хлопнула входная дверь, послышались голоса. Рада переглянулась с искоркой и вышла в помещение с очагом, уставленное шелковыми ширмами. Там сейчас находился один Алеор. Он уже успел раздеться до простой черной рубахи и штанов и покурил трубочку, посматривая на вошедших.

Высокий вельд в зелено-черном халате, подпоясанном темно-коричневым кушаком, концы которого волочились по полу, негромко приказывал на незнакомом языке четверым носильщикам, суетившимся у входа в помещение. Рада с любопытством посмотрела на них. Все четверо были низкорослыми, кривоногими, с дубленой смуглой кожей, иссеченной морщинами в углах раскосых черных глаз. Волосы их были собраны в тугие черные хвосты на затылке, а одеты они были в шаровары, присобранные на лодыжках, и толстые войлочные халаты. На ногах у них были странные мягкие туфли со вздернутыми носками. На вельда они посматривали с почтением, то и дело кланяясь, на Алеора бросали короткие взгляды, стараясь не смотреть в глаза. Двое мужчин тащили ведра с кипятком, дымящиеся паром. Двое других внесли подносы, накрытые салфетками, от которых шел сильный аромат еды.

Вельд приказал что-то носильщикам на гортанном языке, которого Рада не знала, потом повернулся к Алеору и почтительно склонил голову:

— Прошу прощения, милорд, корты отказываются говорить на всеобщем языке даже после того, как стали частью нашего народа. Они поймут все, что вы им прикажете, но вряд ли ответят вам. Не сочтите это за оскорбление, направленное против вас. Их представления

об окружающем мире архаичны и полны суеверий, и пока еще прошло недостаточно времени, чтобы они смогли преодолеть многие из своих предубеждений.

— Все в порядке, Ритр, — кивнул в ответ Алеор. — Мы здесь гости и будем соблюдать те обычаи, которые приняты у вас. — Взгляд его обратился к Раде, и он кивнул ей головой. — В качестве жеста доброй воли, чтобы вы потом не шипели в очередной раз, насколько я бессердечен, горячую воду я уступлю вам. Мойтесь. Мы с Каем, так и быть, подождем своей очереди.

— Милорд, в этом нет необходимости, — Ритр вновь слегка склонил голову. Достаточно, чтобы счесть это поклоном, но не настолько низко, как следовало бы кланяться перед правителем государства. А эти вельды прекрасно знают себе цену, — подумалось Раде. — В вашей спальне тоже имеется купальня, и мои люди натаскают воды в течение нескольких минут.

— Сначала — дамам, — Алеор скорчил галантный поклон, махнув трубкой. — Они у нас особенно в этом нуждаются. Правда, Улыбашка?

Гномиха не ответила, сложив на груди мощные руки и надувшись, будто туча.

Ритр оглядел всех трех женщин, вышедших в зал с очагом. На миг его губы слегка поджались, и по лицу промелькнуло что-то, что Рада назвала бы неприязнью. Но вельд быстро справился с собой и поклонился и им.

— Миледи, мое имя Ритр, я управляющий гостевыми домами Эрнальда. Царь Небс Тьярд желает вам приятного отдыха и передает свое глубокое почтение. Если вам что-то требуется, прошу вас обращаться ко мне.

Гадая, чем вызвана промелькнувшая на его лице неприязнь, Рада отшагнула в сторону, чтобы двое носильщиков могли пронести в ее покои ведра с кипятком. Оба были ниже ее больше чем на голову, поглядывали на нее краешками глаза снизу вверх и непрерывно кланялись, так подобострастно, словно в любой момент она могла начать их бить за непослушание. Рада нахмурилась, чувствуя себя не в своей тарелке. Что-то явно не так было с этим городом, но она все никак не могла понять, что.

— Нам бы одежонку какую переодеться, — воспользовавшись предложением Ритра, сразу же заявила Улыбашка, поморщившись от вида замызганных рукавов собственной дубленки. — А ту, что на нас, хорошо бы постирать и почистить. И я бы не отказалась от хорошего крепкого табачка, потому что мой совсем отсырел в этой проклятой грязище.

— Как будет угодно, миледи, — кивок, которым удостоил их Ритр, был даже еще меньше, чем тот, что предназначался Алеору. — Корты заберут все, что необходимо почистить и починить. В ваших шкафах есть халаты, в которые вы можете облачиться, пока мы не приведем в порядок вашу одежду. Если вам будет угодно, я могу приказать портным изготовить еще несколько комплектов одежды по меркам той, что есть у вас.

Лицо Улыбашки задумчиво вытянулось, в глазах разгорался алчный огонек. Пока она не наказывала Ритру столько, что им придется месяцами ждать отъезда из Эрнальда, Рада быстро выпалила:

— Сапоги, если можно.

— Как вам будет угодно, — вновь поклонился вельд.

Улыбашка действительно не стала ни в чем себя ограничивать, и к концу ее перечислений лицо Ритра уже было маской плохо сдерживаемого раздражения. Проворные кривоногие носильщики быстро шмыгали мимо друзей, таская одно ведро воды за другим. Рада и опомниться не успела, как они закончили с их купальней и начали исчезать за

дверьми мужской половины. Ритр же, поклонившись едва заметно, удалился, сославшись на дела.

Корты, поглядывая на друзей и беспрестанно кланяясь, расставили на низком столике в центре помещения содержимое подносов, извлеченное из-под накрывающих его салфеток. Рада с любопытством подошла к столу, обозревая кушанья, большая часть которых ей была совершенно незнакома. Узнала она разве что толстые ломти баранины, запеченные с какими-то ароматными травами, да лепешки из незнакомой крупы. Здесь были какие-то странные, пахнущие сладко и кисло, мелко порубленные овощи в прозрачном соусе, соления, судя по всему, хотя из какого материала они сделаны, и почему они красные, Рада не поняла. Лежали горками странные крупные штуки, похожие на каштаны, но когда она разломилась игольчатую кожуру, внутри обнаружился мягкий белый плод с запахом земляники. Тонкими ломтями была нарезана какая-то рыба, рядом виднелись копчености. В пузатой чашке расположились куски вроде бы выпечки, слоистое тесто перемежалось орешками и пахло медом.

Улыбашка поковыряла пальцем какие-то крупные черные градины в маленькой белой чашечке, а потом взглянула на суетящегося рядом корта:

— Это что? — тот только согнулся перед ней в поклоне, ни слова не говоря, и гномиха поморщилась. — Эти подсолнечники еще хуже наших. Одна бхара поймет, что у них на уме. — Она вновь заглянула в мисочку, покатав пальцем черный кругляш, и выразительно посмотрела на корта. — Если это маринованный козлячий помет, я тебя найду. Клянусь тебе.

Корт вновь согнулся в молчаливом поклоне.

Еда пахла призывно и была горячей, но гораздо больше сейчас Раду интересовала купальня. Она все-таки не удержалась и зачихнула в рот пару кусков душистой баранины, оказавшихся острыми и пряными одновременно. Еда была вполне съедобной, просто приправлена иначе. Но сейчас это было не самым первостепенным.

— Я мыться, — сообщила она с набитым ртом друзьям. — А потом уже буду отдыхать.

— Я с тобой, — кивнула искорка.

Улыбашка окинула их обеих косым взглядом и проворчала:

— Я после вас пойду. А то, боюсь, ваши искры подпалят мне что-нибудь.

— Ну нет, Улыбашка! — картинно простонал Алеор. — Я знаю, ты нарочно это сделала только затем, чтобы помучить меня еще немного дольше! Иди с ними! Если ты хорошенько помоешься, то ничего у тебя не загорится. Наоборот, гораздо опаснее тебе сейчас оставаться здесь, ведь вокруг свечи...

— Ой, да заткнись ты уже, древолюб! — заворчала в ответ гномиха. — Сам грязный как свинья, а еще мне что-то говорит!..

Остальную часть перебранки отрезала закрывшаяся за ними с искоркой дверь.

Рада несмело улыбнулась искорке, чувствуя себя донельзя смущенно. Какой-то частью своего сознания она отдавала себе отчет в том, что они не мылись со времен Рамаэля, и это явно не располагало к каким-либо романтическим чувствам. Однако та же самая часть настойчиво шептала, что после того, как они наконец-то открыли друг другу свои сердца, обнаженными в бане они тоже еще ни разу не оставались. Да еще и это падение в Источник с возможностью зачинать детей... Боги, да утомонись уже ты! Больше всего ты сейчас похожа на ходячий комок грязи, и думать тебе нужно о том, как эту грязь с себя содрать. Обо всем остальном можно будет волноваться позже. Но она все равно ощущала себя так, словно

ее растянули между столбами, накрепко привязав за руки и за ноги.

Они зашли в купальню и прикрыли за собой дверь. Дрожа от напряжения и проклиная себя за это, Рада принялась раздеваться, отвернувшись от искорки спиной и бегло оглядывая помещение. Две медные ванны теперь курились паром, вдоль стен выстроился ряд больших ведер, полных горячей воды.

— Такой странный город, правда? — вдруг проговорила искорка. Голос ее звучал как-то неестественно, фальшиво высоко. — И пища у них необычная. И пахнет все так вкусно.

Наверное, она тоже нервничает из-за того, что сейчас происходит, — подумалось Раде, и от этого на душе стало как-то легче. Хоть не одна она мучается. Прошлепав к шкафу в почти что присохшем к телу намертво нижнем белье, Рада достала оттуда два куска мыла и две жесткие мочалки из какого-то странного материала, то ли чьей-то шерсти, то ли усов, так она и не поняла.

— Да уж, странное местечко, — неловко пробурчала Рада, возвращаясь к искорке и не глядя на нее протягивая ей мыло с мочалкой. Лиара быстро забрала все из рук Рады и шмыгнула в ванну, охнув от прикосновения к коже горячей воды. — Я, правда, пока еще не совсем поняла, что мы сюда-таки добрались, — призналась Рада, отворачиваясь и сдирая с себя последние остатки одежды. На ее взгляд, стирать эти лохмотья уже смысла не имело. Только жечь. — Все будто в тумане.

— Это точно, — раздался со стороны напряженный голос искорки.

Стараясь смотреть только себе под ноги, Рада доковыляла до своей ванной и быстро влезла в горячую воду, шипя с непривычки. Проклятые корты налили им буквально кипятка, он лишь немного поостыл, пока они несли его по холодной улице. Тело обожгло так, что у Рады глаза из орбит полезли, но она заставила себя сдержать возглас и с головой ушла под воду.

Это было ужасно, потому что больно, и так хорошо, что от блаженства стонать хотелось. Казалось, что мороз уже буквально вьелся в каждую ее косточку, заставив ее навсегда позабыть о том, что такое тепло. Сейчас же горячая вода яростно вцепилась в нарощую на коже корку, и Рада от всей души пожелала ей успеха в ее нелегком труде.

Потом они мылись, яростно скребя себя мочалками и счищая все, чторосло почти что за полтора месяца пути. Вода в ванной стала черной, наверху плавала грязноватая пена, но Рада только остервенело терла и терла себя до тех пор, пока кожа не засадила от боли. По сторонам она приказала себе не смотреть ни в коем случае, но присутствие искорки рядом, и то и дело срывающиеся с ее губ блаженные вздохи от горячей воды, заставили щеки Рады пылать почище огня в очаге. Руки дрожали, сердце колотилось так, что едва из глотки не выпрыгивало, и каждой своей клеточкой Рада ощущала ее в каких-то метрах от себя. Обнаженную, распаренную, чистую, покрытую капельками воды, с отяжелевшей бронзой кудрей, со слипшимися от воды ресницами и алыми губами, которые... Заткнись!

Внизу, в днище ванны, отыскалась маленькая затычка, которую Рада выдернула, вылезая из грязной воды. Мыльная вода сразу же устремилась в отверстие в полу, а Рада, не глядя по сторонам, протопала к стене и подхватила ведра с горячей чистой водой. Подтащив два ведра к своей ванне и подцепив ковшик, чтобы поливаться, она присела на край лохани, дожидаясь, пока вода стечет.

В помещении повисла звенящая тишина. Напряжение было таким, что Улыбашка действительно запросто могла бы вспыхнуть, окажись она здесь. Золотая пульсация в груди стала мерной и частой, а снизу тела поднимались горячие волны, своей сладостью сжимая

все нутро. Прикусив губу, Рада смотрела только в пол, но ей казалось, что она почти чувствует тело искорки. Ведь воздух, что разделял их, их же и связывал, донося запах чистой кожи, горячей воды, травяного масла. И ее волос, пахнущих летом.

В конце концов, грязная вода полностью вытекла из лохани. Рада ополоснула стенки ковшиком от пены, заткнула пробку и вновь влезла внутрь, принявшись во второй раз промывать волосы и еще раз отскабливать все тело. Сейчас ей казалось, что цвет кожи у нее изменился, став как минимум тона на три светлее. Да оно и немудрено было.

Выплеснув на себя еще два ведра кипятка и убедившись, что теперь-то она, наконец, отмылась, Рада удовлетворенно вздохнула и пошлепала босиком к шкафу. Она умудрилась пару раз споткнуться на этом коротком переходе, ощущая на себе взгляд серых глаз Лиары. Ей даже оборачиваться не нужно было, чтобы быть уверенной: искорка смотрит на нее. Проклятье, так нечестно! Я ведь не смотрела! Ну, разве что, одним глазком.

Только когда полотенце собрало на себя всю оставшуюся на ней воду, а белый халат лег на плечи, Рада почувствовала себя хоть чуточку увереннее. Во всяком случае, теперь из-под полы халата торчали лишь ее голые лодыжки, да запястья, а ткань на плечах почти что кольчугой укрыла тело. Правда, в груди кольнула странная горечь при мысли о том, что искорка больше не смотрит на нее, и Рада выругала себя и за это тоже.

Халат был неудобным. Широкие рукава, безразмерные плечи, одна пола гораздо длиннее другой. Как в него замотаться, чтобы он не ерзал на ней, Рада разобралась далеко не сразу. К тому времени, как она справилась-таки с широким кушаком, кое-как укрепив его на боку, искорка тоже закончила купание.

— Рада, — ее тихий голос заставил Раду подскочить на месте и едва не врезаться лбом в створку шкафа. Приказав себе успокоиться, она постаралась ответить как можно спокойнее и непринужденнее, но голос все равно сорвался на противный фальцет:

— Да?

— Принеси мне полотенце, пожалуйста.

Бхара! Бхара! Бхара! Все ее нутро сжалось в один напряженный узел, то ли от страха, то ли от желания, то ли от чего-то еще, чего Рада уж точно не смогла распознать. Возьми себя в руки, проклятая кретинка! И помни о том, что ты не знаешь, как размножаются анай! Ты не знаешь, как это происходит, отчего, почему... Бхара!

— Сейчас, искорка, — Рада не узнала свой собственный голос, моментально предательски охрипший.

Схватив первое попавшееся полотенце с полки, она глубоко вздохнула, приказывая себе сохранять спокойствие. Да, искорка прямо сейчас у нее за спиной в чем мать родила. Ну и что? В конце-то концов, не такое уж это и непривычное дело. Рада не раз мылась в банях с другими людьми, да и с искоркой как-то парилась. Ничего страшного, нужно просто держать себя в руках.

Она обернулась и едва не испустила вскрик. Лиара стояла рядом с ней, всего в шаге за ее спиной, обнаженная и такая красивая, глядя на нее снизу вверх своими неземными глазами. Рада потеряла дар речи, вообще позабыв, каково это — дышать. Ее тяжелые кудри действительно рассыпались по плечам бронзой, потемневшей от времени, и мягкие завитки прилипли к розовой распаренной коже. Капельки воды медленно стекали по ее стройной шее на тонкие ключицы, потом неторопливо продолжали свой путь вниз по мягкой груди, по плоскому животу с аккуратной ямочкой пупка, еще ниже... Рада громко сглотнула, понимая, что сейчас сгорит. Просто вспыхнет, как факел, и сгорит прямо на месте, а вместе с ней

дотла выгорит весь этот проклятый город.

Глаза Лиары были черными, как полночь, вобравшая в зрачок тишину древних дубрав. Словно в замедленном времени Рада видела, как мягко плывут ее длинные густые ресницы, такие черные, чуть выющиеся на кончиках, открывая два колодца с водоворотами звезд, два провала глубже Черного Источника. Она была так красива, что хотелось кричать, она была так желанна, что Раду парализовало.

— Можно мне полотенце? — в ее голосе перекатывалось почти кошачье мурчание.

Ни слова не говоря, Рада подняла руку, не в силах оторвать глаза от ее губ. Они улыбались, чуть-чуть приоткрыв ее взгляду ровные белые зубы, маленькие острые клычки. Эти губы манили, звали, эти губы...

— Проклятье, долго вы там будете еще торчать? — приглушенный голос Улыбашки заставил их обеих подпрыгнуть от неожиданности, и громкий удар кулака гномихи сотряс доски двери. — Давайте быстрее уже! Мне бы все-таки хотелось спать в ароматах благовоний, не зря же они здесь их разожгли!

— Идем! — хрипло каркнула Рада вмиг пересохшим горлом.

Бросив на нее полный сожаления взгляд, Лиара мигом завернулась в полотенце и принялась его краем промокать кудряшки. Вид у нее был недовольным. Вспомнив, как люди дышат, Рада сделала несколько вдохов и выдохов, чтобы уж точно убедиться, что она правильно все помнит, а потом с отвращением сгребла в кучу собственную грязную одежду на полу. Ощущение чистой кожи было таким неопишимо приятным, что даже руки об это тряпье марать не хотелось. Хорошо еще, что она предварительно вытащила все нужное из карманов, и теперь, коли кортам не захочется возиться со стиркой, они смогут запросто все это сжечь.

Лиара быстро вытерлась и накинула на плечи халат. Удивительно, но с завязками она провозилась гораздо меньше, чем Рада. Потом они вдвоем вышли из купальни, наткнувшись на хмурую Улыбашку, яростно притоптывающую ногой возле двери.

— Вы мне хоть воды оставили? — окинув их обеих недовольным взглядом, поинтересовалась гномиха, а потом, не дождавсь ответа, махнула рукой: — Да и бхара с вами, длинноногие! Домоюсь тем, что есть.

Раде на мгновение стало стыдно. О чем, о чем, а о воде она-то и позабыла за всеми этими переживаниями из-за близости обнаженной искорки.

— Я пошлю кого-нибудь за кипятком, а потом принесу тебе! — крикнула она погромче через дверь. Оттуда в ответ донеслось нечленораздельное ворчание.

Они с Лиарой остались в комнате вдвоем, и Рада вновь вспыхнула, вспомнив ее соблазнительное тело и капельки воды, сбегаящие по напряженной груди. Искорка смотрела странно, не так, как обычно, и глаза ее были так темны, что Рада ничего не могла в них прочесть. Сейчас она чувствовала себя беспомощной девчонкой, еще беспомощнее, чем когда она только-только поняла, что без ума влюбилась в свою маленькую искорку.

— Пойдем ужинать? — негромко предложила она, не зная, что еще сказать.

— Пойдем, — кивнула искорка, улыбнувшись ей. Раде почему-то подумалось, что Лиаре смешно, но, наверное, просто показалось.

Когда они вернулись в помещение с очагом, Алеор уже удобно расположился на подушках, далеко вытянув ноги и потягивая из простой чашки без ручки какой-то темный напиток. Запахи еды и табака мешались с ароматом благовоний, в помещении было тепло и уютно. Темные волосы эльфа влажной волной лежали на плечах, ярко контрастируя с

белоснежным халатом, сидевшим на нем так хорошо, словно эльф всю свою жизнь носил только такую одежду. Поглядев на женщин, он улыбнулся в кубок.

— Все уже остыло, но вкус от этого не слишком-то испортился. Рада, рекомендую тебе вино в серебряном кувшине. Настоящее эльфийское, хоть и не самый лучший сорт, которые они оставляют для себя, но уж точно получше того пойла, что можно отыскать в человеческих городах.

— А где Кай? — Лиара аккуратно присела на пол, подогнув под себя ноги.

— Ему оказались малы все их халаты, — отозвался эльф. — Я послал служку за большим размером и водой для Улыбашки. Вряд ли вы для нее оставили хотя бы пару капель, да и на то, чтобы ее отмыть, понадобится целая прорва кипятка.

Рада, неуклюже скрестив ноги, уселась на толстый слой ковров перед приземистым столом. Хорошо хоть, что за последние недели странствия она уже привыкла есть, сидя на земле, и это, пожалуй, было единственным знакомым для нее здесь. Неуверенно она потянулась к тарелке с бараниной, разглядывая остальные кушанья. Впрочем, после той каши и солонины, которой они давились без перерыва, что бы там ни наварили корты, оно все равно было вкуснее и питательнее. Решительно положив себе в тарелку несколько ломтей мяса и понемногу из каждого салатника, Рада принялась жевать.

От вкуса острых пряностей она едва не задохнулась, но пища была удивительно вкусной. Наравне со знакомыми перцами, картошкой, капустой и другими овощами на зубах скрипели и совсем необычные продукты. Оставалось только гадать, как они называются, а Алеор напротив нее только сидел, да посмеивался. Вид у него был как у довольного кота, даже глаза он жмурил очень похоже.

— Алеор, а почему здесь совсем нет женщин? — прошамкала Рада, запивая острую еду из белоснежной фарфоровой чашки без ручки тем самым вином, о котором он говорил. Вкус у него, и правда, был отменный: чуть терпкий, с хмельными дубовыми нотками. — Я ни одну на улице не видела, как и детей.

— До недавнего времени вельды были народом однополым, — ответил Алеор, неторопливо набивая чашечку трубки табаком, который в серебряной табакерке преподнесли корты. — В городе обитали лишь мужчины. После войны многое изменилось.

— А как же они размножались? — заморгала Рада. — Тоже с помощью Источника, как анай?

— Рада, это физически невозможно, знаешь ли, — покосился на нее Алеор. — Нет. С кортами у вельдов был заключен союз: те предоставляют мужчинам своих лучших дочерей для временного союза с целью рождения детей. В случае рождения мальчиков, их забирают отцы, девочек получают матери, причем эти девочки пользовались огромным почетом и уважением среди народа кортов, как несущие в себе кровь Небесных Людей. — Поймав скептический взгляд Рады, Алеор добавил: — Поверь, им жилось лучше, чем тебе за пазухой Ленара. Наверное, даже лучше, чем самим вельдам здесь.

— А как дело обстоит сейчас? — уточнила она.

— Насколько я понял из того, что мне об этом говорил Илион, после окончания войны Царь Небо провел что-то вроде реформы, уравнивая в правах потомков вельдов и кортов обоих полов. Теперь матери имеют право выбрать, кого из детей будут воспитывать, даже если это будет мальчик. Так и наездники кортов могут забрать на воспитание дочь, если хотят. Я спрашивал Ритра, он говорит, в городе сейчас уже живут три маленьких девочки и несколько женщин, но пока еще это дико для него. Так что не удивляйся, если он будет

смотреть на тебя огромными глазами. Они не привыкли к присутствию женщин в Эрнальде.

— Вот оно как, — удивленно протянула Рада.

Как странно схоже сложилась судьба потомков гринальд, воюющих друг с другом насмерть последние две тысячи лет! Анай ведь тоже были однополой расой, а теперь, выходит, и вельды считали вельдами лишь детей мужского пола. Какой же сильной должна была быть ненависть друг к другу, чтобы жить так две тысячи лет. И теперь мир между кортами и анай казался Раде еще более необыкновенным событием, из ряда вон выходящим. Она на минутку попыталась представить себе что-либо подобное в Этлане. Например, лонтронцев, которые вдруг насмерть задружились с Первопришедшими Речного Дома, и только покачала головой. Кажется, даже угроза со стороны Сета не смогла бы привести эти народы к единству.

— погоди, ты еще увидишь их Царя! — хмыкнул Алеор. — Вот он-то по-настоящему тебя удивит.

— А что с ним? — любопытно спросила искорка.

— Увидишь, светозарная, — усмехнулся в вино эльф.

Прошло еще несколько часов праздного безделья и отдыха, пока, наконец, в дверь не постучали. К этому времени уже все друзья успели вымыться и облачиться в белые халаты. Правда, для Кая кортам пришлось спешно обрезать одному из халатов рукава, и теперь тот сидел в белой безрукавке, а на нефритовых перекатах плеч отражались языки пламени в очаге. Вид у ильтонца был усталым, он с трудом моргал, то и дело клевал носом и почти не притронулся к еде, но при этом упрямо отказывался идти спать.

Дверь отворилась, впустив внутрь облачко холода, и Рада поежилась под тонкой тканью халата от скользнувшего по полу сквозняка. Но сразу же забыла об этом, едва рот не открыв от удивления, когда с улицы в приглушенный свет свечей и масляных ламп шагнул высокий черноволосый вельд, за спиной которого покоились гигантские сложенные крылья. Двое стражников за его спиной с поклоном прикрыли толстую входную дверь.

Сначала Рада даже не поверила собственным глазам, очумело моргая и все пытаясь понять, не мерещилось ли ей все это от выпитого вина и усталости. Мужчина был высок, пожалуй, на полголовы выше нее. У него были черные волосы, перевитые в косицы на висках и собранные на затылке, чтобы не лезли в лицо, яркие изумрудно-зеленые глаза, цвета болотного мха в середине лета, приятное лицо с правильными, мужественными чертами. Одет он был в черные шаровары, собранные в высокие кожаные сапоги, белый стеганный халат, подпоясанный алым кушаком, концы которого волочились за ним по полу. И выглядел бы совершенно обычно, как красивый молодой человек, отличающийся от всех остальных вельдов разве что чуть более правильными чертами лица, да хорошей осанкой. Вот только прямо за его плечами виднелись два огромных крыла, как у самого настоящего орла, с длинными маховыми перьями, коричневыми с черным окоёмом. Рада поняла, что глаз от них отвести не может и застыла с недонесенным до рта чубуком трубки.

Остальные друзья смотрели на вошедшего также, даже Алеор. Правда, он первым справился с изумлением и поднялся на ноги, склонив перед вельдом голову:

— Приветствую вас, Царь Небо Тьярд. Я не ожидал, что вы сами почтите нас своим присутствием.

— Вы проделали долгий и тяжелый путь, который был не по плечу никому из смертных, князь Алеор Ренон, — улыбнулся в ответ вельд, протягивая эльфу широкую ладонь, которую тот пожал. Голос у него был глубокий и приятный. — Разве стал бы я после этого еще и

заставлять вас дрожать на ветру только для того, чтобы поздороваться со мной? Мои покои недалеко, и дойти мне было не так уж и сложно.

Эльф через плечо покосился на Раду и подмигнул ей. Так вот, что он имел в виду, говоря, что Царь удивит ее. Она и не думала, что настолько. Поспешно поднявшись вместе с остальными друзьями, Рада пожала протянутую руку Тьярда, подивившись вновь: мозолям на его широкой твердой ладони, какие бы гораздо больше подошли воину, а не Царю. Взгляд его зеленых глаз был прямым и спокойным, и что-то такое было в его лице, что заставило ее склонить перед ним голову. Эти глаза горели внутренней силой, пронзительной, но при этом спокойной, как дыхание океана в штиль, так не вязавшейся с его лицом совсем еще молодого человека. Навскидку Рада дала бы ему лет двадцать пять, ну точно не больше тридцати, но держался при этом Тьярд так, словно был как минимум раза в два старше.

Он пожал ей руку и потянулся поздороваться с Улыбашкой, а Рада все, сощурившись, смотрела ему в лицо. И еще что-то было в его глазах, что-то очень знакомое ей. Невидимые золотые искры, росчерки солнечных снежинок, кружащихся где-то глубоко-глубоко внутри его зрачков. Примерно то же самое иногда виделось под ресницами Лиары. Именно они впервые призвали в мир Великую Мать. Наверное, и на нем это оставило свой отпечаток.

Поздоровавшись со всеми, Тьярд присел вместе с ними к столу, небрежно отодвинув в сторону мягкие подушки. Его глаза спокойно осматривали пятерых друзей, оценивая и взвешивая каждого. Чуть более долгого взгляды удостоились каменные руки Кая и маленькая круглая Улыбашка, сейчас розовая после бани, словно довольный поросенок. Покачивая головой, Тьярд вдруг рассмеялся, переводя взгляд с одного на другого:

— Признаться, не таких героев, покорителей Семи Рубежей, я намеревался встретить! Мне казалось, что все вы должны выглядеть, как отборные вояки. К тому же, с вами целых три женщины. Не обижайтесь! — он примирительно вскинул ладони, заметив, как недовольно напряглись плечи Улыбашки. — Я слышал, что за Эрванским кряжем лишь мужчины сражаются в войнах, и ни одна раса, кроме анай, не позволяет своим женщинам проливать кровь на полях сражений. Но я очень мало знаю о Срединном Этлане и то лишь со слов тех, кто мне о нем рассказывал. Я бы не хотел показаться невежливым или чем-то задеть вас.

— Мы знаем о вашем мире также мало, Царь Небо, — вдруг проговорила искорка, без тени страха глядя ему в лицо. Рада удивленно моргнула, обычно искорка держалась тише остальных спутников и в разговорах не слишком-то любила участвовать, тем более, с чужими людьми. Тьярд взглянул на нее, прищурившись, и словно что-то отыскивая в ее лице. На миг его брови удивленно взлетели. Наверное, он тоже почувствовал в нас эту золотую искру. Он должен ее разглядеть, как же иначе? — Так что мне кажется, можно не беспокоиться, что мы можем чем-то друг друга обидеть, так ведь? — Лиара улыбнулась ему, не отводя глаз.

— Так, Светозарная Лиара, — задумчиво кивнул Царь. Он подхватил это имя с уст Улыбашки, и, кажется, оно пришлось ему по душе.

— Некоторые женщины Этлана Срединного сражаются, — проговорила Рада, отвечая на его вопрос, и Тьярд с интересом взглянул на нее. — Во всяком случае, не во всех странах женщинам запрещено вступать в армию. И я, и Улыбашка — наемницы, поэтому и носим оружие. Лиара же... — Рада вдруг поняла, что не знает, как продолжить. Как можно было объяснить, кем была для них Лиара? Взглянув ей в глаза, Рада улыбнулась, и слова пришли сами: — Лиара несет в своих ладонях свет, который не раз спасал всех нас.

— Я понимаю, — медленно проговорил Тьярд, внимательно разглядывая искорку. Потом, будто на что-то решившись, он вдруг спросил: — Вы — Первопришедшая? Я знал одну женщину, от которой шло такое же ощущение, как и от вас. И она была из Первопришедших эльфов.

— Да, Царь, — кивнула искорка, в глазах ее мелькнуло любопытство. — Эта женщина была из Заповедного Леса? Из эльфов Аманатара?

— По крови да, но родилась она среди анай, — отозвался Царь. Улыбка на его губах была рассеяно теплой.

— Как такое может быть? — непонимающе нахмурился Алеор. — Кровь Первопришедших не может быть передана ребенку, чьим вторым родителям был не Первопришедший. Это невозможно.

— Ровно так же невозможно, как и пересечь Семь Рубежей, — лукаво улыбнулся Тьярд, и на этот раз лицо Алеора действительно вытянулось от удивления. — Мне в жизни посчастливилось понять, что невозможное существует ровно до тех пор, пока кто-нибудь не сделает это. И с тех пор, как я это понял, судьба стала гораздо более благосклонной ко мне, Иртан тому свидетель. — Рада вновь взглянула на его странные крылья. Маховые перья аккуратно лежали на пушистом ковре, чуть примявшись по краям. Да уж, учитывая крылья за твоей спиной, Царь, не нам тебе рассказывать о невозможном. Тьярд оглядел их всех и положил ладони на колени. — Больше всего на свете мне сейчас хотелось бы послушать историю о том, как вы прошли Рубежи. Все, что я когда-либо слышал о той земле, могло бы любого отратить от похода туда. Но я вижу, что вы устали, и пришел сюда лишь затем, чтобы поприветствовать вас. Так что отдохайте, набирайтесь сил и приходите в себя. Завтра я желал бы разделить с вами трапезу и послушать историю во всех подробностях, если вы будете в силах поведать мне ее.

— Конечно, Царь, — склонил голову Алеор. Брови его сошлись к переносице, как будто он старательно что-то обдумывал.

— Да укроет вас в своей длани Иртан! — попрощался царь, когда они все поднялись на ноги, провожая его.

Стоило только двери закрыться за его спиной, как Улыбашка выпалила:

— Откуда у него крылья, Алеор?! Ты же говорил, что он вельд! А крылья-то совсем Орлиные!

— Вот завтра и спросишь у него об этом, Улыбашка, — рассеяно отозвался эльф. Он выглядел задумчивым и отстраненным. — Думаю, об этом он расскажет лучше меня. А я, пожалуй, последую его совету и пойду отдыхать.

Рада вдруг тоже зевнула до хруста в челюсти, как-то моментально осознав, насколько она вымотана. День был долгим, богатым на события, не говоря уже обо всех предыдущих днях. После горячей еды, вина и такой долгожданной ванны тело окончательно расслабилось, настоятельно требуя принять горизонтальное положение. Ей было до безумия интересно, что же там такое с этим Царем, но Алеор уже удалился в свои покои, а остальные друзья только удивленно переглядывались, явно такие же заинтригованные, как и сама Рада.

Одеяло из шкуры пятнистого зверя вышло отменное, и Рада едва не застонала от наслаждения, когда улеглась на чистые, хрустящие простыни, а под головой оказалась мягкая подушка. Лиара юркнула к ней под одеяло, устроившись рядом на узенькой кровати, будто кот, которому всегда хватало места. От ее сладкого запаха и ощущения полуобнаженного тела рядом, прикрытого лишь тонким халатом, внутри вновь поднялось

горячее желание, но Рада была уже слишком сонной, чтобы суметь на это среагировать.

Покрепче прижав к себе искорку, она закрыла глаза, а та тихонько прошептала ей куда-то в шею:

— Мы справились, Рада. Мы все смогли. Еще немного, и мы узнаем то, ради чего пришли сюда.

— Да, моя любимая, — сонно пробормотала Рада, утопая в нежности ее прикосновений и запахе ее волос. — Мы наконец-то справились.

Неимоверно тяжелые веки закрылись, и она сразу же уснула, позабыв даже задуть свечу, стоящую на низком столике возле их кровати.

===== Глава 24. Договор =====

Золотая пляска волн силы отступала прочь, уступая место сначала отдельным отсветам, потом и вовсе кружащимся снежинкам. Они медленно гасли перед глазами, оставляя после себя ощущение свежести и обновленности, ощущение откатывающейся прочь мягкой волны с пушистым гребнем и шуршащими в танце песчинками. Лиара ощутила стук собственного сердца, свое размеренное дыхание, руки и ноги, прикосновение ткани к обнаженной коже. И окончательно пробудилась.

Она открыла глаза, моргая и все никак не в состоянии сообразить, где находится. Приглушенный свет свечей заливал помещение с беленым потолком, стенами, увешанными картинами на рисовой бумаге, вычерчивал ровный твердый профиль Рады, которая спала рядом, накрыв спину Лиары своей тяжелой рукой. И это было так хорошо, так сладко. Лиара прильнула к ней, легонько коснувшись губами ее теплой щеки, и та во сне заворчала, крепче прижимая ее к себе. От движения одеяло из шкуры невиданного пятнистого зверя сползло вместе с полкой халата Рады, обнажив ее ключицы, плавные линии жил на шее, маленькое углубление яремной вены, в котором размеренно и плавно билось ее сердце. Непослушные волосы Рады откинулись со лба, и свет свечей мягко обрисовывал линию ее скул и челюсти. Она была такая красивая сейчас, что Лиара буквально силой заставила себя не целовать ее, чтобы не разбудить.

Так хорошо было рядом с ней, так тепло. Их тела больше не разделяли толстые меховые дубленки, и прямо под тонкой хлопковой тканью была ее кожа, удивительно нежная и мягкая, совсем не вязавшаяся с ее характером, сильными руками, привыкшими к мечу, стальными мышцами от долгих лет тренировок. Рука Лиары одеревенела, когда она поймала себя на том, что больше всего на свете хочет коснуться ее, огладить плавные изгибы ее тела, почувствовать ладонями ее тепло. Боги, ты стала просто беспардонно наглой! Рада спит, Улыбашка в каких-то нескольких метрах от вас, а ты только и думаешь о том, чтобы... Дальше даже размышлять было стыдно, щеки вспыхнули, и Лиара уткнулась носом Раде в плечо, прячась от самой себя.

Та пошевелилась, сонно забормотала что-то, потом ресницы ее дрогнули, и Рада открыла глаза. Несколько секунд она сонно моргала, глядя в потолок, брови ее нахмурились.

— Где мы?

— В Эрналде, Рада, в гостевом доме вельдов, — тихонько проговорила Лиара, выбираясь у нее из-под руки.

Руки Рады, что обнимали ее, вдруг напряглись. Она бросила на Лиару короткий взгляд, как-то странно через силу улыбнулась.

— Как хорошо наконец-то оказаться в настоящей кровати, правда? Кажется, я и забыла, что это такое.

— Хорошо, — пискнула Лиара, чувствуя, как вновь горят ее щеки.

Она была так близко, такая мягкая и теплая со сна, такая нужная. Лиара чувствовала, как бьется ее сердце, все убыстряясь и убыстряясь, будто Рада бежала. Тень лежала под густыми ресницами в ее синих, как небо, глазах. Тень трепетала вместе с ресницами, и взгляд Рады был тяжелым, густым, словно патока. Она смотрела и смотрела, и Лиара чувствовала, что тонет в этих глазах, что невидимая ладонь ложится ей на затылок и буквально силой толкает ее к Раде. Ей стало так жарко от осознания того, насколько они близко. И так сладко, что с губ едва не сорвался стон.

Рада ничего не говорила, только смотрела, но ее ладони, сначала несмело, потом более уверенно, начали гладить Лиару по спине. Просто мягко гладить, словно котенка, но в этом прикосновении было столько нежности, столько заботы, что она едва не замурчала, выгибая спину и пододвигаясь еще ближе к Раде. Теперь между ними совсем не осталось пространства, и всем телом она чувствовала ее прямо сквозь тонкую ткань халата. Сердце Рады билось, как бешеное, примерно с той же скоростью, что и сердце самой Лиары.

— Искорка... — это имя слетело с губ Рады тихо и нежно, больше похожее на дыхание, чем на слово, и Лиара совсем потеряла голову, хмелея от ее голоса, как от пряного меда.

Она позволила губам едва дотронуться до щеки Рады, всей собой вдыхая ее запах, чувствуя жар ее кожи, которая вдруг стала горячее печки. Ее губы медленно, едва касаясь, поползли по абрису ее челюсти к губам, и Лиара едва не вскрикнула, когда Рада поцеловала ее, а ее руки прижали ее к себе гораздо сильнее, чем следовало бы, и гораздо слабее, чем хотелось самой Лиаре.

— Искорка... — что-то совершенное пьянящее было в том, как Рада шептала ей в губы это слово, как принялась целовать ее лицо, брови, ее волосы.

Лиара задыхалась в ее нежности, дрожала, будто пламя свечи на ветру, окруженная надежным кольцом ее сильных рук, окутанная запахом ее кожи, вкусом ее губ, шелестом дыхания.

Потом вдруг Рада отстранилась, дыша тяжело и рвано. В ее глазах было что-то очень странное, губы дрожали.

— Мы не должны, — хрипло пробормотала она, глядя Лиаре в глаза и сотрясаясь, как осиновый лист на ветру. — Не здесь. Ты согласна?

Лиара не смогла бы ничего ответить, потому что горло намертво пережалось, кажется, навсегда лишив ее голоса. Она только кивнула, отчаянно жалея, что пришлось так сделать. Но Рада была совершенно права. Не здесь. Не при Улыбашке, храпящей на соседней кровати, не в доме, куда в любой момент мог ворваться Алеор или какой-нибудь кривоногий корт с подносом еды для завтрака или ведром воды для умывания. Где-нибудь, где никто не сможет их потревожить.

Головой-то она все это прекрасно понимала, но ее губы все равно сами потянулись к губам Рады, и на несколько мгновений их вновь соединило одно хрипкое прерывистое дыхание, и Лиаре почудилось, что она чувствует Раду изнутри. Будто все ее ощущения стали ощущениями Лиары, будто между ними двоими больше не было разницы, как в одном существе, разделенном на две половины.

Руки Рады стиснули ее крепче, уже почти так, как бы на самом деле ей хотелось. Горячие губы прижались к ее шее, заскользив куда-то вниз, к ключицам, и сладкая дрожь прошла все тело насквозь, лишая сил, мыслей, воли сопротивляться. Но что-то внутри, все же, беспрерывно зудело, словно комар над ухом, и нечеловеческим усилием воли Лиара все-

таким образом положила руки ей на плечи и слегка оттолкнула назад, хотя больше всего на свете и хотелось вцепиться пальцами в ее волосы и прижать к себе как можно сильнее.

Глаза Рады были абсолютно шалыми, горячими, словно знойный полдень. Ее дыхание обжигало лицо Лиары, и она сама же повторила ее собственные слова.

— Не здесь, радость моя, не сейчас. Я не хочу, чтобы нас прервали.

Несколько секунд Рада молчаливо сопела, и взгляд у нее был такой, словно она сейчас сгребет Лиару в охапку и утащит куда-нибудь, где есть дверь покрепче с засовом изнутри. Но, к глубочайшему сожалению их обеих, таких дверей в выделенных им помещениях не имелось, и Рада с неохотой, но отстранилась, откинувшись на спину и тяжело прикрыв лицо рукой. Грудь у нее вздымалась от дыхания так судорожно, будто она бежала несколько часов подряд.

— Проклятье, скорей бы уже в Данарские горы, — просипела Рада, и Лиара улыбнулась. Те же мысли, только в чуть иной форме, сейчас звучали и в ее собственной голове. — Сколько же можно так издеваться над людьми?

— Вот поговорим с Тьярдом и попросим нас сразу же переправить туда, хорошо? — промурлыкала Лиара, отчего щеки ее вновь вспыхнули. Кажется, с Радой она растеряла все свои остатки стыда, сделавшись такой же похотливой и голодной, как какая-нибудь дворовая девка. И умом она прекрасно понимала, что так оно и есть, но внутри бушевал лесной пожар, который невозможно было потушить ничем и никак, и Лиаре, в общем-то, совершенно не было дела сейчас до того, что там думает ее голова. Этот орган отошел на второй план в их отношениях с Радой, и неправильным ей это вовсе не казалось.

— Да, — кивнула Рада, с трудом сглатывая. — Именно так мы и поступим, да.

Только получилось все несколько иначе, чем им обоим хотелось бы. На соседней кровати закопошилась Улыбашка, тоже в первый момент после пробуждения не понявшая, где находится. Потом из общей комнаты донесся приглушенный хлопок двери, чьи-то шаги, гортанные голоса.

Лиара нехотя выпустила Раду из объятий, позволив той первой подняться с постели. Отбрасывая с лица прочь отросшие волосы и потуже затягивая кушак халата, Рада прошагала к двери в соседнюю комнату и высунула туда голову. Оказалось, что уже давно рассвело, служки корты принесли их выстиранную и вычищенную одежду и накрывали на стол.

Один за другим заспанные друзья выбирались в общую залу к очагу, позевывая и неловко поддергивая полы непривычной одежды. Сложнее всех было Улыбашке, которой халат был очень длинен, и его полы волочились за ней по цветастым коврам, открывая взору короткие толстенькие, перевитые узлами мышц ноги. Гномиха ворчала, ругалась и то и дело поддергивала эти полы, чтобы не наступить на них.

Кай выглядел гораздо лучше вчерашнего. Лицо его приобрело нормальный цвет, мягкие каштановые кудри рассыпались по плечам, белый халат на могучей груди едва не трескался по швам. Он приветливо улыбался всем спутникам, поглядывал смешливыми глазами на Алеора, с любопытством наблюдал за кортами, накрывающими для них столы.

Завтрак был таким же странным, как и ужин предыдущим днем. На больших медных блюдах лежал сыр, перевитый зелеными прожилками и резко пахнущий, все те же маленькие черные ягодки с терпким вкусом, лепешки из незнакомой муки, сладости из каких-то диковинных плодов, залитых медом. Единственным знакомым был крупнозернистый творог, да в одном из кувшинов обнаружилось теплое молоко, только не коровье, а чье-то иное. Лиара так и не поняла: козье или нет. В другом был странный чай с

терпким вкусом и незнакомым запахом.

Едва друзья успели позавтракать и обменяться впечатлениями от незнакомой еды и непривычной обстановки, как во входную дверь вновь постучали, и после ответа Алеора в комнату шагнул Ритр. Все также едва заметно поклонившись гостям, он проговорил:

— Царь Небо Тьярд желал бы видеть вас у себя, как только вы будете готовы. Если вам необходимо еще время для того, чтобы прийти в себя, он просит сообщить, когда вам будет удобно посетить его.

— Думаю, мы уже готовы, Ритр! — Алеор сделал последний глоток из своей чашки и оглядел друзей. — Дай нам еще четверть часа, чтобы одеться, а потом мы целиком и полностью в распоряжении Царя Небо.

Вельд с поклоном удалился, а друзья разбрелись по комнатам, чтобы привести себя в порядок перед встречей с Царем. С легким удивлением Лиара обнаружила, что оба комплекта ее одежды выглядят как новенькие. Она готова была поклясться, что видела как минимум две здоровенные дыры на боку собственной рубашки, доставшиеся ей в напоминание о Червях, но теперь их не было. Ни стежков, ни заплат, ничего подобного она разглядеть не могла, одежда была как новая, выстиранная, выглаженная и целая.

— Чудеса да и только, — бормотала Улыбашка, подозрительно вертя в руках собственные штаны, изодранные почти что в локуты во время долгого путешествия. — И как они вообще смогли это залатать? Будто подменили!

Лиара подумала, что тут не обошлось без ведовства, и ей стало любопытно, как же еще вельды применяют энергию Источников в обычной жизни? Жрецам Церкви Молодых Богов, насколько она слышала, было запрещено растрачивать попусту энергию Источников, потому им и служило такое количество народа, готового в любой момент удовлетворить все их требования. Впрочем, она подозревала, что большое количество слуг вызвано вовсе не особым отношением Жрецов к святости энергии, что была им дана, тем более, что Истинных Жрецов, способных управляться с Источниками, можно было пересчитать по пальцам. Все остальные просто любили, когда им прислуживают, и этот факт еще в раннем детстве оттолкнул Лиару от Церкви, хоть у нее и закрадывались порой мысли сбежать туда в услужение из приюта, когда жизнь среди подкидышей становилась невыносимой.

Натянув на себя купленные в Алькаранке штаны из плотной шерсти и такую же коричневую куртку, Лиара улыбнулась, тихонько сжав под тканью рубашки маленький перстень с небесным камнем, что она носила на веревочке на груди, чтобы не потерять. Совсем скоро они с Радой наконец-то будут вдвоем, и она сможет подарить ей этот перстень и сказать, как сильно любит ее. Лиара никогда еще в своей жизни не дарила никому ничего подобного, и звенящая нежность распускалась дивным цветком в груди от мысли, что Рада будет носить с собой ее подарок. А еще странная легкость окутала все тело осознанием, что они наконец-то завершили ту миссию, ради которой пошли на запад, они прошли Семь Преград. Лиара вздохнула, чувствуя, что ноги буквально готовы сорваться с места и понести ее в пляс. Всего полгода назад она была никому ненужным подкидышем в чужой стране, перепуганной, забитой, шарахающейся от собственной тени, не знающей, куда ей идти и что делать. Теперь же все изменилось. Великая Мать, как сильно изменилась я сама! Благодарю тебя за это!

Ритр ждал за дверью, перетаптываясь на холоде с ноги на ногу. Алеор вышел к нему первым, принявшись что-то обсуждать с вельдом, а Лиара не удержалась и устремилась к балюстраде, ограждающей вырезанную в скале дорогу от пропасти. Яркое дневное солнце

сияло над Эрнальдом, и в его свете город предстал перед ней, как на ладони. Мощные светлым песчаником улицы, тонкий шпиль башни из все того же светлого камня, устремляющийся к небу. Изящные, но строгие арки галерей и переходов, висящие в воздухе мосты. Отовсюду слышались человеческие голоса, вельды спешили по своим делам, из распахнутых окон таверн доносилась музыка, плыли в воздухе запахи готовящейся еды и свежего хлеба. Город поднимался ровными ярусами по стенам каньона, похожий на срез гигантского муравейника, а внизу, на самом дне пропасти, белела ровной полосой замерзшая река. И все это сверкало в свете зимнего солнца, словно начищенная песком золотая монетка.

— Как же он не похож на все, что я видела в жизни! — пробормотала она, качая головой.

— Немного похож на гномьи города, — задумчиво проговорила Улыбашка, становясь рядом с Лиарой и кладя ладони на балюстраду. Ее роста хватало только для того, чтобы выглянуть поверх парапета наружу. — Мы тоже селимся ярусами в скальных пещерах. Но по большей части — ничего общего, это верно.

— Пойдемте! — позвал их Алеор, уже идущий вместе с Каем следом за Ритром по широкой улице, вырезанной в скале.

Дубленку Лиара надевать не стала, и от холодного ветерка озноб бежал по рукавам, пробираясь под шерстяную куртку. Но когда Рада приобняла ее за талию, прижимая к себе, Лиара почти замурчала от удовольствия. У нее под боком было тепло и уютно, и никакие ветра не страшили.

Сейчас Рада была вся в черном, и Лиара вынуждена была признать, что этот цвет очень шел ей, только подчеркивая остроту линий лица и густую синь глаз. И вновь внутри горячо запульсировала нежность и желание быть к ней как можно ближе, целовать каждую черточку этих губ, линию подбородка, шею... Прекрати! Сейчас не время для этого, ты же сама это постоянно повторяешь!

Идти до покоев Царя Небо было недалеко, но за это время Лиара успела с любопытством осмотреть всех проходящих мимо них вельдов и кортов, заглянуть в окна нескольких домов, вырубленных в скале. Судя по всему, в этих кварталах селились только самые знатные горожане. Во всяком случае, одежда встреченных ими мужчин была изящной, из хорошей ткани, изукрашена вышивкой золотой и серебряной нитями, а длинные концы разноцветных кушаков далеко волочились за ними по плиткам мощения. Все встречные рассматривали гостей с нескрываемым интересом, но никто не остановился, чтобы поприветствовать их. Зато Ритр кланялся едва ли не в пояс каждый раз, когда какой-нибудь вельд попадался ему навстречу, бормоча пожелания благополучия и долголетия.

Наконец, он остановился перед дверью, возле которой стояли двое стражников в кожаных куртках с копьями в руках. Стражники смотрели только прямо перед собой и не шелохнулись, когда Ритр отворил дверь и с низким поклоном вошел внутрь. Остальные последовали за ним.

Покои Царя Небо были больше, чем помещение с очагом, отведенное друзьям для отдыха, но ненамного. Комната тонула в тенях от чадающих свечей и масляных ламп, шелковые ширмы расставили вдоль стен, скрывая живопись на рисовой бумаге. Лиаре в глаза бросилась одна из ширм, на которой был изображен пятнистый кот, пробирающийся сквозь высокие зеленые камыши и глядящий на вошедших хищными глазами с вертикальным зрачком. Судя по всему, шкурой именно этого зверя сегодня ночью они с Радой укрывались.

И кот этот должен был быть очень большим, по крайней мере, величиной с пони, если уж им двоим с Радой хватило места под его шкурой.

В центре помещения возле приземистого черного лакированного стола были разбросаны подушки. На них во главе с Царем Неба сидели еще трое вельдов, и Лиара с интересом взглянула в лица всех троих. Один был тонким и невысоким с ладной фигурой, прозрачно голубыми глазами и носом без переносицы. Как и Тьярд, он был одет в черные штаны и белую рубашку, подпоясанную алым кушаком, и сидел по левую руку от Царя, недовольно поглядывая через стол на парня, вольготно развалившегося на подушках и покуривающего трубочку. У этого второго были смеющиеся синие глаза и волосы, перевитые в тонкие косицы, в которые он вплел множество мелких разноцветных камушков, деревянных бусин и даже перышек. На парне был темно-зеленый кафтан, перетянутый салатовым кушаком и так богато украшенный вышивкой, что первоначальный цвет ткани едва угадывался под завитушками. Причем держал себя этот второй с такой надменностью и легкостью, будто именно он был хозяином дома, пригласившим всех остальных, чтобы они развлекали его персону рассказами и разговорами. Четвертым из присутствующих был кучерявый сероглазый вельд в кожаной куртке, точно такой же, как и у стражников у двери. Волосы его были стянуты в хвост на затылке, а широченные плечи подошли бы и кузнецу, целыми днями ворочающему тяжелые металлические болванки. Этот парень поднял глаза на вошедших и почти сразу же опустил их, но Лиара заметила, как расширились его зрачки при виде каменных плеч Кая и маленькой Улыбашки.

— Вот и вы наконец-то! — без обиняков провозгласил с широкой ухмылкой вельд в зеленом, опередив и Ритра, и даже самого Царя Небо. — А я уж думал, вы сбежали, только у вас появилась такая возможность.

— Мы слишком много бегали в последнее время, чтобы тратить на это силы, — Алеор позволил себе скупую улыбку и повернулся к Тьярду. — Доброго вам утра, Царь Небо. Надеюсь, мы не заставили вас слишком долго ждать?

— Ну что вы, князь Ренон? Это я слишком рано дернул вас с места, поддавшись уговорам некоторых, кому прямо-таки не терпелось посмотреть на вас. — Тьярд улыбнулся Алеору, бросил на парня в зеленом ничего не выражающий взгляд, а потом поднялся на ноги. Зашуршали по коврам длинные маховые перья его крыльев. — Думаю, пришло время представить всех присутствующих. Мой Супруг Неба Кирх, — он повернулся к сидящему синеглазому парню с алым кушаком. Лиара сдержала потрясенный вздох. Она, конечно, слышала разговоры о том, что вельды — однополая раса, но ей даже в голову не приходило, что они могут заключать друг с другом настоящие браки. Рядом послышался приглушенный вздох Улыбашки, и бровь синеглазого Кирха выгнулась в сардонической усмешке, но он ничего не сказал. — Сын Старейшины Лейв Ферунг, — парень в зеленом ослепительным улыбнулся вошедшим, а Алеору подмигнул зеленым глазом как-то особенно, вызвав хмурый взгляд Кая и кучерявого парня, оставшегося пока еще неназванным. Впрочем, Тьярд сразу же представил и его: — И его супруг, Сын Старейшины Бьерн Мхарон.

Игнорируя подмигивание молодого Лейва, Алеор спокойно представил своих спутников. Глаза Супруга Неба Кирха сузились, и взгляд его цепко пробежался по всем друзьям, остановившись, почему-то, на Лиаре. Теперь он смотрел на нее в упор, оценивая и взвешивая, и под этим взглядом ей стало как-то не по себе. Несмотря на молодость, глаза у Кирха были пронзительными, как два ножа, и ей казалось, что за несколько секунд он просветил этими глазами ее насквозь, визнавав все, даже то, что и она сама-то о себе не знала.

— Прошу вас присаживаться, друзья, и надеюсь, что мы можем говорить свободно, без титулов, — Тьярд вопросительно посмотрел на Алеора. — В конце концов, разговор будет долгим, а я не любитель формальностей.

— Как вам будет удобно, Тьярд, — кивнул Алеор.

Пока все рассаживались, обмениваясь любопытными взглядами, Лейв вытащил изо рта чубук трубки и многозначительно указал им на Раду.

— Вы, Черный Ветер, очень напоминаете мне кое-кого. — Рада вопросительно взглянула на него, неловко усаживаясь на подушках, и тот продолжил: — Если бы не ваши эльфийские черты, я бы сказал, что родились вы в Данарских горах. Была там одна такая же синеглазая, с лицом, которым можно было скалы колоть.

— Не обращайтесь внимания на нашего Лейва, друзья, — холодно проговорил Супруг Неба, неодобрительно поджав губы. Голос у него был удивительно глубоким и раскатистым, совсем не вяжущимся с его сухим телом и невысоким ростом. — Он сначала говорит, а потом снова говорит. Какой-либо мыслительный процесс в его голове отсутствует. Что же касается этого заявления, то вы, Черный Ветер, можете считать это комплиментом. Лейв имеет в виду царицу Лэйк дель Каэрос, ту самую, без которой невозможна была бы победа в Великой Войне.

— Благодарю за столь подробные объяснения, Супруг Неба, — язвительно проговорил Лейв. — Уж, наверное, я бы сам никогда не смог так четко и ясно все описать, как вы.

— Уж, наверное, — холодно кивнул Кирх, подразумевая совершенно иное.

Бьерн и Тьярд одинаково устало оглядели говоривших, потом Царь тяжело вздохнул и сообщил:

— Лейв командовал армией кортов в Великой Войне, и с царицей Лэйк находится в дружеских отношениях. Так что это действительно комплимент.

— Ну что ж? Тогда спасибо, — пожала плечами Рада, поглядывая на вельдов с некоторым недоумением.

— Впрочем, мы собрались здесь вовсе не для обсуждения событий восьмилетней давности, — Тьярд указал друзьям на пузатый литой чайник с изображением открытой ладони и чашки без ручек, окружающие его. — Вы проделали долгий путь, вы прошли Семь Преград и завершили дело, начатое нами много лет назад. Не согласитесь ли вы поведать нам о тех событиях?

— Я надеялся, что это сделает светозарная Лиара, — Алеор выразительно взглянул на нее. — Она даже собиралась песню написать об этих событиях, не правда ли?

Лиара вспыхнула, мысленно проклиная Алеора последними словами, когда все повернулись к ней. Неужели он действительно хотел, чтобы она прямо сейчас начала петь? Не говоря уже о том, что она и арфу-то с собой не взяла. Под взглядом Тьярда ей не было тяжело — в его глазах плясали странно знакомые золотые искры, а ощущение от него шло теплое и надежное, как и от Кая. Но пронзительные глаза Кирха, смеющиеся и бросающие вызов Лейва и задумчиво-осторожные, словно у зверя, глаза Бьерна смущали ее, намертво сковав глотку кандалами.

— Песня еще не готова, Алеор. Да и вряд ли она подойдет для того, чтобы полностью передать все, через что мы прошли, — проговорила она, чувствуя себя донельзя сконфуженной.

— Вы поете, Лиара? — Кирх с интересом взглянул на нее. — У нас есть немного музыкантов, которые исполняют нам песни эльфов Аманатара, но мы никогда не слышали

музыки с той стороны Эрванского кряжа. Может, вы согласитесь что-нибудь для нас исполнить ближе к вечеру, если будет на то милость Иртана, и мы все соберемся вместе, чтобы разделить трапезу?

— Может быть, — еще тише ответила она, пряча глаза.

Слишком уж чуждыми и непривычными были для нее эти люди, да и все здесь. К тому же, этот город странным образом напоминал ей Иллидар, хоть и не было здесь такой же холодной отстраненности и зажатости, как там. Лиаре нужно было время, чтобы привыкнуть.

А еще она с запозданием поняла, что от них ждут, что друзья задержатся в городе на какое-то время. Ей этого совсем не хотелось, и вовсе не потому, что она стремилась как можно быстрее оказаться с Радой наедине. Ну, не только потому. В конце концов, сама-то Лиара в этот путь отправилась, чтобы узнать о Великой Матери, и чем быстрее она разберется в этом, тем будет лучше. Золотые нити накрепко сковали ее душу и все тянули, тянули ее на запад, день ото дня становясь все крепче. В этом зове была неодолимая сила, и Лиара не хотела медлить. Она не знала, что ее ждет там, но все внутри нее так и рвалось туда, словно пойманная в клетку птица — на волю.

— Вы — Первопришедшая, Лиара? — вдруг спросил Лейв, и это было настолько неожиданно, что она вскинула на него глаза.

— Да, — кивнула она, ожидая продолжения. Глаза Лейва переместились на Раду.

— А вы — нет, — едва заметный вопросительный тон звучал в его голосе. Потом Лейв взглянул на Алеора, и в глазах его загорелся странный огонек. — Как и вы, князь, хоть и много в ваших чертах от бессмертных.

— Мы — Высокие эльфы, Лейв, — спокойно ответил ему Алеор. — Те, что чистоте крови предпочли жизнь.

— Хороший выбор! — сверкнул он белозубой улыбкой, но никто не поддержал его радости по этому поводу.

— Что ж, раз светозарная пока говорить не готова, я расскажу вам о преградах сам, — Алеор скромно отхлебнул чаю из своей чашки и принялся рассказывать.

К глубочайшему изумлению Лиары эльф говорил сухо и сжато, опуская лишние детали, ничего не надумывая, но и не преуменьшая собственных заслуг. Впрочем, этого и не нужно было делать. Только сейчас, глядя на медленно вытягивающиеся лица вельдов, Лиара наконец-то по-настоящему начала понимать, что они сделали невозможное. Сквозь горы и Землю Огня, верхом на гигантских Червях, по непроходимым болотам, где нечем дышать, сквозь завесу из летающих скал и Лабиринты Эха, разрывающие на куски голову, к Черному Источнику, чтобы запечатать его навсегда, изменив русло течения самой энергии, из которой был сотворен весь мир. Это казалось невозможным, особенно в сухом и сжатом отчете Алеора, который рассказывал о самой естественной вещи из всех, что были на свете. И чем дольше он говорил, тем больше у Лиары пропадало ощущение, что она действительно во всем этом участвовала. Казалось, никто из смертных не мог сделать этого, но они — сделали.

Постепенно и остальные спутники подключились к рассказу, и Лиара поймала себя на том, что и она сама добавляет какие-то детали. Когда Алеор закончил свой рассказ, на них посыпались расспросы, причем не все они касались дороги. словно что-то сломало невидимую стену из сдержанности и осторожности к чужеземцам, и теперь Царь Небо и его трое молодых товарищей превратились в обычных людей, которым не терпелось услышать

как можно больше волшебных историй о чужих краях. Лейв спросил ильтона, почему у него каменные руки, а Бьерн Улыбашку — о ее расе. Кирх все расспрашивал Лиару о ее песенном даре, о том, как много легенд и повествований она знает, имеются ли в Этлане исторические хроники, передающиеся изустно, и если да, то может ли она что-то исполнить или хотя бы пересказать. Тьярд насел на Раду с Алеором, требуя подробностей о Мелонии, Лесном Доме, Речном Доме и других государствах, названия которых он не знал. И в помещении постепенно стало шумно, будто за столом старых друзей, встретившихся после долгой разлуки.

Время летело незаметно, и Лиара даже удивилась, когда служки-корты внесли накрытые салфетками подносы с едой. Удивилась собственному голоду, который подсказывал, что время обеда давно миновало. Кирх уже не пугал ее, он оказался чем-то вроде историка, которого все остальные ребята называли Хранителем Памяти, хоть сам Кирх и помянул, что выйдя замуж за Царя Небо, потерял право на этот титул. Факт их брака хоть и продолжал шокировать Лиару, но уже не так, как в самом начале. Она попыталась представить себе кого-нибудь из мелонских лордов, связавших себя узами брака, но не смогла. А вот стройный Кирх смотрелся рядом с крылатым Царем так естественно, словно был продолжением его тела. То и дело Тьярд рассеяно касался его, так аккуратно и плавно, что это вовсе не бросалось в глаза, но в этом чувствовалась глубокая любовь и привязанность, которую Лиара не привыкла видеть между двумя мужчинами. Впрочем, чувство это было таким не показным и неназойливым, что вскоре она перестала замечать эти мелочи.

Они вместе обедали, и вельды с удовольствием рассказывали, что из съеденного путниками как называется и где произрастает. Странные черные ягоды оказались семенами дерева олива, о котором Лиара даже слышала из южных песен, а похожие на каштаны плоды с сочной мякотью — фруктами, которые Тьярд назвал патхай, сказав, что их привозят откуда-то с юга эльфы Аманатара.

Постепенно разговор перешел в иное русло, и теперь уже вельды рассказывали гостям о том, что случилось в Роуре долгих восемь лет назад. Затаив дыхание, Лиара слушала про тысячелетнюю ненависть, которую питали друг к другу анай и вельды, про бесконечные войны и сражения, повторяющиеся каждые несколько лет. Посмеиваясь, Тьярд поведал, как отец Кирха, Хранитель Памяти Верго, выдумал историю о проклятом кинжале анай, чтобы заставить его лететь навстречу собственной судьбе и молодым разведчицам Каэрос и Лаэрт, отправленным к Лесу Копий. История о встрече с Анкана и путешествии в Кренальд, с дермаках, что прятались глубоко под землей, готовясь к вторжению в Роур, слегка остудила веселое расположение собеседников, и большая часть из них вытащила трубки, отчего помещение заполнилось густым ароматным дымом. Когда же Тьярд дошел до плана Ульха и его попытки воздействовать на Черный Источник, Алеор совсем нахмурился.

— Не знаю уж, каким чудом вы сумели не дать ему выпустить Сети'Агона на волю, — проговорил он, качая головой и выпуская изо рта клубы густого дыма. — Если бы он вновь обрел плоть, если бы смог напрямую воздействовать на Черный Источник, для всего Этлана все было бы кончено.

— Однако, Ульх успел освободить заточенных в каверне Эвилид и Гротан Кравор, — заметил Тьярд. — Насколько я понимаю, это едва ли не так же плохо, как если бы освободился сам Сети'Агон.

— Почти также, — кивнул Алеор, — но все же не настолько. Эвилид понадобится

какое-то количество времени, чтобы прийти в себя и собрать армии. К тому же, первый же удар Сета был отбит, пусть это была и проба сил. Вы сумели показать, что быстрой победы он не получит. Как я понимаю, вы собираетесь присоединиться к войску Аватар.

— Да, — твердо кивнул Тьярд. — В прошлый раз народ гринальд пал, отказавшись встать на их сторону, и мы получили две тысячи лет войны со своими кровными сестрами. Больше я такой ошибки не допущу.

— Они уже вернулись? — глаза Кирха пытливо изучали лица всех собравшихся. — Известно ли вам, когда начнется Танец Хаоса?

— Было лишь предсказание, — неохотно проговорила Рада. Кашлянув, она неловко мотнула головой. — Мой сын удостоился милости присутствия Марны Девы, и она предсказала скорое начало Танца Хаоса. Но не сказала, когда он начнется.

— Ваш сын? — вылупил глаза Лейв. — Но я думал... — его взгляд молниеносно скользнул на Лиару и обратно, и она вздрогнула.

— Одна из Единоглазых Марн выбрала своим гласом вашего ребенка, — Кирх смотрел на Раду задумчиво и со странным благоговением. — Это великая честь, Рада Черный Ветер Должно быть, вы особенно угодны Богам, раз они так хранят вас.

— Вполне возможно, — неохотно буркнула она.

— Признаться, я надеялся, что вы принесете с собой иные вести, — нахмурился Тьярд, потирая лоб. — Ваш поход — предзнаменование само по себе очень значимое, впервые люди с востока пересекли Эрванский кряж и вошли в Роур. Я надеялся, что, возможно, среди вас есть Аватары Создателя. Кто же еще, как не они, смог бы совершить этот подвиг?

Вид у Алеора был кислым, и Лиара внутренне хмыкнула. В очередной раз уже эльф злился, когда речь заходила об Аватарах. Пожалуй, это было единственное человеческое чувство из всех, которые Алеор вообще мог испытывать: зависть к чужой славе. Все остальные моральные категории для него никакой ценности не представляли.

— Аватары скоро возродятся, Тьярд, — прогнав с лица всякое выражение, Алеор взглянул на вельда. — Я дам тебе знать, как только это произойдет. Ты собираешься привести свои армии в Этлан, насколько я понял?

— Я дал клятву Анкана и своей кровной сестре Лэйк, что сделаю это, — кивнул тот.

— В таком случае, ты можешь разместить своих людей на территории Лесного Дома. — Алеор сделал глоток чая и взглянул поверх края чашки на вельда. По его глазам ничего нельзя было прочитать. — Вряд ли в южных княжествах порадуются, если из-за гор им на голову вдруг свалится армия, утверждающая, что поддерживает Аватар. Вас сочтут захватчиками, и вы можете спровоцировать войну, которая в условиях Танца Хаоса будет явно лишней. Потому я предлагаю тебе разместить своих людей у меня. Я обеспечу им кров, провиант, оружие и все необходимое до тех пор, пока Аватары не примут решение касательно вашей дальнейшей судьбы.

— Благодарю, Алеор, — кивнул Тьярд. Его взгляд стал очень внимательным, как и взгляд Кирха, буквально вмиг заледеневший, как только эльф высказал свое предложение. — Однако, содержание большого войска может обойтись очень дорого. Я бы не хотел оставаться у тебя в долгу.

— Помогать Аватарам — наш общий долг, — елеинно проговорил Алеор, и Лиаре больше всего на свете сейчас захотелось пнуть его.

— И все же, — Тьярд вопросительно взглянул на него. Все эти Алеоровы виляния не могли провести Царя Небо, и это уже было хорошо. Во всяком случае, Лиара надеялась, что

он окажется достаточно умен, чтобы не втянуть свой народ в неприятности гораздо большие, чем Танец Хаоса. — Мне бы хотелось знать, чем я могу отплатить тебе за такой щедрый дар.

— Я попрошу немного, — Алеор вновь отхлебнул чаю. — Когда начнется Танец, вы отдадите Лепесток Фаишалья, что имеется у вас, Владыке Лесного Дома.

Лица вельдов окаменели. Лиара удивленно уставилась на Алеора, как и остальные спутники. Она и знать не знала о Фаишале, он ни разу не упоминал, что один из Лепестков находится у вельдов. Легендарное оружие, которым когда-то Ирнатир Солнце поверг Крона, разбитое на куски и спрятанное в конце его великой эпохи. Откуда осколок мог оказаться у вельдов? И как Алеор узнал об этом?

Тьярд спросил ничего не выражающим голосом, словно подтверждая мысли Лиары:

— С чего ты взял, что Лепесток Фаишалья у нас?

— Он был в Кренальде, хранился у Орлов, данный им самим Ирантиром. Вряд ли, когда твои предки покидали город, они оставили бы его валяться в руинах просто потому, что он больше не был им нужен, — пустился размышлять вслух Алеор. — Не говоря уже о том, что вряд ли Аманатар стал бы помогать вам за простое спасибо. Насколько я знаю, мои старшие братья не слишком-то любят смертных и их дела. Они от нас-то закрылись еще до Первой Войны, отказавшись участвовать в ней, а вам отчего-то помогли. Их могло заставить вмешаться только что-то очень серьезное, какая-то причина, по которой они наплевали бы на свое вечное чванство и себялюбие. Но и торговаться они любят, своего никогда не упустят, значит, они заключали два договора о союзе, один с анай, другой с вами. Насчет анай — понятно, аманатарцы запросили право изучать Источник. Что же касается вас... — он выдержал паузу. — При всем моем уважении, Царь Небо, вы ничего не могли бы предложить Аманатару в обмен на военную помощь, учитывая все вышеперечисленное. Ничего, кроме Фаишалья. Так что он у вас. А коли так, то Танец Хаоса — самое подходящее время для того, чтобы вернуть его на родину. Я — наследник Ирантира, его правнук по материнской линии, как и Рада, — он кивнул головой, и вельды удивленно вскинули брови, глядя на нее. — Заметьте, я не прошу у вас Фаишаль для себя лично, хоть и имею на него право; я прошу его для Владыки Лесного Дома. Когда угроза со стороны Сети'Агона станет достаточно весомой, когда он соберет силы для последнего удара, я бы хотел иметь оружие, которым наследники Ирантира смогли бы встретить его, как и было предсказано.

— Так вы — Дети Солнца?! — выдохнул Тьярд.

— Мы определенно наследники Ирантира, — спокойно ответил Алеор. — Что же касается верности предсказания, о котором ты сейчас говоришь, то проверить мы это сможем, только попытавшись собрать Фаишаль.

Несколько секунд Тьярд и Кирх молчаливо переглядывались друг с другом, словно без слов обсуждали сложившуюся ситуацию. К удивлению Лиары, Бьерн смотрел только на Лейва, который поднес ко рту кулак и многозначительно покашлял, привлекая внимание Тьярда. Царь Небо бросил на него короткий взгляд и нахмурился еще больше.

— Фаишаль действительно у нас, — неохотно проговорил он наконец. — И эльфы действительно просили его себе, но мы не отдали камень. Его нашел Лейв на развалинах Кренальда зарытым в землю. Я разрешил ему оставить камень у себя на некоторое время.

— Он пришел мне в руки по милости Иртана, а коли так, значит, он принадлежит мне, — Лейв сложил на груди руки и с вызовом взглянул на Тьярда. На Алеора он старательно не смотрел, отводя глаза.

— Мы решили хранить его до тех пор, пока не найдутся Дети Солнца, помнишь? —

Тьярд тяжело взглянул на него. — Пока он не понадобится в войне против Сети' Агона. Дети Солнца перед тобой, а война вот-вот начнется.

— Она еще не началась! — огрызнулся Лейв.

— Зачем тебе этот камень? — заворчал Кирх, глядя на него исподлобья. — Ты же ничего не можешь делать с его помощью! Толку тебе от него? Отдай его законным хозяевам.

Лейв молчал, стиснув губы и глядя перед собой в стол. Бьерн тяжело покачал головой и тихо-тихо пробормотал: «Упрямый, как осел». Лиара подумала, что это слышала, скорее всего, лишь одна она.

Тьярд, не отрываясь, смотрел на Лейва, лицо его окаменело.

— Лейв Ферунг, я, Царь Небо, дал слово вернуть Фаишаль законным владельцам. Они явились за ним и требуют его взамен на помощь, которая будет мне необходима. Не вынуждай меня приказывать тебе, ведь ты мой друг.

— Проклятье, Тьярд, ты и так приказываешь мне! — проворчал Лейв, бросив на него хмурый взгляд, а потом недобро взглянул на Алеора и полез за пазуху. — Не хотел я с ним расставаться, чтобы во второй раз не потерять его, слишком уж редкая вещь. Но коли так решил Иртан, то я подчиняюсь.

Лиара всем телом подалась вперед, сгорая от любопытства. Она и знать не знала, что у вельдов может быть осколок Фаишала, не говоря о том, что и не мечтала в своей жизни хоть одним глазком увидеть древнюю реликвию. Часть осколков считалась давным-давно потерянной, другая хранилась в строжайшей тайне где-то в казематах Церковных владений, и доступ к ним был закрыт для всех, кроме высших иерархов Церкви. А еще Лиаре вспомнился маленький забавный факт: Алеор ведь отказался от владения имеющимся у него осколком Фаишала взамен на помощь Церкви в одном из его заказов. Теперь же фактически он вновь возвращал себе рычаги давления на Высшего Жреца и козырь. Вот ведь хитрая бестия!

Лейв извлек из-за пазухи маленький бархатный мешочек, потом вытряхнул из него на ладонь тонкий прозрачный кристалл ромбовидной формы. У Лиары дух захватило, когда прозрачный, как слеза, камень поймал отсветы масляных ламп и заискрился изнутри. Странные волны пошли по помещению, колебания едва заметные, как тихая рябь на воде от начинающегося дождя, его первых, еще не видимых глазу капель. Лиара ощутила, как покалывает кончики ее пальцев.

— Рада? — Алеор взглянул на нее вопросительно.

Он хочет проверить, не о ней ли говорит пророчество! — мелькнуло в голове Лиары. Она затаила дыхание, глядя, как Рада несмело протягивает руку к осколку на ладони Лейва. Вид у нее был неуверенный, словно в один миг она растеряла весь свой самоконтроль, а зрачки слегка расширились. Каждый ребенок в Этлане с детства мечтал, что именно он окажется Чадом Солнца, а у Рады поводов для подобных мечтаний было побольше, чем у других.

Ее пальцы несмело коснулись Фаишала, и ничего не произошло. Все те же волны силы медленно танцевали вокруг острых граней камня, все те же отблески свечей и ламп пульсировали внутри него. Плечи Алеора опали, словно он ждал иного, а тонкие губы поджались. Рада осторожно забрала камень из ладони Ферунга, вновь переложив его в мешочек и передав Алеору. Вельды так внимательно наблюдали за каждым их жестом, что в помещении повисла звенящая тишина.

Когда замшевый мешочек исчез за пазухой Алеора, напряжение, казалось, заметно

спало. Эльф взглянул на Тьярда и широко улыбнулся ему.

— Что ж, друг мой. Как только я услышу хоть какую-нибудь весточку о начале Танца Хаоса и возрождении Аватар, я немедленно свяжусь с тобой. Мои земли, фураж, кров и гостеприимство в твоём полном распоряжении. Я бы хотел скрепить наше соглашение и в письменной форме, чтобы привезти экземпляр Владыке Илиону. Он любит бумажки, — Алеор поморщился.

— Как скажешь, Алеор, — кивнул Тьярд, и по его зеленым глазам Лиара сейчас не могла прочесть ничего. — Сегодня же вечером мы подпишем все необходимые документы. А сейчас расскажи мне о Сети'Агоне и о том, с чем нам придется столкнуться в грядущей войне. Я хочу знать, на что веду своих людей.

— Разговор будет долгим, Тьярд, — криво усмехнулся Алеор, затягиваясь своей трубкой. — И не самым приятным.

Лица всех присутствующих помрачнели, когда эльф принялся рассказывать о падении Крона и возвышении его ученика. А Лиара все сидела и смотрела на его куртку, где за полкой во внутреннем кармане теперь лежал Лепесток Фаишала. Легенда обростала плотью, превращаясь из сказки в страшную правду. А еще ей было интересно, сколько еще причин было у Алеора для путешествия на запад, за Эрванский кряж, причин, о которых он не удосужился им сообщить.

===== Глава 25. Дороги расходятся =====

Разговор затянулся до самого вечера. Рада курила уже неизвестно какую по счету трубку, чувствуя, как от дыма режет горло и слегка кружится голова. Помещение заполнял густой аромат тлеющего табака, перемешавшийся с дурманящим запахом благовоний, ароматического масла, странной еды, которую все подносили и подносили к их столу корты. А она, развалившись на подушках и то и дело лениво тербя шелковые кисти, пришитые к их углам, рассматривала сквозь дым собравшуюся у стола компанию.

После рассказа о том, как Тьярд и Лэйк, сражаясь насмерть на развалинах Кренальда, убили друг друга и ожили, обретя крылья, она уже не удивлялась ничему. После этого становилось понятно, каким образом они умудрились помирить два враждующих тысячи лет народа, договорились с эльфами, да еще и одержали победу над численно превосходящим их противником. Как забавно! Стоит лишь один раз лишиться всего, оставшись голым, будто только что рожденный младенец, отчаянно вопящий от страха и боли, и все в этом мире становится по плечу. А ведь по сути-то что происходит? Сторает страх. И как только его больше нет, все становится возможным. Так коли так, значит, страх и есть смерть?

В голове ее стоял странный туман от выпитого и выкуренного, и Раду слегка штормило даже при том, что она не двигалась. Лица вельдов покраснелись, в глазах появился лихорадочный блеск, они смеялись громче обычного и наперебой галдели, словно собравшиеся у костра мальчишки, а не первые лица государства и герои Великой Войны. Впрочем, и друзья Рады не слишком отставали от них, тоже наперебой поднимая бокалы и вливая в себя меру за мерой сладковатого эльфийского вина, которого в запасах Царя Небо было хоть залейся. Больше всех пила Улыбашка, и сейчас ее маленькие черные глазки стали совсем крохотными щелочками над довольными покрасневшими щеками, растянутыми в широкой улыбке. Ее оскал, вызванный старым ранением, больше не казался Раде пугающим и отталкивающим. В нем было даже что-то невероятно добродушное и милое. Да уж, прилично ты перебрала. Надо бы подышать.

Искорка сидела на подушках совсем рядом с ней, осмелев настолько, что держала Раду

за руку и тихонько поглаживала кончиками пальцев ее запястье. Глаза у нее горели двумя ослепительно яркими звездами, она улыбалась, участвуя в общей беседе и с удовольствием отвечая на вопросы вельдов. Казалось, за прошедшие часы она растеряла всю свою осторожность и вечную недоверчивость к незнакомцам, да так оно и было на самом деле.

Сквозь клубы дыма Рада взглянула в лицо молодого Царя Небо. Сейчас он с улыбкой расспрашивал Кая об Ильтонии, и глаза его светились неподдельным любопытством, словно у щенка, впервые сующего нос в одуванчиковую степь. Вся былая хмурость, вызванная разговорами о Сети'Агоне и предстоящей войне, слетела с Царя, сменившись искренним удовольствием от беседы. Но в наклоне его головы, в том, как он смотрел, в глубине его темных зрачков, окруженных моховой зеленью радужки, Раде все равно чуялось что-то иное, что-то очень знакомое ей самой, что трудно было передать словами. Тьярд знал. Что именно он знал, она бы не смогла сформулировать, но он совершенно точно чувствовал что-то схожее с тем, что она переживала каждый раз в руках Великой Матери. Внутреннюю тишину, глубокую покорность потоку, что мчал сквозь нее водопады звезд и вселенных, предренность чего-то, что только должно было прийти и ждало в немыслимой дали своего часа и срока.

В конце концов, вельдам удалось уговорить Лиару спеть. Служка-корт сбегал за оставленной в их комнате арфой, и все друзья замолчали, ожидая песни. Искорка закрыла глаза и тронула струны, и с пальцев ее полилась, заплетая кружева из тени листьев на земле и земляничных полян, та самая музыка, которой и слова не было на людском языке.

Дул ветер с холодных и сумрачных скал,
Поземкой дорогу совсем заметал.
Качались макушки уснувших дубрав,
Баюкая память о мягкости трав,
О первой капели и первой грозе,
Об искорке солнца в прозрачной росе,
О небе без края, дворцах облаков,
О золоте ржи, вешней песне ветров.
Дорога змеилась к горам без конца,
Чьих острых клыков убоялись сердца,
И люди хранили священный обет:
Вовек не тревожить край страха и бед.
Нет троп и путей в том постылом краю,
Где в бездне баюкают тайну свою,
Укрывшись от мира, хранители врат,
Ведущих за Семь окаянных Преград.

Рада закрыла глаза, всем телом впитывая голос Лиары, и тишина потекла сквозь нее медленным плавным потоком, несущим в себе отблески солнца, как бывает, когда на бегущей поверхности ручья ранним утром то и дело вспыхивают ослепительные вспышки. Голос искорки лился все глубже и глубже в ее нутро, то становясь мягким и переливчатым, как воды горного ручья, то набираясь силы и обрушиваясь на нее подобно камнепаду. Порой в нем звучал рок и холодные ветра неотвратимой зимы, порой дрожало что-то такое сильное, такое мощное, что грудь и горло пережимали невидимые пальцы, и Рада чувствовала, как слезы предчувствия чего-то великого затягивают глаза тонкой пеленой. В другие моменты искорка пела так весело и задорно, что хотелось подхватиться с места и пуститься в пляс, а

пальцы сами выстукивали ритм по мягким коврам. Иногда песня рыдала надтреснутым от боли горлом, грудью, что разрывают острые когти тоски, и тогда сердце Рады сжималось, словно и не о ней была эта песня, словно сама она не переживала ничего из того, о чем сейчас пела Лиара, и лишь сострадала чужим лишениям со стороны.

Вельды замерли, все как один широко открытыми глазами глядя на Лиару, и на лицах их было написано благоговение, смешанное с сильнейшим потрясением. Кирх накрыл руку Царя Небо своей и переплел его пальцы со своими, будто даже и не понимал, что делает. Бьерн склонил голову набок, слушая, как зверь, в его лице была дикость полуприрученного волка, который вдруг впервые в жизни ощутил сладкую нежность человеческой ласки. Лейв просто разинул рот, хлопая глазами и потрясенно качая головой. А Тьярд молчал, и глаза его разгорались все ярче и ярче, словно зарево в рассветном небе.

Лиара не прерывалась, и история плелась, будто та самая тропинка, что все вела и вела вперед семерых путников, рискнувших сунуться за Семь Преград. Они миновали Эрванский кряж по таинственным червоточинам в земле, промытым самим временем, глядя на отблески иных миров, что загадочно мерцали из полутьмы рассеянного света кристаллов. Искорка пела, а Рада, прикрыв глаза, вспоминала, как это было, и на губах ее играла легкая улыбка. Вот бы когда-нибудь отправиться туда, в эти подгорные города, которых и нет вовсе! Вот бы посмотреть, как живут там эти златоглазые эльфы с пепельными волосами!

Дорога вела дальше, под неумолчный грохот Железного Леса, и вельды улыбались, переглядываясь и кивая, будто знали, что это такое. Сквозь огонь и гейзеры, в краю вечно кипящей лавы, сквозь пространство на золотых крыльях Великой Матери. И зрачки Тьярда расширялись так, будто он видел их впервые или заново открывал для себя какие-то черты, которых не разглядел поначалу.

Это было самое лучшее приключение в моей жизни. Рада вдруг ощутила, как горькая и одновременно с этим сладкая грусть вновь заставляет слезы закипать в уголках глаз. Сморгнув, она взглянула на Алеора, который слушал песню, закрыв глаза, полный такого тихого умиротворения, будто лежал сейчас на мягком переплетении трав под звездным светом где-то в одних ему ведомых краях, куда уводило его в минуты покоя его сердце. Если бы не ты, мы никогда бы не пережили всего этого. Если бы не ты, я никогда не ощутила бы себя такой живой. Благодарю тебя, мой дорогой брат, за то, что ты ничего не сказал нам о рисунке перехода! Благословляю тебя за это!

Потом были Черви, несущие их, будто взбесившиеся кони, быстрее ветра на самый край мира. И болотная гниль, сквозь которую их вел сам Небесный Змей Ирантира с глазами сияющими, как луны. В этот момент Лейв почему-то испустил надорванный вскрик, как будто кто-то ударил его под дых, и Лиара даже на миг запнулась, удивленно взглянув на него. Лейв принялся жестикулировать, попытался что-то сказать, но Бьерн легко шлепнул его по руке, и тот прикусил язык. Сам Бьерн улыбался, и глаза его были мягкими, как теплый вечер.

Небесный Змей выпустил в мир двух своих сыновей, чьим копытам грохотать среди звезд, беспокоя задумчивую тишину вселенных и распугивая огнехвостые кометы. А дорога устремилась под град из летающих камней, и дальше, сквозь Лабиринты Эха, где лишь песнь Великой Матери, ритм жизни, повествующий о рождении и смерти звезд, наполнял все, позволяя им пройти сквозь преграду. И когда они миновали ее, песня закончилась.

Рада очнулась рывком, словно вынырнула из ледяной проруби, и заморгала, глядя на искорку, которая тихонько тронула еще пару струн, а потом опустила арфу, смущенно

улыбаясь собравшимся.

— А что было дальше? — выдохнул Лейв, глядя на нее огромными глазами, и все собравшиеся рассмеялись, а Бьерн тихонько приобнял его за плечи и пробурчал:

— Ты же все и так знаешь, остолоп! Но промолчать ведь не мог, да?

— Да как же тут!.. — Лейв задохнулся, размахивая руками перед лицом и не в состоянии выговорить того, что сейчас распирало ему грудь.

— Светозарная, — произнес Кирх с какой-то странной гордостью в глазах, уверенно кивая головой. — Я никогда не слышал ничего подобного. Ни одна песня не может и близко сравниться с тем, что заплетает в слова и музыку ты.

Лиара вновь потупилась, рассматривая струны арфы и чему-то тихонько улыбаясь. Рада чувствовала, как в груди ее мерно пульсировало золото, словно второе сердце, только гораздо более мощное и безграничное.

— Она у нас такая! — дрожащим голосом подтвердила Улыбашка, утирая глаза краешком своей куртки. — Маленькая золотая птичка слаще соловья.

— Истинная правда, — кивнул Кай, мягко коснувшись своей громадной ладонью плеча искорки и сразу же убрав руку.

— Что ж, светозарная, и вправду неплохо, — довольно промурлыкал Алеор, прищурившись на один глаз из-за дыма и рассматривая ее сквозь сизые завитки. — Ты спела нам песню ветра за Семью Преградами, и я только надеюсь, что когда-нибудь услышу ее завершение. Когда мы вновь встретимся.

— Обязательно услышишь, Алеор, — Лиара взглянула на него с пронзительной нежностью, и эльф вдруг как-то неловко заерзал на подушках, словно не знал, куда ему деться из-под ее взгляда. — Если бы не ты, ничего этого бы не было. Так что и вся наша огромная благодарность — тебе.

— Да, Алеор, — кивнула Рада, поворачиваясь к брату и глядя на него. — Если бы не ты, ничего бы этого не было. Спасибо тебе.

Эльф дернул плечом в деланном безразличии, отводя глаза.

— Спасибо тебе, древолюб! — яростно потрянула головой гномиха. — Ты такую сказку нам всем подарил! Ничего ярче со мной никогда в жизни не случилось.

— Благодарю тебя, мой дорогой друг, — в голосе Кая звучала затаенная нежность.

Вельды тоже смотрели на эльфа, и в глазах их было невысказанное уважение. Он, казалось, совсем смутился, пряча глаза в чашечке трубки, которую сейчас растягивал. Рада даже ухмыльнулась. Никогда еще она не видела Алеора таким: не находящим себе места и мечущимся. И при этом — очень довольным.

— Я не сделал ничего особенного, друзья, — скромно опустил глаза он, ухмыляясь краешками губ. — Я всего лишь вписал ваши имена в вечность. И за это вы будете расплачиваться со мной, пока эта вечность не кончится. Так что я, на вашем месте, не спешил бы чересчур бурно радоваться этому. Как бы сожалеть потом не пришлось.

Алеор оставался Алеором, несмотря ни на что. И Раде было жаль лишь, что она не может просто подойти и обнять его, эльф таких вещей терпеть не мог.

— Кажется, я услышал в твоей песне больше, чем думал услышать, Светозарная, — негромко обратился к искорке Тьярд. Глаза его были задумчивыми и бездонными. — И отважусь дать тебе небольшой совет. Думаю, вам с Радой следует отправиться в Данарские горы, к анай. Не знаю почему, но мне кажется, что вам обязательно нужно там побывать. Я бы послал гонца к Лэйк с новостями из внешнего мира, но если вы согласитесь отвезти ей

послание, я буду очень рад.

— Мы и так идем туда, Царь Небо, — выдохнув облачко дыма, сказала Рада, а Лиара, едва не подскакивая на месте от нетерпения, добавила:

— Нам нужно узнать, кто такая Великая Мать.

Тьярд прищурился, внимательно разглядывая их обеих.

— Кажется, никто не сможет лучше анай объяснить вам этого. И раз уж вы сами стремитесь туда, значит, это правда, и Иртан сам заплел ваши пути. — Все взглянули на Тьярда, а тот задумчиво продолжил: — Когда вы только пришли сюда, я думал, что вы и есть Аватары Создателя. Что-то чуется мне вокруг вас, я ощущаю что-то очень... — он замаялся, пытаясь подобрать слова, — очень значимое. Не могу сказать, что это, тем более, раз вы утверждаете, что вы не Аватары. Но Единоглазые Марны плетут Нити наших судеб по своей воле, а Иртан отметил вас, раз вместе с вами путешествовал сам Небесный Змей. И ваше место там, у анай. Возможно, они смогут ответить на ваши вопросы.

— Небесный Змей! — выпалил Лейв, перебивая Тьярда и почти что подпрыгивая на месте. — Почему вы сразу не сказали, что видели Небесного Змея? Ведь это божество, которого чтут корты!

— И как Небесный Змей мог принять форму... медведя? — нахмурил брови Бьерн. — Это звучит так странно.

— Поэтому и не сказали, — пожал плечами Алеор. — Разве вы поверили бы, скажи я сразу, что с нами путешествовал сам Ирантир в сопровождении Небесного Змея?

— После Великой Войны я готов поверить во что угодно, Алеор, — с лукавой улыбкой взглянул на него Тьярд, слегка дернув правым крылом, отчего длинные маховые перья мазнули по пестрым коврам. — Вы говорите так, будто пришли из краев, где веры нет. А мне ведь казалось, что вы поклоняетесь Молодым Богам, и что Жрецы в ваших храмах служат им, видя в этом служении цель своей жизни?

— Это так, Тьярд, и не так при этом, — ответил ему Кай. Его ладони вновь странно шевелились, выплясывая узор в такт словам. — Возможно, у нас слишком много Церквей для того, чтобы люди верили в Богов. Возможно, слишком мало места для чуда осталось в людском мире, потому что все это место заняли храмы. — Он вдруг горько усмехнулся. — Я сам Жрец и всегда считал, что в моих краях вера живет как нигде. Но побывав здесь и посмотрев на вас, я понял, насколько сильно я ошибался. Там, где есть место Церкви, нет места вере. Я запомню этот урок навсегда и сделаю все, чтобы передать его другим.

— Ты собираешься стать окончательным бунтарем, Кай? — довольно рассмеялся Алеор, разглядывая его. — Мало того, что ты разрешил людям заниматься ведовством, которое запрещает Церковь, мало созданных для их обучения школ. Теперь ты будешь рушить саму Церковь, расшатывать ее изнутри, чтобы научить их по-настоящему верить?

— Возможно, — задумчиво склонил голову ильтонец, что-то старательно обдумывая. Рада даже вздрогнула оттого, сколько горечи и внутренней силы сейчас было в его голосе. — Я клялся служить Молодым Богам и нести их волю людям, и если для того, чтобы это сделать, нужно будет уничтожить храмы, я их уничтожу.

На несколько секунд в комнате повисла тишина. Потрясение от слов Черного Жреца было таким сильным, что даже Рада не могла сказать ни слова и только покачала головой. Улыбашка смотрела на ильтонца, открыв рот, Лиара чему-то рассеяно улыбалась, а у Алеора вид был таким, словно он увидел Кая впервые в жизни, и тот при этом преподнес ему самый долгожданный и невиданный подарок из всех возможных.

— Я, конечно, знал, друг мой, что ты слегка странноват, но такое! — Эльф покачал головой в восхищении. — Знай, я всегда помогу тебе в этом деле! Не потому, что верю во что-то такое же, как и вы все, но потому что это самое богоугодное дело из всех, что только можно сделать.

— И именно поэтому, мой друг, я никогда не воспользуюсь твоей помощью, — ответил ему с улыбкой Кай, и все снова дружно рассмеялись.

Раде было уютно с ними, в этой маленькой комнате на краю мира, с музыкой Лиары, что еще продолжала тлеть, будто угли, по углам комнаты и в глазах всех собравшихся. Но и что-то иное уже захватило ее. Странное нетерпение, бессловесный зов из самой глубины ее груди. Сама не отдавая себе отчета в том, что делает, она оглянулась на дверь. Наверное, наше время действительно пришло. Нам пора идти.

Она взглянула на собравшихся у стола друзей, которые продолжали говорить друг с другом и посмеиваться, поддразнивать, задавать вопросы. На стол, на котором выстроились рядом блюда с недоеденной едой, недопитыми напитками и пепельницами, в которых дотлевали последние выбитые из трубок искры табака. А потом взгляд ее переместился на ее искорку, маленькую и такую красивую, которая держала в руках плавный изгиб арфы и смотрела в ответ. В ее глазах тоже была дорога, и эта дорога с каждой минутой звала все сильнее, тянула жилы, требуя поставить уже ногу в дорожную пыль и уйти из этого края. Мне будет так не хватать вас, мои дорогие друзья. Но время пришло.

Словно почувствовав ее настроение, Алеор хлопнул себя ладонями по коленям и проговорил, глядя на вельдов:

— Что ж, царь Небо, засиделись мы у тебя уже порядком. Думаю, дело к полуночи идет, а самый лучший гость тот — кто уходит вовремя и сам. Так что я, пожалуй, отправлюсь отдохнуть. А все формальности касательно договора и дальнейших связей мы сможем обсудить завтра утром, если ты не возражаешь.

— Не возражаю, Алеор, — кивнул Тьярд, а потом устало поморщился. — Правда вот, времени у меня будет уже не так много. Дела требуют моего присутствия, я и так непонятно каким чудом урвал у Марн этот день и ничуть не жалею об этом. Приходи к полудню. Все бумаги будут готовы, останется лишь скрепить их подписью.

Решение Алеора идти спать словно послужило незримым сигналом и для остальных друзей, хоть он больше и не был главой их отряда и не мог приказать им следовать за ним. Кай с Улыбашкой тоже поднялись, в последний раз пожимая руки вельдам, улыбаясь и перешучиваясь. А Рада, поймав полный ожидания взгляд Лиары, подошла к Тьярду и негромко проговорила:

— Царь Небо, не подумай, что нам не по душе твое гостеприимство, но нам с Лиарой пора уходить, — Тьярд слегка прищурился, ожидая продолжения, и Рада нехотя добавила: — Светозарная пошла со мной сюда для того, чтобы узнать, кто такая Великая Мать, и со временем это стало и моей целью. А после всего, что с нами случилось, — и необходимостью, которая не дает мне покоя. Ты говорил, что можешь отправить нас в Данарские горы при помощи рисунка перехода. Если ты не против, я хотела бы воспользоваться твоим предложением.

— Конечно, Черный Ветер, — серьезно кивнул Тьярд. — Но мне потребуется некоторое время, чтобы составить письмо для Лэйк и отыскать ведунов, которые отведут вас туда. Среди ночи это займет больше времени, чем днем. Ваш отъезд может подождать еще несколько часов? Мне нужно подготовить все необходимое.

— Может, — кивнула Рада, протягивая ему ладонь. — Спасибо тебе за все, что ты сделал для нас.

— Я бы хотел сделать больше, — проговорил Тьярд, пожимая протянутую руку. — Но, к сожалению, это не в моих силах. Быть может, однажды мы встретимся на полях сражений Танца Хаоса, Черный Ветер. Мне было бы интересно узнать всю вашу историю, потому что, сдается мне, вы еще только в самом начале своей дороги.

— Наверное, — хмыкнула Рада в ответ. — Я буду очень рада вновь увидеть тебя, Царь. Да хранят тебя твои боги!

— И тебя, Черный Ветер!

Распрошавшись со всеми, пятеро друзей вышли из покоев Царя Небо на холодную улицу Небесного Города. Тепло очага за их спинами отрезала плотно закрывшаяся дверь, а на плечи упала черная зимняя ночь в звездчатую крапинку. Рада с наслаждением вздохнула чистый морозный воздух, показавшийся после душного помещения едва ли не сладким на вкус. Ее взгляд обежал горящие огоньки большого города, уже давно спящего. В этот поздний час подсвечивали лишь мосты и улицы, и только в редких окошках жилых ярусов горел свет. Он мерцал, подмигивая издали, словно звезды на небе, и Рада зябко повела плечами под своей черной курткой. Этот город тоже провожал их в путь, он был ей чужим, хоть и встретили ее здесь тепло, будто родную.

— Пойдем? — Лиара тихонько вложила ей в руку свою маленькую горячую ладонь, и Рада, не удержавшись, поднесла ее к губам и поцеловала.

— Пойдем, моя искорка.

Нога за ногу хмельные и отяжелевшие от съеденного они неторопливо добрались до своих собственных покоев. Удивительно, но вместо того, чтобы идти отдыхать в свою спальню, Алеор выудил из-за пазухи черного плаща бутылку вина, явно прихваченную незаметно со стола Царя Небо, а потом в торжественном жесте поднял обе руки, разворачиваясь навстречу остальным друзьям.

— Внимание, господа и дамы! — словно выступая с речью перед многотысячной толпой, проговорил он, и глаза его искрились смехом. — Мы отлично посидели у Царя Небо, насладились историей о наших с вами славных подвигах, его подвигах, подвигах наших досточтимых предков и всяческой чернухой на тему грядущей войны. Но забыли насладиться одним, — он сделал торжественную паузу.

— Чем же? — хмуро поинтересовалась Улыбашка, складывая руки на груди.

— Нами, — вдруг широко улыбнулся Алеор, и Рада ощутила, как слезы все-таки наворачиваются на глаза, когда он взглянул на нее с каким-то отчаянным голодом и дерзкой улыбкой, так резко контрастирующей с выражением глаз. — Нами самими, мои дорогие друзья! Мы прошли этот путь вместе и завершили дело, ради которого собрались. И сегодня наши дороги расходятся. Наша обожаемая Радушка вместе со светозарной уходят, а завтра начнем собираться в дорогу и мы.

— Уходят? Вы уходите? — лицо Улыбашки вытянулось, и она развернулась к Раде с Лиарой. Пока Рада обсуждала отъезд с Тьярдом, Улыбашка с Каем как раз смеялись над чем-то в компании Лейва и Бьерна, так что не слышали их тихого разговора. И теперь лицо гномихи сразу как-то погрустнело, а хмельной блеск в глазах потух. — Уже уходите? Прямо сейчас?

— Как жаль, — грустно улыбнулся Кай, глядя на них обеих.

Рада только неловко пожалала плечами, чувствуя внутри щиплющую горло горечь, а

Лиара тихонько всхлипывала, но улыбалась, и глаза ее были влажными.

— Как бы странно это ни было и для меня самого, но даже мне жаль, что вы уходите, — взглянул с улыбкой на двух женщин Алеор, а потом легко вытащил из горлышка бутылки пробку и поднял тусклое стекло над головой. — А раз так, то мы должны выпить эту последнюю бутылку до дна за всех нас, пока еще есть такая возможность. За то, что мы уже сделали. За компанию, которая сложилась. За то, что нас только ждет впереди.

— Ты же говорил, что никогда больше не станешь предлагать нам заказы? — Рада с трудом улыбнулась, чувствуя, что сейчас самым позорным образом заревет в три ручья. — Что мы тебя настолько заели за эти месяцы, что ты и в глаза нас видеть больше не захочешь.

— Знаешь, про вас я хотя бы знаю, что можно ожидать, и какими бесючими вы можете быть. Про других ничего подобного я сказать не могу. Да и будет очень неправильно брать в свой отряд кого-то, у кого совсем нет опыта в подобных мероприятиях. Они будут невыигрышно смотреться на моем фоне, их придется учить, наставлять, а вы-то у меня уже прирученные. — Алеор перечислял все это со скучающим видом, а Рада услышала смех: свой собственный и друзей, которые не отрывали взглядов от говорящего эльфа. И так ей было хорошо сейчас, и так больно вместе с тем, что хотелось то ли плакать, то ли петь. — Если вы, разумеется, доживете до следующей моей крупной затеи. Ведь часть из вас бессмертием не страдает, так что вполне может дать дуба от старости. — Он многозначительно взглянул на Улыбашку с Каем. — А другая часть — чересчур бестолкова, чтобы дожить даже до завтрашнего утра. — Он смотрел уже на Раду с Лиарой.

— Ой, да хватит тебе уже брехать, древолюб! — фыркнула Улыбашка, вновь утирая кончиком рукава повлажневшие глаза. — Мы и так все уже давно поняли, что на самом деле ты добряк!

— Ну а если так, то тогда тост! — Алеор вскинул бутылку, оглядывая их всех с ослепительной улыбкой, которой и в помине не было в его синих тоскливых глазах. — За нас, друзья мои! До дна!

— За нас! — повторил каждый из них, прикладываясь к бутылке, которую Алеор передал по кругу. Последний глоток пришелся на долю Улыбашки, и она с громким бульканьем допила кровавое вино, а потом, размахнувшись, швырнула пустую бутылку в незакрытую картинами стену помещения, и та разлетелась на куски, сверкнув пригоршнями осколков.

— А вот это Тьярду явно не понравится, но не побузить мы не могли, — резонно закончил Алеор.

Рада смеялась сквозь слезы, хоть и больше всего на свете хотелось плакать и плакать навзрыд, что и сделала искорка, спрятав лицо в ладошках. Друзья принялись несмело утешать ее, обняв со всех сторон и говоря ласковые слова, а потом они просто обнимались все вместе, и даже Алеор уже не рычал и не выворачивался из общей кучи, хоть от комментариев и не воздержался. Они даже попрыгали немножко на одном месте, держа руки друг у друга на плечах, и пару раз подбросили вопящую Улыбашку в воздух.

А потом накал эмоций схлынул прочь, отпустив их и оставив после себя только тихую печаль.

Собираться долго не пришлось. Рада только головой качала, увидев, что корты постирали и высушили даже ее вещмешок из грубой холстины, в чем он, впрочем, нуждался и даже очень. В комнате ее ждали и новые сапоги из мягкой кожи, сделанные точь-в-точь по мерке ее собственных сапог, в которых больше не было дыры, и на месте нее стояла ровная

черная заплатка. Увязав все вещи в несколько вьюков, она сгрузила их на пол возле своей кровати, глядя на то, как собирается искорка. Она все еще всхлипывала то и дело, но уже не так сильно и взхлеб, как в самом начале.

Улыбашка неловко поскребла в макушке, оглядывая их обеих. Она сидела на кровати напротив них, какая-то совсем маленькая и сиротливая, с ярким хмельным румянцем на щеках.

— Оставляете меня одну с этими кобелями, — пробормотала она, грустно шмыгая носом. — А сами уходите, не пойми куда.

— Можешь пойти с нами, если хочешь, Улыбашка, — всхлипнула искорка, оглянувшись на нее через плечо.

— Да упаси меня Загриен! — замахала обеими руками гномиха. — Что я там забыла, в этих ваших горах? Меня муж дома ждет, детки, мне к ним надо.

— Передавай им всем огромный привет от нас! — устало улыбнулась Рада, а Лиара добавила:

— И скажи им, что у них самая героическая мама на свете!

— Ну уж вам, — отмахнулась Улыбашка, скривившись, но Раде было видно, что гномихе приятно.

Шальная мысль мелькнула у нее в голове, и Рада все-таки ляпнула, не успев придержать хмельной язык:

— Улыбашка, я все хотела тебя спросить, а почему тебя называют Улыбашкой? Из-за шрама?

— Да нет, — хмыкнула гномиха, пожав плечами. — Шрам-то позже появился. У меня улыбка была красивая очень, все гномы млели, вот и прозвали так. А когда покорябалась, — она указала пальцем на оттянутый вверх угол губы, — как-то к месту даже пришлось. И всяких дураков отпугивает, которые недооценивают женщин-наемниц. Так что мне очень даже на руку пришлось.

— А откуда у тебя шрам тогда? — вновь спросила Рада.

— На самом деле я просто пыталась подстричь себе челку, — тихонько рассмеялась гномиха. — На кухне крутилась, волосы лезли в глаза, и решила аккуратно отхватить лишний кусок, чтобы не мешался. И только нож-то подставила, как сзади в спину мне моя младшенькая, Ниити, и врезалась. Они как раз с мальчишками по коридорам мяч гоняли. Ну вот и вышло так.

— Грозар Пресветлый! — поежилась Рада, глядя на Улыбашку, а та вновь усмехнулась своим воспоминаниям, покачивая головой и глядя прямо перед собой.

Вскоре все было собрано, и друзья вышли в общую комнату, где их уже ждали Алеор с Каем. Ильтонец крепко обнял сначала Радку, потом искорку. В его руках она казалась совсем уж крохотной, худющим котенком между лап громадного лохматого пса.

— Когда бы вы ни оказались в Латайе, и что бы вам ни понадобилось, просто назовите мое имя, — проговорил Кай, оглядывая их обеих. — Вам помогут с любой просьбой в каждом доме, какой вы встретите. Что же касается меня самого, то я сам приду, когда бы вы ни позвали меня. И от всей души я желаю вам дойти до своей цели и найти то, что вы ищете! Пусть ваш путь будет гладким и легким, пусть Боги освещают вам дорогу, и пусть мы однажды встретимся!

— Спасибо, Кай! — Рада вновь пожала ему руку, глядя в глаза. — Я не забуду. И ты всегда можешь рассчитывать на нас. Особенно, когда начнешь рушить храмы, — добавила

она с ухмылкой.

— Ну еще бы! — усмехнулся ильтонец.

Потом они еще раз обнимались, желали друг другу доброй дороги и удачи. Лишь один только Алеор стоял в стороне, сложив руки на груди и посмеиваясь. Когда же в дверь просунулась голова Ольда, и тот негромко позвал Раду с Лиарой в путь, Алеор неожиданно вышел следом за ними из комнаты, захлопнув дверь перед Каем с Улыбашкой и бросив в ответ на рассерженное ворчание гномихи:

— Теперь моя очередь! Вы свое уже отрыдали!

На улице на ветру стоял, завернувшись в крылья словно в плащ, Царь Небо Тьярд, а рядом с ним горбился Черноглазый Ольд, вжимая голову в плечи от трескучих прикосновений мороза. Вид у обоих был заспанный. Рада взглянула на небо, пытаясь определить, который час. Судя по всему, дело шло к рассвету, а раз так, то вряд ли Тьярд успел проспать хотя бы пару часов.

— Остальные передавали вам пожелание легкой дороги и хорошего пути! — проговорил Тьярд, подавив зевок. — А я вот вышел проводить. Негоже пить с людьми весь день, а потом просто выпихнуть их за дверь. — Он покосился на Ольда и со смешком добавил: — Пусть даже эта дверь слегка расплывчатая.

— Благодарю тебя, Царь Небо! — Рада склонила голову, в который раз уже думая о том, что этот мальчик совсем не похож на царя. Или, наоборот, слишком похож. Скорее правители земель, из которых она была родом, гораздо больше не соответствовали занимаемым им должностям, чем он. Вельд протянул руку, и Рада крепко пожалала ее. — Мы не забудем твоего гостеприимства. И дадут боги, еще встретимся под этим небом.

— Встретимся, Черный Ветер! — кивнул Тьярд, а потом полез за пазуху и передал ей скрученный в трубку свиток, запечатанный воском. — Это письмо для царицы Каэрос Лэйк. И передай моей кровной сестре мою глубочайшую преданность.

— Обязательно, Царь, — кивнула Рада.

— Счастливого пути, светозарная! — проговорил Тьярд и крепко обнял Лиару. Что она ответила ему, Рада не расслышала, потому что к ней повернулся Алеор.

Пронзительный зимний ветер трепал его черные волосы, и эльф слегка щурил глаза, будто ему было холодно. Рада не могла понять, какое в них выражение, и просто смотрела в ответ, надеясь, что он поймет без слов все, что ей так хотелось ему сказать. Удивительно, но Алеор все-таки разомкнул узкую складку губ и с кривой усмешкой проговорил:

— Я не верю во все ваши бредни с Великой Матерью, Рада, и ты прекрасно это знаешь. И все же я желаю вам, чтобы у вас обеих все получилось. И я очень рад, что все так сложилось с Сагаиром. — Он сморгнул, сощурился, потом вновь продолжил. — Не беспокойся о своих детях. Как только я вернусь домой, я прослежу, чтобы к ним приставили надежных людей, которые уберегут их от бед. Если они захотят этого, то смогут переехать в Лесной Дом и жить там. — Взглянув на Лиару, он вновь усмехнулся. — Раз уж все так сложилось, то и для тебя, светозарная, найдется у нас место. Тебе, как и Раде, будет присвоена фамилия Ренон, ты будешь причислена к нашей семье. В конце концов, имения на юге страны уже принадлежат Раде, думаю, там хватит места для вас двоих.

— Спасибо, Алеор, — голос внезапно пропал, горло осипло, и Рада с трудом проталкивала слова сквозь сведенные губы.

— Не за что, — пожал плечами он, глядя ей в глаза. — Единственное, о чем я всегда мечтал для тебя, так это чтобы ты выбралась уже наконец из проклятой Мелонии и начала

жить так, как тебе хочется. Признаться, я не ожидал, что ты сразу же удерешь с Первопришедшей эльфийкой в дикие горы к крылатым женщинам, но почему нет, в общем-то? Это уж точно лучше, чем гнить в Латре.

— Это точно! — хмыкнула Рада, утирая все-таки выступившие на глазах слезы. Что-то много она плакала за этот вечер, гораздо больше, чем за последние полгода.

— Ну что ж, сестра, — Алеор взял ее за плечи. — Иди навстречу своей судьбе. Коли угодно будет Марнам, еще встретимся.

— Обязательно встретимся, брат! — горячо пообещала Рада, глядя ему в глаза, а потом крепко обняла его.

Это было правильно и по-настоящему честно. От эльфа почему-то пахло полынной горечью степей, и Раде так ярко запомнились его черные волосы, полощущиеся на ветру, на которых тускло поблескивал мерцающий свет звезд. Отпустив ее, Алеор обнял и Лиару, а потом отступил на несколько шагов назад и поднял руку:

— Пусть Великая Мать хранит вас обеих, Рада и Лиара Ренон! И пусть дорога однажды приведет вас туда, куда вы так хотите попасть!

— До встречи, друзья! — улыбнулся Тьярд.

Искорка прильнула к Раде, всхлипывая и прячась у нее под боком, а Черноглазый Ольд уже открывал перед ними колеблющуюся арку прохода. Рада знала, что ей нельзя ничего чувствовать сейчас, но ничего не могла с собой поделать. Она смотрела на своего брата во все глаза, пока рука Черноглазого в ее ладони не потянула ее вперед, сквозь серую пелену, за которой скрылись мерцающие вдали огни города Небесных Людей Эрналда.

Ноги сами шагали сквозь серый мир за Гранью, мир расплывчатых форм и сущностей, и Рада не слышала собственного всхлипывания, хоть слезы и жгли глаза, стискивали болезненными когтями горло. Эта дорога кончилась, все привычное осталось позади, последнюю ниточку к ней прежней обрубил врата перехода, и теперь она шагала рука об руку с Лиарой вперед, к своему будущему, абсолютно свободная от всего, ощущая себя голой до самых костей. Я отдала все, Великая Мать, я все оставила тебе. Что ты дашь мне взамен? Что ждет меня впереди?

Летели мимо обрывки сущностей, скользила бескрайняя грудь степей. За Гранью было светлее, чем в реальном мире, где царилась ночь, словно здесь и вовсе не было смены дня и ночи. На движение указывали лишь ладони ее спутников, слегка подрагивающие в такт шагам. А сама Рада чувствовала себя уставшей и опустошенной донельзя. И при этом легкой, будто перо, которое подхватил порыв ветра и крутит, крутит над землей, швыряя из стороны в сторону. Как ляжет это перо? И для чего ветер так неистово подбрасывает его, для какой цели? Лишь тебе это ведомо, Великая Мать. Ну а коли так, то я лишь следую твоей воле.

А потом впереди забрезжил черный провал выхода из перехода, и Ольд растворился в нем, выводя их на поверхность. Рада потянула за собой серебристое существо, так похожее и при этом не похожее на Лиару, и, шурясь, вышла под свет ослепительных солнечных лучей.

Могучие порывы ветра здесь ничто не сдерживало, и они дышали полной грудью, гоня массы холодного зимнего воздуха по собственному желанию и воле. Воздух пах соснами, немного дымом и хлебом, но больше — резким странным запахом камня и снега, дыханием зимы. Он взлохматил волосы Рады, швырнул пригоршню снежной пыли прямо ей в лицо, и, проморгавшись, она увидела.

Они стояли на нешироком плато, прилепившемся к боку горы. Внизу, в седловине между двух огромных скал, лежало что-то, похожее на деревню. Несколько больших

деревянных строений с усыпанными снегом крышами окружали просторный пятачок земли, расчищенный от снега, на котором сейчас кругами двигались несколько десятков фигур, то ли отработывая какие-то упражнения, то ли просто бегая. Со всех сторон поселение обхватывала молодая рыжая поросль сосен, тоже укрытых белым одеялом снега. К склонам гор повсюду лепились маленькие домишки, и ветер тянул на запад темные дымки из труб. А небо над седловиной рябило от огненных огоньков, словно тысячи разноцветных бабочек поднялись к солнцу. Рада засмотрелась на невиданное зрелище. Там, построившись в две шеренги, сражались друг с другом женщины с огненными крыльями, двигаясь так стремительно и легко, что дух захватывало.

Зимнее небо было высоким и светлым. Восток пылал алым, где-то там, за краем мира, рождалось солнце, чтобы залить своими лучами белое полотно Роура, подползающее к самым горам с поселением в седловине меж ними. Прямо от каменного плато, на котором они стояли, начинала свой змеистый путь вниз узенькая тропинка, протоптанная в снегу.

— Это становище Сол в землях клана Каэрос. Здесь я оставляю вас, миледи, — церемонно поклонился Ольд, стоя у открытого зева перехода. — Пусть Иртан будет с вами и хранит вас в своей сияющей длани!

— Пусть Боги хранят и тебя, Черноглазый Ольд! Прощай! — проговорила Рада. Он кивнул, шагнул во тьму перехода, и створки его схлопнулись за его спиной.

Рада взглянула на Лиару, застывшую и огромными глазами глядящую вниз, где над седловиной танцевали в небе огненные языки пламени на крыльях анай.

— Пойдем? — тихо спросила Рада, покрепче перехватывая ее ладошку.

Искорка подняла на нее глаза, а потом вдруг тихонько рассмеялась и кивнула, тряхнув золотыми кудряшками:

— Пойдем!

Они начали медленно и осторожно спускаться по протоптанной в снегу тропинке с горного плато вниз. А с востока, из-за бескрайней снежной степи, брызнули яростные лучи зимнего солнца, окрасив горы в багрянец и золото, залив ими весь Роур, предгорья, и становище Сол, укывшееся в глубокой седловине меж двух гор.

===== Глава 26. Становище Сол =====

Узкая тропинка в снегу петляла между скальных выступов, крутая и извилистая, сбегая по склону горы вниз. Рада шла первой, а Лиара пристроилась у нее за спиной, чувствуя, как внутри отчаянной золотой птичкой бьется в ребра волнение. Золото пульсировало так сильно, что сложно было дышать. Сам воздух этого места казался ей пропитанным этим золотом, густым, словно патока, заполненным до предела. Всей грудью она вдыхала резкий запах сверкающих на солнце кристалликов мороза, которыми обросли снежные шапки на склонах гор и соснах внизу, теплый аромат свежего хлеба, запах хвои и чего-то еще, странно знакомого и при этом нового.

Глаза не отрывались от становища, расположившегося в седловине меж двух высоких гор прямо у них под ногами. Оно было еще больше непохоже на все виденные ей города, так резко отличалось даже от Эрнальда, казавшегося Лиаре едва ли не выплывшим из древних сказок о далеких странах и чужих краях. Всего несколько приземистых деревянных зданий вокруг большой расчищенной площадки, на которой кругами бегали какие-то фигуры, взмахивая руками и ногами, явно отработывая на бегу удары. И разбросанные по склонам горы жилища, крохотные, укрытые снегом домишки, над трубами которых вились усики дыма. Городом назвать язык не повернется. И правда, становище.

Но гораздо большее любопытство вызвали женщины, кружащиеся в воздухе чуть в стороне от становища, метрах в трехстах над землей. Все они были в белом, а за их плечами пылало пламя, принимающее форму двух огромных крыльев, нестерпимо красивых и завораживающих. Женщины скользили так быстро, так плавно, словно их собственный вес и порывы ветра высоко в воздухе никак не стесняли их движений. Как стайка ярких бабочек, танцующих над цветущей степью, которых ветер закручивает в пестрый хоровод. Великая Мать, они и вправду летают! Нет предела твоим чудесам, нет границ твоей Милости!

— Кто-то идет, — негромко сообщила Рада, и Лиара, заглядевшаяся на тренирующихся анай, опустила глаза вниз, на тропу перед ними.

И действительно. Невысокая женщина в белом пальто с темными короткими волосами поднималась вверх по тропе от становища, поглядывая на спускающихся путников. Лиара любопытно пригляделась к ней. Она была коренастой и очень широкой в плечах, обтянутых длинным пальто, доходящим почти до колен, в узких белых штанах, заправленных в точно такие же белые сапоги. На боку женщины висел меч в ножнах, причем двигалась она так, что он казался частью ее тела, а не оружием, которое она носит с собой, чтобы использовать. С другой стороны меч уравновешивали кинжал с роговой рукоятью и небольшой рог, прикрученный к поясу ременной петлей. Ее темные волосы были коротко острижены, лишь на затылке виднелся хвостик из нескольких длинных прядей, доходящий ей до плеч. Используя эльфийское зрение, Лиара смогла рассмотреть и ее черты лица. Прямой подбородок, широкие скулы, шрам справа на челюсти, прямые темные брови. И глаза, что пристально, чуть сощурившись, изучали идущих навстречу. Она выглядела достаточно молодой, может, одного возраста с Радой или около того.

— Что-то не больно радостно она на нас смотрит, — проворчала Рада, и Лиара увидела, как напряглись ее плечи. Руки она держала ровно по бокам, но что-то неуловимо изменилось в ней, и Лиара поняла, что в любой миг Рада готова выхватить меч.

— Алеор говорил, что они живут очень замкнуто, — как можно мягче проговорила она, стараясь успокоить Раду. — Наверное, они не доверяют чужакам. Потом мы явились сюда довольно странным способом. Так что вряд ли можно ожидать иной реакции.

— Посмотрим, — пробормотала Рада, но плечи ее чуть-чуть расслабились.

Они встретились посреди тропы, не дойдя друг до друга каких-то несколько шагов. Женщина заговорила первой, цепко разглядывая их темными глазами, в которых ничего нельзя было прочитать.

— Светлого утра под взглядом Огненной! — говор у нее был чуть яснее, чем у вельдов, но Лиаре все равно приходилось внимательно вслушиваться, чтобы понять смысл сказанного.

— И вам доброго утра! — осторожно отозвалась Рада, разглядывая ее. Странно, но плечи ее окончательно расслабились, и она уже не выглядела готовой в любой миг напасть. — Нас привел из Эрналда Черноглазый ведун от Царя Небо Тьярда. У нас послание для царицы Каэрос Лэйк.

— Да, Боевые Целительницы ощутили, как открывались врата, — кивнула головой анай. Теперь она тоже выглядела спокойнее, будто слова о послании ослабили туго натянутую тетиву, незримо звенящую между ними троими. Но при этом взгляд женщины все еще оставался очень внимательным и каким-то странно ждущим. — Но вы не вельды. Больше всего вы смахиваете на бессмертных. — В тоне ее послышался вопрос.

— Меня зовут Рада Черный Ветер, — она шагнула вперед, протягивая руку, и женщина,

пристально рассматривая ее, пожала ладонь. — А это — Лиара Светозарная. Владыка Илион из Лесного Дома посылал нас запечатать Черный Источник, что мы и сделали, пройдя через Семь Преград.

Лицо женщины неуловимо изменилось, а взгляд буквально впился в них обеих. Она прищурилась, вновь окидывая их взглядом с головы до ног.

— Так вы пришли из-за Эрванского кряжа? Из того места, что называют Срединным Этланом?

— Да, — кивнула Рада.

— Мы ждали вас, — с какой-то странной обреченностью в тоне кивнула женщина, словно это все объясняло. — Я — Рен, дочь Фин, Клинок Рассвета из становища Сол. Прошу вас следовать за мной. Я отведу вас к царице.

Она первой повернулась и зашагала по тропе обратно, махнув рукой над головой кому-то, кого Лиара не видела. Она быстро обежала глазами горы. Ничто не шевельнулось, нигде не было заметно движения, но жест Рен означал, что за ними следили и, вполне возможно, держали на прицеле. Это объясняло и полное равнодушие к их визиту со стороны тренирующихся внизу женщин, и неторопливое приближение Рен пешком по тропе от становища, хоть это расстояние она вполне могла преодолеть гораздо быстрее при помощи крыльев.

Лиара переглянулась с Радой и зашагала следом за ней вниз. Имя у этой Рен было странным, как и речь, а что такое «Клинок Рассвета», Лиара и вовсе не поняла. Может, какое-то звание? Или прозвище? Лиара вновь огляделась. Все здесь было совсем незнакомо ей, такое непривычное, такое странное, но совсем не опасное. Если в непривычности Эрналда было что-то холодное и отталкивающее ее своей чуждостью, то тут она чувствовала себя удивительно уютно. Лиара вздохнула полной грудью холодный воздух, в котором теперь отчетливо читался запах сосен и хлеба. Интересно, кто такие Боевые Целительницы? Здесь так называют ведьм?

— Танец Хаоса уже начался, Рада Черный Ветер? — вдруг негромко спросила Рен, обернувшись через плечо. В глазах ее не было тревоги, лишь спокойная готовность. — Вы пришли за тем, чтобы призвать нас на войну?

— Нет, Рен, еще не начался, — отозвалась Рада. — А мы пришли к вам, чтобы...

Она прервалась на полуслове, словно не зная, как закончить свою мысль. Рен вновь обернулась, с интересом рассматривая ее.

— Чтобы учиться, — закончила за нее Лиара, и взгляд женщины обратился к ней. — Мы хотим учиться у вас.

— Чему? — удивленно взлетели брови Рен. — Я слышала, что Этлан Срединный хранит знания, о которых мы и мечтать не можем. Ваша история не прерывалась, ваша память гораздо длиннее нашей.

Лиара набрала в грудь воздуха. Сейчас или никогда. Только они могут ответить на мой вопрос. И если они не ответят, то я не знаю, что делать дальше.

— Мы хотим знать, кто такая Великая Мать, Рен, — проговорила Лиара, и женщина едва не споткнулась на ровном месте, вытаращившись на нее. Сердце Лиары сжалось от тревоги. — Это очень важно для нас. Мы надеялись, вы нам расскажете.

— Великая Мани Эрен хранит весь мир в ковше Своих ладоней, — проговорила женщина, слегка склонив голову, и у Лиары отлегло от сердца. Правда странное слово «мани» она не совсем поняла, но в тоне Рен звучала уверенность, что они говорят об одном и

том же. — Я слышала, что Низинные народы не знают о Ней ничего, но никогда не думала, что кто-то из них захочет пройти столь долгий путь, чтобы узнать. — Ее изучающий взгляд вновь прошелся по Раде с Лиарой. — Но раз вы хотите учиться, думаю, царица согласится вас научить. Хотя я и не представляю, как можно научить верить.

— Мы и так верим в нее, Рен, — неловко пробормотала идущая следом за ней Рада. — Но хотим знать.

— Знать что? — заморгала сбитая с толку анай. — Если вы в нее верите, что тут можно еще знать? Или хотеть узнать?

Золотая пульсация в груди стала такой сильной, что Лиара даже прижала ладонь к груди, чувствуя, как разрывается грудная клетка. И с недоумением и точно таким же удивлением смотрела в ответ на Рен. Теперь она поняла, что это было за странное чувство, странная атмосфера, висящая в воздухе над становищем. Анай были совсем другими, они кардинально отличались от привычного ей мира. В них было что-то гораздо большее, чем во всех остальных расах, неуловимое и необъяснимое. Любопытство почти детское, но не наивное, а желающее знать. Открытость, тщательно завернутая в маску подозрительности. И простота. Во всяком случае, пока это было все, что она смогла разглядеть в Рен, но что-то очень близкое неуловимо ощущалось во взгляде ее темных глаз. Те же золотые искры, что танцевали в глазах и Царя Небо Тьярда.

— Это сложно объяснить, Рен, — Рада выдохнула, пятерней взлохматив непослушные волосы. — Но я попробую. У меня в груди...

Но тут Рен резко отвернулась от них и выпрямилась по стойке смирно, прищелкнув каблуками. Только теперь Лиара осознала, что они спустились уже по тропе на самое дно седловины и стояли недалеко от большого приземистого бревенчатого строения, укрытого толстой шапкой снега. А навстречу к ним от строения двигалась еще одна женщина в белом пальто с мечом и кинжалом на поясе, и что-то очень звериное было в ее скользкой походке, в том, как она смотрела, пристально, немного склонив набок голову, будто прислушиваясь, в том, с какой хищной грацией без единого лишнего жеста вышагивали вперед ее длинные ноги в мягкой обуви, словно лапы хищника, бесшумно подкрадывающегося к жертве. У нее были черные прямые волосы, подстриженные точно так же, как и у Рен, темные глаза, холодные, словно два ножа, и узкий длинный упрямый подбородок, в котором Лиаре почудилось что-то волчье.

— Гонцы от Царя Небо, первая! — рывкнула Рен, вытягиваясь в струну. — С посланием к царице!

— Вольно, — голос у женщины был низким и слегка хрипловатым. Лиара почему-то заробела под ее тяжелым взглядом, инстинктивно придвинувшись поближе к Раде. Темные глаза изучали их лица, а потом женщина как-то странно вскинула голову, шумно втянув в себя воздух, и удивление промелькнуло в ее взгляде. — Бессмертные, но не Первопришедшие. Откуда вы?

— Из-за Эрванского кряжа, — вновь повторила Рада. — Мы прошли Семь Преград и запечатали Черный Источник по просьбе Владыки Лесного Дома Илиона.

Лицо женщины еще больше вытянулось, черные брови нахмурились, и она энергично кивнула головой:

— Возвращайся на пост, Рен, я сама проведу их. Я Торн, дочь Фиды, первый Клинок Каэрос. Добро пожаловать в становище Сол!

— Благодарю, первая, — отозвалась Рада, слегка запнувшись на незнакомом титуле, и

вновь представила их с Лиарой.

Торн кивнула головой и отвернулась от них, бросив через плечо:

— Следуйте за мной. Царица тренируется, но такие вести не могут ждать.

Больше она не проронила ни слова, и Рада с Лиарой заспешили следом за ней, подстраиваясь под ее широкие шаги. Лиара с любопытством вглядывалась в ее спину, покачивающиеся на ходу плечи. Торн совсем не походила на встреченных ею в жизни женщин. Она выглядела дикой и опасной, и волны силы почти незримо расходились вокруг нее, отчего по рукам у Лиары бежали мурашки.

Они обогнули приземистое бревенчатое строение, вышли на широкую вытоптанную в снегу дорогу, которая вела к большому зданию с высокой крышей впереди. Лиара все гадала, какой же окажется царица Каэрос. Тьярд говорил о ней с затаенным теплом в голосе, словно о ком-то очень родном, и Лиара поначалу представляла себе добрую, смешливую девочку с лицом, усыпанным веснушками. Но теперь, поглядев на Торн, уверенности у нее поубавилось. Если царица Каэрос управляла такими, как она и Рен, то у нее должен был быть железный характер и несгибаемая воля, иначе они бы не стали подчиняться, как никогда не подчинится дикий зверь жизни в неволе.

Пристроившись рядом с Радой и вложив ладонь ей в руку, отчего она всегда чувствовала себя более комфортно, Лиара принялась осматриваться. Вокруг были одни женщины, и в первый момент это показалось ей таким же странным, как полное отсутствие женщин в Эрнальде, однако, уже через несколько мгновений Лиара вдруг поняла, что ей уютно. Так уютно, что вовсе и не страшно. Особенно, когда из ближайшего бревенчатого строения на улицу со смехом высыпала целая стайка девчушек лет семи-восьми, одетых в белые длинные пальто, которые со смехом принялись кидаться снежками и валяться в сугробах. Волосы у них у всех были длинными, почти до пояса, словно их ни разу не стригли, и все — темных цветов. Лишь одна единственная русая головенка среди них всех смотрелась странно.

Почти сразу же девчушки заметили незнакомку и замерли, словно настороженные лани. На Лиару с Радой обратились двенадцать пар одинаково круглых темных глаз, даже моргающих почти синхронно. Одна из девочек застыла со снежком в руке, держа другую за воротник. Лиара готова была поклясться, что еще секунду назад, она собиралась запихнуть ей этот снежок прямо за шиворот. Не удержавшись, Лиара улыбнулась детям, и одна из девочек, самая маленькая из них со вздернутым носом и без переднего зуба, робко вернула ей улыбку.

Навстречу попадались женщины в белых пальто, несущие в руках корзины с бельем, тащившие в ведрах воду, женщины с оружием на поясах, женщины в странных мешковатых штанах и коротких куртках с перехваченными на лбу лентами волосами. Лиара оглядывалась по сторонам, ловя заинтересованные, удивленные, любопытные взгляды. Анай оставляли свою работу, разглядывая их темными глазами, в которых было недоверие и еще что-то, чего Лиара все никак не могла распознать. Странная готовность, но к чему? Ожидание, но чего?

Почти все они были темноглазыми и темноволосыми, разве что прически отличались. Лиара заметила, что женщины при оружии все коротко стриглись, оставляя лишь тонкий хвостик на затылке, а остальные, кто оружия не носил, отпускали волосы, заплетали их в косы, закручивали в пучки или хвосты на затылке по собственной воле. И таких женщин было больше, а лица их выглядели как-то мягче, спокойнее, плавнее, чем у вооруженных.

Впрочем, особенно поглазеть по сторонам она не успела. Торн подвела их к высокому зданию с большими двойными дверями и распахнула одну из створок, заходя внутрь и

кивком приглашая их следовать за собой. Лиара вступила в полумрак строения следом за Радой, оглядываясь по сторонам. Крыша висела высоко над головой, поддерживаемая толстыми сосновыми бревнами. По периметру всего помещения в чашах, подвешенных к потолку на толстых цепях, горело пламя, освещая и согревая воздух. Пахло потом, сосной, деревом, и приглушенный лязг стали, шарканье ног и тяжелое, срывающееся дыхание были единственными звуками, гулким эхом разносящимися над квадратным помостом в центре помещения. Лиаре в глаза бросились и ряды лавок, расставленных вдоль стен, круглые столы из крепкого дерева, но она уже не могла оторвать взгляда от того, что происходило на помосте.

Помещение ничем не обогревалось, и она не могла бы сказать, что здесь было тепло, однако танцующих на помосте женщин это несколько не беспокоило. И пусть в их руках сверкало с ослепительной скоростью оружие, но назвать это иначе как танцем язык просто не поворачивался. Лиара сразу увидела ее, царицу Каэрос. Она была даже выше Рады, не намного, но все-таки выше, с телом, состоящим из одних только мышц. На ней были лишь белые штаны и повязка, перетягивающая грудь, и отсветы огня в чашах под потолком танцевали на обнаженной, повлажневшей коже. В руках ее вращалось, будто сухой пруттик, огромное копьё с тяжелым древком, вращалось так быстро, что сложно было уловить его движение, а за плечами виднелись те же крылья, что и у Царя Небо Тьярда.

Торн повела их вперед, к помосту, а Лиара все глаз не могла оторвать от царицы Каэрос. Кожа, под которой не было ни капли жира, рельефно обтягивала ее тело, подчеркивая каждую мышцу, мускулатура была развита едва ли не как у кузнеца. Черные волосы царицы слиплись от пота, и тонкий хвостик на затылке хлестал ее по плечам. Крылья с длинными маховыми перьями, коричневые с черным окаёмом, плавно вращались прямо в ее лопатки, словно часть тела, такие же гармоничные, как руки или ноги. Царица держала их сложенными за спиной, и ни одно перышко не дрожало, когда она скользила по помосту, вращая здоровенным копьём и отбивая удары трех нападающих на нее со всех сторон женщин. Они тоже были обнажены, сжимали в руках мечи и такие же копьё, но ни одно из них, как бы они ни старались, не могло тронуть обнаженной кожи царицы. На ее предплечьях от запястья до локтя переливались золотом татуировки языков пламени, на обоих плечах виднелись темные символы: круг с четырьмя закрученными посолонь каплями острыми концами наружу на левой, стилизованный трезубец на правой. Такие же татуировки виднелись и на телах нападающих на нее анай.

— Вот ведь здорова! — с невольным уважением выдохнула Рада, которая тоже во все глаза смотрела на царицу анай.

— Первая! — возвысив голос, хрипловато позвала Торн. — Гонцы от Тьярда!

Царица завершила плавный разворот копьё и остановилась на месте. Трое других анай тоже опустили оружие, останавливаясь и кланяясь ей. Вернув поклон, царица негромко проговорила:

— Благодарю вас за отличный танец. Надеюсь на повторение, если у вас будет время.

— С радостью, первая, но лучше через недельку! — усмехнулась огромная женщина, самая высокая из всех, каких Лиара только видела в жизни, лицо которой перетягивала черная повязка, скрывая недостающий глаз. — Я уже старовата стала для таких танцев.

— Не дури, Неф, — беззлобно проворчала царица, вернув улыбку, а потом повернулась к ним с Радой, и лицо ее моментально стало сосредоточенным.

Лиара не удержалась и склонилась в поклоне, хоть и не знала, правильно ли так

приветствовать царицу анай, но по-другому просто не получилось бы. Казалось, сам воздух дрожит вокруг этой женщины, а сама она и вовсе не походила на живого человека, скорее на несгибаемую скалу или хищно поблескивающее лезвие копья. Правый глаз ее был плотно закрыт, и щеку пополам пересекал длинный росчерк почти вертикального шрама, лишивший ее половины зрения. Второй глаз горел льдисто-синим обжигающим пламенем, и Лиара вздрогнула под его взглядом. Никогда еще она не чувствовала ничего подобного. Из глаз этой женщины на нее глядела неукротимая сила, которой не было ни имени, ни плоти, лишь одно единственное горящее стремление. Еще одна татуировка виднелась на ее лбу, чуть выше бровей, только вот она казалась скорее частью ее кожи, а не нанесенным чернилами узором. Вертикальное золотое око со зрачком, глядящим на путников, третий глаз взамен одного потерянного. Лиаре почему-то на память пришел маленький Далан, в чьем лбу открылось самое настоящее Око Марны Девы, и она неуютно повела плечами от пробежавшего по коже озноба. Черные прямые брови царицы и выдающийся вперед подбородок с едва заметной ямочкой довершили картину. Взгляд Лиары прошелся и по ее телу, покрытому многочисленными отметинами старых шрамов, и она внутренне содрогнулась. Эту женщину будто с ног до головы истыкали оружием. Оставалось только удивляться, как она сумела пережить большую часть из этих ранений, выглядящих смертельными каждое поодиночке, не говоря уже обо всех разом.

Легко спрыгнув с помоста, царица подхватила с его края чехол для лезвия и аккуратно вложила в него оружие, оставила копье в сторону осторожно и медленно, словно это было сейчас самой важной задачей в мире. А потом, продев под руками белую безрукавку с разрезами для крыльев на боках, зашагала навстречу Раде с Лиарой.

— Светлого утра под Очами Богини! Царица Лэйк дель Каэрос, Лунный Танцор, — голос у Лэйк был низким, а речь отрывистой. Она точно так же, как и Торн до этого, дернула головой вбок, шумно втянула носом воздух и заключила: — Эльфы и не из Аманатара. Вы принесли вести о начале Танца Хаоса?

— Нет, царица, — Рада смотрела на Лэйк как-то странно, ее ладонь крепче стиснула руку Лиары, а в глазах было намешано столько всего, что разобраться в этом было невозможно. Одно единственное чувство Лиара распознала точно: в груди колючим клубочком свернулась ревность. Ей даже стало смешно. Как можно было ревновать к Лэйк? Эта женщина, казалось, была самой неукротимой пульсацией Черного Источника, и Лиара просто не могла себе представить человека, который согласился бы встать с ней плечом к плечу и делить эту мощь на двоих. — Танец Хаоса был провозглашен, но еще не начался.

— Тогда почему вы здесь? — взгляд Лэйк пронзительно обежал их лица. Она просто спрашивала. Не пыталась оскорбить, не угрожала, просто интересовалась. У Лиары возникло впечатление, что она всегда немногословна и говорит отрывисто.

— Мы прошли Семь Преград и запечатали Черный Источник, а потом направились к вам, чтобы понять, кто такая Великая Мать. Чтобы учиться. — Рада прямо взглянула ей в лицо.

Глаз Лэйк сощурился. Больше никаким образом она своих эмоций не выдала. Кивнув Торн, она проговорила:

— Мы пойдем говорить в Зал Совета. Только накину на себя что-нибудь.

Когда она отошла в сторону, чтобы одеться, Рада хмуро посмотрела на Торн:

— Она всегда такая немногословная? Или мы чем-то ко двору не пришли?

— Всегда, Рада Черный Ветер, — улыбка Торн больше походила на оскал. — Вам здесь

никто зла не причинит. Мы чтим законы и договор, заключенный с вельдами.

— Да я и не волнуюсь об этом, — проворчала Рада, однако встала чуть ближе к Лиаре, почти что закрывая ее плечом от высокой царицы Каэрос. Лиаре стало смешно, но она сдержала стремящуюся растянуть губы улыбку.

Трое нападающих на Лэйк анай тоже спрыгнули с помоста, убрав оружие, и теперь неторопливо направлялись к ним, утирая влажную кожу на груди и плечах белыми полотенцами. Одна из них, та самая без глаза, как и Лэйк, вновь привлекла внимание Лиары. Несмотря на свой гигантский рост, она была удивительно миловидной, с хорошей фигурой и плавной походкой. Впечатление портила лишь черная повязка на лице, из-под которой виднелись три длинных росчерка шрамов через всю щеку, будто глаз ей вырвал какой-то крупный хищник. Опершись на копье, она с любопытством разглядывала их с Радой, и в ее взгляде не было ни тени тревоги.

— Издалека вы, — проговорила она удивительно мягким и бархатистым голосом, так не вязавшимся с ее устрашающим ростом и шрамами. Лиара прикинула, что она, наверное, на две головы выше ее самой, не меньше. — Но Роксана несет Свой Огненный Щит даже в те края, где никто не знает Ее имени, так что добро пожаловать в становище Сол.

— Благодарю, первая, — напряженно ответила Рада, слегка склонив голову. Она держалась как на иголках, разглядывая анай подозрительно и выжидающе. Лиара еще ближе прильнула к ней в надежде, что это хоть немного снимет ее напряжение, но сейчас, похоже, на Раду не подействовало бы, даже если бы она схватила ее за уши и поцеловала.

— Пойдем, Неф, послушаешь новости с той стороны Эрванского кряжа, — негромко пригласила Лэйк, набрасывая на плечи белое пальто с разрезами по бокам и затягивая завязки на нем. Крылья раскрылись и хлопнули за ее спиной, когда она поудобнее пристраивала на себе пальто. Выглядело это странно. — Торн, ты тоже. А вы, Ида, Мира, сбегайте, найдите остальных глав сообществ, Найрин и мою жену. — Вид у нее почему-то стал кислым, будто в рот попала гнилая слива.

— Саира сегодня собиралась инспектировать Дом Дочерей, а ты прекрасно знаешь, как она не любит это дело, — Неф выразительно взглянула на Лэйк, и та в ответ тяжело вздохнула.

— Будет хуже, если мы ее не позовем.

— Будет, — обреченно кивнула та.

Мира с Идой отсалютовали Лэйк ударами кулаков в грудь, быстро накинули на плечи одежду и вприпрыжку выбежали из тренировочного зала. Одевшиеся Лэйк и Неф направились к дверям, на ходу царица бросила:

— Пойдемте. Вы устали с дороги. Я прикажу подать горячего питья и еды.

От яркого света Лиаре пришлось сощуриться, и морозец вновь прихватил щеки. Но ее просто распирало от любопытства. Все, что сейчас происходило, было таким странным. Совсем не так она представляла себя царицу Каэрос, это становище, этих женщин. В Эрвальде Царю Небо выказывали почтение, хоть он и не обращал на это внимания, у него была охрана, покои, достаточно богато изукрашенные, чтобы подчеркивать его статус. Здесь же все было иначе. Анай обращались к царице с уважением, но как к равной, а внешне ее от них отличали разве что крылья да золотое око во лбу. Она даже одета была в ту же самую белую форму, что и остальные воины здесь. Лиаре вдруг вспомнился искрящийся золотом Латр, королевский дворец, на одни завитушки отделки которого можно было построить еще полгорода, и она с наслаждением вдохнула морозный воздух. Как хорошо, что здесь ничего

подобного не было!

А еще она легонько потянула Раду за руку, и когда та перевела на нее насупленный взгляд, улыбнулась ей тепло и нежно. Брови той немного разгладились, хоть складка так никуда и не делась, а острый комочек внутри стал чуть-чуть мягче. Лиара надеялась, что Рада услышала все сказанное только что. У Лэйк была жена, хотя, впрочем, даже если бы ее и не было, Раде все равно не стоило ревновать. Вслух она естественно ничего подобного бы не сказала, во всяком случае, при анай, но постаралась вложить все недосказанное в свой взгляд. Рада вновь улыбнулась, на этот раз еще мягче. Вот и хорошо, упрямая моя, глупая женщина! Ведь никто кроме тебя на всем свете мне не нужен!

Все вместе они зашагали через залитое солнцем становище к боку горы впереди. Лиара щурилась, глядя, как искрится вокруг снег, как прыгают солнечные лучи по обросшим снегом крышам, как переливаются морозные узоры, затянувшие уютные стеклышки домов вокруг них. С визгом и хохотом кувыркались в снегу маленькие девчонки, разбрасывая вокруг себя полные пригоршни искрящейся пороши. Молодые девушки, на взгляд Лиары, чуть младше ее самой, столпились в стороне у края здания, разглядывая их с Радой и перешептываясь. Они тоже были в белом, с обрезанными волосами на висках, но на их спины спускались длинные хвосты, гораздо длиннее, чем у взрослых анай, и на поясах их не было оружия, лишь кинжалы в ножнах. Судя по всему, весть о прибытии гостей уже успела облететь все становище, и теперь вряд ли здесь остался хоть один человек, который еще не знал об этом. Лэйк бросила один холодный взгляд на собравшуюся молодежь, те тут же вытянулись во весь рост, поклонились, а потом побыстрее ретировались прочь.

— Можно было и не пугать их так, — с усмешкой в голосе заметила идущая рядом с ней Неф. Даже над Лэйк она возвышалась почти на голову. — Ишь, как втопили! Только пятки сверкают.

— Пусть лучше они так по Плацу носятся, — негромко ответила царица, хоть и в ее голосе звучало сдержанное тепло. — Нечего глазами дырки в людях протирать.

— Себя-то вспомни, первая, — вдруг подала голос идущая рядом с Лэйк Торн. Взгляд ее темных глаз был странным: полувывозом-полушуткой. — Всего десять лет прошло.

В ответ Лэйк только ухмыльнулась краешком губ.

Зал Совета располагался в небольшом бревенчатом доме у самого обрывистого склона горы. Снег укрывал крышу и навес над высоким крыльцом, маленькие окошки полностью разукрасила своими каракулями зима. Обстучав сапоги у крыльца, Лэйк первой поднялась по ступеням и распахнула дверь, остальные женщины направились за ней.

Лиара ступила в помещение Зала Совета последней, с любопытством оглядываясь по сторонам. Здесь тоже почти что ничего и не было. Из мебели только большой круглый стол, на котором стоял кувшин и несколько кубков, да стулья вокруг него. По стенам развешаны многочисленные карты, еще больше карт рулонами стояли у стен или лежали на открытых полках, укрепленных над полом. Большая чаша на цепях висела под потолком, и Лиара вошла как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лэйк, что-то тихонько шепча, касается ее края, и прямо с ее пальцев в нее стекают струи жидкого огня, который сразу же принялся танцевать под потолком, заливая помещение ярким светом. Лиара остолбенела. Но они же ведь не ведьмы! Я чувствую, что они не ведьмы! Тогда как же?..

Анай принялись рассаживаться у стола, казалось, не обращая никакого внимания на то, что в комнате было довольно прохладно. Очаг располагался в дальней стороне помещения, и дров в нем не было. Торн развернулась на своем стуле, что-то шепнула и тронула пальцами

пустой зев очага. И во второй раз прямо на глазах Лиары из ниоткуда вспыхнуло яркое пламя.

— Как вы это делаете? — не удержавшись, спросила она, глядя на анай. Все трое повернулись к ней, и Лиара оробела, ссутулив плечи и придвинувшись поближе к Раде. Но взгляда не опустила. — Как вы зажигаете огонь? Ведь я чувствую: с Источниками вы соединиться не можете!

— Ты ведьма, Светозарная Лиара? — глаз Неф сощурился, разглядывая Лиару.

— Нет, первая, — покачала головой она. — Но во мне течет кровь Первопришедших.

Лэйк кивнула, будто и без ее слов прекрасно это знала.

— Мы используем дар Роксаны в нашей крови, — отозвалась она, потянувшись к кувшину на столе и чашкам. — Грозная щедро одарила Своих дочерей, позволив им управлять стихиями от рождения.

Рада с Лиарой переглянулись. С каждой минутой, проведенной здесь, вопросов становилось все больше и больше. И хоть Лиара пока еще чувствовала себя не в своей тарелке в компании этих суровых женщин, казалось, вытесанных из той же скальной породы, что и возвышающиеся над ними горы, но с каждой минутой желание узнать как можно больше от них становилось все сильнее. А еще на память пришла та Огненноглазая женщина, которую она видела в своих грезах, а иногда даже за спиной Рады, будто втекающую в нее или пытающуюся стать ее частью. Могло ли быть так, что она и была той самой Роксаной, о которой здесь шла речь? Великая Мать, благословляю тебя за то, что ты наконец-то привела нас сюда! Совсем скоро уже мы все узнаем!

— Встречный вопрос, — Лэйк кивнула им на свободные стулья у стола и указала на две чашки. Неф и Торн уже успели наполнить свои. — Вы — Аватары Создателя?

Отодвигающая для Лиары стул Рада резко вскинула голову, удивленно глядя на Лэйк.

— Нет, первая. Почему ты так подумала?

— Все происходит по воле Огненной, — спокойно пожала плечами та. — Вы прошли сквозь Семь Преград и запечатали Черный Источник. Вас принял у себя Тьярд, а потом отправил ко мне с донесением. Две молодые женщины, кажется, разного возраста, но все же я чувствую вашу связь. — Ноздри ее вновь с шумом втянули воздух. — Слишком много знаков, чтобы не увидеть их.

— Нет, царица, мы не Аватары, — вновь повторила Рада с кривой усмешкой, а потом извлекла из-за пазухи свиток с письмом Тьярда и передала его через стол Лэйк. — Хотя некоторое время назад мы тоже так думали.

— Почему же? — холодный глаз Лэйк оглядел Раду, потом она отвернулась, вскрывая пальцем печать на письме. Лиара была совершенно уверена, что она запросто сможет, не отвлекаясь, и читать, и слушать.

— Все из-за тех же совпадений, первая, — отозвалась Рада, опускаясь на стул рядом с Лиарой и беря ее за руку. — И из-за Великой Матери.

Торн и Неф одинаково изучающе разглядывали их, потягивая их своих кружек черный холодный чай. Лиара попыталась отпить из своей, но ей и без того было зябко. Потому она, не задумываясь, окутала их с Радой теплыми потоками воздуха от горящего в пустом очаге пламени и затихла, позволяя той говорить.

Кашлянув несколько раз, чтобы прочистить горло, Рада принялась рассказывать. На этот раз она начала с самого начала, со своей молодости в Мелонии, первой встречи с Алеором, их знакомства с Лиарой, интриги, которую против нее развернули при мелонском

дворе и их бегства из города. Вельдам она ничего подобного не рассказывала, ограничившись кратким упоминанием о своем прошлом в качестве жены Лорда Страны. А сейчас вот разговорилась. И Лиара чувствовала, что это правильно. Если они хотели остаться здесь, если хотели получить ответы на свои вопросы, анай должны были доверять им. А для этого нужно было рассказывать все.

Рада говорила, не торопясь, но и не слишком перегружая повествование лишними деталями. Когда речь зашла об одноглазых Псах, что преследовали их по дороге на Алькаранк, все три анай кивнули так, будто понимали, о чем шла речь. Возможно, во время Великой Войны, как они ее называли, им приходилось сталкиваться со Сворой. История о Страже Болот заставила Лэйк нахмуриться, повествование о Сагаире и Провидце вызвал безмолвный обмен взглядами между тремя женщинами. Они не прерывали Раду и не задавали никаких вопросов, внимательно прислушиваясь ко всему, что она говорила.

Потом в комнату вошла какая-то женщина с длинными волосами, перевитыми в косу и улыбчивыми карими глазами. В руках у нее был поднос с двумя кувшинами и горкой горячих лепешек, над которыми поднимался пар. Поставив поднос на стол перед царицей и ее гостями, женщина позволила себе чуть более долгий взгляд на Раду, чем ей бы полагалось, а потом вышла из помещения. Черный Ветер и глазом не моргнула, зато Лиара ощутила, как внутри начинает ворочаться злость. Слишком уж лукавыми были карие глаза женщины, слишком уж симпатичным было ее лицо и алые с мороза губы. Только этого мне не хватало, — хмуро подумала она. Хорошо еще хоть, что Рада слишком рассеяна и не обращает внимания на чужие ухаживания. Она, наверное, и не поймет, что кому-то нравится, пока ее носом в это не ткнут. А я постараюсь сделать так, чтобы этого не произошло.

Лепешки оказались еще горячими, сладкими, с медом и орешками, и Лиара, слушая рассказ Рады, с удовольствием перекусила парочкой. В кувшине был горячий чай, который тоже пришелся как раз. Рада не прерывала рассказ, позволив себе сделать всего лишь пару глотков и вновь заговорив. И чем больше она рассказывала, тем задумчивее становились взгляды собравшихся за столом.

Потом входная дверь открылась, и внутрь скользнули еще две женщины. Одна была высокой и очень сухой, словно тростинка, с ничего не выражающим взглядом темных глаз и шрамом на правой щеке. На ее поясе в ножнах висели два ножа и кинжал, спину она держала так ровно, словно палку проглотила. Эта женщина была гораздо старше царицы, на вид, ровесница Неф, а может и старше. Лиара заметила, что у женщины нет трех пальцев на левой руке. У второй были темно-русые волосы и осторожный взгляд, она слегка прихрамывала на правую ногу, подходя к столу, и из-за ее плеч выглядывали две рукоятки катан. Обе женщины обменялись кивками с царицей и сели к столу, пододвинув себе стулья. Никто из них не прервал рассказа Рады, они лишь приветственно склонили головы и перед ней.

Через некоторое время зашла еще одна женщина, с колчаном и луком в чехле за спиной, с капризно поджатыми губами и острым изломом бровей над темными глазами. Недовольным взглядом оглядев всех собравшихся, она уселась к столу, по-хозяйски подтянула к себе кувшин с чаем и плеснула в чашку. Ее взгляд пробежался по Раде с Лиарой, задержался на Лиаре, и глаза потемнели еще больше. С этого момента женщина не отводила от нее глаз, задумчиво покручивая чай в своей чашке и сверля ее тяжелым взглядом. Лиаре почему-то вспомнилась Равенна, не дающая ей покоя во время погони за Сагаиром, а в груди опять острым комочком забила Радина ревность.

Когда повествование перевалило за половину, преодолев Эрванский кряж, дверь в домик резко распахнулась, и внутрь, будто ураган, ворвалась молодая женщина с целым ворохом тонких черных косичек. Нос у нее был крючковатым, словно у хищной птицы, а взгляд черных глаз — таким яростным, что Лиара поспешно склонила перед ней голову, как и перед царицей до этого. Все присутствующие уткнулись взглядами в свои кружки, даже тарачившаяся на Лиару лучница, и одна только Лэйк бестрепетно кивнула женщине головой на стул рядом с собой. Оглядев всех орлиным взором и скрипнув зубами, молодая женщина прошагала через всю комнату, недовольно стуча каблуками сапог, и опустилась на предложенный Лэйк стул, одарив ее таким взглядом, что Лэйк поморщилась. Судя по всему, это и была ее жена, и раз так, Лиара больше не удивлялась, кому это хватило сил на то, чтобы встать рядом с ней.

В конце концов, Рада договорилась и тяжело выдохнула, сделав глоток уже остывшего чая из своей чашки. Теперь анай знали все с самого начала, и Лиара ощутила неловкость. За время путешествия они совсем одичали, привыкнув к своей маленькой компании, и теперь рассказывать такому количеству чужих людей все о себе было странно. К тому же, Рада говорила и о Великой Матери, о некоторых переживаниях, что были связаны с ней, во всяком случае, о тех, которые могла объяснить словами. Запинаясь, с трудом подбирая слова, явно чувствуя себя не слишком хорошо, но говорила. Она умолчала лишь об их падении в Черный Источник, да о некоторых более интимных переживаниях, связанных с этим золотым огоньком в груди, что тлел и тлел у Лиары под ребрами, с каждой минутой разгораясь все сильнее. И теперь взгляды анай изучающе обмеряли их обеих с ног до головы, молчаливые и устремленные куда-то внутрь. Лиара поерзала на стуле, крепче стискивая ладонь Рады. Ей почему-то казалось, что сейчас решается их судьба, хоть она и не могла сказать, откуда это знала.

— Что ж, вы все слышали, первые, — Лэйк положила ладони на стол, единственным глазом обводя собравшихся. Взгляд ее уперся в Раду с Лиарой. — Вы рассказали нам все, без утайки. Неправду я чувю, так что за это поручусь. А раз так, нам нужно решить, можете ли вы остаться здесь, с нами, как того и хотите.

— Мы хотим знать, царица, — слегка охрипшим из-за долгого рассказа голосом проговорила Рада. — Мы пришли к вам за знанием. На время.

— Чтобы действительно узнать то, что вам нужно, вам придется остаться здесь надолго, — спокойно отозвалась царица. — Достаточно надолго, чтобы узнать и о нас то, о чем не следовало бы знать чужакам.

— Я против, — сразу же неприязненно заявила женщина с копной черных косичек. — Я так полагаю, что ты, как водится, свалишь их обучение на мои плечи, а у меня и без того хлопот хватает.

— Их обучением займется Найрин, — бестрепетно ответила Лэйк. Та вновь бросила на нее яростный взгляд, потом неохотно дернула плечом:

— Коли так, то дело твое. Но я в этом участвовать не буду.

— Что скажут остальные? — Лэйк обратилась к собравшимся за столом.

— Пусть остаются, — спокойно проговорила Неф. — Не думаю, что от них будет вред. Да ты и сама, первая, всегда говорила нам, что не дело бежать от перемен. Мы ждали вестей из внешнего мира, и они пришли. Думаю, здесь нечего обсуждать.

— Я тоже не против, — улыбнулась лучница, стрельнув на Лиару лукавым взглядом и плотоядно улыбнувшись.

— Тала? — спросила Лэйк.

— Да, — кивнула женщина с катанами за плечами. — Не против.

— Все в твоей воле, царица, — спокойно согласилась каменолицая с недостающими пальцами.

Последней кивнула Торн, не сказав ни слова, когда взгляд Лэйк обратился к ней.

— Решено, — проговорила царица Каэрос, и Лиара почувствовала, как напряжение отпускает ее сведенные судорогой ожидания плечи. — Вы будете жить с нами и учиться у нас столько времени, сколько понадобится, чтобы мы ответили на ваши вопросы. Равно как и мы сможем узнать от вас то, чего не знаем о Срединном Этлане. Вашим обучением займется Боевая Целительница Найрин. Думаю, сейчас вы захотите отдохнуть с дороги и прийти в себя. Торн проводит вас в к Мани-Наставнице, которая и займется вашим размещением. Сделаешь?

— Сделаю, царица, — спокойно кивнула черноволосая.

— Хорошо. Тогда Совет окончен, можете возвращаться к своим делам. Новости, что принесли Рада Черный Ветер и Светозарная Лиара мы обсудим вечером, как и то, что написал мне Царь Небо Тьярд. Светлого дня!

— Пойдемте, — Торн первой поднялась с места, взглянув исподлобья на Раду с Лиарой. — Я покажу вам становище.

Лиара сжала ладонь Рады в своей, чувствуя, как быстро внутри колотится сердце, как пульсирует золотой свет в клетке ребер. Они наконец-то пришли в Данарские горы и теперь узнают все, ради чего дорога свела их вместе. Благодарю тебя, Великая Мать, за все, что ты подарила нам!

===== Глава 27. Дом =====

Рада покрепче сжимала теплую ладонь искорки, шагая следом за Торн по протоптанным в снегу улицам становища Сол. Если это вообще можно было назвать улицами. Здесь и домов-то было раз два и обчелся, все жилые помещения лепились к горам, окружающим становище.

Искорка рядом едва не подпрыгивала от нетерпения, и глаза ее светились такой детской радостью и любопытством, что что-то внутри Рады невольно улыбалось ей в ответ, лишь глядя на нее. Однако она все равно была напряжена. Даже несмотря на то, что анай позволили им остаться, смотрели они на них с явным недоверием на дне темных глаз, и никакие рассказы Рады не убедили их в том, что присутствие двух чужестранок в их становище им не повредит. Впрочем, Рада была не мастерица говорить, но искорка так сжалась и притихла, когда увидела Лэйк, что самой Раде пришлось это делать. Раздражало и то, как она смотрела на царицу: широко открытыми глазами со смесью страха и благоговения. Нет, Рада не ревновала, она прекрасно знала, что искорка любит ее, но это все равно кололо внутри, словно колючка, забившаяся за воротник. От Лэйк исходило ощущение такой мощной нестигаемой силы, что находиться рядом с ней было физически трудно. Кажется, эта женщина голыми руками могла бы и быка свалить. Такие Раде еще не встречались, и внутри упрямо шевелилось что-то, подозрительно напоминающее дух соперничества и зависть. Только этого мне сейчас не хватало!

Идущая впереди Торн слегка склонила голову набок, ноздри ее раздулись, и на губах появился слабый намек на улыбку.

— Не беспокойся, Черный Ветер, — проговорила она, полуобернувшись. — Царица грозная только с виду. Держащая Щит достаточно цепко держит ее за шкуру, чтобы она

была шелковой.

— Я не беспокоюсь, — проворчала Рада, бросая на Торн внимательный взгляд. Проклятье, они что, по запаху что ли определяют наши эмоции? Проклятые бабы! Кажется, здесь все будет гораздо труднее, чем я предполагала!

Торн подвела их к длинному приземистому строению с высоким крыльцом, недалеко от которого возились в снегу маленькие девчушки-анай. Их вид слегка расслабил плечи Рады, сведенные напряжением. Они с хохотом гонялись друг за другом в высоких сугробах, которые им нисколько не мешали, падая навзничь в мягкую белую порошу и катаясь в ней, как проказливые щенята. Длинные волосы у всех них растрепались, выбиваясь из-под разномастных шапок, кое-как нахлобученных на голову, пальто полностью облеплял снег.

— Это Дом Дочерей, — негромко сообщила Торн, останавливаясь возле дверей. — Здесь мы воспитываем наших детей, обучаем их и кормим. Здесь же — кабинет Мани-Наставницы Мари. Я сейчас схожу за ней, а вы подождите.

— Хорошо, — кивнула Рада.

Торн, пожалуй, пока нравилась ей больше всех остальных. Немногословная, сдержанная, спокойная, чем-то неуловимо похожая на царицу Лэйк, но все-таки иная. Может, не такая твердая, будто нерушимая скала?

— Здесь все такое странное, — искорка подняла на нее восторженные глаза, и Рада залюбовалась. От мороза ее щеки покраснели, на ослепительном зимнем солнце кончики кучеряшек горели золотом, а глаза сверкали, будто два редких драгоценных камня или осколка звезд. Она была такой красивой сейчас, что у Рады дух захватило. — Но мне здесь очень хорошо, Рада! Ты чувствуешь? Здесь воздух... иной.

Рада вдохнула всей грудью, оглядывая притаившееся в седловине становище, рыжие сосны, укрытые снегом, что окружали его со всех сторон, прозрачное зимнее небо над ними, легкое, будто шаль заморской танцовщицы, игриво наброшенная на смуглые плечи гор. В груди у нее пульсировало золото, причем гораздо сильнее и быстрее, чем когда-либо в ее жизни.

— Да, — вынуждена была признать она, хоть несмотря на все это, анай у нее пока что особой любви не вызывали. — Я чувствую что-то... иное. Кажется, здесь и правда другой воздух.

— Шветлого дня под Ощами Огненной! — вдруг шепеляво проговорил рядом с ними тонкий детский голосок.

Рада вздрогнула и удивленно взглянула вниз. В нескольких метрах от них стояли две абсолютно одинаковых девчушки, целиком вывалившиеся в снег, с торчащими во все стороны черными как смоль волосами. Они были похожи друг на друга как две капли воды, и Рада внутренне посочувствовала их матери, которой приходилось как-то их различать. Носы у обеих были крючковатые, а глаза — разные: один черный, один синий, будто небо. За спинами этих двоих толпились и остальные девочки, разглядывая их с искоркой круглыми глазами и тихонько перешептываясь между собой.

— И вам доброго дня! — отозвалась Рада, разглядывая двух девчонок. Одна из них широко оскалилась, демонстрируя недостаток двух передних верхних зубов. Вторая вновь заговорила, и Рада обратила внимание, что у нее нет верхнего правого клыка:

— Говорят, Рокшана привела ваш ш той стороны гор. Это правда?

— Из-за Эрванского кряжа, — со значением кивнула вторая. Потом они обе под одним углом нагнули набок головы и синхронно моргнули, дожидаясь ответа.

Раде вдруг подумалось, что больше всего они похожи на двух волчат: маленьких, диких и очень самостоятельных.

— Правда, — мягко улыбнулась детям искорка, и Рада в который раз уже подивилась тому, как тянутся к ней люди. Близняшки, переглянувшись, доверчиво потопали к ней по снегу и остановились, глядя на нее снизу вверх, почти что у самых ее ног. — Мы пришли из-за Эрванского кряжа.

— Зафем? — поинтересовалась одна из них.

— Чтобы учиться у вас, — тихо ответила искорка, и столько нежности было в ее голосе, что Рада вдруг ощутила стыд за все свое недоверие к анай и тревогу. Кажется, сейчас Лиара была абсолютно счастлива и спокойна, а раз так, то стоило ли волноваться самой Раде?

— Ты — эльф! — вдруг уверенно заявила вторая девчушка, моргая странными разными глазами. — Я знаю, потому что моя тетка, Держащая Щит анай, — тоже эльф.

— Да, — искорка с трудом сдержала улыбку и серьезно посмотрела на девочек. Рада угрюмо почесала в затылке. Она знала, что с детьми нужно общаться на равных, но у самой у нее этого никогда не получалось. Чаще всего дети тарасились на нее широко открытыми глазами, а потом в страхе убегали. — Я эльф. И ты тоже, только на четверть, правильно?

— Шейщас пощитаем, — деловито тряхнула головой вторая. Она повернулась к сестре, серьезно взглянула на нее и принялась загибать пальцы. — Ешли Держащая Щит дочь дочери эльфа, а наша ману — ее шештра, знащит, в наш ш тобой... — черные прямые брови нахмурились, что-то высчитывая, потом неуверенно приподнялись: — половинка от двух половинок?

— И сколько это будет? — с улыбкой спросила детей искорка.

Те очень серьезно нахмурились, загибая и разгибая пальцы, причем не свои собственные, а друг друга. Рада вдруг заметила, что у них крохотные ладошки с тонкими пальчиками, с ободранными заусенцами, красные от снега. В груди кольнуло. Как вы там, дорогие мои детки? Все ли с вами хорошо? Отважусь ли я увидеть вас когда-нибудь, чтобы не навести на вас беду? Алеор, молю тебя, спеши и увези их в безопасное место до того, как мир полыхнет огнем!

— Это будет достаточно, чтобы вы не приставали к нашим гостям, — прозвучал из-за их спин бархатистый голос, мягкий, словно изнанка мать-и-мачехи. — А теперь идите в класс. Урок вот-вот начнется!

Рада обернулась через плечо на голос, и все мысли разом вылетели у нее из головы, словно в затылке открылась огромная дыра, и мозг вывалился из нее в сугроб.

Ей навстречу двигалась самая красивая женщина, какую она когда-либо видела в жизни. Облаченная в белое пальто она сама будто сияла изнутри, горела так нестерпимо ярко, словно солнечный свет вплелся ей в волосы, свернулся пушистыми котятами под тенью длинных ресниц, вполз под кожу, осветив ее изнутри, как светится наливная слива, отяжелевшая от сока и готовая сорваться от малейшего касания руки. Ее волосы были серебряными, как снег под светом звезд, короткий ежик гладко облегал череп, тонкий хвостик спускался на плечо, подчеркивая плавную высокую шею. У нее были высокие скулы и правильной формы губы, обнажающие ровные ряды белых зубов в мягкой улыбке. А глаза... Рада поняла, что не может вздохнуть. Ее глаза вобрали в себя задумчивую темноту под кронами вечнозеленых роц, пляску тени от резной дубовой листвы на перепутанных стеблях тонких летних трав, сладость земляники в самом начале лета, когда воздух так чист, что можно захлебнуться, и трель жаворонка в вышине приветствует встающее солнце.

Бхара!

Рада с трудом трянула головой, сгоняя с себя наваждение, и вновь взглянула на подходящую к ним женщину. Она была одного роста с Радой, одета целиком в белое, и шагала спокойно, не обращая ровным счетом никакого внимания на открывшийся рот Рады. От Лиары донеслось колкое ощущение обиды, пробившееся сквозь невероятное удивление.

— Вы — нимфа! — ахнула искорка, и у Рады во второй раз пропали все слова. — Но как такое может быть?! Нимф больше нет в Этлане!

— Одна есть, — пожалала плечами женщина, сдержанно улыбаясь им. На щеках ее прорезались очаровательные ямочки, и Рада вновь ощутила, что плывет, ухмыляясь, как последняя идиотка. Впрочем, она сразу же встряхнулась, вновь прогоняя странную реакцию собственного тела. Никого в мире, кроме Лиары, не было для нее красивее и нужнее. Просто она удивилась, углядев нимфу, вот и все. Та, тем временем, повернулась к двум разноглазым близняшкам, и ее серебристые брови грозно сошлись к переносице, где виднелось вытатуированное черное вертикальное око. — Вы все еще здесь? А ну марш отсюда, пока я вас за шкуру к Мани-Наставнице не отволокла!

Близняшки синхронно перепугано мигнули, а потом шмыгнули мимо них по высоким ступеням лестницы, двумя ужами буквально обтекая спускающуюся к ним Торн. Та только хмыкнула и мягко взглянула на нимфу.

— Вы уже познакомились, я смотрю? — негромко спросила она.

— Еще не успели, — ответила та, и в уголках ее глаз залегла тонкая сеточка морщинок. Нежность.

— Моя жена, первая Боевая Целительница Каэрос, Найрин, — негромко представила ее Торн, сделав едва заметное ударение на слове «жена». — А это — Рада Черный Ветер и Светозарная Лиара из Этлана Срединного.

— Добро пожаловать в становище Сол! — приветливо улыбнулась им Найрин. — Царица Лэйк сообщила мне, что вы останетесь на какое-то время у нас, и что вашим обучением буду заниматься я.

— Вот и ты, зрячая! — раздался с другой стороны низкий женский голос, и Рада, с трудом отодрав глаза от Найрин, обернулась туда. Почему-то сразу же стало легче, и нервирующее ощущение от присутствия нимфы исчезло.

Следом за Торн по ступенькам лестницы спустилась невысокая полноватая женщина, кутая плечи в серую шерстяную шаль. Ее седые волосы были собраны в пучок на затылке, а лицо пересекали тонкие росчерки морщин. Лишь глаза оставались пронзительно-звонкими, молодыми, цвета древесины ореха, и в них почти детское любопытство смешивалось с внимательной осторожностью. Чем-то она напомнила Раде ее воспитательницу Айрен. Та тоже вечно хмурила свои брови и поджимала тонкие губы, с непроницаемым лицом порола Раду хворостинкой, разложив на коленях и не слушая ее отчаянного верещания. Зато, когда она болела, Айрен никогда не отходила от ее кровати и пихала ей в карманы самые вкусные булочки, что пекли на кухне повара, когда до ужина было так невыносимо далеко, что хоть вой.

— Мани-Наставница, — Найрин склонила перед ней серебристую голову.

— Ну раз уж ты здесь, тебе и провожать этих двух девочек, что пришли к нам издалека. — Внимательный взгляд Мари обежал Раду с ног до головы, и та поймала себя на том, что начинает перетаптываться с ноги на ногу, лихорадочно припоминая, нет ли на ее одежде слишком больших грязных пятен. И сразу же одернула себя с немым

раздражением. — Светлого дня под Очами Грозной! Меня зовут Мари, я Мани-Наставница становища Сол. Вы можете обращаться ко мне за помощью в любой момент, когда она вам понадобится.

— Спасибо, Мани-Наставница, — Рада надеялась, что ее голос не звучит так, будто она оправдывается. А свой правый рукав, на котором все-таки откуда-то появилось подозрительное жирное пятно, судя по всему, от лепешек, которыми их угощала Лэйк, постаралась незаметно завести за спину. — Меня зовут Рада.

— А я Лиара, — подала рядом голос искорка. Рада ощутила в ней все то же любопытство и радость, но и напряженная обида так никуда и не исчезла. Боги, да просто она нимфа! Все на свете знают, что нимфы одним взглядом способны влюблять в себя, и не действует это только на Первопришедших, которые их и создали! Что я могла с этим поделаться?

— Вот и познакомились, — деловито кивнула Мари, а потом взглянула на нимфу. — Зрячая, будь добра, отведи их в дом у подножия Перста Тары, тот, где раньше жили Майс Нарой. Я позабочусь, чтобы туда отнесли все необходимое.

— Как скажешь, мани, — Найрин вновь слегка склонила голову.

Из глубины дома за спиной Мари послышался какой-то приглушенный грохот, а потом резкий женский голос принялся кого-то отчитывать. Мари нахмурилась, обернувшись через плечо, и тяжело вздохнула:

— Опять эти две разноглазые что-то устроили, сердцем чую. Пойду, посмотрю, может, придется опять кого-то в Лазарет вести. — Взглянув на Найрин, она спросила: — Покажешь им едальню и бани, зрячая? У меня дел невпроворот, сама знаешь.

— Покажу, мани, — кивнула та. — Светлого дня тебе.

— Отдыхайте, девочки, — Мари улыбнулась им совсем по-матерински тепло. — И если что, обязательно обращайтесь ко мне. Я помогу всем, чем смогу. — Взгляд ее неодобрительно метнулся к каменному лицу Торн, и она доверительно наклонилась к Лиаре. — А то эти только мечами махать способны, а иногда ведь так хочется просто поговорить ни о чем, чтобы на душе стало легче, правда?

— Спасибо, матушка, — на лице искорки цвела немного удивленная, но радостная улыбка. Глаза Мари слегка сощурились на незнакомое слово, но она ничего не сказала и заспешила вверх по ступеням лестницы.

Они остались вчетвером, и Торн, бросив внимательный взгляд на Раду, повернулась к нимфе.

— Я пойду, Найрин. Есть кое-какие дела. Ты справишься одна?

— Иди, конечно, — махнула ей рукой нимфа. Торн кивнула им обоим и заспешила в сторону, а Найрин вдруг нахмурилась и прикрикнула ей вслед: — И поесть не забудь, слышишь? Это не так долго, как ты думаешь!

Рада ощутила себя неловко из-за того, что теперь они остались втроем с нимфой. Лиара держалась натянуто, осторожно разглядывая ее своими серыми глазами, которые сейчас были холодными, словно лед. Раду же бросало то в жар, то в холод, порой отпуская на несколько минут, порой снова накрывая отчаянной красотой среброволосой женщины. И как держать себя с ней, она совершенно не знала.

— Ну, пойдете, — кивнула им головой Найрин куда-то в сторону. — Раз уж все остальные удрали, сама вас повожу. Заодно и познакомимся.

Искорка держалась подчеркнуто вежливо, и Рада постаралась как можно мягче и

бережнее нести ее теплую ладошку в своей руке. Главное: не смотри на нее виновато. Только никаких собачьих глаз, потому что иначе будет только хуже! Но внутри скребло, и каждый раз, когда взгляд Лиары скользил по ней, Рада корчила самую широкую и добродушную улыбку из всех, на какие только была способна, лишь бы не выдать того, как ей стыдно. Из-за этого глаза искорки только сильнее темнели, спина распрямлялась, почти что готовая переломиться пополам, и Рада чувствовала, что это не к добру.

Зато за всеми этими переживаниями странная реакция на нимфу пропала. Теперь Рада видела лишь симпатичную молодую женщину, которая спокойно и серьезно рассказывала им о жизни становища Сол. И чем больше она говорила, тем сильнее становилось удивление Рады, полностью смывшее прочь все ее идиотские переживания и стыд.

Больше всего ее поразило то, что все дети анай считались общими. После трех лет, когда они становились уже достаточно тяжелыми, чтобы постоянно таскать их на руках, анай перевозили детишек в Спальни Дочерей, где они и жили до первой инициации. Что это за инициация такая, Найрин не объяснила, но с ее слов выходило, что девочки были уже достаточно взрослыми к тому времени, чтобы начать учиться обращению с оружием. Теперь становилось понятно, почему повсюду клубками катались дети, а старшие девочки держались стайкой в стороне под приглядом взрослых.

Общие бани, которые им показала Найрин, лепились к самому боку скалы, внутренние помещения были глубоко вырублены в толще камня. Рядом находилась и огромная поленница дров, протянувшаяся на несколько десятков метров под широким навесом, и чуть дальше — колодец, на дне которого, очень далеко внизу, посверкивала вода. Едальня оказалась высоким строением с двускатной крышей, от которого по воздуху плыли ароматы готовящейся еды. Рада втянула носом запах и с удовольствием отметила, что узнает баранину и хлеб, которые пахли совсем так же, как и дома. Ну, или почти так же. Во всяком случае, пряного запаха специй, которыми все сдабривали вельды, здесь совсем не чувствовалось.

Навстречу им попадались другие анай, занимающиеся обычной поденной работой. Рада обратила внимание на двух широкоплечих женщин, которые бок о бок тащили по снегу салазки, нагруженные какими-то продолговатыми предметами, накрытыми сверху промасленной бумагой. Несмотря на внушительную мускулатуру, обе женщины шли тяжело, глубоко увязая в снегу, а в салазках слегка позвякивало. Одна из них вскинула голову и взглянула на Раду. Лоб ее перетягивал тонкий плетеный шнур, каким в Мелонии перевязывали волосы кузнецы, да и мелкие шрамы на широченных ладонях подсказывали Раде, что эти двое — мастера работы с огнем и раскаленным металлом, а на салазках болванки дляковки оружия. Ритмичные удары молота слышались откуда-то очень издалека, ветер лишь иногда доносил этот звук, когда пускался гулять меж строений становища. Видимо, кузница располагалась на окраине поселения.

Глаза Рады обшаривали идущих навстречу женщин с оружием. Пока она сумела разглядеть только пять видов оружия, какими анай пользовались в бою: луки, мечи, катаны, ножи и какие-то странные копья с насаженными на длинное древко заточенными с одной стороны клинками. Эти копья походили на алебарды, что использовала королевская стража Мелонии для охраны покоев высших сановников, но все же, были несколько иными. И всех женщин, что носили оружие, объединяло одно: мягкая пружинистая походка зверя, уверенность в себе и четкая выверенность каждого движения, которая могла говорить лишь об очень высоком мастерстве владения оружием. Да так оно, судя по всему, и было. Просто

для глаз Рады все это выглядело странно. Среди наемниц Мелонии женщин было мало, а с мечами они чаще всего смотрелись словно коровы под седлом, а если и нет, то до исполненной силы сдержанности анай им было очень далеко.

— Зрячая, а какая численность у вашей армии? — негромко поинтересовалась она, оглядываясь по сторонам и пытаясь хотя бы на глаз подсчитать количество воинов в становище Сол. Похоже было, что их гораздо меньше, чем не воинов.

— После Великой Войны клан до сих пор не восстановился, — негромко отозвалась та, ведя их по тропе прочь от едальни и Дома Дочерей, все ближе к серому боку горы, закрывающему полнеба. — Сейчас Воинов у нас около семи тысяч, но подрастающее поколение почти поголовно мечтает обрить виски и повторить подвиг своей царицы, так что, вполне возможно, через пару лет мы сможем достичь обычной численности в пятнадцать — двадцать тысяч Воинов Каэрос. А коли уж с вельдами теперь мир, то лет через двадцать, возможно, нам придется начинать строить новые становища и распахивать новые земли, чтобы прокормить всю эту ораву. — Найрин вдруг грустно хмыкнула и покачала головой. — Только вряд ли у нас есть это время. Лэйк сказала, что вы прошли Семь Преград и запечатали Черный Источник. Никогда еще никто со стороны Западного Этлана не приходил в земли анай, а значит, Грозная посылает нам перемены. И коли так, то совсем скоро начнется Танец Хаоса.

— Скоро, зрячая, — кивнула Рада, хмуря брови. — Не хотела приносить вам дурных вестей, но мой сын, Провидец, уже предсказал скорое начало Танца.

— Ну что ж, с другой стороны, это и к лучшему, — задумчиво проговорила нимфа. — Пройдет еще десять лет, и только маленькая горстка ветеранов будет помнить, как тяжела и страшна была Великая Война. А через двадцать лет молодые горячие головы захотят начать новую межклановую рознь, раз уж с вельдами мир. Или попробуют спровоцировать на сражение самих вельдов по старой памяти. Мы всегда были народом, живущим войной, нам не слишком-то легко дается мир.

— Почему так, зрячая? — спросила Лиара, с интересом поглядывая на нимфу. — Ведь вы же женщины. Женщины не так склонны к насилию, как мужчины.

— Насчет этого я ничего не могу ответить тебе, Лиара, потому что я просто не знаю, как живут мужчины в ваших краях, — легко пожала плечами Найрин. — Что же касается анай, то война у нас в крови. С войны и началась история нашего народа, которую, я думаю, вы уже знаете. После падения Кренена царица Крол привела нас в эти земли, которые тоже пришлось отвоевывать у суровой природы и сальвагов, что жили здесь когда-то. Потом появились корты, и в бесконечных стычках с ними сила анай оттачивалась, словно добрый клинок под точильным камнем. Только даже самый лучший клинок рано или поздно ржавеет, если за ним не ухаживать. — Она грустно улыбнулась. — Сегодня эти дети живут без страха за свою жизнь, потому что война закончилась. Но в их крови поет Огненная, и рано или поздно Она заставит их захотеть ощутить яростную песню войны. И все снова начнется так, как и было до Великой Войны.

— Эта Огненная, о которой вы говорите. Кто она? — искорка прищурилась.

— Огненная? — Найрин вдруг улыбнулась сама себе, и в глазах ее заплясало что-то, чему Рада не смогла бы дать названия. Что-то первобытно-живое, опасное и вольное. — Роксана Огненная, Дочь Великой Мани Эрен, прародительница клана Каэрос, проезжающая по небу со Своим пылающим щитом в руках. — Она указала вверх, и Рада едва не обожгла роговицы, когда ослепительные лучи зимнего солнца брызнули в глаза. — Роксана в крови

всех Каэрос, кипящая будто смола. Но больше всего Ее в молодой царице Лэйк.

— Это ваша Богиня? — допытывалась Лиара. — Сколько у вас богов?

— Их всего пятеро, Лиара, — спокойно отозвалась Найрин, причем ее тон подразумевал, что для нее лично больше никаких богов и во всем мире не существует. — Великая Мани Эрен, Прародительница всего сущего, и четыре Ее Дочери, Небесные Сестры Роксана Огненная, Аленна Милосердная, Реагрес Смешливая и Артрена Хлебородная Каждая — стихия, из которых состоит энергия Источников, что сотворила мир. Каждая — живое олицетворение одного из мировых начал. Анай чтут всех Их вместе, но у каждого из четырех кланов — своя Богиня. Каэрос чтут Роксану, и им одним Она дает свое особое благословение.

— Огонь, с помощью которого вы зажигаете свет? — предположила искорка.

— Это и не только, — кивнула головой нимфа. — Крылья, с помощью которых мы можем летать. Тепло для наших домов, яростную силу нашего оружия. И кое-что еще. — Ее ладонь коснулась груди, а взгляд стал теплым. — Вот здесь, самое сокровенное, что есть у анай. Дар Богини в нашей груди.

— Что это? — прищурилась Рада, чувствуя, как у нее самой между ребер колотится и колотится маленькая золотая птичка.

— Я не знаю, как объяснить это словами, — улыбнулась она. — Это похоже на биение крыльев бабочки на ветру. Это мощнее, чем камнепад, рушащийся с горы...

— Золотое, будто солнце, пылающее и потрескивающее, как его лучи, — договорила за нее Рада, чувствуя, как от удивления почти что лишается дара речи, видя, как точно так же вытягивается лицо Найрин при взгляде на нее. — Похожее на волнение, но не оно. Звонкое, как песня, неугасимое пламя.

Шаги Найрин замедлились, а потом она и вовсе остановилась. Во всей позе ее сквозило удивление, напряжение, словно у лани, которая почуяла в воздухе резкий запах хищника. Слегка нагнув голову, нимфа разглядывала их обеих, и под ее ресницами в зеленых глазах дрожало странное пламя. Сначала Рада подумала, что это солнце искрится на снегу и отражается в ее глазах, но уже через несколько мгновений поняла, что это не так.

— Откуда вы знаете, каково это? — в голосе Найрин звучала настороженность. — Никто, кроме тех, кто был рожден среди анай или испил из Источника Рождения, не может чувствовать этого.

— Мы почувствовали это задолго до того, как упали в Источник! — выпалила Лиара, отчаянно вглядываясь в лицо Найрин. Смотрела она так, будто прямо сейчас нимфа спасала ее от смерти или подавала воды после нестерпимой жажды. Впрочем, Рада поняла, что и сама глаз не может оторвать от нимфы. Ты так долго хотела, чтобы кто-нибудь объяснил тебе, что происходит с тобой. Похоже, время пришло.

— Упали в Источник? — глаза Найрин буквально полезли на лоб. — В какой Источник?

— В Черный Источник, — быстро ответила Рада. Она не стала упоминать об этом при Лэйк и главах сообществ, чтобы не возникло вопросов, почему так вышло. Рассказывать об этом не слишком-то хотелось. — Так получилось, что мы обе нырнули в него с головой.

— Грозная!.. — выдохнула Найрин, глядя на них так, будто только что разглядела. Брови ее тревожно сошлись к переносице. — Расскажите мне все, это может быть очень, очень важно! Когда появился Дар Огненной у вас в груди? Когда это произошло в точности?

Рада постаралась припомнить. Она совершенно точно была уверена, что где-то между

Латром и Алькаранком впервые ощутила это биение. Уже после того, как Лиара начала учить ее слушать мир.

— Месяца три-четыре тому назад, но точнее я сказать не могу, — проговорила она, хмурясь. — Мы только-только встретились, искорка... то есть Лиара учила меня слушать мир, растворяться в нем, погружаясь в него сознанием, как делают Первопришедшие. Я этого никогда раньше не умела.

— А потом, уже после Алькаранка, оно раскрылось, помнишь? — Лиара настойчиво взглянула в лицо Рады. — Там, на корабле, когда ты сражалась с Сагаиром, и пламя охватило твою кожу...

— Пламя? — резко спросила Найрин. — Ты загорелась?

— Да, — неловко кивнула Рада. Сама она не слишком хорошо помнила все это, то есть помнила, но для этого нужно было полностью расслабиться, прогнать все мысли, и тогда память раскрывалась перед ней золотым бутонем. — Я тогда очень долго просидела взаперти в трюме, он бил меня. — Вспоминать об этом было не слишком приятно, а рассказывать хотелось и того меньше, но Найрин смотрела пронзительно, словно сокол, выскивающий жертву с огромной высоты. — Одним словом, мне казалось, что надежды уже никакой нет. И что-то во мне переменилось, и пришло... понимание. Не знаю, как правильно описать. — Она со вздохом провела рукой по волосам. — Это просто приходит в какой-то момент, понимаешь? Как огненные руки, что ложатся мне на плечи, и кто-то встает за спиной с пылающими глазами. Я ничего не делаю, ровным счетом ничего, а этот кто-то берет меня в свои ладони и ведет. И все преграды рушатся в пыль под его взглядом, все отступает прочь, остается лишь бесконечная сила этих рук и воля, что течет через меня.

— Роксана... — прошептала Найрин вмиг посиневшими губами. Глаза ее были огромными, как плоски. Рада не поняла, просто ли это выдох удивления или имя Богини, которым она называла того, кто помогал Раде в самые тяжелые минуты.

— Я не раз видела это, — закивала Лиара. — Как будто за спиной Рады стоит женщина с огненными глазами и молнией-копьем в руке. Иногда приходят и другие.

— Другие? — нимфа медленно повернулась к искорке, и священный трепет был в ее взоре.

— Да, — проговорила Лиара, и голос ее стал отстраненным, а глаза смотрели куда-то внутрь. — Я видела смеющуюся молодую женщину с серебристыми будто снег глазами и волосами цвета меда. На сияющих крыльях она носилась меж облаков. И еще — синеокою и задумчивую с волосами, будто вода. А последняя была очень доброй, такой доброй, что хотелось свернуться у нее на коленях клубочком и спать. И руки у нее пахли хлебом и домашним очагом, а глаза — будто первая трава по весне. — Искорка заморгала, и взгляд у нее прояснился. Она с ожиданием заглянула в лицо нимфы. — Скажи, Найрин, кто они? Что все это значит?

Нимфа только переводила взгляд с одной из них на другую, и по ее глазам невозможно было понять, о чем она думает. Рада затопталась на снегу, неосознанно потеряв грудь, где золотое пламя ревело и взвивалось все выше и выше, будто пытаясь заставить ее задохнуться. Вот только Рада точно знала, что задохнется лишь в том случае, если это пламя хотя бы на миг погаснет.

Наконец Найрин справилась с первым потрясением, взгляд ее обрел прежнее спокойствие, хоть в нем все еще стоял невысказанный вопрос. Помолчав, она медленно проговорила, тщательно подбирая слова:

— В вашей груди открылся дар Небесных Сестер, которым раньше Они награждали лишь Своих дочерей от крови анай или тех, кто касался Источника Их силы. Неважно, что тому причиной: ваша встреча или тяжелые испытания, выпавшие на вашу долю. Но никогда еще не бывало, чтобы Небесные Сестры коснулись кого-то вне Данарских Гор. Может, конечно, мы просто не знали об этом, ведь живем очень замкнуто... — она покачала головой, на лице ее было написано сомнение.

— С нами путешествовал Черный Жрец Кай, и он сказал, что это — новое, — проговорила Лиара, с жадностью глядя на нимфу. — Я долго рассказывала ему о том, что чувствую, и он сказал, что никогда ни о чем подобном не слышал. А он очень долго живет на свете и много знает о природе Источников.

— Естественно, — кивнула нимфа. — Долгое время считалось, что Небесные Сестры — выдумка обезумевшей царицы Крол, что Их просто не существует. До тех пор, пока мы с Лэйк и Эрис не доказали обратное. Так что просто невозможно, чтобы кто-то еще за пределами Данарских гор знал о Небесных Сестрах.

— А эти женщины, которых я видела, это они? — настаивала Лиара.

Найрин взглянула на нее долгим взглядом.

— Они. Ты описала Их достаточно точно, чтобы узнать каждую. И рассказать тебе о том, как Они выглядят, не мог никто, так что я верю тебе. Значит, вы находитесь под особым покровительством Небесных Сестер, и Роксана не просто так привела вас сюда.

— Мы пришли, чтобы учиться, — твердо ответила Рада. — Нам было несколько откровений, из которых мы поняли ничтожно мало.

— Что, например? — прищурилась нимфа.

— Кровавое колесо смерти, — ответила искорка, и на этот раз глаза Найрин уже совершенно точно полезли из орбит, а от ее собранности и спокойствия не осталось и следа. — Мы видели, что оно должно быть сломано. И еще золотую искру, разделившуюся на две части, которая падает с огромной высоты вниз. Мы думаем, это значит будущее для народов всего мира. Возможно даже... — она на миг запнулась и взглянула на Раду, ища поддержки. Та мягко пожала ее ладонь, и искорка договорила: — Возможно, это значит, что настанет время бессмертия для всех народов. Не мнимого бессмертия эльфов, которое может оборвать любая стрела или клинок, но иного бессмертия для всех. Иного мира.

— Роксана Пресветлая! — губы Найрин дрожали, а голос был едва слышен. — Я вижу волю Твою, Яростная, и я подчиняюсь ей!..

Видя ее потрясение, Рада немного приободрилась. По крайней мере, нимфа не сочла их умалишенными, несущими какую-то околесицу. Да и глаза у нее были такие, будто она сама думала о чем-то подобном и теперь, слыша это от других, убеждалась в правоте своей собственной догадки. Потому Рада взглянула на нее и уверенно проговорила:

— Мы пришли сюда затем, чтобы узнать у вас, как достичь того, что нам открылось. Как сделать так, чтобы изменить это тело и привести в него Великую Мать. Напрямую. — Для большей наглядности она ущипнула на глазах Найрин собственную руку. — Прямо в эту материю, понимаешь? Вы должны нам сказать об этом, вы должны это знать!

Лиара рядом с ней горячо закивала, жадно глядя на нимфу. А та вдруг только горько рассмеялась, хоть золотые искры в ее глазах с каждой секундой разгорались все ярче и ярче, превращаясь в пламя лесного пожара. Раде на миг подумалось, что у нее силы духа едва ли не столько же, сколько и у Лэйк, если не побольше. Просто сила эта скрывалась под бархатной тканью ее спокойствия, самоконтроля и мягкости, в то время, как у Лэйк была

обнажена, будто холодная сталь.

— Мы думали, вы нам это расскажете! — в голосе нимфы звучала горечь, но губы улыбались. — Мне было видение в тот момент, когда мы сражались в последней битве Великой Войны. Я видела четырех женщин, в телах которых придут на землю Небесные Сестры. Придут, чтобы принести этот новый мир, бессмертие, о котором ты говоришь. Учитывая все, что вы рассказали мне о том, что с вами случилось, вполне возможно, что одна из вас, или даже обе — две из этих четырех.

Под Радой дрогнули ноги, и теперь она уже широко открытыми глазами воззрилась на Найрин, не зная, что и сказать ей. Точно такой же вид был и у Лиары, с открытым ртом рассматривающей нимфу. Та же, наоборот, как-то собралась после первого потрясения и проговорила:

— В любом случае, это всего лишь предположение. Мы будем говорить и узнавать друг друга, чтобы точно убедиться. Роксана не просто так привела вас в наши земли, зачем-то Огненной это было нужно, а коли так, то мы примем вас, повинуюсь Ее воле. Но обо всем случившемся с вами должна узнать Великая Царица. И Эрис должна посмотреть на вас, чтобы убедиться. — Она твердо кивнула сама себе, словно принимая какое-то решение. — Сейчас я отведу вас в ваш дом, где вы отдохнете с дороги. А сама поговорю с Лэйк. Возможно, вечером мы побеседуем еще раз и обсудим все, уже без спешки. Даже если вы и не те, о ком я думаю, Небесные Сестры явили вам Свои лики и Свою помощь, а это значит, что вы сможете оставаться с нами столько, сколько вам захочется. Так что пока отдыхайте спокойно и не бойтесь за свою судьбу. Теперь она в руках Небесных Сестер, а рук надежнее в мире не существует.

— Мы и не боимся, правда, радость моя? — искорка так искренне, так счастливо рассмеялась, прижимаясь к плечу Рады, что та захотела прямо сейчас обнять ее крепко-крепко, пусть даже и на глазах нимфы, и поцеловать прямо в смеющиеся глаза. — Я же говорила тебе, помнишь? Я говорила тебе, что Великая Мать не оставит нас!

— Я знаю, искорка моя, — мягко улыбнулась Рада и, все-таки не удержавшись, поцеловала ее золотые кудряшки.

Найрин смотрела на них задумчиво и загадочно, и ее изумрудные глаза сияли сейчас такой древностью, что Раде она вдруг показалась чем-то совершенно иным, чем-то далеким и могущественным, как само время.

— Никогда еще не бывало такого, чтобы Низинники обрели веру в Великую Мани прямо из Ее ладоней. Настает новое время, и ветра несут его над миром, растягивая золотым маревом. — Она покачала головой, рассеяно улыбаясь, словно девчонка, которой поднесли разноцветный гребень. Потом вдруг нимфа встрепенулась и всплеснула руками. — Что же это я? Холод такой, а мы тут посреди дороги топчемся! Пойдемте скорее в тепло, вы ведь устали с дороги! Поедите, отогреетесь, а потом поговорим. У нас еще с вами много времени впереди, очень много!

И в этот момент что-то распрямилось в Раде. Как туго скрученная струна, намотанная на кулак, которую разжали пальцы, и она моментально вновь стала прямой и хлесткой. Так долго она была напряжена, так долго была скручена в точно такой же узел. Все переживания Семи Преград, усталость, напряжение перехода, прощание с друзьями, тревога перед неизвестным будущим и подозрительными анай, все это в один миг слетело прочь, ссыпалось с нее ненужной шелухой, и она вздохнула, всей грудью втянула воздух.

Это был другой воздух, Лиара была совершенно права. Он пах сосной и ветром, и

горами, и хлебом. И радостью, искрящейся в припорошенных снегом ресницах над глазами смеющихся детей. И свободой, с которой синее небо над головой распахивало объятия для крылатых женщин, танцующих в нем, будто рой невиданных бабочек, стрелой стремящихся взлететь к раскаленному солнцу, что породило их, впитавшись в их кровь и плоть. И силой, бурлящей, словно поток, звенящей, как горный ручей силой, которая золотыми волнами плескалась в глубоких зрачках Найрин, тенью лежала в уголках глаз Торн, хлестала, будто прорвавший плотину водопад, из золотого ока, вытатуированного на лбу их немногословной сдержанной царицы. Теперь Рада чувствовала эту силу всем своим сердцем, распахнувшимся наружу этому странному месту, этому невиданному народу, такому чужому для нее и такому... знакомому.

Не удержавшись, Рада огляделась вокруг, испытывая никогда раньше не приходившее желание поклониться этому месту в ноги, а может, даже поцеловать снег, что укрывал пушистым одеялом тихое становище в седловине меж гор. Она взглянула на искорку, на свою маленькую золотую девочку, которая сама была немножко Великой Матерью, что мягко вела ее за собой через все преграды, которые вставали на их пути, и привела к ней самой и сюда, где ее ждала ее собственная душа, так долго ждала, носясь с ветрами над белоснежными вершинами молчаливых гор в краю лесов и солнца. Затерянная в этом бесконечном солнце.

В глазах искорки стояли слезы, и она смеялась, так светло и счастливо, как в тот самый первый раз, когда Рада сказала ей, что любит ее. Рада взглянула на Найрин, и в глазах нимфы тоже был этот свет, но немного иной. Станный проблеск молчаливого узнавания, будто через тысячи лет впервые и снова они смотрели друг на друга. Будто когда-то давным-давно они уже вот так же смотрели друг другу в глаза.

— Спасибо тебе, Найрин, — хрипло проговорила Рада, протягивая ей ладонь. — За все.

— Не за что, Рада, — ответила нимфа, крепко пожимая ее руку. — Хорошо, что вы пришли сюда. Мы так долго ждали вас.

Это звучало странно, но правильно. Обняв искорку за плечи, Рада зашагала следом за нимфой к маленькому домику, укрытому белой шапкой снега, прячущемуся под громадой Перста Тары. К домику, который теперь был их с искоркой Домом.

===== Глава 28. Любовь и тишина =====

— Ты уверена? — взгляд синего, как лед, глаза Лэйк был задумчивым и тяжелым.

Она сидела у стола, придвинув к себе чашку с уже поостывшим чаем, и вид у царицы был усталый.

— Да, Лэйк, — кивнула Найрин, выдыхая через нос терпкий, щиплющий глотку дым. — Ровно настолько, насколько вообще можно быть уверенной в данной ситуации. Что я знаю точно, так это то, что их нужно показать Эрис. Точнее может сказать только она.

В помещении Зала Совета не было никого, кроме них. Сам Совет давно завершился, и главы сообществ разошлись по домам, раздраженные и усталые. Слишком уж долго и громко орала Саира, выражая свое кардинальное несогласие с тем, чтобы позволять чужеземкам из-за Эрванского кряжа находиться среди Каэрос и учиться у них всему, что знали анай. Впрочем, Саира всегда так вела себя, и иногда Найрин казалось, что она делает это нарочно. Просто для того, чтобы в Совете были представлены разные мнения, чтобы сама Лэйк не расслаблялась, и не создавалось ситуации, когда главы сообществ разучились бы высказывать собственное мнение и принимать решения без помощи царицы. Как бы всецело ни была Саира предана Лэйк, как бы ревностно ни исполняла свой долг в качестве

Держащей Щит Каэрос, хоть ей явно это не слишком-то нравилось, но она все еще оставалась Дочерью Воды, и новый установившийся среди анай порядок не во всем устраивал ее. Или не устраивал во всем. Как и всегда в случае Саиры, разница здесь была тоньше волоса и больше горы.

Сразу же по окончании Великой Войны Магара вынесла на Совет Цариц вопрос с присяге Великой Царице, посчитав, что уже присягнувшие Тиене Лэйк и Руфь могли слишком поколебать и без того хрупкое равновесие между кланами. Тиена приняла присягу оставшихся двух цариц Лаэрт и Нуэргос, и теперь все кланы напрямую подчинялись ей. Со стороны казалось, что ничего-то нового и не привнесли эти перемены, разве что теперь Великая Царица решала все самые насущные вопросы племени, участвуя во всем и даже частично вмешиваясь во внутренние дела кланов. Но при этом неуловимо поменялось столь многое, и Найрин так до сих пор и не поняла, как относиться к этому.

Появилась иерархия, которая раньше не была явно выраженной. Теперь Совет Клана все больше прислушивался к мнению царицы, все чаще поддерживал ее, какие бы новшества она ни предлагала. Возможно, все дело было именно в Лэйк: первые помнили, как она пришла к власти, скольким пожертвовала ради своего народа, как привела анай к победе. Возможно, именно ее авторитет и железная воля незримо подтачивали их волю и стремление к сопротивлению новшествам, а безграничное доверие самих первых к Лэйк доделывало все остальное. Вот только по прилетавшим из Натэля и Фихт, и даже иногда из Свах гонцам Найрин замечала, что изменения коснулись не только Каэрос. Постепенно, плавно и медленно выстраивалась новая система мира, в которой Великая Царица поистине становилась первой, а царицы кланов могли лишь следовать ее воле. И порой в голову Найрин закрадывались мысли, пугающие ее.

Хорошо, сейчас трон Великой Царицы занимала Тиена, та самая Тиена, за которой анай готовы были идти хоть на самый край мира. И Тиена правила ровно так, как и должна была: ни один ее поступок пока еще не запятнал ее чести и не вызвал среди сестер ропота недовольства. Однако, рано или поздно Тиены не станет, и что тогда? Все кланы привыкнут к новому порядку, царицы будут следовать за первой среди первых, и коли она укажет им пальцем через Роурскую степь на старых врагов, то появится новая империя Крол и священные войны. И никто не сможет остановить зарвавшихся анай, пока они в конце концов не уничтожат самих себя. До сих пор мир держался на договоре между Тьярдом и Тиеной, но время шло. Тем, кто пережил Великую Войну, никакой битвы уже не требовалось, они своего хлебнули с лихвой и хотели лишь мира. Но подрастающая молодежь хвасталась, потрясая оружием, что придет день, когда они затмят свою одноглазую царицу. Только где ее затмевать, если не на полях сражений? А с кем здесь сражаться, если не с кортами и не с сальвагами?

Сколько труда нужно, чтобы расчистить от сорняков опушку леса и подготовить землю для сева. И как быстро эта опушка вновь порастает быльем. Стоит лишь зазеваться, поленился и все. Найрин тяжело вздохнула. Такой дорогой ценой они купили мир для своих детей, и вот теперь, спустя всего несколько лет, этот мир уже не был нужен тем самым детям, ради которых все и затевалось.

Роксана, молю Тебя, услышь, Грозная! Пошли нам Танец Хаоса, как Свое величайшее благословение! Как гроза, после грома и молний которой мир вновь омыт и чист. Не знаю уж, сколько уроков нам еще предстоит выучить, но если Ты действительно хочешь, чтобы все было не зря, прокатись вновь по нашим землям на Своих огненных крыльях.

— Великая Царица обязательно посмотрит на них, — устало проговорила Лэйк, и Найрин вырвалась из своих мрачноватых мыслей, заморгав от неожиданности. Между ними в рыжих отсветах чаш с огнем Роксаны клубился дым, закручиваясь и поднимаясь к потолку. Как бы ни боролись Ремесленницы с привычкой курить, но выбить ее из разведчиц даже спустя много лет после окончания войны так и не удалось. В руке Лэйк тоже была трубка, над которой вился дымок. Второй ладонью она устало потерла переносицу. — Но чуть позже. Для начала я сама хочу понять, что они из себя представляют. А к Тиене отправим гонца с письмом, чтобы уведомить ее обо всем произошедшем.

— Согласна, — кивнула Найрин, хоть внутри и скреблись кошки. Будь она на месте Лэйк, она немедленно повела бы их в Роцу прямохонько под очи Эрис с Тиеной. Если они действительно были теми двумя из четырех, то лучше уж выяснить это сразу, не откладывая. Но решение все равно оставалось за Лэйк, и Найрин привыкла ей доверять.

Ты уже сказала ей, что согласна, устало напомнил внутренний голос. И сколько в этом твоего доверия к ее мнению, а сколько — привычки соглашаться с ее волей? Где та грань, после которой ты будешь уже слепо подчиняться любому, кто стоит по положению выше тебя, и требовать беспрекословного подчинения от тех, кто слабее?

Лэйк подняла на нее взгляд, и Найрин с трудом отпихнула прочь все свои мысли. С каждым годом делать это было все сложнее, оставаться спокойной было все сложнее. Со времен их победы прошло восемь лет, и все это время Найрин упрямо ждала знака, который даст им Роксана. Хоть какого-нибудь сигнала, хоть намек на то, что Огненная не забыла их и не ушла из их земель, что Ей все еще нужно Ее оружие, скованное и закаленное в немислимых испытаниях. Но время шло, ничего не менялось, и с каждым годом мысли в голове становились все громче. Зачем оружие, которое пылится в кладовке? Не лучше ли использовать его сразу же, как только оно было изготовлено и смазано? Мы ведь еще не сделали своего дела, Грозная! Я всем телом чувствую, что еще не все! Так не томи же, дай нам завершить начатое!

Примерно то же самое отражалось и в холодном глазу Лэйк. Странная щемящая тоска, такая острая, что об нее порезаться можно было. Лэйк тоже ждала все эти годы, не понимая даже, чего она ждет. Она тоже молила, чтобы это уже случилось. И с каждым годом жажда становилась все невыносимее.

— Засиделись мы тут, неверная, — негромко проворчала царица, ухмыльнувшись и отстегивая от пояса плетеную бутылку с ашивлом. Вид у нее был мрачноватым. — Никогда не думала, что меня будет тянуть удрать вновь, но честно тебе скажу, тянет. Все сильнее.

— И меня, — тихо кивнула ей Найрин, принимая из рук бутылку, которую Лэйк, сделав глоток, передала ей. Ашвил был огненно-острым, обжег горло, словно расплавленный металл.

— Только бы это были они, — с тяжелым вздохом Лэйк откинулась на спинку простого стула и взглянула сквозь покрытое узорами мороза окно в ночь, свернувшуюся черным клубком вокруг становища Сол. — Или если хотя бы и не они, то пусть они станут знаком Грозной, что Танец Хаоса начинается. Я не могу больше ждать.

— Как и я, Лэйк, — криво усмехнулась нимфа в ответ. — В груди дыра размером с Роцу Великой Мани, и порой мне кажется, что скоро она пожрет меня с потрохами.

Лэйк задумчиво потерла кулаком грудь, где под костями и кожей пылал огонек дара Роксаны. Все эти годы он как будто становился сильнее, нарастая, как непрекращающееся жжение, требовательное и зовущее. Порой Найрин подолгу сидела, сосредоточив на нем все

свое внимание и пытаюсь понять, что же пытается сказать ей Роксана. Да вот только ничего кроме невыносимой пульсации подобно второму сердцу там не было.

— Разве может быть, чтобы у кого-то в груди загорелась Огненная? — задумчиво спросила царица у морозных узоров на окне. Те лишь таинственно мерцали, отражая танцующее в чашах пламя. — Разве это не дар, полученный нами от рождения? Ведь Анкана говорили, что это расовое свойство анай, заложенное в момент эксперимента Крол, или, возможно, позже, когда она догадалась о свойствах Источника Рождения.

— Анкана не знали всего, — покачала головой Найрин. — Ты же сама помнишь. Часть их предположений в итоге не оправдалась, а чего-то они и вовсе не смогли предугадать. Они не изучали анай с момента их появления. Все может быть вовсе не так, как говорила Истель.

— Это понятно, — поморщилась Лэйк. — Но мне-то что с этим делать? Если дар Роксаны в груди может открыться у кого угодно за границей Данарских гор, то, значит, сюда хлынет целый поток народа? И все они захотят учиться?

— Мы не знаем, так это или нет, — мягко проговорила Найрин, надеясь, что Лэйк услышит ее. — Возможно, они единственные. И я бы, на твоём месте, испытала их. Рада упоминала, что ее кожа вспыхивала огнем, что в ней присутствовала Грозная, но она не умеет управлять этим и не понимает, как это происходит. Равно как и пламя зажигать с помощью прикосновения они с Лиарой тоже не могут. Значит, существуют какие-то пределы тому, что можно сделать с даром, или, возможно, они пока еще просто не поняли, как правильно его использовать.

— О том я и говорю, — мрачно кивнула Лэйк. — Стоит ли учить их это делать?

Найрин на несколько мгновений задумалась. Даже несмотря на мир с вельдами, союз с эльфами, контакты с Анкана, анай все равно оставались сами собой. Они берегли огненную точку в груди как зеницу ока, ревниво охраняя ее ото всех, терпеливо возвращая свой дар и вознося Небесным Сестрам хвалу за него. Неудивительно, что появление чужеземок, способных делать то же самое, вызвало переполох и тревоги. Но вместе с этим, разве принадлежали самим анай Небесные Сестры? Разве были они их собственностью? Солнце встает надо всем миром и светит всем, и никто не властен удержать его в ладонях и сохранить его свет лишь для себя.

Собравшись с мыслями, Найрин взглянула на Лэйк, чтобы сказать ей это все, но та лишь хмуρο шмыгнула носом, втягивая ее запах, и поморщилась:

— Да знаю я это все, можешь не говорить, — проворчала она. — И Огненная пришла к Раде не просто так. Раз Она отметила ее, как Свою, значит, не в моей воле противиться Ей. Никогда бы не рискнула делать это, — задумчиво добавила она себе под нос.

— Терпеть не могу твою привычку читать мои эмоции по запаху, — все-таки буркнула Найрин, недовольно поерзав на своем стуле. Торн тоже так делала, и это упрощало их совместную жизнь, позволяя не надоедать друг другу и не царапать друг друга острыми гранями своих характеров, но с Лэйк было иначе. Рядом с ее вездесущим носом, способным чують любой оттенок эмоции, Найрин чувствовала себя слепой и глухой.

— А я терпеть не могу твою привычку читать по моему лицу, — ослабилась в ответ царица. — Так что мы квиты.

Наградив ее острым взглядом, Найрин сменила тему:

— Так что мне делать-то с ними? Не в Дом Дочерей же вести! Мы не можем посадить их за парту к трехлетним девочкам и обучать с ними, пусть даже и знают они гораздо меньше, чем любая из нас в три года.

— Ты попала к нам в восемь, — негромко заметила Лэйк. — И уже через два месяца была такой же, как и мы. Так что тебе ли не знать, что с ними делать? Я жду предложений, неверная. И не таких идиотских, как от Саиры.

Найрин невольно усмехнулась. Держащая Щит уже выступила сегодня с пламенной речью, посоветовав Лэйк отправить чужеземок к Магаре с сопроводительным письмом, в котором той предлагалось назначить им опекунов и начать обучение с ноля, будто они едва научились ходить. Сама Найрин в этот момент могла лишь посочувствовать Лэйк. Эта кучерявая девочка с серыми, будто море, глазами была настолько очаровательна, что ревнивая, как бесы мхира, Саира при одном только упоминании ее имени начинала рычать и плевать огнем, хоть его и не было в ее крови. Судя по всему, решение оставить их в становище Сол будет стоить Лэйк очень дорого. Все Каэрос успели попривыкнуть к бешеному нраву Дочери Воды и даже приняли ее, хоть и со скрипом, как свою Держащую Щит, однако попадаться ей под руку не хотелось никому. И больше всех от Саиры доставалось самой Лэйк. Даже рождение двух дочерей никоим образом не смягчило ее нрава.

Впрочем, сейчас все это было не столь уж важно, и Найрин приказала себе сосредоточиться и хорошенько подумать.

— Что касается Рады, то тут все достаточно просто, — начала она. — Они с Торн вроде бы нашли общий язык, да и меч Рада носит так, что явно умеет им пользоваться. Я поговорю с Торн, пусть возьмет ее к себе, пусть тренируется с Клинками Рассвета, общается с ними. Думаю, они смогут многому научить друг друга, да и мы узнаем новое о стратегии ведения войны по ту сторону гор. В любом случае пригодится.

— Я тоже об этом думала, — кивнула Лэйк.

— Что касается Лиары... — Найрин задумчиво запыхтела трубкой. — Полагаю, ей будет лучше всего с Ремесленницами, если она захочет того. Скоро весна, начнутся полевые работы, Дочерей повезут в Ифо. Пусть едут с ними, смотрят, слушают, говорят. Так они быстрее поймут, что к чему, да и мы сможем приглядеться к ним.

Лэйк кивнула, отхлебывая ашвила. Вид у нее был усталый.

— Я буду беседовать с ними время от времени, — продолжила Найрин. — Лиара сказала одну вещь, о своем видении, в котором ей пришли картины кровавого колеса и знание, как победить смерть. Рада тоже уверена в том, что это возможно, и они так горячо говорят об этом, что я полагаю, им хватит смелости и безумства, чтобы найти способ. Мы будем говорить с ними. Может, вместе придумаем, что делать дальше.

— Хорошо, — кивнула Лэйк, протягивая Найрин флягу. — Мне все нравится, неверная, так что завтра можешь начинать. А летом посмотрим. Коли все пойдет хорошо, можно будет предложить им остаться с нами насовсем.

— Ты хочешь дать им крылья? — Найрин недоверчиво взглянула на нее. — А получится?

— Они обе эльфийской крови, как и ты, — отозвалась царица. — Можно попробовать. А что касается Источника, то, как ты говорила, в один они уже нырнули. Да и про Источник Рождения тоже все знают. Не вижу смысла ограждать их от этого.

— Интересно, что произойдет, когда они войдут в Белый Источник? — Найрин задумчиво выдохнула дым. — Как поведет себя сила в их крови? Такого еще никогда раньше не было.

— До этого в любом случае далеко, и раньше времени тревожиться не стоит, — резонно

заметила Лэйк. — Так что пока ждем. А завтра я отправлю кого-нибудь к Тиене, чтобы поставить ее в известность обо всем произошедшем. Пусть дальше голову ломает она, а с меня хватит.

Найрин кивнула. Так оно будет лучше всего. Заодно Великая Царица известит и Магару, которая из собственной шкуры выпрыгнет, лишь бы ни в чем не отставать от Каэрос и знать ровно столько же, сколько и они. За прошедшие восемь лет отношения между кланами заметно улучшились. Под эгидой Великой Царицы был провозглашен всеобщий Обмен, хоть пока еще не все перекрестные договора между кланами были заключены. Поговорив между собой, царицы решили начать с пограничья, где контакты между кланами всегда были особенно частыми. Потому теперь в становище Ифо и окрестных деревнях носилось множество маленьких носатых бхар, с которыми дочери Каэрос отчаянно дрались, но уже и начали дружить. Да и на далеком юге, у становища Идар, тоже появились представители других кланов: светлоголовые Нуэргос, смешливые и вечно любопытные, как и их молодая Богиня. Только РаэРН не было, но Руфь с маниакальным упорством настаивала на Обмене, и Лэйк уже почти что подписала договор на следующий год, оставались только формальности.

Из них из всех Магара была самой энергичной и деловитой. Впрочем, ничего удивительного, учитывая ее характер. С каждым годом количество отданных для Обмена детей росло, Лаэрт бурно отстраивали становища на пепелище Долины Грез, заключали все новые и новые торговые договора на поставку строительного леса, которого там теперь не было, камня, тканей и прочего. Гонцы сновали между Сол и Натэль с такой скоростью, что Боевые Целительницы, открывающие для них переходы, из сил выбивались. Любовница Аленны всеми силами пыталась выказать Лэйк свое особое расположение, и создавалось ощущение, что она что-то затевает, слишком уж ярко и открыто она демонстрировала свое дружественное отношение к Каэрос. В обмен на это и Лэйк была вынуждена идти Магаре на уступки и извещать ее обо всех событиях, происходящих в землях Дочерей Огня. Но чувство, что Магара в чем-то пытается обвести их вокруг пальца, год от года становилось только сильнее.

Найрин устало потерла ладонями лицо. Она-то, наивная, думала, что по окончании Войны у них будет время отдохнуть. Получилось же все наоборот. Кажется, никогда у нее не было столько работы и поводов для тревог, как сейчас.

— Иди-ка ты отдыхай, неверная, — Лэйк покосилась на нее и усмехнулась краешком губ. — Час уже поздний, да и дел завтра по горло.

— Пойду, пожалуй, — кивнула Найрин, поднимаясь с места и набрасывая на плечи пальто. — Светлого вечера, царица! Надеюсь увидеть тебя завтра в целости. Больно уж прыскает ядом наша кроткая как овечка Держащая Щит.

— Просто молчи, Найрин, — устало пробормотала Лэйк, закрывая лицо рукой. — Ничего не говори мне об этом.

Улыбнувшись напоследок, Найрин зажала в зубах чубук трубки и вышла из Зала Совета на улицу.

Морозная ночь дрожала между двух острых пиков Бурой Горы и Перста Тары. Щедрой горстью рассыпались по небу звезды, словно вышитый подол Милосердной, что сейчас медленно шагала по небу, неся в руке Свой почти разбитый вдребезги щит. Его бледный свет смешивался с загадочным мерцанием звезд и осыпался ослепительными бликами на белое одеяло снега, укрывающего становище. Резкий запах зимы, смешанный с ароматом хвои, наполнил ноздри Найрин, и она едва заметно улыбнулась. Роща, высаженная вокруг

становища, поднималась все выше, и уже ветер шумел в пушистых шапках совсем молодых сосенок, словно сама земля изо всех сил стремилась залечить раны, нанесенные войной.

На улице никого не было в такой поздний час. Окошки большей части зданий становища давно погасли, лишь в Доме Дочерей еще кое-где теплился свет, и его рыжие квадраты падали сквозь густую тень на сугробы под окнами. Вдали лениво брехнул пес, да и затих, упрятав голову под пушистый хвост. Было так тихо, что Найрин слышала, как дышат горы, а издали долетал мерный звук молота по наковальне — Дара со своими пятью ученицами допоздна ковала у себя в кузне. И еще с Плато Младших Сестер долетали обрывки смеха и голосов. Там всегда царило веселье, как сильно бы ни загружали девочек, как бы много времени ни отнимала у них учеба.

Докурив и выбив трубку о каблук, Найрин спустилась по скрипучим ступеням крыльца на протоптанную в снегу тропинку. Снег похрустывал под сапогами, а щеки щипал мороз. И ей так ярко вспомнилось сейчас ее детство, когда под вечер все они сидели за изукрашенными морозными узорами окошками у большого стола, доедали нехитрый ужин, сплетничали и смеялись над шутками рыжеволосых близняшек. И в печке тихонько потрескивали дрова, и под шерстяным пледом было так уютно-уютно, что можно было и не думать о ледяной ночи, притаившейся за стенами их маленького дома.

Развернув крылья, Найрин оттолкнулась от земли и взлетела, чувствуя сладкое тепло в груди и легкую грусть. Сейчас тоже было хорошо, ничуть не хуже, чем тогда. Разве что близняшек не хватало до боли, и Эрис тоже ушла в Рощу Великой Мани, сделавшись далекой и загадочной, как звезды в небе. Но зато саму Найрин у теплого очага дома ждала Торн. И запах хлеба наполнял их маленький дом, и шерстяное одеяло они всегда делили на двоих, и в ее руках было так хорошо и так правильно, как нигде и никогда. Думала ли ты об этом много лет назад, когда сама жила на Плато Младших Сестер? Могла ли ты представить, что так будет?

Морозный ветер кусал лицо и щеки, и Найрин тихонько улыбалась, взлетая все выше и выше на могучих воздушных потоках. Она миновала Плато, оставив его далеко позади, миновала домик царицы, в окошках которого яркими огоньками горел свет. Там, наверное, сейчас собирает на стол Саира, ворча, что не ее это дело, а сама ждет Лэйк, следя за тем, чтобы ее ужин не остыл, заботливо подкладывая в очаг толстые поленья. Замелькали под ногами Найрин и другие огоньки других домов, в каждом из которых анай ужинали или готовились ко сну. И этих огоньков было значительно больше, чем восемь лет назад. Но и меньше, чем до войны.

Порог ее собственного дома встретил ее теплым светом оконца, под которым, каким-то чудом прилепившись к склону горы, росла колючая сосенка. Найрин по привычке огладила ее кучерявые веточки, как делала всегда, когда возвращалась домой. Иногда она даже специально приносила с собой земли, чтобы подсыпать к ее корням, а этой осенью они с Торн укрепили ствол с помощью вбитых в скалу распорок, чтобы дереву было легче расти под пронзительными ветрами, что на этой высоте не стихали ни на миг.

В доме было тепло, пахло горячим ужином, в доме ее ждала Торн, лежащая поверх шерстяного одеяла на кровати и читающая при свете маленькой чаши с огнем Роксаны. Потрескивал очаг, наполняя воздух пряным сладковатым запахом сосны и березы, возле него, чтобы вода не остыла, стоял закопченный железный чайник. Найрин сняла с плеч пальто, вешая его на крючок у двери рядом с пальто Торн, и жена пошевелилась на кровати, откладывая в сторону книгу.

— Замерзла? Поешь горячего, все готово.

— Ты сама ужинала? — Найрин знала ответ еще до того, как задала вопрос. Это тоже была традиция, такая же, как и сосенка, и плащи на крючках. Драгоценные мелочи, маленькие самоцветы воспоминаний.

— Нет, тебя ждала, — улыбнулась Торн, поднимаясь с кровати.

На ней были простые домашние штаны из холстины и свитер крупной вязки, который, исколов себе все пальцы и изругавшись, с грехом пополам связали-таки Найрин. Торн, в чьих глазах всегда отражалось тепло очага, согревающее даже в самые холодные ночи. Торн, которая была надежнее всех этих гор вместе взятых.

— Какая же ты глупая, — тихонько прошептала Найрин, обнимая ее и пряча лицо на ее плече, пахнущем дымком, хлебом и ей самой. И не было на свете иного запаха, которым ей хотелось бы дышать. А Торн только рассмеялась и покрепче обхватила ее, целуя куда-то в стриженный висок.

А знаешь, Роксана, нет ничего дороже тех восьми лет мира, что Ты дала нам. И как бы я Тебя ни звала, как бы ни просила у Тебя для своего народа, для себя я прошу лишь одно — этот маленький дом с узорами на стеклах, и ее в нем. Только ее.

Рада проснулась рывком, вскинув голову с простой плоской подушки, на которую она упала навзничь несколько часов назад и почти сразу же уснула. После долгого сна тело чувствовалось ленивым и мягким, напоенным приятной дремой, которая расслабила усталые мышцы, развернула вечно сведенные плечи. Пошевелившись под одеялами, Рада вздохнула и огляделась, с трудом припоминая, где она находится.

Маленький домик тонул в тенях, скрадывающих углы, смягчающих острые очертания предметов. Здесь почти ничего и не было, но при этом было так уютно, как она и мечтать не могла. Печка, выпирающая толстым боком из стены, в алом зеве которой малиново мерцали угли, а во все стороны от нее расходились волны уютного смолистого тепла. Добротно сколоченный стол с двумя стульями возле него, а на столе — кувшин с молоком, две чашки и краюха домашнего хлеба, накрытая простым льняным полотенцем. Узкий шкаф, внутри которого на полках сейчас лежали их сложенные вещи. Маленькая чаша в восточном углу помещения, пустая, из тех, в каких анай разжигали огонь во славу своей Богини. А на полу — плетеная циновка, на которой играли отсветы пламени из камина, бросая на нее диковинные живые узоры, которые никогда бы не смогла вышить даже самая талантливая мастерица.

И тишина.

Рада вдохнула ее всей собой: тишину, в которой было лишь легкое потрескивание дров в печи, да едва слышное дыхание мороза за окнами. Это была не та стылая, бесконечная тишь, никогда не нарушаемая ни единым звуком, которая обычно лежала за Семью Преградами. И не странное молчание ночного Эрналда, в котором все равно порой слышался чей-нибудь заспанный кашель, отдаленное шарканье шагов по пустым галереям, обрывки музыки из домов тех, кто еще не спал. Это была тишина гор, молчаливых зеленых лесов, взбирающихся по их склонам, тишина полного звезд неба и солнца, что ждало своего часа, чтобы родиться где-то за самым краешком мира. Тишина зимы, укрытая толстым одеялом снега, когда лес угрюм и ворчлив, когда дороги и перевалы завалило до весны, когда глубоко у древесных корней, укрывая пушистым хвостом нос, дремлет жизнь, сомкнув золотые глаза.

Как хорошо!

Рада вновь вдохнула воздух, и он пах домом. Деревом, из которого была сложена передняя часть их вырубленного в скале жилища, молоком, налитым в кувшин и чашки и забытом на столе, углями и разогретыми боками печи, которая прятала их у себя за пазухой. К этому всему примешивался еще сладковатый запах циновки и едва слышный травяной аромат ее волос, от которого кружилась голова, и невыносимая нежность сжимала сердце Рады.

Она откинула край шерстяного одеяла и села, спустив босые пятки на пол. Под ногами приятно чувствовалась циновка, которой в несколько слоев были устланы полы, и в доме было тепло и уютно. Искорки не было в комнате, но Рада ощущала ее присутствие в доме: неуловимое знание, шестое чувство, как когда-то кто-то стоит за твоей спиной, и достаточно лишь его дыхания, чтобы знать — он там.

Из узкого коридора, ведущего на маленькую кухню и дальше, в сени, лился на пол мягкий свет свечи. Рада пригнула голову, проходя под низкой притолокой, сработанной из сосны, в трещинах которой янтарными слезами приглушенно посверкивали капли смолы, и вышла в кухню, остановившись на пороге.

Возле маленького, полностью скрытого под узорами мороза окошка сидела Лиара, поджав под себя ноги и полностью уместившись на стуле, будто кот. Перед ней на узком столе горела свеча, отбрасывая на стены причудливые отсветы. Здесь тоже было совсем немного мебели: несколько шкафов для посуды, разделочный стол, еще один стол для еды, бок печи, выпирающий из стены, с двумя конфорками на нем. Но что-то невероятно уютное было в закопченных кастрюлях, аккуратной стопкой высившихся у стены, в глазурованных глиняных чашках и мисках с простеньким орнаментом, в большой корзине для дров и двух ведрах ключевой воды, такой ледяной, что аж зубы сводило. И пахло здесь: травами, едой, домом.

Сквозь окошко внутрь дома смотрела черными глазами ночь. Загадочно мерцала изморозь, застывшая странными узорами, колкими иглами зимы, ледяными цветами, что цвели под отсветами свечи. И в глазах Лиары, повернувшейся к Раде, тоже было что-то загадочное сейчас, совсем чаровное и такое древнее, что на миг Рада оробела.

Искорка просто смотрела на нее, ничего не говоря, и улыбалась. Ее пушистые кудряшки отливали червонным золотом, и это же золото дробилось в ее глазах, преломлялось на ресницах, мягким светом заливало щеки, такие нежные, теплые, словно наливные персики, которые до боли хотелось поцеловать. На плечах ее лежало второе шерстяное одеяло, из-под которого торчали только голые пальцы ног, да выпирали худенькие коленки.

Рада вдруг поняла, что не может сдвинуться с места или сказать хотя бы слово. Маленький домик на краю мира, укрытый в холодной зимней ночи, и она в кухне, завернутая в шерстяное одеяло. И ночь, что была тише самого мягкого урчания котенка за пазухой. Разве могло быть что-то нежнее, что-то красивее? Разве нужно было ей самой еще что-то другое?

— Посидишь со мной? — приглушенно спросила искорка, поправляя на плече шерстяное одеяло.

— Да, — хрипло кивнула Рада, нетвердой походкой подходя к ней.

Она поискала глазами стул, но его здесь не было. Лиара тихонько пискнула и вцепилась в ее плечи, когда Рада приподняла ее, а потом опустилась на стул, усадив у себя на коленях. Теплые руки сразу же обвили ее плечи, и глаза, в которых загадочно плавилась огненные солнца, заглянули прямо в самое сердце Рады.

— Ты выпалась? — спросила искорка, внимательно разглядывая ее, и золото в груди Рады начало закипать все сильнее и сильнее, готовое в любой момент лопнуть, взорваться тысячью фейерверков, увязанных в одну скатку. — Отдохнула, моя радость?

— Да, искорка, — кивнула она, понимая, что наглядеться не может в эти волшебные глаза, у которых не было дна, лишь только свет. — А ты?

— И я, — мягко улыбнулась та, а потом положила голову ей на плечо, поворачиваясь и глядя в окно. — Я сидела здесь и думала о тебе, о нас, вспоминала нашу дорогу, — тихо-тихо заговорила она, и в голосе ее слышалась нежность летнего вечера, баюкающего в ковше ладоней отгорающий ландышевый цвет. — Вспоминала тот первый день, когда увидела тебя верхом, помнишь? В Латре, с Даланом, когда вы катались по полю.

— Помню, — кивнула Рада, мягко обнимая ее и прикрывая глаза. Ее запах наполнял все, и в нем хотелось тонуть без остатка.

— Ты тогда была такая красивая! Пронизанная солнцем, и оно путалось в твоих волосах, горело под ресницами. Я смотрела, как ты едешь мне навстречу, и думала о том, что никогда не видела женщины более красивой на всем белом свете. И никогда даже и не надеялась на то, что однажды ты взглянешь на меня по-другому, так, как глядишь сейчас. — Голос ее на миг дрогнул. — Никто никогда так не глядел на меня, Рада. Да и не нужно этого было, только ты одна.

— Ты одна, моя маленькая весенняя птичка, моя золотая зоренька, — тихо прошептала Рада, целуя самые кончики ее кудряшек.

— И вот мы прошли через все эти непроходимые преграды, миновали столько боли, столько горя, столько страха. Через весь мир прошли, ведомые силой, которая превыше всего, чтобы найти здесь этот маленький домик в горах, укрытый под снегом. — Рада слушала, как она говорит, и прямо в ее груди плавилось сердце. Это было так больно, и так хорошо, так дорого, так по-настоящему. Она говорила, и хотелось плакать, или целовать ее глаза, или кружить ее на руках под серебряными звездами. Хотелось упасть на землю и в ноги кланяться той силе, что свела их дороги, молиться и благодарить, хоть Рада и понимала, что ни одной благодарности не хватит, чтобы окупить этот дар. Ни одного человеческого сердца, даже всех сердец вместе, не хватит для того, чтобы вместить всю твою любовь, Великая Мать! А голос искорки тек сквозь Раду, согревая гораздо лучше печи или шерстяного пледа, отогревая что-то запрятанное в самую ее глубь. — И мы будем жить с тобой в этом маленьком домике, под светом этих звезд, под задумчивой тенью этих гор. По ночам нам будет шептать свои сказки лес. Слышишь, как тихонько он дышит в своих снах? Знаешь, что ему снится?

— Нет, — прошептала Рада, чувствуя, как закипают в уголках глаз слезы. Казалось, это сама ее душа рыдала от невыносимой нежности, которой и слова не было на человеческом языке.

— Ему снятся земляничные поляны, прогретые солнцем, над которыми поют толстые мохнатые шмели. Ему снится голубое небо сквозь зеленые верхушки сосен, шелест иголок на ветру, солнце, дробящееся в застывшей на коре капле смолы. Он видит дрожащую россыпь радуг в паутинках, покрытых утренней росой. Он слышит песню жаворонка в рассветном небе, в котором расплескалось полное огня зарево, медленно алеющее на востоке, чтобы взорваться золотыми копьями и растечься победной песней над миром. Он видит туманы, спящие в тенистых низинах, и болотные травы, шепчущиеся на ветру. И теплые ночи, которым нет конца, ночи, когда никогда до конца и не темнеет, прозрачные, словно

занавески на нашем окне, легкие, как твое дыхание, моя милая. Совсем скоро придет наше лето, Рада. Совсем скоро родится глубоко под землей зеленая трава, потянется к солнцу, разбудит стылую землю. И запоют ручьи, понесутся над миром свободные пушистые ветра, такие же легкие и сильные, как ты, моя родная. И я пойду на рассвете в мокрый лес собирать травы и петь земле, и я буду плести тебе венки из вереска и горечавки, которая так похожа на твои глаза. А по вечерам — сидеть с тобой на пороге нашего дома и дышать закатами, полными запаха свежескошенной травы и дурманящей сладостью жасмина.

Искорка все говорила, а Рада уже не могла. Никаких сил уже не было, и ни одно сердце не могло вместить в себя эту любовь, каким бы огромным оно ни было. Слезы сами побежали по щекам, странные, неожиданные, но такие правильные. Будто все вымывало прочь из ее глаз и сердца, из ее души. Тревоги и страхи, прошлое, скомканное, будто грязный, исчерканный и покрытый кляксами лист бумаги. И распускался золотой цветок прямо под ребрами, гораздо красивее самого Цветка Жизни Фаишала, гораздо сильнее всех Источников и всех ведунов этого мира. И ей почти казалось, что сейчас произойдет чудо, неопишное, необъяснимое чудо, которого она ждала со времен своего первого вздоха, а может, и гораздо дольше.

— Не плачь, моя милая, — шептала прямо в ее сердце искорка, и ее пальцы тихонько перебирали прядки на затылке Рады. — Никогда не плачь, мое сердце, потому что нам нечего плакать. Какой бы путь ни сплели нам Марны, как бы далеко ни повела нас Великая Мать, а все равно-то мы прямо у нее в ладонях, и ничего дурного с нами вовек не случится. И чтобы ты всегда улыбалась, и чтобы всегда носила с собой кусочек неба, я дарю тебе вот это. Пусть он бережет тебя, моя солнцем целованная, ветрами омытая! Пусть он хранит тебя даже в ненастье и бури, в самом далеком краю, куда только заведет тебя дорога. И я буду хранить, потому что всегда буду с тобой.

Сквозь пелену слез в глазах Рада даже не сразу поняла, что ей показывает Лиара. В свете свечи на ее ладони поблескивал тяжелый перстень с утопленным внутрь камнем. Рада прищурилась, пытаясь разглядеть, что это. Камень походил на летнее небо в кудрявых белых облаках, чьи огромные валы закручивает и гоняет по своей воле бродяга-ветер. И это было так неожиданно, так красиво, что она вздрогнула, поднимая на искорку глаза:

— Это... мне?

— Да, мое сердце, — мягко кивнула Лиара, надевая перстень на указательный палец Рады. Он подошел, будто влитой. — Носи его с собой всегда, пусть он хранит тебя.

Рада вскинула глаза, глядя на нее. Все ушло прочь, все те назойливые мысли, что без конца лезли в ее голову, весь шум, что, казалось, навечно забил ее уши. Осталась только она: самая красивая, самая нужная, самая родная, с глазами-солнцами, с улыбкой, от которой все тело Рады пело, словно скрипка в руках влюбленного в песню музыканта.

— Я люблю тебя! — сорвалось с губ, и Рада обняла ее, осыпая поцелуями ее лицо, щеки, глаза, брови, смеющиеся губы, торчащие из-под верхней губы маленькие клычки.

Лиара смеялась и обнимала ее, и золотая нежность текла между ними, распускаясь все сильнее и сильнее. Не было больше Рады, были они, слитые воедино, когда что-то в ее груди лопнуло и открылось навстречу Лиаре. Было одно сердце, стучащее вместе, было одно тело, прижавшееся к самому себе, была одна любовь, огромная, будто море, бездонная, будто небо.

Рада не думала ни о чем, когда поднимала Лиару на руки и несла ее в комнату, на узенькую кровать, укрытую уютным шерстяным одеялом. Когда целовала ее, целовала,

казалось, в самое сердце, и искорка отвечала ей всей собой, робкая, доверчивая, такая открытая, такая ее. Не было больше ничего, кроме их душ, впервые слившихся друг с другом в одно, их тел, что сплелись так плотно, будто хотели срастись, кроме тихого потрескивания углей в малиновом зеве печки. Кроме таинственно мерцающих узоров стужи на окнах, и ночи, что свернулась пушистым клубком над становищем Сол и подглядывала в окна его обитателям, сберегая их сон.

Во всем мире была только Любовь и Тишина.

===== Глава 29. Первое утро =====

Это утро было лучшим в ее жизни. Сквозь покрытые витиеватыми узорами изморози окошки внутри их маленького дома просачивался рассеянный свет солнца. Лиара выглянула на улицу, но через стекло видно было лишь беловатое небо, которое начали затягивать облака. Да и изморозь слегка подтаяла по краям: значит, к вечеру начнется снегопад.

Грезы выпустили ее из своих объятий раньше обычного, Лиара готова была поклясться, что отдыхала всего пару часов. Но тело при этом чувствовалось донельзя свежим и полным сил. А еще мягким и нежным, наполненным такой любовью, что хотелось петь. Вот она и пела, тихонько хозяйничая на маленькой кухоньке, чтобы приготовить завтрак к тому времени, когда проснется Рада. Завтрак их первого утра вместе.

Каждая деталь сейчас была важна, каждая мелочь наполняла ее сердце волшебным щемящим звоном. Под столом на кухне обнаружился люк с толстым медным кольцом, под которым ее глазам предстал небольшой ледник. На полках отыскивались крупные куриные яйца, несколько ломтей ветчины, большая головка сыра. В углах темнели мешки с картошкой и свеклой, стояли пересыпанные песком ящики с морковкой, а под потолком висели вязанки лука и чеснока. Лиара нашла и пучки каких-то незнакомых, но очень ароматных трав, которые как нельзя лучше подошли бы к яичнице. Прихватив все необходимое, она поднялась по ступенькам лестницы наверх в кухню и взялась за стряпню.

Нож тихонько стучал по разделочной доске, потертой и явно не новой, но это было и хорошо. Как хороши были и старенькие глиняные чашки, отполированные долгими прикосновениями рук, заросший нагаром чайник, ковшик с отбитым краем, чтобы наливать воду. В этих мелочах, в том, как бережно хранились и использовались вещи, чувствовалось тепло рук анай, которые умели ценить красоту в простоте, добротности и времени.

Зашипело масло на разогретой сковородке. Лиара улыбалась, бережно опуская в него мелко нарубленный лук, перемешанный с зеленью. По комнате сразу же поплыл пряный дух горных трав, и она вновь принялась едва слышно напевать мелодию без слов, которая приходила в голову сама, будто кто-то тихо-тихо шептал ей на ухо ноты. У нее никогда не было кухни, лишь стылый зал с рассохшимися стульями и грязными столами, которые приходилось скоблить целыми часами каждый раз после ужина, засаживая под кожу занозы от его неровных, неструганых досок. Жирные котлы в кухне, которые, как не три, чище не становились. Разномастные тарелки и ложки, гнутые, битые, с трещинами и сколами, пахнущие чем-то кислым.

Рука сама потянулась к простой деревянной ложке, выструганной из древесины лиственницы. Лиара сжала ее в ладонях, как самое дорогое сокровище. Ничего не было особенного в этой ложке, разве что на длинной ручке кто-то забавы ради вырезал простенький узор из перетекающих друг в друга завитков. Но ее делали с любовью. И еще — теперь это была ложка Лиары, та самая ложка в ее собственной кухне, которой она мешала завтрак, готовящийся на плите для Рады. И это было такое простое счастье, такое красивое и

нужное, что по сравнению с ним все остальное не имело равным счетом никакого значения.

В груди пела нежность, звенела птичьими трелями на разные голоса. И солнышко пробивалось сквозь морозные узоры, золотисто-тусклое, как всегда бывало к концу зимы. Мурлыкая под нос, Лиара всыпала в сковородку зашкварчавший бекон, тщательно все перемешала. Наше первое утро вместе в нашем доме. Великая Мать, как мне отблагодарить тебя за это? Золото в груди пульсировало мерными толчками, наполняя всю ее свежестью.

А еще перед глазами то и дело всплывали глубокие глаза Рады, заволоченные туманом нежности, полные такой невыносимой любви, что все внутри Лиары едва не разрывалось от счастья. Ее спутанные, слипшиеся от пота волосы, ее трудное дыхание, такое горячее на нежной коже. Ее руки, которые касались так нежно, так трепетно и так властно вместе с этим. И невероятная сладость ее губ, от которых голова кружилась, и весь мир вокруг Лиары становился вспышками ослепительного солнечного света.

В кухне слегка запахло паленым, и Лиара поняла, что застыла с блаженной улыбкой посреди помещения, а с ложки в ее руке на пол капает масло. Сковородка громко протестующе шипела: бекон начал подгорать. Охнув, она вновь взялась за готовку, приказав себе не витать в облаках. Испортить первый же совместный завтрак с Радой в ее планы явно не входило.

Когда все уже было готово, и чайник весело запыхтел, выпуская через носик клубы пара, Лиара принялась быстро собирать на стол в комнате, поглядывая на спящую под шерстяными одеялами Раду. Волосы ее были взлохмачены, одеяло сползло, обнажив мягкие плечи, такие желанные, такие любимые, что Лиара едва не выронила тарелку, заглядевшись на нее и споткнувшись о стул. Как и ожидалось, наполнивший помещение запах жаренного бекона с яйцами заставил Раду завиться под одеялами и проснуться.

— Доброе утро, радость моя, — Лиара уселась на краешек кровати и легонько коснулась ее спины губами, едва-едва, будто перышком. Память моментально развернула перед внутренним взором картинку прошлой ночи, и Лиара ощутила, как отчаянно краснеют щеки, но только еще крепче прижалась к Раде, чувствуя щекой тепло ее тела. — Как ты спала?

— Великолепно, — хриловато со сна промурлыкала Рада, низко и бархатисто, как большой довольный кот. — Лучше не бывает, моя девочка.

— Вставай, завтрак готов, — Лиара упрятала подальше свою гордость тем, что успела управиться к ее пробуждению. В конце концов, гордиться тут было нечем. Это было просто счастье, самое золотое счастье, которого она никогда в жизни не знала.

— Это он так вкусно пахнет? — Рада перевернулась на спину, а потом прижала Лиару к себе своей тяжелой, теплой рукой. — Хозяюшка моя маленькая! Вот ведь руки золотые! Уже все собрала!

Потом они целовались, и Лиара вновь забыла обо всем на свете, в том числе и о завтраке, который медленно остывал на столе. Это было самое красивое, самое счастливое утро в ее жизни, и приглушенный свет солнца наполнял его обещанием скорой весны, а руки Рады — невыразимой нежностью и тишиной, в которой было лишь одно их общее сердце, бьющееся тяжело и гулко.

Завтрак все-таки окончательно остыл к тому времени, когда они до него добрались, но это было уже не так важно. Довольная Рада закидывала в рот куски яичницы и нахваливала ее, а Лиара любовалась ее раскрасневшимися щеками, взлохмаченными волосами, глазами, в которых лучиками света мягко пульсировала любовь. И вместе они убрали со стола посуду,

а потом также вместе мыли ее теплой водой в тазике на кухне. Большие сильные руки Рады были так красивы, когда капельки воды на них преломляли солнечный свет, и пыль, танцующая в его столбах, падала золотыми песчинками на ее волосы, дрожала на длинных ресницах над бездонными глазами.

Великая Мать, кажется, я сейчас захлебнусь этой нежностью и утону в ней с головой. И ничего-то от меня не останется, только биение этого комочка в груди, биение ее сердца. И молю тебя, сделай так, чтобы это поскорее уже случилось!

Возможно, что после завтрака и уборки они бы все-таки не вышли из дома, во всяком случае, Лиара не слишком-то сопротивлялась, когда Рада с удивительной бережностью обняла ее и медленно повела в комнату, покрывая поцелуями ее шею и плечи. Но тут в дверь громко постучали, и они вынуждены были прервать поцелуй, который длился, казалось, целую вечность.

— Светлого утра! — донесся сквозь толстые доски двери голос какой-то незнакомой анай. — Меня зовут Рей, дочь Аты из становища Сол. Первый Клинок Торн попросила меня проводить вас на завтрак!

Не выпуская Лиару из объятий, Рада вскинула голову и недовольно взглянула на дверь. Волосы у нее растрепались и лохмато торчали в стороны, губы были припухшими и красными от поцелуев. Она вдруг озорно взглянула на Лиару.

— Может, не пойдём? Мы уже вроде бы завтракали.

— Пойдем, Рада, — Лиара тихонько ткнула ее кулачком в плечо, совсем мягко и небольно, с легкой укоризной. — Это наш первый день в становище. Ты же не хочешь сразу же прослыть ленивой и необщительной?

— Мы могли еще и не отдохнуть с дороги, — промурлыкала Рада, вновь нагибаясь, чтобы поцеловать Лиару.

В дверь снова постучали, на этот раз робко и неуверенно, и из-за нее донесся приглушенный голос:

— Светлого утра? Можно зайти?

— Рада, надо ответить, — Лиара взглянула на нее, постаравшись добавить во взгляд твердости. Та нахмурилась и неохотно отозвалась:

— Заходи, Рей! Мы уже встали.

Выбираться из ее теплых надежных рук не хотелось, но Лиара отступила на шаг и принялась поправлять перепутанные ее пальцами кудряшки. Дверь приоткрылась, и внутрь вместе с морозным дыханием зимы просунулась темноволосая голова молоденькой девушки.

— Светлого утра под Очами Огненной! — пискнула она уже совсем неуверенно, заходя внутрь. Взгляд ее обратился к Раде, и она моментально покраснела и опустила глаза.

— Светлого утра! — кивнула Рада. — Заходи, Рей. И дай нам несколько минут, чтобы одеться.

Сейчас на них обеих были только штаны да рубашки, те самые, что Лиара покупала еще в Алькаранке. Но пришедшая за ними молоденькая анай все равно не поднимала глаз, так и рассматривая носки своих сапог, будто обе они были в чем мать родила, и на щеках ее цвел красными маками румянец. Лиара внимательно пригляделась к ней. Рей была одета в белое пальто и белые штаны, пояс оттягивал кинжал с костяной рукоятью, но волосы ее были длинными, собранными на затылке в косичку, да и держалась она скованно, опустив плечи и заведя руки за спину, совсем не так, как расхаживающие по всему становищу с опасной кошачьей грацией женщины при оружии. На вид ей было не больше лет, чем самой Лиаре,

но почему-то Лиара чувствовала себя сейчас гораздо старше ее. Может, дело было во всем том, что им пришлось с Радой пройти во время похода за Семь Преград, может, в Великой Матери, что текла сквозь ее сердце. А может, ты просто чувствуешь себя взрослой после того, что между вами вчера случилось? Лиара и сама ощутила, как краснеют щеки, и сразу же прогнала прочь лишние мысли.

— Здравствуй, Рей, меня зовут Лиара, — негромко представилась она, и анай вскинула на нее осторожные, будто у олененка, темные глаза. Она была очень хорошенькой, а ростом все-таки выше Лиары. Здесь вообще все женщины были очень высокими, почти что одного роста с Радой.

— Светлого утра, Лиара Светозарная! — повторила девушка. Ее взгляд метнулся за спину Лиары на Раду, которая натягивала сапоги в комнате, и Рей вновь потупила глаза. — Первый клинок просила проводить вас на завтрак. Простите, если потревожила вас.

— Не потревожила, — заверила ее Лиара, хотя больше всего на свете ей хотелось сказать обратное. — Ты пока присядь на кухне, а мы скоро.

Надевая свитер, что связала ей Улыбашка, а поверх него свою теплую дубленку, Лиара поглядывала на Раду, которая сейчас туго затягивала завязку на вороте своей черной рубашки. И думала о том, как же ей идет черный цвет, подчеркивающий ее широкие плечи, светлую кожу, узкую талию... Прекрати! Тебе о другом надо думать!

Вскоре они обе были готовы и вышли в кухню, где таращила в окно глаза молодая анай. Та тут же вскочила с места, бросив короткий взгляд на Раду, и щеки ее полыхнули как огонь.

— П-пойдемте? — запинаясь, пробормотала она.

— Веди, — кивнула Рада.

Рей почти что выбежала из их домика, споткнувшись о порог, а Лиара вышла следом за ней, хмурясь и думая о том, что в ближайшие недели скучать не придется. Рада была очень хороша собой, это даже слепой бы заметил. И по взглядам, какие бросала на нее Рей, было ясно, что теперь Лиаре придется очень внимательно следить за тем, кто и как с ней общается. Вряд ли анай попытались бы отбить ее у Лиары, да и Рада любила ее всем сердцем, и доказательств ей было не нужно, но внутри все равно шипом кололась ревность.

Не глупи. Они живут закрыто, а вы пришли издалека, вы интересные. Неудивительно, что они во все глаза на вас смотрят. Да и Рей ни в чем виновата не была. Лиара и сама от Рады глаз оторвать не могла, что уж взять с молоденькой анай, которая эльфов раньше и в глаза не видела? Та брела впереди с одеревеневшей спиной, едва не спотыкаясь на каждом шагу, и Лиаре стало даже немного ее жаль. Нужно было что-то сказать, чтобы хоть как-то разрядить напряжение, и она негромко спросила девушку:

— Скажи, Рей, ты не носишь оружия?

— Нет, Светозарная, — вздрогнув и резко обернувшись, отозвалась анай. — Я — Ремесленница, а не Воин.

— А зачем тебе тогда кинжал на поясе? — Рада пристроилась рядом с Лиарой, почти касаясь ее плечом и вышагивая в ногу. Рей удивленно вскинула голову, во все глаза глядя на нее, потом также быстро отвернулась. Рука ее легла на рукоять кинжала так привычно, словно она умела им пользоваться не хуже воинов.

— Это долор, Черный Ветер. Этот кинжал получает каждая анай по прохождении первой инициации. Он — наша душа, он и делает нас анай, поэтому его носят все.

— Уже не первый раз слышу об этой инициации, — задумчиво проговорила Рада, а Лиара попросила:

— Расскажешь нам об этом?

— Ну... — девчушка вздохнула полной грудью, словно набираясь сил. — Когда нам исполняется четырнадцать лет, на Ночь Зимы Наставницы посылают нас в лес небольшими отрядами, чтобы испытать, как мы умеем ориентироваться в лесу, работать вместе, добывать себе пищу. Как только испытание заканчивается, нам бреют виски в знак того, что мы уже достаточно взрослые, чтобы быть как остальные сестры, и вручают долоры. — Она нахмурилась, словно пытаясь что-то припомнить, потом неуверенно добавила так, будто сообщала, что вода — мокрая. — После первой инициации мы выбираем касту, в которой хотим продолжать обучение.

— Касту? — вскинула брови Рада.

— Да, — кивнула Рей. — Воины, Ремесленницы, Жрицы или Способные Слышать. Правда, Способные Слышать не выбирают касту, потому что дар слышать Волю Богини проявляется гораздо раньше, и их начинают учить отдельно задолго до первой инициации.

— Способные Слышать — это ведьмы анай? — уточнила Лиара.

— Да, — вновь согласилась Рей, а потом выдавила из себя неуверенную улыбку. — Только будет лучше, если в лицо вы никогда не будете звать их ведьмами. Они несколько... щепетильны касательно терминов. Мы обращаемся к ним «зрячая».

— А Найрин — она тоже Способная Слышать? — спросила Рада, и Лиара вздрогнула от промелькнувшей внутри новой иголки ревности, сразу же укорив себя.

В конце концов, Рада была не виновата в том, как отреагировала на нимфу в первый момент, да и справилась с этой реакцией гораздо быстрее, чем можно было бы ожидать. Лиара знала, что нимф Первопришедшие разбудили еще на самой заре мира в помощь себе, и только на Первопришедших красота нимф не оказывала никакого воздействия. Все остальные сразу же бесповоротно теряли голову, становясь едва ли не рабами прекрасных созданий из древних песен, готовыми выполнить любую их волю. И возникал резонный вопрос: как эта нимфа попала к анай? Ведь считалось, что нимфы вымерли после Первой Войны с Кроном. Но Лиара не была уверена, что эта девчушка смогла бы ответить на ее вопросы. И вообще: можно ли было спрашивать об этом? Ей казалось, что анай не тот народ, который любит чужаков, и лишние расспросы о нимфе могли заставить их замкнуться в себе.

— Зрячая Найрин — первая Боевая Целительница Каэрос, — неловко проговорила Рей, часто моргая и хмурясь в попытке правильно объяснить. — Боевые Целительницы — тоже Способные Слышать, но они могут жениться и участвовать в битвах, а Способные Слышать — нет.

— Почему? — еще более заинтриговано спросила Рада. — Чем они отличаются?

Тяжело вздохнув, Рей пустилась в объяснения. Выглядела она так, словно теперь и не рада была вовсе тому, что ее отправили общаться с чужеземками. Объясняла она сбивчиво и не слишком понятно, перескакивая с одного на другое. А с другой стороны как можно было объяснить за несколько минут чужакам то, чем ее народ жил тысячелетия, то, что было для анай так же естественно, как дышать? И Лиара слушала, поражаясь всем этим потрясающим тонкостям, всем этим странным различиям и правилам, что установили для себя крылатые женщины. И все новые и новые вопросы крутились в ее голове. Если половина из них носила оружие, то как они решали возникающие между собой конфликты? Была ли у них стража, которая прекращала драки и вела следствие? Как функционировали войска в мирное время? Чем они занимались? Как осуществлялись контакты между кастами, и почему одним кастам

можно было заключать браки между собой, а другим — нет?

Вот только задать все эти вопросы она так и не успела. Рей уже подвела их к приземистому зданию едадьни, откуда терпко и вкусно пахло наваристой кашей. Внутри заворочался голод, и Лиара даже удивилась этому, они ведь только что поели! Но есть почему-то хотелось больше обычного, и она с удовольствием шагнула следом за Ремесленницей в приятный полумрак едадьни, полный запаха свежей еды.

Все здесь было странно для нее, все непривычно. Ровными рядами расставленные столы и лавки, на которых завтракали анай, стуча ложками о глубокие миски. В основном здесь были короткостриженные Воины, переговаривающиеся друг с другом, смеющиеся. Все они с любопытством посматривали на вошедших, кое-кто кивнул или приветливо взмахнул рукой. Рей подвела их с Радой к раздаточному столу, и толстая повариха в испачканном мукой переднике щедро плеснула в глиняную миску в руках Лиары полный половник горячей каши с кусочками фруктов. Они уселись за ближайший свободный стол, и Лиара с удовольствием отметила, что каша была в меру сладкой и очень вкусной. Хоть и горячей настолько, что ей пришлось долго дуть на ложку, прежде чем проглотить хотя бы кусочек.

Красная одеревеневшая Рей, совсем очумевшая от их вопросов, сидела напротив них у стола с таким видом, будто больше всего на свете хотела сбежать отсюда. Сделав большой глоток чая из глиняной чашки, Рада вновь обратилась к ней:

— Послушай, Рей, а почему...

— Светлого утра! — звонкий голос заставил Рей вздрогнуть и едва не выдохнуть от облегчения, что ей не придется отвечать на вопрос.

Лиара вскинула голову. К столу подошла среброволосая нимфа, затянутая в белую форму, свежая и отдохнувшая. Взглянув на Рей, она усмехнулась:

— Вы, так смотрю, уже начинаете задавать вопросы? Это хорошо. Надеюсь, Рей подробно вам все объясняет?

— Да, зрячая, — кивнула Лиара, немного напряженно улыбаясь нимфе. На этот раз Рада прореагировала на нее совершенно спокойно, да и сама Лиара чувствовала, что Найрин нравится ей. И она была вовсе не виновата в том, что родилась нимфой. — Рей прекрасно справляется, говорит понятно и хорошо. Это мы, наверное, уже замучили ее своими вопросами.

— Нет-нет, Светозарная, что вы! — воскликнула та, вскидывая руки. — Я с радостью расскажу вам все, что вы захотите знать!

— Вот и отлично! — довольно кивнула Найрин. — Мы вчера поговорили с царицей по поводу вас. Естественно, что невозможно отдать вас на обучение в Дом Дочерей, но вы вряд ли сможете чему-то научиться, если будете только спрашивать об этом у наших сестер. Так что мы предлагаем вам кое-что. — Она взглянула на Раду, отбросив кивком головы серебристый хвостик с плеча. — Ты, Черный Ветер, судя по всему, владеешь мечом?

— Вроде того, — кивнула Рада.

— Моя жена Торн, первый Клинок Каэрос, с радостью потренируется вместе с тобой на Плацу. Думаю, вам обеим будет это интересно. Да и с другими разведчицами пообщаешься, поговорить вам будет о чем.

— С радостью, зрячая, — согласилась Рада, и в голосе ее прозвучало удовольствие. — Я давно не тренировалась, так что мне только на пользу пойдет.

— Отлично, — Найрин повернулась к ней. — А ты, Светозарная, с оружием обращаться умеешь?

— Нет, — смущенно пожала плечами Лиара. — Я... пою, — она замялась, не зная, как правильно это объяснить.

— Поешь? — брови Найрин удивленно взлетели.

— Да, — кивнула Лиара, бросив косой взгляд на Раду. Та ободряюще улыбнулась ей, и Лиара продолжила: — Я умею играть на арфе и немного петь, так что если у вас есть что-то вроде музыкантов, я могла бы заниматься вместе с ними.

Некоторое время Найрин задумчиво разглядывала ее, потом покачала головой:

— У нас есть Жрицы, Светозарная, они тоже поют, но вряд ли они смогут рассказать тебе многое о нашей жизни. Или, наоборот, расскажут слишком много и непонятно, запутав тебя окончательно. Давай-ка ты лучше иди вместе с Рей к Ремесленницам. Рей занимается рукоделием, возможно, тебе это будет интересно. Заодно познакомитесь. Если нет, и тебе по душе что-то другое, мы можем поговорить с Мастерами и...

— Нет, благодарю, зрячая, рукоделие мне вполне подойдет, — кивнула Лиара, заливаясь краской. Она не была уверена, что подумают об этом анай. Все они с такой гордостью носили оружие, что видно было, какое значимое место в обществе занимают Воины. Но Лиаре вовсе не хотелось брать в руки оружие и учиться чему-то такому. Только было неловко оттого, что ее труд могут счесть бесполезным. Впрочем, лицо Найрин только просветлело, да и Рей неуверенно улыбнулась ей через стол.

— Вот и отлично! Значит, так и сделаем. А вечером приходите в Зал Совета. Мы с Лэйк хотим поговорить с вами, послушать вас.

— Спасибо, зрячая, — кивнула Рада.

— Пока что не за что, Черный Ветер, — улыбнулась та и ушла.

В молчании они закончили свой завтрак. Лиара не совсем понимала, что чувствует из-за расставания с Радой, но не могли же они и здесь все время ходить рука об руку. Пусть этого и хотелось. Анай все-таки взяли их к себе, позволили жить с ними, и именно они устанавливали здесь правила, которым нужно было следовать. К тому же, Лиара до сих пор не знала, попросят ли они что-то за дом, который выделили им с Радой. Нужно ли было что-то платить за то, что они в нем живут и столуются с кланом в едальне? Или от них хотели, чтобы эту пищу и кров они отработали наравне с остальными? Лиара почему-то больше склонялась ко второму варианту, но спрашивать об этом было неудобно.

Доев, они отнесли пустые тарелки на стол недалеко от кухни, где уже горками высилась грязная посуда, а потом Рада взглянула на нее и широко ухмыльнулась:

— Ну что, искорка, удачи тебе сегодня! Встретимся за обедом!

— Да, Рада, — кивнула она, чувствуя, что больше всего на свете хочет поцеловать ее улыбающиеся губы, но вокруг было слишком много любопытно разглядывающих их анай, чтобы делать это. Потому Лиара только сказала: — Хорошей тебе тренировки! Я буду ждать встречи!

— И тебе, искорка!

Втроем они вышли из-под полутемного свода едальни, и Рей указала Раде в сторону Плаца, куда та и направилась, махнув на прощание рукой. А молодая Ремесленница повернулась и неуверенно взглянула на Лиару:

— Пойдемте, Светозарная?

— Называй меня просто по имени, Рей, — попросила та, тоже ощущая неловкость. — Мы с тобой одного возраста, и нам обоим так будет проще.

— Хорошо! — на этот раз улыбка девушки была искренней и широкой.

Вдвоем они направились прочь от едальни к небольшим домикам на дальней от Роура стороне седловины. Туда вела неширокая протоптанная в снегу тропка, по которой впереди спешила лишь одна анай в белом, неся на плече большой сверток с непонятным содержимым. Лиара взглянула на небо: пушистые белые облака уже почти затянули его, лишь одно маленькое голубое окошко еще висело над становищем, и через него на гору падали косые лучи зимнего солнца. Снег под ними искрился, и это было так красиво, что дух захватывало.

— Здорово, что ты поешь, Лиара, — вдруг проговорила идущая рядом с ней Рей. Уход Рады словно расслабил ее сведенные неудобной судорогой плечи, и теперь она держалась как-то спокойнее и раскрепощеннее. — Мы тоже иногда поем, когда работаем. Наставница Фир говорит, что так и сконцентрироваться на работе легче, и Реагрес Быстрокрылая радуется, когда слышит песню, и посылает легкую руку и красивые узоры.

— Быстрокрылая любит музыку? — осторожно спросила Лиара, надеясь, что ее вопрос не обидит Рей. К своим Богиням анай относились очень ревностно, как-то очень лично, словно к близким друзьям и возлюбленным.

— Да! — рассмеялась в ответ Ремесленница, и лицо ее озарилось нежностью. — Она любит танцевать и кружиться в небе, расшивая узоры из облаков. Она покровительствует тем, кто тоже вяжет кружево из нитей, только не на небесных рубахах, а на обычных.

— У вас очень красивая вера, — мягко улыбнулась Лиара, и Рей с любопытством взглянула на нее. Стараясь правильно подобрать слова, Лиара проговорила: — В Срединном Этлане верят иначе. У нас есть храмы, и Жрецы говорят с Богами вместо людей. Если ты хочешь обратиться к кому-то из Богов, ты должен прийти к Жрецу, и он сделает это за тебя.

— У нас также, Лиара, — с довольным видом закивала Рей. — Нужно попросить Жрицу или Способную Слышать, если хочешь пожениться, назвать ребенка, вылечиться... Да обо всем, пожалуй.

— Но это не мешает вам самим возносить хвалу вашим Богиням, хранить их у себя в сердце, все время обращаться к ним так, будто они прямо у вас за спиной, — добавила Лиара.

— Так ведь так же и есть! — удивленно заморгала Рей, потом вскинула руку вверх, к небу. — Смотри! Вон Огненная идет по небу со Своим сияющим щитом в руках. И Быстрокрылая играет с облаками, завивает ветра, нагоняя снег. А это, — ее палец уткнулся в сугробы у них под ногами, — Аленна укрыла одеялом Свою возлюбленную Артрену, чтобы той было тепло даже в самые лютые стужи. Конечно же Они вокруг нас, разве иначе может быть?

— Поэтому я и говорю, что это очень красиво, Рей, — улыбнулась ей Лиара, и по виду Ремесленницы было понятно, что она не поняла, что та имеет в виду.

— Ну ладно тогда, Лиара, — тихонько кивнула та, пряча глаза. А потом живо вскинула голову и показала вперед: — Смотри, туда-то мы и идем. Это мастерская Наставницы Фир.

На окраине становища стоял большой деревянный дом с квадратными окошками и остроконечной крышей, которую укрывал снег. Лиара залюбовалась резными наличниками с изображениями солнца и звезд, крыльцом, которое поддерживали столбы, изрезанные в виде шишек и виноградных лоз. Рей первой поднялась по ступеням и распахнула скрипнувшую дверь, и в лицо Лиаре пахло теплом разожженного очага и сладким запахом ватрушек.

— Наставница, девочки! Я привела к нам Лиару Светозарную! Зрячая Найрин сказала что она будет учиться с нами! — сообщила Рей куда-то вглубь помещения, разуваясь на

пороге.

Лиара зашла следом за ней, оглядывая помещение. В сенях было светло, на крючках вдоль стен висели белые плащи, на циновке под ногами стояло несколько пар войлочных сапожек, расшитых цветами и птицами. Дверь во внутреннее помещение была завешана сеткой из мелких бус, и оттуда послышались оживленные женские голоса и смех.

Здесь так уютно. В груди тепло сжалось сердце, и Лиара вошла следом за Рей в светлую просторную комнату.

В большом очаге танцевало яркое пламя Роксаны, какое создавали с помощью силы своей крови анай. Оно же теплилось и в маленькой чаше в восточном углу помещения. На устеленном циновками полу стояли стулья, кресла и даже кушетки, укрытые разноцветными покрывалами, расшитыми вручную. Тихонько пощелкивали большие прялки, за которыми работали три молодые девушки с распущенными волосами. Еще две девчонки сидели на кушетках, поджав под себя ноги и расшивая разноцветными нитями рубахи в руках. Заведовала всем полненькая молодая женщина с ямочками на щеках и доброй улыбкой в длинном платье из светлого льна, расшитом по подолу и рукавам яркими голубыми цветочками. Она-то и поднялась навстречу Лиаре, улыбаясь приветливо и гостеприимно.

— Вот и ты, Светозарная Лиара! О тебе столько разговоров по становищу ходит, о вас обеих! Так что это большая удача, что царица направила тебя именно к нам, — заговорила она, и голос у нее был теплым, как топленое молоко. — Меня зовут Фир, дочь Талы из становища Ил. Добро пожаловать в мою мастерскую!

— Спасибо, наставница, — Лиара неловко склонила голову, не зная, как правильно следует обращаться к Фир в этой ситуации.

— Да на здоровье, Лиара! — рассмеялась та. Лиаре почему-то подумалось, что Фир любит смеяться и делает это часто. — Проходи к нам, присаживайся. Шить умеешь?

— Немного, — отозвалась та.

— Ну вот и отлично, раз немного. Будет, чему тебя учить, — хмыкнула та. Развернувшись, Фир обвела рукой все помещение. — Знакомься с моими ученицами. Рей ты уже знаешь. Вот эти три болтушки за прялками — Ная, Тэйн и Дара из становища Сол.

— Привет! — улыбнулась первая девочка, которую назвала Фир, Ная. У нее были чудесные веснушки, усыпавшие весь нос, и длинная черная коса с вплетенными в нее лентами, перекинутаая через плечо. Остальные две только бросали на Лиару любопытные взгляды, но пока ничего не говорили.

— Вот там вот наша мастерица Саин, — продолжала Фир, указав на холодную девушку чуть старше Лиары, держащую себя отстраненно и с достоинством. — Руки у нее золотые, а вот характер, как у медведя с больным зубом, — добавила Фир, и та вдруг высунула в ответ язык под общий смех. В темных глазах, обращенных к Лиаре, помимо веселья читался еще и тщательно скрытый вызов. — И самая младшенькая из нас, Вила, — представила Фир, и последняя девочка, густо покраснев, всего на миг оторвала глаза от своей вышивки и скованно кивнула Лиаре. На вид ей было лет пятнадцать, не больше, и детская угловатость еще не ушла из ее черт, хоть глаза уже и приобрели выразительные разрез, а ресницы были едва ли не длиннее, чем у Рады. Фир повернулась к Лиаре и проговорила: — Теперь ты знаешь нас всех. Не беспокойся ни о чем, не стесняйся. Здесь никто не обидит тебя, и нам очень интересно узнать тебя поближе. И задавай все вопросы, какие хочешь, мы с радостью на них ответим.

— Спасибо, наставница, — вновь проговорила Лиара.

Через четверть часа она уже сидела на узенькой кушетке у окна с белой льняной рубашкой в руках и аккуратно расшивала ее рукава маленькими рядами цветочков. Фир оказалась прекрасной наставницей, спокойной, сдержанной, хорошо объясняла. Узор, который она показала Лиаре, был совсем простеньким, но от этого не менее красивым, а на ее вопрос, какие цвета и нитки ей следует подобрать, Фир только махнула рукой:

— Пусть это будет твоя рубашка, все равно вы у нас надолго, и вряд ли у вас с собой много вещей. Так что подбирай те цвета, которые тебе нравятся. А напортачишь — все равно тебе носить, так что не переживай об этом.

Лиара чувствовала себя слегка неловко на новом месте в окружении новых людей, но они не испытывали к ней никакой враждебности, точно так же любопытно разглядывая, как смотрела и она сама. Разве что Саин, держащаяся довольно отстраненно ото всех остальных учениц, нарочито не обращала на Лиару никакого внимания и даже не смотрела на нее, склонив голову над работой. Под ее руками было зеленое платье из тонкого льна, которое она аккуратно и быстро расшивала диковинными золотыми узорами, похожими на огненных птиц и каких-то странных зверей, каких Лиара никогда не видела. Лиаре подумалось, что она чем-то не пришлась по нраву молодой анай, бывшей на вид не больше, чем на пять лет старше ее самой, но спрашивать ни о чем она не решилась.

Довольно быстро молчавшие поначалу Ремесленницы разговорились, принявшись расспрашивать ее о ее жизни за Эрванским кряжем, о пути, который они прошли, краях, которые видели. Больше всего их интересовали женщины по ту сторону гор: какие они, как живут, чем занимаются. Лиара вдруг поймала себя на том, что говорить об этом очень тяжело: она никогда не задумывалась и не приглядывалась специально к обычаям и традициям мелонцев, и теперь сложно было кратко и четко отвечать на заданные вопросы, чтобы слушательницам все было понятно. Как же, наверное, мы с Радой замучили Рей! — вдруг подумалось ей. Сейчас та уже совсем расслабилась и без умолку трещала, расшивая узорами простое белое полотенце, и при этом рассказывая о том, как они этим утром познакомились с Радой и Лиарой, будто самой Лиары тут и не было.

А она вдруг ощутила невероятное тепло всего, что сейчас происходило вокруг. Словно кто-то мягко-мягко обхватил ладонями ее сердце и теперь грел его своим дыханием, шепча, что все будет хорошо. Здесь все было совершенно иначе, не так, как в том месте, которое Лиара когда-то звала домом. Мне бы хотелось остаться с ними навсегда, — подумала Лиара, а потом принялась отвечать на вопрос Фир о том, как они с Радой познакомились. С ними говорить об этом было легко и спокойно.

===== Глава 30. Уроки =====

Пот градом катил по телу, пропитав насквозь рубашку и выступив темными пятнами на ткани. Дубленку Рада давным-давно сняла, оставшись в предусмотрительно поддетой под нее шерстяной куртке, так резко выделявшейся своей чернотой на фоне белой формы анай. Я здесь как ворона среди чаек, подумала Рада, тяжело дыша и чувствуя, как с влажных волос каплют вниз градины пота. Мороз был меньше, чем вчера вечером, но, все же, холодный ветер резал глаза и щеки, будто ножами. А Раде было так жарко, словно ее целиком засунули в печку. Уже битых три часа она нарезала круги по широкому Плацу вместе с молодыми Воинами Каэрос, разминаясь под резкие команды крепко-сбитой женщины по имени Ута.

Она была того же роста, что и Рада, состояла, казалось, из одних только мышц и хмурых воплей. То и дело сплевывая сквозь зубы, Ута как-то странно клонила голову набок, смотря искоса и чуть вздернув подбородок, и это делало ее донельзя похожей на задиристого, вечно

недовольного ворона. Сходства только добавляли пронзительные темные глаза, жесткие топорщащиеся во все стороны волосы и не раз ломанный нос с горбинкой, слегка свернутый набок. Вдобавок у нее не хватало левого уха, на месте которого остался лишь крохотный обрубок раковины, торчащий из-под коротких волос.

Дело свое Ута знала едва ли не лучше всех инструкторов, с которыми в жизни приходилось работать Раде. Анай она гоняла нещадно, заставляя нарезать круги, отрабатывать на бегу удары руками и ногами, отжиматься прямо в снегу, выпрыгивать высоко вверх и приседать, сражаться друг с другом в рукопашной и на тренировочном оружии, и вновь прыгать и бегать. И молоденькие девчонки рядом с Радой, стиснув зубы и обливаясь потом, выполняли ее отрывистые команды, щедро пересыпанные проклятиями, оскорблениями и цветистой бранью.

По сравнению с этой мушпой Воинские Академии были легкой прогулкой на свежем воздухе. Даже весь предыдущий путь через Семь Преград лишь едва-едва подготовил Раду к такому. Сердце в груди буквально разрывалось, легкие, кажется, давным-давно уже сгорели от недостатка кислорода, в венах была кислота, а мышцы Рады превратились в туго-натянутые веревки, дрожащие на таком пределе, что еще вот-вот и лопнут.

Эти проклятые бабы, кажется, двужилые! Рада отдувалась, украдкой бросая взгляды на девчонок, тренирующихся вместе с ней. Они дышали тяжелее волов и были мокрыми, как мыши, но при этом выполняли все задания так легко, будто это была не тяжелейшая тренировка, а веселый танец в таверне. Причем большая часть из них была младше Рады как минимум на полтора десятка лет. Она готова была поклясться, что десяти худющим девчонкам с острыми коленками и еще не ушедшей из черт детской мягкостью только-только исполнилось порядка четырнадцати-пятнадцати лет. А скакали они так резво, будто всю свою жизнь только этим и занимались.

Ты просто стареешь, Черный Ветер. Жирку поднабрала, отожралась за эти дни, отваялась в теплой кровати. И теперь проклятые птенцы с пушком на щеках обходят тебя. От этого внутри разливалось тупое упрямство и желание переиграть их всех, обойти и доказать, что она, проклятье, совсем не хуже всех остальных. И что она тоже способна также носиться и махать руками, а может, даже и лучше некоторых. Рада понимала, каким идиотизмом отдавали все эти мысли, но избавиться от них не могла.

В очередной раз сплюнув сквозь зубы, Ута громким голосом проорала:

— Перейти на шаг!

Рада начала замедлять бег, подозревая, что сейчас просто замертво свалится в снег. Остальные анай тоже притормаживали, тяжело дыша и едва слышно постанывая от боли в мышцах. Если поначалу они все поглядывали на Раду с любопытством в темных глазах и изредка перешептывались, то теперь уже, после трех часов невыносимой разминки, смотрели только себе под ноги, не обращая больше ни на что внимания.

— На местеее... стой!

Рада остановилась и согнулась пополам, упираясь руками в колени. Остальные анай тоже замерли в снегу неровной гурьбой, пытаясь отдышаться. Только, кажется, дышать-то уже было и нечем: вместо легких в груди остались только два иссушенных горячих мешка, грозящие лопнуть в любой миг.

— Ну что, бхары ленивые, можете отдохнуть! — рявкнула Ута, оглядывая их всех. — Но недолго, мани ваших за ноги! Чтобы через полчаса все снова стояли здесь, иначе будете бегать до самого заката, а ночью отправлю в горы, медведей пугать. А то отожрались так,

что в вас даже слепой пьяный стрелок с трехсот метров попадет, одни бока повсюду!

— Чтоб тебе утопиться в Белом Глазе! — тихо проворчала рядом с Радой худющая, как скелет, долговязая девчонка, но сделала это так тихо, что расслышать помог только эльфийский слух. Рада хмыкнула, испытывая похожие чувства, хоть и знать не знала, что это за Белый Глаз такой.

Отдышавшись, анай начали медленно расходиться. Большая часть поковыляла в сторону едальни, хриплыми голосами обсуждая тренировку, и Рада заметила, что среди них были, в основном, совсем молодые девчонки. Те, кто постарше, расхаживал по Плацу из стороны в сторону, восстанавливая дыхание и разминаясь, чтобы не остыть на морозе. Сама Рада, полной пятерней стерев с лица выступивший пот, похромала к Уте, что поджидала ее в стороне, сложив на груди руки и грозно прищурившись на один глаз.

— А ты очень неплоха, Черный Ветер, — своим скрипучим голосом сообщила она, и Рада даже удивленно вздернула брови, уж точно не ожидая такой оценки. Бросив хмурый взгляд на расходившихся анай, Ута добавила: — Сегодня я погоняла вас на часок подольше, чем обычно, просто, чтобы тебе удобнее было держаться с ними на уровне. Думаю, поглядев на тебя, эти поросята поймут, куда им еще стремиться.

— Спасибо, конечно, первая, — прохрипела Рада сквозь пересохшее горло, мысленно проклиная Уту про себя всеми известными словами, — но в следующий раз можешь так не напрягать девчонок. Они отлично подготовлены, вряд ли им нужны дополнительные нагрузки.

— Отлично? — брови Уты недоверчиво взлетели. — Ну, как скажешь, Черный Ветер Коли это — «отлично» в ваших краях, думаю, Танец Хаоса продлится недолго, во всяком случае, как только мы к нему присоединимся. — Она ухмыльнулась, и Рада обратила внимание, что нескольких зубов у нее не достает. — Пойдем-ка, передохнешь. Первый клинок просила привести тебя, как только разогреешься. Она не прочь с тобой пофехтовать.

Великая Мать, ну за что мне это?! Рада кивнула, надеясь, что ее чувства не отразятся на лице. После такой тренировки хотелось только спать. Ну, еще и есть, причем так, что она запросто сжевала бы целого барана. Но ударить в грязь лицом перед анай Рада не собиралась. Видишь, Ута думает, что ты сильнее подготовлена, чем их разведчицы. Неужели же ты ей покажешь, что прямо сейчас готова концы отдать и отправиться к праотцам? Тяжело вздохнув, Рада заставила себя выпрямиться и держаться ровно.

— Пойдем, конечно, первая, — кивнула она, силой растягивая губы в приветливую улыбку. Во всяком случае, она надеялась, что именно так Ута истолкует ее болезненный оскал. — Мне бы тоже хотелось потанцевать с Торн.

— Вот и славно, — согласилась Ута. — Заодно и мы посмотрим, чему учат эльфов по ту сторону гор. Анкана говорили, что вы отлично сражаетесь.

Да, но только если перед этим мы не бегам по три часа на морозе. Вслух же она сказала:

— Надеюсь, что не заставлю вас скучать. В последнее время у меня было не очень-то много практики. Разве что Червь, но он не слишком хорош с мечом.

Ута хмыкнула, бросив на нее дружелюбный взгляд.

По дороге до Ристалища (так называлось большое строение с помостом в центре, где по утрам тренировалась царица и взрослые воины) Рада успела отдышаться и немного прийти в себя. И даже замерзнуть, когда промозглый ветерок прошелся по вымокшей насквозь куртке. Этот самый ветерок быстро-быстро нагонял со стороны Роура густые тяжелые тучи, и воздух повлажнел, сделавшись особенно острым. К вечеру будет снегопад, подумалось Раде, и это

навело ее на мысли о Лиаре. О том, как она ждала свою искорку на причале Рамаэля, о том, как медленно снег заваливал угрюмые и холодные берега Тонила, раскисшие от непрекращающихся серых дождей. Где-то ты сейчас, моя девочка? Чем занимаешься? Все ли у тебя в порядке? Рада немного тревожилась за нее, хоть и прекрасно знала, что никто из анай не обидит искорку. Просто та была замкнутой и не слишком общительной, побаивалась незнакомых людей и все больше старалась молчать в их присутствии. Только когда они были в компании близких друзей, искорка принималась смеяться, много разговаривала и расслаблялась.

Следом за этим пришли воспоминания и о прошлом вечере. Об отсветах огня, дрожащих в ее темных глазах, о том, как ложился полумрак на ее нежную бархатную кожу, как мягко и просяще обнимали ее руки, как горячо, с невыразимой нежностью, прямо в сердце Рады смотрели ее глаза. Великая Мать, я и не думала, что быть с кем-то может быть так хорошо! Нет, не с кем-то, только с ней и ни с кем больше.

Вчера все мысли напрочь вылетели из головы Рады сразу же после того, как искорка оказалась у нее в руках. Ей даже и не вспомнились ее былые страхи по поводу Черного Источника и возможности сделать искорке ребенка. Да, в общем-то, и какая разница? Если у них родится дочка, неужели же Лиара будет против? Рада не раз видела, с какой нежностью и любовью та глядит на детишек, и внутри время от времени болезненно шевелилась тревога из-за того, что детей ей Рада дать не может, и что это причинит Лиаре боль однажды, когда ей захочется самой стать матерью. Так что коли кто-то из них все-таки забеременеет, каким бы чудом это ни казалось, то почему нет? Может, Боги еще разок дадут Раде самый распоследний шанс попробовать себя в роли матери? Может, хоть в этот раз у нее что-то получится?

Но это она понимала сейчас, задним умом, как и большую часть важных вещей в своей жизни, к собственному глубочайшему сожалению. А вчера что-то странное случилось между ними. Золотая нежность, соединившая их в одно существо, когда Рада буквально физически ощущала себя внутри Лиары, чувствовала прикосновения своих собственных рук к ее коже так, как будто их чувствовала искорка, и наоборот. Это было странно, непривычно, но так хорошо, так правильно. Даже несмотря на весь свой весьма скромный опыт в таких делах, Рада догадывалась, что то, что между ними происходит, — необычно. Да ей и не нужно было никаких доказательств. Лиара билась прямо в ее груди, под кожей, текла по ее венам, звенела самой красивой песней в каждой клеточке тела. Так тогда какая разница, правильно они все делали или нет? Могла ли она забеременеть или нет? Даже та ересь, которую Раде наговорили шлюхи в Аластаре, забылась в руках Лиары, и все шло само собой, ровно так, как и должно было, и так, как им обоим хотелось. И все остальное не имело ровным счетом никакого значения.

— Пришли, Черный Ветер! — сообщила Ута, и Рада вырвалась из мыслей, вскинула голову.

Одна из двух тяжелых дверей, ведущих в Ристалище, была приоткрыта, и сквозь нее виднелось освещенное чашами с огнем Роксаны помещение. Сейчас там было народу больше, чем вчера утром. На помосте сражались друг против друга на узких катаных, разбившись на пары, четыре разведчицы, еще человек двенадцать, переговариваясь и комментируя сражение, ждали своей очереди у помоста. По всему помещению расставили длинные вытянутые столы, которые со всех сторон окружали лавки. Сейчас возле них было всего три разведчицы, которые неторопливо раскатывали на столах карты, раскладывали

мешочки с брякающим содержимым.

— А это зачем, Ута? — Рада кивнула головой на разведчиц у столов.

— Уроки по тактике, — отозвалась та. — Сейчас вот Лара с Онге хорошенько погоняют Младших Сестер над становищем, а потом наставницы будут вколачивать им в головы уже более важные вещи. Маленьким еще рано это учить, они пока только руками да ногами машут.

Рада с интересом взглянула на карты. Судя по всему, обучение у анай было на порядок лучше, чем в мелонских Военных Академиях. Ее, конечно, тоже учили тактике, но Рада помнила всего несколько уроков, общая суть которых сводилась к решению математических задач по расчету провианта и количества тягловой скотины для его провоза. Вся остальная тактика превратилась в нудные завывания козлобородого наставника Варада о сражениях времен Первой Войны с Кроном. Сам Варад был настолько стар, что вполне возможно видел эти сражения собственными глазами. На лекциях он то и дело придремывал, а то, что сыпалось из его рта, ввиду отсутствия зубов понять было практически невозможно. Да и курс этот считался для дворян необязательным для прослушивания, так что по нему даже не проводили экзаменов. И уроки тактики Раде позднее преподносила сама жизнь: когда приходилось учиться, как расставлять войска и брать крепости, уже по ходу сражения. В общем-то, такой интенсивный метод обучения даже пошел ей на пользу. Многие говорили, что у нее нестандартный взгляд на ведение боевых действий, и именно это помогло ей выигрывать большую часть сражений. Так что вполне возможно стоило поблагодарить наставника Варада за его нерадение во время занятий. Конечно, это будет первое, что я сделаю, как вернусь в Мелонию, — ехидно подумала Рада.

Мысли ее вновь вернулись к разведчицам у столов, которые готовились давать ученицам урок, и к самой системе обучения Каэрос. Анай очень серьезные противники. Даже не представляю, что ждет тех правителей, которые рискнут не поддержать Аватар. Одних Каэрос будет достаточно, чтобы раздавить, как клопов, даже мелонских ополченцев. Рада ощутила странную неуверенность: как ей самой поступить в этой ситуации? Ведь рано или поздно анай попросят ее рассказать о стратегии сражений за Эрванским кряжем, и она уже пообещала Лэйк, что сделает это. Не получится ли, что этим она придаст Мелонию и ее народ огню и мечу явившихся из-за гор анай? Постой, ты же сама прекрасно знаешь, что воевать они будут на стороне Аватар, и Мелония пострадает только в том случае, если вновь попробует не подчиниться их воле. А чужой идиотизм — вовсе не твоя вина. Только в груди все равно скребло.

Ута подвела Раду к столпившимся у помоста разведчицам. Среди них была и Торн, выделяющаяся на фоне остальных, как волк выделяется среди собак. О нет, остальные анай тоже выглядели опытными и опасными хищниками, ходячим оружием, скованным для войны. Но как на тысячу клинков, что делали для пехоты, ковался один особенный для рук офицера, так и Торн сковали чьи-то умелые руки явно не для того, чтобы идти плечом к плечу с другими в пешем строю, подчиняясь чужим командам. И внутри Рады звонко задрожало предвкушение, а усталые плечи сами собой развернулись. Поединок с этой женщиной обещал быть чем-то особенным и запоминающимся, не простым обменом стандартными связками и ударами.

Остальных разведчиц, окружающих первого клинка, Рада не знала, но кивнула всем в ответ на заинтересованные взгляды и негромкие приветствия. В конце концов, они только-только пришли сюда, шел ее второй день в Данарских горах, и у нее еще будет время

перезнакомиться со всеми. В темных глазах Торн, обратившихся к ней, тоже было любопытство, но оценивающее и взвешивающее ее возможности, как соперника.

— Размялась, Рада? — негромко спросила она, улыбнувшись кончиками губ.

— Не то слово! — отозвалась в ответ Рада, поводя звенящими от усталости плечами. — Наставница Ута кого угодно разомнет, кажется.

— Да уж, — усмехнулась одна из высоких разведчиц, стоящая рядом с Торн, лицо которой было усыпано веснушками. Из-за ее плеча высовывалась костяная накладка на конце искривленного лука, а колчан на поясе щетинился стрелами. — Меня хоть и не она муштровала, а одного взгляда на то безобразие, что творится по утрам на Плацу Сол, достаточно, чтобы не подходить к нему и на полет стрелы.

— А тебе бы не помешало подойти, Лейн, — ощерилась Ута, придиричливо оглядев ее с головы до ног. — Глядишь, и наглости бы поубавилось вместе с жирком.

— Не всем греметь костями, как тебе, — с очаровательной улыбкой отбрила та. — И на мой «жирок», как ты это называешь, охотников-то побольше, чем на твой жалкий суповой набор.

— Это просто потому, что после войны разведчиц осталось мало, — с притворным вздохом отозвалась Ута. — Вот девки и кидаются на первое попавшееся с голодухи, каким бы оно ни было.

Они принялись с завидным удовольствием отвешивать друг другу одну колкость за другой под негромкий смех остальных разведчиц, а Торн кивнула Раде головой на помост:

— Составишь компанию, Черный Ветер? Не терпится посмотреть на то, как танцуют в ваших краях.

— Составлю, первая, с удовольствием, — ответила та.

Разведчицы на помосте уже закончили разминку и теперь спрыгивали на пол с деревянного настила, усталые и довольные. Торн ловко взобралась на помост и принялась расстегивать плотно пригнанное по плечам белое пальто. Рада тоже подумала было снять куртку, но решила остаться в ней. В помещении все-таки было довольно прохладно, и она едва-едва успела остыть после того кошмарного забега, который здесь называли «разминкой». Не хватало еще застудить себе что-нибудь.

— Исая, мечи! — приказала Торн. Одна из разведчиц, самая долговязая и худая, будто аист, кивнула и направилась в сторону деревянной стойки, на которой лежало тренировочное оружие. Торн обернулась к Раде с вопросом в глазах: — Ты же не против, если мы начнем на тренировочных? Скорее всего, многие связки и удары нам обоим неизвестны, и если мы добавим лишнюю работу Ремесленницам, залив весь помост кровью и изодрав форму, боюсь, вечером Саира вновь закатит скандал.

— Не против, Торн, сама хотела предложить, — отозвалась Рада. Из разговоров разведчиц она уже успела понять, что Саира была той самой носатой и яростной женой царицы Лэйк, и все здесь ее явно несколько побаивались. Во всяком случае, не спешили нарываться на нагоняй от нее и держались на почтительном расстоянии.

— Отлично! — Торн скинула с плеч пальто и положила его на самый край помоста.

Рада забрала из рук Исая свой меч и взвесила его в руке. Он был чуть тяжелее эльфийского клинка, к которому она привыкла, и чуть короче. Прямое лезвие было притуплено с двух сторон, чтобы не нанести серьезных ран, но сбалансирован при этом меч был на славу, словно делали его не для тренировки, а для настоящего боя.

— У вас отличные кузнецы, — заметила Рада, разглядывая меч.

— Неплохие, — ровно согласилась Торн, но в ее голосе звучала тщательно сдерживаемая гордость. — Дара славится среди всех Каэрос своим мастерством.

— И не зря, — ответила Рада.

Разведчицы у помоста и не собирались расходиться, негромко переговариваясь между собой и с любопытством ожидая начала поединка. Рада не привыкла, чтобы ее разглядывали, пока она танцевала, и общее внимание сейчас слегка напрягало. Но Торн уже встала напротив нее, держа меч перед собой двумя руками, расслабленная и при этом сосредоточенная. Темные глаза смотрели в глаза Раде.

Вздыхнув, она встряхнулась, расслышав протестующий скрип собственных шейных позвонков после долгой тренировки, и встала напротив Торн, прогоняя прочь все лишние мысли. Руки привычно легли на рукоять меча, тело моментально сгруппировалось, превратившись в одну гибкую пружину. Рада очень любила поединки.

Торн пошла вперед, медленно и неторопливо. Начала она со стандартных связок. Удар сверху вниз по касательной справа, удар слева, то же самое снизу вверх. Рада спокойно парировала, чувствуя приятные тупые толчки в ладони от рукояти. По крайней мере, на самом начальном уровне удары анай не отличались. Что же касается Торн, то она действительно двигалась великолепно, уравновешено, легко. Эти первые удары она выполнила с такой легкостью, с какой кто-нибудь другой приветливо махнул бы рукой.

Темные глаза Торн сверкнули, и она принялась наносить удары уже более сложные, постепенно повышая скорость атаки. Рада внимательно приглядывалась к тому, что она делает. Чуть-чуть отличалась логика построения атаки, чуть-чуть под другим углом наносились удары, стояла она всего на волосок иначе, чем стояли обычно солдаты Мелонии. Но в общем и целом все было точно также.

Удар у первого клинка был славный: в меру тяжелый, хлесткий, упругий. Мечи с приглушенным клацаньем сшибались в воздухе, и Рада едва не мурлыкала от удовольствия, ощущая легкую отдачу в ладони. Руки зазвенели силой, плечи сами собой развернулись. Давно она ни с кем не танцевала. Глубоко вздохнув, Рада пошла в атаку.

Это было так славно: отпустить все мысли прочь и позволить себе просто расслабиться. Не думать о том, что от любого неверного движения ты можешь погибнуть, но заниматься любимым делом в паре с достойным противником, у которого много чему можно поучиться. Ноги сами летали над помостом, переступая плавно и легко, пружинисто переводя Раду из одной стойки в другую. Руки тоже двигались по собственной воле, вращая меч, как легкое перышко, стараясь подцепить им Торн, достать до нее, ужалить. Сейчас Рада ощущала себя абсолютно гармонично и уравновешено, словно это и не ее тело было, а настоящий механизм, четко сработанный, где каждая шестеренка стояла ровно на том месте, где и должна была, и работала четко и слажено со всеми остальными.

И Торн, как же хороша была Торн! Рада готова была поспорить, что еще ни разу в жизни не стояла напротив такого опытного и сильного противника. Первый клинок буквально летала над помостом, едва касаясь его ступнями ног. Меч в ее руках был срывающимся с небес ястребом, катящейся с горы лавиной, свистом ветра в горных ущельях. Глаза Торн разгорались с каждым мигом все ярче и ярче, и на дне темных зрачков плескалось неподдельное удовольствие. Она тоже перестала сдерживать себя, и теперь они танцевали вдвоем, друг вокруг друга, окруженные сферами затупленной стали, которая выстукивала им ритм.

Удары сыпались один за другим. Резкий штопор, которым Торн попыталась буквально

выкрутить из руки Рады меч, вызвал у нее вздох восхищения, и парировала она тычком плечом в бок Торн, уводя ее руку в сторону. Рада попыталась подсесть ей ногу под коленом, но ответный удар был так силен, что она, охнув, отступила, а кончик меча Торн свистнул прямо возле лица, обдав кожу ледяным прикосновением ветерка. Рада прыгнула вперед, делая вид, что собирается ударить сверху вниз, и в последний момент буквально падая под ноги Торн и нанося диагональный справа вниз. Торн встретила меч на клинок, а потом сильный удар ноги в плечо заставил Раду откатиться прочь.

Распаленные, азартные, полные восторга, они двигались все быстрее и быстрее. Ноги танцевали на помосте, ни на миг не останавливаясь на одном месте. Рада обратила внимание, что Торн любит высоко выпрыгивать вверх, и попыталась поймать ее на этом, изменив в последний момент движение клинка, который должен был отсесть ей ноги. Меч резко взвился вверх, и Торн прямо в полете, хоть это и было физически невозможно по всем законам реального мира, выгнулась, будто кошка с текучим позвоночником, и перекувырнулась назад, всего на несколько сантиметров уйдя от клинка. Это было так странно, что Рада даже замерла на месте, и в следующий же миг ей пришлось отражать целый град ударов, обрушившихся на голову с такой скоростью, что руки и плечи протестующе взвыли от боли.

Теперь уже Торн не сдерживалась. Губы ее раздвинулись в широкой улыбке, сделав ее еще больше похожей на волка с этими лохматыми черными волосами и острыми чертами лица. Она взвинтила скорость атаки до предела, падая на колени, вскакивая, кружась вокруг себя, нанося обманные удары и уколы, наступая, наступая. Рада поняла, что уже несколько минут не может сделать ровным счетом ничего, только отражать весь этот обрушившийся на нее стальной камнепад. А потом, когда она ожидала очередной удар сверху вниз, меч вдруг змеей вошел в штопор, буквально обвился вокруг ее клинка, стремясь вырвать его из рук. Рада ушла вбок, чтобы вытолкнуть оружие в сторону, но тут нога Торн, взявшаяся буквально ниоткуда, ударила ее под колено, и Рада с тихим выдохом сложилась вперед, а на шею сзади легло холодное острие меча.

Все. Рада моргала, открытым ртом хватая кажущийся сейчас таким ледяным воздух и понимая, что проиграла. Она уже очень много лет не проигрывала, очень. Кажется, со времен выпуска из Военной Академии, когда напоследок Гелат с Аспаром наняли каких-то крепышей, и те хорошенько отделали ее вечером, бросив валяться за сараем в луже собственной крови. И на свой выпускной бал Рада явилась с огромным фиолетовым фингалом и опухшим лицом.

Горячий пот лил по ее щекам, капал с кончика носа, тело звенело от напряжения и усталости, но было так хорошо, что петь хотелось. Холодная сталь исчезла с шеи, а перед глазами Рады появилась твердая мозолистая ладонь. Рада вскинула голову. Торн тоже была мокрой, по лицу текли крупные градины, грудь у нее вздымалась, как полчаса назад у Рады после трехчасовой пробежки. А на лице сверкала ослепительная улыбка:

— Роксана, ты бхарски хороша, Черный Ветер!

— Как и ты, первая! — ухмыльнулась Рада, принимая предложенную ладонь.

Торн помогла ей подняться, и теперь они стояли друг напротив друга, восхищенно глядя друг другу в глаза. Отдаленно Рада слышала торжествующие выкрики разведчиц и гул, с которыми они колотили друг о друга клинками.

— Проклятье, этот штопор, которым ты пыталась выбить у меня меч, что-то невероятное! — восхищенно выдохнула Рада. — Никогда ничего подобного не видела! Научи

меня!

— Только за твой диагональный справа с нырком! — оскалила зубы Торн. — Ты едва меня не достала, Черный Ветер!

— Как ты увернулась? — Рада вспомнила противоречащий всем физическим законам прыжок Торн и вновь покачала головой. — Это же просто невозможно!

— Я сальваг, — просто пожалала плечами та, и челюсть у Рады отвисла. — Это дает мне небольшое преимущество.

— Сальваг?! — Рада смотрела и смотрела на нее во все глаза.

Она слышала об этом множество сказок и песен. Про древнюю расу оборотней, которые могли по собственному желанию менять человеческое тело на звериное и обратно. Сказки утверждали, что в древности они жили где-то в чащобах Лонтрона, которые, в конце концов, вырубил лошадики, расчищая место для новых пастбищ. Куда потом ушли сальваги, никто не знал, но Рада слышала рассказы наемников издалека о том, что порой их видели в самых глухих лесах вдоль необжитых побережий. Где-то южнее Речного Дома, у Эрванского кряжа, и еще на северных отрогах Латайи. Правда, это могли быть и обычные волки, которых перепуганные глаза странников принимали за оборотней, так что Рада ни в чем уверена не была.

Но встретить сальвага здесь, среди анай, она уж совершенно точно не ожидала. И, приглядевшись, вдруг поняла, почему Торн вызывала у нее ассоциации со зверем. Этот наклон головы, осторожный, напряженный, то, как она втягивала носом воздух, вынюхивая их запахи, дикий огонек внутри темных глаз. И звериная грация, с которой она двигалась.

— Сальваги жили в этих горах до прихода анай, — негромко сообщила ей первая. — Потом мы вынудили их уйти в чащобы, но их кровь успела проникнуть в наши жилы. А война даже их заставила выбраться из тех непроходимых ущелий, где они все время обитали. Теперь сальваги — наши союзники, как и вельды.

— А царица тоже? — озарила Раду догадка, и Торн утвердительно кивнула. Теперь становилось понятно, что между ними общего. Рада и без того чувствовала некую схожесть, но все никак не могла объяснить ее причины.

— Раньше мы скрывали это, — добавила Торн. — Но после Великой Войны многое изменилось. Теперь этого можно уже не бояться, — в голосе ее прозвучала мягкость. Встряхнувшись, будто зверь, Торн вскинула на нее глаза: — Ну а теперь, Рада, покажи-ка мне свой удар, а я научу тебя штопору.

Следующие несколько часов прошли гораздо лучше, чем утренняя тренировка с Утой, хоть, кажется, и устала Рада гораздо сильнее, чем тогда. Торн оказалась чудесным наставником: говорила мало, но по делу, объясняла понятно и наглядно. Вскоре и Раде удалось освоить штопор и контрудар, и после нескольких попыток у нее получилось выбить оружие из рук первой. Кажется, та была довольна, и глаза ее вспыхнули настоящим азартом, когда и сама Рада принялась демонстрировать ей удары и уколы, которых анай не знали и не использовали.

В сущности, не так и много оказалось связок, которыми анай и Рада могли друг с другом поделиться. Однако, сама манера обращения с оружием у них была иной. Рада внимательно приглядывалась, стараясь почувствовать эту разницу сердцем, потому что на первый взгляд все выглядело точно также, но отличия неуловимо присутствовали.

В Мелонии наемники относились к мечу, как к орудию, с помощью которого они зарабатывают себе на хлеб. Кто-то из них владел им лучше, кто-то хуже, как ремесленник

молотком или шилом, но меч не был для них при этом чем-то особенным, чем-то глубоко личным. У анай все было иначе. Рада видела, с какой бережностью они обращаются с оружием. Особенно это было заметно, когда они вкладывали его в ножны. Ее старый мастер по оружию Латор, единственный мечник Мелонии, который действительно любил свое дело, всегда говорил, что по тому, как воин обращается со своим оружием, по одному тому, как вкладывает его в ножны, можно судить о его мастерстве. И Рада испытала почти что священный трепет, наблюдая, как Торн отводит руку с мечом в сторону и вверх, а потом неторопливо опускает клинок на место, не быстро, точно выверенными движениями, каждое из которых было осознанным.

Вдвоем они вышли из Ристалища, усталые и довольные, и направились в сторону общей едальни. Рада сощурилась на небо, пытаясь понять, сколько сейчас времени. Облака уже полностью затянули все тяжелой серой пеленой, но по бледному свету становилось понятно, что день давно уже перевалил за середину, и солнце движется к закату. Странно, а ей-то казалось, что прошло всего пару часов. Впрочем, желудок внутри сразу же оглушительно заворчал, требуя еды. Ощущение было таким, словно она не ела уже неделю.

— Ты отлично танцуешь, Рада, — негромко проговорила Торн, благожелательно взглянув на нее. — Надо будет еще посмотреть, как ты держишься в пешем строю. Крыльев у тебя нет, так что начнем с тренировки вместе с Младшими Сестрами, если ты не против.

— Со строевой у меня так себе, — Рада поскребла в затылке. Волосы чувствовались приятно влажными под пятерней. — Нас готовили в командный состав, да и позже, пока я служила в Северных Провинциях, в строю мне стоять доводилось только, когда коня подомной убивали.

— Практический опыт всегда лучше теоретического, — покачала головой первый клинок, не соглашаясь с ней. — Маршировать мы тебя научим за пару недель, а вот то, что ты знаешь о тактике и стратегии, может нам очень помочь.

— С удовольствием расскажу все, что знаю, — твердо кивнула Рада.

Еще несколько часов назад она сомневалась, стоит ли раскрывать анай все тонкости и тайны военного мастерства Мелонии, но теперь все сомнения растаяли, будто туман под лучами солнца. Люди, которые берегли и чтили свое оружие, которые восхищались честным поединком и уважали своего соперника, не стали бы подло бить исподтишка или намеренно пытаться причинить вред как другому человеку, так и его стране. А анай были именно такими: несгибаемыми, уверенными, простыми и при этом прочными, словно закаленная сталь. Как мало иногда нужно, чтобы узнать человека, — подумала она, задумчиво разглядывая прямой профиль Торн. Достаточно просто посмотреть, как он занимается любимым делом. Это все скажет о нем.

Торн ощутила ее взгляд и взглянула в ответ, открыто и прямо.

— Я рада, что вы пришли к нам, Черный Ветер. Никогда не думала, что скажу это, но, кажется, вы подходите этому месту гораздо больше, чем тому миру, откуда пришли. По крайней мере, учитывая то, что ты о нем рассказывала, — добавила она.

— Мне тоже так кажется, Торн, — кивнула Рада, чувствуя, что это правда.

Они обедали за одним столом в едальне вместе с частью разведчиц, что только что вернулись с облета пограничья. Все было донельзя просто, так просто, как она и представить себе не могла всего пару дней назад. Стуча ложками о глиняные миски, прямо за общим столом разведчицы докладывали Торн о том, как обстоят дела в пограничных фортах и поселениях, и та только кивала, иногда задавала короткие вопросы или отделивалась двумя-

тремя фразами. Точно также просто разведчицы принимали ее приказы. Никакой особой субординации, никаких стоек смиренно, ничего. Как старые друзья или многолетние сослуживцы.

Не удивляйся. Они такую войну прошли все вместе, что в субординации нет никакого смысла, итак все как родные. Рада сосредоточенно жевала, поглядывая на анай и дивясь всему, что видела. Но удивление это было приятным, по-настоящему простым и теплым. Казалось, все в этом становище было подчинено одному четкому ритму, без лишних обсуждений, лишних раздумий, лишних разговоров. Все они, будто муравьи, прекрасно знали свою роль и задачу, все старались выполнить ее как можно лучше, и не потому, что получали за это какую-то особую благодарность или награду, а потому, что так было лучше для всех.

Идеальное войско. Или скорее: идеальный народ. Все как один, все смотрят в одну сторону, все стремятся к одному и тому же. Если бы ту же целеустремленность хотя бы одному городу по ту сторону Эрванского кряжа, хотя бы одному селению! Не было бы ни Церкви, ни бесконечных войн, ни лжи, пропитывающей насквозь все. Мы бы давным-давно уже раздавили Сета и в прах стерли бы его империю.

— Рада! — позвала Торн, и та даже вздрогнула, вырываясь из своих мыслей. Первый клинок кивнула ей головой в сторону выхода. — Пойдем. Потолковать нужно.

Пристроив грязную посуду на стол в углу едальни, Рада поспешила следом за первым клинком. Анай все также любопытно разглядывали ее, но теперь ей почему-то казалось, что улыбок и приветливых кивков стало больше. Словно ее тренировка с первым клинком ослабила туго натянутую струну недоверия, и теперь крылатые женщины уже не считали ее чужой. И своей тоже, конечно, до этого еще очень много времени должно было пройти, но уж точно не чужеземкой.

Торн остановилась у дверей едальни и вытащила из-за пазухи трубку, вопросительно взглянув на Раду. Та утвердительно кивнула и полезла за своей. Покурить сейчас было как раз кстати.

Некоторое время они обе молчали, пока забивали трубки и уминали табак. Рада заозиралась по сторонам в поисках какого-нибудь огонька, и Торн молча протянула ей руку. На кончике указательного пальца танцевал маленький язычок пламени.

— Поражаюсь, как вы это делаете! — с восхищением вздохнула Рада, принявшись подкуривать от предложенного «огнива». Запыхтев трубкой, она вопросительно взглянула на Торн: — И тебе не больно?

— Нисколько, — спокойно отозвалась та, подкуривая и себе, а потом огонек просто растворился в воздухе, ни следа ни оставив на ее коже. Оценивающий взгляд темных глаз первого клинка впился в Раду. — Я получила этот дар от Роксаны, когда меня, как и остальных маленьких анай, купали в пламени. Так что мне очень интересно, почему и ты тоже можешь вызывать огонь Богини.

— Я бы не сказала, что могу вызывать его, — неловко пожала плечами Рада. — Получилось всего-то раз, когда мне пришлось сражаться, и выхода не было. И я его не вызвала, у меня просто вспыхнула кожа.

— Такое бывает крайне редко, — заговорила Торн. — Только самые величайшие Воины за всю историю Каэрос загорались. Ида Кошачий Коготь, Тара дель Каэрос, наша царица Лэйк. — Взгляд ее стал пристальным. — Так как же это удалось тебе? Ты чувствуешь Огненную?

— Наверное, да, — кивнула Рада, хоть до конца и не была уверена. То, что она ощущала, сложно было передать словами, не говоря уже о том, что она так до конца и не могла поверить в то, что Богиня, которую чтили анай, периодически помогала Раде выбраться из крупных неприятностей. И почему именно Раде? Что такого она в ней нашла? Ты и пришла сюда затем, чтобы это узнать. Взглянув на Торн, Рада призналась: — Только я не знаю, как управлять этим.

— Я могу тебя научить, или попробовать научить для начала, — Торн выдохнула серое облачко дыма, такое же темное, как и тучи. — Возможно, у тебя и получится. Дар Небесных Сестер в твоей груди есть, Грозная однажды ниспослала тебе Свою благодать. Если захочешь, мы можем попытаться.

— Хочу! — Рада и сама подивилась тому жару, что сейчас был в ее голосе. Смутившись, она неловко дернула плечами: — Если это, конечно, не противоречит воле царицы.

— Лэйк давным-давно отдала себя Роксане, как и мы все, иначе нас бы здесь не было, — спокойно ответила первый клинок. — Только Она позволила нам выиграть войну, потому что Она вела нас. И раз Она привела к нам тебя, мы научим тебя всему, что знаем сами. Только вот мне хотелось бы знать кое-что. — Торн немного замялась, подбирая слова, и вид у нее был, словно у осторожного волка, неуверенно обнюхивающего незнакомые следы. — Что ты собираешься делать дальше, Рада? Ты уйдешь от нас с этим знанием или останешься? Хочешь ли ты стать одной из нас, или твоя дорога вновь позовет тебя в чужие края?

Рада и сама постоянно задавала себе этот вопрос. И вроде бы хотелось сказать «да, я уйду от вас рано или поздно», но на сердце что-то тянуло, так сладко, так больно. И пусть прошел только один день здесь, пусть все смотрели на нее, будто на диковинное животное, пусть она никого из них не знала еще и никому не доверяла. Но что-то было такое в воздухе этого места, в глазах этих людей. Что-то было в улыбке Лиары, в маленьком домике под склоном горы, в ветре, пронизанном сыростью, что развеивал и ерошил волосы Рады. Чего тебе нужно еще? Разве ты уже не нашла то, что хотела?

— Я бы хотела остаться, Торн, — честно призналась она, затягиваясь кусающим горло табаком. — Если искорка согласится. Я бы очень хотела остаться. Тем более, что вы тоже пойдете на Танец Хаоса. Но за Эрванским кряжем у меня двое детей, понимаешь? Мне пришлось уйти, чтобы не навлечь на них беду, и Сети'Агон до сих пор должен бы искать меня из-за моей крови. Я не уверена вообще, что могу вернуться за ними, что это будет безопасно для них или для меня. Алеор сказал, что защитит их, но я не могу их бросить... — Рада вдруг поняла, что мямлит то, что было на сердце, давя и давя камнем на грудь, и приказала себе замолчать. Вряд ли Торн все это было интересно.

Тем не менее, та кивнула уверенно и серьезно, будто все поняла.

— Я тоже хочу детей, но Найрин не готова. Боится Обмена, боится, что они попадут в число тех, кого Лэйк передаст в другой клан. Так что я понимаю твое беспокойство. — Рада вскинула голову, неуверенно взглянув на Торн. Та хмурилась и выглядела решившейся на что-то. — В любом случае, все будет зависеть от слов Великой Царицы и Держащей Щит. Но что касается меня, то я буду держать твою сторону, Черный Ветер. Лучше бы вам остаться с нами. Возможно, Лэйк разрешит тебе забрать своих детей сюда. И если вопрос об этом будет поставлен, я поддержу тебя.

— Спасибо, Торн! — Рада поняла, что удивленно моргает, глядя на первого клинка. Они ведь были знакомы всего второй день. Только несколько часов, и при этом анай шагали ей

навстречу, протягивая руку помощи и предлагая то, о чем она сама не отважилась бы просить. В груди взметнулось странное чувство, и она не удержалась от вопроса: — Скажи, почему вы все так добры к нам? Почему вы нам помогаете? Только из-за Роксаны?

Несколько секунд Торн удивленно смотрела на нее, хлопая глазами, будто Рада заявила, что небо — зеленое. Потом во взгляде ее промелькнуло понимание, и она улыбнулась, самым краешком губ.

— Я все время забываю, Рада, что ты из Низин. Да, мы помогаем вам из-за того, что вас ведет Огненная. Этого вполне достаточно для того, чтобы мы сделали для вас все, что в наших силах. — Несколько секунд она пристально рассматривала лицо Рады. — В ваших краях нет веры, только слабая надежда, приправленная горечью разочарования. Я вижу это в тебе, чувствую. Ты не веришь в то, что ты делаешь.

— Верю! — горячо замотала головой Рада. — Мы же полмира с искоркой прошли, чтобы только добраться до вас!

— Это хорошо, но этого недостаточно, — удивительно мягко проговорила Торн. — Ты поймешь, когда побудешь с нами некоторое время. Я постараюсь, чтобы ты поняла. А теперь пойдем, я хочу, чтобы ты побеседовала с нашими Наставницами по тактике. Возможно, это будет полезно для всех нас.

Рада не стала спорить с ней, хоть в груди и ворочалось несогласие. Они столько всего прошли, и Торн все еще сомневалась в ее стремлении и вере! Разве недостаточно было непроходимых Семи Преград? Только глубоко внутри червячком сидело что-то, что шептало: Подожди! Ты все поймешь со временем. Сейчас ты упускаешь, упускаешь самое главное. Решив не спорить с ними со всеми, Рада выбила трубку о каблук и последовала за Торн обратно, к Ристалищу. Покажи мне то, что я должна увидеть, Великая Мать. Потому что ты прекрасно знаешь, насколько я бестолкова, и сколько нужно времени вбивать мне в голову, чтобы я поняла. Я надеюсь лишь на твое бесконечное терпение.

===== Глава 31. Метель за окнами =====

За окнами бушевала метель, кружа поземку над землей, танцевала, будто дивная женщина, завернутая в прозрачную белую шаль, и концы этой шали взвивали ветра, поднимали ворохи пороши, скользили по окнам, шуршали по крыше, шумели среди молодых сосенок, поднимающихся к небу над становищем Сол. Казалось, зима ярилась и злилась пуще прежнего, почуяв с востока первые влажные ветра весны, несущие с собой низкие и тяжелые снеговые облака. Зима все не хотела уходить, набрасывалась когтями на теплые окошки домов, завывала в трубах, стучалась в плотно закрытые двери. Но ее время прошло, и в лютой песне зимней стужи и свободных горных ветров Лиара уже слышала первый перезвон капли и голоса соловьев, наполняющих сладкий воздух весны.

— Вот так, — склонившись над ее плечом и следя за тем, как Лиара накладывает стежки, приговаривала Наставница Фир. — Все правильно. Три волны, следом за ними перышко, потом еще три волны, и крыло. То же повторишь и в обратной последовательности, а в центре не забудь добавить Женщину-Древо, иначе проклятые Нуэргос начнут торговаться, как Дочь Воды с отдавленной ногой.

— Не забуду, Наставница, — пообещала Лиара.

Да и как она могла забыть? Все эти волшебные узоры были так любопытны, так необычны! Никогда она не видела ничего подобного.

Особенно была хороша та самая Женщина-Древо. Маленькая стилизованная фигурка, которую вышивали всегда золотой нитью, женщина с волосами, разлетающимися во все

стороны, будто ветви дерева. И в этих волосах путались солнце и луна. Щит Роксаны и Щит Алены, поправила себя Лиара, и никак иначе. Дочери Воздуха почитали свою Быстрокрылую Смеющуюся Богиню и в образе этой Женщины-Древа. Они говорили, что когда-то, когда Небесные Сестры только-только сотворили мир, на его плоской груди ничего не росло. И Артрена, Богиня Земли, шагала в одиночестве по его бескрайним просторам, тоскливо вздыхая и все не находя Себе места, не понимая, что же не так, и чего Ей не хватает в этом краю ветров и камня. И тогда Смешливая Реагрес, чтобы хоть немного развлечь Ее и заставить улыбнуться, призвала ветра и заставила их растрепать Свои волосы, а потом принялась танцевать на пустых холмах. И глядя на Нее, Артрена создала первое Древо, на котором покоился весь мир, а по его образу и подобию разрослись и все остальные деревья, зазеленив щедрую грудь земли на радость ее Небесной Мани.

День за днем наблюдая, как работают Ремесленницы в мастерской Наставницы Фир, Лиара никак не могла налюбоваться, никак не могла надыхаться атмосферой этого странного народа. День за днем ее любовь к этому месту только росла. И все было ей интересно, и каждый символ, каждая крохотная запятая того узора, что она творила собственными руками, имел значение, раскрывающееся сквозь него, словно дивный цветок. Завитки для охраны по вороту, подолу, рукавам и полам одежды, завитки разных цветов для разного клана, чтобы каждую анай защищала своя Богиня. Символы Щита Роксаны и Алены, символы звезд, крылья и перья, стилизованные горы, Женщина-Древо, Владычица Гор и два Ее пса Орун и Берк, символы Веретена и Прялки Плетельщицы Судеб Алены пшеница и ростки, соха Аретрены, трезубец Роксаны. Символы для каждой касты, для каждого возраста. Символы, чтобы охранять и беречь, чтобы сопутствовать удаче, чтобы урожай удался, чтобы детишки не болели. Символы, каждый из которых был наполнен такой любовью, за каждым из которых Лиаре чудилась такая невыносимая мощь и сила, такой свет, что даже вышивать их порой было больно, и кончики пальцев покалывали маленькие иголки молний.

Анай бережно хранили и оберегали свои традиции, со скрупулезной точностью воспроизводя один и тот же рисунок сквозь века, узор, что вышивали самые первые из них на заре истории народа, когда общность анай еще не разделилась на кланы. А некоторые узоры, значение которых затруднялась пояснить Лиаре даже Наставница Фир, были и того древнее. Раскрытая ладонь и голуби, Синеглазый Орел, Корона Звезд, искривленные геометрические узоры, очень похожие то ли на буквы, то ли на какой-то невнятный символ, включающий в себя несколько простых понятий. Такие символы Наставница называла мантрами, и вышивали их только на одеждах Способных Слышать и Жриц, причем с обратной стороны, с подкладки, а не снаружи. Лиара спрашивала Фир, что это за мантры, но та только качала головой и отвечала, что не слишком хорошо понимает сама. Говорила только, что Жрицы пропевают эти мантры по особым религиозным праздникам анай, взывая к Богиням для достижения того или иного результата. И Небесные Сестры отвечают им.

Это больше всего поражало Лиару своей простотой. Анай просили, и Боги отвечали. Не так, как это было в ее землях, когда выслушавший просьбы Жрец отделялся благословением и парой фраз о полной чистоте и снятии с человека всего зла, как его собственного, так и направленного против него самого. Нет. Богини отвечали напрямую, сразу же, будто все это время стояли за плечом каждой из анай, готовые услышать ее голос и сразу же выполнить просьбу. Кто-то просил детей, и зачинал их, кто-то молил о выздоровлении, и оно приходило. Кто-то просто просил солнышко выйти на небо, и через

несколько минут золотые лучи уже пробивались сквозь толстый слой зимних туч. Для анай это были не совпадения, это была самая естественная и известная вещь на свете. И хоть Лиара поначалу и не верила всему этому, во всяком случае, глубоко в душе не верила, то со временем ситуация начала меняться.

Кажется, Небесные Сестры все время были здесь, растворенные в воздухе, расплавленные прямо в пространстве, и стоило только руку протянуть, и коснешься Их. Порой, когда ученицы Фир негромко напевали все вместе странные тягучие мелодии без слов, которые здесь звались песнями, воздух вокруг Лиары дрожал так сильно, рябил, будто солнечные лучи на воде, что казалось, что прямо сейчас из него к ним выступит Сама Огненная, попирая подкованными звездами сапогами укрытый циновками пол маленькой мастерской. И Лиара всем телом ощущала трепет перед этой красотой: такой простой, такой обычной и от этого — такой волшебной.

Анай не верили в Небесных Сестер, это слово здесь не подходило. Они жили вместе с Ними, они жили верой. Она сквозила в каждом их движении, в каждом слове, в дрожании ресниц и смехе, она лилась из их глаз золотым потоком. Она была самой естественной для них вещью, единственной верной и правильной. И она так сильно отличалась от всего, что когда-либо видела Лиара, что у нее это в голове не укладывалось.

Впрочем, оказалось, что голова-то как раз сейчас и мешала больше всего. Головой Лиара не могла принять и осознать постоянное присутствие Небесных Сестер рядом, она чувствовала это чем-то другим. Может, душой? Может, каждой частичкой тела? Имело ли значение, как это называть? Совершенно точно одно: мы ровным счетом ничего не знаем об этом мире. И пока пытаемся понять его только с помощью головы — никогда и не узнаем.

Под ее руками тоже рождалось маленькое чудо, таращившее на нее свои моховые глаза со зрачками-звездами из диковинных древних узоров, которыми украшали свои одежды анай. Способности у нее к вышивке действительно были неплохими, и Фир это заметила. После той первой рубашки, которую Лиара расшила для Рады, Наставница дала ей расшивать рубашки на продажу для Нуэргос, сначала простенькие, детские, потом уже и для взрослых Ремесленниц и Воинов. Теперь Лиара работала над длинным светло-зеленым платьем из мягкой ткани, которое предназначалось к празднику Дня Жизни.

Странное дело: денег у анай не было, причем совсем. Поначалу это было совершенно непонятно для Лиары, дико и непривычно, и она все в толк не могла взять, как же тогда они ведут расчеты. Потом Фир объяснила ей, как меняются между собой кланы, как делится добыча походов, что у сестер нет никакой собственности, только немногие личные вещи, а все, чем они пользуются в быту и на службе, — принадлежит всему клану. Лиара только головой качала. Она не могла представить себе такое где-нибудь в Мелонии или другом людском краю, это было просто неосуществимо из-за постоянной торговли и войн. Но анай жили уединенно, торговали только между кланами, да и не нуждались особенно ни в чем. Им просто не нужны были ни шелка, ни золотые украшения, их украшением было само небо и зеленые горы, что поднимались вокруг них. Их собственные, горящие золотой нежностью глаза.

Найрин как в воду глядела, когда отправляла ее учиться к Ремесленницам. Хотя, наверное, на то расчет и был. Лиара жадными глотками пила их культуру, такую странную, такую непривычную, училась, будто ребенок, впервые открывший глаза на мир и теперь познающий его с ноля. Все их обычаи, их обряды, их верования, их быт. Даже их язык: она стала замечать, что и в ее речи появляется странная вязкость, растянутые гласные, большая

протяжность слогов, чего раньше не было. И каждый день ей казалось, что есть еще настоящая бесконечность вещей, которых она не знает, и при этом она боялась, что этого нового осталось так мало, так ничтожно мало еще неизвестного, чему ее не обучили, что плакать хотелось.

Анай попривыкли к ее присутствию в становище и перестали обращать на нее внимание. За исключением небольшого числа, конечно. Обычно в день две-три разведчицы обязательно предлагали Лиаре свою помощь: донести узелок с вещами или поднос с едой до стола, проводить ее до мастерской Фир, чтобы она не заблудилась, показать становище. Некоторые даже с кошачьим мурчанием намекали и на большее, улыбаясь и предлагая потереть ей спинку в бане или расчесать волосы. От таких предложений она буквально цепенела, впадая в ужас и тихую панику, не зная, что делать. Обычно ее выручали ее подружки из мастерской, которые с хохотом и прибаутками давали от ворот поворот молодым приставучим анай. Но порой и самой приходилось выкручиваться из томных взглядов и протяжных вздохов, и в такие моменты Лиара чувствовала себя особенно несчастной. Раде не скажешь, за помощью не обратишься. Коли узнает, она собственноручно удавит тех, кто к ней приставал. А сама хамить она не слишком умела, да и боялась, что если грубо ответит, анай могут счесть, что она неблагодарна им за кров, и выставят их с Радой из становища. Так она и мучилась, стараясь как можно меньше мелькать в людных местах, отсиживаясь в мастерской или дома.

Особенно невыносимой была первая стрела Каэрос Лара, та самая, что не сводила с нее взгляд в первый день во время Совета у царицы, когда Лэйк решала, оставаться им с Радой в становище или нет. Темноглазая Орлиная Дочь не давала Лиаре никакого прохода, то слоняясь у едальни в час обеда, то будто мимоходом проходя у мастерской, когда Ремесленницы заканчивали свою работу и начинали расходиться по домам. И всегда-то глаза у нее были медовые и сладкие, будто пряники, и рук она не распускала, как порой позволяли себе другие разведчицы, и говорила всегда учтиво, не делая ни единого намека на что бы там ни было. Только у Лиары все время было стойкое ощущение, что ее медленно и верно загоняют в капкан, как охотники травят собаками волка. И куда бы она ни дернулась, куда бы ни попыталась сбежать, там все равно ее ждали эти самые темные глаза Орлиной Дочери.

А ситуация осложнялась еще тем, что Лара была первой стрелой, возглавляла сообщество Орлиных Дочерей клана Каэрос, состояла в Совете царицы. Разведчицы не решались открыто перечить ей, Ремесленницы тоже опускали глаза и поскорее убирались с ее дороги, бросая на Лиару сочувственные взгляды. А Лара только скалилась, довольная и учтивая, без конца оббивая пороги и буквально преследуя Лиару. Смотрела она так, будто раздевала, и от этого хотелось спрятаться, скрыться, хоть куда-нибудь сбежать. Но пока никакой возможности не было.

Причем Лара будто нюхом чуяла, когда рядом с Лиарой нет Рады. Или просто специально узнавала, ведь теперь большую часть дня Рада проводила в компании первого клинка Торн и наставниц по тактике: тренировалась, училась сражаться на нагинате (так называлось то странное копьё с мечевидным наконечником), объясняла разведчицам боевые построения Срединного Этлана, рисовала примерные планы городов и крепостей и даже что-то, отдаленно напоминающее карту всего Этлана, хоть художник из Рады был и не ахти какой. Одним словом: Рада была свободна только вечером, после ужина, когда они вместе возвращались домой из едальни, усталые и счастливые, чтобы уснуть в объятиях друг друга у

теплого бока печи, в котором уютно потрескивали дрова. Эти минуты были самыми дорогими за весь день, и Лиара каждый раз ждала вечера с замиранием сердца, хоть и получала настоящее удовольствие от уроков у наставницы Фир и общения с другими анай.

Иногда их вызывала к себе царица, примерно раз-два в неделю. Они с Найрин и Торн садились у стола и долго расспрашивали Раду с Лиарой о том, как им живется в становище, все ли у них в порядке. А потом начиналось что-то странное, тоже своеобразные уроки, которым Лиара была рада, наверное, больше всего. Три анай учили их слушать дар Роксаны, тот самый маленький золотой комочек в груди, что все это время грел их обеих, что сплетал их воедино в минуты близости.

Странная тишина в такие вечера ложилась на становище. Три анай молча сидели у стола, впериw ничего не видящие взгляды внутрь себя, сосредотачиваясь на точке в груди. Порой кто-нибудь из них начинал негромко объяснять, как вызвать пламя на коже, как воззвать к Богине, чтобы Она услышала твой голос. Но пока еще ни у Лиары, ни у Рады не получалось создать пламя. Зато присутствие Роксаны ощущалось почти физически: сгущенная, плотная атмосфера, от которой сердце в груди наполнялось предвкушением чего-то прекрасного, ожиданием чуда, и все тело звенело, натянутое и напряженное до предела. Пару раз Лиаре даже казалось, что она видит золотой ореол Огненной вокруг напряженно глядящих в пустоту Лэйк и Рады, но образ ускользал, так и не успев сформироваться.

Самую большую заинтересованность в подобных уроках выказывала Найрин. Нимфа оказалась донельзя любопытной и очень старательной. Выслушав обо всех переживаниях Рады и Лиары, обо всех выводах, что были им сделаны за долгое путешествие к Семи Преградам и через них, нимфа подытожила:

— Мы должны совместить наши знания. Вы говорите о том, что Великая Мани может войти в плоть и изменить ее. Мы узнали о бессмертии и миссии, которую должны выполнить. Между вами и нами с разных сторон мира есть лишь одно общее — этот золотой шарик в груди. Думаю, это ключ, и именно с его помощью мы сможем осуществить то, ради чего Огненная привела вас сюда.

Лиара чувствовала правоту слов Найрин, но пока еще у них ничего не получалось. Что бы они ни делали, не выходило. В некоторые вечера они расслаблялись, растворяясь и отдавая себя полностью в руки Роксаны. В другие — отчаянно тянулись вверх, молили и просили, пытаясь ухватить свет Огненной и удержать его в себе. И всегда результат был один: неистовая золотая пульсация меж ребер, от которой волны сладости пронизывали все тело, и оно наполнялось переливающейся волнами мощью. Но больше ничего, как ни проси, как ни зови, как ни пытайся пробить головой невидимый барьер. Анай относились к этому спокойно и терпеливо, Найрин без устали повторяла, что рано или поздно у них получится, нужно только понять, как сделать все правильно. Лэйк с Торн только склоняли головы и бормотали, что на все воля Огненной. Но Рада злилась и ярилась, и Лиару это немногo беспокоило.

Рада вообще здесь изменилась, став какой-то другой. Нет, ни в коей мере не изменились ее любовь и нежность к Лиаре, ее ласка, забота и желание узнать, что же с ними обоими происходит. Но в ней появилось какое-то накрепко засевшее внутри упрямство, и Лиара все никак не могла понять его причины. Порой ей казалось, что больше всего на свете Рада хочет доказать анай, что она тоже похожа на них, что она может также верить, также сражаться, также работать ради будущего. Порой, — что Рада отчаянно пытается доказать все это самой себе. Но это не меняло общего настроения: Рада уперлась, причем сама даже не

понимая во что, и изо всех сил стремилась к своей цели, сметая все на своем пути и не замечая, что в некоторые моменты нет нужды переть так прямолинейно, и что стремление — это не только бешеный рывок вперед, но и умение отжаться и раствориться, позволив делать с собой все, что угодно.

Со временем Лиара поняла, что это и составляло суть веры анай. Все они отдавали себя, будто орудия, в руки Огненной, все они были лишь Ее инструментами, покорными Ее воле. Они шли туда, куда приказывало им идти их сердце, они следовали по пути, проложенному чем-то гораздо более глубоким, чем их собственные желания, чувства, стремления. Они умели слышать бестелесный голос, тихий шепот своей души, следовать более гармоничной воле и Ритму мира, чем тот, что за Эрванским кряжем называли судьбой. Как когда раскидываешь руки в стороны и ложишься спиной на воду, отдавая себя воле волн, и те мягко несут тебя вперед в ворохе из желтых осенних листьев, в мерцании далекой луны и звездах, тонущих вокруг тебя в ночной воде.

Рада же не могла так. Волевая, целеустремленная, не знающая никаких преград, она привыкла громадными шагами нестись вперед, словно зимний ветер, привольно гуляющий среди горных пиков. И она наткнулась на самую тяжелую преграду из всех, что когда-либо стояли перед ней в жизни, — на саму себя и свое стремление. Она просто не могла понять, что такое — сдаться, сколько бы переживаний ей ни приходило, сколько бы ни было чудес вокруг. И изо всех сил она билась и билась о свое собственное стремление, не понимая, что оно-то — и есть причины всех ее проблем.

По крайней мере, Лиаре так казалось со стороны. Это сквозило в том, с какой горячностью она старалась вызнать все, что только можно, о Небесных Сестрах, о самих анай, обо всем, что только можно было. В том, как она стремилась увидеть Роксану во время медитаций в обществе Лэйк, в том, как жадно она хотела стать одной из этих крылатых женщин. И не понимала, что они уже приняли ее как свою, и что осталось только ей принять себя, как анай.

И ко всему этому добавились плохие сны. Все чаще среди ночи Рада металась и что-то бессвязно бормотала, все чаще после пробуждения глаза ее были красными, под ними темнели мешки, а сама она выглядела так, будто и не спала вовсе. Лиара пыталась узнать у нее, что происходит, что ей снится такого, что Рада так кричит и мечется на одеялах, но та только отнекивалась да отделялась короткими фразами про плохие сны. И мысль о том, что она никак и ничем не может ей помочь, изводила Лиару.

— Лиара, слушай! — быстро зашептала ей сидящая рядом Ная, и Лиара вздрогнула всем телом, вырываясь из собственных мыслей. Рука с иголкой сорвалась, и она глубоко засадила ее себе в палец, зашипев от боли. А потом недовольно взглянула на Найю.

Даже несмотря на то, что они подружились, Лиара все никак не могла привыкнуть к тому, что Ная без конца сплетничала, пересказывая одну историю, ходившую по Плато Младших Сестер, за другой громким заговорщическим шепотом, пока Наставница Фир отворачивалась и не обращала на них внимания или проверяла чью-нибудь работу. Причем Найе было абсолютно все равно, что Лиара еще не знает всех сестер, о которых шла речь, не говоря уже об обычаях анай, и чаще всего вообще не понимает, что смешного или странного в той или иной истории. Все остальные Ремесленницы считали ее страшной болтушкой, но Найю это несколько не беспокоило. С завидным упорством она продолжала пересказывать местные новости, и Лиара даже научилась вычленять из всего этого сбивчивого шепота нужную ей информацию. Например, о каких-то обычаях и взглядах, бытовых запретах,

особенностях поведения, которые могли ей пригодиться в будущем. Почему нельзя ни в коем случае первой заговаривать с кузнецом, а вот с Садовницами — обязательно. Или что надо делать, если какая-нибудь Способная Слышать попросит тебя об услуге. И еще тысячи тысяч мелочей, каждая из которых в отдельности не слишком-то много значила, но незнание всех их в общем могло принести нерадивой ученице позор на весь клан.

Вот и сейчас покрытые веснушками щеки Найи покраснелись, темные глаза горели, а черная коса, переброшенная через плечо и перевитая оранжевыми лентами, как-то вся распушилась от нетерпения, словно кошачий хвост.

— Что? — без особой охоты спросила Лиара, понимая, что Ная все равно расскажет, даже если Лиаре это будет и неинтересно. Даже под угрозой наказания Наставницы Фир, которая терпеть не могла сплетни, и Найе от нее частенько перепадало на орехи.

Сидящая рядом с ними Рей тоже наострила уши, как и маленькая Вила, угловатая, худющая девчушка, что все время старалась держаться как можно ближе к ним. От нетерпения у Вилы даже уши покраснели. И немудрено: она только пару месяцев назад остригла виски и получила долор, став Младшей Сестрой, и теперь отчаянно тянулась к старшим.

— Я тут подслушала, как разведчица Исая сказала разведчице Аэн, что ей сказала первая нагината Неф, что скоро в Сол прилетит Великая Царица! — говоря это, Найя едва не захлебывалась от восторга, и ее шепот превратился почти что в приглушенный вопль. — Великая Царица, Лиара! Вместе с Держащей Щит Эрис! Они придут сюда смотреть на вас! Радой.

— Вот как... — протянула Лиара, не зная, что на это сказать. Лэйк давно уже предупредила их, что отправила весточку к этой самой Великой Царице, и что она скоро прибудет в становище Сол. Но, судя по всему, сейчас разговор шел уже о ближайшем времени, а не о неопределенном «скоро».

— Вот это да! — выдохнула рядом Рей, сияя, будто начищенный таз. Когда она улыбалась, она всегда становилась такой хорошенькой, что оторваться было невозможно. — Я так мечтала хоть глазком увидеть ее!

Со слов анай Лиара поняла, что Великая Царица — самый важный и сакральный из всех титулов племени. И что до войны с дермаками этот титул не имел ровным счетом никакого веса и власти, за исключением общеплеменных религиозных церемоний. Однако, после того, как власть в свои руки взяла царица Тиена, многое изменилось. Пока еще Лиара не совсем разобралась, насколько, потому что обсуждающие Великую Царицу анай наперебой твердили об обычаях до войны и том новом, что пришло после нее, и все это перемешалось в голове Лиары в один сплошной клубок, разобрать который она пока что была не в состоянии. Но Лэйк и Найрин всегда отзывались о Великой Царице с огромным уважением и почтением, преклоняя головы, хоть ее и не было рядом, чтобы увидеть этого. Раз уж такая, как Лэйк, гнула шею, Лиара даже не представляла, что ее ждет под взглядом Великой Царицы. И немного побаивалась того момента, когда ей придется пред этим взглядом предстать.

— А Держащая Щит анай тоже эльф, совсем как и ты, Лиара! — пискнула Вила отчаянно краснея. Ей тоже всегда хотелось поучаствовать в разговоре взрослых на равных, но такое участие чаще всего сводилось к констатации тех фактов, которые все и без нее знали.

Вот и сейчас Рей с Найей воззрились на нее так, будто она вдруг заявила, что вода —

мокрая, и девочка сникла под их взглядами. Приняв авторитетный вид, Рей уже открыла было рот, чтобы объяснить младшей все, что она о ней думает, но тут к ним обернулась Наставница Фир.

— Я так понимаю, кто-то не слишком-то стремится поспеть с возложенной на него работой, не так ли? Возможно, в таком случае этот кто-то просто рвется остаться здесь до поздней ночи, а может, и до самого рассвета?

— Нет, Наставница, — Рей моментально нагнула голову, пряча глаза. А Ная все-таки попыталась:

— Но, Наставница, мы ведь говорим о визите Великой Царицы в Сол!

— Честно говоря, я не понимаю, почему об этом говоришь ты, Ная. Она ведь не к тебе прилетает, — заметила Фир. Сейчас в ее вечно улыбающихся глазах не было ни намека на радость, только ледяные колючки.

— Не ко мне, Наставница, но для того, чтобы увидеть Лиару! Именно поэтому я и заговорила об этом, — зачастила Ная, но взгляд Фир заставил ее захлопнуть рот, громко щелкнув зубами.

— Раз не к тебе, то и не лезь в это дело! Никто не знает точно, прибудет Великая Царица в Сол, или нет. Никто не знает точно, когда это случится или не случится вообще. И уж точно это не та тема, над которой тебе нужно ломать голову, пока ты расшиваешь рубашки на продажу. А коли хочешь почесать языком, я найду для тебя задание попроще, где никаких мозгов не требуется. — Глаза Фир угрожающе сверкнули. — Крышу нам, например, от снега очистить, или трубу от копоти. Я ясно выражаюсь?

— Яснее некуда, Наставница, — тихонько проговорила Ная, тоже опуская взгляд.

Посверлив их глазами еще какое-то время, Фир отвернулась, вновь заговорив с высокой симпатичной Саин, над пальцами которой сейчас склонилась. Саин была мастерицей с руками золотыми, будто у Самой Реагрес, как говорили остальные Ремесленницы. Из-под ее пальцев выходили самые красивые, самые замысловатые и необычные узоры, а ее фантазии не было предела. Фир доверяла ей расшивать только дорогие платья и рубашки, предназначенные для значимых религиозных церемоний, а также одеяния Жриц, часто такие прозрачные, что сквозь ткань можно было разглядеть окружающее едва ли не хуже, чем через стекло.

Но при этом Саин была еще той занозой под ногтем. С вечно прямой спиной, поджатыми губами и приопущенными веками она смотрела только на свою работу, не оборачиваясь по сторонам и не обращая ни на кого внимания. Младших девочек она вообще игнорировала, как пустое место, старшим отвечала сквозь зубы, неохотно, и только когда те к ней обращались. Приветливой она был лишь с Наставницей Фир и другими взрослыми сестрами, а с разведчицами всех возрастов без конца флиртowała, строя им глазки и хлопая длинными ресницами. Даже с Радой пробовала это делать, когда та как-то раз пришла проведать Лиару. Черный Ветер, правда, только удивленно посмотрела на нее, явно не понимая, чего Саин от нее нужно, а потом подозвала к себе Лиару.

Когда же Саин смотрела на Лиару, в глазах ее загоралась плохо сдерживаемая ненависть, и Лиара все никак не могла понять, почему так. Она ровным счетом не сделала ничего плохого лично Саин, да и мастерицей она была не намного лучше других и гораздо более худшей, чем сама Саин. Им нечего было делить, так что и злиться друг на друга смысла не имело, но Саин все равно смотрела разъяренной кошкой, едва не стуча по полу хвостом.

Единственным хорошим во всем этом было то, что и Наставницы видели, какой растет молодая Ремесленница. Весной следующего года Саин должна была лететь к Источнику Рождения, чтобы пройти последнюю инициацию и стать взрослой по законам клана. Фир не раз и не два поминала это, беспечно шебеча про то, что совсем скоро у Саин будет своя мастерская, где она будет обучать свою группу Ремесленниц или трудиться вместе со взрослыми сестрами. И в тоне ее явно сквозило облегчение оттого, что они уже скоро разойдутся в разные стороны, хоть в общении с молодой швеей Фир всегда держалась ровно и приветливо, как и со всеми остальными.

Почувствовав взгляд Лиары, Саин вскинула на нее темные, полные ярости глаза, и Лиара сразу же уткнулась носом в свою вышивку. Чужое неудовольствие всегда вызывало у нее странное ощущение зуда между лопаток. Оно давило, как тяжелое коромысло на плечи, оно заставляло ерзать и нервничать, и Лиара терпеть не могла, когда Саин смотрит. И не понимала, чего не сказать-то ей четко и ясно, что не так? Поговорили бы, может, отношение Ремесленницы и изменилось бы? Вот только ей все не хватало смелости подойти и предложить Саин такой вариант, слишком уж отстраненной и холодной она была.

Какая-то фигура мелькнула за окном в густом снегопаде, сквозь который почти что и видно ничего не было, и маленькая Вила пискнула, указывая туда пальцем:

— Смотрите! Первый клинок Лара!

Ремесленницы с любопытством вскинули головы, вытягивая шеи и глядя в окно, и одна лишь Лиара только незаметно поморщилась. Всем молодым девчонкам нравилась первый клинок: уверенная в себе, сильная, дерзкая, с вечно насмешливыми темными глазами. И как на зло, лишь Лиаре она уделяла свое особое внимание.

Вновь ощутив на себе тяжелый взгляд Саин, Лиара сжалась и еще больше. Кажется, и в этом тоже крылась одна из причин ее ненависти к Лиаре. Судя по всему, первый клинок нравилась ей, во всяком случае, с ней Саин всегда смеялась громче обычного, держала себя приветливее и оживленнее, чем с другими разведчицами. Надо просто набраться храбрости и сказать ей, что Лара мне нисколько не нравится. И Ларе тоже сказать, чтобы перестала оббивать пороги. Это становится невыносимо.

С трудом в последние дни она все пыталась припомнить, как ей удалось отбрызнуть приставучую Равенну во время погони за кораблем Сагаира. Ведь тогда у Лиары получилось, и Равенна прекратила донимать ее, без конца прохаживаясь рядом и облизываясь, как голодный кот на сметану. Но с другой стороны, Равенна была гораздо настойчивее, гораздо развязнее, ее легко было поймать на откровенном хамстве. Лара же не делала ровным счетом ничего, что выходило бы за рамки дозволенного, только смотрела, насмешливо и заинтересовано, и от ее глаз хотелось спрятаться куда угодно, лишь бы не видеть этого взгляда.

Приглушенно простучали по крыльцу сапоги, и Ремесленницы радостно загомонили, а Лиара едва не застонала. А потом входная дверь скрипнула, и в сени с мороза ввалилась Лара, на белом пальто и темных волосах которой метель успела уже наместить настоящие сугробы. Вытянувшись по струнке и прищелкнув каблуками, Лара склонила голову, с легкой улыбкой разглядывая всех собравшихся:

— Прошу прощения, Наставница, Младшие Сестры. Не хотела мешать вам в этот час, но царица попросила меня украсть у вас Светозарную Лиару, и я не смогла отказать себе в удовольствии принять это предложение, чтобы поглядеть на всех вас. — Голос у нее тоже был почти кошачий, с бархатными, мурчащими нотками.

— Будет тебе, первая! — в шутку отмахнулась Фир, но и в ее глазах тоже заплясали огоньки, слишком уж хороша была стройная, подтянутая, симпатичная Лара, скромно поджидающая у двери. Остальные Ремесленницы зарделись, уткнувшись глазами в свою работу и лишь искоса посматривая на нее. Только Саин смотрела прямо и улыбалась, отложив пяльцы в сторону. Лара подмигнула ей в ответ. — Забирай, конечно, нашу Светозарную, но только с возвратом! Ей бы сегодня закончить работу, чуть-чуть ведь совсем осталось.

— Верну ее в целостности и сохранности, — темные глаза Лары взглянули на Лиару, и та вздрогнула, вновь ткнув иглой в палец вместо ткани. На губах ее появился охотничий оскал. — Не беспокойся, Светозарная, со мной ты в полной безопасности, как в руках у Самой Огненной.

— Ну вот и славно! — кивнула Фир.

Чувствуя себя так, будто ее целиком окунули в холодную реку и держали там несколько часов, пока тело не задубело, Лиара поднялась и отложила в сторону работу. Лара подхватила с крючка ее дубленку и придержала, улыбнувшись:

— Позволишь помочь тебе, Светозарная?

Отступить было некуда: дубленка-то уже у нее в руках, не будет же Лиара выдирать ее из ее пальцев силой. Она деревянно кивнула и продела руки в рукава, пока Лара набрасывала дубленку ей на плечи. Ее пальцы задержались на плечах Лиары на один короткий миг дольше, чем нужно было, но касание было таким мимолетным, что никто его не заметил. И опять поймать ее на приставаниях было невозможно, и от обиды едва слезы на глаза не наворачивались. Обязательно расскажу сегодня все Раде! Она дружит с Торн и Лэйк, может, сможет что-нибудь сделать!

— Пойдем? — Лара приоткрыла перед ней дверь, придержав так, чтобы Лиаре пришлось проходить очень близко мимо нее. И опять Лиара не успела первой выйти из дома, ей пришлось еще сапоги натягивать, и это дало Ларе время.

Сжавшись и юркнув мимо нее, Лиара едва не задохнулась от холода. Все последние недели стояла теплая погода, и снег в становище начал подмокать, тяжелеть, протаивать неровными буграми. К ночи всегда подмораживало, и сугробы сковывал толстый слой ледяного наста, по которому на спор пытались ходить младшенькие, с хохотом все же проваливаясь в снег, когда наст не выдерживал их веса и проламывался. Но сегодня ветер с востока пригнал холода и лютый мороз и теперь носился с метелью над становищем, завывая так, что кровь в жилах леденела. Мело сильно, и уже в десяти шагах впереди все терялось в белом мареве. Лиара с трудом могла разглядеть очертания едальни неподалеку, а горы будто бы совсем пропали, растворившись в сыплющейся с неба муке.

Первой Лиара зашагала по протоптанной в снегу тропинке, благодаря Богинь за то, что она была недостаточно широкой. Теперь у Лары был выбор: или плестись следом за Лиарой, или идти рядом по сугробам. К счастью, первая стрела все-таки не стала нагонять ее и топтаться рядом, и Лиара сочла это хоть и небольшой, но все-таки победой.

В такую погоду тренировок на Плацу не было, как и в небе, и Младшие Сестры забилась в просторное здание Ристалища, будто сельди в бочку. Даже сквозь завывания метели с той стороны слышался нестройный гул голосов, изредка прерываемый звоном оружия. Лиара свернула направо, к Залу Совета, и едва не поморщилась, когда Лара моментально догнала ее, подстроившись под ее шаг. Здесь тропа была уже широкой, и трое бы прошли.

— Тебе не холодно, Светозарная? — спросила она с таким видом, будто ей самой

никакая метель ни по чем. Ветер нещадно трепал ее хвостик на затылке, Лара щурилась от режущих глаза воздушных потоков, но продолжала широко ухмыляться. — Если хочешь, я достану для тебя теплый плащ с капюшоном, как раз на такую погоду. Никто об этом, кажется, не позаботился.

Лара явно намекала на Раду, и внутри болезненной колючкой зазвенела обида.

— Благодарю, мне ничего не нужно. — Лиара едва не добавила «от тебя», но в последний момент сдержалась. Не стоило хамить первой стреле клана Каэрос, пусть и вела она себя беспардонно, как последний подвыпивший матрос.

— Да не бойся ты, я не кусаюсь! — оскалилась Лара, демонстрируя клыки, словно сказать собиралась как раз обратное.

Лиара глянула на нее всего один раз, чувствуя горячую злость, а потом обернула себя в теплые воздушные потоки, словно в кокон, оттолкнув назад снег. Вокруг нее сразу же намело что-то вроде непроницаемого сугроба, за которым остался и удивленный возглас Лары, и ее навязчивые приставания. И хорошо, может, хоть так поймет, что она несколько Лиаре не интересна.

Странное дело, но многие анай вели себя именно так: настойчиво, назойливо, прилипчиво. Лиара понимала, что может по-настоящему нравиться кому-то из них, и что для них такое поведение вполне обычно. Но самой ей совершенно не хотелось чужого внимания. И неужели же они не видят, что у нее есть Рада? И как сильно она любит Раду, как хочет быть только с ней? Это же любому в глаза бросалось. И коли они так свято чтит старые обычаи и заветы, запрещающие ухаживать за чужой женой, то почему же не оставляли Лиару в покое?

Может, потому что вы — чужеземки? И потому, что ты — не жена Рады? Настроение испортилось вконец, и Лиара услышала свой собственный горький вздох. Ей не нужно было никаких доказательств любви, не нужно было никакого статуса, никаких ярлыков. Она готова была провести с Радой всю свою жизнь, все тысячелетия бессмертия, что им обоим отмерены, или всего лишь годы, коли им суждено погибнуть в Танце Хаоса. Лиара с самого начала знала, на что идет, когда вложила свою ладонь в мозолистую и крепкую руку Рады. И теперь, глядя на анай, что-то внутри нее, запрятанное глубоко-глубоко, вдруг начало надеяться.

Мы могли бы остаться здесь и пожениться, могли бы иметь детей. Дочка с ее глазами, маленькая и смешливая, дочка, которую я выношу. От этого все внутри сжималось, переполняясь нежностью, но Лиара приказывала себе не думать об этом. Пока еще никто не решил, останутся они здесь навсегда или нет. Пока еще и сама Рада не говорила ничего насчет дальнейших планов. Согласится ли она жениться на Лиаре, хочет ли она этого? Хочет ли она детей? Эти мысли навязчиво крутились в голове Лиары, не давая покоя, и с каждым разом все труднее было оттолкнуть их прочь.

Но сейчас она должна была думать о другом, ведь Лэйк никогда просто так не посылала за ними. Только по вечерам, когда они обе были уже свободны, и на этой неделе они уже устраивали совместную медитацию с царицей. А раз так, значит, случилось что-то особенное, что изменило привычный ход событий в становище Сол. Может, Великая Царица прилетела?

Что-то зазвенело у нее в груди, напряженное и просящее. Молю Тебя, Роксана, пусть это будет так! Пусть уже с нами все решится раз и навсегда. Наверное, больше всего она устала именно от этого: странного ощущения неопределенности и подвешенности, в котором они

здесь находились. Вроде бы их с Радой и приняли в клан, а вроде бы и нет. Вроде бы всему учили, а вроде и не всему. Жриц, например, Лиара так до сих пор и не видела, как и Способные Слышать ни разу не заговорили с ней, хоть несколько раз она и встречалась с ними проходя в становище и даже просила одну из них разрешения заговорить с ней по обычаю. Да еще и Лара со своими ухаживаниями, Саин со своей злостью и все остальное. Может, если я стану одной из них, то смогу дать отпор и не бояться, что меня вышвырнут отсюда?

Не дав Ларе возможности распахнуть перед ней дверь, Лиара первой взобралась по ступеням высокого крыльца Зала Совета и вошла внутрь.

===== Глава 32. Принятое решение =====

Рада потягивала горьковатый и очень крепкий мед Нуэргос из кубка, предложенного царицей Лэйк, изо всех сил стараясь сделать вид, что ее вообще здесь нет. Как и остальные собравшиеся. Тала стояла лицом к окну, сцепив за спиной руки и не оборачиваясь, будто могла что-то высмотреть сквозь затянувшую небо метель. Неф задумчиво разглядывала свой бокал, пытаясь отыскать на его дне одни ей ведомые чудеса. Торн подравнивала кончиком долора ногти, целиком уйдя в это занятие, а Найрин рядом с ней только устало подперла ладонью голову и вперила взгляд в никуда с выражением смертной скуки на лице.

— И почему я узнаю о посещении Великой Царицы последней, а? — от разъяренного рычания Саиры почти что дрожали стекла. Сейчас она нависла над сидящей за столом Лэйк, и глаза ее метали молнии. — Последней, при том, что на мне лежат обязанности подготовки почетной встречи, которые ты сама, бхара проклятая, на меня возложила! Почему нельзя было сказать об этом вчера?

— Потому что гонцы только что прибыли, Саира, — устало отозвалась Лэйк. — Всего-то четверть часа назад.

— И при этом здесь уже сидят все главы сообществ? Совершенно случайно они здесь оказались?

— Их собрала Найрин, как только ощутила, как открываются врата перехода.

— Лаадно, — угрожающе вкрадчиво протянула Держащая Щит, и Рада взмолилась, чтобы кто-нибудь пришел уже и забрал ее отсюда. Лишь бы не видеть этого исчадия бездны мхаир с бесконечным плохим настроением. Сложив на груди руки, Саира вздернула ломанную бровь: — Но отсылала ты своих гонцов, Лэйк, не сегодня же утром, правильно? Вчера ведь отсылала, так?

— Так, — угрюмо буркнула Лэйк. Вид у нее был, как у нашкодившего пса, отказывающегося признавать свою вину.

— А коли так, то скажи мне, пожалуйста, какого беса ты не предупредила об этом меня?! — Голос Саиры постепенно повышался, и на последних словах она уже вновь орала во всю глотку. — Я — Держащая Щит этой распоследней захудалой дыры, которую вы гордо именуєте становищем! Я сижу здесь вместо того, чтобы отстраивать Натэль, молиться Аленне, чтить память тех, кто ушел! Я изо всех сил пытаюсь привести тут все в порядок, выучить ваши идиотские законы и правила, с которыми вы носитесь, будто пьяная повариха с тухлым яйцом! Только для того, чтобы не уронить вашу распроклятушую честь перед всеми остальными кланами! И при этом ты не удосуживаешься мне сообщить о прибытии Великой Царицы, чтобы я успела попытаскивать охранниц из погребов с ашвиллом, переодеть их в чистое и отмыть их раскрасневшиеся морды?

— Вместо того, чтобы орать, Саира, ты давно уже могла бы начать приготовления, —

рассеяно заметила Найрин, потирая висок и глядя прямо перед собой. — За то время, что ты скандалишь, можно было бы успеть даже все становище украсить разноцветными лентами. И даже целого быка испечь.

— Кого я слышу, зрячая! — Саира развернулась к ней, похожая, на готовящуюся к броску кошку. — Если у тебя возникают такие прекрасные идеи, если тебе хватило времени собрать глав сообществ и привести их сюда, инициативная ты наша, может, ты тогда и начнешь украшать становище, а? Ленточки плести, костры жечь. Ведьмам, кажется, такие штуки сподручнее и быстрее даются, или я ошиблась?

— Хорошо, Держащая Щит, — Найрин положила обе ладони на стол, плотно прижав их к столешнице, и теперь в упор смотрела на Саиру. — Если я пойду вязать ленточки, ты, будь добра, извернись каким-нибудь одним тебе известным способом и создай дыру в пространстве, чтобы потом отвести Великую Царицу обратно. Вряд ли гонцы будут в состоянии сделать это еще раз.

— Заканчивайте, — поморщилась Лэйк. Вид у нее был болезненный. — Не будет никакого толка, если мы сейчас начнем переругиваться. И никакую встречу не надо готовить, Саира.

— С чего это вдруг? — фыркнула та. — А как же хваленое гостеприимство Каэрос? Как же ваше вечное битье пяткой в грудь на тему того, как вы преданы Тиене?

— Великая Царица прибудет с неофициальным визитом, — нехотя отозвалась Лэйк. — Она не задержится надолго. А вот Магара задержится.

— Магара?! — глаза Саиры полезли из орбит еще больше, а ноздри хищно загнутого носа раздулись. — Так с ней еще и Магара?

— Да, — кивнула Лэйк. — И мне нужно поселить ее куда-нибудь, чтобы она не возмущалась, что ее не обогрели здесь. Желательно подальше от Плаца, чтобы не бродила по становищу и не совала свой нос туда, куда не следует.

— И куда же «подальше»? — Саира еще больше сощурилась. — Куда я дену Магару?! У нас нет свободных домов, которые бы подошли ей! Разве что ты соберешься отдать ей нашу кровать, но в таком случае, дель Каэрос, пеняй на себя!

— Я уверена, что ты, Держащая Щит, обязательно что-нибудь придумаешь, — Лэйк твердо взглянула ей в глаза.

— Естественно! — фыркнула Саира. — Я вообще здесь единственная, кто еще способен это делать! — Прогромыхав каблуками по полу к двери, она обернулась и с порога бросила: — Сейчас я отдам все необходимые распоряжения и вернусь. Надеюсь, Лэйк, тебе хватит ума не начинать без меня. Иначе, разговаривать я с тобой буду уже в другом тоне.

Дверь в сени громко хлопнула, и Рада вздрогнула от резкого звука, подскочив на стуле. Впрочем, так себя повела не одна она. Остальные первые бросали на закрывшуюся за Саирой дверь тяжелые взгляды и качали головами. Однако, никто из вас не решился перечить ей в лицо. Это было даже забавно, во всяком случае, со стороны наблюдать Раде нравилось. Не тогда, когда неистовая Держащая Щит орала на нее.

Правда, такое случалось всего пару раз за последний месяц, но повторять опыт ей совсем не хотелось. Первый раз Рада пришлась под горячую руку, когда как-то под вечер, почти сразу же после их приезда в Сол, Лэйк пригласила ее посидеть и разделить жбан ашвила. Не успели они одолеть и половины, как в предоставленный лишь им двоим Зал Совета ворвалась Саира с гневным рычанием по поводу Мани-Наставницы. Выяснилось, что близнецы Крол и Милана, дочери Лэйк и Саиры, подожгли дверь в комнату Наставницы

Фары, и та поймала их с поличным. А Лэйк всеми силами пыталась не попасться на глаза Мари и послала вместо себя Саиру, лишь туманно помянув, что девочки напроказничали. Во второй раз Рада огребла уже по собственной вине, хоть и не совсем нарочно, на ее взгляд. Она обратилась к кузнецу становища Сол, хмурой громадной Даре, с просьбой выковать для нее серебряную оправу для камушка, который подобрала в тоннелях под Эрванским кряжем, для Лиары. И Саира как раз вовремя проходила мимо, чтобы услышать их негромкий разговор. Тогда Раде вlepили за то, что она попусту отвлекает от работы кузнецов, да еще и посмела первой обратиться к Даре, хотя сама Дара не выказала по этому поводу никаких претензий. С тех пор Рада старалась держаться от Саиры как можно дальше, хоть это и не всегда выходило у нее хорошо.

— Бесноватая Лаэрт! — проворчала Лэйк, хмуро глядя единственным глазом на захлопнувшуюся дверь. — Иногда мне кажется, что она никогда не уймется.

— Думаю, вам просто пора завести еще парочку дочерей, первая, — прогудела Неф, не отрывая взгляда от своей кружки, но вид у нее при этом был хитрый. — Помнится, на последних месяцах беременности Саира совершала паломничество в Рощу Великой Мани. Так что если ты постарайся, у тебя будет месяц без нее, чтобы вздохнуть свободно.

— Предупреждаю, Неф, будешь и дальше подкалывать меня на эту тему, я тебя женю на Лаэрт, — огрызнулась Лэйк, но в голосе ее прозвучали теплые нотки.

Здоровенная первая нагината вскинула перед собой ладони, будто защищаясь.

— Не допусти Роксана! Молчу, Лэйк, больше ни слова.

— Мне вот интересно, каким образом Магара увязалась следом за Великой Царицей, и что же в очередной раз надо от нас этой хитрой бестии, — выдохнула Найрин, уронив голову на сложенные руки. — Я готова поклясться, — пробубнила она в столешницу, — что эта бхара что-то затевает. И мне бы очень хотелось знать, что.

— Рано или поздно мы это узнаем, — мрачно заметила Тала, отходя от окна и присаживаясь к столу.

Рада уже успела наслушаться рассказов про Магару, и познакомиться с царицей Лаэрт ей было очень любопытно. Абсолютно все разведчицы в становище Сол говорили о ее способностях как полевого командира, тактика и стратега с нескрываемым восхищением, рассказывали многочисленные истории о ее храбрости, проявленной в Великой Войне. Но как только речь заходила о Магаре-царице, сестры моментально хмурились и отделялись одной-другой фразами. Никому не нравилось, что Магара приобрела такое высокое влияние на Великую Царицу, что она постоянно навевалась в становища Каэрос, настаивала на продолжении увеличения числа Дочерей для Обмена. А теперь еще и притащилась в становище Сол вместе с Великой Царицей, хоть ее уж совершенно точно никто сюда не звал. Лэйк объясняла Раде, что дело тут все было в извечной вражде между кланами Каэрос и Лаэрт, вражде почти такой же долгой, как ненависть к кортам. И теперь каждый раз, когда Магара активно проявляла свое дружеское расположение к Дочерям Огня, они напрягались и ощетинились, ожидая подвоха.

Дверь в сенях вновь скрипнула, послышались приглушенные шаги, и сердце в груди Рады едва заметно сжалось, запульсировав нежностью. Странное дело, ей даже не нужно было видеть, чтобы быть совершенно уверенной: за дверью Лиара. Эта нежность, что соединила их в одно целое, эта странная связь между ними с каждым днем становилась все крепче. Лэйк как-то мимоходом помянула, что именно благодаря этой связи у анай и рождаются дети, но Рада пока еще не изыскала возможности в тайне от Лиары вызнать у нее

все подробности самого процесса. В последние недели по вечерам они собирались впятером с Найрин и Торн, а у самой Торн Рада почему-то спрашивать стеснялась. Слишком уж немногословной и сдержанной была первый клинок Каэрос.

Потом открылась внутренняя дверь, и в прогретое огнем Роксаны помещение шагнула искорка. В кудряшках ее запутался серебристый снег, который сейчас быстро таял и превращался в сверкающие россыпи алмазных капель. Снег был и на длинных ресницах, таких длинных, что у Рады дух захватывало каждый раз, когда она смотрела чуть искоса, нагнув голову, или когда только выходила из грез, и эти реснички слегка подрагивали, пока сознание возвращалось в тело. Она все еще носила свои теплые шерстяные штаны, купленные в Алькаранке, и связанный Улыбашкой темно-зеленый свитер. На фоне разодетых в белую зимнюю форму анай искорка выглядела ярким пятном, бросающимся в глаза. Хотя и Рада тоже так и не сменила свою черную шерсть на белую форму. Не потому, что ей не предлагали: Торн несколько раз поминала, что в форме ей будет удобнее тренироваться. Но Рада так до сих пор еще и не поняла: оставят их здесь, или попросят рано или поздно уйти. Торн и Лэйк ничего на эту тему не говорили, а сама она не спрашивала, чтобы не раздражать лишней раз. Они и так с искоркой только и делали, что расспрашивали всех вокруг обо всем на свете. Не стоило испытывать терпение царицы и первых.

Может, тебе просто не хочется слишком привязываться к ним ко всем, чтобы потом уходить отсюда? Может, все дело в этом? Рада только невесело усмехнулась про себя. Для таких мыслей было уже поздно, привыкнуть и привязаться к этому месту и народу крылатых женщин она уже успела, и вряд ли белое или черное тряпье изменило бы ее чувства. Но неопределенность продолжала тянуть жилы, и больше всего на свете хотелось уже четкого решения со стороны царицы анай. Возможно, такое решение помогло бы и Раде решиться.

Всю свою жизнь она куда-то и отчего-то бежала. Сначала от мужа в Северные Провинции на войну, потом из Мелонии вместе с Алеором, потом в Данарские горы через Семь Преград. Нигде она не задерживалась достаточно надолго, чтобы считать это место домом. Лишь здесь, где наконец-то появилось в груди странное, невиданное доселе желание остаться. Этот маленький уютный домик в горах, анай, такие простые, такие надежные, среди которых Рада чувствовала себя как рыба в воде. Весь их быт с искоркой, каждая ночь, полная нежности, каждый день, полный четкого осознания того, что она идет в нужную сторону, что она все делает правильно. Чем не место, чтобы прожить здесь в счастье остаток своих дней?

Только у нее были дети, и они неумолимо тянули Раду назад. Она-то в безопасности, гостит у анай, а ее младшие? Как они там? Не пало ли на них проклятие матери, не стали ли они изгоями из-за ложных наветов, возложенных на Раду? Успел ли Алеор уже прислать к ним кого-то, кто защитил бы их, или они уже попали в лапы к Сети'Агону? Раньше у нее просто не было времени и сил, чтобы беспокоиться об этом. Всю свою волю Рада сосредоточила на прохождении Семи Преград, на необходимости выжить самой и уберечь искорку, но теперь жизнь медленно приходила в норму, и тревожащие мысли возвращались. Причем, покоя от них не было даже ночью.

Рада так и не поняла до конца, ночные кошмары ли породили тревогу за детей, или наоборот, да это было и не так важно. Почти каждую ночь ей снилось, что кто-то темный забирает у нее ее детишек или искорку, а иногда и всех вместе, удерживает их вдали от нее, где они страдают, зовут ее. Сколько бы она ни металась в этих снах, сколько бы ни искала

своих детей и искорку в призрачных мирах без солнца, а все было без толку. И каждый раз Рада просыпалась в ледяной испарине с бешено колотящимся сердцем, а потом еще долго не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок. И все думала, думала, что ей делать. Остаться здесь, позабыв свое прошлое, или вернуться и попытаться вытащить оттуда ребятишек? Если она вернется, она может привлечь к ним ненужное внимание, и тогда лапы Сети'Агона уж точно дотянутся до них. Если не вернется, то никогда не узнает, все ли у них хорошо, и будет обречена всю вечность гореть в агонии, сходя с ума от тревоги.

Великая Мать, Небесные Сестры, молю вас всех, пожалуйста, помогите мне разобраться, что делать дальше. Помогите хоть что-нибудь решить. Рада просила об этом постоянно, едва ли не целыми днями, но пока еще никакого ответа ей не пришло. А может, и пришел ответ, только она по глупости своей не смогла его понять?

Словно ощутив ее настроение, искорка поспешно подошла к ней и уселась рядом, предварительно поклонившись всем первым и царице, которые ответили ей приветливыми кивками. Ее горячая, даже с мороза, ладошка нашла ладонь Рады, и от этого сразу как-то стало теплее и надежнее. Рада взглянула на искорку, чувствуя, как отступает тревога под пьянящей волной нежности, заполнившей все ее сердце. Как я жила до тебя? Как я вообще могла дышать, пока тебя не было в моей жизни?

Первая стрела Лара обошла стол и уселась напротив них, положив ногу на ногу и развалившись на спинке кресла. Ее взгляд чуть дольше, чем нужно, задержался на Раде с Лиарой, а потом она о чем-то негромко заговорила с сидящей рядом Неф. Рада пристально взглянула на нее. Не раз и не два она ловила уже на себе оценивающий взгляд первой стрелы, да и как-то слишком часто Лара провожала искорку после дня в мастерской Фир домой. Искорка старалась держаться от Лары как можно дальше, бросая на нее наполовину перепуганные, наполовину гневные взгляды, но Раде все равно не нравилось, что эта наглая молодая анай увивается за ее девочкой. Впрочем, сейчас-то она ничего поделать не могла, ведь даже не была частью клана. Лэйк говорила, что сестру можно вызвать на поединок только в том случае, если у них обеих есть долор, тот самый ритуальный кинжал, который анай носили за поясом. У Рады долора не было, а значит, она не имела права проводить священный бой за женщину. Еще одна причина уже все решить. Если остаемся здесь, я хоть смогу этой Ларе бока намять хорошенько, чтобы она больше не лезла к искорке. А для этого мне нужен долор.

Сидящая у стола царица сохраняла молчание, хмуро рассматривая столешницу и барабанила пальцами по отскобленному почти что до белизны дереву. Первые сообществ тихонько переговаривались между собой, обсуждая какие-то свои дела. Рада решила, что пока до них никому дела нет, а потому нагнулась к Лиаре и тихонько спросила:

— Ну как там твои дела, искорка? Как работается?

— Хорошо! — улыбнулась та, и глаза ее засияли. — Я сейчас платье расшиваю для Ремесленниц Нуэргос, зеленое, такое красивое! И у меня получается гораздо лучше, чем раньше. Вот увидишь, к весне тебе таких рубашек нашью, что одно загляденье будет!

— Спасибо, маленькая. — Рада огляделась по сторонам и понизила голос еще больше. — Никто тебя не обижает? Все хорошо?

— Никто, — покачала головой Лиара, но взгляд опустила, и на щеках ее выступил румянец. Раде не нужно было прислушиваться к ощущениям, она и так знала, что искорка испытывает гнев. Губы у нее слегка поджалась, да и смаргивала она гораздо чаще, чем обычно. — В подробностях дома расскажу, не здесь, — негромко добавила она.

— Хорошо, — кивнула Рада.

Взгляд сам собой уперся в сидящую напротив них Лару, которая как раз в этот момент, не переставая обсуждать что-то с Неф, мазнула взглядом по ним с Лиарой. Ну смотри, кошка драная. Узнаю, что ты мою девочку обижаешь, не посмотрю, что первая стрела!

— Ты чего, Рада? — штормовые глаза искорки с тревогой взглянули на нее, и Рада поняла, что стиснула ее руку в кулаке куда крепче, чем следовало бы. Сразу же отпустив ладонь, она негромко проговорила:

— Ничего, искорка. Прости, если сделала больно.

От крыльца вновь донесся приглушенный толстой дверью стук каблуков, распахнулась сначала дверь в сени, потом и внутренняя. Недовольно хмурясь, Саира шагнула в помещение и прикрыла за собой дверь.

— Все готово, — резко буркнула она, проходя мимо первых к своему месту по правую сторону от Лэйк. — Жилье для Магары я нашла, и оно достаточно далеко от Плаца, чтобы через такую метель ей не слишком-то хотелось сюда прилетать. Но с тобой, Лэйк, мы еще поговорим обо всем этом позже.

— Благодарю тебя за помощь, Саира, — не дрогнув, отозвалась царица.

Та только забормотала что-то себе под нос, бросая на нее яростные взгляды. До острого слуха Рады донеслись обрывки ругательств, адресованных Лэйк, причем достаточно цветистых, чтобы запомнить на будущее. Говорила Держащая Щит достаточно тихо, чтобы не слышно было первым, но так, чтобы Лэйк уж точно расслышала. Ухмыльнулась и сидящая рядом Торн, у нее ведь тоже был острый слух благодаря крови сальвага в венах.

Найрин вдруг резко выпрямилась и отрывисто проговорила:

— Пришли! Два прохода открылось недалеко от Зала Совета.

— Отлично, — кивнула Лэйк, поднимаясь на ноги и отодвигая в сторону стул.

Загрохотали отставляемые стулья, одна за другой первые поднимались с мест, чтобы поприветствовать Великую Царицу. Рада и сама встала, чувствуя легкое любопытство. Какой окажется эта Тиена, о которой они все говорили? И решится ли наконец вся эта тягомотина с их собственным пребыванием здесь?

Потом с улицы послышались приглушенные дверью голоса, загрохотали по полу сапоги, и дверь во внутреннее помещение открылась.

Внутри уверенной походкой ступила коренастая широкоплечая женщина с соломенными волосами, слегка прихрамывая на левую ногу. Окружающие Раду первые сразу же низко склонились, поклонилась и сама Рада, исподволь разглядывая вошедших. Светловолосая женщина была одета в белое, как и остальные анай, и на первый взгляд, ничем не выделялась на их фоне. Разве что, выглядела постарше, чем Лэйк и Торн. Но когда Рада присмотрелась к ней, то уловила смутную разницу.

Светлые волосы Великой Царицы были взлохмачены, побиты сединой на висках, не раз ломанный нос свернут набок. У нее был узкий рот и широкая челюсть, а из-под пушистых светлых ресниц смотрели зеленые глаза, и вот они-то как раз и выдавали в ней ту, кем она являлась для анай. Рада никогда еще не видела такого взгляда. Он был спокойным, не тронутым ни единой эмоцией, уверенным, и при этом очень сильным. Глаза буквально просверливали ее насквозь, они смотрели в самую душу Рады, выворачивая наизнанку все ее нутро, и в них плескалась тихая мощь, подобно океанским валам, насквозь пронизанным солнцем. Из глаз Великой Царицы на Раду смотрело существо иного рода, совершенно не похожее на всех людей, которых ей приходилось знать в жизни, даже на бессмертных с их

вечно отрешенным видом. Это было что-то большее.

На лбу ее виднелось вертикальное золотое око. Было оно и у женщины, что зашла следом за Великой Царицей, и Рада сразу же поняла, что она и есть сестра Лэйк, Эрис Держащая Щит народа анай, о которой в становище ходило множество разговоров. Чуть выше Тиены, стройная, тонкая, словно тростник, но при этом с хорошо развитой мускулатурой, которую только подчеркивало обтягивающее ее тело пальто, Держащая Щит выглядела такой же древней и исполненной силы, как Великая Царица. В чертах ее лица кровь Первопришедших причудливо перемешалась с кровью анай: прямые брови и широкая челюсть соседствовали с тонким носом и длинным подбородком, а глаза, глубокие, карие, цвета настоящего чая, смотрели еще пристальнее, еще глубже, чем глаза Великой Царицы. Держащая Щит улыбнулась, взглянув на Лэйк, и теплая мягкость наполнила все ее черты, сделав ее еще красивее и странным образом еще древнее.

— Светлого утра под Очами Огненной, Великая Царица, Держащая Щит анай! Мы рады приветствовать вас в становище Сол! — Лэйк все еще держала голову склоненной, но губы ее уже растянула широкая улыбка.

— Светлого утра, царица, первые, — голос у Тиены был низкий, с приятной хрипотцой. Обежав всех взглядом, она кивнула каждой из первых и спокойно вытянула себе стул из-за стола, не став дожидаться приглашения. Вообще Тиена держала себя здесь как дома, естественно и спокойно.

— Ну здравствуй, царица дель Каэрос! Давненько мы с тобой не виделись! — раздался из-за спины стоящей в дверях Держащей Щит звонкий голос, и мимо нее внутрь Зала Совета прошла высокая женщина с черными как смоль волосами. — Светлого утра, первые!

— Добро пожаловать, Магара дель Лаэрт! — взгляд Лэйк мигом лишился всяких эмоций, и она протянула руку Магаре, пожимая ее.

Рада с интересом разглядывала знаменитую царицу Дочерей Воды. Младшие сестры рассказывали ей, что, по слухам, Магара была любовницей самой Аленны Милосердной, и именно поэтому ей всегда и во всем так везло. Что у нее не было куска мяса в правом плече, который вырвал ящер вельдов в битве много лет назад, что пальцами она запросто могла ломать гвозди, что была жената на разведчице Каэрос и носила в себе кровь сальвага. Ну, отсутствие куска мяса Рада действительно видела: на правой руке Магары черное пальто под горло с воротом стоечкой действительно проседало. Да и что-то волчье было в остром взгляде льдисто-серых глаз, в завитках иссиня-черных волос, спускающихся до плеч, в том, как она двигалась, словно на мягких лапах подкрадывалась к добыче. Что касается всего остального, то на фоне Великой Царицы Магара не смотрелась такой уж героической, как ее расписывали. Да, сразу было видно по лицу и ухмылке, что палец ей в рот не клади, но во всем остальном такая же анай, как и остальные, разве что чуть более уверенно себя держащая, чем большинство разведчиц. И на ее лбу между бровей тоже виднелся золотой полумесяц, как и у Лэйк. Рада решила, что так здесь, наверное, отмечают цариц.

Следом за Магарой в помещение шагнули две Боевые Целительницы анай. Рада узнала их по коротко-стриженным под ежик волосам и вертикальному оку, вытатуированному на лбу черной краской. Одна из них была повыше, широкоплечая, светловолосая и светлоглазая, с морщинками улыбок в уголках глаз и губ. Другая — поменьше, черноволосая в мелкое колечко, с отстраненным взглядом темно-синих глаз, задумчивая и тихая. Последней, кто вошел в Зал Совета, была высокая женщина с ворохом алых кудрей и зелеными глазами. Все ее лицо усыпали веснушки, а губы растянула широкая улыбка.

— Леда! — почти что вскрикнула Найрин, срываясь с места и повисая у нее на шее. На этот раз нимфа наплевала даже на присутствие Великой Царицы и Держащей Щит, а ведь она обычно больше всех ратовала за соблюдение традиций и правил поведения среди анай.

— Здравствуй, неверная! — рыжеволосая Леда поставила Найрин на пол и широко улыбнулась, держа руки у нее на плечах. — А ты все хорошеешь, я смотрю!

— Как давно мы не виделись! Целых четыре года! — Найрин оглянулась, лучась от счастья, и склонила голову перед Великой Царицей и Держащей Щит. — Прошу простить меня, первые первых! Слишком долгой была разлука.

— Брось, Найрин, тебе нечего объяснять, — отмахнулась Эрис, подавая руку подошедшей к ней Саире. — Светлого утра, Держащая Щит Каэрос! Прости, что так неожиданно нагрянули тебе на голову и доставили столько хлопот!

— Вы в вашем праве, первая первых, — не слишком дружелюбно проворчала Саира, отвечая на рукопожатие. — И мы всегда рады видеть вас у себя!

— Почему тебя так долго не было? — меж тем громко спрашивала Найрин у Леды. — Мы уже успели тут столько версий твоего отсутствия настроить, сколько шрамов у тебя на задку от розог Мани-Наставницы!

— Ну, вряд ли столько, — осклабилась Леда, потом нежно взглянула на стоящую рядом с ней Боевую Целительницу с мелкими черными кудряшками. — У нас с Фатих дочка родилась. Я ее вынашивала и ухаживала за ней, и зрячая запретила мне покидать становище Натэль, пока маленькая Айлин не пойдет в Дом Дочерей. Вот потому и не было меня.

— Дочка! Что же ты молчала? — едва не вскричала Найрин, а потом подалась вперед и тепло обняла Фатих. — Поздравляю тебя, зрячая! От всей души поздравляю! Пусть растет такой же умничкой, как ты, и берет поменьше от своей мани.

— Поздно, — гробовым голосом сообщила Леда.

Потом к Леде потянулась и Лэйк, Найрин принялась здороваться с Эрис и Тиеной. Магара спросила о чем-то Неф, и они принялись негромко обсуждать свои дела. А Рада с искоркой только вопросительно переглянулись. Уж чего-чего, а такого Рада точно не ожидала. Она наслушалась рассказов про Великую Царицу едва ли не больше, чем про Магару. Про ее крутой нрав, про силу воли, про реформы, которые она учредила, про ее жену и их дочь, маленькую Эней. Но она никогда не думала, что встреча будет такой теплой, словно старые закадычные друзья сошлись за одним столом.

Погоди, ты ведь и так прекрасно видела собственными глазами, как первые здесь общаются с подчиненными. Никто ни перед кем не лебезит, со своим вопросом может обратиться любая. Даже проклятая Саира выслушивает каждую просительницу, что к ней приходит, каким бы мало-мальски значимым ни было ее дело. Так с чего ты взяла, что отношение к Великой Царице будет сильно отличаться от этого? Но это все равно было странно, непривычно, удивительно. Да даже близкие родственники короля Мелонии не позволяли себе держать себя с ним так, все равно гнули шею и сыпали слащавыми приветствиями, словно это каким-то коренным образом могло изменить их положение при дворе. Здесь же ничего подобного не было, и Рада не была уверена, что когда-нибудь сможет к этому привыкнуть.

Когда первая радость от визита слегка схлынула, и прилетевшие гости расселись вокруг стола, Тиена наконец обратила свое внимание на Раду с Лиарой. Теперь она сидела на противоположном от Лэйк конце стола и глядела прямо на них с искоркой, да так пронзительно, что Рада не нашла в себе сил выдерживать ее взгляд и опустила глаза. Однако

было в Тиене и что-то очень теплое, такое надежное, что никакого страха Рада не испытывала. Просто дискомфорт от чересчур сильного взгляда, от воли царицы, буквально вжимающей ее в пол.

— Я так полагаю, что вы и есть — Рада Черный Ветер и Светозарная Лиара? — в голос Великой Царицы звучало больше утверждения, чем вопроса. Тем не менее, Рада кивнула, как и сидящая рядом с ней искорка. — Лэйк передала мне всю информацию о вас, видимо, посчитав, что именно я должна принимать решение в таком случае. — Она бросила на царицу Каэрос хмурый взгляд.

— Так точно, первая первых, — Лэйк церемонно склонила голову. — В таких вопросах голос царицы клана ничего не решает.

— Вот как? — Тиена недоверчиво вскинула бровь. — А как же мани твоей ману? Ее, если я правильно помню, в клан принимала царица Каэрос, не так ли?

— Здесь другое дело, первая первых, — настаивала Лэйк. — Они несут в груди дар Небесных Сестер, хоть и не рождены в Данарских горах. — Все вновь прибывшие с интересом воззрились на них с искоркой, и Рада заерзала под этими взглядами. Терпи! Зато они сейчас все решат, и ты получишь определенность, о которой так мечтала. — К тому же, — продолжила Лэйк, — есть и некоторое затруднение, которое необходимо решить прежде, чем выносить решение о том, остаются они здесь или нет.

— Это я помню, — кивнула Тиена и повернулась к Раде. — Лэйк упоминала, что у тебя двое детей в Мелонии? Девочка и... мальчик? — незнакомое слово далось ей с явным трудом.

Магара прищурилась, как только отзвучали слова Великой Царицы, и ее цепкий взгляд впился в Раду. Смотрела она так, будто придумывала, как бы использовать эту информацию в своих интересах, и Рада теперь поняла, почему все остальные анай опасались Магару. Судя по всему, она была не только умна, но и изворотлива, словно гадюка. Проклятье, только вот этого мне сейчас не хватало для полного счастья! Привлечь внимание бабы, которую тут все боятся, как огня. Вслух же Рада сказала:

— Да, Великая Царица, у меня двое детей.

— И твой сын — Провидец, который принадлежит Марне Деве?

Взгляд Магары стал еще пристальней, и Раде больше всего на свете захотелось прямо сейчас провалиться вместе со стулом на самое дно бездны мхаир.

— Именно так, первая первых.

— Эрис? — Тиена взглянула на Держашую Щит.

Это было так странно, что у Рады едва рот не открылся. Они молча смотрели друг на друга, не произнося ни единого слова, но воздух вокруг них едва не вибрировал, плотный и тяжелый. Остальные сидящие за столом затихли, глядя на них с благоговейным трепетом, а Лэйк даже склонила голову и тронула лоб костяшками пальцев. Так продолжалось несколько невыносимо долгих мгновений, и Раде уже подумалось, что они и вправду общаются без помощи слов. Потом Эрис повернулась к Раде, и в глазах ее была мягкость и тепло, переливающаяся могучая сила, которую та легко сдерживала за густой пеленой ресниц.

— Я чувствую, что ты хочешь остаться у нас, но тебя тянет домой. Это понятно, у меня самой есть дочь, и я знаю, что такое — любовь к ней. Но Великая Мани Эрен не просто так привела тебя в наши земли, и лучше будет для тебя, чтобы ты осталась с нами и завершила свое обучение. Если мы позволим тебе забрать сюда своих детей, ты согласишься остаться с

нами? Твой сын может поселиться в Роще Великой Мани. Там достаточно уединенно, чтобы никто не тревожил его и не отрывал от общения с Марной. Твоя дочь сможет расти среди анай, в клане Каэрос или в Роще, как ей самой захочется.

Рада вдруг оробела. Она и сама не раз и не два задавала себе подобные вопросы, раздумывала о том, что можно было бы забрать детей сюда и не тревожиться о них больше. Но Эрис смотрела не на нее сейчас, Эрис смотрела в нее и даже еще глубже, во что-то, что двигало Радой. И, видимо, что-то там увидела, раз делала такое предложение. Тебе просто надо решить. Разве это так сложно? Рада взглянула на искорку, которая в ответ смотрела с робким ожиданием в глазах. Ну и что, что всю твою жизнь тебя носило вместе с ветром по степям? Ну и что, что никогда не было места, которое ты звала бы домом? Приходит время, когда дорога упирается в родной порог, и дверь открывается перед тобой. Возможно, это дверь в нечто настолько прекрасное, что ты и представить себе не можешь.

Решившись, Рада вздохнула и твердо кивнула:

— Благодарю вас за предложение, Держащая Щит. Я с огромной радостью останусь с вами, если мои дети будут в безопасности.

— А ты, Светозарная? — глаза Эрис слегка сощурились. — Я чувствую в тебе огромную силу. Я бы просила тебя остаться с нами, даже в том случае, если бы ты не изъявила такое желание сама.

— Я остаюсь вместе с Радой, — кивнула искорка, сжимая ее ладонь. И добавила, во все глаза глядя на Эрис: — Я пришла сюда учиться тому, что хочет мне поведать Великая Мать. И вряд ли во всем мире есть еще какое-нибудь другое место, где мне смогли бы объяснить то, что мне нужно.

— Что ж, решено, — кивнула Тиена, оглядывая их обеих. — Тогда отправляйтесь в ближайшее время. Нам нужно будет время, чтобы подготовить вас к принятию крыльев.

— Крыльев? — переспросила Лиара, а Рада поняла, что задыхается и не может выдать из себя ни звука.

— Да, — кивнула Великая Царица, и в глазах ее промелькнула искорка смеха. — Вы уже достаточно взрослые для этого.

— Великая Царица, а разве Роксана даст нам крылья? — выпалила Рада, и все непонимающе воззрились на нее. — Я имею в виду... Мы же со стороны, мы не анай, мы эльфы. Лиара-то ладно, у нее есть сила крови Первопришедших, но я всего лишь из Высоких, и я вообще ничего не могу, кроме как мечом махать.

На этом поток ее слов иссяк, и она замолчала, уставившись в стол. Проклятье, ну почему в детстве меня не учили всем этим штукам? Слушать ветер, сливаться с деревьями, грезить... Впервые в жизни она жалела о том, что не знала, каково это — быть эльфом.

— Зрячая Найрин тоже не анай, — негромко заговорила Эрис, и Рада вскинула голову, глядя на нее с ожиданием. Глаза Эрис улыбались. — Как не была анай и мани моей мани, а крылья-то у нее были. Великая Мани не просто так привела вас в эти горы, к нам. Значит, Она даст вам и крылья. Верь в это, Черный Ветер.

Рада склонила голову в поклоне. Было что-то в словах этой женщины, что заставило ее поверить. Странное дело, все они жили на первый взгляд так беспечно, доверяя себя целиком и полностью своим Небесным Сестрам, в которых верили. Все они считали, что чудо обязательно случится, и еще более странным образом это чудо действительно случалось. Тебе ли сомневаться? — украдкой спросил внутренний голос. Вспомни, как ты сражалась с Сагаиром. Вспомни, как Великая Мать провела вас через Землю Огня, вспомни

все, что случилось с вами за последнее время. Неужели ты чем-то отличаешься от этих анай? В груди ёкнуло, и Рада внезапно улыбнулась самой себе. Разве что, я посимпатичнее немного. А так — все то же самое.

Эрис обратилась к Найрин:

— Поведешь их через Грань, зрячая. Заодно посмотришь на те края, о которых они все время рассказывают, взглянешь, как живут люди за Эрванским кряжем, — что-то любопытное прозвучало в ее тоне.

— Как прикажешь, первая первых, — нимфа вскинула на Эрис лукавый взгляд. — Может, ты бы и сама хотела отправиться вместе с нами в этот поход? Ты знаешь, я достаточно сильна, чтобы и троих провести.

— Мое место — в Роще Великой Мани, — спокойно отозвалась Эрис. — К тому же, на обратном пути тебе, возможно, придется вести еще и двух детей Рады, и я не хотела бы создавать трудностей для передвижения через Грань.

Рада прищурилась, глядя на Эрис. Почему она сказала «возможно»? Ведь они, кажется, решили уже, что Рада заберет с собой своих детей. Но Эрис уже повернулась к Лиаре и негромко обратилась к ней:

— После того, как вы примите крылья в Роще Великой Мани, я просила бы вас обеих задержаться у меня на какое-то время. Мне хотелось бы узнать тебя, Светозарная, расспросить о многом. Возможно, этот разговор даст нам обоим гораздо больше, чем мы предполагаем.

— Как прикажете, первая первых, — склонила голову искорка. — Я с огромной радостью расскажу вам все, что знаю.

— Вот и славно, — удовлетворенно кивнула Великая Царица. — Думаю, стоит отпустить вас собираться в путь. Нам еще нужно обсудить с Лэйк послание Тьярда и то, какое решение касательно него мы примем.

— Конечно, Великая Царица, — согласилась Лэйк.

Найрин поднялась и кивнула Раде с Лиарой головой в сторону двери. Раскланявшись перед Советом, они тихонько вышли в сени, накинули на себя дубленки, и уже через минуту метель почти что полностью ослепила Раду, набросившись на нее, словно разъяренный зверь.

— Не стоит откладывать наше путешествие, так что я зайду за вами через полчаса, — проговорила Найрин. Глаза у нее поблескивали живейшим интересом. — На самом деле Эрис права, и я страсть как хочу взглянуть на ваши земли. Слишком уж много мы о них слышали, и большая часть всего этого, скорее всего, брехня.

— Не думаю, что тебе там понравится, зрячая, — с сомнением в голосе покачала головой искорка. — Там — совсем не то, что у вас.

— Вот и посмотрим. А теперь идите, собирайтесь. Да и мне тоже кое-чего надо прихватить, — махнув рукой, Найрин раскрыла крылья и взлетела, почти сразу же слившись с белым ворохом падающих с неба мух. Крылья у нее были серебристые, как и волосы.

Приобняв искорку за плечи, Рада направилась в сторону дома, чувствуя себя странно опустошенной. Она только-только успела привыкнуть к Данарским горам, и вот опять, назад, в Мелонию. Какой прием ее там ждет? Ты же просила определенности, вот тебе определенность. А то, что она тебе не нравится, — уже твои собственные проблемы.

— Ты беспокоишься из-за нашего пути, Рада? — приглушенно спросила искорка, глядя на нее и прикрывая нос полой дубленки от секущего лицо снега.

— Я беспокоюсь только за своих детей, — проворчала та в ответ. — Как только они будут в безопасности, все будет в порядке.

Ей очень хотелось верить, что так оно и будет.

==== Глава 33. Чужой мир =====

Окружающий пейзаж вокруг расплывался, превращая очертания конкретных объектов в размытые пятна, что скользили по краю зрения, не задерживаясь надолго. Найрин шагала вперед, чувствуя теплую ладонь Рады в своей руке. И не могла не оборачиваться, глядя на странное зрелище, которое обе чужеземки представляли собой за Гранью.

Лиара светилась, сияя, будто собранный в одну точку свет миллиардов звезд. Здесь она была выше, чем в реальном мире, настолько красива, что смотреть на нее было больно, а глаза ее светились, став огромными и впитывающими в себя весь окружающий мир. Могучие волны силы расходились от нее во все стороны, заставляя пространство буквально колебаться, словно круги на воде от брошенного камня. Найрин уже видела такое: когда водила Эрис за Гранью, где та представала глазам сопровождающих в своем истинном облике. И все равно это было непривычно.

Рада выглядела иначе. Все ее тело охватывало рыже-алое, очень похожее на огонь свечение, а из середины груди лился золотой, почти солнечный свет. Каждый раз, как Найрин смотрела на нее, ей мерещилась за ее спиной еще более высокая объятая языками пламени фигура, положившая ладони ей на плечи. Найрин знала, кто это, и с трудом давила в себе желание пасть ниц под взглядом этих огненных глаз. И только отворачивалась, делая следующий шаг, гася в себе удивление и благоговение, чтобы вибрации эмоций не привлекли к ним внимание сущностей. Хотя, чего им сейчас было бояться? Кажется, они находились под столь могущественной защитой, что могли бы даже в пляс пуститься на размытых просторах мира тонких сущностей, и все равно никто не посмел бы даже приблизиться к ним, не говоря уже о том, чтобы причинить вред.

Неужели они есть те двое из четверых, которых я видела в своем видении? Рада, видимо, Сила, а Лиара? Любовь? Найрин колебалась. Она не была уверена в том, что именно так и обстоит дело, хоть все и выглядело слишком похоже. Они явились из ниоткуда, буквально как снег на голову свалились на анай, они учились так быстро, как даже сама Найрин, будучи девочкой, не могла. И в них было стремление, безумное, горячее, как выкативший глаза, почуявший битву жеребец, чью грудь разрывает тяжелое дыхание. Стремление к тому, чему они сами не могли дать названия. Найрин уже видела это в своей жизни и не раз. Когда глаза Лэйк полыхали диким огнем, и она шла на Последнюю Епитимью, когда Торн закрывала своей грудью Источник Рождения, пока Найрин колдовала над ним, пытаясь спасти народ анай от орды дермаков. И все же даже несмотря на все это, до конца Найрин уверена не была. В самой ее груди не было того чувства правильности, когда дорога сама ложится под ноги, когда чувствуешь себя в полной безопасности, даже если висишь над пропастью, с трудом цепляясь за рвущиеся одна за другой тонкие былки на самом ее краю. И если же они не те двое, то что же в них тогда? Кто же они?

Слишком много раздумий, слишком много неуверенности, неизвестности. Найрин никогда не любила находиться в таком состоянии. Лучше уж было, когда они точно знали, с чем бороться, пусть это что-то и было гораздо могущественнее их самих. Но когда у тебя не остается никакого выбора, когда единственная возможность — сражаться до конца, тебя уже просто невозможно остановить. А сейчас такого ощущения не было, лишь подвешенность, мучительное ожидание какого-то слома.

Мимо нее медленно скользили силуэты громадных черных гор. Каждый раз, как нога ступала на землю, горы стабилизировались, поднимаясь вокруг кольцом стен. Стоило только оторвать ступню от земли и шагнуть дальше, как горы смазывались, плыли, будто кто-то размазал кистью только что нанесенный на бумагу рисунок. Буквально несколько шагов, и горы пропали, сменившись темными силуэтами колеблющихся деревьев.

Найрин знала лишь направление: северо-восток, и ничего больше. Рада затруднялась сказать, как далеко они должны пройти, сколько им стоит двигаться. Несмотря на то, каким размытым все выглядело за Гранью, в этом мире тоже были свои законы, и один из них гласил: один шаг здесь — сто и один шаг в реальном мире. Но сколько таких шагов нужно было, чтобы пересечь Роур? Или чтобы перевалить через Эрванский кряж? Какие-то горы мы только что миновали. Надеюсь, это и был тот самый кряж. Больше-то в этом направлении горам взяться неоткуда.

Несмотря на отсутствие четких цифр, Найрин все равно считала шаги. Так легче было хотя бы отследить время, которое они проводили за Гранью. Само ощущение времени размывалось в этом странном мире тонких форм и текучих объектов, и внутренние часы Найрин уже не работали. Оставалось только считать шаги и внимательно осматриваться по сторонам.

Сквозь ее собранность и уверенность прорезалось и любопытство. В своей жизни она видела не так много земель, да и большую часть — мимолетом. В памяти всплывали редкие обрывки каких-то картин из ее детства в северной оконечности Аманатара, где у отца и матери был маленький домик на берегу ручья. Гораздо ярче Найрин запомнились леса вокруг развалин Кренена и неприютный Роур, в котором без конца дули и дули холодные ветра с востока. Несколько раз она бывала с посольством в Эрнальде, городе вельдов, и с любопытством рассматривала там каждый камень, очень уж непохож был этот город на то, к чему она привыкла. Но никогда еще Найрин не видела людские города по ту сторону Эрванского кряжа, и теперь любопытство буквально распирало ее, прорастая зелеными ростками сквозь сосредоточенность на потоках энергий Источников, что наполняли ее.

Лиара все время твердила, что Срединный Этлан — не самое приятное место, и Найрин никак не могла понять, почему она так думает. Все, что анай знали об этом регионе до прихода из-за Эрванского кряжа чужеземок, уместилось бы на пару страниц текста, написанных убористым почерком. История о первой войне с Кроном и Ирантире, история о Танце Хаоса. Ровно столько рассказали им Анкана, Дети Ночи, что явились так вовремя и помогли выиграть Великую Войну. Еще буквально несколько песчинок добавил и Хранитель Памяти вельдов, раскопав в подвалах Небесной Башни Эрнальда какие-то древние рукописи. Рада с Лиарой значительно расширили это количество информации, поведав о странах, народах, обычаях и вере низинников. Конечно, то, что они рассказали, не выглядело слишком привлекательно. Если Найрин все правильно поняла, то низинникам больше всего на свете нравилось лить свою собственную и чужую кровь, сражаться друг с другом по любому достаточно весомому поводу, торговать, причем чем угодно, в том числе и друг другом. Но это нисколько не удивляло ее. Анай тоже долгое время сражались с кортами, не говоря уже о периодически вспыхивающих межклановых столкновениях, так что ничего незнакомого она в этом не видела.

Правда вот, ощущение, которое исходило от Рады с Лиарой поначалу, как только они пришли сюда, было очень странным. В меньшей степени это ощущение присутствовало в вельдах, что пока еще затрудняло контакт между их народом и народом анай. Некая

инаковость. Если бы Найрин попросили объяснить это в простых словах, она бы привела сравнение, что все время приходило на ум, стоило ей лишь взглянуть на Раду. Казалось, что кто-то набросил на нее капюшон из фальши, совсем тонкий и прозрачный, но все-таки непробиваемый, как гранит. Причем, это была не ее фальшь, а чужая, и она мучила Раду, заставляя ее видеть весь мир в искаженном виде, постоянно ожидать подвоха, постоянно дистанцироваться и не доверять, считая всех вокруг если не врагами, то уж точно не друзьями. У Лиары этого было меньше, но все же, и у нее тоже присутствовал этот капюшон, хотя в последнее время в нем появились значительные бреши. Что это значило? Почему от них шло такое ощущение?

Наверное, это сильнее всего интриговало в них Найрин. Сама она привыкла к анай, которые всегда говорили прямо о своих эмоциях и мыслях, которые действовали сообща и во благо всего клана. Народ был для них превыше всего, он был величайшей ценностью, а его благополучие — единственной целью. Рада и Лиара не понимали этого, глядя на них огромными глазами и удивляясь тому, что все обстояло именно так. И говорили, что ничего подобного нет по ту сторону Эрванского кряжа, что было уже дико для самой Найрин. Как можно было не чтить собственный народ? Ведь его благополучие — залог твоего собственного благополучия, его выживание — залог твоего выживания. Или там все было иначе? Но как такое могло быть?

Чем дольше Лиара с Радой жили среди анай, тем тоньше становился этот самый капюшон искажения, исподволь разрушаясь. Недоверие пропадало из глаз Рады, Лиара все больше и чаще улыбалась, они подпустили к себе анай, они начали общаться, делиться, охотно шли на контакт. Но настороженность все еще держалась, как стойкий сорняк, который как ни вырывай из земли, а все равно прорастет рано или поздно, когда ты меньше всего будешь этого ожидать. Найрин даже не знала, уйдет она, в конце концов, или нет. Ее не было лишь в минуты совместных медитаций, когда они сидели с закрытыми глазами, все глубже погружаясь внутрь дара Роксаны. Тогда Найрин чувствовала их обеих напрямую, спокойными и уравновешенными, не колеблемыми ничем. Но стоило им открыть глаза, как они снова обрастали льдом, дистанцируясь от всех остальных.

Могло ли такое поведение быть следствием их жизни за Эрванским кряжем? И если да, то в тех краях, должно быть, вообще жила лишь одна ложь, пропитывающая насквозь все, раз она пропитала даже этих двоих, в которых Роксана раскрывала Свою волю. И как же, должно быть, там душно! Как можно жить в этом краю? Найрин не верилось, что все может быть именно так, потому она и хотела взглянуть на все своими глазами, чтобы понять, с чем им рано или поздно придется столкнуться. Ведь придет день начала Танца Хаоса, и Тиена, как и поклялась когда-то, выведет анай из-за Эрванского кряжа, чтобы поддержать Аватар Создателя. И тогда анай придется нос к носу встретиться с миром за его пределами, а это так или иначе повлияет на них, как повлияла и Великая Война. Смогут ли они сохранить свои души чистыми в мире из лжи? Смогут ли остаться самими собой?

Найрин задумчиво смотрела перед собой, перестав замечать скользящие вокруг силуэты холмов, поросших лесами, которые то и дело сменяли поля. Все анай когда-то очень боялись и изо всех сил сопротивлялись переменам, которые принесла им Великая Война. Но эти перемены делали их сильнее. Еще каких-то двадцать лет назад, когда сама Найрин только-только попала в становище и училась вместе с другими Дочерьми, все было совершенно иначе. Кортов люто ненавидели, их убийство считалось великой честью и угодным Богиням делом. Сальвагами пугали детей, рассказывая об их свирепости и ярости. Эльфов из

Аманатара презрительно именовали низинниками, считая, что у этих народов нет чести, и что они размножаются подобно скоту. Да и сами кланы враждовали друг с другом, постоянно ища повода для открытого столкновения.

И что же они получили теперь? Мир между всеми вышеперечисленными народами, взаимные торговые договора. Сальвагов, что согласились пасти стада анай на высокогорных пастбищах и освободить руки Ремесленницам, что пригоняли дичь к становищам, когда зимой становилось туго с едой. Обмен, заключенный между всеми кланами анай, подрастающее поколение, которое уже совершенно не понимало, почему раньше Каэрос и Лаэрт сражались друг с другом. Великую Царицу, официально ставшую главой народа, которой присягнули на верность царицы всех четырех кланов. Рощу Великой Мани, где происходило что-то невиданное и неслыханное для всех анай, и каждый раз, как Найрин прилетала туда, эти изменения становились все виднее.

До Войны каждый клан присылал на содержание двора Великой Царицы долю в урожае и ремесленных товарах, Воинов, Ремесленниц, Жриц и Способных Слышать. Объемы этой своеобразной дани были строго оговорены, и сверх меры Великая Царица требовать для себя не могла. Тиена же провозгласила добровольные жертвования, призвав тех сестер, что устали от войны, жить в Роще Великой Мани и помогать отстраивать сожженные ондами руины, не принося ей никаких клятв и не возлагая на себя обязанностей. Просто жить и помогать, коли им так хочется. Многие сестры захотели этого, и население Рощи быстро росло, а вместе с ним появились и дети.

Это уж было совсем невиданно и дико для всех анай. Да, беременные женщины всегда улетали в Рощу, чтобы получить благословение Великой Царицы, но рожать детей там строжайше запрещалось. Тысячелетиями в Роще не было ни единого ребенка младше восемнадцати лет: именно в этом возрасте анай впервые отправлялись туда, чтобы получить крылья. Теперь же по укромной долине под Источником Рождения с хохотом носились десятки маленьких Дочерей, для их обучения уже выстроили Спальни и Дом Дочерей, их родители имели возможность общаться с ними столько, сколько им того хотелось.

Тиена провозгласила Рощу местом, свободным от всех предрассудков и всех клановых, кастовых, возрастных запретов. Анай, что жили в ней постоянно, считались людьми Великой Царицы, представителями всех кланов и ни одного в отдельности. Потому и рожденных в Роще дочерей анай купали в тех стихиях, в которых желали того их родители, придавая дару Богинь в их груди необходимые свойства. Но были и такие, в основном из Раэри, кто присягал на верность Великой Царице, отказываясь от своего происхождения и клана. И их детей купали во всех четырех стихиях, как представителей общности анай, а не одного клана. Благословляла их сама Великая Царица, и у таких малышей на лбу тоже появлялось само собой золотое око, как у цариц, первыми присягнувших Тиене на верность.

Таких детишек пока еще было совсем немного, не больше пары десятков, но все больше и больше родителей в Роще просили искупать их детей во всех стихиях и сделать их представителями всего народа. Пока непонятно было еще и то, какие у них будут крылья: прошло всего восемь лет, и они еще были достаточно малы, чтобы получать их. Однако эти дети уже умели вызывать огонь и воду, оборачиваться в воздух, уплотнять свое тело, подобно граниту. И в груди Найрин звенела, разрастаясь, пьянящая радость. Вновь что-то волшебным образом менялось для анай, вновь они становились иным народом. Как когда-то царица Крол создала на обломках народа гринальд новую расу, так и теперь Тиена ковала из анай что-то иное. И Найрин буквально замирала от невероятного, сводящего с ума ощущения

мощи, которая рождалась в Роше Великой Мани.

Пройдет еще пара десятков лет, и мы станем иными. Не будет уже клановых различий и розни, не будет отчужденности и замкнутости. Будут крылатые женщины, жонглирующие стихиями, будто разноцветными шариками, будет великая сила, которой суждено сразиться в Танце Хаоса и Конце Мира. Не потому ли так много лет мы сидим без дела, Огненная? Не потому ли, что Тебе нужно, чтобы мы изменились?

Странное дело, но с приходом Рады с Лиарой то уныние, что владело Найрин в последние годы, отступило. Все анай ждали возможности выйти на Танец Хаоса, все твердили о славе и чести, о подвиге, который совершат во имя мира, но не было выхода их энергии и той силе, что ворочалась в их грудных клетках, заставляя с ожиданием смотреть на восток. И приход этих двух чужеземок, принесших хоть какие-то вести, хоть какую-то, пусть пока еще и очень слабую, но все же, определенность, заставил всех, включая саму Найрин, почувствовать себя лучше. Первый камушек, упавший с горы, который однажды породит лавину. Первое дуновение весеннего ветра.

Даже Лэйк приободрилась. В последние годы она все больше замыкалась в себе, отмалчиваясь и то и дело, не отдавая себе отчета в том, что делает, посматривая на восток. Она тоже ждала, она-то, наверное, ждала больше всех. Ведь именно она первой поклялась выйти на Танец Хаоса. И она была царицей войны, а не мира, даже, несмотря на то, что управление кланом давалось ей легко и вполне продуктивно. Каэрос быстро восстанавливали свою численность, распахивали заброшенные с войны земли. Возобновилась торговля, отстраивались разрушенные ондами форты, становища и селения, все больше Младших Сестер каждый год получали крылья. Вдвоем с Саирой они прекрасно руководили кланом, но Найрин чувствовала звенящую звериную тоску внутри Лэйк. Она никогда не была привычной к миру, она не могла жить без дела, без цели, что сжигала бы ее изнутри, вынуждая преодолевать все препятствия, совершать невозможное. И после победы в Великой Войне такой целью стал для нее Танец Хаоса.

Скоро придет наше время, Огненная, я больше не сомневаюсь. Я никогда не сомневалась в Тебе и Твоей воле, но дала слабину, поддавшись скуке и унынию. Скоро Ты вновь позовешь нас на битву, Грозная, и подаришь нам что-то новое, что-то неопишное. Я знаю, что воля Твоя рано или поздно свершится. Я знаю, что видела в Источнике Рождения, и жду, когда это время настанет.

Найрин так глубоко ушла в свои мысли, что даже вздрогнула, когда ее ладонь настойчиво дернули. Обернувшись, она увидела лишь размытые силуэты Рады и Лиары, но ладонь ее вновь дернули, уже сильнее. Здесь говорить они не могли: за Гранью не было звука в привычном понимании, а это означало, что они должны выйти в реальный мир, чтобы иметь возможность перемолвиться словом. Да и шагов своих Найрин насчитала уже столько, что они вполне бы уже должны быть на той стороне Эрванского кряжа, ближе к Мелонии, куда они и собирались. Не будет ничего худого в том, чтобы выйти и оглядеться по сторонам, чтобы Рада смогла сориентироваться и сказать, куда двигаться дальше.

Вздохнув, Найрин призвала в себя энергию Источников. Как и всегда, ощущение было вечно новым, непередаваемым, таким пьянящим. Мощь, kloкочущая, наполняющая каждую клетку звенящей силой, радость столь великая, что хотелось запрокидывать голову и смеяться, подставляя лицо солнцу. Вечное кипение, бурление, дрожание энергии, что создала мир, молчаливая тишина и сладостное счастье сознания, что вдохнуло жизнь в этот мир. Скорость столь высокая, что кажется статичной, наполняющая все тело жаждой жизни,

усиливающая восприятие до предела, когда буквально каждая частичка того, чем была Найрин, трепетала от наслаждения в прямом контакте со всем вокруг.

Вытянув несколько энергетических нитей из Источников, Найрин принялась создавать точку выхода. Это было сложнее, чем делать точку входа, работала она с изначально вывернутыми потоками, которые, сложившись в рисунок, выворачивались в обычное положение. Но уже не в десятый и даже не в сотый раз она создавала врата перехода, а потому управилась быстро, как и всегда.

Вертикальная щель сверкнула перед ней, разворачиваясь в прямоугольник прохода, серый, с дрожащими краями, идущими волнами. По другую его сторону было темно, в реальном мире давно уже настала ночь, и лишь черные силуэты деревьев проглядывали на фоне чуть более светлого снега. Для ее глаз они казались чересчур твердыми, чересчур чужими здесь, в мире тонких форм. Найрин сделала шаг вперед, ощутив, как каждую клеточку тела наполняет пламя, как в нее буквально вливают раскаленную магму. Так было всегда, потому что физический мир был вещественнее тонкого, и при выходе из перехода через Грань, во всяком случае, для Боевых Целительниц, тело ощущало сильное трение и, как следствие, жар.

Она выступила наружу из перехода и сразу же провалилась по колено в сугробы. Следом за ней вышла Рада, судорожно вздохнув и едва не оступившись, а потом и Лиара, как всегда спокойная и приветливая. Вздохнув, Найрин отпустила их руки и позволила рисунку перехода схлопнуться, закрывшись внутрь. Наложив ровные стежки на разорванную часть реальности, она удостоверилась в том, что точка выхода запечатана хорошо, и только после этого огляделась.

Они стояли в глубоком снегу посреди темного леса, кажущегося вымершим и неприветливым в такой час. Здесь было чуть теплее, не так морозно, как в Данарских горах, да и снег поднимался всего лишь до колен, а Найрин привыкла к завалам глубиной до бедра. Небо над головой было чистым, и оттуда вниз мерцали серебристые звезды. Найрин прислушалась к своим ощущениям: пока еще она не чувствовала чего-то необычного, не такого, как в Данарских горах. А чего ты ждала? Что звезды здесь будут другими? Или что небо будет другого цвета?

— Проклятое место! — в сердцах выдохнула Рада, сгибаясь пополам и упираясь руками в колени. Вид у нее был болезненный. — Меня мутит от всего этого скольжения. Хуже, чем на палубе корабля в шторм.

— Тут уж я ничего не могу поделать, Рада, — развела руками Найрин. — Это единственный способ путешествовать быстро, который я знаю. Так что не обессудь.

— Да никто ничего и не говорит, зрячая, — проворчала та, все еще тяжело дыша. — Просто неприятно.

— Где мы? — задумчиво спросила Лиара, ни к кому конкретно не обращаясь и оглядываясь по сторонам.

— Это вы мне скажите, — пожала плечами Найрин.

Лес вокруг выглядел совсем глухим и нехоженым. Ровную поверхность сугробов, подмякших из-за оттепели, пятнали цепочки следов лесных обитателей. Неподалеку под разлапистой елкой на настe виднелось множество мелких пятнышек шелухи: видимо, белки постарались. Тяжелые шапки снега укрывали ветви, порой бесшумно осыпаясь вниз. Лес стоял густо, сквозь подлесок местность просматривалась не больше, чем на пару десятков метров. И на всем этом лежала тишина, не прерываемая ни единым звуком.

— Я видела, как мимо мелькнули горы некоторое время назад, — с трудом сглатывая, проговорила Рада. — Думаю, кряж мы миновали. Раз здесь лес, то мы точно не в Лонтроне. Никаких изменений я не чувствую в воздухе, значит, мы и не в Лесном Доме. То есть получается, что это или Ишмаил, или Андозабар.

— И это значит?.. — вопросительно подняла брови Найрин, не договорив.

— Это значит, что нам дальше на северо-восток, но теперь надо больше к востоку брать, зрячая, — глухо проговорила Рада.

— Я бы все-таки предложила уточнить, где именно мы вышли, — Лиара слегка нахмурилась, прислушиваясь к чему-то, слышимому только ей. — Может, даже удастся купить карту местности. Кажется, так тебе будет проще просчитать наш дальнейший путь, зрячая.

— Не имею ничего против, тем более, что сегодня мы уже достаточно много прошли, и я предпочла бы отдохнуть, — согласилась Найрин.

Скинув с плеча небольшой вещмешок с привязанным к нему одеялом, Найрин вновь Соединилась с Источниками и быстро разбросала снег вокруг них на пятчке в шесть метров в диаметре, прогрела землю, чтобы на ней можно было сидеть, запалила маленькое колдовское пламя, чтобы согреться. Рада с Лиарой не слишком много внимания обращали на то, что она делает. Неудивительно, с ними же путешествовал ведун. Чего им глаза таращить на чудеса?

Уже через несколько минут они втроем сгрудились у пламени, кутая плечи в одеяла и потягивая чай. Найрин в мгновение ока вскипятила воду, прогрела мясо, которое они взяли с собой как раз на случай ночевки в лесу. Только кашу, что пофыркивала в котелке над огнем, моментально сварить она не могла. Уже пробовали и не раз во время самых тяжелых боев на Вахане долгие восемь лет назад, чтобы сократить время на приготовление пищи. К сожалению, такая каша всегда получалась или полусырой, или намертво пришкваривалась ко дну котелка и сгорала в черные угли.

Воздух был достаточно теплым, как и прогретая Найрин земля, чтобы проспать ночь спокойно. Странно, здесь уже начиналась весна. Она задумчиво разглядывала проталины в сугробах вокруг стволов деревьев, снег, что сильно просел под собственным весом, землю под ними, которая уже запахла весной и первыми ростками. И небо здесь казалось как-то ниже, гораздо ближе и тяжелее, словно едва не падало на голову Найрин, насаживаясь на острые верхушки елей и искривленные ветви безлистных деревьев. В Данарских горах снег сходил гораздо позже, до этого времени осталось еще недели три, как минимум, если оттепель в этом году начнется раньше.

— Я чувствую деревню, — негромко сообщила Лиара, сидящая рядом с закрытыми глазами. Говорила она не совсем внятно, уйдя глубоко в медитацию, и очень тихо даже для обостренного Источниками слуха Найрин.

— Далеко? — вскинула голову Рада.

— Километров семь к северо-востоку, — сообщила Лиара, и Найрин невольно покачала головой. Даже Эрис не могла погружаться сознанием так глубоко в землю, ее способностей хватало километров на пять-шесть, да и то, в такие моменты она уже не могла говорить, только невнятно мычала что-то, что никто бы не разобрал. А Светозарная говорила, хоть и тихо, но вполне понятно, да и сидела прямо, не прилагая к этому видимых усилий.

— Деревня людей? — уточнила Рада.

— Да, — кивнула та. — Но я не могу сказать больше. Для этого мы должны подойти

ближе. Пока я только чувствую их, но не вижу.

— Значит, завтра все и выясним, — удовлетворенно кивнула Черный Ветер.

Ночь прошла спокойно. Воздух оставался достаточно теплым, чтобы не отморозить себе пальцы, а сама Найрин дремала в полглаза, следя за ведьминским пламенем на земле и не давая ему потухнуть. С утра они позавтракали вчерашней кашей, разогретой над огнем, выпили чаю.

— Зрячая, не возражаешь против того, чтобы надеть плащ? — во взгляде Рады была неуверенность. — Ты явно выделяешься, а я не хочу привлекать излишнего внимания. Для любой людской деревни визита и двух эльфиек будет достаточно, чтобы об этом говорили еще месяца три кряду.

— А я не хочу, чтобы за мной вдогонку бросалась толпа обожателей, — кивнула Найрин. — Давай свой плащ, я сама хотела предложить.

Найрин вновь создала рисунок перехода, и они двинулись по размытому миру за Гранью, но на этот раз уже имея четкое направление и понимая, сколько нужно пройти. Легко создав точку выхода, Найрин вышла наружу из мерцающего по краям прохода и любопытно огляделась.

Вокруг тянулись заснеженные поля, на которых темнели вдали дома. Где-то брехала собака, ветер тащил от труб параллельно земле серые столбы дыма. Снег под ногами был рыхлым и тяжелым, особенно здесь, где солнцу ничто не мешало прогревать землю. Удивительно, но его лучи были уже достаточно теплыми, чтобы почувствовать это даже сквозь мороз. Найрин с удовольствием прищурилась, подставляя ему щеки. А у нас еще совсем холодно.

— Нам туда, — указала Лиара на северо-восток.

На горизонте виднелась какая-то темная группа строений, небо над которой обильно затягивал дым из труб. Найрин накинула поглубже капюшон плаща, пряча лицо и волосы, запахнулась в его полы и первой поковыляла по сугробам вперед. Глаза с любопытством шарили по округе, подмечая детали.

Поля были отделены друг от друга невысокими каменными изгородями, снег на которых уже почти стаял. Найрин напрягла глаза, всматриваясь в ближайший к ним дом. Крыша у него была не такой острой, как строили анай, крытая соломой, а само одноэтажное строение далеко разрослось вширь, включая в себя, похоже, и хозяйственные постройки. Дом от поля огораживал невысокий плетень, увитый сухими ветками плюща.

— Все еще не пойму, где мы, — недовольно сообщила Рада. — На Мелонию явно не похоже, ну да кто ж его знает? Мне не приходилось бывать на юге страны.

— Сейчас мы все узнаем, — негромко проговорила Лиара.

К тому моменту, как они подошли к ведущей в становище с юго-востока дороге, ноги Найрин уже до самых колен облеплял снег. Намерз он и на краях ее длинного плаща. По привычке смахнув все это потоками Воздуха, Найрин отпустила Источники и притопнула ногами на твердой, укатанной почти в лед поверхности дороги. До становища теперь оставалось не больше пары десятков метров. Дорога прорезала его насквозь, превращаясь в центральную улицу, по обеим сторонам которой стояли дома. Многие из них были каменными с широкими окнами, даже с балконами, а крыши их покрывало... что-то. Найрин прищурилась, пытаясь понять, что это было. Маленькие, наложенные друг на друга глиняные чешуйки. Она моргнула.

— Говорить буду я, — понизив голос, сообщила Рада. — А вы лучше спрячьте лица,

чтобы вопросов не возникало.

— Как скажешь, — кивнула Найрин и повернулась к Лиаре, приглушенно прошептав: — А что это за штука на крышах? Вместо соломы?

— Это? — Лиара моргнула. — Черепица. В городах ей крыты все дома.

— Понятно, — проговорила Найрин, продолжая таращить глаза на невиданное становище.

На улицах появились люди. Они были совсем невысокими, по большей части темноволосыми и темноглазыми, и одеты гораздо теплее, чем предполагала погода. На мужчинах были короткие меховые полушубки, женщины носили длинные меховые пальто, а на головах — шапки из плотного войлока. Кубарем катались под ногами дети, вопя и хохоча, швыряя друг в друга комками снега. Найрин заметила и деревенский колодец под высокой крышей с вырезанными в виде конских голов стрехами.

Местные поглядывали на трех путниц с интересом, но почти сразу же отводили глаза. Странно, но на большинстве лиц было выражение деланного равнодушия, будто они претворялись, что им неинтересно. И все-таки смотрели, искоса, исподволь, словно кто-то запрещал им таращиться на путниц в открытую. Найрин только головой покачала под капюшоном. Возможно, Лиара и была права насчет этого места. Сейчас, по крайней мере, самой Найрин было неуютно.

Окошки домов окружали со всех сторон резные наличники, раскрашенные в яркие цвета. Виднелась резьба и вокруг дверных проемов, и под стрехами крыш. Найрин старалась не слишком крутить головой, чтобы не бросаться в глаза, но все равно посматривала на непривычной формы строения. Потом впереди показалось большое здание со слегка нависающими над первыми этажом еще двумя уровнями окон. Возле него стояли какие-то большие, крытые парусиной телеги, которых сейчас распрягали, тихо переругиваясь между собой, два усталых конюха. Вид у них был такой, словно они не сбрую снимали, а таскали на горбу мешки с землей. Найрин только подивилась.

Рада поднялась по высокому крыльцу и дернула на себя дверь. Изнутри послышались звуки человеческих голосов, музыки, отдельные хриплые выкрики и смех. Голоса по большей части были грубыми, мужскими, словно у людей, давным-давно сорвавших себе глотки от непрекращающихся воплей.

— Подождите меня здесь, — негромко сказала им Рада и исчезла за дверью.

Найрин неловко перевесила на своем плече вещмешок, стараясь сторбиться, чтобы не бросаться в глаза. Здесь она была выше большинства мужчин, особенно ярко это выглядело на фоне маленькой Лиары. Из-за двери здания продолжали доноситься громкие голоса и выкрики, двое конюхов хмуро поглядывали на них с Лиарой, не отрываясь от работы. В воздухе звенело какое-то странное напряжение, от которого у Найрин чесалось между лопаток. Возможно, все было из-за косых взглядов, возможно по иной причине, она не знала.

— Почему никто из них не смотрит прямо на нас, а косится? — едва слышно спросила она, нагнувшись к самому уху Лиары. — У них такой вид, словно они замыслили недоброе.

— Здесь непринято смотреть в лицо, — тихо пояснила та. — И странникам не доверяют, потому что они могут запросто что-нибудь украсть. — Вздохнув, она добавила: — Я говорила, что это не самое уютное место на свете, но мне все равно жаль, что все так.

— Ничего, Лиара, ты ведь в этом не виновата, — пожала плечами Найрин.

Она оглянулась. Несколько мужчин на противоположной стороне улицы поспешно

отвернулись, утыкаясь взглядами в землю и спеша по каким-то своим делам. Две женщины перешептывались у угла одного из зданий, и когда Найрин взглянула на них, резко замолчали. Единственным, кто в упор рассматривал их с Лиарой, был хмурый парень с такими же широкими плечами, как у вельда Бьерна, который будто невзначай вывернул из-за угла высокого здания, куда ушла Рада, и теперь стоял, привалившись спиной к стене. Он жевал что-то, чавкая и гоняя это что-то языком из одного угла рта в другой, и когда Найрин посмотрела в его сторону, сплюнул в снег и будто невзначай положил руку на рукоять привязанной к поясу дубинки.

Неосознанно Найрин развернула плечи. В рукавах были запряжаны ножи, ведь она была не только Боевой Целительницей, но еще и Ночным Лезвием. Если этот парень попытается нарваться на драку, она скрутит его в несколько мгновений, даже не прибегая к помощи энергии Источников. Хорошим бойцом он не выглядел, просто грудой мышц, привыкших к тому, что все его боятся.

— Расслабься, Найрин, — тихонько прошептала Лиара, подступая к ней поближе. — Никто из них не подойдет к нам, если мы сами не привлечем к себе внимания. Нам просто нужно дождаться Раду.

В этот момент дверь здания, возле которого они стояли, распахнулась, и по ступеням, хмурясь, сбежала Рада. Под мышкой у нее был запряжан небольшой рулон пергамента.

— Пошли, — буркнула она, кивнув им головой на дорогу.

Найрин не стала спорить, только обернулась через плечо, когда они двинулись на восток. Парень с дубинкой отлепился от стены и теперь смотрел им вслед, продолжая что-то жевать. Больше никто на путниц не смотрел.

— Мы в Андозабаре, — тихо-тихо проговорила Рада, осторожно оглядываясь по сторонам из-под длинных ресниц. — Эта деревенька называется Гион, и она к северо-востоку от столицы. Содержатель гостиницы продал мне карты, так что мы сможем посмотреть, как нам идти дальше, прикинуть, сколько это займет времени.

— Все в порядке? — с тревогой взглянула на нее Лиара. — Ты какая-то хмурая.

— Еще бы мне не быть хмурой! — проворчала Рада. — Он уставился на меня так, словно Псаря увидел перед собой. Я понимаю, эльфы в такую глухомань редко заезжают, но все же. Вот только торговаться совсем не дурак, кем бы я ни была. Так что денег у нас почти не осталось.

— Деньги — это чтобы покупать еду? — спросила Найрин. Она слышала от вельдов, что в мире за пределами Данарских гор люди обменивают товары на маленькие кусочки золота и других металлов, и это называлось — деньги.

— Да, — недовольно кивнула Рада в ответ.

— У меня есть самоцветы, — Найрин не была уверена в том, подойдет ли это в качестве замены деньгам, но все-таки вытаскала из кармана несколько камешков, которые специально прихватила с собой, чтобы выменять на что-нибудь необычное для Торн. — Это подойдет?

Рада воззрилась на ее ладонь, и лицо у нее вытянулось, а Лиара рядом тихонько охнула.

— Ты спрашиваешь, подойдет ли рубин с аметистом? Не то слово, зрячая! — хмыкнула она. — Правда, в маленькой деревне их никто у тебя не купит, потому что просто золота столько нет, чтобы расплатиться, но в городе мы сможем обменять их на весьма кругленькую сумму.

— Это много стоит? — Найрин с сомнением взглянула на камни.

У себя дома она смогла бы справиться на них комплект одежды, может быть, новые

ножны для меча, но вряд ли что-то большее. Камешки добывали в горах все кланы, и они не слишком-то дорого стоили, но использовались для обмена на ярмарках. Эти остались у Найрин еще со времен победы в Великой Войне, когда Лэйк щедро одарила всех Каэрос, вскрыв запасы царицы Ларты.

— Очень много, — серьезно кивнула Рада. — В этих краях драгоценные камни могут позволить себе только очень богатые и знатные люди. Простой народ довольствуется медяками, в редких случаях — серебром и золотом. А чаще всего стекляшками всякими.

— Вот как, — Найрин опустила камушки обратно в карман, все дивясь на этот край. И что же ей тогда покупать для Торн, раз самоцветы так дорого стоят? Много тащить смысла не имеет, на своем ведь горбу нести, но, значит, можно будет не слишком экономить. Торн ничего и не надо было, она ничего не просила, но Найрин просто хотелось сделать ей приятное.

Они вышли за границу становища и еще некоторое время шли по утопанной в лед дороге на северо-восток. Только дойдя до небольшой рощицы впереди, Рада остановилась под сводами первых деревьев и раскатала прямо на дороге намалеванные на толстом пергаменте карты. Выполнены они были довольно плохо, подписаны непонятными значками, имеющими что-то общее с письменностью анай, но все равно другими. К тому же, карты выглядели так, словно их хранили в хлеву, используя, как подстилку для скотины. Но палец Рады уперся в какую-то точку в самом низу карты и прочертил линию по диагонали до другой точки побольше на северо-востоке.

— Вот здесь мы, а сюда нам надо попасть. Теперь осталось посчитать, сколько это в километрах, и дело с концом.

Найрин сощурилась, пытаясь разобраться в написанном, и Рада с Лиарой начали негромко пояснять ей, что значат те или иные обозначения. Поистине, в этом краю все было для нее чужим и непонятным. Даже проклятущая карта.

===== Глава 34. Под взглядом Марны =====

Узкие улицы Дера выглядели темными и неприветливыми. Из переулков тянуло вонью отбросов и сточными канавами, в ночных тенях воровато передвигались какие-то фигуры, стараясь не вступать в редкие лужицы желтого света от масляных фонарей. Изредка слышалось шуршание крыс среди отбросов или противные надрывные вопли дерущихся котов. Трехэтажные дома нависали над грязной мощеной улицей, темными зевами окон рассматривая Раду, и она поглубже натянула на лицо капюшон плаща. Слежки она не чувствовала, но все равно здесь было неуютно. Особенно по сравнению с последними неделями, проведенными в становище Сол.

Они крались втроем, стараясь держаться как можно ближе к глубокой тени возле домов, обходя фонари, сворачивая в переулки и пережидая, когда мимо маршировали редкие отряды гвардейцев, патрулирующих улицы по ночам. Рада не горела желанием встречаться с ними и при дневном свете, не то, что в сумерках глубокой зимней ночи. Они уже случайно попались на глаза страже сегодня утром, когда только вошли в город, и едва унесли ноги. Оказалось, что приговор Раде все еще в силе, ее ищут, и новый король Мелонии, которым стал Мирад Тан'Камардан, приговорил ее к смертной казни за убийство короля и Лорда-Протектора. Что ж, ничего другого она и не ожидала. Мирад был не лучше Гелата с Аспаром, разве что никогда не пытался тягаться силами с домом Тан'Элиан, потому что побаивался Ленара. И теперь, когда его не стало, ничто уже не мешало ему вынести Раде смертный приговор.

Стражники, правда, не так уж стремились задержать ее. Всем было известно, что

Мелонию она покидала в обществе Алеора Ренона, а кто знает, кто скрывался под капюшоном глубокого плаща Найрин? Нимфа была достаточно высокой и плечистой, чтобы сойти за изящного эльфа, потому, лишь увидев их с Радой, стражники принялись громко улюлюкать, до хрипоты орать им: «Остановитесь именем короля!», но гнались следом не слишком быстро, прогулочной трусцой, явно давая Раде шанс уйти. Зато уже через полчаса по всему городу разнесся колокольный звон набата, из крепости наместника высыпала вся имеющаяся в Дереве гвардия, и теперь группами по десять-пятнадцать человек эти ребята расхаживали по улицам, пытаясь отыскать ее. Правда, задание свое они выполняли из рук вон плохо, видимо, тоже были наслышаны про Алеора. Гвардейцы прочесывали только самые широкие и хорошо освещенные улицы, а от прячущихся в проулках теней старательно отводили глаза, предпочитая не замечать, что там кто-то есть.

Ночь была промозглой и сырой, холодный ветер с окружающих Дерев гор пронизывал буквально до костей. В этих краях тоже приближалась весна, и ее прикосновение было даже ощутимее, чем на юге, из-за бесконечных влажных ветров, долетающих с побережья Северного моря. Запах мокрой земли порой заполнял ноздри Рады, перебивая даже вонь отбросов, и она с наслаждением вдыхала его полной грудью. Эту весну я встречу в становище Сол, среди анай. Закончу все свои дела здесь, поставлю уже точку наконец, и буду свободна, как птица.

Издали по пустым улицам прокатилось эхо шагов стражи. Облачившиеся во все свои брони гвардейцы громыхали, словно пьяный гном, буздящий на кухне своей жены. Рада подозревала, что они специально создают как можно больше шума, чтобы их было слышно издали, и она могла уйти прочь с их пути. Никому не хотелось драться с Тваугебиром.

Кивнув головой спутницам, Рада скользнула в ближайший проулок. Каблуки сапог поехали на склизкой каше из остатков снега и отбросов, что щедро выплескивали из окон на улицу местные жители. Взмахнув руками, она с трудом удержала равновесие и с отвращением сплюнула в грязь под ногами. Этот город составлял разительный контраст чистому, продуваемому всеми ветрами становищу Сол. Сам воздух здесь был грязным, и Рада почти физически ощущала, как он пачкает ее изнутри.

Найрин и Лиара догнали ее, бесшумно устроившись в самой глубокой тени возле наглухо забитой досками двери. Чуть дальше по переулку шуршали в кучах отбросов крысы. Отряд гвардейцев промаршировал мимо них, от факелов в их руках на стенах домов плясали тени. Никто из солдат даже не взглянул в проулок, старательно отводя глаза в сторону.

— Рада, я не понимаю, зачем они это делают, — прошептала Найрин, и в голосе ее звучало недоумение. — Если у них есть приказ схватить тебя, то почему они тебя не ищут даже? Стоило бы одному посветить в проулок, и они бы сразу нас нашли. Это нелогично.

— Потому что они не хотят со мной связываться, — отозвалась Рада, выходя из тени и направляясь обратно к улице, с которой они только что свернули.

— Но ведь у них есть приказ, и они его выполняют. Получается, они делают это только для вида? — нимфа говорила так, словно само такое предположение звучало для нее абсурдно.

— Ты совершенно права, зрячая. — Рада аккуратно заглянула за угол. Стражники исчезли за плавным поворотом улицы. Ни один из них даже не обернулся.

— Низинники еще хуже, чем я думала, — проворчала Найрин, качая головой. — Кажется, все те басни, что нам рассказывали про них в детстве, можно считать комплиментом.

— Они просто люди, которые вынуждены подчиняться приказу, потому что получают за это деньги, чтобы кормить свои семьи. И уж точно никто из них не хочет умирать в грязи и отбросах из-за какой-то осужденной эльфийки, до которой им и дела нет. — Рада внимательно оглядела улицу в оба конца и вышла на мостовую. — Идем, уже немного осталось.

— Я никогда этого не пойму, Рада, — приглушенно заявила выходящая за ней нимфа. — Это просто в голове не укладывается. Да, мы когда-то тоже следовали за Лартой, хоть ее приказы и были бредовыми, но она была сильнейшей среди нас, и она нас вела на войну, которая считалась священной. Несвоевременной и губительной для всех, бессмысленной, но священной. Эти же люди служат первому попавшемуся человеку, которого даже не они сами выбрали, получают от него приказы и выполняют их из рук вон плохо. Неужели у них совсем нет чувства собственного достоинства?

— К сожалению, Найрин, оно здесь ровным счетом ничего не стоит, — Рада криво усмехнулась. — Равно как и честь и все остальные вещи, которые имеют такое значение для вас. Здесь важен сытый рот, теплое набитое брюхо и безопасность для собственной шкуры.

— Но почему? — не унималась нимфа. — Ты же говорила, что этот город — резиденция Первого Жреца Мелонии! Здесь же столько храмов, я сама видела! Неужели же их Боги не учат их уважать самих себя?

— Их Богам нет до них никакого дела, — отозвалась Рада. — Равно как и наоборот. Люди вспоминают о них только тогда, когда у них случается беда, безо всякой надежды просят помощи, и не получая ее, в очередной раз убеждаются в том, что все это — пустые рассказы и бред. Что проще заплатить Жрецу, чтобы он молился за тебя, авось и получишь что-нибудь когда-нибудь потом.

— Жрецы берут деньги за молитвы?! — голос Найрин сорвался на фальцет, и громкий звук эхом прокатился по улице, спугнув какую-то кошку, сидящую на крыльце у соседнего дома. Мякнув, кошка растворилась во тьме.

— Зрячая, я понимаю твое удивление, — приглушенно заворчала в ответ Рада, — но ты не могла бы все-таки потише его выражать? Стражники, конечно, больше всего на свете не хотят ловить меня, но если все-таки мы столкнемся с ними лицом к лицу, им придется это делать. А я сейчас не в настроении драться.

— Извини, Рада, — тихо отозвалась Найрин. — Просто у меня это все в голове не укладывается.

— Наш мир совсем не похож на ваш, — грустно проговорила Лиара, обращаясь к нимфе. — Мне очень жаль, но это факт, и вряд ли здесь что-то сильно изменится.

— Может быть, когда начнется Танец Хаоса, они поймут, — в голосе Найрин не слышалось убежденности. — Мы поняли, когда беда пришла в наш дом.

— Вы другие, и для вас все эти вещи имели значение изначально, еще до войны. — Лиара тяжело вздохнула. — Впрочем, рано или поздно мы все узнаем. Нужно просто дождаться начала Танца.

Найрин ничего не ответила, продолжая лишь качать головой. Рада поморщилась. Сейчас она почему-то испытывала горький стыд, который жег ее изнутри. За весь этот город, что казался анай таким грязным, состоящим из лжи и фальши, за саму себя, что она тоже была когда-то представительницей этой страны. И еще раз за саму себя — за такие мысли. Ты удрала, не попытавшись ничего изменить, ровным счетом ничего не сделав для того, чтобы все это стало другим. Понятное дело, что один человек ничего не может сделать с целой

системой, но это не значит, что не нужно пытаться. Это не оправдание. Слабым утешением служило то, что сама она отправилась в Данарские горы, чтобы найти правду и ответ на то, что ей делать. Но это нисколько не отменяло того факта, что пока она не сделала ничего. Я смогу, Великая Мать. Я выполню твою волю. В том числе и для того, чтобы помочь стране, в которой я родилась и выросла.

Их шаги порождали едва слышное эхо на пустой улице. Грязная мостовая медленно взбиралась по дуге и должна была вывести их на самый верх горного перевала, на котором расположился Дер. К боку Перста Маркара справа от Рады прилепился весь состоящий из ровных углов и линий дворец наместника Дера, Лорда Страны Тан'Ганда. На его толстых стенах с узкими бойницами горели через равные промежутки факелы, виднелись фигуры стражников, охраняющих покой четы Лорда. Левее дворца на фоне более светлого неба раскидало во все стороны свои лучи огромное золотое солнце Грозара Громовержца на вершине тонкой башни, самого высокого строения резиденции Первого Жреца Дера. Резиденция лепилась к крутому склону Ятагана, странной формы изогнутой горы, подпирающей звездное небо на противоположном конце города. Заоблачный кряж славился своими непроходимыми ущельями и гигантскими пиками, вздымающимися к самым небесам. А Дер был замком к нему, единственным горным перевалом на Северном Тракте, что соединял Мелонию с Северными Провинциями. Тот, кто владеет Дером, владеет казной, — говаривали в народе, и это была правда. Через этот перевал осуществлялась вся торговля с Северным Материком, его постоянно осаждали мятежные лорды Северных Провинций, в нем стоял большой гарнизон королевских войск на случай вторжения пиратов на побережье.

Именно туда они и направлялись — в резиденцию Первого Жреца Мелонии. На улицах много говорили о Провидце, о его пророчествах, о длинной очереди просителей, что выстраивались ко входу в резиденцию задолго до рассвета, готовые ждать сутками, чтобы услышать предсказание Марны. Правда, Марна предсказывала не всем и уж точно совершенно не то, что им хотелось бы слышать, но количество желающих с каждым днем становилось только больше. Рада и сама видела на улицах Дера южан в ярких одеждах, замотанных по самые глаза лонтронцев, остроскулых быстроглазых северян. Кажется, никогда еще Дер не видел столько чужеземцев, и все гостиницы города буквально трещали по швам, с трудом вмещая всю эту толпу. И все они были здесь, чтобы встретиться с Провидцем.

Учитывая приказ о поимке Рады, друзья не стали останавливаться в гостинице, лишь перекусили купленными Лиарой на рынке продуктами, отсиживаясь в полуразвалившемся сарае за кожевенной мастерской. Пахло там резко и тухло, еще хуже, чем во всем остальном городе, но это играло им на руку: за весь день никто не потревожил их уединения. Наличие толп в городе тоже помогло: стража не стремилась заглядывать под капюшон каждому встречному, ведь он мог и оскорбиться по своим чужеземным обычаям, а в толпе легко можно было затеряться.

Только вот открыть врата перехода прямо в резиденцию Первого Жреца не было никакой возможности: этим они привлекли бы к себе внимание всех ведунов Белой и Черной рук, что как сельди в бочке набились в эту самую резиденцию. А значит, лезть туда нужно было по старинке, постаравшись пройти незамеченными стражей до самого верха башни, в которой отвели келью для Далана. Найрин сказала, что воспользуется рисунком перехода только в самом крайнем случае: если им будет угрожать смертельная опасность, и

придется быстро уходить. И здесь Рада была с ней согласна. У нее был только один шанс на то, чтобы вытащить Далана из резиденции и забрать его с собой. Вряд ли получится повернуть это еще раз.

Если он, конечно, захочет уходить. Рада гнала от себя прочь мрачные мысли, но они все равно так или иначе ввинчивались в голову. Марна ведь могла и не захотеть уводить Провидца из Дера. Под защитой толстых стен крепости, гарнизона наместника и Истинных Жрецов он был здесь в безопасности гораздо большей, чем, кажется, даже в самих Даранских горах. И Рада предполагала, что вполне могло сложиться так, что все ее попытки пойдут прахом, и Далан останется в городе, отказавшись уходить. Но я должна хотя бы попытаться. И попрощаться нормально, не так, как в прошлый раз.

Но об этом она могла поволноваться и позже. У нее и так было достаточно поводов для переживаний. Оставалось только надеяться на то, что никто пока не выяснил настоящего имени Провидца, что никто не знал, чьим сыном он является. Иначе ее появление в городе напрямую связали бы с ним и охрану резиденции Первого Жреца усилили. Этого Рада опасалась больше всего и вздохнула с облегчением, когда они вышли на неширокую площадь перед резиденцией, через которую длинным хвостом загибалась очередь желающих поговорить с Провидцем. Стражников возле запертого на ночь парадного входа в резиденцию было всего двое, и вид у обоих был донельзя усталым. Один оперся на копье, глядя перед собой остекленевшим взглядом, второй вяло переругивался с первыми в очереди просителями, тяжело вздыхая и в который раз уже устало повторяя им, что в такое время Провидец еще спит, и пускать к нему никого нельзя. Кое-кто из ожидающих встречи сидел прямо на каменных плитах площади, расчищенных от снега, низко свесив голову и досыпая оставшиеся часы до рассвета. Другие расхаживали туда-сюда, то и дело поднося к лицу окоченевшие ладони и грея их дыханием. Пронзительный ветер зло трепал плащи людей, дергал за полы курток, мешался в волосах.

Остановившись в тених у здания, Рада окинула площадь быстрым взглядом. Естественно, с парадного входа они пойдут только в самом крайнем случае, если никак иначе проникнуть внутрь крепости не получится. Но у них был и другой план. Еще утром Лиара покрутилась вокруг резиденции Первого Жреца, все внимательно осмотрела и углядела маленькую заднюю калитку, которой пользовались обслуживающие резиденцию работники. Возле этой калитки тоже дежурил стражник, но там он был только один.

— Сейчас мы тихо обойдем площадь, — сообщила Рада искорке с Найрин, понизив голос. — Желательно так, чтобы нас никто не заметил. А дальше, как планировали, зрячая. Согласны?

— Да, Рада, — отозвалась Лиара, а Найрин добавила:

— Веди.

Возле стражников у дверей в резиденцию ярко горели факелы, что сильно ограничивало им радиус обзора. Однако полностью терять бдительность не стоило, и Рада вновь нырнула в глубокие тени под самыми домами. Втроем они не быстро направились в обход площади: просто еще несколько усталых чужеземцев, то ли не успевшие найти себе кров на ночь и теперь слоняющиеся по улицам, то ли желающие поглядеть на Провидца, или просто куда-то направляющиеся по своим делам. Во всяком случае, она надеялась, что именно так они и выглядят со стороны.

Замерзший люд на площади никакого внимания на них не обратил, они гораздо больше были заняты тем, чтобы согреться или хотя бы не растерять последние крохи тепла под

пронзительным ветром. Стражник продолжал пререкаться с желающими видеть Провидца, второй буквально дремал с открытыми глазами, наваливаясь на свое копьё. И все равно Рада каждой клеткой тела ощущала звенящее в воздухе напряжение, пока они не свернули в проулок, ведущий за резиденцию.

Здесь воздух был немного, но чище: Первый Жрец Мелонии явно следил за тем, чтобы никто не гадил в его палисаде. Резиденция темной громадой нависала над ними справа, длинная тонкая башня с массивным солнцем на самом шпиле вонзалась в небо. Слева от нее, почти вплотную, начиналась черная искривленная скала Ятагана, но между ними виднелся узкий просвет, буквально в несколько метров: улочка для хозяйственных нужд прислуги Первого Жреца. В немногих окошках над их головами приглушенно мерцал свет, лишь башня оставалась темной и холодной, будто вымершей.

— Этот город больше похож на форт, чем на обычное становище, — приглушенно сообщила из-под капюшона Найрин. — Отличное место для того, чтобы сдерживать врага. С флангов горы, с севера и юга толстые крепостные стены. Единственное что: его легко отрезать от снабжения, и тогда здесь начнется голод.

— Обычно на него нападают только с одной стороны: с севера, если восстают Провинции, или с юга, если королю не нравится политика местных лордов. Но с двух сторон одновременно брать еще никто не пробовал. Потому голода здесь не было никогда, — рассеяно сообщила Рада, внимательно вглядываясь во тьму впереди.

Тьма была такой густой, что даже ее эльфийские глаза не могли полностью вычленить все детали. Рада видела только очертания каких-то крупных предметов, судя по размеру, то ли повозок, то ли фургонов. Нахмурившись, она вгляделась еще внимательнее. Где-то там должен быть стражник, и будет лучше, если их приближения он не заметит до тех пор, пока они не окажутся прямо у него под носом.

— Искорка, калитка далеко? — наконец спросила она, так и не сумев ничего разглядеть.

— Нет, не далеко, прямо за первой телегой, — сообщила та, и Рада удивленно обернулась к ней, пытаясь понять, как она хоть что-то видит в этой темнотище. Глаза Лиары приглушенно светились серебром, как у ночного хищника. — Давай, я пойду первой, провожу вас.

— Иди, — кивнула Рада, нащупывая во тьме ее ладонь.

Стараясь двигаться как можно тише, они покрались возле самой стены резиденции гуськом, следом за Лиарой. Завывающий в узком переулке ветер уносил прочь тихое шуршание их шагов, и Рада должна была признать, что сейчас производит гораздо больше шума, чем все остальные. Найрин двигалась так, будто у нее вместо ног были мягкие кошачьи лапы, а искорка вообще шла над каменной мостовой, по тонкой прослойке из воздуха, которую она создала, чтобы не шуметь.

Они осторожно обогнули телегу, и впереди в темноте что-то шевельнулось. Рада не успела даже и слова вымолвить, как резкий мужской голос напряженно окликнул их:

— Кто здесь? Стойте, иначе буду стрелять!

— Найрин? — позвала Рада.

Тяжело вздохнув и недовольно проворчав что-то, нимфа вышла вперед и сбросила капюшон. Приглушенный свет звезд упал на ее серебристые волосы, крохотными капельками росы собрался на длинных темных ресницах. Рада и сама на миг ощутила, как плывет все перед глазами от ее красоты. словно лунный блик на глади ночного пруда,

словно белая кувшинка на черной воде, Найрин двинулась вперед плавно и мягко.

— Грозар Пресветлый! — донеслось из темноты, а потом послышался громкий звон железа о мостовую, когда охраняющий дверь стражник выронил копье.

— Ты отведешь нас внутрь башни так, чтобы никто не заметил, — приказала нимфа в темноту, и оттуда послышался приглушенный лепет:

— Как прикажешь, незнакомка! Я отведу тебя, куда захочешь. Только прошу тебя, следуй за мной, не уходи! Никогда под небесами еще не рождалось женщины краше тебя! Никогда еще мои глаза не видели ничего более светлого, более чистого!..

— А это удобно! — хмыкнула Рада, пристраиваясь за плечом Найрин. — И не пришлось никому голову разбивать, чтобы попасть внутрь.

— Мы с тобой потом об этом поговорим, Черный Ветер, — проворчала явная недовольная нимфа. — А пока просто запомни: за тобой должок.

— Да помню я об этом, зрячая, — отозвалась Рада.

Стражник распахнул дверь, и Рада сощурилась от неяркого света, все равно больно ударившего по глазам после кромешной тьмы проулка. Мужчина был невысок, как и все мелонцы темноволос, одет в кольчугу и теплый плащ поверх нее. Глаза его не отрывались от нимфы, а на лице застыла совершенно бестолковая полуулыбка.

— Прошу за мной, госпожа! — стражник согнулся пополам в проходе, беспрестанно лепеча. — Я отведу тебя, куда захочешь, так быстро, как только сумею! Если ты позволишь мне, я понесу тебя на руках, моя сияющая звезда.

— Роксана! — закатила глаза Найрин. — А я-то думала, что нет ничего хуже анай, текущих по мне слюнями.

— Мы уже много раз тебе повторяли, что по эту сторону гор дела гораздо хуже, чем у вас, — хмыкнула Рада, и нимфа бросила на нее сердитый взгляд.

— Да я уж вижу, — повернувшись к стражнику, она приказала: — Тихо и незамеченными ты проведешь нас к Провидцу. Никто не должен нас видеть и слышать. Ты меня понял?

— Да, моя госпожа! Все, что прикажешь! Все ради тебя!

— И прекрати болтать, — поморщилась она.

— Да, моя госпожа!

Впрочем, кланяться стражник не перестал, но теперь хотя бы закрыл рот и поманил их за собой по узкому коридору вглубь здания. Рада пропустила перед собой крайне хмурую нимфу, пристроилась рядом с искоркой, чтобы в случае чего закрыть ее плечом. Глаза сами шарили по коридору, выискивая засаду или возможные неприятности, но пока еще вокруг было тихо.

Узкий коридор освещался масляными лампами, висящими под потолком через каждые пять метров. Даже внутренние стены резиденции были отделаны светлым мрамором, и золотистые прожилки посверкивали в темноте. Полы закрывал красный ковер, порядочно истертый ногами слуг, однако все равно прекрасно скрадывающий шум их шагов. По обе стороны от коридора виднелись широкие двойные двери из добротных простых досок. Эти помещения явно использовались для хозяйственных нужд, придать им красоты и изящества, как и всей остальной резиденции, никто не позаботился.

Стражник поманил их следом за собой на узкую полутемную лестницу с грубыми ступенями. Теперь им пришлось построиться гуськом, и Рада замыкала шествие, то и дело оглядываясь через плечо и внимательно прислушиваясь. На такой лестнице они запросто

могли оказаться в ловушке, тем более, если их присутствие заметит кто-нибудь из Истинных Жрецов. Ей хватило времени, проведенного в обществе Кая и Найрин, чтобы оценить их возможности и понять, что ей лично совершенно точно не хотелось бы получить молнию между лопаток. И пусть с ними сейчас была Боевая Целительница, пусть в становище Сол утверждали, что она едва ли не самая сильная ведьма среди анай, но вряд ли даже она сможет справиться со всей мощью, какой обладал Первый Жрец и его приближенные.

Изломавшись на несколько пролетов, лестница вывела их к пыльной запертой двери. Подчинившись приказу Найрин, стражник покопался с ключами, отпер ее, и друзья вышли в большой коридор. Потолок резко взлетал на добрый десяток метров вверх, арочным куполом застыв над их головами. Стены были облицованы белоснежным мрамором с черными прожилками. На наборных паркетах, отполированных до зеркального блеска, виднелась инкрустация в виде стилизованных черной и белой рук, закручивающихся друг вокруг друга, будто две капли или стрелы. Высокие золотые светильники заливали все помещение мягким приглушенным светом, запахом горящего в них ароматического масла. Рада поглядела вперед: коридор тянулся, кажется, вдоль всего здания, и большие стрельчатые окна выходили во внутренний двор. Изукрашенные витражами стекла изображали всех Молодых Богов, каждый из которых поднимал одну руку в благословении. В глаза ей бросился Ирантир Светлый, прекрасный юноша, покровитель животных. Он был обнажен, лишь набедренная повязка закрывала низ туловища, с развитой мускулатурой, кудрявыми волосами и почти по-женски мягкими чертами лица. За его спиной виднелось изображение огненного змея, кусающего собственный хвост. Рада хмыкнула.

— Интересно, Редлог видел, как их с Жужей здесь намалевали? Думаю, ему было бы приятно.

— Да уж, — приглушенно хихикнула рядом искорка.

Несмотря на то, что коридор был абсолютно пуст, тревога, что в любой момент их могут обнаружить, не покидала Раду до тех пор, пока ведущий их стражник не свернул на широкую винтовую лестницу. Лестница плавно изгибалась вверх, устланная мягкими коврами, но лампы по ее стенам не горели. Рада сообразила, что они, похоже, в той самой башне Первого Жреца, чью верхушку венчало золотое многолучевое солнце. Сквозь темные окна во внешней стене башни виднелись очертания города, проступающие на фоне ночного неба, кое-где горели золотые огоньки фонарей, подмигивая из тьмы, будто кошачьи глаза. По внутренней стене через каждые пятьдесят ступеней виднелись арочные двери из дуба, густо инкрустированные резьбой и позолотой.

— Я чувствую там ведунов, — одними губами прошептала Найрин, наклонившись к самому уху Рады. — Видимо, это их спальни.

— Они очень сильны? — на всякий случай спросила Рада.

Она надеялась, что они смогут уйти без шума, но неизвестно было, какую судьбу заплели для нее Марны. Может, одной из них вздумалось пошутить, не допустив ее до собственного сына? А коли уж Деве и вовсе будет неуютно, чтобы она увела Далана отсюда, то они все трое запросто могут и погибнуть от рук тех самых Жрецов, что должны бы оберегать их души перед Молодыми Богами. В любом случае, эти козлобородые деды мне никогда не нравились. Так что если с собой в могилу я унесу парочку Жрецов, вряд ли Грозару будет до этого дело. Он и сам их, судя по всему, недолголюбивает, раз дал нам пройти сюда.

— По отдельности слабее меня, — тихо сообщила нимфа, хмурясь. — Но вместе могут

представлять опасность. В любом случае, я успею увести нас отсюда до того, как они поймут, что происходит.

— Как скажешь, зрячая, — отозвалась Рада.

Они поднимались долго, стараясь двигаться как можно тише. Густой ворс ковров под ногами скрадывал звуки, и на пустой лестнице было слышно лишь тихое позвякивание кольчуги стражника. Рада только надеялась, что пересменок у задней двери резиденции был недавно. И что никто не придет проверить, как несет свою службу их провожатый. Потому что в противном случае им все равно придется драться или убегать, и вряд ли при таком раскладе она успеет забрать Далана.

Наконец, когда ноги у нее уже протестующее гудели от сотен пересчитанных ступенек, а крыши города за окном остались далеко внизу, стражник остановился у точно такой же, как и все предыдущие, резной двери из толстого дуба. Обернувшись к Найрин, он взглянул на нее полными обожания глазами и опустился на колени, кланяясь ей в ноги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вот, госпожа, как ты и просила, я привел тебя к Провидцу! Приказывай, что еще ты хочешь от меня, я все сделаю, лишь бы заслужить твою улыбку.

— Так и стой, — буркнула нимфа. — И ни звука. Как только мы выйдем отсюда, выведешь нас на улицу тем же путем, понял?

— Да, свет небесный во плоти! Да, владычица Кану!

— Тихо! — почти зашипела она, морщась и отступая в сторону, когда стражник попытался поцеловать ее сапоги.

— Бедненький! — искорка с искренним сожалением взглянула на коленопреклоненного мужчину. — Зрячая, скажи, а к нему потом вернется разум? Когда мы уйдем отсюда?

— Вернется, — проворчала нимфа, насупившись. — Во всяком случае, к моим сестрам мозги возвращались, даже к самым бестолковым из них.

— Пошли, не будем терять время, — позвала их Рада, тихонько толкнув дверь в комнату перед ними.

Скрипнули дверные петли, а она ощутила, как колотится прямо в ребра сердце. И не потому, что они только что преодолели тяжелейший подъем по несчетному количеству ступеней. Из памяти всплыли глаза сына, полные слез, его режущий душу крик: «Мама, не уезжай!». Рада пошатнулась, чувствуя, как от боли сжимается все внутри. Она старалась как можно глубже затолкать эти воспоминания, упрятать понадежнее, шепча себе снова и снова, что теперь Далан в безопасности в руках Марны, что ее проклятие не падет на него, раз никто не знает, что он ее сын. Только каждую ночь в ночных кошмарах Далан кричал ей, моля о помощи, и черные руки Сети'Агона вырывали его прямо из рук Рады и прятали от нее, а она все бежала и бежала к нему по черному лабиринту из тоски и отчаяния и никак не могла добежать.

Комната, открывшаяся глазам Рады, была совсем небольшой. На полу лежал простой ковер, у светлого прямоугольника окна стоял стол с придвинутым к нему стулом. Все пространство вдоль стен занимали полки, уставленные книгами. Но все это Рада увидела лишь мельком. Ее взгляд словно магнитом притянул к себе маленький мальчик, сидящий на простой узкой кровати, скрестив под собой ноги.

Не помня себя, Рада подбежала к сыну и прижала его к себе, целуя пушистые темные волосы, которые пахли книгами и почему-то чем-то очень сладким, то ли цветущим лугом,

то ли яблонями по весне. Она не видела и не слышала больше ничего, а сердце в груди так надрывно звенело, что едва не лопалось на части.

— Маленький мой, дорогой мой сыночек! — Рада слышала свой голос будто со стороны, чувствовала соленые слезы, бегущие по щекам, а ладони все гладили и гладили его волосы, дрожа так, как никогда в жизни. — Маленький мой!

— Мама! Ты пришла! Я так ждал тебя! — высокий голос Далана приглушило ее плечо, к которому он прижался, будто маленькая птичка. Рада чувствовала его худые плечи под ладонями, тонкие косточки, будто тростинки.

— Как ты здесь, маленький? Все ли у тебя хорошо? — не помня себя, она отстранилась, заглядывая в его доверчивые синие глаза. Такие же синие, как и у нее. Его личико помещалось в ее ладонях, щеки были теплыми и мягкими, как бархат. Сейчас Далан стоял на кровати и даже так едва доставал ей до середины груди. — Ты здоров? Все в порядке?

— Да, мама! — взгляд сына лучился радостью, но какой-то мягкой, сдержанной радостью. Ночные тени легли на его лицо, придав ему отпечаток отстраненности, словно мыслями мальчик был далеко отсюда. Взгляд Рады остановился на большой выпуклой шишке между его бровей, вдоль которой виднелся горизонтальный разрез, сейчас сомкнутый, и она непроизвольно сглотнула. Око Марны.

— Так значит, все эти рассказы — правда, — прошептала она, ошеломленная до глубины души. Она прекрасно знала, что увидит здесь, она верила всем тем слухам, которыми наполнились людские города с самого момента ее отъезда из Мелонии. Но видеть Око Марны во лбу собственного сына было слишком странно, слишком непривычно. И даже немного пугающе.

— Да, мама! — мальчик вновь тепло улыбнулся ей, своими маленькими ладошками обняв ее большую ладонь, что лежала на его щеке. Глаза его смотрели спокойно и как-то очень ласково, очень открыто. Не по-человечески. — Марна Дева взяла меня к себе и бережет меня. Она сказала, что ты скоро придешь, чтобы проведать меня.

Сердце вновь пронзила немислимая боль, и Рада всхлипнула, видя, как расплывается из-за слез лицо сына перед глазами.

— Прости меня, мой дорогой, мое солнышко! Прости, что я ушла тогда! Но я не могла иначе. За мной гнались, меня хотели убить силы гораздо более грозные, чем я даже себе представляла. Я не хотела навести их на тебя!

— Я знаю, мама, — серьезно кивнул Далан. — Марна Дева показала мне, как все было и как все будет. Я не держу зла на тебя. И ты не страдай сердцем за меня. У меня все будет хорошо.

— Конечно, мой дорогой, конечно! — Рада с трудом проглотила рвущийся к горлу ком. — Сейчас мы заберем тебя отсюда и увезем так далеко, что никакая беда и боль больше не тронут тебя. И я клянусь, что никогда больше тебя не оставлю!

— Нет, мама, — вдруг тихо и серьезно покачал головой сын, и внутри у Рады что-то оборвалось. — Нет. Я принадлежу Марне Деве, и для меня будет лучше остаться здесь. Так Она сказала.

Рада ждала, что так может быть, готовила себя к тому, что именно такую судьбу могла сплести для ее сына Дева, но это все равно было так невыносимо больно, что ноги подкосились. Низко опустив голову, Рада осела на пол возле кровати, не в силах оторвать рук от плеч собственного сына. Глаза застили слезы, и теперь она не видела ничего. Лишь как тяжелые капли срываются с ресниц и падают вниз, на пыльный пол. Сколько еще лет

они не увидят друг друга? Как они оба изменятся к тому моменту, как встретятся вновь? И встретятся ли вообще? Это наказание мне, Дева, за то, какой матерью я была. Я знаю, ты наказываешь меня за это.

— Не плачь, мама! Тебе не нужно грустить, потому что мы с тобой всегда будем вместе, — тихо заговорил Далан, и теперь уже его крохотные ладошки гладили ее по волосам, успокаивая. И в голосе его слышалось что-то совсем недетское, но такое мягкое, что слезы хлынули уже неостановимым потоком. — Я всегда буду следить за тобой, знать, что с тобой происходит. Дева обещала это мне, и Она часто показывает мне тебя. Не беспокойся, мне здесь хорошо. Никто не обижает меня, все относится по-доброму и заботливо. И в руках Марны я в полной безопасности, что бы ни происходило вокруг.

— Сынок!.. — Рада бы и хотела что-то сказать, да только слова не шли. Лишь слезы лились и лились из глаз, никак не останавливаясь.

— Марна Дева хочет поговорить с тобой, мама, — прозвучал над ее головой голос Далана.

А потом что-то буквально пронзило Раду с ног до головы, как разряд молнии, вонзившийся в оголенные нервы. И на голову пало... что-то. Звенящая, тяжелая атмосфера, густая тишина, в которой не было ни звука. Раду вжало в пол, парализовало, и каждая ее клетка напряглась в полном оцепенении на пределе надрыва.

— Подними голову, Черный Ветер, — прозвучал голос.

Это был и голос ее сына, но и не он в то же самое время. Он был и ее голосом, и голосом искорки, и Алеора, и Найрин и Торн, и еще тысяч мужчин, женщин и детей, голосом ветра и звезд, голосом всего мира. Весь звук буквально всосался, собрался в этот голос, и его звук стал всем, заполнив Раду своим гулким звучанием. Две большие невидимые ладони с великой нежностью тронули ее голову, и Рада ощутила мурашную щекотку на волосах, как бывает, когда крохотный жучок, упавший с дерева, путается в прядках, стремясь выбраться. Она медленно подняла голову и вздрогнула.

Ее сын смотрел на нее, но глаза его остекленели, а лицо было умиротворенным и счастливым. Прямо между его глаз во лбу открылся еще один, и Взгляд Марны буквально подчинил себе Раду, поймав ее, как солнечный луч летящую пылинку. В этом взгляде была вечность, темная, недвижимая и движущаяся стремительнее солнечных ветров, в нем была первая тьма без единого проблеска и движения, и одновременно с этим — пляска тысяч красок и нот мира, смешавшаяся в Великом Ритме. Из глаза во лбу сына на Раду смотрела судьба, и взгляд ее был пронзительным, как острый клинок.

— Оставь этого мальчика мне, Черный Ветер, — проговорили губы Далана все тем же неопишным голосом, от которого все тело Рады вибрировало в унисон. — Не потому, что это моя кара, не потому, что ты совершила ошибку. Я выбрала его, и он — мой. И вовек с ним не случится ничего дурного, пока благословение мое с ним.

— Благодарю тебя, Марна Дева, — с трудом прошептала Рада, едва ворочая языком. Во рту вмиг пересохло, как в душной пустыне.

— Я давно наблюдаю за тобой, — продолжила Марна, и взгляд ее стрельнул за спину Рады, на ее спутниц. — И за тобой, Светозарная Дочь Звезд, и за тобой, Последняя Лунная Плясунья. Вы все отмечены мной, и ваши Нити подобны золотой парче и стальным канатам. Вы нарисуете мне самый красивый узор из всех, что когда-либо сплетали Марны, и золотым потоком польется он с небес на весь мир, утомленный и изможденный.

Глаз вновь вонзился в Раду, и воля Марны придавила ее, как обрушившаяся на плечи

гора.

— Иди с миром, Черный Ветер, туда, куда мы привели тебя однажды. Не бойся за тех, кого ты оставляешь здесь. Их судьба больше не в твоих руках, они ждут Крика, и когда он прозвучит, поднимутся, чтобы разрушить то, что должно быть разрушено. И не страшись, когда этот час придет, потому что в последней песне ветров и реве умирающего мира родится золотая судьба будущего, и двери в Новое распахнутся перед всеми.

— Я не понимаю, Марна, — с трудом прошептала она. Мысли в голове расползались в стороны, их вытесняла, выдавливала прочь монолитная скала света, от которой череп Рады дрожал, грозя лопнуть в любой миг.

— Ты поймешь, когда придет время. — Голос Марны прошелестел приливами тысяч океанов и едва слышным дыханием дождя, выпадающего ранним утром. — А теперь прощайся со своим сыном и иди. Вас не должны увидеть вместе.

Следом за этим глаз во лбу сына закрылся, Рада еще успела увидеть, как закатывается око куда-то вверх. Тяжелая давящая атмосфера моментально исчезла, и Рада судорожно втянула носом воздух, услышав такие же вздохи у себя за спиной. А Далан моргнул, и взгляд его вновь обрел четкость и эмоции.

— Иди, мама! — тихонько повторил он, с великой нежностью глядя ей в глаза. — И помни, что я всегда рядом с тобой, где бы ты ни была, что бы ни происходило. Мы никогда не расстанемся больше, потому что я всегда в тебе.

— Сынок!.. — Рада прижала его к себе вновь, но на этот раз слез больше не было. Лишь в груди болело и болело, но теперь сладко, терпко и как-то правильно. — Я очень люблю тебя, маленький мой соенок! — прошептала Рада, уткнувшись лицом в его затылок.

— И я люблю тебя, мама! — его ладонки сжали ее плечи, потом Далан слегка оттолкнул ее. — Идите. Ваш стражник очнулся и поднял тревогу. Еще немного, и здесь будут Истинные Жрецы. Я скажу им, что они обознались, и сохраню ваш визит в тайне, но вам надо спешить.

— Я люблю тебя, малыш! — вновь повторила Рада, часто моргая и отступая на несколько шагов назад. Она чувствовала, как Лиара тянет ее за руку, но просто физически не могла отвести глаз от лица сына.

Марна была права, Марна сказала все абсолютно правильно, но у Марны не было своих детей. А может, не было сердца, обычного человеческого сердца, которое могло разорваться на части от тоски.

Маленький мальчик с синими глазами улыбнулся ей, стоя на кровати и махнув рукой на прощанье. Рада в последний раз шепнула ему «люблю», а потом попятилась в серый прямоугольник колеблющегося прохода, открытого нимфой прямо посреди комнаты. Еще мгновение она слышала какие-то отдаленные крики на лестнице, гулкий топот шагов, а потом все это отрезала прочь захлопнувшаяся вертикальная линия Грани.

===== Глава 35. Весточка от друга =====

В лесу стояла влажная весенняя тишина. Сугробы отяжелели, словно одно огромное промокшее насквозь ватное одеяло, и глубоко под толстым слоем снега медленно накапливалась вода. Вокруг деревьев протаяло, и все они стояли в больших мокрых ямках, а стволы выглядели влажными и холодными. Порой с ветвей капало вниз, и поверхность сугробов испещряли неглубокие ямки.

Лиара вдохнула сырой воздух, пахнувший чуть сладковато. Пока еще в нем был только аромат намокшей коры и первых соков, что просыпались в деревьях после долгой зимней

спячки, поднимаясь вверх от корней к ветвям, напитывая их силой. Совсем скоро завяжутся на кажущихся мертвыми сейчас черных ветвях первые почки, день ото дня становясь все нетерпеливее, все туже. А потом ростки пробьют влажную тишину леса, и на ветру зашумит, зазвенит, рябя на солнце, первая ярко-зеленая листва.

Небо затягивали серые тучи, низкие и тяжелые, еще по-зимнему снеговые. Но Лиара уже знала, чувствовала всем своим сердцем, что время слома близко. Еще совсем немного ползти по небесам этим недовольным великанам, царапая брюхами усталые от холода черные шапки лесов. А потом ветер разыграется, молодой и счастливый, расшвыряет их в разные стороны и выпустит в мир солнце, которое победными лучами отогреет всю эту зимнюю унылую спячку, разбудит землю и ручьи, и зазвенит, запоет лес тысячами золотых голосов первых птиц, славящих весну.

Носишься ли Ты здесь с ветрами и хохотом, Молодая, Среброглазая? Мелькают ли Твои крылья среди туч, искрятся ли под солнцем? Или эти края слишком далеко от Твоей родной земли, слишком давно отвернулись от Тебя, чтобы Ты посещала их?

Лиара вновь всей грудью вдохнула наступающую весну. Вот она уже и начала думать, как анай. Мерить весь мир ладонями их любимых Небесных Сестер. И разве же это было неправильно? Все становится таким простым и таким красивым, когда ты выкидываешь прочь все лишнее. Когда остаешься лишь ты сам и мир, что окружает тебя.

Теперь она наконец-то поняла, всем телом поняла, чем анай так сильно отличались от всех остальных народов. И для этого ей нужно было вернуться сюда, в страну, которую она когда-то звала родной. Вдохнуть воздух, в котором чего-то не доставало, почувствовать на своем лице равнодушный ветер. Ощутить звезды, которым нет никакого дела до тех, кому и до них нет дела. Измерить ногами землю, отстраненную и тихую, нелюбимую жену, погруженную в себя и замкнутую, любовь которой никак не разбудить ни сохой, ни серпом, ни песнями. Все здесь спало, в этом краю без жизни, в краю людей и торжества их разума. В краю золота, торговли и войн, цивилизации, истории, великих открытий и достижений. И даже самой крохотной травинке, которая прорастет здесь всего через каких-то пару недель, не будет ровным счетом никакого дела до всего этого вранья.

А ведь когда-то эта земля была живой, думала Лиара, шагая через глубокие сугробы, тихонько дотрагиваясь пальцами до влажной коры деревьев. Она слышала старые песни и чуяла в них великую истину. О временах, когда мир был юн, когда он звенел от счастья и радости, делая первых вздох. О тех забытых эпохах, когда эльфы впервые спустились со звезд и танцевали с душой мира, словно с самой красивой женщиной в одеждах из лепестков ландышей, когда они пели земле и ручьям, когда учили своему языку деревья и птиц. И мир с великой радостью тянулся им навстречу, встречал их, незваных гостей, полюбивших каждую его частичку как самое дорогое сокровище на всем белом свете. Мир был живым, дышащим, любящим, он рождал так щедро, он цвел так буйно, он пах так ярко. И серебристые звезды по ночам осыпались на поля из светящихся ночных цветов, и по утрам роса алмазами покрывала нежные лепестки цветов. И из груди земной вышли нимфы, первый народ, разбуженный самими эльфами, рожденный землей в бесконечной благодарности за их заботу и нежность.

Странно было видеть последнюю нимфу во всем Этлане, шагающую сейчас во главе отряда по вбитой в лед дороге, странно, горько, но и правильно. Сначала в мир пришли люди, амбициозные и честолюбивые испорченные сыновья первого дня, начали ломать и менять его своими руками, подстраивая под собственные интересы и ни с чем не считаясь.

Потом и другие расы тоже родились в глубоких горных норах, на вершинах гор, на дне океанов и в танцующей пляске пламени. И всем им стало тесно на этом щедром клочке земли, который так радушно встречал их, так распахивал им навстречу объятия. И полилась кровь, обильно орошая землю вместо шумливых дождей и серебристой росы, народы бросились друг на друга, топча крохотные зеленые травинки, тянущиеся к небу, сжигая леса и рощи, обрушивая вниз скалы и возводя новые. И равнодушные эльфы, разочаровавшись в гармонии, которую они так стремились создать, ушли прочь от мира последними, предоставив его самому себе. И земля, как и всякая женщина, которую предали и смешали с грязью, не простила. Она отвернулась ото всех своих детей, замкнувшись в себе и уйдя в свои мрачные медленные сны, не тревожимые ни одним лучиком солнца. И везде в мире стало сумрачно, везде, кроме Данарских гор.

Понятное дело, почему последняя нимфа в конце концов оказалась именно с анай. С кем же еще ей было оказаться? Нимфы были душой мира, его дыханием, лунными бликами света на поверхности ручьев, шепотом загадочной летней ночи в самый канун Дня Солнца, цветком папоротника, таинственно мерцающим в ночи на диких полянах. Они хранили в своей груди красоту и гармонию всего сущего, и именно поэтому никто, кроме знающих ту же гармонию Первопришедших эльфов, не был в состоянии равнодушно смотреть на них. Их загадка манила, становясь мучительной жаждой, невыносимым желанием понять, сожрать, присвоить, сделать своей. Так их и уничтожили когда-то на заре мира первые народы, забывшие, каково это — дышать одним дыханием со своей Матерью, мучающиеся в бесконечном удушье, страдающие от жажды, которую они не могли утолить.

И какими-то немислимыми тропами Марн Найрин, последняя нимфа Этлана, пришла-таки навстречу своей судьбе в Данарские горы. Туда, где было вновь обретено старое знание, где выросла старая вера, выросла сквозь горечь отчаяния и поражения, несмотря ни на что, став только сильнее, обретая плоть. Лиара долго размышляла об этом, о разрушении Кренена, о котором рассказали ей Ремесленницы анай, о падении расы гринальд и экспериментах Крол. Не было ли в этом какой-то странной, невидимой на первый взгляд справедливости? Не было ли в этом чуда, спрятанного так глубоко, что и разглядеть его было почти невозможно?

Гринальд ведь тоже когда-то потеряли глубокую связь с миром, которую им передали эльфы, как первой тварной расе Этлана. Они тоже поверили в ложных людских химер, во власть и силу, в право менять и господствовать. В гордыне своей они пошли против своей природы, начали ставить эксперименты, пытаясь сделать из себя что-то новое, чем они никогда не являлись. И, как и все слишком самонадеянные и слепые ко всему, кроме своей цели, ученые, в конце концов, потерпели крах. Но разве кончилась на этом их история, разве кончилась их жизнь? Из пепла некогда гордой расы восстала другая, молодая, сильная, получившая все синяки и шишки, выучившая все уроки, отказавшаяся по жестокой милости судьбы от всех иллюзий. Так сорняк пробивает укатанное в камень дорожное полотно. Так высоко на горной скале прорастает к солнцу голубой венчик горечавки.

Ты ведь никогда не отчаиваешься, Великая Мать? Лиара улыбнулась тихонько, чувствуя, как в груди, прямо между ребер, тихонько пульсирует золото. Даже Твои поражения становятся в итоге Твоей победой. Ты ведешь нас через все ужасы, через всю боль, через весь страх только для того, чтобы подарить нам самих себя. Великая Мани Эрен, в Чьих ладонях покоится весь мир.

Так через тысячи дорог судьба привела последнюю нимфу к народу, что вновь вспомнил

самого себя и полюбил то, чем он был долгие тысячелетия назад. Словно разбитый вдребезги, немисливо красивый витраж восстанавливали чьи-то терпеливые, трудолюбивые, заботливые руки, подклеивая к общей картине один кусочек за другим. На теле мира появилась одна единственная, невыносимо пульсирующая точка. Как сердце умирающего, которое вдруг, отрицая смерть и хохоча в ее ободранное лицо, начинает биться наперекор всему. Как семечко, что пробивает неподатливую землю, вытягивается в плющ, обвивает кажущиеся нерушимыми стены человеческих крепостей и с легкостью ребенка рушит их в пыль.

Не ради этого ли Ты создала анай, Великая Мани? Не ради того ли, чтобы вновь вернуть в мир то самое важное, что он давно потерял, то самое ценное, искреннее, настоящее? Не для того ли Ты привела нас с Радой в Данарские горы, чтобы соединить два мира, протянув между ними первую золотую нить? И пусть сейчас эта нить кажется совсем тоненькой, пусть она в любой момент может оборваться, но она есть, и однажды она станет крепче стали, жестче канатов, шире разливов великих рек. И анай вновь научат этот мир дышать и петь, вновь научат его любить, как в первый день под лучами только что рожденного солнца.

Только все это ждало где-то за золотой чертой заката, что горел и горел в груди Лиары, лишь обещая и протягивая ей из немислимой толщи времени и будущего свою ладонь. Пока же вокруг была только сырая весна, сумрачная из-за тяжелых туч, сонная из-за долгих холодов. Весна, которая все медлила со своим приходом, зима, что все не желала отступить. И они трое брели через равнодушный мир, кажущийся Лиаре теперь совсем чужим. Однажды он вновь станет мне родным, Великая Мани, я обещаю Тебе это!

Вокруг поднимались влажные стволы деревьев, в основном берез, местами перемежающихся липами и дубами. Наверное, в разгар зеленого звенящего лета здесь было чаровно и сказочно, под ногами мягко пружинили мхи и лесные травы, рассыпались пригоршни красных ягодок земляники, белых цветов кислицы, глянцевого листиков дикой фиалки, а кроны над головой шумели и звенели солнцем, ветром и птичьими трелями. И дорога через лес, что сейчас превратилась в подтаявшую, проседающую в глубоких ямах колею, тоже должна была ровно ложиться под ноги, пыльная и теплая, щекоча босые ступни. Только это время еще не пришло, как не пришло и время для смеха, радости и долгожданной весны.

Среди ее спутниц тоже царил настрой уныния и серости. Найрин морщилась, напряженно поглядывая по сторонам и поглаживая рукоять долора на поясе, словно ей было неуютно здесь, словно она чувствовала подвох или угрозу со стороны молчаливых мокрых деревьев. Ее темный плащ отсырел от то и дело срывающихся с деревьев и падающих вниз комьев мокрого снега, болтался на ней сиротливой тряпкой. Но капюшона нимфа так и не сняла, памятуя о том, какую реакцию этой ночью произвела на стражника в резиденции Первого Жреца.

Рада выглядела и того хуже. Глаза у нее опухли и покраснели, взгляд не отрывался от земли. Шагала она тяжело, порой оскальзываясь на вмерзшей в лед дороге, и не обращая на это никакого внимания, шагала как человек, которому было равным счетом все равно, расшибет он себе лоб об землю в следующую минуту или нет. То и дело она раскуривала свою трубку с длинным чубуком, втягивая горький сизый дым так, словно он мог хоть чем-то облегчить ее горе. И шлейф дыма тянулся за ней по дороге.

Лиара с болью смотрела на нее и не знала, чем помочь. Не знала даже, как подступиться, что сказать. Никто не был виноват в том, что так сложилась судьба, даже сама

Марна Дева подтвердила это. Никто не винил Раду ни в чем, просто боги сплели ей такую дорогу, решили все за нее, как бы ни пыталась она изменить свою судьбу и остаться лишь еще одной благородной представительницей мелонской знати, канув в неизвестность, как и многие ее предшественники. Неужели ты не понимаешь, милая моя, что боги избрали тебя для дела более великого, для дороги более важной, чем та, которую ты сама для себя всегда видела? И как бы ни тяжела была эта дорога, но она — твоя, и она единственно верная, единственно правильная. И только приняв ее целиком и полностью, ты сможешь ее одолеть и обрести покой. Но разве можно было сказать ей это вслух, особенно сейчас, когда она раз и навсегда простилась со своим родным сыном? С мальчиком, которого она так стремилась вырастить, которого любила всей душой, с которым так долго была разлучена? Лиара не была матерью и не знала, каково это: проститься с собственным ребенком. И все никак не могла найти слов, чтобы хоть чем-то утешить ее.

Они ушли через Грань так быстро, как могли, и вышли в этом лесу, где и договаривались заранее. В нескольких километрах впереди за березовой рощей лежало поместье Тан'Элиан, где брат Ленара, Витор Тан'Элиан, все эти долгие годы растил дочь Рады, Мейру. Таково было решение самого Ленара — убрать девочку как можно дальше от двора и дать ей хорошее образование, сохранив от зависти молодых дворянок и ненависти, вызванной ее происхождением. Насколько Лиара поняла, с дочерью Рада никогда не была особенно близка: Ленар забрал ребенка сразу же после рождения и ее воспитанием занимался сам, пока Рада воевала с наемным отрядом где-то на западных рубежах Мелонии. Когда же Рада вернулась домой, дочь уже увезли к дяде в Ронтис, и за все эти годы они виделись всего несколько раз.

И вновь она взглянула на Раду, чувствуя глубокую печаль. Ничьей вины не было в том, что у Рады не оказалось времени на собственных детей. Может, была вина Ленара, который старался растить своих детей так, как было принято среди мелонской знати, может, противников Рады, которые не дали ей времени побыть с ними и позаботились о том, чтобы Раду услали на север по ложному обвинению. А может, сами Боги сделали так, чтобы она не успела всем своим сердцем полюбить собственных детей. Чтобы ничто не сдерживало ее на той дороге, которую они ей предназначали. Чтобы она не оглядывалась. Вот только сердце у нее было слишком большое и слишком мягкое, как бы она ни прятала его за своей вечной ухмылкой, дурацкими шутками, крепкими плечами. И сейчас это сердце истекало кровью.

Решившись, Лиара все-таки подступила на шаг ближе к Раде и осторожно взяла ее за руку. Та вскинула на нее рассеянный взгляд, словно только что увидела, и вымученно улыбнулась, пыхтя трубкой.

— Ничего, искорка, я справлюсь. Не переживай за меня.

— Рада, я... — слова не шли, и Лиара только с горечью выругала саму себя за то, что не способна в такой момент поддержать женщину, которую любила всем сердцем.

— Я все знаю, искорка, — тихо проговорила Рада, пожимая ее пальцы. — Ничего не говори, я же чувствую тебя, помнишь?

Эта связь, что образовалась между ними в последние дни, была самой дорогой, самой волшебной вещью на всей земле. Лиара до сих пор все не могла привыкнуть к тому, что сердце Рады билось под ее собственной кожей, что все ее чувства и эмоции слабее, но все же отражались в груди Лиары. Так они могли делить на двоих не только радость, но и боль, и счастья дороже быть просто не могло.

Прижавшись к ее плечу и шагая рядом, хоть это было и не слишком удобно, Лиара

осторожно спросила, подняв глаза на Раду:

— Как ты думаешь, как нас встретит Витор?

— Не знаю, — честно призналась Рада. Брови ее вновь нахмурились. — Он никогда особенно не любил меня, считая ошибкой тот факт, что Ленар на мне женился. А уж после всего того, что сейчас обо мне говорят в Мелонии, я и подавно не могу предсказать его реакцию на мое появление.

— А что насчет Мейры? — еще тише спросила Лиара.

Рада тяжело выдохнула воздух.

— Вряд ли он позволит мне забрать ее, искорка. Не после всего этого. Но я ведь должна попытаться, правда? — брови ее упрямо сдвинулись к носу, а взгляд стал твердым.

— Правда, — тихо согласилась Лиара, чувствуя невольную гордость за эту упрямую, невыносимую, неопишемую женщину. Какие бы беды ни валились на ее плечи, какие бы стены ни вставали перед ней, а она все равно шла напролом, нагнув голову и отказываясь сдаваться. И это было по-настоящему красиво.

— Уже прошло достаточно времени, и если Алеор вернулся в Лесной Дом, то его человек уже может быть здесь или будет на днях, — продолжила Рада, пыхтя трубкой. — А это значит, что беззащитной Мейра не останется. И если Витор не захочет отдавать ее мне, то я хотя бы уговорю его отпустить ее в Лесной Дом. Там она будет в безопасности.

— Алеор сдержит слово, Рада, — стараясь подбодрить ее, проговорила Лиара.

— Я знаю, искорка, — кивнула та.

Впереди между деревьев показался просвет, и дорога свернула, темным полотном старого льда уводя на запад.

— Уже близко, — выдохнула Рада, без всякого энтузиазма глядя вперед, а потом повысила голос: — Зрячая, ты держись в стороне, а то они все головы потеряют из-за твоей красоты, и я не смогу добиться от них того, что мне нужно.

Найрин обернулась, окидывая Раду взглядом удивленным и оценивающим одновременно.

— Я, честно говоря, думала, что ты попытаешься заставить их отдать тебе дочь, прибегнув к моим способностям. Ты не собираешься делать этого, Черный Ветер?

— Нет, — устало покачала головой Рада. — Мне обрыдло все это бесконечное вранье всех подряд. И коли Марна хочет, чтобы я ушла в Данарские горы, оставив ей все, что у меня когда-то было, пусть так и будет.

— Тогда я прошу тебя простить меня, Рада, — в голосе Найрин прозвучало раскаянье, смешанное с глубоким уважением. — И прошу тебя о епитимье, чтобы загладить мою вину. Я все еще продолжаю видеть в вас низинников, хоть Великая Царица и сказала, что вы станете частью народа анай. Это моя ошибка и моя вина, я забыла о том, как меня когда-то точно также недооценивали, как обо мне думали предвзято. Прости меня.

— Да ничего, зрячая, — отмахнулась Рада, но легкая благодарная улыбка все-таки слегка осветила ее лицо, словно солнце, выглянувшее из-за туч. — И не нужно никакой епитимьи. Еще бы вам сразу же доверять нам, коли мы совсем чужие вашему миру. Мы тоже учимся быть такими же, как вы, потому я и не буду просить тебя о помощи. Хоть, признаюсь, некоторое время я обдумывала такой вариант. Так что ты не так уж и не права насчет меня.

— Значит, обе напортачили, Черный Ветер, — усмехнулась нимфа. — В следующий раз будем умнее.

Рада в ответ только согласно кивнула.

Вскоре дорога вынырнула из рощи на большой расчищенный под усадьбу холм. Сам манор располагался в центре холма и представлял собой большое трехэтажное здание кремового цвета, боковые флигеля которого сильно выдавались вперед. Перед широкой парадной лестницей виднелась большая чаша фонтана, сейчас припорошенного снегом, еще ниже — искусственный пруд, снег на поверхности которого уже потемнел и потихоньку начал проседать под потоками теплого воздуха, что нес с собой ветер. Дорога, по которой они шли, огибала пруд по правой стороне и подводила прямо к парадному крыльцу, где сейчас не было ни души. Но окошки на первом и втором этажах дворца кое-где посверкивали горящими внутри помещений свечами, а над черепичной крышей клубился черный дым из доброго десятка труб. Лиара непроизвольно передернула плечами, думая о том, как там, должно быть, тепло и уютно внутри. Промозглый ветер продирает до костей, и сколько бы она ни окружала друзей и саму себя его теплыми потоками, а все равно толку было маловато.

Нахохлившись, словно воробей, Рада выбила трубку о каблук, убрала ее за пазуху и первой зашагала по дороге в сторону усадьбы. Вид у нее был такой, будто идти туда ей хочется меньше всего на свете. Найрин с Лиарой пристроились за ее спиной, разглядывая старый сад, разбитый вокруг здания.

Все здесь выглядело уютно, добротно, обжито. Дом сразу производил впечатление родового гнезда, выращившего не одно поколение лордов Тан'Элиан. Над крышей на ветру обвисло черное знамя, но Лиара знала, что на нем — золотые кони на дыбах, поднявшиеся навстречу друг другу. При ближайшем рассмотрении оказалось, что и узоры лепнины на стенах тоже складываются во все тех же стилизованных коней, только позолота на них местами облупилась и была аккуратно подновлена свежей, более яркой по цвету на фоне первоначального рисунка. Сухие побеги плюща оплетали окна первого этажа, и Лиара на миг представила, как хорошо здесь бывает осенью, когда леса вокруг одеваются в багрянец и медь, а листья плюща краснеют на фоне кремовых стен особняка.

Вокруг всего здания горбились под снегом разной формы кусты, аккуратно выстриженные по мелонской моде. Разглядела она и укрытые белой тканью на зиму розы, и клумбы, на которые навалили толстый слой свежесрезанного лапника. Сейчас зеленые пальцы еловых веток вылезали сквозь подтаявший снег, отмечая место, где всю зиму спали в земле луковицы многолетних растений. Среди укрытого в зиму сада виднелись несколько белых скульптур, дополняющих его облик, но точно разглядеть, кого именно они изображали, Лиара не смогла.

Их заметили еще издали. Дверь во флигель открылась, и оттуда на улицу вышло несколько человек в темной одежде. Какое-то время они вглядывались в трех путниц, потом один из них, махнув рукой остальным, заспешил им навстречу по обледенелой дороге. Одет он был в меховой тулуп и такую же шапку, простые и добротные, темного цвета.

— Кто-то из слуг, — подтвердила Рада подозрения самой Лиары. — Мы явились пешими, потому они решили, что мы бродяги или обычный люд, что пытается наняться на первые весенние работы, чтобы скопить немного денег. Иначе встречали бы по-другому.

Когда до идущего им навстречу мужчины осталось не больше полусотни шагов, Рада сбросила с головы капюшон и тряхнула золотыми волосами, отвела в сторону полу плаща, чтобы было видно ножны с мечом на ее боку. Мужчина сбился с шага, едва не свалившись в снег, и открыл рот, стаскивая шапку с волос. А потом буквально вприпрыжку припустил ей

навстречу и согнулся пополам, не дойдя до путниц нескольких шагов.

— Миледи Рада! Не признал вас, прошу простить меня! Но вы пришли пешком, и мы подумали...

— Да знаю я, — отмахнулась Рада, поморщившись от неудовольствия. Она терпеть не могла, когда перед ней расшаркивались, а обращение «миледи», насколько Лиара помнила, вообще заставляло ее вздрагивать. — Лорд Витор тут?

— Здесь его высочество, здесь, — услужливо закивал мужчина, бросая короткие вороватые взгляды на Лиару и под глубокий, надвинутый на лицо капюшон Найрин. — Я сейчас же побегу обратно и уведомяю его о вашем приезде! Сей же миг все будет готово к встрече, только не гневайтесь, миледи! Не признали мы вас издалека.

— Я надолго не задержусь, — коротко бросила Рада. — Так что подай горячего вина и передай Витору, что мне нужно с ним поговорить.

— Как прикажете, миледи, все сделаю! Все сделаю! — развернувшись на пятках и едва не упав при этом, мужчина со всех ног бросился в сторону дома.

— Почему он так лебезит перед тобой? — послышался из-под капюшона недоуменный голос нимфы. — Это потому, что они все считают тебя убийцей короля?

— И поэтому тоже, — кисло кивнула Рада, неторопливо направляясь вслед за убежавшим слугой. У того только пятки сверкали, и Лиаре оставалось лишь поражаться, как он умудрялся не поскользнуться на таком льду. — А еще потому, что мой покойный муж был одним из первых лиц в государстве. В связи с этим они считают, что я представляю из себя что-то очень важное.

— У Лордов Страны сакральный статус? Как у Жриц? — с интересом спросила нимфа.

— Нет, — покачала головой Рада. — У них просто очень много денег и власти, с которыми они творят все, что им вздумается. И могут, словно муху, прихлопнуть простого человека, если он вдруг не пришелся им ко двору или не слишком расторопно выполнил их приказ.

— В этих землях нет чести, — голос Найрин звучал потрясенно. — Если бы не Танец Хаоса, я бы никогда не согласилась вновь оказаться здесь.

— Марны никого из нас не спрашивают, хочется нам чего-то или нет, — мрачновато отозвалась Рада, направляясь к дому.

Дорога упиралась прямо в очищенные от снега широкие ступени из белого мрамора, и Рада вприпрыжку поднялась по ним, поглядывая внутрь здания сквозь высокие стрельчатые окна по обеим сторонам тяжелых резных дубовых дверей. Лиара видела, что там за стеклами суетятся какие-то люди, мелькают огни, а потом входная дверь в поместье со скрипом распахнулась. Седеющий мужчина средних лет в черной ливрее с золотыми конями дома Тан'Элиан на груди склонился перед Радой в поклоне, бормоча в пол:

— Добро пожаловать, миледи Тан'Элиан. Ваше появление было довольно неожиданным, потому мы не успели...

— Где лорд Витор? — перебила его Рада, устало взлохмачивая пятерней волосы. Она глянула на столпившихся за спиной говорившего мужчины служек, среди которых были в основном уже убеленные сединами и побитые морщинами мужчины и женщины, и те невольно подались назад, будто боялись ее. — Мне нужно только перемолвиться с ним парой слов.

— Милорд Витор ожидает вас и ваших гостей в малой гостиной. Я провожу вас.

Рада кивнула и широким шагом направилась следом за слугой, таким образом невольно

заставляя его ускорить шаг. Сейчас в своем черном плаще, стремительной походкой направляясь по золоченым коридорам поместья, она и вправду напомнила Лиаре черный ветер: сметающий все на своем пути штормовой ураган, который был не намерен ждать.

Найрин закрутила головой под капюшоном, разглядывая золотую лепнину на стенах, зеркала, драгоценные гобелены и рисунки с портретами членов королевской фамилии Мелонии. Слуги точно также закрутили головами, семена за ними следом и с любопытством пытаясь заглянуть Найрин под капюшон, разглядывая с ног до головы саму Лиару. Рада неслась впереди семимильными шагами, и сапоги ее громыхали по лакированным полам, оставляя на дорогом паркете большие мокрые пятна. Поспевать за ней было сложно не только службе, который открыл им парадную дверь.

Потом они несколько раз свернули в боковые коридоры, и мимо аляповатой чередой пронесся калейдоскоп из лепнины, статуй, дорогих ваз тончайшего фарфора, золотых украшений. От всего этого богатства буквально кружилась голова, и Лиара, в конце концов, перестала глазеть по сторонам, думая только о том, как бы не отстать от почти бегущей впереди Рады и не дать потеряться в этих коридорах нимфе. К тому моменту, как слуга, хватая ртом воздух, остановился возле золоченой двери с ручками в виде львиных голов, Лиара и сама уже задыхалась.

Он только потянулся к двери, попытавшись по всей форме запустить гостей внутрь, как Рада уже рывком распахнула ее и вошла в помещение.

Гостиная была выполнена в зеленых тонах. Полы из темного дуба украшал затейливый рисунок, выложенный светлыми древесными плитками. В дальней стене виднелся жарко горящий камин, Лиаре в лицо пахло теплом, и от блаженства она едва не застонала. На каминной полке из мрамора тикали золотые часы. Стены были оббиты зеленым бархатом, на котором архитектор выложил узоры из дубовых планочек, складывающиеся в стилизованные фигурки коней. Под потолком висела массивная хрустальная люстра, преломляя во множестве мелких зеркал свет нескольких десятков свечей. А посреди помещения у стола с резными ножками, накрытого белоснежной скатертью, сидел мужчина средних лет, потягивая чай из белой фарфоровой чашки. Он даже не вздрогнул, когда дверь резко открылась, и внутрь ворвалась вместе с током ледяного дыхания холода Рада.

— Миледи Киер, — без всякого выражения проговорил мужчина. Взгляд его скользнул по Лиаре и Найрин, и он поджал губы. Это было его единственной реакцией на них, но Лиара вдруг ощутила лютую ярость. Мужчина смотрел так, будто они какие-то конюхи с измазанными навозом сапогами.

— Витор, — также без выражения ответила Рада. — Я пришла за своей дочерью.

Мужчина поднял на нее глаза, и Лиаре вспомнился Ленар. Они были чем-то похожи: одинаково холодные, спокойные, с темными глазами и ровно подстриженной бородкой, только Витор выглядел на пару лет младше и как-то франтоватей. Во всяком случае, голубой камзол на его плечах украшала обильная вышивка серебром, как и отвороты мягких сапожек из черной кожи. И это при том, что здесь, в этой глуши, вряд ли кто-то мог видеть всю эту красоту кроме, разве что, слуг.

Белые кружевные манжеты мягко скрыли его ладонь, когда Витор аккуратно поставил чашку на белоснежное блюдце и сложил руки в замок на коленях.

— За дочерью Ленара, ты хочешь сказать, — негромко уточнил он, глядя на Раду.

— За своей дочерью, Витор, — почти по слогам повторила Рада. В голосе ее прорезалось раздражение. — Или ты думаешь, он сам ее рожал?

— И зачем же тебе сдалась Мейра? Ее тоже хочешь убить? — кривая усмешка тронула его губы.

— Ты совсем ума лишился? — ярость заклокотала в горле Рады, а рука сама потянулась к рукояти меча на поясе.

— Ты потише, Рада, — почти по-дружески посоветовал ей Витор. — В соседней комнате у меня десять отменных бойцов, и не этих ленивых боровов, которых вы зовете наемниками в Латре. Так что давай не будет нервничать, согласна?

— А у меня с собой ведьма, Витор, и коли надо будет, она и тебя, и твоих бойцов, на клочки разорвет за несколько секунд, — очаровательно улыбнулась ему Рада, и лицо Витора вытянулось, а взгляд скользнул Раде за спину, сначала на Лиару, потом на замотанную в плащ Найрин. — Вот только я не хочу никому причинять зла, — вновь заговорила Рада, с трудом сдерживая ярость и возвращая лицу спокойное выражение. — Как не причиняла я зла ни королю, ни Лорду Протектору, ни, тем более, собственному мужу. Меня подставили, Витор.

— И где же доказательства? — вздернул бровь тот.

— Что непонятного в слове «подставили»? — Рада часто моргала, глядя на него. — Думаешь, будь у меня доказательства этого, я бы сейчас была приговорена к смерти новым королем?

Некоторое время тот молчал, внимательно разглядывая ее, потом поморщился и неопределенно дернул плечом:

— Я предполагал, что это возможно. Но тогда где Далан?

По лицу Рады промелькнула гримаса боли, потом она обернулась через плечо на приоткрытую дверь и бросила туда такой взгляд, что в коридоре кто-то перепугано охнул, и дверь с грохотом захлопнулась. Повернувшись к Витору, Рада понизила голос:

— Слышал про Провидца? Это и есть Далан. Но об этом не нужно знать ни единой живой душе.

— Грозар Пресветлый! — выдохнул Витор, и впервые за все это время каменная маска сползла с его лица, сменившись глубоким удивлением: — Ты уверена?

— Абсолютно, своими глазами видела его только сегодня ночью. Это мой сын.

— Сегодня ночью? — брови Витора взлетели еще выше. — Но как?..

— Долго объяснять, — отмахнулась Рада. — Не это важно. Мне нужна Мей, Витор. Я должна увезти ее в безопасное место.

— От чего ты пытаешься спрятать ее, Рада? — мужчина внимательно пригляделся к ней. — Что такого угрожает ей, что ты вернулась за ней, даже несмотря на свой приговор?

— Сети'Агон, — спокойно отозвалась она.

Витор закатил глаза и рассмеялся.

— Рада, может, пора прекратить верить в детские сказочки? Ты же уже вроде взрослая женщина.

— Да, и именно потому, что я в них, как ты выражаешься, верю, я до сих пор жива. Как ты думаешь, кто пытался меня подставить?

— Сети'Агон? — вновь хмыкнул Витор. — Да зачем ты ему сдалась?

— Потому что я родная сестра Алеора Ренона Тваугебира, — огрызнулась Рада, и выражение самодовольства вновь сползло с лица Витора. — И потому что он попытается добраться до любого, в ком течет еще хоть капля моей крови. Далан в безопасности в крепости Первого Жреца Мелонии, в Дере. Осталось спрятать только Мей. Так что будь

добр, Витор, прикажи слугам подготовить ее к дороге. Мы уходим немедленно.

Мужчина нахмурился, подавшись вперед и сложив руки на столе. Вид у него был такой, словно он усиленно что-то обдумывал.

— Витор, ты не оглох часом? — Рада почти что с рычанием нависла над ним. — Дочь мою подготовь к дороге! Время не ждет!

— Не ори, Рада, — брезгливо сморщился Витор. Он поднялся с места и прошел к каминной полке, выдвинув какой-то невидимый со стороны ящичек, принялся рыться в нем. — Признаться, я думал, что все это — очередной розыгрыш проклятого Тваугебира, который почему-то все никак не желал оставить в покое нашу семью. Но теперь-то все встало на место.

— Витор, я совершенно не хочу знать, что там у тебя и куда встало, — проговорила Рада, и Лиара вдруг ощутила, что ей смешно, даже не смотря на весь гнев и напряжение ситуации. — И если ты мне все сейчас не объяснишь, я сама пойду искать Мей по особняку.

— Ее здесь нет, — отозвался Витор, а потом обернулся и, окинув Раду хмурым взглядом, протянул ей какой-то пергамент со сломанной восковой печатью. — Ее выкрали из особняка вчера ночью. Я уже разослал людей на ее поиски, но теперь, судя по всему, придется отозвать их. Просто читай.

Рада, недоверчиво разглядывая Витора, развернула пергамент, и Лиара, перегнувшись через ее руку, тоже заглянула в текст, который гласил:

«Многоуважаемый милорд Тан'Элиан (выживший)! В свете недавно полученной мной информации и возможностей, открывшихся перед вашей племянницей, спешу вас уведомить, что я забираю молодую Мейру Ренон в Лесной Дом, где она будет проживать в имении своей матери и воспитываться, как и положено представительнице княжеского рода эльфийской крови. Можете не посылать на ее поиски своих людей, не устраивать дипломатический скандал, не обращаться за помощью к королю Мелонии. Это просто не имеет никакого смысла, потому что Мейру Ренон вы уже никогда не увидите. Но, возможно, я закажу специально для вас ее портрет и пришлю его с посыльным к будущей Ночи Зимы. Надеюсь, что наше с вами короткое знакомство никогда больше не повторится. Низкий вам поклон. Алеор Ренон Тваугебир, Светлейший Князь Лесного Дома».

Еще ниже стояла сургучная печать, на которой просматривался раскинувший крылья орел — личная печать Алеора. Лиара поняла, что никак не может сдержать улыбку.

А Рада, медленно опустив пергамент, уставилась на Витора, и ее правый глаз нервно дернулся в глазнице.

— Коли это было у тебя на руках, то какого рожна ты мне сразу не сказал, что Мейры здесь нет? — почти что прошипела она, угрожающе нагибая голову.

— А почему я должен был говорить это предполагаемой убийце моего брата? — огрызнулся Витор.

Сквозь связь между ней и Радой Лиара ощутила, как все существо Рады собирается в один тугой, готовый к броску комок, и в самом его центре пульсирует, будто сердце, алая ярость. Понял это, причем без всякой связи, и Витор, непроизвольно отступив на шаг от Рады так, чтобы между ними оказался тяжелый стол из дуба.

— Я тебя предупреждаю, Рада, — внезапно осипшим голосом проговорил он. — У меня за стеной десять человек...

Рада напряглась еще больше, и Витор замолчал, так и не решившись договорить.

В комнате повисла напряженная тишина, а потом Лиара тихонько тронула Раду за

твердую, как камень, руку.

— Раз Мей в безопасности, нам пора, Рада. Пойдем. Нам здесь нечего больше делать.

Несколько мгновений еще Рада колебалась, судя по ощущениям, разрываясь между желанием поскорее уйти отсюда или все-таки свернуть перед уходом шею Витору. В конце концов, она тяжело кивнула и проворчала сквозь стиснутые зубы:

— С меня уже хватит этой поганой страны и этих проклятых людишек. Наверное, и вправду пора уходить.

Не сказав больше ни слова, она отбросила в сторону пергамент и первой вышла из комнаты, а Найрин с Лиарой вновь пристроились за ее плечом, оставив перепуганного Витора все также жаться к обеденному столу.

— Надеюсь, она позволит мне открыть ворота сразу же, как мы покинем поместье, — негромко сообщила Найрин, склоняясь к Лиаре. — Потому что меня уже тошнит от этого места, честно говоря. Не думала, что можно думать о низинниках еще хуже, чем анай уже о них думают, однако, Грозная всегда любила шутить.

— В этих краях не все такие, Найрин, — взглянула на нее Лиара, ощущая глубокую тоску. — Есть и добрые люди с чистыми сердцами.

— Знаю, Светозарная, вы ведь тоже из этих краев, — слегка смягчилась Найрин, взглянув на нее. — Но если все яблоко покрыто гнилью, и лишь один его бочок все еще сладкий, будешь ли ты его есть?

Слуги вжимались в стены, стремясь убраться прочь из-под ног разъяренной Рады. А Лиара шла следом и думала о словах Найрин. Великая Мани, как же я хочу поскорее оказаться в Данарских горах! Прости меня за это желание бежать отсюда как можно быстрее. Прости.

===== Глава 36. Принятая жертва =====

— Расслабьтесь, — тихий голос Найрин плыл сквозь помещение, медленный и вязкий, будто ртуть. — Прогоните прочь все мысли, не думайте ни о чем. Есть только Огненная в вашей груди, есть только Ее свет и Ее тепло. Ощутите, как Она наполняет вас.

За окнами темнела ночь, полная звезд и мерцающего снега. Сугробы уже отяжелели, дряхлые, закостеневшие после долгой зимы, и первое весеннее солнце подтапливало их, с каждым днем слизывая раскаленным языком слой за слоем старого снега, делая их все ниже, все слабее. Горы наполнились сыростью, влагой, что испарялась с поверхности сугробов и теперь стояла в воздухе, оседая на одежде и волосах, покрывая лицо тонкой влажной пленкой. Сильно пахло сосной и камнем, и этот запах пробивался даже сквозь толстые бревна стен Зала Совета. И вдыхая его, Рада чувствовала, как в груди все сильнее и сильнее разгорается пламя. Будто в топку в груди кто-то швырял одну за другой охапки трескучей, ярко горящей сосны. И правда, Огненная, Твое дерево. Смолистое, разгорающееся так быстро, горящее так жарко.

— Огненная течет в ваших венах. Огненная дышит в вашем сердце. Огненная в вас.

Рада почти чувствовала это. Невыносимое давление на грудную клетку, где за толстым слоем мяса и костей пылало все ярче, наполняя всю ее, пронизывая ее насквозь своими лучами, маленькое солнце. С каждым днем здесь оно росло, будто семя, брошенное в жирную черную почву, становилось все больше, превращаясь из крохотного огонька свечи в ревуший лесной пожар. Она задыхалась, не в силах переносить его жар и давление, и она молила, молила с каждым днем все сильнее, чтобы этот жар разгорался еще больше, чтобы он поглотил ее, заполнил ее всю.

Огненная, я все отдала Тебе. Все, чем я была, чем владела, все, что любила, все, к чему стремилась. У меня нет больше ничего, кроме меня самой. Так возьми же меня Себе целиком.

Комочек в груди раскалился до трескучего полымя кузнечного горна. Рада дышала, и ей казалось, что раскаленный воздух проходит через все поры ее тела насквозь. Перед закрытыми глазами не было ничего, лишь темнота, в которой медленно перетекали золотые волны. Так было всегда, когда она уходила в себя, когда сосредотачивалась в медитации вместе с искоркой и анай. Они все говорили, что видели что-то, что им приходят образы Роксаны, пламени, Великой Мани. Рада не видела ничего, лишь золотые волны, переливающиеся сквозь нее, словно шумливый прибор в напитанный солнцем летний день.

Позволь мне увидеть Твои глаза. Позволь мне хоть раз взглянуть в Твое лицо. Почему Ты не приходишь ко мне, Грозная?

Ей все время казалось, что она все делает не так, что она недостаточно стремится, что ее желание все еще не настолько искренно, чтобы Грозная ответила. Все было так просто там, за семью Преградами, когда каждый миг жизнь буквально висела на волоске, и что-то невыносимо живучее в ней, что-то невероятно жадное до следующего удара сердца и следующего вдоха само тянулось к Великой Мани, моля ее о помощи. Рада помнила, как все тело страстно желало Ее присутствия, как каждая клетка распаивалась Ей навстречу, словно ставни на окне, которые выбило резким порывом ветра. Теперь же все шло так медленно, с таким трудом. Казалось, что кто-то забил ее тело в жесткие дубовые колодки, и оно стало неподатливым, несогласным сотрудничать, совершенно инертным. И Рада была заперта в нем, будто в клетке.

Роксана, я смогу. Я смогу!

Зажмурившись еще больше, Рада изо всех сил сосредоточилась на золотой пульсации в груди, прогоняя прочь все мысли. Подумать она успеет и позже, а сейчас не было ничего важнее этой весенней песни между ребер, этого дыхания свободного ветра, этого сладкого запаха сосен, наполняющего ее какой-то невыразимой свежестью. Она и сама не понимала, что именно делает, но принялась раздувать это пламя, поднимать его вверх. Будто дрова, она бросала в огонь Роксаны свою любовь, первый смех сына, застывшие на фоне закатанного неба листочки березы, шепот моря в густых ночных сумерках. Все то, что было ей так дорого, все то, что заставляло ее сердце петь и биться чаще.

Пламя росло, становясь все больше и больше, как костер Жриц в черную зимнюю ночь. Рада ощущала, как оно медленно движется вверх, проходя сквозь напряженную точку в горле, еще выше, к буквально раскалившемуся, словно горшок с углями, черепу. Между глаз невыносимо заболело, но она отказалась реагировать на боль и взметнула его еще выше, прямо к точке в темени, моля, зовя, крича мысленно Роксане. Услышь меня, Грозная! Ведь я горю для Тебя!

Тело стало странно чужим, каким-то чересчур вязким, тупым. Ноги и руки потеряли чувствительность, пальцы онемели, и Рада отстраненно ощутила, какие они холодные. И сразу же отбросила прочь эти чувства. Это было неважно сейчас. Значение имело только движение вверх.

С новой силой она сосредоточилась в голове, проталкивая и проталкивая огонь, поднявшийся в ее собственной груди, еще выше, в точку, которую смутно ощущала над головой. Ее собственный череп стал таким твердым и тяжелым, словно на голову надели чугунную кастрюлю. Рада нажала еще сильнее. Это был всего лишь череп, всего лишь кусок

кости и ничего больше. Разве он действительно мог помешать току энергии? Разве он действительно мог замедлить или остановить ее, если она с такой легкостью пронизывала его, не встречая препятствия, раньше, когда лилась на голову Рады водопадом?

А потом вдруг что-то случилось. Рада вырвалась.

Пустота. Пространство без края, границ, пределов. Мягкость нежнее белого пухового перышка, сгущенная сила, дрожащая от собственной энергии, пульсирующая, как огромное сердце. Отстраненно она все еще чувствовала собственное тело, но это было больше не важно. Радость золотыми потоками лилась вниз, наполняя всю ее, радость первого вдоха, возвращения домой, радость птичьих песен и земляничных полей, радость торжествующих лучей творящего жизнь света. И Рада пила ее громадными глотками, пила и все никак не могла напиться. Она и была этой радостью, она была этим светом.

Роксана! Выше! Здесь не было движения, потому что не было тела, не было ничего, ни верха, ни низа. Но она все же двинулась, взбираясь все выше и выше. Туда, где свет становился разреженным ничто, где каждая частичка сияла, заключая в себе миллиарды миров и первое семя. Туда, где свет был всем.

Грудь стиснули тяжелые обручи, сердце ударилось, один раз, другой, а потом вдруг принялось молотить так, будто она бежала со всех ног на крутой горный склон. Рада ощутила вытягивание. словно что-то, накрепко привязанное к этому сердцу, тянуло ее обратно, все быстрее и быстрее. Она медленно скользнула внутрь собственной плоти, и громадное светлое над ней отдалилось, отступило, оставшись смутным ощущением на грани чувств. Оно все еще было здесь, оно всегда было здесь, но она уже отвернулась от него. Лучшее слово Рада вряд ли смогла бы подобрать.

Она вздохнула, едва вспомнив, как это делать, вздохнула аккуратно, потому что тело чувствовалось едва ли не совсем мертвым. Только сердце в груди невыносимо колотилось в ребра, буквально душа ее этим стуком. И дар Роксаны за ребрами все также пылал солнцем, обжигая нутро.

Одно за другим возвращались чувства, словно тело вспоминало, как это: управлять самим собой. Руки и ноги онемели и не двигались, пальцы чувствовались ледяными, будто она держала их в сугробе. Болела шея из-за того, что ее голова свесилась слишком низко на грудь. Кровь перестала приливать к черепу, и когда Рада попыталась поднять голову, перед глазами закрутились ворохи черных мух. Потом вернулось ощущение пространства, плоскости и объема, ощущение воздуха на коже, других людей вокруг. Рада окончательно пришла в себя, встряхнув головой, и осмотрелась, часто моргая глазами, перед которыми с трудом, но выстраивалась картинка происходящего.

На полу недалеко от горящего очага кружком сидели Найрин, Лэйк и Торн, скрестив под собой ноги. Глаза их все еще были закрыты, лица не выражали ничего, кроме спокойствия, расслабленные тела каким-то странным образом держались в вертикальном положении, хотя саму Радую скрючило в три погибели. Искорка лежала рядом на полу, вытянувшись во весь рост, и вид у нее был изможденным. В последнее время нисхождения силы к ней были такими сильными, что она не могла выдерживать их сидя и ложилась. Глаза искорки были открыты, она медленно моргала, глядя в потолок и возвращаясь в себя.

Рада шевельнулась, постаравшись поднять руки, но те, словно безвольные тряпки, только сползли с колен, холодные и нечувствительные. Не слушались и ноги. Лишь сердце бухало в груди, грозя лопнуть в любой миг, и всего на один его бешеный удар Раде стало страшно. Она сразу же отогнала прочь все чувства, взмолившись Роксане. Найрин часто

повторяла, что главное — не бояться, что бы ни происходило. Страх вносил дисгармонию в общий процесс и мог сильно навредить и даже помешать ушедшей в предначальную тишину душе вернуться в тело.

Успокоившись, она принялась осторожно шевелить плечами, разрабатывая руки. Очень медленно, но ток крови все-таки восстановился, и ладони ощутили первые болезненные признаки приближающейся судороги. Рада еще успела вдохнуть, а потом судорога выкрутила жилы, едва не швырнув ее на пол и заставив прикусить губу, чтобы не вскрикнуть. Несколько секунд ее било, не отпуская, потом чувствительность вернулась, и самые обычные иголки онемения вонзились в подушечки ледяных пальцев, а Рада поняла, что наконец-то может управлять ими.

Кажется, еще ни разу я не уходила так далеко. Надо быть осторожнее.

Рада выровняла дыхание, приказав себе вдыхать и выдыхать медленно и осторожно, хорошо размяла, растерла друг о друга ладони, пока не убедилась, что они вновь теплые и гибкие. И только после этого начала потихоньку разминать ноги. Здесь дело обстояло еще хуже. Сколько бы она ни терла, ни щипала, а ноги чувствовались двумя мягкими кусками мяса, и даже кости в них теперь были словно желе. С опаской глядя на то, как безвольно волочится ее стопа по полу, пока она осторожно руками выпрямляла согнутую ногу, Рада на миг задумалась, а могут ли вот так просто сломаться кости? Если она, например, поставит ногу в неудачное положение, и атрофировавшиеся мышцы не выдержат нагрузки?

Атмосфера изменилась, став более густой, более насыщенной и искрящейся. Рада уже научилась чувствовать этот переход. Он означал, что из медитации выходят и остальные, возвращаясь обратно в свои тела. Первой открыла свой глаз Лэйк, и взгляд синего льда из-под густых черных ресниц был таким пронзительным, что Рада поежилась. Иногда ей казалось, что эта женщина сама была силой, к которой Рада так отчаянно тянулась, буквально состояла из нее, хранила ее в себе, как колодец — воду.

Следом за ней пришли в себя Найрин и Торн, и несколько минут они продолжали молчать, восстанавливая сердечный ритм и дыхание, приводя в порядок онемевшие конечности.

— Глубоко сегодня, — первой проговорила Лэйк, разорвав краткой фразой тишину Зала Совета. Взгляд ее все еще был невыносимым, но сила уже медленно затухала, сворачиваясь где-то в глубине ее существа.

— Сильный день, — сипло согласилась Найрин, часто смаргивая и на ощупь находя ладонь сидящей рядом с ней Торн.

Рада взглянула на лежащую на полу искорку, к которой вернулся нормальный теплый цвет лица, и, едва вспомнив, как говорить, тихонько спросила ее:

— Все нормально, искорка? Хочешь попить?

Та только кивнула, часто моргая и без какого-либо выражения глядя на Раду.

Ноги все еще были ватными и непослушными, и Раду сильно покачивало из стороны в сторону, но она, все же, поднялась и прошагала к столу, на котором в большом медном чайнике стыл чай. Плеснув в чашку, она неуклюже вернулась к искорке и дала той напиток. Руки у нее были холодные, словно лед, а зубы выстукивали дробь по краю чашки.

— Все меняется, — задумчиво проговорила Торн за спиной Рады. — Никогда я еще не чувствовала ничего подобного. Никогда Роксана не была так сильна.

— Я думаю, это потому, что мы начали взывать к Ней несколько иначе, — отозвалась Найрин. — Мы никогда раньше не шли на контакт вот так, намеренно, в полном покое. И ты

права, что-то действительно меняется. Кажется, будто Она ближе. Среди нас.

Рада лопатками ощутила чужой взгляд и обернулась через плечо как раз вовремя, чтобы заметить, как Найрин отводит глаза в сторону. Они уже не раз говорили о том, что Рада с искоркой могут быть теми двумя эманациями Небесных Сестер из четырех, знание о которых пришло к Найрин, когда она работала над Источником Рождения в самом конце Великой Войны. И если поначалу эта мысль заставляла Раду вздрагивать каждый раз всем телом, а внутри шевелилось какое-то странное, лихорадочное предвкушение, то теперь она уже не чувствовала ничего. По большому счету это было и неважно. Даже если Великая Мани выбрала их для какой-то цели, даже если они действительно были не совсем людьми, а чем-то большим, Раду это больше не волновало. Я сделаю все, что Ты от меня хочешь. Я выполню Твою волю, веди меня.

Наверное, это и было самым сложным для нее — расслабиться. Оказалось, что самые простые вещи на этом свете давались тяжелее всего. Рада всегда привыкла сама идти по жизни, бороться за себя, выбирать свой собственный путь, решать. Она всегда всего добивалась собственными силами, даже когда ей помогали, шагала она все равно сама. И впервые в жизни она столкнулась с чем-то, что невозможно было контролировать.

Золотой комочек дара в ее груди не зависел ни от ее желания, ни от ее стремления, ни от ее настроения. Он просто был, днем и ночью, когда она тренировалась, ела, спала, когда она любила искорку или дышала сосновым запахом гор. И, как бы она ни пыталась усилить его, как бы ни хотела, чтобы он уже во что-то превратился, стал чем-то иным, открыл ей свое чудо, ему все было нипочем. Просто этот огонь день ото дня рос внутри, становясь все сильнее, набираясь мощи, пропитывая ее грудную клетку, заполняя ее. И единственный способ дать ему вырасти быстрее был в том, чтобы не мешать ему. Открыться целиком и полностью, отдать себя в руки Роксаны, позволить Ей Самой решать, что делать с Радой.

Это было гораздо интимнее, чем даже близость с ее искоркой, ведь она отдавала Роксане не только свое тело, свои эмоции, свою любовь. Она отдавала все, до самого последнего волоска, все, чем она являлась, она отказывалась от любого поползновения собственной воли, от любой попытки содействовать, сделать, свершить. Полная сдача, с распахнутыми руками и открытым сердцем. И это было очень страшно и очень тяжело.

— Кажется, вы принесли нам даже больше, чем мы показали вам, — усмехнулась Лэйк, и ее низкий голос вырвал Раду из размышлений. — Я никогда не чувствовала Роксану... так. И никогда не почувствовала бы, если бы ты, Лиара, не показала нам, как идти к Ней навстречу.

— Я просто делаю так, как чувствую, первая, — неловко пожала плечами искорка, и Рада слегка обняла ее, помогая держаться прямо. Каждый раз после медитации искорка слабела и не сразу могла начать самостоятельно передвигаться.

— Как и мы, Светозарная. — Найрин мягко улыбнулась ей, и на щеках ее расцвели глубокие ямочки. — Поистине, ваше место здесь, среди нас.

— Да, — твердо кивнула Лэйк, и взгляд ее вновь обрел привычную собранность и четкость. — И время пришло. Так что приходите в себя, попейте, отдышитесь, и пойдём. Ведьмы не слишком любят ждать.

Рада вскинула голову, не понимаяюще глядя на Лэйк.

— Что ты имеешь в виду, первая? Куда пойдём?

— Я поговорила с Мани-Наставницей и со Старейшей Способной Слышать, — негромко сообщила Лэйк. — Естественно, что вы слишком взрослые для того, чтобы

проходить первую инициацию вместе с Дочерьми. К тому же, вы прошли Семь Рубежей, а потому вряд ли вам нужно учиться ориентироваться в лесу, — уголок ее губ дернулся, намекнув на улыбку. — Так что сегодня вечером Старейшая и Жрицы проведут вам церемонию принятия долора и обреют виски.

— Мы просто ждали весеннего равноденствия. С завтрашней ночи начнется восход на небо Грозной и Ее время, так что лучший момент сложно придумать, — добавила Найрин, широко улыбаясь.

— Вот как!.. — Рада заморгала, не совсем понимая, что только что произошло. После возвращения в тело внутри все еще стоял золотистый туман переживания, и ей сложно было сразу осознать, что говорит им Лэйк.

Прошло уже две недели с тех пор, как они вернулись из Мелонии. Жизнь вошла в привычную колею, проходя в тренировках и общении с разведчицами, в вечерних медитациях вместе с царицей, первым клинком и зрячей. Рада едва успела оправиться после прощания с сыном, этот удар оказался гораздо чувствительнее, чем она ожидала. Потому она все больше старалась нагружать себя, чтобы не думать о свернувшейся под сердцем клубком боли, и первый клинок Торн с удовольствием гоняла ее по Ристалищу каждый день, следя за тем, чтобы ее обучение было максимально интенсивным.

Рада уже успела освоить нагинату и немного катаны, хоть с последними было пока еще очень сложно. Левая рука у нее была не так хорошо развита, как правая, удар оставался медленным, каким-то слишком слабым...

— Подожди, что?! — вдруг дошло до Рады, и она вытаращила глаза на царицу. — Сегодня нас примут в клан?!

— Да, Рада, — хмыкнула Лэйк, отбрасывая кивком головы с лица короткую челку.

— Совсем примут? И мы станем одними из вас? — уточнила она, все еще не веря.

— Да, — кивнула царица, а Торн добавила:

— Официально вы будете числиться Младшими Сестрами до того, как завершите последнюю инициацию у Источника Рождения. Великая Царица пожелала, чтобы это случилось как можно скорее, так что пора вам уже обзавестись долорами.

— Но мы же всего несколько недель у вас! — глаза искорки расширились от удивления и надежды, на щеках выступил румянец. Рада ощутила, как ее ладошка сильно сжала ее руку и мелко подрагивает от волнения. — Мы еще не слишком много знаем, не много умеем!..

— В вашей груди поет Огненная, — пожалала плечами Лэйк так, будто все это объясняло, а Найрин, широко улыбаясь, только рукой махнула:

— Научиться, сколько раз нужно кланяться и с кем первым заговаривать, а с кем нет, вы еще успеете. Но самое главное у вас уже есть — ваше стремление, ваша сила духа. Только для того, чтобы вырастить ее, анай учатся так долго и упорно. Так что вы готовы для принятия долора.

— Ох!.. — только и смогла сказать Рада.

Она взглянула на искорку, чувствуя, как в груди поет и поет золото. Та была такая красивая, такая родная, такая солнечная сейчас! Свет огня из чаши Роксаны собирался на доньшках ее штормовых глаз и освещал все ее лицо мягким сиянием, брови разгладились, на губах цвела широкая улыбка, и Раде вдруг вспомнилось, как она выглядела за Гранью. Неземное мое чудо, самая красивая моя песня, самая волшебная сказка! Вот и пришло наше с тобой время. Вот мы и стали частью чего-то гораздо большего, чего-то огромного. И пройдет совсем немного времени до того, как я смогу положить долор у твоих ног по традиции анай

и взять тебя в жены. Сделать, наконец, то, о чем я и не смела мечтать.

Только внутри у Рады все равно что-то тихо-тихо скреблось. Как жучок, что исподволь точит старое дерево, покрывая его несмываемыми узорами, глубокими бороздами одному ему известного орнамента. А смогу ли я стать частью этого народа? Смогу ли я быть одной из них?

Рада ощутила, как внутри кольнуло, и опустила глаза, не в силах смотреть в глаза Лиаре. Что-то в ней было иным, что-то, что не давало ей возможности целиком и полностью отдать себя этому народу. Казалось, это было даже сложнее, чем открыть себя для Роксаны, но почему-то Рада чувствовала, что это правильно. Что так и должно было быть.

Сложно было объяснить это щемящее чувство. Ощущение дороги, которая никогда не кончится, вечно стремясь к закату, в который, как в океан без дна, падает оранжевое солнце. Ощущение ветра, мчащегося без границ по миру, ветра, что всегда был молодым и сильным, ветра, который не удержали бы никакие обычаи, никакие законы, никакие правила. Что-то большее было там, за этим крохотным скребущимся внутри древоточцем. Чья-то улыбка, обещающая чудо, чей-то голос, что шептал не бояться, чьи-то руки, лежащие на ее плечах.

Рада решила, выдохнув весь воздух из легких, а потом склонилась перед Лэйк до самого пола, едва не ткнувшись носом в плетеную из тростника циновку. Кажется, так она еще никому и никогда не кланялась, но это было и неважно сейчас.

— Царица, я должна кое-что сказать тебе, — хрипло проговорила Рада, чувствуя, как две тяжелые ладони, что лежали на плечах, легонько щекочут ее тело огненными прикосновениями, подбадривая и помогая.

— Говори, Рада, — спокойно отозвалась Лэйк.

Всем телом она чувствовала на себе полный тревоги взгляд искорки, но сейчас нужно было быть честной. Абсолютно честной, потому что иного пути потом у нее уже не будет.

— Никогда в жизни я не хотела нигде остаться, никому служить. Никогда я не хотела быть частью какого-либо народа, какого-либо общества. Я всегда была одна и сама по себе. И только здесь мне захотелось остаться, среди вас. Только тебе служить. — Рада вскинула глаза, глядя на Лэйк, и та кивком головы показала ей выпрямиться. Говорить было сложно, но и правильно, и золото выливалось из ее груди вместе со словами, которые с таким трудом подбирает язык. — Нет мечты более великой, нет дороги более правильной, чем та, по которой вы идете. И я горда, что вы приглашаете меня идти вместе с вами. Но я чувствую что-то... — она замялась, пытаясь подобрать слова. — Я чувствую, что я не должна быть связана. Ни именем, недаром же у меня его столько раз отбирали и давали вновь. Ни домом, потому что это лишь место, определенное место, которое рано или поздно тоже превращается в клетку. Ни народом, потому что интересы народа всегда выше интересов одного человека. А я иду туда, куда ведет меня что-то внутри меня. Я иду за этим голосом, за этим пламенем. Я не знаю, когда и как Великая Мани призовет меня, я не знаю, что Она готовит для меня, и все что я могу и хочу делать — это идти по Ее дороге. Может случиться момент, когда Она прикажет мне уйти отсюда, когда Ей понадобится мое присутствие в другом месте, и что тогда? Получится, что я предаю мой народ и людей, сделавших для меня так много? Принявших меня в свой дом? Я не могу так, первая, пойми.

Искорка вновь сжала ее руку, ободряя ее, и почему-то, хоть Рада совсем и не понимала почему, на ее губах была полная любви, нежности и неземного света улыбка, будто Рада сделала что-то хорошее, что-то очень правильное. Торн смотрела на нее задумчиво, потирая пальцами длинный подбородок. Найрин почему-то тихонько улыбалась, часто моргая и

глядя в пол, словно вспомнила что-то очень дорогое для нее самой.

А Лэйк вдруг в ответ точно так же низко поклонилась Раде, как кланялась она сама какие-то несколько мгновений назад. Рада опешила, глядя на то, как царица разгибается и смотрит на нее, а в ее синем глазу пляшут лукавые огоньки.

— Много лет назад, в разгар Великой Войны, я заключила сделку с кровными врагами моего народа и отправилась на развалины запретного для анай города, чтобы узнать правду, которая могла уничтожить мой народ. Я пошла потому, что глубоко внутри себя знала — мне нужно туда идти. И это была воля и зов, непреложный приказ, который невозможно нарушить. На развалинах города я узнала о том, что никаких Небесных Сестер не существует, а мой народ, которым я так гордилась, — лишь следствие чудовищного эксперимента, уничтожившего целую расу. И что нам противостоит сила, в десятки раз превосходящая нас числом. И что мне нужно убить одну из самых сильных цариц анай, а потом заставить весь мой народ прекратить вражду с кортами, длящуюся две тысячи лет. — Лэйк уже улыбалась, и эта улыбка совсем изменила прямые и твердые черты ее лица, сгладила их, смягчила. И свет, что обычно лился из ее глаза и буквально заставлял хребет Рады сгибаться пополам, сейчас был нежным, как первые весенние листочки, только-только выбравшиеся из тугих почек. Остальные анай тоже улыбались, глядя то на царицу, то на Раду, и на лицах их было написано что-то очень важное, чего она все никак не могла понять, хоть и отчаянно пыталась. — Я всегда чувствовала волю, что ведет меня, — продолжила Лэйк, — и руки, что направляют. Я не сомневалась, когда они направили меня против вековых устоев моего народа, против сильнейшей царицы, обычаев и священных правил, против самой веры. Я верила лишь этим рукам, и, в конце концов, они спасли мой народ. Так что я прекрасно понимаю, о какой воле ты говоришь.

Рада ощутила, как в груди развязываются туго скрученные узлы тревоги, как что-то расслабляется, распрямляется в ней, вставая на место. Лэйк прямо взглянула ей в глаза.

— Когда Небесные Сестры и Их Великая Мани позовут тебя, я не встану на твоей дороге, и я отпущу тебя в тот же миг, как ты того захочешь. Не в нашей власти знать, что на уме у Грозной, мы можем лишь следовать Ее воле, принимая ее всей душой. И я бесконечно рада, что ты наконец-то поняла это. Потому я все же зову тебя к нам, Рада Черный Ветер, если тебе того захочется. И клянусь, что никогда не встану между тобой и судьбой, которую выбрали для тебя Небесные Сестры.

Лэйк протянула ей ладонь. Рада смотрела на нее во все глаза, чувствуя, как что-то происходит сейчас вокруг них. Весь мир затих, весь мир стал одной единственной золотой струной, протянутой между ладонью Лэйк и ее собственным сердцем, гулко стучащим в груди. И впервые в жизни Рада поверила, что эта женщина никогда не обманет ее.

Она протянула руку и твердо пожала ладонь Лэйк, а потом вновь глубоко склонилась перед ней.

— Я принимаю тебя, как свою царицу, Лэйк дель Каэрос. Я клянусь повиноваться тебе во всем и хранить верность до тех пор, пока такова будет воля Небесных Сестер.

— А я принимаю тебя, Рада Черный Ветер, как часть своего народа, — проговорила царица, и в ее голосе слышалась улыбка. — И клянусь, что никогда не сделаю ничего, что могло бы запятнать твою честь или остановить исполнение задачи, к которой ты идешь.

В глазах зашипало, а огонь в груди вдруг превратился во что-то иное. В колкий горячий сгусток слез, которые так и стремились вылиться из ее глаз вместе с невероятным облегчением, которое она сейчас испытывала. Все вставало на свои места, все

выпрямлялось, принимая то положение, в котором и должно было быть. Эти полтора месяца, что они с искоркой провели в становище Сол, Рада до смерти боялась, что ее выгонят отсюда, если она не согласится подчиниться царице Лэйк из-за того неумолимого зова внутри нее, что, она точно знала, рано или поздно позовет ее в путь. И теперь сама Лэйк принимала ее, соглашалась учить и вести ее ровно до тех пор, пока Раде не нужно будет уходить. Она дает мне столько, сколько, кажется, никто в моей жизни еще не давал. Возможность жить и учиться здесь, с ними, дом, свадьбу с искоркой, детей с ней, еще один шанс попробовать заново, еще один шанс стать той, кем я должна была быть с самого начала. Есть ли дар более ценный, который можно получить от смертной женщины в этом мире? Слезы все-таки навернулись на глаза, и она зло сморгнула их, надеясь, что никто этого не заметил. У анай было не принято слишком ярко проявлять свои чувства, хоть Найрин и поминала мимоходом, что эта традиция уходит в прошлое. И все же, Рада хотела быть, как они.

— А ты, Лиара? — Лэйк взглянула на искорку. — Ты согласишься стать частью нашего народа?

— Да, моя царица, — искорка вдруг счастливо рассмеялась, тоже моргая часто. Глаза ее были влажными. — Кажется, я всегда была его частью, хоть и не знала об этом.

— Думаю, так оно и есть, — с затаенной улыбкой кивнула царица. — Ну а теперь пойдете. Саира уже должна бы все подготовить. Она терпеть не может ждать меня, так что будет лучше, если мы поторопимся.

Рада поднялась, приобнимая искорку за плечи и чувствуя себя легкой, будто перо, которое подхватил и уносил все выше и выше ветер. Золотая легкость после медитации так никуда и не делась, опустившись внутрь нее и теперь пропитывая той же странной, нечеловеческой радостью все ее тело. Найрин и Торн улыбались им с искоркой, позволив выйти следом за Лэйк первыми. Рада едва заметила, как набросила на плечи черную шерстяную куртку, трясущимися пальцами застегнув ее на все пуговицы. Сейчас в горах уже было теплее, и дубленка не требовалась.

Взять в свою ладонь маленькую ладошку искорки было сейчас так важно, так дорого. Каждый миг наполнился значением, каждая секунда обрела смысл и вес. Рада ощущала правильность в глазах своей любимой, сияющих ярче тысячи звезд, красивее тысячи нимф. В том, как впереди нее шагала, расправив плечи, ее царица, в том, как поднимался над горами сырой ветер, наполняя ее волосы запахом сосен и весны.

Впереди посреди Плаца горел высокий костер. На его фоне виднелись сотни и сотни фигур, собравшихся здесь в этот поздний час, когда дневная работа и учеба уже были закончены. Все внутри Рады задрожало от золотого предвкушения, от волнения, полного радости.

Сквозь прохладный ночной воздух плыла странная, волнующая сердце мелодия барабанов, флейт, скрипок. Песни анай были совсем не такими, как те, к которым привыкла Рада. Надрывные, полные какого-то невыносимого голода, тоски, желания, с нечетким, часто рвущимся ритмом, с переливчатыми нотами, от которых звенело сердце. Она уже несколько раз за время пребывания в становище слышала, как играли музыканты по вечерам на Ристалище, когда кому-нибудь хотелось потанцевать. Но обычно вместе собиралось всего две-три сестры, а сейчас музыка плелась как минимум десятком инструментов, и каждый играл так, как шептало ему сердце. Потому мелодия переливалась всеми красками мира, журчала ручьями, гроыхала камнепадами, складываясь в одну Песню из многих голосов,

каждый из которых только подчеркивал и дополнял другие.

— Как красиво!.. — вздохнула Лиара, закрывая глаза и вслушиваясь в музыку. На лице ее отражались блики огромного костра. Рада не удержалась и поцеловала ее в висок, притянув к себе кудрявую голову.

На фоне костра танцевали закутанные в белое Жрицы. Впервые Рада видела их так близко. Они сталкивались несколько раз за эти недели в лагере, но покрытые татуировками, почти налысо выбритые женщины лишь улыбались ей и уходили прочь, не подходя близко. Найрин объяснила ей, в чем тут дело. Жрицы сберегали культуру анай, все они являлись любовницами Огненной, и их святость не позволяла им входить в непосредственный контакт с чужеземцами. Причем считалось, что это как раз для блага чужеземцев, ведь исходящая от Жриц святость могла заразить их и повредить их душам и телам.

Сейчас Жрицы танцевали на фоне громадного пламени, то и дело принося к нему, обнимая его руками и распутившимися за спиной огненными цветами крыльев, словно оно и вправду было живым, было Самой Роксаной, сошедшей к ним на землю. Они двигались так плавно, зовуще, тягуче, подчиняясь рисунку музыки и пляске огненных языков, взметающихся в черное небо, что у Рады дух захватило. Из-под краев белых шерстяных балахонов Жриц виднелись татуировки: огненные языки пламени, покрывающие все их тело, причем казались они частью кожи, ее обычным цветом, а не нанесенным сверху рисунком.

Чуть в стороне от костра стояла группа ведьм, целиком замотанных в белые балахоны, причем капюшоны были надвинуты так низко, что лица Способных Слышать терялись в темноте. Впереди, поддерживаемая какой-то высокой ведьмой, стояла маленькая худая фигурка, слегка подрагивая от напряжения. Лэйк говорила, что это — Старейшая становища Сол, но Рада никогда еще не видела ее вживую.

Их заметили еще издали, и Каэрос приветственно загомонили, закричали, заулюлюкали, скидывая руки. Рада смущенно улыбнулась, вновь притягивая к себе искорку, будто ища у нее поддержки, отвечая на кивки приветствующих ее сестер. Теперь она знала уже почти всех в этом становище, а кое с кем у нее сложились отношения, которые можно было бы назвать дружескими.

Сзади подошла Торн, склонившись к ним с Лиарой и негромко проговорив:

— Помните, чему я вас учила, и следуйте всем приказам царицы. И все будет хорошо.

— Спасибо, первая! — тихонько поблагодарила искорка, а Рада только кивнула. Горло от волнения пережало так, что она не могла ни слова вымолвить.

Царица шла первой, и Каэрос расступались перед ней, почтительно кланяясь. У костра на фоне танцующих Жриц стояла Держащая Щит Саира, сложив на груди руки и нетерпеливо постукивая ногой по снегу. Увидев Лэйк, она что-то негромко ей сказала, и царица ответила, кивая головой.

— Я люблю тебя, Рада! — искорка вскинула на нее свои огромные глаза, горящие гораздо ярче поднимающегося к небу костра.

— И я люблю тебя, искорка, — ответила она, ощущая всем телом сводящую с ума нежность.

Потом они вышли к самому пламени костра, остановившись в нескольких шагах от танцующих Жриц. Каэрос сомкнулись за их спинами, постепенно замолкая и наблюдая за церемонией. И Жрицы, чьи взгляды были затуманены, словно под действием каких-то опьяняющих веществ, тоже медленно остановились, расходясь в стороны от костра и все еще продолжая пританцовывать, улыбаясь кому-то невидимому. Музыка стала чуть тише и

спокойнее, а Способные Слышать запели мантры, непонятные слова на тягучем языке, от которых череп Рады начал вибрировать, будто кто-то колотил ложкой в пустой котел, а пульс участился, заставляя все тело буквально дрожать от нетерпения.

Лэйк развернулась лицом к клану и вскинула руку. Все разговоры мигом прервались, и на становище пала тишина, которую буквально пропитывали насквозь пропеваемые Способными Слышать мантры под тихую музыку.

— Огненноглазая, Ревнивая, Жестокая! Дарящая Жизнь и Жизнь Отнимающая! — громко возвестила Лэйк, и сердце Рады дрогнуло в груди. Лэйк говорила так, словно обращалась к кому-то родному, близкому, давно знакомому. И атмосфера вокруг нее сгустилась, а огненные руки на плечах Рады нажали сильнее, став ощутимее. — Сегодня прими в ряды Свои Своих Дочерей, созревших для того, чтобы со славой нести Твое яростное знамя! Прими тех, кто доказал свою силу, свою ловкость, свою храбрость, кровь, данную Тобой, звенящую и сверкающую, как Твои небесные копья! Прими тех, кто держит в руках будущее Твоих детей до скончания времен!

Бесновались языки костра, отражаясь в единственном глазу царицы Каэрос, играя на длинном белом шраме через все ее лицо. Она кивнула им с искоркой, и Рада опустилась на колени в снег, без единой мысли, без единого чувства, вся состоящая из глухо бухающего в ушах сердца. А одна из Жриц обогнула костер и направилась к ним с искоркой, неся что-то в руках. Рада сощурилась и разглядела алый шелк, из-под которого тускло поблескивали две костяные рукояти.

Долор — душа анай, говорили Каэрос, и на поясе каждой из них, к какой касте она бы ни принадлежала, висел этот клинок. Никто так и не смог объяснить Раде, откуда именно пришел этот обычай, но зато все, как одна, Дочери Огня твердили, что ничего важнее долора у них нет. Он доставался из ножен только в нескольких случаях в жизни. Когда анай вызывала на бой другую анай; когда делала предложение женщине, с которой хотела связать судьбу; когда проводила ритуал добровольного принесения в жертву Богини собственной жизни из-за проступка или нежелания жить дальше — уходила с долора. Только увидев костяную рукоять в руках Жрицы, Рада вдруг наконец всем телом поняла, что их и вправду приняли.

Опустившись на колени перед ней в снег, Жрица улыбнулась ей, а потом вытянула из свертка долор и потянулась к голове Рады. Та не отдернулась, подставляя виски. По традиции волосы будущих Младших Сестер состригали впервые в жизни во время первой инициации, оставляя лишь длинный хвостик на затылке, как память о том, кем они были раньше, как знак преемственности поколений.

Изогнутое, волнистое лезвие долора, отражающее языки пламени громко хрумкало над ушами Рады, когда Жрица быстро и аккуратно отрезала ей лишние пряди. Ветер непривычно вплелся в совсем короткие волосы, охлаждал сырым дыханием затылок. Всего несколько минут, и все было кончено. Жрица поцеловала Раду в лоб, пробормотала мантру и вложила в ее руки долор, а потом пересела в снег возле искорки.

А Рада все смотрела и смотрела на волнистое лезвие и рукоять из потемневшей кости. На то, как вбирает в себя клинок пламя костра. Она никогда не была частью какого-либо народа, она никогда не чувствовала себя причастной к чему-то великому. Она всегда была одна, сама по себе, наедине с собственной борьбой и со своими бесами мхира. И вот теперь, впервые в жизни, она перестала быть одинокой. И в ее руках лежала ее собственная душа, такая же, как и у всех анай вокруг, заключенная в волнистый клинок с костяной рукоятью.

Над густыми кудряшками Лиары Жрица билась гораздо дольше, чем над прямыми золотистыми прядями Рады. Но, в конце концов, управилась, поцеловав в лоб и ее. А потом быстро собрала на снегу их пряди и принялась сплетать вместе, в одну косу. Закончив, Жрица поднесла косу в руки Старейшей Способной Слышать, и та с трудом, при помощи поддерживающих ее ведьм, подковыляла к костру.

— Как волосы, скрученные, сплетенные вместе, так же и вы будете одним целым, — нараспев забормотала надтреснутым высоким голосом Старейшая ведьма, бросая косичку в огонь. — Пред Очами Богини, в Ее пламени, станете вы сплетенными, скрученными едиными, и сгорите с Ней, когда придет ваше время!

Кажется, будто прямо сейчас они на самом деле благословили нас, связав нашу судьбу. Рада взглянула на искорку, чувствуя, как любовь переполняет ее грудь, задыхаясь от нежности, которой горели обращенные на нее бездонные глаза Лиары. Кудряшки ее теперь было совсем короткими и смешно топорщились в стороны, открыв взгляду слегка оттопыренные ушки. Кажется, будто это и есть наша свадьба. Самая настоящая, гораздо более красивая, чем все, что я только могла представить.

— Поднимитесь, Младшие Сестры Каэрос!

Поддерживая искорку, Рада поднялась во весь рост, вдыхая терпкий запах сосен, снега, зимы с едва слышной ноткой паленой шерсти, с которой Роксана приняла ее жертву. Все я отдаю Тебе, Огненная. Все, что только есть у меня.

Ей казалось, что теперь церемония кончилась, но Лэйк вновь заговорила, и ее низкий голос звучал тихо и напряженно:

— Сейчас вы находитесь пред Ее Очами, и именно Она оценивает вас, рассматривает вас и выбирает тех, кто однажды станет Ее любимицами. Вы уже заплатили цену, отдав Ей свою память и прошлое, ушедшее вместе с вашими волосами. Теперь вы должны принести Ей то, что есть вы, отдать Ей свое тело.

Рада заморгала, удивленно глядя на Лэйк. Об этом их никто не предупреждал, и она просто не знала, что произойдет дальше. Что значит: отдать тело? Какой-то символический ритуал?

— Вы никогда и никому не расскажите о том, что случится, когда Она дотронется до вас. Вы никогда не будете хвалиться этим, гордиться этим или кичиться этим. Как мани гладит свое дитя, так и Роксана обнимет вас в первый раз, благословляя на ваше будущее.

Лэйк отступила на шаг назад, стоя теперь на самом краю пламени и протягивая руку к костру. Способные Слышать запели странную песню, единственную песню со словами, которую Рада здесь пока что слышала:

— Прими, о Мани, Дочерей Своих! Прими к Своим рукам, к Своим стопам!..

Песня барабанов и скрипок вновь зазвучала громче, настойчивее. А Рада все не понимала, что ей надо делать, рассеяно глядя то на Лэйк, то на такую же сбитую с толку искорку.

— Шаг вперед, Младшие Сестры! — приказала Лэйк. — Погрузите левую руку в огонь и знак того, что отдаете себя Ей!

Рада вздрогнула. Не этого она ожидала. Она-то думала, что ритуал будет символическим, как эта штука с косичкой. Два перепуганных огромных глаза искорки поднялись на нее, но Лэйк неумолимо указывала им обеим на костер. Твердо кивнула Найрин из-за ее спины, подняв левую руку и закатав рукав на ней, чтобы видны были татуировки пламени. Рада сглотнула. Раз нимфа смогла это сделать, сделаю и я. И ничего

страшного со мной не случится.

Сжимая в правой ладони долор, она шагнула вперед. Огонь дышал раскаленным жаром, но отчего-то сейчас Раде не было больно. Она сделала еще один шаг, и рядом с ней точно также двигалась искорка. Теперь пламя ревело прямо возле ее лица, пламя выше человеческого роста на громадном кострище из толстенных сучьев. И угли раскатывались в стороны от него, самые настоящие угли, только жара не было. Или его просто не было для Рады? Ведь снег вокруг костра широко протаял, оголив прошлогодние пожухлые травы, мелкие камешки и сухие листья.

Выручай, Огненная! Больше не сомневаясь, Рада погрузила левую руку в огонь, прямо по самое плечо.

Золотой свет на миг ослепил ее, напитав все тело, тот самый золотой свет и мягкое прикосновение радости, что всего какие-то минуты назад окружали ее во время медитации. Рада дышала, дышала ими, чувствуя, как все тело, будто губка, впитывает эту силу, пьет ее жадно, никак не может напиться и молит дать еще и еще. Как в тот миг, когда впервые Великая Мани позволила ей ощутить Свои руки.

Вокруг был лишь свет и еще что-то. Рада сощурилась, пытаясь понять, что это. Какая-то фигура танцевала в огне впереди, огромная, сильная, высокая, будто горы, и от нее распространялись невыносимые волны силы. Забыв, как дышать, Рада видела рыжий ворох кудрей, больше похожих на языки огня, два пламенника глаз, молнию в протянутой к ней навстречу руке. А потом два огненных крыла обхватили ее со всех сторон, и все в один миг кончилось.

Рада ощутила, что сидит на сухой земле возле самого костра, который продолжал реветь, взметая высоко вверх свои языки. Сырой ветер охлаждал ее стриженую голову, колени ощущали колкие камушки сквозь тонкую ткань штанов. В уши ворвалась торжествующая песня скрипок, барабанов и флейт, крики анай, странные тягучие песни Способных Слышать. Она обернулась к искорке, сидящей рядом с ней с потеряннным видом. Искорка вытянула перед собой левую руку и смотрела, смотрела на нее во все глаза. Рукав ее куртки обгорел до самого плеча и чернел обугленным краем. На руке от ладони до локтя виднелся ставший частью кожи узор из алых языков пламени. Они пульсировали изнутри светом, будто уголья, на глазах затухая и превращаясь в рисунок, точно такой же, как и у всех остальных анай. А еще выше, на предплечье, чернел символ анай — четыре закрученные посолонь капли в кругу, острыми концами наружу.

Не понимая, что только что произошло, Рада поднесла обе свои руки к глазам. В одной был зажат долор, другую, рукав на которой тоже сгорел до самого плеча, украшали огненные символы. Еще несколько секунд Рада во все глаза смотрела на свои татуировки, а потом выдохнула, поняв, что уже очень давно не дышит. И обернулась к Лиаре.

Искорка смеялась, и по щекам ее текли слезы.

— Мы смогли, Рада! Мы смогли! — звонко вскрикнула она, бросилась Раде на шею и обняла ее так крепко, что дух захватило. Ее сладкий запах заполнил ноздри Рады, смешавшись с ароматом смолы, гор, сырого ветра. И это было хорошо.

— Что ж, Рада, придется тебе все-таки надеть форменную куртку, — негромко хмыкнула стоящая рядом с ней Торн. — Твоя-то сгорела.

— Придется, — тихо повторила Рада, улыбаясь всей собой и утыкаясь лицом в остриженные, торчащие неровным ежиком во все стороны кудряшки искорки. — И хвала Роксане за это!

За окнами было еще темно, они с Саирой встали задолго до рассвета, чтобы успеть собраться и начать подготовку к празднованию дня равноденствия. Он отмечался не так шумно, как День Солнца или Ночь Зимы, однако в этот день все четыре Небесных Сестры по легенде встречались за одним столом и праздновали начало светлой половины года, время Роксаны, когда Она поднималась на небо со Своим огненным щитом и оставалась там большую часть суток. В этот день было принято просить друг у друга прощения, решать старые споры, забывать обиды. Праздник отмечался всеми кланами, и лишь Лаэрт придавали ему чуть меньшее значение, чем все остальные. Ровно также Каэрос не слишком шумно праздновали и осеннее равноденствие, когда на небе начинала править Аленна Милосердная со Своим щитом. Пока еще изменения, пришедшие в их жизнь после войны и реформ Великой Царицы, не слишком смогли поколебать сложившееся за тысячи лет положение дел.

Лэйк зевнула до хруста в челюстях, прихлебывая из чашки крепкий черный чай. Обычно она вставала чуть позже, хоть и все равно до света, и тело пока что отказывалось просыпаться полностью, храня в себе вялость и теплые объятия сна. Призывно пахла каша, обильно сдобренная кусками мяса, но она еще недостаточно проснулась, чтобы по-настоящему захотеть есть.

Напротив точно также сонно ковырялась в своей тарелке Саира. Ее черные косички, которые она наотрез отказалась сбривать, заявив, что это никоим образом не мешает ей быть Каэрос, сейчас были стянуты в толстый хвост на затылке, отчего ее крючковатый нос еще сильнее выделялся на бледном лице. В приглушенном свете чаши Роксаны и отсветов из жерла печи, в которой они только что разогревали завтрак, на ее лицо ложились тени, подчеркивая мягкость ее щек, красивый абрис губ, упрямый подбородок, брови с резким изломом. И черные глаза, такие глубокие, что каждый раз Лэйк, глядя в них, думала, что однажды утонет в ночной тьме двух этих горных озер и уже никогда не сможет выбраться.

Лэйк в который раз уже залюбовалась, чувствуя, как в груди мерно и гулко бьется сердце. Прошло восемь лет, как они делили на двоих маленький домик на склоне горы и долг перед кланом, каждую ночь и каждый день, каждую радость и печаль. А она все никак не могла насмотреться, наглядеться на свою Богами суженую, яростную, вольную, словно горные ветра, никому не подчиняющуюся соколицу.

Саира тоже зевнула, прикрыв рот кулаком, покосилась на темное небо за окнами.

— И чего вам вечно надо подниматься в такую рань? — заворчала она, недовольно хмурясь в чашку с чаем. — Будто Небесных Сестер так сильно радуют заспанные опухшие со сна длинные морды Дочерей Огня.

— Роксана привечает тех, кто встречает свет Ее щита, — негромко отозвалась Лэйк, ухмыляясь под нос.

Саира продолжала без конца ворчать и жаловаться на обычаи Каэрос, но с каждым днем становилась все больше и больше одной из них. Она уже не могла терпеть прилюдного проявления чувств, косилась на тех, кто забывал, входя в помещение, кланяться огню Роксаны, и рычала от ярости, когда молодые Дочери, прибывшие в становища Каэрос по Обмену из других кланов, начинали артачиться и не принимали правил и обрядов, бытовавших среди Дочерей Огня. Да и на Магару в последние недели косилась с явным подозрением, не слишком-то стремясь с ней расшаркиваться. Может, помнила о том, как яростно Магара торговалась перед тем, как отдать ее Лэйк. Может, просто отстаивала

интересы Лэйк, как делала всегда, что бы ни происходило.

Она верна мне будто волчица. Красивая, опасная, дурная, правда, но самая необходимая на свете.

— Ага, — деланно скривилась Саира. — А всех остальных не привечает. Вот они и мучаются, бедненькие, с таким трудом терпят все это.

Вздыхнув, Лэйк отхлебнула чаю. А еще Саира всегда держала свое слово. На свадьбе восемь лет назад, давая Лэйк обычные по такому случаю клятвы верности, Саира с очаровательной улыбкой присовокупила обещание, что Лэйк никогда не будет с ней скучно. И оказалась права, скучно с ней уж точно не было, ни минуты.

— Что тебя на самом деле беспокоит, Саира? — негромко спросила она, внимательно оглядывая жену и втягивая носом ее запах: раздраженный, сонный и при этом странно неуверенный.

Та только поморщилась, не отрывая взгляда от своей чашки.

— Волчата. Мари вчера сообщила мне крайне кислым тоном, что они задираются к остальным сестрам и уже поколотили дочерей Исайи за то, что они стащили у них во время обеда сладости вместе со старшими девочками.

— Дети всегда дерутся, Саира, — спокойно пожала плечами Лэйк. — Мы с Эрис без перерыва клубком катались. А если не с ней, то с Торн.

— Лэйк, — Саира выразительно взглянула на нее. — Девочки Исайи старше их на два года и гораздо сильнее. Мари говорит, что волчата покусали их, причем до крови, изрядно всех при этом перепугав.

Лэйк спрятала улыбку в кружке с чаем. Волчата, как нежно прозвала их Саира, росли совершенно дикими и неуправляемыми. Только Саира и могла успокоить их и заставить слушаться, в ее присутствии они ходили как шелковые. Но стоило ей отвернуться, как они вновь сцеплялись в дерущийся клубок и уносились куда-то на поиски новых приключений, общаясь при этом на выдуманной языке, который кроме них двоих никто не понимал. И Саира отказывалась признавать, что характером волчата пошли в нее, а вовсе не в Лэйк.

— Ну и что ты ухмыляешься? — сердито взглянула на нее Саира, разглядев-таки улыбку на лице Лэйк. — Если они уже сейчас начинают кусаться и скалить зубы, то это может означать, что однажды в них откроется твоя волчья кровь. И что мы тогда будем делать с двумя неуправляемыми сальвагами?

— Не откроется, Саира, — спокойно ответила Лэйк. — Моя кровь передастся только детям, которых я выношу.

— Ты передала ее и мне, помнишь? — глаза жены сузились. — Причем без моего согласия. Это могло повлиять.

— Это не повлияло, Саира, — покачала головой Лэйк. — И ты сама прекрасно это знаешь. Они получили от тебя только здоровье и выносливость, больше ничего. Не беспокойся. Ничего дурного не случится ни с ними самими, ни с окружающими их Дочерьми. А девки Исайи сами напросились, знали ведь, с кем связываются, когда яблоки таскали. Ничего страшного, наставят друг другу тумачков и успокоятся, в следующий раз умнее будут.

— Некоторым это не помогает, — Саира выразительно стрельнула в Лэйк глазами и поковырялась ложкой в миске с кашей.

Пропустив мимо ушей колкость, Лэйк втянула носом ее запах. Тревожность из него так никуда и не исчезла, лишь усилившись за последние несколько минут.

— Есть что-то еще, что тебя тревожит, горlinka, — мягко проговорила Лэйк, отставляя в сторону чашку. — Я же чувствую, дело не только в волчатах.

— Ненавижу, когда ты это делаешь, — проворчала Саира, бросив на нее хмурый взгляд, но все-таки нехотя проговорила: — Магара. Я не понимаю, что ей надо.

— Никто не понимает, — мрачно отозвалась Лэйк.

И это была абсолютная правда. Прошло уже пару недель с того дня, как Магара заявила в становище Сол вместе с Великой Царицей и Держащей Щит, и если последние две, быстро завершив все дела, отбыли в Рошу Великой Мани, то Магара, кажется, никуда не спешила. Больше того, она расхаживала по становищу с таким видом, будто и вовсе не собиралась отсюда уезжать. Проводила половину дня на Плацу, тренируясь с разведчицами, по вечерам пила с ними в Казармах, с удовольствием заливая в глотку ашвил, которым Лэйк вынуждена была ее угощать. Все свои дела с Лэйк она решила уже в самом начале, сразу по прибытии в Сол, когда они договорились о новых Дочерях для Обмена на грядущий год, о некоторых спорных моментах торговли и совместном ремонте пограничных фортов, многие из которых так и не были восстановлены после войны. Теперь, после провозглашения Великой Царицей мира между кланами, эти форты больше не использовались по прямому назначению, превратившись в своеобразные рыночные площади для товаров, текущих из земель Каэрос в земли Лаэрт и обратно. Однако сложно было, даже несмотря на все произошедшее восемь лет назад, очень сложно было привыкнуть к тому, что военные форты в пограничье с Лаэрт больше не будут выполнять функции оборонительных сооружений, и что гарнизон их теперь укомплектован Ремесленницами, а не Воинами. Там уже даже начали строиться самые настоящие дома, начали рождаться первые дети, причем у некоторых из них родители были разных кланов. Лэйк чувствовала, что это к лучшему, но привыкнуть к переменам все еще было сложно.

Что же касается Магары, то покончив со всеми делами и обсуждениями, она дружески улыбнулась Лэйк и заявила, что хотела бы погостить в Сол до дня равноденствия, а может, и чуточку дольше.

— Чтобы наши Дочери друг друга ножечками не щекотали, нам с тобой, моя одноглазая очаровательная нимфа, надо научиться претворяться лучшими друзьями, — широко оскалившись, заявила ей Магара и похлопала ее по плечу. — Так что стой поближе ко мне и улыбайся пошире. Можешь даже иногда обнимать меня, если уж совсем приспичит, я в обиде не останусь.

Лэйк скорее хотелось ударить ее собственным ремнем, но она только кивала в ответ и выдавливала кривую ухмылку, которая должна была сойти за дружескую. Глядя на ее лицо, главы сообществ стремились убраться как можно дальше, с глаз долой.

И Магара, эта проклятая бхара, действительно изо всех сил делала вид, что гостит в Сол просто так, демонстрируя всем свое расположение к Каэрос. Она не задиралась, была со всеми крайне любезна, активно дружилась с кем только могла, и чем энергичнее она это делала, тем быстрее росло подозрение Лэйк. Что на самом деле надо было царице Лаэрт в Сол? Что она здесь вынюхивала? Лэйк уже буквально вывернула себе мозги наизнанку, пытаясь это понять, сорвала весь нос, пытаясь вынюхать запах ее эмоций, но пока еще все было тщетно.

Вот и сейчас, тяжело вздохнув, она потеряла ладонью лицо и проговорила:

— Понятия не имею, что нужно от нас этой бхаре. Еще немного, и я действительно начну верить, что она прилетела сюда в гости, повидать нас и не более того.

— И сделаешь именно то, чего ждет Магара, — стрельнула в нее пронзительным взглядом жена. — Она только этого и добивается, чтобы все расслабились и потеряли бдительность. Ты же знаешь это.

— Знаю, — кивнула Лэйк. — Но зачем она здесь? Если бы ей что-то надо было бы, она бы давно об этом сказала или хотя бы намекнула. Она же ничего не просит.

— А ты пробовала спрашивать об этом у Леды? Она, скорее всего, в курсе планов собственной царицы.

— Я не собираюсь оскорблять честь Леды, выпрашивая у нее про Магару, — Лэйк выразительно взглянула на жену. — А даже если Леда и знает это, она сама никогда мне не расскажет по той же самой причине. Она же теперь Лаэрт.

— Проклятые Каэрос! — закатила глаза Саира. Вид у нее был недовольный.

В первый же день своего приезда в становище Сол Леда дала Лэйк понять, что она здесь только для того, чтобы повидать их с Найрин. Она сама напросилась вместе с Магарой в путешествие, и та включила ее в состав своей почетной стражи, которая полагалась царице по закону при посещении земель других кланов, хоть никакой необходимости в этом после окончания войны и заключения союзных межклановых договоров уже не было. Да оно и неудивительно. Последний раз Лэйк с Ледой виделись около четырех лет назад во время дипломатического визита Лэйк в становище Натэль. И за прошедшие с тех пор годы царица Каэрос успела уже истосковаться по своей названной сестре. Сейчас у них, правда, было не слишком много времени для того, чтобы видеться, но они успели уже не раз засидеться допоздна за кружкой ашвила и воспоминаниями о прошлом, помянуть павших, поговорить о будущем. Только во время этих разговоров обе старательно обходили любые моменты, которые могли быть связаны с политикой обоих кланов, уважая взаимные интересы друг друга. И требовать от Леды раскрывать планы Магары Лэйк не стала бы даже под угрозой собственной смерти.

Саира осторожно взглянула на Лэйк из-под опущенных ресниц, и от нее запахло нехорошо — ревностью и обидой, острой, будто обнаженная сталь.

— Может, Магара здесь из-за этих двух, с Низин? — губы Саиры поджались в нитку. Она считала Лиару очень красивой и почему-то свято верила в то, что Лэйк тоже так думает, и разубедить ее в этом не было ровным счетом никакой возможности. — Она ведь тоже в курсе видения Найрин у Источника. И она вполне может предпринять попытку переманить их в Лаэрт.

— Вчера они уже получили долоры из рук Жрицы Каэрос, так что ничего-то ей не светит, — покачала головой Лэйк.

Ей в голову тоже закрадывались мысли, что причиной задержки Магары в Сол могли быть Рада с Лиарой, но такой вариант был в той же степени возможен, как и все остальные. Действия Магары невозможно было просчитать и до того, как она связала свою судьбу с сальвагом Айей, смешав с ней и свою кровь и приняв зверя в себя. А уж теперь-то и подавно пахло от нее только плохо сдерживаемым безумием и азартом, и Лэйк порой казалось, что царица Лаэрт вообще не думает, совершая поступки лишь по наитию.

— Может, стоило бы уступить их ей, Лэйк? — Саира задумчиво помешивала ложкой кашу в тарелке, глядя в пространство. Сейчас в ее глазах не было никакой ревности, лишь глубокая задумчивость. — Пусть забирает в свои земли и сама с ними возится. Разве это было бы не проще?

— Если они две из четырех эманаций Небесных Сестер, то нет, — твердо покачала

головой Лэйк. — Магара их не получит.

— Почему ты так держишься за них? — пытливый взгляд жены искал что-то у нее на лице. — Тебе-то какое дело до этого? Мы все равно выступим на Танец Хаоса, Великая Царица поведет туда все кланы, включая и Каэрос. Ты — не одна из четырех, не тебе останавливать это кровавое колесо, о котором вы с белобрысой вечно толкуете. Так тогда какая разница, в чьем клане будут числиться Рада с Лиарой? Разве это имеет значение?

Лэйк нахмурилась, пытаясь найти слова, чтобы хоть что-нибудь ответить Саире. По чести она и сама знать не знала ответов на ее вопросы. Видение Найрин пришло тогда, много лет назад, наложившись на видение самой Лэйк, расплывчатое воспоминание о том, что открыла ей Роксана на развалинах Кренена, когда копье Тьярда пронзило ее грудь. Тогда ей показалось, что она поняла волю Грозной, Ее приказ. Анай должны были уничтожить смерть, именно этого хотела Роксана, а раз так, то это должна была исполнить Лэйк. Не потому, что ей самой этого хотелось, но потому, что никто другой на ее месте даже не поверил бы в то, что это возможно. Даже Саира не верила, сколько бы Лэйк ни говорила об этом. Она слушала, недоверчиво смотрела, порой кивала, скупно бросая, что Лэйк-то виднее, недаром же Роксана все это показала именно ей, но не верила.

Когда дети впервые берут в руки перо, они тоже не верят, что однажды у них получится писать так же красиво, как и у их родителей. Ни во что человек не в состоянии поверить до тех пор, пока не переживет это сам.

Такая мысль казалась Лэйк правильной и единственным объяснением ситуации, но пока еще Огненная не спешила открывать Свою волю Саире напрямую. А может, та просто так яростно не молила об этом, не взывала к Ней всем сердцем, чтобы услышать Ее волю? Какая разница? Самое главное состояло в том, что Лэйк точно понимала, что ей предстоит сделать, и была уверена, что Раду с Лиарой неспроста послали именно в Сол, именно к ним.

Но разве могла она объяснить все это Саире, раз и самой себе была растолковать не в состоянии? И что та ответит? Только рассмеется в очередной раз, заявив, что Лэйк слишком много на себя берет, и уже распухла от самомнения и заносчивости. Потому она опустила взгляд в тарелку и негромко проговорила:

— Я просто хочу выполнить волю Огненной и ничего больше.

— А может, ты просто хочешь удержать их обеих здесь? По какой-то своей причине?

Лэйк ждала этого вопроса и с тяжелым вздохом подняла взгляд на Саиру. Черная бровь Дочери Воды изогнулась, она вздернула подбородок, раздраженно глядя на Лэйк, и от нее пахло гневом и ревностью.

— Когда ты наконец поверишь в то, что никто кроме тебя мне не нужен, Саира? — устало вздохнула она. — Когда поймешь, что только тебя единственную я любила, люблю и всегда буду любить?

— Когда ты научишься четко и ясно формулировать свои мысли, Лэйк дель Каэрос, и доносить их до меня в максимально сжатом виде. А не глубокомысленно хмурить брови, нюхать воздух и отмалчиваться. Женщины, знаешь ли, не считают признаком большой любви тот факт, что рядом кто-то громко возит носом и сопит. Обычно, это считается признаком болезни. — Саира хмуро зыркнула на нее и вновь вернулась к еде, но напряжение из ее позы исчезло, а в запахе ревности стало меньше, и ее место заняло удовлетворение.

Лэйк в очередной раз уже подумала, что никогда, наверное, ей не понять женщин. А потом со вздохом отодвинула от себя миску с остывшей кашей. Так рано с утра кусок в глотку совсем не лез.

— Я начну собираться, горлинка. У нас сегодня еще очень много дел.

Она поднялась из-за стола и отнесла свою недоеденную кашу на маленькую кухню, где в полутьме малиново светилась лишь чаша с огнем Роксаны. Из соседней комнаты ей послышалось какое-то неразборчивое ворчание, а потом Саира погромче произнесла:

— Поддень свитер, который я тебе связала. Если ты застудишься и начнешь кашлять, клянусь, отправлю тебя вместе с твоими соплями к белобрысой. Пусть она сама тебя лечит, а я и пальцем не шевельну.

Лэйк улыбнулась себе под нос. Саира всегда оставалась Саирой, что бы ни происходило вокруг. Наверное, именно поэтому я и люблю ее больше, чем весь этот мир.

С самого раннего утра в становище Сол начались гуляния. Посреди Плаца, неподалеку от большой гранитной скалы, с которой обычно царица объявляла клану свою волю, развели громадный костер из заготовленных загодя сосновых поленьев, поленица которых высилась у стены Ристалища. На рассвете дня равноденствия к костру вышли музыканты, принявшись наигрывать буквально напитанную солнцем мелодию, полную радости, света и новой жизни. Лиара заслушивалась, прикрыв глаза и тихонько улыбаясь себе под нос. Музыка анай так сильно отличалась от всего, к чему она привыкла. Странная рваная мелодия напоминала то первую весеннюю капель, то шум ветра в кронах тянущихся к небу сосен, то тихий шорох, с которым сползает с крыш подтопленный первым солнцем снег. И устоять на одном месте под эту музыку было просто невозможно.

Первыми к костру вышли Жрицы. Глаза их были затуманены наркотиком, который здесь называли иллиум, а прозрачные одежды едва скрывали обнаженные тела и то только потому, что воздух был еще по-зимнему холодным. И пусть их ноги утопали в глубоком снегу, пусть небо затягивали тяжелые дождевые тучи, пусть с востока задувал пронзительный сырой ветер, а все равно в воздухе уже чувствовалась весна, и Жрицы танцевали ей, танцевали Огненной, раскинув руки и кружась в отблесках яростного рыжего пламени.

Это было так красиво, что Лиара не могла оторвать глаз, и так откровенно, что она то и дело вспыхивала, словно маков цвет. Тела женщин извивались в причудливом танце, двигались то медленно и вязко, буквально гипнотизируя, то резко и отрывисто, отчего дыхание застревало в глотке. Никогда раньше она еще не видела таких танцев. В мелонских гостиницах и на постоянных дворах тоже танцевали, как танцевали и на деревенских площадях во время больших праздников. Но там люди больше дурачились, подпрыгивая, взмахивая руками и ногами или пускаясь по кругу, разбившись на пары. И танец был их способом развлечь себя и дать выход радости от празднования. Эти же Жрицы танцевали так, будто соблазняли само пламя костра, танцевали ради него одного, так призывно подступая к нему, будто оно было живым существом, которого они горячо желали. Лиаре вспомнились темные глаза Рады и ее припухшие от поцелуев губы, и она вновь покраснела, на этот раз, уже не из-за Жриц.

К рассвету, когда сквозь толстый слой низких туч пробился первый слабый свет, а самые маленькие обитатели становища проснулись и направились на завтрак, на Плац вышли царица и Держащая Щит в сопровождении Магары дель Лаэрт, Способных Слышать и Боевых Целительниц. Жрицы, рассеяно улыбаясь им, медленно завершили свой танец и растворились в толпе глазующих на них разведчиц, одаривая их легкими поцелуями в лоб в ответ на низкие поясные поклоны. Лиара задумчиво проводила их взглядом. Она так и не

разобралась, как именно относятся в становище к Жрицам. Большая часть анай смотрела на них с плохо скрываемым желанием и восхищением в темных глазах, но когда Жрицы оказывались рядом, им кланялись почти так же низко, как и Способным Слышать, а порой и ниже. И тогда уже на лицах анай было выражение глубокой веры, преклонения и уважения, а не желания, будто они видели перед собой едва ли не божество во плоти. Так чем же были Жрицы? Чем-то вроде Жрецов Церкви Молодых Богов? Или куртизанками из самых дорогих борделей, что продавали свое тело лишь тем, кто им действительно пришелся по душе? Правда, спрашивать об этом кого-либо Лиара не рискнула, посчитав, что за такой вопрос ее уж точно могут выставить из клана, даже несмотря на долор.

Так странно было, что он висел на ее поясе теперь, и костяная рукоять то и дело попадалась под ладонь. Лиара все никак не могла привыкнуть к этому, поминутно цепляясь за нее, будто кинжал сам напоминал ей о своем существовании. Все происходило так быстро. Казалось, они совсем недавно только попали сюда, только-только познакомились со всеми, едва-едва успели пообвыкнуться, и вот уже на ее поясе долор — душа анай, а сама она — часть клана. Лиара даже не понимала еще, как к этому относится. Грудь то перетягивали тугие обручи волнения, то переполнял смех, едва не срываясь с губ. И она все гладила и гладила рукоять из потемневшей кости, означающую, что она больше не одна. Теперь у нее был народ, место, которое она могла назвать домом. И от этого волнение только усиливалось.

Знакомые и незнакомые анай подходили к ней с самого утра, поздравляя с получением долора и бритьем висков. Это тоже было так странно: не чувствовать на голове густой копны кудряшек, ощущать лишь ветер, что постоянно охлаждал коротко выстриженный череп. Правда, Рей вчера шепнула ей, что Ремесленницам нет нужды носить всю жизнь короткие прически, как Воинам, и что по получении крыльев она вновь сможет отрастить волосы на ту длину, которая ей нравится. Но это все равно было странно, и Лиара не сказала бы, что ощущение было неприятным.

А вот Раде что бритые виски, что долор были очень к лицу. Как и белая форма, которую сегодня утром принесла в их домик Рей. Пряча глаза и краснея как мак, она сунула форму в руки Рады и пролепетала, что первый клинок распорядилась переодеть их, как полагается. А потом, едва кивнув Лиаре, умчалась прочь, хлопнув дверью. Лиаре оставалось только вздохнуть. Рада была красива, и за эти недели, что они провели в Сол, множество молоденьких анай уже успело разглядеть эту красоту, причем среди них были и те, кого Лиара считала своими приятельницами. Теперь девчонки краснели, заикались, глядя на Раду, уверяли Лиару, что ровным счетом ничего к ней не чувствуют, но при этом воровато наблюдали за ее тренировками, когда удавалось урвать минутку. И Лиара только тяжело вздыхала, не совсем понимая, что ей со всем этим делать.

А самым странным было то, что многие из них были ее возраста и даже старше. Лиара чувствовала себя среди них теперь неловко, словно их разделяла целая пропасть лет. Интересно, почему так? Потому, что мы пережили весь этот кошмар за Семью Преградами? Потому, что прошагали полмира? Или потому, что у анай сердца гораздо чище, чем у меня? От этих мыслей было неуютно, но в любом случае она чувствовала себя старше и как-то мудрее их всех.

Рада стояла рядом с ней, пока Лэйк и Держащая Щит нараспев объявляли начал праздника, славили Роксану, возносили молитвы всем четырем Небесным Сестрам и Их Мани Эрен. Белое пальто облегалo ее стройное подтянутое тело, тонкий коротенький

хвостик золотых волос на макушке топорщился под ветром. Ее широкая мозолистая ладонь тоже лежала на рукояти долора, то и дело неосознанно поглаживая старую кость, и на лице Черного Ветра гуляло странное рассеянное выражение. Лиара догадывалась, как много значит для Рады долор, хоть она и не говорила об этом ни слова. Но это можно было увидеть в залегшей в уголках ее глаз нежности, в задумчивом наклоне головы, во взгляде, что обшаривал окружающих их анай с каким-то странным нетерпением, с робкой надеждой и радостью. Порой Рада посматривала и на Лиару, и под светом ее глаз хотелось нежиться, будто под первыми прикосновениями весеннего солнца, чей луч падает сквозь еще позимнему морозное стекло, но уже чувствуется на щеке теплым и уютным.

Этим утром Лиара поднесла Раде рубашку, что расшивала для нее последние недели. Наставница Фир была очень довольна работой Лиары: вышивка спорилась, узоры и рисунки давались хорошо, а потому разрешила ей забрать одну из простых белых рубашек для Воинов и расшить ее Раде. Тут уж она постаралась, всю свою любовь, всю нежность вложив в работу, тщательно расшивая каждый завиток, каждый изгиб узора.

Свет свечи ложился на мягкую кожу Рады, заливал ее, обнимал так ласково, что Лиара все любовалась и не могла отвести глаз. Черный Ветер стояла спиной к ней, в одних только белых форменных штанах, перетягивая бинтами грудь, как делали все Воины анай. На ее левом предплечье посверкивали полученные вчера клановые татуировки, те же самые, что прятались теперь и под белым шерстяным платьем Ремесленницы, в которое была одета Лиара. Короткий ежик волос на висках Рады золотился от света свечи, тени залегли под лопатками, подчеркивая сильные мышцы спины, и Лиара чувствовала, что во рту у нее пересохло.

За окнами было еще совсем темно, они встали задолго до рассвета, чтобы посмотреть на танец Жриц. Торн вчера, после церемонии принятия долора, помянула, что Жрицы будут танцевать у костра еще до света, пока Дочери не проснулись. По традиции право любоваться Танцем Жриц и участвовать в нем получали только Младшие Сестры, и теперь у Рады с Лиарой тоже было это право.

Какие-то несколько минут назад Рей принесла им белую форму и, смутившись при взгляде на Раду, умчалась прочь, красная, как рак. И Лиара не могла ее винить. Невероятной, тянущей, манящей и зовущей тайной ложились отсветы огня на кожу Рады, и глаза ее темнели, словно два драгоценных топаза, преломляя лучи света.

— Я не слишком-то люблю белый цвет, — проворчала Рада, придирчиво разглядывая разложенные на кровати элементы формы: белую рубаху и белое пальто из плотной теплой шерсти. — Но, видимо, выбора-то у нас нет?

Лиара ощутила, как сердце пропустило удар. Она давно уже закончила расшивать рубашку и собиралась подарить ее Раде при первом же удобном случае. Так почему бы этому не случиться прямо сейчас? Внутри поднялась какая-то странная робость. Первый раз она собственными руками сделала что-то для Рады, и Лиара не была уверена, понравится ей или нет. Хотя, почему не понравится? Ведь она так старалась, так работала...

Юркнув в угол комнаты, где в небольшом платяном шкафу на полках лежали немногие их вещи, Лиара аккуратно выудила из дальнего угла подарок. Белую рубаху покрывали алые с золотым узоры. Вязь языков пламени поднималась по рукавам к горлу, ворот был расшит огненными птицами и стилизованными солнцами, по бортам вниз шли узоры из символов анай и трезубцев Роксаны. Лиара еще раз придирчиво осмотрела работу: аккуратные стежки, гладко прилегающие друг к другу нити, узор ровный и нарядный. Вздохнув, она прижала к

грудь рубашку и обернулась.

— Рада, — тихонько позвала она, чувствуя, как замирает сердце в груди.

— Что, искорка? — не поворачиваясь, бросила через плечо Черный Ветер.

— Я тут сделала для тебя кое-что... подарок. Я знаю, ты больше любишь черный цвет, но у анай принято носить белые рубахи, и... — Рада обернулась, сведя брови к носу и с недоумением слушая Лиару. Та вздохнула и протянула вперед рубашку: — Вот.

Брови Рады удивленно взлетели вверх, она подошла к Лиаре и забрала из ее рук рубашку. Зрачки ее удивленно расширились, глаза вспыхнули, будто два костра.

— Ох, искорка!.. — только и выдохнула она, бережно держа рубашку, словно та была и не из ткани вовсе, а из чего-то совсем-совсем невесомого.

Пальцы Рады неуверенно огладили узоры, и она резко вскинула голову. Глаза ее горели так ярко, так сильно, что больно было смотреть.

— Тебе нравится? — тихонько спросила Лиара, не в силах оторваться от этой густой сини в ее радужках. Больше всего сейчас глаза Рады напоминали море после заката, когда глубокое, густо-синее небо, щедро пересыпанное звездами, отражается на глади, тревожимое лишь мелкой рябью волн.

Вместо ответа Рада обняла ее и привлекла к себе, а потом промурлыкала куда-то ей в волосы, обдав щеку теплым дыханием:

— Очень нравится, звездочка моя! Спасибо тебе! Спасибо твоим самым добрым и заботливым рукам в мире!

Лиара зажмурилась от радости, прижимаясь к ней как можно крепче. От нее пахло чем-то терпким и таким родным, ей самой, их домом, немного Лиарой. И от этого запаха в груди расплывалась бесконечная нежность.

Сейчас расписная рубаха была у Рады на плечах под толстой белой шерстяной формой. Стоячий воротник под горло скрывал вышитые Лиарой узоры, но от одной мысли, что Рада надела ее подарок, девушка улыбалась тихонько и счастливо. Все это мелочи, крохотные мелочи, но каждая из них была дороже целого мира.

Царица объявила праздник открытым, и на Плацу началось гуляние. Жрицы не показывались. По словам Торн, они выйдут танцевать вновь только глубокой ночью, когда всех малышей уже уложат спать, а Способные Слышать начнут славить Роксану мантрами и ритуальными песнями, воспевая Ее приход на небо. А впереди их ждал целый день праздника, самого первого праздника среди анай.

С восходом солнца гасить огромный костер никто не стал. Наоборот, возле него разожгли еще несколько костров поменьше, предварительно вытоптав все еще лежащий на земле снег, и над ними на толстенных, вбитых в землю кольях подвесили тушу кабана и трех баранов. Запах жарящегося мяса наполнил ноздри Лиары, заставив желудок внутри нетерпеливо заворчать от голода.

Следом за кострами на Плацу появились и широкие столы, ломящиеся от угощений. В честь праздника анай не скупилась, и все продукты, что еще оставались в ледниках становища с осени, теперь буквально заваливали большие глиняные блюда. Были здесь и овощи, и фрукты, и огромные, запеченные целиком рыбины, строганина, сало, пахучие ломти сыра, горсти орехов и сушеных ягод, соленья, пирожки, блины и лепешки... У Лиары глаза разбегались от такого изобилия.

Между столов выставили несколько огромных бочек с кранами в самом низу, водрузив их на крепкие, сбитые из сосновых бревен, подставки. Рекой полился эль, вино, хмельной

мед, ашвил, которым так славились Каэрос. Лиара пила в своей жизни только несколько раз: пробовала вино, однажды бренди, и все-таки вкус алкоголя ей не слишком нравился, но сейчас устоять было невозможно. Анай с глиняными кружками в руках выстроились в длинные очереди к бочкам, и чем больше из этих бочек лилось в кружки, тем громче становились голоса и смех.

— Чего бы тебе хотелось, искорка? — негромко спросила ее Рада, нагнувшись к самому уху и слегка приобнимая за талию. Несмотря на то, что среди анай было неприято публичное проявление чувств, Рада все равно поминутно касалась ее, невзначай, не демонстративно, но постоянно, и от этого Лиаре было тепло и трепетно.

— Не знаю, — честно призналась она, все еще чувствуя себя не совсем в своей тарелке. Веселье нарастало с каждой минутой, вокруг мелькали улыбающиеся раскрасневшиеся лица, слышались взрывы смеха и пение. И Лиара чувствовала себя как-то странно оробевшей, не знающей, что ей делать дальше и как подключиться ко всему этому празднику. Я теперь анай, — твердо сказала она себе. А потому это и мой праздник, и праздновать его мне нужно со всеми. Глубоко вздохнув, она взглянула на Радую и решила: — Принеси мне то, что ты будешь пить. Только совсем немножко.

— Я буду крепкое, — предупредила Рада, осторожно взглянув на нее.

— Тогда и я тоже, — решительно кивнула Лиара. Нет уж, она больше не будет пасовать. Это ее народ, и никто здесь ей ничего дурного не сделает. И веселиться она будет так же, как и все остальные.

— Хорошо, искорка, — кивнула Рада. — Только никуда не уходи.

Когда она направилась сквозь толпу к столам с пустой посудой, Лиара оробела, мигом растеряв всю свою уверенность. Она бы и хотела пойти следом за Радой, да только широкая спина Черного Ветра уже скрылась среди толпы шумящих анай, а если Лиара сейчас побежит искать ее, они уж точно потеряются в этой толпе, и Рада будет беспокоиться за нее. Вздохнув, она отступила на несколько шагов, осматриваясь по сторонам.

Слева от нее ревел огромный костер, справа толпились возле столов анай. То и дело мимо пробегали сестры, по одной и группками. Многие из них улыбались Лиаре и махали руками, подзывая ее к себе, но она только качала в ответ головой. Она ведь обещала, что дождетя Радую.

— Смотрите-ка, кто у нас здесь, — прозвучал за спиной басовитый голос, больше всего напоминающий кошачье мурчание, и Лиара подскочила на месте, резко оглядываясь. Там стояла царица Лаэрт Магара с кружкой в руке, и губы ее кривила улыбка, больше похожая на оскал. — Не прыгай так, птичка, крыльев-то у тебя пока что и нет, и вряд ли ты умеешь правильно приземляться.

— Светлого утра, первая! — Лиара резко склонила голову перед ней, чувствуя, как осип голос. Магару она откровенно побаивалась, стараясь держаться от нее как можно дальше, даже несмотря на то, что остальные Каэрос восхищались ей и не стеснялись выказывать это восхищение лично.

Черные волосы Магары дель Лаэрт слегка вились, спускаясь волной на широкие плечи, которые обтягивало пальто из черной шерсти. В отличие от формы Каэрос, у этого пальто на груди был низкий узкий вырез, плавно переходящий в стоячий воротник, а Магара еще и черную рубашку расстегнула, и взгляду Лиары открывалась полоска смуглой кожи на ее груди с двумя темными родинками под яремной веной. Талию Магары стягивал широкий пояс с долором в ножнах и мечом, укрепленном на левом боку. Синие глаза, словно

поросший первым ледком пруд, смотрели странно горячо. В них не было желанья, только азарт; казалось, Магара оценивает Лиару как соперника, с которым ей предстояло вступить в схватку. Но ведь этого не могло быть, правда?

— И тебе светлого утра, птичка, — ослабилась царица. Улыбка у нее была совсем волчья, кривая, на один бок, и между алыми губами сверкали как-то слишком выступающие вперед ослепительно-белые клыки. Лиара поежилась. В Магаре было волчьего столько же, сколько и в Лэйк, только по сравнению с царицей Каэрос она казалась бешеной волчицей, опасной и непредсказуемой. Скорей бы вернулась Рада! — мелькнуло в голове. Магара выразительно посмотрела на долор на ее поясе. — Я смотрю, царица Каэрос вас придела?

— Мы получили долоры вчера ночью, первая, — осторожно ответила Лиара. Она чувствовала себя так, будто глотку чьи-то пальцы пережали. Рядом с Магарой было неуютно и даже откровенно страшно. Головой-то Лиара понимала, что та не сделает ей ничего плохого, но просто физически не могла избавиться от бегающих по спине мурашек.

— Да, сестры рассказали мне об этом сегодня утром, — кивнула она. Взгляд ее метнулся сквозь толпу, и правая бровь дернулась, а губы скривились в саркастической улыбке. — Забавно, что моя дорогая огненноголовая сестра не сочла нужным пригласить меня на эту церемонию. Наверное, будить не захотела среди ночи. Как благородно с ее стороны.

Лиара проследила за взглядом Магары и увидела Лэйк. Та беседовала о чем-то с огромной первой нагинатой Неф, держа в руке кружку с ашвиллом. Почувствовав взгляд Лиары, царица обернулась и прищурилась, увидев рядом с ней Магару.

— Надеюсь, ты не в обиде на мое отсутствие, Светозарная, и примешь от меня поздравления и заверения в моей глубочайшей преданности? — Магара улыбалась ей, скаля клыки, но по глазам ее невозможно было прочесть, о чем она на самом деле думает.

— Благодарю вас, первая, — склонила она голову, больше всего на свете мечтая лишь об одном: оказаться как можно дальше отсюда и от Магары.

— Держащая Щит анай очень заинтересовалась тобой, — неожиданно добавила Магара. — Полагаю, все дело в твоей крови. Я и без чужих пояснений вижу, что в твоих жилах течет эльфийская кровь. Не приходишься ли ты вдруг родственницей нашей дражайшей первой первых?

— Вряд ли, царица, — Лиара угрюмо смотрела на носки своих сапог. Поднять глаза на Магару у нее сил не было. — Царица Лэйк говорит, что ее ману была родом из Аманатара, а я из Эллагаина, это на другой стороне мира почти что.

— Разумеется, — покивала Магара. — Ну что ж, день сегодня будет долгим, так что не буду с самого утра докучать тебе своим вниманием. Тебе еще столько поздравлений выслушивать, что никаких сил не хватит. Надеюсь, у нас еще будет время перемолвиться с тобой парой слов, Светозарная. А то не хотелось бы мне улетать домой, так и не послушав из первых уст историю о походе за Семь Преград.

— Светлого дня, царица, — пробормотала в ответ Лиара, чувствуя, как горящий взгляд Магары спал с нее, словно раскаленные кандалы. Она осмелилась поднять голову только тогда, когда спина царицы скрылась среди толпы других сестер.

Глядя ей вслед, Лиара недоумевала. Что было нужно Магаре от них с Радой? Почему она подошла к Лиаре только тогда, когда Рады не было рядом? Ведь за утро было множество возможностей поговорить с ними, но царица Лаэрт обратилась к ней именно сейчас, когда Лиара осталась одна. Лучше бы больше это все не повторялось. Мне неуютно, когда она

смотрит на меня. Слишком уж волчий у нее взгляд.

Поежившись, Лиара бросила последний взгляд в сторону, куда ушла царица Лаэрт, но той уже и след простыл. А от бочек, проталкиваясь через толпу и неся кружки высоко над головой, к ней уже спешила Рада. Лиара испустила вздох облегчения и заторопилась к ней навстречу. Уж лучше держаться как можно ближе к ней, тогда вряд ли еще кто-нибудь чужой захочет заговорить с ней. Смогу ли я когда-нибудь воспринимать их всех, как свой народ? Ведь Магара тоже анай, хоть и Лаэрт, а у Каэрос с ними союз. И каковы же тогда другие царицы? Великая Царица не показалась ей опасной или угрожающей, но это ведь еще ничего не значило.

Вздыхнув, Лиара положила руку на рукоять долора, решительно направляясь навстречу Раде. Обратного пути у них уже не было, и она сама хотела того, что произошло вчера. Просто ей казалось, что стоит им только добраться до Данарских гор, как все их проблемы с Радой кончатся, а теперь выяснилось, что они, судя по всему, только начались.

===== Глава 38. Побороть гнев =====

Канун дня равноденствия был долгим и богатым на события. Как только рассвело, все становище, за исключением разве что Младших Сестер и Дочерей, занятия которым никто не отменял, высыпало на Плац. Приехал кое-кто и из ближайших становищ, кому уже по горло надоело сидеть дома под толстым слоем никак не желавшего сходить снега и хотелось праздника. Начались гуляния со всевозможными развлечениями, состязаниями и плясками.

Воины боролись на руках и оружии, состязались в меткости стрельбы из лука, быстроте бега. Ремесленницы пытались перещеголять друг друга в выпечке блинов и лепешек, в приготовлении мяса на углях и самого вкусного пива. Устраивались показательные бои в воздухе между целыми отрядами, отдельные поединки и просто танцы, когда анай, расправив крылья, стайкой разноцветных бабочек взмыли к небу, кружась в нем и выписывая такие пируэты, что залюбовались бы в любом королевском дворце. Вино и ашвил лились рекой, конца не было еде, что подносили к столам, а уж про танцы и вовсе говорить нечего было.

С каждым часом веселье расходилось все больше и больше. Закончилась тренировка Младших Сестер и обучение невоенным дисциплинам, и самые маленькие тоже подтянулись на Плац, чтобы провести остаток вечера до отбоя вместе со взрослыми. Теперь под ногами у взрослых, протискиваясь между ними, будто ужи, сновали дети, и к хору голосов и музыки добавились раздающиеся то и дело взвизги и громкий залиvistый хохот.

Единственным, что подпортило этот во всех отношениях идеальный день, для Рады была проклятая первая стрела Лара. Она еще с раннего утра знатно налегла на ашвил, и к полудню язык у нее развязался, став таким же ядовитым, как гадючьи клыки. Сидя за столом напротив Рады, она всю острила и шутила, то и дело ввертывая какое-нибудь резкое замечание, которое напрямую Раду не касалось, но оскорбляло всех Низинников вместе взятых. Про то, что у них нет чести, про то, что только последняя, потерявшая разум дура согласится родить детей от мужчины, про то, насколько в этих краях все плохо, не устроено и вообще жить там — просто кошмар. И вроде бы не говорила она ничего такого, с чем Рада бы не была согласна, но подавалось все это с таким презрением, что каждое замечание буквально жалило Раду, заставляя вздрагивать.

Поначалу она уговаривала себя, что все не так, что Лара не пытается задеть лично ее, а она сама накручивает себя. Но потом первая стрела вконец захмелела, раскраснелась и разошлась, и даже Держащая Щит, что до этого с удовольствием перебрасывалась с ней

шутками, удивленно вздернула бровь. Да и первые, собравшиеся за одним столом, куда позвали и Раду с искоркой, начали поглядывать на Лару с недоумением и неодобрением. Конец ее обличительной речи, направленной против всех выходцев с Низин, положила Лэйк в компании вернувшейся от костра Найрин, заявив, что не позволит первой стреле и дальше в таком тоне отзываться о жителях других краев, напомнив о собственном происхождении и крови в жилах Найрин. После этого Лара унялась, но Рада продолжала ощущать на себе ее полный ярости, насмешливый взгляд.

— Не обращай на нее внимания, — негромко посоветовала ей Торн, когда Лара наконец вышла из-за стола, чтобы потанцевать с какой-то молодой Ремесленницей. — У нее отвратительный нрав, и она любит задираться ко всем. Сама царица только через год своего правления смогла избавиться от ее нападков и хорошенько заткнуть ей рот.

— Я и не обращаю, — буркнула Рада, чувствуя, как до боли стискивают пальцы рукоять долора.

— То-то я и вижу, — хмыкнула Торн. Помолчав, она негромко, будто невзначай, добавила, не глядя на Раду. — Среди Каэрос не принято держаться за долор, если не собираешься вынимать его из ножен. Взрослые закрывают глаза на поведение Младших Сестер, которые только получили долор, потому что понимают, сколько это для них значит. Однако не стоит искушать судьбу слишком долго, ведь кто-то может счесть такое поведение оскорбительным. А если повод для драки будет недостаточно весомым, то жаль будет лишиться долора и заслужить наказание из-за какой-то глупости.

Рада благодарно взглянула на нее и приказала себе держать обе руки на столе. Торн никогда не делала ей замечаний в открытую, она осторожно наставляла и подсказывала тогда, когда это было нужно, и так, чтобы никто этого не слышал. Без ее помощи Раде пришлось бы туго среди вспыльчивых, ревниво охраняющих свою честь Каэрос. Надеюсь, однажды мы станем с ней хорошими друзьями, подумалось Раде. Раньше дружеские отношения с женщинами у нее не слишком-то получилось выстроить. Большая часть тех, кто окружал Раду, относилась к благородному сословию Мелонии, а благородные заводили близкие отношения только к своей выгоде, что Раду не слишком-то интересовало. Улыбашка была не в счет — с ней Рада не раз рисковала жизнью за Семью Преградами, а уж это кое-что да значило. С искоркой вся дружба плавно переплавилась в глубокое и огромное как океан чувство, в котором нежность и преданность сплелись так крепко, что и не отделить одно от другого. Вот и получалось, что Торн была первой женщиной, с которой Раду связывали действительно дружеские отношения, основанные на взаимной симпатии и интересе к жизни друг друга, а не в силу обстоятельств и любви. И это было Раде по-своему дорого.

Солнце опустилось за край земли, буквально рухнуло за высокие синеватые макушки гор, и облака над кромкой снежных шапок окрасились изнутри розово-алым. Рада, прищурившись, поглядывала туда. Закат больше не был тем болезненно-ярким сиянием, которое несла с собой зима, краски не казались больше вытертыми и какими-то тревожными. Наоборот, на небе сквозь мелкие разрывы в тучах, которые за день все-таки попытался разбросать ветер, да так до конца и не справился, проглядывали густо алые, теплые лучи солнца.

Совсем ведь скоро весна. И сегодня — слом, с которого она начнется. Рада зябнулась табаком, ощущая, как покалывает горло. Нуэргос растили прекрасный табак, гораздо чище и крепче того, к которому она привыкла в Мелонии, но от него всю плотку сводило, будто кто-

то ее изнутри наждаком натер.

В голове бродило приятное головокружение. За целый день выпито было уже достаточно много, чтобы Рада ощутила опьянение, хоть прикладывалась она и не слишком часто, да и закусывала хорошо. А здесь было чем поживиться. Раскаленное, пропахшее дымом и ароматными травами мясо кабана, кровавое и такое вкусное, что она даже не ждала, когда куски до конца остынут, и глотала их, обжигаясь и шумно дыша с открытым ртом, чтобы хоть как-то остудить. Баранина, нашпигованная чесноком, пересыпанная кинзой, розмарином и сушеным базиликом, натертая острым красным перцем. Свежайшие лепешки, которые пеклись в двух шагах от стола на раскладной жаровне. Блины с завернутой внутрь копченой рыбой и икрой. Бесконечная чередка запеченных овощей, рыбы, фруктов, сладостей. Еще два часа назад Раде начало казаться, что ремень с долором чересчур сильно давит на живот. Теперь она была уже уверена в том, что еще пара тарелок — и желудок просто лопнет, как переспелый арбуз.

Взгляд ее обежал танцующее становище. Костер заливал все вокруг таинственным, мерцающим, манящим светом, и на его фоне силуэты анай казались какими-то дивными существами, и не людьми вовсе, а танцующими богами. Или просто хмель ударил Раде в голову сильнее, чем она думала? Пришло время танцев, и теперь уже у столов осталось сидеть не так уж много сестер: в основном взрослые или те, кто уже отбил себе все ноги за долгий день.

Остальные высыпали на Плац и лихо отплясывали под задорную музыку, которую играла уже третья или четвертая по счету смена музыкантов. Воины держали друг друга за плечи, построив цепь, и все вместе танцевали какой-то сложный танец, что убыстрялся с каждой минутой. Суть его состояла в том, чтобы не путаться, а того, у кого ноги заплетались, со смехом выпихивали из строя. В конце оставалось всего двое-трое самых стойких, и победителю дарил свой поцелуй Жрица под бурные овации, свист и приветственный рев остального клана. Отдельной группой плясали Младшие Сестры, завидуя восхищенными глазами глядя на взрослых, но не решаясь подойти к ним. Между ними кружились пары, обнимающие друг друга и летящие в танце, словно бабочки, а под ногами с хохотом носились крохотные дети, мешаясь всем сразу. Три или четыре мотива звучали со всех сторон Плаца, начиная с самого медленного и тоскливого и заканчивая бешеным ритмом воинской пляски.

И надо всем этим было небо, похожее на состриженную овечью шерсть, которую растянули прямо поверх усыпанной светлячками травы. А светлячки подглядывали за Радой сквозь разрывы в пушистых тучах, и небо казалось темным и бездонным, и отчего-то — очень зовущим. Она выпустила вверх несколько колечек дыма, наблюдая за тем, как они плывут по бездвижному воздуху. Совсем скоро у меня будут крылья, и я смогу летать. Роксана! Я понимаю, для Тебя это самое обычное дело, ведь все Твои дочери только и делают, что болтаются в небе, но для меня это и вправду чудо. И вправду.

У стола они с Утой остались вдвоем. Все остальные или танцевали, или наполняли свои тарелки у костров. Кое-кто уже ушел отдыхать: все-таки праздник начался с самого утра, и никто не отказывал себе в питье и угощениях. Да и взрослые семейные сестры предпочитали использовать свободный день, чтобы побыть с близкими или просто поспать. Насколько Рада успела уже заметить, свободные дни в становище выдавались редко.

Ута смотрела перед собой стеклянными глазами, то и дело начиная часто моргать или двигать бровями вверх-вниз. Судя по всему, разведчица достаточно сильно набралась и

сейчас всеми силами пыталась понять, где находится. Да оно и неудивительно. Пару часов назад Лэйк и Магара предложили игру на выживание: пить по кругу залпом без закуски по стопочке крепчайшего ашвила Каэрос. И если поначалу первые перьев с радостным ревом подключились к игре и принялись закидывать в себя одну за другой меру горящего напитка, то уже через полчаса в игре остались только две царицы. В конце концов, поглядев друг на друга, обе со вздохом решили прекратить состязание. Как поняла Рада, сальважья кровь не слишком-то способствовала опьянению, и Лэйк с Магарой рисковали лишь уничтожить все запасы ашвила, что были в становище, и при этом только чуть-чуть окосеть.

А тебе, дуре упертой, уж точно не стоило в этом участвовать. У тебя-то сальважьем крови нет, хоть есть эльфийская. Но как видно, этого просто недостаточно. Рада вновь затянулась, глубоко и сильно, чувствуя, как странно покачивается под локтями стол. Или ей только это казалось? Вообще-то она могла гордиться собой: продержалась достаточно долго и вышла из игры едва ли не последней. Да только сейчас уже, когда голова кружилась, а звуки праздника бухали в ушах как-то слишком густо и гулко, она уже не совсем понимала, зачем вообще во все это ввязалась.

Стол под ней дрогнул еще раз, уже сильнее, и Рада нахмурилась, пытаясь понять, что вообще происходит. Не могла я так надраться, чтобы мне привиделось землетрясение. Не могла и все.

— Прекратите качать землю, проклятые бхары! — пробормотала рядом Ута, невнятно и тихо. — Наставница не любит такие вещи... — голос ее становился все тише, все медленнее. — Наставница может разозлиться. И тогда уже никакие утята вам не помогут, хоть они и очень милые, и вообще...

Рядом послышался громкий стук, и Рада повернула голову, отстраненно удивившись, почему ее тело не повинуется и кажется каким-то ватным. Ута упала головой в стол и какое-то время не шевелилась, а потом воздух разрезал громкий, похожий на ржавую пилу, храп.

— Надо найти кого-нибудь, кто отнесет ее домой, — пробормотала Рада, понимая, что ей самой сейчас это не под силу.

Она уже собралась встать и отправиться на поиски Лэйк, но тут стол дрогнул в третий раз, да так, что стоящие на нем кружки звякнули, а с одной из тарелок с громким дребезжанием съехала вилка.

Рада моргнула, с трудом собирая разбредаящиеся по голове вялые мысли. Такое уж ей точно привидеться не могло. Закряхтев и проклиная собственную жадность, она наклонилась и заглянула под широкую дубовую столешницу.

Из темноты на нее уставились поблескивающие в отсветах костра три пары глаз. Две совершенно точно принадлежали анай, и по одновременному морганию и всклокоченным силуэтам Рада поняла, что это дочери Лэйк. А вот третьи глазки были маленькими, перепуганными, широко расставленными и очень темными. Рада сощурилась, пытаясь в темноте понять, что здесь вообще происходит. Постепенно расплывающаяся картинка прояснилась, и она разглядела, что две девчонки изо всех сил удерживают громадную толстую свинью, которая дергается и пытается протестующее хрюкать, но ей мешает веревка, туго намотанная на длинный нос. Еще один кусок веревки, идущий от петли на шею свиньи, сейчас был в руках одной из дочерей царицы. И она явно собиралась привязать его к ножке стола. Правда, Рада помешала осуществлению плана, и теперь две девчонки смотрели на нее во все глаза, боясь дышать. Свинья приглушенно хрюкнула, вновь попытавшись вырваться и ударившись о ножку стола, на котором громко зазвенели посыпавшиеся с

тарелок ложки.

Больше всего на свете ей хотелось позволить мелким волчатам, как все здесь их называли, довести до конца задуманное, но Рада напомнила себе, что она теперь тоже анай, а значит, и ответственность разделит вместе с ними, коли выяснится, что она была в курсе происходящего. Постаравшись нагнать на себя как можно более грозный вид и изо всех сил давя смех, Рада рыкнула:

— Вы что тут делаете?! А ну марш отсюда! И свинью свою заберите!

На последних словах, правда, смех все-таки прорвался наружу, и она хрюкнула почти так же громко, как и перевязанная свинья, но волчата уже этого не заметили. Перепугано пискнув, они резко сдали назад, выползая из-под стола и волоча следом свинью, которая довольно резво взяла с места. Кряхтя, Рада и сама вылезла из-под стола, провожая взглядом всю компанию. Свинья, вырвавшись из рук близняшек, резко втопила в сторону Дома Дочерей, да так, что держащая ее в поводу девочка повалилась на живот, волочась по снегу следом. Вторая с причитаниями бросилась вдогонку, и вскоре они исчезли за углом какого-то здания.

— Вот ведь!.. — хмыкнула Рада, качая головой. Об этих двух девчонках по становищу легенды ходили. Кажется, они умудрились уже по количеству шалостей перещеголять саму царицу и ее друзей детства.

— Рада! — голос искорки из-за спины заставил ее резко обернуться.

Задыхаясь от смеха, ее девочка бежала к ней со стороны лижущего небо языками пламени костра. Отсветы обрисовали ее силуэт, зажглись огоньками на золотистых кончиках кудрей. Щеки искорки покраснелись, глаза лучились от счастья, и сама она казалась сейчас такой солнечной, такой легкой, словно бронзовая стрекоза с прозрачными крылышками, играющая в пятнашки с отблесками солнечных лучей на дне звенящего ручейка.

Хмель как-то сразу забылся, и Рада поднялась с лавки ей навстречу, успев перелезть через нее и подхватить искорку на руки. Та заливисто смеялась и прижималась к ней всем телом, будто котенок, который требует ласки. Положив руки Раде на плечи, она отстранилась идохнула на нее теплым весенним ветром с запахом ландышей и первых почек.

— Рада! Пойдем танцевать! Там так весело!

— Искорка, да я не очень хороша во всем этом, — неловко пробурчала Рада, убирая трубку подальше от своей девочки, чтобы дым из нее не шел ей в лицо. — Ноги у меня заплетаются, да и не умею я...

— Пойдем! — потянула ее Лиара за руку, выворачиваясь из ее объятий и улыбаясь так искренно, так искристо, что Рада сдалась. — Я научу тебя, это совсем не сложно!

— Ну пойдем, — заворчала Рада, чувствуя какое-то странное смущение, но послушно следуя за искоркой.

В детстве ее наставницы потратили несколько бесплодных месяцев, пытаясь научить ее самым простейшим движениям танцев, что принято было танцевать при дворе. Рада, естественно, не смогла внятно запомнить и повторить даже сотую часть из них, и даже не потому, что тело не запоминало, а потому, что она не видела ровным счетом никакого толку и радости от всех этих поклонов, пируэтов, приседаний и прочего. Выглядело это больше похожим на какую-то лягушачью вакханалию, чем на танцы, или на павлинов, раздувающих хвосты и медленно крутящихся на месте, чтобы все эти хвосты оценили. Анай танцевали,

конечно же, совсем не так, и в том, как они носились по поляне, как выпрыгивали высоко вверх, как подбрасывали руки и ноги, было больше от рукопашной борьбы, чем от собственно танца. Но детский страх выглядеть идиоткой так никуда и не ушел, тем более, что этой самой идиоткой она должна была выглядеть на глазах Лиары.

У костра сидела группа музыкантов, всюю наигрывающих веселую плясовую. Цепочка из разведчиц, соревнующихся в древнем военном танце, уже распалась, и теперь все разделились на пары и просто наматывали круги вокруг пламени, оборачиваясь вокруг себя и подбрасывая вверх партнершу на каждом втором обороте. Рада была не достаточно трезва, чтобы в точности запомнить все движения, но руки Лиары уже утянули ее в хоровод других танцующих, и ей пришлось повиноваться.

Поначалу ноги заплетались, и она совершенно не понимала, что ей делать. Но ладони искорки лежали у нее на предплечьях, а глаза сверкали радостью и такой любовью, что засмотреться было можно. И Рада поняла, что уже ни на что не обращает внимания, просто кружится вместе со своей девочкой под веселую плясовую, то и дело поднимая ее на руки и полкруга пронося по воздуху.

Может, я просто чересчур перебрала и теперь ничего не боюсь? Впрочем, у нее не было ни времени, ни желания думать. Ноги сами пустились в пляс, каким-то совершенно невиданным образом выписывая коленца, которых она и сама от себя не ожидала, руки взметнулись над головой, то и дело прихлопывая в такт музыке. Рада поняла, что ритм скрипок, барабанов и флейт буквально проник ей под кожу и теперь бухает в груди вместе с сердцем, отсчитывая каждое ее движение. И это было хорошо.

Лиара смеялась, и красивее ее сейчас не было никого на всем белом свете. Отблески огня оглаживали ее гладкие щеки, застывали кристалликами невысказанной красоты в ее темных глазах. Раде до боли, до дрожи хотелось запустить пальцы в ее густые волосы и целовать ее, целовать без конца, вдыхая запах ее кожи, ее дыхание, ее любовь. Вот только ноги не желали останавливаться и все плясали, плясали...

Роксана, умешь же Ты шутить! Похоже, у меня неплохо получается. И дело тут вовсе не в количестве ашвила внутри меня. И эта мысль действительно была верной в отличие от всех предыдущих. Рада вдруг осознала, что всюю пляшет в ряду разведчиц, вышедших на новый круг, взяв друг друга за плечи, а искорка отошла в сторону и хлопает ей, все быстрее и быстрее, отмеряя каждый удар того сложного рисунка, что сейчас плели ноги Рады. Хотя не таким уж и сложным он был. И вовсе даже совсем не сложным.

В следующий миг ноги переплелись, и Рада едва не ухнула лицом в сугроб, а разведчицы, стоящие по обе стороны от нее, с громким смехом поддержали, не дав упасть. Но строй ей все-таки пришлось покинуть.

Совершенно очумевшая, шатающаяся, с хмелем в голове и музыкой, что почти разрывала грудную клетку, Рада отступила в сторону от костра. Сердце колотилось как бешеное, дыхания не хватало, ноги подрагивали, а на щеках разгорелся алый узор стыда. Со смехом к ней подбежала искорка, беря ее за руки и отводя в сторону, к бочкам, у которых продолжали заливать в себя остатки ашвила самые стойкие из празднующих.

— Говорила же я, что не больно хорошо-то у меня получается, — смущенно пробормотала Рада, глядя исподлобья на искорку и потирая нос.

— Перестань! Ты прекрасно танцуешь! — ее девочка прижалась к ее плечу, а потом приподнялась на цыпочки и чмокнула Раду в подбородок. — И почему ты так долго врала мне, что не умешь?

— Да я и не умею, — неловко пожалала она плечами, а искорка в ответ только фыркнула:

— Ерунда все это! И только попробуй в следующий раз отказать мне, когда я тебя позову. Тогда я по-настоящему на тебя обижусь. Неужели ты думаешь, мне нравится танцевать с кем-то другим, а не с тобой?

На это ответить Раде было нечего, и она вновь, смешавшись, отвела глаза. В общем-то, это было даже неплохо. Не ври! Это было очень здорово, и тебе действительно понравилось! Вздохнув, она взглянула на искорку:

— Ты знаешь, наверное, все дело в том, что я с тобой танцую. Это совсем не то же самое, как раньше. И мне понравилось.

Лиара счастливо рассмеялась и наградила ее еще одним поцелуем, на этот раз в губы.

— Милуетесь, лапушки? — прозвучал из-за спины Рады бархатисто-вкрадчивый голос, и она вздрогнула, отпуская искорку. — Ну-ну, вам можно сейчас. Вы же все-таки пока еще Младшие Сестры.

Рада обернулась через плечо, с трудом фокусируясь на разъезжающемся перед глазами мире. После бешеной пляски кровь буквально стучала в висках, распирая голову, и все перед глазами ходило ходуном.

В паре шагов от них стояла сама царица Магара дель Лаэрт, держа в руках большую кружку и то и дело прихлебывая из нее с таким видом, будто это была ключевая вода. Рада так и решила бы, если бы не видела всего каких-то пару часов назад, с какой легкостью Магара закидывает в себя одну за другой меры крепчайшего ашвила Каэрос. Впрочем, на внешнем виде царицы это не сказалось никоим образом, разве что глаза чуть поблескивали, да алый румянец проступил на щеках, но это могло быть вызвано и жаром гигантского костра, и танцами, в которых Магара с удовольствием участвовала вместе с Дочерьми Огня.

Лиара как-то вся сжалась в ее руках, почти что прячась от Магары за плечом Рады, и та это заметила, добродушно махнув рукой.

— Да ладно вам стесняться-то! Вы бы видели, что тут творилось после победы восемь лет назад. Все становище стонало и кричало месяца полтора без перерыва, а еще чуть попозже тут забегало много-много маленьких девочек. — Магара громко хмыкнула, и Рада все-таки решила, что хмель дал-таки о себе знать. Станный фальцет в смехе Магары из ниоткуда взяться просто не мог. Магара наставила на Раду палец и со значением добавила: — Тем более, вы теперь Младшие Сестры. А им много чего позволено, чего старшим уже нельзя. Хотя, как я вижу, для вас все-таки действуют несколько иные правила, не так ли?

— Царица Лэйк считает, что, учитывая возраст, нам уже необязательно соблюдать все запреты, что есть у Младших Сестер, — осторожно проговорила Рада, проклиная все на свете. С Магарой нужно было быть очень внимательной, слишком уж хитрой и пронырливой старой лисицей она была. А у Рады сейчас совершенно не было сил на то, чтобы контролировать расползающиеся мысли и играть во всю эту идиотскую дипломатию. — Живем мы отдельно, питаемся вместе со взрослыми разведчицами, да и тренируюсь я у первого клинка.

— Да, я в курсе, — глаза Магары странно блеснули. — Только вот, к моему глубочайшему сожалению, у меня так и не было возможности оценить твои навыки и умения. Может, согласишься составить мне пару на танец, Черный Ветер? Помашем руками-ногами, поглядим друг на друга, познакомимся.

— Я не слишком-то хорошо танцую, — проямлила Рада, не совсем понимая, что Магара имеет в виду: обычный танец или все-таки поединок?

— Кошечка, ты чересчур высока, страшна и бессмертна, чтобы я звала тебя кружиться вокруг костров, — осклабилась Магара. — Я хотела бы силой с тобой помериться, потолкаться, может даже на ножичках позвенеть. Есть настроение?

— Сейчас? — удивленно воззрилась на нее Рада.

— А почему нет? — пожала плечами Магара.

Их разговор привлек внимание, и со всех сторон начали подтягиваться хмельные разведчицы, с любопытством разглядывая Раду и Магару. Кое-кто принялся перешептываться и биться об заклад, другие одобрительно засвистели, захлопали в ладоши, призывая Раду принять предложение. Ну вот почему именно сейчас они все ко мне привязались?

— Послушай, первая, я слегка набралась уже и хотела бы просто мирно отдохнуть со своей девочкой, — Рада постаралась добавить в голос как можно больше доброжелательности, хотя на самом деле ей хотелось голову Магаре открутить голыми руками. — Да и может ли Младшая Сестра мериться силами с царицей клана?

— Ну так с Лэйк-то ты уже успела пару раз подраться, — бровь Магары насмешливо приподнялась вверх. — К тому же, я ж не настоящий бой тебе предлагаю, а так, повеселиться, кулаки поразмять. И я тоже изрядно набралась за этот вечер, так что вряд ли ты будешь против пьяной свалки. Это ж все любят!

Рада все еще сомневалась, чувствуя, как слегка покачивается вокруг нее мир. Искорка смотрела на нее с тревогой на дне штормовых глаз, но лишь это выражение было на ее лице, ни одобрения, ни запрета, ни какой-либо помощи от нее ждать не приходилось. Да и разведчицы вокруг собирались все активнее, уже целая толпа образовалась вокруг них с Магарой, оживленно переговариваясь, подбадривая их криками. Некоторые уже совершенно открыто бились об заклад на победителя, другие просто глазели. А впереди всех стояла и ухмылялась Магара. Из того, что Рада успела о ней услышать за последние дни, выходило, что царица Лаэрт никогда и ничего не делала просто так. Или наоборот, делала все не пойми зачем, но тогда она была поистине чересчур везучей для живого человека. Сестры так и не сошлись во мнении, как дело обстоит на самом деле, да и Рада еще не определилась. Но все равно что-то внутри нее шептало, что Магара пытается втянуть ее в не слишком удачную аферу, и Раде совсем не хотелось соглашаться.

— Да она просто боится! — послышался откуда-то со стороны звонкий голос, и вперед сквозь толпу разведчиц протолкалась первая стрела Лара. Щеки ее горели алыми пятнами, взгляд был нечетким, как и дикция. И она с вызовом смотрела в глаза Раде. — Просто боится сойтись в бою с анай, которая не станет ее жалеть. Низинники все такие, им подавай особое отношение к себе, на другое они просто не способны!

Рада ощутила, как от ярости деревенеет шея, а хмель как-то сам собой рассасывается, уступая место жесткой концентрации. Это было уже слишком. Это было прямое оскорбление, а не витиеватые издевательства, как утром. И она уже слишком много выпила и устала все это терпеть.

На Лару зашикали со всех сторон, приглушенно прося ее не оскорблять гостей становища, но она не послушала. Вырвавшись вперед из строя, Лара пошире расставила ноги и демонстративно отхлебнула из своей кружки, а потом, утерев губы рукавом формы, вновь осклабилась, глядя на Раду.

— Вы так много говорите о том, что у Низинников нет чести, что эти земли не знают гордости, как знают ее анай. А я вижу в тебе кое-что другое, белобрысая, — глаза ее

полюхнули ненавистью. — Кажется, ты-то свою честь ставишь гораздо выше нашей, раз отказываешься принять приглашение на танец от самой царицы. Получается, она недостаточно хороша для тебя, а?

— Детка, вообще-то это я здесь нарывалась, а не ты, — заметила Магара, обращаясь к Ларе и посмеиваясь, но та просто проигнорировала слова царицы. Или даже не услышала их, буравя горящим взглядом Раду.

— Я требую ответа, Черный Ветер! — это имя Лара выплюнула почти что с ненавистью. — Или ты язык проглотила, и сказать тебе нечего?

С лиц собравшихся медленно сползали улыбки, стихали приветственные крики, предложения спора на победу. Разведчицы затихали, неодобрительно поглядывая на первую стрелу, а Магара незаметно отступила в сторону, пожав плечами и что-то пробормотав себе под нос. Теперь Рада с Ларой остались вдвоем посреди свободного круга пространства у столов, стоя друг перед другом и глядя в глаза. Да еще искорка стояла за спиной Рады, не желая уходить и держа ее за рукав форменного пальто, словно это могло хоть как-то умереть ее гнев. Или она по-своему пытается меня защитить?

— Ты просто слишком громко орешь, и я слово вставить не успеваю, — глухо отозвалась Рада, все еще пытаясь держать под контролем свою ярость хотя бы ради искорки, и в наступившей тишине ее слова расслышали все.

— Вооот как? — протянула Лара, покачиваясь и зло глядя в ответ. — Выходит, я слишком громко ору? Не нравится тебе это, Младшая Сестра?

— Да мне и ты не особо нравишься, — отозвалась Рада, чувствуя, как последние остатки хмеля моментально рассасываются в крови. Так всегда бывало перед началом драки. Потом, когда сражение заканчивалось, хмель возвращался и наваливался с новой силой, но во время потасовки тело само собиралось в одну жесткую пружину, и Рада контролировала его едва ли не лучше, чем на трезвую голову.

— Так что ж ты не вызовешь меня на поединок? — Лара насмешливо нагнула голову набок. — Боишься, перышки твои пошиплю так, что потом долго отращивать заново придется?

— Соблюдаю закон моего клана, — твердо ответила Рада. — Младшая Сестра не бросает вызов взрослой разведчице, даже если та ведет себя, как свинья.

— Что?! — взревела Лара, отшвыривая прочь свою кружку. Она упала в толпу, и там кто-то приглушенно охнул. Рука первой стрелы легла на долор. — Иди-ка сюда и отвечай за свои слова! Я сама вызываю тебя, Низинная бхара!

Рада нахмурилась, пытаясь сообразить, имеет ли она право принять такое предложение. Ей всегда говорили, что Младшая Сестра будет наказана, если вызовет разведчицу, но сейчас дело происходило наоборот.

Из толпы на Лару зашикали сестры, кто-то проговорил:

— Первая, угомонись! Ты позоришь себя, вызывая Младшую Сестру. За это положена епитимья.

— Только я знаю цену своей чести! — пьяным голосом заревела Лара. — Не вам рассказывать мне об этом!

Рада быстро обежала глазами толпу. Теперь уже тишина сменилась недовольным ропотом. Сестры перешептывались, поглядывая на Лару и хмуря брови, кое-кто качал головами, другие, в основном помоложе, все еще пытались увещевать ее. А взгляд первой стрелы не отрывался от Рады, обжигая ее с ног до головы раскаленной ненавистью.

Если ты сейчас поддашься на это, потом можешь горько пожалеть. Не давай гневу воли. Сказать это было гораздо проще, чем сделать. Внутри у Рады буквально ураган бушевал, плечи свело, жилы проступили на шее, мешая дышать. Она никогда не спускала никому оскорблений, она привыкла давать сдачи в ответ на обидные слова. Это ведь была самая обычная, самая простая и понятная реакция: ударить в ответ на удар. Разве могло быть иначе?

Помни о том, что ты можешь потерять. Этот назойливый голос внутри не унимался. Рада поморщилась, чувствуя себя почти что привязанной между двумя лошадьми, каждая из которых тянет в свою сторону. Одной проклятой скотиной была гордость и праведное возмущение, другой — ее желание остаться среди Каэрос и слова Торн, сказанные пару часов назад. И что в такой ситуации следовало бы выбрать?

Лара тем временем вновь открыла рот, чтобы выкрикнуть очередное оскорбление, но громкий голос Держащей Щит Саиры перекрыл гомон толпы и остановил ее на полуслове:

— Что здесь происходит? Кто бабу не поделил опять?

Толпа раздалась в стороны, и на открытый пятачок пространства выступила Держащая Щит. Она тоже явно была во хмелю, глаза сверкали, будто у хищной птицы, ноздри раздувались, а на губах играла насмешливая улыбка. Подбоченившись, Саира смерила взглядом Раду с Ларой и сложила руки на груди.

— Итак, девочки. Сегодня, мани вашу за ногу, день всепрощения и извинения, и именно сейчас вы, мои одаренные, решили подраться. Я все правильно понимаю?

— Она оскорбила честь клана! — взревела Лара, указывая на Раду дрожащей рукой. — Она отказалась принять предложение Магары дель Лаэрт и выйти на рукопашный бой!

— И что? — фыркнула Саира.

— Как что? — заморгала, не понимая, Лара.

— Дальше что? — повторила Саира. — Рада отказалась сражаться с Магарой, а значит, и оскорбила Лаэрт. Мы здесь причем? Пусть сами и разбираются. Так что уймись, первая. И лучше иди, проспись. Авось и в башке просветлеет.

За спиной Саиры послышались одобрителльные смешки, кое-кто закивал. Несколько секунд Лара смотрела на нее широко открытыми глазами, часто моргая и безмолвно двигая челюстью, словно пыталась понять, что здесь вообще произошло. Потом нахмурилась и покачала головой.

— погоди, первая! Это совсем не дело. Ты же знаешь, когда Воинам Каэрос бросают вызов, они обязаны его принять...

— Ты же только что орала, что она из Низин, да к тому же, всего лишь Младшая Сестра? — ухмыльнулась Саира, вздергивая бровь. — Причем здесь тогда Воины Каэрос?

— Проклятье, Саира, ты же тоже Лаэрт... — начала Лара, но сразу же осеклась.

Вот на этот раз на поляну пала мертвая тишина, в которой, словно в густой патоке, растворились даже звуки музыки от костра в стороне. Саира вся подобралась, будто готовящаяся к прыжку разъяренная кошка. Глаза ее сузились в две черные щели, полные отсветов алого огня, тело сжалось в тугую пружину, а рука, будто невзначай, улеглась на рукоять долора. Разведчицы вокруг слегка подались назад, словно мечтали как можно дальше убратся с глаз Держащей Щит. Даже Лара замолчала, понимая, что сморозила лишнего. Взгляд ее лихорадочно метнулся с Держащей Щит на толпу анай и обратно, и она конвульсивно сглотнула.

— Как ты обратилась к своей Держащей Щит, а, первая стрела клана Каэрос? —

зашипела Саира, будто змея, в полной тишине, и Рада невольно передернула плечами от пробежавшего между лопатками морозца. — Ты позволила себе назвать ее по имени прилюдно, так, будто она твоя товарка или какая-нибудь ничтожная торговка, что пытается всучить тебе тухлую рыбу. Ты посмела намекнуть на ее происхождение, ткнуть ей в лицо ее родом? Ты, так вопящая о чести и праве?

— Я приношу свои извинения, Держащая Щит, — склонила голову Лара, но упрямый огонек из ее взгляда так никуда не исчез. — И все-таки, ты должна понять...

— Понять что? — голос Саиры стегнул, будто кнут. — Что ты пьяна в стельку? Что ты хочешь ее женщину и из-за этого устраиваешь пьяные концерты? Что тебе не хватает ума понять, как жалко ты выглядишь со стороны?

С каждым ее словом Лара вздрагивала, будто ее хлестали по щекам. Голова ее медленно наклонилась вперед, глаза разгорались ненавистью, а губы упрямо сжались. Раде подумалось, что Саира, кажется, сделала только хуже, озвучив все, о чем первая стрела так и не решилась сказать вслух, и, возможно, нажила себе врага. Впрочем, Лара заслужила каждое сказанное ей слово. И дело здесь даже было не в искорке и том, как первая стрела все это время волочилась за ней. Дело было в том, что своим поведением она позорила анай.

Надо же, я уже и думаю, как они. Эта мысль была такой легкой и неожиданной, что ярость медленно отступила прочь. И хвала Тебе за это, Роксана! Наконец-то я нашла таких же безумных, как и я сама! Тех, кому я подхожу, как клинок ножнам.

— Хочешь драться с ней? — палец Саиры указал на Раду, но смотрела она, не отрываясь, даже не моргая, прямо в глаза Лары. И в глотке ее ворчало почти что звериное рычание. — Хочешь вызвать ее на поединок? Будь по твоему! Властью, данной мне Роксаной Огненной, я разрешаю тебе, первая стрела Лара, помериться силой с Младшей Сестрой Каэрос Радой. Вот только не на долорах и не на клинках. Не хватало еще, чтобы из-за такой глупости вы обе вконец опозорили свою честь. Сегодня день поединков, так что деритесь на руках. Кто кого положит на стол, тот и победил. — Саира выпрямилась и оглядела остальных анай. — Ну что, сестры, правильно ли я говорю? — громко спросила она.

— Саира! — взревели Каэрос, потрясая кулаками и улюлюкая. — Держащая Щит!

— Устроит тебя такой вариант? — насмешливо вздернула бровь Саира, глядя на Лару. — Или снова будешь орать и зубы скалить?

Первая стрела огляделась из-под насупленных бровей, видя поддерживающих Держащую Щит Дочерей Огня. Отступать-то ей было уже некуда. Слово было сказано, вызов брошен, и если сейчас она отменит его, то опорочит свою честь. Как и если продолжит настаивать на поединке после слов Саиры. Бросив на Раду полный ненависти взгляд, Лара буркнула:

— Согласна.

— Отлично! — энергично тряхнула копной черных косичек Саира и повернулась к Раде. — А ты, Черный Ветер?

— Если будет на то воля первой, — негромко сообщила та.

Громко хлопнув в ладоши, Саира приказала:

— Очистить стол! Освободить место! — и добавила, с хищным оскалом разглядывая обеих соперниц. — Будет, еще как будет!

Что-то такое было в ее горящем взгляде, что Рада вновь поежилась. И как только Лэйк могла разделить свою жизнь с этой женщиной? В ней бушевало такое неукротимое пламя,

что рядом с ней находиться-то физически было сложно, в любой момент жди беды или чего-нибудь уж совершенно неожиданного. А одноглазая крылатая царица, похоже, души в ней не чаяла и даже не слишком боялась взрывов ее бешеного характера. Так только, ворчала для виду, возможно, даже для того, чтобы Саире было приятнее.

Разведчицы быстро принялись сдвигать прочь со столешницы у ближайшего стола тарелки, кружки, блюда со снедью, а Рада вдруг поймала себя на том, что гнев ушел. Совсем ушел, и следа после себя не оставив. То ли дело было в яростной отповеди Держащей Щит, то ли в ее маленькой искорке, чью напряженную тревогу она чувствовала у себя между ребер, но Рада поняла, что больше не злится совсем. Ей сейчас нужно было сохранить голову спокойной, постоять за свою честь и честь своей женщины и не наделать при этом глупостей. И гнев в этом уж никак ей помочь не мог.

Обернувшись к Лиаре, она ободряюще улыбнулась ей и самым краешком губ поцеловала ее полные тревоги серые глаза. А потом уверенно зашагала к Держащей Щит, занявшей место у угла стола, где рядом стояли две лавки, стараясь держать в поле зрения Лару, чтобы не получить удар в спину. Вряд ли, конечно, первая стрела пошла бы на такое на глазах у всего клана, но хмель порой менял людей слишком сильно, и они совершали те поступки, на которые никогда в трезвом уме не отважились бы.

Рада первой уселась на лавку и принялась подкатывать рукав пальто, чтобы освободить кисть. Лара опустила ее напротив нее у края стола, бросая на нее горящие злобой взгляды и нервными резкими движениями тоже отдергивая рукав. Вокруг столпились, шумя и галдя, разведчицы. Вмешательство и отповедь Саиры подействовали, вновь послышался смех и предложения пари, возгласы тех, кто поддерживал сражающихся или одну из них. Рядом с Саирой встала и царица Лаэрт, потягивая из своей кружки вино и задумчиво разглядывая Раду. Взгляд у нее был заинтересованным и хищным, и той подумалось, уж не специально ли Магара все это затеяла, чтобы понаблюдать за ее реакцией? Рука искорки сжала ее плечо на удачу, а сама девушка отступила на шаг, чтобы не мешать Раде. Кто-то из разведчиц сразу же протянул ей кружку с вином, но та только покачала головой, встревожено наблюдая за Радой.

— Ну что ж, петушки мои горластые, давайте! — глаза Саиры горели от предвкушения, и сейчас в ней было что-то уж совсем дикое. На миг Раде почудилось, что в ее лице мелькнула тень другого лица с огненными глазами и ворохом пламенных кудрей, которое она видела вчера вечером в отсветах пламени костра. — Роксана с вами!

Рада поставила локоть на стол и уставилась в колючие глаза сидящей напротив Лары. Их ладони сошлись над столом, примеряясь друг к другу. Кожа у первой стрелы была толстой, будто дерюга, состоящей из одних мозолей и холодной, а глаза острыми, будто ножи. Впрочем, Рада не боялась и не сомневалась ни в чем. Гнева в ней больше не было, а в рукопашных поединках ей приходилось участвовать и не раз во времена долгой службы в Северных Провинциях. В тавернах делать было особенно нечего: азартные игры ее не привлекали, как и ноги танцующих на столах шлюх, зато потягаться силой со слишком зарвавшимися, хвалящимися своими подвигами матросами было самое то.

Лара сжала зубы, и Рада разглядела, как играют на ее щеках желваки. Она и сама сосредоточилась, расслабив тело и переводя все свои силы в ладонь.

— Начали! — рявкнула Саира.

Надо было признать: первой стреле силы было не занимать, да и пальцы у нее казались буквально вытесанными из камня. Рада напряглась изо всех сил, не давая ей сдвинуть свою

ладонь ни на дюйм. Не потому, что она ненавидела проигрывать: в конце концов, всегда есть кто-то сильнее тебя, и переживать по этому поводу нечего, нужно лишь стремиться самому стать крепче. Но потому, что сейчас она защищала саму себя и свою девочку от нападков пьяной дуры, которой захотелось того, чего хотеть бы не следовало по законам ее же чести.

Лара тяжело и судорожно дышала, налегая на руку Рады с другой стороны стола. Вокруг орали разведчицы, болея за них, подбадривая их, гремя оружием. На лбу первой стрелы проступили черные жилы, как и на шее буграми вздулись узлы. Рада чувствовала, как и сама буквально дрожит от напряжения. Все силы уходили на то, чтобы не дать Ларе повалить ее руку на стол. Поистине, она была одним из самых сильных противников, с кем Раде приходилось бороться.

Я не могу проиграть! Немыслимое напряжение сжало все тело, кожа моментально покрылась потом, ладони — ее и Лары, — побелели, мелко дрожа на одном месте. Напротив были жесткие глаза первой стрелы, полные злости и пьяного гнева. На кону моя честь. Я не проиграю!

Казалось, силы утекают, будто вода в песок. Каждый миг борьбы давался Раде так тяжело, словно она быка пыталась на плечах тащить. Рев разведчиц превратился в один неразборчивый шум, как и отблески огня на их лицах, как и их руки, что взметались над головами в приветственных жестах. Было только тяжелое дыхание Лары и ее черные жилы, едва не лопающиеся на побелевшем лбу. И капельки пота, что катились по лицу Рады, капая с кончика носа.

Еще секунда, и все! — промелькнула в голове кристально четкая мысль. Рада поняла, что перед глазами темнеет, а силы буквально уходят прочь, оставляя ее. В глазах Лары уже промелькнул намек на злорадную радость, и тогда Рада вложила все свои силы в последний рывок.

Послышался громкий хруст, стук и отчаянный крик боли первой стрелы. Рада не сразу даже поняла, что произошло, с трудом выпуская ее ладонь. Перед глазами было темно, все кружилось, но медленно вставало на свои места. А бешеный рев Каэрос подтвердил, что она победила.

— Все! — довольно рывкнула Саира. — Закончили! Победа за Черным Ветром! И позовите Найрин кто-нибудь. Надеюсь, она достаточно трезва, чтобы исцелять.

Рада наконец проморгалась и взглянула вперед. Лара скрючилась на лавке напротив нее, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы и баюкая сломанную руку. Лицо ее было искажено болью. Отчего-то внутри у Рады алыми кольцами разошелся стыд.

Перегнувшись через стол и перекрикивая рев толпы, Рада нагнулась ближе к Ларе и негромко проговорила, тронув ее за плечо слабой, будто плеть рукой.

— Прости. Я не хотела ломать кость.

— Да чего там, — буркнула первая стрела, отводя глаза. — Дермаки меня и посильнее мяли. — Но видно было, что говорит она с трудом.

— Ты очень сильный соперник. Я надеюсь, получится повторить, когда мы обе будем в лучшем состоянии, — поддавшись порыву, Рада посмотрела ей в глаза и протянула левую руку.

Помявшись, Лара все-таки пожала ее ладонь. Кажется, боль и острота поединка отрезвили ее, и ярость ушла из взгляда. Теперь там было лишь что-то, очень напоминающее стыд.

— Обязательно, Черный Ветер, — негромко пробормотала она. — И ты прости. С дуру

я.

Разведчицы вокруг принялись наперебой нахваливать Раду с Ларой, поднимать в их честь кружки с ашвиллом, хлопать по плечам. Искорка улыбалась, глядя глазами полными любви, Саира громко фыркнула и, махнув рукой, ушла прочь. Одна только Магара стояла и смотрела, скалясь, будто хищный кот. Она не поздравляла, только молча, глядя в глаза Раде, приподняла кружку, салютуя ей, и взгляд у нее при этом был такой, что Рада поежилась. Она так и не решила для себя, спровоцировала ли этот поединок Магара специально или нет. И если да, то зачем ей это было нужно?

===== Глава 39. Правда =====

Бархатное синее небо над головой устлало целые россыпи звезд. Будто рачительная хозяйка, что весь день месила тесто, отряхнула руки от мучной пыли, и она белой шалью опала на небосвод, и каждая крохотная крупинка полыхнула ослепительной вспышкой. Небу не было дна, огромному, бескрайнему, буквально падающему на голову. Задумчивые вершины гор тянули к нему свои заснеженные шапки, словно надеялись отогреться в призрачном звездном свете. Застыли в безветрии молодые сосны, подступающие к самому становищу, топорща темно-зеленые иголки, словно растревоженные мокрые коты. В воздухе пахло весной, земля дышала сыростью, и ее пряный сладковатый запах кружил голову, пробираясь сквозь узкую щелочку, что оставили в окне дома молодые Ремесленницы.

Лиара вздохнула этот запах всей грудью, чувствуя, как он буквально насквозь пропитывает ее. Он смешивался с ароматами циновки на полу под ними, запахами тканей, цветочного мыла, которым пользовалась Наставница Фир. Эта весна пахла домом, и в ней Лиаре впервые в жизни было хорошо.

Занятия давно кончились, все разошлись по домам, и только они четверо тайком прокрались обратно в мастерскую после захода солнца, чтобы погадать. Инициатором затеи, как и всегда, была веснушчатая любопытная Ная, которая обожала нарушать правила, но старалась делать это как можно незаметнее, чтобы не получить нагоняй. Потому каким-то непостижимым образом среди взрослых Наставниц она слыла серьезной, прилежной девочкой и прекрасной ученицей, а по Плато Младших Сестер только и ходили слухи о том, что она вытворила в очередной раз. Правда, и забавы у нее были достаточно безобидные, не чета тому, что устраивали молодые разведчицы, но все равно Ная считалась нарушительницей покоя и носила это звание со скромным сдержанным достоинством. Лиара с трудом удерживала улыбку, глядя на то, как задорно сейчас блестят ее глаза. Казалось, Найю занимало не столько само гадание, сколько нарушение правил и запретное проникновение в мастерскую среди ночи.

Большеглазая темноволосая Рей тоже храбрилась и всю хихикала над их затеей, но все время тревожно поглядывала на полуоткрытое окно, а порой бормотала, что лучше бы им побыстрее уже все сделать, да идти отсюда своей дорогой. Впрочем, она все-таки сдерживала язык в присутствии маленькой Вилы, стараясь напустить на себя уверенный и спокойный вид, будто ей такие вылазки — самое привычное дело, привычнее даже, чем ежедневное расчесывание. Впрочем, Виле до ее страхов не было никакого дела. Глаза у девчушки горели так восторженно, словно ей прямо сейчас вручали крылья, она то и дело поглядывала на остальных подруг и улыбалась во все лицо. От возбуждения покраснели даже ее оттопыренные уши, которые сейчас особенно бросались в глаза из-за стрижки после принятия долора. Ну еще бы, впервые старшие девочки пригласили ее участвовать в чем-то, не совсем разрешенном. И теперь она должна была чувствовать себя самой счастливой на

свете.

Впрочем, Лиара тоже радовалась, что ее пригласили. Конечно, нарушать правила через десять дней после того, как им с Радой вручили долоры, было не самым удачным решением, но зато теперь она имела полное право нарушать эти правила, потому что стала частью клана. И это чувствовалось хорошо и славно, даже если и было полнейшей глупостью.

Вчетвером они сгрудились на полу посреди комнаты вокруг большой миски с водой, в которой плавали четыре крохотных плоски с огнем Роксаны, по одной на каждую из присутствующих. Лиарину плоску зажгла Рей, потому что дара Роксаны в крови Лиары не было, и самостоятельно она сделать это не могла. Подумав, Ная заявила, что ничего страшного от этого не будет. А даже если у Лиары из-за этого ничего и не получится, все равно. Потому как гадали все присутствующие на своих будущих суженных, а Лиара — на будущее, так как суженная у нее уже была. Да и пошла она, в общем-то, только потому, что девчонки ее позвали с собой, и ей было приятно и любопытно поучаствовать вместе с ними в одной из древних традиций анай — гадании на чистой земле.

Отсветы огня плясали на лицах всех собравшихся, отражались огоньками в глазах склонившихся над чашей девушек, высвечивали из темноты оттопыренные уши Вилы, вздернутый нос Рей. Лиаре почему-то сейчас было донельзя уютно, хоть в остывшем помещении царил холодок, и плечи ее под толстым шерстяным пальто озябли, а изо рта вырывались облачка пара.

— Ну что, все готовы? — пытливо оглядела их своими темными глазами Ная. Рей кивнула, вновь бросив боязливый взгляд на окно, Вила неистово замотала головой, улыбаясь при этом во все свое еще по-детски угловатое лицо. Лиара тоже кивнула, сгорая от любопытства. — Тогда начнем. — Поерзав, Рей прокашлялась в кулак и заговорила: — На десятый день после поворота солнца Ты, Милосердная, руками Своими мягкими, пальцами Своими тонкими вьешь облака за краем запада, посылаешь их на восток с ветрами вешними. Пальцы Твои прядут-тянут кудель времен, на прялке Твоей — время и нити жизни. Спряди же, свей, свяжи нам судьбу легкую, дорогу ровную, скатерть белую. Покажи глаза моей зореньки, моей солнечной, моей единственной. Где летает моя горлица, крыльями вспарывая рубашки-облака на Твоей груди? Где шумит ее смех, где летит ее песня, и сердце ее звонко бьется для Тебя и в ожидании встречи?

Подтолкнув локтем зазевавшуюся Вилу, которая смотрела в таз с водой так, будто прямо сейчас оттуда должна была выйти ее нареченная, Ная быстро раздала им по маленькому кусочку бересты, которую они собрали на закате этого дня. Ради этого пришлось сразу же после окончания занятий едва ли не бегом бежать сквозь раскисшие, просевшие сугробы на другую сторону седловины, где за высокой стеной гор рос хиленький березняк. Но Лиара не жалела об этом. Никогда еще она не участвовала ни в чем подобном, и все происходящее казалось ей таинственным и волшебным.

Как странно, Великая Мани! Сила Твоя со мной так долго, и мы с Радой уже видели столько Твоих чудес, что другому человеку и на всю жизнь хватило бы. А я все не могу наглядеться и, пусть даже в таких мелочах, но хочу прикоснуться к Твоему чуду еще раз.

Девушки аккуратно положили кусочки бересты в маленькие плоски с огнем, и Лиара последовала их примеру. Береста затрещала, вспыхнула, скручиваясь в трубочки, черные жгуты пахучего дыма потянулись к потолку маленькой комнаты. Отсветы огня заплясали на воде в чаше, бросили неровные танцующие тени на ее стенки.

— Смотрите! — приказала Ная, наклоняясь над чашей так низко, что остальным и

места почти что не осталось.

Лиара тоже с любопытством подалась вперед, хоть смотреть-то пока было не на что. Да и черный дым от разгоревшейся бересты резал глаза и едко дышал в лицо. Но четыре макушки упрямо соприкоснулись над чашей, не желая пропустить ничего. Ви́ла от нетерпения шумно пыхтела, словно перегревшийся на солнце пес, а Рей, кажется, вообще перестала дышать.

Сама Лиара смотрела вниз и не видела в своей плоске ничего, кроме быстро чернеющей бересты, которая стянулась в тугую трескучую трубочку белой стороной внутрь. Сквозь коричневую кору проступали черные пятна от лижущего ее изнутри пламени, но она не видела в их узорах ничего интересного, необычного или могущего предсказать ей ее судьбу. Может, я просто смотрю неправильно? Или что-то не так делаю? Дым резанул глаза, и она зажмурилась, чувствуя, как от боли выступают слезы. Теперь зрение совсем помутилось, перед глазами все плыло, и Лиара видела лишь четыре огненных язычка пламени над четырьмя плосками, причем уже и не понимала, какая из них — ее.

Прошло еще несколько мгновений, пока она окончательно проморгалась, так ничего и не разглядев. А Ная, аккуратно обхватив чашу руками, приглушенно приказала:

— А теперь быстро на улицу! Пока они не успели дотлеть!

Все четверо подхватились с пола, спеша, но при этом стараясь соблюдать осторожность. Ви́ла так и норовила заглянуть Найе через плечо и увидеть еще что-то в своей огненной плоске. Рей прилипла к окну, вглядываясь сквозь его темный квадрат на улицу и пытаясь определить, нет ли там кого-то, кто мог заметить, как они выйдут из домика. Лиара аккуратно отряхнула свое белое пальто от пыли и вновь потерла рукой глаза. Ладно, никто из девочек ничего не сказал, может не она одна ничего не увидела в танце пламени?

— Все чисто, пошли! — махнула рукой Рей, распахивая дверь и первой вытекая в темноту. Причем сделала она это так поспешно, словно ее собаки за пятки кусали.

Что-то недовольно бормоча себе под нос, следом за ней направилась Ная, неся на вытянутых руках перед собой чашу, на стенках которой продолжали плясать отсветы, но уже слабые — береста почти прогорела.

— Подержи мне дверь! — прошипела она Виле, и девочка стремглав бросилась выполнить просьбу. Как только Ная прошла, она скользнула следом за ней, оглянувшись на Лиару.

Ночь была сырой, но уже по-весеннему теплой. Снег лежал вокруг темными мягкими сугробами, просевшими и оплавившимися под солнечными лучами, словно огарки свечей. Во тьме огромного неба угадывались черные силуэты гор, а за их спинами мерцало всего парой-тройкой огоньков уснувшее становище. Лиара улыбнулась, оглянувшись туда. Теперь это место выглядело для нее совершенно иначе — родным, привычным, дорогим. Теперь это был ее дом, самый настоящий и самый желанный.

Ная первой быстро направилась прочь от становища к окружающей его с севера сосновой роще. Рей, крутя головой и поминутно спотыкаясь в темноте, поспешила за ней. А маленькая Ви́ла, едва не подпрыгивая от нетерпения, взглянула на Лиару.

— Ты что-нибудь видела в пламени? Раду? Или свое будущее? Я ничего не видела!

— И я, — тихо кивнула Лиара, улыбнувшись, когда лицо лопухой Вилы буквально просияло от радости. Вот видишь, не ты одна такая. Может, там и не будет для тебя ничего. В конце концов, это же просто гадание, очередное глупое суеверие девчонок, которым донельзя хочется приключений.

— Но это ведь ничего, правда? — взгляд Ви́лы сразу же стал тревожным. — Мы же еще увидим?

— Конечно, увидим, — кивнула Ли́ара, слегка приобнимая ее за плечи. Ви́ла была ниже ее ростом и не только в силу своего возраста. Скорее всего, она так и останется маленькой, едва ли не самой низенькой среди анай. Так странно было чувствовать себя выше кого-то. Ли́ара уже успела привыкнуть к тому, что все анай вокруг нее возвышались над ней будто горы, и на их фоне Ви́ла казалась ей еще меньше, чем была на самом деле.

Они дошли до опушки леса к тому моменту, как последние отблески пламени уже отгорали на потрескивающей бересте. Лучи весеннего солнца стопили снег у корней деревьев, и теперь под ногами была мягкая размокшая земля, покрытая толстым слоем сосновых иголок. Пахло сильно,пряно: землей, прелой травой с прошлого года, смолой из тонких, напивающихся допьяна талой воды деревьев, и у Ли́ары слегка закружилась голова. Вместе со всеми остальными девочками она опустилась на колени перед чашей и низко склонила голову.

— Мы зовем тебя, Мани Чистой Земли, — тихо заговорила На́я, сложив руки и низко кланяясь последним отблескам пламени. — Вода — земле, земля — дереву, дерево — огню, огонь — дыму, дым — ветрам. Да увижу я в танце ветра свою судьбу!

С этими словами На́я резко толкнула чашу с водой, и та опрокинулась прямо под корни деревьев. С шипением потухли обуглившиеся кусочки бересты, и пламя Роксаны, лизнув в последний раз сырую, усыпанную иголками землю, исчезло. А вверх потянулись четыре тонких струйки дыма.

— Сейчас! — выдохнула Ви́ла.

Ли́ара с любопытством уставилась на дым. Сейчас уже непонятно было, где чья площадка, и она просто выбрала ближайший к себе усик, который медленно поднимался вверх к звездному небу в стоячем воздухе, постепенно растворяясь. Она и не ждала что-то увидеть там, но внезапно увидела.

На миг перед глазами помутилось, и теперь она смотрела будто бы сверху. Под ней проплывали горы, поросшие зеленым кудрявым лесом. Стояла ночь, и очертания деревьев сливались в одно пушистое бархатное одеяло, тихонько шелестящее под ветром. В его центре располагалась чаша горного озера с черной водой, в которой, будто в зеркале, отражались звезды. Их было так много, этих звезд, настоящие россыпи, полные пригоршни, щедро высыпанные кем-то на гладкую поверхность. Озеро было вытянутым с обоих концов, слегка напоминая по форме глаз, и из самого его центра на Ли́ару вдруг взглянули глаза. Странные, серо-голубые глаза, такие знакомые, такие родные, но никогда прежде ею не виденные.

В следующий миг она с громким вздохом очнулась, возвращаясь в себя. Это видение уже приходило к ней не единожды, этот взгляд смотрел на нее из ее грез. Ли́ара задохнулась, все никак не в силах восстановить дыхание, приложив ладонь к груди, где иглой кололся огненный клубочек Великой Мани. Почему она вновь увидела эти глаза? Что это означало? Отчего-то ей стало тревожно.

— Ты что-то увидела? — любопытно подалась вперед Ви́ла. — Свое будущее? Милосердную? Что?

— Я... не знаю, — замялась Ли́ара, моргая и пытаясь прийти в себя.

— А я видела зеленый цвет и какой-то ослепительно сияющий цветок! — выпалила сидящая рядом На́я. Вид у нее был совершенно сбитый с толку. — Что это может значить?

— Понятия не имею, — недовольно пожала плечами Рей. — Я ничего не видела, только

дым. А ты, Ви́ла?

— Двух женщин, стоящих спина к спине, но я не знаю, кто это был. Я не разглядела лиц! — девочка сложила руки на груди, горящими глазами глядя на валяющиеся на земле огарки бересты. — Только бы это были мы с первой Наин! Пожалуйста, Милосердная! Услышь мои молитвы!

Многие в становище сохли по красавице Наин, первому перу Клинков Рассвета, с глазами серыми и бархатными, будто северный мох, и маленькая Ви́ла входила в их число. Правда, вряд ли ей что-то светило. Несмотря на то, что с Великой Войны прошло уже долгих восемь лет, Наин все еще носила траур по своей возлюбленной, погибшей во время штурма становища Натэль, и ровным счетом никакого внимания не обращала на множество своих воздыхателей, оказывающих ей всевозможные знаки внимания. Не говоря уже о том, что длинноногая, угловатая с торчащими ушами Ви́ла, что только-только получила долор, вряд ли заинтересовала бы взрослую разведчицу.

Лиара потерла лоб, чувствуя легкое головокружение. Думать о собственном видении ей почему-то не хотелось. Отчего-то внутри поднялась и все никак не желала униматься тревога, и Лиара из-за этого чувствовала себя не в своей тарелке. Она ведь не гадала на суженную, у нее была Рада. Она гадала на свое будущее и не более того. Так почему же тогда ей вновь показали эти глаза? Неужели же это были глаза ее нареченной?

Внутри змеей свернулась боль, и Лиара потерла кулаком грудь, словно это могло хоть как-то помочь. Этого просто не могло быть, и такие мысли нужно было гнать как можно дальше от себя. Рада и есть ее нареченная, ее единственная, и другой никогда не будет. Но кому же тогда принадлежали эти серо-голубые глаза? Кто смотрел на нее так сильно, так прямо из глубин ее памяти или из будущего, что ждало впереди? И что он хотел от нее?

— Лиара, а что ты видела? — Рей выглядела раздраженной и взъерошенной, как кошка. Взгляд у нее был хмурый. — Раду, наверное? — Она действительно постаралась говорить как можно спокойнее, но в голосе проскользнули болезненные нотки.

— Я не знаю, — также тихо повторила Лиара, опуская глаза. Мало того, что своих переживаний хватало, а тут еще Рей добавляла сверху. Судя по всему, Рада приглянулась ей по-настоящему, и с каждым днем отношение Рей к Лиаре становилось все холоднее. Лиара подозревала, что в скором времени Рей сорвется, и тогда их только-только завязавшейся дружбе — конец. Хоть и надеялась, что может быть и по-другому.

— Ты что-то видела, — уверенно проговорила Ная, глядя на нее. — Я слышала, как ты охнула. Значит, просто нам не хочешь говорить?

— Да нет, девочки, ну что вы? — расстроено оглядела их всех Лиара. В груди продолжала колотиться тревога, и ей сейчас совершенно не хотелось ни с кем ссориться. — Я видела чьи-то глаза, что глядели на меня из озера, очень похожего по форме на глаз. Его со всех сторон окружает лес и горы. Я не первый раз уже вижу эту картину, но раньше она все чаще приходила ко мне в грезах или в присутствии Великой Мани.

— Похоже на глаз? Так может, это Белый Глаз? — подала голос Ви́ла, встрепенувшись. Лиара нахмурилась, глядя на нее, и та добавила: — Это озеро к северо-западу от становища Ифо, нас туда на лето возят Садовницам помогать. Оно вытянутое с двух сторон и очень похоже на глаз.

— Вот оно как... Но вода там была черной, — пробормотала Лиара, припоминая подробности.

— Ну конечно! — фыркнула Рей. — Белым Глазом его называли потому, что зимой оно

так выглядит, укрытое снегом. Летом это простое озеро с темной водой.

Лиара рассеяно кивнула, стараясь не смотреть на нее. Она почти физически ощущала волны боли и раздражения, исходящие от Рей каждый раз, когда они встречались взглядами или заговаривали. И ей было очень жалко подругу, вот только сделать она ничего не могла. Никто из нас не виноват, что Рада так запала ей в сердце. Я прошу у Тебя, Огненная, только одного: заberi этот огонь из ее груди. Пусть мы не поссоримся, пусть она не страдает, пусть встретит кого-нибудь, кто сможет разделить с ней жизнь поровну и принесет ей счастье.

— А чьи глаза-то были? — любопытно взглянула на Лиару Ная. — Ты узнала? Радины наверное?

Лиара не могла соврать ей в лицо, но и правду сказать не могла, чтобы не причинить новой боли Рей и не бередить и без того болящую душу. Она просто кивнула, чувствуя себя не слишком уверенно, но Ная на этом и успокоилась, не став больше ничего выпрашивать.

— Ну что ж, теперь нам всем нужно хорошенько поспать, — проговорила она, собирая с земли мокрые огарки бересты. — Возьмите по кусочку и положите себе под подушку перед сном. Под утро может присниться вещий сон, так что будьте внимательнее.

Лиара забрала свой кусочек бересты, ставший совсем маленьким после жадных клыков огня, и убрала его в поясной кошель, как и остальные. Сказать по чести, видеть еще какие-либо видения из будущего ей вовсе не хотелось, но выбросить кусочек бересты просто рука не поднялась. В конце концов, он был посвящен всем Небесным Сестрам и Их Мани, а такими вещами разбрасываться — не самое мудрое дело. Сожгу в очаге у нас дома, решила Лиара, посчитав, что вряд ли Небесные Сестры сочтут это святотатством и оскорблением.

В молчании они прошли мимо мастерской Наставницы Фир, и Лиара бросила взгляд на темные окошки. Наверное, их присутствия там все-таки никто не заметил. В противном случае их бы уже тащили за уши к Мани-Наставнице Мари. Но внутри все равно разливалось приятное чувство: впервые она нарушила правила, причем не сама по себе, а потому, что ее позвали друзья. И от этого становилось тепло.

Вообще-то для Младших Сестер в становище действовало все-таки меньше запретов, чем для Дочерей, и покидать ночью Плато Младших Сестер им разрешалось. Но все четверо все равно старались держаться как можно ближе к тени домов, чтобы не попасться никому на глаза и не вызвать лишних пересудов. Даже маленькая Вила затихла, перестав забрасывать Лиару и старших девочек градом вопросов, как делала обычно. Сейчас только поблескивающие в темноте глаза выдавали ее возбуждение.

Когда они добрались до неширокой тропинки, что вилась по склону горы прочь от становища вверх, к Плато Младших Сестер, Ная остановилась и внимательно оглядела остальных девушек.

— И помните: ни слова никому о том, что вы видели. Если расскажете кому-то, кто не участвовал в гадании, — ничего из увиденного не сбудется.

— Я никому не расскажу! — горячо покачала головой Вила. Вид у нее был решительным.

Лиара подозревала, что этот запрет продиктован не столько желанием исполнения видений, сколько страхом самой Найи, что Наставницы узнают о том, кто именно организовал данное мероприятие. И что Найе влетит по первое число, а весь ее ореол хорошей девочки моментально развеется. Но говорить о том, что она видела, она и так ни с кем не собиралась. Может, с Радой, да и то, Лиара еще не была в этом уверена. Почему ей показали эти глаза? Что это значило?

— Не забудьте о бересте, — напутствовала Ная. — И обязательно сожгите ее дотла завтра утром после пробуждения. Тогда все будет хорошо.

— Так и сделаю, — согласно кивнула Лиара. Оглядев подруг, она постаралась улыбнуться как можно искреннее: — Спасибо вам за то, что взяли меня с собой. Надеюсь, мы еще выберемся, когда будет время и повод.

— Обязательно! — решительно кивнула Ная. — А теперь пойдете спать. И пусть Роксана хранит ваши сны!

Ная с Вилой направились вверх по тропе в сторону Плато, а Рей почему-то замешкалась, оправляя пальто и отряхивая его от невидимого сора. Лиара осторожно взглянула на нее, не зная, как ей себя вести. Девушка явно задержалась нарочно, видимо, хотела поговорить с ней о чем-то, что не касалось остальных подруг, и Лиара была абсолютно уверена, что знает о чем, и что совершенно точно не хочет это обсуждать. Но ты же не можешь бегать от этого разговора вечно. К тому же, ты сама говорила, что вы друзья. А друзья должны быть честны друг с другом.

Рей все медлила, пристально разглядывая собственный рукав так, словно на нем было невидимое Лиаре пятно. При этом Лиара видела, как упрямо сжаты ее губы и хмурятся брови. Ная с Вилой ушли уже достаточно далеко, да и самой Лиаре было прохладно. Все-таки ночи в горах, пусть и весенние, теплыми назвать язык бы не повернулся. Но развернуться и уйти она просто не могла, потому вздохнула, набираясь решимости, и повернулась к Рей.

— Ты хотела о чем-то поговорить со мной?

Ремесленница быстро подняла на нее глаза и сразу же опустила их вновь к своему рукаву. Вид у нее был донельзя неуверенный, а на лице боролось столько чувств, что Лиара не смогла бы в них разобраться, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Наконец, выдохнув, Рей все-таки подняла взгляд и посмотрела ей в лицо.

— Да, Лиара, я хотела с тобой поговорить. — Глаза Рей сейчас были совсем темными, как ночь в середине зимы. И такими же холодными. — Я чувствую себя очень виноватой перед тобой. За это время ты стала мне дорогой подругой, и мне совсем не хочется обманывать тебя и врать тебе в лицо.

— Ты тоже очень дорога мне, Рей, — осторожно кивнула Лиара, боясь ненароком обидеть девушку.

— Я рада, если так, — лицо Рей сломала пополам горькая улыбка. — Но ты дослушай то, что я сейчас скажу. Мне надо это сказать, потому что молчать я уже просто не могу. И не имею права лгать тебе в лицо, притворяясь, что мы с тобой хорошие друзья, и что ничего между нами не происходит.

Лиара внутренне собралась, ожидая удара. По правде, Рей стала ей очень дорога за последнее время. Они вместе учились, вместе обедали, вместе хихикали над разной ерундой. Молодая Ремесленница рассказывала ей о быте и нравах анай, наставляла в культе, и Лиара чувствовала себя очень обязанной ей за все это. Но и по-человечески, просто потому, что Рей ей нравилась, Лиаре было жаль. Никто не был виноват в том, что Рада ей понравилась, и Лиара горько сожалела, что это испортит их отношения.

Собравшись с духом, Рей взглянула ей в глаза.

— Ты мне очень нравишься, Лиара.

— Ничего страшного, я все понимаю, она ведь очень красивая... — начала Лиара заготовленную фразу и осеклась. Смысл слов Рей очень медленно доходил до нее, словно с

другой стороны мира. Лиара очумело заморгала, встряхнула головой, пытаясь понять, все ли она правильно расслышала. Судя по горящим глазам Рей, которые буквально дыры у нее в голове прожигали, расслышала она все-таки правильно. Но она решила уточнить. — Подожди, что?

— Ты очень нравишься мне, — хрипло повторила Рей, опуская глаза. Румянец цвел маком на ее щеках. — С того самого первого момента, как я тебя увидела. Вот только я знаю, что ты принадлежишь Раде, и мне так стыдно перед ней за свои чувства. И перед тобой тоже.

Лиара только бессловесно моргала, пытаясь понять, что сейчас происходит. Она-то думала, что все совсем иначе, готовилась к другому, и уж точно никак не ожидала, что все повернется именно таким образом.

— Прости меня, но молчать я больше не могла, — продолжила Рей, вскинув на нее полные боли глаза. — Я очень виновата перед вами обеими. Я ведь понимаю, что рассчитывать на твою взаимность бессмысленно, потому я начала злиться и на тебя, и на нее за то, что все так. А это непозволительно. Роксана презирает тех, кто пытается рушить пары, да и я сама себя презираю за свою глупость. Я не жду, что ты однажды сможешь меня простить, но я должна была сказать тебе это, чтобы это больше не мучило меня, понимаешь?

— Ох, Рей! — Лиара покачала головой, осторожно протянула руку и тронула понурюю девушку за плечо. — Мне и самой очень-очень жаль, что так сложилось. Прости, но я не смогу ответить на твои чувства.

— Я знаю, — с горькой усмешкой откликнулась та.

— Но, если тебе это будет не сложно, мы могли бы остаться друзьями, — со слабой надеждой улыбнулась ей Лиара. — Я понимаю, что это может мучить тебя, и я приму твой отказ, но ты дорога мне как друг, и мне не хотелось бы терять этого.

— Значит, ты не злишься на меня? — вскинула на нее настороженный взгляд Ремесленница.

— Не злюсь и уверена, что и Рада зла держать не будет. Но и ты не держи его на нас, хорошо? Никто не виноват, что так все сложилось.

— Милосердная бывает и Жестокой, как вода, что превращается в острый колкий лед, — грустно улыбнулась Рей, пожимая плечами. Она смотрела на Лиару, и в глазах ее пряталась глубоко затаенная под тенью темных ресниц нежность. — Я не могу злиться на тебя, Лиара, слишком уж ты дорога мне. И как бы ни завидовала я Раде, но и она тоже совершенно не заслужила моей ненависти. Я попробую и дальше общаться с тобой, как будто ничего этого не было, но мне нужно время.

— Я понимаю, — кивнула Лиара, чувствуя глубокое сочувствие. И отчего-то — вину, будто она действительно сделала что-то дурное.

— Я пойду, Светозарная, — Рей неловко отступила на шаг, отстраняясь от ладони Лиары, лежащей на ее плече. — Прости, что потревожила тебя всей этой ерундой. Спи спокойно, и пусть светлы будут твои сны.

— И твои, Рей, — проговорила Лиара, провожая ее взглядом. Рей вся как-то сжалась и сгорбилась, обхватив себя руками, и казалась совсем маленькой и тоненькой, сиротливой фигуркой в холодной ночи, что быстро направилась по извилистой тропинке к Плато Младших Сестер.

Вот уж и правда, умеешь Ты шутить со смертными, Грозная. Все еще не до конца понимая, что только что произошло, Лиара зябко закуталась в потоки теплого воздуха и зашагала в сторону их с Радой домика у самого склона горы.

Лиара дошла до дома, глубоко погруженная в свои мысли. В окошках наружной пристройки горел свет, и она рассеяно улыбнулась: не спит ее горлица, ждет ее домой. Внутри заскреблось сомнение: рассказывать Раде про признание Рей или нет? Если ничего не сказать, получится, что она почти что соврала. Если сказать, то Рада может расстроиться. Да и про увиденное в последнем усике взметающегося к небу дыма тоже сказать нужно было, а у Лиары едва язык в трубочку от тревоги не сворачивался. Не волнуйся ты так! Ты гадала на будущее, а не на суженную. Вот будущее и увидела. Тебе лучше ломать голову над тем, что оно означает, а не над всякой ерундой. Рада — единственная для тебя во всем мире и иначе быть не может. Так что успокойся уже.

Обстучав у порога сапоги от налипшего на них талого снега, Лиара взошла по ступеням и распахнула входную дверь. В лицо пахнуло запахом домашнего очага, березовых полешек в печи, запахом Рады, и Лиара тихонько улыбнулась. Так хорошо пахло их домом, так правильно, что хотелось пуститься в пляс.

— Радость моя, а чего ты не ложишься? — повысив голос, спросила она, оставила пальто на крючке у двери и прошла в комнату.

— Было бы крайне неудобно, если бы ты вернулась, а мы лежим, — осклабилась сидящая у стола Магара, и Лиара буквально застыла на месте от неожиданности. — Так что мы решили не беспокоить хозяйку и поговорить сидя. Светлого вечера, Светозарная! Надеюсь, ты отлично провела время?

Лиара заморгала, вопросительно глядя то на Магару, то на сидящую напротив нее у стола Раду с дымящейся трубкой в руках. Обычно Рада дома не курила, предпочитая выходить на крыльцо, чтобы дым не въедался в дерево стен, но сейчас по ее мрачному взгляду и сведенным к носу бровям Лиара поняла, почему она изменила свое решение.

В отличие от нее Магара вольготно развалилась на своем стуле, перевесив левую руку через его спинку, и с живейшим интересом крутила головой, разглядывая их жилище и самих Раду с Лиарой. На столе перед ней высилась дымящаяся парком чашка с чаем, тарелка с нарезанными толстыми ломтями хлебом и сыром. Больше у них и угостить-то было нечем: обе они питались вместе с остальными анай в едальне, а дома держали совсем немного снеди, чтобы перекусить на скорую руку, если из-за занятий не будет времени поесть со всеми.

— Светлого вечера, первая... — пробормотала Лиара не в силах придумать, что еще сказать в такой ситуации. Поистине, за этот вечер случилось слишком много всего, что абсолютно выбило ее из колеи. И к визиту Магары она сейчас была готова в самую последнюю очередь.

— Да ты садись, в ногах правды нет, — Магара по-хозяйски пододвинула Лиаре стул, не обратив никакого внимания на мрачный взгляд Рады, которым та проводила ее движение. — Разговор у нас предстоит долгий, так что лучше будет, если мы поболтаем как старые друзья, не правда ли?

Лиара медленно опустилась на стул, вопросительно глядя на Раду, но та только хмуро молчала в ответ. То ли сама не знала, что надо Магаре, то ли не собиралась и рта раскрывать в ее присутствии. Лиара прислушалась к комочку ощущений в груди, но там была только туго стянутая в узел тревога. Может, это не я тревожусь из-за видения? Может, я просто чувствую тревогу Рады и оттого так реагирую? Ей казалось, что правды здесь примерно поровну.

Откинувшись на стуле, Магара с довольным видом оглядела их обеих. Выглядела она

как кот, придушивший мышь и теперь наблюдающий за тем, как эта мышь неровно ковыляет по полу.

— Мы с твоей благоверной решили подождать тебя, чтобы через твою голову ничего не решать, так что ты ничего и не пропустила, — сообщила Лиаре Магара, ухмыляясь краешком губ. — Собственно, дело вот в чем. Завтра с утра я отбываю в Натэль по делам, и так уже чересчур долго здесь задержалась, а Ая не больно-то любит, когда меня подолгу не бывает дома. Поэтому я и заглянула к вам, чтобы сделать одно предложение, сразу замечу: довольно заманчивое.

— Какое предложение? — напряженно спросила Лиара, бросив быстрый взгляд на Раду. Та настороженно смотрела на Магару, сосредоточенно пыхтя трубкой. Тревога в груди только усилилась.

— Поехать со мной, — спокойно развела руками Магара, и Лиара вновь заморгала, словно оглушенная. — Посудите сами: какой вам смысл сидеть здесь, в Сол? Каэрос — отличный клан, знающий цену чести, силе и славе, но ведь и на другие кланы стоило бы посмотреть перед тем, как принимать решение о вступлении в ряды анай? Может, мои дочери понравятся вам больше, чем Дочери Роксаны? Нрав у них крутой, а обычаи гораздо свободнее и мягче, чем здесь. Вам было бы проще привыкать к нашему быту и узнавать обычаи всего племени, если бы первое время вы пожили у нас, в Натэль.

Предложение было настолько неожиданным, что Лиара могла только молча смотреть на нее. С чего бы Магаре звать их в Натэль? По становищу только и говорили о ее хитрости и невероятном везении, о том, что она едва ли не лучший стратег среди анай, так что же за план сейчас претворяла в жизнь царица Лаэрт, пытаясь увести их из земель Каэрос?

Рада как будто прочитала ее мысли. Прищурившись сквозь пляшущие в воздухе завитки дыма, она смотрела на Магару.

— Зачем это тебе, первая?

— Мне? — Магара заморгала с самым невинным видом. — Причем же здесь я? Это вам будет легче среди Лаэрт, в первую очередь я о вас думаю.

— Ты делаешь нам довольно странное предложение, особенно, учитывая тот факт, что мы сами тебя ни о чем не просили. — Рада пригубила чаю из чашки. По ее скованным движениям Лиара поняла, что она начинает злиться. — А вся моя предыдущая жизнь научила меня тому, что бескорыстных предложений не бывает.

— А как же Лэйк, которая предложила тебе стать Каэрос? — округлила глаза Магара. — Это разве не бескорыстное предложение?

— У Лэйк здесь тоже есть свой интерес, — нехотя признала Рада. — Мы делимся с ней тем, что знаем сами, как и она с нами.

— Так почему бы не поделиться этим и с другими кланами? — улыбка Магары была шире и честнее некуда, а глаза — острые, словно бритва. — Я слышала, что по вечерам вы медитируете вместе, по становищу ходят слухи о некой силе, что заключена в вас. Так почему же тогда, коли вы хотите поделиться этой силой с анай, вы делитесь ею только с Каэрос? Это не слишком-то справедливо, как мне думается.

Рада бросила на Лиару предупреждающий взгляд, но та и не собиралась ничего говорить. За этот вечер для нее и так случилось слишком много всего, чтобы еще и с Магарой торговаться или тем более обдумывать ее предложение. Для себя Лиара уже все решила: из Сол она ни ногой, разве что в Роцу Великой Мани, к сестре Лэйк, которая показала ей по-настоящему полной невероятной, необъяснимой силы, буквально ее

вместилищем во плоти. И Лиара не сомневалась, что Рада примет такое же решение.

— Вот видишь, первая, — покачала головой Рада, рассматривая Магару с легкой усмешкой на губах. — А все-таки есть здесь и твой интерес, не отрицай. И дело не в том, что нам будет уютнее среди Лаэрт.

— Откуда ты знаешь, что не будет, Черный Ветер? — склонила голову к плечу Магара. Глаза ее сейчас были темны, словно толща промерзшего до самого дна озера. — С чего ты так уверена, что я и мои сестры не можем рассказать тебе того же, что говорит и царица Каэрос? Не говоря уже о том, что и порядки у нас гораздо менее строгие, чем здешние, — Магара пренебрежительно дернула плечом. — Какой прок вам учиться, словно Младшим Сестрам? Ведь любому дураку видно, что вы и так все умеете. Ты прекрасно сражаешься, Светозарная на все руки мастерица. Зачем ждать еще какое-то время, чтобы пройти проверки вместе с другими? Я могу сразу же отвести вас в Рощу Великой Мани, вручить вам крылья и позволить испить из Источника. Вряд ли Великая Царица будет против, она и сама уже нарушила столько обычаев и традиций древности, что и не счесть. Это Лэйк держится за свою честь, потому и до сих пор не повела вас на испытание. Или она не до конца доверяет вам и поэтому не позволяет стать такими же, как и все остальные, уже завтра? — глаза Магары прищурились. — Мне достаточно того, что я вижу и чувую. Вы — готовы, чтобы влиться в клан на полных правах. И я предлагаю вам присоединиться к Лаэрт прямо сейчас. Тогда завтра утром мы отправимся в Рощу, и вы получите крылья и право пожениться, право делать то, что хотите вы, право самим выбирать, чему и у кого вам учиться.

Что-то внутри Лиары взметнулось испугнутой птицей, от предложения царицы Лаэрт закружилась голова. Завтра завершить дорогу, по которой они шли так долго. Завтра взять руки Рады в свои и почувствовать наконец ее своей суженной, одной и навсегда. Завтра взлететь к рассветному небу на крыльях цвета... Какого цвета? — вкрадчиво спросил внутренний голос. И это тоже не имеет для тебя никакого значения?

Она глубоко вздохнула и взглянула в глаза Раде, которая вопросительно смотрела на нее через стол. Они клялись Лэйк и присягали ей, как царице. Они вместе с Лэйк тянули на себя одну силу Великой Мани, деля пополам и волшебное золотое опьянение медитации, и тяжелые боли, когда это состояние проходило, и тело мстило, буквально каждой клеткой напоминая им о том, что они не более, чем два куска мяса, которые когда-нибудь сгниют. Лэйк верила в них, а Лиара верила Лэйк, что бы там Магара ни говорила сейчас и какие бы сомнения ни пыталась посеять в ее душе.

Я буду стоять до конца. Ровно столько, сколько Ты отмеришь мне, Великая Мани.

Морщина между сведенных судорогой бровей Рады наконец-то разгладилась, и она улыбнулась Лиаре в ответ, успокоенная и тихая, будто летний вечер. А потом повернулась к Магаре.

— Ты предложила много, царица, больше, чем я ожидала, — с улыбкой проговорила она. — И ты права, царица Лэйк не предлагала нам столько, и вполне возможно, что она может не до конца доверять нам. Но это нормально и объяснимо, ведь мы здесь чужие. И время до испытаний нам дается именно для этого: чтобы мы показали всем, что мы вам подходим, чтобы вы сделали шаг нам навстречу, честно и открыто. И не следует начинать этот шаг с посулов и недоговорок.

— Каких еще недоговорок? — притворно вскинула брови Магара.

Рада сложила руки на столешнице ладонями вниз и прямо взглянула ей в глаза. Без гнева, без ярости, спокойная и сдержанная, не более того.

— Сила, что идет через меня, сила, которой ты так жаждешь, не терпит лжи. И если я попробую взывать к ней, вытворяя бхара знает что, мухлюя и претворяясь, она уничтожит меня. Ты — прекрасный полководец, Магара, и ты сама знаешь, что приходит момент, когда все маски падают. Момент, в котором больше невозможно юлить и обманывать, момент, когда на врага нужно выходить грудь в грудь. То, что мы делаем, — тоже бой, бой против собственной природы, против устоявшегося тысячелетиями закона о том, что смертный не может коснуться неба. Лишь небо придет к нему тогда, когда ему самому того нужно, а после отвернется от него. Я не верю в этот закон и сражаюсь с ним страшнее и честнее, чем когда-либо в своей жизни. А то, что ты мне предлагаешь сейчас, для самой себя я воспринимаю, как обман. Я выбираю жизнь, Магара.

— Я и не предлагаю тебе выбирать смерть, — дернула плечом царица, но Рада не дала ей договорить.

— Если я солгу — я умру, — просто произнесла она. — Кости брошены. Мы больше не имеем права жить для себя. Так что прости, царица, но мы отклоняем твое предложение.

Несколько мгновений Магара с насмешкой в глазах рассматривала Раду, потом усмехнулась.

— Ты настолько самоуверенна, что принимаешь решение и за Светозарную тоже? Это и есть твоя честность, которая превышает всего? А не попытка ли это навязать свою волю другим?

— Нет, первая, — набравшись храбрости, подала голос Лиара. Странное дело, но сейчас разговаривать с царицей, которая раньше пугала ее до дрожи, было не сложнее, чем продеть нитку в иголку. — Рада просто чувствует то же, что и я. Мы — одно.

Она непроизвольно тронула грудь кулаком, и это не укрылось от глаз Магары. На миг зрачки ее удивленно расширились, но она почти сразу же вновь вернула на лицо саркастическую усмешку, которая будто и не сходила с него никогда.

— Одно, говоришь? — Магара хмыкнула и покачала головой. — Ну что ж, ваше право. Коли эта честность так важна, что бы вы там ни делали, значит, так оно и есть. Ведь это сама Великая Мани шепчет вам Свою волю, верно? — взгляд у нее был колючий. — Помнится, случилось мне слышать об одном Черноглазом вельде, который тоже считал, что его ведет само Небо, а на самом деле был лишь марионеткой в руках Сети'Агона. К сожалению, те, кто не родился под прикосновением Небесных Сестер, могут легко спутать руку Неба и руку бесов, ведь их так редко посещают их молчаливые боги.

— Небесные Сестры — и есть весь мир, — тихо, но твердо проговорила Лиара. — Они во всем и везде, и нет нужды верить в Них, чтобы Они существовали. Ведь грозе нет дела до того, верим мы в нее или нет, она знай себе гремит и сыплет вниз молнии.

— Что же касается Сети'Агона, — добавила Рада, — то у нас с ним свои счеты. И уж его-то я ни с кем не спутаю.

— Ну, ваша воля. — Магара выпрямилась, оставив прочь чашку с чаем. Лицо у нее сразу же стало каким-то холодным и отстраненным. — Но помните, если вы передумаете, Леда останется здесь еще на три дня, до дня рождения царицы Лэйк, а потом отбудет в Натэль. Так что время подумать еще есть. — Магара поднялась со стула, слегка склонила голову перед Лиарой в шутовском поклоне, протянула руку Раде. Глаза ее блеснули. — Желаю тебе удачи в твоей правоте, Черный Ветер. А то знаешь, как бывает. Правда ведь как ветреная женщина: кто пальцем поманит, перед тем руки и распахивает. Сегодня улыбается тебе, завтра еще кому, а ты, как дурак, уже по уши влюблен, бежишь за ней, зовешь ее, а ее и

след простыл.

— Только в том случае, если ты не удержишь ее, царица, — глухо ответила Рада, пожимая ее ладонь.

Магара наградила ее долгим взглядом, еще раз кивнула им обеим и вышла в холодную весеннюю ночь. Лиара почему-то ощутила себя озябшей, словно ворвавшийся сквозь дверной проем клочок холодной ночи обвил ее плечи ледяной шалью. Придвинувшись к Раде, она обняла ее покрепче и прикрыла глаза, наслаждаясь ее запахом.

— Мне не нравится Магара, — тихо прошептала она Раде в грудь.

— Мне тоже, искорка, — кивнула Рада, рассеяно поглаживая ее широкой ладонью по волосам. — Мне тоже.

===== Глава 40. Солнце в ручье =====

Руки налились тяжестью и казались буквально выплавленными из чугуна. Каждая мышца от шеи и до живота горела огнем, напряженная, будто туго натянутая тетива. Пот тек по лицу, и Раде было так жарко, что впору было нырять головой в последние оставшиеся по краям Плаца сугробы. Вместо этого она в который раз уже вскинула катаны перед собой в защитный блок.

— Отлично! — голос стоящей напротив нее Талы был собранным, но в нем проскользнула и нотка удовлетворения. — Это, похоже, ты уже запомнила. Теперь немного усложним и ускорим темп. Следи за тем, что я делаю.

Рада молча кивнула, сберегая дыхание. Хотя, что уж там было сберегать? Грудь невыносимо жгло, легкие буквально разрывались, но она упрямо продолжала дышать через нос, сопя так же громко, как пьяный матрос, с трудом ползущий по грязи в сторону родного корабля. Такого бедолагу она однажды видела в Бакланьей Топи. Парень явно уже не помнил ни кто он, ни как его зовут, но полз, медленно и верно полз напрямик к пристани. Она даже успела трубочку выкурить, с любопытством наблюдая, доползет он или нет. Но в итоге ее отвлекли, и судьба матроса так и осталась для нее загадкой.

— Не отвлекайся, — сосредоточенно предупредила Тала.

Выбросив из головы всякую ерунду, Рада приказала себе внимательно наблюдать за наставницей.

Несмотря на широкие плечи и крепкое тело, подходящее каменотесу или кузнецу, и даже на старую рану, заставляющую ее хромать при ходьбе, двигалась Тала так легко и плавно, словно в руках у нее были не тяжеленные катаны, а два тонких ивовых прутика. Раскручивая клинки в обеих руках с разной амплитудой, Тала шагнула вперед, делая при этом плавный поворот вокруг себя. Казалось, будто она танцует, а тренировочные катаны в ее руках превратились в два расплывчатых круга. Потом наставница резко вышла из оборота и обрушила клинки справа вниз по диагонали, лезвиями параллельно друг другу. Рада едва успела вскинуть стандартный блок, чтобы те, хоть и не заточенные, не проломили ей шею. Лязгнул металл, удар был достаточно сильным, чтобы она отступила на шаг назад.

Тала убрала клинки и спросила:

— Поняла, как я это сделала?

— Не совсем, — честно призналась Рада.

— Тогда смотри еще раз. Я буду двигаться медленно.

Отступив на два шага назад от Рады, она приняла первую боевую стойку и кивнула ей. Следом за этим катаны в ее руках завертелись, а сама Тала медленно двинулась вперед.

Они занимались уже четвертый час подряд, и солнце высоко поднялось над

становищем, заливая все вокруг ярким весенним светом. Звонко капало с прозрачных хрустальных сосулек, и на земле под ними образовались льдисто-голубые наросты. Солнечные лучи скатывались с крытых соломой крыш, будто дети с горок, купались в глубоком голубом небе, которому не было конца и края. Земля местами оттаяла совсем, обнажив широкие проплешины прошлогодней сухой травы, и кое-где сквозь ее жесткую щетку уже пробивались первые зеленые волоски. Горы сверкали, будто россыпи дивных алмазов, искрились на солнце подтаявшими и оттого гладкими снежными шапками. Между ними в глубоких ущельях и расселинах стояло синеватое марево выпаривающейся из земли влаги. Отяжелели сосновые леса, став какими-то странно колючими, будто выпустившие иголки ежи. И отовсюду, буквально со всех сторон, несся неумолчный птичий перезвон на крыльях сырого, свежего и удивительно сладкого ветра, пахнувшего землей.

Здесь было так хорошо, что сердце Рады должно было разрываться от счастья и детской радости, но вместо этого внутри было лишь тяжелое давящее чувство, что не оставляло ее ни на миг. Наверное, с самого дня весеннего равноденствия.

Двумя полукружьями кружили катаны в руках Талы, и выглядело это странно медленно, вязко, будто она попала в одну густую каплю смолы и все никак не могла выбраться из нее. Плавно переступали ее ноги, обутые в высокие коричневые сапожки. С наступлением настоящей оттепели им выдали новую форму — коричневую, что было уже лучше, чем зимняя белая, но Рада все равно предпочла бы привычный черный цвет. А тебе не кажется, что в твоей жизни было уже чересчур много всего черного? Не пора ли забыть об этом?

Плавно довершив разворот, Тала свела вместе руки и опустила обе катаны сверху вниз лезвиями параллельно друг другу, нанося удар справа по диагонали Раде в плечо. Как только их мечи с тихим звяканьем соприкоснулись, глава Двуруких Кошек подняла на нее спокойные и сосредоточенные глаза:

— Теперь поняла?

— Кажется да, — кивнула Рада. Она была тихо счастлива тем несколькими мгновениями передышки, что дала ей Тала, но теперь уже легкий ветерок пробрался под прилипшую от пота к телу рубаху и неприятно охлаждал кожу. И стоять на месте стало уже не слишком комфортно.

— Покажи, — кивнула наставница.

Отступив от нее на пару шагов, Рада подняла катаны. Руки протестующе заныли, но она приказала себе не обращать на это никакого внимания. Если всю жизнь она сражалась только одним длинным мечом преимущественно в поединках, то это еще не означало, что обращаться с парными катанами можно не учиться. В конце концов, теперь она была анай, а эти проклятые бабы, казалось, могли с закрытыми глазами зарезать тебя любым попавшимся в руки оружием за мгновение короче удара сердца.

Крутить катаны с разной амплитудой было тяжело. Правая рука повиновалась хорошо, а левое запястье до сих пор казалось ватным и каким-то чересчур слабым. Моментально вернулись тугие обручи удушья, перетягивающие грудь, и Рада поняла, что вновь задыхается. Но она внимательно следила за обеими руками, заставляя их работать, не обращая внимания на долетающий со стороны леса ветер, что ерошил ее волосы и пах сосновой смолой, первой влажной землей и напившимися талой воды мхами.

Аккуратно двинувшись вбок, Рада постаралась максимально точно повторить движения наставницы. Перед глазами мелькнул Плац, по которому бегали Младшие Сестры. После очередного спарринга Ута согнала их в строй и заставила бежать, чтобы разогнать

сгустившуюся кровь. Сегодня их было меньше, чем обычно. Все достигшие двадцати одного года Каэрос покинули становище, чтобы совершить последнюю инициацию и испытать из Источника Рождения в Роще Великой Мани.

Теперь уже Младшие Сестры смотрелись гораздо лучше, чем когда Рада только-только попала в становище, аккуратно через пару недель, как всем им вручили долоры и начали тренировать. Да и ты тоже покрепче стала, чего уж говорить.

Довершив разворот, она медленно завела руки за голову и постаралась остановить движение лезвий синхронно, но левое запястье подвело, и катана в левой руке ушла далеко в сторону, едва не вырвавшись из хватки Рады. Довольно неумело и криво она все-таки довершила удар по диагонали, и Тала встретила его на блок. Брови наставницы сошлись к переносице.

— Еще раз. Ты можешь лучше. Внимательно следи за левым запястьем.

Рада вновь отступила, поднимая катаны перед собой. Плечи казались такими тяжелыми, словно кто-то обвязал их веревками, а на концы привесил по пудовой гире. Не жалуйся. В отличие от всех остальных тебя тренирует сама первая катана. Это дорогого стоит.

Тяжело дыша и стараясь моргать почаще, чтобы пот с ресниц не скатывался в глаза, Рада вновь принялась вращать клинки.

Голубое небо над ее головой казалось бездонным, и огненный щит Роксаны золотым шаром нестерпимо сиял с высоты, заливая все вокруг теплом. Прикосновение его лучей к щеке было почти горячим, и Рада буквально всеми порами тела чувствовала, как вокруг нее просыпается мир, мучительно тянется к солнцу, чтобы отогреться после долгих холодов. Откуда-то издали доносился звонкий детский смех: у самых маленьких было время послеобеденного отдыха, и их выпустили поиграть на окраину становища. Брехали местные собаки, далеко над горами плыл тонкий клекот большого чернокрылого орла.

Все радуются весне, все распускается. Почему же я не могу ощутить все это внутри себя? Почему так тяжело?

Она сбилась, катана в левой руке поехала вбок, и на затылок обрушился удар. Рада охнула, пошатнувшись, а из глаз буквально искры посыпались. Боль была такой сильной, что Рада не удержала тихого стоны сквозь стиснутые зубы.

— Все в порядке? — в голосе Талы послышалась тревога. — Ты можешь продолжать?

— Проклятье, а зачем вообще ими вращать? — простонала Рада, чтобы хоть немного оттянуть время и переждать боль. И восстановить дыхание. И дать рукам отдохнуть. Сегодня я явно не в лучшей форме.

— Так ты запутываешь соперника и придаешь большую инерцию удару, — отозвалась наставница. — К тому же, это прекрасное упражнение на концентрацию, которой тебе не достает. Ну так как, будешь пробовать еще раз?

Больше всего на свете Раде хотелось сказать «нет» и позорно сбежать с Плаца, чтобы посидеть где-нибудь в одиночестве и подумать. А еще — приложить кусок снега к немилосердно болящей голове. Судя по ощущениям, кожу она не повредила, во всяком случае, кровь за шиворот не текла, но болело так, что хоть вой. Однако это был самый простой вариант, а анай ненавидели простые варианты. Тяжело вздохнув, Рада разогнулась и подняла ненавистные катаны.

— Я попробую еще раз.

— Роксана в твоей крови, Черный Ветер, — довольно кивнула Тала. — Давай. Следи за запястьем.

Сосредоточиться было очень сложно, да и от боли перед глазами все кружилось. Тем не менее, стиснув зубы, Рада заставила себя проделать все упражнение правильно и не покалечить себя при этом. Правда, сделала она все гораздо медленнее, чем наставница, да и левое запястье казалось совсем чужим и твердым, будто старое корневище.

Несмотря на все это, Тала удовлетворенно проговорила:

— Уже лучше. Все равно по-бхарски, конечно, но будем отрабатывать. А теперь иди-ка ты, отдохни. Кажется, на сегодня с тебя хватит.

— Но у меня еще занятия после обеда по стратегии, — вяло запротестовала Рада, морщась от боли в голове.

— Я передам Ййе, что тебя не будет. — Тала хлопнула ее по плечу и внимательно взглянула в глаза. — Кажется, ты и так уже сегодня достаточно повредила себе мозги, чтобы не калечить их окончательно на занятиях. Считай, что у тебя выходной. Отдохни как следует.

— Спасибо, первая, — устало выдохнула Рада, понимая, что Тала права. Вряд ли сегодня она еще была на что-то способна.

— Тогда до завтра, — кивнула та, забирая из рук Рады тренировочные катаны.

Рада устало подобрала коричневую форменную куртку с воротом-стойкой и набросила ее на влажные от пота плечи. Она побрела прочь с Плаца, в сторону едальни, потирая надувающуюся на затылке шишку. Та распухла буквально с каждой секундой, а в ее центре чувствовалась болезненная вмятина. Глянув на пальцы, Рада обнаружила несколько капель крови и поморщилась. Все-таки разбила, и поделом. Значит, будешь внимательнее в следующий раз.

Народу в такой час на улице было немного, в основном Ремесленницы, занимающиеся обычной поденной работой. Разведчицы или тренировались в Ристалище, или отрабатывали стандартные построения в небе над Роуром, метрах в пятистах к востоку от Сол. Рада прищурилась, разглядывая, как горящие точки строятся в разные геометрические фигуры, и вяло подумала, что скоро и она тоже будет летать вместе с ними. Правда, сегодня эта мысль не принесла такого восторга и радости, как обычно. Да что же со мной творится-то? Грустно, хоть удавись.

Хотя это было не совсем правильное слово. В груди все свернулось в тугой комок, а окружающее пространство буквально давило на нее со всех сторон, как будто Радугу загнали в угол и замуровали в нем. Выхода не было нигде: сколько ни шарь руками по сплошным стенам из гранита, все нигде ни одной зацепочки. И непонятно было даже, отчего так. Разве что сны, что продолжали тревожить и терзать ее, не давая ни одной спокойной ночи передышки, или тяжелые тренировки днем, или невозможность вновь дотянуться до того светлого, легкого, невероятного во время вечерних медитаций, когда все, чего она добивалась, — это какая-то отупляющая полудрема. Рада поморщилась, вновь потирая шишку. Казалось, весь мир сейчас ополчился против нее.

Мимо, помахивая хвостом, пробежал большой лохматый рыжий пес, бросив на Радугу любопытный взгляд и наострив уши. Его звали Лишайником из-за цвета шкуры, а может, из-за того, что он то и дело остервенело скреб себя за ухом длинной лапой или, оскалив зубы, выгрызал кого-то из густой шерсти на боках. Пока еще лежал снег, младшие Дочери впрягали его в сани и катались на этих санях по становищу с хохотом и криками. Как-то раз Рада видела, как одна из волчат оседлала пса и даже заставила его бежать вперед со всех ног. Вот только проехала она недолго, какие-то метров пять от силы, а потом Лишайник

дернулся в сторону и свалил ее в сугроб под хохот всех остальных девчонок.

Проходили Ремесленницы с узелками на плечах или ведрами с водой, с корытами, в которых лежало грязное или чистое белье. Кто-то разгружал большую телегу с продуктами, что приехала с ближайших становищ. Одна совсем молодая девочка длинной хворостиной погоняла гусей, которые, ковыляя вразвалочку, тыкались длинными клювами в первую, едва успевшую проклюнуться на оттаявшей земле травку. Все при деле, все чем-то заняты и не задаются идиотскими вопросами. Одна я не только голову себе умудрилась разбить, но еще и куда себя деть не знаю. Впрочем, продолжать тренировку она сегодня все равно вряд ли смогла бы, да и так тошно было на душе, что хотелось убраться прочь, подальше от чужих глаз, и побыть одной.

Сначала ноги понесли ее в сторону едальни, но Рада глянула на солнце и передумала. Совсем скоро обед, туда потянутся разведчицы после утренней тренировки, набьется Ремесленниц и Младших Сестер. Все они начнут галдеть, смеяться, громыхать посудой, и без того болящая голова Рады разболится еще сильнее. Не говоря уже о том, что все будут спрашивать у нее, что случилось, а она не хотела, да и не знала, что ей отвечать на этот вопрос. И еще — там будет искорка.

Бросив еще один взгляд на едальню, Рада развернулась и побрела в сторону сосновой рощи, что подступала к становищу с севера, беря его в полукольцо. Шумели на весеннем ветру сосны, перешептывались, звенели тонкой, будто розовая кожица, корой. Солнечные лучи путались в их пушистых иголках, скакали зайчиками по оттаявшей земле, едва не поджигая сухой слой прошлогодних иголок у их корней. Голубое небо буквально текло сквозь лес, сочилось по нему вместе с солнечными лучами, и птицы на каждой веточке голосили, как оголтелые.

Рада мрачно надела в рукава свою куртку и застегнула ее до самого воротника. Разгоряченное после долгой тренировки тело моментально остыло, и она продрогла. Все болело, ныла голова, перед глазами кружились черные мухи. Видимо, приложила она себя гораздо сильнее, чем думала раньше. Но все это было неважно. Единственное, чего ей сейчас хотелось, это убраться как можно дальше отсюда.

Ноги ступали по напитанной влаге земле, и она пружинила под подошвами коричневых сапог до колена на мягкой шнуровке. Отличная обувь, чтобы подкрадываться к врагу, но не очень подходящая для долгого марша. Мелочи, думай о мелочах. Так легче.

Протискиваясь между вставшими почти что стеной молодыми соснами, что высадили здесь всего восемь лет назад, Рада оставила за спиной становище. Густые колючие лапы отрезали звук, а птицы своими трелями заполнили все окружающее пространство так, словно никакого иного звука здесь больше и быть не могло. Теперь Раде казалось, что она вообще одна одинёшенька на всем белом свете, что она где-то далеко-далеко от людей, и это чувствовалось правильно.

Сны, да, конечно, это все сны. Мрачно глядя под ноги, она пробиралась между стволов. Кошмары про ее сына и дочь, которых забирают у нее. Искорка, что смеется ей в лицо, обнимая широкие плечи Алеора и уходя с ним прочь. Искорка, что обманывает ее, лжет ей, искорка, которая умирает на ее руках, а Рада совсем ничего не может сделать. Но это были простые кошмары, самые обыкновенные, с которыми легко было справиться, или, по крайней мере, не обращать на них внимания. Но были и другие сны.

Почти каждую ночь Рада просыпалась в холодном поту, тяжело дыша или постанывая, встречая испуганный взгляд Лиары. Она знала, что должна была кричать во сне или говорить

что-то, а потому смотреть в глаза ее маленькой нареченной было невыносимо. В этих снах ее пытались обмануть, запугать, использовать. Ей приходили странные создания с глазами холодными, как у рыб, с острым запахом беды. Эти создания принимали лики ее знакомых и любимых и звали ее за собой, предлагали взять или съесть что-то. Некоторые из них, как та тварь, в самый первый раз, пытались завлечь ее в постель или взять силой, и от этого-то Раде было хуже всего. И как бы она ни пыталась отбиться от них, как она ни пыталась удрать из сна или сделать хоть что-нибудь, чтобы мука прекратилась, ничего не выходило.

Над головой звенел пронизанный солнцем, полный радости лес, а Рада мрачнее тучи пробиралась между сосенок, рассеяно обдирая шелушащуюся рыжую кору и тоненькие веточки. Ей было страшно, по-настоящему, впервые в жизни. Что, если искорка слышала что-то из ее невнятного бормотания, что, если поняла? Было так стыдно смотреть ей в глаза, зная, что с ней самой происходило во сне. На память постоянно приходили слова Магары о Черноглазом, чей разум контролировал Сети'Агон. Раз он из такой дали смог дотянуться до того ведуна, может ли он дотянуться и до меня? И что, если это он посылает мне все эти кошмары? Что, если из-за него я не могу больше погрузиться в свет и радость Великой Мани?

Это тоже пугало и заставляло ее нервничать. С некоторых пор под лопаткой в спине больше не жгло, как раньше, а вскоре боль и вовсе исчезла. Вместо нее нагрянули выматывающие, тянущие жилы головные боли, когда Раде казалось, что кто-то буквально пальцами выдавливает ей глаза изнутри. Или методично тыкает острой металлической иглой в одну точку до тех пор, пока она не начинала скулить от боли. И даже Найрин, которая могла исцелить абсолютно все, кроме смерти, даже она не могла унять этой боли или хотя бы облегчить ее. Нимфа пыталась несколько раз, но ничего не выходило, и брови ее хмурились от непонимания и удивления. Да и на Раду она начала поглядывать странно, потому как причины этим болям найти не могла. Тоже, небось, думает, что это из-за Сети'Агона. А что, если это и правда так?

И у кого ей было просить помощи? Попроситься в Эрналд, к Тьярду, поговорить с ним? Но его ведь не было в городе, когда тот Черноглазый сходил с ума, да и как Тьярд мог знать, что ощущает человек, в чей разум вторгся Сет? С ним-то такого не случилось, да и ни с кем, кроме Ульха, не случилось.

Как мне понять, что со мной происходит? Кто может ответить мне? У кого спросить? Эти вопросы постоянно мучили Раду, а ответа на них все не было и не было.

С некоторых пор ей не давались и медитации. Они собирались по вечерам в Зале Совета, рассаживались, как обычно, кружком, вот только с Радой ровным счетом ничего не происходило. Остальные чувствовали прикосновение Великой Мани, ощущали, как в них идет сила. Даже Лэйк, немногословная будто камень, периодически качала головой и говорила, что никогда еще не ощущала Небесных Сестер так сильно, что ей кажется, будто она видит Их перед собой. О том же твердили и Найрин, и Торн, и искорка, сияющая от счастья, будто огонек в черной зимней ночи, а Рада могла только вздыхать и смотреть в ответ, понимая, что с ней ничего подобного не происходит. И не понимая этого. Не понимая!

— Почему? — горестно пробормотала она вслух, срывая очередную веточку зеленой молодой поросли. — Почему у меня не получается? Ты отвернулась от меня, Великая Мани?

В воздухе сильно запахло хвоей, на пальцах осталась липкая жидкость. Рада рассеяно поднесла к глазам ладонь. Тоненький зеленый венчик иголочек с самого края ветки. Ярко-

зеленые иголки, мягонькие, будто шерстка назагривке у котенка, пахнущие весной, новой жизнью, радостью. Внутри стало еще тяжелее, словно горы обрушились на грудную клетку Рады, стремясь раздавить ее в лепешку. Почему я не чувствую этого? Это ведь так красиво!

Она взобралась на пригорок, так густо поросший лесом, что пришлось протискиваться едва ли не боком, спустилась вниз по склону. Внизу сосны стояли чуть реже, невысокие, на голову выше Рады, разлапив свои пушистые ветви во все стороны. На склонах, которых не касались лучи солнца, лежал посиневший отяжелевший снег, его кромка застыла полосой льда, с которого срывались на укрытую сосновыми иголками землю тяжелые капли талой воды. Внизу шумел маленький ручеек, который сейчас превратился в бурный поток, несущий с гор вниз, в Роур, вешние воды. Рада видела его еще зимой, пока они с Лиарой бродили вдвоем в окрестностях становища и любовались на горы. Искорка так мечтала увидеть их, так мечтала.

Тяжело спускаясь вниз с холма, Рада грустно улыбнулась. Прости меня, маленькая моя, золотая моя девочка. Прости за мою слабость и неспособность всю свою любовь и нежность отдать тебе сейчас. И за то, что я не знаю, что мне делать дальше. И за то, что я боюсь.

Солнце сверкнуло на шумливой переливчатой зыби потока, резанув Раду по глазам, и она сощурилась, пробираясь сквозь густые заросли сосен. Где-то здесь должен был быть большой валун, она заметила его торчащим из-под снега в прошлый раз. Если сейчас его не залила вода, на нем можно будет спокойно посидеть, покурить и подумать. Придумать, что делать дальше, хотя Рада представления не имела, как.

Камень действительно оказался на месте, где она его искала. Широкий ручей с тихим перезвоном капелек струился по земле, дно его все еще оставалось промерзшим, оттого падающие в толщу воды солнечные лучи заставляли ее искриться лазурью. Вода переливалась, звонкая, веселая, быстрая. Поток был мутным из-за соляных отложений, которые размыло талой водой, и глубокая лазурь казалась густой, будто вакса. Ручей огибал камень со всех сторон, то и дело резвые брызги взвивались вверх крошечным алмазом, разбиваясь об обломок скалы, что пролежал здесь с самого основания мира. А на нем сидела молодая женщина, рассеяно склонившись к воде и вода по ее поверхности тонкими пальцами.

Рада замерла на краю ручья, чувствуя себя неловко. Шерстяная шаль укрывала худенькие плечи, на которых сейчас было простое шерстяное платье темного цвета. Бритую голову Жрицы нежно целовали лучи солнца, и оно золотилось на совсем коротком ежике ее волос. Око в ее лбу гляделось в воду, а сама женщина тихонько смеялась и морщилась, когда ручей плевался ей в лицо ледяными каплями. И вновь тянула к нему руки, будто играла с ним. На солнце золотом сверкнули татуировки языков пламени на ее запястьях.

Решив, что не стоит ей со своими думами мешать Жрице, Рада повернулась, чтобы незаметно уйти вверх по течению, но под ногами был так еще не сошедший до конца последний снег. Каблуки поехали по рассыпчатой ледяной крупе, и она едва не свалилась в ручей, охнув и в последний миг ухватившись за тоненький ствол стоящей неподалеку сосны. Жрица вскинула голову, и их глаза встретились.

Эту Жрицу Рада знала. Ее звали Хельда, и она была первой Жрицей Роксаны становища Сол, как шепнула ей на ухо Торн. Именно эта женщина всего какие-то несколько недель назад брила ей виски и поднесла долор, и в ее присутствии Рада сейчас вдруг заробела, ощутив себя совсем беспомощной и какой-то очень грязной. Не стоит мне со своими мыслями сейчас соваться к ней. Не дело это.

— Прости, что потревожила, светлоликая, — Рада опустила глаза и повернулась, чтобы уйти. — Я просто брожу тут и не хотела тебя тревожить.

— Подожди, дочь огня, — раздался за спиной мелодичный голос, звонкий, будто играющие у ног Рады потоки талой воды. — Не уходи.

Рада неуверенно обернулась, глядя на Жрицу. Та как раз, аккуратно придерживаясь рукой, поднималась на ноги на скале. Взгляд ее карих глаз был таким тихим и спокойным, что горы, чьи снежные шапки упирались в небо над их головами. На миг Раде подумалось, что она, наверное, сейчас под действием иллиума, раз сидит тут, будто девчонка, и играет с потоками воды. Но когда Жрица вновь подняла на нее свои темные глаза, дурмана наркотика в них не было. Только тихая спокойная радость.

Поддерживая подол платья одной рукой, Жрица махнула Раде:

— Поддай мне руку, дочь огня. Тут скользко, я боюсь упасть.

Валун, на котором она сидела, отделял от берега поток бурлящей лазурной воды шириной в шаг, и Рада неуклюже спустилась к самому берегу, чтобы поддержать Жрицу. Ее маленькая изящная ладонь, прохладная и влажная от речной воды, легла в руку Рады, и Жрица легко перескочила на берег, опираясь на нее. Рада склонила голову в поклоне, отступая от нее на шаг. Ей почему-то было боязно в присутствии Жриц. Теперь они с искоркой считались частью клана и могли общаться со Жрицами, но сейчас Рада чувствовала себя такой опустошенной и измученной всем темным, что обрушилось на нее за эти дни, что даже глаз в лицо Жрицы поднять не могла.

— Спасибо за помощь, — улыбнулась Хельда. Ее темные глаза внимательно оглядели Раду, казалось, подмечая каждую мелочь. — А чего ты одна бродишь здесь в такое время? Тебе бы обедать пора, уж солнце зенит прошло.

— Наставницы отпустили меня из-за травмы, — проямлила Рада, все пытаясь придумать способ как можно быстрее ретироваться отсюда и побыть наедине со своими мыслями.

— Из-за травмы? — брови Жрицы взлетели. — А что случилось?

— Да сама себе по затылку тренировочной катаной заехала, — неуклюже пожалала плечами Рада. Жрица звонко рассмеялась.

— Ты? Как странно, ты же так хорошо дерешься! Я сама видела.

— Задумалась, — пробурчала Рада, все еще колеблясь. Хельда смотрела на нее слишком заинтересованно, а это означало, что уйти у нее вряд ли получится. Но ведь можно было еще придумать повод...

— И о чем же ты задумалась, дочь огня? — Жрица поправила шаль на плечах, завернулась в нее поуютнее и выжидающе взглянула на Раду. Судя по любопытству в ее глазах, отпустить Раду просто так она действительно не собиралась.

— О всяком... — Рада отвела глаза. Как сказать ей? Какие слова подобрать? Может, все-таки перестанешь мямлить и спросишь? Она же Жрица, она знает гораздо больше тебя обо всяких таких вещах. Вздохнув, Рада механически подняла руку, чтобы поскрести затылок, как делала всегда в моменты задумчивости, и поморщилась от боли, наткнувшись на рану.

— Что у тебя там? Дай посмотреть, — тон Жрицы не терпел возражений, и Рада со вздохом нагнула голову, давай той возможность осмотреть себя. Жрица охнула, ее прохладные пальцы коснулись самого края раны. — Ничего себе! Да у тебя волосы в крови! Давай сейчас промоем талой водой, первой водой, чистой и свежей. Милосердная тронет

тебя Своими пальцами, и все пройдет быстро и легко.

Поняв, что бежать уже некуда, да и время упущено, Рада покорно опустила на корточки возле самой воды. Жрица присела рядом, извлекла откуда-то из кармана маленький белый платочек и смочила его в воде, бормоча тихонько под нос:

— Вода-водица, беги-беги по камням, спеши вниз, неси-неси весть, что весна пришла. Пои землю, лечи раны, уноси с собой боль-беду, печаль-горесть. Подай, Милосердная, милости Своей, доброты Своей. Слезами вешней радости омой беду, отведи тоску.

Когда смоченный в ледяной воде платочек коснулся затылка Рады, так громко охнула и зажмурилась от холода и резкой боли. Но та почти сразу же прошла, а перед глазами стало как-то светлее. Нежные прикосновения Жрицы, которыми она стирала кровь и промывала рану, притупили боль.

— И о чем же ты таком думала, что так поранилась, дочь огня? — вновь спросила Жрица, и в голосе ее слышалось любопытство с чем-то таким, что не позволило бы Раде во второй раз уйти от ответа. — Что за думы тебя так опечалили?

— Светлоликая, это сложно объяснить, — с трудом начала Рада проталкивать сквозь стиснутое тревогой горло слова. — Все как-то не заладилось. И сны плохие, и устаю я сильно, и медитации у меня не получаются...

— А так всегда бывает, что все вместе наваливается, дочь огня, — спокойно отозвалась Жрица, полоща порозовевший от крови платочек в лазоревой воде. Солнце отражалось на поверхности ослепительными бликами, золотило короткий ежик ее волос. Жрица подняла голову и взглянула Раде в лицо. В глазах ее точно такими же бликами плясал смех. — Когда начинаешь учиться и идти навстречу Небесным Сестрам, весь мир буквально оборачивается против тебя. Кажется, что все мешает, все пытается остановить. Каждый корень намеревается поднырнуть под ногу, чтобы сбить тебя с ног. Каждое людское слово ранит, каждый взгляд причиняет боль. А знаешь, почему?

— Почему? — заморгала сбитая с толку Рада. Жрица говорила как раз о том, что с ней происходило. Будто мысли читала.

— Потому что Они хотят проверить, насколько сильно ты желаешь быть с Ними. Думаешь, цветы были бы такими красивыми, если им не пришлось бы с таким трудом прорасти сквозь землю?

— Не знаю, светлоликая, — тихо ответила Рада.

— А я знаю, — рассмеялась та, и ее ладонь мягко огладила поверхность воды. — Смотри на эту речушку. Она лазурная и такая светлая, она радуется солнцу и бежит себе, чистая и спокойная. А коли ты опустишь руку ко дну, сразу же поднимется взвесь и ил, что там, внизу. И вода уже не будет такой прозрачной.

Рада молчала, глядя на то, как Жрица запустила руку вниз, почти что по локоть, в ледяную воду. Поворошив там, она вытянула на поверхность какую-то липкую от ила корягу. Вместе с ней всплыла муть, и лазоревая вода окрасилась в темный цвет. С пальцев Жрицы разлетелись в стороны алмазы капель воды, когда она отбросила корягу в сторону, и та плюхнулась в воду.

— Запомни, дочь огня: когда ты идешь вверх, к Небесным Сестрам, ты при этом идешь и вниз, в саму себя. Ты идешь к истоку, в котором Небесные Сестры становятся тобой, а ты — ими. Ведь есть лишь одна точка, в которой сплетается все. — Ее мокрая от воды ладонь легла Раде на грудь, прямо на то место, где сейчас болезненно сжался клубочек дара Роксаны. Жрица смотрела ей в глаза и улыбалась. — Чем выше ты поднимаешься к

Небесным Сестрам, тем ниже ты спускаешься в саму себя, и когда Их свет проливается вниз, вся грязь, что есть в тебе, сразу же поднимается вверх. Как муть в этой реке. Но рано или поздно вода унесет эту муть, растворит ее, и будет только чистый источник. Как здесь, видишь?

Она указала на ручей за их спинами. Солнце пронизывало насквозь чистую лазурь воды, река вновь была такой же, как и раньше.

— Значит, мое дело в том, чтобы уничтожить всю ту грязь, что есть во мне? — заморгала Рада, глядя на этот поток.

— Разве мы с тобой уничтожили грязь? — глаза Жрицы смеялись. — Влезь в ручей и черпай ил со дна, что будет? Никогда ты не вычерпаешь его, только сама с ног до головы перемажешься в нем, а ему ничего не будет. Дело не в том, чтобы уничтожить, Рада. Дело в том, чтобы преобразовать. Ведь ил, что разносит река по полям, становится плодородной землей. Нет ничего грязного в тебе, это ты называешь то, что тебе не нравится, грязью. Но подумай: если уничтожить все, что мы называем плохим, разве в мире останется что-то хорошее? Ведь не будет больше плохого, чтобы сравнивать.

— И что же делать мне? — заморгала Рада. Ей казалось, что она понимает слова Жрицы, но еще не до конца. Было еще что-то, словно мутная грязная пленка, что не давало увидеть ей ответ.

— Тебе? — Хельда рассмеялась. — То, зачем ты сюда и пришла. Идти навстречу Великой Мани, как Она идет к тебе.

— Но как? — допытывалась Рада.

— А как ты всегда это делала? — склонила голову набок Жрица. Раде сейчас казалось, что она смеется над ней.

— Я тянулась к Ней всей собой, всем своим существом, и Она мне отвечала. Но больше Она не отвечает, — Рада горько передернула плечами. Говорить об этом было тяжело.

— А сколько воды может принять в себя земля? Сколько выпадает снега зимой? Не ровно ли столько, сколько земля способна впитать талой воды? Или, может, дело в другом? Может, земля просто заартачилась и не захотела больше впитывать воду? Заявила, что не собирается больше этим заниматься, потому что у нее есть дела поважнее?

— Что, светлоликая? Я не понимаю. Это какая-то глупость! — в сердцах проворчала Рада, злясь на Жрицу. Говорит загадками, смеется. Лучше бы помогла.

— Конечно глупость, что же еще? — улыбнулась Хельда, протянув руку и нажав холодным влажным пальцем Раде на кончик носа. Та от неожиданности отдернулась от ее руки и едва не опрокинулась на спину. — Ты просто слишком много думаешь, дочь огня. Вместо того, чтобы чувствовать весь мир, ты думаешь о том, как не можешь его чувствовать.

— Но я и вправду не могу! — запротестовала Рада.

— Да ну? — фыркнула Жрица, насмешливо выгнув бровь. А потом вдруг подалась вперед и ущипнула Раду за кончик уха. Та аж взвизгнула от боли и неожиданности и все-таки повалилась на спину на талый снег. А Жрица звонко расхохоталась и захлопала в ладоши. — Ну что, чувствуешь? А говоришь, не можешь!

Рада нахмурилась, волком глядя на Жрицу и пытаясь подобрать слова, сказать ей что-нибудь такое, такое... Но тут солнечный луч запрыгал по мелким волнам на поверхности ручья, по лазурной воде и потемневшим от влаги камням, по подтаявшей кромке льда на самом краю подмытых снизу сугробов, по длинным ресницам Жрицы и ее золотым волосам. И вдруг Рада хмыкнула, потому что это было смешно, по-настоящему смешно и так глупо.

То, как обращалась с ней Жрица, то, как она неловко упала на снег, валяясь на нем, словно какой-то краб на спине, нелепо болтая в воздухе лапками.

— Могу, — улыбнулась она, чувствуя, как сходит прочь боль и тяжесть, что терзали все это время. Не целиком, пока еще не вся, но хотя бы часть ее. — Ты права, светлоликая.

— Да чего мне быть правой? — легкомысленно дернула плечом Жрица, подставляя лицо солнечным лучам и жмурясь от яркого света. — Мне-то с того какое счастье? Не в этом же дело.

— А в чем? — заглянула ей в глаза Рада.

— В том, чтобы жить и дышать, в том, чтобы тянуться к небу, в том, чтобы танцевать на весенних полянах на первой влажной земле, — улыбнулась Хельда. — Или чтобы сидеть на камушке над ручьем и ловить брызги воды. Или чтобы раскрыть себе голову собственным мечом и дуться в кустах вдаль от всех. Разве есть вообще это дело?

— А как же медитации? — вновь тревожно нахмурилась Рада. — И мои сны? Как мне сделать так, чтобы все было, как раньше?

— Ни один вздох не повторяется, дочь огня, — отозвалась Жрица. — Не бывает двух одинаковых травинки или пчел. Каждое дерево растет так, как ему нужно, каждый человек делает новый вздох в каждый миг времени. Твой прошлый вздох никогда не повторится, а если бы повторился — ты была бы мертва.

— Не понимаю, — вновь помотала головой Рада, совсем сбитая с толку. Жрица говорила так странно. Вроде бы совсем просто, но Раде все казалось, что за ее словами лежит какой-то иной, скрытый смысл, которого она не видит.

Вместо ответа Хельда подалась вперед и легонько шлепнула ее ладошкой по лбу.

— Не понимай, — почти серьезно приказала она. — Не надо тебе этого. Тебе надо — жить, переживать каждый миг, как ты всегда и делала, а не думать о том, как ты его переживаешь. Разве думает об этом река? Или птицы в небе? Разве думает об этом Роксана, о том, куда Ей в следующий миг поставить ногу, когда Она идет по небу? Нет. Так чем же ты хуже них всех?

— Ох... — только и вздохнула Рада, глядя на Жрицу.

— Ты поймешь, Черный Ветер, поймешь, потому что ты никогда и не думала, только сейчас и начала, хоть и зря, — ободряюще улыбнулась ей Жрица. — Твои мысли — взвесь со дна реки. Твое дыхание — поток. Дыши, и все будет в порядке. А что касается снов и медитаций... Каждый раз иди навстречу Великой Мани, распахнув руки и со всей искренностью отдавая Ей свое сердце. Ведь Она везде и во всем, Она и есть ты. Тебе нужно просто перестать не быть Ей.

Что-то такое верное было в словах Жрицы, такое правильное. Рада смотрела на нее, молодую и смеющуюся, по-детски озорную, такую живую, смотрела, а губы сами растягивались в улыбку. Жрица была что эта весна: звонкая, переливчатая, радостная. И ветер шумел вокруг них в молодой сосновой роще. И горы задумчиво разглядывали голубое небо, синее вдаль. И солнце золотилось на их лицах, грело их кожу. И зад у Рады намок и замерз от сидения в сугробе.

И она вдруг громко хмыкнула, чувствуя себя полной дурой, и при этом самым счастливым человеком во всем мире. Что толку было тревожиться и сидеть в одиночестве, мрачно сетуя на страдания и боль? Ведь все было хорошо! Все было так хорошо, как только могло быть. Начиналась их первая весна с искоркой, начиналась их новая жизнь, совсем иная, волшебная, полная. Начиналась сказка, о которой они так мечтали. И коли вся эта

тревога нужна была, чтобы Рада пришла к Небесным Сестрам, коли все испытания были нужны, чтобы она добилась своего, то стоило поблагодарить Великую Мани за все это.

И тревога разбилась внутри нее на мелкие осколки, ссыпавшись прочь алмазным крошевом. Рада улыбнулась во весь рот, чувствуя себя легкой, будто сосновые иголки в синем-синем небе, и принялась выкарабкиваться из сугроба. Встав перед Жрицей, Рада низко поклонилась ей.

— Спасибо тебе, светлоликая, за урок, — она потрогала шишку на затылке, которая болела уже меньше, и добавила: — и за помощь. И вообще за все. Кажется, без тебя я бы не справилась.

— Вот и славно, что я оказалась именно на этом камне, а ты вышла именно сюда, не правда ли? — глаза Хельды смеялись ослепительными солнечными брызгами. — А ты еще говоришь, что Великая Мани отвернулась от тебя. Да Она несет тебя в ковше Своих ладоней и баюкает нежнее нежного, а ты в ответ только орешь и брыкаешься, пытаешься доказать Ей какую-то ерунду.

— Твоя правда, — кивнула Рада, а потом они обе засмеялись, весело и легко.

А теперь иди-ка к своей искорке. Скажи ей уже наконец, что она самая любимая, нежная и желанная, скажи за все те минуты, когда ты хмурилась и молчала. И заодно поешь чего-нибудь: а то в животе шаром покати.

===== Глава 41. Весенний вечер =====

Рыжее закатное солнце медленно катилось за горы, разбросав по небу длинные косые лучи. На западе горизонт горел плавленным золотом, словно Роксана перед тем, как улечься спать, протирала Свой щит тряпицей, полировала его до блеска и только потом вешала на стену. Дальше цвета медленно темнели от багрово-алого до зеленого и лазурно-синего на противоположной стороне неба. И звезды казались бледнее в победном свете весенних лучей солнца, и небо было таким глубоким, что туда можно было свалиться, падать и падать без конца, покуда оно вообще существует.

Лиара смотрела туда, запрокинув голову и гадая, есть ли этот конец у бескрайней дали. Что там, за этими странными рисунками звезд, за неспешным движением небесных светил изо дня в день по одному и тому же пути? Что лежит глубже ночной зимней черноты и тонких росчерков падающих звезд в конце лета? Только ли бесконечная мгла, которой и конца края нет? Или тот светлый мир, полный запаха цветущих вишен и струящегося с золотых небес света, куда порой уносили ее грезы? Или еще что-то, иное? Может, точно такой же крохотный кусочек земли среди вековых гор, смотрящихся в небо, на котором вот точно также сидит другая Лиара и смотрит во все глаза в темную пустоту, смотрит через все эти толщи пространства и лет на нее и задает тот же вопрос? Вопрос, у которого нет слов, которому нет названия и ответа. Странная тоска, влекущая сердце и все нутро, тянущая его... куда?

Из-за спины послышался приглушенный толстыми стенами дома взрыв смеха, и Лиара невольно вырвалась из своих мыслей. Впрочем, ей казалось, что и думать об этом — толку нет. Все равно что растопыренными пальцами ловить в кристально чистой воде мальков. Ни одного не поймает, как ни старайся, слишком уж они быстры, да и зачем? Только забавы ради, а разве же есть в этом хоть какой-то прок?

Она опиралась на балюстраду, которой со всех сторон окружили Плато Младших Сестер, чтобы самые маленькие его обитатели, у которых еще не было крыльев, не попадали ненароком за его край. Внизу темнели в вечерних сумерках, куда уже не доставали

последние лучи закатного солнца, пушистые верхушки сосен, окружающих становище Сол. Фигурки Ремесленниц и разведчиц двигались между строений становища, кое-где уже загорелись первые огни. Опустел Плац; тренировки давно закончились, и Младшие Сестры разошлись по мастерским, в которых они учились невоенному ремеслу. Рады тоже там не было, она ушла с молодыми разведчицами в окружающую Сол рощу. Запасы мяса с прошлого года значительно оскудели, и теперь разведчицы попеременно охотились, пополняя небогатый рацион становища до времени, когда всего будет в избытке.

В отсутствии Рады дома ей делать было особенно нечего. Все домашние дела они делили пополам, включая приборку и стирку, а потому справлялись с ними легко и быстро. Питались они в едальне, как и другие Каэрос, так что и готовить еду им самим не требовалось. К тому же, Лэйк, взяв с собой часть глав сообществ, улетела в земли Нуэргос к царице Аруэ для решения связанных с совместными учениями вопросов, потому и вечерние медитации было решено на время отложить. И теперь девать себя Лиаре было некуда, так что вечера она проводила в компании молодых Ремесленниц, которые после занятий звали ее с собой на Плато Младших Сестер.

Сегодня Ная как раз задумала очередное развлечение. Из шкафа извлекли расчерченную на четыре равных поля доску и мешочек разноцветных камешков. Игра называлась «кошачий домик», и играли в нее вчетвером. Участницы по очереди бросали пару потертых костей и выставляли камушки на своем квадрате поля по счету, выпавшему на костях. Суть игры сводилась к тому, чтобы как можно быстрее заполнить камешками свой сектор и захватить пустой кругляш в центре поля, называющийся кошачьим домиком. Лиара улыбнулась. По другую сторону гор отсюда, в далекой Мелонии, та же игра, разве что чуть с иными правилами, носила название «Захвати крепость», и играли в нее трое, а не четверо. Как странно Ты плетешь Свой узор, Небесная Пряжа! Одну ниточку разделяешь на две другие, выплетаешь каждую по своей дороге, и получается чудо. Все вроде то же самое, все точно такое же, и другое. Ни один вздох не повторяется, ни одна нить не похожа на другую, и при этом все они — Ты, улыбающаяся и нежная, будто тихий плеск воды. И если так происходит не только с людьми, у каждого из которых своя судьба, но и с народами, с целыми цивилизациями вроде этой и той, от которой я стремглав бежала, то может ли такое происходить и с целыми мирами? Со звездами, что рассыпаны щедрой рукой Твоей над моей головой?

Лиара вновь подняла глаза к небу, шурясь и чувствуя на лице прикосновения слабого-слабого, нежного, будто кошачья лапка, весеннего ветра. Первые звезды медленно разгорались в точно так же неторопливо остывающем небе, и хищный кончик обломанного месяца выглянул из-за Бурой Горы, воровато приглядываясь к размеренному течению жизни в становище Сол.

Дверь за спиной хлопнула, и негромкий голос позвал:

— Лиара?

Вновь вырвавшись из размышлений, она оглянулась через плечо. В такой час Плато выглядело пустынным. Разведчицы еще не вернулись из своих мастерских, а Ремесленницы уже давно хлопотали по дому, стряпали или отсыпались после долгого дня. Именно поэтому в домик Найи, где она жила с двумя Двурукими Кошками, Ночным Лезвием и Орлиной Дочерью, сейчас набилось сразу пятеро Ремесленниц, уже успевших закончить свои дела. И Лиара, конечно же, которую девочки попросили взять с собой арфу и что-нибудь спеть им, если будет желание. Только вот желания пока не было, и дожидаясь своей очереди поиграть

в «кошачий домик», она вышла на улицу, в тихий и теплый весенний вечер.

Возле маленького деревянного крыльца под покатой крышей, за которым находился вырубленный в скале домик Найи и других сестер, росла невысокая пушистая яблонька, сейчас целиком одевшаяся в ослепительно белый цвет. И пахло от нее так, что голова шла кругом, а в полутьме нежные соцветия горели, будто маленькие фонарики. Скрипнуло разошедшееся старое крыльцо, и по ступеням вниз спустилась Рей, кутая плечи в шерстяную шаль, которую связала ей и подарила давеча, отчаянно краснея, маленькая лопухая Клинок Рассвета, что выбрала для обучения ремесленной профессии мастерскую Наставницы Аты. Эта самая Клинок была ниже Рей на целую голову и младше года на четыре, но упрямо таскалась за ней хвостом в свободное время и изо всех сил оказывала знаки внимания, от которых Рей только устало отмахивалась. То дверь ей открывала, то воды натаскивала к их домику, то дров приносила. Пару раз дарила ей цветы, причем диковинные, синие, нежные венчики горечавки, которые в окрестностях становища не росли, и отыскать их можно было только на самых крутых горных склонах. А под конец исколола себе все пальцы и связала-таки Рей шерстяную шаль, которую та со вздохом, но приняла, решив окончательно не разбивать сердце лопухой маленькой разведчицы. Рей хмурилась и кривилась, отмахиваясь от надоедливой анай и бросая на Лиару полные тоски взгляды, но самой Лиаре почему-то хотелось улыбаться. Потому что Клинка Рассвета все эти вздохи и недовольное хмыканье нисколько не тревожили, и она упрямо продолжала оббивать порог домика Рей. И с каждым днем Рей все реже огрызалась на нее, а теперь вот и шаль приняла.

Роксана, молю Тебя, пусть у Рей все будет хорошо, от всей души попросила Лиара, поджидая подругу, неторопливо направляющуюся к ней от крыльца домика Найи. Пусть она оставит свою грусть и начнет новую жизнь, и пусть в сердце ее живет радость и любовь, а не горечь!

— Ты чего ушла? Тебе скучно? — негромко спросила Рей, подходя к ней и останавливаясь возле парапета над становищем.

Ее темные глаза поблескивали в темноте, и в них серебристыми вспышками отражались звезды. Лиара еще раз взглянула на нее и подумала, что Рей очень красива. Что-то таинственное было в мягких чертах ее лица, что-то очень нежное, что так редко встречалось в грубых, словно вытесанных из камня, физиономиях анай.

А еще в последнее время Лиара чувствовала себя возле нее уже лучше, как-то легче, словно кто-то расслабил невидимые путы, стягивающие ее по рукам и ногам. После того разговора они несколько дней не общались, а потом Рей вновь принялась привычно болтать и шутить с ней, будто ничего и не было. И хоть еще порой поглядывала с затаенной тоской, но уже не так, как раньше. Да и чувствовалась она как-то... спокойнее, что ли. Умиротворенной.

— Просто хотелось побыть одной, подышать, — пожала плечами она в ответ на вопрос Рей.

Та испытующе взглянула на нее и уточнила:

— Мне уйти?

— Нет, Рей, ну что ты? — тихонько рассмеялась Лиара. — Я буду рада твоей компании. Просто сегодня какой-то... особый вечер. Так красиво здесь!

Лиара прикрыла глаза и всей грудью вдохнула теплый воздух с запахом цветущей яблони, свежей земли, распускающейся зелени. И едва слышной ноткой снега, что доносил с белых горных склонов ветер. В горах всегда так пахло, и это было отчего-то очень хорошо.

— И правда, чудный вечер, — негромко проговорила Рей рядом, тоже облакачиваясь на парапет и глядя вниз, на становище, по которому неторопливо передвигались редкие фигурки анай.

— Как ты думаешь, Рей, что за этими звездами? — тихонько спросила Лиара.

Ей отчего-то было неловко задавать такой вопрос, но при этом он чувствовался очень правильным, нужным. Пусть ее и сочтут странной, какая разница? Анай ко многим вещам в мире относились совершенно иначе, чем другие народы, и знали гораздо больше. Нет, не совсем так, решила Лиара. Не больше — иначе. О каких-то вещах, самых обыденных, вроде черепицы, вызвавшей такое сильное удивление Найрин, они и понятия не имели, но вот о других, настоящих, истинных, которым и слова-то подобрать было сложно, анай по-настоящему знали. Так почему бы Рей не спросить об этом, коль Лиара спрашивала ее о том, как Роксана восходит на небо и как Аленна посылает по весне Свои теплые, питающие землю дожди.

Рей слегка нахмурилась, вскинув голову и глядя на то, как медленно разгораются в вышине серебристые точки.

— За ними? Не знаю. Наверное, Трон Огненной. Ведь эти звезды — души ушедших анай, великих цариц и героинь древности, которых Роксана сажает у Своего Трона. А их сердца горят Ее даром, звездами в ночи.

— Вот как, — тихонько улыбнулась Лиара.

— А что об этом думают в том мире, по другую сторону гор? — с любопытством взглянула на нее Рей. Лиаре стало тепло: она не сказала «в вашем мире», как раньше. Теперь никто уже так не говорил о них с Радой.

— Я никогда не слушала Жрецов, — пожала плечами Лиара. — Эльфы поют, что это светильники на небесных тропах между мирами, по которым звездные странники находят дорогу, но люди думают иначе. Они говорят, это осколки Щита Грозара, который сломал его отец перед тем, как Грозар поверг его в последней битве и создал из его тела весь мир.

— Получается, наверняка-то и никто не знает, — хмыкнула Рей. — Но мне приятнее думать, что это все-таки души анай.

— Мне тоже, — тихонько рассмеялась Лиара.

Мысли ее мягко и плавно тянулись над становищем вместе с едва заметным движением теплого ночного ветра. Застыли за спиной лепестки яблони, источая сладкий аромат, которым наполнилась эта ночь. Небо по краю совсем уже отгорело, словно уголек, откатившийся к самому краю костра и затухающий на ветру. А что если эти звезды — и впрямь иные миры? Миры, где все идет иначе, но при этом странно похоже, как и здесь? Что если там, где-то далеко-далеко, в темной пещере с приглушенным светом громадных сталактитов шагает сейчас по навесному мосту женщина с золотыми глазами и пепельными волосами? Та самая, которую они видели в мареве глубоко под Эрванским кряжем. Ведь тогда сам Молодой Бог Ирантир, принявший плоть и ставший Редлогом, говорил им, что существует множество миров, сплетенных друг с другом так тесно, что они могут соприкоснуться один с другим... Вот бы побывать там, вот бы посмотреть на этих совсем иных людей, на их совсем иную жизнь. И такую же. Ведь тогда, наверное, я смогу наконец понять, зачем мы здесь? Зачем? Взгляд Лиары вновь метнулся к темному небу. Она только и делала, что спрашивала это бесконечное «зачем», но Великая Мани так и не дала ей ответа, храня Свою загадку в мягкой полуулыбке золотых волн силы, что так щедро лились Лиаре на голову. Но Зачем?

— Смотри-ка, кажется, охотницы возвращаются, — Рей указала Лиаре вниз, на самую границу становища.

Вереница огоньков двигалась от опушки к домам, и Лиара даже в таком скудном свете различила знакомую золотоволосую голову и решительную походку Рады. В груди потеплело, и она улыбнулась. Вот и моя родная вернулась, вот и она. Наша первая весна.

— Иди, — негромко проговорила Рей, кинув на Лиару быстрый взгляд и неловко пожав плечами. — Я скажу девочкам, что тебя забрали, а арфу тебе завтра утром передам, договорились? А то если ты сейчас придешь туда ее забирать, они начнут как всегда забрасывать тебя вопросами и шпильками.

— Спасибо, Рей! — от всей души улыбнулась ей Лиара, и анай смущенно отвела глаза. Все-таки, не до конца еще у нее в груди отболело, и не все ее чувство к Лиаре ушло, так и не найдя ответа. Тронув ее за плечо, Лиара тихонько пожелала: — Светлой ночи тебе! И пусть сны твои будут в ладонях Огненной!

— И тебе, Светозарная, — отозвалась та.

Развернувшись, Лиара поспешила к извилистой тропе, ведущей с Плато Младших Сестер вниз по склону горы. Ее специально проложили для тех анай, у кого еще не было крыльев, а также для доставки грузов, и ответственность за поддержание ее в надлежащем виде лежала на самих Младших Сестрах. Сапожки Лиары приглушенно застучали по пыльным ступеням, сложенным из больших валунов, плотно пригнанных друг к другу. Сейчас, когда снега уже сошли, да и ночные заморозки прекратились, лестница стала абсолютно безопасна для нее, и бежать по ней можно было, перепрыгивая через три ступени.

Какая-то тень карабкалась навстречу, явно спеша, и Лиаре пришлось немного сбавить темп. При ближайшем рассмотрении ею оказалась та самая Клинок Рассвета, что ухаживала за Рей. Волосы у нее растрепались, топорщились во все стороны, уши торчали двумя лопухами, а в темных глазах застыло упрямое выражение. И в руках она бережно несла какой-то сверток, держа его перед собой, словно настоящее сокровище. Наверное, очередной подарок для Рей.

Завидев Лиару, разведчица остановилась и церемонно поклонилась ей. Лиаре тоже пришлось остановиться и ответить на поклон. Не сделай она этого, пришлось бы назначать самой себе епитимью за грубость, пусть даже и допущенную по отношению к Младшей Сестре. В конце концов, возвращение Рады по законам клана не было достаточно весомым поводом, чтобы игнорировать чужую вежливость.

— Светлого вечера, Светозарная! — негромко проговорила разведчица.

Голос у нее был хрипловатый, не слишком красивый, как и лицо. Но что-то было в ней такое, что выделяло ее среди остальных анай. Серьезный вдумчивый взгляд карих глаз, основательность в том, как она держала себя, в том, как двигалась. Эта девочка выглядела старше своих ровесниц, хоть Лиара и знала, что она на два года младше ее. Клинок Рассвета была широкоплечей и невысокой, даже кряжистой, но это совершенно не портило ее на фоне длинных, словно аисты, Каэрос. На медвежонка чем-то похожа, вдруг подумалось Лиаре.

— И тебе светлого вечера, Дочь Огня, — поздоровалась она. — Прости, не знаю твоего имени.

— Эрис, дочь Аيي, становище Физар, Клинок Рассвета, — церемонно представилась та склонив голову. Это имя что-то тронуло в памяти Лиары, но что именно, она сказать не смогла.

— Очень приятно, — кивнула в ответ она.

— Я хотела спросить тебя, Светозарная, если это не слишком нагло с моей стороны. — Даже в темноте Лиара разглядела, что на щеках разведчицы загорелся алыми цветами румянец. — Ты ведь, кажется, дружишь с Рей, да?

— Да, — кивнула в ответ Лиара, осторожно ожидая продолжения.

— Ну... — протянула Эрис, потом вдруг выдохнула, решившись: — У нее есть кто-нибудь? Кто-то, кто ей нравится?

Этот вопрос застал Лиару врасплох, и она только заморгала, и не зная, что на него ответить. Нельзя же сказать этой девочке, что Рей испытывает чувства к самой Лиаре! Это будет явно чересчур для них обеих.

Видимо, неправильно истолковав ее реакцию, разведчица поспешно проговорила:

— Я знаю, что обсуждать такие вещи не принято, но Рей очень дорога мне. И я хотела бы знать, есть ли у меня хоть какой-то шанс... — голос ее упал, и она грустно принялась разглядывать носки своих сапог.

— Конечно, есть, — мягко улыбнулась Лиара, глядя на топорщащиеся на ее темени темные волосы. Жесткие, будто волчья шерсть. Эрис вскинула на нее глаза с надеждой. — Она, кажется, уже привыкает к тому, что ты все время возле нее. Да и подарки твои ей нравятся. Просто будь с ней искренней, заботься о ней, и рано или поздно, но она ответит взаимностью на твое чувство.

— Спасибо тебе, Светозарная! — с жаром выпалила Клинок Рассвета, почти что в пояс поклонившись ей. От удовольствия у нее даже уши покраснели. — Спасибо за эти слова!

— Не за что, Эрис, дочь Айи, — отозвалась Лиара, сбегая мимо нее по ступеням лестницы навстречу Раде. Откуда-то она знала, что все-то у этой ушастой получится, все будет хорошо. Ты никогда не оставляешь Своих дочерей, Грозная. И слышишь все наши молитвы.

На ногах будто крылья выросли, и Лиара бежала вниз легко и быстро, поглядывая, как у приземистого здания едальни моргают огоньки, разожженные охотницами. Где-то там Рада, и совсем скоро Лиара увидит ее. Как всегда от одной мысли о ней сердце в груди заколотилось так быстро и звонко, что дышать стало тяжело. Лиара улыбнулась этому чуду, прижимая ладошку к ребрам. Они жили вместе, каждое утро они просыпались вместе и делили нехитрый завтрак. Они делали вместе домашние дела и ужинали при свете лучины и приглушенных отсветов углей в печке. И засыпали, сжимая друг друга в руках, боясь отпустить даже на миг, не желая разнимать рук даже во сне. И все равно каждый раз, когда она видела Раду, внутри все переворачивалось, сжималось и пело, будто впервые. Грозная, молю Тебя, пусть так будет всегда!

Кося на нее огромными зелеными глазами, в темноту шмыгнул кот. Лиара сбегала с лестницы и направилась между строениями становища Сол в сторону едальни и Рады. Сухая земля поскрипывала под ногами, в прозрачном весеннем воздухе далеко плыли звуки. Чей-то отдаленный смех, позвякивание молота о наковальню, протяжное мычание коровы, людские голоса. И теплое-теплое небо, густое, будто сметана, которым хотелось умыться. Совсем скоро у нас будут крылья, и мы с Радой взлетим туда, к самым звездам, будто птицы. Великая Мани, о чем мне еще просить Тебя? О чем мечтать?

Она уже бежала и, вывернув из-за угла здания, почти что столкнулась с Радой, идущей ей навстречу. Они обе охнули, Рада подхватила ее на руки и улыбнулась:

— А вот и ты, искорка! И куда ты так спешишь?

— К тебе! — рассмеялась от счастья Лиара, буквально утопая в бескрайней нежности ее глаз. Сейчас они были глубже самых бездонных морских впадин, глубже неба над их головами. И теплее всех взятых в мире свернувшихся в клубки урчащих котят.

— Ко мне, — тихонько повторила за ней Рада, и ее тяжелая рука легла Лиаре на плечи, прижимая ее к себе.

Вообще-то, Каэрос не любил выражать свои чувства на публике, но Лиаре почему-то сейчас было на это плевать. Она маленьким птенчиком свернулась под большой рукой Рады и обняла ее за талию, в очередной раз поражаясь тому, насколько эта талия тонка. Ее женщина была такой странной: большой и сильной, и при этом нежной, тонкой, будто молодое деревце. И это было захватывающе красиво.

От Рады пахло сосновыми иголками, мхом и лесом, несколько чешуек коры запутались в ее волосах. За плечами ее устроился в чехле короткий роговой лук, какими пользовались анай, а у левого бедра висел колчан со стрелами. Она выглядела усталой и тихой, но улыбалась, поглядывая сверху вниз на искорку. Так, обнявшись, они медленно побрели через вечернее становище к своему дому.

— Как охота? — негромко спросила Лиара, едва не мурча от удовольствия от ощущения ее теплого бока рядом.

— Торн взяла лося. Естественно, с ее-то носом, — Рада усмехнулась и покачала головой. — Кажется, больше всего на свете ей хотелось гнать его на четырех лапах, а не так, в теле анай. Подстрелили еще пару птичек, так что завтра стряпухи расстараятся на что-нибудь особенное.

— А тебе самой — понравилось? — пытливо взглянула на нее Лиара.

— Конечно, понравилось! — кивнула Рада. — Тысячу лет уже не охотилась. Последний раз еще с Гарданом ездили в Северных Провинциях оленей стрелять, да так давно это было, что уже и не упомяну. — Взгляд Рады стал задумчивым. — Интересно, как он там?

— Плавает под парусом рыжеволосой капитанши и грабит торговые суда, — рассмеялась Лиара.

Поначалу Гардан ей совсем не нравился, а может, она боялась его так сильно, что и разглядеть за суровым видом и изуродованным шрамом лицом человека не удосужилась. Но сейчас, оглядываясь назад, она чувствовала какое-то странное тепло к нему. Он ведь тоже сделал для нее много добра. Сколько сил потратил, чтобы Раду из беды выручить, дрался с ними плечом к плечу против Сагаира. Настоящий друг.

— Да уж! — хмыкнула Рада, рассеяно улыбаясь и глядя куда-то себе под ноги. — Кто бы мог подумать еще год назад, где мы окажемся теперь? Я в горах среди анай, готовлюсь получить крылья и научиться летать. Он, который всю жизнь ненавидел воду и боялся ее, будто кот, плотает соленые брызги и морской ветер, лазает по парусам и драит палубу. Умеют же боги шутить.

— Ты ни о чем не жалеешь? — вдруг встревожилась искорка, бросив на нее быстрый взгляд. В ответ Рада крепче прижала ее к себе и чмокнула куда-то в бровь.

— Нет, конечно, искорка моя. Сейчас я там, где всегда должна была быть. С тобой, здесь. — Она подняла голову, рассматривая раскинувшуюся над ними бархатистую простынь неба, расшитую звездами. А потом, блеснув в темноте лукавым глазом, взглянула на Лиару. — А может, забросим вещи, перекусим немножко и пойдем погуляем? Такой вечер сладкий, не хочется сидеть в душном доме.

— Ой, пойдем! — обрадовалась Лиара. — Я и сама хотела тебе предложить.

На то, чтобы накипятить чаю и нарезать вчерашнего сыра, у них ушло не более получаса, и к тому времени солнце совсем упряталось за горы, укрыв нос пушистым хвостом звезд и уснув до утра. Хоть Рада и выглядела усталой после долгого дня тренировок и охоты, а она отставила в сторону свой лук, убрала за пазуху трубку и вышла следом за Лиарой в теплую весеннюю ночь.

Становище медленно готовилось ко сну. Тянулись со стороны мастерских Младшие Сестры, чьи занятия только-только закончились. В окошках Спален Дочерей горел свет: там Мани-Наставница Мари укладывала спать самых маленьких и следила за тем, чтобы они не удирали из своих кроваток и не бродили по коридорам. Двери казармы, где жили молодые неженатые Воины были распахнуты, и оттуда раздавались приглушенные звуки музыки и громкий смех. Огненными точечками в небе на востоке горели крылья разведчиц, что возвращались после вечернего облета пограничья обратно в становище. Теперь, после окончания войны, эта обязанность стала скорее приятным способом размяться и подышать свежим воздухом, чем настоящей необходимостью.

Рыжий тощий пес, прозванный Лишайником, что обычно отирался возле дверей в едальню, увязался за ними с Радой и какое-то время трусил следом, помахивая косматым хвостом. У границы становища он отстал, принявшись нюхать землю и увлекшись чем-то одним ему известным и важным. Проселочная дорога, усыпанная выровненным щебнем и успевшая просохнуть после весеннего половодья, уводила на запад, медленно сбегая с седловины вниз. В сгущающихся сумерках они неторопливо шли по ней, и под подошвами сапог скрипел щебень.

В ладони Лиары была теплая широкая рука Рады, и это было до того хорошо, что она улыбалась. Серебристые звезды смотрели на них сверху, подмигивая маленькими булабочными головками из бархатной синевы. Знакомые созвездия: Плуг, Небесный Охотник, Змей. Здесь они назывались иначе, и Лиара улыбалась, в который раз за вечер уже думая о том, не в этом ли и есть самая большая и красивая загадка Великой Мани? Все мы глядим на один и тот же мир, но каждый видит его по своему. Огромное полотно из тысяч разноцветных красок, сливающееся в один невероятно красивый ритм.

В воздухе плыл смолистый запах сосен и сладкий — ночных цветов, цветущих яблонь и жасмина. И было совсем не холодно, словно Смешливая Реагрес Своими заботливыми пальцами разобрала кудель ветров и опустила на становище Сол самые теплые нити. Светлый щебень дороги в опустившейся темноте выделялся белым пятном, и на его фоне кружились в воздухе стайки маленьких ночных мотыльков.

— Рада, — тихонько позвала Лиара, прерывая молчание, в котором они медленно удалялись прочь от становища, шурша ногами по гравию.

— Ммм? — протянула в ответ та. В зубах ее была трубка, и по воздуху медленно плыл шлейфом за ними запах терпкого тлеющего табака.

— А ты думала когда-нибудь о том городе из сталактитов, который мы видели под Эрванским кряжем?

— Думала, — кивнула Рада, выпуская колечко дыма. Больше она не добавила ничего, задумчиво замолчав, а Лиара не знала, как продолжить.

Странные чувства бродили в ней при воспоминании о том мираже. Какое-то медленно тянущее, зовущее ощущение. словно внутри что-то шевелилось, непонятное, любопытное, разворачивающееся, будто бутон. И она даже сама не могла себе объяснить, почему все время возвращается к тому моменту и той картине. словно что-то магнитом тянуло туда,

тянуло и не отпускало.

— И что ты думала? — наконец спросила она, так и не найдя слов, чтобы описать свои разрозненные обрывки чувств Раде.

— Не знаю, — пожалала та плечами. — Интересно, что там. Странное место. Коли Редлог правду говорил, и это действительно какой-то другой мир, то интересно, какой он? И почему он появляется именно там? Почему мы увидели его?

— А ты не хотела бы отправиться туда? — тихонько спросила ее Лиара. Рада рассмеялась и с нежностью посмотрела на нее.

— Искорка, ты же так рвалась сюда, к анай! Неужели уже снова хочешь уходить? Мне кажется, мы только-только здесь обжились.

— Не хочу, — решительно тряхнула головой Лиара. — Сейчас, по крайней мере. Но когда-нибудь...

Она не закончила, вновь взглянув на звезды над головой. Они мерцали в далекой тишине, словно биение чьих-то сердце, словно, и правда, — великие царицы древности анай, глядящие на смертных из бескрайней пустоты.

Дорога медленно сбегала с седловины вниз, змеилась по склону светлой полосой на фоне темной земли. Со всех сторон подступали лесистые склоны гор, а дальше начиналась обширная долина, теряющаяся в ночных тенях. На фоне неба темнели силуэты гор, со всех сторон окружающие ее, будто молчаливые стражи.

— Раз уж мы с тобой прошли через Семь Преград, так почему бы нам однажды и не попробовать пробраться в другой мир? — вдруг усмехнулась рядом Рада. — В конце-то концов, не просто же так нам показали тот мираж. Может, однажды и отправимся туда. А может, и еще куда-нибудь. Весь мир перед нами, искорка, и все дороги открыты для нас.

Лиара прижалась к ее плечу, чувствуя надежное тепло и защиту. Разве можно было вообще бояться чего-то, когда она рядом? И в ее словах была такая простая правда, что хотелось то ли петь, то ли танцевать, то ли просто тихонько смеяться.

Сильный сладкий запах вскружил голову, и Лиара оглянулась, пытаясь определить его источник. У дороги темнело что-то, какой-то разросшийся куст, склоняя отяжелевшие ветви к самой земле. Она пригляделась, почти что всем телом ощущая окружающее пространство, и улыбнулась: первый куст сирени, что расцвел так рано в этом году, гораздо раньше своего срока. Тяжелые гроздья цветов будто белые свечи смотрели в темное ночное небо.

— Подожди, — тихонько попросила она, отпуская руку Рады.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросила та.

— Хочу сплести тебе венок.

Рада что-то довольно пробурчала себе под нос. Лиара расслышала только «маленькое мое чудо», и от этого в груди стало тепло-тепло, будто та взяла в ладошки ее сердце и поцеловала, едва коснувшись губами.

Ладони легли на тяжелые гроздья цветов. Лиара прикрыла глаза, расслабляясь и сливаясь сознанием с растением. Давно она этого не делала, так давно, словно уже целая вечность прошла. Здесь у анай они учились совсем другому. Не растворяться в мире, но аккумулировать в себе его энергию, тянуть в себя силу Великой Мани. Это было почти так же, но чуть-чуть иначе, и Лиара внезапно поняла, как сильно соскучилась.

Ощущение теперь было иным, гораздо глубже, гораздо сильнее, все то же, но странным образом новое. Всем телом, каждой своей порой она ощущала окружающий мир. Теплый ночной воздух, что тек, подчиняясь едва слышному дыханию ветра, призрачный свет звезд,

дождем из серебристых капель опадающий на голову. Теплую землю, напитавшуюся водой и нежащуюся под прикосновениями солнца, полную жизни и силы, полную радости. Крохотных мотыльков, что танцевали над белым пятном дороги, кружась в одном им ведомом танце от самого начала мира, которому не было конца. Интересно, и как они только помнят этот танец? Лиара положила руки на сирень, став каждой веточкой, каждым крохотным ароматным соцветием. И как птицы летят из года в год на юг, преодолевая полмира и возвращаясь потом обратно по тому же пути? Что их влечет, что их зовет, откуда они знают, куда им лететь? И почему не боятся этого полета, этой неизвестности?

Руки гладили ветви сирени, и что-то начало происходить. Лиара чувствовала токи внутри куста, ощущала, как нежные листочки буквально сами тянутся к ее пальцам, прося ласки. Одна ветка отделилась от основания, оставшись в ее руке, отделилась сама, не сломанная, и на ее месте проклюнулся новый зеленый, полный сил росток.

Почему ветра поднимаются в одном направлении и несут тучи и теплые дожди, что проливаются на мир? Как крохотный желудь, падая в землю, помнит, что ему нужно перезимовать под толстым слоем земли и проклюнуться, пустить ростки к солнцу? Великая Мани, я знаю, что все это делаешь Ты, что все этим правишь Ты, но ведь всему этому есть закон. И закон этот должен быть простым, таким простым, что можно смеяться, как ребенок, над его разгадкой.

Вторая веточка отделилась и осталась в ее ладони, за ней еще одна и еще. Лиара прикрыла глаза, оглаживая пальцами нежную кору, растворяясь в этой сладкой весенней ночи. В запахе земли и цветов, в запахе Рады, леса и новой пробуждающейся жизни. Все в этом мире движется по Твоей воле. И я тоже хочу, Великая Мани. Хочу как птица знать извечный путь, хочу разбиваться пушистой пеной волн о берег, хочу расти зелеными лепестками к небу. Неужели же я не могу этого, всем телом, всей собой, так же, как и весь мир? Почему я все время чувствую себя чужой, отделенной, вынужденной наблюдать со стороны?

Еще одна ветка сирени оказалась в ее руке, и Лиара ощутила мягкий, ласковый толчок в грудь. Она отстранилась от дерева, медленно вытянула из него свое сознание, напоследок поблагодарив от всего сердца за бесценный дар, что дала ей сирень. Целая охапка длинных гибких веток, усеянных ослепительно горящими во тьме белыми свечами цветов. И глаза Рады, что сияли так ярко в этой ночи.

— Знаешь, Рада, я хочу иного, — тихонько заговорила она, принявшись выплетать из веток венки и медленно направившись дальше по усыпанной щебнем дороге. Рада внимательно смотрела на нее и слушала, не прерывая. Слова сами приходили, формируясь из того трепетного, того волшебного, что пело и пело под ребрами, не давая вздохнуть. — Я не хочу так, как все. Я не хочу жить одной в одном единственном теле, отрезанной от всего мира и лишь изредка чувствующей его красоту, да и то не полностью, не всей собой. Я не хочу больше думать, не хочу вечно крутиться в колесе своих мыслей, которые постоянно наталкиваются одна на другую, мешают мне, путают меня. Я хочу быть простой, простой, как этот цветок сирени, как эта ночь, как эта сладкая весенняя тайна...

Откуда-то издали, из просыпающегося леса, полнящегося запахом прелой земли и мхов, тихонько и медленно зазвучал голос, и Лиара вскинула голову. Соловей. Как давно она не слышала этой песни! Улыбка сама собой растянула губы, и она застыла на месте, не решаясь даже пошевелиться. Он начал медленно, робко, всего три короткие трели, одна за другой. Помолчал, словно ждал чего-то, потом затянул вновь, уже громче, другой мотив. И вдруг

запел, зазвенел, будто ручей, засвистел на разные голоса, вытягивая волшебную песню, самую красивую песню, что только слышал мир.

Чувствуя, что сердце ее сейчас буквально разорвется от захлестнувшей его нежности, Лиара повернулась к своей любимой. Рада широко улыбалась, и ласковые морщинки собрались в уголках ее глаз, а взгляд был теплее топленого молока.

— Понимаешь, что я хочу сказать? — Лиара во все глаза смотрела на нее. — Я и сама не знаю, как это сказать, но...

— Я понимаю, — мягко кивнула Рада, запуская ладонь в ее кудри и нежно оглаживая щеку своей шершавой и теплой рукой. — Понимаю, самая моя яркая искорка на свете.

— Мне кажется, в этом и есть смысл всего, что мы делаем, — едва слышно продолжила Лиара, прикрывая глаза и наслаждаясь ее прикосновением. — Великая Мани — это не то, до чего надо дотягиваться, куда нужно уходить. Великая Мани в нас, Она — это мы. Мы должны стать Ею. — Она вдруг улыбнулась, не открывая глаз, лукаво и светло. — Так забавно! В который раз я уже понимаю это, но теперь как-то глубже, как-то иначе. Раньше это было только в голове, а теперь и здесь, — Лиара тронула грудь, где под слоем костей и кожи отчаянно звенела и пульсировала скрученная в ослепительное солнце маленькая вселенная. Она открыла глаза и посмотрела на Радую, стоящую так близко от нее, что тепло ее дыхания согревало кожу Лиары. — Мне кажется, когда я почувствую то же в теле, в каждой своей клеточке, вот тогда мы и достигнем цели, Рада. Наше тело должно захотеть стать Ею. И когда это произойдет, случится Чудо.

— Наверное, ты права, моя зоренька, — тихо пробормотала Рада, склоняясь к ней все ближе. — Ты — мое самое дорогое и самое желанное чудо на свете!

Лиара засмеялась от счастья, чувствуя, как ее губы слегка щекочут брови, лоб и щеки, когда Рада покрывала их невесомыми поцелуями. Потом они целовались под мерцающими звездами, укрытые теплыми крыльями ночного ветра и запахом сирени, и соловей пел им о бесконечной нежности и мягкости первой весенней ночи. И Лиаре казалось в тот момент, что за спиной у нее уже есть крылья, хоть они еще и не были в Роще Великой Мани, и стоит ей только захотеть, как она взлетит вместе с Радой прямо туда, к бесконечной небесной шире.

А потом они шли домой, держась за руки, и венок из белой сирени сползал Раде на лоб, и та то и дело, шутливо хмурясь, поправляла его и ворчала, что он слишком сильно и сладко пахнет. И их встречал рыжий косматый пес, помахивающий хвостом в знак приветствия, и засыпающее становище, и огоньки в домах, разбросанных по склонам гор. И не было ничего светлее, дороже и правильнее этой ночи во всем белом свете.

===== Глава 42. Навязчивое внимание =====

Тяжелые серые тучи неприветливо висели на самом горизонте, заволакивая все небо с севера на юг. Между ними и тонкой полоской ровной, будто блин, земли темнели серые простыни дождя, переливающиеся, перетекающие, будто занавески на сквозняке. Оттуда, с востока, задувал резкий ветер. Мороза в нем уже не было, но его ревнивые порывы трепали волосы Рады и забирались за ворот, обещая холодную ночь и, возможно, дождь.

Травы Роура, густые и нечесанные, как волосы лесной ведьмы, тревожно клонились под ветром, гнулись к самой земле. В воздухе пахло сыростью, дождем, подступающим ненастьем, и он казался Раде почти что ощутимо острым на вкус. Над головой все еще синело небо, и ослепительный диск солнца светил, заливая все своими лучами, но тучи неуклонно ползли с востока, кипя темно-синим, почти черным краем, недовольные,

ворчливые, угрожающие. Подступала гроза.

Пыльная дорога тянулась вдоль диких лесов, которыми поросли все склоны Данарских гор. Лес шумел в ответ песне ветра, растревоженный и неуютный, и первая зелень, такая яркая в начале лета, трепетала в могучих руках Среброглазой Реагрес, дрожа то ли от страха, то ли от предвкушения неминуемой бури. Звенели серебристым дождем нервные листочки осин, тянулись, будто кудри молодой женщины, поросшие мелкими листиками тонкие ветви берез, шумели, покачивая тяжелыми лапами, темные и угрюмые ели. Одни лишь дубы стояли ровно, неумолимо и спокойно, встречая подступающий ураган, и ярко-зеленая листва так резко контрастировала с темной, почти черной, изрытой выбоинами корой.

— Будет дождь, — тихонько пробормотала искорка, шагающая рядом с Радой. Взгляд ее был рассеянным и погруженным в себя.

Может, оно и к лучшему? Земля уже истомилось без дождя. Сухая, выбитая почти что в камень дорога под ногами Рады была тому доказательством, как и жесткие травы, которыми, будто щетиной, поросли обочины. Ветер поднимал из-под ног мелкую пыль, которая покрывала всю Раду с головы до ног ровным слоем. От нее даже золотистые кудряшки искорки слегка потускнели.

Караван Младших Сестер под предводительством хмурой Уты, то и дело сплевывающей сквозь дырку на месте отсутствующего клыка, тащился день за днем на север вдоль самой кромки леса. Чуть больше четырех десятков Младших Сестер, которым в этом году исполнилось восемнадцать лет, шли в Рощу Великой Мани, чтобы обрести крылья. И Раде в первые дни даже не верилось, что она тоже направляется туда с той же целью.

Богиня, уже совсем скоро я смогу летать. Это не укладывалось в голове, просто не укладывалось и все. Впрочем, Рада старалась и не думать об этом вовсе. Что толку? Последние месяцы в становище Сол научили ее одному: меньше думаешь — крепче спишь и в прямом, и в переносном смыслах. Чем тише была ее собственная голова, когда удавалось заткнуть противный внутренний голос, только и делающий, что шепчущий ей всякую ерунду, тем спокойнее проходили ее дни. Ушли кошмары, что так терзали ее какое-то время назад, а вместе с ними прошла и смертельная усталость от вечного недосыпа. Ушли резкие эмоции, благодаря которым ее кидало из стороны в сторону, будто поплавок на штормовых волнах. Осталась только золотая пульсация в груди и странное, щемящее чувство, не пропадающее ни на миг. Лучше всего ему подходило слово «стремление». Это и было бесконечное стремление к чему-то, чему Рада не могла дать названия. Все ее существо хотело... чего-то. Истомленное, измученное, пересохшее, как земля под ногами, оно молило о чем-то ином, оно искало выхода, но пока еще не могло его найти.

Она всмотрелась вперед, вдыхая сырой вкус восточного ветра. За темными макушками Каэрос виднелась дорога, светлым полотном тянущаяся вдаль. Слева белели острыми снежными шапками горы, по склонам которых сползал густой лес, справа протянулась зеленая степь Роура. Изо дня в день окружающий пейзаж мало менялся, разве что дорога порой петляла, повторяя изгибы опушки. Этим путем испокон веков молодые Каэрос шли в Рощу Великой Мани, и дорога помнила их всех, древняя, ровная, никогда не меняющаяся.

Какое-то странное чувство охватило Раду. Все, что происходило сейчас с ней, казалось священным, пусть путь и был однообразным, пусть изо дня в день ничего не менялось. Но в этом-то и была своеобразная странная красота, которой она раньше никогда не чувствовала. Две тысячи лет анай повторяли один и тот же путь, и сейчас Рада шагала по нему, чувствуя, как вытянулась через эту толщу времени связующая нить от нее к той самой первой Каэрос,

что когда-то вот также направлялась навстречу своей судьбе на север.

Она никогда не интересовалась историей и презирала Церковь Молодых Богов, присвоившую себе право исчислять эту историю и измерять ее тысячами крохотных линейек. Мир Этлана Срединного был ровным, что стрела: столько-то лет прошло со времен Ирантира, столько-то — с создания Мелонии, столько-то — с Танца Хаоса. И над этой стрелой склонялось бородатое морщинистое лицо Жреца с холодными глазами, который трясущимися пальцами помечал ее вехи, запечатлевая в них то, что имело значение, отбрасывая то, что было не важно. Именно Жрецы писали историю, а потому никто не посмел бы забыть, что лишь благодаря Церкви этот грешный мир все еще продолжал существовать. И сухое, бестрепетное изображение Грозара попирало своей мраморной пятой людские надежды и стремления, мечты, дерзновенные желания. Нет ничего, кроме Молодых Богов, помните о Молодых Богах, помните о Церкви и только о ней, ведь благодаря ей вы и существуете на свете. А коли вы не будете верить, коли не будете слушаться, коли не будете платить десятину и молить о прощении, коли не раскаетесь в своих грешных мыслях, кара Грозара падет на вас. И ведь Жрецы держали свое слово. Сколько раз горели деревни, что не соглашались платить ту самую десятину не из-за того, что так ненавидели Церковь, а оттого, что неурожай побил их поля, а волки разодрали всю скотину? Сколько мужчин и женщин было замучено и запорото потому, что они не желали признать авторитет Жрецов? Сколько судеб было искалечено только потому, что лишь Церковь имела право владеть миром и править мыслями людей, предьявляла свои священные права на их судьбы и души?

Раде и раньше-то это все не нравилось, а теперь и вовсе казалось чудовищным. Иссушенный, жесткий мир, лишенный цвета и жизни. Бесконечная усталость и равнодушие к тому, что произойдет, потому что ничего изменить ты уже не сможешь. Ты можешь лишь смириться и раскаяться, а потом сложить ручки на груди и умереть, чтобы уж точно никому не мешать и ни в чем не грешить. Мерзость!

Здесь же живые ветра несли полные тучи водяных капель, и молчаливые глаза анай смотрели на них, полные чего-то такого, чего Рада никогда раньше не видела. Здесь дышали леса, здесь небо пушистым животом терлось о вершины гор и мурчало грозами, метелями и алыми закатами. Здесь не было греха, не было десятин, здесь не было одного раз и навсегда устоявшегося закона, пеньковой удавки в сморщенных старческих руках. Только ветер, воздух, солнце и жизнь, пульсирующая в каждой травинке, каждой птице, каждой маленькой анай с глазами-звездами.

Кому нужна церковь, когда есть жизнь, птицей бьющаяся под ребрами? Кому нужны Жрецы, когда есть солнечные лучи на твоих щеках? Кому нужны Боги, когда вот она, кипящая в твоих собственных жилах, распирающая твою грудь дыханием, звенящая в каждой твоей клетке и во всем вокруг сила? И почему раньше мне казалось, что обязательно должен быть кто-то, кто возьмет меня за руку и отведет к этой силе, кто подарит мне ее или расскажет о ней? Вот же она, прямо вокруг меня, повсюду, везде. И анай — единственные, кто по-настоящему знают это.

Рада задумчиво взглянула на шагающих вокруг нее Младших Сестер. Хоть Ута и пыталась выстроить их в шеренгу и заставить идти ровно, а они все равно шли так, как вздумается, трепались, смеялись, строили друг другу глазки или просто общались о чем-то. Периодически кто-то из них выбегал в открытую степь, чтобы нарвать цветов и украсить ими свои волосы. Другие затягивали мелодии без слов, которые так любили среди Каэрос, или пытались танцевать. Отовсюду доносился гомон человеческих голосов, в каждом глазу,

темных или светлых, неважно, отражались лучи солнца и искры, странные яркие искры, которые Рада раньше не замечала. Казалось, что все анай все время улыбаются, даже если в этот момент улыбки на их лицах и в помине не было. А может, это что-то улыбалось через них? Какая-то единственно верная нота, сила, правда жизни, прорастающая зелеными ростками через их души, которую так нежно обнимали и согревали огненные длани их Грозной Богини?

Шелестели по утопанному полотну сапоги, погромыхивали колеса телег с фуражом. Ута и еще несколько взрослых Ремесленниц, сопровождающих молодежь, ехали там, в хвосте колонны, сидя на козлах большущих телег, с впряженными в них круторогими неторопливыми волами. Временами охрипшая наставница драла глотку, вопя и призывая Каэрос к порядку, но те не слишком-то ее слушали, да и сама Ута не проявляла в этом вопросе того рвения, которым обычно сопровождала проводимые ей тренировки на Плацу. Теплое лето и свежий ветер не способствовали соблюдению дисциплины, и в этом тоже было что-то донельзя правильное, заставляющее и саму Раду время от времени улыбаться.

Охраны с ними не было. Ута помянула как-то мимоходом, что раньше караван всегда сопровождал отряд разведчиц на случай нападения кортов. И следы этих нападений, прекратившихся после заключения мира по окончании Великой Войны, все еще то и дело попадались им по дороге. Замшелые валуны, установленные вдоль самой кромки леса, отмечали места, где когда-то происходили стычки. Некоторые из них уже так глубоко вросли в землю за прошедшие тысячелетия, что лишь самая их верхушка виднелась из высокой травы. Другие выглядели поновее, и слой лишайника на них не мог быть старше пары сотен лет. Третьи темнели голыми боками, вовсе не покрытыми плесенью, и на них даже можно было разглядеть витиеватые письмена анай, отмечающие год нападения. И камни эти попадались буквально через каждую сотню метров, отчего Рада только качала головой и вновь поражалась этому странному народу, ее народу. Воевать две тысячи лет с кортами, воевать насмерть, а потом заключить мир и объединиться против общего врага. Сколько же сил нужно было, чтобы переступить такую ненависть! Это казалось невозможным, и все же — они это сделали.

Хотя и не до конца. Не раз она замечала, как Ута неосознанно поглядывает на степь, и глаза ее при этом темнеют. Порой, когда на горизонте появлялись темные шевелящиеся пятна, весь отряд спешно останавливался и строился, какое-то время пережидая на обочине. Корты перегоняли свои стада по бескрайней груди Роура там, где им самим того хотелось, считая, что все эти земли принадлежат им. И они тоже замирали, останавливая табуны, и подолгу смотрели на анай, разделенные колышущимся травяным морем. Потом табунщики разворачивали лошадей, и море Роура поглощало их без следа, а анай вновь возобновляли движение по дороге на север. Но каждый раз Рада физически чувствовала их напряжение и видела, как сжимаются зубы, играют на щеках желваки, посверкивают темные глаза, а руки поглаживают рукоятки долоров на поясах. И понимала, что старая вражда все еще была жива, сорной травой прорастая сквозь распаханную землю, упрямо пробиваясь недовыкорчеванными ростками сквозь молодую поросль установленного Великой Царицей и Царем Небо мира.

Вспоминая спокойный свет в глазах Тьярда, Рада смутно понимала, как им с Великой Царицей удалось это невозможное дело. Могучая воля была в этих двоих, что-то, что вращало миры и заставляло подчиняться себе, несмотря ни на что. Хоть ей довелось совсем немного времени провести в обществе царя вельдов и кортов, Рада успела всей собой

ощутить эту волю и понять, что сопротивляться ей бесполезно. Теперь она направлялась навстречу с Великой Царицей анай и все гадала, что же ее ждет? Их первая встреча была совсем недолгой, но Рада помнила приглашение Держащей Щит задержаться в Роще на некоторое время. И Саира перед их отъездом из становища Сол, заменявшая царицу Лэйк во время ее дипломатического визита в земли Нуэргос, подтвердила это приглашение, заявив, что ничего не имеет против этого.

Тянущее чувство внутри усилилось, и Рада поморщилась, потирая грудь кулаком. Дрожащее золотое марево в груди будто предчувствовало то, что их ждало в Роще. Сама Рада могла об этом только догадываться.

— Сегодня Роксана и Аленна будут биться насмерть, — с затаенным предвкушением и гордостью в голосе проговорила идущая возле них Младшая Сестра Дани, Клинок Рассвета из становища Сол. — Огненная будет швырять на землю Свои копья и ломать их о грудь Жестокой.

Рада скосила на нее глаза, чувствуя всколыхнувшееся в груди раздражение. Крепкая, высокая, развернутая темноглазая сестра привязалась к Раде с самого первого дня их путешествия и теперь не отходила ни на шаг, буквально тенью следуя за ней.

Поначалу Рада и вовсе не обращала на нее внимания, но навязчивый взгляд, что постоянно буравил спину, то и дело заставлял ее передергивать лопатками и оглядываться. Долгая закалка службы в Северных Провинциях не прошла даром: Рада почти что нюхом чуяла, когда на нее глядели не просто так. Поискав взглядом среди толпы Младших Сестер, Рада быстро нашла ту, что неотрывно смотрела на нее. Как только Клинок Рассвета поняла, что ее заметили, она с уверенной улыбкой сама подошла к Раде.

— Меня зовут Дани, дочь Ирмы из становища Сол, — представилась она, протягивая Раде руку. Подбородок ее был вызывающе вздернут, в темных глазах — ни намек на слегка настороженное уважение, с которым на нее смотрели остальные Младшие Сестры.

— Рада, — представилась та, не совсем понимая, что нужно от нее этой девочке. Держала она себя, по крайней мере, так, словно Рада была должна ей золота или слишком хреново отчистила ее сапоги и теперь заслуживала наказания за это.

— Я видела, что тебя тренирует первый клинок Торн, очень много о тебе слышала, — глаза Дани светились самоуверенностью и вызовом, присущими юности. — И хотела бы учиться у тебя.

Рада опешила.

— Но я не наставница, — удивленно вздернула она брови. — К тому же, фактически, я тоже Младшая Сестра, как и ты. Кто разрешит мне учить тебя?

— А зачем кого-то спрашивать? — Дани нагло тряхнула челкой, закрывающей ее правый глаз. Черты лица у нее были какие-то мелкие, заостренные, словно у лисицы. — Тренировочные поединки между Младшими Сестрами не запрещены и, даже наоборот, поощряются. У тебя много свободного времени по вечерам, когда кончаются занятия на Плацу. Я делаю успехи в каменном мастерстве, поэтому наставница Дэйн отпускает меня раньше. Мы могли бы посвятить оставшиеся часы вечера тренировкам. И ты бы форму поддерживала, и я бы многому научилась.

Рада смотрела на нее, лишившись дара речи от такой наглости. Девчонка почти что приказывала ей, еще немного, и это можно было бы счесть открытым хамством. Пожалуй, даже Магара никогда так не разговаривала с Радой, будто с кем-то незначительным и слишком глупым, чтобы к нему относились как ко взрослому. Впрочем, хамства все-таки

было не настолько много, чтобы по закону можно было выдрать эту мелкую за ее длинный язык. Она держала ровно ту дистанцию, которая полагалась между Младшими Сестрами, и ни йотой больше.

Сложив руки на груди, девочка самодовольно улыбалась и ждала ответа Рады. А та только глазами хлопала и все пыталась найти хоть какие-нибудь слова, чтобы можно было ответить ей. От такого обращения она успела отвыкнуть за прошедшие месяцы. Так с ней разговаривал в ее жизни разве что Алеор, да некоторые особенно наглые пиратские капитаны Северных Провинций, у которых вообще не было ни авторитетов, ни уважения хоть к единой живой душе.

Наконец обретя вновь дар речи, Рада хмуро взглянула на Клинка Рассвета.

— А с чего ты вообще взяла, что я возьмусь тебя тренировать? Мне-то это зачем сдалось?

— Сохранять и поддерживать форму, — невозмутимо пожала плечами та. — К тому же, думаю, тебе будет со мной интересно. Я быстро учусь, на хорошем счету у наставниц, можешь у кого угодно спросить, хоть у той же Уты. Я достаточно сильна и сметлива, чтобы с первого раза запомнить любой удар, а коли не веришь — испытай меня. Уверю тебя, ты останешься довольна мной.

— Но мне это не интересно, — Рада красноречиво воззрилась на нее. — Меня учит первый клинок, зачем мне заниматься с кем-то другим, тем более, с Младшей Сестрой? Что такого умеешь ты, чего не умеет Торн?

В глазах девчонки колючей иголкой сверкнула обида, но вместо того, чтобы смешаться, извиниться и уйти, она только еще выше вздернула свой подбородок.

— Первый клинок сильна и умела, среди Каэрос во владении мечом ей равных нет, — чуть менее твердо, чем раньше, но с некоторой обидой в голосе заявила Дани. — Однако она недостаточно амбициозна. Она стала первым клинком по назначению царицы Лэйк и не стремится к тому, чтобы и дальше бороться за власть. Она забыла, что раньше главы сообществ выбирались всеми членами сообщества путем общего голосования. Или, — глаза ее сверкнули, — путем поединка.

Рада моргнула, не веря в то, что слышали ее собственные уши.

— Ты собралась бросить вызов Торн? Ты?! — она хмыкнула, качая головой, и Дани вновь вызывающе дернула подбородком. — Богиня, да ты еще даже крылья не получила! И уже готова драться с сильнейшим сальвагом Каэрос?

— А почему нет? Ты ведь тоже когда-то создала свою наемную роту, хоть и была всего лишь эльфийкой, которой в ее стране не было места, — голос Дани дрожал от обиды и напряжения, глаза метали молнии. — Уж наверное не только для того, чтобы защищать невинных, ты это делала. Тебе просто хотелось стать одной из сильнейших, если не самой сильной.

— Откуда ты знаешь о моей жизни в Мелонии? — нахмурилась Рада. Она не помнила, чтобы рассказывала о своей юности кому-нибудь, кроме глав сообществ. Да и Лиара явно не стала бы болтать о таком с первым встречным.

— Я же говорила, что наблюдала за тобой, — голос Дани нервно дрогнул, она неуверенно переступила с ноги на ногу, но подбородок к небу выпячивать не перестала. — Возьми меня в ученицы, Черный Ветер, и поверь, ты не пожалеешь об этом.

— Не буду я этого делать, — проворчала Рада, отворачиваясь от зарвавшейся маленькой выскочки. — У меня своих дел по горло, и на тебя времени не будет.

Впрочем, что-то все слова зацепило Раду. В чем-то девчонка была права. Она ведь действительно наплевала на все, собрав тот наемный отряд. Обычно благородные дамы, пусть и выпускницы Военных Академий, ничем подобным не занимались. Они вступали в сообщество Благородных Мечей и принимались с огромным удовольствием плести интриги и тыкать друг друга под бок булавками, уводить друг у друга мужей и любовников, считая при этом, что участвуют в большой политике. И на самом деле, у некоторых это действительно получалось неплохо, взять ту же покойную леди Тайрен. Но Рада-то была не из таких.

Она хотела славы, хотела песен о себе, хотела подвигов. И еще — стать самой сильной, чтобы никто уже не имел власти над ней, чтобы все они оставили ее в покое. Только вот Раде никогда не приходило в голову бросить вызов Лорду-Протектору или хотя бы кому-нибудь из высшего офицерства, чтобы занять его место. Фигурально выражаясь, конечно, ведь в Мелонии лишь король мог назначать представителей знати на высшие государственные посты. Но даже так она никогда не метила выше того места, которое занимала. Если уж по чести, она вообще никуда не метила, надеясь лишь, что рано или поздно ее армия станет достаточно большой и грозной силой, чтобы остальные дворяне оставили ее в покое. А эта девочка...

— Тогда дай мне время, — прозвучало из-за спины. Голос Дани был настойчивым и требовательным. — Дай мне возможность доказать тебе, на что я способна. Ты согласишься и совершенно точно поймешь, что нам нужно работать вместе.

Чувствуя закипающую ярость, Рада развернулась к ней и нависла над Младшей Сестрой грозной тучей.

— Я работаю одна, девочка! Помощники мне не нужны, как и ученики. А ты лучше поумерь свои аппетиты, пока кто-нибудь тебе их не подрезал. Вряд ли наставницы одобряют твои амбиции, тем более, что сейчас они не к месту и не ко времени.

— Я докажу тебе, Черный Ветер, — упрямо повторила Дани, глядя на нее из-под челки. — Ты увидишь, что я достойна быть твоей ученицей.

С этими словами она развернулась на пятках и ушла, оставив Раду раздосадованно таращиться ей в след.

С того случая прошло уже несколько недель, и все это время наглая Младшая Сестра крутилась у Рады под ногами, не давая ей прохода. Нельзя сказать, чтобы она особенно мешалась: под руки не лезла, голос подавала только тогда, когда рядом никого не было, к тому же, постоянно стремилась чем-то помочь Раде, будто той эта помощь была нужна. Одним словом, к глубочайшему сожалению Рады, девчонка не делала ничего такого, за что ее можно было выругать и прогнать прочь. И пусть от этого ее отделяла грань не толще волоса, но Дани очень четко соблюдала эту грань, ни на шаг за нее не заступая.

Искорке все это тоже не слишком-то нравилось. Во время ночлегов они раскладывали свои одеяла рядом, обнимая друг друга во сне. Дани демонстративно ложилась в двух шагах от них, и у Рады было такое чувство, будто она наблюдает за их сном, не смыкая глаз до утра. Во время завтрака Дани всегда была подле Рады, протягивая ей чашку с чаем или миску с кашей, опережая в этом искорку буквально на какие-то мгновения. И каждый раз глаза искорки темнели все больше при взгляде на нее, становясь холодными, как зимнее море. Рада уже несколько раз пыталась оправдаться и объяснить ей, что отделаться от проклятого Клинка Рассвета просто не может: повода нет, во всяком случае, достаточно весомого, чтобы вынести его на суд взрослых разведчиц и получить одобрение своим действиям. Искорка

только успокаивающе похлопывала Раду по руке, говоря, что доверяет ей и ни в чем не винит, но глаза ее не отрывались от Дани, и в них появился недобрый огонек.

Младшая Сестра если не открыто игнорировала Лиару, то не придавала ей особого значения. Так, подруга Рады и не более того, что взять с этих подруг? Нет, она ни в коем случае не пыталась строить глазки Раде или каким-то образом преуменьшать вес их отношений, она обращалась с искоркой подчеркнуто вежливо или наигранно заинтересованно, впрочем, сразу же пропуская все ее слова мимо ушей, ведь они ничего и не значили для нее. Это бесило Раду, пожалуй, больше всего в сложившейся ситуации. Даже первая стрела Лара, похоже, действительно поняла, что у Рады с Лиарой все серьезно, и оставила свои попытки добиться расположения искорки. (Еще бы она не поняла, учитывая сломанную руку-то!) Вот только Дани даже это было глубоко безразлично.

Рада и рывкала на девчонку, когда та слишком надоедливо мельтешила рядом, пробовала ее игнорировать и не замечать, пробовала втолковать в ее упрямую голову, что она ничего не добьется своим назойливым вниманием, кроме того, что однажды нарвется на нагоняй от наставниц, но той все было нипочем. Искорка пока молчала и терпела присутствие Клинка Рассвета возле них, как терпят волю кружащую над ними навозную муху, но по ее упрямо сжатым складкам рта и холодному взгляду можно было понять, как тяжело дается ей это терпение.

Поняв, что у нее самой нет никакой возможности отогнать от себя надоедливую девку, Рада начала приглядываться к тому, как относились к ней остальные Младшие Сестры. Большая часть разведчиц поглядывала на Дани с молчаливым осуждением и недоверием в темных глазах, кое-кто, когда она отворачивалась и не видела, смотрели ей в спину и хмурились, поглаживая рукоятки долоров. Но прилюдно никто не пытался бросать ей вызов. Возможно, дело было в строгом запрете поединков среди подрастающего поколения анай, возможно, в том, что девчонка умела обращаться с оружием. Даже ее пружинистая кошачья походка и то, как она носила на боку меч, говорили о том, что она действительно одна из лучших среди молодых Воинов. Ута на вопрос Рады, заданный как-то под вечер, когда Дани каким-то чудом рядом не оказалось, только мрачно сплюнула на землю, прищурившись, и проворчала:

— Девчонка очень неплоха с мечом, это правда. Только вот вряд ли ей когда-либо суждено занять высокий пост среди Каэрос.

— Почему? — уточнила Рада, хотя и сама прекрасно знала ответ на свой вопрос.

Ута мрачно пожала плечами и бросила:

— Потому что таких не уважают.

Чем дальше Рада приглядывалась к ней, тем больше убеждалась в том, что Ута права. Какие бы успехи ни делала Дани, как бы ни выставлялась, сколько бы ни притягивала к себе взглядов, а ни в одном из них тепла не было. Кое-кто из Ремесленниц, правда, смотрел на нее восхищенными глазами, да только таких были буквально единицы. Все остальные молчали и отделялись скупыми фразами, отводили глаза, не желая вступать с ней в разговоры или ввязываться в перепалки. Да и на то, как Дани крутится вокруг Рады, Младшие Сестры смотрели молчаливо и угрюмо, периодически перешептываясь между собой и качая головами. Хорошо еще, они видели, что Раду общество Дани не слишком-то веселит, потому пока что у нее самой с этим проблем не было. Но чем дальше крутилась возле нее проклятухая Клинок Рассвета, тем больше обострялась ситуация. Рано или поздно вопрос встанет ребром, и Рада мрачновато обдумывала свои перспективы. Набьешь морду

Дани — окрысится, будет вредить по-мелкому еще очень долго, такие как она всегда так делают. Не набьешь — не отвяжется до скончания века. Можно, конечно, было рассказать обо всем царице или старшим наставницам, но тогда выходило, что Рада ябедничает, а уж этого за ней никогда не водилось. Вот и приходилось сжимать зубы и рывкать помаленьку, когда девчонка слишком уж задиралась.

Сейчас Дани шагала рядом с ними с искоркой с таким видом, словно они пригласили ее побеседовать. Как всегда, на полкорпуса позади, чтобы со стороны создавалось впечатление, что она вовсе не докучает старшим, что она уважает их и скромно держится в стороне. Но в разговоре она от этого принимать участие не переставала, хоть ее никто и не звал.

Лицо искорки окаменело. Она даже головы не повернула в сторону Дани, но Рада ощутила изменение окружающей атмосферы: будто воздух сразу же резко похолодел, и дело тут было вовсе не в холодном восточном ветре.

Истолковав их молчание, как возможность и дальше вставлять комментарии, Дани продолжила:

— Не знаю, слышали ли вы про форт Серый Зуб. Это крепость анай на краю Роура, где мы раньше встречали атаки проклятых светом кочевников...

— Великая Царица объявила мир, — холодно заметила искорка. — Корты больше вам не враги, так что называть их «проклятыми светом» — большая глупость.

Рада осторожно взглянула на искорку. Видимо, Дани ее совсем припекла. Голос ее звучал ровно, да и слова были мягкими, но что-то такое было во всей ее позе, что они хлестнули, будто кнут.

Дани только слегка нахмурила брови, а затем мотнула головой, будто сбрасывая с себя прочь слова искорки, как пес отряхивается, вылезая из воды.

— Неважно, как их называть. Я о другом. Над фортом Серый Зуб всегда кипят облака, потому что это — огромная одинокая скала посреди ровной степи. Говорят, что именно в этом месте Аленна и Роксана без конца сражаются друг с другом, и ни Одна из Них не может взять верх.

— Мы слышали об этом, — проворчала сквозь зубы Рада, отворачиваясь. Раздражение буквально подбрасывало ее на месте, но сделать она с ним ничего не могла.

— Спорим, что вы не слышали историю мани царицы Лэйк — царицы Илейн и бывшей царицы Ларты, — самодовольно оскалилась Дани и заговорила почти что наставительным тоном. — Когда они обе были молоды, они поспорили, кто из них первой долетит до самого высокого пика Серого Зуба, и...

— Эту историю мы тоже знаем, Дани, — еще холоднее проговорила искорка, на этот раз повернувшись и посмотрев той в глаза внимательно и неотрывно. — Как и все остальные истории, что ты можешь рассказать. Поэтому будь добра, держи их при себе, договорились?

— Вы так уверены, что знаете все? — насмешливо вздернула бровь Клинок Рассвета. — Я могу...

— Ты можешь оставить нас и дать нам спокойно помолчать, — тихо проговорила Лиара, не сводя с нее глаз.

Несколько мгновений Дани рассматривала ее с насмешливым выражением лица, но глубоко в ее глазах зажглось ледяное пламя ярости. Потом она картинно взмахнула рукой и изобразила подобие поклона.

— Не буду вам докучать, Светозарная, — широко улыбнулась она Лиаре и повернулась к Раде: — Еще увидимся, Черный Ветер.

В молчании они с искоркой проводили Дани глазами, пока та действительно не отстала и не прибилась к компании Младших Сестер, идущих в стороне от них. И все равно Рада чувствовала на себе ее взгляд, хоть та и вступила в беседу с разулыбавшимися Ремесленницами.

— Как же она меня бесит! — вдруг тихонько заворчала рядом искорка, и Рада даже моргнула, поворачиваясь к ней. Та напряглась всем телом и бросала в сторону Дани косые взгляды из-под длинных пушистых ресниц. И голос у нее звучал похоже на кошачье шипение. — Просто невыносимая бхара!

— Не то слово, — со вздохом покивала Рада, устало потирая ладонью щеки.

— Почему ты не прогонишь ее? — взгляд Лиары походил на серую молнию: ударила Раде в лицо и сразу же пропала, как только девушка отвела глаза.

Внутри кольнула боль и тревога, и Рада подавила в себе желание обнять искорку за плечи. Сейчас они были на виду у всех Младших Сестер, и тем более, на виду у проклятущей Дани, а Рада уже от каждого чужого взгляда вздрагивала всем телом и не хотела, чтобы на них смотрели еще больше. Но она потянулась и осторожно забрала маленькую ладошку искорки в свою.

— Разве же я не пытаюсь это сделать? — Рада внимательно всмотрелась в лицо искорки. Та отводила глаза, на щеках выступили пятна гнева. Пожалуй, впервые на ее памяти Лиара злилась так сильно. — Ты же видишь, я только и делаю, что шугаю ее прочь, а она никак не отвязывается.

— Рада, ты ведь даже первой стреле сумела все внятно объяснить, а уж Лара, наверное, поопаснее будет, чем эта девчонка! — в голосе искорки зазвучал гнев.

— Маленькая моя, я обещаю тебе, что как только она даст повод, я сразу же решу эту проблему, клянусь. Думаешь, мне приятно, как она смотрит на тебя? Или что постоянно крутится вокруг нас? — Рада тяжело вздохнула, понимая, что на этом ее словарный запас иссяк, но и румянец гнева постепенно растворился на щеках искорки.

— Хорошо, если так, — это все, что та сказала, но руки из ладони Рады не забрала.

Дорога тянулась и тянулась вперед, наставницы не слишком-то торопились. Каэрос шли нога за ногу, болтая и смеясь. С погодой в этом году повезло, телеги быстро катили по укатанной в камень дороге, и к оговоренному в Роще сроку они вполне поспевали. Правда вот, Ута тоже недовольно поглядывала на восток, хмуря брови и ожидая не слишком теплой ночи.

С каждым часом ветер все крепчал, первые дождевые тучи затянули солнечный диск, бросив на мир однообразно-серый свет, а затем подтянулись и гигантские черные валы облаков, и издали слышались первые отдаленные раскаты грома. Почти сразу же вместе с ним пропел и рожок разведчиц, приказывая остановиться, и Ута, встав на козлах телеги во весь рост, хриплым голосом проорала:

— Привал! Скоро ливанет так, что мало не покажется! Так что пошевеливайтесь и ставьте палатки!

Рада почти что вздохнула с облегчением, чувствуя себя так, словно с плеч гору скинули. Палатка — она на двоих, значит, этой ночью назойливого внимания проклятой Дани можно не бояться и спокойно спать. Все предыдущие ночи стояла удушливая жара, и на земле под деревьями было гораздо уютнее, чем под тентом, так что Младшие Сестры палаток не раскладывали. А если бы Рада с Лиарой установили себе отдельный тент в стороне от всех, это выглядело бы странно. Пока ведь еще они формально не были женаты, хоть на деле все и

относились к ним, как к семейной паре. Кроме Дани, во всяком случае, больше смертников не было.

Выбитая за долгие годы тележными колесами колея уходила влево, в лес, от главной ведущей на север дороги. Анай бодро зашагали туда, сопровождаемые отдаленным рычанием грома где-то за низкими, тяжелыми облаками. Следом за ними покатила телега, переваливаясь на ухабах, мрачная Ута покрикивала на Каэрос, приказывая им пошевеливаться.

Впереди после прямого тоннеля, окаймленного со всех сторон деревьями, открылась выпилка шириной метров в сто, и в полсотню длиной. Узкий проход, по которому и проехала телега, со всех сторон окружали деревья, и Рада кивнула замыслу тех, кто организовывал это место для стоянки. Учитывая близость Роура, нужно было беречься от кочевников, и вряд ли их кони пройдут сквозь густой подлесок. Единственная тропа простреливалась на всем протяжении, а узкий проход с нее на поляну всегда можно загородить телегой. О такую преграду разобьется любая конница.

Выехав на поляну, Ута спрыгнула с телеги и поспешно приказав разбирать лагерь, принялась распрягать волов. Каэрос гурьбой направились к телеге, доверху набитой провизией и всем необходимым для долгого пути, а за спиной уже нарастало недовольное рычание, будто гигантский зверь выбирался из своей норы где-то за краем неба и грозно скалил зубы на разбудившее его солнце. Порывы ветра стали недовольными, резкими, нетерпеливыми, лес вокруг тревожно шумел.

Рада потянулась было к своему вещмешку, помеченному, чтобы сразу узнать, черной заплаткой, но чьи-то руки опередили ее. Дани вырвала ее вещмешок со свернутым тентом для палатки внутри почти что прямо у нее из-под носа и отступила на шаг, широко улыбаясь и громко объявляя:

— Не беспокойся, Черный Ветер, я вмиг поставлю для тебя тент.

— Отдай мне мои вещи, — угрожающе прорычала Рада, чувствуя, как закипает внутри ярость. Это уже было слишком, это было очень и очень чересчур!

— Мне это несложно, Рада, — покачала головой Дани, легонько кланяясь ей. — Все-то делов...

— Отдай вещи! — громче приказала Рада, уже не заботясь ни о чем.

Младшие Сестры вокруг удивленно поглядывали на них с Дани, но особенно времени глазеть у них не было. Гроза ворчала уже беспрестанно, с неба посыпались первые ледяные капли. Из-за телеги доносились проклятия Уты, несколько разведчиц вприпрыжку рванули к лесу, где под деревьями были сложены загодя поленицы дров.

— Я просто хочу помочь! — запротестовала Дани, мертвой хваткой вцепившись в вещмешок Рады.

Поняв, что сил чикаться и терпеть все это у нее уже не осталось, Рада взялась за мешок, тихо и угрожающе протолкнув сквозь зубы:

— Отпусти.

— Я могу... — вновь выкрикнула ей в лицо Дани, но вдруг ноги под ней подогнулись, и она с взвизгом опрокинулась навзничь. Мешок остался в ладонях Рады.

Рада не понимающе заморгала, отступая на шаг. Сама она ничего не делала, и не двинулась, ноги Дани не подсекала. Почему же тогда? Взгляд сам переполз на лицо искорки. На нем не было ровным счетом никакого выражения, лишь глаза сверкнули. Она стояла метрах в трех в стороне от суматохи у телеги, сложив на груди руки, и ветра степей обтекали

ее со всех сторон, не причиняя ровным счетом никакого неудобства.

Дани неуклюже завозилась на земле, пытаясь подняться, Младшие Сестры удивленно перешептывались и оглядывались на нее. Из-за телеги донесся раздраженный рык Уты:

— Что там еще? Кто глотку дерет?

— Все в порядке, — отозвалась Рада, а потом взглянула на Клинка Рассвета. Потирая зад и морщась от боли, та поднималась с земли.

— Меня что-то толкнуло, как будто под ноги подсекло! — вид у Дани был одновременно взъерошенный, удивленный и злой.

— Наверное, от усталости показалось, — негромко отозвалась Рада, придерживая под мышкой свой вещмешок. — Тебе не мешало бы отдохнуть, вон, с ног валишься на ровном месте. А я уж с палаткой как-нибудь сама справлюсь.

Дани неуверенно кивнула, недоуменно оглянувшись по сторонам. Естественно, никого из ведьм с ними ведь не было, а больше такую штуку никто не мог вытворить. Во всяком случае, так она, скорее всего, считала.

Отойдя вместе с искоркой в сторону от телеги, Рада принялась быстро развязывать стягивающие горлышко вещмешка узлы. Там прятался тент, который сейчас нужно будет быстро натянуть, укрепив колышками, и бежать, помогать другим управляться с их собственными палатками. Руки Рады действовали ловко и быстро: она проделывала это тысячи раз в Северных Провинциях, чего нельзя было сказать о Младших Сестрах Каэрос, которые привыкли ночевать в сараях и на сеновалах, когда покидали становище надолго.

Капли шумливо заколотили по земле и травам, по широким листьям, черным веткам деревьев. Но все это было в стороне, за границей поляны. Глаза искорки полыхали серебром, и она держала над головами анай невидимый купол из воздуха, уводя прочь дождь. Рада коротко взглянула на нее и улыбнулась уголком рта.

— Молодец, маленькая моя, — вполголоса проговорила она, вытаскивая из вещмешка плотно скатанный тент и принимаясь его разворачивать. И имела она в виду вовсе не дождь.

— То ли еще будет, — мрачновато отозвалась искорка.

Ох, Дани, лучше бы ты послушала меня и пошла учиться к кому-нибудь другому! Никакого сострадания внутри не было и в помине, только предвкушение и азарт. Рада даже попыталась пожуричь себя за это, напомнив, что она взрослая женщина, которой уже просто стыдно так себя вести, вот только азарт от этого так никуда и не делся.

===== Глава 43. После грозы =====

Порывы ветра с востока становились все резче, нетерпеливей, злее. Небо потемнело, и над головой с бешеной скоростью неслись темно-серые, переходящие местами в глубокую синь, тяжелые дождевые тучи. Лиара смотрела туда, подняв голову, словно замороженная, и не могла оторвать глаз.

Вокруг шумел лес, словно в предвкушении ненастья, то ли плакал, то ли кричал, то ли радовался наступающему буйству природы. Ветер в ярости кидался на высокие стволы вековых деревьев, и они гнулись, почти падали друг на друга, полоща ветвями по воздуху. Шумели заросли подлеска между высокими стволами, травы ложились к самой земле, испуганно сворачивали открытые венчики цветы. В один миг исчезли птицы, и насекомые, что до этого буквально наполняли своим жужжанием воздух, попрятались под листья и корни, ближе к земле, туда, где их не достанут тугие струи дождя.

Странное чувство охватило Лиару. Предвкушение чего-то страшного и бесконечно красивого одновременно, и это чувство было так знакомо ей. Оно возникло впервые тогда,

когда она увидела Раду в забытой богами таверне где-то в занюханном и заплеванном квартале Латрской бедноты. Оно же распирало грудь и перед Эрванским кряжем, что вздымался до самого неба, скрывая за своими пиками Семь Преград, куда впервые в истории вел их Алеор. Это чувство охватывало ее каждый раз, когда из немыслимой золотой дали, полной исходящего отовсюду и ниоткуда конкретно сияния, Лиаре в душу смотрели два огненных глаза, полные странного смеха, в котором была и радость, и вызов, и правда, и невероятная жажда жизни.

— Вот Ты, Грозная, — едва слышно прошептала Лиара, поворачиваясь к востоку и глядя на то, как с невероятной скоростью несется к ним гроза. — Вот и ты.

Горизонт был почти черным, и вокруг так стемнело, словно стояла ночь, хоть до заката солнца оставалось еще как минимум часа три. Густая синь затягивала все небо, видимое сквозь просеку, ведущую от поляны к дороге на север, и оттуда с немыслимой скоростью приближался ураган. Били в землю серебристые зубцы молний, тугие струи дождя надвигались сплошной стеной, ледяной и безжалостной, летящей так же быстро, как выпущенная из тугого рогового лука стрела. Крайние к просеке деревья истошно гнулись, почти ложились на землю под бешеными порывами ветра, словно пытаясь вжаться в грязь и укрыть головы руками-ветвями, спрятаться от ненастья.

Лиара выдохнула из легких весь воздух и впустила в себя грозу.

Это было... невероятно. Масса облаков, столь густая, будто насквозь промокшее ватное одеяло, столь тяжелая, что Лиаре вообще было непонятно, как она умудряется держаться в воздухе, несущаяся так быстро, словно Сама Реагрес летела впереди нее на Своих серебряных крыльях, погоняя бока туч, словно взбесившееся стадо быков, заставляя их двигаться все быстрее и быстрее, взметая все на своем пути. Тучи надвигались друг на друга, как скалы, как вздымающиеся на штормовых волнах борта кораблей, они врезались друг в друга с неотвратимой мощью, и от силы этих ударов рождался грохот, способный разорвать уши Лиары, если бы там, наверху, она была бы в собственном теле. Воздух буквально потрескивал от электричества, и зубцы жидкого огня, сгущенного до невыносимой концентрации в одной крохотной точке пространства, взрывались ослепительными вспышками, полосуюя окружающий воздух на мелкие кусочки.

Сложно было не потеряться в этой мощи, сложно было остаться собой на самом краешке бушующей стихии. На миг Лиаре показалось, что она осталась одна-одинешенька лицом к лицу с этим ураганом, и в мире больше нет ни единой живой души, лишь раскалывающий пополам небеса грохот, треск молний и порывы ветра, полные такой злобы, будто целью их было смести ее с лица земли, растереть в пыль, уничтожить.

Балансируя на грани бушующей стихии и себя самой, Лиара успела уплотнить воздух над поляной, на которой собрались анай, за несколько мгновений до того, как кипящая ярость Роксаны пала на их головы. Ветер сразу же прекратился, как и дождь, как и угроза схлопотать молнию по затылку: полусфера воздуха, которую удерживала Лиара, отводила ярость Огненной прочь.

Странно было видеть, как за невидимой границей щита бушует мир в своей первозданной силе и красоте. Тонны воды извергались из тяжелых, полных черноты туч, падали вниз, как ледяные камни, расшибаясь о выпуклую поверхность щита и скатываясь по ней вниз. Со стороны выглядело так, будто кто-то огромный поставил над лагерем стеклянную полусферу, и сквозь ее мутную поверхность из-за сплошного ливня было видно так плохо, что даже Лиара едва-едва могла разглядеть окружающий лес. Темнота заволокла

мир, и лишь рваные вспышки без конца разрывавших небо молний вырывали из нее очертания окружающего.

Лес теперь чувствовался полным первобытного ужаса, сводящей с ума и заставляющей биться в агонии паники. Деревья бешено хлестали ветвями по земле от ураганного ветра, словно люди, которые изо всех сил пытаются убежать как можно дальше от разбушевавшейся стихии, но не могут, врытые по пояс в землю. Небо кипело, бурлило, как полный воды котел, который растяпа-хозяйка забыла снять с большого огня, и из него извергались тугие и хлесткие струи ливня. Грохот стоял такой, что расслышать что-нибудь в нем было просто невозможно. Гроза бушевала прямо над ними, редела и бесновалась, как зверь, которого загнали в угол острыми палками, и он бросается в свою последнюю бессмысленную и яростную атаку.

На фоне того, что бушевало над ее головой и вокруг нее, суматоха анай на поляне казалась Лиаре чем-то незначительным и настолько неважным, что ей и дела до нее не было. Однако она все же оторвала глаза от неба над головой и рассеяно огляделась по сторонам, выискивая взглядом Раду. Ругаясь почему зря, та с помощью большого плоского гольша вбивала в землю деревянный колышек растяжки для палатки, и вспышки молний выхватывали из темноты ее судорожные движения и напряженную спину.

Взгляд Лиары скользнул дальше. Младшие Сестры, то и дело вжимая головы в плечи и сгибаясь в три погибели от оглушительных раскатов грома, быстро и не слишком умело боролись с палатками, кое-как раскладывая их и растягивая на поддерживающих их шестах. Кое-кто из Ремесленниц помогал Воинам, остальные сбились в кучу возле телеги, сжавшись там в комочки и встречая громким визгом каждый удар стихии.

Ута и взрослые Ремесленницы сражались с волнующимися волами: животные испуганно и протяжно мычали, качая круторогими головами, перебирая ногами и оглядываясь по сторонам. Судя по решительному лицу наставницы, сжимающей в руках сразу несколько поводов, ведущих к вдетым в нос быков кольцам, Ута была в состоянии уговорить их и не дать разбежаться от страха, куда глаза глядят.

Несколько Младших Сестер и вовсе не участвовали в общей деятельности. Открыв рты и выпучив глаза, они стояли и смотрели, как хлещущий с неба дождь скатывается по бокам невидимой сферы над их головами. Пока еще это странное явление заметили лишь они: остальные анай были слишком заняты развертыванием лагеря, чтобы смотреть по сторонам, но Лиара догадывалась, что совсем скоро к этой небольшой группе Младших Сестер подключатся и другие. Дани была среди этих девчонок.

На миг всколыхнувшаяся в груди ярость едва не разорвала в клочки всю ее концентрацию. Щит над головой дрогнул, и несколько ледяных капель пролилось вниз, больно стукнув Лиару по носу. Но она сразу же справилась с собой и вновь уплотнила воздух, не давая ни единой капле упасть вниз. Она не имела права выходить из себя сейчас. Сейчас нужно было помочь своему клану не промокнуть до последней нитки и не утонуть в грязи. Лиара знать не знала, болеют ли анай, но раз бессмертными они не были, значит, болеют. А коли так, то не хватало еще, чтобы кто-нибудь подхватил простуду из-за этого ненастья, тем более, по дороге в Рошу Великой Мани.

Но Дани по-настоящему выводила из себя, и Лиара с трудом удержалась оттого, чтобы использовать воздух и вытолкнуть ее прочь за границу невидимой сферы. Коли посидела бы там, наедине со своей Роксаной, мокрая, как мышь, не имеющая даже нитки, чтобы укрыть ей голову от ненастья, глядишь, и поняла бы, с кем имеет дело. Только поступи так Лиара, и

все, что они с таким трудом выстраивали с Радой за последние месяцы, разрушится на кусочки, рассыплется карточным домиком на ветру. Этого она допустить не могла.

Но я тебе еще покажу, Клинок Рассвета, мысленно пообещала Лиара, в упор глядя в спину разинувшей рот и разглядывающей небо над головой девчонки. Ты очень зря и в грош меня не ставишь, и еще более зря — докучаешь Раде. Мы еще посмотрим, что из этого выйдет.

Словно ощутив ее взгляд, Дани резко обернулась и взглянула прямо в глаза Лиаре. Та не стала отворачиваться или прятать взгляд, хоть и знала, что зрачки ее сейчас светятся отполированным серебром. Клинок Рассвета замерла, неотрывно глядя на нее, потом вжала голову в плечи и нервно сглотнула. Но не заорала, привлекая внимание всего остального клана к глазам Лиары, уже хорошо. Может, хоть капелька чести в ней все-таки есть, хотя Лиара очень крупно в этом сомневалась. Отвернувшись, она аккуратно уселась возле Рады и принялась помогать ей крепить палатку. Та в ответ только признательно кивнула головой. Все равно грохот в небе над ними не прекращался и был таким оглушительным, что можно было на пределе голосовых связок орать друг другу в уши, и все равно никто не услышал бы и звука.

Довольно скоро лихорадочная суета на поляне улеглась, примерно в то же время, в которое наставница Ута справилась с волами, стреножив их и привязав к крайним к поляне деревьям, чтобы не разбежались. Уперевшись кулаками в бока, она встала посреди поляны и оглядела Младших Сестер. Те, ковыряясь с палатками, с опаской поглядывали на нее. Все прекрасно знали: проигнорируешь наставницу вне зависимости от причины, будет только хуже. Те, кто первыми замечали наставницу, толкали тех, кто работал спиной к ней, и уже совсем скоро все глаза смотрели на нее.

Удовлетворенно кивнув, Ута сплюнула сквозь дырку между зубов, а потом ее руки быстро замелькали, отдавая приказания на языке жестов. Из них Лиара поняла не слишком-то много. Обучение языку жестов начиналось для Младших Сестер с первого дня в этой роли, а Рада с Лиарой опоздали к этому сроку месяца на два, и им пришлось нагонять тех девочек, что только в этом году побрили виски и получили долоры. Сестры, окружающие ее сейчас, изучали его уже больше четырех лет.

Несколько обрывочных слов — вот все, что Лиара поняла из долгой и пламенной речи Уты. Ключевыми из них были «костры», «мясо», «вода», но что с ними нужно было делать, Лиаре понять не удалось. Впрочем, этого нельзя было сказать об остальных Младших Сестрах. Уверенно кивая, они по нескольку человек срывались с места, образовывали группы, и эти группы принялись обустроить лагерь. Пятеро схватили небольшие походные лопатки и начали по большому кольцу окапывать лагерь, чтобы отвести воду, которая потечет из леса на поляну, если ливень затянется. Еще пятеро завозились с походными кострами, готовя ямки под них и натаскивая побольше хвороста от заготовленных загодя полениц. Большая часть сестер осталась ковыряться с палатками, но теперь работа перестала быть такой хаотичной, как поначалу. В действиях анай появилась слаженность, и один за другим, походные тенты словно грибы выросли на поляне. Ута запрягла в работу даже перепуганную кучку Ремесленниц возле телеги, наорав на них при помощи одних только жестов, и те бросились к задку телеги, принявшись вытаскивать оттуда походные котелки, провизию, посуду. Уже через четверть часа лагерь анай вновь превратился в спокойный собранный муравейник, где каждый точно знал, что и как ему делать. От паники и суматохи не осталось ни следа.

К тому времени Рада с Лиарой уже поставили свою палатку и принялись помогать другим. Младшие Сестры улыбались Лиаре, принимая ее помощь и жестами показывая ей, что делать. Кое-кто из них поглядывал на ее глаза несколько опасливо, но большая часть анай все равно отнеслась к их цвету совершенно спокойно. Серебряные и серебряные, чего тут такого? В лагере все знали, что Лиара того же рода, что и Держащая Щит анай, а та вытворяла такие чудеса, что и сильнейшим ведьмам было не под силу. Чего же тогда бояться? Радоваться надо, что с ними эльфийка. Приглядевшись, Лиара поняла, что некоторые из Младших Сестер поглядывают на нее даже с затаенной гордостью, словно она сделала что-то такое, чем можно было гордиться. Или — что для них было честью видеть ее в своих рядах.

От такой мысли все внутри сжалось, и Лиара украдкой утерла краешком ладони набежавшие на глаза слезы. Даже на ее родине, в городе Иллидаре, никто не был так рад ей, как эти странные суровые женщины из диких холодных гор. Наконец-то она нашла свое место, и от этого ощущения сердце в груди плавилось, и невыносимая нежность сжимала горло подступающими слезами. Хорошо еще, что вокруг было достаточно темно из-за ненастья, и слез ее никто не увидел. Разве что Рада, но она-то совершенно точно не скажет об этом ни слова ни одной живой душе.

Впрочем, все анай то и дело поглядывали на щит и качали головами. Но на лицах их было при этом лишь удивление.

Постепенно буйство стихии начало стихать. Грозная пронеслась над их головами в облаке грохота и сверкающих молний и устремилась куда-то дальше на восток, к неприступным заснеженным пикам гор. Вместе с Ней заспешили и Ее Сестры: тяжелые синие облака, казавшиеся такими неповоротливыми, словно небесных быков, угнала с гиканьем и свистом Среброглазая Реагрес, и небо постепенно просветлело.

Потоки воды перестали рушиться с устрашающей мощью на щит над их головами, и сквозь него вновь стало видно окружающий лес. Он все еще вздрагивал под последними порывами ветра, усталые деревья тяжело клонились, вяло откликаясь на его прикосновения. А потом и они тоже замерли, вымученные и обессиленные, роняя с отяжелевшей обвисшей листвы крупные градины слез. И следом за этим сквозь крохотное окошко в разрывах туч на западе прорвались ослепительные лучи солнечного Щита Роксаны. Словно Грозная, удовлетворившись бурей, которую устроила, ужасом, который на всех навела, теперь сменила гнев на милость и улыбалась Своим измученным детям, согревая их Своими прикосновениями.

Лиара ощутила, как какой-то тяжелый узел напряжения медленно растворяется в груди вместе с этими теплыми косыми лучами. Так оно всегда и бывает, Грозная. Ты приходишь в наши жизни, словно ураган, ломая и сметая все на Своем пути, в пыль руша все, что есть у нас, втаптывая в грязь наши мечты, чаяния и надежды. И когда кажется, что сил уже никаких не осталось, Ты вдруг улыбаешься нам и протягиваешь ладонь. И в этой ладони драгоценным алмазом сверкает Твоя любовь, а мы понимаем, что теперь-то мы наконец живы. И что весь Твой гнев — лишь Твоя бесконечная Милость, лишаящая нас того ненужного балласта, что мы волокли на своем горбу так долго и так тяжело.

Лиара улыбнулась и убрала щит. И сразу же свежий запах, такой густой, такой сладкий, такой нестерпимо вкусный ворвался внутрь сферы, где раньше не было ничего, кроме стоячего после долгого жаркого дня воздуха степей. Пахло землей и мокрым лесом, пахло мхами, пахло весной, жизнью, тысячами цветов, летним закатным небом, в котором уже

купались первые ласточки, не обращая ровным счетом никакого внимания на остатки облаков, которые поспешно разгонял прочь восточный ветер. Темно-синее полотно туч еще висело над горами на западе, но оно быстро отдалялось прочь, а полоса чистого синего летнего неба все ширилась и ширилась, и сквозь него победной песней лилось золота солнца.

Его косые лучи протыкали насквозь отмытый лес, такой радостный, будто улыбающийся во все щеки толстый малыш, которого угостили наливным сладким яблоком. Сверкали россыпями самоцветов дождевые капли на каждом листочке, застывшем в безмолвии тишины после бури, искрились нанизанные на тонкие паутинки капельки воды, точь-в-точь алмазы на длинной низке бус какой-нибудь модницы. Тяжелые темно-зеленые еловые лапы обросли по краям целыми огненными отблесками солнца, преломляющимися в дождевых каплях, ярко-зеленые шишки наконец-то отмылись от стародавней дневной пыли и теперь торчали как-то очень бодро и задорно, словно диковинные ожерелья на шеях ведьм. А резная тень от ажурной дубовой листвы медленно скользила по ковру из ярко-зеленой весенней травы, пушистого сверкающего мха и еловых иголок. И золотые лучи наполняли вымытый до чиста воздух каким-то невероятным золотым светом, от которого грудь Лиары буквально распирало, и ей на миг показалось, что она прямо сейчас задохнется от захлестывающего ее золота.

— Да уж, сегодня Грозная повеселилась на славу, — ухмыльнулась рядом с ней Орлиная Дочь Мая из становища Окун, которой Лиара помогала устанавливать последнюю палатку. Завязывая веревку крепежа вокруг вбитого в землю колышка, Мая поглядывала то на быстро светлеющее небо, то на Лиару, и в глазах ее было какое-то странное выражение: восхищения, смешанного с легким страхом и уважением. — Я такой грозы уже много лет не видела, — добавила она, отряхивая руки и поднимаясь с колен.

— Как и я, — тихонько проговорила Лиара, но мыслями она сейчас была очень далеко.

Быстрые маленькие ласточки скользили в небе, разрезая его своими треугольными крыльшками, попискивая и сверкая в лучах закатного солнца плотными мокрыми спинками. Они купались в запахе и свете лета, в его свежести, в его стучащем золотом сердце, беззаботные, свободные, позабывшие обо всем на свете, кроме своего полета. Словно и не было каких-то несколько минут назад оглушительного грохота грозы, бешеных порывов ветра, тугих струй дождя. Может, только мне и было страшно на самом-то деле? Может, ласточкам и дела вовсе нет до того, как бушует над их головами Грозная? Они прекрасно и сами знают, что буря скоро закончится, и что после нее все будет лучше, чем раньше? Свежее, чище, красивее.

Лиара сморщилась, когда лучи солнца брызнули в глаза, и тихонько захихикала от удовольствия. Будто толстый рыжий кот смешно щекотал ее щеки усами, утыкаясь своей лобастой мордой прямо ей в лицо.

— Искорка! — негромко позвала Рада, и она обернулась.

Закатные лучи подождли золотом волосы Рады, и лицо ее сейчас светилось каким-то совершенно точно неземным светом. И это было так красиво, что Лиара залюбовалась, в который раз уже теряя голову. Ты и правда выбрала ее для Себя, Грозная. Она из солнца соткана, а не из звездного света, как все остальные эльфы. И разве может быть такое?

— Пойдем к костру, — позвала Рада, осторожно беря ее за руку. Она всегда старалась быть осторожной с Лиарой, хоть во всем остальном была медведь медведем, да еще и разбуженный до срока, голодный и с больным зубом. Но ладонь Лиары она всегда брала в

свои руки так нежно и аккуратно, словно маленького, едва рожденного птенчика, что случайно выпал из гнезда. Темно-синие глаза в окружении мягких морщинок нежности обняли Лиару теплом. — Там уже приготовили ужин, и тебе, как нашей героине и спасительнице, сегодня полагается первая порция каши.

За шутливым тоном Рады скрывалась такая сводящая с ума нежность, что Лиара зарделась и потупила глаза. И не за что было ее вовсе благодарить. Она всего лишь создала ограждающий от дождя щит, чего ж в этом такого-то? Любой бы из них мог сделать это, если бы у него была эльфийская кровь. Но говорить это вслух она не стала. Слишком с большой нежностью смотрела на нее Рада, да и эта тихая гордость в глазах Младших Сестер так никуда и не делась. Позволь себе хотя бы на одну минутку почувствовать себя счастливой. Позволь им поблагодарить тебя за твою помощь. Разве же в этом есть что-то плохое или неправильное? Разве не имеют ли они того же права выказывать благодарность за помощь тебе, когда ты сама только и стремишься к тому, чтобы отблагодарить их за то, что они взяли тебя?

— Никогда такой штуки не видела, — безапелляционно заявила Ута, цыкнув зубом и одобрительно глядя на Лиару, когда они подошли к костру. — Слышала, конечно, что вы, бессмертные, еще и не такие штуки вытворять можете, но своими глазами не видела. Так что ты, девочка, уж совершенно точно заработала сегодня лучший кусок в отличие от всех остальных лентяек, которые даже палатку поставить не в состоянии! — грозный взгляд Уты пробежался по лицам Младших Сестер, присевших у ее костра и у соседних.

— А как же Держащая Щит, наставница? — подала от соседнего костра голос лопухая черноволосая Двурукая Кошка Илай. — Говорят, во время Великой Войны она даже Мембрану создала посреди Роурской степи! Я слышала, мне старшие разведчицы рассказывали!

Сидящие вокруг нее сестры одобрительно зашумели, подтверждая сказанное, и Ута недовольно зыркнула на них темным глазом.

— Держащая Щит — одно дело, ей на роду было написано, что она станет величайшей среди нас. И как ты думаешь, коли она создала Мембрану через Роур, не дающую пройти дермакам, стала бы она размениваться и тратить силы на то, чтобы прикрыть от дождя и ветра твою худую и костлявую задницу? Что, других дел у нее что ли нету? — Младшие Сестры засмеялись на язвительное замечание Уты. Сидящая рядом с Илай Ремесленница Ида из каменотесов даже ткнула ее в плечо огромным кулаком, едва ли не таким же здоровенным, как у самой царицы Лэйк, и Илай повесила голову, пряча румянец. А Ута продолжила, бросив смеющийся взгляд на Лиару. — Светозарная — другое дело. У нее достаточно доброе сердце, чтобы не позволять Роксане хорошенько погонять твоих блох, хотя, возможно, и стоило бы позволить. Глядишь, это бы тебе ума прибавило.

Остальные Младшие Сестры загоготали, а Лиара смущенно огляделась. Повсюду были улыбающиеся лица, и в карих глазах маленьких Каэрос светилась самая настоящая благодарность и гордость. Гордость, что она — одна из них. Как мне благодарить Тебя за это, Великая Мани? Как благодарить за то, что я теперь не одна?

Солнце медленно опускалось за горизонт, от грозы не осталось уже ни следа на безоблачном голубом небе, и ласточки танцевали и плескались в нем, подставляя маленькие тельца теплым закатным лучам. И хоть было еще достаточно рано, чтобы ложиться спать, в путь сегодня никто выступать не собирался. Ута язвительно сообщила, что лучше было бы «мелким кобылам» хорошенько помесить грязь, чтобы к моменту встречи с Роксаной в Роце

жирка-то у них поубавилось. А то ведь Грозная может решить, что жизнь им слишком широко и радостно улыбается, да и послать на Сол какое-нибудь несчастье, дабы в очередной раз проверить крепость их веры. Но все это брюзжание скрывало под собой довольную улыбку наставницы, и она милостиво дала старшим Ремесленницам и молодняку уговорить себя остаться здесь.

Каким-то совершенно чудесным образом при том, что в поездку с собой брали только продукты, фураж и вещи первой необходимости, на поляне появился маленький барабанчик, обшитый кожей, пара свирелей и даже одна скрипка. Ута «не заметила», как Ремесленницы распустили волосы, разулись и пустились в пляс вместе с разведчицами под аккомпанемент веселой мелодии и оранжевые лучи закатного солнца. Лиара тоже потянула Раду танцевать, и та самым удивительным образом согласилась на это гораздо охотнее, чем в прошлый раз.

Как же хорошо было наконец-то размять ноги! Пусть они и шагали весь день по дорожной пылище, которая сверху донизу покрывала их ровным серым цветом, и ноги гудели после долгого перехода. Но сбросить надоевшую обувь и пуститься в пляс босяком по теплой земле, поросшей мягкой травой, которую в этом году еще не успели ни разу примять тяжелые тележные колеса, — как же это было хорошо! Запрокинув голову и смеясь от счастья, Лиара кружилась в руках Рады, и сладость этого летнего вечера вплеталась в ее волосы, золотом наполняя грудь, вырывалась из горла смехом и песней.

Танцы продолжались долго, гораздо дольше, чем предполагала Лиара, учитывая, какой долгий путь они прошли за предыдущие недели. Но вместе с отгорающим на западе закатом веселье медленно начало стихать. В конце концов, завтра снова в путь, и на этот раз дорога будет уже тяжелее. Мощный ливень, скорее всего, превратил разбитое дорожное полотно в размокшую глину, в которой будут увязать колеса телеги, да и ноги самих анай не слишком-то от них отстанут.

В конце концов, Младшие Сестры принялись укладываться. В густых синих сумерках сверху на лагерь смотрели серебристые звезды, но собирать палатки и расстилать одеяла под чистым небом никто не стал. После дождя похолодало, ночной воздух даже слегка покусывал щеки, заставляя Лиару ежиться и тулиться поближе к теплому боку Рады, а это означало, что к рассвету будет и вовсе стыло. В такой ситуации для не имеющих крыльев, чтобы согреться, Младших Сестер палатка становилась лучшим вариантом.

Только вот самой Лиаре спать вовсе не хотелось. В груди все звенело и звенело, не давая покоя, и ей казалось, что она буквально задыхается, что еще чуть-чуть — и она лопнет, будто мыльный пузырь, который неспешно поднимают к небу воздушные потоки. Что-то набухало в середине груди, раскрывалось тугим бутонем, требующим солнца, и от этого ощущения Лиара вся затрепетала, как листок на ветру. Так давно его не было! Дела, заботы, тяготы путешествия, занятость учебы, долгие-долгие дни, полные стремления и суматохи, как-то оттеснили прочь песню, что прорастала в ее груди дикими цветами, и теперь, наконец-то, пришло ее время.

Ута и Рада, вытянув ноги к горящему костру и покуривая, неспешно беседовали о преимуществах разного вида оружия в поединках и строевом бою. Две Ремесленницы из трех, что сопровождали молодняк, Фэйр и Зей из становища Сол, развалились на своих подстилках, передавая друг другу флягу с чем-то, явно крепче воды, от чего Ута, только поморщившись, отказалась. Третья, Имар, невысокая пухленькая Садовница, уже ушла спать в свою палатку. Решив, что она никому не мешает, если тихонько поиграет для себя совсем немного, Лиара осторожно поднялась с земли.

— Ты куда, искорка? — в голос Рады слышалась ленивая сонливость. Последние полчаса она то и дело широко зевала, прикрывая рот кулаком, а значит, совсем скоро захочет спать. Вот только золотой бутон у Лиары в груди требовал так настойчиво, так призывно, что она не в состоянии была сопротивляться этому зову.

— За арфой, — тихонько ответила она, надеясь, что никто не обратит на это внимания, но Ута встрепелась, и взгляд ее сразу же стал цепким.

— Значит, споешь нам что-нибудь?

Лиара замаялась, не зная, что на это ответить. Она собиралась сейчас что-нибудь сыграть, но больше для самой себя, потому что ей самой хотелось. Тем более, что Рада выглядела сонной, да и многие в лагере уже спали, завернувшись в свои одеяла, и кое из каких палаток доносился храп.

Вот только старшие уже заинтересовались происходящим. Фэйр, кузнец из соседнего с Сол становища, широкоплечая и приземистая, с волосами, собранными во множество приплетенных к самой голове косичек, пошевелилась на своих одеялах, присаживаясь и с интересом глядя на Лиару. Рядом с хрустом покачала из стороны в сторону головой кровельщица Зей, высокая женщина с обильно пересыпанными сединой волосами и мягкими морщинками улыбок в уголках глаз. Обе они выжидающе смотрели на Лиару, и она совсем ступевалась под их взглядами. Одно дело, когда ее просили сыграть молодые, которым не терпелось послушать о подвигах и приключениях. Но Ута с Зей были старше Лиары как минимум на одну сотню лет и имели уже собственных внучек, успевших испытать из Источника Рождения, а то и внучек внучек.

— Спой что-нибудь, искорка, — тихо и нежно попросила Рада, выпрямляясь и глядя на нее. — Я так люблю, как ты поешь, так скучаю по этому.

— Ну ладно... — неуверенно протянула она. — Тогда возьму арфу и вернусь к вам.

Кожаный чехол с арфой отыскался в их палатке, аккуратно уложенный Радой поверх пустых вещмешков, чтобы не подмок, если все-таки вода из леса преодолет вырытый Младшими Сестрами желоб вокруг лагеря и потечет вниз по склону. Лиара улыбнулась и подняла инструмент, чувствуя, как назойливо пульсирует жар в груди. Как же давно она не пела!.. Кажется, целую вечность.

Но все-таки до сих пор это было непривычно: петь свои песни не только самым близким, в узком кругу тех, кто не раз слышал ее, но и тем, кого она еще не слишком хорошо знала. В спокойных глазах анай было лишь ожидание, и они улыбались ей, пока она неловко садилась рядом с Радой на подстилку у костра и принялась подстраивать инструмент.

— Как-то я слышала, как ты поешь, Светозарная, — голос Зей был хриловатым, но мягким, как густой липовый мед. — Странно, что тебе дали именно такое имя. Я бы назвала тебя Соловушкой, не иначе.

Лиара и вовсе смешалась от таких слов, не зная, куда деть глаза.

— Смотри, сейчас ведь сбежит, — хмыкнула Ута, разглядывая ее. — Или играть не сможет. Ишь, как смущается!

— Не бойся, Светозарная, — Фэйр дружески подмигнула ей. Несмотря на свои широченные плечи и телосложение кузнеца, голос у нее был удивительно нежный и высокий, да и старше Лиары она была всего-то на полтора десятка лет, не больше. — Ты у нас сегодня такое чудо чудесное вытворила, спасла всех от дождя. Так что даже если ты перевернешь все ноты и забудешь все слова, мы и слова не скажем. Тебе сегодня все можно.

— Ты и так ей слова не скажешь, Фэйр, и вовсе не из-за того, что она сделала, —

хмыкнула Зей, покосившись на нее. — Все прекрасно знают, что тебе в детстве медведь на ухо наступил, и ты вряд ли отличишь кваканье лягушки от пения жаворонка.

Лиара тихонько рассмеялась вместе со всеми. Анай принялись поддразнивать друг друга совсем по-домашнему, так, как дразнятся люди, которые знают друг друга много лет и прошли вместе через очень многое. Рада смеялась с ними, то и дело поглядывая на Лиару, и в ее теплых, как лето, глазах отражались языки пламени. И Лиара чуть-чуть приободрилась, решив, что стесняться ей действительно не стоит.

Пальцы сами легли на струны, пробежали по ним, беря первые аккорды. Она внимательно прислушивалась к распускающемуся в груди бутону, пытаясь понять, что же это будет? Какая песня придет к ней сегодня? О чем бы ей сейчас хотелось спеть?

Столько всего случилось за этот день, столько всего произошло с того момента, как она впервые попала к анай. Целая жизнь, действительно, маленькая жизнь, такая правильная, такая красивая. И петь хотелось о каждом дне, о каждом лучике солнца, о каждой улыбке, в которой была дружеская поддержка. Все было равноценно важно, и тысячи сюжетов разноцветным хороводом проносились перед глазами Лиары, маня ее, будто рыбки сверкающей на солнце чешуей.

Великая Война и мир с вельдами. Держащая Щит, в чьих глазах застыла вечность, и Великая Царица, совершившая невозможное. Или одноглазая волчица с настоящими орлиными крыльями за спиной. Или нимфа, последняя нимфа Этлана, что каким-то странным образом попала в Данарские горы по воле Грозной, дабы уничтожить разом тысячи тысяч дермаков, что обрушивались на Роур. О чем спеть, о ком из них?

Наверное, стоит начать сначала. Всегда надо начинать сначала — иначе-то историю не расскажешь. Лиара улыбнулась, погружаясь в золотые переливы внутри собственной груди, чувствуя, как это золото начинает течь сквозь нее в мир, в мокрые от дождя листья, в серебристые звезды, в огромную пустоту меж ними, которой нет конца и края. И как там точно также пульсирует то же самое, огромное, невыносимо красивое, тише трепета крылышек стрекозы, громче разрывающего небо пополам грома. Великий Ритм, который всегда был здесь, извечно звучал в ней самой и во всем вокруг.

Пальцы легли на струны. Сначала. С самого первого и самого главного. Закрыв глаза, она запела слова, что будто золотой волной замелькали перед глазами, что рвались из сердца весенним ветром и рушащимся со скал бурливым потоком талых снегов.

Небо на востоке цвета запекшейся крови,

Знаменем Богини расплескался рассвет.

Ласковой рукой огонь твое тело обнял.

Жди меня там, где солнце — я пойду вослед.

За павшими не плачут, за павшими на плачут.

Все правильно, с самого начала. А что было в начале? Лиара слышала истории про Лэйк и Эрис, про их мани и ману, про нападение на становище Сол, когда корты устроили дерзкий налет в самый священный для анай праздник, и во время сражения за становище погибла царица Илейн. Конечно, не это было началом, да и разве было начало у тысячи тысяч глаз, полных невероятного света, полных силы, той самой силы, что сейчас неистово бесновалась под ребрами у Лиары? Разве было начало у вселенных, у комет и звезд, у вросших в землю корнями гор и маленького голубого венчика василька, раскачивающегося на ветру? Разве было у них начало?

Там, куда мы придем, горы выше неба,

Солнце разливается в сердце — и в глазах, и за спиной.

Вот и ты, родная, вот глаза твои, небыль -

Небыль что затянута вечной синевой.

Прими меня, Богиня! Прими меня, Богиня.

Только об этом Лиара и просила Грозную, просила всем сердцем изо дня в день. Может быть, не так, как просили остальные анай. Вовсе не потому, что лежала на погребальном костре и готовилась подняться к Ее огненному Трону. А потому, что для нее Роксана означала Жизнь, и этой Жизни Лиара хотела отдать себя всей собой, без остатка и навсегда.

Я собрала Тебе кровь Твоих врагов на клинок,

Огненная, я пришла к Тебе и к той, с кем мое сердце вечно.

Время — что вода, ушедшая в седой речной песок.

Мы с тобой, родная, теперь летаем в небе над Тропою Млечной

И глаза богини ярче раскаленного костра,

И твоя ладонь в моей руке теплей, чем летний зной.

Наших сбереги детей, Роксана, Небесная Сестра.

Мы благодарим тебя за право встать рядом с Тобой!

И наши сердца стали едины, наши сердца стали едины.

О ком она пела сейчас? О родителях Лэйк и Эрис? О себе и Раде? О тысяче других женщин с глазами-звездами, которые рождались, любили и кровью своей поливали этот суровый край холодных гор и свободных ветров?

Пальцы перебирали струны, и напев становился все сильнее, все звонче. Арфа пела требовательно и громко, почти победным маршем она звала к тому самому солнцу, к тому самому алому рассвету, в который с головой ныряли тысячи и тысячи анай наперекор судьбе и ветрам, наперекор страхам и смерти, наперекор всему. Как я горжусь возможностью быть одной из них, Роксана!

Болезненно взметнувшись к самому небу, как высокие языки костра, мотив стал мягче нежнее, светлее. И теперь в нем плакала грусть, тоска по ушедшим, одна единственная никогда не заживающая рана потерь.

В небе на востоке поднимается солнце.

Дочь Огня, дитя мое, не плачь — мы смотрим на тебя.

Мани твоя и моя любовь синеокая смеется,

Пламя за ее спиной искрится, облака дробя...

Вы — наша кровь и вечность.

Сердца стали едины.

За павшими не плачут.

Встречай нас, Богиня.*

Еще несколько золотых переливов, и все. Пальцы Лиары замерли на струнах, и она медленно открыла глаза. Сначала перед ними не было ничего, кроме все того же мощного золотого ритма, музыки, что плела сама вечность, потом сквозь него медленно проступили лица собравшихся у костра.

Лиара оглядывала их и не понимала, что видит. На лице Уты впервые за все время не было вечно язвительного и недовольного выражения. Глаза ее широко открылись, будто у ребенка, который впервые смотрел в небо, а губы тихонько шевелились, будто наставница все пыталась что-то сказать и никак не могла найти слов. Зей низко склонилась вперед, двумя пальцами потирая переносицу, плечи ее тихо вздрагивали, отсветы огня играли на

серебристых прядях.

— Ох, Илейн! — тихо прошептала она, покачав головой.

Фэйр тоже смотрела широко открытыми глазами, как и Ута. Но здесь были не только они. Из палаток повылезали не успевшие уснуть сестры. Тех, кто уже задремал, растолкали и заставили выйти послушать. Десятки пар глаз устремились на Лиару с каким-то невероятным голодом и ожиданием, словно прямо сейчас она сделала что-то очень значимое для них.

И Рада улыбалась, улыбалась так нежно, а пальцы ее, как и всегда, с превеликой осторожностью накрыли ладошку искорки, лежащую на изгибе арфы.

— Проклятье, Лэйк должна это услышать, — прохрипела Фэйр, делая огромный глоток из фляги и морщась. От ее высокого звонкого голоса не осталось и следа, теперь его сменили хриплые слезы.

Ута же только покачала головой, а потом совершенно неожиданно склонила перед Лиарой голову в странном поклоне.

— Светозарная, — скрипучим голосом проговорила Наставница и резко вскинула голову. Глаза ее горели гораздо ярче алого костра, разделяющего их. Вскинув кулак, она торжественно крикнула: — Светозарная!

И когда остальные анай поддержали ее радостным ревом, повторяя и повторяя это имя, Лиара спрятала лицо в ладошки и заплакала, уже не в силах скрывать слез благодарности. Спасибо Тебе, Великая Мани, за все! Спасибо!

* Стихи песни принадлежат авторству Aelah.

===== Глава 44. Дом Великой Мани =====

С той самой грозы над Роуром зарядили дожди. Погода стояла переменчивая, ветер без конца гнал по небу тучи, в разрывах между которыми то и дело проглядывало солнце. Порой дождь шел всю ночь подряд, заливая окрестные леса и превращая землю под ногами в чавкающую размокшую грязь. Порой солнце удерживалось на небе чуть дольше, разгоняя прочь тучи, и тогда ночи были звездными, но не по-летнему холодными.

— Все никак не разберутся, — ворчала Зей, поглядывая на небо и одобрительно хмуря брови. — Вечно Они так, коли уж сцепятся, то надолго. Ни Одна Другой проходу и спуску не даст.

В голосе ее звучало одобрение, словно говорила она не о своих Богинях, Роксане и Аленне, а о каких-нибудь особенно горячих Младших Сестрах, без конца дерущихся друг с другом и не желающих уступать.

Рада порой тоже поглядывала на небо, гадая, кто же из Них, в конце концов, победит. За последние месяцы в ее отношении к Небесным Сестрам появилось что-то очень личное. Раньше она никогда не воспринимала богов так — имеющими лица, тело, характер. Конечно, Грозара Рада всю жизнь считала своим покровителем, ведь она была воином, а Грозар — богом войны. Но Жрецы настолько присвоили его себе, возведя во что-то совершенно безличное, безымянное и чужое, что Рада обращалась к нему скорее по привычке, как к собственному внутреннему голосу, с которым можно вести долгие беседы и даже споры, зная, что тебе за это ровным счетом ничего не будет. Даже если ты скажешь такую гадость, что у кого угодно глаза на лоб повылезают.

С Роксаной все было иначе. Рада чувствовала к Ней что-то очень, очень интимное, какую-то глубокую внутреннюю нежность и гордость. Странно было ощущать такие эмоции по отношению к Богине. Ее всегда учили, что их надо бояться, что боги только и делают, что

ревностно следят за тем, как лично она грешит на этой земле. Будто им делать нечего, как мусоля карандаш и высунув язык от усердия, записывать в оооочень толстую книжечку все ее промахи, неудачи и неправильные мысли. Кому-кому, а уж Роксане-то до этого точно никакого дела не было. Раде порой приходили на память Ее огненные глаза, которые она видела в пламени во время церемонии бритья висков и принятия долора. В этих глазах было что угодно, кроме идиотского желания пересчитать все твои ошибки. В них была сила.

Та же сила угрожающе и недовольно грохотала в разрывах туч над головой, неслась с бешеными порывами ветра, клоня деревья к земле. Сила эта проливалась тысячью дождевых капель, таких ледяных и секущих кожу, что хотелось выть, но при этом полных неумолимой мощи, заставляющей каждое крохотное семечко, каждую полусохшую почку расцветать и раскрываться к солнечным лучам. Эта сила горела в ослепительном сиянии Щита Роксаны, и Рада поняла, что порой испытывает самый настоящий трепет, глядя на него. Ты, Огненная, шагаешь по миру. И мне все равно, есть ли у Тебя лицо, есть ли у Тебя имя. Я чувствую Тебя. Разве нужно что-то еще?

Изо дня в день они брели по размокшей в грязищу дороге, продвигаясь все дальше и дальше на север. Волы натужно дышали, выволакивая глубоко ушедшие в глину тележные колеса, Младшие Сестры попритихли, устало передвигая ноги, на которых налипли громадные грязевые наросты. Ута и старшие наставницы сидели на козлах, нахохленные будто воробьи, и даже не особенно сильно покрикивали на тех из анай, кто сходил с тропы в надежде, что по непаханой, заросшей жесткой травой земле Роура идти будет легче, чем по разбитой в кашу дороге. Впрочем, они почти сразу же и возвращались назад, так как непонятно еще, что было хуже: тяжелая липкая грязь или перепутанная жесткая щетина травы, в которой запутывались ноги.

— Скорей бы уже крылья за спину, — устало пробормотала бредущая на шаг позади Рады Дани, вяло почесывая спину. В голосе ее звучала едва ли не обида. — По воздуху-то легче, чем по этой каше.

Как и всегда, Рада ничего не ответила на это замечание. Дани у нее уже в печенках сидела, и говорить с ней было выше ее сил. Впрочем, в последнее время свой пыл она все-таки несколько подрастеряла, и дождь был не единственной тому причиной.

Каждый вечер, а иногда и днем, с Дани теперь случались маленькие курьезные происшествия. Не такие, чтобы действительно нанести вред, но весьма чувствительные все вместе. Девчонка всюю кляла Жестокую, что насмехалась над ней и посылала ей испытания, дабы закалить ее веру, а Рада все чаще поглядывала на искорку, довольно быстро смекнув, что к чему.

Впервые это случилось на следующий вечер после грозы. Они уже спали, вымотанные после целого дня ходьбы по грязище, когда лагерь разбудил громкий взвизг. Оказалось, что Дани расставила свою палатку поблизости от муравейника, и рыжие муравьи очень заинтересовались как не помытой после еды посудой под ее кровом, так и ей самой. С визгами девчонка вылетела из палатки стрелой и принялась остервенело чесаться, одновременно с этим сдирая с себя одежду, чтобы вытрясти из ее складок муравьев. А разбуженная и злая Ута еще и добавила ей сверху хорошенькую порцию ругани за то, что перед сном нерадивая Младшая Сестра не посмотрела, где разбивать палатку.

— Я клянусь, наставница, я смотрела! — причитала Дани, остервенело скребя себе спину. — Не было там никаких муравьев!

— Ну и откуда тогда взялся муравейник, мани твою за ногу? Тем более ночью, когда все

эти твари спят? — Ута почти что огнем дышала от ярости. — Они бы не выползли, если бы ты их не растормошила!

— Но это не так! — оправдывалась Дани. — Я не знаю, откуда они здесь взялись, но их не было, когда я ставила палатку!

— Это твоих мозгов здесь в этот момент не было! — рычала Ута. — И где же ты их позабыла? В карманах Рады дель Каэрос?! Давай, твою мани, переставляй свой проклятый тент, и заткни уже пасть, все спать хотят!

Рада запахла полог палатки, помянув недобрым словом и Дани, и Уту, и муравьев, что перебудили весь лагерь посреди ночи. Голова раскальвалась, и спать ей хотелось так, что от зевков едва челюсть не вывихивалась.

— Бестолковая Клинок Рассвета, — пробормотала она, закутываясь в одеяло и притягивая к себе теплую искорку. — Хорошо еще, она одна в палатке спит. А то вою было бы вдвое больше.

— Спи, моя радость, — мягко проговорила искорка, сворачиваясь у нее под боком в теплый клубочек. — Спи. До утра еще далеко.

Голос ее звучал как-то странно довольно, но Рада была слишком усталой и сонной в тот момент, чтобы выяснять причину этого.

На следующий день солнце яростно палило своими лучами вымокшую землю, и воздух стал влажным и горячим от испарений. Дышалось тяжело, Рада потом обливалась на солнцепеке, но хоть пыль дождем прибило, да и грязь быстро высыхала под ногами, что уже поднимало настроение и облегчало шаг. Дани, как ни в чем не бывало, пристроилась рядом с ними с искоркой и опять начала разглагольствовать об обычаях Каэрос и рассказывать Раде байки из казарм разведчиц и с Плато Младших Сестер. Только продолжалось это недолго: на нее сразу же набросились три жирных черных овода. И если поначалу девчонка пыталась их игнорировать, потом замахала руками, отгоняя их прочь, то, в конце концов она, пискнув, удрала к обочине дороги под редкую тень деревьев, надрала там веток и принялась отчаянно хлестать себя по плечам, прогоняя прочь назойливых кровососов.

— Смотри-ка, как они на нее набросились, — в голосе Лиары слышалась едкая нотка, тщательно упрятанная под искреннее соболезнование. — Даже не успела дорассказать нам свою захватывающую историю.

Рада скосила глаза на искорку, чувствуя какое-то легкое подозрение. Лицо Лиары было спокойным, но в уголках глаз и губ застыло удовлетворение, а взгляд стал хищным. Рада вдруг подумала, что за все эти дни в пути ни один кровосос не тронул их с искоркой, в то время, как над волами они вились облаком, и наставницы то и дело хмуро ругались, отгоняя их прочь.

Решив уточнить, она аккуратно спросила:

— Ты имеешь к этому какое-то отношение?

— Я? Нет, конечно, — на нее поднялись два совершенно невинных серых глаза, на дне которых горел очень нехороший огонек. — Разве я могу приказывать оводам, Рада? Да и зачем мне это делать?

Несколько секунд Рада всматривалась в ее глаза, но решила, что лучше все-таки промолчать и оставить свои мысли при себе.

Еще ночь, и на утро Дани проснулась в луже дождевой воды, хоть и ставила палатку на высоком месте, да и над лагерем Лиара растянула на ночь свой невидимый купол, отталкивающий дождь. Когда начали выяснять, как так получилось, оказалось, что дождевые

потоки подмыли в одном месте канаву, что вырыли Младшие Сестры для отвода воды, и место это оказалось как раз возле палатки Дани. И натекло в нее воды достаточно, чтобы та всю ночь стучала зубами, и, в конце концов, ушла к костру дежурных, чтобы хоть как-то согреться.

На следующую ночь был крот, выкопавшийся в ее палатке и погрызший сапоги Дани, пока она спала. Крот выкусил достаточно большую дыру, и теперь в нее светил большой палец ее левой ноги, в те моменты, когда хоть что-нибудь можно было разглядеть под толстым слоем дорожной грязи. Рада никогда раньше не слышала о том, чтобы кроты интересовались чужими сапогами.

Младшие Сестры теперь посматривали на Дани с сочувствием, поминая плохую удачу. А Клинок Рассвета упрямо отказывалась признавать, что так и есть, хоть и бурчала под нос про жестокость Милосердной, когда никто не мог ее слышать. Она все равно из последних сил держала лицо, равнодушно пожимая плечами и с легкой улыбкой заявляя, что такие мелочи ей ни по чем. Но все чаще стала хмуриться, поглядывая на небо, и не так уж усердно теперь ошивалась возле Рады с искоркой. Похоже, собственные проблемы слегка отбили у нее желание лезть в чужую жизнь.

Как-то вечером Рада не утерпела и все-таки решила поговорить обо всем с Лиарой начистоту. Как раз перед этим Дани споткнулась на ровном месте и шлепнулась руками прямо в кучу с навозом, который сгребали лопатами Младшие Сестры в сторону от коновязи волов. Громкие вопли Младшей Сестры привлекли всеобщее внимание. Она всюду кляла собственные ноги, поехавшие на ровном месте, и непролазную грязь.

— Признайся, это ведь ты делаешь, — тихонько пробормотала Рада, наклоняясь к искорке так, чтобы никто кроме них не слышал.

— Что делаю? — удивленно воззрилась на нее Лиара.

— Все эти вещи, — Рада кивком головы указала на Дани, которая с отвращением пыталась стереть с ладоней навоз сорванными пучками мокрой травы. Сестры, что сгребали его в кучу, стояли рядом и поддразнивали ее, облокотившись о черенки лопат и используя выдавшуюся минутку, чтобы отдохнуть. Впрочем, Ута почти сразу же прекратила это, окликнув их и приказав возобновить работу. Нехотя Младшие Сестры подчинились. Рада отвернулась и взглянула на искорку, лицо которой приобрело непроницаемое выражение. — Я ни за что не поверю, что на пустом месте ей вдруг стало так не везти.

— Ну, может она своим поведением действительно прогневала Аленну, кто знает? — пожалала плечами искорка. Вид у нее был на удивление равнодушный.

Рада поскребла в затылке, не зная, как правильно подобрать слова. Нужно было сказать очень аккуратно, а в этом она никогда не была хороша.

— Искорка, — тихонько проговорила она, чувствуя себя так, будто голиком лезла в полную змей яму. — Меня она тоже очень раздражает, но мне кажется, что с нее хватит. Иначе добра не будет. Ни тебе, ни мне, ни ей. Мало ли кто начнет задумываться о том, откуда у нее это невезение. Да и вряд ли Милосердная порадует, что Ее костерят почему зря изо дня в день, да еще и по чужой вине.

Лиара нахмурилась, заворчав что-то себе под нос и сторбив плечи. Сейчас она почему-то показалась Раде похожей на недовольного растревоженного ежа. Стараясь говорить как можно мягче, Рада приобняла ее за плечи.

— Маленькая моя, ты же не такая, — тихонько прошептала Рада ей на ухо. — Ты у меня добрая, искренняя и теплая девочка. Хватит уже этих глупостей. Боги с ней. Не нам судить.

— Я просто не хочу, чтобы она постоянно крутилась вокруг нас, — пробурчала искорка, съезживаясь и прижимаясь к Раде. Вид у нее был недовольный и сердитый. — Мне не нравится это, Рада. Очень не нравится.

— Хорошо, моя родная, — Рада постаралась сделать так, чтобы смеха в ее голосе Лиара не услышала. Слишком уж забавной была эта ситуация, но вряд ли сейчас искорка сможет оценить ее и посмеяться вместе с ней. Поцеловав ее пушистую бровь, Рада тихонько проговорила: — Если она будет приставать к нам на марше, я ничего не имею против оводов. Но, пожалуйста, не трогай ты ее во все остальное время. Ей и так хватило сполна.

— Ладно, — недовольно пробурчала девушка. — Больше не буду ничего такого делать. — Ее полный обиды взгляд метнулся к лицу Рады, и она вновь потупилась. — Но тогда уж будь добра, сделай так, чтобы она к нам не лезла. Поговори с ней, что ли. Это уже просто невозможно.

После этого разговора странное невезение Дани прекратилось, как и не было. К сожалению, никаких выводов из этого урока она так и не извлекла. Наоборот, подбоченилась и ходила довольная, словно одолела в рукопашном поединке Саму Аленну, да вот только нет-нет, но косилась на небо и под ноги теперь смотрела гораздо внимательнее. Рада даже видела краем глаза, как она молится в стороне от лагеря, кланяясь в пояс ручейку, возле которого анай остановились на ночлег, и бормоча что-то себе под нос. Наверное, благодарила за то, что невезение кончилось.

Идти рядом с ними днем она так и не перестала, но теперь делала гораздо меньше замечаний, стараясь лишний раз не открывать рта. Искорка довольно резко окоротила ее, заявив, что Жестокая вполне могла гневаться на ее длинный язык и докучливость, потому и явила предупреждение в виде череды неудач. Дани сразу же вскинула голову и показательно хмыкнула, демонстрируя, что она думает по этому поводу, но замечаний стала делать все-таки меньше.

А Рада все ломала голову, что бы сделать такого, что отвадило бы девчонку от них раз и навсегда. Искорка хотела, чтобы они поговорили, но Рада никогда не была сильна в разговорах. К тому же, вся ситуация выглядела до крайности глупо: она, взрослая женщина, будет пререкаться с девчонкой едва ли не в два раза младше ее, пытаясь прогнать ее прочь от себя при том, что та уходить не желает. Да и имела ли Рада право ее прогонять? Анай были свободным народом, находились там, где хотели, делали то, что хотели. Никто не мог запретить им ничего, кроме их царицы или Жриц. А тут Рада со своей правдой. И искорка все смотрела и смотрела на нее темными глазами, в которых была обида и настойчивая просьба избавиться уже наконец от докучливой Младшей Сестры.

В конце концов, Рада настолько измучилась, что пришла-таки со своим вопросом к Зей. Выждав момент, когда наставница в одиночестве обносила кормом волов во время вечернего привала, Рада подошла к ней и негромко позвала:

— Первая Зей, разреши тебя на пару слов?

Брови седовласой кровельщицы удивленно взлетели, она с интересом взглянула на Раду и кивнула.

— Говори, чего стряслось.

Путаясь и сбиваясь, Рада пересказала ситуацию, опустив разве что месть искорки и свои собственные мысли о том, что же делать дальше с проклятой Младшей Сестрой. Лицо женщины приняло задумчивое выражение, темные брови сошлись к переносице. Похлопав по шее вола, что пытался мягкими губами дотянуться до торбы с овсом в ее руках, Зей

взглянула на Раду.

— Мы уже давно с Утой гадали, когда ты к нам обратишься. Ситуация-то не из приятных, да и делать с этим надо что-то, пока вы крыльев не получили. Потом она от тебя вообще не отвяжется. — Зей задумчиво поскребла подбородок. — У тебя есть два выхода из этой ситуации. Или действительно возьми ее в ученицы и постарайся сделать из нее что-нибудь стоящее. Она — талантливая девочка, только чересчур амбициозная и заносчивая. Если с нее хорошенько сбить спесь, то может выйти славная разведчица. Правда, Уте этого сделать не удалось, но кто ж знает, может, ты справишься.

— А второй выход? — спросила Рада, чувствуя стойкое нежелание принимать предложение наставницы.

— Поговори с ней и объясни, что тебе это не нужно, — просто пожала плечами та.

— Да я говорила уже и не раз! — Рада в сердцах вздохнула и запустила пальцы в волосы, взлохматив их на затылке. — Она не слушает меня!

— Ну так это ей и скажи, — развела руками Зей. — Что толку учить человека, который не желает слышать самые первые слова своей будущей наставницы? — Вдруг она хмыкнула, и огонек загорелся на дне ее темных глаз. — В очень редких случаях, правда, из таких выходят прекрасные ученицы, как было когда-то с теми двумя рыжими бхарами, но, думаю, это не тот случай.

— Ладно, я подумаю над тем, что ты сказала, первая Зей, — кивнула Рада, чувствуя усталость. Ей уже опостытели все эти игры с проклятой Клинком Рассвета. — Спасибо тебе за совет. И прошу тебя, не говори никому о нашем разговоре, хорошо? Мне не хотелось бы прослыть доносчицей.

— Да что ты, Черный Ветер? — только усмехнулась Зей, привешивая нетерпеливому волу на морду торбу с овсом. — Никто про тебя такого не подумает. Никому и в голову не придет.

Это было слышать приятно. Одной из головных болей Рады в сложившейся ситуации было как раз опасение, что анай неправильно воспримут всю ситуацию с Дани и решат, что Рада слишком много на себя берет. Теперь хоть об этом можно было не беспокоиться.

Правда, времени на то, чтобы поговорить с Дани по душам, у нее все не находилось. На марше вокруг были Младшие Сестры, по вечерам после долгого и трудного дневного перехода через грязь все валились спать замертво, обессиленные, и сама Рада вместе с ними. В этом были и свои плюсы: теперь Младшая Сестра околачивалась возле нее не так часто, как раньше, но будто назло выбирала самое неподходящее время для разговора, когда вокруг было полно народа. Раде даже приходили в голову мысли, что таким образом ей мстила Сама Синеокая за то, что они с искоркой посмели устроить Младшей Сестре сладкую жизнь от Ее имени. Впрочем, разобраться с этим со всем по пути она так и не смогла.

Дорога неторопливо свернула на запад, прочь от травяной степи Роура, и бежала теперь меж невысоких гор, чьи лесистые склоны плавно спускались вниз. Колеса телеги грохотали по камням мощения, что проглядывали местами через непролазную грязь, то и дело над головами волов стегал хлыст, и хриплые окрики Уты поторапливали Младших Сестер, приказывая им двигаться быстрее.

Взгляд Рады любопытно скользил по сторонам. Высокие горные склоны вдали покрывали остроконечные шапки снега, утыкающиеся высоко в небо. Горы ближе к дороге были более сглаженными, мягкими, не такими колючими. Зоркие глаза Рады выхватывали на их склонах какие-то странные круговые постройки. Приглядевшись, она поняла, что это

— прилепившиеся к скалам горные форты, сложенные из громадных каменных обломков полукругом, без единой двери, щели, куда можно было пролезть, даже без подъездных мостов. Они чем-то походили на гнезда ласточек или летучих мышей, прилепившихся к склону, ведь ни тем, ни другим, как и анай, незачем протаптывать к ним дорогу, им достаточно крыльев, чтобы добраться до любой, самой отвесной кручи.

Чем дальше они шли, тем более дикой и суровой становилась окружающая местность. Лесистые горы вокруг совсем уступили место огромным каменным громадам, теряющимся в синей дали над головой. Теперь под ногами уже была не грязь, а мелкое каменное крошево. Дорога вилась сквозь глубокие ущелья с отвесными стенами, куда не доставали лучи солнца, и днем было темно и холодно, будто в сумерки. Она взбиралась по горным склонам, серпантинном карабкаясь над отвесными обрывами, и камни, что срывались из-под ног Младших Сестер и тележных колес, падали вниз так долго, что у Рады тошнота к горлу подкатывала от этого. Иногда они переезжали через горные пропасти по широким крепким мостам из таких толстых бревен, каких Рада и представить себе не могла. Разве вообще могло существовать на свете дерево в объёме с телегу? И коли оно существовало и даже выросло где-то, как анай умудрились втащить его на такую верхотуру? Внизу, в пропастях, у которых и дна почти что не было, шумели быстрые горные реки, перепрыгивая через пороги и посылая эхо гулять по узким ущельям.

Ветра стали крепче, как всегда бывает в горах, злее, непослушнее. Запах травяной степи уже давным-давно выветрился из них, и теперь пахло лишь камнем и снегом, неприступной вечностью уходящих в небо горных круч. Рада таращила глаза и гадала: долго ли им еще идти? И как, должно быть, сурова эта Роща Великой Мани, упрятанная среди ледяных вершин и непроходимых перевалов.

На ночь Младшие Сестры останавливались на открытых плато, явно подготовленных для стоянки, как и на всем их предыдущем пути. В нишах среди скал высились груды заготовленных дров, но Ута запретила трогать их, используя для растопки и обогрева. Каэрос могли создать огонь и сами, а здесь, высоко в горах, где и дышать-то трудно было, дрова могли пригодиться остальным кланам, в чьей крови не было пламени. Таскать сюда дерево из нижних долин было тяжело, а потому наставница не хотела создавать обитателям Рощи лишней работы.

Постепенно форты, лепящиеся к склонам гор, исчезли, и Раде начало казаться, что горы необитаемы, а они — единственные, кто вообще осмеливался путешествовать по ним за долгие-долгие годы. Лишь эхо их шагов, натужного мычания волов да стука колес по каменной дороге сопровождало их изо дня в день. Лишь ветер холодом дышал в шею, и лишь их костры по ночам алыми точками горели на склонах гор. Никого больше не было на десятки километров вокруг, и какое-то странное чувство могучей свободы и пустоты теперь распирало грудную клетку Рады, не давая ей дышать, заставляя захлебываться горным воздухом, свежим и холодным, как в середине зимы.

Дорога стала сложнее, потому что теперь круто змеилась вверх-вниз, постоянно заставляя путников менять скорость передвижения. Поднимаясь на перевал, приходилось налегать плечом на телегу, вталкивая ее вверх по расплзавшемуся под подошвами сапог каменному крошеву. Когда дорога с трудом брала седловину, телега так и норовила ухнуть вниз, сбив с ног волов, и с чумовой скоростью помчаться по камням, разваливаясь на ходу. Младшим Сестрам приходилось налегать на ее борта, удерживая своим весом и не давая этому случиться, и от постоянной нагрузки плечи и спина у Рады ныли, как проклятые, хоть

Младшие Сестры и сменяли друг друга на этой работе. Да и спать на холодном камне ей не слишком-то нравилось. Правое плечо теперь немилосердно болело, то ли застуженное, то ли растянутое, и она то и дело морщилась, пытаясь размять его хоть немного, но все безрезультатно.

И вот в один прекрасный день, поднимая их с рассветом, Ута в своей обычной манере мрачно заявила:

— Сегодня к вечеру будем в Роще, так что посвятите остаток дороги мыслям о Роксане, а не о той ерунде, которой у вас всех вечно мозги заняты. Может, Огненная и снизойдет до того, чтобы дать вам всем крылья, коли не будете Ее попусту отвлекать.

Рада застыла как оглушенная от этих слов и переглянулась с сидящей рядом с ней у костра искоркой. Она уже и забыла о крыльях за всеми этими бесконечными дрызгами с Клинком Рассвета, тяжестью дороги, по которой они с таким трудом ползли вместе с повозкой, и слова Уты окатили как ведро холодной воды. Она и думать не думала, что это случится так скоро. И вот — это случилось.

Весь вызов и хмурость моментально слетели с искорки, будто их и не было вовсе. Лицо ее исказила тревога, брови сошлись к носу, а глаза перепугано взглянули на Раду. Та покрепче обняла ее за плечи и легонько встряхнула.

— Вот видишь, маленькая моя, дождались.

Правда, больше ничего сказать она и не смогла. От волнения буквально перехватило горло, и все мысли повывлетали из головы.

В тот день небо наконец-то расчистилось, и солнце прочно отвоевало свое место на небосклоне. Синяя полоса туч на востоке уплыла прочь, сменившись громадами белых пушистых облаков, что неторопливо надвигались на бредущих по каменистой дороге Младших Сестер. Ветер был бодряще ледяным, и Рада ежилась под коричневой курткой с воротом-стойкой, больше все-таки от предвкушения получения крыльев, чем от его порывов.

В груди было как-то странно холодно, от волнения легкие будто в лед вымерзли. Рада сглотнула, чувствуя, как трясется каждая поджилка. Такого с ней не было, наверное, со времен поступления в Военную Академию. В последний раз она волновалась много лет назад о результатах вступительных экзаменов, а все последующие годы только злилась, не испытывая больше никаких других эмоций. И теперь волнение было таким странно-непривычным, но таким знакомым, что оставалось только головой качать.

Маленькая ладошка искорки в ее руке тоже вспотела от волнения и была холодной, как ледышка. Глаза у Лиары сейчас были что две площадки: широко распахнутые и такие громадные, что в них можно было бы и телегу вкатить. То и дело Рада пожимала ее ладонь или слегка приобнимала ее за плечи, чтобы хоть как-то поддержать искорку и придать ей уверенности. Только вот у нее самой этой уверенности не было, и сердце в груди колотилось как безумное, а под ним, в глубине, с такой же скоростью пульсировал золотой шарик дара Роксаны. В итоге они с искоркой лишь подпитывали тревогу друг друга, словно маятник, что мотается из стороны в сторону. И вместо того, чтобы пройти, она становилась только сильнее.

Дорога змеилась между горных склонов, вползала в ущелья, неожиданно вновь выбиралась на ровные плато. Сегодня толкать телегу Раде было не нужно, ее очередь прошла, и теперь этим занимались Двурукие Кошки и Лунные Танцоры, отчаянно ругающиеся и почти тряпками висящие на бортах и задке повозки. Но и они не возмущались,

работая гораздо усерднее обычного и без понуканий Уты. Все глаза сейчас были устремлены на запад, куда уводила каменистая тропа, все хотели только одного: как можно скорее добраться до Роши Великой Мани. Даже Дани примолкла, то и дело облизывая пересохшие губы и глядя вперед, за утро Рада от нее ни слова не слышала, за что была бесконечно благодарна всем Небесным Сестрам вместе взятым.

Наконец со скрипом и грохотом, натужным дыханием Младших Сестер и окриками Уты телега взобралась на очередной перевал, и Рада застыла, не в силах сдвинуться с места и широко открытыми глазами глядя вперед. Пальцы искорки до боли сжали ее ладонь, но она почти что и не заметила этого.

Внизу под ними расстилалась огромная долина, упрятанная в почти что круглой чаше гор. На ее противоположном конце с самого неба срывался вниз водопад, залитый лучами яркого солнца и сверкающий россыпью драгоценных камней так, что больно было смотреть на падающую вниз воду. Под ним в самой долине зеленела роща высоких деревьев. Даже отсюда Рада видела, что они гораздо выше обычных сосен и елей, которые ей приходилось видеть. Она сощурилась, пытаясь с такого расстояния определить их высоту, но не могла. Это казалось противоестественным, странным, деревья не могли быть так высоки, просто не могли. Мощеная ровными плитами дорога змеилась вниз по склону горы и уводила под своды огромного леса, над которым местами лежал голубоватый туман, переливающийся под солнечными лучами. Очертания гигантских деревьев терялись в нем, и издали создавалось ощущение, будто само небо каплями падало вниз, облака вверху и облака внизу перемешивались во что-то общее, или, может, лес порождает тянущиеся по небу белые барашки?

— Роксана! — потрясенно выдохнула рядом искорка, огромными глазами глядя вниз.

— Никто не думал, что это возможно — восстановить Рошу так быстро, — проговорила рядом Ута, и в голосе ее звучала гордость. Рада обернулась, взглянув на наставницу. Та спешила и стояла подле них, сложив руки на груди и глядя вниз со смесью нежности и какой-то странной ласки. Лицо ее сейчас было удивительно мягким, вечная раздраженная мина исчезла без следа, сменившись искренней гордостью. — Восемь лет назад здесь было пепелище. Пеплу столько, что мы в нем буквально по уши тонули. И ни одного ростка, ни единого, все эти бхары черномордые сожгли.

— Как же тогда?.. — искорка недоговорила, лишь потрясенно качая головой.

— Раэрн, Дочери Земли, — Ута смотрела только вперед, и глаза ее с превеликой нежностью скользили по могучим зеленым верхушкам деревьев. — Царица Руфь привела сюда самых сильных из Поющих Земле, тех, у кого дар Артрены развит лучше всего. Каждую весну они начинают петь земле и делают это вплоть до первых холодов, когда ложится снег. Благодаря их усилиям, криптомерии растут быстрее. Руфь говорит, еще пару лет, и они снова будут выглядеть так же, как до Великой Войны.

— Криптомерии, — одними губами Рада повторила название, пробуя его на вкус. Никогда она не слышала о таких деревьях, там, откуда она родом, ничего подобного не росло.

— Но я чувствую здесь не только силу Артрены, — вдруг проговорила искорка, выставляя ладонь перед собой и, мягко шевеля пальцами, ощупывая воздух. — Здесь есть и другая сила. — Глаза ее блеснули. — Сила Первопришедших.

— Держащая Щит анай поет земле вместе с Раэрн, — кивнула Ута, и в ее миг севшем голосе прозвучал благоговейный трепет. — Она хранит это место вместе с Великой

Царицей. Неудивительно, что ты чувствуешь эту мощь.

Искорка отстраненно кивнула, продолжая ощупывать воздух перед собой и что-то тихонько шептать себе под нос. Рада лишь покачала головой. От этого леса дух захватывало, и не нужно было обладать какими-то особыми силами, чтобы чувствовать это.

Караван Младших Сестер медленно пополз вниз с холма, громыхая тележными колесами по мощеной камнем дороге. Волы пошли споро, почуяв влажную прохладу леса, где на мягкой траве можно было вволю попасться. Спешили и Младшие Сестры, едва ли не бегом бежали вниз, и Уте вновь пришлось орать во всю глотку, чтобы приструнить их и не дать особо ретивым первыми вбежать под своды Рощи. Рада и сама чувствовала непреодолимое желание сорваться на бег, но сдерживала себя. Негоже подводить наставниц, ее-то все-таки считали старшей, а потому более разумной, чем все остальные.

На обед останавливаться не стали, хоть голод и глодал живот изнутри, яростно урча и требуя пищи. Впрочем, никто не обращал на это особого внимания. Анай шумели, огромными глазами разглядывая Рощу, и спешили поскорее добраться до центрального поселения, где располагались храмы и жилище Великой Царицы.

Вблизи криптомерии оказались еще выше, чем Рада могла себе представить. Гигантские стволы вздымались к самому небу, и где-то там, высоко-высоко, тихонько перешептывалась на ветру зеленая хвоя. Стволы их были достаточно толстыми для того, чтобы поселиться в их сердцевине с завидным комфортом, и все вопросы касательно бревен для мостов, которые они проходили по пути сюда, у Рады отпали сами собой. Воздух здесь был прохладным, влажным и таким чистым, что голова у нее закружилась, и Рада вынуждена была опереться на плечо искорки, чтобы не растянуться посреди дороги, ровной стрелой прорезающей лес.

Ярко-зеленая трава, испещренная сотнями разноцветных пятнышек цветов, укрывала мягкий слой иголок под густыми кронами деревьев. Лес звенел от птичьих трелей, щебета и песен, они доносились со всех сторон, едва не оглушая Раду своим перезвоном. Золотое солнце пробивалось сквозь пушистый полог ветвей и рассыпалось на острые нити, что играли в пятнашки с тенями на земле, согревали тянущиеся к ним травы и низкорослые кустарники. Лес просматривался далеко и хорошо: стволы деревьев отстояли друг от друга на большое расстояние, а в их разлапистых мощных корнях, кое-где вырывающихся из земли, запросто можно было с комфортом разместиться на ночлег.

И пахло здесь так сильно, так густо, так свежо, что с каждым шагом голова Рады кружилась все сильнее и сильнее. Она даже не могла говорить, буквально задыхаясь от лесного аромата, и перед глазами поплыли пятна, перемешанные с алыми ягодами вызревшей на солнечных пятачках земляники, голубыми васильками, белыми ромашками, что раскрывали лепестки солнцу...

— Что с тобой, Рада? — донесся до нее как через вату голос искорки. Рада поняла, что навалилась на нее всем своим весом и бредет, низко опустив голову и загребая ногами. Они даже слегка поотстали от остальных Младших Сестер, гурьбой устремившихся вперед, и теперь плелись сбоку от телеги, рядом с тяжело дышащими волами.

— Как-то мне... — Рада и хотела бы сказать «нехорошо», но это было неправдой. Несмотря на головокружение, несмотря на усталость и нехватку воздуха, она чувствовала себя донельзя живой, буквально напитанной жизнью до последней клеточки. И в груди разрывалось золото, грозя удушить ее своей мощной волной. — Не знаю, искорка, — наконец честно призналась она. — Вроде и хорошо так, что слов нет, но я задыхаюсь от всего этого.

— Здесь очень много силы, Рада, — проговорила искорка, поддерживая ее и почти что волоча на себе вдоль обочины. — Здесь все буквально насквозь пропитано энергией. Может, поэтому тебе так плохо?

— Значит, для меня эта энергия вредна? — укол страха и грусти пронзил сердце, и Рада даже пришла в себя, тревожно глянув на искорку. — Почему мне плохо здесь, если здесь столько силы? Что со мной не так?

— Все так, Рада, — мягко улыбнулась ей искорка, прижимаясь кудрявой головой к ее плечу. — Просто у всех есть пределы. Ты чувствуешь тоньше теперь, гораздо тоньше, чем когда мы с тобой впервые встретились. Теперь ты действительно можешь чувствовать энергию, а здесь ее такая концентрация, что твое тело пока еще не в состоянии ее вынести, понимаешь?

Рада кивнула. Сил, чтобы отвечать, у нее не было, да и не хотелось ничего говорить. Искорка в таких вещах уж точно разбирается лучше нее, и раз она говорит, что все так, значит, так оно и есть. На негнущихся ногах Рада продолжала шагать вперед, позволив Лиаре вести ее. Сама она сейчас держаться прямо была не в состоянии.

Впрочем, чем дальше они заходили в Рошу, тем легче ей становилось. Может, тело привыкало, может, дело было еще в чем-то, Рада не знала. Постепенно в голове просветлело, и она вновь смогла выпрямиться и идти ровно, не наваливаясь на искорку. А глаза уже сами шарили по сторонам, пожирая сочную зелень и яркие пятна цветов на ней, задумчивую полутьму и игру теней между гигантских стволов, клубящийся где-то вдалеке, почти у самых крон криптомерий, туман, похожий то ли на облака, то ли на прозрачный дым, который медленно тянуло ветром на запад.

— Как же здесь красиво, Роксана! — прошептала она, чувствуя, как тихонько вздрагивают под ее рукой плечи искорки. Ее любимая девочка смеялась от счастья, и солнце играло на ее успевших уже отрасти с зимы кучеряшках, заливая золотым светом самые их кончики.

Через несколько часов дорога кончилась, криптомерии расступились, и глазам путников открылось свободное пространство впереди. С огромной высоты разбивался о камни внизу водопад, бурля в широком озере и превращаясь в медленно струящуюся вдаль реку с берегами, усыпанными белой галькой. Отдаленный шум воды наполнял долину неумолчной песней, и с ним смешивался шепот ветра в кронах криптомерий высоко над головой.

А на свободном пространстве между водопадом, склоном горы и полукольцом подступающим лесом глазам открывалось поселение, превышающее размером становище Сол как минимум раза в два. Его уже почти можно было назвать городом, и Рада во все глаза смотрела вперед на легендарное и самое священное место для всех анай. Мы наконец-то дошли сюда, Великая Мани. Встречай Своих дочерей.

===== Глава 45. Пробить блок =====

Вволю осмотреться Ута им не дала. Гаркнув приказ остановиться и дождавшись, пока едва не подпрыгивающие от нетерпения Младшие Сестры кое-как построятся в ровные шеренги, она вышла вперед и обвела всех ястребиным взором, уперев руки в бока.

— Значит так! — голос наставницы хлестнул как хлыст, и даже те, кто привставал на цыпочки, чтобы поверх ее головы осмотреть раскинувшееся впереди становище, встал ровно, подтянувшись и глядя только на Уту. — Сейчас мы войдем в поселение, и вы, длинноногие дуры, будете вести себя тихо и спокойно, как и подобает Младшим Сестрам. Поселят нас в

казарме для Каэрос, в которой мы и будем жить. Мы прибыли немного раньше, до Дня Солнца еще три дня, так что это время вы посвятите молитвам и медитациям, а не праздному шатанию по становищу, я ясно выражаюсь?

— Так точно, первая! — грянули в один голос Каэрос, но сама Рада очень сомневалась, что события будут разворачиваться по сценарию Уты. Даже у нее между лопаток чесалось одно единственное желание: облазить и осмотреть здесь все, что только можно. А это явно не самый подходящий настрой для медитаций и молитв.

Ута, казалось, ни на миг не поверила в их дружное согласие.

— Правила простые. Первое: становище не покидать, в лес не удирать и по окрестностям не шяться. Поверьте, как бы вы ни таились, как бы вы ни пряталась среди листвы, как бы ни прикидывались кустиками, я вас все равно найду, и мало не покажется.

Некоторые из Младших Сестер вокруг Рады зашевелились, неуверенно перетаптываясь на месте, и Рада и себя поймала на мысли, что, возможно, ей не стоит злоупотреблять терпением Наставницы. Хоть и опыта в том, как укрыться в лесу или незаметно ускользнуть от надзора, у нее за ее долгую службу в Северных Провинциях было больше, чем у всех этих зеленых девчонок вместе взятых.

— Второе: в храмы Богинь не лезть! — на этот раз Ута рявкнула уже громче, и вид у нее стал еще более угрожающим. — Эти храмы предназначены для Способных Слышать и Великой Царицы. Она молится там вместе с Держащей Щит, и вам там уж точно делать нечего. Так что держитесь подальше от храмов. И не отвлекайте Жриц, как бы вам ни думалось, будто теперь вы имеете право с ними разговаривать и заигрывать, как те, кто вот-вот получит крылья. Вы им даром не нужны, и у них предостаточно своих дел помимо вас. К тому же, в Роце полным полно гораздо более симпатичных и толковых разведчиц, чем вы, и уж явно они Жрицам интереснее, чем желторотые девчонки!

— Не про себя ли ты говоришь, наставница? — едва слышно прошептала стоящая в строю за спиной Рады Ночное Лезвие Инга, и несколько Младших Сестер рядом с ней захихикали. Хвала Роксане, они стояли достаточно далеко от Уты, чтобы та могла расслышать эти слова.

— Третье: ни в какие драки не вступать! Кто бы ни пытался вас спровоцировать, как бы вас ни оскорбляли, что бы вам ни предлагали сделать! Это — Роца Великой Мани, а не ярмарочная площадь и не становище Ифо, куда вы приехали отдохнуть и расслабиться. А если какая-нибудь дура все-таки решит помахать кулаками, посчитав, что правила к ней не относятся, то иметь дело она будет с Великой Царицей. И поверьте: ничего забавного и захватывающего в этом не будет!

Рядом с Радой кто-то громко судорожно сглотнул. Великую Царицу обожали все кланы, считая ее едва ли не божеством во плоти, но ровно также ее и боялись. Рада припомнила взгляд Тиены: полный кипящей, будто расплавленный металл, силы, почти что дрожащий вокруг нее воздух. Естественно, никто не захочет навлекать на себя ее гнев. Разве может найтись такая идиотка?

— И последнее. Нравится вам это или нет, но в Роце Великой Мани живут не только анай. — Судя по голосу Уты, самой ей это не слишком-то нравилось. — Это место — резиденция Великой Царицы, поэтому здесь вы можете встретить эльфов, сальвагов, даже вельдов. Думаю, не нужно напоминать, что все они — наши союзники. И первую же, кто посмеет хотя бы косой взгляд на них кинуть, я собственноручно выдеру так, что она еще месяц сидеть не сможет. Придется летать, парить над обеденным столом, как стрекозка,

если вы, конечно, вообще сможете управляться с крыльями, в чем я лично очень сильно сомневаюсь. — Подождав немного, не раздастся ли какого комментария, Ута обвела глазами строй Младших Сестер. Ответом ей была только гробовая тишина. Удовлетворенно кивнув, наставница развернулась в сторону становища. — Раз всем все ясно, тогда забирайте барахло из телеги и пощи.

Младшие Сестры приглушенно зашумели, заторопились к повозке. Самые расторопные, успевшие первыми подхватить свои вещи, двинулись следом за Утой, крутя головами по сторонам, остальные спешили за ними вдогонку. У телеги остались Зей и остальные наставницы, в обязанности которых входило распрячь волов.

Подхватив их с искоркой вещи, Рада пристроилась за спинами Младших Сестер, направляющихся в сторону казарм. Искорка рядом едва не подпрыгивала на месте от нетерпения, из-за своего небольшого роста не видя вокруг ничего за плечами остальных анай.

— Тебя посадить? — шутливо предложила ей Рада, и та в ответ небожно ткнула ее плечо кулачком, смущенно пробормотав:

— Отстань!

Впрочем, никаким строем Каэрос идти не собирались, и вскоре толпа Младших Сестер удрала вперед, буквально толкая раздраженную и вопящую до хрипоты Уту в спину. Рада с Лиарой чуточку поотстали, чтобы хоть что-то видеть вокруг.

Рада смотрела во все глаза, не понимая, что видит перед собой: город или все-таки большое становище. Вокруг поднимались высокие дома, срубленные из сосновых бревен и покрытые соломой с ровными рядами широких окон. Судя по всему, это были казармы, в которых селили представителей разных кланов, прибывших в Рошу на инициации. Стены домов покрывала затейливая резьба в виде извивающихся лоз, стилизованных трезубцев и колосьев, с символами анай — шестиконечной звездой из двух перекрывающих друг друга треугольников и вращающимися посолонь четырьмя каплями в круге. Над крепкой дубовой входной дверью каждого из этих строений виднелся символ клана: у Каэрос это был обращенный острой вершиной вверх треугольник. Дальше казарм располагались и другие постройки — небольшие домики под двускатной крышей из тех, что гораздо больше подошли бы обычной людской деревне. Над их соломенными крышами возвышалось какое-то каменное строение, но рассмотреть ближе Раде не удалось; Ута уже подвела их к казарме Каэрос.

Навстречу ей вышли две женщины в ослепительно белой форме. За спинами их виднелось оружие, у одной катаны, у другой — лук в колчане, а лбы их перетягивали белоснежные повязки с символами золотого ока в центре.

— Это Воины, присягнувшие Великой Царице, — пояснила вновь возникшая за плечом Рады Дани, в тоне ее звучало благоговение. — Они не принадлежат ни к одному клану и считаются ее собственностью.

Рада поморщилась. Она с гораздо большим удовольствием встретила бы эту информацию, прозвучи она из чьих угодно уст, кроме уст Дани. Решив игнорировать назойливую девчонку, Рада кивнула искорке и, потянув ее за руку, принялась проталкиваться вперед, ко входу в казарму.

Ута и Воины в белом о чем-то договорились, пожали друг другу руки, и наставница свистнула сквозь зубы, махнув рукой Каэрос и приглашая их следовать за собой.

— Сначала обустроимся, потом пойдем в едальню, — вновь прозвучал рядом голос

Дани, и Рада не выдержала, резко обернувшись к ней:

— Сгинь уже отсюда!

Глаза Младшей Сестры обиженно расширились, но губы при этом упрямо сжались.

— Я всего лишь хочу помочь тебе обустроиться быстрее, Черный Ветер. Чтобы ты не чувствовала себя здесь чужой.

— Себе помоги, — прорычала Рада, а искорка наградила Дани таким взглядом, что та все-таки отстала, поджав губы и напряженно глядя им вслед.

Помещение казармы было просторным, в большие окна проникало много света. В дальнем конце виднелась массивная печь, ослепительно белая, будто никто ни разу ей не пользовался. Ряды новеньких двухъярусных кроватей тянулись вдоль стен, между ними высились одинаковые шкафы для немногих вещей анай, что они приносили с собой в Рошу. Рада вздохнула, сбрасывая свой вещмешок на одну из кроватей и разглядывая толстый матрас, плотно набитый соломой. Она так привыкла за это время спать вместе с искоркой, но не могли же им и здесь выделить отдельное ото всех остальных Каэрос помещение. Это было бы уже слишком.

Искорка тоже скинула свой вещмешок на кровать и пристально воззрилась на Дани, которая пыталась устроиться на соседней с ними лежанке. Младшая Сестра поколебалась, глядя на нее, потом поморщилась и все-таки отошла дальше, все время оглядываясь на Лиару.

— Я поговорю с ней, искорка, — сказала Рада, чувствуя себя донельзя виноватой, что до сих пор этого не сделала. — Обязательно. Как только представится минутка.

— Боюсь, теперь уже она простых слов не поймет, — тяжело вздохнула та и перевела взгляд на Раду. — Постарайся только не устраивать потасовку. Будет не слишком хорошо, если с этого начнется наш визит в Рошу.

— Не буду, — кивнула Рада, сомневаясь, что сумеет сдержать это обещание. Слишком сильно было накопившееся за долгие недели пути раздражение.

Обедать их отвели в большое здание едальни, расположенной чуть в стороне от казарм Младших Сестер. Стен у едальни не было, массивная, крытая соломой крыша держалась на толстенных бревнах, подпирающих свод, и под навесом стояли тяжелые длинные столы и лавки. В дальнем конце едальни дымила котлами полевая кухня, дородная повариха в ослепительно белом переднике мешала здоровенной поварешкой в котле с рагу, дымящемся на огне, и покрикивала на своих помощниц, что суетились вокруг, раскладывая по тарелкам раскаленное варево. Сейчас Каэрос здесь были одни, но Рада заметила, что в стороне возле громадной лохани с водой высится целая гора посуды, и несколько Ремесленниц, засучив рукава и подкатав подола, натирают тарелки и кастрюли песком, чтобы отмыть от жира.

— Кто-то из кланов уже прибыл, первая? — негромко окликнула она проходящую мимо Зей.

— Раэрн, — утвердительно кивнула та. — Им ближе всего добираться.

За обеденным столом было шумно и весело. С самого утра у них и маковой росинки в животах не было, так что Младшие Сестры Каэрос уплетали за обе щеки, стуча деревянными ложками по глиняным мискам. Рагу оказалось удивительно вкусным, сдобренным специями, густым. К нему подали легкий медовый напиток с явно чувствующимся хмелем, и Рада с удовольствием осушила две большие кружки.

Когда трапеза подходила к концу, поднялась Ута и, хлопнув в ладоши, громко объявила: — Свободное время до ужина! Повторяю: не драться, не задираться ни к кому, не бегать

по лесу и не лазить в храмы! Иначе вам не поздоровится!

— Пойдем скорее, — потянула Раду за рукав искорка, глазами указав той на Дани.

Младшая Сестра всю строила глазки Ремесленнице-поварихе, и по ответной улыбке девушки было понятно, что на время Рада перестала интересоваться Клинка Рассвета. Вернув пустую посуду Ремесленницам, они поспешили воспользоваться моментом и улизнуть из набитой Младшими Сестрами едальни.

Никакого четкого плана в расположении зданий становища действительно не было. Разве что все хозяйственные постройки стояли на некотором отдалении от жилой части поселения. Оттуда доносился звон молота о наковальню, стук инструментов, голоса людей.

За казармами кланов их глазам открылись маленькие домишки, срубленные все из той же сосны. Странно было видеть такие дома после поселения Сол, где анай жили в вырубленных в скалах пещерах. На окошках висели белые занавески, кое-где у крыльца играли дети, копошась в пыли вместе с помахивающими хвостами собаками. На одном из подоконников разлегся кот, лениво щуря глаза на яркое солнце. Но Раду тянуло дальше, в сторону водопада, который низвергался с головокружительной высоты в ворохе из сверкающей на солнце водяной пыли.

Взявшись за руки и крутя головами по сторонам, они с искоркой зашагали в ту сторону. В отдалении виднелись фигурки нескольких анай, которые бродили по самому берегу реки, то и дело нагибаясь, чтобы зачерпнуть воды. Примерно две трети женщин аккуратно поддерживали большие животы, передвигаясь не быстро и очень осторожно, чтобы не оступиться. Рада удивленно заморгала: беременные? Откуда здесь столько беременных?

Вот только направляясь в сторону водопада, они вывернули из-за очередного жилого домика, и в глаза бросилось высокое здание из белого камня. Искорка замерла на месте, разглядывая его и позабыв о том, куда они до этого направлялись, и Рада вместе с ней.

Здание больше всего напоминало храм, но выглядело совсем не похоже на церкви Грозара, что доводилось Раде видеть в жизни. Оно было одноэтажным, приземистым, с почти плоской крышей, сработанной из наложенных друг на друга деревянных пластин. Рада прищурилась, разглядывая эту своеобразную черепицу. Странно, ведь когда они вместе с Найрин совершали свою вылазку в Мелонию, та и понятия не имела о том, что такое черепица, и выказала явное удивление, увидев ее. Почему же тогда здесь храм был крыт именно таким способом, и как Найрин могла этого не знать?

Стены были сработаны из белого мрамора с золотистыми прожилками без особых украшений. Несколько больших окон покрывали разноцветные узоры, изображающие все те же символы анай и кланов. Входная дверь была распахнута настежь, и изнутри виднелись приглушенные отсветы огня. Там двигались какие-то фигуры, но разглядеть более четко Рада не могла. Перед входом в здание стояли в ряд четыре большие жертвенные чаши на белых мраморных постаментах. Выполнены они были из цельных кусков самоцветов разных пород. Рада узнала серебристый кварц, красноватую яшму и черный оникс, но из чего была последняя, густо-синяя чаша, понять она не смогла.

— Наверное, это и есть святилище, о котором говорила Ута. — Голос искорки звучал как-то рассеяно. — Давай подойдем поближе.

В груди вдруг кольнуло, и Рада поморщилась, прижав к ребрам ладонь. Ей почему-то стало душно, будто обручами пережало грудную клетку. Искорка отпустила ее ладонь и первой направилась в сторону храма, пристально рассматривая чаши перед входом. А Рада попыталась понять, что с ней происходит.

Слабость наваливалась с каждым мигом все быстрее. Воздуха не хватало, она силилась вдохнуть, но все никак не могла. Перед глазами поплыли темные пятна, и все стало каким-то туманным, расплывчатым, каким-то...

— Рада? — послышался откуда-то издали испуганный голос искорки, но она уже ничего не видела.

Ноги подогнулись, и Рада навзничь рухнула в траву.

Сознание возвращалось медленно и неохотно, перед глазами было темно, а уши забил назойливый высокий писк, словно в обе ушные раковины кто-то натолкал полные пригоршни голодных комаров. Сквозь этот писк странно, искаженно и неправильно доходили звуки. Рада попыталась вспомнить, кто она, где находится, что происходит, но мысли отказывались ее слушаться, разбредаясь, как желе. Да и особенного желания возвращать их в голову не было.

— ... такое раньше случалось? — смысл чужого вопроса с трудом достиг сознания Рады. Голос, что спрашивал, был мелодичным и таким мягким, что в него хотелось завернуться, словно в теплое одеяло, и уснуть, укрывшись с головой. А еще он казался Раде смутно знакомым.

— Никогда раньше, — это уже говорила искорка, и в ее тоне явно звучала тревога и испуг. — Она сказала, что не очень хорошо чувствует себя, когда мы только заходили в Рошчу. Жаловалась на головокружение. Но потом вроде все было нормально.

— Странно, — вновь прозвучал первый голос.

Рада попыталась вспомнить, как открыть глаза, но казалось, что она больше не знает, как это сделать. Лютый страх вдруг сжал нутро. Меня парализовало? Великая Мани, что происходит?!

— Лежи тихо, — вновь незнакомый голос, и на этот раз он звучал требовательно и властно. — Я помогу.

Липкий страх холодными пальцами сжимал нутро, и Рада ощутила прилив паники. Тело не двигалось. Она не могла пошевелить ни единой мышцей, даже глаза открыть не могла. На секунду ей показалось, что она сейчас забудет, как дышать, и тогда точно умрет. И ужас буквально ослепил ее. Я не хочу умирать, Роксана! Не хочу!.. Рада ощутила капли холодного пота, выступившие на лбу.

— Успокойся и лежи тихо! — на этот раз голос приказывал, и Рада вцепилась в него, как в последнюю ниточку, что еще связывала ее с миром. — Я помогу тебе. Но ты должна успокоиться. Все в порядке. С тобой все будет хорошо.

Сердце в груди стучало как бешеное, и Раде казалось, что еще немного, и оно лопнет, будто мыльный пузырь. Воздуха не хватало, но отчего-то быстрее она дышать не могла. Тело вбирало в себя так мало воздуха, так мало, будто она спала в глубоком сне, а сердце колотилось слишком быстро для такого малого количества кислорода. Рада напрягла все свои силы, всю свою волю, все, чтобы заставить легкие раскрыться полностью и наполниться воздухом, чтобы хоть на миллиметр сдвинуть свинцовые веки, что совершенно не слушались ее. И у нее ничего не получилось.

— Да что же такое! — раздосадовано произнес голос над ней.

— Что происходит? — спросила искорка, и Рада ощутила касание ее теплой ладони на своей руке. Она хотела сжать пальцы в ответ, но не могла.

— Она очень напугана, а пока она в таком состоянии, я ничего не могу сделать. Скажи ей, что все в порядке.

— Рада, послушай меня, слышишь? — голос искорки напряженно пробивался сквозь забивший уши комариный писк, но Рада вцепилась в его звучание со всей силой, на которую только была способна. Роксана, не оставь! Молю Тебя, не оставь! Помоги! — Рада, ничего не бойся. Мы рядом с тобой, мы здесь, мы тебе обязательно поможем. Держащая Щит вылечит тебя, если ты ей позволишь это сделать. Ты должна успокоиться, Рада. Ты должна дать нам возможность помочь тебе.

Как легко сказать и невыносимо сделать! Рада уже почти задохнулась, а все ощущения тела помутились настолько, что она чудом сохраняла сознание и могла еще слышать их голоса. Отчего-то она знала: стоит только на миг потерять концентрацию, сознание ускользнет, ускользнет навсегда, и тело ее потихоньку остынет, а куда денется ее душа, одним Богам известно. Потому она сражалась изо всех сил, билась и билась, моля Роксану лишь об одном — чтобы та не оставила.

— Очень сильная воля, — напряженно проговорил голос над ней. Держащая Щит? Эрис? Все это сейчас было неважно, важно было — дышать. — Она сопротивляется, она сражается изо всех сил. Я не могу сломить этот натиск.

— Сделай что-нибудь, молю тебя! — отчаянье зазвенело в голосе искорки. — Она же задыхается! Помоги ей!

— Бхара, да я пытаюсь! — на этот раз Держащая Щит почти зарычала от ярости.

Удушье схватило еще сильнее, а сердце едва не лопнуло, и Рада панически затрепыхалась, словно выброшенная на берег рыба. Становилось хуже с каждой секундой, звон в ушах усилился, голоса собравшихся подле нее теперь звучали едва слышно, словно из невыслышимой дали.

Я не умру! Я понятия не имею, что здесь происходит, но я не умру! Я буду биться до конца! Роксана, помоги мне! Рада сконцентрировалась в один единственный комок, в одну точку, собрав в нее все свои силы. Сейчас уже дело было не в том, чтобы дождаться чьей-то помощи, чтобы заставить дышать собственные легкие, которые как будто разучились это делать, чтобы удержать от разрыва бешено колотящееся сердце. Сейчас речь шла о том, чтобы вообще не раствориться во тьме, будто впитывающаяся в воду соль. А именно такое ощущение у нее и было в последние мгновения. Сама она, сама ее суть, почти распадалась на тонкие нити. Еще чуть-чуть, и эти нити совсем исчезнут, растают, расплавятся...

Нет! Роксана!

Ощущение присутствия. Оно было очень странным, совсем не таким, как раньше. Стало светлее, и Рада ощутила, как этот свет обволакивает ее со всех сторон. Но этого было мало, слишком мало и недостаточно. Она вновь собралась в точку, словно все то, что было ей раньше, стало одним единственным остро-отточенным лезвием клинка. У нее еще был шанс, и она не собиралась сдаваться. Я пойду до конца. Что бы ни случилось, я пойду до самого конца вместе с Тобой, Огненная.

— ... становится лучше, но я... — голос Держащей Щит утонул в высоком, буквально разрывающем уши звуке. Раде было не до того.

Впереди и вокруг нее, повсюду, было что-то, чему она не могла дать названия. Сгущенная тьма, похожая то ли на мелкую рыболовную сеть, то ли на ткань, которую близко-близко поднес к глазам, чтобы рассмотреть узоры. Она-то и стягивала, давила, она-то не давала дышать. Будто кто-то спеленал в нее душу Рады и теперь давил, как продавливают тесто сквозь решето, чтобы сделать из него тонкие нити лапши. Только теперь этой проклятой лапшой была душа Рады, и если она сейчас позволит сделать это с собой, то

больше ее не будет.

Не было ни мгновения на страх или боль. Никогда еще Рада не сражалась так отчаянно, так всей собой, и в этом бою больше не было никого, кто мог бы помочь ей. Она осталась один на один с чем-то, что противостояло ее существованию, со странным, глухим, равнодушным «нет», которому не было равным счетом никакого дела до того, чего она хочет или не хочет, никакого дела до нее. Оно просто хотело отнять жизнь Рады, и Рада отбивалась из последних сил.

В какой-то момент настал пик кризиса, и время прекратило играть значение. Времени больше не было, как не было больше ничего. Рада балансировала на тонкой грани между двумя пропастями, в каждой из которых ее не станет, и сеть давила так сильно, что не осталось ничего. Что-то внутри нее самой на миг попыталось подумать о том, что она не выдержит, но до того, как эта мысль смогла сформироваться и обрести силу, Рада отшвырнула ее прочь, словно ядовитую змею. И потом стало легче.

Медленно светлело. Куда делась сеть, сквозь которую ее пытались продавить мгновения назад, Рада не знала, но страшное ощущение кризиса ушло. Она вновь была собой, она вновь могла дышать. Не ее тело, но душа и то, чем Рада являлась на самом деле, золотое зернышко ее сути, не имевшее ничего общего с телом, которое она привыкла называть собой, с мыслями или чувствами, которые привыкла испытывать. Все теперь было иначе. Казалось, теперь она узнала себя.

Рада очень медленно возвращалась назад, ощущая, как с каждым мигмом обретает силу. Или наоборот, теряет ее? Казалось, это обнаженное золотое зернышко, этот язычок огня медленно и спокойно заворачивали слой за слоем, пеленали и укутывали. Первый слой — ощущение себя самой, второй слой — мысли, начавшие крутиться в голове, третий — чувства в ее груди, четвертый — осязание и чувствительность тела. Теперь все эти вещи почему-то казались лишними, но Рада не понимала, почему. Что-то словно шло не так, хоть она и чувствовала себя в безопасности. Что-то изменилось, хоть она не могла даже дать этому изменению описания, лишь смутно ощущала, что все теперь иначе.

Грудь медленно вздымалась, и Рада наконец-то сама могла раздуть ее и плотннуть больше воздуха. Сердце все еще колотилось как бешеное, но его стук смирялся с каждой секундой. Вернулась чувствительность рук и ног, осязание пространства. Что-то твердое под спиной, тепло ладони искорки на ее руке.

— Вот так, — удовлетворенно произнес голос Держащей Щит. — Вот так. Возвращайся к нам.

— Хвала Небесной Мани! Хвала!.. — шептала искорка, сжимая ее руку и поглаживая так, словно Рада мгновение назад была на краю смерти. Впрочем, так-то оно и было.

С трудом Рада вернула себе контроль над телом и раскрыла глаза, вспомнив, как это делать. Яркий свет больно резанул зрачки, но почти сразу же она приспособилась к нему и поняла, что он вовсе не настолько ярок, как казалось в первую минуту. Свет падал через занавешенное окно, заливая небольшое помещение, стены которого изнутри были обшиты светлой доской. На потолке над головой Рады виднелись тщательно оструганные сосновые бревна.

Она открыла рот, вдыхая всей грудью, и приглушенно выдохнула:

— Твою ж бхару! Как близко-то было!

— Как ты, Рада? Что с тобой? — искорка нагнулась над ней, и глаза ее были встревоженными, перепуганными и такими огромными, что Рада едва не утонула в них с

головой.

А еще сейчас она казалась такой красивой, еще красивее, чем всегда. На миг Раде подумалось, что она никогда не встречала ни единого живого существа, которое во всем мире было бы для нее прекраснее и дороже этой женщины. Я не позволю себе уйти и оставить тебя здесь, забыть тебя навсегда. Я никогда больше тебя не потеряю, никогда. Слишком тяжело и долго я искала тебя, слишком ждала, чтобы навсегда забыть.

— Я здесь, и со мной все в порядке, — хрипло проговорила она, с трудом улыбаясь искорке. Силы возвращались с каждой секундой, будто кто-то стружкой вливал их в каждую клетку Рады. — Правда, я понятия не имею, что вообще со мной произошло, и почему все это случилось.

— Слава Великой Мани, слава Ей! — искорка склонилась над ее ладонью, покрывая невесомыми поцелуями пальцы Рады, и несколько раскалено горячих слезинок обожгли кожу.

— Ты сказала, что было близко. Что ты имела в виду?

Рада повернула голову и встретила глазами с Держащей Щит анай. Именно ее голос, мягкий, уверенный, собранный, она слышала какие-то мгновения назад, пока они с искоркой пытались вытащить ее... откуда бы они ни пытались ее вытащить. Эрис была одета в белую военную форму, которая резко контрастировала с мягкими прядями темных волос, спадающих на плечи поверх короткого ворота стоечкой. Черты анай причудливо смешались в ее лице с эльфийской кровью, и теперь Рада видела, что она немного похожа на Лэйк, но совсем немного. Прямые брови, широкие скулы, упрямый длинный подбородок. Но при этом — удивительная мягкость, почти текучесть черт, взгляд темных глаз цвета полированного дерева, таких глубоких, что казалось, будто из них на Раду смотрит само время. Или существо гораздо более сильное, мудрое и вечное, чем все живущие в этом мире. Во лбу Эрис пульсировало, будто бьющееся сердце, золотое око, и его свет лился на кожу Рады, с каждым толчком вливая в нее силу и жизнь.

— Не знаю, — честно призналась Рада, отвечая на ее вопрос. От одного воспоминания о том, что только что случилось, ее дрожь пробирала, но сил становилось все больше. Она поняла, что может сесть, и подтянулась на руках, заметив, что лежит на застеленной кровати поверх простого шерстяного одеяла. Со вздохом она продолжила: — Я балансировала на самом краю. Казалось, еще чуть-чуть, и меня не станет.

— Возможно, так оно и было бы, — кивнула Эрис с какой-то задумчивой отрешенностью, и искорка тихонько охнула рядом. Взгляд ее серых глаз обратился к Раде и был таким пронзительным, что хотелось прижать ее к себе со всей силой и целовать, в исступлении целовать все ее лицо, каждую черточку.

— Не бойся, птичка, все уже хорошо, — тихонько улыбнулась ей Рада, стараясь поддержать. Губы искорки в ответ только задрожали, но она справилась с собой и кивнула.

Рада мельком огляделась, силясь понять, где находится. Небольшая светлая комната в деревянном доме. На полу сладко пахнувшая циновка, какие так любили анай, простой деревянный стол и два стула возле него. Чаша с огнем Роксаны в восточном углу комнаты, горящая даже сейчас, в западном углу — чаша с ароматическим маслом, от которого по воздуху плыл едва заметный свежий аромат. Белые занавески на окнах, крышка на столе, накрытая простой белой салфеткой. Чья-то форменная белая куртка накинута на спинку стула, у кровати — сундук, на крышке которого лежит книга в кожаном переплете. И сама кровать: неширокая, с простым соломенным тюфяком, твердым и жестким. Обстановка

выглядела так, будто это простой жилой дом, но никого, кроме искорки и Держащей Щит, Рада здесь не видела.

Она вопросительно взглянула на Эрис, и та пояснила:

— Когда ты потеряла сознание, мы перенесли тебя в наш с Тиеной дом. На улице слишком шумно, да и вряд ли Способные Слышать могли бы помочь тебе. Здесь Исцеление бессильно.

— Что же со мной тогда? — Рада тревожно сдвинула брови, но никакой опасности она больше не чувствовала. Только силы, которых, как будто, стало даже больше, чем перед ее падением. Она уже могла сидеть, а тело ощущалось так, будто и не было долгого перехода длиной в четыре недели от становища Сол до Рощи Великой Мани.

Искорка тоже встревожено взглянула на Эрис, не отпуская ладони Рады и нервно поглаживая ее пальцами, будто без этого та могла исчезнуть у них на глазах, буквально растворившись в воздухе.

— Я еще не до конца разобралась в том, что с тобой произошло, мне нужно будет время, чтобы убедиться, — негромко заговорила Эрис, пристально разглядывая ее. Теперь Рада была уже абсолютно уверена, что сквозь ее глаза на нее смотрит что-то гораздо большее, чем просто человек. Взгляд пронзал ее насквозь, заставлял дрожать, как лист на ветру, хоть Эрис и просто интересовалась ей, не испытывая никаких негативных или позитивных эмоций. Ее взгляд был едва выносим сам по себе. — Хорошо, что вы приехали именно сейчас. Боюсь, еще немного, и последствия были бы гораздо более серьезными.

— Последствия чего? — заморгала Рада.

Держащая Щит подняла ладонь к лицу Рады, и та ощутила едва заметное касание, хоть пальцы Эрис на самом деле зависли на некотором расстоянии от кожи. Щекотка пробежала по всему телу, и Рада передернула плечами. Взгляд Эрис остекленел, обращенный внутрь Рады, превратившийся в острую иглу, которая буквально насквозь протыкала ее нутро, выворачивала наружу, давая осмотреть Держащей Щит. Чувство было непривычным и таким интимным, что Рада неловко заерзала на месте.

— Не бойся, я просто смотрю и не буду ничего делать сейчас, — вновь заговорила Эрис, и теперь голос ее звучал приглушенно. — У тебя внутри что-то вроде блока, не знаю, как правильно это назвать. Никогда ничего подобного не видела, даже не слышала об этом, но мне сдается, что кто-то пытался скрыть твои эльфийские способности, искусственно заблокировать их внутри тебя.

— Сагаир! — одними губами прошептала потрясенная Рада, а Держащая Щит продолжила:

— Он замкнул твои способности сами на себя. Я вижу, что ты не настолько сильна, как Первопришедшие, однако, все же сила твоей крови очень велика. К тому же, есть еще и что-то странное в крови. Никак не могу разобрать что. — Глаза ее сощурились, взгляд стал пристальнее. Рада ощутила, как пересохло в горле, а на лбу выступил пот, но на этот раз ощущение не было опасным или страшным, как раньше. — Странно. Твоя кровь будто сворачивается в сгустки, которые... — Эрис вглядывалась все сильнее, будто и впрямь могла физическими глазами видеть сквозь плоть и кости Рады. Вдруг зрачки ее расширились от удивления. — В твоей крови серебро! Или что-то, очень похожее на серебро! Что это?

— Проклятье рода Стальвов, — проворчала Рада, опуская глаза. Не слишком-то приятно было говорить об этом. — Я ношу в себе монстра, которого передам своим чистокровным детям мужского пола. Это очень древняя сила.

— Я вижу, — медленно кивнула Эрис, взгляд ее стал еще более задумчивым. Больше она не произнесла ни слова, продолжая вглядываться в Раду и водить ладонями у нее перед лицом.

Несколько минут все молчали. Держащая Щит казалась погруженной в себя, Рада терпела странное ощущение, как будто ее плоть вывернули наизнанку и прогревали солнечными лучами. Искорка сидела рядом, сжимая ее ладонь и внимательно следя за тем, что делает Эрис. Наконец Рада не выдержала, слишком уж тяжело было просто находиться рядом с Держащей Щит. Да и сил в ней было столько, что не усидеть на одном месте. Ее буквально подбрасывало от распирающей грудь энергии.

— То, что случилось, было вызвано моей серебряной кровью? — негромко спросила она Эрис.

Та еще несколько секунд молчала, разглядывая ее, а потом со вздохом убрала ладонь и сморгнула. Ощущение щекотки прошло, как и невыносимая пронзительность ее взгляда, и Рада невольно выдохнула от облегчения, поводя плечами.

— Не совсем так, — Эрис прикрыла глаза, о чем-то раздумывая и глядя в пространство. — Но некоторым образом связано с этим, да. Мне нужно будет узнать о твоей серебряной крови как можно больше. Тогда я смогу сказать точнее.

— Это долгая история, — поморщилась Рада, не зная, стоит ли сейчас рассказывать об этом или стоит обождать. Эрис рассеяно покачала головой, словно прочитав ее мысли:

— Не сейчас. Сейчас у нас есть другие дела. После того, как ты получишь крылья. — Лиара открыла рот, подавшись вперед к Эрис, и та успокаивающе кивнула ей, прервав ее на полуслове: — Что же касается того, что только что с тобой случилось, у меня есть некоторые идеи. Полагаю, что много лет назад силу твоей эльфийской крови насильно замкнули на этих самых каплях серебра. Есть следы намеренного вмешательства, будто кто-то специально работал над тем, чтобы у тебя не было никаких способностей эльфов.

— Вот как, — нахмурилась Рада.

— Почему же тогда ей стало так плохо сейчас? — тревожно спросила искорка.

— Потому что здесь я, — спокойно отозвалась Держащая Щит так, будто это все объясняло. — Всю свою жизнь я развивала силу крови Первопришедших, разбавленную энергией Белого Источника, с помощью которого я была зачата. В конце концов, это позволило мне напрямую пропускать сквозь себя мощь Великой Мани и жить в бесконечном Ее присутствии. Естественно, что и я, и Тиена, носим Ее внутри себя постоянно, и Она имеет свойство распространяться вокруг. Эта сила пропитывает Роцу до самого основания, каждый камушек, каждое дерево, сам воздух, и анай, что находятся здесь. Как только вы вступили сюда, эта сила попыталась войти и в вас, но у тебя, Рада, стоит блок на любую эльфийскую энергию, поэтому ты едва не погибла, когда моя мощь начала сносить этот блок.

Рада молча смотрела на нее, не зная, что сказать. Искорка тревожно переводила взгляд с нее на Эрис и обратно.

— Я даже не знала о том, что этот блок есть у тебя, пока тебя сюда не принесли. И не догадывалась о том, что моя энергия могла повредить тебе. И все же я прошу прощения за то, что невольно нанесла тебе вред и поставила тебя на грань жизни и смерти. — Рада попыталась было возразить, но Эрис лишь нетерпеливо махнула рукой, отменяя прочь все ее слова, и зубы Рады с щелчком схлопнулись. В этой женщине не было гордыни или самоуверенности, даже властности не было, но от нее шла такая невыносимо мощная

энергия, что не повиноваться ей было просто невозможно. — Когда я попыталась помочь тебе и вытащить тебя обратно, я наткнулась на этот барьер, но ты не позволяла мне справиться с ним. Ты испугалась и боролась.

— Еще бы я не боролась! — хмыкнула Рада, покачав головой. Искорка рядом побледнела, как полотно, и чтобы успокоить ее, Рада подмигнула ей.

— Да, это и спасло тебя, — подтвердила Эрис. — Ты смогла прорваться сквозь барьер и с моей помощью разрушить его. Полагаю, именно это ты и восприняла, как едва не случившуюся с тобой смерть. Учитывая его крепость, ты была недалеко от правды.

— Я пробил барьер? — Рада недоуменно прислушалась к себе. Она не чувствовала ничего похожего, но и барьера-то раньше она тоже не чувствовала. С интересом воззрившись на Эрис, она спросила: — И что это значит?

— Это значит, что теперь ты сможешь вновь научиться тому, каково это — быть эльфом. Со слов Лиары я поняла, что она уже пыталась учить тебя. Также ты занималась с Лэйк и Найрин, что косвенным образом способствовало тому кризису, который сейчас с тобой случился.

— Выходит, я сделала что-то, о чем и сама не подозревала? — Рада поскребла макушку, недоумевая. — Пробила блок, о существовании которого и не знала?

— Великая Мани ведет нас дорогами, известными лишь Ей одной. И мы можем узнать о Ее планах в самый последний момент. Или, возможно, наша душа сама прекрасно знает все, а время, чтобы понять, нужно лишь нашему рассудку? — в голосе Держащей Щит прозвучала задумчивость. Потом она встряхнулась и вновь взглянула на Раду. — В любом случае, блока больше нет. И если ты захочешь в полной мере овладеть данной тебе от рождения силой, то я смогу помочь в этом.

— Благодарю тебя, Дежащая Щит анай, — Рада склонилась перед ней, сама не до конца понимая, как относится ко всему сказанному. Ей всегда хотелось уметь столько же, сколько и Алеор. Но она даже и не представляла, что придется заплатить за это так дорого. Проклятье, я ж едва не погибла! И здесь ты до меня дотянулся, Сагаир, чтоб тебе сгореть в пепел!

— Пока еще не за что, — мягко улыбнулась ей Держащая Щит. — И называй меня — Эрис. Я не люблю формальности. А сейчас лучше было бы, если бы ты вернулась в казарму и хорошенько поспала. Ты пережила сильную атаку, и как бы хорошо себя ни чувствовала, тебе необходим отдых. У нас еще будет время на то, чтобы побеседовать обо всем важном и сделать все необходимое, чтобы тебе в будущем ничто не угрожало. А сейчас — отдыхай, Рада.

===== Глава 46. Полученный ответ =====

Рада спала, натянув по самый подбородок одеяло и тихонько посапывая во сне. Она настояла на том, что займет верхнюю кровать, хоть Лиара и считала, что в ее состоянии не следовало лезть на эту верхотуру. И как бы Рада ни убеждала ее в том, что чувствует себя превосходно, Лиара ведь видела, как ей было плохо всего несколько часов назад. Одно воспоминание об этом заставляло ее сердце обливаться кровью. Что бы она ни говорила, но после такого не скажут галопом, перепрыгивая через препятствия, сколько бы сил внутри ни было. Но разве же Раду остановишь?

За окнами казармы лежал мягкий рыжий вечер. Издали доносилось монотонное дыхание водопада, навевающего сонливость. Закатные солнечные лучи нежно вливались в окна, прочертив золотыми полосами полутьму казармы. Становище затихло, все разбрелись

по домам, завершив свою дневную работу на сегодня. И лишь приглушенное пение Жриц из храма, который они видели сегодня утром, вязкой нотой вливалось в однотонный шум падающей воды. Да Младшие Сестры приглушенно переговаривались друг с другом, по крайней мере, те, кто еще не спал. Большая часть уже дрыхла без задних ног после долгой дороги и длинного, полного впечатлений дня.

Сама Лиара уйти в грезы сейчас не смогла бы, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Сегодня она впервые испугалась по-настоящему, люто и до глубины собственного существа, когда Рада почти перестала дышать, а в действиях Держащей Щит, пытавшейся вытащить ее из того странного транса, появилась нервная лихорадочность. Всего несколько ударов сердца, в которые Лиара думала, что прямо сейчас может потерять Раду. Но эти удары стоили так дорого, словно она сама проболела несколько лет и едва поднялась со смертного одра.

Опустошение было огромным, будто океан, но голова оставалась яснее некуда. Подтащив себе стул, Лиара взгромоздилась на него с ногами, села на корточки на простом деревянном сиденье, и теперь не отрывала глаз от спокойного лица Рады. Отчего-то ей казалось, что стоит хоть на миг отвернуться, и она снова начнет так страшно задыхаться и таять, будто свеча. И уйдет, не взяв ее с собой, бросив здесь одну.

Если ты когда-нибудь попытаешься так сделать, я пойду следом за тобой. Сказать этого Раде вслух Лиара не осмелилась бы, та, скорее всего, извелась бы после этого и еще и выругала бы ее за глупость. Но думать-то Лиаре никто не запрещал, а ее мыслей через золотую точку эха в груди Рада слышать не могла. Я никогда не останусь одна в мире, где нет тебя. Это как жить без солнца, без воздуха, без тепла. В глазах опять начало щипать, и Лиара сглотнула, приказывая себе быть сильной. Она не будет плакать, ни за что, как бы страшно ей ни было.

Рада лежала такая спокойная, такая красивая, такая тихая. Волосы упали ей на лоб, длинные ресницы не дрожали, дыхание неслышно срывалось с полуоткрытых губ. Лиара слушала и слушала золотую точку в груди, которая была мягкой и теплой сейчас, полной покоя. Ей вновь вспомнилось, как сдавило лютой болью грудную клетку, как стало холодно в тот миг, когда Рада почти перестала дышать. Будто между ребрами у Лиары было не ее мягкое и ровное тепло, а острая ледышка, изранившая краями все ее нутро. Там до сих пор болело, и она время от времени морщилась и потирала рукой сердце, будто это хоть как-то могло помочь.

Она и не помнила, сколько здесь сидела. Кажется, с того самого момента, как силой затолкала Раду в кровать, хоть та и голосила вовсю, что сил у нее хватит всю долину три раза по кругу обежать. Правда, стоило ей вытянуться на своем матрасе и закрыть глаза, как дыхание ее сразу же выровнялось, а веки перестали дрожать. С тех пор она и спала, даже ни разу во сне не пошевелившись, словно у нее не было на это сил. А Лиара сидела возле нее, боясь и на минутку отойти.

Вокруг нее сновали туда-сюда Младшие Сестры, которые то и дело возвращались в казарму за своими вещами, что-то приносили или уносили, заходили за кем-то и вновь уходили бродить по Роще. Кое-кто из них пытался узнать у Лиары, что случилось: весть о том, как упала Рада, быстро расползлась по Роще. Но Лиара только отрицательно качала головой, не сводя глаз с лица своей суженной, и постепенно ее оставили в покое. Немалую роль в этом сыграла и Ута, приглушенным яростным шепотом наоравшая на молодых Каэрос и приказавшая им не трогать их с Радой. После этого Младшие Сестры только издали

поглядывали на Лиару, но подходить не осмеливались.

Потом они одна за одной потянулись к своим кроватям, когда вечерние тени расчертили долину, а Ута неумолимо объявила отбой. Правда сама наставница почти сразу же покинула казарму вместе с остальными старшими, наказав перед уходом, что будет неожиданно возвращаться и проверять, все ли на своих местах. Потому наверное никто из Младших Сестер и не решился в первый же вечер удрать, нарушив ее приказ.

Впрочем, кое-кто из них все еще продолжал негромко переговариваться и обсуждать события сегодняшнего дня, лежа рядом в кроватях. Замолкали они тогда, когда дверь в казарму резко открывалась и внутрь просовывалась голова Уты. Такое случилось уже дважды, но Лиара даже не обернулась на звук. Ей было ни до чего.

Странное отупение разлилось внутри. Она так мечтала попасть сюда, в Роццу, так стремилась увидеть самое сакральное для анай место, поговорить с Держащей Щит, учиться у нее. И так забылась, полностью уйдя в свои мечты, что даже не заметила, как плохо здесь стало Раде. И да, пусть сейчас опасность миновала, но она продолжала клясть себя последними словами за свое равнодушие, эгоизм, невнимательность. Если бы чуть раньше она придала больше значения самочувствию Рады, если бы сразу обратилась за помощью к кому-нибудь, пусть даже к самой Эрис, может, это не поставило бы Раду на грань жизни и смерти. Пусть даже и сама Рада воспротивилась бы такому осмотру, все равно. Я же не сделала ничего. Только пялилась вокруг с открытым ртом и думала о себе.

И ведь ровно настолько же четко она осознавала и другое: во всем случившемся не было ровным счетом никакой ее вины. Если ж кого и винить, то это Сагаира: именно он сделал так, чтобы все способности Рады были заблокированы, именно из-за его блока Раде и стало так плохо в Роце Великой Мани. И уж совершенно точно Лиара не могла предугадать, что так случится, как не мог этого сделать и кто-нибудь другой. И Держащая Щит народа анай подтвердила, что Раде больше ничего не угрожает, что она справилась и пробила блок, а значит, ее жизнь теперь вне опасности. И переживать и рвать сердце из-за того, что только что случилось, не имело никакого смысла, но прекратить это делать Лиара просто не могла. Это было выше ее сил, по крайней мере, сейчас.

Постепенно за окнами казарм темнело. Стояли самые длинные дни в году, и солнце никак не желало уходить за горы, гаснуть бесследно. Роксана сейчас владела небом, и Ее сверкающий щит перекачивался за краем мира обратно, с запада на восток, прочерчивая по самому окоему неба едва заметную светлую полосу, ни на миг целиком не уходя за горизонт. Зажглись где-то над Лиарой серебристые звезды, она ощущала их свет, пусть и скрытый от нее соломенной крышей казармы. В этом месте она гораздо острее ощущала весь мир и неукротимую энергию природы, буквально сгущенную и дрожащую вокруг Держащей Щит и Великой Царицы анай.

Теперь сквозь высокие окна казармы пробивался слабый свет звезд. Его едва видимые серебристые лучи ложились на лицо Рады, росой скапливаясь на самых кончиках ее ресниц. Лиара все смотрела и смотрела, и никак не могла насмотреться. Я почти потеряла тебя сегодня. Я никогда больше ничего подобного не допущу. Клянусь.

Тихонько скрипнула дверь, и внутрь всунулась голова Уты. Лиаре даже поворачиваться не нужно было, чтобы видеть, кто это. Здесь ее чувствительность обострилась до предела, теперь не было необходимости погружаться в пространство и растворяться в нем, чтобы знать, что происходит вокруг нее. Она и так была всем, лишь сгущенным в одном теле, которое сейчас сидело на стуле, словно на жердочке, и не отводило глаз от Рады.

По всем правилам дверь должна была скрипнуть и затвориться, как Ута делала уже дважды этим вечером. Вместо этого за спиной Лиары простучали тяжелые шаги, и наставница остановилась за ее плечом, молча разглядывая ее.

— Я тебе попить принесла, — негромко пробурчала она, и Лиара пошевелилась, вырываясь из оцепенения. — Чаю. Он горячий.

Она обернулась и с удивлением взглянула на наставницу. Лицо той скрывали тени, в руках дымилась горячим парком чашка с чаем. Никогда Ута ничего подобного не делала, ни одна Младшая Сестра не получала от нее ничего, кроме ругани. Так почему же сейчас?

— Спасибо, — тихонько кивнула Лиара, забирая чашку из ее рук. Чай пах мятой, медом и черной терпкостью. Анай предпочитали такой крепкий чай, что от него у Лиары едва язык в трубочку не сворачивался. Но наставница заботилась о ней так, как могла.

— Как она? Просыпалась? — Ута кивнула головой на Раду, и в голосе ее послышалась неподдельная тревога.

— Нет, — покачала головой Лиара, прихлебывая чаю и морщась от его крепости. Впрочем, мята и мед хоть немного, но спасали положение. — Как уснула, так и спит.

— Ну вот и славно, — кивнула Ута, как показалось Лиаре, одобрительно и успокоенно одновременно. — Пусть спит, сил набирается. Держащая Щит попросила меня не беспокоить вас, сказала, что Раде нужно побольше отдыхать.

— Держащая Щит очень добра, — тихо заметила Лиара, делая еще глоток чаю. Пусть он и был крепкий, да еще и горячий до такой степени, что она едва могла коснуться раскаленного края кружки губами и сделать крохотный глоток. Но попить было хорошо. Во рту у нее царил такая сушь, словно туда ссыпались пески всех пустынь мира.

— Еще она попросила меня передать вам, что вы получаете ее разрешение гулять по Роще, — Ута перекатилась с пяток на носки, качнувшись взад-вперед, нахмурила темные брови. — Не сказала бы, что меня уж очень это радует. Обычно, если кому-то делается исключение, рано или поздно все остальные тоже начинают драть глотки и требовать таких же исключений для себя. Но с другой стороны вы ведь действительно исключительны сами по себе. К тому же, вряд ли вы будете устраивать какие-то неприятности, ввязываться в драки или мешать Жрицам.

Ута звучала так, будто старалась убедить в этом саму себя. Лиара подавила улыбку, что бы ни происходило, наставница все равно оставалась наставницей, и ей не слишком-то нравилось вмешательство кого-либо в ее дела. Пусть даже этим кем-то была сама Держащая Щит народа анай, перед которой Ута по-настоящему благоговела.

— Благодарю, наставница, — тихо проговорила Лиара, стараясь сделать так, чтобы в голосе прозвучало как можно больше тепла. Ута ведь вовсе не виновата в том, что у Лиары внутри все будто мертвое. — Обещаю, мы не создадим проблем.

— Да я в этом и не сомневалась, — проворчала та под нос.

Некоторое время она молчала, разглядывая спокойно спящую Раду. Наглядевшись, Ута опустила глаза на Лиару и негромко заметила:

— Тебе бы самой поспать, девочка. Измаялась же совсем.

— Я не нуждаюсь в сне, — отрицательно покачала головой Лиара.

— Проклятье, но отдыхаешь ведь ты как-то, да? Грезы эти твои или как их? — наставница поморщилась. — Ложись давай. Чтобы убережь ее и помочь ей, тебе самой нужны силы.

— Скоро лягу, наставница, — послушно кивнула Лиара, грея замерзшие ладони о чашку

с чаем в руках.

Ута еще некоторое время с сомнением разглядывала ее, в конце концов, добавив:

— Смотри, я все еще остаюсь твоей наставницей, и коли я приказала тебе спать, значит, ты берешь и ложишься спать. Все ясно?

— Так точно, первая, — Лиара невольно улыбнулась в ответ, чувствуя, как что-то теплое пробивается сквозь забившую всю грудь пустоту и чувство вины.

— Ну-ну, — буркнула та.

Она тяжело прошагала к выходу и закрыла за собой скрипнувшую в темноте дверь.

Чай оказался как нельзя кстати, и Лиара поняла, что с удовольствием допила чашку до дна. От этого внутри стало чуть теплее, чем раньше, да и после добрых слов наставницы, хоть и сказанных весьма хмурым тоном, печаль внутри немного отступила. Посидев еще и поглядев на Раду, Лиара решила, что надо бы вернуть кружку. Ничего не случится, если она уйдет всего-то на пару минут. Я не могу не отходить от нее ни на шаг всю оставшуюся жизнь. Это и бессмысленно, и глупо. Разве что глаза ей намозолю так, что она и видеть меня не захочет. Впрочем, головой-то она свою правоту понимала, а вот сердце продолжало болезненно ныть, обвиняя ее в эгоизме и глупости, в невнимательности и лени.

Вздыхнув, Лиара спустила ноги со стула и тихонько прокралась к двери. Скрипнули давно несмазанные петли, и в лицо ей дохнула теплая летняя ночь. Сейчас она казалась по-настоящему дивной. Звезды мерцали с черного неба, почти что падая на разлапистые верхушки криптомерий, в полном безветрии застывших далеко вверху. Серебристый свет таинственно ложился на сверкающий во тьме водопад, и Лиаре показалось, будто это и вправду и не вода вовсе, а миллиарды алмазов, рекой срывающихся с утеса вниз.

Земля под ногами мягко пружинила, когда она спустилась с невысокого крыльца и огляделась в поисках разведчиц. Неподалеку горел костер, возле него негромко разговаривали какие-то фигуры. Дымок тянулся над трубками в их руках, пламя алыми языками танцевало между их резко очерченных во тьме силуэтов. Лиара уже направилась в ту сторону, как вдруг позади нее послышался тихий звук. Так ветка хрустит под ногой подкрадывающегося человека.

Лиара резко развернулась на звук, обостренным до предела сознанием ошупывая окружающий мир. Почему-то вспомнилась, как они убегали от преследующей их Своры прошлой осенью по дороге из Латра в Онер. Теперь ей казалось, будто это было целую тысячу лет назад, а то и вообще в другой жизни. Какая-то бледная фигура мелькнула на фоне деревьев, углубляясь во тьму, и от нее разлилось странное тягучее ощущение, завораживающее и мягкое.

Лиара заколебалась, глядя туда. Можно, конечно, пойти следом, но тогда Рада останется совсем одна в казарме. Брось, там помимо нее еще четыре десятка Младших Сестер, а сами мы в Роще Великой Мани, которую стерегут Великая Царица и Держащая Щит. Ничего с ней не случится. Да и Эрис сказала, что все будет хорошо. А ты не можешь опекать ее постоянно, и сама прекрасно знаешь, что не виновата в том, что случилось сегодня.

Она понимала, что с разлившимся внутри страхом и омертвлением нужно что-то делать. Еще час назад она бы и не вспомнила об этом, но разговор с Утой и сама энергетика этого места подталкивали вперед, заставляли идти. Смерть Рады была самым страшным, что могло бы случиться с Лиарой в этом мире. Но она сама когда-то поклялась, что будет бороться с собственным страхом и не даст ему над собой воли. И сейчас пришло как раз то время, когда

нужно было доказать себе правоту собственных слов. А может, Лиара готова была вцепиться во что угодно, чтобы избавиться от того мерзкого чувства омертвения в груди? Помоги мне, Великая Мани, молю Тебя. Чтобы защитить ее, мне нужны все силы, какие я только могу собрать. Помоги мне выбраться самой, чтобы я могла вытащить ее.

Решительно выдохнув, Лиара зашагала в том направлении, где видела мелькнувшую среди деревьев Роши фигуру. Кружку ей было девать совершенно некуда, а потому она просто несла ее в руке.

Запах криптомерий был странным, гораздо сильнее и, если можно так сказать, древнее, чем пахли обычные сосны. С ним мешался тонкий аромат ночных цветов, прелый запах мха, гниющей хвои, свежей зелени. Лиара прикрыла глаза и вдыхала его всей грудью. Как же хорошо, что Держащая Щит просит их задержаться здесь! Ей хотелось провести в этом месте как можно больше времени. Нигде еще она не ощущала себя настолько живой и полной.

Серебристый свет с трудом пробивался сквозь густые кроны высоченных деревьев, рассеянной шалью ложился на землю, но Лиаре это не мешало. Она вывернула глаза, наблюдая вокруг пляску энергий, и с каждым мигмом изумление ее росло, а все страхи и тревоги отступали все дальше и дальше во тьму.

Лес вокруг был пропитан... чем-то. Такого она еще никогда в жизни не видела. Дрожащее серебристое марево, словно сгущенный звездный свет, только переливающееся всеми цветами радуги, медленно полощущееся, словно длинные травы на дне бурной реки. Или волосы прекрасной женщины, с которыми играет ветер. Или переливы северного сияния, что возникает, как говорят, на небе в нестерпимые холода. Только здесь это сияние наполняло все. Оно медленно двигалось, закручиваясь в спирали между деревьев, оно стелилось по земле и взбиралось по стволам, оно легкими занавесками на ветру опадало сверху вниз, а потом также медленно взлетало вверх, как тополиный пух, который лениво гоняет ветер в жаркий летний полдень.

Обычные глаза Лиары видели светлячков, что кружились в воздухе, крохотными огоньками мерцая во тьме. Вывернутые глаза Лиары наблюдали тех же светлячков крохотными голубыми вспышками, загорающимися тут и там в невероятной пляске сияния, что сочилось, струилось, текло без конца, переливаясь и переливаясь в вековечном круговороте между древних стволов.

Она вытянула ладонь, и один из светлячков доверчиво подлетел и уселся на протянутую руку. Зрение буквально двоилось, и Лиара часто моргала, не понимая, что с ней происходит. Обычно она могла видеть или своими физическими глазами, или тем другим взглядом, который раскрывал перед ней как книгу мир энергий, но никогда еще оба взгляда не существовали одновременно, дополняя один другой. Светлячок дернул крылышками, повел усиками. Он был одновременно золотой точкой в ночи и голубой вспышкой в немыслимой игре цвета и тени, в цветочных волнах силы, что заполняли весь мир.

А следом за этим изменился и слух Лиары. Такого раньше не случалось с ней, столь многого сразу, и она заморгала от удивления, разглядывая мир огромными глазами. Откуда-то слышалась песня, странная, тягучая, и это был вовсе не тот звук, что могло издать человеческое горло. Но и не могучий Ритм, наполняющий весь мир, который она привыкла слышать у себя в груди, раскрывая себя в тот миг, когда ее заполняла Песня.

Больше всего это походило на волны. Или на ветер, что поднимается где-то над бескрайней равниной, собирая пригоршни цветочной пыльцы, жужжащих пчел, недовольных шмелей, быстрокрылых ласточек и белых, мягких как овечий пух облаков. У этого не было

звука в том понимании, к которому так привыкли уши Лиары. У него было движение, если можно было так выразиться, скорость, постоянно изменчивая, и направление потока, который плелся и плелся, будто нить на веретене. Она различала даже изменения тона, который то становился чуть ниже, больше походя на басовитые стоны древесных корней в бурю, когда жестокие порывы ветра набрасываются на стволы, стремясь вырвать их из земли, разломать, разбить в щепки; то взлетал вверх, превращаясь сначала в неумолчную барабанную дробь капель дождя по размытой дороге, по глубоким лужам, промытым в рыжей глине дорожного полотна, а потом и в золотистый перезвон на ветру березовых листочков в середине лета.

Никогда Лиара не слышала ничего подобного. Даже песнь Улыбашки, которую та пела камню, когда они перебирались через Семь Преград, не шла ни в какое сравнение с этим. Пораженная до глубины души, она зашагала в лес, позволив себе стать слухом, что впитывал эту красоту, зрением, что растворялось в ней, становилось ее частью.

Энергии плыли и плыли вокруг, и когда она протягивала руку, закручивались у ее пальцев будто ручные. Сияние омывало ее со всех сторон, освежало, наполняло невесомой легкостью, отчего ноги так и норовили пуститься в пляс. Лиара выдохнула и расслабилась, отпуская свое сознание, позволяя ему растекаться вокруг, впитываться, как растворяется капля алой краски в кристально чистой воде.

Теперь она чувствовала и что-то третье. Серебристый свет звезд — сила Первопришедшей, сила Эрис, которая распространялась, наполняя все вокруг. Песня — сила Жриц, тех самых Поющих Земле Раэри, что помогали восстанавливать сожженную во время войны Рошу Великой Мани. Но было и третье. Пульсация столь быстрая, что казалась статичной. Интенсивность солнца, сжатого в одну пылинку. Нежность настолько всеобъемлющая, настолько непобедимая, что никакая сила не смогла бы переломить ее. Лиара улыбнулась, всей собой потянувшись к этому ощущению, такому хорошо знакомому, такому нужному. Сила Великой Мани текла в воздухе, и воздух здесь был иным, не таким, каким она дышала во всех остальных местах.

Почему-то вспомнился тот миг над Огненной Землей, когда Рада вела их по золотому мосту сквозь вечность. Лиара смутно помнила, что воздух тогда показался ей совершенно иным, что его структура была иной и не напоминала то, чем они дышали каждый день. Более густая, насыщенная, более полная. Что-то похожее она ощущала и здесь, словно концентрация силы Великой Мани в этом месте была достаточной для физических изменений.

Лиара вздрогнула, резко остановившись. Что-то правильное было в промелькнувшей в голове мысли, что-то, о чем она не раз уже думала, что искала, чему посвятила долгие часы размышлений, медитаций. И вдруг это нашлось само, вот так, буквально по щелчку пальцев. Но что нашлось? О чем она только что думала?

Концентрация силы Великой Мани в одном месте, правильно, вот оно. Чем гуще сила, разлитая в одном месте, чем выше плотность этой силы, тем выше вероятность физического изменения самой среды. Лиара нахмурилась. Она не понимала, головой не понимала, но уже почти уловила, почти поймала кончиками пальцев разлетающиеся во все стороны мотыльки-мысли. Среди них был один ослепительно-белый, словно ландыш в ночи. Один правильный.

Она уже забыла, куда и зачем шла, все потеряло свое значение. Замерев в тених посреди Роши Великой Мани, укутанная в звездный свет и странную пульсирующую силу, которой здесь было пропитано все, Лиара отчаянно искала ответ на вопрос, который они задавали с

Радой тысячи и тысячи раз. Вопрос, которого она даже не могла сформировать, которого не могла озвучить.

Сила Великой Мани, низведенная в материю напрямую, растворенная в ней. Не через посредничество кого-то, хотя поначалу, скорее всего, именно так и придется ее проводить, это и делает Эрис, к этому и стремится. Но если ее ввести напрямую, что изменится? Изменится ли сам закон существования всех разумных видов? Ведь не будет больше отдельно человеческого тела, леса, земли, деревьев на одной стороне, и энергии, духа, мира Богов, мира за Гранью, всего того, что называют нематериальным на другой. Но что тогда будет? Если они объединятся, если они станут одним целым, что тогда...

Глаза Лиары расширились в понимании, огромном и чистом, ослепившем ее молнией и перетряхнувшим все ее существо сверху донизу. Ненужная пустая кружка выпала из пальцев, а она стояла с открытым ртом и глядела, глядела перед собой широко открытыми глазами.

Не будет больше мира Богов где-то там, неведомого, в который большая часть людей и не верит. Не будет больше страдания внизу, в грязи и труде, в поте и страхе, в вечной смерти от болезни, старости, ножа или яда. Будет третье, новое, в котором человеческое тело станет божественным, в котором образуется нечто новое, нечто совершенно иное, чего еще никогда не было.

Она вдруг засмеялась, задыхаясь, широко открытыми глазами глядя вокруг, как в самый первый миг, как в первый день, в котором еще нет ничего, который только-только открыл свои глаза и смотрит ими, не понимая, что это. Она засмеялась как ребенок, прижав ладошки к губам, ведь это было так просто, так смешно, так чисто. Эрис и Тиена хотели победить смерть. Свои тела они сделали каналами, по которым спускали силу Великой Мани в мир и концентрировали здесь, в этой Роще. Чтобы рано или поздно концентрация этой силы стала достаточной для того, чтобы произошло изменение. Это как если смешивать два разных напитка в одном стакане или растворять сахар водой. Настанет миг, когда это станет чем-то третьим, иным состоянием, в котором будет достигнуто единство. Нужно лишь, чтобы кто-то начал проводить эту силу сквозь себя.

— О, Боги! — прошептала Лиара, держась руками за грудную клетку, которую буквально распирало, почти разрывало золото. — Так вот почему мы здесь!

Ведь они с Радой тоже когда-то совершенно случайно нашли эту самую золотую ноту, которую анай называли даром Роксаны, этот самый огонь меж ребер, что горел и горел, не давая забыть о себе ни на миг. И Кай говорил, что такого никогда раньше не было, и Алеор чувствовал, что что-то изменилось, но все никак не мог сказать, что. Не означало ли это, что Эрис и Тиена действительно смогли достичь первых результатов? Что сила, которую они так звали, так тянули в свои тела, дала первые всходы, начав пропитывать материю? И что на другой стороне мира родились двое, у кого эти изменения стали необратимыми. Что эти двое нашли друг друга и пришли сюда, в этот край, чтобы учиться и...

— Вот, чего ты хочешь от нас, Великая Мани! Вот, зачем ты привела нас сюда! — Лиара задыхалась, держась обеими ладонями за грудь. Ей казалось, что ее глаза сейчас просто вылезут из орбит или лопнут, и вместо них останется лишь золотой свет, льющийся во все стороны без преград и помех. — Ты хочешь, чтобы мы стали такими же каналами, чтобы мы тоже проводили сквозь себя эту силу! И чтобы однажды, может быть, стали детьми нового мира, первыми его детьми!..

И почему она никогда раньше не задумывалась об этом? Почему не догадалась? Когда по весне лед встает намертво на реке, чтобы сдвинуть его с места, нужны проталины. Одна

проталина — и ничего не будет, как и две проталины тоже ничего не дадут. Но если их будет больше... С одного камешка лавина не начнется, пока он не толкнет другой камешек, а тот — третий. Одна единственная рыбешка, что плывет против течения, не заставит весь косяк развернуться, но если их будет две, три, четыре... Капли дождя, с которых начнется ливень. Первая снежинка, после которой заревет буран.

Задыхаясь, Лиара упала на колени на прохладную влажную землю под сводами огромных криптомерий. Казалось, они простояли здесь тысячи лет, и в то же время они были молоды, еще вчера — крохотные семечки, воткнутые в землю и воспетые с таким трудолюбием, с такой нежностью, с таким неистовым стремлением и желанием совершить чудо. Ведь в сущности, что такое чудо? Всего лишь то, что выходит за рамки обычной жизни человека, что по его разумению, не может случиться само по себе. Не может дерево в объёме в несколько метров вырасти за семь лет. Не может маленькая девочка, брошенная в глухомани Мелонии, пройти через полмира и нерушимые Семь Преград. Не может человеческое тело стать бессмертным.

Маленький золотой светлячок уселся на правую руку Лиары, пополз по костяшкам ее пальцев. Он светился золотым и синим, он плыл в потоке вековечных энергий, но был при этом вполне обычным толстым светлячком, чьи лапки ошутимо топтали ее кожу. У этого светлячка не было таких глаз, чтобы увидеть ими Лиару, и он, наверное, не поверил бы, если бы ему сказали, что на свете есть эльфы, и что эти эльфы способны петь звездам. Так может ровно так все обстояло и для самой Лиары? Может ей просто никогда не приходило в голову поверить в то, что в мире есть сила, и с помощью этой силы она может победить смерть? А для этого всего-то и надо, что открыть глаза. По-настоящему открыть их.

И ведь ей уже показывали все это и не раз. Там, за Семью Преградами, и до этого тоже, и после этого, в медитациях и грезах, во снах и наяву, когда что-то помогало им с Радой делать невозможное. А она все задавалась одним и тем же вопросом, она все пыталась понять и отказывалась видеть, что ответ ей уже дан. И что он проще этого крохотного светлячка, неторопливо перебирающегося по ее ладони. Аккуратно спрыгнув с ее костяшки на склонившуюся к земле травинку, светлячок принялся карабкаться по ней, а Лиара подняла голову к звездам, улыбаясь счастливо и свободно, так свободно, словно крылья за спиной у нее и правда были, вот прямо сейчас.

— Мне просто нужно захотеть, не так ли? Вот и вся отгадка! — она засмеялась еще громче, чувствуя, как слезы нежности сбегают вниз по щекам, чувствуя такое нужное, такое необходимое и мягкое прикосновение чего-то огромного, что обнимает все ее тело и баюкает ее душу в сверкающих ладонях. — Мне просто нужно стать каналом для Твоей силы, Великая Мани. Открыться, чтобы эта сила шла вниз, в мир. Не сопротивляться, не роптать, не думать. Быть лишь проводником Твоей силы, и тогда все изменится. Тогда все станет иначе.

Казалось, что краски и переливы силы вокруг нее стали еще нежнее. Звезды серебряными искрами опадали на землю, оставляя в воздухе после себя сверкающие дорожки. Или не звезды это были, а кружащиеся светлячки? Или не светлячки, а нити энергии, что вращала миры и рождала вселенные? Мир казался Лиаре теперь совсем иным, полным Тайны, и эта Тайна подмигивала ей из теней и переливов света, из корней деревьев и их столь высоко застывших в небе крон, из движений крылышек мотылька и стука ее собственного сердца в груди.

Лиара ощутила чей-то взгляд и вскинула голову. Она и думать уже забыла о той фигуре,

что привлекла ее внимание и заставила последовать за собой в чащу. Слишком уж заняли ее размышления, слишком переворачивающей весь мир с ног на голову оказалась правда, раскрывшаяся перед ней лепестками хрустального цветка, сотканного из звездной тишины. И теперь Лиаре казалось, что она — и не она вовсе, и что в один миг весь мир вокруг нее переменялся, став совсем новым и незнакомым.

В стороне, шагах в десяти от нее, стоял на мягкой земле зверь. Он был очень велик, почти что с лошадь высотой, но при этом выглядел удивительно изящно для такого большого роста. И совсем не страшно. Зверь молча глядел на Лиару, и она не испытывала ничего, ни опасения, ни неловкости, даже любопытства. Кажется, сейчас она вообще забыла, что такое эмоции. Лишь громадная золотая пульсация в груди наполняла ее, заставляя все ее существо биться в унисон с Великой Мани.

У него была серебристая шерсть, длинная, густая, жесткая на загривке и лапах. С виду зверь походил на волка, но Лиара видела его глаза: два задумчивых голубых кристаллика, обломки неба, застывшие под кустистыми бровями. А по его шкуре, скатываясь с каждой шерстинки и капая вниз, но растворяясь по пути к земле, текла энергия, переливающаяся всеми цветами радуги. И Лиара поняла, что знает, кто перед ней. Наверное, еще час назад она изумилась бы до глубины души, но теперь ей почему-то было всего лишь любопытно. Чудеса везде. И они бывают гораздо проще, чем мы об этом думаем.

Зверь слегка приподнял голову и шумно понюхал воздух. Совсем как делали царица Лэйк или первый клинок Торн.

«Зачем ты шла за мной, Дочь Звезд?»

Образы закружились в голове Лиары водоворотом, складываясь в слова, которые пытался передать ей сальваг. Она видела протоптанную в снегу цепочку следов между укрытыми снеговыми шубами невысокими елочками, странное существо, буквально сотканное из лунного света с глазами-колодцами, которое шагало по слегка поблескивающей в темноте морозной глади наста, не оставляя за собой следов и вода головой из стороны в сторону, словно отыскивая кого-то. Она улыбнулась волку, смутно удивляясь тому, как странно он видел ее в своих образах.

«Я заметила тебя издали, и мне стало любопытно.» Лиара постаралась отправить волку свой ответ точно таким же образом, как он прислал ей вопрос. Для этого не было никакой необходимости открывать рот и выговаривать слова. Нужно было лишь тронуть разлитую вокруг ауру сальвага, его сознание, похожее на подрагивающие струны арфы в бескрайней пустоте. Тронь одну струну здесь, одну там, мягко и нежно, и он услышит именно то, что ты говоришь ему. Лиара помнила, что так ее учили общаться много лет назад в Иллидаре. Чаще всего именно таким образом разговаривали между собой эльфы, которые считались близкими друг другу или членами одной семьи. «Прости, если я потревожила тебя», — добавила Лиара, слегка опуская голову в извиняющемся поклоне. Сальваг все так же смотрел на нее, не шевельнувшись, даже не моргнув. «Просто в этом лесу разлито так много силы, что я хотела поглядеть на ее Источник».

«Тогда тебе следовало бы поглядеться в зеркало, Дочь Звезд». Образ крошечного стоячего озера среди замшелых древних деревьев, черная вода, гладкая, как стекло, и в ней отражаются звезды. Почему-то морда волка теперь казалась Лиаре улыбающейся, хоть на ней ровным счетом ничего не изменилось. Он вновь вздохнул ночной ветер и отвернулся от нее, бросив на прощание последний ледяной взгляд синих глаз. «Полагаю, мы еще встретимся с тобой в ближайшее время. А теперь я хотел бы побыть один».

Лиара склонила голову в знак согласия, провожая его глазами. Все равно, пусть даже грудь и наполняло нежное золото силы Великой Мани, встретить живого сальвага было странно. Не настолько удивительно, как показалось бы ей еще час назад, но очень любопытно. Пусть даже она и видела собственными глазами Лэйк и Торн, но те ведь были гораздо больше анай, чем собственно сальвагами.

Вздыхнув, Лиара поднялась на ноги, подобрала с земли свою пустую кружку и направилась в обратный путь. В голове не было ни единой мысли, лишь переливалась бесконечная красота этого места, невероятная сила, которой было пропитано буквально все, хоть выжимай. И она наконец-то поняла, зачем нужна была вся ее такая долгая, такая мучительная дорога. Казалось, что Лиара поняла даже еще что-то большее, гораздо более глубинное, личное, персональное, но пока она еще даже не могла дать этому названия. Даже самой себе объяснить не могла.

Ноги вынесли ее обратно из чащи к казармам Каэрос. Небо на востоке стало уже чуть светлее. Роксана почти полностью завершила Свой путь по обратной стороне мира, где бы эта сторона ни находилась, и совсем скоро Она вновь шагнет на небо, перевесив поудобнее свой сверкающий щит.

В этот предрассветный час в становище было совсем тихо. Легкий прохладный ветерок тронул кудряшки Лиары, напоминая о том, какая переменчивая стояла в последние недели погода. Костер разведчиц давно уже погас, и на улице не было видно ни души. Лишь где-то вдали мелькнула черная тень, сверкнув двумя светящимися глазами во тьме. Коты стремились поскорее закончить свои охотничьи дела и разбрестись спать по теплым хозяйским постелям. Пора и мне с ними, улыбнулась себе под нос Лиара, пожалев лишь об одном: что не может юркнуть под теплый бок Рады, свернуться в клубочек под ее тяжелой рукой и уснуть в этом самом надежном и теплом в мире убежище.

Скрипнула дверь старыми несмазанными петлями, и Лиара шагнула в густую темноту казармы, полную тихого шелеста человеческого дыхания, запаха сена, смолы, дыма, которым они все пропахли за долгие недели перехода от Сол. Какая-то тень шарахнулась в сторону от их с Радой лежанки, и Лиаре не нужно было видеть перепуганные глаза и побелевшую кожу, чтобы узнать Дани. Она и так откуда-то знала, что именно увидит здесь.

— Я... — Младшая Сестра запнулась на полуслове, лихорадочно водя взглядом по сторонам и ища возможность к отступлению. — Я просто...

— Ты просто решила посмотреть, как она себя чувствует. Будто ей это нужно, не так ли? — спокойно спросила Лиара. Странное дело, больше она не чувствовала ревности, гнева, ярости, всего того, что ощущала беспрерывно последние недели путешествия. Все ушло, став незначительным и ненужным. — Ты просто решила, что можешь помочь ей.

— Да... — неуверенно протянула Дани, глядя на нее. Вид у нее был напряженный, как у в любой миг готовой сорваться с места перепуганной лани. Она следила за каждым жестом Лиары, словно опасалась, будто та может ударить.

Лиара вдруг улыбнулась и покачала головой. И как она раньше не замечала этого? Как не поняла? Все было так просто, как и все остальное в этом мире. Ответ лежал на поверхности едва ли не ближе, чем сам вопрос.

— Ты ведь хочешь ее? — от этих слов Дани вздрогнула, словно Лиара и вправду ударила ее по лицу. — Дело не в том, что ты хочешь чему-то учиться у нее, дело совсем в другом. Она очень нравится тебе, и ты готова на все, лишь бы она обратила на тебя свое внимание. Не так ли?

— Нет! — едва не вскрикнула девушка, отступая на шаг. — Все вовсе не так! Не это мне нужно!

— Просто легче всего сказать: учи меня, — задумчиво продолжила Лиара. — Легче всего, потому что людям льстит, что кто-то считает их мудрыми, что кто-то хочет внимать этой самой мудрости с почтением и содроганием. Ты решила, что коли представишь все таким образом, рано или поздно заполучишь Раду, потому что она начнет гордиться твоими успехами, как своими. Только вот Рада не такая. — Лиара вдруг совсем по-детски фыркнула, рассмеялась, чувствуя, как золотая щекотка перехватывает горло и поднимается вверх. Все было так смешно, на самом деле так смешно и просто, а она-то этого даже не понимала. — Раде плевать, что и кто о ней думает, — продолжила Лиара, содрогаясь от нахлынувшего на нее хохота. Проскользнула отдаленная мысль, как она, должно быть, странно выглядит со стороны, и что это может обидеть Дани, но ей было слишком смешно, чтобы обдумывать все это. — Раде вообще плевать на всех окружающих, на лесть, на комплименты, на добро и зло, которое они ей делают. Она бьется и бьется над собственной задачей, над одним единственным вопросом, ответ на который уже давным-давно знает, и ее ровным счетом ничего не волнует, кроме этого. А тебя это бесит, поэтому ты и лезешь к ней целыми днями. Потому что она ровным счетом никакого внимания на тебя не обращает. Потому что ты готова принять от нее даже оскорбление, даже обиду, лишь бы она посмотрела.

Смех сам собой сошел прочь, сменившись какой-то странной золотой пустотой внутри нее. Все казалось Лиаре сейчас таким ничтожным и бессмысленным. Таким глупым, что она поражалась, как могла жить в этом долгие-долгие годы. А Дани смотрела на нее, и глаза ее расширились от животного ужаса, будто не Лиара стояла перед ней, а сама ее смерть.

— А на самом-то деле все это не имеет никакого значения, — продолжила Лиара, глядя вдаль. Слова лились откуда-то изнутри, откуда-то из невероятной пустоты, которой она сейчас была. — Не имеет значения привязанность, потому что она всегда — желание получить, желание обладать, униженное раболепие и неспособность существовать одному в этой сосущей всепоглощающей пустоте, конца и края которой нет. Не имеет значения попытка понять или научиться, попытка добыть знание и удержать в ладонях, потому что ты никогда не удержишь пламя, даже если ты Дочь Огня, — Лиара засмеялась собственной шутке. — Все меняется, каждый миг, каждый вздох, каждый взгляд — все иное, и единственный путь — меняться вместе с ним. Мы лишь можем благодарить, если рядом с нами плечом к плечу стоит тот, кто согласен разделить все это поровну, но мы не имеем права требовать от него этой жертвы, потому что она слишком тяжела.

— Ты злая! — вдруг всхлипнула Дани, и Лиара вздрогнула, вырываясь из той странной пустоты. Она и не помнила даже, что говорила. Она была так далеко отсюда, так высоко... Но, видимо, чем-то задела эту девочку, по лицу которой катились огромные градины слез. Всхлипнув еще громче, Дани утерла лицо рукавом, глядя на Лиару горящими ненавистью глазами. — Ты — змея, в которой свернулась кольцами вся ненависть мира. Я ненавижу тебя!

С этими словами она сорвалась с места и бросилась к входной двери, едва ли не плечом выбив ее наружу. Грохнула о косяк тяжелая литая дверная ручка, и ночь приняла в себя всхлипывающую Младшую Сестру.

Рядом зашевелились другие анай, кое-кто из них заспанно вскакивал со своих одеял, охрипшим голосом пытаясь узнать, что случилось. Пошевелилась во сне Рада, что-то сонно пробормотав, но не проснулась. А Лиара все стояла и смотрела вслед Дани, безразличная ко

всему и до краев полная ослепительно золотого света.

Все имело свою цену. Просто были те, кто не хотел платить.

===== Глава 47. Солнце за плечами =====

Рада проспала без задних ног всю ночь и почти весь следующий день и глаза смогла разлепить едва ли не к самому заходу солнца. В голове было такое ощущение, будто ее набили шерстью под завязку, да еще и разогрели над жаркой печью. Глаза слипались, как у разбуженного раньше срока медведя, и она не совсем понимала, где находится, что происходит, и почему все смотрят на нее с такой тревогой и спрашивают о самочувствии. Единственное, чего ей сейчас хотелось по-настоящему, это есть. Поэтому Рада умяла миску с кашей, которую принесла ей из едальни искорка, побродила немного вдоль казармы, все никак не в состоянии проснуться, а потом плюнула и забралась обратно под одеяло. Несмотря на то, что проспала она сутки, глаза сами собой закрылись, и в следующий раз Рада проснулась уже утром следующего дня. Того самого дня, которого они ждали так долго.

Позавтракать им не дали, и с этим пришлось смириться, хоть ее желудок настойчиво рычал внутри, требуя еды. Позевывая и прикрывая рот рукой, Рада вышла следом за искоркой из казармы, где на открытом пятачке перед дверьми Младших Сестер Каэрос строила Ута.

Утро было бодряще свежим, полным запаха влажной зелени и цветов, полным лета. Прохладный ветерок ерошил короткие волосы Рады, сгоняя с нее последнюю сонливость. По небу тянулись бело-розовые, нежные-нежные, будто перышки птенчика, облака, и сквозь их узор вниз лились пока еще мягкие лучи Роксаниного щита, окрашивая в золото просыпающуюся ото сна Рошу криптомерий. И на волосы искорки эти лучи ложились плавным золотом, нежными мазками акварели, делая ее еще красивей, хоть Раде и казалось, что это просто невозможно.

Младшие Сестры шумели, выстраиваясь в шеренгу, возбужденные и радостные в предвкушении долгожданного посвящения и крыльев. Рада встала рядом с искоркой в переднем ряду, поглядывая на то, как строятся вокруг остальные. Ута в стороне разговаривала с невысокой Жрицей, закутанной в прозрачную белую шаль. Даже с такого расстояния было видно, что она абсолютно обнажена, и лишь татуировки огня украшают ее тело, едва скрытое тонкой тканью.

Чуть дальше, у других казарм, строились Младшие Сестры остальных трех кланов. Рада с интересом взглянула туда. Ближе всех стояли черные как смоль макушки РаэРН: те держались ровно, почти не шумели, глядя на возглавляющую их разведчицу, которая согнулась в поясном поклоне перед Жрицей. Та положила ладонь ей на макушку и что-то говорила. С такого расстояния было заметно лишь, как двигаются ее губы. Издали доносился гомон и громкие вопли: высокая худощавая разведчица всю драла связки, пытаясь утихомирить едва не подпрыгивающих на месте от нетерпения светловолосых Нуэргос. Женщину не слишком-то слушали, хоть она и выбивалась из сил. Последними были Лаэрт, черноволосые и носатые, в плотно обтягивающей их тела черной форме. Все они выстроились как на подбор, и огромная Лунный Танцор, почти того же роста, что и Неф, расхаживала перед строем, что-то объясняя. Правда, впечатление подпортил подзатыльник, которым она наградила одну из Младших Сестер, проходя мимо строя. Видно, та не удержалась от какого-то комментария в адрес наставницы или озвучила его чересчур громко.

Рада ощутила, как сердце в груди едва из глотки не выпрыгивает от волнения. Еще

несколько часов, и она получит крылья. Самые настоящие крылья, как и у других анай, и даже сможет летать. Не как во сне, не как в своих глупых детских мечтах, а по-настоящему. Взглянув на искорку, она негромко прошептала:

— Ну что, маленькая моя, вот и добрались! Вот и получилось у нас все!

— Да, Рада! — глаза искорки горели таким же предвкушением, она едва не подпрыгивала на месте от нетерпения.

— Волнуешься?

— Немного! — широко разулыбалась та.

Рада в ответ ободряюще сжала ее ладошку. Она и хотела бы сказать что-то, чтобы поддержать ее, да только от волнения горло пережало, и больше Рада не могла выдавить из себя ни звука. Как это будет? Как это произойдет? Им никто ничего не рассказывал про церемонию, лишь Лэйк как-то мимоходом помянула, что проходить она будет в святилище Роксаны, но этим и ограничилась.

Наконец Ута низко склонилась перед Жрицей, та мягко тронула ее затылок и благословила, а затем повернулась к строю. Она была красивой женщиной средних лет с глазами зелеными, будто первая трава. Совсем короткий ежик волос отливал каштаново-рыжим, на солнце превращаясь почти что в огонь. Веснушки покрывали все ее лицо с правильными чертами, татуировки огня разливались по телу, едва скрытому прозрачной шалью на ее плечах. Взгляд Жрицы был слегка затуманен, зрачки расширены, а губы полуоткрыты, и она с каким-то странным выражением то ли восторга, то ли экстаза рассматривала собравшихся перед ней Младших Сестер.

Каэрос сразу же подтянулись, перестав шуметь и во все глаза глядя на Жрицу. Смотрели они со смесью благоговения и желания, и Рада в который раз уже задумалась о том, кем же именно для племени являются Жрицы? Какую роль они выполняют? Для посредниц между Богами и людьми она была или слишком большой, или вообще незначительной. Даже Хельда, с которой Рада порой виделась в становище Сол после того разговора, когда Первая Жрица Каэрос очень помогла ей прояснить собственные мысли и чувства, так и не смогла до конца пояснить Раде эту разницу.

Взгляд Жрицы обежал весь ряд собравшихся Младших Сестер и остановился на Раде с Лиарой. Она заулыбалась еще шире, словно их-то и высматривала так долго, и направилась к ним навстречу. Рада переступила с ноги на ногу под ее нежным взглядом. Ощущение было такое, словно Жрица вообще позабыла обо всех остальных Каэрос, которые моментально перестали ее интересоваться, а на них с искоркой смотрела как на родных дочерей, которых не видела последние лет десять, не меньше.

— Великая Мани да одарит вас Своей Милостью, — невнятно проговорила Жрица остановившись перед ними. Голос ее был таким же мягким и заволоченным наркотиком, как и взгляд.

— Светлого утра, Жрица! — хрипло проговорила Рада, сгибаясь перед ней в поклоне. Рядом точно также согнулась пополам и искорка. Оставалось только гадать, что бы это значило. Никто не предупреждал их о том, что Жрица обратится напрямую к ним.

— Вижу, вы — наши гости, о которых меня уведомили ранее. Держащая Щит предлагает вам пройти церемонию принятия крыльев по обряду, принятому в Роще. Вы, конечно, можете отказаться и выбрать обряд Каэрос, так как принадлежите к клану Дочерей Огня и первое посвящение прошли у них. Мы примем любое ваше решение.

Рада выпрямилась, хлопая глазами и глядя то на Жрицу, то на искорку, у которой был не

менее удивленный вид. Она не поняла ни слова из того, что предлагала Жрица, и теперь лихорадочно рылась в собственной памяти, пытаясь сообразить, о чем может идти речь. Обряд, принятый в Роце? Кажется, Торн упоминала что-то такое, но подробностей Рада тогда выпрашивать не стала, а саму информацию, если сказать по чести, пропустила мимо ушей. Каэрос часто говорили о разнице между теми обычаями, что бытовали до Великой Войны, и теми, что учредила Великая Царица по ее окончании, и Рада успела десять раз запутаться во всех этих тонкостях, а потом просто махнула на все рукой. В конце концов, жизнь анай подчинялась таким строгим правилам, что упомянуть их все было практически невозможно. Зато рядом всегда находились те, кто терпеливо и аккуратно растолковывал Раде, в чем тут дело и что делать лично ей, и она рано или поздно все запоминала. Ну, или если такого человека не находилось, всегда была искорка, которая слушала гораздо внимательнее Рады, да и понимала больше.

Только вот сейчас искорка смотрела на Жрицу с тем же совершенно сбитым с толку видом, что и Рада, и та поняла, что помощи ждать неоткуда. И выругала себя последними словами за то, что разленилась и позволила себе считать ворон, а не делом заниматься. Думала, Дани будет рядом торчать и все тебе на блюдечке разжевывать? Сама ведь так возмущалась и петушилась, что она постоянно возле тебя отирается. А теперь вот жалеешь, что ее нет! А коли сама бы училась, да умным людям вопросы задавала, сейчас бы не стояла с таким тупым видом и не пялилась бы на Жрицу, как баран.

Жрица приветливо разглядывала их, то и дело жмурясь и слегка поводя плечами, будто чья-то большая и теплая ладонь ласково гладила ее по спине. Впрочем, на самом деле все могло обстоять именно так, Рада бы совсем не удивилась, узнав, что Роксана постоянно пребывает в непосредственном контакте со Своими любовницами, каковыми считались Жрицы. Остальные Младшие Сестры тоже во все глаза смотрели на Раду, а проклятуша Дани стояла слишком далеко от них, чтобы задать ей вопрос, да еще и любопытно разглядывала их с искоркой, ожидая от них ответа. Как и Ута, которая даже голову склонила и вопросительно приподняла брови.

Рада кашлянула, прочистила горло, взглянула на искорку, наткнувшись на ее полный паники взгляд, затем на Жрицу. Надо было что-то отвечать. Не стоять же как баран и хлопать глазами. Выручай, Огненная! Обещаю Тебе, что поумнею и перестану лениться! Впрочем, в Твоей воле наказать меня за мою глупость, я в обиде не останусь.

— Мы принимаем предложение Держащей Щит народа анай, светлоликая, — прокаркала Рада, изо всех сил молясь, чтобы не совершить какую-нибудь глупость. Но в конце концов, командовала-то здесь Эрис, и она уж точно им ничего плохого не посоветует.

— Хорошо, Черный Ветер, — кивнула Жрица без какого-либо особого выражения. Казалось, их ответ ровным счетом никакого впечатления на нее не произвел. — Тогда подождите здесь, скоро за вами придет моя сестра и отведет вас к Великой Мани.

— Благодарю, светлоликая, — Рада вновь поклонилась ей.

Жрица отошла, и она бросила быстрый взгляд на Уту. Наставница хмурила брови (впрочем, она всегда их хмурила) и утвердительно кивнула Раде. Повернувшись к строю Младших Сестер, она возвысила голос и принялась раздавать указания во всем повиноваться Жрице и следовать ее приказам. Рада беспомощно взглянула на искорку, и та потянула ее за рукав на шаг назад, выходя из строя. Глаза у нее были огромные, как блюдца.

— Что это за обряд такой? — почти что прошипела Рада, склонившись к ней, когда мимо них направились вслед за Жрицей Младшие Сестры Каэрос.

Вид у них всех был взволнованный, глаза горели, а про Раду с Лиарой они забыли, кажется, в тот же самый миг, как те покинули строй. Впрочем, винить их Рада не могла, у нее и самой только и мыслей было, что о грядущем обряде. Лишь одна Дани обернулась, смерив их на прощание каким-то ищущим голодным взглядом, но Рада даже не потрудилась сделать вид, что заметила его.

— Ты что, не помнишь? — захлопала глазами искорка, едва рот не открыв от удивления. — Нам Найрин ведь рассказывала о нем.

— Ничего я не помню, — недовольно пробурчала Рада, почесывая затылок. Вот, даже перепутала, что это Найрин говорила, а не Торн. Проклятье, в следующий раз будешь внимательнее слушать, что тебе говорят! Внутри заскреблось какое-то не слишком приятное предчувствие, и Рада бросила взгляд на искорку. — Но это ведь ничего, что мы будем проходить по обряду анай, а не по обряду Каэрос? Я правильно поняла, что Жрица говорила?

— Ничего страшного, — кивнула искорка, глядя на Раду крайне задумчиво. Вид у нее был слегка растерянный. — То есть ты просто наобум выбрала?

— Ну да, — пожалала плечами Рада. На щеках расцвели красные маки румянца. — Ничего, что я именно это выбрала? Может, ты хотела...

— Ну что ты, я ничего не имею против! — зачастила искорка, и ее щеки тоже отчего-то вспыхнули.

— А почему сама ничего не сказала, раз знаешь, о чем тут речь шла? — Рада взглянула на нее, чувствуя себя окончательной и бесповоротной дурой. Искорка потупилась, а щеки ее разгорелись еще сильнее.

— Ну, просто я подумала, ты захочешь решить. Ведь для тебя это важно... — голос ее совсем прервался, и глаз искорка больше не поднимала.

Рада заморгала, пытаясь сообразить, что с ней происходит, и что же именно так смутило искорку, но тут откуда-то со стороны их окликнул негромкий голос:

— Рада и Лиара дель Каэрос?

Они обернулись и вновь поклонились, на этот раз другой Жрице. Ее череп был абсолютно гол, и ни одна татуировка не украшала тело, кроме черного вертикального ока между бровей. Точно такое же носила и Найрин. Жрица была невысокой и хрупкой, кутала худые плечи в ослепительно белую шаль, такую длинную, что ее концы волочились за ней по земле. И при этом не скрывающую ровным счетом ничего. Рада в очередной раз уже постаралась сосредоточиться и смотреть ей только в глаза. Она все в толк не могла взять, почему же Жрицы анай расхаживают голышом, будто это самое что ни на есть обычное дело. Но спрашивать об этом ни у кого не стала бы.

Жрица оглядела их все тем же затуманенным взглядом и кивнула головой:

— Следуйте за мной. Церемония скоро начнется.

Переглянувшись, они с искоркой зашагали за маленькой женщиной, чьи босые ступни ступали по земле так легко, будто в любой миг она могла пуститься в пляс. Видимо, это была Жрица Великой Мани, раз ни одна татуировка не украшала ее тело. Обычно у Жриц Небесных Сестер на теле были рисунки, демонстрирующие принадлежность той или иной из Богинь.

Жрица отошла чуть в сторону, к обочине мощеной плитами дороге, и теперь шлепала босыми стопами по самому ее краю. Рада с Лиарой пристроились у нее за спиной, а мимо них в обратную сторону по дороге двинулись процессии из Младших Сестер оставшихся трех кланов, которые, построившись цепочкой, шли следом за своими Жрицами к месту

проведения ритуала. Молодые анан с нескрываемым любопытством разглядывали Раду с Лиарой, не забывая, впрочем, кланяться и Жрице. Та одаривала их в ответ рассеянными кивками, кое-кого благословляла, кладя ладонь на макушку тех, кто складывался перед ней в поясном поклоне.

Рада в ответ тоже вволю попротираала глазами Младших Сестер других кланов. Раньше-то такой возможности у нее не было: сначала приступ, лишивший ее сил, потом сон, во время которого она эти силы восстанавливала. Впрочем, ей не нужны были чужие объяснения, чтобы и без них понять, кто к какому клану принадлежал.

Светловолосые, говорливые, светлоглазые девчонки с лицами, готовыми в любой миг расплыться в улыбке, были, конечно же, Нуэргос, Дочерьми Воздуха. Они почти что подпрыгивали от нетерпения на месте, трещали без умолку, приставали с какими-то вопросами к ведущей их Жрице, и та в ответ с удовольствием смеялась вместе с ними и вовсю кокетничала, хоть по всем правилам могла это делать только со своей Небесной Покровительницей. Воины были одеты в светло-серую форму с серо-зелеными разводами. Ремесленницы щеголяли разноцветными платьями, расшитыми от горла до самого подола всевозможными узорами, или одноцветными штанами и куртками, как у Воинов, только без разводов.

Черноволосые, с внушительными носами, больше похожими на клювы хищных птиц, остроглазые Дочери Воды вышагивали с опасной грацией больших горных кошек, бросая вокруг взгляды из-под полуопущенных век. Улыбки их больше походили на оскалы, причем в равной мере призывные и угрожающие, да и двигались они так, что было непонятно: то ли ткнут тебя копьем, то ли сорвутся в танец. Раде сразу же вспомнилась Саира, вокруг которой даже спустя восемь лет после вступления в должность весь клан Дочерей Огня на цыпочках ходил, лишь бы не вызвать хоть чем-то ее гнев. Теперь понятно было, откуда ноги растут. Все Лаэрт выглядели опасными и бешеными, а на них с искоркой смотрели со смесью интереса и вызова в холодных глазах. Тела Воинов были затянуты в плотно облегающую черную форму с узким вырезом до середины груди и воротом стоечкой, Ремесленницы одевались в темно-синие и черные платья с серебристой вышивкой. Рада заметила, что волосы большинства Лаэрт были увязаны в косички, различалось только их количество от одной до нескольких десятков. Короткими стрижки были всего у трех высоченных Дочерей Воды с таким тяжелым шагом, что никем, кроме Лунных Танцоров, они просто не могли быть.

Одетые в болотного цвета форму с разводами, позволяющими хорошо прятаться среди листвы, Раэрт кардинально отличались от первых двух кланов. Во-первых, построены они были в две шеренги: первыми шли Воины в штанах и куртках, за ними — Ремесленницы в длинных белоснежных платьях. Все лица хранили отпечаток какой-то сдержанной настороженности, глаза светлых цветов смотрели задумчиво и отчужденно. Вели они себя образцово тихо, шагали едва ли не в ногу, а на Раду с Лиарой каждая из Дочерей Земли бросила по одному короткому, четко выверенному взгляду. Всего несколько мгновений для того, чтобы полностью удовлетворить любопытство, но не настолько долго, чтобы человек почувствовал себя так, будто его разглядывают. Казалось, что в этом клане разведчиц и Ремесленниц разделяет настоящая пропасть, преодолеть которую на первый взгляд и вовсе невозможно. Даже одежда говорила об этом. Впереди Ремесленниц вышагивала Младшая Сестра, шириной плеч не уступавшая наставнице Фэйр, которая держала собственную кузнечную мастерскую. По всему было видно, что ей не слишком-то комфортно двигаться в

светлом платье, стесняящем ее движения, да и на плечах оно едва ли не трескалось, но Младшая Сестра шагала вперед с каменным лицом тяжелым шагом, не глядя по сторонам.

Рада прищурилась, задумчиво поглядывая в спину ведущей их с искоркой Жрицы, когда все Младшие Сестры прошли мимо. Четыре клана, четыре ветви одного народа, и такие разные. Словно четыре разных народа, заключившие мирное соглашение и принявшие решение сосуществовать под одним кровом. Одни и те же черты, казалось, перетекали из одного клана в другой, принимая где-то более законченную форму, где-то едва намеченные. Как четыре сестры, выросшие под одной крышей, совсем непохожие, но при этом родные друг другу. Большая же работа предстоит тебе, Великая Царица, если из этих четырех кланов ты вознамерилась сделать один народ, как здесь все говорят.

Жрица провела их между жилых домов, направляясь в сторону белого каменного строения, возле которого давеча Рада потеряла сознание. Она не говорила ни слова, только порой поправляла на плечах шаль, пристраивая ее поудобнее, или поглядывала, щурясь, на небо. Отчего-то Рада все никак не могла оторвать глаз от ее босых ступней. Маленькие розовые ножки одинаково быстро шагали что по твердому камню мостовой, что по утрамбованной земле, что по мягкой траве. Жрица выглядела почему-то донельзя домашней, словно бродила не по главному поселению всего народа анай, а по собственному дому. Не хватало разве что полотенца на голове, обвязанного вокруг мокрых волос, которых тоже, впрочем, не хватало. Богиня, о какой же ерунде ты думаешь! Прекращай!

Народу в становище было совсем немного, улицы будто вымерли. Раде на глаза попались только несколько играющих девчонок, да два кота, что, уткнувшись друг в друга лбами, угрожающе толкались и вопили. Больше никого видно не было, как бы она ни оглядывалась по сторонам, как бы ни привставала на цыпочки и ни вытягивала шею. Может, все ушли на инициацию? Но ведь в этом становище обитают не только Младшие Сестры, здесь же целый город и...

В следующий миг Жрица вывела их с пустых улиц к белокаменному храму, и тут-то Рада и поняла, куда все подевались. На открытом пяточке между жертвенными чашами четырех Богинь и жилыми постройками кипела работа. Одетые в белое анай, словно муравьи, спешили по своим делам, подготавливая поляну к празднику. Расставляли большие столы и лавки, на которых рассадят гостей, подтаскивали толстенные бревна для ночного костра в честь Роксаны, вкапывали высокие шесты, между которыми растягивали гирлянды над открытой площадкой между столов, приготовленной, как поняла Рада, для танцев. Несколько беременных женщин, тяжело прогибаясь назад из-за больших животов, расставляли на столах тарелки и кружки. Стайка совсем тоненьких быстроногих девчушек, переглядываясь и хихикая, пробежала мимо них с Лиарой. В руках у девочек были цветы, из которых они плели венки, Рада поймала на себе несколько любопытных взглядов.

Жрица подвела их к постаментам с жертвенными чашами, возле которых уже стояло несколько человек. Рада с интересом пригляделась. Пятеро анай на первый взгляд ничем не отличались ото всех остальных Младших Сестер, но что-то при этом неумолимо выделяло их, и вовсе не белые одежды, в которые они были облачены. Выражение глаз, возможно, или то, как они стояли, как держали себя. Рада не смогла бы объяснить почему, даже если бы от этого зависела ее жизнь, но была совершенно точно уверена в том, что эти пятеро выросли в Роще Великой Мани. Три девушки были коротко пострижены и носили белую военную форму, скроенную на манер Каэрос, только более облегачающую. Еще две были в длинных белоснежных платьях, так густо расшитых цветами и узорами, что они казались

разноцветными. И при этом ничто не могло подсказать, к какому клану принадлежали девушки. Разве что у одной волосы были соломенного цвета, а глаза — темно-зелеными, почти черными, но больше с Нуэргос ее ровным счетом ничего не связывало.

Младшие Сестры с интересом посмотрели на них с искоркой, слегка склонили головы в приветственном поклоне, и Рада ответила тем же, разглядывая их в ответ. Взгляд сам скользнул к запястьям, на которых должны были быть татуировки Богинь, хоть краешек но должен был торчать наружу. Но там ничего не было, только загорелая кожа и все.

— Все в сборе? — Жрица, что вела их, рассеяно вскинула голову, оглядела собравшихся и кивнула так, словно и не ожидала увидеть никого иного. — Раз так, значит, начнем церемонию. Постойте, пожалуйста.

Поглядывая друг на друга и на Жрицу, Младшие Сестры вместе с Радой и Лиарой встали рядом лицом ко входу в храм. Та спокойно ждала, то и дело бросая взгляды им за спины, туда, где кипела работа по подготовке становища к празднованию. Рада неуверенно переминалась с ноги на ногу. Не очень-то это походило на одну из самых сакральных церемоний анай, о которой и говорить-то с чужими было запрещено. Позади раздавались человеческие голоса, что-то громко хлопало, смеялись дети. Слева от них шумел серебристый водопад, добавляя, правда, торжественности и какой-то особенной красоты, но Рада все равно чувствовала себя не в своей тарелке. Не такого она ожидала уж точно.

Жрица плавным движением скинула с плеч шаль, мягко соскользнувшую на землю. Рада на миг залюбовалась изгибами ее тела, тем, как сползает прозрачная ткань с темных затвердевших сосков, словно вода, сбегает по длинным стройным ногам. Щеки покраснели, и она отвела глаза, надеясь, что искорка не заметила ее реакции. Это тоже как-то не слишком способствовало всей ситуации и уж совершенно точно не походило на посвящение своей души Богиням. О них Рада сейчас, к сожалению, думала в последнюю очередь.

Рядом кто-то шумно сглотнул, но Жрица не обратила на такую реакцию ровным счетом никакого внимания. Развернувшись ко входу в храм, она негромко заговорила:

— Извечная, Дарующая Милость, Медоточивая, Ты держишь в ковше ладоней весь мир, и с губ Твоих срывается дыхание самой Жизни. По воле Твоей четыре Твои Дочери поддерживают мир на Своих плечах, по воле Твоей поют ветра, пылают пламя, текут реки и растет семя. Ты — Пронзающая светом предначальную тьму, Ты — Хранительница золотого ключа от врат, Ты — Источник Милости и дыхания, Ты...

Рада внимательно прислушивалась к словам Жрицы. Поначалу она даже старалась вдумываться в их смысл, крутя в голове и так, и эдак. Не раз ей приходилось слышать молитвы Грозару и другим Молодым Богам, что читали Жрецы в Церквях по всей Мелонии. Слышала она и молитвы, что возносили Жрицы анай своим Небесным Сестрам во время сакральных церемоний, на которых ей уже довелось присутствовать. Но ни разу еще при ней ни одна Жрица не обращалась к Самой Великой Мани напрямую, предпочитая чтить лишь Небесных Сестер, покровительниц кланов. И все эти эпитеты, которые использовала Жрица, казались странными, вызывали много вопросов, завертевшихся в голове, и Рада отметила про себя, что неплохо бы потом задать их Хельде. Вот только чем дольше говорила Жрица, тем меньше и меньше мыслей оставалось в голове Рады.

Странное дело: она ведь ничего не делала, она просто стояла в строю вместе с другими Младшими Сестрами и слушала Любовницу Богинь, взывающую к Ним и молящую с Милости. Но голос Жрицы стал каким-то странным, плавким, как сталь, густым, как патока. Его уже не просто слышали обычные физические уши Рады. Он начал вливаться внутрь нее

сквозь эти два отверстия в голове, все глубже и глубже, обволакивая череп изнутри и заставляя вибрировать голову и грудную клетку.

В первый миг она испугалась, что сейчас опять упадет в обморок, как уже случилось давеча. Но на этот раз не было ни состояния удушья, ни боли, ни головокружения. Только наполняющее грудную клетку резонирующее... что-то. Что-то плотное и горячее, что-то очень властное и до боли знакомое. И дар Роксаны за ребрами начал неистово пульсировать, словно крохотное солнышко горя и раскидывая вокруг колючие лучи.

Рада взглянула на искорку. Взгляд девушки остекленел, она смотрела прямо перед собой, пронзительно вглядывалась прямо сквозь Жрицу во что-то, видимое лишь ей. Губы ее периодически потрясенно шевелились, будто искорка пыталась что-то вымолвить и не могла, окончательно лишившись дара речи. Рада взглянула в другую сторону. Остальные Младшие Сестры тоже смотрели на Жрицу, и на лицах их было написано благоговение и напряжение, словно им то ли тяжело было видеть ее, то ли трудно было терпеть это тугое и плотное горячее давление, что с каждым мгновением становилось все сильнее.

— Первая Дочь Твоя, Среброглазая, будто Звездный Свет, Быстрокрылая, будто ветер, Смешливая, будто первая капель ранней весной. К Тебе я взываю, Владычица Неба, яви любовь, которой нет границ в груди Твоей, столь огромную, что ни одно сердце не выдержит, столь нежную, что умерит любую грусть. Яви...

Монотонный речитатив Жрицы превратился в одну единственную вязкую мелодию, в которой Рада уже не могла различить отдельные слова. В этой мелодии утонули все звуки, став то ли ее составными частями, то ли фоном для ее изящного танца. Не было больше ни шума водопада, ни шелеста ветерка. Не было голосов анай за спиной, шума и смеха, как не было и стука собственного сердца Рады. Была лишь тянущаяся густая патока странного звука, наполнившего ее до самых краешков.

Жрица махнула им рукой следовать за собой, ни на миг не прерывая своего пения. Они двинулись вдоль ряда стоящих на постаментах чаш, обходя каждую по кругу и кланяясь почти что до земли. Над каждой чашей нужно было низко склониться и совершить омовение. В первой был песок, который Рада растерла меж пальцев. Во второй танцевало пламя, над которым нужно было провести ладонями. Как она заметила, никто из окружающих Младших Сестер не сунул туда руки целиком, как сделали бы Каэрос. Впрочем, это еще не значило ничего. Судя по всему, церемония посвящения для обитателей Роши Великой Мани сильно отличалась от той, которую проходили члены кланов. В третьей чаше была ледяная вода, и Рада ополоснула в ней руки, ощутив, как от холода покалывает подушечки пальцев. Самой странной была четвертая чаша. На вид она казалась пустой, но стоило приблизить ладони ко дну из сверкающего кварца, как пальцы ясно ощущали порывы ветра, которого совершенно точно не было в воздухе вокруг самой Рады. На дне чаши закручивался крохотный ураган, и как он умудрялся удержаться в ее не очень-то глубоких краях, Рада понятия не имела.

Только вот ей сейчас было не до чего. Уши совсем забила вязкая вата голоса Жрицы, грудную клетку распирало горячее и тугое нечто, похожее на сгущенную мощь, с которой приходила обычно сила Великой Мани. Махнув им следовать за собой, Жрица, непрестанно кланяясь, направилась в сторону входа в храм, и Рада на негнущихся ногах поплелась следом, гадая, что же ее ждет там.

Внутри храм оказался гораздо крупнее, чем показался снаружи. Как и в случае с обычным жильем анай, беломраморный фасад, крытый деревянной черепицей, оказался

лишь надстройкой, упирающейся в бок скалы. Именно в самой горной породе было вырублено основное помещение храма, и Жрица медленно повела их туда, распевая мантры в полный голос.

Священный трепет охватил Раду. Ряды тонких беломраморных колонн поддерживали потолки храма, в огромном пустом помещении гуляла полутьма, закручиваясь в спирали вокруг колонн. Под потолком на толстых цепях покачивались на сквозняке громадные чаши с танцующими внутри языками огня, бросая отсветы и неверные тени на такой же белоснежный мраморный пол, отполированный и натертый до блеска. Потолки не были высокими, при желании, вытянув руку вверх, Рада бы допрыгнула до балок, но игра света и тени странным образом расширяла пространство, а ряды колонн заставляли думать, что помещение больше, чем было на самом деле.

В воздухе стоял странный сладковатый запах дурманящих трав. Раде приходилось чувствовать этот запах: многие южане курили травы вместо табака, но сама она никогда не пробовала вдыхать дым в большой концентрации, предпочитая обычные способы опьянения экзотическим. К вязкому запаху примешивались нотки ароматических масел, благоухание живых цветов.

Песня Жрицы, казалось, заполнила все помещение сверху донизу, буквально влившись в каждый свободный закуток пространства. Точно также заполняла и грудь Рады сила, заставляя ее буквально дрожать всем телом, так остро ощущая свое существование, словно с нее содрали всю кожу, оставив лишь оголенные нервы. Впереди нее босиком по полу шлепала Жрица, раскинув руки и продолжая без перерыва бормотать мантры и восхваления Небесным Сестрам, которые сплетались с запахом дурман-травы и огненными отсветами из-под потолка во что-то одно целое, вязкое и пьянящее.

Откуда-то спереди лился приглушенный серебристый свет, и Рада прищурилась, пытаясь понять, что там. Правда, своим глазам она уже не так доверяла, как несколько минут назад, еще до начала церемонии. Теперь перед лицом все плыло, и ей казалось, что свет этот исходит то ли от самой Жрицы, то ли от чего-то, пока что не видимого Раде. То ли от них обеих одновременно. Сколько прошло времени? Час?

Она поняла, что стоит между колонн, опустив голову и тяжело дыша, а рядом точно также замерли и остальные Младшие Сестры, включая искорку. Перед глазами все плыло, как будто художник проводил по краске обильно смоченной в воде кистью, и она размывалась, растекалась, таяла... Рада усиленно заморгала. В глазах было какое-то странное ощущение: словно она смотрела вперед, но одновременно с этим и назад, прямо сквозь собственный затылок, хоть этого и не могло быть. Больше всего это походило на вывернутые глаза. И перед этим взором весь мир предстал совершенно в ином свете.

Волны силы, золотые переливы, состоящие из миллиардов золотых пылинок, что вспыхивали и меркли, вспыхивали вновь, заполняли все вокруг Рады, плыли в одном им понятном ритме, тянулись меж колонн и сквозь них, пронзали насквозь тела других Младших Сестер и ее собственное тело. Рада поднесла к глазам ладони, глядя на то, как эти золотые песчинки вечности насквозь протекают и сквозь нее, и это чувствовалось так странно, удивительно приятно. Серебряный свет растекался во все стороны не от Жрицы, а от искорки, что склонилась в глубоком пояском поклоне рядом с Радой. Губы ее шептали какие-то слова, глаза сверкали сгущенным серебром, разливая вокруг мягкий свет. Удивительно, но и от самой Рады тоже текло во все стороны серебро, будто прямо в ее грудь кто-то положил светоч, обернутый в серебряную пленку, только очень-очень тонкую, почти

прозрачную.

Песня Жрицы стала всем, вплетаясь прямо в Раду, наполняя ее кровь и плоть, и теперь уже это было совершенно физическое ощущение, как ощущение ее собственных ног, стоящих на полу, или прикосновения одежды к коже. Правда, помимо этой песни она теперь слышала и еще что-то. Станный ритм, необыкновенный, пульсирующий. Такой полный, будто все звуки мира были собраны в нем, такой красивый, словно ничего и не существовало кроме него. Теперь голос Жрицы был лишь его частью, отражал его лишь в одной отдельно взятой тональности. А все остальное пространство заполнила Музыка, от которой у Рады дух захватило.

Все было в ней. Древние горы, дышащие ледяными ветрами и терпкой хвоей шумливых сосновых рощ. Океаны, на дне которых в песчаном ложе под толщей зеленоватой, напитанной солнцем воды покоились перламутровые раковины, хранящие в себе маленькую крупицу вечности. Туманы, что ложились в синие долины по вечерам, оставляя на мхах тонкие росчерки мелких серебристых капель. Крик чайки над холодным скалистым берегом, о который бьется и бьется, раздирая свою грудь тысячелетия подряд, одна и та же и вечно другая волна. И свет, солнечный свет, полный жизни и силы, мягким прикосновениям которого в ответ раскрывает лепестки крохотный цветок горечавки на скале.

Это же не может быть по-настоящему. Такого не бывает.

Только сейчас было лишь Это. Все остальное казалось далеким, пустым, невозможным. Тело, которое уставало и болело, твердая земля под ногами, ледяные зимы, от холода которых сводило зубы, голод, что терзал нутро. Болезни, войны, людское горе, все это было так далеко. И все же — все это тоже было в этом странном Ритме, охватывающем все. Ведь не может быть чего-то, чего нет в одном определенном месте. Его или нет нигде, или оно и есть все. Раде казалось, что она сходит с ума, но эта музыка звучала прямо под ее кожей, и в ней было все, что она привыкла называть красотой. И все, что она проклинала и звала злом.

Дальше все было как в тумане. Серебро силы перетекало вокруг них с искоркой, а издали накатывали золотые волны могущественного свечения, несущие в себе золотую пыльцу вечности. Рада видела плохо, а соображала еще хуже, но ей достало сознания понять, что они прошли следом за Жрицей до самого конца зала с белоснежными колоннами и теперь стоят возле громадного алтаря. Впрочем, на алтарь эта штука была похожа меньше всего.

Символ анай — два пересекающихся треугольника, образующие шестиконечную звезду, был выложен в центре алтаря из белоснежного прозрачного камня, с четырех сторон его окружали символы четырех капель в круге. Четыре круга для четырех кланов из рубина, изумруда, топаза и алмаза. Надо всем этим в центре довлел символ огромного золотого ока, смотрящего на вошедших изнутри камня, а по обеим сторонам располагались символы трезубца воинской касты и колоски Ремесленниц.

У стены стоял стол, накрытый белоснежным атласным полотном, и на нем сквозь рябящие волны в глазах Рада увидела разнообразные сосуды из золота и серебра, полные подношений. Только сил стоять и разглядывать все это у нее уже не было. Глаза грозили буквально лопнуть в следующий же миг, их до самого дна наполняло золотое свечение, вырывающееся из символа ока на стене. Или Раде уже все это казалось?

Давление было невыносимым, грудь наполнилась плавящимся металлом, перед глазами плыли золотые переливы силы, а уши слышали лишь великий ритм Музыки, которой просто не могло быть в мире. Или весь мир был в этой Музыке?

Не в силах терпеть дальше, Рада закрыла глаза и расслабилась, как учили ее делать во время медитаций Лэйк и Найрин. Расслабиться и открыться до самой последней клеточки, чтобы эта невероятная мощь могла пройти сквозь ее тело. Расслабиться и не мешать ей идти.

Она потеряла счет времени, прекратила чувствовать что-либо, кроме наполняющей грудь тугой пульсации, которая казалась одновременно и статичной, и несущейся сквозь нее быстрее молнии. Очень смутно, совсем из другого мира, Рада ощущала чьи-то руки, что коснулись ее лица, плоску с чем-то, что поднесли к ее губам с приказом выпить. Она послушно глотнула, и огонь взорвался внутри нее.

Теперь уже не было ничего. Музыка лилась и лилась, она источалась волнами немислимого цвета и силы, или эти волны были лишь порождением музыки? Не было больше ничего, кроме этих волн, но одновременно с этим волны эти были и четырьмя женщинами, что танцевали, обнимая друг друга самыми краями крыльев. Их тела кружились в дивном невиданном танце, перетекая друг в друга, превращаясь в волны силы, обратно в крылья и тела. Рада видела и чувствовала их, проходящих сквозь нее, и прикосновения их были так горячи, тела так прекрасны, что немислимое наслаждение, волны экстаза, никогда раньше ею не испытываемого, наполняли ее всю, составляли ее тело. Эти женщины танцевали с ней и для нее, они были ей, они были музыкой и танцем, и пространством, и...

Она ощутила под щекой ледяное прикосновение пола. Тело занемело от долгого лежания на одном месте, казалось странно ватным и непослушным. Но левый бок был теплым, и Рада чувствовала тяжесть. Станный горьковатый привкус стоял во рту, а голова слегка потрескивала, как старая ткань, которую рвали пополам неумолимые руки.

Рада с трудом открыла глаза, заморгала, глядя на толстые потолочные балки над головой, белые колонны, что окружали ее со всех сторон, будто лес. На искорку, чья голова покоилась у нее на левом плече. Рот девушки был приоткрыт, и спокойное дыхание срывалось с губ. Она спала или, может быть, ушла в грезы.

Она не помнила почти ничего из того, что произошло с ней всего какой-то час назад. Или сколько прошло времени? Рада совершенно четко помнила, как они строились перед храмом, как Жрица начала петь, а дальше все воспоминания тускнели и выцветали, и в конце не оставалось уже ничего, кроме какого-то смутного ощущения золотой сладости, пропитавшей тело насквозь.

Издали лился слабый свет утра, который едва-едва разгонял полутьму тихого храма. Рада прищурилась, глядя на четко прорисовывающийся на фоне черных стен прямоугольник выхода их храма, за которым явно разгоралось утро. Сколько они провели здесь? Неужели сутки? Но ведь этого никак не могло быть...

А потом словно холодный душ пришла мысль о том, зачем они вообще вошли в этот храм. Рада лихорадочно подорвалась с пола, едва замечая вповалку храпящих на мраморных плитах Младших Сестер, Жрицу, что свернулась в клубочек чуть в стороне от них, сладко посапывая. В груди между ребер совершенно ощутимо пульсировал золотой клубочек, и когда Рада тронула его, как делала всегда, чтобы ощутить эмоции Лиары, на миг она забыла, как дышать.

Плечам стало горячо, и золотой свет наполнил полутьму храма. Рада вывернула голову, едва сдерживаясь, чтобы не заорать от радости и ликования. За плечами открылись два крыла, будто сотканые из золотого солнечного света.

===== Глава 48. Алые щеки =====

Несколько секунд Рада таращилась на крылья за своей спиной, вообще не понимая, что

чувствует сейчас. В голове было абсолютно пусто и тихо, а в груди разливалось такое ликование, что хотелось прыгать на одном месте и орать во всю глотку. В какой-то миг она ощутила себя точно так же, как много лет назад, когда наставники сообщили ей, что она зачислена в Военную Академию и может начать обучение с первого дня осени. Ну или когда Лиара впервые поцеловала ее и сказала, что любит. Хотя, с этим счастьем вряд ли могло сравниться хоть что-то.

Устоять на одном месте действительно было невозможно. Плечи обжигало приятным теплом, их тянула вниз тяжесть, а свечение крыльев посылало по тонущему в полумраке помещению волны золотого света. Чаши с огнем Роксаны под потолком давно потухли, и теперь крылья Рады стали единственным источником света здесь. Блеснули во тьме выложенные драгоценными камнями символы кланов и Богинь на стенах, когда свет отразился и преломился в гранях заботливо обработанных руками анай самоцветов. Рада успела заметить сонную Жрицу, которая посапывала, обхватив себя руками, а око в ее лбу приглушенно светилось. Или оно просто поймало отблески ее крыльев? Чуть в стороне от Жрицы вповалку храпели Младшие Сестры, никто из них еще даже не начал шевелиться.

На миг Рада заколебалась. Может, ей было нельзя пока раскрывать крылья? Может, следовало бы подождать Жрицу? Существовал ли какой-то обычай, который запрещал бы анай открывать крылья после инициации в отсутствие Жрицы? Но, наверное, если бы он существовал, ее бы об этом хоть кто-нибудь предупредил бы, не так ли? Сил вот так стоять на одном месте и дожидаться, пока Жрица проснется, у Рады просто не было, ее так и подмывало попытаться взлететь.

Бросив еще один взгляд на спящую искорку, Рада засомневалась, будить ее или нет. Не разбудишь — расстроится, что впервые Рада открыла крылья без нее. А коли разбудишь — может плохо себя почувствовать. Искорка не раз предупреждала Раду, что лучше не тормозить ее, когда она уходит в грезы. Вздохнув, она отступила еще на несколько шагов от спящих анай, покачиваясь с непривычки. Тяжелые крылья неуклюже торчали за спиной, мешая идти. Ощущение было примерно таким же, как когда шагаешь против течения по пояс в воде, и тело становится непослушным и чересчур медлительным.

Крылья странно мотались за спиной, и Рада принялась ломать голову над тем, как же с ними управляться. Она много раз видела, как анай это делают, но так и не взяла в толк, каким образом. Никаких особых заклинаний они не говорили, да и вообще выглядели так, будто крылья — продолжение их тела, руки или ноги, управляют которыми при помощи мысли. Может, в этом-то и крылся ответ? Рада сосредоточилась и мысленно приказала крыльям: «Закройтесь!». Только ровным счетом ничего не произошло. Крылья так и продолжали колом торчать за ее спиной.

Нахмурившись, она попыталась вспомнить, как она их открывала. Вроде бы перед этим было ощущение какой-то тугой густоты в груди. Оно и сейчас никуда не делось, так и оставшись внутри, в том самом месте, в котором Рада привыкла ощущать эмоции искорки. Стоило ей только сосредоточиться на этой точке, как крылья вдруг бешено захлопали за плечами, ее резко швырнуло вперед, и Рада не сдержала вскрика, припечатавшись к беломраморной колонне и едва успев отвернуть лицо в сторону, чтобы не сломать нос. Впрочем, удар был достаточно чувствительным, чтобы перед глазами поползли черные пятна. Да и грудь раздирала такая боль, что впору было выть.

Кривясь, Рада кое-как отлипла от колонны и принялась осторожно ощупывать ребра. Вроде бы ничего сломано не было, и то хорошо. Крылья за спиной все так же застыли, не

желая сворачиваться или шевелиться хоть на сантиметр, да и она сама сейчас бы не стала во второй раз пробовать управлять ими без объяснений хоть кого-нибудь, кто знал бы в этом толк.

Наверное, стоило один раз впечататься лицом в колонну, чтобы понять, что инициатива наказуема. Надеюсь, хоть это я запомню.

Пока Рада, ворча, поправляла одежду и потирала отбитые ребра, возле алтаря зашевелились спящие Младшие Сестры. Видимо, их перебудил ее крик или приглушенный грохот, когда она всеми своими костями приложилась о мрамор. Рада поморщилась, проклиная собственную глупость. Теперь боль стала тише, расщепившись на несколько очагов, и она четко ощущала, что ударилась не только ребрами, но еще и правым бедром, коленом и частично низом живота. Ну твою ж бхару!..

Первой из оцепенения вышла Жрица. Сев, она протерла кулаком глаза и воззрилась на Раду. В отблесках золотых крыльев ее зрачки слегка светились, а око во лбу совершенно точно преломляло свет, будто выполненное из все тех же алмазов, что украшали алтарь за ее спиной.

— О! Великая Мани благословляет тебя, Рада дель Каэрос! Я смотрю, терпения тебе не занимать. — В голосе ее прозвучала легкая ирония.

— Простите, светлолика, — Рада смущенно опустила глаза, потирая грудь. Крылья за спиной вдруг сами по себе дернулись, и ее повело в бок. Рада самым позорным образом пискнула, пытаясь удержаться на ногах.

— Стой смирно! — скомандовала Жрица, и на этот раз голос ее был сосредоточенным и серьезным. Остатки сна мигом слетели с нее прочь. — Сейчас я помогу тебе разобраться со всем этим.

Рада замерла, боясь даже вздохнуть лишний раз, чтобы опять не встретиться с колонной. Жрица быстро поднялась с пола и, подавив зевок, поспешила к ней, вытянув вперед обнаженную ладонь. Теперь уже Раде и дела никакого не было до того, что на ней нет ни нитки одежды. Ее нагота сейчас казалась настолько незначительной, что о ней и упоминать смысла не имело.

— Сосредоточься на точке в груди, там, где у тебя дар Роксаны. Ты чувствуешь там вибрацию, как будто кусок ткани качает на волнах, да? — Жрица внимательно всмотрелась ей в глаза.

— Я не знаю, светлолика! — Рада нахмурилась, пытаясь понять, что она чувствует. Крылья резко дрогнули, хлопнули за ее спиной, и она взвизгнула, пытаясь, будто кот, вцепиться в пол ногтями на ногах прямо сквозь сапоги. — Что делать, светлолика?! — взвыла она фальцетом, широко расставив руки в стороны, чтобы в случае неверного движения крыльями хотя бы немного смягчить удар о колонну.

— Успокойся! — твердо приказала Жрица. — Успокойся и собери то, что у тебя в груди, в кулак! Сожми это!

Чувствуя, как от страха и неуверенности подрагивают колени, Рада резко сжала нутро, как будто обеими ладонями накрыла золотой шарик в груди. В следующий миг крылья исчезли, и упавшая на голову тьма буквально ослепила ее.

— Вот так, — раздался из темноты довольный голос Жрицы. — А теперь...

Чтобы вздохнуть, Раде пришлось расслабить грудную клетку. В ту же секунду крылья с шумом раскрылись за ее спиной, и она вновь вскрикнула, когда ее ноги рывком оторвало от пола. Несколько раз крылья судорожно дернулись за ее спиной и сразу же схлопнулись, а

Рада упала прямо на твердый мраморный пол, едва успев смягчить падение подставленными ладонями.

— Рада! — из темноты вскрикнула искорка, а Жрица рядом недовольно поцыкала языком:

— Нда. С тобой будет тяжело.

И она оказалась права.

Следующие три часа стали для Рады настоящей бездной мхира, и по прошествии этого времени она чувствовала себя такой усталой, будто неделю без сна и отдыха втаскивала на гору огромные булыжники. Ноги дрожали будто кисель, грудь распирало от крыльев, которые так и норовили раскрыться за ее плечами, все тело болело из-за ударов, которые она получила, врезаясь во все вокруг и падая с большой высоты, когда абсолютно бесконтрольные крылья за ее спиной все-таки открывались, но подчинить их собственной воле она не могла.

В становище всю кипела жизнь. Горел посреди открытого места громадный костер, и вокруг него танцевали обнаженные Жрицы, извиваясь в призывных движениях и славя Небесных Сестер и Роксану Огненную, чей праздник сегодня отмечали все кланы. Маленькие детишки с хохотом носились по поляне, гоня набитый сушеными бобами бычий пузырь с помощью длинных деревянных плашек. Шумел водопад, возле которого собралась целая стайка беременных женщин под предводительством высокой Жрицы, которая читала над ними мантры Аленны, испрашивая здоровья и счастливой судьбы их будущим дочерям. Взрослые обитательницы Роши собрались у ломящегося от съестного стола, поздравляя друг друга с праздником, общаясь, смеясь. Утреннее небо, теплое, летнее, полное пушистых белых облаков и ослепительного света, раскинулось над их головами, и Роксана шагала по небосводу, гордо неся Свой сияющий щит.

Одна только Рада, мокрая будто мышь и усталая как вол, валялась, распластавшись, на земле и дышала, едва не вывалив изо рта распухший от жажды язык. И как я только могла мечтать об этих проклятых крыльях? Богиня, ну что ж мне с ними делать-то? Ну объясни мне, я не понимаю!

Стоящая над Радой Жрица в который раз уже повторяла:

— Главное: не торопись. Ты не контролируешь крылья, ты не приказываешь им, что делать. Точно также ты не контролируешь воздушные потоки и ветер, не заставляешь его дуть в нужную тебе сторону. Ты отдаешься этим воздушным потокам, и они несут тебя. Ты отдаешься крыльям, и они позволяют тебе лететь.

— Рада, это же так легко! — вторила ей искорка. За ее спиной виднелись крылья, такие же золотые, только гораздо более послушные, чем у Рады. Они аккуратно лежали за плечами, повинувшись ее воле беспрекословно. Рада настойчиво гнала от себя мысли, убеждала себя в том, что искорка ни в коем случае не виновата в том, что у Рады ничего не получилось, и что единственное препятствие во всем этом — ее собственное упрямство и ничего больше. — Просто расслабься, Рада, — повторяла и повторяла искорка. — Как когда сила Великой Мани идет через нас, как когда ты отдаешься Ей. Просто расслабься и все!

— Проклятье! — заворчала Рада. — Как только я расслабляюсь, меня сразу же впечатывает мордой в гравий. Это не слишком-то приятно, и это ни хрена мне не помогает!

— Ты пытаешься приказывать им, а этого не нужно делать! Ты не можешь приказывать ветру и дождям! — в голосе Жрицы прозвучала укоризна.

— Давай-ка еще разок попробуем, Рада, я тебя поддержу! — энергично кивнула Иштум,

зеленоглазая черноволосая анай, за плечами которой сейчас тоже спокойно свернулись крылья. Ей одной из первых удалось вслед за искоркой овладеть необходимым трюком, и она с готовностью помогала остальным Младшим Сестрам справиться с их крыльями.

За эти проклятые три часа Рада успела познакомиться со всеми пятью Младшими Сестрами, с которыми ей посчастливилось получать крылья по обряду анай. Все пятеро выросли в Роще и были дочерьми тех из анай, что присягнули на верность Великой Царице и решили остаться вместе с родителями при ней. Четверо, включая и Иштум, принадлежали по рождению к клану РаэРН, но попали в Рощу совсем детьми и свою первую инициацию на звание Младшей Сестры проходили здесь. Пятая девочка — зеленоглазая светловолосая Анико, — была дочерью двух Нуэргос, которые также отказались от своего клана во имя Великой Царицы.

Анико была единственной, чьи проблемы с крыльями были почти такими же серьезными, как у Рады. Почти такими же. На лбу у нее набухла большая иссиня-черная шишка, а белоснежную одежду покрывали разводы грязи, но она уже стояла, выпрямившись, недалеко от Жрицы и, нахмурив брови, рассматривала образовавшуюся на локте прореху, сквозь которую проступали следы крови от глубокой ссадины. Четверть часа тому назад, приложившись об землю последний раз, Анико наконец-то поняла, что делать с крыльями, и после этого у нее трижды получилось открыть и закрыть их, не поранившись. Рада молча завидовала ей черной завистью.

— Я помогу тебе встать, — проговорила Иштум, решив не дожидаться ответа Рады, и аккуратно обошла ее, чтобы подхватить под плечи. — Давай-ка, сейчас мы поднимемся на ноги и попробуем еще раз.

— Да какой толк-то в этом? — горестно проворчала Рада, изо всех сил оттягивая время, чтобы еще хоть чуть-чуть полежать на земле. Болело абсолютно все, за эти три часа она умудрилась отбить о гравий буквально каждую, даже самую глубоко упрятанную в ее тело косточку. Крылья сейчас были прижаты ее спиной к земле, а потому не могли самопроизвольно раскрыться и швырнуть ее в сторону. Головой Рада прекрасно понимала, что не сможет лежать так вечно, что рано или поздно ей нужно будет подняться на ноги и все-таки сделать что-то с проклятыми крыльями. Но мысль о том, что снова придется биться о землю, была невыносимой. Любой боли, которую может вынести человек, есть предел, и сейчас Раде казалось, что она своего уже достигла. Еще пара ударов, и она самым позорным образом расхнычется, растирая по лицу слезы обиды. Изо всех сил сдерживаясь и пытаясь не допустить этого, она через силу проговорила: — Я все равно ни бахры не понимаю, что вы тут все говорите. Давайте лучше так сделаем. Я просто вернусь в казарму и подремлю там пару часиков, наберусь сил, отдохну. А потом мы снова попробуем меня поучить, и все у нас получится, да?

— Если ты не научишься держать крылья под контролем сейчас, то можешь навредить не только себе, но и окружающим, если во сне неосознанно изменишь их температуру и что-нибудь подожжешь, — Жрица смотрела на нее серьезно и чересчур спокойно. Так смотрят на бестолкового ребенка, который из-за собственного упрямства не может решить элементарную задачу. Раде захотелось взвыть. — Мы должны разобраться с твоими крыльями сейчас, иначе потом будет хуже.

— Я даже не представляю, куда хуже, — проворчала Рада, проклиная последними словами и себя, и свою идею идти в Данарские горы, и свой жгучий энтузиазм, с которым она рвалась к получению крыльев.

— Просто постарайся расслабиться, Рада! — умоляюще взглянула на нее искорка, едва не заламывая руки. — Тебе нужно только расслабиться и все.

Рада аж зубами заскрежетала. Легко говорить: расслабься, когда у тебя самого ничего не болит. Впрочем, это утверждение было верно лишь частично. В самом начале, когда они только начали учиться раскрывать крылья, у Рады тоже ничего не болело, но при этом и ничего не получалось. Ну не умела она расслабляться, не умела и все! Не все люди могут это делать. Кто-то всю свою жизнь от самого рождения только и делает, что головой заборы проламывает, потому что иначе ему никак не справиться, ну вот никак совсем! Не виноват же он в том, что пытается выжить так как может, и что у него не получается так, как у других?

Гнев, что давно уже исподволь подтачивал нутро Рады, сейчас взметнулся алым пламенем, почти как костер Роксаны в нескольких десятках шагов от них. Вместо того, чтобы расслабиться и исчезнуть, крылья буквально одеревенели, и Раду приподняло над землей. Сейчас они ощущались, как кости, ее собственные кости, которыми она упиралась в мелкую острую гальку под собой, неудобно застряв в полуметре над землей. Ей захотелось взвыть.

— Кажется, стало только хуже, — грустно констатировала искорка, опуская руки и с искренним сочувствием глядя на нее.

Рада только нахмурилась, стараясь не смотреть на окружающих ее Младших Сестер. Иштум горестно вздохнула и опустила руки, все-таки не рискнув попытаться ее поднять. Раде казалось, что если ее сейчас хоть кто-нибудь пальцем тронет, в ответ она может только в глаз зарядить и ничего больше.

— Что тут за сборище? — послышался хриловатый голос, и Младшие Сестры вместе со Жрицей развернулись, глядя куда-то за спину Рады. Молодые анай сразу же сложились в поклонах, сгибаясь едва ли не до самой земли, а Жрица изящно опустила голову, поглядывая из-под длинных ресниц со смесью восхищения и радости.

Из-за застывших за спиной крыльев сделать это было сложновато, но Рада все-таки вывернула голову, под неудобным углом взглянув за спину. Там буквально в нескольких шагах от них стояла Великая Царица, зажав в зубах чубук трубки и с интересом разглядывая собравшихся.

На Тиене была белоснежная форма, ладно сидящая на широких плечах. Она была не слишком высока, пожалуй, даже приземиста для анай, почти на ладонь ниже Рады. Соломенные прямые волосы торчали в стороны, и их слегка ерошил ветер. Зеленые глаза смотрели со сдержанным любопытством, и под их взглядом Раде вдруг стало почему-то так стыдно, что сквозь землю захотелось провалиться. словно ребенок она упорствовала третий час подряд, мешала остальным Младшим Сестрам начать учиться управляться с крыльями, все здесь с ней копались, будто с дитем малым. Вот, даже Великая Царица пришла полюбопытствовать, что тут происходит. От стыда вспыхнули щеки, крылья за спиной моментально сложились, и Рада всем телом рухнула плашмя на гравий, едва сдержав стиснутыми зубами рвущийся наружу стон. Несколько мгновений она просто лежала, пытаясь перетерпеть боль, а потом медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы весь воздух, что застрял в груди куском льда.

— Так-так, — послышался негромкий голос Великой Царицы, и по гравию зашуршали подошвы ее сапог. — Давай-ка я попробую, светлоликая. А ты забери девчонок да покорми их, они со вчерашнего дня голодные как волки.

— Как прикажете, первая первых, — Жрица вновь склонила голову и бросила на Раду полный сочувствия взгляд. Младшие Сестры, сгибаясь в поклонах, попятились в сторону костров. Осталась на месте одна искорка, которая сейчас смущенно мяла пальцами ткань платья и бросала на Тиену неуверенные взгляды.

— Ты хочешь остаться, Светозарная? — спросила ее Тиена, и та резко закивала, вскинув на царицу широко открытые серые глазищи. Тиена хмыкнула и кивнула. — Думаю, это только к лучшему. Давай-ка, поможешь мне подержать ее.

— Да я и сама встать могу, — проворчала Рада, справляясь с раздражающим все внутри чувством стыда, стараясь игнорировать боль в отбитом теле. Но не могла же она позволить Великой Царице анай поднимать ее с земли, будто сопливую девчонку.

Вот, значит, какова цена твоей чести, а, Черный Ветер? Значит, Жрица и Младшие Сестры могли скакать вокруг тебя три часа, пока ты кочевряжилась и отказывалась принимать их помощь и понимать то, что они тебе объясняют. А Великая Царица, значит, в помощники сойдет, да? Ну и набралась же ты здесь наглости.

Щеки зацвели еще ярче. Рада кое-как поднялась с земли, стараясь не смотреть на Тиену и не морщиться от боли. Она отряхнула куртку и штаны, благодаря Богинь за то, что погода стояла теплая и сухая, и лишь несколько пятен пыли остались на коленях да на заду. Правда, правый рукав она все-таки умудрилась зазеленить, и отстирать это будет очень сложно. Прекрати дурить и просто посмотри на нее!

— Простите, первая первых, что я вас побеспокоила, — тяжело пробубнила Рада, заставляя себя посмотреть в лицо Тиены. — Я и не думала, что для меня будет так сложно овладеть крыльями.

— Что ж, ты не одна такая, — глаза Тиены улыбались, в них мягкой зеленью цвело теплое лето. — Я и сама когда-то пять часов билась над тем, чтобы научиться открывать и закрывать крылья. Думала, Жрицы от злости меня с обрыва сбросят, чтобы по дороге к земле смекнула, что к чему, — Тиена ухмыльнулась и выдохнула серебристое облачко дыма. — Нуэргос ведь обряд проводят на вершине отвесной скалы, а не здесь.

Рада не знала, что сказать, и неловко затопталась на месте, почесывая пыльный затылок. Под взглядом Великой Царицы она чувствовала себя странно. С одной стороны, в Тиене было что-то такое же вечное, далекое и мощное, как и в Эрис, будто сквозь золотое око между ее бровей на Раду смотрело существо из иного мира, названия которому она не знала. Краем глаза было заметно, что воздух вокруг Великой Царицы уплотняется, становясь более густым, слегка дрожащим, и солнечный свет, проходя сквозь него, преломляется каким-то необычным образом, заставляя ее тело почти что физически светиться. Рада попыталась повнимательнее разглядеть этот странный эффект, но глаз словно скользил мимо, ускользал прочь. Стоило сфокусироваться на коже Тиены, как Рада видела лишь ее тело и ничего больше. Ничего необычного. Но краем глаза это свечение было вполне заметно. Пожалуй, так мог бы выглядеть смерч, сквозь который просвечивает солнце, если бы смерч мог быть малюсеньким и распластанным по коже живого человека.

В Держащей Щит эта атмосфера была похожей, но от Эрис исходило ощущение какой-то... глухой древности что ли. Очень древней силы, почти неподдающейся контролю, динамичной и бурлящей, готовой в любой миг вспыхнуть тысячами разноцветных искр, взорваться светом, творить чудеса. Тиена ощущалась иначе. О, эта сила тоже была вокруг нее, но имела другое свойство: статичность. Как надежная скала солнечного света, упавшая сверху, непререкаемая, несдвигаемая, непобедимая. Казалось, эта женщина могла бы и весь

мир на плечах держать, даже глазом не моргнув. Все ей было ни по чем.

Тиена смотрела на Раду, и та поняла, что вглядывается в ее лицо, прищурившись, всматривается в каждую черточку. Она и сама не смогла бы объяснить, зачем делала это, но Тиена казалась ей... знакомой. Такого не могло быть, Рада готова была жизнь поставить на то, что раньше никогда не видела эту женщину. Но, как и в случае с Эрис, от Тиены исходило совершенно четкое ощущение родства. Словно они знали друг друга добрую тысячу лет, словно смотрели друг другу в глаза уже в сотый раз.

Не раз сломанный нос, свернутый набок, широкий подбородок с тонкогубым ртом. Веснушки, что усыпали ее щеки, и зеленые глаза с крохотными золото-коричневыми крапинками внутри под пушистыми светлыми бровями. Великая Царица не была красивой, Рада даже сказала бы, наоборот, но при этом она подходила утонченной и далекой, словно звездный свет, Держащей Щит анай. Подходила так же, как клинок подходит ножнам.

— Ну что? — Тиена по-доброму усмехнулась, поглядывая в ответ на Раду. — Надеюсь, ты высмотрела, что хотела. И теперь позволишь мне помочь тебе?

— Простите, первая первых, — Рада поспешно опустила голову, вновь ощущая прилив стыда. — Мне не стоило так тарашиться на вас. Вот только ваше лицо...

— Что с моим лицом? — с интересом спросила Тиена.

— Оно кажется мне знакомым, — отозвалась Рада. — Хотя такого не может быть. Мы с вами никогда не встречались под этим солнцем, за исключением того, первого раза в становище Сол.

— Во-первых, предлагаю на «ты», Черный Ветер? — в голосе Тиены послышался вопрос, и она дождалась, пока кивнет сначала Рада, а за ней и Лиара. После этого Великая Царица вновь взглянула в лицо Раде. — Полагаю, что и лицо Эрис не показалось вам чужим, когда вы впервые увидели нас? Не так ли?

— Да, у меня было ощущение, будто мы уже встречались, — встрепенулась искорка, Рада только согласно мотнула головой, внимательно изучая лицо Тиены. На нем не было удивления, ни капли, лишь уверенность и какое-то спокойное смирение.

— Это сила. Вы встречались не со мной, вы встречались с силой, что идет через меня. Вы уже ощущали ее раньше, поэтому она для вас знакома. — Тиена затянулась, сводя брови к носу и выпуская дым из уголка рта. Впрочем, морщины на ее лбу моментально разошлись, а взгляд стал расслабленным. — Все дело в прикосновении Великой Мани. Мы с Эрис отдали Ей себя, отдали целиком и полностью, и Она несколько изменила нас самих. Теперь все то, что было в нас в потенциальной стадии, развернуто до предела, а все лишнее, что мешало этому развертыванию, исчезло. Можно сказать, что мы достигли пика своего развития, полностью отказавшись от индивидуальных черт, что и помогло нам максимально развить самих себя. — Заметив озадаченный взгляд Рады, Тиена невесело усмехнулась и покачала головой. — Полагаю, что говорю не слишком понятно. Думаю, у нас еще будет некоторое время для бесед и совместной работы, и со временем вам станет яснее, что я имела в виду. Мне кажется, пока достаточно будет сказать, что вы узнаете меня, потому что узнаете силу, из которой я состою, не так ли?

— Наверное, первая первых, — Рада бестолково поскребла затылок. Что-то внутри нее понимало все слова Тиены четко и ясно, и этому чему-то никакие иные разъяснения были не нужны. Но мозг буксовал и артачился, требуя объяснения более подробного.

— В таком случае, первая первых, ты тоже должна была узнать нас, да? — искорка вдруг рассмеялась, и глаза ее вспыхнули двумя солнышками. Рада удивленно заморгала,

глядя на нее. — Именно поэтому вы с Держащей Щит предложили нам крылья и попросили задержаться в Роще?

— Да, Светозарная, — кивнула Тиена. Она смотрела на искорку тепло и как-то... бережно, что ли? Так отец обычно смотрит на дочурку, которая показывает ему первое сшитое ей самой платье. Рада внимательно прислушалась к себе, пытаясь понять, не прячется ли внутри ревность. Там не было ничего, лишь какое-то странное ощущение единства и золотой радости от того, что они здесь. — Я узнала вас сразу, как увидела. Эту силу невозможно погасить, ее невозможно укрыть или спрятать. Если она однажды загорелась, то сделать с ней уже ничего не получится.

Лиара прижала ладошки к губам и улыбалась, глядя на Великую Царицу. Рада вновь поскребла затылок. Наверное, ей самой просто не стоило думать над смыслом их слов, наверное, именно это и мешало ей по-настоящему почувствовать за словами Тиены то, что она имела в виду. Во всяком случае, ощущение было именно таким: сомнения и мысли пускали круги и волны по ее внутренней пустоте, которой слова Тиены приносили радость. Как когда опускаешь лицо в кристально чистый ледяной родник, и свежесть воды одновременно причиняет боль разгоряченной коже и дарит ей немыслимое наслаждение.

Тиена вернула искорке улыбку и взглянула на Раду. Отчего-то в глазах ее загорелся озорной огонек.

— Полагаю, ты довольно упряма, Черный Ветер, именно поэтому у тебя никак не выходит расслабиться.

— Есть немного, — неохотно дернула плечом Рада, внезапно чувствуя всю глупость сложившейся ситуации, в которую она попала с крыльями.

Всего-то надо было лишь не упрямиться, но как это сделать? Разве можно управлять чем-то таким глубинным, тем, что лежит в самой основе ее самой? Ведь именно упрямство делало ее такой, какой она была. Кто станет ломать несущую балку дома, в котором живет?

— Позволишь мне дать тебе небольшой совет? — спросила Великая Царица.

— Это было бы очень кстати, честно говоря, — хмыкнула в ответ Рада.

— Извини, Светозарная, — Тиена взглянула на искорку со слегка смущенным видом, подступила поближе к Раде и склонилась к ее уху. От нее пахло свежеспиленной древесины, словно все утро она строгала доски или работала с деревом. Тиена понизила голос. — Я сейчас скажу кое-что очень личное и заранее извиняюсь, что лезу не в свое дело, но это, и правда, может помочь.

— Я буду очень признательна, — отозвалась Рада, гадая, что же это может быть. Отчего-то слова Великой Царицы очень заинтриговали ее. Та вдруг тоже принялась перетаптываться на месте, негромко кашлянула, прочищая горло, но все-таки заговорила:

— Обычно, когда Жрицы предлагают тебе расслабиться и принять крылья, в качестве примера они приводят момент слияния с другой женщиной и советуют отдаться крыльям так, как отдаешься ей. — Голос Тиены слегка охрип, да и Рада ощутила, как вновь алым маком вспыхивают ее щеки. Говорить об этом до сих пор было страшно и очень непривычно. — Но этот способ работает не одинаково для всех. Во всяком случае, для тех, кому сложно открывать крылья, он не работает. Полагаю, это из-за проблем с золотым эхом и невозможностью довериться человеку полностью.

— Прости, первая первых, но я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, — едва слышно прошептала в ответ Рада. Тиена стояла рядом с ней, склонившись к ее плечу, и со стороны совершенно точно все выглядело именно так, как и было: они с Великой Царицей анай

шептались о чем-то. Рада обежала глазами окружающих анай, искорку, что застыла в нескольких шагах от них, тревожно глядя на Раду и переживая за то, что у нее не получается с крыльями. Если Рада правильно догадывалась о сути того, что ей сейчас пыталась сказать Тиена, то это был самый лучший способ узнать и о том, что ее давно беспокоило, но о чем она все не решалась спросить Торн, Лэйк или еще кого-нибудь. Набравшись храбрости, Рада резко выдохнула и едва слышно выпалила: — Но если ты про тот момент, когда две женщины делят одно ложе, то у меня здесь очень много вопросов на самом-то деле. И мне бы очень не помешал твой совет.

Великая Царица отстранилась и удивленно вскинула брови, глядя на Раду. На лице ее отражалось такое неподдельное удивление, что Рада вмиг пожалела о том, что завела этот разговор. Бросив страдальческий взгляд на искорку, она опустила голову, просто не зная, куда себя деть.

— Я, наверное, пойду, перекушу чего-нибудь, — негромко проговорила искорка, и голос ее звучал ободряюще. Рада с надеждой вскинула голову и поймала ее твердый взгляд, полный любви и поддержки. — Со вчерашнего дня и маковой росинки во рту не было. Разреши удалиться, первая первых.

— Иди, конечно, Светозарная, и не волнуйся за свою женщину. Совсем скоро я тебе ее верну, — отозвалась Тиена, справившись с первым удивлением, но все еще бросая косые взгляды на Раду.

Они помолчали, пока искорка отходила в сторону, а затем Великая Царица повернулась к Раде и недоверчиво вздернула бровь:

— Черный Ветер, мне казалось, я все правильно поняла, и вы со Светозарной вместе...

— Так и есть, первая первых, только вот я совсем ничего не знаю, — Рада вдруг так смешалась, так смутилась, что вновь опустила глаза и принялась позорно мямлить, остервенело ероша короткие волосы на затылке и растрепывая оставшийся тонкий хвостик, перехваченный кожаным шнуром. — Этот золотой комочек дара в груди... Он появился у нас еще на подступах к Алькаранку... А у меня никогда раньше не было женщины, и я не знала вообще, что с ними делать и как. И потом я свалилась в тот Черный Источник, а Алеор сказал, что вы размножаетесь именно с помощью Источника. И я знать не знаю, что теперь. И боюсь из-за этого, что кто-нибудь из нас случайно может забеременеть, а спросить мне не у кого вообще... — Рада поняла, что просто что-то тихо бормочет под нос, и окончательно ступевалась, боясь поднять глаза на Тиену.

Да уж, ситуация сложилась крайне странная. Она не могла спросить о таких вещах Торн, которая изо дня в день наставляла ее в обращении с оружием, в обычаях и традициях анай, и которая по своему статусу была лишь немного выше Рады. Зато она выпалила все это в лицо Великой Царице анай буквально через полторы минуты после того, как они вообще заговорили друг с другом. Боги, ну почему я такая идиотка-то? И что же мне делать с этим?!

— Ох, Реагрес! — вздохнула Тиена, выдыхая дым, и Рада шмыгнула носом, не глядя на нее и чувствуя себя полной и окончательной дурой. — Наверное, с этого-то и надо было начинать, да кто ж знал-то? Да и как вообще можно было подойти к вам в первый же день, как вы попали в становище Сол, и предложить рассказать все о том, что происходит между анай в момент близости?

Рада все-таки вскинула глаза на Тиену и удивленно заморгала. Щеки той тоже были красными, и Великая Царица точно так же, как и Рада, неуверенно ерошила свои волосы на затылке. Вид у нее был донельзя сконфуженный, но глаза при этом смеялись. Взглянув на

Раду с каким-то почти подростковым весельем, Тиена вдруг подмигнула ей:

— Ну что, Черный Ветер. В конце-то концов, я все-таки Великая Царица анай, а ты — моя поданная, которая пришла ко мне за советом. Ну, или я сама пришла к тебе, чтобы научить тебя использовать крылья. В любом случае, Небесные Сестры свели нас на этом пятачке земли в это время, и раз уж я во все это ввязалась, значит, отступить мне некуда.

Рада слегка настороженно смотрела на нее, еще не понимая, к чему ведет Тиена. Та огляделась, заметила в стороне одиноко стоящую лавочку у стола с угощениями, приготовленного, судя по всему, для Младших Сестер, которые вот-вот должны были вернуться после инициации и получения крыльев, и кивнула Раде головой туда.

— Пойдем-ка, потолкуем, и я все тебе расскажу. И про золотое эхо, и про крылья, и про все, что ты захочешь у меня узнать.

— А я не отвлеку тебя от каких-то чересчур важных дел? — Рада чувствовала, что это ее последняя, самая отчаянная попытка отступить и не позориться своим полным профанством и незнанием, да еще не перед кем-нибудь, а перед самой Великой Царицей.

Значит, попереться в бордель к шлюхам и спросить у них ты могла, при том, что они не слишком уж часто оказывают услуги подобного рода, а то же самое попытаться узнать у женщины, у которой есть дочь от другой женщины, ты не можешь? Уж наверное, Тиена-то побольше знает, чем те Лонтронские потаскухи.

— Да не дрейфь ты, Рада, — будто прочитала ее мысли Тиена, ухмыляясь и похлопывая ее по плечу. — Я не Каэрос, и не вижу ничего страшного в том, чтобы ответить на твои вопросы. Тем более, что эти вопросы действительно важны для тебя сейчас. Обычно такие вещи анай узнают во время последней инициации, когда вступают в Источник Рождения, но ты-то уже побывала внутри Источника, и одной только Милосердной известно, что в итоге это может означать для тебя. Думаю, будет все-таки честнее, если ты будешь знать, как зачать дитя. Чтобы вы с Лиарой смогли подготовиться к такому событию, сама понимаешь. — Великая Царица настойчиво подтолкнула ее в сторону лавки возле стола. — Пойдем, выпьем меда, поговорим. Сегодня от меня не слишком много толку. Все необходимые церемонии поклонения я уже провела. Теперь в мои обязанности входит расхаживать с умильным видом и поздравлять всех с праздником, благословляя на удачу. Так что ты очень вовремя мне подвернулась, чтобы заняться хоть чем-то полезным и не торчать как пугало посреди лужайки на виду у всех этих исполненных благоговения бхар.

Рада героически сдалась, позволив Тиене усадить себя за стол, и сама не заметила, как принялась уплетать стоящие ближе всего к ней пирожки с мясом и картошкой, запивая их крепким хмельным медом Нуэргос из поясной фляги самой Тиены. Великая Царица, на щеках которой тоже играл алый румянец, принялась сбивчиво и довольно расплывчато объяснять Раде природу дара, золотого огонька, что горел и горел в ее груди. Странно было слышать от другой женщины о том, что она постоянно ощущала вместе с искоркой, о том, что началось у них задолго до того, как они попали в Данарские горы. О связи, что установилась между их сердцами, позволяющей им обоим чувствовать эмоциональное состояние друг друга, которую анай называли золотым эхом. Тиену, правда, очень удивило, что эта связь у Рады с Лиарой присутствует постоянно, а не только в моменты физической близости.

Поразил Раду и тот факт, что для зачатия ребенка не всегда требовалась и физическая близость. Двум анай достаточно было, в общем-то, лишь слиться этими горящими в груди угольками настолько полно, чтобы потерять себя в душе другой, чтобы их личности

смешались, став чем-то единым. И тогда одна из них или даже обе зачинали дитя. Это звучало гораздо более интимно, чем любые разговоры о физической близости, и Тиена несколько раз прерывалась, рассказывая об этом: прихлебывала из фляги, откашливалась, словно ей что-то попало в горло, ожесточенно пыхтела своей трубкой. Рада смотрела на нее и не завидовала ей; сама она со стыда бы сгорела вместе с лавкой, если бы ей пришлось кому-то объяснять такие вещи.

В конце концов, когда они прояснили момент с золотой пульсацией в груди, Тиена дала Раде и несколько совсем уж скупых советов, касающихся крыльев. Эти советы слишком близко подходили и к другой ситуации, той самой, которая касалась только их с искоркой и только в очень определенные моменты, и Раде пришлось зажмуриться, выслушивая все, что говорила ей Тиена. Зажмуриться и всю дымить своей трубкой, потому что к тому времени она уже просто физически была не способна ни смотреть на царицу, ни отвечать что-либо ей. Единственное, что Рада могла еще делать, — это не удирать с воплями под сень Роши Великой Мани, и гордилась собой, что ее сил хватило хотя бы на такую вещь.

Кажется, ты ханжа, матушка. Вот уж неожиданно, правда? Хвала Роксане, что ты осталась среди Каэрос, которые не слишком-то любят говорить о своих чувствах. Пожалуй, второго такого диалога ты уж совершенно точно не переживешь.

Тем не менее, каким бы личным и чересчур интимным ни был совет Тиены, а только Рада воспользовалась им и постаралась перехватить контроль над комочком в груди, что был крыльями, позволяя ему при этом растечься едва ли не маслом на сковороде, но внимательно следя за тем, что именно она контролирует процесс. Крылья за спиной ментально раскрылись. А когда она точно так же по своей воле позволила ему сжаться в ее груди, крылья закрылись.

К тому моменту они обе с Тиеной были красны, как перезревшая свекла, не смотрели друг другу в глаза и сидели на самых краешках лавок, дымя трубками, словно перетопленные бани.

— Думаю, это был самый странный разговор в моей жизни, — хрипло проговорила Рада, бросив на Тиену короткий взгляд из-под ресниц. — Но спасибо тебе за него, первая первых. Это было очень... познавательно.

— Да уж! — хмыкнула та, покачав головой. Румянец все еще продолжал покрывать щеки Великой Царицы, но ее зеленые глаза, поднявшиеся на Раду, горели лукавством. — Что ж, Черный Ветер, кажется, это можно считать началом нашего знакомства. Хотя оно, и правда, было очень уж странным.

— Не то слово! — фыркнула Рада, чувствуя себя вдруг точно так же, как давным-давно, в Военной Академии, когда двое пареньков подбили ее на то, чтобы стащить исподнее наставника Ферона и вывесить его на флагштоке над основным зданием школы.

Смех вдруг сам собой полез из горла, заставив ее морщиться и щуриться, и Тиена засмеялась вместе с ней, захохотала во всю глотку, хлопая ладонью по толстой столешнице, сработанной из старой сосны. Несколько бродящих вокруг анай в белом удивленно оглянулись на них, но это больше не смущало Раду. Кажется, после такого разговора ее уже ничто не могло бы смутить.

Отсмеявшись наконец, Тиена посерьезнела, хлопнула ее по плечу и проговорила:

— Ты нравишься мне, Рада, и я чувствую, что вовсе не слепой случай привел вас в наши горы, и не просто так в тебе зажглась искра дара Великой Мани. Я буду очень признательна работать вместе с вами со Светозарной и надеюсь, что у нас с вами будет достаточно

времени на это. Эрис распорядилась утром, чтобы для вас подготовили дом. Как только закончатся празднования, и Младшие Сестры отправятся маршем на Серый Зуб учиться летать, вы переедете в этот дом. Тогда у нас будет больше времени, чтобы вдоволь наговориться.

— Благодарю тебя, первая первых, — Рада с теплом взглянула на Тиену, склонив голову в благодарном поклоне. Та подмигнула ей и поднялась с лавки.

— А теперь иди к своей нареченной, а то она уж, небось, не пойми что думает. Не хотелось бы мне вызвать гнев Светозарной на свою голову. И отдыхай, Рада. Впереди у нас много работы.

Рада проводила взглядом удаляющуюся в сторону храма Богинь Великую Царицу и только покачала головой. Вовсе не так она представляла себе их первую встречу, но в любом случае, это было гораздо познавательнее, чем она предполагала. Поднявшись с лавки, Рада зашагала в сторону искорки, которая нетерпеливо мерила поляну шагами, то и дело поглядывая на них с Тиеной и тревожно хмурясь. Все у нас с тобой теперь будет хорошо, моя искорка. Все хорошо.

===== Глава 49. Ожившая сказка =====

Под тяжелой рукой Рады было так хорошо, так сладко свернуться клубочком и не высовывать носа наружу. Долгие четыре недели они спали хоть и рядом, но не вместе, и за это время Лиара успела истосковаться так, что хоть плач. Сейчас же тело звенело от приятной сладкой истомы, а поцелуи Рады все еще горели на разгоряченной коже. И Лиаре казалось, что она — самая счастливая женщина в мире.

Лунный свет протянул по полу маленького домика длинную дорожку, падая сквозь окошко, приоткрытое наружу и пропускающее в дом прохладу летней ночи. Вместе с ней в тесные стены забрался и чуть терпкий запах криптомерий, и сладкое благоухание жасмина, что цвел почти что под самым окном, и нежный голос соловья, хоть это уже и казалось Лиаре совсем странным. Соловей ближе к середине лета? Обычно они замолкали уже в самом его начале, принимаясь вить гнезда и обустраивать свою деловитую жизнь. А этот, ишь, надрывался во всю глотку. То ли подругу еще не успел себе отыскать, то ли тоже был частью того невыразимого волшебства, которым Держащая Щит оплела Рощу Великой Мани.

Лиара обвела глазами помещение, жмурясь от золотистого счастья, что сейчас текло по ее венам, пропитывало каждую ее клеточку. Этот дом был таким же уютным, что и тот в становище Сол, но по-своему. Маленькие окошки, сквозь которые врывается ночной ветер, покачивая белоснежные занавески. Запах свежего дерева; вряд ли этот домик срубили больше пяти-шести лет назад. Ощущение шершавых досок настила под ногами, ощущение, от которого Лиара уже успела отвыкнуть. Густая наполненность, почти физически ощутимая атмосфера домашнего тепла, которая бывает только в деревянных домах, где буквально каждая дощечка дышит. И дом дышит вместе с ними со всеми.

Тихонько скребся кто-то под крыльцом, наверное, ежик, которого Лиара заметила пару дней назад. Шуршало что-то в темных углах под потолком, куда не доставали бледные отсветы щита Аленны. Дом поскрипывал, постукивал, дом дышал сквозь открытые настежь окна в летнюю теплую ночь. Дышала и Рада рядом. Ее грудь медленно и мерно вздымалась, и Лиара, прижавшаяся ухом прямо к ее сердцу, слушала его неторопливый стук. Повлажневшая от жара кожа уже высыхала, сердце замедлялось, стуча все ровнее и мягче. А ведь всего какие-то минуты назад оно гремело, как бешеное, грозя лопнуть в любой миг.

Покачивались на ветру занавески, и луч лунного света, расчерченный квадратом оконной рамы, падал на пол.

— Рада, — тихонько позвала Лиара, прикрывая глаза и слушая всей собой эту сладкую, будто жасминовый запах ночь.

— Ммм? — прогудела рядом та. Голос ее был хриплым, похожим на мурчание огромной кошки, свернувшейся в калачик и довольно помахивающей кончиком хвоста. От его звучания по спине Лиары пробежали сладкие мурашки истомы.

— Ты теперь... какая-то другая, — Лиара и сама смутилась своей откровенности и принялась водить пальцем по предплечью Рады, покрытому золотыми узорами, похожими то ли на завитки морского прибоя, то ли на кучерявые облака под пронзительными копьями солнечного света. Именно такая татуировка появилась у нее на правой руке после получения крыльев.

— Другая? Ты о чем, кошечка моя? — мягко проговорила та. Мурчащие нотки так и не исчезли из ее голоса, сделавшись только гуще и как-то... призывнее. Лиара ощутила, как в груди, там, где постоянно пульсировало золотом маленькое солнышко, соединявшее их воедино, сладко ёкнуло, и нежность вновь начала растекаться по ее венам, наполнять ее всю.

— Ну... — она замялась, не зная, как продолжить, и кончиком пальца обводя узоры на предплечье Рады. Золотой рисунок на нем казался частью ее кожи, а не чем-то инородным, метами, которые были у нее с рождения. И очень шел ей, подчеркивая тугие жгуты мышц и старые бугорки шрамов, полученных в сражениях много лет назад. — Мне кажется, ты теперь как будто ближе ко мне. — Лиара с трудом подбирала слова, особенно, учитывая специфику темы. Ни с кем другим она бы никогда не решилась говорить о таком, а с Радой это было... сложновато. Несмотря ни на что. — Ты всегда была со мной, прямо у меня в груди, но сейчас как будто еще ближе. Или я говорю ерунду?

— Нет, искорка моя, — вторая рука Рады двинулась, пальцы зарылись в волосы Лиары, и та прикрыла глаза, буквально тая от ее прикосновений. — Сейчас действительно что-то иначе. Я чувствую себя по-другому. Как-то... — Рада замялась, подыскивая слово. — ...мягче, что ли? Более открытой?

Это была правда, и речь сейчас шла не только о том, что происходило между ними и касалось лишь их двоих. Речь шла обо всем.

Прошла почти неделя с тех пор, как они вступили в Рощу Великой Мани вместе с отрядом Младших Сестер. Осталась далеко позади церемония принятия крыльев и праздник, что последовал за ней, как всегда бурный, полный радости, танцев, пения и игр. Иногда Лиаре казалось, что анай в общей совокупности времени пляшут едва ли не больше самих эльфов, про которых говорили, что в их городах вечный праздник из музыки и танца. Только вот энергичные пляски анай, их громкие гуляния и шумное веселье даже здесь, в самом сакральном для них месте, кардинально отличались от сухой чопорности торжеств в эльфийских государствах.

День Жизни отмечали как раз в утро принятия крыльев, и празднование продлилось на целую ночь и весь следующий день. С окрестных гор от святилищ клановых Богинь спустились Младшие Сестры вместе с опекающими их Жрицами, и у костров, разожженных перед основным храмом Рощи, начался праздник. К тому времени Рада и Тиена уже успели пошептаться о том, о чем бы они там ни шептались, и крыльями своими Рада с грехом пополам, но овладела. Впрочем, у других Младших Сестер получалось далеко не лучше, чем у нее. Они тоже то и дело бледнели и взмывали в воздух, а кое-кто даже валился на ровном

месте, когда уже открывшиеся за спиной крылья вдруг начинали отчаянно хлопать, толкая их вперед.

Жрицы утверждали, что так будет еще несколько месяцев. Та, что проводила им обряд, предупредила Лиару, чтобы они с Радой не слишком надеялись на скорый успех.

— Учиться летать так же сложно, как и учиться ходить, если не сложнее, — негромко проговорила она, положив мягкую руку Лиаре на спину перед тем, как уйти. Та тревожилась, что у Рады ничего не получается, и спросила об этом Жрицу. Любовница Небесных Сестер только по-матерински улыбнулась ей в ответ и поправила на плечах ничего не скрывающую тонкую шаль. — Ты ведь не помнишь, как трудно тебе было заставить собственные ноги держать вес твоего тела, сохранять равновесие, шагать вперед. А сейчас ты даже не думаешь о том, как легко бегаешь или взбираешься на гору. Тело учится гораздо тяжелее, чем голова, Светозарная, но тело, в отличие от головы, запоминает раз и навсегда, и ему не нужно повторять постоянно, чтобы не забыть. Тело не забывает ничего.

В словах Жрицы ей чуялась какая-то очень верная, очень правильная простота. Они подтверждали уже не раз прочувствованное откровение, которое вновь приходило к ней и здесь, в Роще, накануне получения крыльев. Тело могло стать посредником между тонким миром и миром физическим, и все вокруг, на что смотрели глаза Лиары, это подтверждало, в том числе и Рада.

С той поры, как с нее спал блок, как Тиена о чем-то негромко побеседовала с ней, в Раде что-то изменилось. Едва заметно, со стороны почти не ощутимо, но Лиара слишком любила ее и слишком внимательно смотрела, чтобы это прошло мимо нее. В Раде появилось как будто больше терпения, усидчивости, вдумчивости. Она теперь все больше слушала и смотрела вокруг большими глазами, словно хотела одним своим взглядом объять весь мир, раз и навсегда впустить его в собственную грудную клетку. Она меньше раздражалась по мелочам или обращала внимание на какие-то досаждающие вещи, вроде ситуации с той же Дани или задиристых Дочерей Воды, которые попытались все-таки привязаться к ним в ночь празднования Дня Солнца.

Тогда не произошло ровным счетом ничего страшного. Просто какая-то не в меру наглая девчонка, вскинув голову и окидывая Лиару хозяйским взглядом, пригласила ее потанцевать, не обращая никакого внимания на хмурый взгляд стоящей рядом Рады. Когда Лиара вежливо отказала ей, сообщив, что ее это не слишком интересует, Дочь Воды принялась жеманничать, посмеиваться и уламывать ее так нагло и беспардонно, словно Лиара и не дала ей прямого и твердого отказа. В обычной ситуации, если бы все так произошло где-нибудь в становище Сол с месяц-два тому назад, Рада моментально напряглась, набычилась бы и сама начала объяснять зарвавшейся девчонке, почему той лучше немедленно отойти в сторону и забыть обо всех своих предложениях. Сейчас же она лишь молча и без выражения смотрела на Дочь Воды достаточно долго, чтобы та сама неловко затопталась на месте, а затем и вовсе ушла.

Что же касается Дани, то на нее Рада теперь совсем не обращала внимания, даже головы не поворачивала, когда та с ней заговаривала. Не то, чтобы Дани уж очень активно пыталась это сделать, и уж тем более не в присутствии Лиары, которую она с той памятной ночи упорно избегала, но раза три упрямая Клинок Рассвета улавливала возможность подойти к Раде, пока Лиары не было рядом, и все три раза Рада даже ухом не повела, даже не поглядела в ее сторону. И в этом не было никакой агрессии или напряжения, не было видно, что ей сложно игнорировать девчонку. Ее словно больше не существовало на свете для Рады, не

существовало и все. Или она была чем-то настолько мелким и незначительным, что на него и внимания обращать не стоило. Не будет же человек долго и упорно объяснять какой-нибудь мошкаре, чтобы та у него перед носом не кружилась.

Правда, когда в один прекрасный момент Лиара все-таки отошла от Рады, чтобы налить им обоим еще пряного меда Нуэргос, специально привезенного в Рошу для празднования Дня Солнца, Дани все-таки добилась того, чтобы Рада взглянула на нее. И сделала это самым топорным из всех возможных способов, что явно продемонстрировало всю степень ее отчаяния.

Изрядно перебравшая Младшая Сестра протолкалась сквозь толпу танцующих и празднующих Каэрос прямо к Раде, дернула ее за рукав, резко разворачивая к себе, и принялась что-то горячо и быстро говорить ей, настойчиво глядя в глаза. Лиара была слишком далеко, чтобы увидеть подробности или прочесть по губам, о чем они говорили. Но Раде хватило всего пары коротких, произнесенных спокойным тоном фраз, чтобы Дани вспыхнула и так же быстро бросилась прочь сквозь толпу, зло утирая текущие по щекам слезы. Рада только задумчиво посмотрела ей вслед и вновь вернулась к изучению собственной тарелки со съестным.

— Что она тебе сказала? — все-таки не выдержала и задала вопрос Лиара, вернувшись к Раде с двумя кружками хмельного меда в руках. Та только пожала плечами со слегка сбитым с толку видом.

— Она спросила меня, почему я остаюсь в Роше Великой Мани, а не отправляюсь вместе со всеми на Серый Зуб. Я ответила ей, что такова воля Держащей Щит анай и Великой Царицы, и что они хотели бы работать с нами. Тогда она принялась нести какую-то околесицу про то, что я готова работать с кем угодно, заниматься с кем угодно, только не с ней.

— И что ты сказала? — с интересом склонила голову набок Лиара.

— Что она не может научить меня ничему кроме того, чтобы подбородок вздергивать. — пожала плечами Рада. — И что мне все эти детские игры просто неинтересны. А потом она развернулась и убежала, крикнув, что я жестокая и ненавижу ее. — Рада нахмурилась с совершенно бестолковым видом. — Странно, будто я не говорила ей раньше вещей гораздо более резких. Почему именно сейчас и именно эти слова ее так обидели?

Лиара не стала ей рассказывать об их с Дани разговоре той ночью. Да она и сомневалась, что только в нем одном и заключалось все дело. Рада могла не заметить этого, но она изменилась, изменилась внутри, а не снаружи. И ведь всем прекрасно известно, что одну и ту же фразу можно произнести настолько по-разному, что в одном случае она заставит человека почувствовать себя самым счастливым во всем мире, а в другом — разорвет его сердце на клочки. Видимо, теперь безразличие Рады стало для Дани поистине невыносимым, подкрепленное удивительным покоем, что наконец-то наполнил все существо Рады, сделав ее задумчивой и погруженной в себя. Возможно, это могло бы стать даже опасным для Клинка Рассвета, но на следующий день наставницы распрощались со Жрицами и обитателями Роши и увели Младших Сестер обратно по извилистой тропе к выходу из долины. Им предстоял долгий путь на Серый Зуб и трехмесячное пребывание там. Во время всего этого срока молодые анай будут учиться летать под приглядом старших наставниц. Для Рады и Лиары такими наставницами должны были стать Жрицы из Роши Великой Мани.

На прощанье наставница Ута пожалала им обеим руки, крепко Раде и бережно, будто птенчика баюкала, Лиаре. Вид у нее как всегда был недовольным, словно она горчичное семечко раскусила, но в глазах отражалось искреннее сожаление.

— Видимо, не удастся мне вас в хвост и гриву погонять, — проворчала она, неодобрительно поглядывая на Жриц, вышедших проводить уезжающих Младших Сестер. — А жаль. Любовницы Небесных Сестер, конечно, плясать умеют прекрасно и все такое, но вот вряд ли они смогут натаскать вас строевой и прочим тонкостям, которые вам в будущем уж точно пригодятся гораздо больше, чем виляние задом.

— Ох, первая, этого ты знать наверняка не можешь! — хмыкнула Рада, но ее улыбка стала значительно слабее после того, как Ута в ответ зыркнула на нее. Будто оправдываясь, Рада вскинула ладони: — Совсем скоро мы вернемся в Сол, и ты сможешь вволю потренировать нас по той программе, которую мы должны изучить.

— Уж потренирую, — с угрозой в могильно холодном голосе сообщила ей Ута. — И поверь мне, если ты вместо того, чтобы строить Сеть, будешь мне перед носом махать своими костлявыми мослами, которые даже подыхающего от голода дряхлого пса привлечь не способны, тебе не поздоровится, Черный Ветер. И я не посмотрю на то, что ты вроде как на особом положении, и на все твои предыдущие подвиги, и на эльфийскую кровь. Я ясно выражаюсь?

— Так точно, наставница! — отчеканила Рада, непроизвольно вытягиваясь и пристукивая каблуками.

Ута окинула ее еще одним не слишком доброжелательным взглядом и хмуро проворчала сквозь зубы:

— Надеюсь, Великая Царица тебя погоняет, когда у нее будет время. Сдается мне, ей и самой не терпится размяться, пока все эти малолетние дуры не глазают на нее огромными глазами. Молись, чтобы так оно и было, и чтобы по возвращении в Сол я не нашла у тебя ни одной лишней капли жира. — Она бросила на Лиару короткий взгляд, и глаз ее сверкнул глубоко затаенной иронией. — А то если мне покажется, что жирку все-таки прибавилось, придется с тобой вместе попариться в баньку и все внимательно разглядеть, чтоб уж точно не промахнуться с оценкой.

На этот раз улыбка действительно сползла с губ Рады, а лицо побледнело и вытянулось. Лиара поспешила скрыть смех, занявшись очисткой своего платья от чешуек коры, налипших спереди на подоле. Кажется, Ута заметила, что ей смешно, но вида не подала.

— Бывайте под очами Огненной, — отрывисто буркнула она и ушла прочь, сплевывая сквозь дырку между зубов.

Построившись цепью, подрастающее поколение кланов, которому пришло время учиться летать, потянулось под тенистый полог Рощи в обратный путь. Первыми шагали Нуэргос, которым ехать было дальше всего, за ними Каэрос, Лаэрт, и замыкали движение Раэртн, до родных земель которых от Рощи можно было добраться меньше, чем за неделю. Они с Радой и еще некоторыми обитателями становища стояли на опушке, махая руками уезжавшему молодняку и провожая тех в путь. Лиаре показалось, что она видела Дани, выскочившую из строя и пятящуюся спиной вперед, чтобы в последний раз перед уходом взглянуть на Раду. Но это мог быть кто-то еще: из-за коричневой формы Каэрос и не поймешь, кто именно.

С уходом Младших Сестер в Роще стало сразу же как-то слишком тихо. Опустели казармы, до этого под завязку набитые молодыми девчонками, из здания временной едальни

унесли столы и лавки, упрятав их до следующей инициации в сараи. Теперь только соломенная крыша на толстенных столбах да вытоптанная пяточка земли с краю от нее, где Ремесленницы после еды мыли посуду, напоминали о том, что раньше здесь столовались почти что две сотни человек.

Жизнь в становище возвращалась в свой привычный ритм. Теперь обитатели смогли спокойно вернуться к прерванным делам. Не так-то легко работать, когда над твоим плечом постоянно галдят две сотни глоток, любопытные руки все трогают и всем интересуются, длинные носы просовываются везде и пытаются понять, что к чему. Вновь застучали молотами по наковальням кузнецы, с утра до вечера над становищем плыл резкий хруст пил, вгрызающихся в дерево. Мускулистые высокие анай, сняв белоснежные куртки и подкатав рукава расшитых цветами рубах, возобновили строительство какого-то длинного приземистого здания в восточной части поселения. Теперь оттуда постоянно слышался стук молотов, негромкие голоса, смех, оклики.

Оказалось, что и беременных в Роще гораздо больше, чем они видели в дни, пока здесь околачивались Младшие Сестры. Иштум, зеленоглазая анай, с которой они вместе получали крылья, рассказала Лиаре, что на последних месяцах беременности все анай перебирались в Рощу, чтобы получить благословение Жриц и Великой Царицы. Рожать они могли и у себя дома, и здесь по желанию, но после того, как живот округлялся, обязаны были хотя бы месяц прожить в Роще, чтобы ребенок впитал в себя через их кровь и дыхание благодать этого места. И вырос счастливым и здоровым.

Пока Младшие Сестры сновали по улицам становища взад-вперед, лазали в водопад, без конца галдели, смеялись, пели или толкались, беременные анай старались держаться там, где потише: все больше в построенных для них домах становища или глубже в Роще, куда Младшим Сестрам забредать запрещалось. Сейчас же они вновь вышли на улицы поселения, и оказалось, что их здесь едва ли не под сотню. Женщины бродили вокруг, поддерживая тяжелые животы, общались между собой и со Жрицами, сидели на лавочках на солнышке, наслаждаясь летним ветерком, гуляли вдоль самого водопада. Отовсюду слышались негромкие разговоры, которые по большей части касались родов и будущего воспитания детей. Каждый день кто-то из рожениц собирался и улетал домой, к супруге в родное становище, кто-то наоборот прилетал, чтобы проникнуться святостью этого места. Казалось, что беременных здесь едва ли не больше, чем представителей свиты Великой Царицы.

Из-за этого Лиара чувствовала себя несколько не в своей тарелке. Она как-то и не думала никогда о том, что однажды будет иметь детей. В детском доме было не до того, да она сама еще была сущим ребенком до встречи с Радой. Потом, когда между ними вспыхнули чувства, Лиара достаточно спокойно распрощалась с мыслью о том, что у них могут быть дети, ведь физически это было просто невозможно. Теперь же, когда вокруг нее с утра до ночи ворковали беременные женщины, зачавшие детей от других женщин, когда выяснилось, что это вовсе даже не невозможно, и Лиара тоже может это сделать, она не понимала, что чувствует по этому поводу. И снова и снова возвращалась своими мыслями к ребенку, который однажды мог родиться у них, к маленькой дочери. С одной стороны, от мысли о дочери Рады с ее глазами и этими соломенными волосюшками, такими непослушными и торчащими во все стороны, в груди просыпалась еще большая нежность, буквально сбивающая ее с ног. С другой стороны, Лиара знать не знала, что думает об этом сама Рада, а спросить боялась.

Впрочем, поведение Рады касательно этого вопроса никакой надежды ей не внушало.

По поселению Рада передвигалась будто кот, вжав голову в плечи, наострив уши, и стараясь поменьше попадаться на глаза беременным анай. Когда они пытались заговаривать с ней, рассеяно поглаживая животы и с любопытством что-то выпрашивая, Рада кривилась, корчилась, отвечала односложно и все пыталась куда-нибудь смяться с их глаз, где никто бы ее не трогал. Впрочем, так вела себя не только она, но и большая часть постоянных обитателей становища. Особенно Воины, что присягнули на верность Великой Царице и Держащей Щит анай.

Сейчас в становище насчитывалось как минимум три тысячи сестер, отказавшихся от своих кланов и решивших посвятить жизнь служению своему народу. Ремесленниц из них было меньше, примерно четверть, все остальные сестры расхаживали с оружием за плечами, одетые в белоснежную форму, чем-то похожую на то, что носили в зимнее время года Каэрос. Насколько успела понять Лиара, к этим трем тысячам следовало добавить еще и примерно по тысяче представителей от каждого из остальных кланов, которые не обитали на территории, но селились окрест и посвятили себя служению и поддержанию Роши в том виде, в котором она сейчас существовала.

Самыми интересными из них для самой Лиары были Раэрни, которые с завидной регулярностью наведывались в Рошу и проводили в ней примерно столько же времени, сколько и в своих становищах. В Сол она успела послушаться от своих подружек о том, насколько сильно Раэрни отличаются от остальных кланов, об их еще более диковинных и странных обычаях и традициях, чем у других анай. Теперь ей было особенно любопытно поглядеть на них, когда Рей и Ная ей все уши об этом прожужжали. Правда, пока еще они с Радой не видели Дочерей Земли; на время празднования Дня Солнца Великая Царица настоятельно рекомендовала им отправиться по домам, иначе в Роше стало бы слишком тесно. Но скоро Раэрни должны были вернуться, и Лиара с любопытством гадала, какими же они окажутся.

Одно она поняла совершенно точно: в Роше происходило что-то странное, совсем несвойственное народу анай. Не только воздух, пропитанный насквозь силой и почти сочащийся ей, будто соты медом, здесь все было другим, хоть немного, но отличалось от становища Сол и земель Каэрос.

Во-первых, ощущение. Странное, непонятное ощущение еще большей свободы, если это только можно было себе вообразить, чем в том же Сол. Здесь не было такого невероятного количества запретов и правил, здесь не действовали девять десятых всех обычаев, что соблюдались среди анай, и прежде всего потому, что Рошу населяли выходцы из всех кланов, и чтобы они не вцепились в глотки друг другу, приходилось поддерживать нейтралитет и взаимное уважение. И, конечно же, убрать все камни преткновения, которые могли высечь искру.

Той заметной разницы, что наблюдалась у Каэрос между Воинами и Ремесленницами, здесь не было. По сути, они отличались между собой только наличием или отсутствием оружия на поясе или за спиной. Ну, еще Воины иногда тренировались на открытом пятачке в стороне от селения, отрабатывая удары и связки, соревнуясь в мастерстве. Но делали они это не так часто, как те же Каэрос, и скорее, ради собственного развлечения, чем в целях обучения чему-то новому.

Большую часть времени Воины и Ремесленницы посвящали становищу. Роша строилась и расширялась, работы было невпроворот, и каждые лишние руки ценились на вес золота. Строились новые дома для желающих временно пожить в Роше — на открытом месте возле

храма Небесных Сестер. В стороне, укрытое за высокими криптомериями, на скале раскинулось поселение постоянных обитателей Роши. Эти жилища ничем не отличались от тех, что Лиара видела в Сол: крохотные фасады, лепящиеся к скале на головокружительной высоте, за которыми скрывались выдолбленные в скале жилые помещения. Издали они походили на ласточкины гнезда или домики каких-то невиданных птичек. Лишь по вечерам, когда тьма укрывала своими широкими крыльями Рошу Великой Мани, становились заметны россыпи огоньков на склонах гор, будто светлячки, подмигивающие из темноты.

Поселения требовали дорог, по которым к ним будут подвозиться строительные материалы и грузы. Необходимы были колодцы с питьевой водой, бани и хозяйственные постройки. Нужно было где-то хранить дрова, припасенные на холодные зимы, нужно было эти самые дрова где-то рубить и привозить на телегах в Рошу, а для этого кто-то должен был построить телеги, кто-то должен был ухаживать за волами, что будут тащить те самые телеги. А волам требовалась пища, как и людям.

Лиаре оставалось только гадать, как Великая Царица и Держащая Щит успевают координировать деятельность такого огромного поселения, следить за всем, быть в курсе всего. В Сол Лэйк с Саирой тоже целыми днями были заняты делами клана, но Сол стоял на одном месте уже пару тысяч лет, и им приходилось решать ежедневные задачи, возникающие перед ними повсеместно вопросы снабжения, судебные тяжбы и прочее. Здесь же все строилось с нуля, и работы было столько, что закачаешься.

По приказу Тиены окрестные долины, ранее считавшиеся сакральными, а потому неприкосновенными, распахали под сады, в которых трудились все те же Раэри, вызывавшиеся помогать в обустройстве Роши Великой Мани. Там растили хлеб и овощи, там пасли многочисленные стада крупного и мелкого рогатого скота, и в Роше теперь было свое мясо, молоко, хлеб. Лаэрт, разведывающие окружающие горы, сообщили о большом месторождении черного масла или крови земли, как его здесь называли, и Тиена приказала начать разработку месторождения, а следом за этим и производство ароматических масел и красок для тканей. Несколько сотен Ремесленниц Нуэргос, сменявшиеся каждые полгода, целыми днями ткали и ткали полотно, чтобы не только одеть всех обитателей Роши, население которой увеличивалось буквально с каждым новым месяцем, но и предоставить часть продукции на продажу. Странное дело, но выяснилось, что лошадиники-корты с жадностью скупают произведенную анай ткань, меняя ее на изделия из кожи и металла, продукты, шкуры и шерсть...

Странно было видеть, как буквально на глазах самой Лиары Роша превращается из крохотного поселения в настоящий город, находящийся на полном самообеспечении, способный вести торговлю и поддерживать дипломатические отношения с миром, город, которым руководили всего двое, так бесконечно похожие чем-то друг на друга, столь гармонично дополняющие друг друга, что представить одну без другой было просто невозможно. Даже за эту неделю, что Лиара с Радой пробыли в Роше, сюда уже прибыло несколько десятков сестер, выказавших желание остаться подле Великой Царицы. Для них уже строили жилье и подыскивали работу.

Ощувив, что мысли унесли ее слишком далеко в сторону от теплых рук Рады, Лиара поерзала, устраиваясь поудобнее рядом с ней. Как же хорошо было лежать под одним одеялом на неширокой кровати в уголке маленького дома, срубленного из сосновых бревен. Как же хорошо было делить эту простоту, это бесконечную красоту каждого мгновения поровну с ней.

Тень от какого-то дерева с резной листвой слегка дрожала под едва слышным ветерком, шевелилась на фоне расчерченного квадрата лунного света на полу. Лениво шевельнулась занавеска, мазнув самым краешком по столу. Соловей заливался, словно безумный, выводя одну трель за другой.

— Рада, а пойдём, погуляем? — вдруг вскинула голову Лиара, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в смущённую улыбку. — Я знаю, тебе может показаться, что мне не придётся по ночам...

— Ох, кошечка моя, мне нравится, когда тебе не придётся, — мягко улыбнулась рядом Рада. — С чем бы это ни было связано. И, в общем-то, я тоже спать ещё не хочу, так что почему бы и нет?

Они оделись и вышли вдвоем в тёплую тихую ночь. Лиара даже не сдержала вздоха наслаждения, закрывая глаза и раскидывая руки в стороны, позволяя ночному ветру обнимать её со всех сторон, пропитывать каждую пору её тела. В прохладе ночи и тишине была особенная манящая красота и Тайна, от которой у Лиары внутри всё буквально звенело и рассыпалось разноцветными искрами.

На миг Рада остановилась на пороге, вглядываясь в ночь. Вид у неё был, как у охотящегося зверя, что слушал ветер или вынюхивал добычу. Лиара перетаптывалась на месте внизу ступеней, такая легкая, такая нетерпеливая. Сейчас ей казалось, что её тело весит не больше прозрачного лепестка жасмина, что медленно сыпалось с веток невысокого куста, словно крупные снежинки ложась на темную землю. Казалось, налетит порыв ветра, подхватит её в свою ладонь и унесет далеко-далеко, забросит на ледяные вершины гор, закрутит над ущельями, которым нет дна, долинами, которые ни разу не видели ничьи глаза. Ей хотелось смеяться. Или плакать. И то, и другое казалось одинаковым сейчас.

Пустые улицы становища вовсе не выглядели покинутыми или необжитыми. У некоторых крылечек горели маленькие подвесные фонарики, заливая сработанные из сосновых досок ступеньки разноцветными мазками света. Лиара спрашивала об этом Ишгум, и та пояснила, что так принято у Раэри. Когда в доме обитает беременная женщина, над крыльцом вывешивают маленький фонарик с разноцветными стеклышками, чтобы он охранял порог, не пускал в дом злые силы, сообщал всем и каждому, что здесь затеплилась новая жизнь. Фонарики были четырёхгранными, а цвет стеклышек выбирали сами будущие матери по собственному желанию.

Словно отвечая крошечным ярким точкам фонарей, горели в небе над ними звезды. Рада вскинула голову, глядя туда, и в её лице Лиаре почудилось что-то новое. Раньше она такого не видела в нём, раньше это было эльфийское лицо с глазами-солнцами, в котором не было ничего от эльфов. Теперь же всё стало иначе.

Серебряные блики звездного света концентрировались на дне глаз Рады и слегка отсвечивали, едва различимыми капельками собравшись на её ресницах. Лиара видела это своим новым взглядом — одновременно и обычным, и эльфийским зрением. После того, как был сломлен её блок, Рада всё больше и больше становилась эльфийкой, хоть сама ничего не делала ради этого и, возможно, даже не замечала происходящих с ней изменений. А Лиара смотрела на неё и думала о том, к лучшему ли приведут эти изменения? Что ещё изменится в ней, когда она осознает наконец своё бессмертие?

Этот вопрос в последнее время начал беспокоить её, и день ото дня беспокойство становилось всё сильнее. В жилах Рады текла та же самая кровь, что и в жилах Алеора, и в ней дождался своего часа Тваугебир. Да, сама Рада не могла использовать эту силу и

превращаться в монстра, но его влияние, тем не менее, отравляло ее кровь. И пока эльфийская сила Рады была заблокирована в этой крови самим Сагаиром, проклятье рода Стальвов тоже было лишено силы. Изменится ли что-то сейчас, когда блок пал? Быть может, к Раде тоже придет вечная замкнутость и плохо сдерживаемая ярость, которой до самого края был полон Алеор?

Неужели ты действительно веришь в это? Веришь, чувствуя, как прямо между твоих ребер пульсирует ее золотое сердце? И не стыдно тебе так думать?

Лиара решительно прогнала все свои сомнения и тихонько спросила у застывшей на ступенях лестницы Рады:

— Пройдемся к реке?

— Пойдем, — кивнула та в ответ.

Ночь была пронизанной бледным сиянием луны, а оттого вовсе не такой темной, как обычно в этот предрассветный час. Пронзенный насквозь тонкими нитями лунного света низвергался с головокружительной высоты водопад. Вода казалась то ли тонким кружевом, сплетенным самыми умелыми руками неведомой мастерицы, то ли прозрачной шалью на обнаженных плечах опьяненной иллиумом Жрицы. Капли падали и падали на обточенные терпеливыми прикосновениями камни вниз, разбивались о них в мареве брызг и тумана, что расползлся над долиной. Мелкая водяная взвесь под лунным светом приглушенно светилась, и это было так красиво, что Лиара забыла, как дышать.

Держась за руки, они медленно шагали вдвоем по самой кромке реки. Под ногами постукивали друг о друга белоснежные гладкие гольши, напитанные солью, обточенные водой за бескрайнюю толщу времени. Река, тихо плеская, уносила свои воды вдаль, плавно изгибаясь и исчезая за длинными ветвями плакучей ивы, что полоскались в воде. У Лиары перед глазами все кружилось, и на миг ей привиделось, что это молодая женщина, изящная, стройная и тоненькая, что присела у воды и тянет руку к ее поверхности, а ее длинные кудри полощут волны, и лунный свет вплетает в них нежными пальцами золотых ночных светлячков.

— Я... я что-то вижу, — вдруг тихо проговорила Рада, и Лиара с трудом вынырнула из захлестнувших ее образов, выбралась на поверхность из плавных волн силы, что пропитывали здесь все, растекались повсюду. Почему-то к ночи эти волны она ощущала острее, видела гораздо ярче, а на дневном свете они бледнели, как рассветный туман.

— Что ты видишь, радость моя? — тихонько спросила Лиара, изо всех сил стараясь сосредоточиться на разговоре с Радой и не дать видениям и образам увлечь себя прочь.

Почему-то в последнее время ей все больше казалось, что нет почти никакой разницы между явью и грезами, в которые она вступала по ночам. Или эта грань слишком тонка, чтобы отследить, где заканчивается физический мир, а начинается мир энергий? Или просто здесь, в этом неопишемом месте, законы бытия уже были немного другими?

— Я вижу... — Рада замялась, шурясь в пространство перед собой. Вид у нее был одновременно сосредоточенный и донельзя удивленный. — Серебристое сияние, — чуть погодя все-таки сказала она. — Оно разливается вокруг. Раньше мне казалось, что это звездный свет, но сегодня все как будто ярче, чем обычно.

— Какое оно? — Лиара с затаенной радостью взглянула на нее. Пусть сама расскажет, сама опишет, хоть Лиара и без этого прекрасно знала, как все выглядит теперь для глаз Рады. Но она должна была сама понять и описать разницу, чтобы это переживание стало постоянным. Чтобы ее внутреннее око привыкало к тому, как выглядит мир на самом деле.

— Серебристый свет, будто все предметы — крохотные светильники, накрытые сверху абажурами, — заговорила Рада, оглядываясь вокруг. Лиара тихонько улыбнулась. Сама она подобрала бы другую метафору, но Рада все равно оставалась самой собой. И хвала Тебе за это, Великая Мани! Тем временем Рада продолжила: — Еще я вижу разноцветные волны. Как будто радуга, которая все время меняется, перетекает, цвета смешиваются...

— Замечательно, — ободряюще сжала ее ладонь Лиара. — А еще?

— А еще я вижу... — Рада прищурилась, а потом вдруг резко остановилась на месте и замерла, огромными глазами глядя вперед. — Какую-то бхару! — выпалила она, хлопая глазами, и Лиара, не сводящая с нее глаз, недоверчиво переспросила:

— Что?

Вид у Рады был до того сбитый с толку, что она тоже взглянула вперед и буквально вздрогнула. Прямо перед ними стояло существо. Точнее, не стояло, а висело в воздухе на высоте не больше ладони над землей. Вся его фигура была прозрачной, розово-золотой и светящейся, словно наливной бочок персика, напитавшийся солнцем. Узкие плечи, тонкие плети рук и ног, едва намеченные, почти невидимые. Когда глаз пытался проследить за их очертаниями, голова начинала кружиться, и Лиара лишь краешком глаза смогла смотреть на тело существа. Оно было укутано в золотую дымку, словно вместо одежды натянуло на себя тонкие перьевые облака, впитавшие рассветное солнце. А еще все его тело испещряли серебристые узоры, как будто виноградная лоза, разросшаяся и украшающая его угловатые черты. Существо было невысоким, едва ли по плечо самой Лиаре, и казалось удивительно легким: вот сейчас подует ветер, подхватит его и унесет прочь. А самым странным были его глаза.

Огромные, гораздо больше, чем подошли бы к такому узкому вытянутому лицу и тщедушному телу, прозрачные и чуть выпуклые, со зрачками, в которых перетекали те же золотые волны, те же переливы силы, что и во всем окружающем. Лиара смотрела в его глаза и терялась, отрывалась от собственного тела, уходила все дальше, дальше, в полную звезд бесконечную тьму, в переливы световых волн между мирами, которые делали свой первый вздох, и теми, что в последний раз закрывали глаза-солнца, чтобы никогда уже не видеть нового рассвета.

Существо моргнуло, и Лиара рывком вернулась обратно в тело, дрогнув с ног до головы. Она испытывала такое глубочайшее удивление, что забыла, как дышать или как говорить. Она только смотрела, смотрела во все глаза. Существо моргнуло еще раз, а затем медленно и плавно скользнуло прочь, к высоким пушистым криптомериям в стороне от водопада. Еще несколько секунд золотой силуэт виднелся среди длинных ивовых кос, а затем и вовсе исчез.

— Что это?.. — Рада не договорила, с очумелым видом таращась в ту сторону, где исчез дух.

— Это нойя, — прозвучал рядом знакомый мягкий голос, и Лиара повернула голову. Держащая Щит стояла в двух шагах от них возле воды, с мягкой улыбкой на губах глядя вслед ускользнувшему существу. Все ее тело светилось, почти как у него, и глазам Лиары стало больно. Казалось, что в груди Держащей Щит спрятано самое настоящее солнце, и его свет пробивается изнутри сквозь ее тело, окрашивая его в золотисто-розовый цвет, а из глаз вырывались почти что золотые пульсары, смотреть на которые было больно. — Я призвала его из вечного сна, чтобы он помог восстановить Рощу.

— Нойя... — повторила Лиара. Это название тронуло что-то в памяти, что-то очень древнее, слышанное ею так давно, едва ли не в другой жизни. И из этой глубины всплыл и

перевод с эльфийского языка. — Играющий со светом.

— Да, Играющий со светом, — улыбнулась Эрис. Золотые пульсары глаз испускали тысячи мельчайших пылинок, что разлетались вокруг, подпитывая скользящие над землей волны силы. словно стайки светлячков вылетали из зрачков Эрис, и это выглядело так странно, что Лиара даже не сразу сообразила, что вспомнила, кто такой нойя. Но Рада уже опередила ее.

— Пойдите, нойя? — удивленно спросила она, глядя во все глаза на Держащую Щит. — Те самые? Духи деревьев, что помогали Первопришедшим на заре мира выращивать леса? Те, что обрелись плотью, в конце концов, стали нимфами?

— Да, — вновь кивнула Эрис. Так просто, будто речь шла вовсе не о чуде из чудес, которого мир не знал уже долгие тысячелетия. Не об ожившей сказке, одной из самых красивых и древних сказок мира.

— Но они же вымерли! — выдохнула Лиара, во все глаза глядя на Держащую Щит. — Они же ушли в небытие, они больше не касаются мира!

— Они ушли, это точно, — согласно кивнула Эрис. — Но многое изменилось. — Взгляд ее затуманился, и золотые пылинки хлынули из ее глаз густой волной. — Все изменилось. Возвращается старое, давно забытое, рождается новое, о котором еще не успели вспомнить. Мир переживает свой первый рассвет на самом краю времен, возвращаясь туда, откуда все началось. И нам посчастливилось наблюдать это.

Лиара не знала, что ответить на это, только безмолвно разглядывая Держащую Щит. Ей казалось, что она уже знала кое-что о силе Великой Мани, о том, что они должны были сделать с Радой, о том, как это будет выглядеть. Она была уверена в том, что осознает, как устроен мир, как наслаиваются на него тонкие миры, по каким законам они живут. А в следующий миг сама Жизнь подносила к ее глазам свою новую тайну, тыкала ее носом в ее невежество, в который раз уже с мягкой улыбкой показывая ей, что она на самом-то деле не знала ничего. И оставалось лишь улыбаться в ответ и благодарить за это. В мире еще столько сказок, которые мне суждено увидеть! Еще столько волшебства в Твоих щедрых ладонях, Великая Мани! И нет ему конца и края во веки веков!

— Доброй вам ночи, Дочери Огня, — тихо пробормотала Эрис, в последний раз улыбнувшись им и разворачиваясь, чтобы уйти обратно в становище. — Я буду ждать вас завтра в полдень для медитации и беседы. Думаю, нойя больше не покажется сегодня, они застенчивы и побаиваются новых людей.

— Доброй ночи, Держащая Щит, — пробормотала Лиара, и рядом с ней точно так же проговорила ту же фразу и Рада.

Они взглянули друг на друга одинаково удивленно, а затем одинаково тепло улыбнулись друг дружке. Лиара прижалась к плечу Рады всей собой, спрятав лицо в ее белой рубашке и вдыхая ее запах. Нежные пальцы Рады зарылись в ее волосы.

— Вся жизнь с тобой стала одним единственным, невероятно красивым чудом, — едва слышно прошептала она, закрывая глаза и чувствуя, как золото в груди поет и поет свою бесконечную песню.

— С тобой, моя маленькая, — тихо отозвалась Рада, и в груди Лиары нежно ёкнуло второе сердце. — С тобой.

===== Глава 50. Булочка =====

Солнце стояло в зените, почти что у них над головой, сократив тени до крошечных пятнышек темноты, которые Рада почти что втаптывала в землю подошвами сапог. Легкий

ветерок задувал с востока, шуршал в густых кронах криптомерий, но был не настолько сильным, чтобы склонить к земле толстые стволы и тяжелые ветви. Шумел вдали водопад, и к его неумолчной песне добавлялись голоса обитателей становища, стук молотов о наковальню в далекой кузне, резкий скрип пилы, поскрипывание колес телеги, натужное мычание волов, и еще сотни звуков, таких привычных, таких обыденных для любого поселения. Только в этом месте они казались Раде чересчур странными и совершенно неподходящими атмосфере.

Все здесь было чересчур странным, и это не вязалось у нее в голове. То ли сакральное место, наполненное молитвами, созданное ради того, чтобы соединяться с Богинями, говорить с Ними, полное Их силы и Их присутствия. То ли обычный город, расширяющийся день ото дня, со своей обыденной жизнью, слишком рутинной, слишком привычной. И при этом и того, и другого было здесь поровну. Иногда мне кажется, что я никогда не смогу стать такой же, как другие Твои дочери, Великая Мани. Что мне их никогда не понять. А порой я думаю, что лучше бы не думать.

Впрочем, сейчас мысли служили лишь для одной единственной цели: они успокаивали Раду. Отчего-то она волновалась и все никак не могла взять себя в руки и приказать успокоиться. Странное дело, в становище Сол они медитировали с Лэйк, Найрин и Торн по несколько раз в неделю, и у нее совсем не было ощущения волнения или чего-то подобного. Только жгучее желание продолжать, тянуться все выше и выше. Здесь же, в этом то ли священном городе, то ли обжитом храме, Рада испытывала священный трепет. Как все это будет происходить с Эрис? Лэйк казалась ей едва ли не резервуаром бесконечной силы, упруго перекачивающейся под кожей, грозя в любой момент хлынуть настоящим половодьем из ее ледяного глаза. А Держащая Щит была даже не резервуаром. Она сама была силой.

— Ты чего, Рада? — искорка озабоченно взглянула ей в лицо. — Ты как-то странно выглядишь.

Одетая в простое ситцевое платье, легкое, с короткими, расшитыми узорами рукавами и приталенное, с кудряшками, собранными на затылке в маленький хвостик, со своими огромными глазами, в которых могло бы затеряться и целое море, она сейчас была такой удивительно нежной и хрупкой, что при взгляде на нее у Рады поджилки тряслись. И отчего-то очень-очень светлой. Почти прозрачной, будто под кожей ее текли солнечные лучи, пропитывая ее насквозь медовым золотом. Порой Раде казалось, что она даже видит это золото собственными глазами, словно тело искорки светится изнутри. Но такого ведь не могло быть, не так ли?

— Все в порядке, родная моя, — тихо отозвалась она, постаравшись сделать свой голос как можно более беззаботным. Аккуратно одернув наглухо застегнутую под горло коричневую куртку с воротом стоечкой, Рада еще раз придирчиво оглядела себя и смахнула невидимые пылинки с рукавов, не глядя на Лиару. — Просто немного боюсь, что у меня не получится.

— Почему? — удивленно взлетели брови искорки. Она с искренним недоумением во все глаза смотрела на Раду. — Мы же много раз это делали, звали в себя силу Великой Мани. Так почему же теперь у тебя должно не получиться?

— Потому что мы делали это с Лэйк. Это другое, — Рада уклончиво отвела глаза.

Она не была уверена, что сможет правильно объяснить. Эрис чувствовалась ей настолько более чем человеком, совсем иным существом и вовсе не из плоти и крови, что просто от ее присутствия рядом все тело начинало физически покалывать множество

крохотных иголочек. До этого дня они еще не пытались медитировать вместе, у Держащей Щит было слишком мало свободного времени, и только сейчас она смогла выкроить для них с искоркой пару часов. Но Рада пробовала тянуться сама, когда засыпала по вечерам, например, или днем, когда в груди начинало петь и разливаться золото, буквально душа ее и не давая вздохнуть. И сразу же все тело сдавливало в тисках, грозя раздавить, темя жгло так, будто кто-то лил на него расплавленный металл, а сердце глухо бухало в груди, грозя лопнуть. И это просто оттого, в каком именно месте она это делала. А что будет, если она начнет звать Великую Мани в присутствии Эрис, Рада и предполагать боялась. В прошлый раз достаточно было ее легкого вмешательства, чтобы сломался барьер, стоящий на Раде больше трех десятков лет, поставленный Сагаиром, чтобы отгородить ее от силы ее народа. Но и запирающий внутри Тваугебира.

Не глупи! Ты прекрасно знаешь, что Тваугебир проявляется лишь у мужчин. Ты не сможешь вызвать его, даже если захочешь. Так что ничего страшного с тобой не случится. Но Рада все равно боялась, несмотря на все увещевания ее собственного внутреннего голоса.

Пристальный взгляд искорки читал ее как открытую книгу. Лиара вложила свою ладонь в ее руку и заглянула ей в глаза, настойчиво говоря:

— Не бойся, Рада. Все будет хорошо. Мы делали это множество раз, и неважно, сами или с кем-то. Тем более, это же Эрис! Она совершенно точно не даст в обиду ни тебя, ни меня, не допустит, чтобы мы подверглись опасности. Ты же знаешь это.

— Знаю, — тяжело вздохнула Рада, свободной рукой в последний раз одергивая куртку и глядя вперед, на маленький домик у самого края становища, возле которого они стояли. Иди уже. Ничего с тобой там не случится. Вновь вздохнув, она решительно мотнула головой: — Пойдем.

— Пойдем, — кивнула искорка, слегка сжав ее ладонь, и они вдвоем поднялись по ступеням невысокого крыльца.

Домик, который облюбовали для себя Эрис и Тиена, почти что ничем не отличался от всех остальных строений становища. Может, был чуть-чуть пошире, с пристроенным к боку сараем, но во всем остальном никто бы, увидев его, не взялся предположить, что именно здесь может обитать Великая Царица анай. Рада все гадала, почему они с Держащей Щит поселились именно здесь, ведь большинство постоянных обитателей становища предпочитали обживать окрестные горы, селясь по старинке в прорубленных в склонах пещерах. Но отчего-то эти двое решили остаться на земле.

Строение стояло чуть в стороне от остальных жилых домов, на небольшом возвышении, и возле него рос молоденький зеленый клен. По какой-то причине рост этого дерева искусственно не форсировали, и клен был не больше двух пальцев толщиной и высотой, едва ли выше Рады. Но при этом его тонкий ствол был обвязан маленькой белой веревкой, и все обитатели Роши, проходя мимо него, кланялись деревцу.

Рада ждала увидеть у входа в жилище Великой Царицы почетную стражу в белом, толпу Жриц, глазающих детей, ну хоть что-то, что отличало бы это здание от всех остальных. Но на широких ступенях крыльца не было никого, в открытых окошках слегка покачивались белые прозрачные занавески. Незатейливая резьба украшала наличники по периметру окон и дверного проема: то ли языки огня, то ли какие-то завитушки, перемежающиеся изображениями цветов. Резьба была выполнена скорее схематично и даже казалась более скромной, чем та, что украшала вход в казармы кланов. Рада только удивленно заморгала: неужели Великая Царица не могла украсить свое жилище как-то более ярко? Или просто она

этого не хотела делать?

Они с искоркой поднялись по ступеням, Лиара бросила на Раду ободряющий взгляд, а затем решительно постучала костяшками пальцев в светлые доски входной двери.

— Входите! — послышался изнутри приглушенный дверью голос.

Следом за искоркой Рада шагнула в помещение, быстро окидывая его взглядом. В первый раз, когда она потеряла сознание, ее принесли именно сюда, и Рада не до конца поверила в то, что это действительно дом Великой Царицы и Держащей Щит, слишком уж удивительно просто выглядела внутренняя обстановка. Стол у окна, возле него два стула. У стены неширокая кровать, застеленная шкурой сумеречного кота поверх простого шерстяного одеяла. Шкаф у стены, неприметный дверной проем, занавешенный нитками деревянных бус, ведущий в кухню, насколько смогла понять Рада по боку печи, торчащему из соседней стены. А еще оттуда сладко пахло какой-то выпечкой.

Это тоже сбивало с толку, и Рада заморгала, глядя на Держащую Щит анай, которая как раз опускала на стол у окна поднос с тремя чашками и большим пузатым чайником, над носиком которого вился парок. Эрис выглядела донельзя уютно, хоть и была одета в белоснежные штаны и точно такую же рубашку с подвернутыми рукавами. Короткие волосы слегка распушились, будто только что просушенные после мытья, хвостик на затылке смешно топорщился, упираясь в воротник рубахи, из которого торчала загорелая шея. Оранжевым пламенем горели татуировки огня на ее предплечьях, да золотое око во лбу казалось едва ли не настоящим, живым глазом, сквозь который на мир смотрело что-то гораздо большее, чем сама Держащая Щит. И это так странно контрастировало с уютной домовитостью Эрис, что Рада даже сморгнула.

Держащая Щит взглянула на них и тепло улыбнулась, указывая на два стула у стола.

— Светлого утра, Дочери Огня! Присаживайтесь, наливайте чаю. Я тут булочек напекла с сушеными фруктами. Тиена их очень любит.

Рада вновь ощутила поразительный диссонанс и даже непроизвольно мотнула головой. Ощущение вечности, спрессованной в кожу и кости, ощущение всего небосвода, влитого в глаза Держащей Щит. И при этом — булочки с фруктами. Булочки!

Она так зазевалась, что едва не забыла поклониться, и спохватилась лишь, когда искорка согнулась почти что пополам, касаясь костяшками пальцев лба, губ и сердца. Быстро повторив жест за ней, Рада вновь вскинула глаза на Держащую Щит. Та только поморщилась и махнула рукой.

— Да будет уже вам! Садитесь к столу. Иначе все остынет.

— Спасибо, первая первых, — искорка, бросив на Раду веселый взгляд, шагнула вперед и отодвинула себе стул, принявшись нахваливать хозяйку. Эрис только отшучивалась и отмахивалась в ответ, расставляя чашки и снимая белую салфетку с тарелки, на которой призывно пахла целая груда еще теплых булочек.

Рада осторожно присела рядом с ней, поглядывая по сторонам. Она все еще ощущала себя не в своей тарелке, что бы тут ни происходило, какой бы домашней ни была Держащая Щит, как сладко ни пахли бы булочки. Но при этом что-то внутри нее начало расслабляться, как туго натянутая струна, которую чуть-чуть отпускают с колка. В окошко лилось теплое лето, полное запаха жасмина, детского смеха, отдаленного лая собак, полное шуршания водопада и песни пилы, режущей золотистое смолистое дерево, и звона молота о наковальню, и шума леса, и песен птиц... Также пахли булочки, что пекла кормилица, тихонько подсказал внутренний голос, и Рада неожиданно для самой себя улыбнулась.

Чай оказался крепким, обильно сдобренным медом, с добавлением мяты и каких-то ароматных трав, которых Рада не узнала. Она и не заметила, как умяла две булочки подряд, прихлебывая чай и всюю нахваливая Держащую Щит вслед за искоркой. Та только улыбалась в ответ и подносила на стол какие-то сладкие тянучки с орешками, мед, сушеные фрукты, слоеное печенье. И удивление все росло и росло внутри Рады, полностью вытеснив тревогу и напряжение.

Темные глаза Эрис слегка прищурились, мазнув по лицу Рады, и она ободряюще улыбнулась ей:

— Просто спроси, Черный Ветер. Я же вижу, как вопросы вертятся у тебя на языке. Да и позвала я вас, чтобы поговорить наконец.

— Что спросить? — заморгала Рада. Она совершенно не ожидала, что разговор начнется вот так. Искорка рядом тихонько заулыбалась в свою чашку, из-под ресниц поглядывая на Раду. В глазах ее горели веселые огоньки.

— Что происходит прямо сейчас, — очень серьезно ответила Эрис, глядя на нее. — Почему мы не сидим здесь в многозначительном молчании, вплетая в свои волосы звезды. Почему мы едим булочки вместо того, чтобы ощущать, как рождаются вселенные.

— Почему? — повторила за ней сбитая с толку Рада, и на этот раз Эрис с Лиарой действительно рассмеялись. Так, будто здесь было что-то смешное.

— Я полагаю, это больше всего тревожит тебя, нетак ли? — Эрис пододвинула себе колченогую табуретку, уж совершенно не подходящую для сидения Держащей Щит народа анай, и осторожно подцепила чашку с чаем, уложив ее в ковш ладоней и сдувая парок с поверхности темного густого напитка. В глазах ее была улыбка. — То, что ты недостаточно хороша, недостаточно светла, недостаточно восприимчива, чтобы впустить в себя силу Великой Мани? Что эта сила приходит лишь во время суровой медитации, когда ты почти что и не чувствуешь уже ни тела, ни сознания. Что тебе нужно долго и упорно молиться, молчать, концентрироваться, чтобы она шла. И совершенно точно она не может взять и заявиться к тебе во время чаепития. Ведь булочка — несомненно не та вещь, которая соответствует духовному росту, не так ли?

— Так, — кивнула Рада, во все глаза глядя на Эрис. Неужто та могла читать мысли? Или что это сейчас происходило с ними со всеми?

— Но послушай, кажется, это совершенно несправедливо по отношению к булочке, — лукавство все сильнее разгоралось в темных глазах Эрис. — Разве можно относиться к ней настолько бессердечно?

— Держащая Щит, я не понимаю, что ты хочешь мне сказать, — заворчала Рада, бросая недовольные взгляды на них с искоркой. Она чувствовала себя донельзя сбитой с толку, и от этого в груди слегка заворчался гнев. Совсем слегка, потому что под взглядом золотых глаз Эрис хотелось улыбаться, а не злиться, но ей все равно было некомфортно оттого, что все вокруг нее как будто понимают больше, чем она, да еще и посмеиваются над ней. Решительно поставив чашку на стол, Рада вздохнула и попросила: — Ты, пожалуйста, объясни мне все это по-простому, так, чтобы я могла понять, что ты хочешь до меня донести. Я не слишком много знаю о всяких там энергиях и прочем.

— И хвала Роксане за это, — вид у Эрис был донельзя довольным. — Если бы ты знала об этих энергиях хоть что-то, нам было бы гораздо сложнее работать. Ментальные построения ломаются с трудом, а для работы они настолько же бесполезны, как ноги для рыбы.

На этот раз Рада даже ничего отвечать не стала, просто промолчала, ожидая, что дальше скажет Держащая Щит. Крошечный уголек гнева внутри поутих, но все еще неприятно кололся, никак не желая уходить до конца. Она надеялась, что он вскоре исчезнет, ведь обе женщины, сидящие возле нее, казались мирными и спокойными и улыбались друг другу с каким-то странным теплом, так, будто знали друг друга целую жизнь. Или словно их объединяла Тайна, никому больше неведомая. А Рада злилась только потому, что сама к этой Тайне не была допущена. Ну, так просто слушай, что тебе говорят, и пытайся это понять. Авось получится что-нибудь путное.

Эрис некоторое время молчала, потом подняла со стола булочку и показала ее Раде.

— Вот смотри. Это булочка, самая обычная, и, казалось бы, что в ней такого? Она ни в коем случае не ассоциируется у тебя с божественным прикосновением, благодатью, с чудесами и экстазом души, какой бы вкусной эта булочка ни была. Это просто кусок теста, и естественно, что он чересчур мал и ничтожен по сравнению с переживанием прикосновения Роксаны к твоей душе, не так ли?

— Так, — кивнула Рада, внимательно прислушиваясь к словам Держащей Щит.

— Но при этом, — продолжила Эрис, выкладывая булочку на столешницу и вновь поднимая глаза на Раду, — булочка — вот она, ее можно потрогать, ощутить. Она лежит себе на столе, и если никто ее не съест, то зачерствеет через пару дней. Потом эта булочка усохнет и раскрошится в пыль, и от нее ничего не останется, однако сейчас она вполне вещественна и значима. А если ты съешь ее, тебе будет приятно, и твое тело возьмет из этой булочки энергию для жизни. И булочку ты можешь съесть в любой момент, когда испечешь ее. Захотелось тебе — взяла, напекла или купила и трескай за обе щеки. Но с переживанием прикосновения Роксаны такого не получится. Понимаешь разницу?

— Понимаю, только не понимаю, почему ты рассказываешь это нам, Держащая Щит, — честно призналась Рада.

— Да потому, что булочка — нечто гораздо более естественное, чем благодать Великой Мани, понимаешь? Она есть, она есть всегда, а не тогда, когда ты призываешь ее в себя, она откликается на твой призыв всегда — тебе достаточно протянуть руку и взять ее. Тебе не нужно для этого долго молиться и испрашивать Милости, она есть перед тобой. — Глаза Эрис смеялись. Рада сощурилась еще больше, медленно кивая. Кажется, она начала понимать. Подавшись вперед, Держащая Щит окинула их с искоркой мягким золотым взглядом. — В этом и состоит проблема любой энергии, любой религии, любой веры. Вера — не вещественна, ее нельзя потрогать, ее нельзя ощутить, поэтому ты не можешь доказать кому-либо ее существование. Ровно как и существование энергии. Больше того, ты не можешь прикоснуться к энергии в каждый конкретный момент времени, это не легко для тебя, это требует определенных усилий. Это гораздо тяжелее, чем просто взять булочку.

— Тут ты совершенно права, Держащая Щит, — со вздохом мотнула головой Рада.

— Да? — Эрис едва не смеялась. — А по-моему, я несучушь.

Рада заморгала, на этот раз по-настоящему и окончательно сбита с толку. Она взглянула на искорку, надеясь, что та хоть что-то поняла, но девушка тоже озадаченно хлопала глазами, глядя на Держащую Щит. Эрис покачала головой, оглядывая обеих, подняла булочку, и вновь показала им ее, едва не тыкая в нос.

— Что это такое? Что это по сути своей? — не дожидаясь их ответа, она принялась рассуждать. — Мы берем муку и смешиваем ее с водой, потом запекаем ее при помощи огня. А сама мука — молотый хлеб, что вырос из земли, из груди Хлебородной Артрены. И что мы

получаем в итоге? Эта булочка — продукт смешения чистых энергий, воды, воздуха, огня и земли, и животворящей силы Великой Мани. А что такое сама Великая Мани? Сила, что течет во всем. Таким образом, булочка — это и есть Великая Мани. Тогда как может быть сложно дотянуться до Ее энергии, докричаться и домолиться до Нее, если мы при этом так просто можем съесть булочку?

Внутри у Рады вдруг распустился смех, и она поняла, что не в состоянии сдержать растягивающую губы улыбку.

— Потому что булочка кажется нам чересчур простой по сравнению с величию Милости? — тихо проговорила она, чувствуя себя одновременно полной идиоткой и при этом самым счастливым существом на свете. — Потому что наши собственные мозги не позволяют нам понять, что это — одно и то же?

— Вооот! — довольно протянула Эрис, с гордостью в глазах разглядывая их с искоркой. — А говорите, что ничего не понимаете. Нет ничего в мире, кроме Великой Мани, нет вообще ничего, кроме Нее. Мы все твердим это, будто какую-то заученную считалочку, но при этом даже не понимаем смысла этих слов. Мы даже не верим в них. Потому что чудо обязательно должно быть обставлено разноцветными фейерверками, песнями и плясками, а вера в Богинь — это всегда таинство и что-то невероятно странное, потустороннее, тонкое. То, что доступно лишь немногим. Или то, чего ты не можешь потрогать и почувствовать, а значит — его и нет вовсе. Не то, что булочки.

— Я всю жизнь так и рассуждала. Что их нет, потому что никто не мог доказать мне, что они есть, — едва слышно пробормотала Рада, во все глаза глядя на Эрис. Она ведь и сама была почти что ходячим божеством. Сила Небесных Сестер наполняла ее и заставляла ее тело физически светиться, как и тело Великой Царицы. И при этом Эрис разговаривала с ними, совершенно обычная земная женщина, сидящая у стола собственного дома и попивающая чай. Мог ли существовать пример нагляднее?

— Естественно, — кивнула Держащая Щит. — Все так думают, потому что Небесные Сестры не могут быть связаны с болезнью, грязью, тьмой. Когда мы делаем все наши маленькие постыдные вещи, когда мы храним свои не слишком приятные секреты, да когда мы просто моем полы или стираем грязные носки — разве может все это быть связано с верой? Разве может быть в этом Великая Мани?

— Так вот, что вы делаете здесь! — едва не вскричала искорка. Глаза ее были широко распахнуты, и она пожирала взглядом Держащую Щит. — Вы строите город Великой Мани! Место, в котором Она — все и везде! Она в работе, в детях, в людях, в воздухе, во всем! Поэтому здесь столько силы, поэтому все буквально состоит из Нее!

— Совершенно верно, Светозарная, — удовлетворенно кивнула Эрис, глядя на нее. Она часто заморгала, словно припоминая, и неторопливо принялась рассказывать. — Для меня всегда это было самой основной проблемой, не дающей мне покоя. Я чувствовала силу в себе, я умела ворочать энергиями, управлять сознанием окружающего мира. Но этого было недостаточно, потому что оставалось вот это. — Эрис вытянула руку и пощипала собственную кожу на предплечье, покрытую алой татуировкой огня. — Гимны Богиням, молитвы, очищение перед Ними — все это отлично, но что дальше? Даже крылья, самое явное доказательство Их существования, даже они — недостаточны. Неужели все, сотворенное Ими, существует только для этого? Чтобы рано или поздно закончиться, умереть, уснуть, раствориться и родиться вновь? Но это же глупо!

— А разве не так происходит все в мире? — удивленно заморгала искорка, глядя на

Эрис. — Все живет в вечном круговороте. Весна сменяет зиму и наоборот, все живое умирает и возрождается вновь и вновь...

— Да, но разве это имеет смысл? — взгляд Эрис стал насмешливо-задумчивым. — Даже мы трое, мы бессмертны, мы никогда не умрем своей смертью, нас не трогают болезни, не сведет в могилу старость. Но насколько же это бессмертие хрупко! Стоит простому куску стали пропороть нашу плоть, и все! Мы будем точно так же разлагаться, как труп какой-нибудь вороны у обочины дороги. Тогда где же бессмертие?

Она отхлебнула чаю, чтобы смягчить горло. Рада смотрела на нее во все глаза, боясь даже дышать, чтобы не прервать поток мыслей Держащей Щит. Все, что говорила Эрис, смутно предчувствовалось, продумывалось самой Радой. Но одно дело — самому до чего-то додуматься, ведь это может быть и вовсе неверным, и другое дело — услышать подтверждение своих мыслей в словах кого-то несравнимо более мудрого, чем ты сам. Или эта такая же глупость, как булочка и энергия Великой Мани?

— Все умирает и возрождается в вечном круге жизни, — вновь принялась рассуждать Эрис. — Но разве это конечная цель существования? И в чем эта цель? В том, чтобы рождались народы все более красивые и мудрые, чем предыдущие? В том, чтобы они уничтожали своих предшественников и на обломках их цивилизаций строили свое будущее? Ведь по сути-то, все одно. Ничем не отличалась империя Короля Солнца и его война с Сети'Агоном от того, что происходит сейчас. И люди умирали точно также, и небо было таким же синим, и хлеб имел тот же самый вкус. Так в чем же цель? В том чтобы мы также и дрались друг с другом бесконечно, в том, чтобы сильный пожирал слабого? Что это за мир тогда? Неужели тот, кто его создавал, был таким идиотом, чтобы просто отвернуться от своего творения, махнуть рукой да и бросить его в таком виде, чтобы гребли сами, как хотели?

— Это ты нам расскажи, Держащая Щит, — Рада ощутила, что голос ее слегка осип, а в груди дрожит и дрожит, звенит натянутой тетивой золото. — Мы затем сюда и пришли, чтобы узнать это.

— Полагаю, так и есть, — улыбнулась ей в ответ Эрис. Взгляд ее вновь стал далеким и отрешенным. — Итак, что представляет собой мир? Надо ведь начать с самого простого и для начала оглядеться. У нас есть стихии, которыми, по сути, управлять невозможно. Ветра, дождь и огонь. Есть времена года, что сменяют друг друга, и невозможно остановить путь солнца по небосводу. Сколько бы мы ни пытались задержать его, оно все равно встает по своему собственному расписанию и времени. Все это — объективные законы бытия, с которыми никто из нас ничего сделать не может, однако они работают, и это просто факт. Следующий уровень — уже земля, горы и камни. Они совсем твердые, инертные, они не движутся и просто... лежат, — Эрис пожала плечами с улыбкой, не сумев подобрать более подходящего слова. — Они есть, и мы можем их потрогать, но и с ними мы ничего не можем сделать, не так ли? О, мы можем вскопать землю, можем засадить ее хлебом, который вырастет, но по сути-то изменить не сможем. Не сможем заставить исчезнуть горы или сдвинуть их с места, превратить их в моря по одному мановению руки. Как и булочка, эти горы и земля — объективный факт. Однако они тоже подвержены смерти, но не в том же смысле, что и все остальное в мире. Они разрушаются со временем сами по себе, пусть этот временной промежуток и может быть огромен. Но в их разрушении заложена и потенция для будущего существования: так из рассыпавшегося в пыль камня получается земля, а земля способна дать жизнь растениям.

Рада кивала, слушая Держашую Щит и поглядывая на сидящую рядом искорку. Лицо той вытянулось, глаза не отрывались от Эрис, она будто всем своим телом ловила каждое слетающее с ее губ слово.

— Дальше — растения. Они уже живые, они могут дышать, они растут, они размножаются и умирают. И все-таки жизнь в них еще не настолько развита, она еще в зачаточной форме, и говоря о них, мы признаем, что они живые, но при этом не считаем их равными нам. Даже не считаем их равными животным. А ведь животные уже очень сильно отличаются от них, так же кардинально, как сами растения отличаются от камня. А вот мы от животных отличаемся все-таки не настолько сильно. И если разобраться, что нас отличает от них? Мы можем двигаться по собственной воле, мы размножаемся, питаемся, умираем. Единственное отличие нас от животных — это способность осознавать себя и осуществлять свободный выбор между возможностями, что нам предоставляет жизнь. И подытожим: на одном из полюсов у нас бесчувственная материя в виде камня, на другом — мыслящее существо, способное чувствовать, думать, осязать. Что это означает?

Рада только молча покачала головой, понимая, что ничего не может ответить Держашей Щит. Слишком уж хорошо та говорила, отвечая на все вопросы, что могла бы задать Рада, и даже на те, которые смутно бродили в ее голове, так и не сформировавшись в слова.

— Это означает, — продолжила Эрис, — что жизнь — это постепенное развертывание духа в материи от самой тупой формы недвижимого инертного камня, к формам более мягким, более гибким — растениям, животным, наконец, существу мыслящему в лице человека. Развертывание это происходит постепенно, но неуклонно, мир движется в своем развитии вперед, и мы — далеко не конечная ступень. Значит, следующим этапом прогресса станет существо, в коем дух проявлен в еще большей степени, чем в нынешнем человеке. Тот, в котором дух и материя станут едины.

— Я видела это!.. — Слова сами сорвались с губ, и только потом Рада услышала собственный голос. Взгляд Эрис обратился к ней, и в нем была мягкая понимающая улыбка. И еще что-то: пылливость, будто Держашая Щит вглядывалась в самое сердце Рады, в самую ее суть, выискивая там что-то, ведомое одной лишь ей. — Я чувствовала это состояние, когда мы проходили через Землю Огня. — Рада часто заморгала, усиленно припоминая и пытаюсь передать его словами как можно точнее. — Гибкая непрерывность. Одно единственное неразделимое нечто, в котором весь мир стал единым, и он же двигался вперед, как... как... — на этом ее слова закончились.

— Как течет река, — тихонько добавила искорка, накрывая ладонь Рады, лежащую на столе, своей и нежно улыбаясь ей. — Как ветра несут облака вперед. Только иначе, сильнее, осознаннее.

— Да, таким и будет это новое творение, именно этого мы и пытаемся добиться, — Эрис кивнула так буднично, словно речь шла о распашке земли или постройке нового сарая.

— Но разве это можно сделать вот так, самому? — с недоверием взглянула на нее Рада. — Как это вообще возможно?

— Мы начинали с разницы между живыми существами, — отозвалась Эрис таким тоном, словно ждала этого вопроса. — Говорить следует о человеке и животном, о различии между ними. Животное лишь подчиняется течению энергии в нем, оно живет ровно так, как для него предрекла Великая Мани. Оно меняется тогда, когда меняется окружающая среда, приспособляясь к ее законам, но не по своей воле, а потому, что вынуждено. Человек же отличается свободой выбора и возможностью понять эти взаимосвязи, понять, как устроен

мир. А раз так, то он по своей же воле может и содействовать собственному развитию, реализации божественного замысла на земле. Мы — как бутоны цветов, которые однажды распустятся. Нам нужно лишь захотеть это сделать.

— И что нужно делать? — в голосе искорки была горячность, словно она готова была броситься бежать по первому же слову Держащей Щит.

— На самом деле немного, — улыбнулась Эрис. — Не мешать. И содействовать по собственной воле. — Взгляд ее вновь затуманили воспоминания. — Я много лет искала ответ на этот вопрос и нашла его с помощью Тиены после окончания Великой Войны. Оказалось, что все, что мы думали о Небесных Сестрах, лишь миф, ерунда, что Их и не было никогда на самом деле. Однако Их огонь горит за моими плечами, и в груди моей пульсирует Их золотой дар. Значит, Они есть? Или мы своими молитвами за долгие две с половиной тысячи лет сделали так, что Они стали реальными? — Эрис улыбнулась. — Это не имеет значения. Важно лишь то, что анай смогли призвать в свою плоть Небесных Сестер, а точнее — первоэнергии, творящие мироздание. Больше того, Найрин и Лэйк тоже были видения, связанные с кровавым колесом...

— Ох!.. — Лиара прижала ладошки к губам, остолбенев. Рада припомнила, что у них тоже было это видение. Пристально глянув на нее, Эрис не переставала говорить:

— Это колесо — мировой закон, связавший весь мир. Оно — смерть, от которой нет избавления ни камням, ни человеку. И так будет продолжаться до тех пор, пока не придут четыре женщины, которые это колесо сломают. Так видела Найрин. Возможно, эти женщины действительно придут, родятся в мире, возможно, это лишь иносказательная интерпретация четырех сил мироздания, которые нужно использовать напрямую, чтобы разломать основной закон существования и перейти к иному виду. Полагаю, это не так уж и важно. Главное: мы знаем, что делать. — Она твердо кивнула, поднимая глаза на Раду с Лиарой. — Ключ в плоти, в нашем теле, в котором родились. В духе, что заключен в это тело, как в клетку, и связи между ними нет, одна ненависть. Нужно сделать так, чтобы дух вплеся в саму материю, слился с ней напрямую в одно целое. Тогда материя станет бессмертной, а дух обретет реальность и плоть. Тогда родится нечто новое.

— Но как? Как это сделать? — допытывалась искорка.

— Очень просто, — улыбнулась ей Эрис. Она приложила ладонь к груди, глядя на обеих собеседниц внимательно и мягко. — Вот здесь, прямо в нашей груди, есть золотой дар. С анай-то все понятно, мы рождаемся с этим золотом, оно — следствие нашего зачатия при помощи энергии Источников. У вас же это золото появилось, несмотря на то, что к Источникам вы не имели ровным счетом никакого отношения, появилось задолго до того, как вы пришли в Данарские горы. Что вы делали для этого? Что с вами произошло такого, что это золото бутоном распустилось в вашей груди?

— Мы звали Великую Мани, — искорка смотрела на Держащую Щит во все глаза. Губы у нее пересохли от напряжения, и она облизнула их кончиком языка. — Мы звали Великую Мани в себя, в свою плоть, мы зывали к Ней, моля о помощи.

— Правильно, — утвердительно кивнула Эрис. — В моменты страха и боли вы всем своим сердцем зывали к Великой Мани, и Она пришла к вам. Она вошла в вашу плоть, стала ее неотъемлемой частью. Вот и ответ.

— Погоди, первая первых, — нахмурилась Рада. Ей очень хотелось верить в то, во что говорит Эрис, хотелось верить в сказку, о которой она всегда грезила. В то, что эта сказка может стать реальностью для нее, самой настоящей реальной жизнью, а не просто еще

одной красивой историей из тех, что можно прочитать на страницах книги или услышать от менестреля. А для того, чтобы это действительно стало реальностью, она должна понять все до самого конца. Рада решительно взглянула на Эрис. — Скажи, как так получается, что всю свою жизнь я молилась Грозару и звала его, но он не приходил? А теперь я стала звать Великую Мани, и Она ответила на мой призыв, вошла в мою плоть, став этим золотым биением. Я не могу и не хочу верить в то, что одни боги ложны, а другие нет. Что один бог истиннее другого, более свят, а вера в него более правильна. Ведь это абсурд: утверждать, что реально лишь твое божество, а все остальные — заблуждения. Ты же сама сказала, что Небесных Сестер изначально не существовало, что они были лишь глупой выдумкой Крол, но теперь — это реальность. В чем же тогда дело? Разве же вера анай придала Небесным Сестрам силу и создала Их из ничто? И тогда это значит, что по ту сторону гор в Грозара и Молодых Богов верят недостаточно рьяно, или что?

Рада совсем запуталась в своих размышлениях и сконфуженно замолчала поглядывая на Эрис. Та в ответ улыбнулась и вновь приподняла над столом булочку, со значением глядя на Раду.

— Есть только это, Рада, только булочка. Вот она — объективна. А все остальное... — Эрис замялась, мягко улыбнулась и покачала головой. — Вообще-то, я Держащая Щит народа анай и ни в коем случае не должна говорить таких вещей, а коли бы их кто услышал от меня, то по закону им стоило бы на полном серьезе вздернуть меня на первой же попавшейся сосне, и никто бы и слова против не произнес. Да вот только нет ровным счетом никакой разницы между Старыми и Молодыми Богами, Между Небесными Сестрами и Богами эльфов, между всеми теми существами и духами, в которых верит население всего Этлана. И по сути все они одинаково бесполезны.

Рада не сдержала потрясенного вздоха, искорка всем телом выпрямилась, став ровной, будто палка. Сквозь золото в груди до Рады донеслось ее невероятное изумление, словно рефреном отразившееся от того, что ощущала сама Рада. Эрис взглянула на них и вновь усмехнулась, на этот раз самым краешком губ.

— Вот видите, даже вы, выросшие в поклонении Молодым Богам и лишь недавно узнавшие о Небесных Сестрах, считаете мои слова ересью. Поэтому мы с Тиеной и не говорим на эту тему ни с кем, чтобы не показаться умалишенными. Однако ведь на самом деле все ровным счетом так и обстоит. Какая разница, какому богу молиться, как называть его, как призывать его? Есть один единственный факт, который не может отменить ничто: однажды мы умрем, и наше тело сгниет в земле или будет сожжено и развеяно по воздуху, какая разница? И никакая вера ни в каких богов не поможет нам избежать этого, не так ли?

— Подожди, а как же все то, что ты говорила о Великой Мани? — Рада была окончательно и бесповоротно сбита с толку. Вот теперь она совершенно точно не понимала ровным счетом ничего.

— А кто тебе сказал, что Великая Мани — это Божество? — Эрис выглядела так лукаво словно ребенок, стянувший конфетку из-под самого носа воспитательницы. — Да, это говорят Жрицы, но вы знали Ее силу еще до того, как пришли в Данарские горы. И если я правильно поняла все то, что мне передала Лэйк, ты, Светозарная, утверждала, что Великая Мани — это динамическая сила творения, не так ли?

— Так... — растеряно кивнула головой искорка.

Эрис подалась вперед, и глаза ее горели торжеством.

— Ну а коли так, то что это означает? Если весь мир делится на дух и материю, на

Создателя и Великую Мани, — Рада внезапно поняла и вновь охнула от потрясения, но Эрис только договорила, не став отвлекаться на ее реакцию, — значит Великая Мани — это наше физическое тело, вот это самое тело! — Эрис потрясла рукой перед носом у Рады, пощупала стол, подхватила булочку и подбросила ее на ладони. Глаза у нее смеялись. — И это тело, и шкаф, и пол, и дерево, и солнце, и ты, Рада, все это — одно. Все одно, все из материи, все есть Великая Мани. А вот это, — рука Эрис коснулась груди, где пульсировала золотая точка, — это — Создатель, сознание, дух, да как хотите, так и называйте. Тогда что надо сделать, чтобы выработать это самое новое тело, в котором материя и дух будут едиными?

— Сделать так, чтобы это золото в груди росло и росло, пока не охватит все тело? Пока Создатель не сольется с Великой Мани, а дух с плотью? Физически? — Рада чувствовала, что ее трясет. Даже пальцы на столешнице завибрировали.

— Именно, — удовлетворенно кивнула Эрис и откусила кусочек булочки. — Нужно просто открыться этой силе и позволить ей течь наружу и менять нас. Нужно проводить ее сквозь наше тело в мир и заполнять его этой силой, ведь мир — это тоже материя, а мы — всего лишь каналы для энергии, текущей через нас в эту самую материю. И чем больше мы позволяем золоту течь сквозь нас во время работы, во время еды, отдыха и сна, во время разговоров с друзьями, в каждую секунду, в каждое мгновение, тем больше этого золота в мире, и тем ближе тот день, когда все изменится. На самом деле достаточно только захотеть поверить в чудо, как произошло с вами в Мелонии. Не в бога, не во что-то помимо вас, не в какое-то невидимое чудовище, но в самих себя и в ту силу, что заложена внутри нас всех, внутри клеток нашего тела. Понимаете теперь?

Несколько секунд Рада во все глаза смотрела на Эрис. Все было так просто, гораздо проще, чем она думала. Никаких богов, никаких сложных взаимоотношений между ними, никаких «верю» или «не верю». Только тело и жгучее желание чуда.

Искорка низко склонила голову перед Эрис, почти что уперевшись лбом в стол, и Рада повторила за ней ее жест.

— Позволь мне учиться у тебя, Держащая Щит, — едва слышно пробормотала искорка рядом, и голос ее дрожал почти так же, как пальцы Рады на столешнице. — Позволь мне делать то, что делаешь ты, вместе с тобой.

— Ты и так это делаешь, Светозарная, — с улыбкой проговорила над их головами Эрис. — Как и ты, Черный Ветер. И я очень рада, что все происходит именно так. Обвал всегда начинается с одного камешка.

===== Глава 51. Узнавая небо =====

В воздухе было... страшно. И при этом так здорово, что хотелось кричать во всю глотку и размахивать руками от захлестывающего, беспричинного, неопишуемого счастья. Сколько лет она провела в грезах о том, как могла бы научиться летать и парить в небе, словно ласточка, купаться в мягких облаках, взмывать к самому солнцу и его нежным горячим лучам. И вот теперь за спиной были самые настоящие крылья, которые повиновались ей с грехом пополам, поднимая над поляной и лесом, отдавая в руки мощных воздушных потоков, делая Лиару еще одной птицей среди всех небесных обитателей, что могла раскинуть крылья и парить, парить без конца... Или не могла, пока, во всяком случае. И порой Лиара от всей души благодарила Великую Мани за то, что внутри наравне с неопишуемым восторгом бился и бился леденящий душу страх. Пожалуй, только благодаря этому страху она все еще оставалась в живых.

Внизу, прямо под обутыми в сандалии до колена ногами Лиары, плыла поляна, на

которой расположилось становище. От высоты кружилась голова: они поднялись почти что на полтора десятка метров и зависли уже над самыми высокими из домовых труб, глядящих в небо пустыми зевами. Крыши сверху выглядели мягкими теплыми кучами сена, на которых хотелось валяться и нежиться в солнечных лучах. Анай ходили странно: их ноги буквально вырастали из их корпуса, едва ли не из самой макушки, если смотреть четко сверху вниз, и ни одна из них не обращала ровным счетом никакого внимания на тренировку, что сейчас происходила прямо над их головами.

Лиара всегда побаивалась высоты, предпочитая не взбираться на деревья в отличие от пареньков, что жили в их приюте и постоянно лазали по самым высоким деревьям в округе, перепрыгивая с ветки на ветку, будто белки. Возможно, если бы она тоже лазала тогда вместе с ними, сейчас ей было бы чуточку легче. С другой стороны, любой из них от зависти бы посинел, увидев ее в небе. А ведь она могла и выше подняться, чем эти полтора десятка метров. А как научится летать, так и вовсе сможет в самые облака нырнуть, головой вперед, словно в мягкую перину из лебяжьего пуха.

Только вот сейчас даже малейший ветерок, самое тонкое дуновение могло в любой миг опрокинуть ее и если не швырнуть на землю, то уж совершенно точно приложить о трубу какого-нибудь дома или бок скалы из числа тех, что кольцом охватывали Рошу Великой Мани. Чтобы заставить крылья мерно хлопать за спиной, поддерживая ее на одной высоте, нужно было сосредотачиваться только на них и не думать ни о чем постороннем, и Лиара от усилия буквально потом обливалась, но держалась ровно. Чего нельзя было сказать об остальных анай, что вместе с ней учились летать.

— По моей команде аккуратно накрените правое крыло, крен совсем небольшой, в палец толщиной. Следом за крылом опустите и корпус вперед. — В голосе Гутур дель Раэрн, Ночного Лезвия из становища Мераше, слышалась спокойная сосредоточенность. Именно она сегодня вела их урок управления крыльями, и Лиаре едва не взвыть хотелось от такого счастья.

Гутур никогда не повышала голоса, никогда не злилась на нерадивых учениц. Кажется, она вообще не испытывала никаких эмоций. Но каждое движение, которое не получалось хотя бы у одной ученицы, они разучивали раз за разом до тех пор, пока у всех до единой не выходило достаточно сносно на взгляд Гутур. Даже если на эти однообразные маневры требовались часы. Даже если все ученицы запомнили урок и выполняли его безукоризненно, кроме одной, у которой не получалось совсем чуть-чуть. Даже если все от усталости уже не способны были висеть в воздухе и готовы были кричать от боли в сведенных судорогой суставах.

Тебе так хотелось увидеть Раэрн, так невтерпеж было на них посмотреть! Ну вот, смотри во все глаза и не жалуйся, что не нравится! Лиара недовольно поморщилась. В последние недели внутренний голос доставлял все больше и больше неудобств, буквально ополчившись против нее. Как с цепи сорвавшийся злобный пес, он набрасывался на Лиару, не замолкая ни на секунду. И она не могла ума приложить, как с ним справиться раз и навсегда.

А началось все это после того памятного разговора с Эрис. Держащая Щит четко описала им, что делать: прекратить думать. Мысли только рождали внутри бессмысленные тревоги и сомнения, заставляли колебаться, задавать ненужные вопросы, страшиться будущего и той силы, которую они с Радой звали в себя. И на самом деле мысли только мешали, без конца создавая в голове неумолчный рев, сквозь который не доносилось ни

звука того, что было так необходимо Лиаре. Она просто физически не могла услышать Великую Мани и почувствовать Ее силу, пока ее на части раздирали идиотские предположения, что строил ее мозг, сомнения, загадки, воспоминания и вся эта бесполезная чушь, которой на протяжении всей ее жизни была забита ее голова.

И еще более странным оказался тот факт, что стоило сосредоточиться и попытаться хотя бы на миг остановить поток мыслей, как он становился просто невыносимо мощным, как половодье в горах или ветер, что как раз сейчас толкал Лиару под крыло. Как живой, мозг ощутил, что Лиара пытается бороться с ним, пытается подчинить его себе и заставить работать по программе, которая была необходима ей самой, а не бессмысленно пережевывать из дня в день одну и ту же ерунду, к чему он так пристрастился за прошедшие годы. И после этого мозг буквально восстал, набрасываясь на нее с такой лютой яростью, с какой кидается на своего противника загнанный в угол хищник, отчаянно сражаясь за свою жизнь. Тысячи мыслей взметнулись, как грязная пена, как взбаламученный палкой ил на дне реки, тысячи воспоминаний, образов, шепотков, что без конца шумели и шумели в ее голове. И Лиаре удавалось лишь на короткие мгновения остановить этот неумолчный шум.

Хорошо еще, если у меня это получается хотя бы на пару секунд в день... О проклятье! Замолчи уже! Пожалуйста!

Вот только мысли никуда не девались, а мозг отказывался слушать ее или помогать ей. Он твердо вознамерился бороться за свое существование, и порой Лиаре казалось, что эта битва будет бесконечной. Как и битва с крыльями.

Очередной порыв ветра, который раньше она едва ощутила бы на своей щеке, подбросил ее вверх под широко расставленные, мерно бьющие по воздуху крылья. Лиара затрепыхалась вверх-вниз, словно пробковый поплавок на высоких волнах, замолотила крыльями во всю мочь, пытаясь вернуть предыдущее положение. Только через несколько мгновений упорной борьбы с собственными крыльями, неуклюжими, словно два бревна, привязанные к ее спине, ей удалось кое-как выровняться и занять предыдущее положение. Или просто порыв ветра перестал меня подбрасывать, подумала она, ощутив горькое разочарование и краску стыда на своих щеках.

Одно обнадеживало: наставница Гутур без видимых усилий висела перед ними в воздухе, расправив крылья и поддерживая себя на одном месте почти что незаметными движениями самых краешков крыльев. Эти крылья за ее спиной были черными, плотными, словно густые клубы дыма, полностью заволочшего узкое помещение, почти непрозрачными. И раз Гутур так спокойно могла с ними обращаться, раз крылья беспрекословно подчинялись ее воле, то и они все рано или поздно научатся летать так же, как и она.

— Следите за тем, — продолжила невыразительным тоном Гутур, — чтобы ваш корпус не нырнул вперед слишком сильно, тогда вы рискуете камнем упасть на землю и разбиться об нее. Нельзя также и слишком задирать голову: вас может подхватить встречным ветром и перевернуть вверх тормашками. Вы должны аккуратно под углом прорезать воздух и по спирали двинуться вперед, правые крыло и плечо ниже левых крыла и плеча. Смотрите внимательно, я покажу, как нужно сделать.

Легко сказать: смотрите внимательно. Лиара едва в воздухе-то держалась и полностью сосредотачивалась на том, чтобы продолжать оставаться в одном положении. А Гутур требовала еще и смотреть на нее при этом, запоминая, как двигаться. Казалось бы, такое простое задание — поднять глаза и понаблюдать внимательно за тем, что делает

наставница. Но даже его Лиара сейчас выполнить была не в состоянии.

Кое-как поборов мотающиеся из стороны в сторону крылья, она все-таки успела вскинуть взгляд и рассмотреть, что делает Гутур. Наставница была очень худа, и ее черные как уголь волосы резко оттеняли белоснежную, почти мертвенно-бледную кожу. Отчего-то загара на лице Гутур видно не было, хоть солнце нещадно палило уже третью неделю подряд, и раскаленная земля под ними дышала жаром. Щеки Гутур ввалились двумя темными впадинами, кожа туго обтягивала череп с широкой челюстью, мощными надбровными дугами, глубоко запавшими глазами льдисто-зеленого цвета. Тонкие губы наставницы всегда были сжаты в невыразительную бледную линию, брови тоже были прямыми, словно две палки. Иногда, когда Лиара смотрела на наставницу, ей казалось, что лицо Гутур выполнено из камня, и что она вовсе и не живая, не способная испытывать эмоции, смеяться и плакать, злиться и радоваться. Просто камень с прорезью рта, что изредка разжималась и отрывисто командовала им, что делать, а затем закрывалась, как будто ничего и не было.

Вот только летала наставница очень хорошо, так хорошо, что впору было выть. Чуть-чуть опустив плечо и угол крыла, ровно на толщину пальца, как она и говорила им, Гутур медленно полетела по спирали вниз, к крышам становища. Сделав два неспешных оборота и пролетев над самой трубой одного из домиков, она вышла из петли и в несколько мощных взмахов черными крыльями взлетела обратно на свое место перед строем Младших Сестер. Все это Гутур проделала так четко и выверено, что, казалось, даже ее болотного цвета форма с разводами ни в одном месте не помялась, так и оставшись надетой будто бы на палку или вешалку. Застегнутая на все пуговицы форма, состоящая из глухой куртки с воротом стоечкой, штанов в разводах и сапог до колен. При том, что сама Лиара была в короткой светлой тунике без рукавов и сандалиях на босу ногу и даже в них буквально потом обливалась на палящем солнце.

— Поворот понятен? Или мне нужно повторить движение еще раз, чтобы стало яснее, как его выполнить? — ни одной эмоции не было в спокойном голосе Гутур.

— Все ясно, наставница! — почти что в один голос ответили Лиара с Радой и остальные пятеро Младших Сестер, что получали крылья вместе с ними. Это тоже было своеобразным ритуалом: Гутур задавала один и тот же вопрос до тех пор, пока последняя из учениц не давала на него ответ. Иначе она могла изводить их буквально часами, не обращая никакого внимания на крики ярости или недовольство.

Гутур даже никогда не наказывала, а просто долго и молча смотрела своими прозрачными глазами, заставляя отрабатывать одно и то же движение раз за разом, пока от солнечных ожогов середины лета кожа не начинала буквально сходить с тела, или пока уже крылья не держались за спиной и сами закрывались от измождения, заставляя свою хозяйку буквально биться о твердую землю под ними. Как уже не раз успела убедиться Лиара, падать с трехметровой высоты о гравий было достаточно больно для того, чтобы слушаться наставницу, соблюдать дисциплину и стараться выполнить требующееся от тебя упражнение со всем рвением, на которое только способен. И хоть поблизости на бревне в тени одного из домов и дежурила позевывающая Способная Слышать на тот случай, если кто-нибудь из Младших Сестер приложится о гравий чересчур сильно, а все равно никто не пытался бросить вызов авторитету наставницы или просто начать дурачиться. По чести, ни у кого даже мыслей таких не было.

— Отлично, — проговорила Гутур с таким видом, с которым могла бы сообщить, что

горы обрушились и погребли под собой становище Сол. — А теперь приступаем к выполнению. Два круга и вверх. Начали.

Ледяная рука гораздо сильнее стиснула сердце, и Лиара ощутила на миг, как холодеет в горле. Очень аккуратно нагнув правое крыло на толщину пальца, она взвизгнула, когда тело опрокинулось вперед, а бешеные порывы ветра подхватили ее и тотчас же буквально поволокли навстречу земле. Стремительно приближаясь, мелькнула перед глазами труба ближайшего домика, и Лиара взвизгнула, изо всех сил принявшись бить крыльями по воздуху и забыв обо всем, включая необходимость плавно развернуться и довершить второй круг.

Рядом послышалась громкая заливи́стая ругань, шумный сиплый вздох. У нее не было даже сил на то, чтобы оглянуться. Судорожно глядя вниз, прямо под свои ноги, Лиара била и била по воздуху крыльями. Крыша одного из домиков начала отдаляться, она чувствовала подъем и встречные порывы ветра, что толкали ее в спину, бока и грудь, раскачивали из стороны в сторону, грозя в любой миг швырнуть обратно к земле.

Прошло несколько минут прежде, чем она вернулась в изначальное положение и зависла на одном месте, молотя крыльями по воздуху, растопырив руки в стороны, словно это могло ей помочь. Краска стыда залила щеки. Наверное, я выгляжу как какой-то аистенок, впервые в жизни распахнувший крылья и неловко мотыляющийся в воздухе.

— Плохо, — все тем же бесчувственным голосом проговорила Гутур.

Лиара повернула голову и оглянулась, едва не поплатившись за это новым падением. Но она успела разглядеть остальных Младших Сестер и понять, что дела у них не лучше, чем у нее. Рада была бледна, как смерть, колотя крыльями по воздуху и напряженно глядя вниз, на землю. Иштум то и дело теряла высоту, ныряя в воздушные ямы то одним крылом, то другим. Анико с мрачной решимостью в глазах смотрела только на наставницу, по лицу ее ползли крупные градины пота. Анрут и Лафь почти что сталкивались кончиками крыльев, причем Лафь левым крылом колотила быстрее, чем правым, отчего ее неудержимо кренило в сторону Анрут, грозя в следующий миг буквально свалить на нее, но каким-то образом они пока что умудрялись не сталкиваться. Маленькая пухленькая Шатур болталась в воздухе ниже всех, лицо ее было алым, судорожное дыхание срывалось с губ. Ей занятия давались, пожалуй, тяжелее всего. Да и получалось у нее пока что из рук вон плохо.

Ветер вновь сильно толкнул Лиару в грудь, и она зашаталась из стороны в сторону, лихорадочно вытянув руки, хоть это никоим образом и не могло помочь удержаться в воздухе. Единственное, что по-настоящему радовало: ни у кого из Младших Сестер ничего толком не получалось, потому и времени на то, чтобы рассматривать, получается ли что-то у других, у них не было. Никто не дразнился и не хвалился своими успехами или чужими неудачами, хоть Лиара и с трудом вообще могла представить ситуацию, в которой анай стали бы себя так вести. С другой стороны, такой назойливой, заносчивой и глупой девчонки, как Дани, она среди анай тоже представить не могла, а ведь та была самым непосредственным образом и изводила их с Радой целый месяц к ряду.

— Судя по всему, вы не поняли то, что я вам показала, хоть и сказали, что все ясно. — Еще у Гутур была раздражающая привычка констатировать факты, которые неопровержимо доказывали сами себя. Что небо синее, а солнце горячее, что вода мокрая, а Младшие Сестры ни на что не способны. Лиара поняла, что почти что скучает по бесконечной ругани Уты, которую слышала порой с Плаца и целый месяц выслушивала по дороге в Роцу Великой Мани. — Сейчас я еще раз покажу вам, что нужно делать, и мы будем тренироваться до тех пор, пока вы не поймете, как это у меня выходит.

— Но наставница, — вымученно пискнула Лафь, худощавая высокая Орлиная Дочь с торчащими во все стороны жесткими темно-каштановыми волосами и серо-зелеными глазами, — выполняя этот маневр мы можем запросто разбиться о крыши домов или удариться о трубу, или...

Новый порыв ветра заставил Лафь замолчать и начать судорожно колотить крыльями по воздуху, чтобы не врезаться лбом в самую наставницу Гутур. Воздушные потоки буквально швырнули ее вперед, и с лица Лафь сошло последнее подобие краски, а глаза расширились, как у олененка при виде голодного сумеречного кота. Гутур перевела на нее взгляд, и Лафь каким-то совершенно непонятым для глаза движением умудрилась буквально отскочить от нее по воздуху на то же место, где и была. При этом вид у нее был такой, что становилось ясно: она и сама не поняла, что сделала.

— Вероятность того, что вы врежетесь в трубу, должна придавать вам большего рвения в том, чтобы этого не допустить, — преспокойно проговорила Гутур. — А теперь смотрите внимательно, что я делаю. Больше я повторять не собираюсь.

С какой-то стороны это можно было бы назвать медленной и очень изощренной пыткой, но у Лиары уже просто не было возможности размышлять об этом. Ветер слегка усилился. Еще пару месяцев назад она бы и внимания не обратила на такую перемену: подумаешь, листочки на деревьях зашелестели чуть быстрее, чем раньше. Сейчас же разница была буквально размером с пропасть. В безветрие ей еще как-то удавалось держаться в воздухе на одном месте, и, хвала Роксане, последние недели днем было довольно тихо, что позволяло спокойно тренироваться. Но когда ветер крепчал, Лиара выть была готова.

Хоть крылья на вид представляли собой сгусток золотого света за ее плечами, хоть это была «всего лишь энергия», как выразилась в первый день тренировок Гутур, да только чувствовались они самым непосредственным образом. И когда Лиара ими махала, ощущение было сродни тому, как если бы она махала руками. И несмотря на то, что уставать там было просто нечему, потому что не было мышц, спина у нее все равно уставала так, будто она бегала вниз вверх по склону крутой горы с коромыслом и таскала на себе воду. И по вечерам спина болела точно так же, как если бы она действительно таскала эту дурацкую воду.

Единственным плюсом педантичности Гутур было то, что она четко следовала расписанию уроков. Коли гонг, созывающий первую смену обитателей становища на обед, звенел как раз в тот момент, когда сама она объясняла следующее движение, Гутур могла прекратить объяснение буквально на полуслове и отпустить Младших Сестер на положенный им отдых. Каждый раз, когда занятия у них вела именно она, Лиара буквально всем Небесным Сестрам и Их Великой Мани молилась, чтобы проклятуший гонг прозвенел как можно скорее. И едва не плакала от облегчения, когда он все-таки звенел.

Вот и на этот раз Лиара отрабатывала простейший разворот, который Гутур выполняла так легко, что, казалось, и во сне бы справилась, отрабатывала и молилась всей душой только об одном, чтобы кто-нибудь уже позвонил в этот гонг. Пот буквально ручьем тек по лицу, капал с кончика носа, щипал в глазах, грудь разрывало от ужасающе жаркого дыхания, сердце стучало так натужно, словно в любой момент могло лопнуть. Это не говоря уже о том, что руки и ноги Лиары тряслись, будто желе, а спину кто-то облил раскаленным кипятком, и теперь кожа едва не лопалась от напряжения, и...

Оглушительно бухающую в ушах кровь внезапно заглушил мерно брякнувший три раза гонг, и Лиара застонала от такого громадного облегчения, словно с ее плеч сняли гору размером с Перст Тары.

— Занятие окончено, — лишенным эмоций голосом объявила наставница Гутур. — Можете пообедать и отдохнуть. Следующая тренировка: в пять часов по полудни.

Едва дослушав ее слова, Лиара неловко кивнула головой и принялась спускаться на землю. Это тоже было очень тяжело, особенно после долгой и трудной тренировки, когда сил ни на что, казалось, уже не осталось. Они еще не умели красиво и плавно слетать с неба и закрывать крылья. Они просто били ими по воздуху чуть медленнее, чем обычно, а потому рывками падали вниз, пока наконец не врезались больно пятками в твердый гравий. Но сейчас Лиара была счастлива уже и этому. Да даже если бы она лицом этот гравий проскребла и полный рот его набрала, она бы тоже от счастья едва не пела. Еще четыре часа отдыха до вечерней тренировки, когда солнце будет жечь уже не так яростно, да и ветер к ночи поутихнет. И что самое главное: тренировку эту будет вести не Гутур. Она и так мусолила их с девяти часов утра, не прекращая, и за это время спина Лиары превратилась в задубевшую, почти лишенную гибкости доску, в которую кто-то немилосердно вбивал один гвоздь за другим, пуская по всей длине алые трещины боли.

— Проклятье! — хрипло бормотала рядом Анрут, болтаясь в воздухе так неровно, словно в любой миг крылья за ее спиной готовы были закрыться с концами. — Бхара! Проклятье!

Сама Лиара была не в силах выдать их себя ни звука. Когда ее ступни наконец-то коснулись гравия, она только со стоном позволила крыльям исчезнуть и повалилась на колени, больно врезавшись мягкими ладонями в резкие грани битого камня. Но это все равно было лучше, гораздо лучше, чем болтаться в воздухе. Сейчас все болело так сильно, что у нее и в мыслях не было подниматься в воздух через четыре, шесть, десять часов, а то и через месяц. Только Лиара прекрасно знала, что как только наступит проклятущее время, и клонящееся к горизонту солнце протянет длинные косые лучи через всю Рошу, позолотив верхушки криптомерий и сделав небо еще бездоннее и синее, чем оно есть на самом деле, наставница Морико, охранница самой Великой Царицы, заставит их вновь открыть крылья и начнет гонять по всему небу над становищем. И в каком-то смысле эта тренировка будет гораздо тяжелее занятий с Гутур, хоть Морико — женщина спокойная, рассудительная, деловитая, хорошо объясняющая и щадящая своих учениц. Только вот к концу дня спина у каждой из них уже буквально разламывалась пополам, а потому выполнять даже то, что с утра давалось более-менее легко, к вечеру было уже практически невозможно.

Ей потребовалось как минимум пять минут сидения вниз головой в попытках отдышаться и вернуть сердце в привычный ритм, и только после этого Лиара наконец с трудом подняла голову. Вокруг нее на гравии расселись и остальные Младшие Сестры, тоже не глядя по сторонам и стараясь восстановить дыхание. Длинноногая худошавая Лафь навзничь растянулась на земле, далеко разбросав руки и ноги. Лиара видела только, как резко вздымается ее грудь, рваными движениями опадая вниз и вновь поднимаясь.

— Проклятье, — пробормотала рядом Рада, вторя тихому ворчанию Анрут, сидящий неподалеку от нее. Тяжело утерев тыльной стороной руки пот со лба, она с трудом подмигнула Лиаре и вымученно улыбнулась. — Ну что, искорка, управились. Мне каждый раз кажется, что на этот раз я точно умру. Но каким-то чудом этого не происходит.

— Вот и мне тоже, — с трудом протолкнула сквозь зубы слова Лиара. Говорить было физически больно: легкие все еще резало от воздуха, и стоило хоть немного сбить дыхание, как боль начинала невыносимо терзать все нутро.

— Иногда я завидую сальвагам, — в голосе сидящей неподалеку от них Иштум

слышалась горечь. — У них-то крыльев нет.

— У нас тоже не было, — сообщила Рада, громко шмыгнув носом. — Но с ними все равно лучше, чем без них. Даже так. — И она вытянула ладонь перед собой, демонстрируя остальным Младшим Сестрам, как ходят ходуном от напряжения и усталости пальцы.

Очень медленно, с трудом, Младшие Сестры поднимались на ноги. Иштум поддерживала под плечи маленькую пухленькую Шатур, под которой заплетались ноги, да и выглядела она так, будто вот-вот потеряет сознание. Лафь долго стонала и грубо ругалась, не позволяя никому себя тронуть, но, в конце концов, кое-как встала, приняв руку Анико. Анрут справилась сама, кривясь и продолжая ругаться без перерыва, словно это помогало ей держаться на ногах.

Лиаре вдруг подумалось, как забавно, должно быть, они выглядят. Дочерна загорелые на палящем солнце, с выжженными его прикосновениями волосами, покрытые пылью, едва ковыляющие на в любой миг грозящих подогнуться ногах. И на всех лицах мрачная решимость идти до конца. В любом случае, выбора-то у них не было. Нужно было учиться обращаться с крыльями любой ценой, потому как вынуть их из себя или куда-то убрать уже не получится никогда.

Ты так мечтала о том, чтобы парить в небе. Наслаждайся, деточка! Лиара в очередной раз прокляла свой мозг за навязчивое бесконечное бурчание.

Все обитатели становища принимали пищу в три смены, и молодняк по традиции кормили самыми первыми. Небольшое здание едальни, срубленное из сосновых бревен, не слишком-то отличалось от точно такого же в становище Сол, и Лиаре подумалось, что, наверное, все кланы придерживались единообразия в постройке зданий. Двускатная крытая соломой крыша держалась на толстенных балках перекрытия, с которых вниз свешивались большие чаши с огнем Роксаны на бронзовых цепях. По помещению были расставлены широкие столы и лавки, за которыми уже шумели стекающиеся к обеду обитатели становища. В конце располагался раздаточный стол, возле которого у двух огромных котлов сутились поварихи. Сквозь открытые настежь окна проникал свет и легкий ветерок; даже несмотря на всю готовящийся за перегородкой, отделяющей кухню от общего зала, обед, здесь было прохладнее, чем снаружи.

Самый ближний к кухне стол был свободен как раз для Младших Сестер. По традиции их сажали именно там, где жарче всего: чтобы закалить характер и привить выносливость, как поясняли им взрослые наставницы. Впрочем, сейчас Лиара согласилась бы присесть где угодно, хоть у высоченного костра или под боком раскаленной печи, лишь бы присесть. Ноги так дрожали, что готовы были в любой миг подогнуться.

Рада тронула ее за плечо и что-то спросила, но Лиара лишь вяло отмахнулась, не слыша ее слов. Нагнувшись, она уперлась лбом в сложенные на столе перед ней руки. Помимо нее так сделали Шатур, Лафь и Анрут, и никто им поперек и слова не сказал. Тем более никто не торопил их за обедом. Следующая смена будет только через час, и весь этот час Лиара запросто может проспать лицом в стол, имея на то полное право. Далеко не сразу она начала чувствовать сквозь разгоряченные тиски усталости голод, что подпитывали вкусные запахи из кухни.

Потихоньку Рада, Иштум и Анико подтащили к столу еду, выделенную на них семерых. Она, в общем-то, ничем не отличалась от того, чем их кормили в становище Сол. Мясное рагу с овощами, в котором едва не стояла ложка, толстый ломоть свежего хлеба, маленькое блюдечко со свежей сладкой земляникой, большая кружка ледяного грушевого сбитня.

Лиара ощутила лишь едва заметный укол стыда, что не помогла остальным Младшим Сестрам накрыть на стол, и тут же жадно принялась хлебать из кружки терпко-сладкий сбитень, проливая часть на подбородок. Только осушив половину довольно вместительной кружки, она поняла, что немного пришла в себя.

— Жарко... — вяло шептала рядом маленькая Шатур, все никак не поднимая головы от сложенных на столе рук. — Так жарко...

— Искорка, а ты можешь сделать что-нибудь, чтобы было хоть немного попрохладнее? — с надеждой взглянула на нее Рада. — Я знаю, ты очень устала, но все-таки.

Лиара вновь ощутила, как румянец покрывает щеки, и на этот раз вовсе не от жары. Надо же было настолько умотаться, что она успела вовсе позабыть о собственной эльфийской крови. Поспешно сосредоточившись, Лиара собрала вокруг их стола самые прохладные воздушные токи, что только можно было отыскать в тени широкой крыши едальни, большей частью из них окружив Шатур. Ремесленница судорожно вздохнула, хватая воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба. Вид у нее был болезненный.

— Проклятая Гутур рано или поздно угробит всех нас, — мрачно заявила Анрут, забрасывая рагу себе в рот деревянной ложкой. Но голос все-таки понизила достаточно, чтобы никто, кроме собравшихся за их столом, не расслышал ее слов. — Мы просто спечемся на этой жаре. Или разобьемся об землю к бхаре собачьей.

— Лучше бы нас по утрам тренировала Мориико, — вздохнула Лафь, вяло ковыряясь в своей тарелке. Вид у нее был такой, будто ее мучило от одного вида еды. Но есть было нужно, они все прекрасно знали, что ужин их ждет только по окончании четырехчасовой вечерней тренировки, когда от голода желудок начнет буквально глотать позвоночник изнутри.

— Ты так думаешь? — угрюмо хмыкнула Рада, глядя на нее. — Тогда Гутур будет учить вечером, когда мы выжаты, словно лимоны, и едва руку можем поднять. Мориико хоть нас щадит.

— Если ты это называешь «щадит»... — Анрут только сокрушенно покачала головой. Вид у нее был донельзя кислым.

Лиара успела уже с полсотни раз проклясть свое жгучее желание увидеть Раэрн в Роще Великой Мани. Дочери Земли вернулись через несколько дней после их с Радой первого разговора с Держащей Щит анай и вновь заселились в гостевые дома становища. И сразу же Тиена выбрала тех из них, кто будет учить молодняк летать. Сама Тиена выбрала, не доверив это никому, и назначила именно Гутур, никого больше. С тех пор у Лиары было множество времени и возможностей, чтобы посмотреть на то, что представляли собой Раэрн, только она с удовольствием теперь променяла бы эти возможности на что-нибудь другое. Например, на новую встречу с Червями в Пустых Холмах. Или на сражение с десятком разъяренных Тваугебиров.

Тут ты уже зарвалась. Так что заканчивай, Светозарная. Имей совесть.

Поморщившись, она вновь принялась ковыряться в своем рагу.

— Слушай, Рада, а может, ты поговоришь с Великой Царицей на этот счет? — негромко спросила Анико, и все остальные Младшие Сестры с надеждой вскинули головы. — Вы же с Лиарой проводите с ней много времени, вы почитай что друзья.

— Ну, друзья — это ты загнула, — покачала головой Рада, ломтем хлеба вымазывая последнюю подливку на дне своей тарелки.

Лиара моргнула: ее-то тарелка была все еще наполовину полна, а Рада свою подчистила,

как и сидящая слева от нее Анрут. Она все никак не могла привыкнуть к тому, как быстро жуют анай. Голодные Младшие Сестры буквально сметали поданный обед или ужин, и нужно им на это было не больше пяти минут.

— Хорошо, может, не друзья, но ты уж точно видишь ее чаще нас, и у тебя есть возможность говорить с ней, — не сдавалась Анико. Остальные быстро жевали, перемалывая пищу, как жернова — зерно, но смотрели только на Раду, не отрываясь. Как кучка голодных тощих котов, подумалось Лиаре.

— Может, просто скажешь ей как-нибудь вечером, когда у вас будет очередное занятие, что учиться у Гутур невыносимо? — поддержала Анико Ишгум, умоляюще глядя на Раду своими густо-зелеными, почти черными глазами. — Расскажешь, как она нас гоняет, как мы устаем...

— А это не будет выглядеть, как жалобы? — нахмурилась Рада. — Я еще не все обычаи и традиции анай знаю, не хочу сделать что-то, что противоречит вашим законам.

Всех Младших Сестер вдруг донельзя заинтересовало содержимое их тарелок. Ишгум покосилась на них и поморщилась, на щеках у нее выступил яркий румянец. Неуверенно почесав за ухом, она пожала плечами и осторожно взглянула на Раду:

— Вообще-то это не слишком принято, но ты ведь вроде бы как со стороны... То есть, я имела в виду... — Она глубоко втянула носом воздух и склонилась перед Радой в поклоне, едва не ткнувшись носом в собственную миску с рагу. Щеки у нее были краснее свеклы. — Я приношу свои извинения, Черный Ветер, за всю ту глупость, что наговорила тебе. И беру на себя епитимью каждый вечер по два часа стоять на коленях возле входа в свой дом. Забудь все, о чем я говорила и просила тебя. Это больше не повторится.

Лиара осторожно взглянула на Раду. Понятное дело, что имела в виду Ишгум: Рада была не анай, Рада не знала, что можно, а что нельзя, а значит, Раду никто не стал бы ругать за нарушение правил и неписанных обычаев. Ей бы, в отличие от всех остальных Младших Сестер, это сошло бы с рук. Судя по тому, как горели от стыда щеки остальных, и что они до сих пор не поднимали голов от своих мисок, епитимью следовало бы принести всем им, не только Ишгум. Подбивать человека на совершение бесчестного поступка считалось для анай едва ли не таким же тяжелым проступком.

Рада же только поморщилась и махнула рукой.

— Да прекращай ты, Ишгум. Мне-то что с того, что ты будешь стоять где-нибудь на коленях? Не жарко, не холодно.

Лицо Младшей Сестры окаменело, глаза приняли непроницаемое выражение. Хоть эти девочки и носили белую форму, хоть и проходили испытание по обряду Роши, а не обряду собственного клана, а все-таки в них было гораздо больше от Раэрн, чем они хотели бы показать миру. Дочери Земли очень щепетильно относились к собственной чести и носились с ней как с тухлым яйцом, буквально по любому, даже самому малозначительному поводу готовые приносить епитимью и героически претерпевать ее. И они очень и очень сильно обижались, когда кто-то отказывался принять их покаяние и не позволял им искупать своих грехи действием.

Только вот Рада принимала людей такими, какими они представляли ей себя, не больше и не меньше, не додумывая ничего лишнего и не вникая в подробности. И коли Младшие Сестры в белой форме заявили, что их жизнь принадлежит Великой Царице, значит так оно и было для нее, и к Раэрн в глазах Рады они никакого отношения уже не имели. Лиаре оставалось только надеяться, что Черный Ветер сейчас не нанесла Ишгум никакого

серьезного оскорбления, и что из-за этого не начнется свары с этой их вечной честью. С другой стороны, Иштум первой попыталась играть не слишком-то по правилам.

— Я поговорю с Тиеной, — продолжила Рада, и лица Младших Сестер просветлели, а полные надежд взгляды поднялись от тарелок. — Не знаю, выйдет из этого что-нибудь или нет, но попробовать-то стоит. Вряд ли, мне думается, она отменит собственный приказ, раз сама же и утвердила Гутур в качестве наставницы, но попробовать мне действительно ничего не мешает.

— Спасибо тебе, Черный Ветер, — с чувством проговорила Анико, глаза ее так сияли, будто Тиена уже действительно отменила свой приказ. Остальные Младшие Сестры резко склонили головы, касаясь костяшками пальцев лба, приветствуя Раду, словно военачальника.

Не одним нам сложно жить по обычаям анай, привыкнуть к их традициям и правилам, подумалось Лиаре. Эти-то с молоком мани впитали слишком многое, от чего с таким остервенением пытались избавиться.

— Не за что пока, — сумрачно пробормотала Рада, отставляя тарелку и подтягивая к тебе кружку с ледяным сбитнем. — Я обещала зайти к ней после обеда, потренироваться с мечами. Так что к вечеру принесу ответ. Но все-таки на вашем месте я бы не стала рассчитывать на многое.

Лиара только мысленно содрогнулась, поглядев на Раду и в который раз уже поражаясь тому, сколько у нее сил. Каждый день после обеда они с Тиеной тренировались на мечах, не так жесточно, как все это происходило в становище Сол между Радой и Торн, где они сражались по два-три часа к ряду, но достаточно интенсивно.

Великая Царица словно молоденькая девочка чуть ли не с радостными визгами каждый раз неслась на открытый пяточок земли за собственным домом, чтобы помахать мечом в обществе Рады. Среди обитателей Роши и даже среди ее собственных телохранительниц, что охраняли ее еще до вступления в должность Великой Царицы, не нашлось никого, кто осмеливался бы скрестить с ней мечи. Многие обычаи и традиции анай Тиена уже успела сломать, но гораздо больше скреп еще ждало впереди, и отношение самих анай к тому, что должна представлять собой Великая Царица, менялось крайне медленно. Потому согласие Рады тренироваться вместе с Тиеной она встретила бурным восторгом.

Как Рада могла после утренней тренировки на невыносимом солнцепеке еще и фехтовать с Тиеной час, а то и полтора к ряду, Лиара просто не могла понять. Это не умещалось в ее голове, как бы она ни старалась. У нее у самой ноги тряслись настолько, что она могла лишь сидеть на травке в сторонке и наблюдать за тем, как они танцуют, и едва-едва успевала восстановить силы перед вечерней тренировкой в воздухе с Морико.

— Ты нас очень выручишь, Рада, — Лафь так и не подняла глаз, глядя в стол и краснея с каждой минутой все сильнее и сильнее.

— Да погоди ты! Я ж говорю, еще неизвестно, что из этого получится, — Рада скривилась и глотнула сбитня из своей кружки.

После этого разговор за столом возобновился, но обсуждали они в основном уже выученные приемы по обращению с крыльями и то, что только предстояло изучить, а также гадали, так ли тяжело приходится тем сестрам, что отправились на Серый Зуб, или их, пока они в пути, не так уж и сильно гоняют.

Лиаре потребовалось буквально уговаривать себя подняться с лавки; ноги продолжали противно дрожать, отказываясь ее слушаться. Убедив себя, что сейчас она усядется на травке в теньке и будет смотреть на сражающихся Тиену с Радой, и что это всяко стоит того, чтобы

пройти по становищу не более чем сотню метров, Лиара все-таки поднялась с места и, скрипя зубами, отнесла свою тарелку и кружку на кухню. Потом они распрощались с Младшими Сестрами и поковыляли вдвоем к дому Великой Царицы и Держащей Щит.

===== Глава 52. Еще на шаг ближе =====

Тело чувствовалось слабым и противно дряблым, будто желе, но Рада старалась не слишком-то обращать на это внимание. По чести, она уже начала привыкать к объему тренировок, которым их подвергали ежедневно, не давая забитым почти что в камень мышцам расслабиться и принять свою обычную форму. И это давало свои плоды: прошло чуть больше двух недель с момента получения крыльев, а они уже летали на высоте пятнадцати метров над землей, умели подниматься и садиться, пусть из рук вон плохо, удерживать тело в одном положении, маневрировать на потоках и еще множество мелочей, на первый взгляд, казавшихся очень легкими и не слишком-то значительными, но на поверку оказавшимися едва выполнимыми и незаменимыми для полета. О лучшем результате Рада и мечтать не могла за такое короткое время, да только темп, взятый наставницами, был действительно чересчур крутым. Во всяком случае, для Ремесленниц, которые не привыкли к кошмарным тренировкам на Плацу с Утой. И для Лиары, конечно же, так как ее тело к таким нагрузкам вообще подготовлено не было.

Вот и сейчас ее маленькая искорка шагала рядом медленно и осторожно, больше глядя себе под ноги и часто моргая. Вид у нее был измученным, и Рада легонько поддерживала ее ладонью под спину на случай, если от усталости искорка споткнется, или просто ноги дрогнут и свалят ее на землю. Последние дни Рада ухаживала за ней так внимательно, как только могла. Накрывала на стол, стирала одежду, делала все домашние дела за двоих и старалась предугадать малейшее ее желание воды, еды, лечь, да чего угодно, лишь бы ей было хоть чуточку полегче. Для человека, который никогда не занимался тяжелыми физическими тренировками, буквально с ничего начать так работать по восемь часов в день, пусть и с перерывами, но все же, было очень тяжело. Рада побаивалась, что искорка может сломаться морально, она бы на месте девочки сломалась точно, но искорка упрямо сжимала зубы, делала ровно столько же, сколько и все остальные, и не жаловалась.

— Моя маленькая анай, — с тихой нежностью пробормотала Рада, поглаживая ее ладонью по спине. Ткань формы была на ощупь такой влажной, как будто все утро Лиара провела по уши в воде.

Искорка подняла на нее рассеянный взгляд, словно и не поняла, что сказала Рада, или просто не расслышала этого. Впрочем, почти сразу же она опустила глаза и вновь уставилась на дорогу под ногами. А Рада постаралась поддержать ее, чтобы ноги у ее девочки не заплетались.

С Великой Царицей они обычно тренировались прямо за ее домом, на маленьком вытоптанном пятачке земли, до которого от едальни идти было совсем недалеко. Навстречу им с Лиарой попало всего несколько вялых беременных анай, обмахивающихся платочками из-за жары. Солнце палило так нещадно, что жители становища предпочитали большую часть дневного времени проводить в тени под крышей домов или мастерских, где и работали. Те же, кто прилетал в Рошу, чтобы помолиться и получить благословение Великой Царицы, тоже носа не казали либо из своих жилищ, либо от прохладной тени у водопада.

Даже по прошествии всего того времени, что они прожили здесь, Рада все равно продолжала чувствовать себя странновато в обществе такого количества беременных женщин. Сама она вспоминала обе свои беременности с откровенным ужасом: невыносимые

смены настроения, желание есть буквально все, на что только падал ее взгляд, приступы тошноты, что изматывали ее почти что до самых последних недель срока. Повитухи, которых ей нашел Ленар, поджимали губы и говорили, что тошнит ее вовсе не от беременности, а оттого, что она жрет все подряд, не слушая их советов, но Рада не обращала на это внимания. Достаточно было и того, что эти самые повитухи пичкали ее какими-то омерзительными настоями, которые, по их словам, должны были унять тошноту. Из-за этих настоев Рада травила еще больше, проклиная их, Ленара и саму себя вместе взятых.

Из-за наличия такого не слишком-то приятно опыта теперь Рада старалась держаться как можно дальше от беременных, тем более — от анай, памятуя собственные выходы и всплески настроения. Ведь не все же беременные, находящиеся в Роще, были Ремесленницами, и абсолютно у всех на поясах висели долоры, которыми запросто можно было зарезать, пусть даже поединки и были запрещены в Роще. Не говоря уже о том, что благодушные улыбки и умиротворенные взгляды выглядели крайне странно на лицах некоторых женщин, обезображенных старыми шрамами, свернутыми набок носами, выбитыми зубами. Вряд ли они, конечно же, кинулись бы на Раду с оружием белым днем, но попадаться под руку ей все равно не хотелось.

Тот памятный разговор о зачатии детей, что произошел у них с Тиеной, несколько помог ей и успокоил, но все равно Рада продолжала чувствовать себя из-за этого не в своей тарелке. Стоило просто взять и поговорить об этом с искоркой, напрямую спросив ее, что она думает по этому поводу. Тем более, что искорка с радостью играла с маленькими девчушками, что бегали по становищу, когда у нее еще оставались силы. Тем более, что искорка с удовольствием разговаривала с беременными, охая и ахая вместе с ними, сочувствуя их плохому самочувствию и радуясь первым движениям их малышей вместе с ними. Тем более, что после этого всего искорка смотрела на Раду долгим и задумчивым взглядом своих темных глаз, от которого у нее вдоль позвоночника начинали носиться стайки холодных мурашек. Скорее всего, детей она хотела. Оставалось только понять, чего хотелось самой Раде.

Они вывернули за угол дома Держащей Щит, и глазам Рады открылась та самая полянка, на которой они с Великой Царицей ежедневно проводили свои занятия. Прямые солнечные лучи сюда не проникали, оставляя в тени пространство десять на десять метров, с одной стороны отгороженное от всего становища домом Великой Царицы, с другой — отвесной скалой, уходящей резко вверх. Ровная земля была вытоптана почти что в камень, все эти годы Тиена тренировалась здесь с Эрис, когда у них обеих выдавалась такая возможность. Больше никто скрещивать оружие с Великой Царицей и Держащей Щит не соглашался к глубокому сожалению самой Тиены.

Она была уже здесь, разогревалась, размахивая руками, подпрыгивая на месте и раскручивая кисти рук вокруг собственной оси. Рада низко склонила голову перед Великой Царицей, та только энергично кивнула, продолжая подпрыгивать на одном месте на носках и раскручивать обе руки в противоход друг другу.

В который раз уже Рада поразилась количеству шрамов, покрывающих загорелую, почти медную кожу Великой Царицы. Сейчас Тиена была в одних белоснежных штанах, заправленных в легкие летние сапожки на шнуровке, и в белых бинтах, перетягивающих грудь. Взгляду открывалось ее тело, состоящее из одних только мышц и сухожилий. Ни единого грамма лишнего жира, твердые кубики пресса на животе, округлые очертания мышц плеч и рук, ключицы, полого выпирающие из-под кожи. Одну из них пересекал глубокий

старый шрам, остальные ранения буквально усыпали все тело Великой Царицы от подбородка до пупа, и Рада готова была поспорить, что и ноги у нее в том же самом состоянии. Странное дело, когда Тиена помянула, что ей давно перевалило за сотню, это произвело на Раду гораздо более сильное впечатление, чем почти что вечная жизнь Алеора. Она, конечно, отдавала себе отчет в том, что сравнивать их нельзя, но на фоне рассудительной, надежной как скала, немногословной и вдумчивой Тиены Алеор смотрелся едва ли не взбалмошным вздорным мальчишкой, все интересы которого сводились к бесконечному испытанию окружающего мира на прочность.

Как и всегда, с противоположной стороны поляны собралась уже небольшая толпа зевак. Три беременные анай со светлыми волосами, смешливые, улыбчивые, что кидали на Тиену полные восхищения взгляды, красноречиво оглядывая ее с головы до ног, не могли быть никем, кроме Нуэргос. Подле них стояли две высокие разведчицы в белом с белыми головными повязками, у обеих за плечами торчали рукояти мечей. Судя по их побитым сединой волосам и каменным лицам, Рада могла бы предположить, что им даже больше годков, чем самой Тиене, и приходили они сюда вовсе не на мышцы Великой Царицы глазеть, а оценить ее воинское мастерство. И, конечно же, возможности Рады.

Сама она уже почти привыкла к тому, что каждый день кто-нибудь из Воинов, поклявшихся служить Роце, приходил понаблюдать за их тренировкой. К остроглазым беременным дурам, которых дома ждали жены, а они тут всю на ее плечи глаза таращили и улыбались, словно надравшиеся сметаны коты, привыкнуть Раде было гораздо сложнее. Были среди собравшейся компании зрителей и дети, долговязые девчушки возрастом от шести до двенадцати лет. Все они восхищенно наблюдали за поединком, толкались, комментировали происходящее, судя по всему, не понимая в нем ровным счетом ничего, а порой даже об заклад бились, кто победит. Их игнорировать было, пожалуй, легче всего.

Тебе просто думать надо поменьше, как и учила тебя Держащая Щит. И все у тебя будет в порядке.

Отвернувшись спиной от самым бесстыдным образом улыбающихся ей и принявшихся комментировать ее беременных анай, Рада осторожно помогла искорке присесть на траву с другой стороны от тренировочной поляны. Обычно искорка зорко следила за тем, чтобы никто из этих остроглазых бхар не приближался к Раде ближе, чем на десять шагов, и Рада была ей за это несказанно благодарна. Но сейчас Лиара от усталости едва не валилась на землю, слишком измученная, чтобы реагировать хоть на что-то, и Рада обеспокоенно склонилась к ней, тихонько прошептав:

— Маленькая, может, лучше будет, если ты пойдешь домой и полежишь хоть часик? Мы пока с Тиеной разомнемся, а потом я приду к тебе. Ты успеешь хоть немного отдохнуть.

— Я хочу с тобой, — два серых глаза поднялись на нее, и в них была мольба, смешанная с искорками упрямства. Сердце Рады разрывалось от жалости, когда она заметила темные круги под глазами искорки, ее опущенные вниз плечи, ссутуленную спину. Она сама выбрала этот путь, она хочет стоять рядом с тобой. Не отсылай ее, не унижай ее тем, что сейчас она слабее тебя.

— Хорошо, маленькая, — скрепя сердце кивнула Рада, поднесла ее ладошку к губам и легонько поцеловала пальцы. — Ты посиди здесь, отдохни. А как закончим с Тиеной, пойдем к реке, умоемся. Тебе там всегда полегче.

— Договорились, радость моя, — приглушенно отозвалась искорка.

Рада развернулась и направилась к Тиене, которая уже ждала ее, перестав подпрыгивать

на одном месте и разминать руки. Вид у Великой Царицы был почти что как у Младшей Сестры, которой сказали, что на днях она получит крылья. А еще, несмотря на невыносимую жару и более чем активную разминку, лицо царицы было абсолютно сухим, и ни единая капелька пота не поблескивала на ее матовой коже. Казалось, Тиене до жары и дела нет. С тем же успехом, сейчас могло быть раза в два прохладнее, а с гор налетал бы свежий ветерок.

— Светлого дня, Черный Ветер, — Великая Царица протянула ей руку, и Рада пожалела теплую мозолистую ладонь. — Ну что, размяла вас Гутур? Или тебя еще мальчика погонять, чтобы уж наверняка прогрелась?

Сделав скидку на лукавый огонек в глазах Тиены, Рада оскалилась в ответ:

— Да я сама кого хочешь разомну, первая первых. После подготовки у Уты это не составит особого труда.

— Занятная женщина, — задумчиво прищурилась Тиена. — Я уже столько всего о ней слышала, даже сражалась с ней плечом к плечу, а вот побегать по Плацу под ее командой так и не получилось. Пару лет назад мы с Эрис звали ее сюда, наставлять Младших Сестер Роши, но Ута отказалась покидать Сол. Может, еще через пару лет, когда здесь народу прибавится, она все-таки согласится?

— Это вряд ли, первая первых, — осклабилась Рада, припоминая вечно недовольное лицо Уты и ее хриплые вопли. — Наставница Ута до щенячьего визга обожает маленьких Каэрос, не говоря уже про ее вечную скупую слезу гордости царицей Лэйк. Не думаю, что она примет ваше предложение.

— Проклятые Каэрос, — деланно поморщилась Тиена. — Вечно носятся со своей честью и принципами. И угораздило вас со Светозарной выйти именно к Сол! Вот отправились бы в Фихт, глядишь, не ходила бы ты целыми днями такой смурной.

— За это надо Тьярду спасибо сказать, — пожалала плечами Рада. — Да и в любом случае, среди Каэрос мне очень уютно, первая первых. Вряд ли я согласилась бы присоединиться к другому клану, да и искорка тоже.

— Это я успела заметить, — глубокие глаза Тиены посерьезнели. Она подняла с земли и подкинула Раде тренировочный меч с затупленным лезвием, и та поймала его на лету. — Но об этом мы успеем с тобой поговорить и позже, согласна?

Рада догадывалась, к чему клонит Тиена, но отвечать на это ничего не стала. И Держащая Щит, и Великая Царица уже пару раз мимоходом обронили, что неплохо было бы им с Лиарой задержаться в Роше, если не вовсе остаться в ней навсегда, приняв последнюю инициацию у Источника Рождения и став одними из обитателей Роши. Каждый раз, когда речь заходила об этом, Рада чувствовала некоторую неловкость. По сути ведь Великая Царица анай ничем не отличалась от Лэйк, разве что обладала силой более мощной, потенциалом более раскрытым. Да и Роша была местом более сакральным, чем Сол, буквально напитанным энергией так, что от ее концентрации в воздухе дух захватывало. Как если бы можно было из иссушенной пустыни, мучимой раскаленными суховеями, в один миг шагнуть под полог мягкого мокрого леса, полного густого запаха зелени, игры тени со светом, прохлады и пения птиц.

Но при этом Рада ведь присягала Лэйк, присягала на верность по обычаю Каэрос и по велению собственного сердца. Впервые в жизни она испытала желание позволить другому смертному существу руководить собой, доверила ему свою жизнь и судьбу, согласилась умереть по одному его приказу. Потому что верила в то, что делала Лэйк, потому что знала:

Лэйк никогда не обманет. Это ни в коем случае не означало, что Рада не доверяла Тиене или Эрис, просто в Сол ее тянуло сильнее, будто кто-то магнит к сердцу привязал. Но как объяснить все это Великой Царице?

Прекрати думать. Вот тогда у тебя совершенно точно все получится.

Выбросив из головы все мысли, Рада выдохнула, перехватила рукоять меча обеими руками и встала напротив Тиены. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, а затем начали танец.

Этот танец был чем-то совершенно особенным, чем-то настолько невероятным, что только ради него одного Рада могла бы прилететь в Данарские горы. В Сол она училась у Торн, а та по праву считалась мастером клинка, и заниматься с ней было огромной честью. Не говоря уже о том теплом ощущении, что разливалось внутри, когда Рада все-таки могла взять над ней верх в поединке, что случалось не так уж и редко. С Великой Царицей же все было по-другому.

Меч был частью ее тела, и этой частью она управляла с непревзойденной легкостью, отточенной мягкой грацией, какой Рада никогда не видела в жизни ни у кого другого. Плавность движений, выверенная до миллиметра, резкость и быстрота, когда глаз едва улавливал очертания клинка Тиены, сила, с которой меч обрушивался на оружие Рады, густота удара, от которого вибрировал не только клинок в ее руках, но и почти что все ее тело. Тиена была едина с мечом, она сама была мечом, и при этом — птицей, что расправив крылья, парила высоко в небесах, сумеречной кошкой, что подбиралась к добыче, прижимаясь пушистым брюхом к заснеженным скалам, горной рекой, что срывалась с немыслимых круч и падала вниз, неостановимая и прекрасная, гармоничная до самой последней своей капельки. Иногда Раде казалось, что это и не Тиена была вовсе. А сами ветра сплетались в человеческую фигуру, и грозные раскаты грома становились щелчками тренировочного оружия в ее руках.

Она всегда начинала танец плавно, давая Раде возможность приноровиться, поймать ту самую волну, тот кураж, ради которого вообще стоило брать в руки оружие. Ведь поединок был, прежде всего, делом двоих, их совместным искусством, очень интимным действием, в котором два человека были настолько увлечены друг другом, что и непонятно: то ли они убить хотят соперника, то ли умереть сами. Рада находила в этом какую-то мрачную красоту, почти что невыразимую словами, но при этом очень четко ощущающуюся, как только соперники вставали друг напротив друга, поднимая оружие и глядя глаза в глаза. Или, быть может, таким поединок делало мастерство тех, кто выходил биться? Или их желание сделать из поединка что-то большее, чем просто обмен ударами?

В любом случае, Рада ощущала это, невидимую нить, протянувшуюся от нее к Великой Царице и обратно. Теперь в мире не существовало никого, кроме них двоих, а сами они, словно два светлячка во тьме теплой ночи, кружили друг для друга, вырисовывая витиеватый узор.

Тиена нанесла удар сверху вниз по диагонали, и Рада отбила его. Великая Царица развернулась на месте, переступили подошвы сапог по твердой земле, мелькнули изукрашенные белыми мазками татуировки, будто перьями, загорелые испещренные шрамами руки, хлестнул по плечам короткий соломенный хвостик. Меч обрушился справа, и Рада поднырнула под клинок, нанося укол снизу вверх. Только на этот раз ее быстроты не хватило: сапог Великой Царицы врезался ей в бок, и она отшатнулась, хрипло выдохнув. Удар был рассчитан очень точно, чтобы не повредить никакие ткани и даже не оставить

синяка, но оттолкнуть ее назад и не дать завершить маневр.

Впрочем, Рада не дала себе времени на то, чтобы ощутить боль. Мягко перекатившись через себя, она успела подставить меч и перекрыть лезвием корпус, когда клинок Тиены должен был буквально развалить ее пополам.

— Отлично, — в голосе Тиены звучала сосредоточенность, но глаза сверкали. — Вчера у тебя еще не получалось.

— У меня отличный учитель, — хрипло отозвалась Рада.

Еще не успев договорить, она резко нырнула в сторону и нанесла укол Тиене в бок. Великая Царица буквально перетекла на шаг влево и обрушила свой клинок на вытянутый вперед меч Рады. Будь угол удара чуть-чуть другим, она запросто перерубила бы лезвие. А сейчас у Рады лишь зубы от напряжения клацнули, и по рукам побежала неприятная дрожь отдачи, тупо отозвавшаяся в костях.

Плавнo отступив в сторону, она вновь вынуждена была обороняться, перекрывая грудь клинком под натиском ударов Великой Царицы. Впрочем, Тиена редко давала ей возможность перейти в контратаку. Ни разу еще Рада не встречала человека, который сражался одновременно стремительно и неторопливо, энергетически плотно, поддерживая один и тот же натиск на протяжении долгого времени и только взвинчивая его.

Вчера она простояла против такой атаки шесть минут и считала это своим личным рекордом. На этот раз ледяная сталь клинка Тиены легла Раде на плечо в начале пятой минуты, и брови Великой Царицы недовольно сдвинулись к носу.

— Сегодня ты не слишком сосредоточена, — заметила она, и Рада кивнула, только сейчас, кажется, вспомнив, как дышать. Грудь сразу же начали раздувать всхрипы, а хлынувший в легкие воздух показался раскаленным.

Тиена отступила от нее на шаг, давая ей возможность прийти в себя и продышаться. Кожа Великой Царицы была все такой же сухой, как и в начале поединка. Дыхание лишь чуть-чуть участилось.

— Отбрось все мысли, — проговорила Тиена, вновь поднимая перед собой меч. — Отпусти их. Стань клинком. Все остальное не имеет значения.

Рада стерла со лба раскаленные капли пота и вновь подняла меч. Они с Держащей Щит все время твердили, что необходимо отбросить все мысли, что это самое главное условие. То же самое говорила ей и Хельда, то же самое открывалось Раде в ее переживаниях, в откровениях, что приходили к ней. Только вот сказать это было гораздо проще, чем сделать. А на поверку оказывалось, что как только пытаешься остановить поток мыслей, голова будто взрывалась воплями на тысячи разных голосов, и каждый голос изводил и изводил без конца, отвлекая, утомляя, отупляя.

— Ты — меч в твоих руках, — тихо проговорила Тиена, занося свое оружие над головой и плавно приподнимаясь на пальцы правой ноги. — Ты — дыхание ветра в твоих волосах, что помогает тебе двигаться, ты — земля под твоими ногами, по которой ты танцуешь. Все едино и все — ты.

Рада кивнула, с огромным трудом, буквально по нитке собирая все свое внимание и сосредотачивая его на мече в своих руках. Так тяжело было отпустить все. Казалось, перестанешь думать о том, куда поставить ногу, — сразу же упадешь, перестанешь соизмерять силу удара, инерция швырнет тебя вперед, не будешь думать, как обмануть соперника, сразу же получишь клинком по хребту. Только это все ложь, и я знаю это!

Дыша размеренно и ровно, словно во время пешей прогулки по лесу, Рада плавно

скользнула вперед, занося меч. Три звонких удара клинком о клинок над головой. Она не смотрела на меч, но лишь в глаза Тиены, в которых не отражалось ничего, кроме безмятежности. Как она это делает?..

Лезвие меча Тиены, что только что было у Рады над головой, резко упало вниз и подцепило ее под колено. Рада охнула и оступилась, досадуя на себя. Такая ошибка была самой легкой, самой глупой из всех, что мог допустить нерадивый ученик, только-только взявший в руки меч.

— Чувствуй, — вновь приказала Тиена. — Стань ритмом меча, стань всем.

Прикрыв глаза, Рада задышала ровнее, чтобы взять себя в руки и вернуть пустоту внутри. Это далось не без труда. Столько раздражающих факторов! Раскаленное солнце и невыносимый послеобеденный зной, взгляды анай, что буравили ей спину, боль в тех местах, куда попал меч Тиены, противная усталость и дряблость в мышцах после тренировки. Конечно, легче всего, когда просто сидишь, закрыв глаза, и ни о чем не думаешь! Но толку тебе от этого? Это не спасет тебя от смерти.

Выдохнув, Рада открыла глаза и вновь скользнула вперед.

Три удара над головой, разворот, удар сверху вниз. Тиена приняла его на плоскость меча и отбила. Рада, воспользовавшись тем, что руки ее заняты, попыталась ногой подсесть ей под колено. Великая Царица резко выпрыгнула вперед, занося меч над головой двумя руками. Буквально чувствуя, как она движется, Рада метнулась вперед, прокатилась под нее и вскочила на ноги за спиной Тиены. Резкий разворот и удар, который Тиена приняла на клинок, хоть еще и не успела до конца развернуться лицом к Раде. Та поддала ей плечом в спину, и Великая Царица неуклюже отступила на два шага вперед, пошатнулась и упала на одно колено.

Рада прыгнула, надеясь завершить поединок и нанося удар в ключицу. Клинок Тиены вырос из ниоткуда, его острие больно ткнулось прямо Раде в поддых в тот же миг, как ее собственный меч лег на ключицу сидящей на одном колене спиной к ней Великой Царицы. И все кончилось.

Горячие градины пота катились по лицу и капали с подбородка. Рада смотрела на стоящую перед ней на коленях Тиену и не могла поверить в то, что случилось. Они занимались уже больше двух недель, но еще ни единого раза ей не удавалось поразить Великую Царицу. Пусть даже сейчас была и ничья, потому что в настоящем бою Рада тоже погибла бы от меча Тиены, но впервые за все это время ей удалось достать ее.

Шум крови в ушах слегка отступил на задний план, и Рада услышала громкие хлопки и свист собравшихся поглазеть на их поединок. Ее руки дрожали, а плечи вздымались рывками. Она хватала ртом воздух и все никак не могла надышаться.

Тиена первой убрала клинок и плавно поднялась с колен. Ее лицо тоже было влажным, пушистые брови слиплись и потемнели, широкая улыбка растянула губы. Она протянула руку и хлопнула Раду по плечу.

— Ну вот, Черный Ветер! — в голосе Тиены звучала почти что гордость. — Нужно было всего-то перестать думать.

— Да уж! — хмыкнула Рада, бросив взгляд на искорку. Та во все глаза смотрела на нее, прижав ладони к губам, и лицо ее лучилось такой нежностью и восторгом, что Раде стало неудобно. Она переступила с ноги на ногу и взглянула на Тиену. — Мне просто казалось, что бой — все-таки другое, не то же самое, что медитация.

— По мне, так бой — самая лучшая медитация из всех, — разулыбалась Тиена.

— Держащая Щит говорила мне, что самое главное: в каждый момент времени быть открытым и готовым пропустить через себя силу Великой Мани. И что дело вовсе не в том, чтобы делать при этом что-то одухотворенное, подобающее ситуации, а в самых обыденных вещах. Наверное, мне придется учить этот урок снова и снова в каждой самой крохотной мелочи прежде, чем я действительно что-то пойму.

— Ты уже понимаешь, Черный Ветер, — мягко подбодрила ее Великая Царица. — Но такие вещи невозможно осуществить за час, за неделю, даже за год. Наберись терпения.

Рада кивнула, не став поминать вслух, что терпение — та самая вещь, которой ей всегда не хватало. Впрочем, по смеющимся глазам Тиены становилось понятно, что она и без слов прекрасно это знает. Отступив на несколько шагов, Великая Царица приподняла меч.

— Что ж, на этот раз ничья. Попробуем закрепить результат?

— С удовольствием, — от души согласилась Рада.

Странное дело, но во время поединка с Тиеной забыть о слабости, усталости и боли казалось так просто, что Рада даже не отдавала себе в этом отчета. Еще более удивительным для нее стало то, что используя сосредоточение, ей удалось еще раз завершить поединок ничьей. Это привело ее в такой бурный восторг, что сосредоточение моментально исчезло, и за следующие двадцать минут Тиена трижды огрела ее по спине мечом и дважды свалила на землю. Но результат все равно был потрясающим. Тиена была мечом, она фехтовала объективно лучше всех мечников, которых Раде доводилось видеть в жизни, и выстоять против нее в поединке было почти таким же подвигом, как голыми руками победить шестерых.

Тем не менее, Великая Царица выглядела довольной, протягивая руку Раде и поднимая ее с земли после очередного падения.

— Ты бхарски хорошо держишься, Черный Ветер. Думаю, еще годик, и ты будешь меня по земле катать, как щенка.

— Ну, это вряд ли, — Рада поморщилась, но приняла ее руку и кое-как поднялась на ноги.

— При том, как вас гоняет Гутур, — покачала головой Тиена, — ты еще умудряешься вполне неплохо держаться против меня. А это много значит.

— Насчет Гутур, первая первых, — Рада подумала, что лучшего повода поговорить на эту тему ей не найти. — Я хотела обсудить с тобой кое-что.

— Конечно, — кивнула Тиена, вытирая повлажневшую грудь от пота простым белым полотенцем.

Рада краем глаза заметила, что зрителей с краю поляны прибавилось. Теперь еще три молодых Ремесленницы Разрн роняли слюни, не сводя глаз с Великой Царицы и перешептываясь. А возле них, закутавшись в шаль, стояла Жрица и тоже глаз отвести не могла. Рада хмыкнула.

Тиена поманила ее за собой в сторону от толпы и вопросительно взглянула Раде в глаза. Странное дело, она не выглядела измотанной до предела или иссушенной усталостью. Просто разогревшейся и энергичной. Роксана, эта женщина поистине двужильная.

— Я ни в коем случае не пытаюсь оспаривать твое решение о назначении Гутур на пост наставницы, первая первых, — начала Рада, Тиена кивнула, выжидающе глядя на нее. Тщательно сдерживаемый смех заискрился на дне ее зеленых глаз. — Да и Гутур — прекрасная наставница. Но она дает слишком большие нагрузки тем, кто не очень-то к этому подготовлен. Я тренировалась у Уты, которая гоняла меня целыми днями по Плацу, но даже

я полумертвая от усталости после четырех часов полетов с ней.

Говорить было сложно, и Рада чувствовала, как горит румянец стыда на щеках. Ей было неловко лезть к Великой Царице с такой ерундой. Создавалось впечатление, что она едва ли не ябедничала на чересчур жестокую наставницу, а вряд ли анай одобряли такие вещи. Слова приходилось буквально сквозь зубы проталкивать, и, в конце концов, Рада поняла, что просто не может договорить задуманную фразу до конца.

— Ну что ж, — вздохнула Тиена, помолчав и поняв, что больше Рада ничего не добавит. — Я удивлена, что вы пришли ко мне с этим только через две недели. Я думала, что кто-нибудь обратится с прошением гораздо раньше.

Рада бросила на нее неуверенный взгляд, не совсем понимая, к чему клонит Великая Царица. Впрочем, вид у Тиены был совсем не рассерженный, скорее задумчивый. Утерев подбородок полотенцем, она перекинула кусок ткани через обнаженное плечо и взглянула на Раду.

— Что самое главное в рукопашном бое, Рада?

— Легкие ноги, — не задумываясь ответила она. Это было первое, чему их учили: бегать и прыгать, не задумываясь о движении, не оставаться ни секунды на одном и том же месте, беспрестанно двигаться, запутывая соперника. Судя по одобрительному кивку Тиены, у анай были точно такие же взгляды на этот вид борьбы.

— Правильно. Легкие ноги в два раза повышают твой шанс на победу в поединке, в котором их даже нельзя использовать. То же самое и с крыльями. Недостаточно прекрасно сражаться ногами и руками, владеть всеми видами оружия, превосходно стрелять. Это все совершенно неважно в том случае, если ты сражаешься в воздухе и не владеешь своими крыльями лучше, чем твой враг.

Рада кивнула, постепенно начиная понимать, к чему клонит Тиена, и ее поступок и весь этот разговор показался ей в десять раз глупее, чем поначалу. Не надо было все это затевать. Ведь знала же с самого начала, что ничего хорошего из этого не выйдет, внутри ведь скреблось и скреблось, а она не послушалась. С другой стороны, искорка так страшно уставала эти недели. Едва ноги таскала. Рада бросила на нее быстрый взгляд; даже сидя на земле, она горбилась так, словно в любой миг могла потерять сознание от усталости. Не могла же Рада просто промолчать и даже не попытаться хоть чем-то помочь ей?

Тем временем, Тиена продолжила говорить, и в голосе ее не было ни тени враждебности или неудовольствия оттого, что Рада вообще подняла эту тему.

— Гутур — лучшая среди наставниц по крыльям РаэРН. Мне стоило огромных трудов уговорить ее учить Младших Сестер в Роще. При всей своей верности, при том, что она присягнула лично мне, как и ее царица, она все равно не хотела покидать становище Свах. В итоге мы договорились, что год она будет учить моих девчонок, и год — своих. Хотя, полагаю, через несколько лет необходимость в таком разделении и вовсе отпадет, — Тиена кинула красноречивый взгляд на склон горы на противоположной стороне долины. Его словно грибы усеивали маленькие домики анай, повсюду виднелись крохотные на таком расстоянии фигурки сестер, которые строили новые жилища для все прибывающих и прибывающих желающих поселиться в Роще. И тремя четвертыми этих желающих были Дочери Земли. Взгляд Тиены вновь вернулся к Раде. — Когда в конце Великой Войны мы подсчитывали потери, выяснилось, что разведчицы, обучающиеся полету у некоторых наставниц анай, имели более высокий шанс выжить, чем все остальные, и воспользовались им. Таких наставниц оказалось семь, и Гутур была лучшей из них. Я знаю, методы у нее

далеко не нежные, да и сама она практически невыносима, но обучение у нее даст вам преимущество над вашими врагами, неоспоримое преимущество.

— Я поняла тебя, первая первых, — пробубнила Рада, чувствуя себя донельзя неловко. Ей хотелось буквально сквозь землю провалиться от стыда, особенно оттого, что в глазах Тиены не было ровным счетом никакого осуждения или гнева. Повела себя как глупая девчонка. Позорище-то какое!

— Я хочу, чтобы к Танцу Хаоса анай стали единым, непобедимым народом, — негромко, но твердо проговорила Великая Царица. — Не знаю, сколько у нас еще времени до того, как нужно будет лететь на войну. Не знаю, что эта война потребует от нас. Но мы поклялись, что загладим ошибку своих предков и выйдем вместе с Аватарами на их бой, и я хочу, чтобы в этом бою уцелело как можно больше моих дочерей. Поэтому сделаю все, чтобы к началу Танца даже самые молодые девчонки сражались так, будто уже долгие десятилетия не покидают строй.

— Так точно, первая первых, — вновь пробурчала Рада. Тиена хмыкнула, взглянув на нее.

— Да не бойся ты, Черный Ветер. Я прекрасно понимаю, почему ты обратилась с этим ко мне. Сама я от мысли, что меня могла бы учить Гутур, холодным потом покрываюсь. Но, возможно, однажды обучение у нее спасет вам жизнь. — Рада вскинула глаза, ощутив в голосе Тиены искреннюю теплую поддержку. Великая Царица улыбнулась еще шире и хлопнула ее по плечу. — И не смущайся впредь, говори, что тебя беспокоит. Я слышала, что в ваших землях все устроено по другому, но у нас царица — только первая среди равных.

— Спасибо, первая первых, — от всей души проговорила Рада, не удержавшись и склонив перед Тиеной голову. Сейчас ей почему-то казалось, что она ниже Великой Царицы едва ли не на полкорпуса, хотя на самом деле была почти того же роста.

— Не за что. И спасибо тебе за тренировку, я отлично размялась. Жду тебя завтра в то же время.

На том они и распрощались. Великая Царица побрела в сторону своего дома, и словно по невидимому сигналу, вся стайка глазевших на них анай устремилась за ней. Жрица догнала Тиену первой, пристроилась рядом и принялась что-то негромко ей говорить. Судя по вмиг посерьезневшему лицу Тиены, разговор шел о делах.

Несколько молоденьких Ремесленниц с интересом взглянули на Раду, но она поспешно отвернулась, чтобы никто не подумал, будто она дает им повод подойти и завязать разговор. Кажется, даже когда я женюсь на искорке, легче не будет, мрачновато подумала Рада. А она-то так надеялась, что все отстанут от нее, стоит ей только заключить брак. Может, в открытую так навязываться, как сейчас, никто и не будет, но вряд ли стоит ожидать, что на нее перестанут смотреть.

Искорка, морщась от усталости, поднялась ей навстречу, на губах ее играла слабая улыбка. Рада обняла ее, сжала крепче и поцеловала в тонкую красиво изогнутую бровь.

— Ну что, искорка моя, полегче тебе?

— Полегче, — нетерпеливо отмахнулась та и тут же взглянула на нее полными восхищения глазами. — Сегодня тебе впервые удалось достать ее! Я горжусь тобой, Рада! Ты такая красивая, когда сражаешься!

— Да ладно тебе, — неловко дернула плечом Рада, но внутри разлилось пульсирующее тепло. Так хорошо было это слышать, хоть она до сих пор смущалась таких вот открытых комплиментов искорки.

— Я глаз оторвать не могу, — тихонько пробормотала та и, потянувшись, чмокнула ее в подбородок и, словно воробушек, шмыгнула ей под руку, устраиваясь рядом. — А теперь пойдём к реке, окунемся. Жара невыносимая.

— Пойдем, — кивнула Рада.

Вдвоем они побрели к водопаду, и Рада ощутила, как приятно подрагивают от усталости мышцы. За проведенные среди анай полгода ее тело стало гораздо крепче, чем было. Лишний жир вытопился, прибавилось выносливости, живой силы в руках и ногах. Не говоря уже о том, что вся прошлая жизнь казалась какой-то далекой и ненастоящей. Рада всегда фехтовала прекрасно, и меч летал в ее руках будто птица, а в Мелонии было всего несколько человек, с которыми она могла бы потягаться своим искусством на равных. Здесь же за эти месяцы анай научили ее такому, что она вдруг ощутила себя ребенком, впервые взявшим в руки тренировочный меч. И с уверенностью могла сказать, что теперь уровень ее мастерства значительно вырос, что делало ее опасным соперником для любого, кто не был рожден в Данарских горах.

Ослепительные солнечные лучи пронизывали насквозь водопад и облако мелкой водяной пыли, сверкающей, будто алмазные россыпи. Солнечные зайчики скакали и по речной зыби, перепрыгивая с одного гребешка волны на другой, мигая, гоняясь друг за другом. Волны лениво набегали на белоснежные гольши по берегам, облизывая их, путая между ними длинные нитки изумрудно-зеленой донной травы. По пояс в воде у самого берега стояли пятеро Раэрт на некотором расстоянии друг от друга. Сложив руки на груди, они бормотали мантры Аленны, кланялись воде, умывали ей лицо, брызгали на плечи, и капельки ледяной воды поблескивали на черных узорах татуировок, покрывающих их предплечья. Все представители кланов приходили к водопаду для омовения, Лаэрт, например, делали это едва ли не каждый день. Дочери Земли молились Аленне трижды в день, утром, днем и вечером, стоя по пояс в ледяной воде и отбивая ей поклоны. Наверное, они были единственным кланом анай, с которым Раде не слишком-то хотелось иметь дело. В неистовстве поклонения Раэрт превосходили, кажется, даже самых полоумных жрецов Молодых Богов, а ей всегда почему-то чувствовалось, что чем больше рвения в том, чтобы выразить свою веру, тем меньше этой самой веры внутри.

Несмотря на это, она тоже перед тем, как ступить в воду, низко поклонилась реке, испросила разрешения и благословения у Аленны Милосердной и черпнула немного воды, чтобы омыть лицо. Ты становишься совсем, как анай. Этой мысли Рада искренне улыбнулась. Рядом с ней искорка тоже низко склонилась перед потоком, тихонько бормоча молитвы. Вид у нее был усталый, но брови упрямо сдвинулись к переносице. И она тоже.

===== Глава 53. Беседы =====

Лето медленно клонилось к закату. Отгорела раскаленным маревом дрожащего воздуха жара, пролились проливные дожди, полные звонкой неукротимой мощи. Народившаяся по весне ярко-зеленая листва набралась сока и цвета, а затем отяжелела, устало обвиснув на ветвях. Задули холодные ветра с востока, и весь мир стал похож на тревожного зверя, что чуял приближение старости и все никак не мог найти себе места.

Осень подходила тихо, на мягких лапах, стараясь не пугать своим приходом обитателей Роши. Зазолотилась пшеница, высаженная в окрестных плодородных долинах, и трудолюбивые руки анай сжали урожай, собрали и высушили скирды, подготовили поля к долгой зиме. Ветви деревьев в садах ломались от плодов, свисали к самой земле, тяжелые, увешанные, будто игрушками на дереве в Ночь Зимы, спелыми яблоками, желтыми грушами,

прозрачными, полными солнца сливами. Мягкими мазками золота осень разукрасила окрестные леса, и теперь они медленно тлели, словно угли на развалинах когда-то большого костра. Скоро дунет ветер, и горы как по волшебству вспыхнут красками, расцветут диковинными цветами, превратятся в расписной платок на плечах мастерицы-рукодельницы. Уже сейчас Лиара видела первые признаки этой медленно подступающей красоты. Редкие листья кленов, начавшие алеть по самому краю, встречающиеся кое-где дубовые резные листочки, ярко-желтые на фоне почти черной коры. До буйства цвета было еще далеко, но осень приближалась и недвусмысленно давала знать о своем приходе.

Туманы ложились по ночам, густые, белые, как ватное одеяло. Они скрывали силуэты деревьев, прятали за пазухой дома, растворяли в призрачном сиянии даже луну и звезды, приглушали неумолчную песню водопада. Из туманов тут и там виднелись лишь разноцветные глазки фонариков у дверей беременных анай, да раскачивающиеся на легком ветерке высоко над головой верхушки криптомерий. Ветер играл в их густых иголках, шуршал, шелушил кору, скидывая вниз на землю крохотные чешуйки. И медленно плыли через все это волны силы, перекачиваясь в одном им ведомом ритме.

Порой Лиаре казалось, что за то время, что они провели в Роце, эти волны стали как-то осязаемее, более вещественными, что ли. Но все могло быть и игрой ее воображения, ведь ей так хотелось верить, что у Тиены и Эрис получится то, к чему они так упорно и невозмутимо шагали.

Становилось прохладнее день ото дня, воздух напитала осенняя сырость, полная сладковатого запаха прелых листьев, земли и мхов, смешанных с запахами свежего дерева, домашней выпечки, людского жилья. Небо отодвинулось выше, беспокойное и больше не желающее иметь никакого дела со смертными. Теперь облака плыли в нем рваными лоскутами, лохмотьями, что казались глазу неопрятными и тревожными. Особенно ночью, когда на темное-темное небо всходила желтая луна, и поперек ее силуэта скользили разорванные тени ночных туч.

А им с Радой тем временем исполнился год. Это был так странно и так трепетно: отмечать вместе первую годовщину, как Великая Мани переплела их пути. Вроде прошло так мало времени, всего один год, и казалось, что за этот год Лиара стала старше на целую жизнь. Теперь, в покое Роци, все, случившееся с ними по пути из Мелонии, казалось едва ли не ночным кошмаром, страшным, мучающими, от которого просыпаешься в ледяном поту с бешено колотящимся сердцем, но на утро он стирается, оставляя по себе лишь бледную тень воспоминания. Таким воспоминанием стал даже путь сквозь Семь Преград, и порой Лиаре казалось, что это и вовсе не с ней приключилось, что это всего лишь одна из ее героических песен, которых она так много спела в своей жизни. Сейчас она даже не представляла, почему тогда согласилась проделать весь этот путь. Откуда у нее взялись силы на это. Все выглядело так, будто чья-то властная рука подхватила их с Радой, как подхватывает весенний бурлящий поток крохотные чешуйки коры, и понесла, все быстрее и быстрее, навстречу их собственной судьбе. И Лиаре просто не оставалось ничего, кроме как раскинуть руки в стороны и отдаться этому потоку, позволяя нести себя. И вот, где в итоге она оказалась.

Свою годовщину они отметили вдвоем, гуляя под пушистым сводом криптомерий и держась за руки. В тот день не было нужно ничего и никого, кроме них двоих. Даже слов-то они произнесли не больше пары десятков. Они лишь бродили по мягким мхам между огромных, заросших лишайником стволов, то и дело глядя друг другу в глаза, глядя так глубоко, как только можно было смотреть, и улыбаясь друг другу, как в самый первый раз.

Порой Лиаре думалось, что даже просто смотреть на Раду — недостаточно. Что ее глаза на самом деле могли бы окунуться прямо в душу Рады, слиться с ней, физически стать одним единым целым, сияющим и дрожащим, одним неразделимым, полным блаженного ощущения единства существом. Как-то она даже спросила у Эрис, возможно ли такое на самом деле. Держащая Щит только улыбнулась в ответ.

— Помни, Светозарная, что мир — это нечто полное, реально существующее, нечто, у чего нет границ. И раз в чьей-то голове рождается какая-то мысль, значит, эта мысль уже становится реально существующей, а, следовательно, — осуществимой в проявлении. Иначе она бы просто не могла возникнуть.

Обычно после таких ответов Держащей Щит у Лиары становилось еще больше вопросов. Вот только ни один из этих вопросов она все никак не могла сформулировать. У нее скорее появлялось некое ощущение того, что хотелось бы спросить у Эрис, только вот это ощущение невыносимо было даже попытаться переложить в слова. А та словно слышала эти мысли Лиары и мягко улыбалась ей в ответ, не говоря ни слова. И это тоже было своеобразным диалогом, только безмолвным.

Если бы можно было описать эту осень одним единственным словом, Лиара назвала бы ее созерцанием. Но это слово не слишком подходило, как не подходило и слово «задумчивость», и слово «молчание». В эту осень с ними обеими, ней и Радой, происходило что-то очень важное и совсем необъяснимое, почти невыразимое человеческим языком, да и любым другим языком, на котором говорили существа разумного мира.

Удручающие тренировки, которым их подвергали все лето, дали свои результаты. Теперь Лиара могла с уверенностью сказать, что она умеет летать. Не так хорошо, как взрослые разведчицы, но достаточно, чтобы самостоятельно передвигаться с места на место. Гугур, как бы ни кляли ее Младшие Сестры, со своим невозмутимым непреклонным упорством вбила им буквально в каждую клетку память о том, как именно нужно управлять собственными крыльями, чтобы те несли их на воздушных потоках. И теперь Лиара чувствовала себя в небе едва ли не так же уверенно, как и на земле.

Теперь четыре часа вечерних занятий сократились до двух, когда они оттачивали перестроения, воздушные фигуры, особенно сложные маневры. Оставшиеся два часа занимали занятия не менее важные, чем полеты, но гораздо более странные, чем могла бы себе представить Лиара. Это были своеобразные вечерние беседы, на которые собирала их Держащая Щит в большом просторном помещении, специально построенном для этих целей всего-то месяц назад.

Помещение это пока что называли просто Залом, да и вряд ли его можно было охарактеризовать как-то по-другому. В квадрате стен не было ровным счетом ничего, кроме одной большой печи, обогревающей все пространство, и циновки на полу. Чаши с огнем Роксаны в счет не шли, здесь они были в каждом жилище. Окон в стенах Зала было больше, чем в обычных жилых домах, и сквозь них внутрь проникало много света.

Через день вечером сюда приходила Держащая Щит и те анай, что хотели учиться непосредственно у нее. Они рассаживались прямо на циновки на полу, а Эрис садилась к ним лицом и предлагала какую-либо тему для разговора. Обычно она рассказывала что-нибудь о силе, немного, но достаточно интересно, об одном из ее аспектов или свойств. Дальше все присутствующие могли задавать ей вопросы по теме, а заканчивалось занятие совместной медитацией, во время которой Лиара почти что физически ощущала, как дрожит от напора энергии все ее тело. И если поначалу анай побаивались ходить на такие вечера к

Держащей Щит, и в Зале собиралось не больше десятка человек, то уже буквально через несколько недель после начала занятий, в Зале уже было не протолкнуться от желающих послушать Эрис и задать ей вопросы.

— Придется нам строить новый Зал, — нахмутив брови заявила Тиена, как-то тоже решившая заглянуть на занятия и поддержать Эрис. — А этот я переоборудую под тренировочную площадку.

Так как слова у Великой Царицы с делом не расходились, на следующий же день, стремясь успеть до первых заморозков, неподалеку заложили фундамент другого Зала, в несколько раз больше предыдущего. Пока же он строился, приходилось довольствоваться старым помещением. Благо, Лиара с Радой в Роще пользовались особым уважением со стороны остальных анай, потому что именно с вечеров и разговоров с ними и началась традиция собирать всех желающих на беседы, поэтому и место для них всегда находилось в первом ряду, неподалеку от Эрис.

Многое во время этих бесед казалось странным и непривычным для Лиары. Самой главной странностью была сама Держащая Щит. С каждым днем Эрис становилась все глубже и глубже, как озеро, образовавшееся в ущелье меж скал, дно которого терялось где-то в немыслимой глубине у самых корней гор. Взгляд ее все сложнее было выдерживать, глаза подолгу не моргали, останавливаясь на одном месте, и золотое око в ее лбу сияло все ярче, рассыпая искры. И ответы, которые она давала на вопросы своих учениц было тоже очень странными. Настолько простыми, что их понял бы и ребенок, и при этом такими сложными, что Лиара едва мозги себе не скручивала, лишь бы ухватить суть. Возможно, она просто не так слушала и поэтому не все до конца понимала?

Примерно те же изменения происходили и с Тиеной. От нее теперь исходило совершенно осязаемое, видимое физическими глазами сияние, и кожей можно было почувствовать, как сгущается воздух вокруг нее. С каждым днем взгляды анай, обращенные к Великой Царице, становились все более благоговейно-перепуганными, хоть она и не делала ровным счетом ничего, что могло бы отпугнуть их. Она просто была... иной.

Единственными, кого эта инаковость совершенно не пугала, были несколько Дочерей Земли из самых рьяных приверженцев перемен, происходящих в Роще. Имен у них не было, как они сами утверждали, потому что теперь их души принадлежали Великой Царице и Держащей Щит. Но у всех глаза горели одинаковым блеском, отпугивающим Лиару: слишком лихорадочным, слишком ждущим чего-то, слишком требовательным. Так смотрели обычно или умалишенные, или преступники, отчаявшиеся вымолить у своих палачей собственную жизнь.

Их было примерно два десятка человек, хотя точнее сказать Лиара не взялась бы. Разных возрастов от самой молоденькой девчушки лет двадцати с небольшим до убеленной сединами женщины с таким морщинистым лицом, что даже по меркам анай, живущих гораздо дольше обычных смертных, она считалась очень старой. Себя они называли Детьми Мани, за которую, судя по всему, почитали и Тиену, и Эрис вместе взятых. Целыми днями эти Дети расхаживали по Роще, докучая назойливым вниманием работающим анай, отвлекая их разговорами, больше напоминающими проповеди. Порой кто-то из них принимался усердно молиться, распластываясь, словно улитка, на земле всем телом и во весь голос воспевая мантры в честь Великой Царицы и Держащей Щит. Самые неистовые ползали следом за Тиеной, целуя землю, по которой она ступала, пока однажды Жрицы в довольно резкой форме не отчитали таковых, после чего проявление подобной преданности

прекратилось. Однажды вечером Лиара собственными глазами видела, как одна из Детей, раздевшись донага, стояла на коленях на пустыре за домом Великой Царицы и стегала себя по спине кожаной плетью, оставляющей на спине кровавые рубцы. Лицо ее при этом было перекошено от смешанного с болью экстаза.

Дети носили точно такую же форму, как и все остальные анай, жили в тех же домиках на склонах гор, что и другие, но их всегда можно было узнать по глубоко запавшим глазам и горящим взглядам. Остальные сестры сторонились их, предпочитая не вступать ни в какие беседы, ограничиваясь лишь короткими недовольными отказами на предложения вместе помолиться и попоститься в честь Великой Царицы. Даже Жрицы замыкались в их присутствии, запахивая шали, ускоряя шаг и стараясь не замечать распевających гимны женщин, хотя их отношение ко всему этому четко просматривалось по сжатым в нитку губам и недовольным взглядам.

Лиара гадала, почему же никто не может ничего поделать с ними, ведь день ото дня число Детей росло. Если во время их с Радой прибытия в начале лета их насчитывалось не больше десятка, то теперь уже число медленно и неуклонно приближалось к двум дюжинам. Какой бы вдохновенный бред ни несли Дети, как бы их ни сторонились анай, а все равно находились те, кто прислушивался к их словам. В конце концов, во время одной из вечерних бесед с Эрис, куда Дети почему-то не ходили, одна из обитающих в Роще анай все же задала мучающий всех вопрос.

— Роща Великой Мани открыта для всех, — ровным голосом проговорила Эрис, но Лиара заметила скользнувшую по ее лицу тень беспокойства. — Мы не можем пускать сюда только тех, кто не слишком рьяно выражает свою преданность Небесным Сестрам, или наоборот. Точно так же мы не можем запрещать кому-то поклоняться и возносить хвалу так, как он считает нужным это делать. У каждого человека есть право на собственный выбор, тем более, когда речь заходит о его вере.

— Но ведь они же просто... пресмыкаются! — с отвращением покривилась Иштум, сидящая неподалеку от Лиары. — В этом нет никакой чести!

— И все же — на то их право, и не нам решать, можно им так делать или нет, — мягко проговорила Эрис, но что-то было в ее лице, что-то такое, что Лиара поняла: Держащей Щит и самой не нравилось то, что происходило в Роще, вот только что она могла сделать?

Где-то как-то ее же собственный титул связывал Эрис руки почище пеньковых веревок. Согласно древнему установленному у анай обычаю Великая Царица и Держащая Щит были сакральными существами, фактически, живыми божествами на земле. И только дурак или слепой не заметил бы свечения, что исходило от их кожи, нечеловеческих взглядов их глаз, не ощутил бы давления силы, что шла через них. Таким образом, они действительно становились наглядной ходячей демонстрацией силы Великой Мани, и не клонить голову перед этим было просто невозможно. Даже если бы они попробовали каким-то образом отрицать это или заставить остальных обитателей Рощи вести себя с ними по-другому, вряд ли что-то путное вышло из этого. В связи с этим Эрис и Тиене приходилось принимать благоговейное отношение остальных анай и мириться с ним, сколько бы неудобств оно ни доставляло им самим. Так что своим собственным приказом остановить Детей от поклонения они не могли. А царица Руфь, прибывшая в Рощу через пару недель после Дня Солнца, уже не имела никакой власти над Детьми, так как они присягнули на верность Роще. Вот и получалось, что поделать с ними что-либо было просто невозможно.

Великая Царица была чуть менее сдержана по этому поводу. Как-то после тренировки

Рада негромко спросила ее насчет Детей, и Лиара своим острым эльфийским слухом расслышала ответ:

— Фанатизм, Черный Ветер, — это искажение веры. В тот миг, когда какая угодно возвышенная истина становится навсегда единственно верной, а все остальные превращаются в ложь, за которую нужно карать других, настоящая вера умирает. — Тиена помолчала, бросив взгляд в сторону собравшейся в стороне толпы зрителей, что вечно сопровождали их поединки. Отдельной группой, стоя на коленях и не сводя восторженных глаз с Великой Царицы, стояли Дети Мани. Нахмурившись, Тиена продолжила. — К сожалению, Дочери Земли всегда придерживались взглядов более ортодоксальных, чем все остальные кланы. Я надеялась, что война, правда о прошлом анай и присяга Руфь изменят это их качество, но чудо происходит только тогда, когда сам человек хочет, чтобы оно с ним случилось. Раэрн восприняли правду о том, что Небесные Сестры — выдумка Крол несколько... болезненно. И в итоге их вера вылилась в то, что живым олицетворением Богинь на земле, единственным доказательством Их существования являемся мы с Эрис. Большой части из них этого оказалось достаточно, но кое-кому нет. — Она вновь сделала паузу, оглянулась и понизила голос почти что до шепота. — Была бы моя воля, духа бы их здесь не было. Думаю, от них неприятностей будет гораздо больше, чем мы можем предположить.

— Ты же Великая Царица, первая первых, — недоуменно вскинула брови Рада. — Отправь их куда-нибудь, пусть несут твою волю в какой-нибудь отдаленной глухой долине, в которой кроме них самих нет ни души.

— Не все так просто, Рада, — криво усмехнулась Тиена. — Поверь, стоит мне только отвернуться от них, перестать в упор разглядывать то, что они делают, как в мгновение ока за моей спиной они наворотят такого, что и вовек не разгребешь. Единственное, что пока их удерживает от того, чтобы провозгласить нас с Эрис эманациями Небесных Сестер во плоти, это мой прямой запрет и неусыпный надзор. Они даже со Жрицами не особенно-то считаются. В глаза слушаются и кланяются, а как только те уходят, знай, твердят себе то же самое, что и раньше.

— Ты могла бы приказать им этого не делать, — без особой уверенности в голосе проговорила Рада. Тиена вновь усмехнулась, поглядев на нее долгим взглядом.

— Если я прикажу им не пресмыкаться передо мной, они воспримут это буквально и не будут вообще слушать мои слова. И тогда мы получим проблему гораздо большую, чем кучка фанатичек, бегающих за мной попятам. — Тиена вновь глубоко вздохнула и покачала головой. — Я знала, что с Раэрн будут проблемы, знала с самого начала, но даже не предполагала, что меня ждет. Иногда мне кажется, что все мои предшественницы были совершенно правы, полностью отгородившись от жизни кланов и занимаясь только духовными практиками вдали от реальной жизни. Это намного легче, чем барахтаться во всем этом по самые уши.

— Но ведь у вас другая цель, первая первых, — пристально посмотрела на нее Рада. — Вы ведь хотите принести эту силу в мир. Так говорит Держащая Щит.

— Да, именно этого мы и хотим, к этому и стремимся, — твердо кивнула в ответ Тиена. — И только так можно добиться результата: когда все будут задействованы в процессе. Индивидуальный путь не даст результатов для всего мира или прогресс будет, но настолько медленный, что никто не заметит последствий. А мы хотим чуда для всех и как можно скорее.

— Иногда мне кажется, что это невозможно, — тяжело вздохнула Рада, бросив взгляд на дружно молящихся Детей, чьи лихорадочные глаза следили за каждым движением Тиены. Лиара отчего-то даже содрогнулась, настолько неприятно выглядела эта картина.

— Когда-то тебе казалось невозможным летать, — мягко улыбнулась ей Тиена. — А до этого — пройти через Семь Преград, а еще раньше — научиться писать или ходить. Вся жизнь человеческая — преодоление невозможного, его осуществление и реализация. Значит, и на это сил хватит. Вопрос нужно ставить иначе: не «могу ли я?», а «хочу ли я?» И коли хочешь, значит, сделаешь.

— Хочу, первая первых, — низко склонила голову Рада, и голос ее стал хриловатым. — Не подумай, что боюсь или пасую перед сложностями. Просто...

— Я знаю, как тяжело поверить, — Тиена мягко положила ладонь на ее плечо. — Поверить всегда тяжелее всего, потому что глубоко внутри тебя сидит маленькое вечно испуганное, всего боящееся, ненавидящее весь мир и тебя саму сомнение. И оно шепчет тебе изо дня в день, что все рано или поздно кончается, что никакого чуда не существует, что нужно жить реальностью и смотреть на вещи трезво. Только что может быть трезвее нежелания умирать? — Тиена вдруг широко и задорно ухмыльнулась, как ребенок, задумавший какую-то шалость, и лицо глядящей на нее Рады просветлело. — Я не хочу умирать, Рада. Не от старости, не от болезни, не от чужого ножа. Я не хочу, чтобы умерла моя Эрис, не хочу, чтобы умерли мои дети, не затем я давала им жизнь. И если есть хоть какой-то крохотный шанс на то, что у нас получится, что мы сможем, я буду верить в него до конца и бороться за него до последнего вдоха.

Они дополняли друг друга — Держащая Щит и Великая Царица. Одна была задумчивой рассудительностью и мягкой рукой, что хранила от бед и ненастья всех своих дочерей. Другая была простой силой, прямолинейным примером тому, что все возможно, стоит лишь захотеть. Лиаре оставалось только смотреть на них, смотреть во все глаза. И всей душой стараться ощутить то, что они делают, хоть немного помочь в этой непосильной и неслыханной задаче.

А сила была здесь, и с каждым днем ее становилось как будто больше, или Лиаре просто хотелось в это верить? Сила накапливалась, как собирается по крохотной песчинке пустыня, как наливается океан по капельке дождя. Густая атмосфера становилась привычной, и теперь казалось, что без нее Лиара уже не сможет дышать. Постоянное давление ощущалось во всем теле, и все обитатели Роши то и дело передергивали плечами, хоть сами даже не замечали этого. А Лиара замечала, она знала, куда смотреть.

Жжение в темени головы, довольно неприятное, если на нем концентрироваться, почти незаметное, если не замечать его. Тяжесть в груди, куда кто-то буквально набил раскаленных в огненном жерле бульжников. Проблемы с дыханием, когда рваные всхрипы срывались с уст, словно она только что пробежала с десятков километров, и как ни хватай воздух ртом, а все никак надышаться не можешь. Порой Лиаре казалось, что ее тело вот-вот взорвется, буквально разлетится на куски под невыносимым давлением сверху. И каждый раз когда силы терпеть это кончались, и в голову лезли позорные мысли свернуться в комочек и поплакать, жалея себя, она вспоминала невозмутимые темные глаза Держащей Щит.

— Запомните, что все, что происходит с вами, все, что вы видите вокруг себя, все, что как вам кажется, вы знаете, — это ложь, — негромко рассказывала Эрис, и окружающие ее анай хмурились, морщились, смотрели на нее во все глаза, ловя каждое слово и пытаясь понять. — Мир не таков, каким мы его считаем. Потому что для нас мир существует только в

нашем представлении о нем. Мы уверены в том, что дерево всегда плавает, а камень всегда тонет, но это не так. Есть породы деревьев достаточно тяжелые, чтобы уйти на дно, и есть столь пористый камень, что он запросто удерживается на поверхности воды. — Несколько анай, работающих в Роще каменотесами и плотниками, покивали. — И это только один из примеров, таких примеров тысячи. Чем на самом деле является эта циновка? — рука Эрис хлопнула по полу возле нее. — Что представляет собой дерево, гора, небо? Мы ничего не знаем об этом, кроме того, что заучили на зубок в детстве, кроме того, что передали нам в качестве «знаний» наши родители. Этими самыми «знаниями» мы по-настоящему гордимся, считая, что они и есть — последняя истина, и даже не задумываясь при этом, что можно задать простой вопрос: почему? — Эрис обвела взглядом лица собравшихся вокруг нее анай и улыбнулась. — Это самый простой вопрос, который задает каждый ребенок тем, кто старше его. Он спрашивает: почему? Почему небо синее, а вода мокрая? Почему огонь жжется, а шмели жужжат? Почему у кошек четыре лапы, а у анай только две? И что отвечают ему на это взрослые? Что таков закон, и что рано или поздно он сам все поймет, потому что оно все так и есть и по-другому быть не может. Разве такой ответ — не оправдание собственного невежества? И разве может быть достаточно такого ответа?

— Тогда что же нам делать, Держащая Щит? — спросила какая-то убеленная сединами Дочь Земли, сидящая в первом ряду прямо перед Эрис. Вид у нее был абсолютно сбитым с толку, будто у девчушки, которую поставили перед невыполнимой задачей. — Что нам делать, чтобы мы узнали правду?

— Оставаться детьми, всегда оставаться детьми, — в улыбке Держащей Щит была нежность, а взгляд ее обнимал окружающих таким покоем, что на его волнах хотелось качаться, как на теплых гребешках южного моря. — Только ребенок любопытен достаточно, чтобы спрашивать всех и обо всем, только у него есть храбрость непосредственного познания мира. Он не удовлетворится ответом, что «однажды все узнает», он будет пробовать, смотреть, понимать самостоятельно. Он будет совать руки в огонь, прыгать в речку, он будет пробовать на зуб все, что попадет ему под руки, и лезть обнимать огромных клыкастых агрессивных псов, к которым другие и подойти бояться. И эти псы ничего ему не сделают. А все потому, что ребенок всегда меняется, как ветер и как погода, он свободен, ему нужно лишь смотреть вокруг широко открытыми глазами и видеть. Он не ограничен системой восприятия, он не ждет, что собака укусит его, а вода утопит, он лишь играет с ними, каждую секунду своей жизни он играет. И в этом-то и заключен ответ. — Голос Держащей Щит обрел силу, сделался глубже. — Чтобы мир стал тем, что он по-настоящему представляет собой, мы должны смотреть на него напрямую, отбросив все свои мысли, постулаты, знания о нем. Мы должны стать детьми, доверчивыми, открытыми, согласными познавать его напрямую, всеми собой. Только тогда мы сможем увидеть истинное лицо мира.

— И что нам делать для этого? — вновь спросил кто-то. — Как это сделать?

— Быть чуточку менее серьезными, — отозвалась Эрис. — И чуточку больше смеяться.

Всем казалось, что она говорит загадками, что специально водит за нос своих учениц, скрывая от них истинное знание. Лиара не раз слышала, как шепчутся об этом разведчицы после занятий, и порой чувствовала горечь, сама не понимая отчего. То ли потому, что была с ними согласна, то ли потому, что такие слова шли вразрез со всем, ради чего она вообще пришла сюда, со всем, что она думала об анай.

А бывали моменты, когда она вдруг понимала, глубоко и сильно, всей собой. Что не

может быть никакой системы обучения, которая подошла бы всем, что не может быть никакого ответа на вопрос «как». Эрис добивалась от них искренности во всем и детского любопытства, Эрис призывала их играть, а разве дети думают, когда играют?

Бродя с Радой под сводами криптомерий в те дни, когда занятий у Держащей Щит не было, Лиара закрывала глаза и чувствовала. Она помнила, как была ребенком, пусть и не самым счастливым, не самым спокойным ребенком на свете. Она помнила запах леса, что казался ей таинственным, полным загадок, волшебным. Помнила, как утопают босые ступни в мягкой влажной от росы траве, как пахнет теплая земля под солнцем, как сладко на языке от спелой ягодки земляники. Она помнила дворцы, сияющие солнечными лучами в бесконечных гранях хрусталя, что строили ее фантазии вместо несуразных кособоких домиков из палок и листьев, что рождались под ее пальцами. Она помнила, как проплывающие над ее головой облака превращались в диковинных рыб и крылатых коней, в огнедышащих драконов и ветви цветов, во все самое невиданное, самое странное, что только может придумать ребенок. Она помнила ощущение мира: таинственность, дрожащая важность, густая насыщенность каждого мига бытия, значимость каждого мгновения. Ведь в этом мире все было волшебным. Ведь он и сам был волшебным. Разве не так?

И сейчас они с Радой как будто заново открывали для себя это волшебство. Сердце в груди Лиары замирало, и она молча смотрела огромными глазами на тихие закаты, полные осеннего холодка и пылающего огнем неба, полные глубоких синих теней, что отбрасывали деревья, полные шуршащих листьев под ногами и пара дыхания, и туманов, и чьего-то странного зовущего взгляда. Кто-то смотрел на нее отовсюду, из каждого листочка, каждой травинки, каждого соцветия и лужи, в которой отражалось небо. Кто-то любопытно и молчаливо глядел и тянул к ней руки, словно сам больше всего на свете хотел, чтобы Лиара наконец-то уже разглядела его вплотную.

— Вы почувствуете, — мягко звучал в полном густой тишины помещении голос Эрис. — Это так просто, гораздо проще, чем вы думаете. Стоит вам только захотеть этого, стоит сделать лишь крохотный шагок навстречу, и дорога сама ляжет вам под ноги. Весь мир развернется к вам, будто бутон цветка к солнцу, он осыплет вас щедростью с ног до головы, все само сложится, чтобы вы шли. Вы почувствуете, как сильно все окружающее хочет этого, хочет, чтобы вы шагнули ему навстречу. Ведь мир создан для человека ровно в той же степени, сколько и человек для мира. Мы отличаемся от него лишь своей искаженностью — возможностью размышлять и строить теории, которая чаще всего и является причиной всех наших бед. Стоит лишь на миг отбросить все это и взглянуть, взглянуть по-настоящему, и весь мир будет помогать вам, лишь бы вы вернулись туда, ради чего были созданы.

— Туда, ради чего созданы? — заморгала сидящая подле Рады Иштум. — Разве причина и цель совпадают, Держащая Щит? Как такое может быть?

— В семени одновременно заложено все: и росток, и дерево, и даже пень, на котором прорастут мхи и цветы. Ведь если бы это не было там заложено, разве оно смогло бы появиться? — Эрис улыбалась. Глаза ее загадочно мерцали, почти как звезды на небосводе за окном. С каждым днем дни становились все короче, вечера — все длиннее. — Мир представляет собой ежесекундное постоянное развертывание всех его потенциальных возможностей, и природа демонстрирует это нам во всей полноте. Каждое живое существо стремится максимально реализовать заложенный в него потенциал. Цветы испускают аромат, привлекая пчел, чтобы те опылили соцветия и позволили им разрастись. То же

самое с деревьями, что тянутся к солнцу, чтобы впитать как можно больше его лучей, разрастись как можно шире, дать сильное потомство. Животные сражаются друг с другом на смерть, чтобы оставить свое потомство в мире, чтобы защитить его и расширить свой ареал обитания. То же самое и с нами. Разница лишь в том, что помимо животных потребностей выжить, хорошо питаться, отвоевать место под солнцем и оставить потомство, у нас есть и потребности более высокого порядка: потребность обучаться и получать информацию, потребность завоевать славу и почет, потребность чувствовать свое единение с другими разумными существами, занять среди них подобающее нам место. Есть и потребность гораздо более глубокая, которая и не дает нам дышать свободно. Что-то глубоко внутри нас, что гложет и гложет, ни на миг не ослабляя хватки. Смутное предчувствие, что мы рождены для судьбы более великой, чем дарована нам. Ощущение некоей тайны, вопроса, стремления к чему-то, чему мы даже не можем дать названия. — Эрис обвела глазами собравшихся. — Именно это ощущение по-настоящему и отличает нас от животных. Мы предчувствуем то, как мы были созданы, то, чем мы однажды станем. Человек — единственное существо, способное ощутить эту связь с первоначальным замыслом самого себя, с целью, которой он в итоге должен добиться. Мы вечные странники на звездном пути между «вчера» и «завтра», которые на самом деле составляют лишь одно бесконечное «сейчас». И для того, чтобы стать целью нашего долгого пути в это туманное «завтра», нам нужно лишь захотеть этого прямо сейчас. Потому что все здесь, все уже здесь, как дерево в семечке.

— Но ведь семечку нужно время, чтобы превратиться в дерево! — нахмурила брови Рада, глядя на Держащую Щит. — Много времени.

— Да, потому что семечко лишь слепо подчиняется законам мира, в котором оно существует, — ответила ей Держащая Щит. — Семечко — почти бессознательная материя, которая развивается медленно и трудно, не обладает сознанием в должной мере, чтобы ускорить собственный прогресс. Больше того, семечку нужны условия, в которых его прорастание осуществится: тепло, вода, земля. Человек отличается от него тем, что обладает волей, духом, стремлением. Он уже не зависит от внешних обстоятельств, он в состоянии некоторым образом даже влиять на внешние обстоятельства, изменяя их в свою пользу. Именно поэтому в отличие от семечка он может сам содействовать собственному росту и совершить то, ради чего растительной природе понадобятся тысячелетия, за несколько мгновений. В этом человек и вправду подобен Богине, потому что Богиня открывает Свои глаза в его груди, чтобы однажды слиться с ним воедино.

Время в Роще текло странно. Порой Лиаре казалось, что оно и вовсе не движется, порой, что летит стремительнее выпущенной из лука стрелы. Дни проходили в тренировках, вечера — в беседах или молчаливом взгляде, которым она окидывала окружающий себя мир. Сейчас, после бесед с Эрис, все становилось иным, все виделось ей иным. Лиара всю свою жизнь сливалась сознанием с природой, растворялась в ней, чувствовала великий ритм, но никогда еще — так полно, так глубоко, всей собой. Словно ее первым неуклюжим шагам и опытам Эрис придала уверенности и силы, новый смысл, казавшийся таким простым, но не видимый ранее.

— Весь вопрос в угле зрения, — тихо говорила Держащая Щит. — Вы можете смотреть так, — ее ладонь встала на ребро с креном вправо, — и мир будет видеться вам одним. А можете смотреть так, — ладонь ушла в крен влево, — и он станет совершенно другим. Лишь угол зрения отличает то, что вы называете правдой, от того, что зовете ложью. Разница только в том, какую позицию вы занимаете в данный момент.

Лиара училась, схватывая каждое слово, вслушиваясь в каждую ноту голоса Держащей Щит. Иногда ей хватало всего четверти часа вечерней «беседы», чтобы чувствовать себя наполненной буквально до предела, когда уже просто невозможно было вместить ни капель больше. Иногда она ощущала лютей голод и после недели занятий, страстно желая услышать еще хоть слово, еще хоть один ответ на вопрос, что мучили и терзали ее, даже не сформировавшись в слова при этом. Казалось, в груди ее разгорается и разгорается белое пламя, в которое Эрис только подкидывала дрова, загадочно улыбаясь своими темными глазами. И чем больше дров она кидала, чем больше говорила, тем сильнее Лиаре хотелось еще.

Шли недели, крепили ее крылья, ее золотые крылья, сотканые из нитей солнечного света, казавшихся Лиаре прочнее стали. Ее тело тоже стало гораздо сильнее, гораздо выносливее, чем было. Теперь уже четырехчасовая тренировка переносилась более-менее легко, и она даже не падала замертво после обеда без возможности шевельнуть хотя бы пальцем. Да и на вечернюю тренировку шла с некоторой долей бодрости, быстро исчезающей, но все-таки изначально имевшей место. Теперь ей было уже не так стыдно и неловко в присутствии Рады, состоявшей, кажется, из одних только мышц и сухожилий.

Вот она-то точно не уставала и в дополнительном отдыхе не нуждалась. Каждый день после обеда они с Тиеной занимались, упорно, постоянно, не давая друг другу поблажек. Если в самом начале этих тренировок Тиена скорее развлекалась, позволяя себе комментировать действия Рады, шутить, держаться расслаблено и легко, будто это и не бой был вовсе, а простой танец на поляне в честь Дня Солнца, то теперь уже все изменилось. С каждым днем Тиена все реже отвлекалась от поединка, чтобы сделать Раде замечание. Все больше влажнел ее лоб и грудь, все серьезнее и собраннее становился взгляд и движения. Теперь уже почти все их поединки заканчивались ничьей, а пару раз за последние недели Раде даже удалось достать Тиену мечом, что вызвало у нее довольное ворчание. Черный Ветер быстро училась, и теперь уже их поединки стали по-настоящему занятным и азартным делом для них обеих.

Также внимательно, как присматривалась к окружающему миру, Лиара смотрела и на Раду. В ней тоже день ото дня происходило все больше перемен. После того, как пал ее блок, что-то незримо переключилось внутри нее, хоть Рада и сама, похоже, не могла понять, что же случилось. Намеренно она ничем таким не занималась, особых вопросов касательно природы эльфийской силы Лиаре не задавала, но та начала замечать, что Рада меньше спит, да и сон ее стал гораздо спокойнее и не таким глубоким. Словно она медленно переходила к иному способу отдыха — грезам, которые были больше привычны эльфам.

Теперь Рада все больше молчала, пристально вглядываясь во все окружающее. Порой Лиара замечала, как она замирает, поднимая руку перед собой и перебирая пальцами в воздухе. Со стороны это могло показаться странным, но эльфийское зрение позволяло Лиаре видеть потоки энергий, которые та трогала самыми кончиками пальцев, и глубокая задумчивость отражалась при этом на ее лице. Теперь она видела, она наконец-то ощущала мир также, как ощущала его и сама Лиара, и это можно было считать еще одной победой для них обеих.

Мы пришли сюда, чтобы учиться, Великая Мани. Но, наверное, мы обе не были готовы к тому, что встретим здесь. Потому что вовсе не так я представляла себе эту учебу. Лиара тихонько улыбалась, и вечерние туманы несли с собой еще более глубокую, осеннюю тишь.

Казалось, дела в Роще будут идти своим чередом, и ничто не изменится, кроме возникновения все новых и новых чудес. Но в середине осени, когда день осеннего равноденствия остался позади, а приготовления к Ночи Мертвых велись уже полным ходом, покой Рощи был прерван приехавшим издалека посольством.

День был пасмурным, холодная сырость стояла в воздухе, забиралась ледящими пальцами под одежду, заставляя ежиться и повыше поднимать воротники теплых осенних курток. Сейчас форма на Раде и остальных Младших Сестрах была белая — больше в Роще ей просто не во что было переодеться. Форма Каэрос уехала вместе с Утой и обозом, а они с искоркой совсем позабыли попросить разведчицу оставить им сменный комплект на холодные времена. Впрочем, как и во всем остальном, анай Рощи были едва ли не более распорядительны и гостеприимны, чем Каэрос. Как только в воздухе появился первый холодок, в их с искоркой домик постучалась улыбчивая Ремесленница средних лет и принесла им по два комплекта теплой осенней формы из толстой шерсти, заявив, что Держащая Щит велела их приодеть. Одежда сидела гораздо плотнее, чем привыкла Рада, и от этого она ощущала себя едва ли не голой, да и оценивающе-сладких взглядов теперь ловила на себе гораздо больше, чем раньше, но она приказала себе не думать об этом. Лучше уж так, чем вечно стучать зубами на холодном ветру.

А сейчас ветер был особенно пронзительным, что мешало сосредоточиться на полете. Низкие тучи, полные ледяных тяжелых капель, ползли разве что парой десятков метров выше, чем подняла их наставница Гутур. Вокруг стеной вставали окружающие Рощу горы, внизу, почти под самыми пятками, полоскалось темно-зеленое море хвои криптомерий. Фигурки работающих анай с такой высоты казались совсем крохотными. Взгляд Рады пробежался по остову большого Зала, что строили для Держащей Щит. Над ним уже возвели кровлю и теперь торопились поднять стены и утеплить все к зиме. Становище быстро разрасталось, десятки домишек вырастали внизу, там, где еще пару месяцев назад были лишь пустыри. По всем склонам окружающих гор словно грибы торчали более светлыми на фоне темного камня наростами жилища анай.

Ветер сильно пихнул ее под крыло, и она слегка сбилась с полета под углом, плавного подъема, которым Гутур вела их вверх, к самым тучам. Крыло мазнуло по вертикальным воздушным потокам, характерным для чашеобразной долины, Раду неприятно дернуло вверх-вниз, но она удержала необходимую траекторию. Взгляд сразу же скользнул к спине наставницы, за которой плавно ловили воздушные потоки дымчато-черные крылья. Она не смотрела на Раду в момент ошибки, но у Гутур, казалось, глаза были абсолютно на всех частях тела, а это означало, что сложный прием однозначно придется отработать снова и снова. Хорошо еще, что Анрут рядом тоже неловко дернула концом крыла, отчего ее резко швырнуло вбок. Чувствуя укол стыда, Рада все равно порадовалась. Хоть не из-за нее одной и ее глупости придется до зубовного скрежета повторять одно и то же движение.

Она старалась больше не смотреть по сторонам, разве что на искорку, что держалась рядом. На искорку Рада не смотреть не могла, глаза сами находили ее, где бы она ни была. От одного взгляда на ее ладную спинку, за которой уверенно и широко распластались золотые крылья, Рада ощутила теплое прикосновение нежности. Ее девочка летала так хорошо, так легко, словно всю свою жизнь провела в небе. Ни следа не осталось от усталости и измождения, Лиара переборола это, и Рада гордилась ей гораздо больше, чем даже самыми громкими из собственных успехов, что были у нее в жизни. С этими золотыми крыльями искорка походила на дивного мотылька из теплой летней ночи, что танцует и танцует над

звонящим ручьем, кружится под звездами в абсолютной тишине, посвящая ей свой завораживающий танец.

До чего же ты красива, моя маленькая золотая зоренька! Так красива, что я глаз оторвать не могу.

Рада не успела предугадать изменение ветра, хоть и должна была: воздух едва ощутимо замер, значит, следом должен был прийти толчок под левое крыло. Засмотревшись на искорку, она, как и всегда, зазевалась и вновь сбилась, беспорядочно захлопав крыльями, чтобы восстановить курс.

А ведь можно было не просто хлопать, как ненормальная, барахтаясь в воздухе, словно чайка над бушующим холодным морем. Гутур учила их технике полета, а Морики — тонкостям управления крылом и всеми его полезными свойствами, которые могли пригодиться в воздушном бою. Рада уже умела менять температуру крыла, делая его или теплее, или холоднее, умела уплотнять его, что давало возможность почти что лежать на воздушных потоках, как на земле, распластавшись во весь рост, и наоборот, заставляя его становиться прозрачнее шали на плечах Жрицы, что позволяло садиться на землю, не напрягая лишней раз все силы и умение. И сейчас она могла бы просто сделать крылья чуть горячее, и тогда поток сам бы поднял ее выше, не позволяя падать вниз.

Только помнить обо всем этом одновременно было так же сложно, как жонглировать двумя десятками тухлых яиц, стоя на тонкой ниточке над пропастью. Хоть они и обрели определенную уверенность за эти месяцы, проведенные в небе, а все равно Рада с каждым днем чувствовала себя так, словно еще и тысячной доли об управлении крыльями не знает. Стоило наставницам открыть им один секрет, показать одну хитрость, как сразу же возникало как минимум пару десятков вопросов, что делать дальше, но никто не собирался рассказывать об этом Раде раньше времени. Морики только улыбалась и твердила им не торопиться, не спешить. Гутур не улыбалась и молча смотрела, пристально и неэмоционально, до тех пор, пока единственным желанием Рады не оставалось сбежать от нее как можно дальше, закрыть рот и никогда больше ничего не спрашивать. Поэтому сейчас, вися в доброй сотне метров над землей, она старалась не рисковать, выбирая те приемы обращения с крыльями, в которых была целиком и полностью уверена.

И как только искорка умудряется так легко и плавно лететь? Кажется, у нее вообще никаких проблем с крыльями не возникает. Рада вновь ощутила теплую мягкую гордость за нее. Ее девочка была грациозной, как стрекоза над водами ручья, легкой, как солнечный лучик, что скачет по отполированным росой листьям ранним утром. И ей так хотелось...

Что-то странное прошло по воздуху, какая-то рябь, от которой Раду буквально перетрясло всем телом. Она настолько изумилась, что на миг забыла, как хлопать крыльями, и едва не поплатилась за это, рухнув вниз на несколько метров и громко клацнув зубами в опасной близости от кончика языка, чуть не отхватив самый его краешек. Кое-как восстановив полет и вернувшись на свое место в строю, который плавно по спирали поднимался вверх во главе с Гутур, Рада принялась тревожно ждать, не повторится ли странная рябь еще раз.

И правда. Буквально через несколько мгновений пришла вторая волна, а за ней через равный промежуток времени и третья. Волны эти походили на камень, который кто-то бросил в пруд. Первая шла посильнее, за ней тянулась рябь поменьше, медленно стихая по мере отдаления от источника, породившего ее. Только вибрировало само пространство. Даже не воздух, а ткань реальности, то, из чего все было сотворено, материя. И Рада

вибрировала вместе с ней.

Остальные ученицы тоже неуверенно заозирались, пухленькая маленькая Шатур даже тревожно вскрикнула. Наставница не отреагировала на их замешательство никак, продолжая плавно двигаться вверх. Рада хмурилась и поглядывала на нее, она была абсолютно уверена, что и Гутур ощутила то же, что и все они, только, как обычно, в своей привычной манере, не подала виду. Лишь когда оговоренные три круга были завершены, она развернулась к ученицам с каменным лицом, зависла в воздухе и прожестикнула:

«Вниз пять кругов. Затем повторить упражнение».

Раде было все еще сложно понимать язык жестов, но учиться приходилось быстро. Наставницы не считали необходимым по несколько раз повторять свои приказы, а отрабатывать одно и то же только потому, что ты не понял, какую тебе дали команду, Раде не слишком-то нравилось.

Краем глаза она заметила, как задвигались руки висящей слева от нее в воздухе Лафь.

«Что это было, наставница? Что случилось?»

«Вниз пять кругов. Затем повторить упражнение». Лицо Гутур не изменилось ни на гран, руки неумолимо прожестикнули команду, а затем она сама плавно развернулась и пошла вниз по спирали, давая им возможность последовать за собой.

Рада обменялась с Лафь полными негодованиями взглядами. Анрут рядом закатила глаза, искорка тревожно нахмурилась, глядя вниз. Понятное дело, Гутур им ничего не скажет до самого конца занятия, да и потом они тоже вряд ли что узнают. Приказав себе сосредоточиться на фигуре, которую требовала выполнить наставница, Рада с сожалением отбросила от себя любопытство.

Этот проклятый спуск по спирали они продолжали отрабатывать раз за разом, едва ли не с самого первого дня, как поднялись в небо. Фигура была гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд, условия ее выполнения различались в зависимости от уровня высоты, силы ветра, влажности воздуха, рельефа местности под ногами. Гутур заставляла их выполнять эту фигуру с крыльями разной степени температуры, включая самые неудобные, почти ледяные и твердые, как камень, крылья. В этих условиях спускаться было невыносимо тяжело, потому что крылья казались совсем дубовыми и не реагировали ни на какие приказы, никак не соглашались делать то, что хотела от них Рада. Примерно также сложно было, и когда крылья становились раскаленными и тонкими, как вырывающийся из земли под давлением пар. Только в такие моменты Рада почти что падала с неба камнем, боясь в любой миг разбить себе голову о землю внизу.

Она понимала, почему их так гоняют, теперь понимала, после долгих недель тренировок, а в первые дни все это казалось просто невыносимой пыткой, надругательством наставниц над учениками. Крылья должны были стать частью их тела, подчиняться одной тени их мысли, выполнять каждое движение с точностью до волоска еще до того, как мысль об этом движении окончательно сформировалась в их голове. Рада помнила, как тяжело было тренировать собственные мышцы, когда она впервые взяла в руки меч много лет назад, как не слушались ее конечности, путаясь и мешая ей сделать шаг, как ее собственное тело не желало сотрудничать. А сейчас ей буквально приделали дополнительные органы, навесив на спину крылья, и она должна была учиться управлять ими, будто они у нее от рождения имелись.

Я как проклятый старый пират с деревяшкой вместо ноги, который пытается научить эту деревяшку изящным придворным танцам. И проклятье, у этого бхарского пирата шансов-

то побольше, чем у меня.

К концу тренировки, когда пот с нее уже буквально рекой тек, Рада и думать забыла о странных рябящих волнах пространства. Только когда внизу прозвучал густой удар в гонг, а Гутур скомандовала им спускаться, она вспомнила, что в самом начале тренировки отвлекло ее внимание. Как только ветер слегка улегся ближе к земле, Рада обернулась к Лиаре:

— Что это было, искорка? Те странные волны?

— Первопришедшие, — приглушенно ответила та, не отрывая глаз от земли и спускаясь осторожно и медленно. Теперь уже в ее движениях не было той легкости, что в самом начале тренировки. Лиара внимательно следила за каждым взмахом крыльев, собранная до предела. — Они прошли сквозь пространство и просили Держащую Щит позволения войти в долину.

— Ого! — приглушенно вздохнула рядом Иштум, во все глаза глядя на искорку. — А ты уверена в этом?

— Совершенно, — кивнула искорка.

Больше она не сказала ничего, потому что до земли оставалось какие-то несколько метров. Рада и сама уставилась себе под ноги, размеренно взмахивая огромными крыльями, от движения которых трава под ней клонилась к земле. Садиться было тяжелее всего. Правильно рассчитать постепенное увеличение количества взмахов, чтобы зависнуть над самой землей, притормозить, не отбить пятки о камни, но и не взлететь обратно. Когда подошвы сапог наконец-то коснулись земли, она с облегчением вздохнула. Примерно в половине случаев таких вот посадок Рада или падала задом о гравий, или врезалась ногами в землю так, что потом они немилосердно ныли всю ночь, не давая отдохнуть.

Рядом с ними приземлилась наставница, сделав это так плавно, что внутри Рады поднялась волна горького разочарования оттого, насколько неуклюжа она сама. Гутур церемонно поклонилась ученицам, те склонились в ответ перед ней.

— Завтра в то же время. Да пребудет с вами Милость Великой Мани.

Тем же самым тоном Гутур могла бы сказать, что небо синее, или что зимой идет снег. Впрочем, скорее всего, если бы Сама Роксана предстала перед ней в огне и пламени, она прореагировала бы точно так же. Выбросив из головы наставницу, Рада обернулась к остальным Младшим Сестрам. Все они, морщась, вращали руками, чтобы разогнать кровь, и с любопытством смотрели в сторону Зала Совета, невысокого здания неподалеку от главного храма Роши. Здание хорошо просматривалось с открытого пустыря, расположенного на небольшой возвышенности, над которым в последние недели гоняли Младших Сестер. Сейчас над его крышей валил столб дыма, чего не было ни разу с тех пор, как Рада с искоркой приехали в Рошу.

— И чего тут понадобилось эльфам? — нахмурила брови Лафь, задумчиво поглаживая большим пальцем рукоять долора на поясе. Долговязая Орлиная Дочь нравилась Раде, и в последнее время они все больше общались, когда выдавалась свободная минутка. С ней, и с Иштум. — Время их визита еще не подошло.

— Визита? — Рада с интересом взглянула на нее.

— После Войны они попросили разрешения изучать Источник Рождения, — кисло отозвалась Орлиная Дочь. Судя по голосу, ей самой это не слишком-то нравилось. — Великая Царица дала им на это право, но они договорились, что эльфы будут приезжать не чаще, чем раз в двенадцать лет. Своим правом они уже воспользовались через год после окончания войны. Я тогда была еще очень маленькой, но я помню, как они шатались здесь.

Так почему же сейчас?

— Может, из-за вас? — в голосе Анико звучала задумчивость, ее светло-зеленые глаза оценивающе взглянули на Раду с Лиарой.

— Из-за нас? — непонимающе захлопала глазами искорка.

— Ну да. Вы — эльфы, — неуклюже пожала плечами Анико. Судя по виду, ей было неловко.

— Может, из-за Танца? — предположила Анрут, подходя ближе и становясь рядом с ними. — Говорят, после окончания войны Анкана обещали, что придут за нами, когда начнется Танец. А эльфы — союзники Анкана.

— Кто тебе это сказал? — закатила глаза Шатур, взглянув на Анрут, как на сумасшедшую.

Шатур была ниже ее почти что на полторы головы, но при этом сейчас нависала над ней, хоть по всем физическим законам это было просто невозможно. Эти две вечно скалились друг на друга, как кошка с собакой, не давая друг другу ни проходу, ни отдыху.

Нахмутив брови и угрожающе взглянув на маленькую Ремесленницу, Анрут непроизвольно приосанилась, словно разница в росте сейчас имела хоть какое-то значение. У нее была привычка смотреть, слегка набычившись, исподлобья, которая, вкупе с широкими плечами, большим ростом, тяжелой челюстью и черными бровями, делала ее похожей на медведя. Темные глаза Анрут стали холодными, как зимняя ночь.

— Ты что, не помнишь, что нам рассказывали наставницы? Вельды всегда изгоняли из своих рядов Боевых Целителей, способных работать с обоими Источниками Энергии Богинь. Эти самые Целители уходили к эльфам, и те перевозили их на север, к Анкана. Значит, эльфы должны хоть как-то, но контактировать с Анкана.

— А ты, видимо, ровным счетом ничего не помнишь из того, что говорила сама Держащая Щит, — смерила ее презрительным взглядом Шатур. Демонстрация роста и широких плеч Анрут не произвела на нее ровным счетом никакого впечатления. — А она говорила, что Первопришедшие Аманатара не контактируют ни с кем, кроме вельдов. Ни с кем, Анрут. Ты думаешь, Держащей Щит, которая побывала в Аманатаре и вела переговоры с их Владыкой, известно меньше, чем твоим наставницам?

— Но... — попыталась было вставить Анрут, только вот Шатур не дала ей такой возможности.

— К тому же, раз Аманатар не вмешивается в дела внешнего мира, то и о Танце Хаоса они ничего знать не могут. Да и откуда? Они на этой стороне гор, в Роуре, а Танец должен начаться на той. В таком случае, разве это может быть как-то связано?

Шатур поправила на своих плечах форму с таким видом, будто обсуждать здесь больше и вовсе нечего. Раде подумалось, что она, скорее всего, однажды сама станет наставницей. Слишком уж уверенно и с достоинством держалась эта маленькая пухленькая анай.

Анрут сердито взглянула на нее, на ее щеках загорелись пятна то ли смущения, то ли гнева. Взлохматив свои темные волосы, она отвернулась от Ремесленницы и проворчала под нос:

— Я просто предположила и все. Откуда мне знать наверняка, что им тут нужно?

— В любом случае, мы все узнаем рано или поздно, так ведь? — примиряющее взглянула на них зеленоглазая Иштум. — А сейчас пойдемте обедать, я есть хочу так, что и барана бы целиком сжевала.

Все вместе они направились в сторону едальни, но Младшие Сестры нет-нет, да и

поглядывали на Раду с Лиарой. Искорка тоже посмотрела на Раду, и в глазах ее плескалось сомнение. Сжав ее ладошку в своей и чувствуя в груди смутную тревогу, Рада нагнулась к ней и тихонько проговорила:

— Они ведь не могут действовать по указке Владыки Иллидара, да? Они ведь уже много лет не контактируют?

— Надеюсь, что не могут, — искорка ободряюще улыбнулась Раде, но и ее брови тревожно хмурились, а на лбу прорезалась озабоченная морщинка. — Да и в любом случае, что бы там ни попытался приказать Себан, а мне до этого никакого дела нет. Моя царица — Лэйк дель Каэрос, моя судьба в твоих руках и руках Великой Мани. И никто из бессмертных ни под каким предлогом не заставит меня покинуть эти горы.

— Конечно, маленькая, — твердо кивнула в ответ Рада, слегка пожимая ее пальчики, казавшиеся такими тоненькими и хрупкими в ее широкой ладони. — Я обещаю, что никому не позволю забрать тебя у меня.

Искорка наградила ее нежным взглядом и прижалась к ее плечу. Впрочем, Рада все равно чувствовала в груди эту странную звенящую ноту. Зачем Первопришедшие явились в Роццу? Все, что случилось с ними за последний год, указывало на то, что никаких совпадений в жизни не бывает, и что все события взаимосвязаны, хоть и могут казаться совершенно случайными на первый взгляд. А раз так, то что означал этот самый визит эльфов для них с искоркой?

Только вот не было никакого смысла ломать себе голову на этот счет и нервничать почем зря раньше времени. Да и воющий желудок требовал еды и только ее, потому Рада приказала себе сосредоточиться на обеде.

Правда, такой возможности ей не дали сами анай. В едальне только и разговоров было, что о визите эльфов. Рассевшиеся за столами вперемешку обитатели становища и его беременные гости гомонили, строили догадки, обсуждали, охали. Рада вновь поморщилась. Понятно дело, для анай визит эльфов был совершенно точно событием громким и из ряда вон выходящим, ведь жизнь их протекала тихо и уединенно. Самой Раде видеть эльфов хотелось едва ли не меньше, чем Гутур.

Молоденькая кареглазая Ремесленница Каэрос Мара, что сейчас носила белое и головную повязку с оком, под села к столу Младших Сестер и принялась горячим шепотом пересказывать новости. Несмотря на разницу в возрасте, она самым явным образом строила глазки зеленоглазой Ишгум, которая отвечала на интерес Каэрос с подчеркнутой вежливостью. Ишгум тоже была Ремесленницей, а у РаэРН были запрещены внутрикастовые браки. Даже присяга Великой Царице и жизнь в Роце не могли искоренить всех предрассудков, бытовавших среди кланов.

Вот и сейчас Мара под села на лавку рядом с Ишгум, бросив на нее мягкий взгляд из-под длинных пушистых ресниц. На взгляд Рады, дель Каэрос была ровесницей Лэйк, что делало Ишгум практически в два раза младше ее, однако это никоим образом не остановило темноволосую женщину. Впрочем, нужно было признать привлекательность Мары. Большие выразительные бархатистые глаза, волнистые мягкие волосы, перехваченные на лбу белой лентой с оком, ресницы густые и длинные, и улыбка, что топленое молоко. Тут любая бы растаяла. Только вот у моей искорки ресницы все равно длиннее. Рада тихонько улыбнулась под нос, запихивая в рот ложку с горячей кашей.

— В посольстве их всего трое. Самый главный — Страж Северного Предела, Идаиц Шарис, тот самый, с которым заключали мирный договор восемь лет назад, — негромко

рассказывала Мара, слегка подавшись вперед и будто случайно коснувшись локтем локтя Иштум. Все Младшие Сестры за исключением самой Иштум смотрели на Каэрос. Иштум пылала, будто свекла, глядя только в стол перед собой. — Я его мельком со стороны видела. — Мара деланно поежилась. — Худой как палка, высохший, холодный, словно кусок льда. И взгляд такой... надменный. Словно мы здесь никто, и все это принадлежит ему.

— А кто двое остальных? — спросила Анрут, деланно проигнорировав закрывшую рот и демонстративно надувшуюся рядом с ней Шатур. Та, видимо, хотела спросить то же самое.

— Стражники, наверное, — пожалала плечами Мара. — Они были при оружии и в кольчугах.

— Всего двое? — нахмурилась Анико. — А не слишком ли это неуважительно по отношению к Держащей Щит и Великой Царице?

— Вряд ли от эльфов можно дожидаться чего-то большего, — проворчала Анрут, а Лафь добавила:

— К тому же, Великая Царица еще после окончания войны распорядилась, чтобы приезжающие в Роцу посольства были как можно меньше. Тогда-то, естественно, это было продиктовано тем, что их селить негде, вокруг только пепелище и было. Но вряд ли она изменила бы свой приказ.

— А зачем они здесь? — искорка тревожно взглянула на Мару. — Я понимаю, вряд ли они прямо об этом и заявили первой же встреченной ими анай, но все-таки. Вдруг кто-нибудь что-нибудь слышал.

— Никто не знает, — вид у Мары стал заговорщический, глаза засверкали. Она будто невзначай бросила короткий взгляд на сидящую рядом красную как помидор Иштум. — Может, это как-то связано с Мембраной. Вряд ли с Источником, его-то им нельзя осматривать еще лет пять как минимум.

— С Мембраной? — Рада удивленно нахмурилась. — А это тут при чем?

— Держащая Щит создала Мембрану во время Великой Войны, — Мара сообщила это таким тоном, словно рассказывала о ценах на соль. Рада вытаращилась на нее во все глаза, искорка часто заморгала, будто не верила собственным ушам. — Посреди Роура, чтобы не дать дермакам выйти из западни, в которую мы загнали их. После войны Идаир Шарис попросил ее отправиться в Аманатар и сделать что-то с тамошней Мембраной. Не знаю уж, что у них там с ней случилось, и зачем им сдалась Держащая Щит, но она ездила к эльфам и провела там несколько месяцев. Так что вполне возможно они вновь попросят ее о вмешательстве.

Рада взглянула на искорку, и та ответила ей точно таким же пораженным взглядом, что был у нее самой. Считалось, что Мембрану создать невозможно, об этом знала даже Рада, хоть никогда в жизни она и не была ни в одном из эльфийских государств. Рамаэль в счет не шел, там она только почитай что у двери топталась.

Утверждалось, что лишь самые сильные из Первопришедших на заре мира могли создавать Мембраны. Что сила эльфов за прошедшие века ослабела и размылась, что невозможно сделать Мембрану в мире, так густо заселенном людьми. Рада не совсем понимала, почему оно так, но в свете объяснений искорки про разницу сознаний бессмертных и смертных рас это становилось понятнее. Но чтобы Эрис, вот эта самая Эрис, что поила ее чаем с булочками... Неужели тебя это потрясает больше, чем ее уверенность в том, что возможно уничтожить смерть и создать новый вид? Это же всего лишь Мембрана! Возможно, просто Мембрана была чем-то привычным, тем, что давно было известно Раде, и

в ее мозгу слишком сильно укоренилась мысль, что создать Мембрану не под силу никому из ныне живущих.

Впрочем, додумать эту мысль ей не дали. Внимание Рады привлекли две разведчицы, вошедшие под своды едальни и замершие на пороге. Они принялись оглядываться, высматривая поверх голов обедающих анай кого-то, и Рада уже знала, кого они высматривают. Сердце буквально рухнуло в пятки. Морики и Раена были охранницами Великой Царицы и Держащей Щит, а значит, Первопришедшие явились сюда не только затем, чтобы обговорить Мембрану.

Морики встретила с ней глазами, и Рада тяжело вздохнула, когда они с Раеной уверенно зашагали к их столу. Отодвинув миску, она негромко проговорила:

— Кажется, нам придется закончить обед чуть позже, искорка.

Двурукая Кошка Морики и Орлиная Дочь Раена не походили друг на друга точно так же, как солнце и луна. Морики была едва ли не самой низкорослой среди анай, возвышаясь над искоркой не более, чем на пару сантиметров, и при этом почти что квадратной, с такими толстыми руками, что ими она запросто могла бы ломать подковы. Ее почти белые, вихрастые волосы, как и всегда, торчали в разные стороны, мохнатые брови угрюмо хмурились, а светло-голубые глаза шарили по сторонам, словно Морики искала самоубийц, что рискнут позубоскалить над ее ростом. Впрочем, сумасшедших бы точно не нашлось. Несмотря на свои внушительные габариты, с катанами Морики управлялась так легко и смертоносно, что давно заслужила бы звание главы крыла, если бы еще в ранней молодости не отсеяла для себя эти возможности, став личной охранницей Тиены, в те времена еще царицы Нуэргос.

Супруга Морики, Раена, казалась абсолютной противоположностью своей кряжистой, хмурой жене. Высокая и гибкая, как ивовый прут, светловолосая, с длинной шеей, она гораздо гармоничнее смотрелась бы в расшитом платье с длинными волосами, перевитыми цветами, чем в подогнанной по фигуре военной форме. При этом стреляла Раена так, что тягаться с ней в мастерстве давно уже отказались даже лучшие из лучших, да и с мечом управлялась едва ли не так же хорошо, как сама Великая Царица. Ее сочные губы всегда были готовы в любое мгновение растянуться в широкую улыбку, а в глазах перекатывалась мягкими волнами материнская нежность.

Только вот сейчас этой нежности там не было. Рада сглотнула, разглядев тревогу в этих синих глазах. Внутри вновь екнуло — на этот раз пришел укол страха от ее искорки, тоже заметившей прибывших.

Одетые в белое охранницы остановились у стола примолкших Младших Сестер.

— Светлого дня, — буркнула в своей привычной манере Морики. Взгляд ее обратился к ним с искоркой. — Держащая Щит желает видеть вас у себя. Она приносит извинения за то, что прервала вашу трапезу, но дело не терпит отлагательств.

— Конечно, — Рада сразу же поднялась, чувствуя на себе любопытные взгляды едва ли не всей едальни. Рядом поспешно вскочила искорка, ее пальцы вплелись в пальцы Рады, ее тревога подраненной птичкой билась у Рады под ребрами. — А что случилось?

— Посол Аманатара желает переговорить с вами, — взгляд Морики стал непроницаем. — Пойдемте. Чем быстрее это закончится, тем быстрее Первопришедшие покинут Рошу.

Чувствуя себя так, словно их с искоркой вели на казнь, Рада покрепче сжала ее руку в своей и зашагала следом за охранницами. Замершие на своих местах анай в едальне

провожали их молчаливыми взглядами. Отовсюду доносился приглушенный гул разговоров, сестры перешептывались, гадая, что происходит. Я и сама очень хотела бы это знать.

Всю дорогу до Зала Совета Рада потратила на то, чтобы успокоиться самой и передать свою уверенность искорке. По большому-то счету нервничать им было не из-за чего. Ничего плохого они не сделали, ничего общего с эльфами Аманатара иметь не могли. Скорее всего, этот самый Страж Северного Предела начнет выспрашивать их о том, что произошло за Семью Преградами, или об Алеоре. Узнали эльфы об этом, должно быть, от вельдов, ведь у Тьярда союз с ними, и только он мог им рассказать о присутствии Рады и Лиары в Данарских горах. А коли так, то их сейчас, как обычно, завалят кучей однотипных вопросов по поводу Преград да и отпустят восвояси.

Только вот почему-то тревога внутри не желала проходить, и Рада все не могла понять причины этого. Конечно же, Держащая Щит не даст их в обиду, не позволит эльфам забрать искорку, даже если те захотят этого. Судя по нескольким отрывочным комментариям Эрис, она была не слишком высокого мнения о Первопришедших Аманатара, поэтому вряд ли им с искоркой что-то угрожало. Но внутри все тянуло и тянуло, и Рада то и дело поглаживала ладонью середину груди, отвечая на встревоженные взгляды Лиары успокаивающей улыбкой. Правда, вряд ли искорка этой улыбке верила, она ведь прекрасно чувствовала все эмоции Рады через золотое эхо, установившееся между ними.

По обеим сторонам высокого крыльца Зала Совета стояли на вытяжку стражи: две анай с каменными лицами в белоснежной форме и двое эльфов напротив них. Рада, прищурившись, оглядела этих бессмертных. На вид ничем они не отличались от тех же Первопришедших Иллидара: такие же холодные, длинномордые, бесчувственные, в равнодушных глазах ни тени эмоции. Одеты они были в светлую форму, поверх которой тускло поблескивали кольчуги, на поясах в ножнах висели длинные изогнутые мечи, уравновешенные с другой стороны кинжалами. Шлемы с длинной носовой стрелкой украшала затейливая резьба, но по всему они выглядели едва ли не братьями охранникам Рамаэля, которых доводилось видеть Раде. Взгляды обоих эльфов задержались на них с искоркой, но прочесть по ним что-либо было невозможно.

Хмурясь, Рада отвернулась от них и взошла следом за Морико на крыльцо. Она же сказала, что нас хочет видеть посол Аманатара. Именно Аманатара и никак иначе. Это не могут быть люди Себана, он бы не выследил нас на другой стороне мира и уж точно не послал бы погоню за искоркой так далеко. Впрочем, эти мысли ее тоже не сильно-то успокоили.

В небольших сенях было светло и просторно. Пол застилала циновка, стены закрывали ковры, сплетенные руками мастериц Лаэрт. Рада загляделась на диковинных птиц и яркие узоры: Каэрос таких шпук не делали, да и купить их было невозможно. Дочери Воды изготавливали ковры только для себя, ну и для Великой Царицы — в дар.

Морико кивнула им с искоркой и распахнула перед ними наглухо закрытую дверь во внутреннее помещение. Качнулись нитки деревянных бус в дверном проеме, Рада выдохнула и первой шагнула внутрь, потянув за собой искорку.

Посреди небольшого помещения стоял стол из светлого дерева, накрытый расписной белоснежной салфеткой из тончайшего кружева. На нем высился серебряный кувшин и три чаши, а вокруг стола сидели Великая Царица, Держащая Щит и эльф с такой прямой спиной, будто у него вместо позвоночника был металлический прут. Все трое прихлебывали из своих кубков в полном молчании.

Рада отступили от порога, давая место искорке, и склонилась в поклоне.

— Вы звали нас, и мы явились, первые первых.

— Замечательно, — мягко кивнула Эрис, ободряюще улыбаясь им. — С вами хочет поговорить Страж Северного Предела Аманатара Идаир Шарис.

Рада перевела взгляд на сидящего у стола эльфа. Его темные волосы, прямые и гладкие, ложились волной на плечи, глаза цвета крепко заваренного чая не отрывались от них с искоркой, подмечая каждое движение, каждую деталь. Особенно пристально он смотрел как раз на искорку, чуть сощурившись, изучая. По кивку Великой Царицы они представились, и посол поднялся из-за стола, заложив руки за спину и повернувшись к ним. Рада быстро взглянула на Тиену и Эрис. Лица обеих были непроницаемы, только Тиена резко кивнула Раде, будто давая разрешение говорить.

Только вот первым заговорил Шарис.

— Царь вельдов и кортов Тьярд передал мне весть о том, что некие пришельцы из-за Эрванского кряжа прошли Семь Преград и запечатали Черный Источник, перекрыв выход на поверхность его энергетической жиле. — Голос у эльфа был таким же невыразительным, как и его лицо, но взгляд темных глаз стал острее. — Он упомянул также, что двое из этих пришельцев отправились в Данарские горы. Полагаю, что здесь не обошлось без Черного Источника, но так как вы обе — бессмертные, спрашивать вас об этом бессмысленно, не так ли?

— С нами в отряде был Жрец Черной Руки Каярди Вард. Именно он запечатал Черный Источник, — осторожно проговорила Рада. Она уже немного успокоилась, ведь судя по всему, этого эльфа интересовала не исключительно искорка, а то, что случилось с ними за Преградами. Но и об этом болтать слишком много тоже не следовало.

— Значит, он достаточно силен, чтобы сделать это? — Шарис слегка прищурился. — Не думал, что среди человеческих ведунов до сих пор встречаются столь выдающиеся экземпляры.

Язык буквально зачесался, но Рада вовремя остановилась. Если посол уверен, что Кай — человек, то пусть так оно и будет. Прямого вопроса он им не задал, а сообщать ему лишнюю информацию она не собиралась.

— Этот Жрец не рассказал вам, каким образом он запечатал Источник? Может быть, вы присутствовали при этом и видели все своими глазами? — продолжил Шарис.

— Нет, мы не присутствовали там, господин посол, — покачала головой Рада. Тревога искорки в груди стала чуть-чуть меньше, как и ее расширенные от испуга глаза. Рада ободряюще взглянула на нее и продолжила говорить. — Кай работал долго, почти целый день, внутри каверны, а мы ждали его снаружи. Когда он вернулся, то сказал только, что работа завершена. Большого нам знать было не нужно.

Некоторое время эльф молчал, оценивающе разглядывая их с искоркой. Рада только спокойно смотрела ему в ответ. Давно прошло то время, когда под взглядами бессмертных она отводила глаза. Если ему хочется так вызывающе буравить ее и делать вид, что он знает что-то очень важное и недоступное ей самой, то пожалуйста. Самой Раде было глубоко плевать на все.

— С вами был тот, кто назвался наследником Ирантира, — вдруг совершенно неожиданно для нее проговорил Шарис. — Он забрал Фаишаль, сославшись на то, что имеет на него право.

— Это так, — кивнула Рада, ожидая продолжения. Она-то думала, Шарис будет

продолжать выпрашивать об Источнике, и готовилась отвечать на вопросы по этой теме.

— Расскажи мне о нем. Кто этот эльф? — Шарис слегка склонил голову набок.

— Вы не слышали об Алеоре Реноне? — Рада недоверчиво взглянула на Шариса и, когда тот спокойно пожал плечами, ощутила сильнейшее удивление. Иногда ей казалось, что все в этом мире слышали об Алеоре, потому что он обошел, кажется, каждый его уголок, а куда не добрался сам, туда долетели песни о нем. Оказывается, в Аманатаре Алеор не был, хотя Шарис запросто мог и притворяться, что не знает его. — Он — последний из рода Стальвов по мужской линии, — продолжила Рада, разумно решив умолчать о Сагаире. Это был секрет Алеора, и знать его не следовало никому постороннему. — Прямой потомок Ирантира, его правнук, кажется, я точно не помню. И светлейший князь Лесного Дома.

— Лесной Дом, — задумчиво повторил название Шарис. — Это государство, образовавшееся на развалинах империи Короля Солнце?

— Да, — кивнула Рада. — Государство Высоких.

— Ну конечно, — поджал губы Шарис, и в этом жесте было столько презрения, что Рада внутренне содрогнулась. Эти Первопришедшие были вряд ли лучше своих сородичей из Речного Дома. Судя по еще более окаменевшему лицу Эрис, она тоже придерживалась похожих взглядов. Тем временем посол скептически осведомился: — И что, этот самый светлейший князь собирается объявить себя Чадам Солнца и собрать воедино Фаишаль? Где же он, интересно, найдет второго наследника, коль остался совсем один? Предсказано ведь, что Чад будет несколько.

— Я его сестра, — пожала плечами Рада.

Взгляд Идаира внезапно стал пристальнее, как и взгляд Держащей Щит. Вытянулось лицо Тиены, глаза ее округлились от удивления. Рада неловко переступила с ноги на ногу, чувствуя себя неуютно под всеми этими взглядами. И еще — несколько смущенно, словно была в чем-то виновата.

После того обморока, во время которого Держащая Щит помогла ей пробить блок, они с Эрис как-то так ни разу и не вернулись к вопросу обсуждения происхождения Рады. Сначала у Эрис не было времени, чтобы встретиться и поговорить с ними с искоркой, а когда время все-таки выдалось, у Рады было гораздо больше не терпящих отлагательств вопросов, по сравнению с которыми ее кровь и рухнувший блок стали уже чем-то не слишком важным. Потом начались тренировки, и все ее внимание отвлекли на себя нагрузки и искорка, за которой нужно было ухаживать и помогать ей во всем. А тем временем сами собой начали твориться всякие удивительные вещи вроде того, что Рада начала краем глаза замечать разноцветные нити энергий, тоньше чувствовать мир, даже сон ее слегка поменялся. Ей бы, наверное, и стоило поговорить обо всем этом с Держащей Щит, только вот Эрис ведь так настойчиво внушала им, что самое главное — не думать и просто делать. Вот Рада и не думала, а менялась изо всех сил, училась управлять теми способностями, что так много лет спали в ней. И до сих пор возможности рассказать Держащей Щит о том, что она тоже родственница Ирантира, у нее как-то не нашлось. И вот теперь Эрис смотрела на нее так пристально, что Раде стало крайне некомфортно под этим взглядом.

— Я не врала, — хрипло пробормотала она, все-таки опуская глаза, но вовсе не из-за Шариса. Просто жгучий стыд буквально обжег ей лицо. — Я просто не успела сказать о том, что Алеор — мой брат, и что я тоже от крови Ирантира. Если это важно, первая первых, то я глубоко и искренно прошу у тебя прощения.

— Да нет, Рада, тут не за что просить прощения, — почему-то в голосе Эрис

послышался смех, и Рада удивленно вскинула голову, глядя на нее. Держащая Щит действительно смеялась, и глаза ее были теплыми-теплыми. — Просто это очень забавно. На самом деле, очень и очень забавно.

— Даже сейчас я порой поражаюсь путям, которыми ведет нас Великая Мани, — тихо пробормотала Тиена, качая головой. Вид у нее был поистине потрясенным.

— О чем вы говорите? — тревожно нахмурилась искорка, сжимая руку Рады и выдвигаясь чуть-чуть вперед, будто собиралась закрыть ее собой. — Что здесь забавного?

— Мани моей мани, моя бабушка, была прародительницей рода Стальвов. Ирантир — один из ее правнуков. — Теперь уже Эрис улыбалась во все лицо, и Рада ощутила, как и ее губы подрагивают, а в груди щекочется смех. — Что делает меня твоей внучатой троюродной бабкой, Черный Ветер, или чем-то вроде этого. Вот это уж точно совершенно неожиданно для всех нас.

Рада поняла, что смеется, хохочет во всю глотку вместе с Держащей Щит и посмеивающейся Тиеной, а потом к ним присоединяется и искорка, от радости даже захлопавшая в ладоши. Как же Ты плетешь Свое полотно, Великая Мани! Как вяжешь нити! На сколько тысячелетий вперед просчитаны Твои планы? И как могло получиться, что через гигантскую толщу лет сошлись под одним солнцем два представителя одного рода с разных концов мира?

Один только Шарис не смеялся, и глаза его были темны, словно полночь.

===== Глава 55. Последний урок =====

Впрочем, их совместное веселье длилось недолго. Остудил его, будто ледяной водой на голову плеснул, Шарис. Дождавшись, когда последние всхлипы начали затихать, а плечи почти прекратили подрагивать, он сухо осведомился, обернувшись к Раде:

— Коли вы являетесь наследницей Ирантира, как и князь Ренон, полагаю, что все титулы и регалии рода Стальвов относятся и к вам. А раз так, то мне было бы очень интересно узнать о цели вашего визита в Данарские горы.

— Мы пришли сюда учиться, господин посол, — Рада украдкой утерла выступившие на глазах слезы, не слишком много внимания обращая на Шариса.

Почему-то сейчас ей было так тепло, так нежно, что танцевать хотелось, и уж точно не хотелось обсуждать род Стальвов. Она смотрела на Эрис во все глаза, и Держащая Щит в ответ улыбалась ей, как родной. Как странно, что они нашлись. Рада всегда считала себя одинокой, думала, что она сама по себе, и теперь буквально в течение одного года обрела брата и... троюродную внучатую бабку? Или как это называется?

— Учиться, — без выражения повторил Шарис.

— Именно так, — кивнула Лиара, в глазах ее искрилась радость. Казалось, она обрадовалась всему произошедшему едва ли не больше самой Рады. — Познавать Великую Мани и Ее Дочерей.

Что-то очень похожее на удовлетворение промелькнуло по лицу Шариса, и он повернулся к Великой Царице.

— Прошу прощения, первая первых, но в таком случае я вынужден настаивать на постоянном присутствии послов Аманатара в Роце Великой Мани.

Улыбка Тиены медленно сползла с лица, как будто ее и не было. Следом за ней потемнела и Эрис, словно солнце зашло за тучи. Рада моргала, пока что не совсем понимая, что только что произошло, переводя взгляд с них на Шариса и обратно.

— На каком основании? — холодно поинтересовалась Тиена.

— На том основании, что представительница правящей династии Лесного Дома, государства эльфов Срединного Этлана, постоянно проживает в Роше и, судя по всему, имеет право доступа к изучению Источника Рождения, если, конечно, я не ослышался. Это при том, что вы, первая первых, некоторое время назад недвусмысленно дали мне понять, что никто из послов иностранных государств, за исключением Сейтара, предводителя сальвагов, находиться в Роше не будет.

Шарис проговорил все это таким спокойным и холодным голосом, что у Рады по спине буквально мурашки побежали. Тиена поморщилась, Эрис сохраняла непроницаемое выражение лица и даже не взглянула на Раду, но той стало вдруг так стыдно, что в пору было выть в голос. Ведь именно ее несдержанность, ее забывчивость и глупость привели к тому, что Великая Царица и Держащая Щит попали в не слишком-то приятную для них ситуацию.

Попытавшись хоть как-то исправить положение, она обратилась к послу:

— Послушайте, я нахожусь здесь как частное лицо, и мое присутствие не имеет равным счетом никакого отношения ни к дипломатическим визитам, ни к Источнику Рождения.

Шарис без выражения посмотрел на нее. У Рады было такое чувство, что каждое слово из произнесенных ею он взвешивал, оценивал, рассматривал со всех сторон. Безусловно только затем, чтобы извлечь из них для себя максимальную выгоду.

— Рада, — очень мягко проговорила Эрис, обращаясь к ней. В глазах ее была настойчивая просьба. — Полагаю, господин посол узнал у тебя все, что ему было необходимо, и ты ответила на все его вопросы честно и открыто. Вы с Лиарой можете идти. Как только у нас будет время встретиться с вами, мы вас призовем.

Лицо Шариса не изменилось, но Рада готова была поспорить, что он едва губы не поджал от досады, да и было отчего. Встретить дуру с таким болтливым языком одно удовольствие. Только поддень ее чуть-чуть, с самого краешка, и она начнет тебе выбалтывать такое, на что ты и не надеялся вовсе. Стыд, гнев, раздражение и горькое ощущение вины перемешались внутри в такой клубок, что больше всего на свете ей сейчас хотелось развернуться и убежать куда-нибудь со всех ног. Куда-нибудь, где никто ее не найдет. Боги, Рада! Ты еще больший ребенок, чем считала! Выпрямись и прими все достойно, как и подобает взрослой женщине.

Вот только голос все равно был сиплым, когда она деревянно склонилась и выдавила сквозь зубы:

— Прошу прощения, первые первых. Да пребудет с вами Благодать Великой Мани.

Развернувшись, Рада устремилась к выходу, и следом за ней поспешила искорка. Стыд жег так сильно, что у Рады не было сил поднять глаза и ответить на вопросы Морики, что поджидала их в сенях по ту сторону двери. Рада едва не выбежала на улицу, толкнув перед собой дверь и не видя вокруг себя ничего.

Она бы и дальше бросилась бежать со всех ног, если бы голос Лиары не окликнул ее:

— Рада, стой! Да стой же!

Выругав себя еще раз, она замерла, глядя себе под ноги и поджидая спешащую за ней следом искорку. Краем глаза Рада видела, что Морики и Раена стоят на крыльце и смотрят им вслед. Похоже, их снедало недюжинное любопытство, и больше всего на свете им хотелось сейчас броситься за ней следом и вызнать у нее все подробности произошедшего разговора. Только вот оставить пост охранницы Великой Царицы и Держащей Щит так и не посмели, и за это Рада благодарила всех Небесных Сестер вместе взятых. Объяснять что-то кому-то она сейчас была просто не в состоянии.

Едва дождавшись искорку, которая поспешно пристроилась сбоку от нее, Рада широким шагом зашагала прямо по вытоптаным и кое-где посыпанным гравием дорожкам становища. Под сапогами ее хрустели и постукивали камушки, попадающиеся навстречу беременные анай улыбались ей, надеясь на начало разговора, но Рада лишь склоняла голову в извиняющемся жесте. По обычаю следовало просить прощения, если ты не соизволил остановиться и переговорить с беременной женщиной, которая первой обратилась к тебе, ведь ей могла быть нужна помощь. Среди анай считалось, что это граничит с кровным оскорблением.

Она не совсем понимала, куда так летит, но ей было в общем-то все равно. Лишь когда гравий перестал скрежетать под подошвами сапог, и ноги утонули в мягком глубоком мху, она слегка притормозила и огляделась вокруг.

Над головой шумели зеленые верхушки криптомерий на фоне низкого серого осеннего неба. Облака неслись быстро, словно кто-то тревожный без конца тащил и тянул их на запад, словно они спешили куда-то изо всех сил. Промозглый ветер, как и всегда, дул с востока, забираясь пальцами за шиворот Раде, растрепывая отросшие мягкие кудряшки искорки, раскачивая тонкие веточки кленов, что произрастали в тени гигантских криптомерий. Кое-где их широкие листья уже тронула осень, и на ветру трепетали желтые и алые ладошки, дрожа и перешептываясь. Они стояли на тропке, что вела прочь от становища в глубь Роши, по которой гуляли обычно ближе к вечеру. И становище уже терялось среди толстенных стволов огромных деревьев за их спинами.

Рада наконец остановилась, склонившись пополам и опершись ладонями о колени. Ощущение у нее было такое, словно она пробежала несколько километров. Внутри все то замерзло в лед, то отчаянно тряслось, как крылья мухи, что пытается выбраться из липкой паутины. Стыд жег и жег, не отпуская, не уменьшаясь.

— Рада, — маленькая теплая ладошка искорки неуверенно легла ей на плечо. Лиара подступила к ней, тревожно глядя на нее своими огромными серыми глазами. — Рада, не вини себя.

— А кого тогда винить? — горько пробормотала она, разглядывая покрытую мягким мхом землю под ногами. — Больше-то некого.

— Это не так, — мягко, но с завидной твердостью проговорила искорка. — Конечно же, ты ни в коем случае не хотела создавать трудности Держащей Щит и Великой Царице. Ты же не специально все это скрывала от них. Да и никто не мог предположить, что Шарис вывернет все твои слова именно таким образом и использует их в свою пользу.

— Я должна была подумать об этом, — пробормотала Рада, выпрямляясь и запуская руку за пазуху в поисках трубки. — Он же Первопришедший. Чего от них еще ждать, кроме подлости?

Пальцы искорки поймали ее руки и удержали их. Рада неохотно взглянула ей в лицо, искорка не сводила с нее требовательного взгляда.

— Рада, ты ни в чем не виновата, — почти что по слогам произнесла она. — Шарис сам создал всю эту ситуацию, и поверь мне, Тиена с Эрис справятся и с ним, и с ней. Все будет хорошо.

— Надеюсь, — тяжело выдохнула Рада, опуская плечи. Все силы как-то разом оставили ее. Покачав головой, она горестно пробормотала. — Последнее, чего мне хотелось бы, это в награду за все, что для нас сделали Эрис с Тиеной, доставлять им неприятности.

— Я понимаю, — мягко кивнула искорка, приобнимая ее за талию. — И Эрис с Тиеной

это прекрасно понимают, ты же знаешь. Не переживай из-за этого. Все образуется.

— Наверное, — вяло пробормотала Рада, неловко пожав плечами и все-таки выживая из-за пазухи трубку.

— Не наверное, а точно, — искорка слегка подтолкнула ее вперед по извилистой тропинке, ведущей через Рощу к широкой излучине, что делала безымянная река, рожденная неумолчным ревом водопада. — А теперь пойдем, прогуляемся немного, подышим.

Стыд еще некоторое время жег ее изнутри, будто крепкий ашвил, приготовленный Каэрос, но вскоре стало лучше. Слова искорки, которые Рада то так, то эдак крутила в голове, помогли и успокоили ее, пережавшие все внутри тиски отступили. Рада некоторое время повозилась с огнивом и трутом, чтобы раскурить плотно забитый в трубочку табачок, но это не дало особого результата, слишком сильно было раздражение.

Внезапно ее осенило. Морики ведь учила их менять плотность и температуру крыльев, чтобы лучше управлять ими во время полетов. Раскрыв за спиной крылья и слегка выгнув кончик правого, она прогрела его до максимальной температуры, какую только могла представить. Волоскам на голове стало жарко, тело моментально покрылось крохотными капельками пота, которые неумолимый жар буквально выплавлял из каждой ее клетки. Крылья стали почти прозрачными, волнообразными, как воздух над раскаленной дорогой в разгар летней жары. Самый кончик крыла полыхнул прозрачно-белым пламенем, и Рада поняла, что испытывает некоторые сложности с тем, как его контролировать. Однако она все же ухитрилась поднести его к трубке и окунуть в чашечку. Послышалось шипение, табак моментально занялся. Рада отдернула крыло и сразу же погасила его, убрав за спину, и сосредоточенно запыхтела трубкой. Но ощущение у нее все равно было такое, будто ее на несколько мгновений целиком засунули в кипяток.

— Интересно, — прищурилась искорка, внимательно разглядывая ее. — Я и не думала, что крылья можно использовать именно так.

— Я наблюдала за Каэрос, — неловко пожала плечами Рада. — Они и навели меня на такую мысль.

— Мне интересно, на что еще в таком случае способны эти крылья, — задумчиво пробормотала искорка, шагая рядом с ней. — Наставница Морики ведь говорила, что мы едва ли не первые, кто получил крылья по обряду Рощи, а не обряду клана. И что все их свойства до конца не изучены.

Этот факт заставлял недоумевать и саму Раду. Второй год подряд небольшая горстка Младших Сестер получала крылья по обряду Рощи, который для них проводила Жрица Великой Мани. Но глубоким изучением всех свойств этого нового крыла занимались скорее сами Младшие Сестры, чем те, кто учил их летать. Да и как, спрашивается, кто-то со стороны мог бы изучать эти крылья? Проще было бы предугадать, какое следующее движение сделает чужая рука, наблюдая за ней со стороны. Потому наставницы учили Младших Сестер обращаться с крыльями по правилам, принятым у всех остальных кланов, но при этом искоса наблюдали за каждым их движением, словно ожидали от них в любой момент чего-нибудь из ряда вон выходящего.

Порой Рада подумывала, что именно это и стало одной из причин избрания Гутур на место наставницы Младших Сестер. Эта женщина вообще не умела удивляться, зато со скрупулезной точностью подмечала каждое движение, и только на основе наблюдений за тем, как Младшая Сестра расправляет крылья и отталкивается от земли, могла сказать, достаточно ли хорошо она выпалась, на какую высоту сможет подняться и насколько

длительный перелет выдержит.

Не менее въедливой была и Морики. Если поначалу занятия с ней сводились лишь к простому повторению того, что показывает им наставница, то со временем они приобрели и иное качество. Морики давала им задачу, которую они должны были выполнить с помощью крыльев, например, взлететь винтом вертикально вверх на пятнадцать метров, и предлагала самим придумать, как это сделать. Поначалу Раде думалось, что таким образом обучают летать всех молодых анай, но со временем она начала сомневаться в этом.

На память пришли уроки наставниц Каэрос, что день за днем гоняли и гоняли Младших Сестер по одной и той же схеме над становищем, заставляя их выполнять одни и те же движения в одной и той же последовательности, доводя их до автоматизма. Именно так учила их и Гутур, отчего порой выть хотелось, а порой — благодарить ее от всей души. Потому что гораздо проще повторить за наставником четко выверенный и отточенный десятилетиями практики прием, чем самому додумываться, как сделать ту или иную вещь.

Морики учила совершенно иначе. Она понятно и наглядно объяснила и продемонстрировала им все свойства собственного крыла и пояснила, что делать с этими свойствами. А дальше предоставила полную свободу действий. И, казалось, наблюдала со стороны за всем, что они делают, внимательно подмечая подходы каждой из учениц к решению той или иной задачи.

И действительно, оказалось, что каждая из семи учащихся у нее Младших Сестер выполняла данное задание в своей собственной индивидуальной манере. Кто-то предпочитал чаще использовать разницу температур воздуха и крыла, с ее помощью заставляя тело держаться на потоках ветра. Кто-то полагался на механику и силу, при управлении крылом почти что не используя температурные изменения. Одни взлетали вертикально вверх, другие поднимались по спирали, третьи предпочитали рывки. По-разному все они выполняли повороты, спиральные спуски, нырки и прыжки. И за всем этим смотрели светлые внимательные глаза Морики, похожей на голубоглазого ястреба в такие моменты, которая подмечала каждую деталь, давала советы, подправляла, помогала.

Кажется, в Роце вырабатывалась совершенно новая, несвойственная для анай модель обучения полетам, и Рада с Лиарой оказались в самом сердце этого эксперимента. Если кланы обучались по одной четкой программе, выработанной тысячами, где дисциплина была прежде всего, где от наставницы к ученицам передавалось самое точное и гармоничное положение крыла в той или иной воздушной фигуре, то наставницы Роци сделали ставку на индивидуальный подход. И где-то как-то это было верно. Коли они совершенно не знали, что ожидать от новых крыльев, то и учиться обращаться с ними Младшие Сестры должны были самостоятельно. Наставницы лишь передавали базовые принципы, а дальше принимались наблюдать и подмечать необходимые мелочи, странные детали, то, что могло дать им ключ к разгадке, к улучшению способностей полета у молодых анай с золотыми крыльями.

В случае же с Радой и Лиарой существовало и еще одно обстоятельство, кардинальным образом отличающее их ото всех остальных анай. У них не было стихии в крови, привитой в момент наречения имени ребенку. В их крови не перетекал огонь Роксаны или влага Аленны, их тело не могло менять текстуру и форму, как тела преданных Артрене Дочерей Земли, они не умели жонглировать воздушными потоками, как Дочери Воздуха. Те пятеро анай, что учились вместе с ними, хоть официально и принадлежали Великой Царице, но рождены и наречены были еще задолго до того, как Тиена заняла этот трон, а потому каждая

из них обладала той стихией, в клане которой была рождена. Лиара с Радой же были словно чистый лист, на который не нанесено ни единого штриха.

— Самое забавное в том, что вы — представляете будущее анай, — как-то со смехом сказала Раде во время их обычной тренировки Тиена. — Даже несмотря на то, что сами вы анай по крови не являетесь.

— Что ты имеешь в виду, первая первых? — недоуменно вздернула бровь Рада.

— Вы не принадлежите ни к одному клану и не несете в своей крови прикосновения Небесных Сестер. Каждая из девочек, рожденных в кланах, еще с детства умеет жонглировать стихиями, и лишь единицы, рожденные в Роще, получают прикосновения всех Небесных Сестер, а не кого-то одного из них. Мы сейчас внимательно наблюдаем за такими детьми, — вид у Тиены стал задумчивым, взгляд слегка затуманился. — Даже наша с Эрис дочь относится к их числу. Эней может зажигать предметы одним прикосновением, способна остановить дождь и не дать ему промочить одежду, может заклинать ветра, чтобы те окружали ее прохладой или, наоборот, не морозили своими прикосновениями. К тому же, я уже однажды слышала, как она поет земле, и, полагаю, у нее есть талант к Песне, — в голосе Тиены послышалась настоящая гордость, глаза блеснули. Правда, почти сразу же вид у нее вновь стал задумчивым. — Но при этом мы совершенно не представляем себе, как проявятся все эти способности, когда она получит крылья. По правде, никто из анай не представляет себе, какие крылья будут у детей, нареченных всеми четырьмя стихиями. Получат ли эти дети какую-то особую силу? Какими умениями они будут обладать? Мы даже представить себе боимся, какую силу однажды они могут открыть в себе. — Тиена покачала головой, потом взглянула на Раду, и глаз ее весело блеснул. — Потому вы со Светозарной — наша первая возможность поглядеть на то, как это может быть. Вы не наречены определенной стихией, поэтому обладаете своеобразной свободой выбора. И то, как проявят себя крылья за вашими спинами, будет косвенным образом демонстрировать и то, что ждет наших дочерей в будущем.

После того памятного разговора с Великой Царицей Рада начала испытывать некоторую неловкость в общении с наставницами. Первое время она ощущала себя едва ли не куском металла в руках кузнеца, который вертит его так и эдак, пытаюсь определить, что же сделать из него. Неумолимость и требовательность Гутур походила на молот, спокойная собранность и твердость Морики — на наковальню, и Рада бестолково мотылялась между ними, изо всех сил пытаюсь не сломаться и все-таки стать тем, что хотели сработать из нее наставницы. Это вызывало и гнев, и раздражение, и возмущение оттого, что кто-то посмел лепить ее, будто воск, фактически без ее собственного согласия на это. Но совсем скоро Рада осознала всю глупость подобных мыслей, отбросила их прочь и принялась изо всех сил помогать наставницам в их процессе обучения. И сразу же оказалось, что и сопротивление стало меньше, и нагрузки переносятся как-то легче, да и вообще, что сотрудничество с человеком, который изо всех сил пытается помочь тебе выжить, вполне разумное и удачное решение.

Но оставались еще стихии, их-то никто никуда не дел, или вернее, у Рады с Лиарой им просто неоткуда было взяться. Четыре из пяти Младших Сестер, что учились с ними, были Разрн по рождению, а потому могли менять форму своего тела, уплотнять его или наоборот размягчать. Однажды, например, Рада видела, как Иштум помогает какой-то беременной анай открыть дверь ее дома, которую заклинило в дверной коробке из-за попавшего между ней и порогом камушка. Иштум просто просунула руку под дверь, и ее пальцы стали плоскими, как лезвие ножа, чтобы пройти в узкую щелочку. Одним из них она подцепила

камешек и легко выковыряла его из щели. Раде бы для этого пришлось использовать гвоздь или нож, а Дочери Земли хватило ее собственного тела. В другой раз она видела, как Лафь тренирует кого-то из Младших Сестер рукопашному бою. Она просто выставила ладони перед собой, и нападающая на нее анай со всех сил колотила по ним пятками, выпрыгивая высоко в воздух. Каждый такой удар запросто бы свалил с ног взрослого мужчину и уж точно переломал бы кости в ладони Лафь, какой бы крепкой она ни была. А она-то даже не морщилась, продолжая спокойно объяснять тренировавшейся с ней девочке, как правильно бить. Рада украдкой потом взглянула на ее ладони: на них и следа синяков не было. Несомненно, чтобы уберечь руки, Дочь Земли уплотнила свою кожу и лишила ее чувствительности, потому и смогла выдержать все эти удары ногами и не получить ни царапинки.

Младшая Сестра Анико, что тоже училась с ними, была рождена Нуэргос и взяла от своего народа не только веселый нрав и привычку смеяться буквально по любому поводу. Рада не раз и не два видела, с какой легкостью она отрывается от земли и взлетает, да и на тренировках она выпрыгивала выше всех и казалась в воздухе легкой, будто перышко, подхваченное ветром. Тиена рассказывала Раде и о других способностях Дочерей Воздуха, например, об умении снимать трение с объектов, что очень помогало в бою. Как отразить стрелу, покрытую бритвено-острым слоем воздуха? Ведь она будет лететь, не теряя скорость, так долго, как только пожелает пустившая ее в полет рука. А меч, покрытый точно такой же пленкой, не встретит сопротивления доспехов и костей соперника и рассекает его едва ли не пополам с той же легкостью, что и сухую веточку.

Вот и получалось, что свои способности окружающие их с искоркой Младшие Сестры прекрасно умели контролировать. И с крыльями своими обращались, частично используя и эти самые способности в качестве поддержки. Так Рада заметила, что Младшие Сестры Разрн по происхождению больше любят уплотнять свои крылья и работать с более жесткой структурой, используя именно этот способ для передвижения в небе. А Нуэргос, наоборот, делает крылья прозрачными и тонкими, как дым, становясь почти что невесомой в постоянно меняющихся над чашеобразной долиной ветрах.

А вот они с искоркой не умели ровным счетом ничего, кроме того, что в них закладывали Гутур с Морико. Сколько раз Рада с завистью смотрела, с какой легкостью купается в небе Анико, или как бестрепетно встречает чужие удары Лафь. Сколько бы она сама ни старалась повторить что-либо подобное, ничего-то у нее не выходило, и все из-за отсутствия в крови тех самых стихий, о которых ей все твердили анай. Судя по всему, дело здесь было не столько в церемонии наречения той или иной стихией, как объясняла Тиена, а в том, родилась анай от Источника Рождения или нет. Насколько Рада помнила, у Найрин тоже не было способности управляться с огнем, хоть и были крылья, а она прошла церемонию наречения огнем, в отличие от Рады. Таким образом, получалось, что их происхождение все-таки догнало их с искоркой, не позволяя стать точно такими же, как и остальные анай. Вот только Раду это не устраивало.

Вся ее прошлая жизнь, все, чему ее учили на протяжении долгих лет и в последние месяцы здесь, в Роце, сводилась к тому, что нет ничего невозможного. Эту простую истину Эрис с завидным упорством вдавливала им в головы во время вечерних бесед, и Рада всей собой поверила в нее, как верила надежному взгляду Тиены, как верила данному слову своей царицы Лэйк. А раз дело обстояло именно таким образом, значит и она могла обучиться всему тому, что могли остальные анай. Ну, или хотя бы придумать, как сделать возможными

некоторые вещи, которые могли делать они, пусть и иным способом. Ведь нет двух одинаковых травинки и двух людей, что были бы похожи, как две капли воды. И каждое действие, как учила их Морики, можно было выполнить в своей собственной, свойственной лишь ей самой манере.

Вот так и получилось, что теперь по вечерам Рада и Лиара порой устраивали и свои собственные занятия, занимались самостоятельными исследованиями возможностей крыльев, что теперь раскрывались за их плечами. Для этого они уходили сюда, под сень Роши Великой Мани, гуляя по тропинкам, протоптанным между исполинскими деревьями. Порой они встречали кого-нибудь из анай по пути, беременных гостей становища, детишек Роши или Жрицу, что бродила по замшелой полутьме леса, рассеяно улыбаясь присутствию Богинь возле нее. Но анай, независимо от клана, касты и возраста, умели ценить чужое уединение и никогда не мешали им назойливым вниманием, если сами Рада с Лиарой не предпринимали первыми попытки заговорить с ними.

Рада и сама не могла бы сказать, как многому они научились за это время. Ей не с чем было сравнивать. Обычно какие-то удачные мысли приходили кому-нибудь из них в голову во время наблюдения за анай из разных кланов, что обитали в Роше. Тогда ближе к вечеру они обсуждали увиденное, пробовали создать что-то вроде собственного аналога, подходящего им двоим. Так они уже научились заворачиваться в свои золотые крылья, делая их теплыми, чтобы не мерзнуть. Этот прием Рада подглядела еще во время проживания в Сол среди Каэрос. Уже довольно продолжительное время Лиара пыталась объяснить Раде прием почти прозрачных и легких крыльев, которые обволакивали бы ее со всех сторон потоками прохладного воздуха, но это пока еще ей не давалось, как бы искорка ни билась над объяснениями. В то же время у Рады уже получался прочнейший кокон из крыльев, который отталкивал от нее даже брошенный с силой камень. А вот искорка все никак не могла справиться с таким приемом.

Вот и получилось, что сегодня ко всему уже изученному добавился еще и огонь, от которого можно было раскуривать трубку. Сложность составлял разве что жар, от которого на Раде почти что тлела одежда, да и кожа грозила покрыться волдырями в любой момент. Впрочем, потренировавшись в течение некоторого времени, они с искоркой вдвоем нашли способ, как прогреть не все крыло, а лишь его часть, защищая таким образом от ожога все остальное тело. И через два часа упорных тренировок им обоим удалось разжечь лежащие на земле сухие веточки, при этом не повредив ни себе, ни окружающим.

Рада настолько глубоко ушла в эти занятия, что и думать забыла обо всем произошедшем в Зале Совета. Мысли об этом вернулись лишь на обратном пути в становище, когда они с искоркой, держась за руки, направлялись на вечернюю тренировку. Впрочем, сейчас стыд и расстройство по этому поводу были не настолько сильными, чтобы потревожить Раду. В конце концов, изменить-то она уже ничего не могла. Да и она действительно знать не знала о том, что Шарис попробует вывернуть ее слова и использовать их для того, чтобы выбить у Великой Царицы право на пребывание в Роше. Вряд ли такое же могла бы предположить даже Держащая Щит. После таких рассуждений грустные мысли оказалось отпихнуть от себя гораздо проще, и они не смогли уже оказать такого сильного воздействия на Раду, как в самом начале, когда буквально подчинили все ее существо себе.

— Знаешь, искорка, это очень похоже на атаку, — задумчиво проговорила она, мягко ступая по густому ковру из мха, что устилал землю.

Протоптанная дорожка вилась по нему между толстых стволов, осенний ветер шумел в их кронах высоко над головой Рады. Во всем вокруг была какая-то странная тревожность, предвкушение зимы, грусть, нежелание засыпать на долгие месяцы под толстым покровом снега, и при этом горькое осознание неизбежного. Как странно! Рада внезапно удивленно заморгала, поразившись тому, как остро чувствует состояние окружающего мира. Еще пару месяцев назад я не ощутила бы ничего подобного. Все меняется. Весь мир меняется, и вместе с ним меняюсь я сама.

— Атаку? — задумчиво повторила искорка. Ее штормовые глаза были затуманены, она смотрела перед собой, почти не моргая, как делала всегда в глубокой задумчивости. — Что ты имеешь в виду?

— Когда вдруг со стороны приходит эмоция, — постаралась пояснить Рада. Странно было подбирать слова, чтобы описывать это. Нахмурившись, она постаралась пояснить как можно понятнее. — Странное чувство. Я почти ощущаю, как все эти эмоции, обычно негативные, приходят.словно волна накрывает со стороны, накрывает с головой, а потом откуда-то снизу, из самой глубины моего существа, поднимается ответ. Он буквально захлестывает меня снизу вверх, и всегда есть мгновение, которое у меня есть, чтобы решить: согласиться или не согласиться ответить на эту эмоцию. Раньше я даже не задумывалась об этом, сразу же реагировала напрямую, а сейчас есть вот это мгновение короче удара сердца, когда я могу или принять всю эту волну и быть потопленной ей, или оттолкнуть ее прочь. Понимаешь о чем я?

— Не совсем, — протянула искорка, внимательно глядя на Раду. Потом глаза ее чуть сощурились, будто в узнавании. — Хотя да, ты права... — Она немного помолчала и кивнула. — Да. Так ко мне всегда приходит страх. И есть миг, тот самый миг, когда он впервые уколол меня, и я могу еще решить: или ожесточиться и не дать ему захватить меня целиком, или сдаться и в панике бежать.

— Да, — твердо кивнула Рада, чувствуя мягкое тепло в своей груди. Так хорошо было оттого, что ее искорка понимает, что чувствует Рада. Как же это невыразимо дорого, когда есть человек, который во всем поддерживает тебя и разделяет с тобой твой путь. Кажется, я бы не справилась со всем этим, не будь ее рядом. Или все было бы в тысячи раз тяжелее. Продолжая свою мысль, она все же легонько приобняла идущую рядом искорку и прижала ее к себе. — Потому я и говорю, что это похоже на атаку. На тебя что-то набрасывается, буквально накрывает тебя со стороны. И ты можешь или сдаться, или сражаться.

— Это все потому, что ты у меня воин, Рада, — искорка с нежностью взглянула на нее, и Рада на миг ощутила, как под ней дрогнули ноги от нахлынувшей секундной слабости. — Потому что ты у меня никогда не сдаешься. Я знаю это.

Им нужно было спешить, они и так задержались и уже начали опаздывать на вечернюю тренировку у Морико. Но Рада остановилась, аккуратно взяла в ладони лицо своей маленькой золотой птички и принялась покрывать его невесомыми поцелуями, а та жмурилась в ответ и хихикала, и реснички ее щекотали Раде губы. И лес шумел над ними в немыслимой дали, и пахло землей, мхами, наступающей зимой.

Сколько же нежности в каждом вздохе, Великая Мани! Сколько красоты в каждой крохотной иголке на ветвях этих криптомерий! Сколько же полноты в каждом миге жизни! И я не замечала этого, пока ее золотое сердце не застучало в моей груди, пока Ты не подарила мне ее, не открыла через нее весь мир в каждом вздохе. Не знаю, как мне благодарить Тебя, какие слова найти. Кажется, нет ни одной жертвы, что я могла бы

принести Тебе в благодарность за это. Потому что нет цены тому, что Ты делаешь для нас.

Вечерняя тренировка прошла легче, чем Рада полагала. Удивительным образом на пользу пошло новое умение, которое они с искоркой тренировали в Роше. Оказалось, что если догреть крылья до раскаленной температуры, то и взлетать было так легко, словно она ничего и не весила. Благодаря этому, они с искоркой заработали похвалу Морики и несколько завистливых взглядов других Младших Сестер, которым прием пока еще не давался в полной мере.

Естественно, что молодым анай не терпелось расспросить Раду с Лиарой о том, что от них хотел посол Аманатара, но до начала тренировки выяснить у них это не получилось. Они с искоркой подошли на поляну для тренировок одновременно с Морики, и Младшим Сестрам пришлось поумерить свое любопытство до конца занятия. Зато как только наставница махнула им рукой, приказывая снижаться, Рада буквально ощутила на себе пять пар горящих нетерпением глаз. Пыла не поумерили даже нагрузки; сегодня Морики погоняла их на славу.

— Ну что там? — почти что набросилась на Раду Лафь, как только наставница распрощалась с ними и направилась в сторону едальни.

— Что вам сказал Шарис? — не отступала от нее Анрут. — Что ему надо?

— Он останется здесь? Или уже уходит? — любопытно округлила свои почти прозрачные глаза Анико.

— Понятия не имею, — тяжело вздохнула Рада и принялась рассказывать.

Она сухо и сжато пересказала обо всем произошедшем в Зале Совета, попутно ощутив, как внутри вновь взметнулся стыд. На этот раз оттолкнуть его оказалось еще проще, чем раньше. Теперь, когда она смогла осознать, что это похоже на атаку извне, контролировать свои эмоции и отметить лишнее оказалось гораздо проще, чем Раде думалось ранее.

В своем рассказе Рада ограничилась тем, что послу были интересны их странствия за Семью Преградами. Она и так уже на сегодня выболтала слишком много чего лишнего и не собиралась добавлять Держащей Щит и Великой Царице новых неприятностей. Пусть уж лучше считают, что тут все дело в их с искоркой путешествии. И пусть рассказ у нее получился скудным и лишенным красок и подробностей, но Младшим Сестрам и того хватило. Они все заохали и заохали, выслушав ее, но вскоре совсем отстали.

Поужинав, они с искоркой вернулись в свой дом, и Рада еще с порога ощутила, что внутри кто-то есть. Чувство было странным: атмосфера наполненности, какой-то окрашенной густоты, физического присутствия. Смутно она припомнила, что и раньше ощущала эту атмосферу, например, когда нужно было прокрасться незамеченной в какое-нибудь помещение или ощутить подосланного убийцу, что следил за ней. Просто раньше она никогда не придавала этому особого значения и не пыталась развить эту способность, теперь же все развивалось в ней само. Как странно! Кажется, я учусь всему одновременно, хоть раньше даже и не думала о том, что все это может быть связано.

За столом в их комнате сидела Эрис, и вид у нее был усталый. Рада склонилась в поклоне у порога, глядя на Держащую Щит, точно так же поступила и искорка, а та лишь махнула рукой и поморщилась, точь-в-точь, как обычно делала Тиена, когда ее утомляло чужое назойливое внимание.

— Вы уж простите, что я без спроса ворвалась сюда, но мне нужно поговорить с вами так, чтобы об этом не узнал Шарис. А коли я приглашу вас к себе, слух до него все равно дойдет.

Раскаянье и стыд горячей волной вновь ткнулись в Раду, но она решительно отбросила их прочь. В присутствии Держащей Щит это было сделать еще легче, будто от назойливой мухи отмахнуться. Или все дело было в том, что она проделывала это уже несколько раз подряд, и с каждым разом атаки становились слабее?

— Мне очень жаль, первая первых, что все так вышло, — негромко проговорила она, глядя на Эрис, и искорка ободряюще взяла ее за руку. — Не стоило мне всего этого говорить при Шарисе. Теперь у вас полно неприятностей из-за меня.

— Не из-за тебя, — отмахнулась Держащая Щит. Кивнув им на стулья, она проговорила: — Садитесь, в ногах правды нет. И мне, кстати, абсолютно не жаль, что все сложилось именно так. — Глаза ее вдруг лукаво блеснули. — Если бы не Шарис, непонятно, сколько бы нам еще понадобилось времени, чтобы выяснить, что мы с тобой родня. А теперь мы обе знаем это, и мне все это кажется очень забавным на самом-то деле. Так что можно его даже поблагодарить за вмешательство, пусть и не слишком приятное.

— Если мне будет позволено спросить, первая первых, — негромко проговорила искорка, открывая двери шкафчика и выставляя на стол чашки и большой пузатый заварочный чайник. — Что вы решили с Шарисом? Он остается в Роще?

— Конечно же, нет, — поморщилась Эрис с досадой. — Нечего ему тут делать. Много чего изменилось после Великой Войны, но не все должно меняться. Анай не любят чужаков, в том числе, эльфов. Достаточно и того, что в Роще порой видят сальвагов, а ведь раньше никому чужому даже на десяток километров не разрешалось приближаться к ней.

— Значит, он уедет? — с надеждой вскинула голову Рада. Несмотря на то, что к искорке у Шариса никаких дел не было, Раду все равно нервировало присутствие возле нее Первопришедших. Этим бессмертным она доверяла еще меньше, чем всем остальным расам кроме анай.

— Уедет, — кивнула со вздохом Эрис. — Но, к сожалению, мне придется просить и вас покинуть Рощу. Во всяком случае, до весны, когда вы вернетесь сюда вместе с другими анай, чтобы испить из Источника Рождения. Шарис отказался расценивать ваш визит сюда как частный, раз князь Ренон вел переговоры с Тьярдом в качестве официального представителя Лесного Дома. Так что пришлось пойти на некоторые уступки, чтобы исчерпать инцидент.

Рада испытала смешанные чувства, услышав эту новость. С одной стороны покидать Рощу вовсе не хотелось: слишком многому она училась здесь, и с каждым новым данным ответом вопросов становилось все больше. С другой стороны она присягала на верность царице Лэйк дель Каэрос, да и кроме всего прочего уже начала скучать по Дочерям Огня и их с искоркой маленькому домику на краю становища меж двух гор. Что-то такое нежное и дорогое было в том месте, что-то такое невыносимо правильное, и это что-то тянуло Раду стальным канатом, требовало вернуться домой.

Наверное, Сол и вправду стало мне домом. Как странно. Здесь мы провели почти столько же времени, и все же.

Она не знала, что сказать, и просто ждала, пока Держащая Щит продолжит. Искорка собирала на стол, выставляя посуду из небольшого подвесного шкафчика. Засыпав в чайник заварку, она на миг замерла и открыла крылья. Погрузив кончик крыла в чайник, искорка подождала несколько секунд, и чайник зафыркал раскаленным паром. Улыбнувшись, она свернула крылья и выставила чайник на стол.

— Вы быстро учитесь, — прищурилась Эрис, обратившая внимание на то, как Лиара нагрела воду. — Это хорошо. Мне интересно, к чему это в итоге приведет. Мы должны

понять, с чем связан ваш приход сюда, какую цель он несет. — Ее темные глаза обратились к Раде, и в них появилась теплая нежность. — Я бесконечно рада, что в нас с тобой течет, в конце концов, одна кровь, Черный Ветер. Но это не может быть простым совпадением. Какой-то невероятно красивый рисунок строится прямо на наших глазах, и мне бы очень хотелось понять, какой.

— Мне тоже, первая первых, — склонила перед ней голову Рада.

— А для этого я должна знать все. Так что расскажи мне, что такое серебряная кровь в твоих жилах. Как это проявляется, как передается. У меня ведь нет ничего подобного, как и у моих детей. Пока Шарис не уехал, нам нужно понять, когда и как в твоём роду возникла эта особенность, и какую роль она играет во всем рисунке.

— А когда он отправится в путь? — спросила искорка.

— Завтра утром. И мы условились, что вы отбудете в то же время, чтобы у всех нас были равные условия. Так что времени у нас немного, к моему глубочайшему сожалению.

Рада не до конца понимала, что она чувствует по этому поводу. Может быть, все дело было в том, что за последнее время она слишком привыкла к размеренному течению жизни в Роце и не готовилась к столь резким переменам. С другой стороны ее вдруг так сильно потянуло в Сол, что хотелось улететь едва ли не прямо сейчас. Но темные глаза Держащей Щит смотрели требовательно и пронзительно, и Рада, вздохнув, принялась рассказывать ей все. Про Сагаира и Алеора, про Тваугебира и Сета. И чем дольше она говорила, тем темнее становились глаза Эрис.

===== Глава 56. Узор =====

Они говорили до темноты, и с каждой минутой Рада все больше мрачнела, становясь смурнее осенней ночи за окном. Лиара все пыталась хоть как-то приободрить ее. И чай заварила с самыми вкусными травами из числа тех, что так любила Рада, и на стол выставила ее любимые сладости, которыми Лиару угостили беременные Дочери Воды из становища Лаэрт, и сидела рядышком, держа ее за руку и изо всех сил пытаясь передать ей свое тепло и поддержку. А только все равно воспоминания о Сагаире и всём, что случилось с ними у северного побережья, заставляли Раду хмуриться все сильнее и сильнее.

Самой Лиаре все это казалось страшным сном, чем-то почти что нереальным и очень далеким. За тишиной Роци, за усиленными занятиями с наставницами и самой Держащей Щит, она и думать забыла о том, что Сети'Агон обратил на них с Радой свое внимание. Алеор говорил, что если человек хоть однажды попадал в поле зрения Сета, то вырваться из него уже не было никакой возможности. Теперь Лиара гадала, надежно ли спрятаны дети Рады? Достаточно ли надежно, чтобы Сет до них не дотянулся? И в безопасности ли они сами, здесь, в Данарских горах? Ведь когда-то уже Сет умудрился вывести дермаков прямо под землей, буквально под поселениями анай, и они ничего не замечали ровно до тех пор, пока дермаки не начали жечь их дома.

Вот и получалось, что как бы далеко они с Радой ни ушли, а все равно их невидимыми канатами привязал к себе тот мир по другую сторону Эрванского кряжа. И этим самым канатом был взгляд Сета, который уж совершенно точно не забыл, как Рада улизнула у него из-под носа, умудрившись при этом прогнать одного из самых сильных его прислужников. Улизнула и унесла с собой свою проклятую кровь.

— Что ж, все становится несколько понятнее, — проговорила Держащая Щит, выслушав весь рассказ Рады о произошедших событиях. Правду о тех событиях Рада рассказывала лишь раз, как только они прибыли в Сол, царице Каэрос и ее Совету. И теперь она уже во второй

раз звучала и приобрела совершенно иной смысл под встревоженным взглядом темных глаз Держащей Щит. Эрис некоторое время молчала, потом устало покачала головой. — Хотя я все же никак не могу ухватить основную цель, основной ключ к тому, как все эти события связаны между собой. Словно есть что-то незримое, что-то очень важное, что я все время упускаю из виду. Что-то, что мы все проглядели.

— Если ты о том, зачем мы сдались Сету, то тут-то все как раз ясно, — Рада неловко пожала плечами. Вид у нее был смурнее некуда. — Ему нужны мои чистокровные дети, которые смогут во имя него залить кровью весь мир.

— Я не об этом, Рада, — покачала головой Эрис. Брови ее хмурились, взгляд блуждал по столешнице, словно среди узоров древесных спилов она могла усмотреть ответ на свой вопрос. — Я говорю о другом. Посудите сами. Анай были первой жертвой Сета, его первой целью. Он попытался начать вторжение здесь и получил отпор, однако частично достиг своей цели и освободил Эвилид. Теперь ты и твои братья, и Тваугебир, которого ты носишь под сердцем. Сет попытался достать тебя, но ты сбежала из его хватки, и не куда-нибудь, а именно сюда, в Данарские горы. Сбежала учиться у меня, которая когда-то дала ему столь жесткий отпор, и еще, к тому же, оказавшейся твоей родней по крови. — Она криво усмехнулась и покачала головой. — Боюсь, он вновь обратит свой взор на Данарские горы, и в ближайшие годы нам стоит ждать неприятностей. Вряд ли он просто спустит тот факт, что мы вновь разрушаем его планы.

— Прости, первая первых, — хрипло прошептала Рада. На нее смотреть было страшно: лицо потемнело и искажено скорбью, плечи безвольно опустились, губы дрожат. — Я не хотела навести на вас беду.

— А ты и не навела, — совершенно спокойно пожала плечами Держащая Щит. Вид у нее был каким-то... готовым ко всему, хоть и немного печальным. — Мы сами бросили ему вызов, мы сами сделали его врагами. Мы — то, чего он никогда не предполагал. — В голосе Эрис прорезалась сталь, глаза сузились. — Когда-то он разрушил то, чем мы были, рассчитывая, что этим сломает нас и уничтожит сильного врага. Но он просчитался и сам того не ведая выковал клинок, что однажды перережет ему глотку. И твой приход сюда — вовсе не твоя ошибка или просчет, вовсе не случайность, которой он не мог предугадать, как не были случайностью и мы, хоть по всему выходило именно так. Это закономерность, Рада, — Эрис настойчиво выделила тоном это слово. — Закономерность узора в том, что все сложилось именно так. Великая Мани не делает ничего просто так, и я вижу узор, который Она плетет. Ты — часть этого узора, и ты не могла прийти никуда, кроме как в эти земли. Так просто не могло сложиться, потому что узор потребовал бы твоего присутствия здесь в любом случае.

— И что это за узор? — с тревогой спросила Лиара, облизывая кончиком языка пересохшие губы. Она ощущала, что сейчас происходит что-то очень особенное, что-то тревожное. Как будто само пространство вокруг них натянулось, будто тугая тетива на выгнутом до предела луке.

— Я много размышляла обо всем, что произошло с того самого момента, как Лэйк впервые столкнулась с ондами на склонах Кулака Древних много лет назад, — негромко заговорила Эрис. — Кажется, с того момента столько всего случилось, такое невероятное нагромождение событий. Но если приглядеться внимательнее, все это больше похоже на выпущенную из лука стрелу, летящую точно в цель, прямо по самой кратчайшей траектории. И первой ее целью была битва за Роур. — Глаза Держащей Щит остекленели, словно она

смотрела сквозь время. — В той битве... я столкнулась с тем, что есть Сети'Агон, с тем, что он представляет собой. Не во плоти, не в той личности, которой он является в мире людей, но в том, что всегда стояло за ним, чьим орудием было физическое тело, которое все называли сначала Кроном, потом Сети'Агоном...

— Они — один человек? Не учитель и ученик? — Рада изумленно округлила глаза.

— Нет, дело не в этом, — рассеяно отмахнулась Эрис. — Естественно, они были разными людьми, один из которых учил другого. Но разве же те люди, которые совершают немыслимые для всех остальных поступки, разве же те люди, чья жизнь становится легендой, с которыми происходят невероятные события и вещи, разве они — люди? В полном смысле слова люди, как и все остальные?

— Я не знаю, — растеряно замотала головой Рада, а Лиара медленно опустилась на стул рядом с ней, во все глаза глядя на Эрис.

Ведь она говорила, в том числе, и о себе. И это было странно, это было необыкновенно, это полностью меняло все, что Лиара когда-либо думала об окружающем ее мире. Каждое мгновение, проведенное здесь, каждое ее слово меняет мое восприятие действительности, что было у меня всю жизнь. Кажется, ничего уже не осталось от той девочки, что чуть больше полугода назад пришла сюда.

— Взять, например, нас с Тиеной, — заговорила Эрис обыденным тоном, как могла бы рассуждать о том, почему трава зеленеет, и Лиара вздрогнула. Порой ей казалось, что Держащая Щит умеет читать мысли. — Я никогда не была чем-то особенным. О, я была дочерью Первопришедшей среди других анай, но я никогда не ощущала себя как-то особенно, понимаете? Как-то иначе, чем все остальные дети. Скорее, я смотрела на Лэйк и думала, что вот она-то — особенная, с ее упрямством, с ее верой, горящей, будто пламя Роксаны ярче тысячи солнц. Но со мной всегда происходили события чуть более странные, чем со всеми остальными. Или правильнее будет сказать, что они начинались совершенно так же, как и для всех остальных, но мое присутствие несколько меняло их последствия. Хоть я даже и не осознавала этого, я и знать не знала, что все это — только из-за моего прикосновения к ним. Со временем, чем больше я абстрагировалась от своего индивидуального восприятия мира, чем сильнее я придавала себя в руки Небесных Сестер, чем горячее я желала лишь исполнения Их воли, тем сильнее эта воля начала проявляться через меня, тем явственнее становились последствия этого. В какой-то момент произошел коренной перелом, когда я отдала свою личность Великой Мани и стала проводником Ее воли, коим и остаюсь поныне. С точки зрения обычного человека у меня нет своего «я». Просто для того, чтобы не смущать и не тревожить остальных, продолжающих именовать это тело Держащей Щит, оно использует слово «я» для описания этого сознания и этих физических границ. Понимаете?

Лиара помотала головой, даже не заметив, что ответила Рада. Это было... невозможно, но при этом невозможность сидела прямо перед ними и спокойно попивала чай, улыбаясь самым краешком губ. И невероятный свет лился из ее глаз, свет, по сравнению с которыми солнце было грязной мутной ледышкой.

— Тогда сразу же возникает резонный вопрос, — продолжала Держащая Щит. — Что представляет собой человек? Что представляю собой я? Я изначально являлась проводником воли Великой Мани, была своеобразной эманацией Ее во плоти, просто не осознающей того, чем является, и постепенно раскрывающей это в себе? Или я стала таковой, сознательно отказавшись от собственной индивидуальности, изначально являясь человеком, поднялась

до уровня Бога во плоти, способного по собственной воле менять мироздание?

Лиара поняла, что даже вздохнуть не может. Казалось, что все, что она когда-либо знала, думала и считала, прямо в этот миг переворачивается вверх тормашками и рассыпается в пыль. А перед ней сидит сама вечность, облеченная в плоть, преспокойно потягивающая чай и размышляющая о вопросах, запросто способных выломать все шестеренки из мозга Лиары и навсегда уничтожить ее способность удивляться.

О пожалуйста, сделай это! Молю тебя! Лиара даже не поняла, в какой ее части родился этот призыв, но он был одной из самых искренних ее просьб, что она когда-либо обращала к Великой Мани. Или — к Держащей Щит? И какова была разница между ними? И была ли она?

— Для того уровня Сознания, что представляет собой Великая Мани, разницы в этом нет, — продолжала рассказывать Эрис, и Лиара слушала ее всей собой. — В каждом живом существе заложена золотая искра Божественного, которая может быть развита и выращена до того уровня, когда она станет своим создателем. И тогда мы получим что-то вроде этого тела или тела той, что вы зовете Великой Царицей, но со своим собственным индивидуальным взглядом на мир и его составляющие. Потому что уникальность во множественности и создает единство, которого лишены живые существа.

Лиара помотала головой из стороны в сторону. Ощущение было таким странным, таким поразительным. Головой она не понимала ни слова из того, что говорила Держащая Щит, или это было чересчур сложно для ее понимания. Но что-то внутри нее буквально пело от счастья, ловя каждое слово, звенело от блаженства. Ведь слова Эрис были точным отражением переживания вселенского Ритма, состоящего из всего, что не раз приходило к Лиаре во время ее растворений в окружающем мире. И найти подтверждение этому в словах другого существа было... восхитительно.

— Однако существуют и некоторые другие создания, которые могут определенным образом влиять на проявленную реальность этого мира. Их называют Тенями, сущностями тонкого мира, называют отражениями того, что происходит здесь, — говорила Эрис. — Это не совсем верно, потому что наш мир является продолжением этого более тонкого мира. Наш мир является завершением всей лестницы миров, самой последней его реальной ступенью, физически ощутимой и при этом — лживой до самого своего основания. Потому что все, что происходит здесь, так или иначе контролируется существами более высокого и тонкого порядка, для которых люди становятся инструментами, фигурами на игральной доске, которые эти существа переставляют, забавляясь и используя для собственного развлечения. В случае со мной и Тиеной следует говорить о влиянии изначальной сущности, самой животворящей силы, создавшей все, которую анан называют Великой Мани. Именно Ее волю мы напрямую проводим в мир, являясь своеобразными каналами между Ней в чистом виде и миром твердых объектов, пронзающими все промежуточные слои и уровни бытия. Обычные люди, живущие свои маленькие жизни, делающие свою работу, идущие из жизни в жизнь, чтобы собрать необходимый багаж силы, мудрости, любви, все они достаточно редко привлекают к себе внимание высших сил из тонких миров, а если и привлекают, то служат лишь слепыми орудиями их планов. Но бывает так, что кто-то из этих сущностей имеет намерение воплотиться напрямую, чтобы совершить великие дела и поступки, то, что другим не под силу. Они подыскивают подходящую душу, имеющую предрасположенность, и подселяются в нее, сливаются с ней или начинают напрямую контролировать ее во имя достижения своих целей. Так появляются величайшие герои и те,

кто меняет мир.

— Ирантир? — тихо спросила Рада.

— Ирантир, — кивнула Держащая Щит. — В масштабах всего мира — он. В меньших масштабах, но не менее значимых, люди, которых мы называем героями, те, о ком слагают песни, складывают легенды. — В глазах ее заискрилась лукавая улыбка.

Лиара вдруг ощутила себя неуверенно, настолько неуверенно, будто весь мир дрогнул под ножками стула, на котором она сидела. Ведь они тоже с Радой были героями, ведь они прошли через Семь Преград, преодолели полмира, пережили столько испытаний. Выходит, и они тоже могли быть... Но это не укладывалось в голове. Это просто не вмещалось в систему мира, в которой Лиара существовала. И это было чересчур для нее.

— А Аватары? — жадно спросила Рада, подаваясь вперед, и Лиара поняла, что тоже слушает с живейшим интересом. — Что тогда такое — Аватары Создателя?

— О, я полагаю, что они представляют собой тот редчайший случай, когда происходит прямое воплощение, — тихо проговорила Эрис, и голос ее почти что дрожал от благоговения. — Когда Создатель напрямую входит в плоть и кровь, чтобы совершить то, на чем держится мир. Не действует сквозь канал или опосредовано, но напрямую эманурует себя. Впрочем, я могу быть и не права. Всех ответов я не знаю, потому что не спрашиваю о них. Полагаю, правду мы узнаем в ближайшее время, когда на наших глазах развернется Танец Хаоса.

Лиара кивнула, боясь даже шелохнуться и прервать рассуждения Держащей Щит. Станным образом любой разговор с ней, пусть даже на самые обыденные темы, в конце концов превращался в легенду, урок или рассказ, который кардинальным образом менял восприятие мира, устоявшееся в сознании Лиары. И она ловила себя на том, что с нетерпением ждет каждой новой встречи и беседы с Эрис.

— Но речь сейчас не об Аватарах Создателя. И даже не о героях, чьей судьбой руководят высшие силы в том или ином виде. Не все сущности, что обитают за Гранью, имеют нейтральную природу. Впрочем, нельзя сказать, что они и злонамеренны. — Взгляд Эрис стал отрешенным и почти прозрачным. — Они выполняют... определенную роль, которая отведена им в мироздании. Ведь нельзя же на полном серьезе называть злом руку учителя, что нанес тебе удар тренировочным мечом, удар, который рано или поздно ты выучишь и сможешь уклониться от него, что спасет тебе жизнь. В любом случае, даже самое ужасающее зло в нашем восприятии лишь способствует нашему пути, нашему продвижению вперед. А каждый камень, о который мы спотыкаемся на этом пути, лишь приближает нас к цели.

— Подожди, первая первых! — Рада решительно замотала головой, выставив перед собой ладони. — То есть ты сейчас хочешь сказать мне, что Сет и его армии Тьмы, его полчища дермаков, которые живьем жрут детей, — это тоже порождение Создателя?! Что это не зло?!

— Нет, конечно! — заморгала Эрис, пораженно глядя на Раду, словно на несмышленного ребенка, заявившего, что солнце — черное. — Нет никакого зла и добра, Рада!

— Но ведь... Но... — Рада хватала ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Лиара тоже смотрела на Эрис, смотрела и все никак не могла понять, просто не могла. На память пришли Свора, гниющий Пастырь Ночи, Сагаир. Все они хотели убить их с Радой, все они желали им смерти, и объективнее зла она просто не могла себе представить. Не говоря уже о самом Сети'Агоне, что породил их всех.

— Я постоянно твержу и твержу вам одно и то же, — с терпением и мягкостью

проговорила Эрис, и Лиара ощутила себя беспомощным бестолковым ребенком, который продолжает совершать одну и ту же ошибку в сотый раз, расстраивая учителя. — Мир един. Вот этот мир, — Держащая Щит постучала по столешнице, — вот он! — она пощупала рукав Рады. — Вот! — подняла чашку над столом. — Мир один, и все, что есть мир — есть и Создатель и Великая Мани, Сознание и Сила, сплетенные в одно, неразделимые. Неужели же вы можете себе представить какое-то место, что-то вроде отдельно взятой свалки, на которой валяется хлам того, что в этом мире не помещается? Или что за границами этого мира есть какой-то злой злодей, который хочет этот мир уничтожить и разрушить? — в голосе ее почти что прорезался гнев или что-то, что можно было бы назвать гневом, если бы это говорила не Держащая Щит. — Но это же глупо! Все едино! Сознание едино, пространство едино, все представляет собой единое неразрывное целое, потому что если бы оно было разрывным, мы бы видели склейки, в которых осуществляется переход мы бы видели разрывы в реальности, вроде громадных ущелий, но этого нет! Непрерывно течет время, связывая эпохи, непрерывно пространство, потому что нет куска земли, где не было бы ничего. Понимаете? И нет в мире ничего, что было бы за гранью этого мира. Все есть все. Все полное, единое, сгущенное и одновременное. Потому нет никакого зла, которое находилось бы за гранью этого мира или могло быть вытеснено из него. То, что одному зло, другому урок, третьему счастье. То, что одного убьет, другого закалит и даст ему силы спасти этого первого. Мир — это бесконечный обмен, бесконечная смесь черного и белого, лишённая категорий, лишённая окраски и полюсов. Как бы вы ни искали, вы не найдете света столь яркого, чтобы он не отбрасывал тень, человека или тварь столь злобную, что не совершила бы в жизни хотя бы одного поступка, который для других в итоге вышел добром. Поэтому даже Сет, даже все то, что он делает, — это тоже необходимость этого мира на его пути к развертыванию и полному проявлению, полному раскрытию его способностей. Сет — это камешек на пути, который в итоге позволит вам научиться, как пройти этот путь до конца. Я полагаю даже, что Сет до сих пор не побежден лишь по одной простой причине: цель его существования и проявления здесь еще не достигнута, он еще не исчерпал сути того, ради чего он был вообще сотворен Создателем. И вот как только мы поймем, в чем его суть состоит, мы победим.

Держащая Щит прервалась, чтобы плотнуть чаю, и Лиара поняла, что все это время почти что не дышала. Она сразу же судорожно втянула носом воздух. Эрис говорила им вещи, полностью сбивающие с толку. Эрис говорила как будто на совсем другом языке, и Лиара не была уверена, что полностью ухватила то, что пыталась донести до них Держащая Щит. Она взглянула на Раду. Вид у той был не менее сбитым с толку, брови сошлись к переносице, глаза напряженно всматривались в лицо Держащей Щит, будто та могла одним своим видом разрешить все ее сомнения.

— Так вот, — продолжила, будто ни в чем не бывало, Эрис, поставив чашку на блюде. Едва слышно звякнул фарфор. — С точки зрения необходимости в проявлении существование Сета объясняется стоящей за ним силой, одной из самых могущественных существ, едва ли не сильнейшей из них. Я столкнулась с ним во время битвы за Роур. Первый мятежный Сын Великой Мани, тот, что не пожелал жить как все, то, что захотел своей волей изменить мир и навязать ему собственный порядок вещей. Именно он стоит за спиной Сета, может, это и есть то, что вы зовете Сетом, только не облекшееся плотью. Я не знаю. В любом случае, однажды уже я одолела его, и он запомнил меня. А раз так, он вновь попытается что-то сделать и как-то помешать в осуществлении проявления, которое мы

пытаемся сделать реальным вместе с Тиеной. Это проявление предначертано, оно придет, оно уже началось, и изменить ход событий не сможет ничто. Сет сопротивляется ему так или иначе, потому что такова его суть — создавать препятствия на пути. Каждое препятствие — это потенциальная возможность, выход всегда там же, где и вход. Дверь-то всего одна. Разница только в том, согласен ли ты приложить усилие и найти этот выход.

Эрис вдруг вскинула глаза и оглядела их с Радой так, будто только что впервые увидела. Ее взгляд сфокусировался, на губах вновь появилась мягкая улыбка. Лиара вздрогнула. У нее было ощущение, словно она вынырнула из некоего резервуара силы, в который ушла почти что с головой, подчиняясь плавному звучанию голоса Держащей Щит.

— И ваш приход сюда, в Данарские горы, должен так или иначе быть связан со всеми этими событиями. Полагаю, нам в руки дают козырь, чтобы победить Сета. Обычно Великая Мани так и поступает, создавая возможность выхода из кризиса еще до того, как кризис разразится. Нужно лишь немного внимательности, чтобы увидеть эту возможность, и вещи сложатся наилучшим образом. А мы будем смотреть очень внимательно, — улыбка Эрис вновь стала лукавой. — И коли так, значит, весь вопрос сводится к твоей крови, Рада. Мы одного рода, но в моей крови проклятья нет, а твоей — есть. Совпадений не бывает, поэтому полагаю, что наша основная задача — понять, что же произошло в толще тысячелетий, что случилось, что вызвало появление этой серебряной крови в роду у Стальвов. И что нам сделать для того, чтобы извлечь максимальную выгоду из этого, чтобы сделать оружие из того, что всегда считалось слабостью.

Эрис мягко улыбалась им, будто они беседовали о чем-то совершенно отвлеченном, в то время, как у самой Лиары глаза буквально на лоб лезли от всего только что услышанного. За несколько мгновений Эрис перевернула весь ее мир, буквально переставила его с ног на голову да еще и хорошенько потрясла при этом. И проделала все это с такой потрясающей легкостью, что Лиаре оставалось лишь таращиться на нее, раскрыв рот от изумления.

— Между нами есть и еще кое-что общее, Держащая Щит, — хрипло проговорила Рада, во все глаза глядя на Эрис. Голос ее звучал совсем сипло, вид был потрясенным, но она уже почти справилась. Несмотря на все безумие происходящего, Лиара ощутила, как внутри все сжимается от теплой нежной гордости. Ее Рада всегда сражалась до самого конца и никогда не сдавалась, какой бы силы удар ей ни нанесли. Я никогда не перестану любоваться тобой, мое сердце! Никогда, клянусь!

— Что же? — с живейшим интересом подалась вперед Эрис. Казалось, для нее все это было едва ли не игрой. Развлечением или забавой из числа тех головоломок, что делали кузнецы для детишек. Хаотичная связка металлических деталей, которые, стоит лишь приложить некоторое количество усилий и смекалки, складываются в четкую красивую картинку.

— Я даже не знаю, как это назвать, — вдруг рассмеялась Рада. Она вскинула глаза на Держащую Щит, и взгляд ее был озорным, едва ли не таким же азартным, как у самой Эрис. — Мне рассказывали, что ты когда-то нашла заброшенный город под Кулаком Древних. И что кто-то высказывал предположение, будто это может быть каким-то отражением реальности, пульсацией миров. Что этот город может существовать не в нашем мире, но в каком-то другом, и что он вроде бы как накладывается на наш мир и присутствует в нем какое-то время. Так ведь?

— Так, — кивнула Эрис. Глаза ее не отрывались от Рады.

— Примерно такую же штуку мы видели под Эрванским кряжем, первой преградой, —

удовлетворенно проговорила Рада. — Нас вел Молодой Бог, облекшийся плотью, и вряд ли он стал бы брехать, во всяком случае, Алеор сказал, что он на это неспособен. Так вот он сказал, что под Эрванским кряжем образуются своеобразные миражи, когда наш мир и какой-то другой накладываются друг на друга, и что туда при желании можно пройти. Я видела в этом мираже город глубоко под землей, город из сверкающих сталактитов, населенный золотоглазыми пепельноволосыми эльфами.

— Рольх'Кан рассказывал мне об этом, — вдруг прищурилась Эрис. — Он говорил, что горняки Тарна на далеком севере иногда видят нечто подобное глубоко под землей.

— Думаю, это все не просто так происходит, первая первых, — удовлетворенно кивнула Рада. — Мы увидели это, и, честно говоря, мне не дает покоя этот город. А уж когда я услышала о том, что что-то подобное есть и под Данарскими горами... Редлог говорил, что подобные миражи вызваны аномалией в излучении Источников. И коли так, то под Эрванским кряжем больше ничего нет, потому что мы запечатали Черный Источник. Но здесь, — голос Рады дрогнул от плохо сдерживаемого нетерпения, — здесь может быть проход.

Лиара ощутила, как само пространство вокруг нее завибрировало. Волны немислимой силы расходились в стороны, колыхая весь мир, как ветер играет с тонкой занавеской на окне. Глаза Эрис были огромными, словно два бездонных океана.

— Ты хочешь отправиться туда, — проговорила она, и губы ее растянулись в улыбку, а в глазах появилось что-то совсем детское. Как когда ребенку вдруг говорят, что под соседним холмом зарыт клад, и он бросается туда, готовый голыми руками разрывать землю и уже представляя себе полусгнивший сундук, набитый золотыми монетами. А еще Лиара поняла, что и сама она чувствует то же самое: непреодолимый зов тайны, загадки, дороги. Кажется, ты заразила меня этим, Черный Ветер. Дорогой, что никогда не кончится, поиском, которому нет конца.

— Да, — Рада энергично кивнула головой, широко ухмыляясь в ответ Эрис. — Я очень хочу отправиться туда. Мне нужно лишь понять, как пульсируют эти миры, с какой периодичностью, как вернуться обратно. Это может быть связано с Танцем Хаоса. Возможно, по ту сторону мы получим какие-то ответы, может, найдем решение, как справиться с Сетом. Если ты говоришь, что все связано, первая первых, если мы не просто так попали сюда, если все дело в крови, что течет в моих жилах, то дорога нам — туда. Потому что еще больше совпасть просто невозможно.

— Два человека с одной кровью, что видели один и тот же мир в пульсации миражей глубоко под горами, где кроме них больше никто не ходил, — едва ли не со смехом повторила Эрис, качая головой. — Да уж! Ярче совпадения и представить сложно!

— Значит, тыпустишь нас туда, первая первых? — Рада с жадностью взглянула на Эрис. — Я знаю, Лэйк отпустит, она уже обещала мне это. Но я не была уверена согласишься ли ты.

— Соглашусь, — кивнула Эрис, и лицо Рады просветлело. — Вот только, полагаю, не стоит нам бросаться туда опрометью, грозя в любой миг переломать себе шеи. Не думай, что я пытаюсь остановить или задержать тебя, у меня нет такой цели. Город под Кулаком Древних и мне не дает покоя уже половину моей жизни, и мне тоже не терпится узнать, что это за место, что оно значит для всего узора в целом. Но для начала мы все изучим. Перед тем, как забрасывать вас со Светозарной на другую сторону реальности, я хотела бы быть уверена в том, что вы вернетесь оттуда живыми. Поэтому я предлагаю следующее. — Рада

подалась вперед, Лиара вглядывалась в глаза Эрис, которая очень серьезно смотрела в ответ на них обеих. — Как только вы закончите обучение полету и получите последнюю инициацию у Источника Рождения, отправляйтесь в форт Аэл. Я переговорю обо всем с Лэйк, предупрежу ее, и она не откажет вам в назначении туда. Обживетесь в форте, осмотритесь, постараетесь откапать заваленные нами во время войны тоннели. Сказать по правде, я тогда на славу постаралась, и мы завалили намертво каждую трещинку, что могла вывести дермаков на поверхность. На то, чтобы расчистить заваленные проходы, могут уйти годы, но с помощью силы крови Светозарной, полагаю, вы справитесь гораздо быстрее.

— Благодарю тебя, Держащая Щит, — склонила голову Лиара, чувствуя невыносимый мандраж. Она не понимала, что сейчас происходит, но она знала совершенно точно, что это очень важно. Как будто она была кораблем, и чьи-то руки схватили рулевое весло ее судьбы и вывернули его в другую сторону. И волны подхватили ее под руки-весла, и ветер надул паруса, и звезды мерцали над головой, указывая путь, маня, зовя. Слезы подступили к горлу, и Лиара ощутила, что ей сложно дышать. Склонившись еще ниже, она сжалась в комочек перед Эрис, не зная даже, как еще выразить свою благодарность, все то, что безмолвно распирало ее грудь, грозя буквально разорвать на клочки. — Благодарю тебя за все, что ты сделала для нас обеих! Благодарю Тебя, Великая Мани!

— Да пока что не за что, — попыталась отмахнуться Эрис, но рядом слова благодарности хлынули и из Рады, и ей пришлось выслушать и принять их, хоть она и мягко улыбалась в ответ.

Когда наконец поток слов и благодарностей иссяк, Держащая Щит окинула их обеих мягким материнским взглядом, и Лиара вновь ощутила себя в надежных ладонях, что с превеликой нежностью несут ее через все невзгоды над бурлящими волнами ее собственной жизни.

— Мне очень жаль, что вы пробыли в Роще так недолго, — заговорила Эрис, ободряюще улыбаясь им. — Может быть, сами вы этого не замечаете, но что-то невероятное есть в вас обеих, и это что-то изменило течение наших жизней. Все изменилось и в становищах Каэрос, и в Роще после того, как вы попали сюда. Анай тянутся к вам, Небесные Сестры благоволят вам и окружают вас Своими чудесами. Даже течение самой силы становится... плотнее и гуще, когда вы рядом. Я не знаю, для какой цели Великая Мани избрала вас, но я уверена, что скоро мы узнаем это. Потому что ваш путь только начинается, и вы делаете свои первые шаги, еще совсем неумелые, совсем неуверенные. Но скоро придет время великих дел, скоро придет время великого перехода. — Глаза Эрис вновь затянула дымка вечности. — Я почти чувствую это, и все мое существо трепещет в предвкушении. Нам всем посчастливилось родиться в невероятное время, время перемен. Время, когда происходит великий Излом, когда прошлое и будущее смешиваются, становясь настоящим, когда все законы рассыпаются пылью, и в мире просыпается Чудо. Как бы страшно, как бы больно, как бы ужасающе это ни было, это все равно красиво. И мне хочется плакать, когда я вижу эту красоту. — Некоторое время Эрис молчала, и глаза ее светились приглушенным закатным сиянием в тишине середины лета. Потом она как будто встряхнулась и вновь с улыбкой взглянула на Раду с Лиарой. — И хоть вы пробыли здесь совсем недолго, недостаточно, чтобы я могла понять, что вы из себя представляете, я совершенно уверена в том, что ваш отъезд сейчас необходим, и еще — что вы вернетесь, обязательно вернетесь, и у нас будет еще много времени, чтобы провести его вместе. Да и Тиена будет очень рада вам. — Эрис негромко усмехнулась. — Она уже окончательно озверела от всех этих толп, что только и

делают, что кланяются ей. Ей будет очень не хватать тренировок с тобой, Черный Ветер, я уверена в этом.

— Почту за честь возобновить их, как только мы вновь окажемся здесь, — Рада вновь низко склонила голову перед Держащей Щит. — Мне никогда не доводилось учиться у столь умелого фехтовальщика. Это неоценимый опыт.

— Что ж, — Эрис поднялась со своего стула, и Лиара как будто очнулась от долгого яркого сна, полного удивительных картинок и событий. — Тогда мне пора идти. Желаю вам доброй ночи, к сожалению, последней ночи в Роще, и буду очень ждать вашего возвращения в будущем году. Полагаю, к тому моменту мы сможем уже больше рассказать друг другу. И как только вы пройдете испытание, вас ждет Кулак Древних. Об этом можете не тревожиться, мы с Тиеной сдержим свое слово.

— Благодарю тебя, первая первых, — Лиара вновь низко поклонилась Эрис. Эхом прозвучали слова благодарности Рады.

А потом за Эрис закрылась дверь, своим щелчком резко вернув их обоих в реальность. Лиара заморгала, как будто только что проснулась. За окнами было совсем темно, ложилась тихая осенняя ночь, и облака плотно укрывали небо, не позволяя ни единой звездочке проглянуть глазком сквозь свою густую пелену. В помещении тоже стоял полумрак, в котором светилась лишь чаша Роксаны в углу под потолком. Наверное, ее зажгла Держащая Щит. Во всяком случае, Лиара не помнила, чтобы кто-нибудь из них с Радой делал это. А еще было зябко: печь давно остыла, а к ночи сильно похолодало.

— Я затоплю, — хрипло пробормотала Рада, едва Лиара успела даже взглянуть в сторону печного бока.

Но перед тем, как уйти разводить пламя, она подхватила с кровати шерстяной плед и заботливо укутала им плечи Лиары, слегка сжав их и чмокнув ее куда-то за ушком. И в этом была такая нежность, что ей захотелось свернуться клубочком в сильных руках Рады и мурлыкать, будто теплый уютный кот.

Странная тишина пала на их дом с уходом Держащей Щит. Вроде бы все уже было сказано, но при этом столько вопросов еще хотелось задать, столько слов произнести. Вроде бы все было уже решено, и дорога звала их, а на дворе стояла угольно-черная ночь, и это значило, что они только с завтрашним рассветом отправятся в путь. И вроде бы нужно было собрать вещи в дорогу, а у них с Радой и собирать было нечего. И Лиара при всем при этом чувствовала себя такой странно легкой, такой пустой и невесомой, что ей хотелось просто сидеть, глядя в пространство перед собой огромными глазами и пытаться увидеть в нем тот узор, о котором все твердила Эрис. Узор, ключом к которому были они с Радой, и от этого тоже было так удивительно волнительно, что сердечко в груди то замирало, то вновь бросалось вскачь.

— Что ты думаешь обо всем этом? — тихонько спросила ее Рада, вернувшись из кухоньки, где теперь уютно потрескивала печурка.

— Я даже не знаю, что думать, Рада, — честно отозвалась Лиара. В голове у нее была гулкая пустота, и от этого внутри разливалось теплое удовлетворение. — И честно говоря, не хочу ничего думать. То ли я еще все это не до конца осознала, то ли вообще разучилась осознавать. Я просто верю всему, что делают Эрис и Тиена, верю всему, что они говорят. Вот и все.

— Я тоже, — тихо пробормотала Рада.

Она подошла к Лиаре и крепко обняла ее. Несмотря на разожженную печь, воздух еще

не успел прогреться до конца, и кончик носа у Лиары совсем замерз. Она поспешно спрятала его у Рады на груди, уткнувшись в ее теплую шерстяную форму. Было так хорошо вдыхать ее запах. К нему примешивался запах смолистых бревнышек в печи, запах их уютного дома, запах хлеба и осенней ночи. Что-то очень важное сейчас дрожало в воздухе между ними. Что-то безымянное и безумно красивое.

Вдруг в дверь постучали, и Лиара задумчиво обернулась, слегка отстранившись от Рады. Она даже не удивилась. После всего услышанного от Держащей Щит она пребывала в странном состоянии то ли шока, то ли глубочайшего покоя, и просто не могла больше ничему удивляться.

— Кто там? — прикрикнула Рада, не выпуская ее из рук и поверх ее головы глядя на дверь.

С тихим скрипом входная дверь отворилась, и внутрь помещения просунулась голова Иштум. Ее темные брови сошлись к переносице, зеленые глаза были огромными, что плоски.

— Доброго вечера, — неловко пробормотала она, сразу же утыкаясь взглядом себе под ноги. — Мы тут прослышали, что вы завтра утром уезжаете обратно в Сол, и решили попрощаться с вами. Мы будем ждать на улице. Вы выходите, как будете готовы.

Больше она не сказала ничего, поспешно захлопнув за собой дверь. А Рада вдруг громко рассмеялась и звонко чмокнула Лиару прямо в кончик ледяного носа.

— Ну что, искорка, не оставят нас с тобой сегодня в покое, да? Ладно, давай-ка, потуже заворачивайся в плед, и пойдем. Надо попрощаться с девчонками. Негоже уезжать, не сказав никому ни слова.

Сегодня произошло уже слишком много всего, чтобы Лиара могла на что-то реагировать. Она только кивнула Раде и вышла следом за ней из домика в холодную осеннюю ночь.

===== Глава 57. Новая жизнь =====

Осенняя ночь была холодной, почти морозной и очень темной. С губ Лиары срывались облачка белого пара, который моментально растворялся в ледяном воздухе. Тихонько шуршали на легком ветерке верхушки пушистых криптомерий, высохшие потемневшие травы под ногами покрывал тонкий слой серебристого инея.

В нескольких шагах от крыльца их дома сгрудились пять Младших Сестер, с которыми они учились летать все это время. Все они ежились на ветру, переминаясь с ноги на ногу, приглушенными голосами что-то обсуждали. Маленькая Шатур демонстративно встала как можно дальше от высоченной Анрут, вскинув голову и едва не подпрыгивая на цыпочках, чтобы выглядеть выше. Лафь топталась возле Анико, которая быстро рассказывала что-то ей на ухо, то и дело принимаясь хихикать и прикрывать лицо рукой. Иштум все больше хмурила свои пушистые брови, стоя чуть в стороне от остальных Младших Сестер и бросая на них сосредоточенные взгляды. Вид у нее был какой-то взъерошенный.

Как только они с Радой спустились с крыльца, Младшие Сестры под предводительством Иштум двинулись им навстречу.

— До нас дошел слух, что вы уезжаете, — подалась вперед долговязая Лафь. Глаза у нее горели от нетерпения. — Это все потому, что Шарис забирает вас в Аманатар, да?

— Не может быть такого. Я уже говорила тебе, что это глупость, — фыркнула Шатур, передергивая плечами и поправляя на них белую шерстяную шаль. Но все-таки искоса взглянула на Лиару, ожидая от нее подтверждения своим словам.

— Нет, мы едем не в Аманатар, — покачала головой Рада, и все пять Младших Сестер живо навострили уши, ловя каждое ее слово. — Мы возвращаемся в Сол.

— Но это ведь из-за него, да? — насупилась Анрут. Она выглядела какой-то обиженной. — Из-за эльфа?

— Скорее, из-за моей собственной глупости, — неловко пожала плечами Рада.

Младшие Сестры дружно устали на носки своих сапог, разглядывая их и так, и эдак. Среди анай считалось очень невежливым признавать, в чем состояла та или иная ошибка или просчет сообщившего об этом до того, как он сам все расскажет. Но Лиара видела, что они буквально сгорают от любопытства. Шатур, казалось, сейчас вовсе разорвет краешек своей шали, которую она теребила в руках. Лафь раскачивалась с пятки на носок с такой амплитудой, что было удивительно, почему она вообще до сих пор держится на ногах и не падает. Анрут громко засопела, то и дело бросая на Раду с Лиарой осторожные взгляды из-под пушистых ресниц.

Рада тяжело вздохнула и взглянула на Лиару с таким беспомощным видом, что та едва не рассмеялась.

— Наше присутствие здесь создает дипломатический инцидент, — тихонько пояснила она, и девчонки осторожно подняли на нее полные любопытства взгляды. Коли человек сам рассказывал о своем проступке, то выслушать его не возбранялось. А именно этого им сейчас хотелось больше всего на свете. — Мы — эльфы, и мы находимся в Роще на постоянной основе, а эльфам Аманатара это запрещено. Посол запросил одинаковых с нами прав, и Великая Царица не могла с этим согласиться. Но и оставить нас здесь тоже не могла, потому мы возвращаемся в Сол.

— Проклятые эльфы! Вечно везде суют свой нос! — поморщилась Анрут, вид у нее был раздраженный.

Лиара только скупой улыбнулась, постаравшись пропустить этот комментарий мимо ушей. В конце концов, их с Радой здесь уже как эльфов не рассматривали, считая своими, членами клана. Как и Держащую Щит, хоть та и была наполовину эльфийкой. Это было даже приятно: знать, что анай принимают тебя за свою, но Лиара все равно ощутила и маленький укол обиды где-то глубоко внутри. Она-то знала, что не все эльфы одинаковые. Был еще и Алеор, были эльфы Иллидара, что помогли ей сбежать оттуда, Ильвадан и Лиада. К сожалению, еще с кем-либо из бессмертных Лиаре пока познакомиться не посчастливилось, но и среди тех, кого она знала, тоже встречались порядочные и хорошие люди. А анай, какими бы открытыми, чистыми и честными по сравнению со всеми остальными народами они ни были, все равно порой были чересчур скоры на приговор.

Впрочем, Анрут вдруг вздрогнула, бросила быстрый взгляд на Лиару с Радой и сконфуженно потеряла ладонью нос. Судя по всему, свою ошибку она осознала.

— Но вы же вернетесь? — подалась вперед зеленоглазая Анико, глядя на них с неподдельной тревогой. — Вы же не навсегда улетаете в Сол? Держащая Щит ведь очень хотела, чтобы вы жили и учились здесь, у нее.

— Мы знаем, — кивнула Рада с какой-то мрачноватой решимостью, а Лиара добавила:

— Мы вернемся весной, чтобы войти в Источник Рождения. Да и потом, я думаю, будем часто прилетать сюда. — Она невольно оглядела высокие верхушки криптомерий, вдохнула всей грудью пряный запах осени, полный листьев, хвои, мхов. — По крайней мере, мне очень хотелось бы пожить здесь еще какое-то время.

Лица стоящих вокруг Младших Сестер просветлели, они заулыбались. Иштум негромко

кашлянула в кулак, привлекая к себе внимание, бросила быстрый взгляд на Раду с Лиарой и заговорила, оперевшись взглядом в землю у себя под ногами. Голос ее звучал приглушенно, уши горели яркой краской, и это было видно даже в темноте.

— Мы не думали, что вы так резко сорветесь с места, поэтому не успели приготовить вам что-то вроде прощального вечера. Зато у нас появилась идея. — Она искоса взглянула на остальных Младших Сестер, и те закивали, подбадривая ее. Глубоко вздохнув, Иштум неловко почесала в затылке и продолжила еще более тихим голосом: — Дело в том, что я владею Песней Земли. Еще не настолько хорошо, чтобы вместе со старшими сестрами петь Роще, но достаточно, чтобы иногда помогать им. Вот мы и подумали, что, может быть, вам захотелось бы вырастить маленькое деревце в память о вашей учебе здесь. Я могла бы спеть ему...

На этом поток ее слов прервался, и Иштум сконфуженно замолчала, глядя себе под ноги. Лиара ощутила, как внутри распускается теплая золотая нежность, поддалась порыву, шагнула вперед и обняла Иштум. Та удивленно заморгала, явно не ожидая такой ее реакции, и ее руки неуверенно легли в ответ на плечи Лиары.

— Мы были бы очень рады этому! — от всей души проговорила Лиара, поверх плеча Иштум окидывая взглядом всех остальных анай, которые смущенно улыбались им с Радой. — Нам было очень-очень здорово учиться вместе со всеми вами! И мы будем очень по вам скучать, когда вернемся в Сол!

— Мы тоже! — расплылась в широкой улыбке долговязая Лафь, а Анрут вновь потеряла нос, бросая на них с Радой неуверенные взгляды. Но улыбалась она при этом очень довольной.

— Тогда пойдемте! — энергично кивнула маленькая Шатур, туго затягивая шаль узлом на груди. — Вам завтра рано с утра отправляться в путь, так что будет лучше, если вы успеете выспаться.

Лиара тихонько улыбнулась про себя. Она была уверена, что маленькая полненькая Ремесленница однажды станет наставницей. И ей было даже немножко жаль ее будущих учениц, ведь Шатур умела быть строгой и совершенно несклонной ни к каким компромиссам.

Стараясь не слишком шуметь и говорить как можно тише, Младшие Сестры и Рада с Лиарой направились в сторону Роши. Лиара шагала рядом с Радой, держа ее теплую ладонь в своей. Вокруг радостно гомонили остальные Младшие Сестры, наперебой обещая им, как закончат обучение, прилетят в Сол и проведут их, обещая им встречу весной и самый настоящий пир, который они закатят в честь своих гостей. Так хорошо было на душе Лиары в этот момент, что хотелось петь, и она едва слышно напевала себе под нос что-то очень тихое и нежное, от всей души прося благословения и Милости для них всех. Ведь Младшие Сестры стали ей друзьями за это пусть и короткое, но сложное для них всех время обучения. И ей очень хотелось, чтобы жизни их сложились так, как они сами попросят того у Милосердной Пряхи и Ее Небесной Мани.

А еще внутри зашевелилось любопытство, хоть Лиара и думала какие-то четверть часа назад, что больше уже просто не способна испытывать эмоций. За все время пребывания в Роще она мечтала хоть раз услышать Песню Земли, с помощью которой Раэрн ускоряли рост гигантских деревьев, но еще ни разу у нее не получилось это сделать. Поначалу тренировки отнимали слишком много времени и сил, и она уже просто физически была не в состоянии бродить по лесам в поисках Поющих Земле сестер. Потом тренировки стали легче, а может, просто ее тело привыкло к таким нагрузкам, и у них с Радой появилось время, в которое они

гуляли по окрестным лесам и учились обращению с крыльями или просто рассматривали царящую вокруг красоту. Но во время этих прогулок встретить Поющих Земле у нее тоже не получилось. Хоть саму Песнь она и слышала несколько раз самым краешком уха, доносящуюся откуда-то издали, тягучую и сладкую, как мед. Но подойти ближе и тем более постоять, послушать, у нее возможности так и не представилось.

И вот теперь осенняя ночь шепталась в кронах криптомерий над ее головой и недовольно хмурила на нее с неба свои глаза-звезды. Холодок пробирал сквозь шерстяную форму, заставляя Лиару ежиться и плотнее обхватывать себя руками. Даже не задумываясь о том, что делает, она выбрала из этого ветерка самые теплые потоки и окружила ими себя и своих друзей, отчего ночь перестала казаться такой неприветливой и злой, как поначалу. Правда, окружающая обстановка все равно действовала несколько угнетающе, и вскоре Младшие Сестры вокруг нее попритихли, перестав болтать и громко хихикать. Теперь они молча ступали вперед, белые фигуры на фоне темного ночного леса, словно лунные блики на воде или танцующие на ветру мотыльки.

Все было странно сейчас, волшебное, непривычное. Особенно после всего того, что рассказала им Держащая Щит. Сейчас мир казался Лиаре каким-то особенно загадочным, тарачившим на нее свои черные ночные глаза, шелестящий на ветру вокруг нее и над ней. Ее ноги бесшумно приминали мох, ставший к осени каким-то непривычно жестким и неподатливым. Подумать только всего месяц тому назад на рассвете они с Шатур ходили сюда с лукошками, чтобы собирать алую крупную бруснику. Солнце тогда пробивалось золотыми лучами сквозь прозрачные своды криптомерий, и в его рассветных лучах сочными градинами крови устилала ягода ярко-зеленые кочки. И они с Шатур, восхищенно переговариваясь, ползали под густым сводом, набирая полные пригоршни ягоды, позабыв обо всем на свете, любуясь игрой солнечных лучей на тонких серебристых паутинках с нанизанными на ниточки каплями росы. И едва не пропустили тренировку у Гутур, зазевавшись и почти позабыв о времени.

Лиара улыбнулась, отпуская золотое видение и глядя на то, как тревожно раскачиваются толстые ветви криптомерий над головой. Все менялось, каждая секунда этого времени не была похожа на предыдущую, каждый следующий день нес с собой совершенно иные сказки, совершенно иную жизнь. Все менялось вокруг нее, словно мир наконец-то открывал свои глаза и безмолвно тарачился на самого себя, словно наступал миг тишины, самый главный, самый торжественный, самый напряженный. Миг чуда и великих дел, миг, в который все изменится, после которого ничто уже никогда не будет прежним.

— Ветер меняется, — тихонько проговорила идущая рядом Рада. Лиара вскинула голову и взглянула в лицо своей нареченной, своей любимой, Небесами суженной. Странное ожидание сквозило в ее чертах, глаза напряженно вглядывались во что-то, видимое лишь ей.

— Все меняется, — отозвалась Лиара, покрепче сжимая ее ладонь в своей.

Впервые в жизни ей было не страшно встречать эти перемены. Их несли золотые глаза Держащей Щит и надежные плечи Великой Царицы. И Рада стояла подле нее, нестигаемая как скала, способная выдержать любую бурю, любой шторм, который только может швырнуть на них разбушевавшаяся от ярости осень. И Лиара не боялась перемен, больше не боялась.

Они шагали среди высоких темных стволов криптомерий, что окружали их безмолвными стражами ночи. Тонкие веточки кленов клонились под ветром, царапали их за стволы, и лес полнился шорохами и стуком. Облака ползли так низко, почти что над самыми

кронами деревьев, изорванные, клочковатые, чересчур торопливые. Лиара смотрела на них во все глаза. Весь мир спешил. Измученный, усталый, донельзя истерзанный, мир так спешил навстречу... чему? Тому, что должно было случиться? Тому, что должно было измениться? Он словно молил, обессиленный и донельзя слабый, молил из последних сил об избавлении. И Лиара все гадала: об избавлении от чего? И чего же он так просил?

А потом они пришли. Сделав последний поворот, тропинка вывела их к излучине безымянной реки. Вволю напившаяся дождями, река поднялась и разлилась широко, полностью укрыв своими полами прибрежную гальку, подступив к самым корням деревьев, заграбастав черными пальцами даже густые прибрежные травы, которые теперь залило целиком вместе с кочками, и лишь самые горбыли их спин торчали над темной беспокойной стремниной. Река плескала в темноте, шептала, шелестела травами, волокла по течению сорванные ветром листья. Было так темно, что Лиара даже не видела ее противоположного берега. Из темноты вырастали понурые головы плакучих ив, длинные ветви которых, будто волосы рыдающей над водой женщины, полоскало течением, тянуло, дергало. Лиара заметила большой валун, под одной из ив. В нем было углубление, где собралось немного воды, и в нем плавал длинный сухой листок, который ветром гнало по кругу.

— Мы пришли, — объявила Иштум. Она низко поклонилась реке и зашептала под нос катехизис. Остальные Младшие Сестры последовали ее примеру.

Лиара тоже вознесла хвалу Аленне. Еще какие-то полгода назад она бы и не задумалась об этом, во всяком случае, таким образом. Лиара всегда любила воду, любила подставлять лицо дождю и ощущать его мягкие прохладные поцелуи на коже, любила сугробы снега, в которых можно с хохотом валяться, любила студёные ручейки с водой сладкой и такой холодной, что от нее стынют зубы. А уж как ей нравилось море: огромное, беспокойное, рычащее растревоженным зверем и без конца бьющееся и бьющееся о скалы в бессильной злобе. Ее всю жизнь учили, что всей этой водой заправляет Асафир, Бог Воды и Морской Пучины, но никогда Лиара не испытывала желания сказать ему хоть что-то или обратиться к нему за помощью. Он никак не ассоциировался с той манящей невероятной красотой искрящегося солнца в бегущем по камешкам звенящем ручье или стоячей воде заросшего ряской и тиной озера, сквозь спокойную зеленую толщу которой наискось пробиваются к замшелому дну ослепительно-золотые копыя света. Зато ассоциировалась Аленна, и сейчас, когда Лиара почти что в ноги кланялась бурлящему во тьме перед ней норовистому осеннему половодью, она почти видела холодные и гневные глаза Жестокой, Ее стиснутые в нитку губы, Ее недобрый взгляд.

— Будь милостива к нам, Мани Ручьев и Рек, — едва слышно прошептала она, чувствуя, сколько силы и правды вкладывает в этот простой призыв, в котором и в помине не было торжественной пафосности служб Церквей Молодых Богов. — Будь милостива и нежна и распахни нам навстречу Свои ледяные руки.

— Вот сюда мы и шии, — прозвучал рядом удовлетворенный голос Иштум, и Лиара обернулась, не выпуская из своей ладони пальцы Рады. — Посветите мне.

Не раздумывая, Лиара раскрыла крылья за спиной, также поступили и остальные Младшие Сестры. На открытом пятачке возле самой реки в отсветах золотых крыльев теперь был виден маленький росточек, разбросавший в стороны тонкие зеленые листочки. Он трепетал на ветру, словно живой, низко клонясь к земле от его порывов, но упрямо тянулся вверх, отказываясь сгибаться и кланяться перед разошедшейся во все стороны рекой.

— Это — ива, дерево Милосердной, — негромко проговорила Иштум, присаживаясь на

корточки возле ростка. Остальные Младшие Сестры полукругом обступили ее, не разговаривая и наблюдая за тем, что она делает. Ладони Иштум нежно обняли пару все еще зеленых листиков, торчащих на самой макушке ростка, огладили их, будто живое существо. — Я знаю, Каэрос больше любят сосну, дерево Роксаны, но мне почему-то эта крохотная ива напомнила тебя, Светозарная. — Иштум взглянула на нее, и в ее изумрудных глазах отражались золотые переливы света от крыльев. Улыбка на ее губах теперь была рассеянной и какой-то очень особенной, посвященной маленькому ростку между ее ладоней. — Обычно так бывает легче, если с тем или иным ростком ты чувствуешь близость. И мне очень хотелось бы вырастить для вас эту иву, если вы не будете против.

— Конечно же нет, — голос Рады звучал сипло и как-то потрясенно. — Только скажи, что нам делать.

— Спасибо тебе, Иштум, — улыбнулась Лиара и легонько тронула ее за плечо. Она знала, что анай не любят публичного проявления чувств, но по-другому просто не умела.

Зеленоглазая Раэри только как-то неуверенно тряхнула головой, кивнула им и вновь повернулась к растению, сосредоточено глядя на него.

— Обычно мы не отдаем предпочтение какому-то отдельному ростку и поем всей Роще, каждому растению в ней. Но мне всегда казалось, что лес как будто... отзывается что ли, если ты обращаешься и к какому-то растению в частности. Они ведь живые, каждое из них и все вместе. — Голос Иштум стал глуше, нежнее. — Наставницы говорят, что так мы заводим любимчиков, и что этого делать ни в коем случае нельзя. Но разве же плохо, что кто-то из них кажется красивее других? Разве же можно пройти мимо заболевшего, погибающего под забивающими его сорняками ростка? Просто потому, что таков закон, только потому, что все должно развиваться гармонично, и не нам решать, кому помогать, а кому нет?

— Думаю, такие размышления наставницы и пытаются пресечь, — пробормотала себе под нос Шатур, недовольно передернув плечами, но Иштум, кажется, ее не услышала.

— Помогать нужно всем, — твердо проговорила Анрут, и Шатур бросила на нее недовольный взгляд. Правда, взгляд этот сразу же сменился глубокой задумчивостью, ведь фразу Анрут можно было понять двояко.

— Поэтому я спою именно этому деревцу, — вновь продолжила говорить Иштум. В голосе ее зазвучала уверенная твердость. — Оно напоминает мне вас обеих. Такое же упрямое, негибкое, такое же стойкое. Я уверена, что и без моей помощи это деревце рано или поздно стало бы большим и сильным, но немного поддержки никогда не повредит.

Лиара улыбнулась, вдруг подумав о том, что, быть может, именно так рассуждала и Сама Великая Мани, когда вытаскивала их с Радой из всех тех переделок, в которые они умудрились попасть за минувший год. Но на этом все ее размышления и остановились, потому что Иштум запела.

Это была не обычная песня, не то, что человек создает с помощью своих легких и горла, проталкивая воздух вверх и заставляя его вибрировать в глотке. Иштум даже рта не открывала и только смотрела на растение между своих ладоней, но при этом в ее груди рождался звук. Лиара буквально задохнулась, поняв, что этот звук исходит от самого ее тела, изнутри ее существа, из самой сердцевины того, что анай называли даром Богини.

Глаза, что за проведенные в Роще месяцы привыкли видеть мир неразрывно в двух спектрах: обычном и энергетическом, теперь смотрели и смотрели, не в силах оторваться от невиданного зрелища. Грудь Иштум раздулась, плечи напряглись, и прямо из золотой точки, горячей, будто последний уголек в жерле печи, вырывались волны странного вибрирующего

света, ярко-голубого, вырывались сгустками, что сквозь ее ладони вливались прямо в маленькое растение перед ней. Эти сгустки походили то ли на патоку, то ли на мед, то ли на расплавленный металл. Они мягко светились, отбрасывая нежный голубоватый свет на лицо самой Иштум, ее ладони, траву вокруг нее, стволы деревьев, что стояли в стороне, даже на окружающих ее Младших Сестер.

Лиара поняла, что смотрит во все глаза, забыв, как говорить, как думать, как рассуждать. Энергия и звук были одним целым, одним нераздельным единым целым, которое пульсировало с определенной частотой, подчиняясь вибрации в груди Иштум. Вот звук стал чуть повыше, будто поднимаясь к небесам, и пульсация голубой силы убыстрилась, застучав, как крохотное сердечко зашедшегося в беге зверька. Звук поднялся еще чуть выше, и Лиара вдруг увидела, как росток под ладонями Иштум буквально потянул свои крохотные листочки вверх.

Он был похож на ребенка, что тянется к матери, на слепого котенка, что ползет, сам не зная куда, чтобы ткнуться носом в пузо кошки и напиться теплого сладкого молока. Голос Иштум стал чуть громче, чуть требовательнее, и зеленые листочки жадно потянулись все выше и выше. Синие волны скапливались вокруг тоненького ствола, концентрировались вокруг него, образуя полупрозрачную синюю подушку. И ствол подрагивал, впитывая эту энергию и вытягиваясь вверх.

Лиара потеряла счет времени, полностью отключилась от происходящего, широко раскрытыми глазами наблюдая рост деревца. Пение Иштум становилось чуть громче, потом чуть тише, меняло тональность, и при этом сама она молчала, ни на миг не открыв рта. Пело что-то внутри нее, невысказанной красоты золотой цветок, с каждой секундой становящийся все ярче и ярче. Теперь, кажется, он сиял даже сильнее, чем золотые крылья всех Младших Сестер на этой полянке, и волны силы вокруг него буквально колыхали пространство, заставляя его плясать в такт плеску черной реки за их спинами.

Ива росла. В какие-то мгновения Лиара вдруг рывком приходила в себя и видела, как тянутся вверх мощные ветви, как раздается в ширину ствол, и кора на нем становится все грубее, иссеченная сухими выбоинами, росчерками. Потом волны и звук вновь подчиняли себе ее сознание, и Лиара плыла в этой голубой дымке, пропитывающей все. Она поняла, что и сама сделала шаг к Иштум, протягивая к ней свободную руку, как та самая маленькая ивушка, что теперь поднималась перед ними гигантским деревом с пышной кроной и клонящимися до самой земли ветвями. Казалось, эта сила может пропитать насквозь и ее саму, и тогда Лиара потянется к самым звездам, к их бледному свету, к их сиянию...

— Все, — тихонько сказала Иштум, отряхивая ладони и поднимаясь с колен.

Лиара очнулась рывком, вздрогнув всем телом и поняв, что стоит в шаге от Иштум, почти что касаясь ладонью ее плеча. Перед ними на самом краю воды возвышалась огромная ива, полоская длинные волосы в черных ледяных водах. Она была так велика, словно простояла здесь уже десятки лет, мощные корни глубоко зарылись в берег, и теперь никакие порывы ветра уже не могли согнуть ее или вырвать из земли.

Последние звуки продолжали мягко затихать внутри самой Лиары, а голубое свечение истаяло без следа. В груди Иштум тоже больше не было золотого света, лишь она сама, как всегда слегка взъерошенная, немного с опаской глядящая на окружающих. Правда, сейчас она с невероятной нежностью смотрела на подымающуюся перед ней из земли иву. Мягко коснувшись ее ладонью, Иштум что-то тихонько прошептала себе под нос.

Зашевелились и остальные Младшие Сестры, во всех голосах звучало недоумение и

удивление. Рада слегка навалилась на плечо Лиары и моргала широко открытыми глазами, словно не понимала, где находится. Лиара вновь мотнула головой. Она, конечно, слышала про силу Поющих Земле, но даже не думала, что увидит и услышит что-то подобное.

— Теперь этому деревцу не придется отчаянно сражаться за свое существование, — негромко проговорила Иштум, поглаживая кору. — Никакие ветры и морозы больше не сломают его, никакие бури ему не страшны. И оно помнит, что от роду ему всего-то пара лет, а значит, будет расти еще ровно столько же лет, сколько росло бы, пока мы не вмешались. Просто теперь ему будет немного легче, вот и все.

— Подожди... — Лиара вдруг нахмурилась. Что-то беспокоило ее, что-то потревожило ее память, поднявшись из смутных воспоминаний детства. Вдруг она вспомнила сразу и рывком, изумленно взглянула на Иштум. — Так делали эльфы, когда будили мир! Они пели каждому ростку, каждой травинке, придавая ей сил расти гармонично, защищая ее от всех невзгод! Так они создали первые леса, и именно благодаря их заботе, в лесах вывелись духи, что оберегают их. Деревья обрели души!

— Так и есть, — вновь заулыбалась Иштум. Во взгляде ее светилась неприкрытая гордость. — Раньше мы просто пели земле, чтобы она приносила большой урожай. Но теперь, благодаря присутствию Держащей Щит, иная сила вошла в эти леса. Теперь у деревьев есть души, и они бродят в Роще, вы даже можете увидеть их. Есть душа и у этой Ивы. — Теперь Иштум иначе произнесла название растения, подчеркнув голосом что-то очень значимое для нее. Она вдруг вновь как-то вся сжалась и покраснела, неуверенно поглядывая на Раду с Лиарой. — Я должна поблагодарить за это вас. У меня никогда еще не получалось петь так хорошо. Полагаю, что роль сыграло и ваше присутствие здесь.

— Ох, Иштум! — Лиара вновь подалась вперед и крепко обняла засмущавшуюся молодую анай. — Ты подарила нам настоящую сказку! И это нам надо благодарить тебя за эту красоту! Нам, а не тебе!

К дому они возвращались попритихшие, замороженные невиданным зрелищем, задумчивые. Чувствуя странную грусть, Лиара в последний раз оглядывала такую неприятную ночную Рощу, что днем казалась наполненной светом и волшебной. И в голове ее крутились странные обрывочные мысли, которые все никак не могли сформироваться во что-то более-менее понятное. Она думала о том, как рождались духи деревьев, и как леса обретали свою собственную песню. Думала о тех существах, что бродили теперь в задумчивой тишине Рощи, и о тех, что давным-давно спали в толще тысячелетий, уйдя прочь из мира, который теперь принадлежал разумным расам, и прежде всего — людям. А может, были еще где-то такие же вот крохотные обрывки тайны, как здесь? Может быть, где-то росли гигантские деревья с вывороченными корнями, и во тьме и прелых листьях под ними таились чьи-то внимательные глаза с золотой радужкой? Были ли еще леса, что принадлежали духам? И если да, то засыпали ли духи с наступлением зимы, когда небо становится высоким и холодным, и ледяные звезды поднимаются на небосвод?

Лиара вскинула голову. Сквозь разрыв в тучах мигнула и исчезла звезда, та самая, что звали Звездой Севера. Она поднималась на небосвод лишь тогда, когда начиналась зима, и Лиара подумала, что странно видеть ее сейчас, за неделю до Ночи Мертвых. Впрочем, в горах всегда было холоднее, чем в низинах, и зима приходила гораздо раньше.

А потом они покинули холодный и неуютный лес и зашагали к разноцветным огонькам, что горели возле дверей беременных анай. К трубам, из которых валил теплый дым, к псам, что дремали на разохшихся крылечках, к запаху хлеба и тепла, запаху дома.

— Мы будем ждать вашего возвращения сюда, — проговорила Лафь, протягивая широкую ладонь сначала Раде, а потом и Лиаре. Глаза ее искрились как-то чересчур ярко, будто были мокрыми. — Возвращайтесь скорее!

— Не знаю уж, что с вами такое, да только без вас здесь будет очень пусто! — призналась Анрут, хлопая Раду по плечу.

— Вот приедешь весной, удержишься у нас подольше, ходим с тобой за земляникой, — Шатур тепло улыбалась Лиаре, и в ее лице не было той обычной напускной строгости, с которой она обращалась к остальным своим ровесницам. — Я знаю очень уютные полянки, на которых ягоды столько, что и не унесешь.

Потом они вновь обнимались и жали руки, и желали удачи, и хлопали друг друга по плечам. Анико даже, запинаясь и краснея, промямлила что-то насчет оберега и сунула Раде в руку маленький мешочек на нитке, который обычно носила примотанным к запястью. Внутри оказался коготь какой-то хищной птицы, старательно обвязанный пучком светлой шерсти.

— Это сумеречного кота, — не поднимая глаз, пробубнила Анико. — Он от сглаза защищает. И от всякого дурного. Носи с собой.

Прощание было долгим, хоть Рада с Лиарой всю убеждали Младших Сестер, что уезжают они совсем ненадолго, и что вновь скоро вернуться в Роццу. И только после того, как все обнялись уже по нескольку раз и по вдвое большему количеству раз пожали руки, Рада с Лиарой вернулись в тихую теплую тишину своего домика.

Здесь тоже было как-то странно, слишком пусто, сиротливо. Лиара еще долго не могла понять, что именно чувствует, пока лежала на теплом плече засыпающей Рады, слушая, как размеренно стучит ее сердце. Что-то очень важное вновь кончалось в их жизни, что-то еще более важное начиналось, а сама она зависла на рубеже, чувствуя безумную легкость и ветер, что продувал ее насквозь, каждую пору и каждую клеточку. Или это были волны силы Великой Мани, что текли и текли сквозь чашеобразную Роццу, что по капле просачивались наружу в мир из золотоносных сердец Великой Царицы и Держащей Щит?

А на утро в их дверь постучали, и Лиара едва не вскрикнула, когда распахнула ее и увидела на ступенях крыльца улыбающуюся Найрин.

Косые лучи солнца прорывались сквозь неровное полотно туч, пятная землю то тут, то там, будто Сама Роксана отчаянно сражалась с подступающей зимой, рыча, не желая, отступая медленно и неохотно под первыми ударами непогоды. Один из этих золотых лучиков скатился по белоснежному ежику на голове Найрин, соскочил с ее хвостика, и Лиара готова была поспорить, что на миг увидела, как тем же золотом светится и кожа зеленоглазой нимфы. Что-то новое появилось теперь в ней, мягкость, которой раньше не было.

— Светлого утра! — своим мягким бархатным голосом поздоровалась Найрин, и Лиара с радостным вскриком крепко обняла ее за плечи. — Эрис вчера отправила мне весточку, и я пришла, чтобы забрать вас.

— Найрин... — Лиара отстранилась, почувствовав что-то странное. Ее взгляд скользнул вниз, к круглому объемистому животу, который нимфа слегка поддерживала ладонью, и нимфа вновь улыбнулась, так же мягко, так же нежно, чего раньше Лиара никогда не замечала за ней.

— Да, теперь вот так, — неловко пожала она плечом. — Торн давно хотела дочку, а я вот тянула и тянула, никак не могла решиться. В конце концов, она уговорила меня. Чему

быть, того не изменить, ведь так?

— Я поздравляю тебя от всей души! — Лиара вновь обняла ее, на этот раз постаравшись так резко не кидаться вперед, чтобы, не дай Богиня, не задеть ее округлившийся живот.

— И я, — послышался из-за спины голос Рады, и нимфа с негромким смехом пожалала ее протянутую ладонь. — Пусть она будет здоровой и такой же красивой, как ее мани!

— Мы очень старались, чтобы так оно все и было, — лукаво подмигнула Найрин, а потом кивнула им головой в сторону дома Великой Царицы. — А теперь пойдете. Первые первых хотели попрощаться с вами.

Следом за Найрин они зашагали в сторону шумящего в отдалении водопада. Вещей у них было с собой совсем немного, и Рада отобрала у Лиары ее вещмешок, пристроив его на плече рядом со своим. Позевывая, Лиара шла рядом с ней и бросала на нее осторожные взгляды. Она обратила внимание, что большую часть встреченных беременных анай Рада побаивалась, но на Найрин смотрела как-то иначе. Что-то странное появилось в ее взгляде, какая-то глубоко сокрытая под густыми ресницами нежность. Не к самой Найрин, одной из самых красивых женщин, которых Лиаре только доводилось видеть, но к чему-то другому.

Тиена и Эрис встретили их на улице возле крыльца своего дома. За их спинами вытянулись одетые в белое Морики и Раена, которые в этот ранний час оберегали их покой. Солнце только-только вставало, и становище еще не успело проснуться до конца, потому и вокруг них на улице никого не было. Лишь какой-то нечесанный пес пробежал мимо, оглядев их черными глазами и вильнув хвостом-баранкой.

Лиара низко склонила голову перед первыми первых. Тиена дружелюбно кивнула ей в ответ, сосредоточенно пыхтя трубкой и выпуская в воздух белые густые клубы дыма. Эрис стояла рядом с женой, рассеяно положив ладонь на ее запястье. Взгляд ее темных глаз, как и всегда, казался смотрел сквозь Раду с Лиарой, и от этого ледяные мурашки побежали у Лиары вдоль позвоночника.

— Ну что ж, вот и пришло время нам попрощаться, — негромко проговорила Эрис, когда они с Радой выпрямились. — К сожалению, быстрее, чем мы рассчитывали, но, значит, так оно и должно быть.

— Мы надеемся на ваше скорейшее возвращение, — добавила Великая Царица, вынимая из уголка рта дымящуюся трубку и протягивая Раде руку. — И на возобновление занятий с вами. Признаться, это было очень хорошо, Черный Ветер, и мне будет не хватать танцев с тобой.

— Как и мне, Великая Царица, — отозвалась Рада, с поклоном пожимая протянутую ладонь.

Последние слова прощания, последние улыбки и напутствия, пожелания удачи. Лиаре казалось, будто она видит сон, будто все это происходит не с ней и не на самом деле. Отчего-то стало так горько, так сильно захотелось остаться здесь и никуда-никуда не уходить. Особенно, когда Держащая Щит целовала их обеих в лоб и шептала над ними молитвы к Великой Мани, прося Милости для них обеих. И когда Тиена, подмигивая, желала им с Радой счастья и мира под крышей их дома. Так странно, что за несколько месяцев эти две женщины стали Лиаре столь дороги, что прощание с ними было сродни прощанию с родным домом. Отчего-то вспомнилась ее собственная мать, оставляющая ее в том приюте в Мелонии, и пыль, что медленно оседала на дорогу после того, как ее буланый жеребец унес ее от Лиары на долгие годы — или одно мгновение для них обеих?

Поддавшись порыву, она низко, почти что до земли поклонилась Держащей Щит.

— Я пришла в Данарские горы учиться, первая первых, — тихо проговорила она, с трудом проталкивая слова сквозь стиснутое слезами горло. — Но я и не думала, что найду здесь таких наставниц, как вы. Я благословляю каждый шаг на этом пути, каждый миг, который в итоге привел меня к вам, сюда, и позволил остаться здесь.

Эрис улыбалась в ответ, тяжелая ладонь Великой Царицы легла Лиаре на голову. И слезы все-таки полились под прикосновением этой ладони, потому что на одно крохотное биение сердца она ощутила себя в полной безопасности. Как бывает только в отчем доме, где тебя любят и ждут, в доме, которого у Лиары никогда не было.

Есть узы крепче уз крови и родства, что навязано нам нашим рождением. Есть истинные семьи, которые мы находим, лишь пройдя тысячи испытаний и преодолев тысячи невзгод. И они стоят того, чтобы бороться вновь и вновь, как бы тяжело это ни было.

— А тебя, неверная, мы ждем здесь в ближайшее время, — вдруг мягко улыбнулась Эрис, коснувшись кончиками пальцев округлившегося живота Найрин. — Я лично прослежу за тем, чтобы ты молилась и постилась прилежнее всех, так и знай. В будущем тебе не удастся удрать от меня и курить где-нибудь тайком, как сейчас. Это вредно для ребенка.

— Как прикажешь, первая первых, — склонила голову Найрин, но вид у нее был кислым. А Лиаре-то казалось, что ей почудился витающий вокруг нимфы запах табака.

— Да пребудет с вами Милость Великой Мани, — в последний раз напутствовала их Великая Царица, подняв руку и приветственно взмахнув на прощанье.

А потом Найрин отвернулась от них, и Лиара ощутила, как пространство концентрируется, напрягается вокруг сосредоточенной до предела нимфы. Сам воздух уплотнился, став таким плотным, что его уже буквально можно было пощупать, и в нем вдруг возникла вертикальная щель, быстро раскрывающаяся в проход с серой завесой, ведущий на ту сторону Грани.

Лиара в последний раз оглянулась на Рошу, стараясь впитать в себя всю силу, все текучее золото, что распространялось вокруг Держащей Щит и Великой Царицы. Они уходили ненадолго, всего-то на какие-то полгода, но сердце в груди все равно разрывалось от боли, словно они прощались навсегда.

Взглянув в синие глаза Рады, взгляд которых был надежен и спокоен, Лиара прижалась к ней, почти что прячась у нее под боком, и следом за ней ступила в серую арку прохода, обернувшись на прощанье и махнув рукой сама не зная кому: Великой Царице, Держащей Щит или самой Роще, укрытой в тихой чаше меж гор и полнящейся солнечным светом и неумолчным шепотом водопада.

===== Глава 58. Песнь жизни =====

Рада стояла перед высоким стоячим зеркалом, критически осматривая себя с головы до ног. Сегодня ей хотелось выглядеть идеально. Сегодня все должно было пойти ровно так, как надо, и ничто не сможет помешать этому. Она твердо кивнула себе, еще раз аккуратно поправляя стоячий черный воротничок и внимательно осматривая свое отражение.

Черная безрукавка, плотно прилегающая к телу, оставляющая открытыми ее руки. Левую покрывала алая татуировка огня и символ анай, правую — золотые переливы, полученные ею в Роще Великой Мани и символ воинской касты — стилизованный трезубец. Татуировка Рощи казалась еще более странной, чем пламя на левой руке. Словно узор солнечных лучей, что просвечивают через здоровенные весенние сосульки, словно залитая светом паутина на рассвете, на которой дрожат капли росы. Рада улыбнулась, глядя на эти татуировки. Хорошо, что так. Половина в ней от суровых несгибаемых Дочерей Огня, другая

половина — от молчаливых перекатов силы Роши.

Широкий пояс перехватывал ее талию, и рядом с большой кованой пряжкой, изображающей выставившего когти сокола, висел долор в ножнах. Тот самый долор, который она получила полтора года назад, когда только-только попала к анай. Тот самый долор, который она все-таки вынула из ножен по старинному обычаю и поднесла искорке, как того велела когда-то Грозная Роксана. И теперь этот кинжал с потемневшей от времени костяной рукоятью был ей едва ли не дороже, чем ее собственная жизнь.

С другой стороны от долора к поясу был привешен ее меч в ножнах. Станный меч, вызвавший столько пересудов и удивленных разговоров среди анай, когда выяснилось, что сталь зачарована. Первой обратила на это внимание Лэйк, буквально носом вынюхавшая, что клинок Рады отличается ото всех остальных мечей анай. Она долго рассматривала его, хмурила брови, водила ладонью по ледяной стали и бормотала что-то о проступающих структурах, методах закалки и отпуска, а затем с легкостью разобрала рукоять и углубилась в изучение покрытого слоями ржавчины хвостовика.

— Метод один и тот же, что у нас при изготовлении катан, что у вас, во всяком случае, для этого меча, — приглушенно бормотала царица Каэрос, пристально осматривая спинку клинка и самый его кончик, заостренный до бритвенной остроты. — Только он длиннее и... да, острие выполнено под четырехгранник. Как странно!

Рада ничего особенно и не понимала в этом бормотании. Для нее клинок был хорош как оружие, которое когда-то изготовил не знавший себе равных оружейник-гном, умудрившись придать ему сходство с эльфийской ковкой настолько, что даже сам князь Ренон не отличил. И того Раде было довольно: меч служил ровно так, как и должен был служить. Ей и в голову не приходило попытаться изучить методы изготовления стали, больно уж мудреными они были, а сам процесс вообще всегда казался ей сродни волшебству истинных жрецов. Но она почему-то не удивилась, узнав, что Лэйк в свое время в совершенстве освоила кузнечное дело. Даже теперь царица порой вставала к наковальне и бралась за молот, когда у нее выдавались-таки свободные от работы часы.

Подхватив ее клинок, Лэйк унесла его в кузню к мастеру Сол Даре, и там они вдвоем несколько часов подряд колдовали над оружием, пытаясь выяснить, как именно оно изготовлено. Его осмотрела и Боевая Целительница Найрин, принявшаяся бормотать над сталью еще тише, и глаза ее при этом горели серебряным огнем. Рада так и не поняла, разгадала Найрин способ изготовления клинка или нет, но, когда ей пришлось возвратить клинок царице с Дарой, нимфа выглядела неудовлетворенной и смурной. Позже царица с почтением вернула клинок самой Раде, а в кузнях Сол закипела работа. На основе зачарованного оружия Рады было решено изготовить пробную партию парных катан для Двуруких Кошек. Лэйк пыталась объяснить Раде разницу между теми катанами, что они ковали раньше, и теми, что собирались сделать сейчас, взяв за основу форму клинка Рады. Вот только из всех этих объяснений Рада поняла только, что новые катаны должны были получиться чуть тяжелее, но при этом более гибкими, и все это — благодаря форме незаточенной спинки клинка. Касательно же способности меча возвращаться к хозяину, где бы он ни находился, Лэйк ничего не сказала. Но выглядела она не слишком довольной, а значит, Найрин не удалось раскрыть тонкости гномьей волшебства.

Но помимо всех своих волшебных свойств клинок очень много значил для самой Рады. Именно с него все началось. Именно он стал символом того, что она освободилась от своего прошлого, от всего того, что сдерживало ее в Мелонии. И смогла твердо ступить на дорогу,

которая в итоге привела ее сюда, в Данарские горы. К тому самому моменту, которого она, даже не зная об этом, ждала всю свою жизнь.

Ниже клинка на поясе интересного уже ничего не было. Разве что от одного воспоминания о том, как Рада исколола себе все пальцы, пытаясь пошить эти проклятые штаны, ей становилось дурно. Чего-чего, а вот рукодельничать она совершенно точно не умела, и как бы ни бились над ней ее наставницы, так и не научилась даже держать в руках иголку. Но по обычаю свадебную форму анай должна была шить себе сама, и Рада благодарила этот обычай лишь за одно: что праздничная форма не предполагала никакой вышивки. Вот это уж совершенно точно было выше ее собственных сил. Немного помогли и подружки Лиары, с которыми та обучалась рукоделию у наставницы Фир. Одна из них, Рей, даже сидела вместе с Радой, подправляя ее кривые стежки, объясняя, как правильно обметывать край ткани, чтобы он не мохрился. Странное дело, раньше эта девочка только и делала, что вздыхала по искорке, глядя на нее своими темными глубокими глазами, полными печали, а на Раду зыркала волком. Теперь же она все больше хихикала и не слишком-то смотрела на кого-то еще, кроме лопухой, смахивающей на медвежонка разведчицы, которая все время крутилась возле нее, хоть та и была как минимум года на четыре младше ее самой.

Рада энергично одернула на себе форму, следя за тем, чтобы не было складок или замятостей. Что ж, выглядело все действительно неплохо. Форма сидела ладно, подчеркивая все изгибы ее тела, открывая глазу татуировки на руках, к тому же, она была черная. Рада уже почти забыла, каково это — носить черный, и наконец-то вновь облачилась в такой привычный ей цвет. В этом тоже было что-то очень-очень правильное. И очень дорогое. Именно так начинался ее путь, именно поэтому ее называли когда-то Черным Ветром. И сейчас, в самый важный день ее жизни, она тоже надевала черное, на этот раз уже не в качестве повседневного, но в качестве праздничного наряда.

— Наверное, единственное, что мне не нравится у Каэрос, так это коричневая форма, — пробормотала Рада, еще раз критически осматривая себя со всех сторон. Ее короткие золотые волосы смотрелись с черным воротником стоечкой гораздо лучше, чем длинная коса, с которой она проходила большую часть своей жизни. И маленький золотой хвостик на затылке был уже коротко обрезан, как и у всех остальных взрослых разведчиц. — В черном вы смотрелись бы гораздо лучше.

— Черное носят Дочери Воды, — раздался из-за ее спины спокойный голос Торн, в котором звучали нотки сдержанного веселья. — Помнится, у тебя была возможность удрать к ним и всю свою жизнь со спокойной душой ходить в черном. Что ж ты ей тогда не воспользовалась?

— Все из-за носов, — подмигнула Рада зеркалу, в котором за ее спиной высилась на противоположном конце комнаты первый клинок. — Они бы меня не взяли, потому что он у меня слишком прямой и красивый.

— При Саире такого не скажи, — хмыкнула Торн, складывая руки на груди. — А то, боюсь, она наградит тебя таким кривым носом, что впредь ни одна ведьма уже выправить его не сможет.

— Первая может, — кивнула Рада, криво ухмыляясь зеркалу. — Уж кто-кто, а она-то точно может.

— Ну что, ты нагладелась на себя или еще нет? — в голосе первого клинка прозвучало нетерпение. — Лучше-то ты все равно не станешь, так что пойдем. Нас давно уже ждут.

— Пойдем, — твердо кивнула своему отражению Рада. Несмотря на то, что ноги под ней подкашивались от волнения, держалась она вполне сносно. По крайней мере, внешне.

Здесь, в становище Ифо, им с искоркой выделили маленький домик на двоих, но вселиться в него они должны были лишь сегодня вечером, сразу же после свадьбы, и только на одну ночь. До этого Рада, как и все остальные молодые разведчицы, проживала в Казарме Воинов, а Лиара — в одном из рыбацких домиков на самом берегу озера Белый Глаз, в семье добродушной высокой рыбачки Шайи и ее супруги Ивар. И дело было не в том, что теперь они с искоркой являлись полноправными членами клана, и, следовательно, должны были подчиняться правилам, существующим среди Каэрос, одно из которых гласило, что неженатые пары вместе не живут. Просто Ифо было совсем небольшим поселением, в которое на лето отправляли Дочерей и Младших Сестер помогать Садовницам в полях, и свободного домика для них с искоркой здесь просто не оказалось. К тому же, они и не собирались здесь задерживаться. Поженятся, отгуляют праздник, а завтра с утра — в форт Аэл, как было решено и уговорено с царицей Лэйк.

Следом за Торн Рада шагнула из полутьмы казармы в золотой прямоугольник света, что врывался внутрь через открытую дверь. И оказалась на залитой закатными лучами солнца лужайке возле небольшого леска. Вокруг высились хозяйственные постройки: амбары и сараи, где хранили зерно и сено, а зимой держали скотину, казармы, в которых жили Дочери и Младшие Сестры, приземистая едальня под двускатной крышей, где всю эту ораву, выбиваясь из сил, пытались накормить несколько усталых Садовниц. Солнце медленно опускалось за негустой лесок в стороне, спускающийся вниз по холму, а левее него виднелись поля, перемежающиеся тут и там точно такими же перелесками и уходящие в синюю полосу гор на самом горизонте.

Рада улыбнулась, глядя туда. Где-то там лежало Сол, в которое они однажды вернутся уже как полноправные женатые анай и вновь заживут в маленьком домике под скалой, где пахнет хлебом, теплом и ими. А уже завтра с утра они отправятся в форт Аэл, чтобы искать под Кулаком Древних давным-давно заброшенные города. А потом пойдут еще куда-то, пусть даже на самый край мира, туда, где нет уже никаких дорог, никаких путей, и лишь туманы укрывают вековечные обрывы и скалы, под которыми и нет ничего вовсе. Какая разница? С этого дня все будет иначе, потому что с этого дня они будут принадлежать друг другу раз и навсегда, сплетенные, связанные воедино крепче стальных канатов.

На самом-то деле так было всегда. Мы всегда принадлежали друг другу с того самого первого мига, как увидели друг друга, а может, и еще раньше, с того момента, как сделали первый вздох. Разве это так важно? Разве так важно то, что сейчас Способная Слышать свяжет нас своей волей в одно целое перед лицом Богинь? Неужели из-за этого что-то изменится между нами? Неужели, если бы этого не было, эти узы были бы слабее? Рада сомневалась в том, что знает ответы на все эти вопросы, кроме последнего. Она только чувствовала, как внутри все трепещет, будто пойманная в силки маленькая певчая птичка.

На лужайке царил суэта. Завершались последние приготовления к празднованию Дня Солнца, которое в этом году должно было стать особенно ярким, ведь из становища Сол в Ифо прилетели царица клана и Держащая Щит, чтобы самим провести церемонию и благословить всех желающих вступить в брак. И чтобы возглавить Танец, который продлится всю ночь возле огромного костра под серебристыми звездами среди задумчиво склоненных крон деревьев, Танец, что веками танцевали здесь молодые анай, вознося хвалу солнцу, теплу, жизни и любви.

Носились туда-сюда длинноногие, похожие на аистов Младшие Сестры, поднося по приказам наставниц бочки, свертки и бутылки на поляну в лесу, где и будет происходить празднование. Те, кого в работу не впрягли, во все глаза таращились на приготовления и громко обсуждали предстоящую церемонию. Совсем маленькие Дочери со смехом носились друг за другом и играли под ногами у взрослых, мешаясь всем. Им-то и вовсе дела не было ни до какого праздника, для них праздником был каждый день, полный солнца и заботливых рук старших анай. Из одной казармы в другую метались Воины и Ремесленницы, прося друг у друга в долг пряжку для штанов, расписной гребень, чистую рубашку или нитки, чтобы заштопать прорвавшуюся форму, и еще тысячи мелочей, которые могли пригодиться им сегодня вечером.

Рада вдруг усмехнулась, чувствуя себя так хорошо, так славно, когда мимо нее прошагала встревоженная здоровенная первая нагината Неф, громким голосом выпрашивая, нет ли у кого бараньего жира, чтобы натереть сапоги. Даже самые суровые из анай все равно оставались до мозга костей женщинами, которые с огромными удовольствием наряжаются и приукрашиваются на праздник. И Рада не была среди них исключением. Ветер взъерошил ее волосы, и она поспешила пригладить их так, чтобы они не торчали во все стороны. Сегодня она намеревалась быть самой красивой женщиной для своей искорки.

— Закончила чистить перышки? — добродушно усмехнулась Торн, поглядывая на нее. — Если да, то нам пора.

За ее спиной открылись огненные крылья, жаркие и мощные, как дуновение лесного пожара. Рада сосредоточилась на огоньке дара Роксаны в груди, и спину сразу же покрыли приятные теплые мурашки. Плавленное золото развернулось и за ее плечами, двух сильных взмахов и легкой перемены температуры и плотности крыльев было достаточно, чтобы оторваться от земли и подняться в воздух. Маленькие анай со смехом показывали на нее пальцами и восторженно что-то щебетали. Для всех них золотые крылья Роши были еще делом непривычным и диковинным.

Торн кивнула ей головой и первой направилась в сторону ближайшего леса, где на большой поляне должно было происходить празднование. Рада пристроилась чуть позади нее, надеясь, что румянец волнения слегка остудит холодными потоками воздуха, что били в лицо. Так приятно было после полного жары и духоты летнего дня окунуться в голубое небо, словно упасть вниз головой в прозрачные воды прохладного озера. Так приятно было ощущать на лице тугие потоки встречного ветра, пахнувшего свежескошенной травой, листвой, тысячью цветов, что цвели в окрестных полях и задумчивой тени перелесков. В очередной раз уже Рада улыбнулась, оглядывая зеленую долину, такую непривычно мирную по сравнению с суровыми горными пиками, окружающими Сол.

С высоты виднелись поля, на которых ровными квадратами поспевала пшеница, рожь, ячмень. Между ними тянулись длинные прямоугольники, расцвеченные зелеными полосами: грядки с овощами, над которыми и корпели, обливаясь потом, молодые Дочери и Младшие Сестры, свезенные сюда со всех становищ. На вырубках, которых, как сказали Раде, стало гораздо больше теперь, после войны, паслись тучные стада овец, которых даже никто не охранял: волков здесь больше не было, как и любого другого хищного зверья.

— Сальваги, — довольно сверкнула острым клыком Торн, когда Рада поинтересовалась у нее о причине этого. — Они приказали волкам покинуть эти места и уйти глубже в горы, и те подчинились. Сами сальваги держат слово и не нападают на наши стада. Даже больше. Их молодняк приглядывает за отарами, время от времени перегоняет их с места на место, не

дает разбредаться. Так они обучают малышню не трогать домашний скот и не бояться анай.

— И что же, ни разу ни одной овцы не подрали? — недоверчиво покосилась на нее Рада.

— Ну, бывает, конечно, когда кто-то из мелких все-таки начинает показывать клыки, — развела руками Торн. — Но случаи эти так редки, что на них никто и внимания не обращает. Когда Младшие Сестры пасли стада, скотины пропадало гораздо больше, так что мы в любом случае в плюсе.

— А что насчет контактов с анай? — заинтересовалась Рада. — Щенята ведь, скорее всего, любопытные, да и ваши девчонки не сильно от них отличаются. Вы пресекаете эти контакты?

— Раньше пресекали, потому что слишком сильно было недоверие. Теперь, спустя девять лет, все уже так привыкли, что и внимания не обращают. Детишки, коли не заняты учебой или помощью Садовницам, вечно кувыркаются с щенками сальвагов. Кое-кто уже даже подружился. — В голосе Торн звучала удивительная мягкость, которой в нем обычно не было. Так странно было слышать это от нее. — Я сама слышала, что некоторые разведчицы из тех, что только-только испили из Источника, дружат с сальвагами, охотятся вместе с ними. Мне даже подавали прошение о переводе в форт Аэл на основании того, что разведчица привыкла работать в паре с сальвагом. — Торн мотнула головой, и на лице ее отразилось удивление, искреннее и глубокое. — Даже спустя столько лет я не могу привыкнуть к этому. Когда я росла, мне приходилось скрывать свою кровь ото всех, а сейчас уже некоторые анай на полном серьезе братаются с щенками сальвагов. Так, глядишь, через пару лет появятся наставницы, которые будут обучать сальважьему языку образов в обычной школе.

— Я считаю, что это прекрасно, — негромко проговорила Рада, серьезно глядя на первого клинка. — Война причиняет много боли, война отвратительна сама по себе, но удивительным образом после нее порой случаются и такие вот чудеса. И это — настоящее счастье.

— И то правда, — твердо кивнула Торн.

Рада прикрыла глаза, наслаждаясь тем, как мерно ходят за спиной золотые крылья. Теперь она ощущала их частью собственного тела, неотъемлемой и прочной, будто обладала ими с рождения. Впрочем, возможно так оно и было на самом деле. Возможно именно здесь, в Данарских горах, она и родилась вновь. Ведь целая пропасть отделяла ту Радугу, что прошла Семь Преград и буквально ворвалась в становище Сол с голодными до знаний глазами и неутолимой тоской в душе, от той Рады, что теперь летела на укромную поляну среди старого леса, чтобы связать свою жизнь с самой прекрасной женщиной на земле под взглядами Небесных Сестер и Великой Мани и танцевать всю ночь для Них до самого утра.

Мысли сами потекли вспять, возвращая из глубин памяти все, что приключилось с ней за эти полтора года. Долор и крылья, зима в Сол и обучение у Уты, благодаря которому она теперь летала так же хорошо, как ходила пешком по земле, и Источник Рождения, в который они окунулись целиком этой весной, став полноправными членами клана.

Наверное, это было как раз самым безумным воспоминанием из всех. Впрочем, опыт не слишком сильно отличался от произошедшего с ними у Черного Источника за Семью Преградами. Разве что сама структура энергии показалась Раде иной. Черный Источник походил на пружину, до предела скрученную, которая готова в любой миг рывком распрямиться, на сгущенную до физической осязаемости энергию, едва ли не молниеносный

разряд, который каким-то чудом удерживается на одном месте. Там Раду буквально распирало от энергии, пространство вокруг нее дрожало и звенело, почти что искры в стороны сыпались. Белый же Источник был спокоен, словно озеро, прозрачный, легкий, как прикосновение тумана к лицу или шали из тончайшего шелка к обнаженным плечам. Когда Рада вынырнула из него, вытаращенными глазами глядя перед собой, улыбающаяся Жрица мягко обвила ее руками, приникла совсем близко, объясняя суть слияния, благодаря которому у анай рождались дети.

— Светлоликая, а есть ли какая-то разница в этом для меня? — с беспокойством задала она наконец так долго тревожащий ее вопрос. — Ведь я была не только в Белом, но и в Черном Источнике. Это меняет что-то для моих детей?

— Я не могу ответить тебе на этот вопрос, Дочь Огня, — помотала головой Жрица, на лице которой не было ни тени тревоги. Лишь мягкая зовущая нежность. — Никогда еще не было такого, чтобы кто-то вступил одновременно в оба Источника. Но не бойся, Небесные Сестры уберегут тебя и не сделают ничего дурного твоим дочерям.

— Скажи еще, светлоликая, а что именно унаследуют мои дети? — Рада никак не могла правильно сформулировать свой вопрос, но очень надеялась, что Жрица поймет ее. — Мою внешность? Мою кровь? Какова разница между детьми, рожденными мной или моей спутницей?

— Ты сальваг? — с интересом взглянула на нее Жрица.

Раде не слишком-то хотелось откровенничать с ней на эту тему, но и не сказать совсем ничего она не могла. Вряд ли кто-нибудь еще смог бы объяснить ей все возможности прикосновения Источника к ее душе и телу, кроме этой Жрицы. Второго шанса спросить уже не будет.

Помявшись, она все-таки неохотно пробормотала:

— Я не сальваг, но в моей крови тоже есть зверь.

— Этого зверя унаследует дочь, выросшая в твоём лоне. Дочь твоей спутницы не примет от тебя эту черту.

— А если этот зверь так или иначе связан с эльфийской силой? — Рада нахмурилась. — Ведь способности Первопришедших не только не исчезают, но еще и усиливаются при смешении эльфийской крови с кровью анай. Пример тому — Держащая Щит.

— Она тоже взяла силу от своей мани. В крови Илейн ничего подобного не было, и царица Каэрос почти полностью лишена эльфийских черт. — Жрица вдруг ласково погладила ее по щеке, глядя на нее сочувственно и тепло. — Не беспокойся, дель Каэрос, все у тебя и твоей спутницы будет хорошо. И детки будут здоровые, и сами вы будете в полном порядке.

— Это предсказание? — Рада с опаской покосилась на Жрицу. — Ты способна видеть в узорах Марн, светлоликая?

— Я способна видеть в человеческих душах, дель Каэрос, — мягко отозвалась та. — И я могу тебе совершенно точно сказать, что у людей, которые искренно и всей душой любят друг друга, ничего дурного и не случается вовсе. А в тебе я вижу огромную любовь, такую яркую, что едва ли ее способно вместить иное сердце, кроме твоего. И все у тебя будет хорошо, верь в это.

Какими бы расплывчатыми ни были слова Жрицы, Рада почему-то поверила в них всей собой. И успокоилась. Все мысли о том, что она причинит вред своим детям, что они могут взять в себя ее проклятье, что она сама может угрожать своей искорке, соединяя с ней свое

сердце, в конце концов, ушли прочь. Жрица была права. Неужели же Небесные Сестры позволили им встретиться и полюбить друг друга, если бы им с искоркой было предначертано что-то по-настоящему страшное? А даже если и так, то Рада готова была на все. Проклятье, я полмира прошагала, я Семь Преград преодолела ради того, чтобы оказаться здесь. И это не может окончиться трагедией для нас с искоркой. И коли так, то неужели же я позволю своим страхам и пустым шепоткам встать на пути нашего счастья? Разве же я усташусь хоть чего-нибудь, когда Твое золотое сердце стучит у меня под ребрами, Великая Мани?

Видимо, что-то все-таки отразилось у нее на лице, потому что Торн покосилась на нее, улыбнулась уголком губ и спросила:

— Нервничаешь?

— Немного, — призналась Рада.

— Не волнуйся. Все пройдет хорошо, — твердо проговорила Торн. Только это не слишком-то успокоило Раду.

Под ногами заскользили верхушки деревьев, которые прорезала насквозь тропа, ведущая к поляне для Танца. По ней шагали возбужденные анай, громко смеясь, переговариваясь, обсуждая грядущий Танец. Промелькнули темные макушки Дочерей и Младших Сестер, гурьбой спешащих на поляну, какая-то совсем маленькая девчушка в светлом льняном платье скакала перед ними, взмахивая руками.

Рада судорожно сглотнула, разглядев просвет меж деревьев. И отчего-то сердце в груди заколотилось, как бешеное. Она ощутила себя оробевшей, будто дитя. Точно так же, как в первый раз, когда прижимала к своей груди искорку и шептала ей слова любви. И это было гораздо страшнее, чем поездка на Червях через Пустые Холмы, гораздо страшнее Сагаира и лютых шпормов Северного моря. И так сладко, что впору было петь.

На большой расчищенной от леса поляне высился гигантский, сложенный из громадных смолистых бревен остов костра. Вокруг него виднелись кострища поменьше, на которых будут жарить туши баранов для пира в честь Роксаны. Сейчас они не горели. В стороне от костра были расставлены широкие столы, ломящиеся от угощения, возле которых вовсю крутились Дочери, облизываясь и пытаясь стянуть хоть кусочек. Бдительные наставницы не давали им этого делать, грозно хмуря брови и покрикивая на молодняк, но вид у них был добродушный. Да оно и понятно. Сегодня отмечался самый главный праздник Каэрос — День Солнца, сегодня на небе правила Роксана Огненная. Сегодня из шкафов вытащили самые красивые наряды, натерли до блеска сапоги и ремни формы. Все сегодня должно было пройти безупречно.

Со вчерашнего вечера поварихи выбивались из сил вместе с посланными им в помощь Ремесленницами и накрыли такой пир, по сравнению с которым даже кушанья королевского дворца Мелонии бледнели. (По крайней мере, на вкус Рады). На поляну выкатили здоровенные бочки ашвила, меда, вина и пива из закровов, и возле них околачивались разведчицы и кое-кто из Ремесленниц, плотоядно поглядывая на пока еще пустые ряды больших глиняных кружек. Дочери Огня любили и умели пить и славить Свою Богиню. Они умели смеяться от счастья и любить до самого доньшка души, они знали цену чести и преданности, они искренно подносили души своей Огненной Богине, и Она отвечала им, щедро одаривая силой и пламенным прикосновением Своего дыхания. И Рада гордилась тем, что стала одной из них.

Неподалеку от костра отдельной группой стояли облаченные в белое Способные

Слышать, ожидая, пока все обитатели становища соберутся на праздничной поляне. Рада разглядела рядом с ними плечистую фигуру царицы, за спиной которой горбились аккуратно сложенные орлиные крылья. Подле нее норовисто вскинула черноволосую голову Держащая Щит Каэрос, и ее глаза пристально сощурились, осматривая собравшихся. Но Рада видела, как слегка кривила уголок ее губ улыбка, полная тщательно сдерживаемой гордости от того, что она видела вокруг себя. Саира за прошедшие годы стала гораздо больше Дочерью Огня, чем сами Каэрос, и подходила им, как ножны подходят мечу. Какой еще Богине могла поклоняться такая, как она, кроме Грозной, Ревнивой, Яростной? И Роксана явно благоволила первой среди Своих Дочерей: Рада видела, что под ее свободной коричневой формой с коротким рукавом, которую носили Каэрос летом, уже явственно обрисовался округлившийся живот. Судя по всему, она ждала еще одного маленького волчонка, и Рада вознесла молчаливую молитву, прося для дочери царицы счастливой судьбы.

Ее взгляд скользнул дальше, и на миг она сбилась с полета, вообще едва не упустив крылья. С другой стороны от костра стояли Ремесленницы. Большая их часть сегодня была в коротких льняных туниках без рукавов, распущенные по плечам волосы украшали вплетенные в них цветы и венки. Но несколько девушек ярко выделялись на их фоне алым нарядом, и среди них была искорка.

Рада залюбовалась своей нареченной, забыв даже, как дышать. Длинное алое платье без рукавов спускалось почти что до самых лодыжек искорки, перехваченное на талии пояском, на котором в ножнах покоился долор. Ее кудряшки отросли уже до плеч, завиваясь в крупные мягкие локоны, и в них путалось закатное солнце, делая их золотистыми, словно осенняя листва. На голове ее был венок, пушащийся во все стороны папоротниками, белоснежными цветками жасмина, крохотными голубыми незабудками. И красные ленты, вплетенные в него, опускались ей на спину. А в неглубоком вырезе на крохотной серебряной цепочке покоился оправленный в серебро сапфир, тот самый, что Рада нашла под Эрванским кряжем. Все-таки она уговорила Дару вставить его в оправу, и немногословная кузнец, посмеиваясь, отдала Раде украшение, даже не взяв с нее ничего взамен.

— На счастье, — только и пробубнила она, лукаво улыбаясь себе под нос.

И сейчас ее счастье стояло перед ней, живое, доброе, нежное, как первые лучи рассветного солнца, и на миг сердце в груди Рады замерло. Она с трудом вздохнула, пытаясь осознать, что все это происходит прямо сейчас. На самом деле происходит с ней самой и ее самой яркой на свете искоркой.

Лиара заметила ее и махнула рукой, и они с Торн начали опускаться на землю. Не успели они приземлиться и закрыть крылья, как со стороны становища донесся приглушенный расстоянием звук удара в гонг — сигнал о начале праздника, который дала одна из наставниц Дочерей. Но Рада уже не слышала ничего. Не заботясь о том, кто и что о ней подумает, она распахнула объятия, и искорка со смехом побежала ей навстречу, тоже раскидывая руки. И Рада подхватила ее на руки, поднимая выше, к голубому небу с золотыми облаками по окоему, которые сейчас пылали рыжим пожаром, небу, в котором купались ласточки, и медленно переливалось сладкое лето. Искорка засмеялась, держась за ее плечи, и глаза ее сверкали ярче тысячи солнц.

А потом они встали рядом с другими Ремесленницами и разведчицами, что заключали брак этим вечером. С другой стороны поляны уже собирались Младшие Сестры и Дочери, те немногие разведчицы, что прилетели праздновать День Солнца в становище Ифо. Они все возбужденно гомонили, глазели на брачующихся и еду, на костер и Способных Слышать.

Искорка не сводила с нее глаз, держа ее руку в своей и улыбаясь так счастливо, так радостно. Рада нагнулась и прошептала ей на ухо, поцеловав теплую шею, покрытую мягким пушком:

— Я люблю тебя, моя родная!

— И я тебя, Рада! — голос искорки дрожал, и глаза были мокрыми. — И я тебя! Всем сердцем!

Торн кивнула Раде, подняв сжатый кулак в приветствии. У анай не было обычая, чтобы со стороны жениха и невесты в церемонии принимали участие свидетели, но Рада пояснила Торн, как это происходит в Мелонии, и та неловко держалась рядом с Радой все это время, не совсем понимая, что ей делать и как себя вести. Рада тепло улыбнулась ей в ответ. За эти полтора года они по-настоящему сдружились с немногословной первым клинком, и Раде было дорого, что именно она провожала ее сюда, на свадьбу.

— Роксана, это происходит на самом деле!.. — выдохнула рядом искорка, буквально озвучив мысли Рады.

Они смотрели друг на друга во все глаза, смотрели и никак не могли насмотреться. И весь мир вокруг них буквально исчез, став одной лишь плавной мелодией, одной единственной песней, в которой мешались улыбающиеся лица анай, теплое летнее небо, наползающие сумерки, первые аккорды музыки, которую начали наигрывать музыканты, запах жасмина, теплый ветер, что путался в волосах у искорки и раскачивал зеленые ветви папоротника в ее венке, заставляя их щекотать щеку стоящей рядом с ней Рады. Ох, Великая Мани! Как же Твои дороги привели нас сюда? Как же все гладко сложилось в Твоих ладонях, как красиво сплелось! Никогда я не думала, что это возможно, но как и всегда, Ты показываешь мне, что ничего невозможного нет.

Из нежности на дне звездчатых зрачков искорки, в которых плавилось золотом их общее сердце, ее вырвал голос Лэйк. Рада встрепенулась, вскинула глаза, глядя, как царица Каэрос выступает вперед и поднимает руки, а Держащая Щит занимает место справа от нее. Все вокруг затихли, дожидаясь ее слова.

— Солнцеликая, Яростная, Дарящая Жизнь и Жизнь Отнимающая! Сегодня мы славим Тебя! Сегодня Твои крылья застилают все небо, а огненный щит правит землей, водой, небом и светом! Услышь, как поют Тебе Твои дочери, пошли нам свет Твоих яростных глаз!

Низкий голос Лэйк звучал отчетливо и громко в опустившейся на поляну тишине. Но как только она договорила, дружный рев Каэрос буквально грянул в стоячем теплом воздухе, сотрясая небо и землю.

Роксана, это происходит с нами! Это происходит!..

— Сегодня Твои дочери просят у Тебя благословения! — вновь зазвучал голос царицы. — Просят тепла и света, которые посылаешь только Ты, просят дочерей, которых посылаешь только Ты! Взгляни на своих Дочерей, Роксана!

Пары в алом и черном потянулись вперед, навстречу царице и Держащей Щит, и Рада, сжав ладонь искорки в своей и ощущая, как бешено колотится в груди сердце, тоже пошла вперед. Лэйк смотрела на нее своим единственным льдисто-голубым глазом и улыбалась. И Саира рядом с ней улыбалась, хоть на ее лице улыбка больше походила на оскал, а все-таки сейчас в нем было обращенное к молодым тепло. Они прошли мимо скалоподобной первой нагинаты, пробормотавшей под нос пожелания счастья, мимо Торн, которая обнимала за плечи нимфу, а та держала на руках их маленькую среброволосую девочку с глазами черными, как два уголька. Мимо многих и многих анай, что стали за эти годы родными Раде.

И она ощущала, что с каждым шагом дрожит все сильнее, как будто силы оставляют ее, буквально впитываясь в землю.

Наконец они выступили вперед и вместе с другими брачующимися опустились на колени перед царицей. Рада едва сознавала себя. Все происходящее сейчас казалось ей сном, а глаза искорки — двумя огромными солнцами, рухнувшими из невыносимой дали на землю и прожигаящими ее нутро. Уши забил странный приглушенный шум, как одна единственная волна низкого, но при этом удивительно нежного звука, и Рада не слышала ничего, кроме него. Она только держала в своих ладонях теплые ладони искорки и задыхалась, задыхалась от золота, которое...

Она так и не поняла, как это произошло. Только все вокруг засияло, засветилось, вспыхнуло. Вполне различимое обычному человеческому глазу золотое сияние опустилось на них в полной тишине, ласково и медленно, обнимая их, укрывая под своим крылом. Только Рада видела и еще что-то. Два огромных огненных крыла, два глаза, что пылали ярче тысячи солнц. Огненная нить, которая появилась из ниоткуда, и обвязала их запястья, накрепко обвязала. Рада даже ощутила на ладони резкую боль, как от ожога, которая моментально прошла. Еще раз полыхнули пламенники-глаза, а потом звук вернулся, доходя до нее откуда-то издали, наплывая подходящей волной. И свет медленно стал тише, тише, а потом и вовсе исчез.

Искорка смеялась, и по щекам ее текли слезы. Анай вокруг улюлюкали, свистели, хлопали в ладоши, шумели оружием. Вдруг откуда-то сверху хлынул целый водопад цветочных лепестков, и они падали вокруг, путаясь в кучеряшках ее жены, спадая на плечи самой Рады. Она, будто пьяная, совсем не понимала, что сейчас происходит, и только смотрела, смотрела широко раскрытыми глазами, пытаясь навечно запечатлеть в памяти каждое мгновение всего этого волшебства.

— Роксана принимает вас, дочери Каэрос! Благословенен ваш союз и благославенны ваши дети, рожденные в нем! — провозгласила Лэйк над ее головой.

И вновь посыпались лепестки, а искорка прижалась к ней, пряча лицо у нее на груди. Рада бестолково улыбалась анай, которые продолжали поздравлять их и швырять в воздух полные пригоршни разноцветных лепестков, одни Богини знали, откуда взявшихся. И все никак не могла поверить в то, что только что случилось. А рука ее красноречиво пульсировала огнем в том месте, где Сама Огненная связала их запястья невидимой нитью.

Дальше был праздник. Запылал разожженный костер, молитвы Способных Слышать потянулись вместе с жадными красными языками костра к звездному небу, закружились в танце обнаженные Жрицы, славя свою Богиню. Полилось рекой вино, затрещали на огне бараньи туши, и друзья потянулись к Раде с Лиарой, чтобы поздравить их со свадьбой. И искорка была рядом с ней, самая красивая, самая желанная, раскрасневшаяся от волнения, с золотыми кудельками, по которым скользили отсветы огромного ночного костра.

Как бы Рада ни старалась запомнить тот вечер, а все в нем сплелось в одну единственную волшебную песнь, золотую песнь счастья, любви, радости, Песнь Жизни. Перед глазами проносился калейдоскоп огней, красок и лиц, лишь одно из которых имело настоящий смысл, лишь одни глаза наполняли все ее существо бескрайней нежностью. И летняя ночь пахла так густо ипряно, была столь сладкой, столь тихой, что хотелось плясать, запрокидывая голову в небо, кружиться под этими звездами, что спелая вишня — протяни руки, да рви с неба. И Рада плясала, поднимая свою искорку на руках и протягивая ее под свет звезд, и искорка смеялась, а потом целовала ее, крепко и сладко, и никто не обращал на

них никакого внимания, потому что все сейчас праздновали любовь и радость долгой летней ночи.

Когда уже совсем стемнело, далеко за полночь, искорка потянула ее за собой прочь из кутерьмы танца, смеха, веселья. Хмельная больше от счастья, чем от выпитого, от нежности и сладости всего происходящего, шатаясь и задыхаясь от пульсирующего в груди золота, Рада буквально вынырнула следом за ней из шума праздника. Держась за руки и не сводя друг с друга глаз, они зашагали прочь, под темную ночь, что клубилась у корней деревьев и кружилась мотыльками в стоячем воздухе.

Искорка привела ее на берег озера, тонущего в ночной тишине и темноте. Стоячая черная вода пахла прохладой, над самой ее поверхностью бесшумной тенью скользила летучая мышь. Словно ресницы озеро со всех сторон обхватывали заросли плакучих ив, и в полном безветрии к земле спускались их ветви, образуя шатры из тонких зеленых занавесей. Над горами на западе висела луна, и белая дорожка ложилась на черную воду, не колеблемая ни единым прикосновением ветра, и в ее луче мягко покачивались на воде большие ночные цветы.

Лиара смотрела на нее так, как умела смотреть лишь она: мягко, зовуще, с призывным светом, что горел на самом дне ее темных глаз. Рада не могла наглядеться на нее, на свою жену, суженную ей до самого конца мира. Она самыми кончиками пальцев дотрагивалась до ее лица, гладила его изгибы и целовала запредельные штормовые глаза искорки, и ее тонкие пальцы, и ее горячие губы. И теплая летняя ночь обняла их обеих своими мягкими крылами, укутав нежностью и тишиной на берегу тихого ночного озера, как будто на самом краю мира, где лишь они одни под звездами любили друг друга, искренние и чистые, как утренняя роса.

А на утро, когда первый туман ложился на черную воду, и над краем мира в нежном розовом бархате загорался краешек солнца, Рада едва слышно шептала, глядя в глаза искорки и пропуская пальцы сквозь ее спутавшиеся волосы:

— Я люблю тебя, моя небесная рассветная зоренька. И я буду любить тебя всегда.

И искорка смеялась, мягкой щекой прижимаясь к ее ладони, словно доверчивый теплый котенок.

===== Эпилог. Крик =====

Крики разрывали на части морозный воздух, а вместе с ними обливалось кровью сердце Рады. Над головой ее растянулось бесчувственное равнодушное небо, бледно-голубое, такое высокое и холодное, что в нем запросто можно было утонуть. Ослепительно сверкало солнце на уже успевших слегка просесть под его первыми лучами сугробах. Но зима все еще не желала ослаблять хватку и уходить, хоть ее время уже прошло, хоть весна неумолимо и звонко ступала, как Роксана по небу, топя снега, заставляя звенеть ручьи, пробуждая в сердце щемящую звенящую песню, унять которую не было никаких сил.

Ноги Рады увязали в сугробах, пока она раненым зверем металась у крыльца Дома Жизни, где в тепло натопленной комнате, отделенная от нее толстыми бревнами стены, ее маленькая искорка вот-вот должна была дать жизнь их дочери. И проклятые бездушные Способные Слышать не пустили ее к искорке, чтобы в этот миг быть с ней. Чтобы держать ее руки и шептать, что все будет хорошо, чтобы сжимать ее плечи и поддерживать хотя бы так, раз никак по-другому Рада поддержать ее не могла. Только золотой комочек в груди нестерпимо сиял, словно кто-то бросил ей под ребра уголек из самого сердца костра, и в этом угольке скручивалась напряженной, готовой к броску гадюкой боль ее девочки.

Крик Лиары звучал в ее ушах, громом прокатывался сквозь все ее существо, и Раде казалось, что он гораздо громче, чем есть на самом деле. И она то и дело застывала на месте, громадными глазами глядя на заснеженные стены Дома Жизни, и кляня весь мир за то, что не может видеть сквозь них.

А порой ей казалось, что вместе с искоркой кричит и заснеженный лес, с таким трудом стряхивающий с себя оцепенение зимы, и горы, что плотным кольцом обступали укрытую белым одеялом долину, и ослепительные лучи солнца, сверкающие так нестерпимо остро, что больно было смотреть. И мир кричал от боли, весь мир, вместе с разрывающимся сердцем Рады, вместе с ее девочкой, которая застыла на опасной грани между жизнью и смертью, в единственный миг, такой важный, такой завораживающий и такой простой, миг, когда рождалась новая жизнь.

В холодной келье сырой башни, над которой по темному вечернему небу тянулись облака, ворочался на своей постели Провидец. Луна заглядывала в его окна, и рваные обрывки туч то и дело прикрывали ее коварный бледный глаз, которому не терпелось высмотреть, что же так мучает мальчика. А он тяжело дышал и ворочался сбоку на бок, чувствуя боль, странную боль во всем теле. И другой глаз виделся ему в этот миг, еще более страшный и неумолимый, чем тот, что порой прятался в толстой пелене весенних промозглых туч. Глаз, глядящий сквозь время и пространство, глаз, который не закрывался никогда.

В сводчатой пещере вокруг треугольного стола расположились три силуэта. На столе стояла прялка, тихо стрекочущая в полной тишине, постукивающий ткацкий станок, и порой их песню дополняло тихое «кляц-кляц» бритвенно-острых ножниц со светящейся заостренной кромкой.

Все вокруг покрывала мягкими золотыми переливами света кудель, сплетенная из рассветных облаков, пойманных кем-то в ладони в тот самый миг, когда первый луч рожденного солнца пронзает их насквозь и наполняет плавленным металлом и звонким торжеством новой жизни. Девичья рука с кожей нежной и розовой, словно наливной персик, мягко брала эту кудель, вошила между пальцами, плела, и веретено тихо довольно стрекотало в ответ мастерице, позволяя прясть золотую сияющую нить. Эта нить тянулась и тянулась к ткацкому станку, и на этот раз ее касалась уже другая рука. Рука взрослой женщины, полная силы, грации, красоты. Ее пальцы работали споро и ладно, и дивный узор сползал вдоль острой грани стола с ткацкого станка, ткань, переплетенная из живых нитей, одни толще, другие тоньше, одни сияют как солнце, другие темны и тихи. Ткань сама собой ползла вдоль стола к иссушенной старческой руке, в которой были зажаты ножницы, и когда приходило время, эти ножницы неумолимо прижимали ткань, и сухое «кляц-кляц» добавлялось к задумчивой трескотне прялки.

А остатки нитей, обрезки тканей падали вниз, на пол, превращаясь вновь в рассветную кудель, золотую и легкую.

Лица женщин скрывали низко надвинутые капюшоны, и лишь руки двигались в неумолимом бесконечном танце. И что-то еще, было что-то еще, что мучило и терзало...

...маленького мальчика, стонущего на кровати, который никак не мог найти себе места. В бледном свете луны, что падал на него через окно, он с открытыми глазами грезил и слышал крик.

Этот крик рождался в немислимой дали эпох, в толще лет столь громадной, что его корни давным-давно в пыль перемололо само время, искрошило и развеяло по ветру. Чья

глотка первой издала его? Чья бесконечная боль изливалась в этом крике? Чье горло содрогалось от предельного напряжения связок? Чья грудь рвалась и рвалась в этом бессловесном вопле, которому не было имени, которому не было слов?

Был ли то первый сын, отлученный от матери, упавший в грязь на колени и поднесший дрожащие ладони к лицу, не в силах понять, кто он? Была ли это первая мать, тяжело дышащая на смертном одре, впервые чувствовавшая, как жизнь отчаянно борется со смертью, и миг за мигом смерть побеждает? Был ли это мальчишка, что выбежал на белоснежный песчаный пляж, на котором дышит море, и завопивший от счастья навстречу этим неумолчным волнам? Или белая чайка, что парила над его головой в синем небе?

Сколько было пройдено дорог с тех пор? Сколько лиц надевал на себя этот крик? В какую плоть он облачался? Он был и королем, и нищим, он вскидывал гордую голову в золотом венце, и в грязном рубище он просил подаяния. Он боролся с отчаянным безумием юности, он падал в бессилии старика. Он звучал в сладостных столах любви, в полных страданиях столах боли. От дыхания к дыханию, от сердца к сердцу, от глаз к глазам он рос сквозь тысячи лет и жизней, сквозь тысячи веков и дорог.

Один единственный, бессловесный и страшный. Крик, сдирающий плоть, крик, не знающий лжи, крик требовательный, как глаза смертника, как открытый рот голодного младенца. Из бессилия и страха, из ужаса и боли, крик из смерти, которая корчилась в своей вечной агонии, напяливая на себя отвратительную маску жизни. Крик, который больше невозможно было заглушить ничем.

Вздрыгнули Марны в далекой пещере вне времени, и рука Девы замерла над золотой куделью, замолчала прялка Матери, а ножницы Старухи перестали клацать. Крик ворвался в их пещеру весенним ветром, яростным ураганом, сладостью первого дождя. И один глаз, что был сейчас на лице Марны Девы, единственный глаз, принадлежащий им трем, поднялся вверх вместе с тремя лицами, на которых застыла немая тревога.

Крик взметнулся еще выше, туда, где уже нет никаких границ, где уже не существует противоречий, где есть все, собранное в одно золотое семя. И там, в немыслимой голубой тишине, родился ответ. Наперекор всему, против вековых оков, против скреп, против цепей, что туго перетянули грудь земли, не давая ей раздуться и сделать вздох. Как было задумано в самом начале, за то, что было выстрадано, за то, что было выдюжено, пришел ответ.

И золотая капля вечности начала падать вниз. Она летела немыслимо долго сквозь небеса столь тонкие, что у них нет границ, сквозь белоснежную ширь и задумчивую синь, сквозь золотые поля радости, полнящиеся солнцем, сквозь черные каверны ужаса, в которых нет ничего, кроме боли.

С каждым мигом она летела все быстрее, словно рвущийся из глубин земли крик подгонял ее, кусал за пятки, хватал клыками за бока. В своем стремительном падении она разделилась на две капли, и эти капли теперь летели рядом, закручиваясь друг вокруг друга по спирали, стремясь все быстрее и быстрее, все скорее.

В конце концов, они превратились в одну ослепительную точку солнца, которая с неумолимостью весны рухнула вниз...

Мальчик на кровати вскочил, сбросив одеяло и дыша, хватая холодный ночной воздух широко открытым ртом. Глаз Марны в его лбу широко открылся, и она глядела на мир, впервые обескураженная, вновь удивленная, наконец-то расслышавшая крик.

Кричала женщина в маленьком, сложенном из бревен домике посреди гор, и другие

женщины в белых балахонах обступали ее со всех сторон, а за стенами домика в отчаянье металась третья женщина, и сердце ее рвалось на части. Кричала женщина в крошечной избушке на самом краю старой деревни, и повитухи возле нее шептали молитвы Милосердному Громовержцу, а ее муж не находил себе места, меряя широкими шагами тесные темные сени.

На миг все замерло, будто ничего и не было в мире больше, и лишь слышалось громкое дыхание маленького мальчика посреди темной весенней ночи.

А потом две капли ослепительного солнца рухнули вниз и взорвались всепобеждающим сиянием жизни. Две пары глаз распахнулись навстречу миру, такому пугающему, такому ужасающе новому, такому невыносимо старому, карие и серо-голубые. И две крохотные глотки, впервые сделав один единственный синхронный вздох, отчаянно закричали, все громче и громче, и громче...

От этого грома, казалось, дрожала земля, и сияние, что лилось от них, затмевало собой все небо.

Губы мальчика дрожали, да и сам он дрожал на холодном ветру, что врывался сквозь распахнутое сквозняком окно. Старый служка, заслышавший грохот распахнувшегося окна, вбежал в полутемную келью, но больше не смог сделать ни шага, буквально придавленный к полу вязкой атмосферой и пронзающим до костей взглядом глаза Марны во лбу Провидца.

Губы мальчика раскрылись, выдохнув облачко пара. И вновь зашевелились, едва слышно прошептав:

— Ответ пришел. Аватары Создателя возродились.

Больше книг на сайте - Knigolub.net